

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

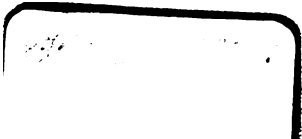
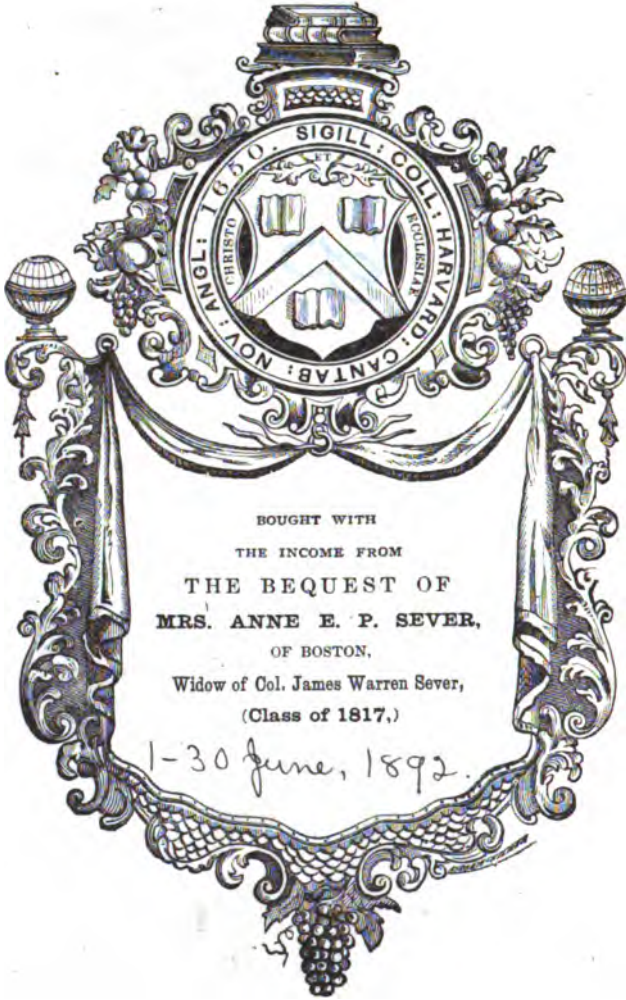
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PS/aw 176.25

~~Ed. Oct. 1892.~~

Bd. Oct. 1892.

1892 май

МАЙ 1 1892

СЕРИЯ 3

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-Я.

МАЙ, 1892.

3

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство Шенкманъ

В. Шенкманъ

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1892.

Стр.

I.—ВАСИЛІЙ ТЕРКІНЪ.—Романъ.—Часть III и послѣдняя.—I-XX.—П. Д. Бабарыкина	5
II.—ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКІЙ, АПОСТОЛЪ НИЩЕТЫ.—XIII-й вѣкъ.—В. И. Герье	86
III.—МАГАЛИ.—Провансальская пѣсня.—Бората Бера	112
IV.—ВЕРНУЛАСЬ.—Разсказъ.—Ф. А. Шапуръ	115
V.—НА АФОНЪ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—X-XI.—Окончаніе.—А. Ф. Брандта	187
VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Не пицетъ. II. Закатъ горѣлъ.—С. Фруга	215
VII.—РЕЛИГИЯ ИНДУСОВЪ ВЪ ЭПОХУ ВЕДЪ.—VIII-IX.—Окончаніе.—Дм. Овсеповико-Куликковского	217
VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Изъ Микель-Анджело: I. Флоренція и испанія. II. Советъ. III. Отвѣтъ на письмо. IV. Santa-te-vivege.—Вас. Величко	243
IX.—ПИСЬМА С. П. ВОТКИНА ИЗЪ БОЛГАРИИ.—21-26.—	246
X.—ВИНОГРАДНИКЪ НАВУБЕЯ.—Романъ Сомервилла и Росса.—IX-XV.—А. Э.	268
XI.—ТЕОРИ ОБЩЕСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА.—Ант. Будиловича, „Общеславянскій языкъ“.—П.—Окончаніе.—А. Н. Пышина	302
XII.—ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ.—Кн. Ак. Церетели: I. Любовь—божественный вайтъ. II. Переселенцы.—Як. Пвашкевича	342
XIII.—ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.—„Неурожай и народное бѣдствіе“.—Л. З. Слонимскаго	345
XIV.—ХРОНИКА.—По исполненію государственной росписи на 1891 годъ.—Ф.	365
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вемскія изслѣдованія о причинахъ, обострившихъ дѣйствіе неурожаа—Исторія продовольственной организаціи въ луковскомъ уѣздѣ.—Общія заключенія, къ которымъ эта исторія приводитъ.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ 1-му апрѣля.—Приостановка переселенческаго движенія	372
XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Празднованіе перваго мая въ рабочемъ населеніи западной Европы.—Характеръ и смыслъ этого праздника.—Попытки крайнихъ элементовъ рабочаго движенія.—Авархисты и динамитныя покушенія.—Дѣйствительная роль динамитчиковъ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Министерскій кризисъ въ Италіи	395
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. В. Гоголя. Дополн. томъ, вып. I.—Очерки Гоголевскаго періода, изд. М. Чернышевскаго.—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джалиева.—Кіевскій Сборникъ, п. р. И. Лучинскаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры	405
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La démocratie Ibérique, par E. Vacherot.—II. La Transcaucasie et la péninsule d'Archéron, par C. Gulbenkian.—Л. С.	424
XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый видъ „откровеннаго направленія“.—Проповѣдники „казенности“ и „подчиненности“.—Борьба противъ „формъ“, ограничивавшихъ „усмотрѣніе“.—Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей.—Графиня Ел. В. Салъсъ ф.	428
XX.—БВЕЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—О споминіяхъ Россіи съ Франціей, П. В. Безобратова.—Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ, Э. К. Ватсона.—Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 81.—Крестовскій, В. (вспоминіяхъ). Собраніе сочиненій, т. I, II и III.	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ц Ы

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LVI. — ТОМЪ CCCXXIX. — 1/2 МАЯ, 1892.

594 - 60 / 2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулочъ
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

PSlav 176.25

802, 801 - 80.

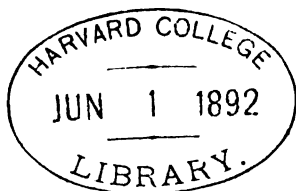
Синько

+31:84

~~Слав 3012~~

(1934)

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

I *).

Раннее половодье залило низины плоскаго побережья Волги, вплоть до села Заводнаго. Нагорный берегъ зеленѣлъ, покрытый на нѣсколько десятинъ паркомъ, спускавшимся къ рѣкѣ, до узкой песчаной дороги.

Паркъ этотъ раздѣляли глубокія балки, обросшія дубомъ и кленомъ, мѣстами березой. Наверхъ шли еще влажныя дорожки, вдоль обрыва и крестъ-на-крестъ въ площадѣ, гдѣ между двумя липовыми аллеями помѣщались качели. Остатки клумбъ и заросшія кусты выказывали очертанія барскаго цвѣтника, теперь запущеннаго.

Въ глубинѣ желтѣлъ двухъ-этажный домъ, съ террасами, каменный, давно не крашеный. Верхній этажъ стоялъ на зиму заколоченный, да и теперь — съ закрытыми ставнями. Позади, вправо и влево, шли службы, обставляя обширный дворъ съ выѣздомъ на проселочную дорогу. На горизонтѣ синѣли лѣса.

Въ креслѣцѣ качель сидѣла и покачивалась, въ короткой темной кофточкѣ и клетчатой юбкѣ, съ шапочкой на головѣ, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, не очень рослая. Свѣжія щеки отъ звалились еще дѣтствомъ — и голубые глаза, и волнистые свѣтлые волосы, низко спадавшіе на лобъ. Руки и ноги свои, ма-

*) См. выше: апрѣль, 584 стр.

ленькія и также по-дѣтски пухлыя, она неторопливо приводила въ движеніе, а пальцами рукъ, безъ перчатокъ, перебирала, держась ими за веревки, и раскачивала то одной, то другой ногой.

Нѣсколько ямочекъ смѣялись на ея личикѣ, ~~отъ~~ самыми глазами, и по срединѣ щекъ, и даже на подбородкѣ. Глаза — широко разрѣзанные, прозрачныя — переходили отъ одного предмета къ другому, отъ дерева къ травѣ, и дальше къ скамьѣ, стоявшей на обрывѣ, въ полукругѣ низкихъ кустовъ, еще туго распускавшихъ свои почки.

Солнце начало печь — шелъ первый часъ дня.

Дѣвушка изрѣдка щурилась, когда поворачивала голову въ сторону дома, гдѣ былъ югъ. Ея высокая грудь вдыхала въ себя струи воздуха съ милымъ движеніемъ рта. Розовыя губы ея замѣтно раскрывались и ротъ оставался полуоткрытымъ нѣсколько секундъ — а изъ него выглядывали тѣсно сидящіе зубы, блестящіе на солнцѣ.

Гулять по парку было еще сыро. Внизъ, къ рѣкѣ, она не рѣшалась спускаться одна. Вотъ послѣ обѣда, когда ея старшая тетка ляжетъ отдохнуть, она пойдетъ къ рѣкѣ, если подѣдетъ Николай Никанорычъ къ обѣду.

Николай Никанорычъ живетъ у нихъ вторую недѣлю, во флигелѣ. Онъ — землемѣръ. Фамилія его Первачъ. Такая странная фамилія! Она его спросила какъ-то: чтѣ это значитъ „Первачъ“? И онъ ей объяснилъ, что такъ называется какая-то мука, — пшеничная, вѣжется. Этотъ Первичъ красивъ — даже очень красивъ — брюнетъ, волосы вьются, бородка клинушкомъ и на щекахъ коротко подстрижена. Одѣвается „шикозно“.

Это слово „шикозно“, какъ и много другихъ, она вывезла изъ губернскаго института. Давно ли былъ выпускъ, актъ и балъ?.. Всего какихъ-нибудь три мѣсяца съ небольшимъ, передъ масляницей. Онѣ — въ старшемъ классѣ — всѣ носили при себѣ маленькіе календари и отмѣчали крестикомъ каждый протянувшійся день. Приѣхали за ней папа и младшая тетка, Марѳа Захаровна, съ няней Ѳедосѣевной, нашивали платья, бѣлья, каждый день ходили портнихи и приващики изъ магазиновъ. Медали она не получила; только награду — похвальный листъ и книги — сочиненія Пушкина, съ позолоченнымъ обрѣзомъ. Она сама удивилась, что кончила съ наградой. Могла бы поступить на какіе-нибудь курсы, въ Москвѣ или Петербургѣ. Но ее совсѣмъ туда не тянуло. Лучше своего губернскаго города она ничего не знала. Такъ ее всѣ любили и въ институтѣ, и въ городѣ. Прожили они цѣлый мѣсяць; были пивники, вечера въ клубѣ; три раза ее возили въ театр; она

видѣла цѣлыхъ три оперетки и по слуху до сихъ поръ напѣваетъ оттуда. Ночь не успѣла найти. Папа потомъ привезъ ее сюда, въ усадьбу, гдѣ она давно не бывала. Одно лѣто проболѣла. Ее не брали на вакаціи. Потомъ ѣздила въ Самару, на кумысь. Вотъ съ тѣхъ поръ она такъ поправилась. Прошло все: кашель, простуды, головныя боли, сердцебіеніе. Въ институтѣ думали, что у нея будетъ чахотка, а теперь она — „кубышка“.

Такъ прозвали ее подруги, особенно одна, Маша Холтіопова. Та всегда была больная, бѣлая, точно молокомъ налитая, съ чудной таліей. Онѣ клялись писать другъ другу каждую недѣлю. Первые два мѣсяца писали, потомъ пошло туже.

Да и о чемъ писать? Съ тѣхъ поръ, какъ она въ Заводномъ, день за днемъ мелькаютъ — и ни за что нельзя зацѣпиться. Спать можно сколько хочешь, пожалуй, хоть не одѣваться, какъ слѣдуетъ, не носить корсета. Гости — рѣдки... Предводитель заѣзжаетъ; но онъ такой противный — слюнявый и лысый — хоть и пристаётъ съ любезностями. Папа по дѣламъ часто уѣзжаетъ въ другое имѣніе, въ Кошелевку, гдѣ у него хуторъ; въ городѣ тоже живетъ цѣлыми недѣлями. Зачѣмъ? Она не знаетъ, кажется, онъ нигдѣ не служить.

Ей давно уже сдается — это еще въ институтѣ было — что папа сталъ съ ней не такъ ласковъ, какъ прежде. Онъ ни въ чемъ ей не отказываетъ и карманныхъ денегъ даетъ — только не на что ихъ тратить; но прежде чаще ласкалъ и спрашивалъ обо всемъ. Теперь — нѣтъ. И она совсѣмъ его не знаетъ, какой онъ: добрый, злой, умный или глупый. Письма ему она писала, и въ послѣдній годъ передъ выпускомъ — коротенькія, не умѣла его ни о чемъ выспросить — любить ли онъ ее по прежнему. Здѣсь она, когда бываетъ съ нимъ наединѣ, чувствуетъ себя маленькой-маленькой. Ничего у нея не выходитъ — никакого серьезнаго разговора. Оттого, должно быть, что она еще не вышла изъ малолѣтокъ.

И да, и нѣтъ. Какая же она маленькая? У нея — особенно здѣсь, въ деревнѣ — такія грезы по ночамъ. Проснется, или вся въ слезахъ, или съ пылающими щеками, и начнетъ цѣловать подушку. Вчера видѣла Николая Никанорыча въ его синемъ галстухѣ съ золотыми крапинками.

Вотъ и теперь этотъ сонъ прошелся весь передъ нею, и ей уже менѣе стыдно. Она сильно обрадуется, если онъ вдругъ подойдетъ къ качелямъ и скажетъ своимъ пріятнымъ голосомъ:

— Александра Ивановна, позвольте?..

И начнетъ качать высоко-высоко. У нея на сердцѣ за-

холодѣть, голова сладко закружится, въ шеѣ и въ груди точно что-то защекочетъ. Она зажмуритъ глаза—и плыветъ, плыветъ. Такъ чудесно!

Они поютъ вмѣстѣ. Николай Никанорычъ умѣетъ ноты разбирать бойчѣе, чѣмъ она, хотъ ее и учили въ институтѣ, и въ хорѣ она считалась изъ самыхъ лучшихъ. И когда имъ нужно взять вмѣстѣ двойную ноту, на которой есть задержка, она непременно подниметъ голову; его черные глаза глядятъ на нее такъ, что она вся вспыхнетъ и тотчасъ же начнетъ ужасно громко стучать по клавишамъ.

Нянька Ѳедосѣевна ворчитъ подъ носъ, что онъ, „землемѣришка“. Во-первыхъ, онъ не просто землемѣръ, а ученый, таксаторъ. Папа его очень уважаетъ и выписалъ для важной работы: разбить на участки лѣсную дачу, тамъ за дорогой. Онъ за это большія деньги получить. Да и чтѣ слушать Ѳедосѣевну. Она только смущаетъ ее. Все какіе-то намеки, которыхъ она не понимаетъ. Про мамашу вспоминаетъ безпрестанно. Даетъ понять, что тети—особенно Павла Захаровна—совсѣмъ обошли папу. А настоящаго не говорить, да и не хочется допытываться. За чѣмъ? Только себя разстроивать.

Мамашу она еле помнитъ. Сама была еще очень маленькая. Тетки ее баловали—это она помнитъ, и въ институтъ отдали ее не насильно—ей самой хотѣлось носить голубое платье съ бѣлой пелеринкой.

Ну, что-жъ изъ того, что тетя Павла—сухоручка, хромяя и перекошенная, и язва у нея съ язвой? Замужъ ее никто не взялъ—всѣ старыя дѣвы такія. Но ее она не грызетъ. А тетя Марѳа—такъ и совсѣмъ добрая. Любитъ поѣсть, и наливки любить... Что-жъ?.. Она сама—лакомка. И наливки ей нравятся всякія: сливянки, вишневки, можжевеловки. У тети Марѳы въ спальнѣ—цѣлыя бутылки. И какъ тамъ хорошо, въ послѣобѣденныя сумерки, полакомиться и выпить рюмочку, лежа на кушеткѣ! Тетя все спрашиваетъ про Николая Никанорыча—нравится ли, видитъ ли его во снѣ, не хочетъ ли погадать на трѣфоваго короля?

Трѣфовый король—это Николай Никанорычъ.

И начнетъ гадать, за овальнымъ столомъ. Подадутъ свѣчи. Въ спальнѣ такъ тихо и такъ вкусно пахнетъ—вареньемъ, смоквой, вишневкой. Тетя—въ блузѣ, вся красная, щеки лоснятся и глаза немножко посоловѣли—наклонится надъ столомъ и такъ ловко раскладываетъ карты.

— Исполненіе желаній, марьяжъ, письмо, настоящее, будущее, неожиданный ударъ.

Эти выраженія выговариваетъ она съ придыханіемъ. И всегда выходитъ хорошо—марьяжная карта выпадаетъ непременно на самое сердце червонной дамы; а червонная дама—это она, Саня.

— Скоро, скоро твоя судьба рѣшится, Санечка,—подмигивая, говорить тетя Марѳа.

Она и сама точно немного влюблена въ Николая Никаноровича: одѣвается въ обѣду въ шолковый капотъ съ пелериной и на ночь городки себѣ устроиваетъ каленой шпилькой. Да и тетя Павла, когда себя получше чувствуетъ, съ нимъ любезна, повторяетъ все, что по нынѣшнимъ временамъ такими молодыми людьми грѣхъ пренебрегать.

— Ты, Саня, не воображай себя богатой невѣстой,—не дальше какъ вчера сказала она ей.—Твой отецъ еще не старъ, и жениться можетъ въ другой разъ; а своего у тебя отъ матери ничего нѣтъ. Вотъ мы разборчивы были, и остались въ дѣвкахъ.

Она говоритъ: „въ дѣвкахъ“, и горничныхъ называетъ — „дѣвки“. Отъ ея голоса, сѣрыхъ глазъ, всего тона—приходится иногда жутко; но къ ней она не придирается, не ворчитъ, по цѣлымъ днямъ ея не видно—все ей нездоровится. Только и ей слышится, что нянька Федосѣевна права: „сухоручка“ держитъ папу въ рукахъ и безъ ея вѣдома ничего въ домѣ не дѣлается.

Умри тетя Павла—она не стала бы долго плавать!.. Да и по комъ она убивалась бы?.. Ей часто кажется, что она—„сушка“: такъ въ институтѣ звали тѣхъ, у кого сердца нѣтъ или очень мало.

II.

— Саня, а Саня!.. Ты здѣсь?.. На качеляхъ?.. Обѣдать скоро!.. Николай Никаноричъ подъѣхалъ.

Съ балкона доносился жирный голосъ тети Марѳы.

Саня обернулась и, не вставая съ качель, крикнула:

— Слышу, тетя, сейчасъ!

Марѳа Захаровна, въ капотѣ съ пелеринкой изъ вѣтчатой шерстяной матеріи, пестрѣла огромнымъ пятномъ между двумя колонками балкона—тучная, съ сѣдѣющей головой и красными щеками, точно смазанными масломъ.

— Иди!..

Пестрая глыба скрылась, и Саня ступила на дернъ и оставила веревки качель.

Ручки у нея дивовиыныя по своимъ дѣтскимъ размѣрамъ, бѣлыя и пухленькія, всѣ въ ямкахъ, на суставахъ. Она расправила пальцы и щельнула ими. Отъ держанія веревокъ на нихъ оставались слѣды.

Николай Никанорычъ восхищался ея руками. Ей это казалось немного страннымъ. Она считала почти уродствомъ, что у нея такія маленькія руки. Даже перчатки надо было выписывать изъ Москвы, когда она выходила изъ института. Совсѣмъ дѣтскія! Но все-таки онѣ нравятся, и Николай Никанорычъ нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ что-нибудь такое и смѣшное, и лестное насчетъ ея „рученокъ“.

Къ обѣду она уже одѣлась. Развѣ поправить волосы—и можно въ нихъ вволоть цвѣтной бантикъ.

Она пошла лѣвнвой поступью въ дому—уточкой, съ перевальцемъ. Ростъ у нея былъ для дѣвушки порядочный, но она казалась гораздо ниже отъ пышности бюста и круглыхъ щекъ.

Съ балкона дверь вела прямо въ залу, служившую и столовой, отдѣланную кое-какъ, точно въ домѣ жили только по лѣтамъ, а не круглый годъ. Стѣны стояли голыя, съ потусклыми обоями; ни одной картинки, окна безъ гардинъ, вдоль стѣнъ вѣнскіе стулья и въ углу буфетъ—неуклюжій, рыночной работы.

Комнатка ея помѣщалась слѣва, черезъ корридорчикъ отъ комнаты тети Павлы. Изъ передней ходъ въ кабинетъ отца, въ глубинѣ—гостиная и спальня тети Марѳы, просторная, съ запахомъ наливокъ, самая „симпатичная“, какъ называла ее Саня.

Столъ уже былъ накрытъ—круглый, довольно небрежно уставленный. Ножи съ деревянными черенками, не первой чистоты, чернѣй хлѣбъ, посуда сборная. Въ институтѣ ихъ кормили не важно, но все было чище и аккуратнѣе подано... Зато здѣсь ѣды много, и она гораздо вкуснѣе.

Саня до сихъ поръ не знаетъ: богатъ ея отецъ или бѣденъ, какой у него доходъ. Федосѣевна пугаетъ ее, что она окажется безприданницей; на то же намекаетъ тетка Павла Захаровна; но самой ей трудно остановиться серьезно на этомъ вопросѣ. Разспросить обо всемъ она могла бы тетю Марѳу или Федосѣевну, но ее что-то удерживаетъ. Непремѣнно узнаетъ она отъ одной изъ нихъ что-нибудь такое, чтѣ ее совсѣмъ спугаетъ.

Отца она не понимаетъ. Какой онъ? Добрый, злой, очень богатый или такъ себѣ, концы съ концами сводить, хорошій хозяинъ или проживетъ все до тла въ тому времени, когда она выйдетъ замужъ. Ея отецъ вѣритъ въ то, что въ старыхъ дѣвахъ она не засидится. Это просто невозможно! Если у нея и не

будетъ хорошаго приданаго, она все-таки выйдетъ. Нынче и бѣд-ныхъ берутъ. Въ ея классѣ Анночка Каратусова и Маня Але-нина—вернулись съ вакацій невѣстами, и обѣ были бѣдныя, отцы ихъ чиновники въ уѣздахъ, живутъ на одно жалованье, и обѣ онѣ воспитывались на дворянскій, а не на свой счетъ. И теперь обѣ уже замужемъ. А какъ имъ въ невѣстахъ было весело! Сколько онѣ цѣловались съ женихами—тѣ пріѣзжали въ губерн-скій городъ и даже пронывали въ корридоры, что идутъ вдоль дортуаровъ. Особенно Маня такъ вкусно рассказывала—какъ они, въ первый разъ, въ лѣсу, начали цѣловаться, и когда они вер-нулись домой, то сейчасъ побѣжали къ ея матери и она ихъ благословила.

Да, она рѣшительно не знала, какіе они помѣщики—круп-ные или такъ себѣ.

Слыхала она отъ тетки и отъ няньки Федосѣевны, что эту усадьбу—она называется также Заводное, какъ и то большое село, за Волгой—отецъ получилъ отъ дальняго родственника вмѣстѣ съ лѣсомъ. Родственникъ былъ богатый и знатный баринъ, но прожился, и только эта усадьба съ лѣсомъ и осталась—ро-дового. Отецъ приходился и ему чѣмъ-то, и его женѣ, взятой изъ мѣстныхъ дворянокъ, „не важныхъ“, говорила ей какъ-то Федосѣевна. Но тетки и отецъ считаютъ себя древняго рода, самаго коренного въ этомъ лѣсномъ, медвѣжьемъ краѣ. Тетка Павла любитъ распространяться о томъ, будто ихъ предокъ про-вожалъ Михаила Федоровича, когда его выбрали въ Москвѣ на царство, и чуть ли не спасъ его. Можетъ быть, она смѣшиваетъ съ Сусанинымъ. Такъ и Сусанинъ—имъ это учитель въ инсти-тутѣ говорилъ—кажется, совсѣмъ и не спасалъ царя, хотя и есть такая опера, откуда она поетъ арію: „Въ поле чистое гляжу“...

Ей ея фамилія кажется смѣшной и совсѣмъ уже не барской: Чернососная. А тетка Павла и отецъ очень гордятся ею. По-чему?.. „Чернососные“—она знала, чтѣ это такое. Такъ звали въ старину мужиковъ, крѣпостныхъ. И это ей объяснилъ учитель исторіи, когда разъ заболтался съ нею, около доски. Въ классѣ дразнили ее тѣмъ, что она обожаетъ его, а это была неправда. Она обожала батюшку—законоучителя, и на исповѣди чуть-чуть было не призналась ему.

Саня сидѣла передъ зеркаломъ своего туалета и въ головѣ ея всѣ эти мысли завивались клубкомъ, какъ всегда, и она не могла ихъ направить по своему.

Ужъ такая голова. Вотъ и письма когда пишеть—не можетъ

въ порядкѣ все прописать, о чемъ думала вначалѣ. Потому и сочиненія выходили у нея хуже, чѣмъ у многихъ подругъ.

И не хочется ей ни во что проникать, выспрашивать, соображать и оцѣнивать. Непремѣнно что-нибудь огорчить. Думать станешь на ночь—не заснешь. Да и зачѣмъ?

Она и безъ того побаивается тети Павлы. Съ ней она больше молчить, ни однимъ словомъ ей не возражаетъ. Въ домѣ эта тетя—главное лицо, и папа ея побаивается. Всѣ ее считаютъ ужасно умной. Что-жъ тутъ мудренаго? Цѣлые дни лежитъ въ длинномъ креслѣ съ пюпитромъ и думаетъ или книжку читаетъ. Сажала она ее читать себѣ вслухъ, но осталась недовольна.

— Ты, Саня, читаешь, какъ пономарь, все въ одну ноту. Неужели васъ не учили порядочно читать вслухъ?

Разумѣется, никто не училъ. Самъ учитель словесности отвратительно читалъ. Во всемъ классѣ была одна воспитанница—на нее постоянно и взваливали.

Каждый разъ, какъ идти къ обѣду, Саня подумаетъ о своей тетѣ, Павлѣ Захаровнѣ. Къ ней надо зайти поцѣловать ее въ ручку или въ плечо. Что-нибудь она непременно спроситъ: чѣмъ занималась, и выговора не дастъ, а язвительно посмотреть или скажетъ:

— Какой ты птенецъ, Саня! У тебя въ головѣ, кажется, нѣтъ никакихъ собственныхъ мыслей.

Мысли у нея есть, только не умѣетъ она разсуждать вслухъ и даже разсказывать то, чтò прочла.

Ну, да! она лѣнивая. Книжки ее мало привлекаютъ и волнуютъ. До сихъ поръ еще не можетъ одолѣть „Записокъ охотника“ Тургенева. Одинъ разсказъ читаетъ два-три дня. Ей нравится, но залпомъ она не умѣетъ читать. Сейчасъ начнетъ о чемъ-нибудь мечтать, и такъ, глядишь, улетитъ часъ, другой.

Николай Никанорычъ говорилъ, что онъ недавно прочелъ романъ „Отъ поцѣлуя къ поцѣлуу“. Ей совѣстно было попросить этой книжки. А хотѣлось бы почитать ее.

Передъ зеркаломъ Саня не любитъ долго сидѣть. Лицо свое ей не нравится. Слишкомъ свѣжо, кругло, краснощеко. Настоящая „кубышка“. Она находитъ, что у нея простоватый видъ. Но отчего же Николай Никанорычъ такъ на нее посматриваетъ, когда они, у тети Марѣы, сидятъ за столомъ, лакомятся и пьютъ наливку? Ручками ея онъ уже сколько разъ восхищался.

Густую челку свѣтло-русыхъ волосъ Саня расправила гребенкой, чтобы она немножко раздвоилась. На шеѣ у нея ожерелье изъ коралловъ. Лифомъ служитъ шелковый джерси. Это не очень

модно, но съуживаетъ бюстъ, а съ обыновеннымъ лифомъ она ужъ черезъ-чуръ пышна.

Комнату свою Саня содержитъ чисто, сама все прибереть и уложитъ. За ней ходитъ дѣвочка, Параша, изъ крестьянскихъ подростковъ. Но она не любитъ, чтобы Параша торчала тутъ цѣлый день. И Федосѣевну она рѣдко допускаетъ. Та живетъ во флигелѣ. Нянькой своей она не гнушается, но не любитъ, чтобы та смущала ее разными своими разговорами о мамѣ да намеками, какихъ она не желаетъ понимать.

Ея кровать, съ бѣлымъ пологомъ, занимаетъ половину стѣны, смежной съ гостиной, гдѣ стоитъ рояль. На немъ играла ея мама. Онъ немного уже дребезжитъ; она не просила купить новый инструментъ. Играетъ она совсѣмъ ужъ не какъ музыканта. Пѣтъ любить, да и то—полосами, больше на воздухѣ или когда ей взгрустнется, у себя въ комнатѣ, безъ всякаго аккомпанимента.

Вся остальная мебель—кресла съ ситцевой свѣтлой обивкой, шкафъ, комодъ, пальцы—тоже остались отъ ея мамы, письменный столикъ, купленный для нея въ губернскомъ городѣ—разставлена по стѣнамъ. Средина комнаты покрыта ковромъ и свободна: она такъ любитъ, чтобы было больше мѣста. Иногда на нее найдетъ—она начнетъ одна кружиться или прыгать, воображая, что танцуетъ съ кавалеромъ.

Съ Николаемъ Ниванорычемъ они танцовали въ гостиной, такъ, безъ всякой музыки. Тетя Марѳа хотѣла-было поиграть какой-то вальсъ, старинный, да сейчасъ же сбилась.

И какъ онъ танцуетъ! Ничего еще подобнаго она не испытала и на выпускномъ балѣ, гдѣ были и офицеры, и большіе гимназисты, и губернаторскіе чиновники. Держитъ онъ крѣпко и совсѣмъ какъ-то къ себѣ пригибаетъ, такъ что сердце забьется и его дыханіе чувствуешь на своемъ лицѣ. Она вся горѣла, точно на огнѣ. И вертитъ „à rebours“, да такъ ловко, какъ никто изъ ея подругъ не умѣлъ, изъ тѣхъ, что всегда танцовали за кавалеровъ, и на урокахъ танцевъ, и на вечерахъ.

Тетка Павла Захаровна какъ-то переведетъ своими большими блѣдными губами, когда спрашиваетъ ее:

— А что, дурочка, нравится тебѣ землемѣръ?

И слово „землемѣръ“ она произноситъ съ особеннымъ выраженіемъ; а что она хочетъ сказать—Саня въ это проникнуть не можетъ, да и не желаетъ.

Нравится ли? Онъ не простой землемѣръ, а ученый таксаторъ. Тетя Марѳа говорила ей, что Николая Ниванорыча при-

слалъ сюда богатый баринъ съ порученіемъ, и онъ зарабатываетъ большія деньги. Папѣ онъ дѣлаетъ одолженіе, что взялся и для него произвести работы—разбить его лѣсъ на участки. Кажется, онъ не дворянинъ. Но не все ли это равно? Только тетка Павла такъ гордится тѣмъ, что они—Черносошные, а за ней и папа. Онъ всегда повторяетъ уже слышанное ею отъ тетки.

III.

Старая горничная Павлы Захаровны, Авдотья, бывшая крѣпостная, доложила „барышнѣ“, что обѣдъ готовъ. Она служила и за столомъ. Лакей уѣхалъ съ бариномъ въ городъ.

Комната Павлы Захаровны—длинная, въ два окна—пропахла лекарствами, держалась неопратно, заставленная неуютно большой кроватью, кресломъ съ пюпитромъ, шкафомъ съ книгами. Въ ней было темно отъ спущенныхъ сторъ и сыровато. Почти никогда ее не провѣтривали.

Въ креслахъ съ пюпитромъ и длиннымъ продолженіемъ для ногъ—сидѣла она, полулежа, цѣлые дни, въ старомодномъ казакинѣ изъ бурой вигони и люстриновой юбкѣ, перекошенная на одинъ бокъ, почти горбатая. Сѣдые курчавые волосы носила она безъ косы, рассыпанные по плечамъ. Некрасивыя, высохшія черты отзывались мужской рѣзкостью; извилистый, длинный носъ и крупный ротъ безпрестанно приходили въ движеніе. Глаза были круглые, острые, темно-сѣрые, съ постоянной усмѣшкой. Голова давила худыя, приподнятыя плечи своей величиной. Сухая лѣвая рука—маленькая и костлявая—еле видѣлась изъ-подъ широкаго рукава, куда она ее ловко вбирала и за столомъ чуть-чуть придерживала ею вилку... Потемнѣвшая кожа лица и бородавка на лѣвой щекѣ дѣлали лицо еще непригляднѣе.

Павла Захаровна не торопится. Ее и подождать. Сегодня она себя получше чувствуетъ и выходила на балконъ. Сестра Марѳа сейчасъ сказывала, что землемѣръ пріѣхалъ и она просила его къ обѣду.

Землемѣръ этотъ—разночинецъ, откуда-то съ юга, не то хохоль, не то еврей—такъ она его понимаетъ—ловокъ, смѣль и вкрадчивъ, и дурочка Саня въ него скоро врѣжется. Такъ должно случиться. Павла Захаровна все это прекрасно замѣчаетъ—и ничто въ домѣ не дѣлается безъ ея надзора и согласія, хотя она и не выходитъ почти изъ своей комнаты. Ей извѣстны и послѣбѣденныя сидѣнья у сестры Марѳы, угощеніе наливками, гаданіе

въ карты. У Марѣи—склонность къ крепкимъ напиткамъ. И до мужинъ она всегда была слаба... Замужъ въ-время не попала. А потомъ—лѣтъ уже за тридцать—разрѣшила себѣ. Павлѣ Захаровнѣ все извѣстно... Знаетъ она, зачѣмъ сестра ѣздила и въ Москву, лѣтъ больше десяти назадъ... Скрыть свой грѣхъ. Ребенка, къ счастью, умеръ. И потомъ у Марѣи были связи. Добро бы съ стоящимъ народомъ!.. А то, со всякой дрянью, съ сыномъ дьякона, съ писмоводителемъ исправника. Она всегда была простовата, жила въ спанье, въ наливки да въ свои „фигли-мигли“! И она передъ землемѣромъ таесть... Даже противно смотрѣть.

Но все это Павла Захаровна терпитъ.

Почему?

Что ей разъ запало въ душу—то съ ней и умереть. Не могла она вынести соперничества съ невѣсткой. Братъ Иванъ Захарычъ—моложе ея на нѣсколько лѣтъ—жилъ всегда ея умомъ, нужды нѣтъ, что остался рано на полной волѣ, главнымъ наследникомъ двухъ вотчинъ. Она не допустила бы его до всѣхъ глупостей, какія онъ надѣлалъ съ тѣхъ поръ—вотъ уже больше двадцати лѣтъ, еслибъ не пошла на сдѣлку съ самой собою, съ своей женской злобностью. Надо было вытравить изъ его сердца любовь къ женѣ. Та его обошла. Изъ бѣдныхъ чиновничьихъ дочерей—какого-то становаго пьянчужки дочь—въ пепиньервахъ была оставлена, въ институтѣ. Онъ пріѣхалъ на выборы, бывалъ у какой-то классной дамы въ гостяхъ, влюбился и сейчасъ же, не спросившись у нея, старшей сестры, вернулся оттуда женихомъ. Она затаила въ себѣ эту обиду. Всѣ семь лѣтъ его женатой жизни она провела въ другой усадьбѣ; въ явной ссорѣ съ матерью Сани не была, но не прощала обиды и ждала часа отмести. Невѣстка умерла точно въ угоду ей. Но съ памятью жены Иванъ Захарычъ слишкомъ носился... И эту память ей удалось-таки затемнить. Чтобы быть въ ладу съ своей совѣстью, она и себя увѣрила въ томъ, что невѣстка обманывала мужа, что Саня и „не думаетъ“ быть дочерью Ивана Захарыча. Съ тѣхъ поръ онъ опять сталъ ея младшимъ братомъ, жилъ подъ ея надзоромъ. Только бы онъ вдругорядъ не женился. Ну, и надо было допустить его до незаконной связи. Она все знаетъ: у него въ городѣ—„мамѣшка“ и двое дѣтей. Усыновлять онъ ихъ не посмѣетъ безъ ея разрѣшенія, да и не пожелаетъ. Это семейство съ лѣвой стороны онъ обезпечилъ—заложилъ землю другой вотчины, купилъ имъ домикъ и сдѣлалъ вкладъ въ мѣстный дворянскій банкъ. Денегъ онъ прожилъ—въ послѣднія десять лѣтъ—

прорву, и не на одно это. Усадьба, гдѣ они живутъ, съ паркомъ,—тоже заложена... Проценты платитъ онъ съ трудомъ... Ей и сестрѣ Марѣ онъ задолжалъ по пятнадцати тысячъ—все ихъ достояніе. Кромѣ выкупныхъ свидѣтельствъ, у нихъ за крестьянскимъ надѣломъ осталось по двѣсти десятинъ плохой земли, и онѣ ее продали по частямъ.

Иной разъ ее страхъ разбираетъ—ну, какъ братъ совсѣмъ разорится... Что имъ съ сестрой дѣлать изъ сохранныхъ его росписокъ? Но она—еще не рехнулась. Теперь—самый настоящій моментъ подошелъ. Не заложень лѣсъ—большой, въ нѣсколько тысячъ десятинъ... Она и настояла на томъ, чтобы пригласить ученаго землемѣра и разбить лѣсъ на участки, привести въ извѣстность и продать. Тутъ она площадъ не будетъ—и свой, и сестринъ капиталъ возвратитъ; коли на то пошло, и росписки представить ко взысканію. Но до этого онъ себя не допуститъ. Усадьба и паркъ—только обуза: никакого не даютъ дохода, а стоятъ не мало, да еще за нихъ надо платить проценты. Братъ держится за нихъ изъ одного дворянскаго гонора, потому что они ему достались отъ дальняго родственника, когда-то богача и магната, а за ихъ части онъ выдалъ имъ деньгами. И лѣсъ—также родовой. Продать надо и то, и другое. Капиталъ—за уплатой тридцати тысячъ сестрамъ—онъ скоро спуститъ. И останется у него дальняя вотчина, со старинной усадьбой. Туда и переселятся жить. Проценты не на что будетъ платить и за нее. Онѣ съ сестрой выкупаютъ имѣніе, когда его банкъ назначитъ въ продажу. Врядъ-ли у брата останется еще, къ тому времени, хоть тыщенька рублей. Что-жъ! И будетъ жить у нея, Павлы Захаровны, на хлѣбахъ... Или уйдетъ къ своей сударушкѣ, если не съумѣетъ ужиться.

А главное—Санѣ, дочери ненавистой невѣстки, не достанется ни одного вершка изъ родовыхъ угодій. Братъ охладѣлъ къ ней давно—и только играетъ роль ея отца, не хочетъ показывать, что онъ носился столько лѣтъ съ чужимъ ребенкомъ.

Вотъ тутъ-то, такъ кстати, и пожаловалъ этотъ землемѣръ. Остальное идетъ какъ по маслу. Марѣ ихъ сводитъ, приучаетъ Саню къ наливкѣ, сама рада-радешенька—только чтобы ей около смазливаго мужички посидѣть лишній разокъ. Тотъ—ловкачъ—своего не упуститъ. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ дѣвчонка заблудится съ нимъ гдѣ-нибудь въ паркѣ. Тогда разговоръ короткий—надо выдавать за землемѣра... Выброситъ ей на приданое нѣсколько тыщенокъ—и довольно!.. Чего же она больше заслуживаетъ? Въ мать пошла. Съ развратными наклонностями. Туда

ей и дорога! Будь у этой толстой чувственной дѣвочки въ головѣ мозгъ, а не сѣнная труха—она бы знала, какъ ей себя вести и какъ оградить хоть сколько-нибудь свои права. А у этой подурухи менѣе мыслей, чѣмъ у птицы.

Если и можетъ кто ее смущать, такъ нянька ея Федосѣевна.

Давнымъ-давно выгнала бы она эту дрянную смутьянку, еслибы не глупый гоноръ брата. Видите ли, онъ, у смертнаго одра жены, общалъ ей обезпечить старость Саниной няньки... Такъ вѣдь онъ тогда вѣрилъ въ любовь и непорочность своей возлюбленной супруги... А потомъ? Голова-то и у братца не далеко ушла отъ головы его мнимой дочки; и сколько разъ Павла Захаровна явила самое себя вопросомъ: съ какой стати она, умница, положила всю свою жизнь на возню съ такой тупицей, какъ ея братецъ, Иванъ Захарычъ?

Только и есть въ немъ одно—свое дворянское достоинство соблюдаетъ. Имя Черносопныхъ ставить такъ же высоко, какъ и она. И это въ немъ она воспитала. Важность въ немъ прерываетъ скудость мозга. Учился плохо, въ полку былъ безъ году недѣлю, своей видной наружностью не умѣлъ воспользоваться, взять богатую и родовитую невѣсту, женился на дряни, по выборамъ служилъ два трехлѣтія и даже Станислава ему на шею не повѣсили, а другіе изъ увѣдныхъ-то предводителей въ губернаторы попадаютъ, по нынѣшнему времени. Весь прожилъ зря—ни себѣ, ни людямъ. Ни у него пріемовъ, ни кутежа особеннаго... Метресска—изъ мѣщанокъ; на нее и на незаконныхъ дѣтей не Богъ знаетъ какой капиталъ записанъ имъ; а въ двадцать лѣтъ разстроилъ прекраснѣйшихъ двѣ вотчины... И кончить тѣмъ, что у нея, у Павлы Захаровны, будетъ доживать на хлѣбахъ.

Тогда она успокоится... Онъ получить должное возмездіе за всю свою дурость. Но если она не доведетъ его до продажи лѣса и усадьбы съ паркомъ—можетъ кончиться совсѣмъ плохо и для нея съ дурындой Мареой; та, безъ нея, тоже пропадетъ.

Павла Захаровна встала съ кресла, въ нѣсколько пріемовъ, и, кивая на лѣвую ногу, прошла по комнатѣ, впадъ и впередъ, потомъ постояла передъ зеркаломъ, немножко расчесала взбившіяся курчавые волосы и взяла изъ угла около большой изразцовой печи палку, съ которой не разставалась внѣ своей комнаты.

Безъ нея не сядутъ. Она бы и сегодня не вышла. Отъ глупыхъ разговоровъ сестры и племянницы ее тошнить; но надо ей самой видѣть, куда зашелъ землемѣръ въ своемъ сближеніи съ Саней. Отъ него же она узнаетъ подробности о какой-то мил-

ліонной компаніи, которая съ весны покупаетъ огромныя лѣсныя дачи, по сю и по ту сторону Волги, въ трехъ волжскихъ губерніяхъ. Землемѣръ, кажется, норовитъ попасть на службу въ этой компаніи. Ему слѣдуетъ предложить хорошую комиссію и сдѣлать это на дняхъ, послѣ того, какъ молодые люди погуляютъ въ паркѣ разъ-другой. Онъ и теперь знаетъ, что безъ ея согласія ничего въ этомъ домѣ не дѣлается. Надо будетъ дать ему понять, что Саня ему можетъ достаться въ жены, если его поддержитъ она.

Дверь опять пріотворилась, и Авдотья во второй разъ доложила:

— Купать пожалуйте, барышня.

— Иду!—отозвалась Павла Захаровна и, подпираясь палкой, заковыляла въ залѣ.

IV.

Подали зеленныя щи изъ разсады съ блинчатыми пирожками.

Противъ Марьи Захаровны, надѣвшей на голову черную кружевную тряпочку, сидѣлъ землемѣръ; по правую руку отъ нея Саня, безъ кофточки, по лѣвую—Павла Захаровна.

Землемѣръ не смотрѣлъ великоруссомъ: глаза съ поволокой, искристые зрачки на синѣющихъ бѣлкахъ; но цвѣтъ лица очень свѣжій, матовый, блѣдноватый; твердыя щеки, плотно подстриженные, вплоть до острой бородки... Вся голова точно выточена; волосы начесаны на лбу въ такую же чолку, какъ и у Сани, только черныя какъ смоль и сильно лоснятся отъ брилліантина. Въ чертахъ—что-то восточное. Большая чистоплотность и франтоватость сказывались во всемъ: въ покроѣ клѣтчатаго пиджака, въ малиновомъ галстухѣ, въ воротничкахъ и манжетахъ, въ кольцахъ на длинныхъ, красивыхъ пальцахъ. Съ толстоватыхъ губъ не сходила улыбка и крупныя зубы блестѣли. Онъ смахивалъ на заѣзжаго музыканта, актера или приказчика моднаго магазина, а не на землемѣра. Свою дѣловую оболочку онъ оставилъ у себя: большіе сапоги, блузу, крылатку. Одѣвался онъ и раздѣвался изумительно быстро.

Щи всѣ ѣли первыя минуты молча, и только слышно было причавкиванье жирныхъ губъ тети Марьи Захаровны, поглощавшей пирожекъ, прищуривая глазки, какъ сластолюбивая кошка... И Саня ешала съ видимой охотой.

— Пирожка хочешь еще, голубка?—спросила ее Павла Захаровна.

— Я возьму, тетя!—отвѣтила Саниа своимъ дѣтскимъ голосомъ и всѣ ея ямочки заиграли.

— А вы, Николай Никанорычъ?

— И я не откажусь!

Голосъ землемѣра звучалъ музыкально и немного на-распѣвъ, съ южнымъ акцентомъ, точно онъ заводилъ речитативъ на сценѣ.

И онъ вбокъ улыбнулся своей сосѣдкѣ вправо.

Саня отъ его взгляда, изъ-подъ пушистыхъ рѣсницъ, дѣлается всегда неловко и весело, и нѣжный румянецъ разливается тихо, но замѣтно, отъ подбородка до вѣкъ. Она быстро перевела взглядъ отъ его глазъ на галстухъ, гдѣ блестяла булавка, въ видѣ подковы съ синей эмалью.

Какія у него хорошенькія вещи! И весь онъ такой „шикозный“! Явись онъ къ нимъ, въ институтъ, къ какой-нибудь „дѣвщѣ“, его бы сразу стали обожать полъ-класса и никто не повѣрилъ бы, что онъ только „землемѣръ“. Она не хочетъ его такъ называть, даже мысленно.

„Не землемѣръ, а ученый таксаторъ“.

Саня опустила голову надъ тарелкой со щами, гдѣ плавалъ желтокъ изъ крутого яйца, и вкусно пережевывала счетомъ третій блинчатый пирожокъ—и въ эту минуту, подъ столомъ, въ носку ея ботинки прикоснулся чужой носокъ; она почувствовала—чей.

Это случилось въ первый разъ. Она, невольно, вскинула глазами на тетку Павлу, беззлively жевавшую корочку чернаго хлѣба, вся зардѣлась и стала усиленно глотать щи.

Павла Захаровна подмигнула и этотъ взглядъ, и этотъ внезапный румянецъ.

„Ногy ей жметъ“,—подумала она и вкось усмѣхнулась.

Пускай себѣ! тѣмъ скорѣе онъ влюбитъ въ себя эту „полудурью“, тѣмъ лучше. Женись, получай приданое и—маршъ, чтобы и духу ихъ не было!

Кончикъ носка мужской ботинки Саня продолжала чувствовать и не отнимала своей ножи; она застыла въ одной позѣ и только правой рукой подносила ко рту ложку со щами.

А Первачъ, продолжая ѣсть красиво и очень пріятно, повернулъ голову къ Павлѣ Захаровнѣ и особенно почтительно спросилъ ее: какъ она себя чувствуетъ. Онъ давно уже распозналъ, что въ этомъ домѣ—она первый нумеръ, и если онъ въ спальнѣ у Марѣи Захаровны такъ засиживается съ Саней, то все это дѣлается не безъ ея вѣдома.

— Аппетита никакого нѣтъ, — выговорила Павла Захаровна и поморщилась.

— Вы бы пирожка, тетя?

Саня спросила и испугалась. Но ей надо было что-нибудь выговорить, чтобы совладать съ своимъ волненіемъ.

Только теперь прибрала она ногу, но взглянуть на Николая Никанорыча не рѣшалась... Надо бы разсердиться на него, но ничего похожего на сердце она не чувствовала.

— Ъшь сама, на здоровье! — отвѣтила ей тетка своимъ двойственнымъ тономъ, гдѣ Саня, до сихъ поръ, не можетъ отличить ехидства отъ родственнаго, снисходительнаго тона.

— Кушай, кушай! — поощряла ее тетка Марѳа, и узкіе глаза ея заискрились, и Санѣ стало опять „по себѣ“.

— Въ какихъ вы побывали мѣстахъ? — благосклонно обратилась Павла Захаровна къ землемѣру.

— Въ завожской дачѣ моего главнаго патрона, Павла Иларионовича.

— Низовьева? — почти разомъ спросили обѣ тетки.

— Такъ точно. Онъ торопять меня... депешей.

— Гдѣ же онъ проживаетъ? Все въ Парижѣ небось?

Павла Захаровна повела на особый ладъ извилистымъ носомъ. Марѳа сейчасъ этимъ воспользовалась... Она жить не могла безъ игривыхъ разговоровъ — намекъ сестры Павлы касался нравовъ этого богача Низовьева. У него до сорока тысячъ десятиныхъ лѣсу, по Унжѣ и Волгѣ, въ двухъ губерніяхъ. Каждый годъ рубить онъ и сплавляетъ внизъ, къ Василію, гдѣ сѣзжаются лѣсоторговцы — и все, что получить, просадить въ Парижѣ, гдѣ у него роскошныя палаты, жена есть и дѣти, но кромѣ того и метреску держать. Слухъ идетъ, что какая-то — не то испанка, не то американка — и вытянула у него не одну сотню тысячъ не франковъ, а рублей.

— Въ Парижѣ. Но сюда будетъ въ скоромъ времени, — сдержанно и съ игрой въ глазахъ выговорилъ Первачъ. — И торопится таксаторской работой... той дачи, что позади села Заводнаго; туда, къ урочищу Перелогъ.

— Продавать совсѣмъ хочеть? — спросила Павла.

— Именно-съ, — музыкальной нотой отвѣтилъ Первачъ и, почтительно нагнувшись къ ней, спросилъ: — вамъ чего прикажете?

На столѣ стояла бутылка съ хересомъ, кувшинъ съ квасомъ и графинъ съ водой.

— Мнѣ вкраску немножко, — съ наклоненіемъ головы отвѣтила Павла Захаровна.

— Николай Никанорычъ, — заговорила шепеляво и громко Марѳа: — Вы что же все скрытничаете? Вѣдь вамъ вся подноготная извѣстна. Должно быть, на свою... принцессу еще спустить... а?

Глазки ея просительно ждали любовной исторіи.

Первачъ поглядѣлъ въ сторону Сани и сдѣлалъ выразительное движеніе ртомъ.

— Да чего жъ вы стѣсняетесь?.. Вѣдь Саня не малый младенецъ, — выговорила Марѳа: — Пора жизнь знать... Нынѣче институтки-то все читаютъ... Ну, кубышка, скажи — у васъ, небось, „Огненную женщину“ читали?

— Кажется, тетя, — весело отвѣтила Саня.

— Ну, вонъ видите, Николай Никанорычъ! — подхватила Марѳа: — Расскажите, голубчикъ, про Низовьева.

— Цѣлую дачу продаетъ? — спросила Павла Захаровна и прищурила значительно глазъ.

— Да-съ, около шестидесяти тысячъ десятинъ.

— Заложены?

— Какъ слѣдуетъ. Поэтому-то и нельзя въ нихъ производить порубокъ.

— Чего нельзя?! Нынѣче все можно.

— Банкъ слѣдитъ довольно строго.

— Эхъ, батюшка, всѣ нынѣче проворовались!

— Павелъ Иларіоновичъ на это не пойдетъ. Онъ очень такой... джентльменъ. А продавать ему пришлось...

— Для метресски? — почти взвизгнула Марѳа. — Да расскажите, Николай Никанорычъ... Ахъ, какой противный!

— Извольте... съ разрѣшенія Павлы Захаровны. Та дама, которая ему обошлась уже въ миллионъ франковъ, выстроила себѣ отель...

— Какъ? гостинницу? — перебила Марѳа.

— Домъ барскій... Такъ тамъ называютъ, — брезгливо поправила Павла Захаровна сестру.

— Съ отдѣлкой отель обошелся въ два миллиона франковъ... Онъ тамъ, въ этомъ отелѣ, поблаженствовалъ мѣсяцъ какой-нибудь — и въ одно прекрасное послѣ-обѣда мужъ вдругъ поднимаетъ бурю.

— Какой мужъ? — стремительно перебила Марѳа.

— Ея мужъ, Марѳа Захаровна. Она замужемъ. И даже титулованная.

— Дѣло житейское,—досказала Павла Захаровна.— Супругъ на все севозь пальцы смотрѣлъ, пока отель отъ самъ Низовьевъ не предоставилъ ему съ женой. Нынче и все такъ. И въ жизни, и въ романахъ.

Саня слушала все еще подъ впечатлѣнiемъ того, что было подъ столомъ, между нею и землемѣромъ. Она понимала, про какого рода вещи рассказывалъ Николай Ниванорычъ. Разумѣется, для нея это не въ диковинку... И читать приводилось... французскiя книжки, и даже слышать отъ подругъ. Нынче у всѣхъ метрески... Кокотокъ развелось—страхъ сколько. На нихъ разоряются. Говорили ей даже въ институтѣ про мужей, которые пользуются отъ этого.

Ей понравилось то, что Николай Ниванорычъ стѣснялся немножко, не хотѣлъ при ней рассказывать. Онъ—умница. При тетѣ Павлѣ такъ и слѣдовало вести себя. У тети Марѣи, за лакомствами и наливкой, можно все болтать. Тамъ и она будетъ слушать съ удовольствiемъ, если смѣшно.

— И мужъ его вытурилъ?

— Вы отгадали, Павла Захаровна.

— А платить-то ему приходится за отель и всю отдѣлку?

— Совершенно вѣрно.

Всѣ трое засмѣялись. И Саня вторила имъ.

— Вотъ почему и продаетъ онъ свой Перелогъ?

Въ вопросахъ Павлы Захаровны звучала злобность. Она любила такiя исторiи глупыхъ разоренiй, хотя и явила „господъ дворянъ“ за ихъ безпутство.

— Продаетъ компанiя... про которую я уже вамъ сообщала. На дняхъ ждуть сюда представителя этой компанiи. Говорятъ—первоклассный дѣлецъ и воротило. Изъ мужиковъ, но съ образованiемъ. А фамилiя—самая такая престонародная: Теркинъ.

— Теркинъ?—вслухъ повторила Саня и раскатисто расмѣялась.

Ей стало ужасно весело. У нея начался романъ, какъ слѣдуетъ... У тети Марѣи будетъ еще веселѣе.

V.

Къ концу обѣда, за пирожнымъ—трубочки съ кремомъ—Первачъ опять протянулъ носокъ и встрѣтилъ пухлую ножку Сани. Лицо ея уже не зарумянилось вдругъ, какъ въ первый разъ.

Павла Захаровна бесѣдовала съ нимъ очень благосклонно и, когда онъ благодарилъ ее за обѣдъ, сказала ему:

— Передъ вечернимъ чаемъ — не завернете ли ко мнѣ... на минутку?

— Съ особеннымъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ и сейчасъ же сообразилъ, что она поведетъ съ нимъ конфиденціально-дѣловой разговоръ.

Ему, въ этомъ домѣ, особенно везло. Смутно догадывался онъ, что сухоручка племянницу не любитъ и хотѣла бы спустить ее поскорѣе. Но женитьба не очень-то манила его. Дѣвочка — вкусная, и влюбить ее въ себя ничего не стоитъ. Да и щадить особенно нечего. Онъ никого, до сихъ поръ, не щадилъ, кто подвертывался... Сначала надо, какъ слѣдуетъ, увлечь, а тамъ онъ посмотритъ. Все будетъ зависеть отъ того, какую поддержку найдетъ онъ въ сухоручкѣ... И отецъ не очень-то нѣженъ въ дочери. На него старшая сестра во всемъ влияетъ. Между ними есть какія-то родственныя денежныя отношенія... Онъ въ это проникнетъ. Дѣло не обойдется безъ его участія. Вѣроятно, сухоручка желаетъ, чтобы братъ продалъ на выгодныхъ условіяхъ свою лѣсную дачу новой компаніи, къ которой онъ самъ желалъ бы примазаться.

А пока надо добратъ до свѣжихъ, какъ персики, щекъ Савечки, съ ихъ чудесными ямочками. Сейчасъ они пойдутъ въ комнату Марѣи Захаровны, куда подадутъ лакомства и наливки. Тамъ — его царство. Тетенька и сама не прочь была бы согрѣшить съ нимъ. Но онъ до такихъ перерѣзлыхъ тывѣвъ еще не спускался — по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ на своихъ ногахъ и мечтаетъ о крупной дѣловой карьерѣ.

Павла Захаровна сухо приложила въ маковѣѣ Сани, когда та цѣловала ея руку. Горничная подала ей ея палку, и она колыхающейся походкой отправилась къ себѣ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ Первачъ къ Санѣ и предложилъ ей руку.

— Куда прикажете вести васъ? — спросилъ онъ, лаская ее взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, которымъ онъ умѣлъ придавать какое угодно выраженіе.

Саня подала ему руку, и онъ ее слегка притиснулъ къ своему правому боку.

— Тетя, куда мы — на балконъ или къ вамъ? — спросила Саня.

— Сначала ко мнѣ... Кофейку нальемся. Николай Никаноричъ?.. Какой угодно нынче наливки? Терновки или сливянки?

— И той, и другой, если позволите.

— Тамъ еще лучше.

Щеки толстухи еще ярче лоснились. Она, за обѣдомъ, при

старшей сестрѣ, ничего не пила, кромѣ квасу, даже и къ хересу не прикасалась, да и не очень его уважала. Послѣ обѣда и послѣ ужина она вознаграждала себя наливками.

И на Саню, каждое послѣ-обѣда въ комнатѣ тети Марѣ, нападало особое состояніе, вмѣстѣ съ запахомъ отъ стѣнъ какими-то травами, отъ лавомствъ, кофе съ густыми пѣнками и наливкою. Ей сейчасъ же захочется болтать, смѣяться, пѣть, цѣловаться.

Вотъ она опять за столомъ. Тетя рассаживается на диванѣ, облокотившись о подушку. Надъ ней завоптѣлая картина—Юдиѣ съ головой Олоферна. Но эта страшная голова кажется ей забавной... И у Юдиѣ такой смѣшной носъ. Въ окнахъ—кѣтки. У тети цѣлыхъ шесть банареевъ. Онѣ, какъ только слышатъ разговоръ, чуть кто стукнетъ тарелкой или рюмкой, принимаются пѣть, одна другой задорнѣе. Но никому онѣ не мѣшаютъ. У Сани, подъ этотъ птичій концертъ, еще скорѣе зашумитъ въ головѣ отъ сливки.

Другая горничная — Прасковья—приставлена къ своей „барышнѣ“ съизмальства, какъ Авдотья была поставлена къ Павлѣ Захаровнѣ. Она похожа на тетю Марѣу, почти такая же жирная и также любитъ выпить, только втихомолку. Саня про это знаетъ отъ няньки Федосѣевны, строгой на ѣду и питье, большой пошницы. Но у Сани снисходительный взглядъ на это. Какая важность, что выпьетъ пожилая женщина отъ деревенской скуки?

На столѣ уже стоятъ двѣ бутылки съ наливкою и нѣсколько тарелокъ и вазочекъ съ домашними превкусными сластями: смоква, орѣхи въ меду, малиновыя лепешки и густое варенье изъ розовыхъ лепестковъ, гдѣ есть апельсиновая мелко-нарѣзанная ворка и ваниль... Саня—особенная охотница до этихъ сластей... Сейчасъ принесетъ Прасковья и кофе.

Первачъ сидитъ около нея на стулѣ—очень близко и смотритъ ей въ глаза такъ, точно хочетъ вывѣдать всѣ ея мысли о немъ. Она было-хотѣла дать ему понять, что онъ не имѣлъ права протягивать къ ней, подъ столомъ, носокъ, ища ея ноги; но вѣдь это ей доставило удовольствіе... Зачѣмъ же она будетъ лицемѣрить? И теперь она уже чувствуетъ, что его носокъ опять близится... а глаза ласкаютъ ее... Рука, все подъ столомъ, ищетъ ея руки. Она не отдернула—и онъ пожалъ.

Въ эту минуту тетя налила имъ обоимъ по рюмкѣ, и себѣ также.

— Сливанка?—спросилъ Первачъ и чокнулся съ нею и съ Саней. Его рука держала ее за кончики ея пальцевъ—и по всему ея тѣлу прошло ощущение чего-то жгучаго и пріятнаго, прежде чѣмъ она глотнула изъ рюмки.

Тетка ничего не замѣчала, да еслибъ и замѣтила—не стала бы мѣшать. Она отвѣтила на чоканье Первача и, прищурившись, смаковала наливку маленькими глотками.

— Хороша на вашъ вкусъ, Николай Никанорычъ?

— Превосходна, Марѳа Захаровна.

— Саня? Хороша?..

— Очень, тетя, очень.

— Пей, голубка, пей.

— Лучше всякаго крамбамбули,—подхватилъ землемѣръ.

— Крамбамбули?—вскричала Саня и подскочила на стулѣ.

Но пальчики ея лѣвой руки остались въ рукѣ землемѣра.—Николай Никанорычъ! Что это? Пѣсня? Вѣдь да? Пѣсня? Или это какое-нибудь питье?

— И то, и другое, Александра Ивановна, и то, и другое. Въ родѣ ликера, крема... Очень крѣпкое. Студенческое питье. И пѣснь сложилась. Ее и цыгане поютъ.

— Какъ поютъ? Запойте.

— Это хоровая.

— Тетя! Дуся! Попросите Николая Никанорыча.

— Довольно и вашей просьбы, Александра Ивановна.

Онъ такъ это мило сказалъ, съ опущенными рѣсницами, что Санѣ захотѣлось поцѣловать его. Ну, хоть въ лобъ, даже и при тетѣ. Наливка сладко жгла ее въ груди и разливалась по всѣмъ жиламъ... Каждая жила билась.

„Крамбамбули—отцовъ наслѣдство“,—запѣлъ Первачъ сдержанно... Голосъ у него былъ звучный и съ легкой вибраціей.

— Ахъ, какая прелесть!

— „И утѣшительное средство“!—продолжалъ Первачъ и еще разъ чокнулся съ Саней.

Она выпила большую рюмку до два и даже облизнула кончикомъ языка свои сочныя алмазныя губы.

Черезъ пять минутъ всѣ трое пѣли хоромъ:

„Крамбамъ-бамъ-бамбули
Крамбамбули—и!“

И взвизгивающій голосъ тети Марѳы прорывался сквозь молодые, вздрагивающіе голоса Сани и землемѣра. Но очень громко они боялись пѣть, чтобы не разбудить тетки Павлы.

Саня отвѣдала и терновки, менѣе сладкой и болѣе вяжущей, чѣмъ сливянка, очень крѣпкой. Кончикъ языка стало покалывать и на щекахъ разлилось ощутительное тепло, проникло даже до ушей. И въ шеѣ затрепетали жилки. Голова не была

еще въ туманѣ; только какая-то волна подступала къ сердцу и заставляла его чуть-чуть заниматься, а въ глазахъ ощущала она пріятную теплоту, такую же, какъ въ ушахъ и по всему лицу. Она отдавалась, впервые, своему физическому сближенію съ этимъ красивымъ мужчиной. Онъ уже владѣлъ всей ея пухлой ручкой. Она не отнимала руки... Глаза его точно проникали въ нее — и она не стыдилась... какъ еще было вчера и третьяго дня.

Послѣ пѣнія „Крамбамбули“ и остраго напряженія — нѣга разлилась по всему тѣлу. Саня, прищуривъ глаза, отвела ихъ въ сторону тетки, — и ей широкое, обрюзглое, красное, лоснящееся лицо казалось такимъ милымъ, почти ангельскимъ. Она чмокнула на воздухъ и проговорила голосомъ, полнымъ истомы:

— Тетя! Дуся!

И тутъ только въ голову ея, какъ дымка, сталъ проникать хмель.

Тетка тоже разомлѣла. Это была минута, когда она непременно запоетъ, одна, своей дѣвичьей фистулой, какой-нибудь старинный романсъ:

„Рѣка шумить,
Рѣка реветъ“...

— затушила Марѳа Захаровна.

Санѣ не хочется поддѣвать. Она откинулась на спинку стула. Ея лѣвая рука совсѣмъ во власти Николая Никанорыча. Онъ подноситъ ее высоко къ своимъ губамъ и цѣлуетъ. Это заставило ее выпрямиться, а потомъ нагнуть голову. Кажется, она его поцѣловала въ щеку... такъ прямо, при теткѣ. Но будь они одни, она бы схватила его за голову и расцѣловала бы.

„Сердить и страшень
Говорь волнъ“...

— разливается тетка и голосъ ея замираетъ на послѣднемъ двустипіи:

„Прости, мой другъ!
Лети, мой чолвѣ!“

VI.

Подъ нѣжной листвою туго распускавшагося кудряваго дубка Саня сидѣла на пледѣ, который подложилъ ей Николай Никанорычъ. Пригорокъ зеленѣлъ вокругъ. Внизу, сквозь деревья, виденъ былъ узкій спускъ къ рѣкѣ. Ширилась полоса воды — стальная съ синѣющими отливами.

Тетя Марѳа задремала наверху, въ бесѣдѣ.

Они побродили по парку, подъ-руку. Онъ нѣсколько разъ принимался цѣловать ей пальчики, а она тихо смѣется.

На травѣ—онъ сѣлъ къ ней близко-близко и, ничего не говоря, приложился губами къ ея щекѣ.

Саня не могла повраснѣть—щеки ея и безъ того алѣли; но она вздрогнула и быстро оглянулась на него.

— Развѣ можно?—прошептала она.

— А почему же нельзя?

Его глаза дерзко и ласково глядѣли на нее. Разсердиться она и хотѣла бы, да ничего не выходило у нея... Вѣдь онъ, на глазахъ тети, сближался съ нею... Стало быть, на него смотреть какъ на жениха... Безъ этого онъ не позволилъ бы себѣ.

Да если и „безъ этого“? Онъ такой красивый, взгляда глазъ его она не выдерживаетъ. И голосъ у него чудесный. Одѣтъ всегда съ иголочки.

Онъ могъ бы обнять ее и расцѣловать въ губы, но не сдѣлалъ этого.

Онъ деликатный, не хочетъ ничего грубаго! Начни онъ цѣловать ее — вѣдь она не запретила бы и не ударила бы его по щекѣ.

Ударить? За что? Будто она уже такъ оскорблена?.. Сегодня ее всю тянетъ къ нему. Тетя подлила ей еще наливки. Это была третья рюмка. До сихъ поръ у нея въ головѣ туманъ.

— Почему нельзя?—повторилъ онъ и поцѣловалъ ее сзади, въ шею.

— Ей Богу! Николай Никанорычъ! Нельзя такъ! Ради Бога!

Но она была бы бессильна отвести лицо, еслибъ онъ сталъ искать ея губъ.

— Санечка!—шепнулъ онъ ей на ушко.—Санечка!..

И тутъ она не разсердилась. Такъ мило вышло у него ея имя... Санечка!.. Это лучше чѣмъ Саня... или Саря, какъ ее звали нѣкоторыя подруги въ институтѣ. Разумѣется, она маленькая, въ сравненіи съ нимъ. Но онъ такъ ее называлъ... отчего?

„Оттого, что любить!“—отвѣтила она себѣ—и совсѣмъ замурила глаза, и больше уже не отбивалась; а онъ все цѣловалъ ее въ шею, маленькими, короткими поцѣлуями.

— Николай Никанорычъ?.. Николай Никанорычъ?.. Вы здѣсь?

Кто-то звалъ сзади. Они узнали голосъ Авдотьи, горничной тетки Павлы.

— Нельзя!—быстрымъ шопотомъ остановила она его, открыла глаза, выпрямилась и вскочила на ноги.

Голова вдругъ стала свѣтлой. Въ тѣлѣ никакой истомы.

Онъ тоже поднялся и крикнулъ:

— Ау!..

Авдотья подошла, запыхавшись.

— По всему берегу ищутъ васъ, сударь... Павла Захаровна проситъ васъ пройти въ нимъ, до чаю.

— Сейчасъ!—отвѣтилъ Первачъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и Санѣ ужасно понравилось то, что онъ такъ владѣетъ собою.

Но и она не растерялась... Да и съ чего же? Авдотья не могла видѣть, за деревьями. А вдругъ какъ видѣла? Скажетъ теткѣ Павлѣ?

Ну, и скажетъ! Ничего страшнаго изъ этого выйти не можетъ. Развѣ тетка Павла не замѣчаетъ, что они нравятся другъ другу? Еслибъ ей было непріятно его ухаживаніе, она бы давнымъ-давно дала инструкцію тетѣ Марѣѣ, да и сама сдѣлала бы внушеніе.

Зачѣмъ она прислала за Николоемъ Никанорычемъ? Можетъ быть — „за этимъ самымъ“. Не написалъ ли онъ ей письма? Онъ такой умный. Если просить согласія, то у нея—у первой. Какъ она скажетъ—такъ и папа.

— Сейчасъ буду!—повторилъ Первачъ удалявшейся Авдотѣѣ.
— Вотъ только барышню доведу до бесѣдки.

— Слушаю-съ,—откликнулась Авдотья, обернувъ, на ходу, свое рябоватое, худое лицо старой дѣвушки.

— Вы по дѣламъ въ ней?—спросила тихо Саня и бокомъ взглянула на него.

— Да, что-нибудь по хозяйственной части,—выговорилъ онъ спокойно.

Ей захотѣлось шепнуть: „Я знаю, по какой части!“ Но она побоялась, и когда онъ взялъ ее подъ-руку, то въ ней уже совсѣмъ не было той истомы, какую она ощущала подъ деревомъ.

„Неужели сегодня?“—подумала она и опустила глаза.

— Тетя заснула... Зачѣмъ ее будить?

Они стояли въ дверяхъ бесѣдки изъ березовыхъ брусевъ, гдѣ Марѣа Захаровна спала, съ открытымъ ртомъ, въ соломенномъ креслѣ, вытянувъ свои толстыя ноги въ шитыхъ по канвѣ башмакахъ.

— Вы здѣсь останетесь... Санечка?..—добавилъ онъ шопотомъ и чуть-чуть дотронулся губами до ея шеи.

— Ахъ!—вырвалось у нея тихимъ, дѣтскимъ звукомъ—и она тотчасъ же подумала: „Что-жъ... сегодня, можетъ быть, все и рѣшится“.

Она вспомнила, что сегодня же долженъ вернуться изъ города и папа.

— А, что?..—вдругъ проснулась Марѳа Захаровна и схватилась ладонями за свои жирныя щеки.

— Привелъ вамъ племянницу и сдаю съ рукъ на руки. Павла Захаровна прислала за мною.

— Да, да,—повторяла толстуха еще спросонья.—Погуляли, милые... День-то какой чудесный!.. Много я спала?

— Всего чуточку!

Саня поцѣловала ее въ маковку.

— Я съ вами побуду... За Николаемъ Никанорычемъ тетя прислала Авдотью.

— А... Идите, идите, голубчикъ.

Марѳа знала, что сестра ея зря ничего не дѣлаетъ. Стало быть, что-нибудь важное, насчетъ дѣлъ брата, лѣсовъ, продажи ихъ. Она за себя не боится, пока сестра жива. Можетъ быть, та и насчетъ Сани что надумала.

Шаги землемѣра стихли въ липовой аллеѣ. Саня проплась вадъ и впередъ по бесѣдкѣ, и потомъ, подойдя въ тетѣ, взяла ее за голову и нѣсколько разъ поцѣловала.

— Тетя! Дуся! Какой онъ славный! Вѣдь да?

— Кто, душка? Николай Никанорычъ?

— Да... Прелесть... Да?

— На что еще лучше!

Толстуха подмигнула.

— А онъ тебѣ, поди, чего наговорилъ... тамъ... внизу?

Саня начала краснѣть.

— Можетъ... и дальше пошло? Вонъ какъ вспыхнула, дурочка... Ну, чего тутъ! Дѣло молодое... И такой мужчина. Хе, хе!

— Онъ милый, милый!

Саня поцѣловала тетку въ плечо и выбѣжала изъ бесѣдки. Ей захотѣлось бѣгать, совсѣмъ по-дѣтски. Она пробѣжала по аллеѣ, вплоть до загиба—и по второй, и по третьей—по всему четырехугольнику, и спустилась опять внизъ, къ тому дубку, гдѣ они сейчасъ сидѣли.

Какой прелестный дубокъ! Такого нѣтъ другого во всемъ паркѣ. Точно онъ весь дышетъ. Листики нѣжныя, только-что распустились, тихо переливаются отъ чуть примѣтнаго вѣтерка. Пахнутъ ландышами. Гдѣ-нибудь они уже цвѣтутъ.

Она проникла въ чащу, стала искать, нашла одну былинку съ крошечными воловочьями ландыша, сорвала ее и приблизилась къ розовымъ, трепетнымъ ноздрямъ.

Что за милое благоуханіе! Она обожаетъ духи—всякіе. Но весной, на воздухѣ, тонкій духъ цвѣтка, особенно такого, какъ ландышъ!

Вотъ когда бы сѣсть въ лодку и все плыть, плыть такъ до ночи...

Надо сказать, когда вернется папа, что пора приготовить лодку. Стало тепло. Она не боится разлива. Она ничего не боится съ нимъ. Вотъ онъ теперь сидитъ у тетки Павлы. Они говорятъ о ней,—навѣрно о ней.

Саня подошла опять къ дубку—и опустилась уже прямо на траву—Николай Ниванорычъ унесъ съ собой пледъ.

Да, они говорятъ о ней. Тетя сначала его немножко позвать, а потомъ спросить: „Какія у васъ намѣренія насчетъ моей плямнницы?“ А онъ отвѣтитъ: „Мои намѣренія самыя благородныя. Александра Ивановна мнѣ нравится“. Онъ можетъ сказать: „Мы нравимся другъ другу“.

И прійдетъ папа—тетя Павла все ему скажетъ: Николай Ниванорычъ, нужный человекъ... ученый таксаторъ. Дворянинъ ли онъ? Все равно. Папа женился же на мамѣ, а она была дочь мелкаго уѣзднаго чиновника. Вотъ они женихъ съ невѣстой—и можно будетъ цѣловаться, цѣловаться безъ конца.

VII.

У сухоручки Первачъ сидѣлъ больше часа—и вышелъ отъ нея какъ разъ въ ту минуту, когда къ крыльцу подѣхалъ тарантасъ. Изъ города вернулся Иванъ Захарычъ и прошелъ прямо къ себѣ.

Его лакея Прохора Первачъ окликнулъ, проходя залой, и сказалъ ему:

— Ежели Иванъ Захарычъ меня будетъ спрашивать, я во флигель иду, а потомъ, къ чаю, вернусь:

Прохоръ, блѣднолицый, лѣнивый малый, лѣтъ за тридцать, опрятно одѣтый въ синій скуртукъ, доложилъ объ этомъ барину, войдя въ кабинетъ.

Иванъ Захарычъ только-что собрался умываться, что дѣлалъ всегда одинъ, безъ помощи прислуги. Онъ стоялъ по срединѣ обширнаго кабинета, съ альвовомъ, и разстегивалъ свою дорожную куртку—зеленаго сукна съ бронзовыми пуговицами.

Роста онъ былъ очень большого, верхковъ десяти слишкомъ, худощавый, узкій въ плечахъ, съ очень маленькой круглой го-

ловой, бѣлокурый. Мелкія черты завялаго лица не шли къ такому росту. Онъ носилъ жидкіе усики и брилъ бороду. Ротъ съ плоскими зубами ущемлялся въ постоянную висловатую усмѣшку. Плоскіе, рѣдкіе волосы онъ раздѣлялъ на лбу прямымъ пробормомъ и зачесывалъ на височьяхъ. Голову держалъ онъ высоко, немного закидывая, и ходилъ, почти не сгибая колѣнъ.

— Попроси Николая Никанорыча сюда... такъ, минутъ черезъ двадцать.

— Слушаю-съ!

Прохоръ вышелъ. Иванъ Захарычъ снялъ дорожную куртку и повѣсилъ ее въ шкафъ. Онъ былъ франтоватъ и чистоплотенъ. Кабинетъ—по отдѣлкѣ—совсѣмъ не походилъ на другія комнаты дома: коверъ, дорогіе обои, огромный письменный столъ, триповая мебель, хорошія гравюры въ черныхъ нарядныхъ рамкахъ. На одной стѣнѣ висѣло нѣсколько ружей и кинжаловъ, съ лисьей шкурой по срединѣ. Въ глубинѣ алькова стояла кровать—бронзовая, съ голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

Умывался онъ долго и шумно. Два мохнатыхъ полотенца висѣли на штативахъ, надъ умывальникомъ съ педалью, выписаннымъ изъ Москвы, съ мраморной доской. Также долго вытиралъ онъ лицо и руки, засученныя до локтей.

На лбу—крутомъ, низкомъ, обтянутомъ желтвющей кожей—держалась крупная морщина. Безцвѣтные, желтоватые глаза его ослабленно хмурились.

Иванъ Захарычъ вернулся изъ города самъ не свой. Другой бы на его мѣстѣ сталъ швырять чѣмъ ни попало или придираяться къ прислугѣ. Онъ себѣ этого не позволитъ. Онъ—Черносошный, обязанъ себя сдерживать во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Горачиться и ругаться—на это много теперь всякой разночинской дряни. Онъ—Черносошный!

Дѣла идутъ скверно. И съ каждымъ годомъ все хуже. Думалъ онъ заложить лѣсную дачу. Банкъ оцѣнилъ ее слишкомъ низко. Но денегъ теперь нѣтъ нигдѣ. Купчишки сжались; а больше у кого же искать? Сроки платежа процентовъ, по обоимъ имѣніямъ, совпадали—въ концѣ іюня. А платить нечѣмъ. До сихъ поръ ему устраивали разсрочки. Въ банкѣ свой братъ—дворянинъ. И директоръ—предсѣдатель, и двое другихъ—его товарищи.

Но тамъ что-то неладно. Въ городѣ заѣхалъ онъ къ предводителю, своему дальнему родственнику и даже однополчанину,—только тотъ его моложе лѣтъ на десять, ему пошелъ сорокъ второй годъ,—выбранному, послѣ него, два года назадъ, когда Иванъ Захарычъ самъ отказался наотрѣвъ служить третье трех-

лѣтіе, хотя ему и хотѣлось получить орденъ или статскаго совѣтника. Дѣла тогда сильно повачнулись. Почетъ—почетомъ; но разореніе—хуже всего.

Предводителя онъ нашелъ въ сильномъ разстройствѣ. Онъ получилъ извѣстіе, что въ банкѣ обнаруженъ подлогъ, и на сумму въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Дѣло дошло до прокурора. Поговариваютъ, что одинъ изъ директоровъ—не отвертится. И не одно это. По двумъ имѣніямъ, назначеннымъ въ продажу, ссуда оказалась вдвое больше стоимости. Оба имѣнія—двоюроднаго брата старшаго директора. Въ газетахъ—даже въ столичныхъ—появились обличительныя корреспонденціи—„этихъ бы писаки всѣхъ перебѣшать!“—и неизбежно созваніе экстреннаго съѣзда дворянъ—банкъ ихъ сословное учрежденіе. Въ городѣ началась паника, вкладчики кинулись брать назадъ свои деньги съ текущихъ счетовъ и по долгосрочнымъ билетамъ, по которымъ банкъ платитъ шесть процентовъ. Нечего и думать—выхлопотать отсрочку. Довольно и того, что по обоимъ имѣніямъ оцѣнка была сдѣлана очень высокая. Тогда Иванъ Захарычъ служилъ предводителемъ—и одинъ изъ директоровъ былъ съ нимъ на „ты“, учился вмѣстѣ въ гимназіи.

Но вся эта передрага въ банкѣ прямо не касается его родственника. А между тѣмъ онъ точно самъ попался. У него имѣніе заложено—„да у кого есть незаложенное имѣніе?“—но давнымъ-давно, еще отцомъ его, въ одномъ изъ столичныхъ банковъ; а недавно онъ, получивъ добавочную сумму, перезаложилъ его въ дворянскій центральный банкъ. И эти деньги онъ уже прожилъ. Живетъ онъ черезъ-чуръ шибо, съ тѣхъ поръ, какъ связался съ этой бабенкой, бывшей женой акцизнаго чиновника. Онъ ее развелъ, мужу—„подлецу“ заплатилъ отступного чуть не сорокъ тысячъ, разводъ съ вѣнчаніемъ обошелся ему тысячъ въ десять, если не больше. За границу она его увезла; цѣлыхъ полгода они тамъ путались, въ рулетку играли. Франтиха она—самая отчаянная. По три дюжины у нея всего нижняго бѣлья и обуви, и все шоловое, съ кружевами; какого цвѣта рубашка, такого и чулки, и юбка. Даромъ, что бывшая жена акцизнаго, а смотритъ настоящей французской кокеткой. И вотъ, съ самаго своего предводительства—третій годъ они оба такъ мотають. Въ Москву ѣздятъ чуть не каждый мѣсяць, и непременно въ „Славянскомъ-Базарѣ“ отдѣленіе берутъ. Въ уѣздномъ городишѣ умудряются проживать, на одно хозяйство, больше пятисотъ рублей въ мѣсяць.

Онъ былъ прежде предсѣдателемъ управы. И когда сдавалъ должность—оказалась передержка. Тогда дѣло замяли, дали ему

время внести въ нѣсколько сроковъ. Теперь, въ опеку, завелись сиротскія и разныя другія деньги. Иванъ Захарычъ сдалъ ему сполна больше двадцати тысячъ, и съ тѣхъ поръ стало извѣстно, что по двумъ имѣніямъ, находящимся въ пожизненномъ пользованіи жены, хранятся процентныя бумаги отъ выкуповъ, которые состоялись поздно — уже послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ предводителей. Кажется, тысячъ на тридцать, если не больше.

Когда родственникъ его, теперешній предводитель, началъ ему намекать на „тиски“, въ какіе можетъ попасть, — Иванъ Захарычъ сейчасъ же подумалъ: „ужь не запустилъ ли лапу въ сундукъ опеки“? Можетъ ли онъ отвѣчать за него? По совѣсти — нѣтъ. Да и не за него одного... Вѣдь и директора банка — тоже дворяне, пользовались общимъ довѣріемъ, какъ себя благородно держали... А теперь вонъ какихъ дѣлъ натворили!..

Иванъ Захарычъ считалъ себя выше подобныхъ не-дворянскихъ поступковъ. Этимъ онъ постоянно преисполненъ. Если при залогѣ имѣній онъ добился высокой оцѣнки, то все же они стоятъ этихъ денегъ, хотя бы при продажѣ съ аукціона и не дали такой цѣны. Онъ въ долгу у обѣихъ сестеръ, и ему представляется довольно смутно, чѣмъ онъ обезпечитъ ихъ, случись съ нимъ бѣда, допусти онъ до продажи обѣихъ имѣній. Конечно, должны получиться лишки... А если не найдется хорошаго покупателя?

Ему всегда кажется, что какъ бы онъ ни принужденъ былъ поступить — все-таки онъ останется благороднымъ человекомъ, представителемъ рода Черносопныхъ — послѣдняго въ родѣ, мужского пола... У него, кромѣ Сани, двѣ незаконныхъ дочери. Еслибъ онъ даже и женился на ихъ матери и выхлопоталъ имъ дворянскія права — онѣ дѣвочки. Будь хоть одинъ мальчикъ — онъ бы женился. Онѣ съ матерью обезпечены — хоть и небольшимъ капиталомъ.

А Саня?

Но Саня — не его дочь. Онъ давно помирился съ тѣмъ, что его жена измѣнила ему. У него въ столѣ лежатъ письма того „мусьяка“, очутившіяся въ рукахъ сестры Павлы, которая ему и доказала, что покойная жена не заслуживала памяти честной женщины. Онъ не мститъ Санѣ за вину матери, но и не любить ее, на что имѣетъ полное право. Выдать ее поскорѣе замужъ! Приданого тысячъ десять... Родовыхъ правъ у нея никакихъ нѣтъ. Ея мать была бѣдная пепиньерка.

Десять тысячъ — не малыя деньги, по нынѣшнему времени, даже и для барышни изъ хорошаго дома; да вѣдь и ихъ надо при-

пасти. Вмѣстѣ съ долгомъ обвѣимъ сестрамъ, по сохраннымъ роспискамъ, ему придется заплатить кругленькую цифру, чуть не въ пятьдесятъ тысячъ.

Продажа лѣсной дачи дастъ больше, но на охотника. Онъ думалъ-было занять у предводителя; а тотъ началъ самъ просить взаймы, хоть тысячу рублей, чтобы поѣхать въ губернской городъ и тамъ затѣнуть кому-то „глотку“, чтобы не плели „всякихъ пакостныхъ сплетенъ“.

Иванъ Захаровичъ все живѣе и живѣе чувствовалъ, что онъ близокъ къ краху, и не одинъ онъ, а всѣ почти подобные ему люди. Но обвинять себя онъ не могъ. Жилъ, какъ пристойно дворянину, не пьяница, не картежникъ. Есть семейство съ лѣвой стороны,—такъ онъ овдовѣлъ молодымъ, и все это прилично, на сторонѣ, а не дома.

Ему было себя ужасно жаль. Не онъ виноватъ, а проклятое время. Дворяне несутъ крестъ... Теперь надумали поднимать слово... Поздно локти кусать. Нельзя уже остановить всеобщее разореніе. Ничего другого и не остается, какъ хапать, производить растраты и подлоги. Только онъ—простофиля—соблюдалъ себя и дожилъ до того, что не можетъ заплатить процентовъ и рискуетъ потерять двѣ прекрасныя вотчины—ни за понюшку табаку!

И все-таки онъ не измѣняетъ себѣ, ни въ обхожденіи, ни въ чувствѣ своего дворянскаго превосходства, не ругается, не жалуется, не куситъ. Это—ниже его.

Придется пустить себѣ въ лобъ пулю—онъ это сдѣлаетъ съ достоинствомъ. Но до такого конца зря онъ себя не допустить.

VIII.

Иванъ Захаровичъ надѣлъ домашнюю „тужурку“ — свѣтло-сѣрую съ голубымъ ободкомъ, сѣлъ въ кресла и сталъ просматривать какія-то бумаги.

— Можно?—окликнулъ Первачъ въ полуотворенную дверь. Онъ тоже переодѣлся въ черный сюртукъ.

— Войдите, войдите, Николай Ниванорычъ! Весьма радъ!

На „таксатора“ Иванъ Захаровичъ возлагалъ особенныя надежды. Да и сестра Павла уже говорила, что слѣдуетъ съ нимъ хорошенько столбоваться—повести дѣло на чистоту, предложить ему „здоровую“ комиссію.

— А я сейчасъ отъ Павлы Захаровны,—сказалъ Первачъ, подавая руку.

— Это хорошо. Она мои обстоятельства прекрасно знаетъ.

Рѣчистостью Иванъ Захаровичъ не отличался. Всякій дѣловой разговоръ стоилъ ему немалыхъ усилій.

— Павла Захаровна—особа большого ума... И ваши интересы превосходно понимаетъ.

— И что же?.. Стало быть?..

— Она того мнѣнія, что лѣсную дачу и усадьбу съ паркомъ надо продать безотлагательно.

— Легко сказать... Цѣны упадутъ. Вотъ и Низовьевъ продаетъ.

— Его лѣсъ больше, но хуже вашего, Иванъ Захарычъ. И теперь, послѣ надлежащей таксаціи, производимой мною...

— Все это такъ, Николай Никанорычъ. Но я отъ васъ не скрою... Платежъ процентовъ, по обоимъ имѣніямъ, можетъ поставить меня...

— Понимаю!.. Видите, Иванъ Захарычъ... — Первачъ сталъ медленно потирать руки:—по пословицѣ: голенькій—охъ, за голенькимъ—Богъ... Дачу свою Низовьевъ—я уже это сообщилъ и сестрицѣ вашей—продаетъ новой компаніи... Ея представитель—нѣкій Теркинъ. Врядъ-ли онъ очень много смыслить. Аферистъ на всѣ руки... И писали мнѣ, что онъ самъ мечтаетъ попасть поскорѣе въ помѣщики... Чуть-ли онъ не изъ крестьянъ. Очень можетъ быть, что ему ваша усадьба съ такимъ паркомъ—покажется. На нихъ вы ему сдѣлаете уступку—съ переводомъ долга.

— Тяжело будетъ разстаться съ этой усадьбой. Она перешла въ родъ Черносошныхъ...

— Понимаю, Иванъ Захарычъ. Зато на лѣсной дачѣ онъ можетъ дать по самой высшей оцѣнкѣ...

— Хорошо, еслибы вы...

— Я не говорю, что мнѣ удастся непременно попасть на службу компаніи, но есть шансы, и весьма серьезные...

— Ахъ, хорошо бы!.. Будьте увѣрены—я съ своей стороны...

У Ивана Захаровича не хватило духа досказать. Это была сдѣлка. Пускай за него сторгуется сестра Павла.

Первачъ опустилъ рѣсницы своихъ красивыхъ глазъ. Онъ уже выслушалъ отъ Павлы Захаровны намеки на то, что вмѣстѣ съ хорошей комиссіей можно получить и руку ея племянницы. „Сухоручка“ дала ему понять и то, что будь Саня—любимая дочь и племянница Ивана Захарыча и ея, Павлы Захаровны,—ему, землемѣру, хоть и ученому, нечего было бы и мечтать

ней... Но это его не восхитило... За Санечкой дадутъ какую-нибудь малость.. И кто ихъ знаетъ?—онѣ, быть можетъ, эти старыя дѣвы, ловятъ его, и наливочкой подпаиваютъ, и сквозь пальцы смотреть на то, какъ барышня начинаетъ съ нимъ амуриться... Другое дѣло, если онъ выговорить себѣ порядочный кушъ, при продажѣ лѣсной дачи... по крайней мѣрѣ тысячь въ десять. Да и это—не очень-то соблазнительно... Женись, накладывай на себя ярмо, дѣвочка — глупенькая, черезъ три-четыре года раздобрѣеть, народить дѣтей — и возись со всей этой дѣтворой!

Все это Первачъ сообразилъ прежде, чѣмъ пришелъ сюда. Но онъ не желалъ выставять себя „лодыремъ“.

— Позвольте вамъ замѣтить, Иванъ Захарычъ,—заговорилъ онъ, мѣняя тонъ, — что у каждаго человѣка есть своя присяга. Я — по совѣсти — считаю вашу лѣсную дачу хоть и вдесятеро меньше, чѣмъ у Нивозьева, моего главнаго патрона въ настоящую минуту, но по качеству выше. И оцѣнка ей сдѣлана была очень низкая, при проектѣ залога въ банкъ.

— Еще бы! — вырвалось у Ивана Захарыча.

— Но я не могу же не способствовать продажѣ Нивозьевской дачи... тѣмъ болѣе, что у нихъ съ компаніей все уже на мази...

— Я и не требую! Помилуйте!

— Другое дѣло — захотить представителя компаніи, этого Теркина. Если же ему самому приглянется и ваша усадьба съ паркомъ, то надо будетъ на этомъ особенно поиграть. Брядъ-ли у него есть свои большія деньги. Разгорятся у него глаза на усадьбу—мой совѣтъ: продать ему какъ можно сходнѣе.

— Такую усадьбу! Николай Никанорычъ! Родовая вотчина... И паркъ!.. Знаете, тяжело... Всякій дворяннъ...

— Понятное дѣло! Но вѣдь вы можете лишиться ее за бездѣнокъ... Изъ-за недвимокъ банку!

— Я какъ-нибудь...

Иванъ Захарычъ чувствовалъ, что говоритъ на-вѣтеръ, что кредиту у него нѣтъ, что онъ и не имѣетъ права надѣяться...

— Положимъ... Вы извернетесь... За оба имѣнія вамъ—позвольте узнать—сколько приходится платить въ годъ?

Иванъ Захарычъ сказалъ цифру.

— Деньги не особенно большія; но надо ихъ добыть.

— Да, да, — повторилъ Иванъ Захарычъ.

Его обычная кисловатая усмѣшка не исчезла съ губъ; но голову онъ уже не держалъ такъ высоко.

— Душевно радъ бы былъ и въ этомъ оказать вамъ содѣйствіе, многоуважаемый Иванъ Захарычъ...

Въ головѣ Первача мелькнуло соображеніе: „пожалуй, и за таксаторскую работу ничего не заплатитъ этотъ гусь,—такъ поневолѣ придется его выручить“.

— Душевно радъ былъ бы, — повторилъ онъ послѣ маленькой паузы. — Положимъ, у того же Низовьева я могъ бы, въ видѣ личнаго одолженія...

Иванъ Захарычъ началъ краснѣть. Этакій „шмерць“, землемѣришка — а говорить съ нимъ, Чернососнвымъ, точно начальникъ съ просителемъ, хоть и въ почтительномъ тонѣ. Нечего дѣлать!.. Такія времена! Надо терпѣть!

— „Въ видѣ личнаго одолженія“, — повторилъ онъ фразу Первача.

— Достать эту сумму... Но эти богачи—хуже нашего брата, трудового человѣка... Очень можетъ быть, что вотъ онъ пріѣдетъ и передъ миллионной сдѣлкой у него въ бумажникѣ—какая нибудь тыщонка рублей.

— Очень можетъ быть!—повторилъ Иванъ Захарычъ.

На его низкомъ крутомъ лбу стали выступать потъ. Разговоръ уже тяготилъ его, давилъ ему виски.

— Но предположимъ,—продолжалъ Первачъ, замедляя свою дикцію и затянувшись длинной струей дыма:—предположимъ, что мы добудемъ эти деньги...

„Мы,—повторилъ мысленно Иванъ Захарычъ:—вонъ какъ поговариваетъ... Времена такія!..“

— Ваша сестрица Павла Захаровна весьма резонно замѣчаетъ, что это была бы только отсрочка... краха...

„Вонъ какія слова употребляетъ! Крахъ!.. И терпи!“—подумалъ Иванъ Захарычъ.

— Извините... я называю крахомъ...

— Да, да, нынѣшнее слово, я знаю...

— Слово настоящее, Иванъ Захарычъ. Зачѣмъ же доводить себя?

— Конечно, конечно.

— Моментъ наступаетъ самый для васъ благопріятный. Надо его ловить!.. Безъ ложной скромности скажу—мое посредничество...

— Я понимаю, я чувствую, Николай Ниванорычъ.

— Только вы мнѣ не мѣшайте. Слѣдуетъ половчѣе подойти въ этому Теркину. Я не скрою—мой личный интересъ тоже тутъ замѣшанъ, но для васъ это еще важнѣе.

— Совершенно вѣрно.

— Работа моя, по вашей дачѣ, будетъ кончена много-много черезъ три-четыре дня... На дняхъ же прибудетъ въ Заводное и Теркинъ.

— Этотъ агентъ?

— Не агентъ, Иванъ Захарычъ, а главный воротила компаніи. Но я еще не кончилъ... Сообразите: ежели вы упустите моментъ...

Раздался сдержанный вздохъ Ивана Захарыча.

— Крахъ неизбеженъ... Дошли до васъ слухи о томъ, какихъ дѣлъ надѣлали директора банка?.. Я сегодня утромъ слышалъ... Вы вѣдь были въ городѣ... Тамъ навѣрно знаютъ...

— Дурные слухи... Но вѣдь, знаете, на дворянство вездѣ клеветуютъ...

— Полно, такъ ли?

Острые глаза Первача остановились на Иванѣ Захарычѣ.

— Поговариваютъ, что и здѣшній предводитель... Вы изви-ните... Онъ, кажется, вашъ родственникъ.

— Дальній!

— Вы къ нему заѣзжали?

— Какже.

— Ну, разумѣется, онъ скрываетъ?

— Не знаю.

Ивану Захарычу дѣлалось не въ моготу.

— Стало быть, если не компанія — крахъ неизбеженъ, — заключилъ Первачъ: — банкъ можетъ прекратить платежи, имѣнія упадутъ, вы загубите и усадьбу съ паркомъ, и лѣсную дачу — за какую-нибудь презрѣнную недоимку.

Дверь отворилась съ жидкимъ скрипомъ. Прохоръ просунулъ голову и доложилъ:

— Барышня Павла Захаровна просятъ кушать чай.

— Тиски! Тиски! — почти кривнулъ Иванъ Захарычъ, вскочилъ съ кресла и отеръ лобъ платкомъ: лобъ весь былъ влажный.

„Крахъ!“ выговорилъ онъ про себя и почувствовалъ холодъ въ колѣняхъ.

IX.

Половодье проникло къ самому частовоку одной изъ двухъ церквей села Заводнаго.

Пономарь лѣниво звонилъ къ вечернѣ, когда въ ограду вошелъ рослый баринъ, въ синемъ пальто и низкой поярковой шляпѣ.

Это былъ Теркинъ.

Онъ не постарѣлъ, но похудѣлъ въ лицѣ; держался не такъ прямо, какъ въ прошломъ году, и бороду запустилъ.

Сегодня утромъ приѣхалъ онъ въ Заводное и осматривалъ лѣсную дачу помѣщика Низовьева. Съ нимъ онъ долженъ былъ видѣться въ уѣздномъ городѣ—верстахъ въ пятнадцати отъ берега, по старой московской дорогѣ.

Пономарь звонилъ внизу, около паперти колокольни, и тянулъ за веревку, стоя одной ногой на ступенькѣ—старый пономарь съ косицей сдѣвющихся волосъ, безъ шапки, въ нанковомъ подрасникѣ.

Онъ остановился и спросилъ Теркина:

— Вамъ—батюшку?

— Нѣтъ, я бы хотѣлъ на колокольню.

— На колокольню?—переспросилъ пономарь.

Теркинъ, вмѣсто отвѣта, сунулъ старику рублевую бумажку. Тотъ совсѣмъ бросилъ веревку и засуетился.

— На разливъ поглядѣть желаете? Это точно... Видъ превосходный.

И онъ засуетился.

— Вы, любезнѣйшій, дѣлайте свое дѣло. Я одинъ подымусь...

Бодрымъ, молодымъ движеніемъ Теркинъ юркнулъ въ дверь и поднялся наверхъ. Пономарь продолжалъ звонить, засунувъ бумажку въ карманъ своихъ штановъ. Онъ поглядывалъ на верхъ и спрашивалъ себя: кто можетъ быть этотъ заѣзжій господинъ, пожелавшій лѣзть на колокольню? Изъ чиновниковъ? Или изъ помѣщиковъ?.. Такого онъ еще не видалъ. Да въ село и не заѣзжаютъ господа. Купцы—бываютъ, прѣсолы, скупщики меда, кожъ, льну... Село торговое... Только этотъ господинъ не смотреть простымъ купцомъ. Надо будетъ сказать батюшкѣ. А онъ еще не приходилъ...

На колокольнѣ Теркинъ сталъ въ пролетѣ, выходящемъ на рѣку... Немного правѣ зеленѣлъ парѣ усадьбы Черносопныхъ, а крыша дома отдѣлялась темно-красной полосой. Онъ вынулъ изъ кармана пальто небольшой бинокль и долго смотрѣлъ туда.

Сколько лѣтъ утекло съ того дня, когда онъ—впервые—мальчуганомъ, попалъ съ отцомъ въ Заводное и съ этой самой колокольни любовался паркомъ барской усадьбы, мечталъ, какъ о сказочномъ благополучіи, обладать такой усадьбой! Барскаго дома онъ и тогда не видалъ какъ слѣдуетъ, но воображалъ себѣ, что тамъ, позади парка—роскошныя палаты. До боли въ вискахъ любовался онъ усадьбой, и вотъ судьба привела его

сюда же главнымъ воротилой большой компаніи, скупающей лѣса у помѣщиковъ. Онъ—душа этого дѣла. Его идея—оградить отъ хищничества лѣсныя богатства Волги, держаться строго рациональныхъ приѣмовъ хозяйства, учредить „заказники“, заняться въ другихъ, уже обезлѣсенныхъ мѣстахъ системой правильного лѣсонасажденія.

Судьба!.. И этотъ паркъ, восхищавшій его въ дѣтствѣ, уцѣлѣлъ, точно на диво, чтобы сдѣлаться его собственностью. Ему уже писалъ таксаторъ,—нанятый Низовьевымъ, главнымъ продавцомъ въ здѣшнемъ краѣ,—что усадьбу Заводнаго съ паркомъ можно приобрести на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Этотъ таксаторъ—видимо—желаетъ поступить на службу компаніи. Они должны видѣться въ городѣ. Нарочно пріѣхалъ онъ двумя днями раньше, чѣмъ назначилъ, взявъ съ собою своего вѣрнаго человека—практика лѣсовода. Они осмотрѣли сегодня дачу Низовьева. Таксаторская работа произведена толково и даже съ разными нынѣшними „штучками“. Есть, однако, не мало беспорядочныхъ порубокъ. Тотъ же таксаторъ писалъ ему, что у владѣльца усадьбы съ паркомъ—лѣсная дача тоже продается. Если она стоющая—можно ее пристегнуть къ дачѣ Низовьева.

А усадьба съ паркомъ?

Теркинъ разглядывалъ въ бинокль очертанія парка, лужайки и купы деревьевъ, съ нѣжной зеленью и, кое-гдѣ, еще полуголыми вѣтвями... Его начала разбирать такая же охота—владѣть всѣмъ этимъ, какъ и въ дѣтствѣ, когда онъ влѣзалъ на ту же колокольню или „каланчу“—какъ онъ выражался по-кладенецки. Онъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію—купить и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать ихъ центромъ мѣстнаго управленія—проводить здѣсь часть лѣта... И когда захочетъ—черезъ два-три года компанія уступитъ ему въ полную собственность. Цѣну онъ дастъ настоящую.

Все осуществимо! И чувство удачи и силы никогда еще не наполняло его, какъ теперь, вотъ на этой колокольнѣ. Ему самому не вѣрится, что въ какихъ-нибудь два года, онъ—въ миллионныхъ дѣлахъ, хоть и не на свой собственный капиталъ. Началъ съ одного парохода, завелъ дѣло на Каспійскомъ морѣ, а теперь перемахнулъ на верховья Волги, сплотилъ нѣсколькихъ денежныхъ тузовъ и безъ всякаго почти труда проводить въ жизнь свою завѣтную мечту. И совѣсть его чиста. Онъ не для „кубышки“ работаетъ, а для общенароднаго дѣла. Съ тѣхъ поръ, какъ деньги плывутъ къ нему, онъ къ нимъ все равнодушнѣе—это несомнѣнно. Прежде онъ любилъ ихъ; по крайней мѣрѣ

ему казалось такъ, а теперь онѣ—только средство, а ужъ никакъ не цѣль... Пачки сторублевокъ, когда онъ считаетъ ихъ, не даютъ ему никакого ощущенія, — точно перелистываетъ книжку съ бѣлыми страницами.

Глаза утомились глядѣть въ бинокль. Теркинъ положилъ его въ футляръ—и еще постоялъ у того же пролета колокольни. За рѣбой паркъ манилъ его къ себѣ, даже въ теперешнемъ запущенномъ видѣ... Судьба и тутъ работала на него. Выходить такъ, что владѣлецъ самъ желаетъ продать свою усадьбу. Значить—„приспичило“. Исторія — известная... Дворяне-помѣщики и въ этомъ лѣсномъ углу спускать скупщикамъ свои родовыя дачи, а усадьбы забросать... Не одна неумѣлость губить ихъ, а „распуста“.

Теркинъ опять употребилъ мысленно свое слово, передѣланное имъ на русскій ладъ и подслушанное у одного инженера-поляка.

Повально воруютъ вездѣ: въ банкахъ, опекахъ, земскихъ управахъ, гдѣ только можно, безъ стыда и удержу. Какъ разъ онъ—изъ губернскаго города, гдѣ собирается крупный скандалъ: въ банкѣ проворовались господа директора, довѣренные люди цѣлой губерніи—и паника растетъ; всѣ вынуждены вынимать свои вклады. А у кого есть еще чтд спускать—безсмысленно и также безстыдно расхищаетъ, какъ этотъ Низовьевъ, старѣющій женолюбецъ, у котораго Парижъ не оставить, подъ конецъ жизни, ни одной десятины лѣса.

Развѣ онъ—Теркинъ—не благое дѣло дѣлаетъ, что выхватываетъ изъ такихъ рукъ общенародное достояніе? Безъ воды да безъ лѣса Поволжье на сотни и тысячи верстъ—въ длину и ширину—обнищаетъ въ вакихъ-нибудь десять-двадцать лѣтъ. Это не жулачество, не спекуляція, а „миссія“! И она питаетъ его душу. Иначе приходилось бы черезъ-чуръ ужъ одиноко стоять среди всей этой, хотя бы и випучей, дѣловой жизни.

Сердце, молодая еще кровь, воображеніе, потребность женской ласки—точно замерли въ немъ. За цѣлый годъ былъ ли онъ хоть единожды, съ глазу на глазъ, въ увлекательной бесѣдѣ съ молодой, красивой женщиной?... Ни одинаго раза... Не лучше ли такъ?

Теркинъ опустилъ голову. На колокольнѣ было тихо. Пономарь отзвонилъ. Въ церковь давно уже прошелъ священникъ. Народъ собирался въ службѣ, полегоньку.

Медленно спустился онъ по крутой лѣсенкѣ, но съ паперти въ церковь не зашелъ. Ему пора было ѣхать въ городъ. Онъ

остановился у приказчика, завѣдующаго лѣснымъ промысломъ помѣщика Низовьева и сплавомъ плотовъ внизъ по Волгѣ, къ городу Васильсурску, куда съѣзжаются, каждый годъ, въ полуую воду, крупные лѣсохозяева. Оттуда и ждали Низовьева, завтра или послѣ-завтра.

Село Заводное немного напоминало Теркину его родной Кладенецъ—видомъ построекъ, базарной площадью и церквами, но положеніе его было плоское, на луговомъ берегу. Къ сѣверу отъ него тянулись лѣса, еще не истребленные скупщиками, на сотню верстъ. Когда-то тамъ водились скиты... Въ самомъ селѣ не было раскольниковъ.

На улицахъ стояла послѣобѣденная тишь.

Приказчикъ Низовьева занималъ чистенькій домикъ, на выѣздѣ. Онъ, до обѣда, уѣхалъ въ городъ, приготовить квартиру, гдѣ и Теркинъ долженъ былъ остановиться, вмѣстѣ съ Низовьевымъ. Отъ него узналъ онъ, что предводителемъ въ уѣздѣ Петръ Аполосовичъ Звѣревъ.

„Да это—нашъ Петька!“—сообразилъ Теркинъ, но не сказалъ, что они—товарищи по гимназіи.

Внезапной встрѣчѣ съ своимъ участникомъ въ школьной исторіи съ учителями онъ не очень обрадовался, но и не смутился ею: все это было уже такъ далеко! Онъ вспомнилъ только угрозу Звѣреву, если тотъ ничего не сдѣлаетъ для его названнаго отца, когда они бросали жребій... Ивана Прокофьева и старуху его онъ прокормилъ на свои деньги и ни къ кому не обратился за помощью. И самъ не погибъ! „Петька“, вѣроятно, такая же тупица, какою былъ и въ гимназіи. Положенію его онъ не завидовалъ. Навѣрно и у него найдется что-нибудь продажное; но мирволить онъ ему не станетъ, не будетъ ему выказывать и никакихъ аттенцій. Со всѣми мѣстными властями онъ держитъ себя суховато, не допускаетъ никакого запанибратства.

Х.

Тарантасъ покачивалъ свой широкій, валкій кузовъ—настоящій купеческій тарантасъ, какіе сохранились еще вездѣ, гдѣ надо ѣздить по старымъ большимъ дорогамъ и проселкамъ.

Ѣхать было довольно мягко, безъ пыли—отъ недавняго дождя, по глинистому грунту. Наѣзженная колея держалась около одного края широчайшаго полотна, вплоть у березъ; за ними шла тропка

для пѣшеходовъ. Солнце только-что сѣло. Свѣжесть все прибывала въ воздухѣ.

Теркина везла тройка обывательскихъ, на крупныхъ рыскахъ. Рядомъ съ ямщикомъ, въ верблюжьемъ зипунѣ и шляпѣ „гречушникомъ“ — торчала маленькая, широкоплечая фигура карлика Чурилина. Онъ повсюду ѣздилъ съ Василюмъ Ивановичемъ — въ самыя дальнія мѣста, и весьма гордился этимъ. Чурилинъ сдвинулъ шапку на затылокъ и уши его торчали въ разныя стороны, точно у татарченка. Въ дорогу онъ неизмѣнно надѣвалъ: вязаную синюю фуфайку, какія носятъ дворники, поверхъ жилета, и въ накидку старое пальто.

Въ гарантасѣ надо было лежать на снѣгѣ, покрытомъ попоной, съ дорожными подушками за спиной.

— Антонъ Пантелѣвичъ! — обликнулъ Теркинъ своего спутника.

— А-съ?

Тотъ, задумчиво смотрѣвшій въ другую сторону, повернулъ къ нему свое лицо, круглое, немного пухлое, молодежавое лицо человѣка, которому сильно за-сорокъ, красноватое, съ плохо-ростущей бородкой. На головѣ была фуражка изъ синяго сукна. Тѣнь козырька падала на узкіе, сѣрые глаза, добрые и высматривающіе, и на короткій, мясистый носъ, съ маленькимъ раздвоеніемъ на кончикѣ.

Антонъ Пантелѣвичъ Хрящевъ сидѣлъ, подавшись нѣсколько впередъ, въ аккуратно застегнутомъ, опрятномъ драповомъ пальто, безъ перчатокъ. Его можно было, всего скорѣе, принять за управляющаго. Немного сутуловатый и полный въ туловищѣ, онъ былъ на цѣлую голову ниже Теркина.

— Посмотрите-ка... Удивительно—какъ это березы, по сіе время, уцѣлѣли.

— Дѣйствительно, Василій Ивановичъ. И не здѣсь только, а и въ полустепныхъ губерніяхъ—въ тамбовской, въ орловской. И тамъ еще ракиты не перевелись по старымъ дорогамъ.

Хрящевъ говорилъ жидковатымъ, хриплымъ теноркомъ, придыхая на особый ладъ, чрезвычайно мягко и осторожно. Сегодняшній осмотръ лѣсной дачи помѣщика Низовьева показалъ Теркину, что онъ приобрѣлъ въ этомъ лѣсоводѣ отличнаго практика и вдобавокъ характернаго русака, къ которому онъ началъ присматриваться съ особеннымъ интересомъ.

Хрящева ему рекомендовали въ Москвѣ. Онъ учился, когда-то, въ тамошней сельскохозяйственной школѣ, ходилъ въ управляющихъ, больше двадцати лѣтъ, зналъ землемѣрную часть, могъ

вести и винокуренный заводъ, но льнулъ больше всего къ лѣсоводству; былъ вдовъ и бездѣтенъ.

Между ними сразу установило связь ихъ симпатія къ лѣсу и ненависть къ расхищенію лѣсныхъ богатствъ. Когда Теркинъ окликнулъ Антона Пантелѣвича, тотъ собирался высказать свое душевное довольство, что вотъ и ему привелось попасть въ чело-вѣку „съ понятіемъ“ и „съ благородствомъ въ помышленіяхъ“, при „большой быстротѣ хозяйственнаго соображенія“.

Онъ любилъ выражаться литературно, книжки читалъ, по зимамъ, въ большомъ количествѣ и тайно пописывалъ стихи въ „обличительномъ“ и „философическомъ“ родѣ.

— Василій Иванычъ!—вдругъ заговорилъ онъ, повернувшись всѣмъ туловищемъ къ Теркину: — позвольте мнѣ отблагодарить васъ за сегодняшній день...

— Въ какихъ же смыслахъ, Антонъ Пантелѣвичъ?—отвѣтилъ шутливо Теркинъ.

— Объѣзжая съ вами дачу господина Низовьева я, въ первый разъ во всю мою жизнь, не скорбѣлъ, глядя на вѣковой боръ, на всѣхъ этихъ маститыхъ старцевъ, возносящихъ свои вершины...

— Любите фигурно выражаться, Антонъ Пантелѣвичъ! — перебилъ Теркинъ и ударилъ его по плечу.

Хрящевъ потупилъ глаза, немного сконфузившись.

— Прошу великодушно извиненія... Я чудаковать—это точно; но не заношусь, не считаю себя выше того, что я собою представляю. Съ вами, Василій Иванычъ, если разрѣшите, я буду всегда на-распашку; вы поймете и не осудите... Развѣ я не правъ, что передо мною—какъ бы это выразиться... нѣкоторая эмблема явилась?

— Эмблема?

— А какъ же-съ? Продавецъ—прирожденный баринъ, а покупатель — вы, человѣкъ самъ себя сдѣлавшій, такъ сказать, радѣтель за идею, настоящій патриотъ... И родомъ вы изъ крестьянскаго званія — вы изволили мнѣ это сами сообщить, и не затѣмъ, чтобы этимъ кичиться... Эмблема-съ... Тамъ—неосмысленное и преступное хищеніе; здѣсь — охрана родного достоянія! Эмблема!

— Эмблема!—повторилъ Теркинъ и тихо разсмѣялся.

Изліянія Антона Пантелѣвича онъ не могъ счесть грубой лестью. Сквозь сладковатые звуки его говора и книжные обороты рѣчи проглядывала несомнѣнная искренность. И чудаковатость его правилась ему. Въ ней было что-то и стародавнее, и но-

вѣйшее, отзывавшееся „умными“ книжками и обращеніемъ съ „идейными“ людьми.

— Нѣкоторое прообразование, Василій Иванычъ! Измѣняютъ землѣ господѣ вотчинники. Потомки предковъ своихъ не почитаютъ...

— И предки-то были тоже сахары-медовичи...

— Всеконечно. Но въ тѣхъ пребывало этакое чувство — какъ бы сказать — служилое... Рабами воздѣлывали землю — это точно; но, между прочимъ, округляли свои угодья, изъ рода зря не выпускали ни одной пустоши, ни одного лѣсного урочища. И службу царскую несли.

— Кормились знатно на воеводствахъ!

— Ходили тоже и на войну... Даромъ-то помѣстій, въ тѣ поры, не давали. Этакое лѣсное богатство, хоть бы у того же самаго господина Низовьева... И вырубать его безъ пощады... все равно, что первый попавшійся Колупаевъ...

— Щедрина почитывали? — спросилъ Теркинъ.

— Есть тотъ грѣшновъ... И ежели господинъ Низовьевъ ученаго таксатора пригласилъ, то, видимое дѣло — для того лишь, чтобы товаръ съ казowego конца показать.

— А вы какъ находите, Антонъ Пантелѣичъ, — перебилъ Теркинъ тономъ хозяина: — нужно намъ таксатора брать, или обойдемся и безъ него?

Спросилъ онъ это не безъ задней мысли.

Хрящевъ поглядѣлъ на него изъ-подъ козырька своего картуза, сложилъ на животѣ пухлыя руки, еще не успѣвшія загорѣть, и, поведя плечами, выговорилъ:

-- Полагаю.

— Работа у этого Первача, — продолжалъ Теркинъ: — довольно чистая, но что-то онъ черезъ-чуръ во все суется и норовитъ малячить.

— Къ приварку — не въ видѣ мяса, а презрѣннаго металла — нынѣ всѣ получили пристрастіе... Ужъ не знаю, кого вы возьмете на службу компаніи, Василій Иванычъ, только специалиста все-таки не мѣшаетъ... Про себя скажу — кое-чему я, путемъ практики, научился и жизнь російскихъ лѣсныхъ пространствъ чую и умою, и сердцемъ... Но никогда я не позволю себѣ противъ высшей науки бунтовать.

Теркинъ улыбнулся ему одобрительно.

— Посмотримъ... Коли окажется не очень жуликовать...

Онъ не досказалъ, вдохнувъ въ себя струю засвѣжѣвшаго весенняго воздуха, потрепалъ Хрящева по плечу и засмѣялся.

— Антонъ Пантелѣвичъ!.. Смотрю я на васъ, слушаю... и не могу опредѣлить—въ какомъ вы собственно быту родились... А, кажется, не мало всякаго народа встрѣчать, особливо дѣлового и промысловаго.

Лицо Хрящева растянула въ ширь улыбка, и онъ показаль рѣдкіе, точно дѣтскіе зубы.

— Въ какомъ быту-сь? По сладости рѣчи — ужели не изволите распознавать во мнѣ косвеннаго представителя левитова колѣна?

— Духовнаго званія вы?

— По матушкѣ. Она была изъ поповенъ деревенскихъ... Отецъ происходилъ изъ рабскаго состоянія.

— Изъ вѣрштныхъ?

— Вольноотпущенный, мальчикомъ въ дворовыхъ писаряхъ обучался, потомъ былъ взятъ въ земскіе, потомъ велъ дѣло — и въ управителяхъ умеръ... Матушка мнѣ голосъ и рѣчь свою передала, и склонность къ тѣлесной дебелости... А обликомъ я въ отца... Хотя матушка и считала себя — въ нѣкоторомъ родѣ бѣлой кости, а батюшку отъ Хама производила, но я, грѣшный человѣкъ, къ левитову колѣну никогда ни пристрастія, ни большого респекта не имѣлъ.

— Такъ мы съ вами — въ однихъ чувствахъ, — сказалъ Теркинъ и еще ласковѣе поглядѣлъ на Хрящева.

— Знаю ихъ жизнь достаточно... всѣ ихъ тяготы и нужды... Провидѣнію угодно было и мою судьбу на долгіе годы соединить съ дѣвицей того же колѣна.

— Ваша покойная жена...

— Такъ точно... Въ управительскомъ званіи это всего скорѣе можетъ быть. Выборъ-то какой же въ деревнѣ? Поповны вездѣ есть... Моя супруга была всего дьяконская дочь... Но въ ней никакихъ такихъ аристократическихъ чувствъ не имѣлось. И меня она отъ Хама не производила, хотя и знала, что я — сынъ вольноотпущеннаго.

Онъ на минуту смолкъ и отвернулся.

— Что-жь?.. Прожили... какъ дай Богъ всякому... А что бездѣтны были — не ея вина... Я теперь бобыль. И утѣшеніе нахожу въ созерцаніи, Василій Ивановичъ... Вотъ почему и къ лѣсу моя склонность все растетъ съ каждымъ годомъ.

Еще разъ потрепаль его по плечу Теркинъ, легъ головой на подушку и вытянулъ ноги.

Тарантасъ спустился съ дороги въ лощину. Лѣвѣе, на пригоркѣ забѣлѣла колокольня. Пошли заборы... Переѣхали мостъ и

стали подниматься мимо какихъ-то амбаровъ, а минутъ черезъ пять въѣхали на площадь, похожую на поляну, обстроенную обывательскими домиками... Кое-гдѣ, въ окнахъ, уже замелькали огоньки.

XI.

Чурилинъ вкатился и у двери доложилъ:

— Приказали кланяться и благодарить... Очень рады. Прислали пролетку. Сами хотѣли ѣхать, да у нихъ нога ушиблена, не выѣзжаютъ.

Теркинъ сидѣлъ у стола за самоваромъ, вмѣстѣ съ Хрящевымъ, въ первой, просторной комнатѣ квартиры, нанятой приказчикомъ Низовьева, уѣхавшимъ, рано утромъ, встрѣчать его на ближайшую пароходную пристань. Для всѣхъ мѣста хватило. Вдова-чиновница отдавала весь свой домикъ, а сама перебиралась въ кухню.

Чурилинъ вернулся отъ предводителя, Звѣрева. Теркинъ, накануне, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, разсудилъ это сдѣлать. Этотъ „Петька“ былъ все-же его товарищъ. Можетъ, онъ теперь—большая дрянь, но слѣдовало оказать ему вниманіе, какъ мѣстному предводителю.

— Что-жъ, онъ лежитъ?

— Я самъ не видалъ ихъ, Василій Ивановичъ, а они съ чепухомъ выслали сказать.

Обернувшись къ Хрящеву, пившему чай съ блюдечка, Теркинъ сказалъ вполголоса:

— Товарищъ мой по гимназіи... Здѣшній предводитель.

— Прикажете приготовить одѣться?—спросилъ Чурилинъ.

— Приготовь.

Карликъ вынырнулъ въ дверь.

Хрящеву Теркинъ охотно бы разсказалъ въ другое время про свои школьные годы. Съ нимъ ему удобно и легко. Такого „зерцателя“ можно приблизить къ себѣ, не рискуя, что онъ „знается“.

— Антонъ Пантелѣичъ! Вы продолжайте пить чай съ прохладцей,—сказалъ онъ, вставая,—а я одѣнусь и поѣду. Къ обѣду долженъ быть Низовьевъ и подѣдетъ господинъ Первачъ... Вотъ цѣлый день и уйдетъ на нихъ. Завтра мы отправимся вмѣстѣ въ имѣніе того помѣщика... какъ бишь его... Черносошнаго... владѣльца усадьбы и парка.

— Къ вашимъ услугамъ, — кротко выговорилъ Хрящевъ и неторопливо сталъ обмывать блюдечко въ полоскательной чашкѣ.

„Можетъ, и вретъ Звѣревъ, — думалъ Теркинъ, одѣваясь въ другой комнатѣ: — сказывается больнымъ, соблюдаетъ свое предводительство... Увидимъ!“

Пролетка ждала его на дворѣ, у крыльца. Извозчиковъ въ городѣ не было, но ему не очень понравился этотъ видъ любезности. Отъ „Петьки“ онъ не желалъ вообще ничѣмъ одолжаться. Чувство гимназиста изъ мужицкихъ приемышей всплыло въ немъ гораздо ярче, чѣмъ онъ ожидалъ.

Записку Звѣреву онъ написалъ сдержанно, хотя и на „ты“; сказалъ въ ней, что желательно было бы повидаться послѣ десяти слишкомъ лѣтъ, и не скрылъ своего теперешняго положенія — главнаго представителя лѣсной компаніи.

„Съ такихъ, какъ Петька, — думалъ онъ дорогой, — надо сразу сбивать форсъ; а то они сейчасъ начнутъ фордыбачить“.

Звѣревъ занималъ просторный домъ на углу двухъ переулковъ, немощеныхъ, какъ и весь остальной городъ.

Теркина встрѣтилъ въ передней со стариннымъ ларемъ — мальчикъ, въ сѣромъ лакейскомъ полуфрачкѣ, провелъ его въ гостиную и пошелъ доглядывать барину.

— Приси! Приси! — раздался изъ третьей угловой комнаты голосъ, который Теркинъ сейчасъ же узналъ.

Та же шепелявость, только хриповатая и на другихъ нотахъ; лицо его швольнаго товарища представилось ему чрезвычайно отчетливо, и вся его жидкая, долговязая фигура.

Въ кабинетѣ хозяинъ лежалъ на кушеткѣ, у окна, въ халатѣ изъ свѣтло-сѣраго драпа съ краснымъ шольвовымъ воротникомъ. Гость не узналъ бы его сразу. Голова, правда, шла такъ же влиномъ, къ затылку, какъ и въ гимназін; но лобъ уже полнѣлъ; усы, двумя хвостами, по-китайски, спускались съ губастаго рта, и подбородокъ, мясистый и прыщавый, неприятно торчалъ. И все лицо пошло красными лишаями. Подслѣповатые глаза съ рыжеватыми рѣсницами ухмылялись.

— А!.. Теркинъ!.. Ты ли это?.. Скажите пожалуйста!

Звѣревъ приподнялъ немного туловище, но не всталъ.

— Извини, братъ, не могу... Оступился... Ломить щиболку...

Онъ протянулъ къ нему свои небритыя щеки — и они поцѣловались.

— Скажите пожалуйста!.. Садись! Въ наши края... Слышалъ!.. Рассказывали.. Ты, братъ, говорятъ, миллионами ворочаешь... Дай-ка на себя поглядѣть...

Тонъ былъ возбужденный, но большой радости — видѣть товарища — въ немъ не слышалось... Теркину тонъ этотъ показался хлыщеватымъ и почти нахальнымъ, и онъ сейчасъ же рѣшилъ дать пріятелю отпоръ.

— А ты, — сказалъ онъ, оглядывая его въ свою очередь: — въ почетныхъ обывателяхъ состоишь?

— Въ обывателяхъ? — переспросилъ Звѣревъ и безглаголиво повелъ ртомъ. — Обывателями, братъ, мѣщанъ да посадскихъ зовутъ.

— Извините, ваше благородіе, — отвѣтилъ Теркинъ и поглядѣлъ на него, какъ бывало въ гимназіи, когда онъ ему приказывалъ что-нибудь и приговаривалъ: „ежели не сдѣлаешь, будетъ тебѣ лунка генеральная“.

Звѣревъ вспомнилъ этотъ взглядъ, обидчиво усмѣхнулся и выпятилъ нижнюю губу.

— А ваше степенство — въ почетныхъ гражданахъ состоишь?

— Такъ точно, — отвѣтилъ въ тонъ Теркинъ.

— Значить, выплылъ!.. А я слыхалъ какъ-то... давно еще... будто ты туда попалъ... въ мѣста не столь отдаленныя.

— Нѣтъ, милый другъ, не хочу отнимать ваканцій у вашего брата.

— Это какъ?

Звѣревъ весь выпрямился и щеки его густо покраснѣли.

— Да такъ!.. У васъ-то, въ губерніи, небось знаешь всю исторію — проворовались господа сословные директора.

— Проворовались! Проворовались!.. Какъ ты выражаешься!

— Такъ и выражаюсь. Имъ прямая дорога по казанскому тракту или на пароходъ-баржѣ, подъ конвоемъ.

— Не знаю, братъ, не знаю!.. Это все газетчики-мерзавцы! Вездѣ они развелись, какъ клопы.

— Да тебѣ что же обижаться... Ты, вѣдь, къ банку не причастенъ?

— Еще бы!

Лицо Звѣрева начало подергивать. Теркинъ поглядѣлъ на него пристально и подумалъ: „навѣрняка, и у тебя рыльце въ пуху!“

— Скажи-ка ты мнѣ лучше, любезный другъ, есть ли у васъ, въ уѣздѣ, хоть одинъ крупный землевладѣлецъ, изъ живущихъ по усадьбамъ, который не зарился бы на жалованье по новой должности, для кого окладашко въ двѣ тысячи рублей не былъ бы привлекателемъ?.. Небось, всѣ пойдутъ...

— Я не собираюсь.

— А другіе?

— Понятное дѣло—пойдутъ.

— Даже всѣ мировые судьи, хотя ихъ званію и нанесенъ, нѣкоторымъ образомъ, affrontъ...

— Къ чему ты это говоришь?

— А къ тому, что вы, господа, все о подъемѣ своего духа толкуете... Какой же тутъ подъемъ, скажи на милость, ежели ни у боговѣрнаго дохода въ три тысячи рублей нѣтъ... И велика приманка—жалованье, какое у меня лодманъ получаетъ, или мелкій нарядчикъ!..

— Вонъ ты какъ! Очень ужъ, кажется, зарылся ты въ капиталы... Это даже удивительно!—Звѣревъ началъ брызгать слюной.—Просто непонятно, какъ ты—Теркинъ—да въ такихъ дѣлахъ? Знаешь, братъ, пословицу: отъ службы праведной...

— Не наживешь палаты каменной? Праведникомъ и не выдаю себя; но между нашимъ братомъ, разночинцемъ, и вами, господами, та разница...

— Слыхали! Слыхали!..—закричалъ Звѣревъ и замахалъ руками.—Уволь отъ этихъ рацей!.. Ну, ты въ миллионщики лѣзешь—съ чѣмъ и поздравляю тебя; но нечего, братъ, важничать... Нигилизмъ-то нынче не въ модѣ... Пора и честь знать.

Теркинъ чуть-было не крикнулъ ему, какъ бывало въ гимназiи: „молчи, Петъва!“...

— Ладно,—выговорилъ онъ съ усмѣшкой:—ваше высокородіе волновать не буду... Вѣдь ты, какъ ни какъ, первая особа въ уѣздѣ; а я—представитель общества, приобретающаго здѣсь большія лѣсныя угодья. Можетъ, и самъ сдѣлаюсь собственникомъ...

— Покупаешь имѣніе? Ты?

— Погляжу!.. А пока Нивозевъ продаетъ намъ всю свою дачу, подъ Заводнымъ.

— Знаю! А Черносопный продаетъ?

— Прямыхъ предложеній еще не дѣлалъ.

— Все ваша компанія съѣсть...

— За этимъ и покупаемъ, чтобы не давать вашему брату расхитить.

— Тоже нашлись благодѣтели!

Звѣревъ не досказавъ, спустилъ обѣ ноги съ кушетки, поморщился—должно быть отъ боли, потеръ себѣ лысую лобъ, взглянулъ бокомъ на Теркина и протянулъ ему руку.

— Вася!.. Что-жъ это мы... Больше десяти лѣтъ не видались—и сейчасъ перекопаться... Это, братъ, не ладно.

Онъ поглядѣлъ на полуотворенную дверь въ слѣдующую комнату.

— Пожалуйста... Притвори-ка.

Теркинъ притворилъ дверь и, когда сѣлъ на свое кресло, подумалъ:

„Сейчасъ будетъ просить займы“.

ХІІ.

— Вася!.. Тебя самъ Богъ посылаетъ! Спаси!

Звѣревъ взялъ его за руку, и Теркину показалось, что онъ какъ будто уже хотѣлъ приложиться къ ней своими слюнявыми губами.

— Что такое?.. Не пугай!..

Лицо Звѣрева передернула слезливая гримаса. Глаза покраснѣли. Онъ, казалось, готовъ былъ расплакаться.

— Скажи толкомъ!

Прежній гимназистъ „Петька“ былъ передъ нимъ,—все тотъ же, блудливый и трусливый, точно котъ,—испугавшійся вынутаго изъ жребія—насолить учителю Перновскому. Жалости Теркинъ къ нему не почувствовалъ, хоть дѣло шло, вѣроятно, о чемъ-нибудь поважнѣе „перехвата“ тысячи рублей.

— Вѣдь мы товарищи!—Звѣревъ, взглядывалъ на него красными глазами, уже полными слезъ:— вмѣстѣ изъ гимназій выгнаны...

— Ну, объ этомъ тебѣ бы можно и не упоминать.

— Я тебя не выдавалъ!.. Ты хочешь сказать, что за меня сдѣлался съ „Трошкой“... Но это твоя добрая воля была!.. Вася! Такъ—нехорошо!.. Не по-товарищески!.. Что тебѣ стоитъ? Ты теперь въ миллионныхъ дѣлахъ...

— Чужихъ, не собственныхъ.

— Спаси!..—воскликнулъ Звѣревъ и опустился на кушетку.

— Хапнулъ нѣшто? — почти шопотомъ спросилъ Теркинъ...

—Сядь... Расскажи, говорятъ тебѣ, толкомъ. Дура-голова!

Это товарищеское ругательство: „дура-голова“ — вылетѣло у Теркина тѣмъ же звукомъ его превосходства надъ „Петькой“, какъ бывало въ гимназій.

— Что-жъ ты... пытатъ меня хочешь?—хныкающимъ фальцетомъ отозвался Звѣревъ, присаживаясь на край кушетки.—Удовольствіе тебѣ развѣ доставить—знать всю подноготную? Ты протяни руку, не дай товарищу дойти до... понимаешь, до чего?

— Это все, братъ, разводы. Одно дѣло—бѣда, другое—залѣзаніе въ сундукъ. Я вѣдь про тебя ничего не знаю... Какія у

тебя средства были, какъ ты съ ними обошелся, на что проживалъ, и сколько... У родителей-то, кажется, хорошее состояніе было?

— Мало ли что было!.. И теперь у меня и усадьба, и запашва есть, и луга, и заводъ.

— Какой?

— Винокуренный.

— Лѣсная дача есть?

— Есть... Только это все...

— Разумѣется, въ залогъ?

— У кого же не въ залогъ?

— Пытать я тебя не желаю, любезный другъ. Но и въ прятки тебѣ, Петръ Аполлосовичъ, не полагается играть со мною. Должно быть, по твоей должности...

— А просто развѣ нельзя зарваться?—крикнулъ Звѣревъ и вскинулъ руками.—Ну, да! жилъ широко...

— Въ этой дырѣ?

— И въ этой дырѣ.. у себя въ деревнѣ... въ губерніи, за границей...

— Ты женатъ?

— Еще бы!

Тутъ онъ разсказалъ Теркину про свою женитьбу на „разводѣ“—и сколько ему это стоило, и сколько они вдвоемъ прожили, въ какихъ-нибудь три-четыре года, особливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ предводители. Жена его, въ ту минуту, была въ имѣніи... Но до полного признанія онъ все еще не доходилъ. Онъ, какъ будто, забылъ уже, съ чего началъ.

— Какъ же тебя спасти?—спросилъ Теркинъ, прохаживаясь по кабинету.—Проценты въ банкъ внести?.. Или по векселямъ?.. И сколько?..

Звѣревъ однимъ духомъ крикнулъ:

— Что тебѣ стоитъ сорокъ тысячъ какихъ-нибудь?

— Сорокъ тысячъ!—подхватилъ Теркинъ.—Такъ, здорово живешь... Во-первыхъ, милый другъ, еслибы у меня, въ настоящій моментъ, были собственныя сорокъ тысячъ—свободныхъ, я бы имъ нашель употребленіе... Но я кредитомъ держусь, а не капиталомъ.

— Ты имѣніе самъ хочешь купить, сейчасъ говорилъ...

— Наличныхъ у меня нѣтъ... На компанейскія деньги—быть можетъ, приобрѣту кое-что... Такъ за нихъ придется платить каждый годъ...

— Въ твоихъ рукахъ не десятки, а сотни тысячъ! Для себя

можно перехватить, а товарища спасти—нельзя. Эхъ, братъ Теркинъ!.. Понимаю я тебя, вижу насквозь. Хочешь придавить нашего брата: пусть, молю, доской передо мной попрыгаетъ, а мы поломаемся! У разночинца поваляйся въ ногахъ! Понимаю!..

Онъ—весь красный—брызгалъ слюнявыми губами, хотѣлъ встать и заходить по комнатамъ; но боль въ щиколоткѣ заставила опять прилечь на кушетку.

— Вадоръ все это!—строго остановилъ его Теркинъ.

Но когда Звѣревъ началъ горячиться, его товарищъ также припомнилъ себѣ свое недавнее прошлое... Вѣдь и онъ пошелъ на сдѣлку, и его цѣлый годъ она тяготила, и только особенной удачѣ обязанъ теперь, что могъ очистить себя въ-время какъ бы отъ участія въ незаконномъ присвоеніи наслѣдства.

Давно не всплывалъ передъ нимъ образъ Калеріи... А тутъ и вся сцена въ лѣсу, около дачи, промелькнула въ головѣ... какъ онъ упалъ на колѣни, каялся... Развѣ онъ по-своему не хапнулъ, какъ вотъ этотъ Звѣревъ?

— Не брыкайся!—сказалъ онъ мягче, борясь съ чувствомъ гадливости, почти злорадства, къ этому проворовавшемуся предводителю: а что тутъ была растрата—онъ не сомнѣвался.

— Позволь, братъ, и мнѣ замѣтить, — продолжалъ онъ въ томъ же смягченномъ тонѣ:—коли ты меня, какъ товарища, просишь о спасеніи, то твои фанабериі-то надо припрятать... Отчего же не сказать: „такъ, молю, Вася, и такъ—зарвался“... Нынче вѣдь для этого особыя деликатныя выраженія выдуманы. Пере-зрасходовалъ-де! Такъ вѣдь? И чьи же это деньги были?

— Разныя,—тихо выговорилъ Звѣревъ.—Всего больше опе-
вунскихъ...

— Сиротскихъ?—переспросилъ Теркинъ, и это слово опять вызвало въ немъ мысль о деньгахъ Калеріи.

— Разныя... Больше двадцати-тысячъ земскихъ... Тоже ты-
сячъ около шести шевольныхъ...

— И шеволь не пощадилъ?

— Такъ вѣдь я не безъ отдачи... Ну, передержалъ. Каюсь!.. Но высканія на меня все-таки не было бы!.. Мнѣ слѣдовало до-
получить за переводъ заклада въ дворянскій банкъ.

— Что-жь ты не покрылъ этими деньгами растраты?

— Другіе долги были. Но все это обошлось бы... да и было
покрыто.

— Какъ покрыто? Изъ-за чего же ты бьешься-то, въ настоя-
щую минуту? Что это, братъ?—рѣзко воскликнулъ Теркинъ.—Ни-
чего не поймешь у тебя!

— Ты слышалъ что-нибудь про нашъ банкъ?

— Слышалъ.

— Ну...

Звѣревъ опустилъ голову и сталъ говорить медленно, глухо, качаясь всѣмъ туловищемъ.

— Въ прошломъ году до губернскаго предводителя дошло... Меня вызвали... Директора—свои люди... Тогда банкъ шелъ въ гору... вклады такъ и ползли... Шестъ процентовъ платили... Выручить меня хотѣли... До разбирательства не дошло, до экстреннаго собранія тамъ что-ли... По-товарищески поступили.

— И внесли за тебя?

— Внесли.

— Это изъ банковскихъ-то денегъ? Ловко!.. Стало, и господъ вкладчиковъ, не спросясь ихъ, прихватили?

— Иначе какъ же? Я росписку далъ.

— И только?

— Закладывать мнѣ нечего было... Не двѣ же шкуры съ меня драть...

— По такой роспискѣ ты могъ съ прохладой выплачивать по конецъ живота своего.

— И все бы обошлось, Вася.

— Даже и при новомъ составѣ директоро́въ?

— Свой же братъ будетъ... Не случись бѣды...

— Здрово поймались?

— Что-жъ!.. Я тебѣ все скажу... Имъ теперь не уйти живыми... Прокуратура виѣшалась... На вкладчиковъ паника!..

— Стало, слухи-то вѣрные. А ты сейчасъ газетчиковъ ругалъ.

— Я не судья!.. Все дѣло въ паникѣ... Будутъ ихъ учитывать... Не отвертятся на этотъ разъ. Партія есть... либералы, обличители. Доберутся до моей росписки... Гдѣ же я возьму?.. Пойдутъ допытываться. Ты понимаешь—все заново поднимають и разгласятъ.

Звѣревъ не договорилъ, закрылъ лицо ладонью и прошепталъ:

— Видишь—каково мнѣ.

— Вижу,—проговорилъ Теркинъ, вставая.—Могло быть и хуже.

— Какъ хуже?

— Извѣстно какъ. Тебя господа разъ спасли, хоть и на чужой счетъ. Теперь ты—должникъ банка... Платить надо, зато сраму меньше.

— Тоже самое, тоже самое!—крикнулъ Звѣревъ.—Все вывести на чистую воду.

— Ничего не понимаю!—перебилъ Теркинъ.—Ты путаешь! Выходить—ты во второй разъ передержалъ по должности: сначала по земской службѣ, а потомъ по предводительской... Вѣдь, да?.. Не лги!

— Да,—плаксиво протянулъ Звѣревъ

ХІІІ.

Мальчикъ пріотворилъ осторожно дверь и доложилъ:

— Петръ Аполлосовичъ... Господинъ Первачъ пріѣхали... Спрашиваютъ, здѣсь ли вотъ они—мальчикъ указалъ головой на Теркина:—и просятъ позволенія войти.

— Ты его знаешь?—спросилъ Теркинъ Звѣрева.

— Знаю немного. А у тебя дѣла съ нимъ?

— Пока еще нѣтъ. Онъ—таксаторъ у Низовьева.

— Экъ!.. Приспичило!

Звѣревъ махнулъ рукой.

— Если не желаешь—я къ нему выйду,—сказалъ вполголоса Теркинъ, внутренно довольный тѣмъ, что имъ помѣшали.

— Они говорятъ,—добавилъ мальчикъ:—что имѣютъ письмо къ вамъ, Петръ Аполлосовичъ, отъ Ивана Захарыча Черносопнаго.

— Проси!

Мальчикъ вышелъ. Протянулось молчаніе.

Теркинъ отошелъ къ письменному столу и сталъ закуривать папиросу... Онъ дѣлалъ это всегда въ минуты душевнаго колебанія. Спасать Звѣрева у него не было желанія. Даже простой жалости онъ къ нему не почувствовалъ. Но съ кѣмъ не можетъ случиться бѣды или сдѣлки съ совѣстью? Не даромъ вспомнилась ему Калерія и ея „сиротскія“ деньги. Только „безпутность“ этого Звѣрева была черезъ-чуръ противна. Вѣдь онъ два раза запустилъ руку въ сундукъ. Да и полную ли еще правду рассказалъ про себя сейчасъ?..

Звѣревъ вытянулся на кушеткѣ, пригладилъ рукой волосы, поправилъ узелъ полковаго шнура на халатѣ, и брезгливая мина появилась опять на его влажныхъ губахъ, когда вошелъ въ кабинетъ таксаторъ.

Его красивая голова, улыбка, франтоватость—не понравились Теркину.

Первачъ подошелъ сначала къ хозяину, подавъ письмо, довольно фамильярно пожалъ руку и спросилъ звонкимъ, вибрирующимъ голосомъ:

— Ногу зашибли?.. Инвалидомъ?..

И, не дожидаясь отвѣта, повернулся на каблукъ и скользнулъ въ сторону Теркина:

— Василий Ивановичъ!.. Съ прїѣздомъ... Прошу любить и жаловать... Таксаторъ Первачъ. Павелъ Иларіоничъ Низовьевъ только-что прїѣхалъ съ пристани. Я отъ него. Ждетъ васъ къ завтраку.

— Очень радъ, — отвѣтилъ суховаго Теркинъ, подавая ему руку.

— Павелъ Иларіоновичъ и меня пригласилъ... если не буду лишнимъ...

— Почему же...

— Вы уже изволили ознакомиться съ дачей?

— Обѣзжалъ вчера.

Первачъ присѣлъ къ нему, вынулъ папиросницу и попросилъ закурить.

Его манеры также не нравились Теркину.

„Изъ молодыхъ да ранній“, — подумалъ онъ и поглядѣлъ въ сторону Звѣрева.

Тотъ прочитывалъ письмо уже во второй разъ. Внезапная краснота его небритыхъ щекъ показывала, какъ оно взволновало его.

— Вы — окликнулъ онъ Первача — прямо изъ Заводнаго? Сегодня?

— Вчера къ ночи прїѣхалъ... Иванъ Захарычъ и самъ хотѣлъ быть, да его что-то задержало.

— Отчего же вы вчера же не доставили мнѣ письмо? — раздраженно спросилъ Звѣревъ.

— Слишкомъ поздно было, Петръ Аполлосовичъ. Не хотѣлъ васъ беспокоить.

— Напрасно.

— А что такое? — спросилъ Теркинъ, подходя къ кушеткѣ.

Взглядомъ Звѣревъ показалъ ему, что не хочетъ говорить при Первачѣ.

— Такая гадость!.. Не могу двинуться.

— Что-нибудь экстренное? Послать депешу? Я — къ вашимъ услугамъ, — вмѣшался Первачъ.

— Не беспокойтесь.

— Не хочу быть лишнимъ... Я свою миссію исполнилъ.

Обращаясь къ Теркину, Первачъ досказалъ:

— Павелъ Иларіоничъ будетъ ждать васъ до часу дня... Имѣю честь кланяться.

Онъ пожалъ руку имъ обоимъ и съ легкимъ скрипомъ своихъ щеголеватыхъ ботинокъ вышелъ.

— Вася!—возбужденно окликнулъ Звѣревъ и задвигался на кушеткѣ...—Иванъ Захарычъ Черносошный... просить переговорить съ тобою... о продажѣ его лѣса и усадьбы съ паркомъ... Онъ мнѣ близкій человѣкъ... жалѣеть меня. Я съ тобой хитрить не стану... Ежели продажа состоится,—а ему она нужна,—онъ готовъ подѣлиться со мною.

— Коммиссію предлагаетъ? Куртажъ?

— Я не купчишка! Куртажу я не возьму!..

— Не возьмешь?—протянулъ Теркинъ и разсмѣялся въ носъ, что у него выходило рѣзко, и чего онъ самъ въ себѣ не любилъ.

— Не смѣй надо мною издѣваться, Васья!—вдругъ закричалъ Звѣревъ, весь пылающій.—Человѣкъ всю душу передъ тобой вылилъ... А ты вонъ какъ!.. Кровь-то сказалась!.. Не даромъ должно быть...

Губы Звѣрева стали брызгать слюной. Поворящее слово, какое бросали Теркину въ гимназіи,—могло прозвучать.

— Что не даромъ?—строго перебилъ Теркинъ и пододвинулся вплотъ къ кушеткѣ.—Слушай, Петька! Въ твоемъ положеніи нечего фордыбачить и барскіе окрики давать. Я—подвидышъ, незаконный сынъ какой-нибудь солдатки или раскольничьей дѣвки—ты вѣдь этимъ желалъ меня унизить?—мнѣ, стало, и Богъ простить, коли я всякими правдами и неправдами кубышку себѣ здоровую сколочу... Однако, братъ, съ совѣстью я хочу въ ладахъ быть, отъ нея нигуда не уйдешь. Ты мнѣ сейчасъ исповѣдовался?.. Въ двухъ растратахъ повинился? Я не просилъ тебя: твоя добрая воля была. Изволь, и я тебѣ кое-въ-чемъ повинюсь.

— Не надо мнѣ! Не интересуюсь!..

— Нѣтъ, выслушай!—Теркинъ присѣлъ на край кушетки.—И я, два года тому назадъ, раздобылся деньгами, которыя и со всѣмъ могъ себѣ присвоить, безъ отдачи, зная, что эти деньги, по закону и по совѣсти, не принадлежать тому, кто мнѣ ихъ ссудилъ. Вотъ и все... Выдалъ я на нихъ документъ. Какъ это по вашему, по нынѣшнему, выходитъ? Дѣло, кажись; самое чистое. А оно меня стало такъ мозжить, что я—безъ надобности—повинился въ немъ, не совладавъ съ совѣстью... Очистилъ себя, раньше срока отдалъ эти деньги. И вотъ, до сихъ поръ, меня нѣтъ-нѣтъ, да и всколыхнетъ, какъ подумаю, что этотъ самый заемъ далъ мнѣ ходъ; отъ него я—въ два года—сталъ, коли не милліонщикомъ, какимъ ты меня считаешь, такъ чело-вѣкомъ—въ большихъ дѣлахъ.

— Поэтому ты и радъ, что можешь меня—человѣка благороднаго—придавить бревномъ?—взвизгнулъ Звѣревъ.

— Не мели вздору!—глухо оборвалъ его Теркинъ.—Изь-за чего я тебя стану спасать?.. Чтобы ты въ третій разъ растрату произвелъ?.. Будь у меня сейчасъ свободныхъ сорокъ тысячъ — я бы тебѣ копѣйки не далъ, слышишь: копѣйки! Вы всё безстыдно изворовались, и товарищество на вѣрѣ у васъ завелось для укравательства пріятельскихъ хищеній!.. Честно-моль,—благородно!.. вмѣсто того, чтобы тебя прокурору выдать,—за тебя вносить! Изъ какихъ денегъ? Изъ банковскихъ!.. У разночинца взять? Ха, ха!

Смѣхъ Теркина оборвался. Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Что вы изъ своихъ угодій дѣлаете? Изъ-за вашего безпутства цѣлый край обнищаетъ, ни воды въ Волгѣ, ни лѣсу по ея берегамъ не будетъ черезъ пять или десять лѣтъ...

— Скажите, пожалуйста!—взвизгнулъ опять Звѣревъ.—Онъ, Василій Теркинъ—спаситель отечества своего!.. Не смѣешь ты это говорить!.. Не хочу я тебя слушать!.. Всякій кулакъ, свущицкѣ дворянское имѣніе за безцѣнокъ прикарманить и хвалится, что онъ подвигъ совершилъ!.. Не испугался я тебя!.. Можешь доносъ на меня настроить... Сейчасъ же!.. И я захотѣлъ въ нынѣшнемъ разночинцѣ—благородныхъ чувствъ! Пускай меня судятъ... Свой братъ будетъ судить!.. Не дамъ я живой!.. Лучше пулю пушу въ лобъ...

— Какъ благородный человѣкъ!.. Да и на это врядъ-ли пойдешь!.. Я тебя знаю. Храбрости не хватаетъ!

Теркинъ сдержалъ себя. Онъ взялся за шляпу и сталъ по срединѣ кабинета.

— Я—твой гость, въ настоящую минуту, Петръ Аполлосовичъ! И тебѣ, какъ благовоспитанному представителю высшаго круга людей, не полагалось бы такъ вести себя съ гостемъ. Слѣдовало бы тебя за это проучить. Да считаться съ тобой мнѣ не пристало. Еслибы ты самъ не признался въ твоихъ операціяхъ съ чужимъ сундукомъ, я бы не сталъ молчать о нихъ. Мѣсяць-другой пройдетъ — и всё грамотные узнаютъ изъ газетъ, какъ вы здѣсь промежь себя хозяйничали... Я еще никогда лежачаго не билъ. И ни передъ кѣмъ не кичился своей честностью... Но будь ты мой братъ родной—я бы тебя спасать не подумалъ. Прощенья просимъ, ваше высокородіе!.. Застрѣлиться всегда успѣете. Васъ цѣлая компанія будетъ—въ острогъ угодите, такъ, по крайности, не скучно... Повинтить еще и тамъ можете!..

Что-то ему крикнулъ вслѣдъ Звѣревъ; но онъ не слышалъ.

Только на улицѣ Теркинъ одумался и тутъ же выбранилъ самого себя.

XIV.

Онъ такъ быстро пошелъ къ своей квартирѣ, что попалъ совсѣмъ не въ тотъ переулокъ, прежде чѣмъ выйти на площадь, гдѣ стоялъ соборъ. Сцена съ этимъ „Петьюкой“ еще не улеглась въ немъ. Вышло что-то некрасивое, мальчишеское, полное грубаго и малодушнаго задора передъ человѣкомъ, который „какъ ни какъ“, а доверился ему, признался въ грѣхахъ. Ну, онъ не хотѣлъ его „спасти“, поддержать бывшаго товарища, но все это можно было сдѣлать иначе.

„По-джентльменски?“ спросилъ онъ себя—и тотчасъ же отвѣтилъ: „Впрочемъ, я не джентльменъ, а разночинецъ, и не желаю оправдываться“. Теркинъ перебралъ въ памяти обѣ половины ихъ разговора, до и послѣ прихода таксатора. Съ первыхъ словъ начали они „шпынять“ другъ друга. „Петьяка“ оказался такимъ же „гулявцемъ“, какимъ общался сдѣлаться, больше десяти лѣтъ назадъ. Не обрадуйся онъ пріѣзду „милліонщика“ Теркина—онъ бы не послалъ за нимъ экипажа, пожалуй не принялъ бы. Да и какъ онъ его встрѣтилъ? Въ возгласъ: „скажите, пожалуйста!“—звучало нахальство барчука. „Скажите, молю, пожалуйста, Васья Теркинъ, мужчиной подвидышь—и въ милліонныхъ дѣлахъ! Надо ему дать почувствовать, кто онъ и кто я!“ И это за десять минутъ передъ тѣмъ, какъ, чуть не на колѣняхъ, молилъ о спасеніи, признавался въ двойномъ воровствѣ!.. Гдѣ же тутъ смыслъ? Гдѣ хоть крупица достоинства?.. Не будь „Петьяка“ такимъ гулявцемъ—и все бы иначе обошлось!

„То-есть какъ же иначе?“—опять спросилъ онъ себя и уже такъ быстро отвѣтилъ: „Будь у него совсѣмъ свободныхъ сорокъ тысячъ въ бумажникѣ... развѣ онъ отдалъ бы ихъ Звѣреву?“

„Нѣтъ!“—рѣшилъ онъ, чувствуя, что не одно личное раздраженіе продолжаетъ говорить въ немъ, а что-то иное. Обишелся бы мягче, но не далъ бы. Въ немъ вскипѣло годами накопившееся презрѣніе къ безпутству всѣхъ этихъ господъ, къ ихъ наслѣдственной неумѣлости, къ хапанью всего, что плохо лежитъ,—и все это только затѣмъ, чтобы просаживать ворованныя деньги чортъ знаетъ на что. Никого изъ нихъ онъ не спасетъ. Скорѣе поможетъ какому-нибудь завязаному плуту, но способному что-нибудь сдѣлать для края.

И никакой жалости ни къ кому изъ нихъ онъ не имѣетъ и

не желаетъ имѣть. Они всѣ здѣсь проворовались или прожились — и надо ихъ обдирать, елико возможно. Вотъ сейчасъ будетъ завтракъ съ этимъ Низовьевымъ. Кто онъ можетъ быть? Такая же дрянь, какъ и „Петька“, пожалуй еще противнѣе; старый, гунавый, парижскій прелюбодѣй на бульварахъ растрясъ все, что было въ его душонкѣ менѣе павостнаго, настоящій измѣнникъ своему отечеству, потому что безстыдно проживаетъ родовыя угоды — и какія! — съ французскими ковотками. Такихъ да еще жалѣть!

У воротъ квартиры, на заваленкѣ, сидѣлъ Чурилинъ и вскопчилъ, завидѣвъ Теркина.

— За вами послали лошадь, Василій Иванычъ, — доложилъ онъ, снимая шапку.

— Накройся! — строго крикнулъ ему Теркинъ.

Ему сдѣлалось противно видѣть лакейское усердіе карлика. И самъ-то онъ не превращается ли въ барина, выскочку?

На крыльцѣ его встрѣтилъ привазчикъ Низовьева — долговязый малый, видошь не то дьячокъ въ штатскомъ платьѣ, не то корридорный изъ плоховатыхъ нумеровъ.

„И народъ-то какой держить! — подумалъ Теркинъ: — на безпутство милліоны спускаетъ, а жалованье — скарденое!“

— Павелъ Иларіонычъ сейчасъ вотъ за вами фэатонъ отправили, — сообщилъ и привазчикъ, низко поклонившись крестьянскимъ наклоненіемъ головы. И говоръ у него былъ мѣстный, волжскій.

— Дожидаются меня завтракать? — спросилъ Теркинъ.

— Столъ накрытъ. Пожалуйста.

Изъ передней онъ услышалъ голоса направо, гдѣ помѣстился Низовьевъ, узналъ голосъ таксатора и не вошелъ туда прямо, а сначала заглянулъ въ свою комнату. Тамъ Хрящевъ смиренно сидѣлъ у открытаго окна съ книжкой. Въ зальцѣ былъ приготовленъ столъ на нѣсколько приборовъ.

Хрящевъ всталъ, и они заговорили вполголоса:

— Имѣлъ бесѣду съ господиномъ таксаторомъ, но патрона его еще не видалъ.

— И какъ вамъ показался этотъ Первачъ?

— Особа ловкая и живописная, Василій Иванычъ.

— Вы съ нами будете завтракать?

— Можетъ быть; господину Низовьеву это не покажется?..

— Это почему?.. При немъ таксаторъ, а при мнѣ лѣсоводъ... и мудрецъ, — прибавилъ Теркинъ и ударилъ Хрящева по плечу.

— Я хотѣлъ-было ему представиться въ ваше отсутствіе, Василій Иванычъ, да думаю — не будетъ ли это прездрствомъ?

— Очень ужъ вы скромны, Антонъ Пантелѣвичъ! — громче выговорилъ Теркинъ, оправляя прическу передъ дорожнымъ зеркаломъ. — Какъ вы сказали... прездрство?

— Такъ точно. Старинное слово. Предки наши такъ писали и говорили въ прошломъ вѣкѣ.

— А я думаю, что этого самаго прездрства теперь развелось не въ примѣръ больше, чѣмъ тогда было.

— Надо полагать, Василій Ивановичъ, надо полагать.

Коротій, жидкій смѣхъ Хрящева заставилъ и Теркина разсмѣяться.

— Такъ смотрите, Антонъ Пантелѣвичъ, выходите завтракать. Я васъ представлю господину Низовьеву.

— Очень хорошо-съ... Большой баринъ изъ Парижа не выщеть... Одѣяніе у меня дорожное.

Теркинъ затворилъ за собою дверь въ залу и у двери въ переднюю увидалъ таксатора.

— А я къ вамъ, Василій Ивановичъ... Завтракъ готовъ.

— За мной задержки не будетъ. Можно къ Павлу Иларіоновичу?

— А онъ къ вамъ шель... Сейчасъ я ему скажу.

Первачъ отретировался, и къ Теркину, черезъ минуту, вышелъ Низовьевъ.

Онъ ожидалъ молодящагося франта, въ какой-нибудь кургузой курткѣ и съ моноклемъ, а къ нему приближался человѣкъ пожилой, сутулый, съ просѣдью, — правда, съ подкрашенными короткими усами на бритомъ лицѣ, но безъ всякой франтоватости, въ синемъ пиджакѣ и такихъ же панталонахъ. Ничего заграничнаго, парижскаго въ немъ не было.

— Весьма радъ, — заговорилъ онъ съ легкой картавостью и подалъ Теркину руку.

Вѣжливость его тона пахнула особымъ барскимъ холодомъ.

— Спасибо за гостепріимство, — сказалъ Теркинъ, чувствуя, что имѣть дѣло съ бариномъ не такого калибра, какъ „Петька“ Звѣревъ. — А ежели не поладимъ, Павелъ Иларіонычъ?

— Мнѣ останется удовольствоваться бесѣдой съ вами.

— Вы съ своимъ поваромъ ѣздите?

— Нѣтъ, мнѣ приказчикъ приготовляетъ. Милости прошу. Николай Никанорычъ, — обратился онъ къ таксатору: — прикажите подавать!

Когда Первачъ вышелъ въ переднюю, Теркинъ наклонился къ Низовьеву и потише сказалъ:

— Со мною дѣсоводь... Вы позволите и ему позавтракать съ нами?

— Сдѣлайте одолженіе... Мнѣ Николѣй Никанорычъ говорилъ. Вы—у себя дома.

Низовьевъ обезоруживалъ своей воспитанностью и неприятно-дворянскаго въ немъ ничего не сквозило. Да и по виду онъ былъ болѣе похожъ на учителя или отставного офицера изъ ученыхъ.

„Ужели онъ женюлюбъ?“ — подумалъ Теркинъ и никакъ не могъ пристегнуть къ нему какую-нибудь парижскую блудницу, требующую подношеній въ сотни тысячъ.

— Антонъ Пантелѣичъ!—позвалъ онъ Хращева.

Тотъ вышелъ, стыдливо обдергивая борты своего твиноваго пальтеца.

— Имѣю честь кланяться, — выговорилъ онъ, скромно не подавая руки.— Антонъ Пантелѣевъ Хращевъ.

— Весьма радъ, — повторилъ Низовьевъ, ласково ему поклонился и протянулъ руку. — Вы, я слышалъ, видѣли мою дачу?

— Точно такъ.

— И, смѣю надѣяться, нашли ее въ порядкѣ?

— Въ изрядномъ порядкѣ. Василій Иванычъ самъ вамъ сообщить.

Первачъ объявилъ, что кушанье сейчасъ подадутъ. Водка и закуска стояли на томъ же столѣ. Низовьевъ самъ водки не пилъ, но угощалъ гостей все съ той же крайней вѣжливостью. При немъ и у таксатора тонъ сдѣлался гораздо скромнѣе, чѣмъ Теркинъ тотчасъ же отмѣтилъ; да и самъ Теркинъ не то что стѣснялся, а не находилъ въ себѣ увѣренности, съ какою обходился со всякимъ народомъ—будь то тузъ миллионщикъ или пароходный лопманъ. Антонъ Пантелѣичъ оставался вѣренъ себѣ: такъ же говорилъ и держалъ себя, такая же у него была усмѣшка глазъ и губъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали дѣтскіе, маленькіе, желтоватые зубы. Прислуживали приказчикъ и кучеръ.

За первымъ блюдомъ дѣловой разговоръ еще не завязался, и Теркинъ тотчасъ распозналъ въ парижскомъ баринѣ дѣсовладѣльца, очень бывалаго человѣка, превосходно усвоившаго себѣ приемы русскихъ сдѣлокъ.

XV.

Послѣ завтрака Первачъ и Хращевъ остались въ залѣ. Дѣловой разговоръ патროновъ подходилъ къ концу въ комнатѣ Теркина.

Съ дѣны, какою Низовьевъ назначилъ своей дачѣ—еще въ письмѣ изъ Парижа—онъ не желалъ сходить. Въ Василь-Сурскѣ онъ удачно продалъ свою партію строевого лѣса и такъ же выгодно запродавъ партію будущей навигаціи. Тержину досадно было на себя, что онъ самъ оттянулъ сдѣлку и не окончилъ ее тремя недѣлями раньше, когда Низовьевъ еще не зналъ, какія, въ нынѣшнемъ году, установятся дѣны на лѣсной товаръ.

— Въ васъ, почтеннѣйшій Василій Иванычъ, — говорилъ Низовьевъ, тихо улыбаясь, сквозь дымъ папиросы со слащавымъ запахомъ:—мнѣ пріятно было видѣть представителя новой генерациі дѣловыхъ людей—на европейскій образецъ. Вы берете товаръ лицомъ. Мнѣ нѣтъ надобности продавать дачу за бездѣнокъ. Если она не найдетъ себѣ такого покупателя, какъ ваша компанія, —на срубъ у меня ее купить на двадцать процентовъ дороже.

— На срубъ?—вырвалось у Теркина.—Ужъ и то прискорбно, что господа лѣсовладѣльцы, принадлежащіе къ дворянскому сословію, выказываютъ такое равнодушіе въ своимъ угодыямъ.

— Это камешекъ и въ мой огородъ?

Низовьевъ прищурилъ свои подслѣповатые, умные глаза.

— Извините за откровенность! Вѣдь вы, коли не ошибаюсь, желаете совсѣмъ отдѣлаться отъ вашихъ лѣсовъ и перевести капиталы за границу?..

— Можетъ быть... Развѣ это преступленіе?

— Съ извѣстной точки—да.

— Ой-ой! Какъ строго! Вы — какъ говорятъ московскіе остряки—патріотъ своего отечества?

— Хотя бы и такъ, Павелъ Иларіонычъ! Я выразился сейчасъ, что прискорбно видѣть это; но, какъ представитель компаніи, я долженъ радоваться. По крайности, промышленные люди взяли за умъ и хотятъ сохранить отечеству такое благо, какъ лѣса Поволжья.

— Именно. Вамъ—промышленнымъ людямъ — какъ вы изволите называть—надо благословлять эту неспособность русскихъ землевладѣльцевъ держать въ своихъ рукахъ хозяйство страны.. Было время — и я мечталъ служить отечеству.

„А теперь ты въ францушеновъ всаживаешь милліоны“, добавилъ мысленно Теркинъ и началъ бояться, какъ бы раздраженіе не начало овладѣвать имъ.

Низовьевъ сдѣлалъ жестъ рукой, въ которой была папироса.

— Признаюсь,—продолжалъ онъ медленно и съ блуждающей усмѣшкой:—только дѣла заставляютъ меня возвращаться на Волгу и вообще въ Россію.

— А то совсѣмъ пропадай она, эта Россія?—спросилъ Теркинъ съ вызывающимъ жестомъ головы.

— У кого больше вѣры въ нее, тотъ пускай и дѣйствуетъ. Вотъ, на примѣръ, въ лицѣ вашемъ, Василій Ивановичъ, я вижу что-то новое. Люди, какъ вы, отовсюду выкурать такихъ измѣнниковъ своему отечеству, какъ мы грѣшные.

Сдержанный смѣхъ докончилъ его фразу.

Теркинъ услыхалъ въ ней скрытую иронию.

„Ладно,—подумалъ онъ:—въ инвалиды записываешься, а на дебоширство съ француженками хватаетъ удала!“

— Всякому свое, Павелъ Иларіоничъ, — сказала онъ нѣсколько безцеремоннѣе и, на особый ладъ взглянувъ на Низовьева, подумалъ: „мы, молъ, знаемъ, каковъ ты лапчатый гусь“. — Нашему брату—разночинцу—черная работа; господамъ — сниманье сливокъ...

— „Сливки! Сливки“!.. Это не великодушно, Василій Ивановичъ. Насчетъ сливокъ — и онъ подмигнувъ Теркину: — вамъ некому завидовать.

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что Низовьевъ намекаетъ на что-то игривое. Губами онъ перевелъ, точно что смаковалъ, и въ глазахъ явилась улыбка.

„Это еще что?—спросилъ про себя Теркинъ:—въ чему онъ поддѣзжаетъ?“

Въ такомъ тонѣ онъ не желалъ продолжать разговора. За всю зиму женщины точно не существовали для него. Онъ не бѣгалъ отъ нихъ, но ему сдавалось, что онѣ потеряли надъ нимъ прежнюю силу. Балагурства скоромнаго свойства онъ никогда особенно не любилъ. Еще менѣе съ такимъ „тайнымъ развратничкомъ“, какимъ считалъ Низовьева.

— Намъ гдѣ! — отвѣтилъ онъ, однако, въ игривомъ же тонѣ. Мы — лыкомъ шитые простецы.

— Будто?

Низовьевъ наклонился къ нему и сталъ говорить тише.

— У васъ были встрѣчи съ плѣнительными женщинами... И одна изъ нихъ, до сихъ поръ, интересуется вами чрезвычайно.

— Ужъ не въ Парижѣ ли?.. Такъ я тамъ не бывалъ.

— Не въ Парижѣ, а на Волгѣ... Прежде чѣмъ я имѣлъ удовольствіе сегодня познакомиться съ вами, я уже зналъ, что вы—человѣкъ опасный.

Низовьевъ погрозилъ указательнымъ пальцемъ.

Этотъ оборотъ разговора Теркинъ началъ принимать за „финты“, за желаніе отдѣлаться отъ болѣе обстоятельнаго обсужденія цѣны.

— Не понимаю!—выговорилъ онъ и пожалъ плечамп.

Лицо его досказало: „да и нѣтъ у меня ни охоты, ни времени переливать изъ пустого въ порожнее“.

— Къ намъ, въ Василь-Сурскъ, пожаловала съ однимъ изъ лѣсопромышленниковъ... прелестная женщина;— Низовьевъ сталъ жмуриться: — если не ошибаюсь, ваша хорошая знакомая.

— Кто же это?

Въ вопросѣ Теркина слышалась уже явная неохота продолжать такой разговоръ.

— Серафима Ефимовна... Рудичъ!.. Вѣдь вы ее знаете?

— Знаю,—отвѣтилъ Теркинъ, не мѣняясь въ лицѣ и очень сухо.

Онъ никакъ не ждалъ этого. Но имя Серафимы не смутило его. Ему было только непріятно, что дѣловой разговоръ переходилъ во что-то совсѣмъ „неподходящее“.

— Приѣхала она съ очень курьезнымъ господиномъ. Фамилія его—Шуевъ... племянникъ миллионера, сектантъ, изъ той секты, — Низовьевъ сдѣлалъ характерный жестъ:—которая не желаетъ продолженія рода человѣческаго... И онъ, несмотря на это обстоятельство, безумно влюбленъ въ госпожу Рудичъ и кротко выносить всѣ ея шуточки. Вѣроятно, въ сераляхъ такъ достается отъ султаншъ ихъ надзирателямъ. Но тутъ надзиратель—въ роли чичисбея. Носитъ розовые галстучки, душится. У этихъ господъ лица такія, что трудно опредѣлить ихъ возрастъ... Но, кажется, онъ еще молодой человѣкъ.

— И она его обрабатываетъ? — спросилъ Теркинъ съ брезгливой усмѣшкой.

— Я въ это не входилъ, Василій Ивановичъ. Знаю лишь то, что эта прелестная женщина—съ изумительнымъ бюстомъ и совсѣмъ огненными глазами—такихъ я не видалъ и въ Андалузій—искала на съѣздѣ лѣсопромышленниковъ не кого другого, какъ васъ!..

— Меня?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Имѣлъ ли я право сказать, что вы снимаете сливки, ха, ха!? И это не мѣшаетъ вамъ прибирать къ рукамъ наши родовыя угодья... Второе менѣ завидно, чѣмъ первое. Вы не находите?

Любитель женщинъ все яснѣе выступалъ передъ Теркинымъ, и ноты, зазвучавшія въ его картавомъ голосѣ, раздражали его.

— Я, право, не знаю—что вамъ сказать, Павелъ Иларіоничъ... А за то, какую жизнь ведетъ теперь эта особа, и кто при ней состоитъ — я не отвѣтчикъ.

— Но кто же это говоритъ, добрѣйшій Василій Ивановичъ, кто же это говоритъ! Прошу васъ вѣрить, что я не позволю

бы себѣ никакихъ упоминаній, еслибъ сама Серафима Ефимовна не уполномочила меня, въ нѣкоторомъ родѣ...

Онъ какъ бы искалъ словъ.

— Уполномочила? — переспросилъ Теркинъ.

— Развѣ вамъ такъ непріятно выслушивать?..

— Мнѣ?.. Нисколько!..

По глазамъ Низовьева Теркинъ хотѣлъ угадать — знаетъ ли онъ что-нибудь про ихъ прошедшее.

— Сколько я могъ понять, Серафима Ефимовна остановилась въ Василь-Сурскѣ только затѣмъ, чтобы найти васъ.

— Почему же меня?

— Она, вѣроятно, узнала, что вы стоите теперь во главѣ лѣсопромышленной компаніи. И предполагала, что вы пожелаете на нашъ съѣздъ „лѣшихъ“...

— Вотъ какъ!..

На Теркина начала нападать неловкость, и это его сердило. Съ какою стати подѣхалъ къ нему съ подобными разспросами этотъ женолюбъ?..

— Если вамъ непріятно, — продолжалъ Низовьевъ еще мягче, — я не пойду дальше...

— Мнѣ безразлично!

— Будто? Ахъ, какой вы жестокой, Василій Иवानычъ!.. Безразлично — отъ такой женщины, какъ госпожа Рудичъ!.. Да этакихъ двухъ во всей руссвой имперіи нѣтъ... Я былъ просто пораженъ... Такъ вы позволите досказать?

— Сдѣлайте милость.

— Серафима Ефимовна почтила меня своимъ довѣріемъ, услышавъ, что съ вами я буду имѣть лично дѣло, и не дальше, какъ черезъ нѣсколько дней. Отъ меня же она узнала, гдѣ вы находитесь... Признаюсь, у меня не было бы никакого расчета сообщать ей все это — будь я хоть немножко помоложе. Но я не имѣю иллюзій насчетъ своихъ лѣтъ. Гдѣ же соперничать съ такимъ мужчиной, какъ вы!..

И Низовьевъ шутивно опустил голову; но сквозь его деликатно-балагурный тонъ проглядывалось нешуточное увлеченіе женщиной съ „огненными глазами“. Теркинъ распозналъ это и сказалъ про себя: „И на здоровье! пускай обчиститъ его, послѣ французской блудницы“.

Въ залѣ стѣнные часы съ шумомъ пробили три часа.

Онъ вынулъ свои часы и тѣмъ какъ бы показавъ, что пора перейти опять къ дѣлу.

XVI.

— Три часа?—спросилъ Низовьевъ.—Вы на меня не будете въ претензіи, Василій Ивановичъ, за этотъ перерывъ въ нашемъ дѣловомъ разговорѣ? Развѣ для васъ самихъ безразлично то, какъ отнесется къ вамъ такая плѣнительная женщина?

— Въ настоящій моментъ... довольно безразлично...

Глаза Низовьева замигали, и его всего повело.

— Это не... *dépit amoueux*... вы понимаете?

— Извините, по-французски я плоховато обученъ...

— Раздраженіе влюбленнаго человѣка. Временная обида, подъ которой тѣлѣтъ иногда страсть и ждетъ взрыва.

„Ахъ, ты старая обезьяна!“—выбрался мысленно Теркинъ.

— Ничего такого во мнѣ нѣтъ... Госпожу Рудичъ я дѣйствительно знавалъ...

— Довольно близко? — полушопотомъ подсказалъ Низовьевъ.

— Ежели она сама изливалась вамъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ничего я фактически не знаю о вашихъ прежнихъ отношеніяхъ. Серафима Ефимовна дала мнѣ только понять... И я былъ весьма польщенъ такимъ довѣріемъ.

Низовьевъ подался нѣсколько и протянулъ впередъ руку.

— Василій Ивановичъ!.. Забудьте, на минуту, что мы съ вами совершаемъ торговую сдѣлку... Забудемъ и разницу лѣтъ. Можно и въ мои года сохранить молодость души... Вы видите, я умѣю дѣлать въ каждомъ все, что въ немъ есть выдающагося... Кромѣ ума и дѣльности въ васъ, Василій Ивановичъ, меня привлекаетъ и это влеченіе къ вамъ твоей женщины, какъ Серафима Ефимовна.

Теркинъ чуть замѣтно повелъ плечами.

— Вы, я вижу, нѣсколько замѣнуты и даже суровы. Конечно, вы меня совсѣмъ не знаете... Да къ тому же я для васъ продавецъ, а вы представитель общества, желающаго у меня купить возможно дешевле. Условія не особенно благоприятны для болѣе интимной бесѣды... Я постарше васъ, мнѣ и слѣдуетъ быть смѣлѣе.

— При чемъ же тутъ смѣлость, Павелъ Иларіоничъ?

— А какже?.. Вы надо мной подсмѣиваться будете... Вѣроятно, уже и теперь это дѣлаете, про себя... называете меня старымъ сатиромъ... Сердечинимъ? Что-жъ!.. Для меня Серафима Ефимовна была... какъ вамъ сказать... Извините за французское слово... *une révélation*... Откровеніе... неожиданная на-

ходва... Я просто былъ пораженъ, когда увидалъ такое существо... и гдѣ же—въ Василь-Сурскѣ, на сѣздѣ лѣсопромышленниковъ, и какихъ типовъ, и въ сопровожденіи господина Шуева!.. Этотъ чичисбей изъ сектантовъ... вы помните, я сейчасъ упоминалъ о немъ?.. Мое изумленіе было еще сильнѣе, Василій Иванычъ, когда я узналъ, что Серафима Ефимовна—изъ семьи старовѣровъ, съ низовьевъ Волги. И вдругъ такая прелесть!.. Я уже не говорю о красотѣ... Но туалеты, тонъ... И что-то... этакое свое, бытовое... такъ вѣдь нынче любятъ выражаться... Самородокъ—и какой!

Низовьевъ совсѣмъ зажмурилъ глаза, вскинулъ руками и подался назадъ головой... Губы его выпятились...

Слушая его и глядя на эти „фасоны“ старѣющаго женюльбца, Теркинъ испытывалъ смѣсь брезгливости съ тайнымъ торжествомъ мужского тщеславія... Богатый баринъ, прожившій полъ-состоянія на женщинъ въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, по всѣмъ статьямъ—знатокъ и цѣнитель—и говорить о Серафимѣ, какъ о жемчужинѣ... Она захватила его въ какихъ-нибудь два три дня. Будь онъ—Теркинъ—на его мѣстѣ, онъ ни за что бы не выдалъ себя, не согласился бы играть роль не то наперсника, не то парламентаря, да еще отправляясь улаживать дѣло на нѣсколько сотъ тысячъ.

— Вы нѣшто имѣли продолжительныя бесѣды съ госпожей Рудичъ?—помягче спросилъ онъ Низовьева и взглянулъ на него съ усмѣшкой.

— Мы вдругъ стали друзьями... съ той минуты, какъ она узнала, что я ѣду сюда и вы меня ждете. Видите ли, Василій Иванычъ, моя миссія была для меня довольно тяжелая. Хе-хе!.. Вы понимаете... Есть такія встрѣчи... Французы называютъ ихъ... ударъ молніи... Особенно когда чувствуешь временную пустоту... послѣ сердечныхъ огорченій. Вѣдь только женщинѣ и дано заставлять насъ страдать. Я пріѣхалъ въ очень, очень подавленномъ настроеніи, близкомъ къ меланхоліи...

— И госпожа Рудичъ нѣкоторымъ образомъ спасла?

— Не говорите такъ! Вы—неблагодарный! Неблагодарный! Въ ней, до сихъ поръ, живетъ такое влеченіе къ вамъ... Другой бы, на моемъ мѣстѣ, долженъ былъ радоваться тому, что онъ находитъ въ васъ къ Серафимѣ Ефимовнѣ; но мнѣ за нее обидно. Она не посвятила меня въ самыя интимныя перипетіи своего романа съ вами. Но съ какой смѣлостью и съ какимъ благородствомъ она винила себя! И, конечно, для того, чтобы поднять на пьедесталъ васъ, жестокой человекъ!..

— Въ чемъ же она винила себя?

Вопросъ соскочилъ съ языка Теркина противъ воли: онъ втягивался въ разговоръ о Серафимѣ.

— Ахъ, Боже мой! Чуть не въ уголовномъ преступленіи. Она говоритъ, что вы, еслибъ хотѣли, могли выдать ее... Но она этого никогда не боялась. Предъ благородствомъ вашей натуры она преклоняется. Ей нужно ваше... прощеніе. И, кажется, не въ томъ, въ чемъ женщины всего чаще способны провиниться. Не правда ли? Не въ измѣнѣ или охлажденіи?.. Отчего же вамъ хоть на это не отвѣтить прямо? Ни измѣны, ни охлажденія вы не знали?

„Это правда, — подсказалъ себѣ Теркинъ. — Когда же она измѣняла?“

— Или, быть можетъ, излишняя скромность мѣшаетъ вамъ быть откровеннымъ? Я не берусь проникнуть въ вашу душу, Василий Ивановичъ; но если въ васъ нѣтъ затаенной страсти, то врядъ-ли есть и равнодушіе... Буду чудовищно откровененъ. Равнодушію я бы обрадовался, какъ маннѣ небесной.

— Хитрите мнѣ съ вами не изъ чего, Павелъ Иларіоничъ, — заговорилъ Теркинъ уже гораздо искреннѣе, но все-таки нѣсколько суровымъ тономъ: — я бы желалъ одного, чтобы эта особа успокоилась сама. Никакой злобы я къ ней не имѣю... Все прошедшее давно забылъ... и простилъ, если она заботится о прощеніи. Всѣ люди, всѣ человѣки. И я тоже не святой...

— Но еслибъ Серафима Ефимовна пожелала лично выразить вамъ...

— Это совершенно лишнее, — отозвался Теркинъ, нахмурия брови.

— Вы боитесь за себя?

Низовьевъ спросилъ это, глядя на него бокомъ и съ двойственной улыбкой.

— За себя?.. Не думаю, чтобъ это было для меня... слишкомъ опасно... Знаете, Павелъ Иларіоничъ, на старыхъ дрожжахъ трудно замѣсить новое тѣсто.

— Какое неязичное сравненіе!

— Не обезсудьте. Мы — простецы. Зачѣмъ же Серафимѣ Ефимовнѣ — онъ въ первый разъ назвалъ ее такъ — самой ставить себя въ неприятное положеніе, да и меня, безъ надобности, пытать?

— И вы позволяете мнѣ ей сообщить вашъ отвѣтъ?

— Сдѣлайте милость, разъ она объ этомъ просила.

— Василій Иванычъ! Благодарю васъ за такой искренній отвѣтъ.

Глаза Низовьева стали влажны.

— Вамъ же лучше!—не удержался Теркинъ.

Но радость Низовьева была такъ сильна, что онъ ничего не замѣтилъ на этотъ нескромный возгласъ, вздохнулъ и сказалъ еще разъ:

— Благодарю васъ!

— А тотъ?.. чичисбей... какъ вы его называете... Такъ при ней и состоятъ? И ей не зазорно?

Въ вопросахъ Теркина звучало болѣе удивленіе, чѣмъ насмѣшка.

— Это такъ... Для курьеза.... Отъ скуки!.. Я понимаю ее, Василій Иванычъ... Она близка къ перелому, когда женщина дѣлается безпощадной... жестокой.

— И вы хотите ее примирить?..

— Хочу! Хочу!.. И вы меня воскресили!

Оба стояли другъ противъ друга, въ позѣ людей, покончившихъ полюбовно важное дѣло.

— На здоровье!—воскликнулъ Теркинъ.—Но позвольте, Павелъ Иларіонычъ, мы совсѣмъ отделились отъ нашего главнаго предмета.

— Какого? Цѣны моей лѣсной дачи? Да стоитъ ли въ этому возвращаться? Вамъ угодно имѣть свидку? Извольте.

„Вотъ оно что!“—сказалъ себѣ Теркинъ, и краска заиграла на его щекахъ. „Ты пошелъ на свидку оттого, что я тебѣ свою бывшую любовницу уступилъ! Нѣтъ, шалишь, баринъ!“

Рѣзко мѣняя тонъ, онъ отодвинулся назадъ и выговорилъ громко, такъ что его могли слышать и въ залѣ:

— Нѣтъ, зачѣмъ же, Павелъ Иларіонычъ? Стоять на цѣнѣ, такъ стоять... Для меня дѣло—прежде всего. Не угодно ли вамъ поѣхать со мной въ дальній край дачи; мы вчера не успѣли его осмотрѣть... Коли тамъ все въ наличности,—я буду согласенъ на вашу цѣну.

И глазами, глядя на Низовьева почти въ упоръ, онъ добавилъ:

„Я не таковскій, чтобы мнѣ куртажъ предлагать изъ-за женскаго пола“.

Тотчасъ послѣ того онъ подошелъ къ двери, растворилъ ее и крикнулъ:

— Антонъ Пантелѣвичъ! Извольте послать за ямскими лошадьми и собирайтесь съ нами смотрѣть дачу.

Низовьевъ смущенно промолчалъ.

XVII.

Саня слушала, какъ замиралъ удаляющійся гулъ голосовъ, подъ своимъ любимымъ дубкомъ. Заря потухала.

За рѣкой поднималась дымка тумана. Оттуда тянуло запахомъ поёмныхъ луговъ. Ей дышалось легко-легко, и голова была возбуждена. И не на тотъ ладъ, какъ всегда, послѣ сидѣнья въ комнатѣ тети Марѣи за лакомствами и наливками.

Сегодня все шло по другому. Къ обѣду пріѣхали покупатели. Наканунъ были большіе разговоры между отцомъ и теткой Павлой Захаровной. Съ ними заперался и Николай Никанорычъ. Цѣлую недѣлю она съ нимъ не оставалась наединѣ, да его не было и въ усадьбѣ. Только сегодня, за обѣдомъ, онъ совсѣмъ безцеремонно касался ея ноги, а самъ въ это время смотрѣлъ на отца и продолжалъ разговаривать съ покупщикомъ. Въ первый разъ Санѣ сдѣлалось ужасно стыдно: хорошо, что никто не замѣтилъ. Стыдно и какъ будто унижительно. Въ его обхожденіи съ ней было что-то черезъ-чуръ нахальное... Значить, онъ на нее смотритъ точно на свою вещь... Все равно, она отъ него не уйдетъ... Захочетъ цѣловаться съ ней — будетъ цѣловаться. Доведетъ ее до всего, что только ему вздумается.

А любить ли онъ ее? Можетъ быть, только морочить, какъ дурочку? Онъ знаетъ, что красивъ и долженъ нравиться.

Красивъ — да! Очень красивъ! Но почему же нынче, за обѣдомъ, тотъ пріѣзжій покупатель, Василій Иванычъ Теркинъ, — выговорила она мысленно, — казался ей не то что красивѣе, а интереснѣе? Нужды нѣтъ, что тетка Павла Захаровна говорила про него, что это какой-то „высочка“ мужичьяго рода, что такіе зазнаются и надо имъ всегда „по носу давать“... Однако, и тетка сидѣла тихенькая и оказывала ему всякое вниманіе; съ него начинали обносить кушанья, отецъ безпрестанно угощалъ его виномъ и всѣ съ нимъ обходились какъ съ настоящимъ баринномъ, даже почтительнѣе, чѣмъ съ предводителемъ.

Держитъ онъ себя такъ пріятно и въ глазахъ у него что-то есть особенное. Къ ней онъ за обѣдомъ обращался, сталъ ее сразу звать „Александрой Ивановной“, точно будто давно знаетъ ея имя и отчество. Выговоръ у него немножко простой, не совсѣмъ барскій... Но это ей скорѣе понравилось.

И такой „богатѣй“!

Она подумала словами тети Марѣи... Ворочаетъ милліонами! И такъ про него говорить Николай Никанорычъ. На него Ва-

сильнй Иванычъ какъ будто не очень ласково смотритъ, а тета передъ нимъ разсыпается.

И выходитъ—онъ сильнѣе всѣхъ. Отчего? Оттого, что у него деньги? Такъ вѣдь онъ не самъ скупаеъ лѣса, а для какой-то „компаніи“. Ему довѣряютъ такія дѣла. Стало, онъ—честный и умный.

Тетя Марѳа говорила ей, что отцу „до зарѣзу“ нужно продать лѣсъ, а можетъ быть, пойдетъ въ продажу и усадьба.

Кто же купить?.. Все онъ, все этотъ „высочка“, какъ называетъ его тетя Павла? Чтѣ же онъ будетъ дѣлать съ такимъ большимъ домомъ, если поселится здѣсь? Женится? Пожалуй, уже женатъ? Кажется—нѣтъ: что-то она напоминаетъ изъ разсказовъ Николая Ниванорыча.

И выходитъ, что ей не придется жить здѣсь барыней. Вдругъ какъ и ничего не останется отъ обѣихъ имѣній?.. Неужели Николай Ниванорычъ отъ этого и сталъ такъ обращаться съ нею? Давить ногу подъ столомъ, точно свою собственность, а смотреть совсѣмъ въ другую сторону... Безприданницы ему не нужно... Онъ можетъ влюбить въ себя и не такую дурочку, какъ она.

И опять вопросъ зашевелился въ ней: любить онъ, или такъ только играетъ съ нею, добивается чего-то?

Ей стало стыдно сильнѣе, чѣмъ за обѣдомъ, и какъ не бывало ни разу прежде, особенно послѣ угощеній въ комнатѣ тети Марѳы. Сегодня она не выпила ни глотка наливки. Вѣдь она приучалась къ сладкому хмелю. Нянька Федосѣевна стала это замѣчать и еще третьяго дня стыдила ее, что изъ нея хотятъ сдѣлать „негодницу“ и добиться того, чтобы отецъ выгналъ ее... Она раскричалась на няньку и даже—въ первый разъ—затопала ногами. А вдругъ какъ это правда?

Саня отошла отъ дерева и остановилась около запущенной куртины, гдѣ росъ кустикъ бѣлыхъ маргаритокъ.

Ей захотѣлось сорвать цвѣтокъ. Это была садовая маргаритка, когда-то пересаженная изъ горшка; бѣлые матовые лепестки шли продольными полосками, съ обѣихъ краевъ, и желтый пухлый пестикъ круглился своей головкой.

— Любить, не любить!—стала выговаривать Саня и маленькими шажками прохаживалась взадъ и впередъ, вдоль куртины.

— Не любить!

Она бросила оборванный цвѣтокъ, сорвала другой и начала считать старательнѣе, дѣлая чуть слышныя придыханія:

— Любить—не любить!..

Ей еще стыднѣе и обиднѣе!.. Она наклонилась надъ кустомъ, гдѣ на стебляхъ сидѣло еще нѣсколько цвѣтковъ.

Можетъ быть, всегда должно выйти: „не любить“. Она стала пересчитывать лепестки. На одномъ цвѣткѣ было четырнадцать, на другомъ — восемнадцать, на третьемъ — двадцать: все — четныя числа.

— Какая я...

Какъ же можно гадать, если всегда четное число лепестковъ!.. Когда выдаться съ нечетнымъ числомъ — должно быть это также рѣдко, какъ орѣхъ-двойчатка, или пять лепестковъ на цвѣткѣ сирени. Начать со слова „не любить“ — выйдетъ непременно „любить“, — и наоборотъ.

Никогда еще она не чувствовала себя такой маленькой и безпомощно-глупенькой. Двѣ слезинки заблестѣли на рѣсницахъ. Щеки замѣтно поблѣднѣли. Она была, въ ту минуту, очень хорошенькая. Свѣтлая шелковая кофточка, вся въ сборкахъ, по талии перехваченная желтымъ кожанымъ кушакомъ, шла къ ней чрезвычайно. Ноги мелькали, изъ-подъ синей юбки, въ атласныхъ туфляхъ съ бантиками... Руки почти до локтей выходили изъ короткихъ рукавовъ, съ кружевцами.

Она сорвала еще цвѣтокъ, но больше не ошипывала, а заглядѣлась на свою ручку. Ей она показалась смѣшной, почти уродливой. Но гость — это она замѣтила — раза два кинулъ боковой взглядъ на ея руки, когда она держала ими ножъ и вилку.

Голоса стали приближаться. Саня подошла къ тому мѣсту, гдѣ верхняя возвышенность парка начинала идти подъ гору, и, стоя за деревьями, глядѣла внизъ.

Всѣ четверо поднимались по одной изъ балокъ, не тропинкой, а прямо по склону пригорка, между дубами, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ она стояла.

Впереди шель Теркинъ, опираясь на палку съ ручкой изъ слоновой кости. На его лицо падала тѣнь отъ низкой черной шляпы. Она могла свободно смотрѣть на него — и не быть замѣченной.

Какіе у него большіе глаза! И совсѣмъ не такіе, какъ у Николая Никанорыча. И борода славная... Немножко съ рыжиной. Но это — ничего!.. А ростомъ онъ чуточку ниже отца... И плечи — широкія, весь станъ — величавый. Позади его Николай Никанорычъ кажется жидкимъ. И точно онъ у него на службѣ... Отецъ идетъ немного сбоку и что-то ему показываетъ. Лицо у него — какъ всегда — съ достоинствомъ; но передъ гостемъ онъ — хоть и выше его — тоже старается.

Она такъ и выразилась мысленно: „старается“.

Неужели это все однѣ деньги дѣлають? А онъ поднимается по крутому склону большими шагами, грудь держать впередъ, разговариваетъ свободно... Его молодой голосъ доносится до нея. У него такой видъ, что не нынче—завтра онъ долженъ стать хозяиномъ всей этой усадьбы... Она теперь увѣрена, что иначе не можетъ случиться.

Позади, какъ-то подскакивая, карабкается тотъ приказчикъ или землемѣръ, что привезъ съ собой Василій Ивановичъ—она такъ назвала про себя Теркина—пухленькій и смѣшного лица... Онъ за столомъ ничего не говорилъ, а только поглядывалъ на всѣхъ своими веселыми мышиными глазами.

Если онъ землемѣръ, такъ, значить, Николай Ниванорычъ—тоже, что и онъ... А этотъ въ родѣ управителя или приказчика. Тотъ—„ученый таксаторъ“; даже и тетва Павла такъ его называетъ.

Не все-ли это равно?.. Саня не отвѣтила себѣ на вопросъ и такъ засмотрѣлась внизъ—на Теркина, что онъ увидалъ ее снизу, снялъ шляпу и крикнулъ:

— Какъ у васъ здѣсь хорошо!.. Позвольте къ вамъ взбѣжать.

И пустился бѣгомъ, по спуску, прямо на нее.

XVIII.

Въ бесѣдѣ пахло цвѣтомъ каприфоля. Растеніе вилось по переплету изъ березовыхъ палокъ, и розовато-желтые лепестки и усики осыпали нѣжную зелень. Никогда еще такъ рано не цвѣло оно, какъ въ этомъ году.

Они остались вдвоемъ. Иванъ Захарычъ ушелъ показывать планы Хращеву и увелъ съ собой Первача.

Теркинъ сидѣлъ, снявъ шляпу, въ полоборота къ Санѣ, глядѣлъ на ее розовато-блѣдное лицо, на косу, заплетенную по-крестьянски, и на ее удивительныя ручки. Онъ самъ попросилъ позволенія посидѣть съ ней. Саня застѣнчиво провела его въ бесѣдку.

— Тамъ пахнетъ чудесно!—сказала она совсѣмъ по-дѣтски.

И самъ онъ началъ какъ будто испытывать пріятную неловкость и—почему-то—жалость къ этой барышнѣ-дѣвочкѣ. Послѣ осмотра парка и всѣхъ строеній усадьбы, у него было такое чувство—точно онъ у пристани и его вводятъ во владѣніе родовымъ имуществомъ.

Домъ былъ запущенъ; въ верхнемъ этажѣ штучный паркетный полъ вынуть въ нѣсколькихъ комнатахъ; мебели—никакой, стѣны облупились; да и въ нижнемъ этажѣ—кромѣ кабинета хозяина—все остальное пахнетъ дворянской грязью и скудостью. Но паркъ наполнилъ его стародавнимъ чувствомъ, которое заново воскресло и еще ярче, чѣмъ на волокольнѣ села Заводнаго, когда онъ, по приѣздѣ туда, лазилъ на нее, о вечерняхъ.

И теперь, около этой миловидной, свѣжей дѣвушки, законной наследницы этого имѣнія, уже обреченнаго на продажу, ему захотѣлось поскорѣе стать собственникомъ усадьбы, не допускать другихъ покупателей. А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и совѣстно было передъ нею...

Глаза его съ тихой улыбкой любовались ея головой и станомъ, и онъ хотѣлъ бы поговорить съ ней какъ можно мягче, поскорѣе вызвать въ ней искренность... Ему ея тетки, отецъ, этотъ шустрый и плутоватый таксаторъ весьма и весьма не нравились, и она—среди нихъ—казалась ему горленкой въ гнѣздѣ вороновъ или нетопырей.

— Чудесный у васъ паркъ...

— Да,—вдыхая въ себя сказала Саня, какъ то дѣлала всегда и въ институтѣ, когда бывала чѣмъ-нибудь стѣснена.

Но тотчасъ же ей стало ловко съ нимъ, и она, обернувъ къ нему голову, спросила:

— Вы у насъ все это купить хотите, Василій Ивановичъ?

„Василій Ивановичъ“—прозвучало для него съ ласкою вздрагивающаго голоса. Губы своего рта она раскрывала какъ-то особенно мило.

— А вамъ жалко будетъ?

— Разумѣется, жалко.

— Не знаю. Папаша все равно хочетъ продать.

— Да?—грустно переспросила она.

Ему показалось, что на рѣсницахъ ея слезинки.

„Зачѣмъ я ей это рассказываю?—остановилъ онъ себя.— Бѣдняжка!“

— А вы для себя?—спросила она повеселѣе.

— То-есть, какъ для себя?

— Будете здѣсь жить... Вы женаты?

— Нѣтъ.

Она совсѣмъ обернулась къ нему, и ручки ея упали на колѣни своеобразнымъ движеніемъ.

— Васъ всякій бы принялъ скорѣе за женатаго. А я...

Досказать ей сдѣлалось стыдно.

„Какія я... глупости! развѣ можно?“ подумала она, зная, что вотъ-вотъ покраснѣетъ.

— А вы?..

— Ахъ, нѣтъ! Ничего!..

Обѣ ручки протянулись къ нему.

— Василій Ивановичъ! Право, я не то хотѣла сказать.

— Да вы еще ничего не сказали. Ежели я—для васъ—женатымъ не смотрю, значить, еще не такъ постарѣлъ... тѣмъ лучше.

Ему хотѣлось пошутить съ ней и утѣшить ее какъ можно скорѣе.

— Видите ли,—онъ пододвинулся къ ней:—я покупаю лѣса отъ имени общества.

— Какое это общество? Я вѣдь ничего не понимаю.

— Компанія по лѣсной части. Я ея главный директоръ.

— А говорить, что вы главный миллионщикъ?

Смѣхъ ея, высокий и дробный, задрожалъ въ тепломъ вечернемъ воздухѣ и отдался въ груди Тервина.

Онъ протянулъ ей руку.

— Хорошая вы барышня! Такъ у васъ все какъ на ладонькѣ.

„Нѣтъ не все,—поправила она про себя:—еслибъ онъ зналъ!“

— Такъ вы не миллионщикъ?

— Какое... Большими дѣлами завѣдую, это точно; но капиталы не мои.

— Стало быть, компаніи понадобились нашъ домъ и паркъ? И она дастъ цѣну больше другихъ?

Саня добавила грустно:

— Вотъ, папа и отдастъ.

— Сказать вамъ всю правду, Александра Ивановна? Мнѣ самому очень по душѣ вашъ паркъ и все положеніе усадьбы. Давно я ихъ знаю. Еще какъ деревенскимъ мальчишкой съ отцомъ въ село Заводное попалъ.

Глаза ея широко раскрылись.

„Тетя Павла правду говорила: онъ—изъ мужиковъ“.

Тервинъ подмѣтилъ ея взглядъ.

— Вы хитрите не будете, барышня. Навѣрняка, при васъ... былъ обо мнѣ разговоръ. Тетенька-то, та... сухорукенькая... чай, разночинцемъ величала?

— Разночинцемъ... Это что такое?

— Нѣшто вы не знаете этого слова?

— Нѣтъ, что-то не припомню. Я вѣдь мало книжекъ читала. Кажется, это значить—не-дворянинъ.

— Именно.. Изъ податнаго состоянія. Только нынче все въ одному знаменателю подводится.

— Къ одному знаменателю! Какъ это хорошо вы сказали! Какъ въ задачахъ!

— Нынче двѣ силы...

— Одну я знаю,—перебила Саня.

— Какую?

— Деньги! Вотъ вы пріѣхали сюда, можете все купить. И всѣ передъ вами должны прыгать.

— Да вѣдь коли капиталы-то не мои!.. Есть и другая еще сила.

— Какая же?

— Умъ, талантъ!..

— Ахъ, да!

И она не могла сдержать быстрога взгляда на него.

— Это вѣрно,—вслухъ выговорила она полушопотомъ:—вы умный.

— Я не къ тому это сказалъ, чтобы выставяться передъ вами. А такъ, къ слову. Съ вами—вы видите—я сразу на-распашку. Вы думали, небось, про то, что зовется судьбой?

— Какъ это?

— Ну, хоть такъ, какъ барышни думаютъ. Растетъ дѣвочка, станетъ дѣвицей, а потомъ или завянетъ...

— Вотъ какъ мои тетки!

— Или встрѣтится съ суженымъ. Иногда бываетъ, что встрѣчато за нѣсколько лѣтъ. И то, что упадетъ въ душу, кажется недосыгаемо, и вдругъ судьба именно это и посылаетъ.

— Вы о комъ же говорите, Василій Ивановичъ?

— О себѣ. Только я не про свою суженую. Кто она—я еще не знаю. А вотъ я къ чему это. Крестьянскимъ мальчишкой я влѣзъ на колокольню и оттуда облюбовалъ вотъ вашъ паркъ и домъ. Онъ мнѣ тогда чертогомъ казался. Такъ захотѣлось, чтобы и у меня было точно такое угодые. И завидно стало до боли: вотъ, молъ, господа, владѣютъ какими чудесными вотчинами и не чувствуютъ цѣны добра своего. Я не могъ тогда и мечтать о томъ, чтобы когда-нибудь такая усадьба досталась мнѣ. А судьба свою линію вела. Попадаю именно сюда, какъ директоръ лѣсной компании. Правда, капиталы не мои, но захоти я оставить усадьбу Ивана Захарыча за собой—это исполнимо!

— Лучше вы купите, лучше вы!

Саня захлопала руками.

— Мы въ то имѣніе переѣдемъ. Вы будете нашъ сосѣдъ! Это чудесно!

— Да ежели и компанія сама прихватитъ это имѣніе, все равно, по лѣтамъ, жить надо здѣсь же. Вотъ судьба-то какъ свою линію ведетъ, барышня!..

Теркину стало дѣтски радостно отъ того, что онъ съ ней разговаривался. Онъ ни секунды не подумалъ о томъ, умѣстно ли ему такъ откровенничать съ простоватой барышней, которая все могла разболтать отцу и теткамъ.

XIX.

— Вы все еще здѣсь?

Окликъ Первача заставилъ обоихъ встрепенуться.

Таксаторъ стоялъ у входа въ бесѣдку, улыбался и поправлялъ цвѣтной галстухъ. Его свѣтлый пиджакъ, скроенный очень узко, выставялъ его талью. Соломенная шляпа была надѣта немного на бекрень.

— Да, мы здѣсь, — отозвался суховато Теркинъ и взглядомъ спросилъ его: что ему нужно?

— А меня Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна послали отыскать васъ и просить чай кушать. Александра Ивановна, — обратился онъ къ Санѣ съ усмѣшкой, которая не понравилась Теркину: — вамъ не будетъ ли свѣжо? Солнце садится, а вы въ одной легкой кофточкѣ.

— Мнѣ ничего! Мнѣ отлично! Здѣсь даже душно немного!

— Вы позволите присѣсть? — спросилъ Первачъ больше Теркина, чѣмъ Саню, тономъ челоуѣва, желающаго и подслужиться, и соблюсти свое достоинство.

— Мѣста много, — садитесь.

Теркинъ вспомнилъ, что за обѣдомъ онъ подмѣтилъ какъ Саня вдругъ покраснѣла и взглянула исподтишка на Первача, а онъ, въ ту минуту, какъ бы нарочно смотрѣлъ въ другую сторону, и подумалъ: „Между барышней и этимъ ловкачемъ, кажется, шуры-муры“.

Теперь ему присутствіе Первача, прервавшаго ихъ милый разговоръ, сдѣлалось вдругъ особенно противно.

— Василій Ивановичъ, вы какъ предполагаете, заночевать здѣсь? Комната вамъ приготовлена во флигелѣ, гдѣ и я живу. И для добрѣйшаго Антона Пантелѣича найдется мѣсто.

— Это кто Антонъ Пантелѣичъ. Вашъ землемѣръ? Онъ вѣдь землемѣръ? — живо спросила Саня.

— Какой же онъ землемѣръ? — брезгливо перебилъ Первачъ. — Просто нарядчикъ.

— Нѣтъ-съ, — оттянулъ Теркинъ и бросилъ взглядъ на Первача. — Антонъ Пантелѣичъ — агрономъ съ отличными познаніями. По гѣсоводству — дока.

— Конечно, конечно, онъ много знаетъ прагматически, — замѣтилъ Первачъ.

— Да и обученъ достаточно. И вообще, личность — очень своеобразная и достойная уваженія.

— Онъ славный! — вскричала Саня. — Похожъ на батюшку... въ штатскомъ платьѣ.

— Такъ какъ же, Василій Ивановичъ, прикажете распорядиться насчетъ вашего ночлега?

Взгляды Сани и Теркина встрѣтились. Она чуть замѣтно смутилась и отвела голову, но такъ, чтобы ея лицо не видно было Первачу.

— Вамъ развѣ нужно опять въ городъ? — выговорила она.

— Нѣтъ... особенно я не тороплюсь. Только зачѣмъ же стѣснять вашихъ?

— Ничего!.. Ничего!.. Няня Федосѣевна вамъ отлично постелеть. Николай Никанорычъ, скажите, пожалуйста, тетѣ Марѣ Захаровнѣ, что Василій Ивановичъ останется ночевать... Вѣдь да?

— Благодарю васъ.

— А чай? — спросилъ Первачъ, видимо желая уйти вмѣстѣ съ ними.

— Мы сейчасъ... Здѣсь такъ славно!

— Идите, идите, Николай Никанорычъ!

Первачъ взглянулъ на Саню съ особаго рода усмѣшкой, всталъ и въ дверяхъ бесѣди сказалъ Теркину:

— Все будетъ исполнено... Васъ ждутъ.

Пока его шаги хрустѣли по дорожкѣ, оба молчали.

— Александра Ивановна! — окликнулъ Теркинъ въ полголоса. — Мы съ вами хоть и безъ году недѣлю знакомы, а я васъ о чемъ спрошу... Можете и не отвѣчать.

— О чемъ, о чемъ?

Саня вся зардѣлась и правой рукой стала тереть конецъ своей косы, перекинутой на плечо.

— Этого... таксатора вы какъ находите?

— Николая Никанорыча?

— Да, Николая Никанорыча.

— Онъ очень милый.

— Ну, вотъ и нехорошо. Вы это сказали такъ... для отвода.

— Красивый. Съ нимъ весело.

— И только?

Теркинъ поглядѣлъ на нее въ бокъ.

— Я не знаю.

— Ну, простите. Я вѣдь не инвизиторъ какой. А только этотъ франтоватый и ученый брюнетъ кажется мнѣ... есть такая поговорка русская, коренная, да при барышнѣ не пристало.

— Скажите.

— Не пристало. Смыслъ такой, что пальца ему въ ротъ не клади. Эта пословица годится и для барышень. Иванъ Захарычъ, кажется, вполне въ него увѣровалъ.

— Да, кажется.

— И тетенька, та—главная. Она вѣдь у васъ, кажется, наибольшая въ домѣ. Какъ, бишь, ее зовутъ?

— Павла.

— Такъ и она его одобряетъ?

— Я думаю.

Санъ становилось неловко отъ вопросовъ Теркина. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Александра Ивановна, вы не подумайте, что я васъ пытатъ хочу.

— Какъ пытатъ?

— Допрашивать, значитъ. Я по душѣ съ вами... вы видите. Одно я вамъ скажу: вашего папеньку я не обижу и не воспользуюсь его нуждой. Прошу васъ вѣрить, что я не паукъ, развѣсившій паутину надъ всѣми вашими угодами.

Зачѣмъ онъ это говорилъ? Послушай его кто-нибудь изъ довѣрителей—членовъ компаніи—про него сказали бы, что онъ способенъ размякнуть около каждой юбки, удариться въ чувствительность передъ смазливой барышней, только бы она его сочла благороднѣйшей души мужчиной...

Пускай!.. Ему жаль эту дѣвочку, больше чѣмъ ея отца. Его положеніемъ онъ не воспользуется съ бездушіемъ кулака, но и не имѣетъ къ нему ничего, кромѣ брезгливо-презрительнаго чувства за всю эту землевладѣльческую безтолочь и безпутство.

— Насъ ждуть къ чаю,—напомнила Саня и встала.

Она все еще была смущена. Почему же она не защитила Николая Ниванорыча? Вѣдь онъ ей нравится, она—близка съ нимъ. Такія „вольности“ позволяютъ только жениху. А сегодня—онъ ей точно совсѣмъ чужой. Почему же такой хорошій человекъ, какъ этотъ Василій Иванычъ, и вдругъ заговорилъ о немъ въ такомъ тонѣ? Не проста же? Или догадывается, что между

ними есть уже близость, и ревнуетъ? Всѣ мужчины ревнивы. Вотъ глупость! Съ какой стати будетъ онъ входить въ ея сердечныя дѣла?

— Пожалуйте!..

Теркинъ предложилъ ей руку. Саня не ожидала этого, и настроеніе ея быстро измѣнилось. Ей такъ вдругъ сдѣлалось тепло и весело, подъ бокомъ этого рослаго и красиваго человѣка. Онъ, конечно, желаетъ ей добра, и еслибы они хоть чуточку были подольше знакомы, она бы все ему рассказала и стала бы обо всемъ совѣтоваться.

Они проходили мимо куста сирени. На макушкѣ только-что зацвѣли двѣ-три кисти. Сирень была бѣлая.

— Ахъ, я и не видала нынче! Василій Иванычъ, вы большой. Достаньте мнѣ вонъ ту кисть, самую верхнюю.

— Извольте!..

— Чудо, какъ пахнетъ!

Своей крошечной ручкой она поднесла ему кисть къ носу. Его потянуло поцѣловать пальчики, но онъ удержался.

— Чудесно!—отоввался онъ.—И какъ жаль, что такой садъ въ забросѣ. Вы что же, барышня, не занимаетесь цвѣтами?

— Я?.. Не умѣю.

— А научить некому?

— Некому.

— Въ большое равнодушіе впали господа къ своимъ угодыамъ.

Саня промолчала.

— Василій Иванычъ! У васъ хорошіе глаза?

— Ничего! Не пожалуюсь.

— Пожалуйста! Вотъ въ этой кисти... Поищите мнѣ цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— А вы загадали, поди?

— Да!..

Теркинъ тихо разсмѣялся и началъ искать. Саня слѣдила глазами. Она загадала: „дурной человѣкъ Николай Ниванорычъ, или нѣтъ“; если дурной—выщется цвѣтокъ въ пять лепестковъ.

— Извольте!

— Нѣтъ, не можетъ быть?..

— Смотрите.

Лепестковъ было пять.

— Ахъ!—почти вскрикнула Саня, и румянецъ залилъ ее даже за уши.—Идемте. Насъ ждуть!..

XX.

Карликъ Чурилинъ, стоя у дверей, спросилъ:

— Ничего еще не прикажете?

— Ступай!.. Завтра разбудить меня въ шесть часовъ.

— А господина Хрящева?

— Его не нужно. Онъ рано просыпается.

— Покойной ночи.

Комната была просторная, въ три окна, выходившихъ въ садикъ, прямо изъ передней, гдѣ на „ларѣ“ постлали Чурилину. Внизу же ночеваль и Хрящевъ. Въ мезонинѣ флигеля жилъ Первачъ.

Теркинъ оглядѣлъ стѣны, мебель съ ситцевой обивкой, картину надъ диваномъ и свою постель, съ тонкимъ свѣжимъ бѣльемъ. На ночномъ столикѣ поставили графинъ и стаканъ. Пахло какими-то травами. За постелью дверь вела въ комнату, гдѣ ему слышались мягкіе шаги.

— Антонъ Пантелѣичъ?.. Вы тутъ?—облиевнулъ онъ.

Ему никто не отвѣтилъ. Но дверь скрипнула и просунулась голова въ ночномъ чепцѣ.

— Чего не угодно ли?

Голосъ былъ еще не старъ. Въ просторной комнатѣ, отъ одной свѣчи, было темно. Лица онъ сразу не могъ разсмотрѣть.

Но тотчасъ же сообразилъ, что это должно быть ключница или нянька.

— Войдите, войдите, матушка!—пригласилъ онъ ее очень ласково.

Вошла старушка, съ бодрымъ, немного строгимъ лицомъ, въ кацавейкѣ, небольшого роста, но видомъ—не старая дворовая, а какъ будто изъ другого званія. Чепецъ скрывалъ волосы. Темные глаза смотрѣли пытливо.

— Мы съ вами сосѣди?

— Таеъ точно. Я вотъ тутъ. Только вы не извольте беспокоиться. Меня не слышно. А, можетъ, чего вамъ не угодно ли на ночь? Квасу или питья какого?

— Спасибо! У меня такихъ привычекъ нѣтъ.

Спать ему не хотѣлось. Онъ посадилъ ее рядомъ съ собою, на диванъ.

— Утромъ рано извольте просыпаться? У насъ господа—поздно. Кофею угодно или чаю?

— Чайку соблаговолите.

— Очень хорошо.

Тонъ у нея былъ особенный—вѣжливый, но безъ подобострастія или наянливости.

— Вы не нянюшка ли барышни, Александры Ивановны?—спросилъ Теркинъ и подошелъ къ ней.

— Вынянчила, сударь, и не ее одну, а и маменьку ихъ.

Губы ея, уже безцвѣтныя, чуть-чуть вздрогнули.

— Славная барышня!

— Понравилась вамъ? Совсѣмъ еще малолѣтняя... Не по лѣтамъ, а по разуму. Ее-то бы и надо всѣмъ поддержать и наставить, а вмѣсто того...

Она не договорила.

Въ ея голосѣ слышалась горечь.

— Вы меня не осудите, батюшка,—начала она полупопомъ и оглянулась на дверь въ переднюю.—Я вѣдь день-деньской сижу вотъ здѣсь, во флигелѣ. И Саню-то не вижу по цѣлымъ недѣлямъ—въ кои-то вѣки забѣжить. Чуть не такъ скажешь—сейчасъ: „ахъ, няня, ты ворчунья!“ А у меня душа изныла. Васъ имѣю удовольствіе видѣть въ первый разъ и, почему-то, заключаю, что вы—человѣкъ благородный.

Эти выраженія показались Теркину странными.

— Вы, матушка, изъ старыхъ дворовыхъ?

— Нѣтъ, сударь,—почти обидчиво отвѣтила Федосѣевна.—Я никогда въ рабскомъ званіи не состояла. Къ родителямъ Санечкиной маменьки я поступила въ нянюшки по найму. Папенька мой служилъ писцомъ, въ ратушѣ, умеръ, насъ семь человѣкъ было.

— А-а,—протянулъ Теркинъ,—понимаю. Къ питомицѣ вашей привязались, а потомъ и дочь ея вынянчили.

— Такъ точно. Позвольте ваше... имени и отчества вашего не имѣю чести знать.

— Василій Ивановичъ.

— Дошло и до меня, Василій Ивановичъ, что вы покупаете всю вотчину.

— Пова еще объ одной лѣсной дачѣ идутъ переговоры.

— Все, все хотятъ они спустить,—она кивнула головой туда, гдѣ стоялъ большой домъ:—сначала это имѣніе, а потомъ и то дальнее. Старшая сестрица отберетъ все у брата своего, а дочь доведетъ до распутства и выгонитъ... иди на всѣ четыре стороны. Вы—благородный человѣкъ, меня не выдадите. Есть во мнѣ такое чувство, что вы, Василій Ивановичъ, сюда не зря уго-

дили. Это персть божій! А коли вѣтъ, такъ все пропадомъ-пропадетъ и Саня моя сгинетъ.

Черезъ полчаса, онъ уже узналъ про мать Сани, про „ехидну-горбунью“, про ея злобу и клевету, про то, какъ Саню тетка Марса приучаетъ къ наливкѣ и сводитъ „съ межевимъ“, по наущенію той же горбуни. Мавра Федосѣевна влялась, что ея барыня нивогда мужу своему не измѣняла, и что Саня—настоящая дочь Ивана Захарыча.

— Каждое послѣ-обѣда, батюшка, толстуха угощаетъ ихъ съ тѣмъ прохвостомъ—она такъ звала Первача,—и когда онъ ее загубитъ, ехидна-то и укажетъ братцу—вотъ, молъ, въ мать пошла, такая же развратница; либо выдастъ за этого межевого—они вмѣстѣ обводятъ Ивана Захарыча. Да и не женится онъ. Не къ тому дѣло идетъ. Къ одному сраму!..

— А сама Александра Ивановна,—спросилъ Теркинъ:—онъ ей приглянулся, нѣшто?

— И-и, сударь, вѣдь она еще совсѣмъ птица.

— Птица!—повторилъ онъ съ тихимъ смѣхомъ.

— Поетъ, прыгаетъ... кровь-то, извѣстное дѣло, играетъ въ ней. Кто первый подвернется... Я, небось, вижу, отъ себя, изъ своей коморки... чтѣ ни день—онѣ ее толкаютъ и толкаютъ въ самую-то хлябь. И все прахомъ пойдетъ. Горбунья и братца-то по міру пуститъ, только бы ей властвовать. А у него, у Ивана-то Захарыча, голова-то—сами, чай, изволите видѣть—не больно большой умственности.

„Что же я-то могу сдѣлать?“—подвертывался ему вопросъ, но онъ его не выговорилъ. Ему стало жаль эту милую Саню, съ ея ручками и голоскомъ, съ ея тономъ и простодушіемъ и какой-то особенной безпомощностью.

— Простите меня, Василій Ивановичъ, почивать вамъ мѣшаю. Можетъ, Господь васъ послалъ намъ, какъ ангела-избавителя. Чуетъ мое сердце—ежели благородный человѣкъ не вступится—все пропадетъ-пропадомъ. Думала я къ предводителю обратиться. Да у насъ и предводитель-то какой!.. Слезно васъ прошу... Покойница на моихъ рукахъ скончалась. Чуяла она, каково будетъ ея дѣтищу... Въ ножки вамъ поклонюсь!..

Мавра Федосѣевна привстала съ дивана и хотѣла опуститься на колѣни. Теркинъ удержалъ ее за обѣ руки и потомъ потрепалъ по плечу.

— Спасибо за довѣріе. Жаль барышню! Этого ловкача межевого можно сократить. Я еще побуду у васъ!..

— Не осудите меня, простите за беспокойство.

Онъ проводилъ ее до двери и сказалъ вслѣдъ:

— Покойной ночи! Еще разъ спасибо!

Въ постели онъ лежалъ съ открытыми глазами, потушилъ свѣчу и не могъ сразу заснуть, хоть и много ходилъ за цѣлый день.

„Ангель-избавитель!“ — повторилъ онъ, улыбаясь въ темнотѣ. Онъ — скупщикъ угодій, хищникъ на взглядъ всякаго бывалаго человѣка!

Федосѣвна говорила правду. Эта горбуныя — въ такомъ именно вкусѣ, да и та чувственная толстуха. Первача онъ подозрѣвалъ въ сильной жуликоватости. Отецъ — важное ничтожество... Если милая дѣвушка действительно жертва злобности этой ехидной тетки, отчего же и не спасти ее?

Но какъ?

Правду говорилъ онъ Санѣ про судьбу. Что она выдѣлываетъ? Васяка Теркинъ, крестьянскій мальчишка, лавившій на колокольню — безумно мечталъ о томъ, какое счастье было бы обладать усадьбой и паркомъ на томъ берегу Волги — можетъ купить теперь и то, и другое, въ придачу къ лѣсной дачѣ.

Почему же нѣтъ? Компания одобрить всякое его дѣйствіе. Въ три-четыре года онъ съ ней свивается. Паркъ — его, домъ — его. Но неужели онъ въ этомъ домѣ поселится одинъ?

На этомъ вопросѣ — онъ заснулъ.

II. БОБОРЫКИНЪ.

ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКІЙ

АПОСТОЛЪ НИЩЕТЫ

(XIII-ый вѣкъ).

Рядомъ съ такою крупною личностью, помѣстившеюся въ центрѣ среднихъ вѣковъ, какъ Иннокентій III—этотъ торжествующій надъ христіанскимъ міромъ папа, исторія поставила не менѣе высоко кроткій и смиренный образъ нищаго монаха—Франциска Ассизскаго; такъ назывался онъ по мѣсту своего рожденія въ Ассизи, небольшомъ городѣ Итали.

Великіе представители „божскаго царства“, Бернардъ Клервоскій и папа Иннокентій III, сохранили для насъ свой духовный обликъ въ многочисленныхъ произведеніяхъ творчества; въ дошедшей же до насъ обширной ихъ перепискѣ мы можемъ почерпнуть точныя свѣденія о событіяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни и о практической дѣятельности ихъ въ современномъ имъ мірѣ¹⁾. Въ иномъ совершенно положеніи представляется намъ личность Франциска. Онъ не былъ писателемъ и не имѣлъ средствъ для того ни по образованію, имъ полученному, ни по своимъ наклонностямъ. Хотя онъ зналъ по-латыни, однако недостаточно владѣлъ латинскимъ языкомъ, чтобы быть писателемъ; итальянской же прозы въ его время еще не существовало, какъ поприща для литературной дѣятельности. Францискъ былъ, конечно, знакомъ съ евангелиемъ, но онъ не былъ свѣдущъ ни въ

¹⁾ См. выше: „Средневѣковое мировоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ“ (1891 г.: янв., мар. и апр.; 1892 г.: янв. и февр.).

писаніи, ни въ богословской литературѣ, и потому не могъ быть ученымъ въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова. Свои проповѣди или наставленія Францискъ охотнѣе всего говорилъ на площадяхъ, обращаясь къ случайно собравшемуся народу— на родномъ языкѣ, и при этомъ своими популярными приѣмами рѣзко отличался отъ манеры церковныхъ проповѣдниковъ. До насъ дошло очень интересное свидѣтельство болонскаго студента, который слышалъ, какъ Францискъ въ 1220 г. убѣждалъ съ неотразимой силой народъ въ Болоннѣ отказаться отъ его заворонѣлыхъ междоусобій. Передавая свое впечатлѣніе, будущій архидіаконъ заявляетъ, что Францискъ такъ хорошо и ясно трактовалъ свой предметъ, что рѣчь *необразованнаго челоѣка* вызвала немалое одобреніе многихъ ученыхъ слушателей.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что дошедшія до насъ немногочисленныя письма, молитвы и религиозныя разсужденія Франциска представляютъ слишкомъ скудный матеріалъ для характеристики его личности. Его религиозная жизнь и его міровоззрѣніе выражались гораздо глубже и полнѣе въ немногихъ наивныхъ по своей формѣ изреченіяхъ и притчахъ, которыя запали въ душу учениковъ его и вмѣстѣ съ нѣкоторыми біографическими данными перешли отъ нихъ къ авторамъ его жизнеописаній. Но и этотъ матеріалъ недостаточенъ для того, чтобы на основаніи его воссоздать въ точныхъ очертаніяхъ исторической образъ Франциска согласно съ требованіями строго-критической историографіи. Хотя Францискъ принадлежитъ къ одному съ Иннокентіемъ поколѣнію людей, но онъ какъ будто отстоитъ отъ насъ на цѣлыя вѣка дальше, чѣмъ Иннокентій,— до такой степени легенда разукрасила его жизнь своимъ поэтическимъ и фантастическимъ воображеніемъ. А потому, прежде чѣмъ говорить о Францискѣ, мы должны воснуться его біографіей. Считаемъ нужнымъ сдѣлать это не только для того, чтобы, такъ сказать, предъявить читателю оправдательные документы и показать, насколько можетъ считаться достовѣрнымъ изложеніе жизни Франциска; нами руководитъ при этомъ еще другой, болѣе общій интересъ. Краткій анализъ біографіи Франциска даетъ возможность познакомиться съ однимъ весьма любопытнымъ историческимъ явленіемъ, которое можно наблюдать въ исторіи и при другихъ случаяхъ, но нигдѣ, можетъ быть, оно не представляется такъ наглядно: именно исторія Франциска показываетъ намъ, какъ потомство иногда постепенно дорисовываетъ образъ исторической личности, которая его глубоко занимаетъ.

Можно было бы подумать, что жизнь Франциска вполне удо-

столѣрена, въ виду того, что первая его біографія составлена не позднѣе трехъ лѣтъ послѣ его смерти и притомъ однимъ изъ непосредственныхъ его учениковъ. Авторъ этой біографіи, Тома де-Челано, заявляетъ въ предисловіи къ ней о своемъ намѣреніи описать дѣятельность и жизнь Франциска, всегда „держась истины какъ руководительницы и учительницы“; но такъ какъ, продолжая онъ, никто не помнитъ вполне всего, что сдѣлалъ и сказалъ Францискъ, то онъ постарается по крайней мѣрѣ изложить то, что „онъ слышалъ изъ собственныхъ его устъ или узналъ отъ вѣрныхъ и истинныхъ свидѣтелей“. Однако, если кто-нибудь возьмется подъ впечатлѣніемъ такого обѣщанія за эту первую его біографію Франциска ¹⁾, то вынесетъ изъ нея большое разочарованіе. Дѣло въ томъ, что авторъ написалъ ее по приказанію папы Григорія IX, по случаю канонизаціи Франциска, и при этомъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду составить такъ-называемую *легенду*, т.-е. *чтеніе* въ прославленіе вновь признаннаго святого и въ назиданіе его братіи. Назидательный характеръ *жизни* бросается въ глаза съ перваго же слова. Вмѣсто того, чтобы сообщить точныя свѣденія о семьѣ Франциска и о жизни его въ мірѣ, Тома говоритъ съ укоризной о плохомъ примѣрѣ и тщеславномъ воспитаніи, которое давали ему родители, и по этому поводу распространяется вообще о дурномъ обычаѣ, укоренившемся среди людей, именующихъ себя христіанами, съ самой колыбели развращать дѣтей. Все это говорится, конечно, для того, чтобы будущее въ жизни Франциска казалось тѣмъ болѣе чудеснымъ. Этой же цѣли должны служить тѣ немногіе факты, которые сообщаетъ біографъ изъ мірской его жизни. Они представлены такъ отрывочно, такъ мало сами мотивированы и такъ мало обуславливаютъ собою дальнѣйшій ходъ событій, что авторъ имѣлъ очевидно самыя незначительныя свѣденія о ранней жизни Франциска. Авторъ, на самомъ дѣлѣ, не знаетъ, напр., ни имени того рыцаря (*quidam nobilis*) изъ Ассизи, въ подражаніе которому Францискъ вздумалъ совершить свой походъ въ Апулію; ни имени первыхъ семи учениковъ Франциска, такъ что, перечисляя ихъ, онъ нѣсколько разъ принужденъ прибѣгнуть къ фразѣ: „къ нимъ присоединился еще одинъ благочестивый мужъ изъ Ассизи“, и т. п. Вообще говоря, историческій образъ Франциска представлялся бы намъ въ крайне смутныхъ очертаніяхъ, еслибы 17 лѣтъ послѣ Тома Челанскаго „*три товарища*“, какъ они

¹⁾ Vita prima auctore Thoma de Celano, въ Acta Sanctorum. Octobr. T. II въ нов. изд. Palmé. Par. 1866, p. 683—728.

сами себя называютъ, „блаженнаго отца Франциска, хотя и недостойные“ — братья Левъ, Руфинъ и Анджело — не взяли до-полнить житіе основателя своего ордена. Въ своемъ предисловіи они заявляютъ, что собираются написать не легенду, уже со-ставленную, но передать свѣденія, которыя не были бы опу-щены авторомъ легенды, еслибы они были ему извѣстны; при-томъ они намѣрены сообщать не чудеса только, которыя „не столько обуславливаютъ собою святость, сколько „обнаруживаютъ ее“, но замѣчательныя дѣянія и изреченія Франциска. „Три товарища“ при этомъ ссылаются какъ на собственное знаком-ство съ Францискомъ, такъ и на свидѣтельства другихъ товари-щей, стоявшихъ близко къ самымъ ближайшимъ и первымъ уче-никамъ Франциска — къ Бернарду и Эгидію.

Дѣйствительно, изложеніе „трехъ товарищей“ представляетъ собою связный и не затемненный благочестивыми разсужденіями и намеками разсказъ о жизни Франциска; человѣческая или пси-хологическая сторона этой жизни выступаетъ ясно на первомъ планѣ; отдѣльные факты этой жизни, *обращеніе* Франциска или его отвращеніе отъ міра, растрата отцовскаго товара, разрывъ съ отцомъ и пр., о чемъ Тома Челанскій упоминаетъ вскользь и безсвязно, — все это, такъ сказать, ретушировано и дорисовано, снабжено переходами и мотивами, освѣщено и осмыслено общимъ характеромъ личности. Читатель имѣетъ передъ собою цѣльную, хотя и краткую біографію и забываетъ, что стоитъ на почвѣ ле-генды; чудесная стигматизація Франциска, его назидательная смерть и канонизація, которымъ Тома посвятилъ вторую и третью книги своей легенды, здѣсь изложены въ одной краткой главѣ, гдѣ кромѣ того разсказано и о построеніи знаменитаго храма въ Ассизи въ честь Франциска, и о перенесеніи туда его мощей. Но именно этотъ прагматическій характеръ второй біографіи — преобладаніе въ ней житейской правды надъ назиданіемъ — вызвалъ потребность въ новой обработкѣ житія, и 17 лѣтъ спустя появи-лась въ свѣтъ третья, наиболѣе легендарная біографія Франциска. На этотъ разъ за перо взялся знаменитый Бонавентура, тогдашній генералъ ¹⁾ францисканскаго ордена, краса и гордость францис-канцевъ, котораго они ради его учености и глубины религіозной мы-сли противопоставляли великому схоластику доминиканцевъ — Томѣ Аквинскому, — Бонавентура, прозванный Платономъ среднихъ вѣ-ковъ и самъ причисленный католическою церковью къ лику святыхъ.

¹⁾ Т.-е. собственно minister generalis — общій служитель въ противоположность къ областнымъ служителямъ — provinciales, какъ по завѣту „смирннаго“ Франциска должны были называться начальники ордена.

Объясняя мотивы, побудившіе его написать новое житіе Франциска, Бонавентура упоминаетъ о желаніи братіи, о настояніи генеральнаго капитула своего ордена и о личной преданности Франциску, такъ какъ онъ въ дѣтствѣ былъ спасенъ отъ смерти молитвой, обращенной къ этому святому; въ особенности же важенъ для насъ *последній*, приведенный Бонавентурой, мотивъ—желаніе собрать отрывочныя свѣденія о Францискѣ, „частію оставленныя безъ вниманія, частію разсѣянныя“, и собрать ихъ пока это еще было возможно, т.-е. пока еще оставались въ живыхъ лица, нѣкогда близкія къ Франциску. Благодаря именно этому обстоятельству, житіе Бонавентуры, хотя оно было написано вдали отъ Ассизи—въ Парижѣ, гдѣ авторъ въ то время украшалъ собою университетъ, и хотя оно составлено не очевидно, можетъ, однако, до извѣстной степени имѣть для насъ значеніе подлиннаго источника, и на самомъ дѣлѣ оно заключаетъ въ себѣ не мало данныхъ, которыя носятъ печать достовѣрности,—такъ они наивны и согласны съ общимъ характеромъ Франциска. Въ общемъ, однако, въ житіи, составленномъ Бонавентурой, преобладаетъ характеръ литературно-обработанной легенды: хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ считалъ нужнымъ пожертвовать красотою слога, такъ какъ для читателя назидательнѣе простая, чѣмъ украшенная погремущками (*phalerata*), рѣчь (такое же увѣреніе встрѣчается и у Фомы Челанскаго), но мы на каждомъ шагу убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ опытнымъ литераторомъ своего времени. Изложеніе Бонавентуры весьма плавно, отдѣльныя событія въ его разсказѣ искуснѣе группированы и мотивированы, чѣмъ у прежнихъ біографовъ; но въ виду этихъ болѣе искусныхъ приемовъ приходится эту мотивировку, такъ сказать, самую душу факта приписать скорѣе автору, чѣмъ сообщившему ему фактъ свидѣтелю. Другая особенность этого житія заключается въ томъ, что оно составлено, когда Францискъ и учрежденный имъ орденъ были уже въ апогеѣ своей славы, и такъ какъ въ то время такое положеніе обуславливалось въ особенности *чудесами*, исходившими отъ учредителя и членовъ ордена, то чудотворный элементъ въ житіи, составленномъ генераломъ францисканцевъ, не могъ не занимать виднаго мѣста. Хотя Бонавентура и заявляетъ, что намѣренъ въ концѣ „прибавить кое-что о чудесахъ, совершенныхъ Францискомъ по блаженной кончинѣ его“, но эта послѣдняя глава становится у него не только самой обширной, заключая въ себѣ разгруппированныя на десять разрядовъ чудеса Франциска, да и въ самой біографіи многіе отдѣльныя факты, просто переданные *тремя товарищами*, по-

лучаютъ болѣе необычный характеръ или прямо заканчиваются чудеснымъ образомъ. Такъ напр., рассказъ „трехъ товарищей“ о томъ, какъ Францискъ послѣ своего обращенія, встрѣтившись съ прокаженнымъ, подалъ ему милостыню, *обнявъ* его,—у Бонавентуры получаетъ чудесный смыслъ, а именно, когда Францискъ, обнявъ прокаженного, вновь садится на коня, прокаженный исчезаетъ изъ его глазъ, и это чудо вызываетъ намѣреніе святаго далѣе подвизаться на избранномъ пути. Рядомъ съ этимъ, однако, мы обязаны Бонавентурѣ однимъ изъ самыхъ типическихъ и, можно сказать, художественныхъ рассказовъ о Францискѣ—мы разумѣемъ его символическое отреченіе отъ семейной жизни, которое послѣ будетъ подробнѣе описано. Бонавентура могъ слышать этотъ рассказъ отъ монаха, бывшаго невольнымъ свидѣтелемъ факта и общавшаго Франциску никому не рассказывать объ этомъ при его жизни.

Указанныя три біографіи заключаютъ въ себѣ *весь* матеріалъ, которымъ располагаетъ современная исторія для восстановленія личности Франциска; въ виду легендарнаго характера этихъ первоисточниковъ, наша цѣль можетъ быть достигнута лишь условно, и мы должны довольствоваться восстановленіемъ личности Франциска въ томъ видѣ, какъ она *представлялась* первому поколѣнію его послѣдователей подъ влияніемъ рассказовъ и воспоминаній первоначальныхъ и самыхъ близкихъ въ нему учениковъ его; только на этой почвѣ современная исторія можетъ пытаться разгадать по сохранившимся въ преданіи чертамъ типическій характеръ и историческое значеніе замѣчательной личности Франциска.

Но тамъ, гдѣ принужденъ остановиться историкъ, не останавливается легенда, которая, напротивъ, чувствуетъ себя тѣмъ болѣе на просторѣ въ своей творческой дѣятельности, чѣмъ далѣе отодвинуть отъ нея во времени подлинный источникъ. Легендарное изображеніе личности и жизни Франциска развивалось въ двухъ различныхъ направленіяхъ или развѣтвленіяхъ. Съ одной стороны, все болѣе росла потребность увеличивать окружавшій его ореолъ святости, т.-е. его чудотворную дѣятельность при жизни и послѣ смерти. Это было, конечно, главнымъ образомъ—дѣломъ и интересомъ его ордена, быстро распространявшагося повсюду. Такой моментъ выступалъ по необходимости въ исторіи каждаго значительнаго по своему влиянію святаго. По отношенію же къ Франциску здѣсь обнаружилась, кромѣ того, еще новый весьма оригинальный элементъ легендарнаго творчества, зародышъ котораго

нужно искать въ религіозныхъ представленіяхъ и стремленіяхъ самого Франциска.

Основнымъ стремленіемъ Франциска, завѣтомъ всей его жизни, было, какъ мы увидимъ, слѣдованіе за Христомъ, понимаемымъ по своему этимъ мало знакомымъ съ богословскимъ образованіемъ поклонникомъ евангелія. Буквальное слѣдованіе за Христомъ, эта реалистическая *Imitatio Christi*, сдѣлалась исходнымъ пунктомъ какъ для переворота въ личной жизни Франциска, такъ и для его историческаго подвига. Подражаніе Христу, охватившее все существо Франциска, получило, согласно преданію, еще при жизни его высшее и самое напряженное выраженіе свое въ его такъ-называемой *стигматизаціи*, т.-е. въ видѣніи, слѣдствіемъ котораго было, будто бы, появленіе на тѣлѣ Франциска, на рукахъ, ногахъ и на бедрѣхъ, пяти ранъ, полученныхъ Христомъ во время распятія на крестѣ. Едва-ли исторіи когда-либо удастся при анализѣ этого переданнаго преданіемъ факта опредѣленно разграничить психологическую его подкладку отъ реальной или фактической поверхности и точно опредѣлить, насколько причастенъ къ нему самъ Францискъ, о которомъ преданіе говоритъ только то, что онъ будто бы самъ испытывалъ на себѣ, но скрывалъ отъ другихъ ощущеніе упомянутыхъ пяти ранъ. Во всякомъ случаѣ, уже три года послѣ его смерти, его стигматизація, упоминаемая первымъ біографомъ, считалась между его послѣдователями и приверженцами общепризнаннымъ фактомъ. Извѣстный іенскій историкъ церкви, Карлъ Газе, сзубѣвшій въ таковой степени соединить критическій анализъ съ сочувственнымъ пониманіемъ явленій средневѣкового католицизма, посвятилъ вопросу о стигматизаціи Франциска особое изслѣдованіе въ своей извѣстной книгѣ о Францискѣ, которую можно назвать первою научной и надолго образцовой біографіей этого лица. Газе приходитъ къ выводу, что *источникъ* стигматовъ нужно искать въ дошедшемъ до насъ окружномъ посланіи Іліи (Helias), преемника Франциска въ управленіи орденомъ, къ братьямъ въ другихъ „провинціяхъ“, въ которомъ онъ извѣщалъ о смерти ихъ духовнаго отца и упоминалъ о его ранахъ, хотя прибавляетъ къ своему сообщенію выраженіе: *какъ бы (quasi)* ¹⁾; при этомъ Газе склоненъ думать, что этотъ властолюбивый и необыкновенно способный къ политической интригѣ честолюбецъ, котораго Тома Челанскій называетъ вмѣстѣ съ Руфиномъ единственнымъ счастливецемъ, удостоившимся при *жизни* Франциска видѣть его раны,

¹⁾ Это вышесказанное посланіе приведено въ Acta Ss., Oct. II, p. 668.

былъ еще и въ другомъ, болѣе реальномъ смыслѣ виновникомъ вымысла или даже самого явленія, обнаружившагося на тѣлѣ покойника ¹⁾.

Мы считаемъ анахронизмомъ, и притомъ совершенно излишнимъ, прибѣгать къ гипотезѣ благочестиваго вымысла или даже „грубаго обмана“ для объясненія преданія о стигматахъ, порожденнаго въ напряженной религіознымъ энтузіазмомъ и пропитанной видѣніями и чудесами атмосферѣ, въ которой вращались Францискъ и его ученики; такое представленіе могло явиться для его послѣдователей, а можетъ быть, и для него самого естественнымъ вѣнцомъ жизни, всецѣло устремленной къ воспроизведенію великаго идеала, который Францискъ нашелъ въ евангельскихъ текстахъ. Съ другой стороны, эта небывалая благодать, которой удостоился Францискъ въ глазахъ своихъ учениковъ за свое вѣрное слѣдованіе по стопамъ Христа, это *сходство* съ Христомъ въ самомъ высшемъ моментѣ его жизни, окончательно завершила для нихъ типическій образъ Франциска и послужила имъ почвой для дальнѣйшаго изображенія его личности. „Подражаніе“ Франциска Христу было для нихъ поводомъ все болѣе и болѣе уподоблять его Христу, и это стремленіе уподобить вѣрующаго ученика его божественному Учителю побудило послѣдователей Франциска отыскивать въ его жизни все съ болѣшимъ рвеніемъ, а потомъ и прямо создавать новыя черты *сходства* съ Христомъ. Этотъ своего рода миеологическій процессъ развивался такъ быстро, что уже въ концѣ XIV вѣка францисканецъ Вареоломей Пизанскій былъ въ состояніи въ своей книгѣ: „О сходствѣ жизни блаженнаго Франциска съ жизнью Господа нашего Иисуса Христа“, — прозванной потомъ „Золотой книгой“, — указать 40 пунктовъ сходства (*conformitatum*). Творящій миеологическій процессъ, впрочемъ, на этомъ еще не остановился, и въ XV в. появилось новое, еще болѣе обильное собраніе легендъ о Францискѣ подъ названіемъ: „Зерцало жизни (*Speculum vitae*) блаженнаго Франциска и его товарищей“ ²⁾. Въ томъ же, повидному, вѣкѣ сложилось и конечное звено этого ряда миеологическихъ вызваннаго положенною въ основаніе идеею, и стало распространяться преданіе о совершившемся съ Францискомъ новымъ чудѣ, которое папа Бенедиктъ XIV въ своемъ ученomъ сочиненіи—De

¹⁾ Чрезвычайно полныя свѣденія касательно „стигматовъ“, т. е. знаковъ на тѣлѣ Франциска, и аналогическихъ явленій въ слѣдующіе за тѣмъ вѣка, вызванныхъ, конечно, главнымъ образомъ преданіемъ о Францискѣ,—можно найти у историка-романтика Гуртера (Hurter) въ его энциклопедическомъ сочиненіи объ Иннокентіѣ III и его времени, т. IV.

²⁾ См. изслѣдованіе Суксена въ Acta Ss. Oct. II, 550.

Servorum Dei Beatificatione—описываетъ слѣдующими словами: „тѣло его было обрѣтено много лѣтъ спустя по его смерти нетлѣннымъ въ стоячемъ положеніи съ открытыми глазами и ранами, изъ которыхъ сочилась свѣжая кровь“. Происхожденіе этого не совсѣмъ дозрѣвшаго плода благочестивой фантазіи францисканцевъ совершенно понятно: его нужно искать въ ихъ желаніи приписать Франциску воскресеніе или по крайней мѣрѣ состояніе среднее между смертью и жизнью. Далѣе этого, конечно, францисканская фантазія не могла идти; даже и эта легенда была принята не всѣми францисканцами и вызвала между ними горячіе споры и цѣлый рядъ ученыхъ диссертаций, появлявшихся еще въ теченіе XVIII-го в. ¹⁾ Возможность такой легенды объясняется тѣмъ, что мѣсто погребенія Франциска стало со временемъ совершенно неизвѣстнымъ, и папа Павелъ V даже запретилъ особымъ декретомъ разыскивать это мѣсто. Тайна, окружавшая могилу Франциска, породила въ свою очередь новый рядъ легендъ о баснословныхъ посѣщеніяхъ могилы Франциска папами и другими высшими церковными сановниками.

Какъ ни интересно по отношенію къ исторіи культуры и религиозныхъ представленій это легендарное творчество, но для правильной оцѣнки Франциска, какъ историческаго лица, и для пониманія его личности важнѣе другое развѣтвленіе францисканской легенды. Въ лицѣ Франциска аскетизмъ выступилъ изъ своего вѣкового отшельничества и уединенія, и отрѣшившійся отъ міра монахъ снова къ нему возвратился. Порвавъ лично для себя всѣ связи съ міромъ и освободившись отъ всѣхъ мірскихъ потребностей, Францискъ снова вернулся въ міръ и послалъ своихъ учениковъ въ среду людей, чтобы проповѣдовать имъ покаяніе и Христово евангеліе. Какъ ни страннымъ показалось сначала появленіе этихъ „нищихъ“ проповѣдниковъ, попарно ходившихъ по городамъ Италіи въ темныхъ, грубыхъ хитонахъ, босикомъ и съ непокрытой головой, народъ скоро привыкъ къ нимъ и полюбилъ этихъ „братьевъ“ (*fratres minores*), говорившихъ съ нимъ на его языкѣ, стоявшихъ съ нимъ на одной степени развитія и исполнявшихъ слова евангелія такъ же искренно, какъ чистосердечно они его понимали. Образъ францисканца, т.-е. странствующаго проповѣдника, попросту *брата* (въ сокращеніи—*фра*), сдѣлался самымъ популярнымъ типомъ въ Италіи. Вокругъ этого типа, созданнаго Францискомъ, расцвѣла особаго рода литература, монашеская

¹⁾ Изложеніе этого вопроса ученый издатель *Acta Sanctorum*—Сумскенъ посвятивъ IV-ую ч. своихъ *Аналектовъ*: *Exponitur controversia*, и т. д. *Acta Ss.*, Oct. II, p. 919.

по происхожденію и содержанію, и народная—по языку и духу. Это были *цэттки* (Fioretti di San Francesco), какъ ихъ мѣтло прозывали, безыскусственные, краткіе рассказы о Францискѣ и его товарищахъ, на которыхъ такъ же глубоко отпечаталась личность Франциска, какъ и поэтической геній итальянскаго народа. Одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ литературныхъ критиковъ нашего времени, Тэнъ, поставилъ Fioretti на ряду съ величайшими твореніями слова, созданными для духовнаго наслажденія и блага человѣчества. Такая высокая оцѣнка, прежде всего, объясняется оригинальной литературной теоріей автора, подъ влияніемъ которой этотъ памятникъ является въ его глазахъ выраженіемъ одного изъ величайшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благотворнѣйшихъ общественныхъ типовъ. Отзывъ Тэна во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь его тонкому чутью и безпристрастному сужденію. Критику, преломляющемуся передъ искусственнымъ міромъ, созданнымъ Бальзакомъ, такое незатѣйливое твореніе, какъ Fioretti, легко могло бы показаться слишкомъ ничтожнымъ, а такая высокая оцѣнка чисто религіознаго памятника выходила бы далеко за предѣлы того узкаго позитивизма въ нравственныхъ вопросахъ, который слышится въ сопоставленіи „добра и зла съ вупоросомъ и сахаромъ, какъ естественными продуктами“.

Однако, отзывъ Тэна о Fioretti требуетъ оговорки и покажется преувеличеннымъ при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ памятникомъ. Въ цѣломъ, Fioretti нѣсколько утомительны по своему однообразію, и такъ какъ эти рассказы принадлежатъ разнымъ авторамъ, то они весьма различны по значительности содержанія и достоинству композиціи; нѣкоторые изъ нихъ слишкомъ отзываются тяжелой атмосферой монашеской кельи и изнеможеніемъ искусственно возбужденной религіозной фантазіи; многіе являются прелестными жемчужинами наивной религіозности въ прекрасной оправѣ итальянскаго средневѣковаго языка. Самый памятникъ невеликъ по объему: онъ заключаетъ въ себѣ 53 небольшихъ рассказа, изъ которыхъ 28 касаются самого Франциска, а остальные—его учениковъ:—Бернарда, св. Клары, св. Антонія и другихъ. Къ этому сборнику еще присоединено нѣсколько „разсужденій“ и рассказовъ о стигматахъ Франциска, 10 очень краткихъ рассказовъ о „братѣ Эгидіѣ“ и 15 болѣе грубоватыхъ рассказовъ „о братѣ Джиннепро“, который въ нѣкоторыхъ изъ нихъ является представителемъ популярнаго типа „добраго дурня“.

По своему происхожденію Fioretti находятся въ тѣсной связи съ письменнымъ латинскимъ преданіемъ о Францискѣ. Нѣко-

торые изъ этихъ разсказовъ представляютъ собою не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе краткихъ мотивовъ, встрѣчающихся въ первыхъ трехъ житіяхъ Франциска; другіе передаютъ на своемъ наивномъ языкѣ эпизоды, встрѣчающіеся въ латинскомъ сборникѣ „Золотой книги“ и представляютъ, вѣроятно, оригиналы ихъ. По своему содержанию Fioretti, относящіеся къ самому Франциску, могутъ быть распредѣлены на слѣдующія группы: очень немногіе касаются событій изъ жизни Франциска—какъ вообще фактическій элементъ Fioretti весьма незначителенъ,—нѣкоторые имѣютъ въ виду прославить его святость и чудотворную силу; гораздо значительнѣе тѣ, которые выставляютъ личныя его свойства и добродѣтели; нѣкоторые, наконецъ, имѣютъ значеніе нравственныхъ притчъ, т.-е. восхваляютъ въ формѣ незатѣйливой были францисканскія добродѣтели—бѣдность, смиреніе, послушаніе, религиозную покорность. Но какъ ни близки Fioretti по своему происхожденію и содержанию къ монашескимъ латинскимъ преданіямъ о Францискѣ, ихъ рѣзко отъ нихъ отдѣляетъ и приближаетъ къ современному пониманію ихъ языкъ—эта свѣжая, прозрачная, только-что сложившаяся итальянская проза XIV-го вѣка, на которой написаны новеллы Боккаччіо и Саккети, съ которыми Fioretti имѣютъ много общаго въ тонѣ и колоритѣ, — рѣзко отличаясь отъ нихъ своимъ содержаніемъ. вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ проникаетъ широкой струей въ эту область монашества живой народный духъ со своимъ наивнымъ міросозерцаніемъ, не затронутымъ ни книжнымъ образованіемъ, ни психическимъ анализомъ, съ своей чистосердечной откровенностью въ нравственныхъ вопросахъ и съ незнаніемъ приличій. Какой правдой, напр., отзывается эта выхваченная изъ самой жизни черта, что Францискъ „набралъ подаяніемъ только нѣсколько огрызковъ и кусочковъ сухого хлѣба, потому что былъ малъ ростомъ и невзраченъ, и тѣмъ, кто его не зналъ, казался плохенькимъ нищимъ; спутникъ же его, братъ Массей (Тома), будучи здоровъ ростомъ и красивъ тѣломъ, получалъ хорошіе куски и большіе, и въ довольномъ количествѣ, даже цѣлыя хлѣба“ (№ 13).

Авторы Fioretti не стѣсняются приписывать Франциску нелѣпыя дѣйствія: напр., чтобы узнать волю Божью, онъ приказываетъ Массею на перепутьѣ вертѣться до тѣхъ поръ, пока тотъ не упадетъ отъ головокруженія на землю головой къ одному изъ трехъ направленій пути; другого монаха, не умѣвшаго проповѣдовать, Францискъ посылаетъ безъ верхняго платья говорить въ церкви проповѣдь, а затѣмъ, раскаявшись, слѣзаетъ самъ

туда въ такомъ же видѣ; не стѣсняются авторы и грубостью народной рѣчи: напр., самому Франциску, при изгнаніи имъ бѣса, вѣшаютъ въ уста совершенно непереводимое выраженіе. На этомъ реалистическомъ, жизненномъ фонѣ и образъ самого Франциска отдѣляется въ полной жизненности и пластичности; онъ утрачиваетъ ту слащавую, сантиментальную экзальтацію, съ которой его выставляетъ латинское церковное преданіе, и съ которою его стала потомъ изображать живопись XVI и XVII-го в.: его аскетическія наклонности и привычки, его наивная реллигиозность и его нравственныя свойства — милосердіе, покорность и смиреніе—являются совершенно натуральными, въ особенности смиреніе, которое у такихъ геніальныхъ умовъ, какъ Бернардъ, всегда представляется нѣсколько искусственнымъ, такъ сказать, вымученнымъ результатомъ тяжелой духовной борьбы и неустаннаго нравственнаго подвига—у этого простодушнаго, неученаго сына народа естественно вытекаетъ изъ глубины чистой и доброй человѣческой натуры. Намъ становится понятнымъ, почему Францискъ и созданный имъ типъ брата-францисканца, т.-е. народнаго проповѣдника, близкаго народу, постоянно среди него вращающагося и питающагося его крохами, сталъ для народа въ Италіи настоящимъ братомъ. Вотъ почему Fioretti, помимо своего литературнаго интереса, получаютъ значеніе для историка и могутъ служить ему,—несмотря на свое позднее происхожденіе и легендарный характеръ,—пособіемъ при восстановленіи образа и объясненіи личности Франциска.

Въ исторіи аскетизма Францискъ представляетъ собою дальнѣйшій, еще болѣе послѣдовательный и суровый моментъ въ развитіи монашескаго идеала; но какъ у многихъ другихъ поборниковъ принципа отреченія отъ міра, такъ и у Франциска личная жизнь сложилась сначала подъ совершенно другимъ знаменіемъ. Онъ родился въ 1182 г. въ Ассизи, городѣ гористой Умбріи; его отецъ, Петръ Бернардоне, былъ зажиточнымъ торговцемъ сукномъ и, повидимому, велъ обширные торговые обороты этимъ, въ средніе вѣка особенно цѣннымъ, товаромъ; самое имя Франциска, названнаго матерью Іоанномъ, было дано ребенку отцомъ въ воспоминаніе о Франціи, откуда онъ возвратился послѣ рожденія сына. Кромѣ довольства жизни среди цвѣтущей семьи и участія съ малолѣтства въ торговыхъ дѣлахъ отца, молодого Франциска связывали съ мірскими интересами и его личныя свойства. Онъ охотно посѣщалъ въ юности веселыя, шумныя пи-

рушки сверстниковъ и любилъ пѣніе; улицы Ассизи днемъ и ночью оглашались игривыми пѣснями молодыхъ людей, сопровождавшихъ Франциска съ пира; на этихъ пирушкахъ его обыкновенно избирали распорядителемъ или царемъ праздника и со скипетромъ въ рукахъ онъ предводительствовалъ буйною молодежью.

Въ средневѣковой Италіи зажиточные горожане нерѣдко вели дворянскій, рыцарскій образъ жизни. И Францискъ не только припималъ участіе въ войнѣ между Ассизи и Перуджіей, причемъ онъ годъ находился въ плѣну, но, мечтая о военной славѣ и рыцарскихъ почестяхъ, онъ вступилъ подъ знамена знаменитаго вондотьера Вальтера, графа Бриенскаго ¹⁾, и отправился въ Апулію, гдѣ шла война между гогенштауфенской партией и гвельфами. Ободренный въ началѣ похода сновидѣніемъ, Францискъ радостно смотрѣлъ на будущее и говорилъ тѣмъ, которые удивлялись его веселости: „Я знаю, что мнѣ суждено сдѣлаться важнымъ сеньоромъ“ (magnum principem).

Родители Франциска, по словамъ перваго житія и Бонавентуры, поощряли этотъ образъ жизни сына, гордясь его успѣхомъ и блескомъ; „три товарища“ сообщаютъ, что хотя родители и упрекали Франциска за большія траты на себя и на другихъ, и говорили, что онъ живетъ не такъ, какъ подобаетъ ихъ сыну, а какъ сынъ какого-нибудь вельможи, однако, такъ какъ были богаты и очень любили его, то ни въ чемъ ему не мѣшали. А мать его, когда сосѣди заводили рѣчь о его расточительности, говорила: „Да что вы думаете о моемъ сынѣ? по милости Божіей онъ еще будетъ Господнимъ сыномъ“. Это материнское пророчество носить на себѣ явные слѣды своего поздняго происхожденія. Жизнь замѣчательныхъ людей вообще часто украшается въ преданіи предсказаніями или предчувствіями будущаго величія, и въ этомъ случаѣ не всегда легко отличить дѣйствительные факты отъ позднѣйшаго вымысла. Легенда приписываетъ и самому Франциску добродушную вѣру въ свое великое призваніе. Въ плѣну въ Перуджіи его содержали вмѣстѣ съ рыцарями, такъ какъ онъ велъ образъ жизни *благороднаго* (nobilis erat moribus). Въ то время, когда другіе плѣнники грустили, онъ былъ веселъ и шутилъ, и когда его за это упрекнули, называя безуміемъ веселіе

¹⁾ „Три товарища“, сообщающіе это извѣстіе, не упоминаютъ имени графа: догадка, что это былъ Вальтеръ Бриенскій, который въ началѣ XIII в. воевалъ въ южной Италіи въ интересахъ Иннокентія III, принадлежитъ Ваддинггу, составителю весьма ученой и добросовѣстной, хотя мало критической исторіи францисканскаго ордена (1625). См. Acta Sa., 565.

въ темницѣ, Францискъ живо возразилъ: „А что вы думаете? по всему свѣту еще мнѣ будутъ поклоняться“. Тутъ въ плѣну Францискъ обнаружилъ и другую черту своего характера—сострада-тельность: когда одного изъ плѣнныхъ, нанесшаго другому обиду, всѣ прочіе стали избѣгать, одинъ Францискъ не покинулъ его и сталъ убѣждать другихъ примириться съ нимъ. Однако, среди шумной мірской жизни, которую велъ юноша, въ немъ стало постепенно назрѣвать сознание другого, болѣе высокаго назначенія. Легенда наглядно выражаетъ этотъ внутренний переломъ въ рядѣ видѣній, которыя имѣлъ Францискъ. Передъ походомъ въ Апулію онъ видѣлъ во снѣ, что его кто-то пригласилъ въ просторный и прекрасный дворецъ, по стѣнамъ котораго было развѣшено множество блестящаго рыцарскаго оружія всякаго рода. На вопросъ Франциска, чье это великолѣпное оружіе и чей это дворецъ, ему былъ данъ отвѣтъ, что оружіе и дворецъ принадлежатъ ему и его войнамъ. Францискъ былъ чрезвычайно обрадованъ этимъ сновидѣніемъ, которое принялъ за предсказаніе. Но на пути, въ Сполеттѣ, онъ услышалъ въ полуснѣ голосъ, спросившій его, куда онъ направляется? Когда онъ объяснилъ свое намѣреніе, ему былъ сдѣланъ вопросъ: „Кто можетъ сдѣлать для тебя больше добра, господинъ или рабъ?“ Францискъ отвѣтилъ: „Господинъ“. — „Такъ зачѣмъ же ты бросилъ изъ-за холопа господина?“ Францискъ сказалъ: „Что же прикажешь мнѣ сдѣлать, Господь?“ — „Возвратись на родину; тамъ тебѣ будетъ сказано, что дѣлать: сонъ, который ты видѣлъ, надо иначе понимать“. Проснувшись отъ этого видѣнія, Францискъ не могъ болѣе уснуть и на другое утро поспѣшилъ возвратиться въ Ассизи въ ожиданіи, чтобы ему открылась воля Божія.

По прошествіи нѣсколькихъ дней Францискъ возвращался съ товарищами съ роскошной пирушки, устроенной имъ въ качествѣ избраннаго ими царя. Товарищи шли впереди съ пѣснями, Францискъ нѣсколько позади, не принимая участія въ пѣніи, а погруженный въ глубокое раздумье. Здѣсь осѣнило его обѣщанное ему откровеніе. Сердце его наполнилось такимъ сладостнымъ ощущеніемъ, что онъ не могъ двинуться съ мѣста, ни говорить, и, какъ онъ потомъ самъ рассказывалъ, еслибы его тогда разрѣзали на кусочки, то онъ бы не пошевельнулся. Съ разпросами окружали его товарищи: „Что ты задумался? не намѣренъ ли ты жениться?“ — „Вы правду сказали“, съ живостью отвѣтилъ имъ Францискъ: — „я задумалъ взять невѣсту болѣе благородную, болѣе богатую и красивую, чѣмъ вы когда-либо видѣли“. Друзья—прибавляетъ лѣтописецъ—подняли его на смѣхъ: ихъ изумленію

или ихъ насмѣшкамъ не было бы предѣла, еслибы они угадали, о какой невѣстѣ мечтавъ Францискъ. Въ величественномъ готическомъ храмѣ, построенномъ впоследствии въ Ассизи въ память Франциска, знаменитый живописецъ Джіотто расписалъ стѣны сценами изъ жизни святаго. Одна изъ этихъ сценъ представляетъ обрученіе Франциска съ красивой женщиной, съ исхудалыми чертами лица и разорваннымъ платьемъ; на нее лаетъ собака, ребенокъ замахивается на нее палкой, другой бросаетъ въ нее камнями, путь ея усѣянъ терніемъ, но, спокойная и величавая, она протягиваетъ руку Франциску; Христосъ благословляетъ ихъ бракъ и съ высоты небесъ на это зрѣлищезираетъ Господь, окруженный ликующими ангелами.

Эта нареченная невѣста Франциска изображаетъ собою олицетвореніе нищеты, съ которой онъ помолвился въ ранней молодости на всю жизнь, и можно сказать, нѣтъ исторіи любви болѣе трогательной, чѣмъ это влеченіе пылкого и выросшаго въ роскоши юноши къ безотрадной, вѣчной нищетѣ. Чувство это проявлялось у Франциска сначала въ живомъ состраданіи къ тѣмъ, кто нуждался въ его помощи: Францискъ, какъ это было вообще въ обычаѣ, охотно и щедро подавалъ милостыню. Но милостыня скоро получила для него болѣе глубокой смыслъ. Однажды, очень занятый въ лавкѣ отца, онъ нетерпѣливо отказалъ нищему, обратившемуся къ нему съ обычной просьбой: *per l'amor di Dio* — ради любви къ Господу. Но по уходѣ нищаго ему запала въ сердце тяжелая мысль, что еслибы тотъ попросилъ у него подаваніе именовъ какого-нибудь важнаго графа или барона, онъ ему бы не отказалъ, и Францискъ далъ себѣ слово не отказывать никому, кто сталъ бы его просить именовъ величайшаго изъ господствующихъ. Съ этой минуты щедрость Франциска не знаетъ предѣловъ; если всѣ деньги его были розданы, онъ снималъ съ себя платье, чтобы отдать его нищему. Но подавать нищему милостыню Бога ради, а самому жить въ роскоши—было противорѣчіемъ, невыносимымъ для такой пылкой и чуткой природы, какъ Францискъ; *все* отдать нищимъ и самого себя имъ отдать—вотъ жертва, угодная Богу и достойная любви къ Нему. Чѣмъ сильнѣе эта любовь овладѣвала Францискомъ, тѣмъ болѣе отталкивала его обычная жизнь въ мірѣ, и бѣдность, которой онъ былъ намѣренъ посвятить себя, становилась для него тѣмъ заманчивѣе, что очаровательный міръ, среди котораго онъ провелъ юность свою, по видимому, уже раньше началъ утрачивать для него свою прелесть. По крайней мѣрѣ древнѣйшее житіе Франциска относитъ первые признаки совершившагося въ немъ переворота ко времени пере-

несенной имъ еще до похода въ Апулію тяжелой болѣзни. Когда ему стало легче и, опираясь на палку, онъ началъ ходить по комнатамъ, Францискъ вышелъ однажды на террасу передъ домомъ; здѣсь его глазамъ открылась среди поросшихъ дубовыми лѣсами Апеннинскихъ горъ чудная рѣчная долина, вдали которой виднѣются башни и зубчатые стѣны Перуджіи. „Съ любопытствомъ вглядывается юноша въ окружающую его картину, но красота полей и все, что было привлекательно для глаза, уже не доставляло ему удовольствія. Онъ удивился происшедшей въ немъ переměнѣ и сталъ считать неразумными тѣхъ, кто любовался подобнымъ зрѣлищемъ. Съ этого дня онъ началъ брезгать собою (*vilescege sibi*) и относиться съ пренебреженіемъ къ тому, чему поклонялся и что любилъ“. По отрывочнымъ и сбивчивымъ подробностямъ, сообщаемымъ легендами, нѣтъ возможности послѣдовательно изобразить и психологически мотивировать происшедшій въ Францискѣ душевный переломъ. Но смыслъ этого перелома чрезвычайно наглядно схваченъ въ словахъ, услышанныхъ однажды Францискомъ, по свидѣтельству житія, послѣ того, какъ онъ долго пребывалъ въ горячей молитвѣ: „Все, что ты до сихъ поръ любилъ, Францискъ, земною любовью (*carrialiter*) и желалъ имѣть, тебѣ слѣдуетъ презирать и ненавидѣть, если хочешь знать Мою волю. Если ты начнешь исполнять ее, то все, что тебѣ теперь кажется сладкимъ и пріятнымъ, станетъ для тебя горькимъ и невыносимымъ“. Это значило: отречься отъ міра—отъ веселой жизни и друзей, отъ довольства и отцовскаго наслѣдія, отъ родной семьи и всякой мысли о личномъ счастіи. Но Францискъ понялъ *завѣтъ* еще шире. Онъ поставилъ себѣ долгомъ полюбить то, къ чему былъ равнодушенъ и что прежде ему было противно. Онъ отправился на богомолье въ Римъ къ гробницѣ св. Петра; негодуя на скудость приношеній, которыя дѣлались въ храмѣ главы апостоловъ, Францискъ взялъ изъ кошелька цѣлую горсть монетъ и такъ звонко бросилъ ихъ черезъ сдѣланное для этого въ алтарѣ окошечко, что всѣ близъ-стоящіе изумились его щедрости, какъ выражается его біографъ. Болѣе необычайно было однако то, что за этимъ слѣдовало: на ступенькахъ храма расположилась громадная толпа нищихъ. Францискъ обмѣнялся платьемъ съ однимъ изъ нихъ, надѣлъ его лохмотья и цѣлый день провелъ среди этихъ жалкихъ людей, ради смиренія нисходя къ униженному для богатаго юноши промыслу ихъ.

Но были люди еще болѣе жалкіе, чѣмъ эти нищіе, — люди, общеніе съ которыми еще болѣе отталкивало. То были *проказные*, прикосновеніе къ которымъ сообщало ту страшную, неизлеч-

чнюю заразу, противъ которой люди среднихъ вѣковъ не знали другого спасенія, какъ удаленіе изъ своей среды заболѣвшихъ и предоставленіе ихъ своей судьбѣ въ особыхъ загородныхъ помѣщеніяхъ. Какъ для всѣхъ другихъ, домъ прокаженныхъ былъ для Франциска мѣстомъ, о которомъ онъ не могъ думать безъ ужаса, и, посылая туда подаянія, онъ самъ старался далеко обходить его. Теперь же, встрѣтивъ на пути изъ Рима прокаженного, Францискъ слѣзъ съ лошади, вручилъ больному монету и поцѣловалъ его руку; а потомъ, получивъ отъ него „поцѣлуй мира“, снова слѣзъ на коня и поѣхалъ дальше. Сообщаемый легендой въ этой простой формѣ фактъ уже достаточно самъ по себѣ знаменателенъ, какъ нравственный подвигъ и какъ символъ самоотреченія. Авторъ житія, однако, еще прибавляетъ къ этому, что черезъ нѣсколько дней послѣ того Францискъ, взявъ съ собою много денегъ, отправился въ пріютъ прокаженныхъ и, собравъ всѣхъ ихъ, каждому подаль милостыню и поцѣловалъ руку, и такимъ образомъ дѣйствительно то, что для него было прежде горько, стало сладкимъ.

Внутренній переворотъ въ Францискѣ уже совершился; міръ и жизнь получили для него другой смыслъ, но его еще связывала съ міромъ семья; этотъ неизбежный разрывъ произошелъ круто и рѣзко. И Бернарду было не легко разстаться съ міромъ, отказаться отъ обычной жизни и надеждъ на будущее, но память матери и ея завѣты облегчали ему переходъ отъ земныхъ цѣлей къ небесному идеалу; въ жизни Франциска, наоборотъ, семья крѣпко за него держалась, и, желая посвятить себя своему призванію, онъ принужденъ былъ насильственно порвать семейную связь. Поводомъ къ разрыву съ семьей послужила, повидному, не столько расточительность Франциска по отношенію къ бѣднымъ, — по крайней мѣрѣ, мать, по словамъ житія, ему въ этомъ не мѣшала; древнѣйшее житіе рассказываетъ случай, вызвавшій разрывъ, слѣдующимъ образомъ. Однажды Францискъ слѣзъ на коня, взявъ съ собою изъ отцовской лавки нѣсколько кусковъ разноцвѣтнаго сукна, и отправился продавать его въ сосѣдній городъ Фолиньо. Тамъ, продавши сукно, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ продалъ и свою лошадь. Возвращаясь домой, онъ сталъ думать о томъ, что бы ему сдѣлать съ деньгами. По мѣрѣ того, какъ онъ обращался мыслю къ Богу, деньги стали его тяготить и онъ поспѣшилъ отъ нихъ освободиться. Увидѣвши на пути церковь св. Даміана, отъ ветхости развалившуюся, онъ вошелъ въ нее и, встрѣтивъ тамъ бѣднаго священника, передалъ ему деньги, прося позволенія остаться при немъ. Послѣ долгихъ просьбъ священникъ

согласился оставить его при себѣ, но изъ страха передъ отцомъ его денегъ не принялъ. Тогда Францискъ забросилъ кошелекъ въ уголокъ окошка.

Во второмъ по времени житіи поступокъ Франциска лучше мотивированъ. Проходя однажды передъ церковью св. Даміана, Францискъ почувствовалъ желаніе войти въ нее и помолиться. Во время молитвы передъ распятіемъ онъ услышалъ голосъ: „Францискъ, развѣ ты не видишь, что обитель моя разрушается, — пооди же и возстанови ее“. Пораженный и взволнованный, Францискъ сказалъ: „Охотно сдѣлаю это, Господь мой“. Съ этого часа, — прибавляетъ біографъ, — „сердце его почувствовало на себѣ рану и начало таять, какъ воскъ, при воспоминаніи о страданіяхъ Господа, и всегда, до конца жизни своей, онъ носилъ въ сердцѣ своемъ раны Иисуса“. Давъ священнику денегъ, чтобы онъ купилъ масла для неугасимой лампы передъ распятіемъ, Францискъ обѣщалъ принести еще денегъ, и затѣмъ, обрадованный видѣніемъ и осѣнивъ себя крестомъ, онъ поспѣшилъ, какъ мы уже знаемъ, въ Фолиньо распродать отцовскій товаръ. Вырученныя деньги онъ принесъ священнику и остался при немъ.

Исчезновеніе Франциска привело въ негодованіе отца; разувъ, гдѣ скрывается его сынъ, онъ отправился туда въ сопровожденіи родственниковъ и сосѣдей, чтобы силой захватить сына. Сначала отъ гнѣва отца Францискъ скрылся въ пещерѣ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ; одному только слугѣ отцовскаго дома была извѣстна эта пещера, и онъ носилъ туда Франциску необходимую пищу; изнуренный тѣломъ, но укрѣпившись духомъ, Францискъ, наконецъ, предсталъ передъ отцомъ. Смиранный видъ сына не обезоружилъ отца. Въ себя отъ ярости, онъ побилъ сына и заперъ его. Нѣсколько дней спустя, въ отсутствіе отца, мать долго уговаривала Франциска бросить свои причуды; убѣдившись въ тщетности своихъ увѣщаній, она отпустила его на свободу. Сынъ тогда навсегда покинулъ родительскій домъ. Потерявъ сына, отецъ Франциска — черта, очевидно, взятая изъ жизни — сталъ жалѣть о понесенномъ убыткѣ и принесъ на сына жалобу консуламъ Ассизи, требуя возвращенія присвоенныхъ Францискомъ денегъ. Консулы посылаютъ за Францискомъ; но тотъ велѣлъ имъ сказать, что онъ теперь милостью Божіей сталъ человѣкомъ свободнымъ и, какъ слуга одного Господа Всевышняго, консуламъ не подсуденъ. Отецъ обращается съ жалобой къ епископу. На его судъ Францискъ является, и когда епископъ ему приказываетъ возвратитъ отцу деньги, онъ отвѣчаетъ: „Не только деньги, gladly, я ему охотно возвращу, но и одежду, которую отъ него

получилъ“. Снявъ съ себя одежду и положивъ на нее кошелекъ, Францискъ воскликнулъ: „Слушайте всѣ и вѣдайте: до сихъ поръ я называлъ Петра Бернардоне отцомъ своимъ, но, рѣшившись отнынѣ служить одному только Богу, я возвращаю отцу его деньги, изъ за которыхъ онъ на меня сердится, и все платье, которое отъ него имѣю. Отнынѣ на устахъ моихъ будетъ лишь: „Отче нашъ иже еси на небеса“, и я не стану больше называть отцомъ своимъ Петра Бернардоне“. Когда впоследствии отецъ, встрѣчаясь съ сыномъ, бранилъ и проклиналъ его, Францискъ взялъ себѣ въ отцы стараго нищаго для того, чтобы онъ замѣнилъ ему отцовское благословеніе. Это произошло въ 1207 г., когда Франциску было 25 лѣтъ.

Такъ началось служеніе Франциска Отцу Небесному. Оно состояло сначала главнымъ образомъ въ восстановленіи ветхихъ церквей или часовенъ и прежде всего церкви св. Даміана. Францискъ собиралъ подаванія на постройку ея и на своихъ плечахъ таскалъ нужные для работы камни. При этомъ онъ жилъ у священника, но, не желая быть ему въ тягость и участвовать въ его скромной трапезѣ, онъ въ обѣденное время ходилъ по городу съ горшечкомъ (*asserit paropsidem scutello*) въ рукахъ, собирая въ него остатки разной пищи. Ему самому было противно это смѣшеніе, но и это отвращеніе онъ побѣдилъ въ себѣ. Когда церковь св. Даміана была отстроена, онъ принялся за другую, церковь св. Дѣвы Маріи съ прозвищемъ *in Portiuncula*, которая потомъ сдѣлалась главной святыней его ордена. Тутъ онъ и самъ поселился въ шалашѣ, одѣтый въ подаренный ему широкій войлочный хитонъ, каковой носили итальянскіе рыбаки и пастухи, опоясанный ремнемъ, съ сандалями на ногахъ; когда онъ выходилъ, то бралъ съ собою посохъ и мѣшокъ. При этомъ онъ всегда сохранялъ выраженіе довольства и веселости. Однажды, проходя по лѣсу и распѣвая французскую ¹⁾ пѣсенку, онъ былъ задержанъ разбойниками. На вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣчалъ: „Герольдъ великаго царя“. Его бросили въ яму, наполненную снѣгомъ: „Лежи тутъ, мужицкій герольдъ“. Выбравшись изъ ямы по уходѣ разбойниковъ, Францискъ продолжалъ путь, громко распѣвая по лѣсу, хвала Творца вселенной. Такъ прошло два года. Однажды во время обѣдни Францискъ услышалъ евангельскія слова, сказанныя Христомъ ученикамъ Своимъ, когда Онъ

¹⁾ Французская, т.-е. провансальская поэзія, развившаяся, какъ извѣстно, раньше итальянской, проникла именно около этого времени въ Италію и Сицилію и содѣйствовала тамъ развитію національной поэзіи.

посылаѣ ихъ проповѣдовать людемъ царство небесное (Матѣ. 10. 9). Попросивъ священника послѣ обѣдни растолковать ему текстъ, онъ еще яснѣе уразумѣлъ слово, исполнившее его невыразимую радостью. „Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы своя, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха“. Эти слова, имѣвшія въ разные вѣка такое магическое вліяніе на столькихъ различныхъ людей, послужили критическимъ моментомъ и въ жизни Франциска. Его вдругъ осѣнило сознаніе его настоящаго призванія на землѣ, и, ликуя отъ восторга, онъ воскликнулъ: „Вотъ чего я хочу, вотъ чего я ищу, вотъ что я жажду исполнить всѣми силами моего сердца!“ Онъ тутъ же снялъ съ себя сандалии, ременный поясъ замѣнилъ веревкой, бросилъ мѣшокъ и посохъ. Вѣшная пережѣна была, по видимому, незначительна, но въ ней заключалась великая для Франциска идея: слѣдовать Христу и въ полномъ отчужденіи отъ міра разносить Его слово въ мірѣ; одинокій отшельникъ сталъ странствующимъ проповѣдникомъ; монашество въ лицѣ Франциска измѣнило свой характеръ и свое назначеніе. Задача жизни для него выяснилась, путь былъ намѣченъ. Устремившись по этому пути, онъ сталъ образцомъ для другихъ; указанная имъ впереди цѣль собрала вокругъ него спутниковъ—Францискъ сдѣлался основателемъ новаго монашескаго ордена и творцомъ новой силы въ исторіи.

Образъ бѣднаго и любящаго Христа—вотъ что прозрѣлъ Францискъ сквозь поразившій его и не совсѣмъ ему понятный латинскій текстъ евангелія; вотъ что восторженно прозрѣлъ онъ сквозь вѣками сложившуюся систему и величественный строй католической церкви. Слѣдовать за этимъ Христомъ, строго исполнять Его завѣтъ и обращать людей къ Нему—вотъ что его одушевило и что онъ призналъ своимъ назначеніемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и сталъ проповѣдовать на улицахъ Ассизи, привѣтствуя каждаго встрѣчнаго словами: „Да даруетъ Господь тебѣ миръ“. Сила его убѣжденія быстро сообщалась другимъ, и первымъ его послѣдователемъ былъ богатый гражданинъ города Ассизи, Бернардо де Квинтавалле, по завѣту евангельскому продавшій все, что у него было, и раздавшій всѣ вырученныя деньги бѣднымъ. Затѣмъ къ нимъ присоединился третій, и тотъ день, когда ихъ стало трое, 16-го мая 1209 г., считался потомъ днемъ основанія францисканскаго ордена. Когда число послѣдователей возрасло до семи, Францискъ счелъ возможнымъ исполнить съ ними еще точнѣе завѣтъ Христа, разславшаго Своихъ учениковъ проповѣдовать по міру, и обратился къ товарищамъ со словами: „Идите же по

двое по разнымъ областямъ земли, проповѣдуя миръ людямъ и покаяніе ради отпущенія грѣховъ. Вотъ въ чемъ наше призваніе: ухаживать за ранеными, утѣшать пораженныхъ горемъ и возвращать на путь истины заблудшихся. Будьте терпѣливы въ горѣ, ни о чемъ не печитесь, ибо Господь исполнитъ Свое обѣщаніе. Смиренно отвѣчайте тѣмъ, кто станетъ вопрошать васъ; благословляйте тѣхъ, кто будетъ преслѣдовать васъ; благодарите тѣхъ, кто станетъ поносить васъ—и царствіе Божіе уготовится вамъ“. Они пали ницъ передъ Францискомъ; онъ каждаго изъ нихъ обнялъ со словами: „Заботу свою возложи на Господа, Онъ будетъ питать тебя“.

Такъ разошлась по четыремъ сторонамъ земли эта горсть людей, съ вѣрой исполнявшихъ завѣтъ своего учителя. Но общая мысль соединяла ихъ и снова свела ихъ въ одну семью вокругъ того, кто былъ ихъ духовнымъ отцомъ. Снова они поселились въ шалашахъ у часовни Порцінкулы въ бѣдности, смиреніи и братской любви. Францискъ начерталъ тогда уставъ ихъ общежитія, почти исключительно руководясь словами на горной проповѣди. Число учениковъ стало еще увеличиваться, и тогда, по мнѣнію Франциска, наступило время обезпечить и узаконить существованіе его общины. Контрастъ между современнымъ Франциску строемъ церкви христіанской и тѣмъ порученіемъ, которое Христосъ далъ Своимъ первымъ ученикамъ и которое сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для общественной дѣятельности самого Франциска, нисколько не уменьшило его вѣры въ авторитетъ папства. Онъ сказалъ своимъ товарищамъ: „Пойдемте теперь къ матери нашей, святой римской церкви, чтобы повѣдать св. отцу, что Господь началъ черезъ насъ совершать, дабы мы, согласно Его волѣ, могли продолжать начатое нами дѣло“. Это было еще въ 1209 г., когда на римскомъ престолѣ сидѣлъ Иннокентій III. Такимъ образомъ встрѣтились лицомъ къ лицу представители двухъ противоположныхъ міровоззрѣній, выросшихъ изъ одного корня: съ одной стороны, въ царскомъ блескѣ владыка міра, намѣстникъ Христа, раздававшій царскія короны—передъ нимъ нищій ученикъ Христа, босоногій, въ простонародной одеждѣ, опоясанный веревкой; съ одной стороны, блюститель абсолютнаго авторитета,—а передъ нимъ проповѣдникъ безусловнаго смиренія; представитель безпредѣльной власти надъ челоувѣкомъ—и передъ нимъ проповѣдникъ безпредѣльной любви къ челоувѣку. Этотъ контрастъ принциповъ обнаруживается еще поразительнѣе въ контрастѣ лицъ, ихъ представлявшихъ: представителемъ принципа церковной власти былъ Иннокентій III, приби-

равшій въ руки одно королевство за другимъ для увеличенія своей земной вотчины—передъ нимъ стоялъ Францискъ, желавшій не имѣть ничего своего на землѣ, быть обязаннымъ даже ежедневной пищей милосердію чужихъ; папа Иннокентій, посылавшій на смерть тысячи людей подъ знаменемъ креста ради торжества церкви надъ палестинскими мусульманами, провансальскими еретиками и англійскимъ королемъ,—а передъ нимъ Францискъ, посвятившій свою жизнь тому, чтобы примѣромъ своихъ лишений и кроткимъ словомъ по одиночкѣ заманивать заблудшихъ людей въ стадо Христово; Иннокентій III, гордо замѣнившій званіе вселенскаго епископа и преемника апостола Петра высокоцѣннымъ титуломъ намѣстника Божьяго—и Францискъ, который въ своемъ смиреніи не считалъ себя достойнымъ священническаго сана и не хотѣлъ быть даже главою основаннаго имъ ордена, а надъ собою поставилъ въ видѣ духовнаго руководителя и стражи (гвардіана) совѣсти одного изъ своихъ учениковъ!

Въ интересахъ документальной, точно-проверенной историографіи, нужно, конечно, пожалѣть о томъ, что до насъ не дошло прямого и подлиннаго описанія встрѣчи этихъ двухъ мировыхъ личностей. Но драматическая и философская сторона исторіи отъ этого нисколько не проиграла. Стоявшіе нѣсколько поодаль современники этого событія чувствовали его знаменательность и обогатили его чертами, которыя сами по себѣ имѣютъ значеніе историческихъ данныхъ. Характернѣе всего разсказъ того англійскаго лѣтописца, который такъ оживленно изложилъ борьбу между Иннокентіемъ III и Иоанномъ Безземельнымъ. Для него Иннокентій былъ главнымъ образомъ представителемъ горделивой величавости. Когда — разсказываетъ онъ—папа выслушалъ среди консисторіи своихъ кардиналовъ уставъ божьяго чловѣка Франциска и увидѣлъ его плохую одежду, ничтожный видъ, длинную бороду, нависшія черныя брови, нечесанные волосы, онъ сказалъ ему: „Ступай, братъ мой, и пощи свиней; съ ними у тебя, кажется, болѣе общаго, чѣмъ съ людьми; поваляйся съ ними въ грязи, передай имъ твой уставъ и упражняйся на нихъ въ проповѣдяхъ твоихъ“. Услышавъ это, Францискъ наклонилъ голову, вышелъ и, нашедши стадо свиней, сталъ валяться съ ними на землѣ. Покрытый грязью съ головы до ногъ, онъ вернулся въ консисторію и обратился къ папѣ: „Владыко, я исполнилъ твое приказаніе; услышь и ты теперь мою мольбу“. Тогда папа, растроганный такимъ смиреніемъ и огорченный тѣмъ, что отнесся съ презрѣніемъ къ такому чловѣку, тотчасъ же исполнилъ его просьбу.

Нельзя лучше выразить въ исторической притчѣ конечное

торжество смиренія и любви надъ самоувѣренной гордыней и то обаятельное величіе, которое аскетическая идея всегда имѣла для римской теократіи. На итальянской почвѣ и въ францисканскихъ кругахъ преданіе не могло, конечно, принять такой юмористической и малопочтительной для папы формы. Въ первомъ житіи встрѣча между Францискомъ и Иннокентіемъ изображена еще довольно безцвѣтно. По его словамъ, Францискъ нашелъ въ Римѣ поддержку со стороны хорошо знавшаго и почитавшаго его епископа Ассизи, и, благодаря ему, у кардинала св. Павла изъ фамиліи Колонны. Расположенный ими въ пользу Франциска, папа Иннокентій III принялъ его милостиво, благословилъ его и его сотоварищей и сказалъ имъ: „Ступайте съ Богомъ, братія, и какъ Господь удостоитъ наставить васъ, такъ проповѣдуйте всѣмъ покаяніе; когда же Всемогущій Господь возвеличитъ васъ числомъ и благодатью, обратитесь ко мнѣ съ радостью, и я дарую вамъ большія льготы и съ довѣріемъ поручу большее“. Однако, и это первоначальное преданіе украшено знаменательнымъ видѣніемъ Франциска. Ему представилось во снѣ красивое, толстое и очень высокое дерево, и когда онъ подошелъ къ нему и сталъ подъ нимъ, любуясь его вышиной и красотой, то онъ прикоснулся до его вершины и легко склонилъ его рукой до земли. По францисканскому толкованію, это дерево означало папу Иннокентія, выше и величественнѣе котораго ничего на свѣтѣ не было, и который, однако, благосклонно снизошелъ къ просьбѣ и желанію нищаго монаха.

Во второмъ житіи дѣло о разрѣшеніи проповѣди представлено гораздо сложнѣе: изъ разсказа очевидно, что это разрѣшеніе не такъ легко было дано, и дѣло, задуманное Францискомъ, было принято въ Римѣ съ сомнѣніемъ и встрѣтило препятствіе. Въ самомъ разсказѣ „трехъ товарищей“ не совсѣмъ искусно слиты два разныхъ преданія. Съ одной стороны, изобразивъ приѣмъ, встрѣченный Францискомъ въ Римѣ, приведенными выше словами перваго житія, „три товарища“ къ нему прибавляютъ, что папа, прежде чѣмъ проститься съ Францискомъ и его товарищами, сказалъ имъ: „Дѣти мои, жизнь вапа, мнѣ кажется, слишкомъ сурова, хоть я и вѣрю, что вы полны рвенія, такъ что не слѣдуетъ сомнѣваться въ васъ; однако я долженъ имѣть въ виду и тѣхъ, кто послѣдуетъ за вами, опасаясь, чтобы этотъ путь не оказался для нихъ слишкомъ тяжелъ“. Убѣдившись, однако, въ твердости духа Франциска, папа посоветовалъ ему обратиться въ молитвѣ къ Господу, чтобы Онъ ему отерылъ, согласно ли ихъ желаніе съ Его промысломъ. Францискъ исполнилъ желаніе папы,

и воля Божія открылась ему въ слѣдующей притчѣ: въ пустынѣ жила женщина, бѣдная и красивая; увидѣвъ ея красоту, одинъ великій царь пожелалъ ее имѣть женою. Много родилось у нея сыновей, и когда они около нея въ лѣсу подросли, она сказала имъ: „Дѣти мои, ничего не страшитесь, ибо вы царскія дѣти; идите же ко двору отца вашего, и онъ снабдитъ васъ всѣмъ необходимымъ“. Когда же они пришли къ царю, онъ подивился ихъ красотѣ и, увидѣвъ на нихъ подобіе свое, спросилъ ихъ: „Чьи вы дѣти?“ Они отвѣтили, что сыновья бѣдной женщины, живущей въ пустынѣ. Тогда царь обнялъ ихъ съ великою радостью, сказавъ: „Не бойтесь, ибо вы мои дѣти, и если за столомъ моимъ питаются чужіе, то тѣмъ болѣе у меня мѣста для васъ, моихъ законныхъ сыновей“. И царь послалъ сказать женщину, чтобы всѣхъ родившихся у нея сыновей она прислала къ его двору.

Передавъ эту притчу папѣ, Францискъ примѣнилъ ее къ своему ордену: „Если Господь даруетъ грѣшникамъ мірскія блага для пропитанія ихъ, то тѣмъ болѣе Онъ не оставитъ мужей, которые будутъ жить по евангелію“.

Хотя этимъ разсказомъ уже достаточно мотивировано согласіе папы на просьбу Франциска, „три товарища“ прибавляютъ къ нему еще другое видѣніе, приписываемое самому Инновентію. А именно: передъ приходомъ Франциска, папа видѣлъ во снѣ, что церкви св. Іоанна Латеранскаго грозило паденіе, и что какой-то монахъ, скромный по виду и невзрачный, поддержалъ ее, подперевъ ее своею спиной. Проснувшись отъ своего сна, папа былъ такъ изумленъ и испуганъ, что долго думалъ, чѣмъ бы означало это видѣніе. Когда же, нѣсколько дней спустя, къ нему пришелъ Францискъ и простодушными словами изложилъ свое желаніе, „то папа узналъ въ немъ того благочестиваго святого человѣка, чрезъ котораго будетъ поднята и поддержана церковь Божія“.

Въ преданіяхъ людей слѣдующаго поколѣнія еще явственнѣе отразилось то недоумѣніе, съ которымъ было встрѣчено намѣреніе Франциска въ Римѣ. Орденъ его достигъ полнаго процвѣтанія и нечего было скрывать тѣ возраженія, которыя были высказаны противъ него при его основаніи. Разсказъ Бонавентуры при этомъ, однако, совершенно выгораживаетъ самого папу Инновентія и переноситъ споръ о Францискѣ въ среду кардиналовъ. По словамъ францисканскаго генерала, виварій Христа встрѣтилъ „Христовъ нищаго“ (Christi Pauperculus) съ открытыми объятями, но отложилъ исполненіе его просьбы потому, что „нѣ-

которыя“ кардиналы видѣли въ ней что-то необычное и превышающее силы человѣческія. На это покровитель Франциска, кардиналъ св. Павла, возразилъ: „Если мы отвергнемъ просьбу этого *бѣднаго*, какъ нѣчто слишкомъ трудное и новое—просьбу о томъ, чтобы ему былъ разрѣшенъ евангельскій образъ жизни, — намъ слѣдуетъ остерегаться, какъ бы этимъ не оскорбить Христова евангелія. Ибо если кто скажетъ, что соблюденіе евангельскаго совершенства, котораго именно и домогается его обѣтъ, заключаетъ въ себѣ что-либо новое или неразумное, или невозможное, тотъ, очевидно, кощунствуетъ“. Въ этотъ разсказ Бонавентуры внесли впоследствии еще слѣдующую, противорѣчащую его изложенію, подробность о первой встрѣчѣ между папой и нищимъ монахомъ: Иннокентій III, погруженный въ высокіе помыслы, прогуливался по террасѣ своего Латеранскаго дворца, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою подошедшаго къ нему нищаго; не зная его, папа гнѣвно прогналъ его отъ себя и тотъ смиренно удалился. Но въ слѣдующую ночь папа увидѣлъ, какъ изъ-подъ его ногъ стала выростать пальма и быстро разрослась въ прекрасное дерево; ему было объявлено, что это дерево обозначаетъ того нищаго, котораго онъ удалил отъ себя. Тогда папа тотчасъ велѣлъ его разыскать и привести къ себѣ ¹⁾. Историческое зерно, которое можно извлечь изъ всѣхъ этихъ преданій, заключается, какъ кажется, преимущественно въ словахъ, приписываемыхъ Иннокентію: „Идите съ Богомъ, дѣти мои, и когда Господь умножитъ васъ числомъ и возвеличитъ благодатью, то я признаю васъ достойными болѣе важныхъ порученій и полномочій“. Въ этихъ словахъ высказывается осмотрительная, выжидательная политика, соотвѣтствовавшая обстоятельствамъ и вполне согласная съ осторожнымъ характеромъ и житейской мудростью Иннокентія III. Какъ было, въ самомъ дѣлѣ, главѣ церкви дать разрѣшеніе проповѣдовать „царство небесное“ мірянамъ, плохо знакомымъ съ писаніемъ и съ толкованіемъ его церковью? какъ узаконить „евангельское житіе“, состоящее въ абсолютной нищетѣ и безуслов-

¹⁾ Эта вставка выпущена изъ текста Бонавентуры въ знаменитомъ изданіи житій святыхъ, которымъ обезсмертили себя бельгійскіе іезуиты XVIII в. Ученый издатель того тома, который посвященъ Франциску, Суискенъ, доказалъ и „счелъ себя вынужденнымъ признать“, что вставка эта была сдѣлана преемникомъ Бонавентуры въ генералатъ ордена, Геронимомъ де Аскуло, впоследствии восшедшимъ на папскій престолъ подъ именемъ Николая IV, какъ онъ самъ сообщилъ объ этомъ своему племяннику, кардиналу Риварду, о чемъ послѣдній, какъ сказано въ лѣтописи (Chronicon 24 Generalium) „почтительно заявилъ“ (devote revelavit). Этотъ эпизодъ представляетъ собою интереснѣйшій образчикъ легендарной формаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразной исторической критики, приложенной іезуитами къ изданнымъ ими житіямъ святыхъ. См. Acta Sa., коммент. Суискена, стр. 550.

номъ смиреніи передъ всѣми въ то самое время, когда „викарій Христа“ рѣшительно повернулъ церковь на путь свѣтской власти и всемірнаго владычества? Затѣя Франциска казалась тѣмъ болѣе опасной, что папство въ этомъ отношеніи уже имѣло передъ собою горькій опытъ. Именно съ такимъ же требованіемъ благословить ихъ на проповѣдь „евангельскаго житія“ обратились въ Римъ послѣдователи Петра Вальдеса, „ліонскіе нищіе“, которыхъ тельеръ папство истребляло огнемъ и мечомъ. Но, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ протестантскій біографъ ¹⁾ Франциска, именно это обстоятельство могло заставить задуматься Иннокентія и предостеречь его отъ ошибки, сдѣланной на его глазахъ предшественникомъ его, Александромъ III, который своимъ рѣзкимъ отказомъ снизойти къ просьбѣ простодушныхъ вальденцевъ, принудилъ ихъ „слѣдовать Христу“ вопреки разрѣшенію церкви, т.-е. обратилъ ихъ въ опасныхъ для него еретиковъ. Поэтому весьма правдоподобно извѣстіе житія, что Иннокентій разрѣшилъ Франциску и его ученикамъ проповѣдовать покаяніе, давъ имъ тонзуру, т.-е. принявъ ихъ въ число служителей церкви, послѣ того, какъ Францискъ на колѣняхъ принялъ смиренно и усердно присягу въ повиновеніи и почтеніи къ папѣ.

Окончательное утвержденіе новаго ордена, вѣроятно, было отсрочено. Происходили ли затѣмъ какія-либо сношенія между Францискомъ и Иннокентіемъ III—неизвѣстно, и это тѣмъ болѣе жалъ, что вслѣдствіе этого остается не совсѣмъ понятнымъ смыслъ постановленія латеранскаго собора, запрещавашаго, шесть лѣтъ спустя, основаніе новыхъ монашескихъ орденовъ, т.-е. мы не знаемъ, имѣло ли это запрещеніе въ виду также и францисканцевъ, или же—что вѣроятнѣе—оно на нихъ не распространялось, какъ на орденъ уже прежде допущенный. Во всякомъ случаѣ въ 1223 г. папа Гонорій III утвердилъ уставъ новаго францисканскаго ордена, заявивъ въ своей буллѣ, что онъ только освящаетъ своимъ папскимъ авторитетомъ уставъ, уже одобренный его предшественникомъ.

Такимъ образомъ, имена властнаго Иннокентія III и смиреннаго Франциска навсегда остались соединенными исторіей основанія ордена *миноритовъ*, т.-е. самыхъ „малыхъ въ царствѣ небесномъ“ и самыхъ великихъ носителей аскетическаго спиритуализма въ „божескомъ царствѣ“ на землѣ.

В. ГЕРЬЕ.

¹⁾ К. Hase, Franz v. Assisi, p. 40.

МАГАЛИ

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ПѢСНЬ.

O, Magali, ma tant amado,
Mete la testo au fenestroun...

MISTRAL.

—О, Магали, моя родная,
Склонись къ окну,
Склонись и слушай серенаду,
Что я пою!
На небѣ звѣзды золотыя,
Блестить луна...
Луна и звѣзды поблѣднѣютъ,
Узрѣвъ тебя!

„Какъ шелестъ листьевъ, не услышу
Я пѣснь твою:
Въ морскую глубь нырну я рыбкой
И уплыву“.

—О, Магали! ты будешь рыбкой,
Я—рыбакомъ.
Тебя я, милая, поймаю
На днѣ морскомъ.

„Но если ты закинешь сѣти
Ловить меня,
Я унесуся легкой пташкой
Съ морского дна“.

—О, Магали! ты будешь пташкой,
А я—ловцомъ:
Тебя я, милая, накрою
Своимъ силкомъ.

„Ловить ты будешь вольныхъ пташекъ,
Но безъ слѣда;
Въ травѣ цвѣточкомъ быстро скроюсь
Я отъ тебя“.

—О, Магали! ручьемъ прозрачнымъ
Я протеку
И стебелекъ цвѣтка родного
Я орошу.

„Тогда я тучей грозовою
Въ далекій край
Умчусь свободной и могучей,
А ты—прощай!“

—О, Магали! ты будешь тучей—
Я—вѣтеркомъ.

И полетимъ тогда съ тобою
Мы, другъ, вдвоємъ.

„Ты быстрымъ вѣтромъ понесешься
Одинъ тогда,
А я взойду волшебнымъ солнцемъ
На небеса“.

—О, Магали! ты будешь солнцемъ,
А змѣйкой я—
И буду пить, на солнцѣ грѣясь,
Лучи тепла.

„Когда ты въ змѣйку обратишься,
Тогда луной
Я засіяю одинокой
Въ тиши ночной!“

—О, Магали! луной ты стала,
Я сталъ туманъ,
И обовью я легкой дымкой
Твой гибкій станъ.

„Я изъ твоихъ объятій нѣжныхъ
Вдругъ улечу
И расцвѣту душистой розой
Въ глухомъ лѣсу“.

—О, Магали! ты будешь розой,
А я сверѣй
Примчуся бабочкой прелестной
Къ груди твоей.

„Когда ты бабочкою станешь,
Любя меня,—

Корой развѣсистаго дуба
Одѣнусь я“.

—О, Магалі! ты будешь дубомъ,
А я—плющомъ;
Вокругъ тебя я заплетуся
Сплошнымъ вольцомъ.

„Плющомъ наряднымъ ты завьешься
Вокругъ меня;
Я въ монастырь, въ одеждѣ бѣлой,
Уйду тогда“.

—О, Магалі! туда приду я
Какъ духовникъ
И въ церкви голосъ твой услышу
Въ священный мигъ.

„Ты въ монастырь придеши напрасно:
Въ нѣмомъ гробу,
Одѣта саваномъ печальнымъ,
Ужъ я лежу“.

—О, Магалі! тогда землю
Я стану вдругъ!
И не уйдешь ты изъ объятій
Земли, о, другъ!“

„Теперь, теперь я только вѣрю
Любви твоей.
Возьми-жъ кольцо, мой другъ ты милый,
Съ руки моей!“

—О, Магалі! я снова счастливъ!
Взгляни сюда:
Луна и звѣзды поблѣднѣли,
Узрѣвъ тебя!

БОРИСЪ БЕРЪ.

Москва. 1891 г.

ВЕРНУЛАСЬ!..

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ маленькой квартиркѣ вдовы Нефедьевой второй день происходила ожесточенная уборка, какъ будто передъ Свѣтлымъ Христовымъ праздникомъ. А и самъ праздникъ-то вовсе не за горами, — когда же было набраться съ тѣхъ поръ пыли да копоти?.. Да спросите еще, кому и сорить-то въ этихъ маленькихъ комнаткахъ, всегда блиставшихъ чистотой?.. Отпустить, бывало, Варвара Антиповна своихъ ученицъ, заставивъ ихъ аккуратноенько зашпигить чистыми простынями рабочія пяльцы и непременно ужъ кливнеть Парашу, чтобы вытрясти послѣ нихъ на крылечкѣ бѣлые холщевые половники, а сама подмететъ щеткой лощеный полъ, въ который хоть глядись, словно въ зеркало. Всегда у нея столы всѣ и спинки тяжелыхъ старомодныхъ стульевъ прикрыты вязаными салфеточками тончайшей работы и безукоризненной чистоты; каждую субботу со стѣнъ и потолковъ обметается малѣйшая паутина сухими вѣвчиками изъ какой-то пахучей травы. И тѣмъ не менѣе, старуха, какъ только получила депешу, — такую подняла суету, будто она послѣдняя веряха, застигнутая врасплохъ.

— Ну, и что бы однимъ хоть денечкомъ пораньше оповѣстять. Эхъ, Машута, Машута! — причитала она растерянно, не зная, съ чего начать, за что схватиться, и сознавая только одно, — что ни одна вещица въ домѣ не можетъ остаться нетронутой передъ такимъ событіемъ, какъ возвращеніе домой Маши.

Все перевернулось вверхъ дномъ, все вылетѣло на улицу, будто спасаясь отъ пожара; потоками лилась вода, шлепали бо-

сыя ноги, мелькали оголенные руки съ мочалкой и мыломъ. Тихій и кроткій голосокъ Варвары Антиповны раздавался на всѣхъ концахъ властно и нетерпѣливо, пугая и сбивая съ толку непривычную Парашу. И жильца-то — на что ужъ степенный человѣкъ — выбили изъ колеи такой несвоевременной хлопотней; такъ онъ и простоялъ безъ малаго день весь въ переулкѣ, подъ открытымъ окошкомъ, облокотившись на подоконникъ и созерцая всю эту хитрую дѣятельность.

— Заходили бы въ горницу, Федоръ Иванычъ, — замѣчала ему по привычкѣ мимоходомъ хозяйка.

— Зачѣмъ я соваться буду, Богъ съ вами, Варвара Антиповна!.. Не въ-время гость — хуже татарина, — отвѣчалъ неизмѣнно жилецъ, но съ подоконникомъ все-таки разстаться не могъ.

А подъ-конецъ и ему нашлась работа: вызвался иконы мѣломъ почистить и очутился какъ разъ на кухнѣ, куда никогда раньше глазъ не показывалъ въ качествѣ жильца, благороднаго человѣка, живавшаго въ столицѣ и даже, послѣ пятнадцати-лѣтняго мирнаго проживанія въ Солянскѣ, не иначе величавшаго его, какъ захолустемъ в провинціи.

— Я бы и сама потеряла съ радостью, да видите бѣда какая — занавѣску-то мнѣ какъ дура моя располосовала! — извинялась въ попыхахъ Варвара Антиповна, всовывая ему въ руку суконку.

Такимъ образомъ на завтра къ полудню рѣшительно невозможно уже было выдумать, чтобы такое еще выстирать или поскоблить. Запахъ мыла и горячей воды, чадъ утюговъ и ароматъ деревяннаго масла съ воскомъ смѣнились аппетитнымъ запахомъ вкуснѣйшаго домашняго кренделя, сидѣвшаго въ печкѣ. Сегодня щипали индѣекъ, чистили огромнаго осетра и вообще не знали, куда дѣваться со всей массой великолѣпной провизіи, присланной Васей.

— И позволенія даже не спросилъ, озорникъ этакій, хоть ужъ, кажется, знаетъ давно, что Варвара Антиповна ничего отъ него принимать не согласна. Вѣкъ свой „на чужой каравай“ рта не разѣвала — встрѣтила бы и теперь гостью желанную, чѣмъ Богъ послалъ. Да вѣдь чтъ съ него возьмешь-то? — съ радости это онъ! Ошалѣлъ совсѣмъ молодецъ — взялъ да въ ноги старухѣ такъ и бухнулся... Обнялись, да такъ-то всплакнули на радостяхъ... Спасибо, не видалъ никто! Дождались — дожили!! Пять лѣтъ безъ малаго ждали, не годъ, не два... Всего, кажется, было довольно, — а пожалуй, что ничего и не было, кромѣ одной надежды: кончится ученье ея, пройдутъ эти нѣсколько лѣтъ, Господи Боже мой!..

Прошли..

— Пять лѣтъ скоро, Варвара Антиповна,— пять лѣтъ! — твердилъ Вася, стоя передъ старухой съ листочкомъ депеши, который такъ и прыгаль въ его сильныхъ рукахъ. А молодое лицо съ курчавой рыжеватой бородой и шапкой вьющихся волосъ, съ твердымъ взглядомъ чистыхъ голубыхъ глазъ — молодое лицо было блѣдно и туманно. Какъ будто теперь, когда кончился тяжкій искусь, онъ былъ подавленъ именно тѣмъ, что вынесъ. Должно быть, слишкомъ уже долго ждали!

Подивилась Варвара Антиповна: она думала, что ея Вася и свѣта не взвидитъ отъ радости! Съ недоумѣніемъ смотрѣла она въ его отуманенное лицо и тутъ только замѣтила, что и ея собственные мысли какъ-то невольно все назадъ бѣгутъ. Въ перемежу съ лихорадочными хлопотами радостныхъ приготовлений то-и-дѣло вспоминается что-нибудь печальное, больное. Кончился срокъ роковой, но въ послѣднюю минуту точно не хочетъ выпустить изъ своей власти, будто упирается.

...Хворала она крѣпко, умереть боялась. Депеша написанная на столѣ лежала два дня... Перемоглась, слава Богу, попусту человекъ съ края свѣта не выхватила!.. А съ Васей-то что горя приняла!.. Тосковалъ, мѣста не находилъ, а съѣздилъ за границу навѣстить свою Машу — и того хуже вернулся. Вотъ, второй годъ будто немного потише сталъ... Вспоминаются старухѣ длинныя зимніе вечера, одинокіе, надъ работой. А и того хуже праздники: сиди сложа руки да слушай, какъ мыши скребутся. Спасибо, надумала — общалась работу на церковь, а то рехнуться прямо отъ праздниковъ этихъ. Не дешево сталъ коврикъ, да душа живая дороже. Письма затерялись раза два: Мама тамъ отъ нихъ отбѣта дожидается, а они тутъ мучаются. Добрые люди стараются, наговариваютъ: пзмѣнила, бросила, насмѣялась... Какой онъ ни будь, Вася, а тоже мальчишъ молодой!.. Разожгутъ, разорать насмѣшками... Къ ней же кинется — она его отчитывать примется... Подъ-конецъ ужъ и письма писать бросилъ, депеши знай посылаеть, благо денегъ-то куры не клюютъ...

Тетя Варя бессознательно вздыхала тяжело и оглядывала комнаты, разыскивая, что бы такое еще прибрать? Старыя ноги и плечи ноютъ отъ натуги, въ головѣ туманъ. Къ вечеру, раньше не прійдетъ, и этотъ день, одинъ, представляется длиннымъ, длиннымъ, а дѣлать больше нечего. Не для чего было горячку пороть, съ ногъ сбивать себя и людей — все бы потихоньку успѣлось!.. Старухѣ не то совѣстно передъ вѣмъ-то, не то не вѣрится, что и впрямду это будетъ сегодня.

Подъ окнами мягко прошумѣли колеса по мощеному переулку

и стукнула калитка; но прежде чѣмъ Варвара Антиповна успѣла открыть дверь, Вася пронелъ черезъ кухню. Ворвался въ комнату въ пальто и въ шляпѣ съ корзиной, увязанной въ синюю бумагу.

— Ну, какъ тутъ у васъ—все ли готово?!—крикнулъ онъ громкимъ, радостнымъ голосомъ.—Такъ я и зналъ, что напрасно вы меня вчера выпроваживали!.. Здравствуйте, голубушка Варвара Антиповна... Да что это съ вами?.. никакъ хворать задумали?!.. съ ногъ сбились?.. Бросьте, родная,—вѣдь чрезъ семь часовъ!.. Да это вамъ только семь-то часовъ—я черезъ часъ и самъ въ Шипово махну! У меня съ утра подстава выслана,—я вамъ ее въ три часа домой домчу!..

Вася смѣялся и жестикулировалъ. Онъ поставилъ корзину на столъ и нетерпѣливо срывалъ съ нея веревку и бумагу. Отъ его вчерашней сосредоточенности не оставалось и слѣда. Правда, лицо какъ будто осунулось за сутки, но зато каждая черточка въ немъ трепетала, краски переливались, глаза сдѣлались совсѣмъ синіе и искрились подъ густыми золотистыми бровями. Крупныя, страстныя губы отвѣтили виноватой усмѣшкой на любовный взглядъ Варвары Антиповны.

— Ишь пригожій какой!.. Тебя ли не любить, родной мой!.. Красная дѣвица, а не купецъ богатый самъ-большой. Пошли имъ Владычица счастья!..

Старуха опустила на стулѣ, ноги у нея вдругъ задрожали и утраченной потянула платокъ изъ кармана. Вотъ она, немощь старческая! Съ радости-то слезы еще легче обьгуть, чѣмъ отъ горя: обтерпешься, въ привычку оно, горе-то...

Въ корзинкѣ оказались цвѣты—пестрый и благоухающій ворохъ садовыхъ цвѣтовъ. Вася бережно вынималъ ихъ по одному и складывалъ въ букетъ.

— Ахъ, красота какая!.. И гдѣ это ты раздобылъ?.. Или у тебя и садъ ужъ поспѣлъ?..

— Горе мое—не поспѣлъ садъ, Варвара Антиповна! У отца благочиннаго выпросилъ. Глашенька сама утромъ нарѣзала. Ручку ей хотѣлъ поцѣловать за это, да не дала!

— Извѣстно, не дастъ! Чего еще выдумалъ—женихъ чужой! Вася лукаво усмѣхнулся и трахнулъ кудрявой головой.

— Вы мнѣ двѣ баночки съ водой припасите, Варвара Антиповна. Одинъ букетъ здѣсь поставимъ, а другой къ Машѣ въ комнату. Да и книжки-то достали, что-ли, изъ кладовки?..

— Достала, достала! Въ ящикѣ свалены—самъ ужъ перебери, коли такая охота. Пыль только лишнюю разводить!..

Но Вася думалъ иначе. Повончивъ съ букетами, онъ въ комнатѣ Маши долго простоялъ на колѣняхъ надъ ящикомъ съ старыми книгами. Каждую оглядѣть, пыль страхнетъ и разыщетъ надпись: „Марія Нефедьева, ученица такого-то класса“. Всѣ старые учебники, начиная съ Начатьевъ Ветхаго Заѣта, истрепанные и запятнанные чернилами, Вася старательно уставилъ на старенькой, потертой этажеркѣ. Да что еще нашлось-то подъ конецъ ему въ награду! Подъ книгами оказалось нѣсколько тетрадокъ и между ними хорошо знакомая Васѣ толстая тетрадь съ переписанными стихами. Позабыла, должно быть, Мама захватить ее съ собою. Вотъ еслибъ да раньше знать это, — сколько отрады принесла бы Васѣ эта тетрадка въ его одиночествѣ!..

Онъ задумался. Опять на него нахлынули пережитыя больныя ощущенія долгой разлуки. Перебираетъ листы, исписанные старательно ровнымъ почеркомъ Маши, а читать не можетъ! Такъ далеко, далеко то время, когда хорошенькая, темноглазая ученица горячо декламировала надъ этой тетрадью, стараясь перелить въ него свой собственный восторгъ. Не всегда Вася понималъ ясно, что ее восхищало, но всегда восхищался ею, всегда уничтожался передъ нею. Да! попадись ему раньше эта тетрадка, не только прочелъ бы, — наизусть бы онъ ее вытвердилъ, а теперь ужъ, видно, шабашъ!.. Письма написать мочи нѣтъ. Ея письма читать, такъ и, то злость какая-то охватываетъ. Будто самъ собою конецъ подошелъ, и не могло ужъ быть иначе. Дотерпѣлъ — назадъ оглянуться жутко... ну, больше зато не спрашивайте!.. Мѣсяца, недѣли одной, вѣжется, не вынести дольше!..

Вася вскочилъ на ноги; выбралъ поспѣшно изъ ящика остальные книги, и уже не разглядывая, какъ попало разсовалъ ихъ на этажеркѣ. И комнату, бѣдненькую и тѣсную, съ полудѣтской кроватью у стѣны, онъ больше не оглядывалъ съ умиленіемъ. И букетъ свой позабылъ, какъ поставилъ его въ первую минуту на окошко.

Вася заспѣшилъ уѣзжать въ Шипово, какъ ни уговаривала его Варвара Антиповна перекусить сначала чего-нибудь на дорогу.

II.

Варвара Антиповна раньше обыкновеннаго послала Парашу позвать жильца обѣдать.

— Обѣда такого мы съ вами и не ѣдали никогда, Федоръ Ивановичъ, — все баловникъ нашъ затѣялъ на радостяхъ! — а ужъ

на томъ не взыщите: на галдарейкѣ сегодня потрапезуемъ... Въ горницахъ беспорядничать неохота,—извинялась хозяйка.

На „галдарейкѣ“ не обѣдали съ самаго отъѣзда Машы. Она, бывало, и на дворѣ, на лужокѣ столъ вытащить не погѣнится; сама бѣгаетъ взадъ и впередъ съ посудой, чтобы Парашѣ трудно не показалось. Ну, имъ двоимъ, старикамъ, не изъ чего лишнія хлопоты подымать... Галдарейка перестала быть „балкономъ“, какъ величала ее Маша, и поступила въ исключительное распоряженіе Парашы.

— Это, Варвара Антиповна, не обѣдъ, а можно сказать пиръ лукулловскій! — проговорилъ Федоръ Иванычъ, примостившись на уголкѣ некрашеннаго стола, загроможденнаго всякой всячиной, и при этомъ не упуская случая блеснуть благородными словечками, которыя кажутся еще благороднѣе отъ того, что собесѣдникъ не понимаетъ ихъ.

Но дѣлается это отнюдь не изъ суетной гордости, не ради униженія своей пріятельницы и благодѣтельницы, Варвары Антиповны, а единственно только для того, чтобы самого себя не вовсе позабыть.

— Второй десятокъ гнѣшь, можно сказать, въ медвѣжьемъ углу—такъ тутъ всякое образованіе позабудешь, сударь вы мой! — жаловался съ горечью Федоръ Иванычъ каждому новому чело-вѣку.—На царской службѣ безъ малаго до коллежскаго ассессора достигъ, а вотъ-съ теперъ, по милости злодѣевъ моихъ, у бушца Перекупова въ конторщикахъ состоимъ!

И хоть купецъ Перекуповъ ворочаетъ милліонными дѣлами, хоть въ его конторѣ значеніе Федора Иваныча неизмѣримо важнѣе, нежели послѣдней спицы въ колесницѣ за канцелярскими бумагами — тѣмъ не менѣе онъ съ такой участью помириться не можетъ. Довѣріе десяти милліонеровъ Перекуповыхъ не можетъ перевѣсить несправедливаго гнѣва грознаго служебнаго начальства, разбившаго внезапно его чиновничью карьеру...

Вася между тѣмъ превзошелъ свои собственныя ожиданія: его подстава меньше чѣмъ въ три часа домчала его изъ Шипова. Взмыленная гнѣдая тройка влетѣла въ переулокъ, звеня наборными хомутами и вдыхая клубы мягкой пыли. Легкій тарантасъ въ послѣдній разъ подбросилъ на ухабѣ измученную путешественницу и остановился передъ знакомымъ крылечкомъ. Впрочемъ, на лицѣ пріѣзжей дѣвушки усталость была мало замѣтна. Она жадно оглядывалась красивыми темными глазами, и въ малоподвижныхъ, правильныхъ чертахъ ея свѣтилось радостное оживленіе.

Вася еще на-ходу прыгнулъ на землю и хотѣлъ на рукахъ

снять ее съ сидѣнья. Второй уже разъ онъ бралъ ее такъ на руки, не спрашивая позволенія...

Она съ недовольнымъ видомъ оттолкнула его руки и проворно выпрыгнула изъ тарантаса. Но прежде чѣмъ подняться на невысокое крылечко, она нѣсколько секундъ разглядывала старый, невзрачный домикъ съ рядомъ маленькихъ оконъ, съ облупившейся грязной краской на стѣнахъ... Оглядѣла кривой, немощный переулочекъ, поросшій травой, съ ветхимъ, глухимъ заборомъ напротивъ... Все еще стоять, а вѣдь при ней еще его ломать собирались! И ни одного дома новаго не прибавилось за четыре года...

Въ глубинѣ дома хлопнула дверь, смутно слышались голоса... Маша вздохнула и побѣжала по ступенькамъ.

Туть же, въ полутемныхъ сѣняхъ она попала въ объятія тети Вари.

— Зачѣмъ же плакать?.. зачѣмъ... зачѣмъ?.. — твердила она бессознательно и какъ-то напряженно смѣялась, чтобы не вышло, что и она сама тоже плачетъ!

Тетя Варя что-то лепетала и крестила ее, и тискала своими бессильными маленькими руками... Ѳедоръ Ивановичъ бормоталъ втѣснато и несвязно о блудномъ сынѣ и упитанномъ тельцѣ, пока Маша не вырвала у него своихъ рукъ и не расцѣловала его все съ тѣмъ же смѣхомъ, похожимъ больше на плачь.

Извозчикъ сталъ вносить вещи, и тогда они вошли въ крошечную прихожую, чтобы не загоразивать дороги. Кто-то сказалъ, что въ прихожей стоять незачѣмъ — и такъ же бессознательно они попали въ первую комнату съ растянутыми ученическими пальцами. Здѣсь Варвара Антиповна очутилась въ креслѣ, а Маша — на колѣняхъ передъ нею по старой, ребяческой привычкѣ.

Старуха то легонько оттолкнетъ ее отъ себя за плечи, то пританетъ ближе, не зная, какъ лучше разглядѣть севозъ досадныя и сладкія слезы.

— Выросла... Никакъ она у насъ еще выросла, Вася!.. Какъ на твои глаза? вѣдь выросла, а?..

Вася стоялъ поодаль и исподлобья, не отрываясь, смотрѣлъ на Машу.

— Неужто не жаль было косу отрѣзать? — выговорилъ онъ отрывисто, вмѣсто отвѣта.

Маша усмѣхнулась и провела рукой по красиво остриженной, темной головѣ.

— И то... и то!.. Господи, воля твоя... а я-то, старая, не

вижу!—заволновалась тетка.—Точно мальчикъ... Развѣ болѣла, можетъ быть — скрывалась отъ насъ?.. Коса-то была какая чудесная!

Она робко разглядывала лицо, родное и въ то же время какое-то новое... Глаза тѣ же, а смотреть не такъ... блестятъ меньше. Лицо удлиннилось, какъ будто покрылось загаромъ... Плечи шире... посадка другая... Косы-то, косы какъ жалко!..

Старуха нерѣшительно провела рукою по густымъ, короткимъ волосамъ и взглянула на Васю.

И ему кажется, что эта новая прическа такъ мѣняетъ Машу...

— Что жъ это мода, должно быть, такая, чтобы косу стричь?.. — спросилъ онъ.

— Что еще за мода—лѣнь собственная и ничего больше! — разсмѣялась Маша. — Вы вѣдь знаете, тетя, какая я соня! На лекціи каждое утро опаздывала; когда тутъ еще съ прическами возиться?.. А теперь привыгла; пожалуй, голова болѣть стала бы отъ тяжести.

Она весело тряхнула головой и поднялась съ колѣнъ.

— Ну, не тужи—новая отростеть!..—улыбнулась Васѣ одобрительно Варвара Антиповна.

Маша быстро взглянула на него, приподнявъ брови, но ничего не сказала.

Тетка заспѣшила на кухню; Параша уже третій разъ высывалась изъ двери и молила взглянуть на широгъ.

Вася, точно истуканъ, стоялъ на своемъ мѣстѣ. Дѣвушка подошла къ нему твердой, плавной походкой—не порывисто, головой впередъ, какъ бросалась, бывало, на встрѣчу тоненькая дѣвочка съ тяжелой косой.

— Ну, вотъ... дома! — выговорила она протяжно и точно прислушиваясь къ собственнымъ словамъ. Но вдругъ лицо ея дрогнуло... Она занесла обѣ руки Васѣ на плечи, притянула къ себѣ и быстро поцѣловала его.

— Здравствуй, хорошій... хорошій!..—прошептала она растроганно.

Онъ—какъ стоялъ—грохнулся на оба колѣна, крѣпко обхватилъ ее руками и прижался головой.

„Она... она!.. Маша!.. дома... моя!..“ — кружится вихремъ въ его головѣ, но въ то же время въ груди быстро и мучительно рстетъ какое-то глухое, бессознательное разочарованіе. Развѣ это радость?..

Онъ не чувствовалъ, какъ она легонько упиралась руками въ плечи, отстраняясь отъ него, пока въ корридорѣ не разда-

лись послѣдніе шаги Варвары Антиповны. Маша рванулась и стремительно вышла изъ комнаты. Вася тяжело поднялся съ кровати и опустился на ближайшій стулъ.

— Умываться пошла, должно быть? — заговорила весело старуха. — Всего лучше это освѣжаетъ съ дороги!.. И ты бы на крылечкѣ почистился, Васенька, — вишь пылица-то какая!.. Сейчас мы столъ накроемъ, пировать примемся... Запасовъ твоихъ на недѣлю хватитъ! Съ утра, поди, у тебя во рту росинки маковой не было?.. Охъ, Васенька, Васенька... велика милость Божія ко мнѣ, грѣшницѣ!.. Не померла тогда, привелъ Господь дожить!.. Да чтой-то самъ ты голосу не подаешь? Что тихо радуешься, буянъ ты мой горемычный?..

Тетя Варя взяла его обѣими руками за голову, повернула къ свѣту и расцѣловала все его лицо нѣжными счастливыми поцѣлуями.

Слезы такъ и хлынули у него изъ глазъ...

— Ничего, Васенька, ничего, родной!.. — шептала она. — Съ великой радости и всегда такъ-то плачется... Всякая перемяна — Божье дѣло... святое... не нашего ума!..

Маша тѣмъ временемъ у себя въ комнатѣ стояла передъ комодомъ, вытирала полотенцемъ мокрыя руки и смотрѣла на себя въ небольшое зеркало съ отбитымъ уголкомъ. Живо, точно вчера это было, вспомнилось ей, какъ передъ отъѣздомъ она вбѣжала сюда въ послѣдній разъ, чтобы полюбоваться своимъ дорожнымъ видомъ, и подумала: „Съ какимъ-то чувствомъ погляжу я въ это зеркало, когда вернусь съ докторскимъ дипломомъ?..“

Смутное было чувство... Но оно не поражало ее въ такой степени, какъ пораженъ былъ Вася... Вѣдь имъ тутъ и въ голову не приходило, что она могла не вернуться?..

Дѣвушка энергично покачала головой, будто отмахиваясь отъ чего-то. Она тоже не могла жить всецѣло настоящей минутой, какъ не жилъ ею никто изъ нихъ. Для будущаго, для настоящаго точно не находилось свободнаго мѣста: все безъ остатка заполнено тѣмъ, чего нельзя еще назвать прошлымъ, что отказывалось отступить безъ борьбы...

Цѣлый строй впечатлѣній, ощущеній и мыслей не смѣняется новымъ легко и безболѣзненно, какъ это представляется нашему воображенію, когда мы страстно ожидаемъ чего-нибудь. Говорятъ, узникъ и тотъ оглядывается съ сожалѣніемъ на пороги своей тюрьмы.

Длинная дорога не послужила переходной ступенькой, какъ надѣялась Маша... Не удалось ей собрать въ-время своихъ „до-

машнихъ“ мыслей, настроить ихъ надлежащимъ образомъ... Вѣдь она не уѣхала, а силой вырвалась! Оторвалась съ жгучей болью отъ всего, съ чѣмъ успѣла сжиться за четыре года, что манило впередъ такими неизвѣданными, такими чудными соблазнами!.. И оно гонится за нею слѣдомъ, будто для сравненія стоитъ въ памяти рядомъ съ тѣмъ, къ чему она такъ упорно стремилась, что оставалось цѣлью ея жизни всѣ эти годы...

„Le voici, votre fameux monsieur Basile! — l'air cosaque et entêté, n'est-ce pas?.. brave garçon tout de même... pas mal du tout!..“ — слышится Машѣ мягкій горловой голосъ съ красивой вартавостью... Она видитъ изящную фигуру молодого профессора, поворачивающаго въ рукахъ фотографическій портретъ Васи Бѣлоусова, съ снисходительной усмѣшкой на тонкомъ, нервномъ лицѣ...

Недоумѣвающій, неестественно раскрытый взглядъ Васи, растерянное выраженіе взволнованнаго лица — придаютъ ему что-то тупое... „Отчего онъ такъ подурнѣлъ, бѣдный?..“ — подумала раза два Маша, въ то время какъ онъ становился все молчаливѣе и только преслѣдовалъ ее неотступнымъ горячимъ взглядомъ...

Тетя Варя осторожно просунула голову въ дверь, потомъ вошла своей легкой и скорой походкой.

— Готова, что-ли, Машурочка?.. Пойдемъ, родная, чайку испьешь нашего, русскаго... Видишь, комнатка твоя — какъ была! И книжки твои Вася своими руками разставилъ сегодня... Каждая вещьца дожидалась тебя!.. Бумажечка, кажется, послѣдняя — и та цѣла!..

Тетя Варя съ умиленіемъ смотрѣла на Машу. Ей кажется, что и для Маши такъ же, какъ и для нея самой, ничего не можетъ быть драгоцѣннѣе этихъ воспоминаній, что и она такъ же не хочетъ; такъ же боится всякихъ перемѣнъ...

Она обняла дѣвушку за плечи и нѣжно увлекла ее изъ комнаты. Но на порогѣ Маша вдругъ остановилась, схватила ее за обѣ руки, пригнулась близко къ ея лицу и выговорила съ глубокимъ волненіемъ:

— Ну, вотъ я, тетя — ваша!.. Вернулась!!

III.

Зинаида Васильевна Позвонкова, сестра Васи Бѣлоусова, живетъ по прежнему въ большомъ отцовскомъ домѣ на набережной, куда Маша такъ часто ходила дѣвочкой. Вася отдалъ домъ сестрѣ

въ приданое со всѣмъ движимымъ имуществомъ, скоплавшимся поколѣніями въ домовитомъ купеческомъ родѣ. Ни у кого въ Солянскѣ нѣтъ такихъ драгоценныхъ мѣховъ и такого серебра, какъ у Зиночки, и въ цѣломъ городѣ только въ ихъ домѣ каменная гѣстница и паркетъ въ двухъ комнатахъ. Не пришлось Зиночкѣ переселяться изъ отцовскихъ палатъ да въ плохенькій мужнивъ домикшо въ одной изъ второстепенныхъ улицъ; можетъ она поглядывать на него съ пренебреженіемъ, подѣзжая въ модной полуболяскѣ поздравить старуху-свекровь по большимъ праздникамъ.

Зиночка три года тому назадъ вышла замужъ. Въ качествѣ замужней женщины и родной сестры жениха, она считала ниже своего достоинства первой бѣжать на свиданіе съ школьной подругой. Да и сватовства такого несообразнаго никогда еще не бывало въ Солянскѣ! Первый женихъ по цѣлому уѣзду, Василий Бѣлоусовъ, какъ будто не смѣетъ открыто назвать своей невѣстой сиротку племянницу вдовы-чиновницы, перебивающейся съ глѣба на квась канвовой работой и обученіемъ руководѣлю мѣщанскихъ и купеческихъ дѣвицъ. Послѣдній мальчишка въ Солянскѣ знаетъ, что молодой Бѣлоусовъ умираетъ по Марьѣ Нефедьевой — а родная сестра не смѣетъ спросить, когда будетъ свадьба!.. Въ конецъ характеръ испортился; какой прежде весельчакъ былъ — а теперь злой, огрызается на всѣхъ, подступу нѣтъ! Давно они раздружились съ Зиночкой. Она сама балованная, не изъ податливыхъ...

Въ гимназіи Зиночка была всецѣло подѣ влияніемъ Маши, и всчески покровительствовала этой романической любви; но съ отѣздомъ подруги она быстро эмансипировалась отъ несвойственныхъ понятій. Развѣ такую партію долженъ былъ сдѣлать Бѣлоусовъ? въ губерніи какихъ только богачихъ ему не высватывали. И хоть бы цѣнить-то это умѣла госпожа Нефедьева! — нѣтъ, какъ жила себѣ въ голову медицинѣ учиться, такъ ничто уже не могло удержать ее. Поставила на своемъ! заставила жениха, людамъ на смѣхъ, умирать по себѣ четыре года!

Да и теперь! Что жѣ это будетъ у нихъ такое? Пятый день какъ Марья Ильинишна пріѣхала, а не спѣшитъ на поклонъ къ жениховой роднѣ. Даже въ крестному своему и благодѣтелю, въ старика Переуупову, до сихъ поръ глазъ не кажетъ, точно и не овъ помогъ имъ тогда, ссудилъ деньгами на заграничную поѣзду. Пріѣхала докторша ученая и заперлась, словно принцесса какая, въ теткойной лачугѣ, а Вася прднадомъ около нея пропадетъ, знать никого не хочетъ!..

Зиночка не видала ни минуты покоя съ тѣхъ поръ, какъ

Маша вернулась. Ея квартира сдѣлалась средоточіемъ родствен-ныхъ пересудовъ; а всѣхъ пуще самъ Позвонковъ кипятился: словъ не находилъ, чтобы достаточно унижить шурина за такую безхарактерность.

— Не мужчина — тряпка! Дѣвка ломается, а онъ ей подъ ноги подстилается! — бушевалъ Павлуша, изливая встати всю завистливую вражду свою къ богачу, жениному брату.

Отъ Перекуповыхъ какія-то женскія фигуры то-и-дѣло шмыгали взадъ и впередъ за справками.

Въ воскресенье въ соборѣ къ обѣднѣ отблаговѣстили, а Зинаида Васильевна все еще не была одѣта; она особенно тща-тельно обдумывала свой туалетъ. Позвонкова въ Солянскѣ — первая модница и ей всѣ франтики подражаютъ, но въ этотъ разъ она какъ будто боялась быть некстати нарядной. Она ужъ два самыхъ лучшихъ платья перемѣнила, колеблясь и сомнѣваясь, точно боялась какой-то придирчивой критики.

Пролетка давно ждала у крыльца, чтобы отвезти ее въ церковь; но она все не отходила отъ зеркала, и не могла примириться со своей шляпкой, хоть раньше шляпка эта отнюдь не казалась ей безвкусной и аляповатой.

— Зинаида Васильевна, матушка идутъ-съ! своими глазами видала. Въ черной шляпкѣ... Сразу же ихъ признала!

Пожилая нянюшка, запыхавшись, вѣрвалась въ комнату съ желаннымъ извѣстіемъ. Она забыла назвать, кого она видѣла, но Зиночка не замѣтила, потому что и безъ этого поняла сейчасъ же, кто пришелъ. Она сорвала съ головы противную шляпку и бросилась на встрѣчу Машѣ съ сильно забившимся сердцемъ.

Сколько разъ и на всѣ лады была обдумана заранѣе эта встрѣча — а вышло совсѣмъ иначе, вышло такъ, какъ Зиночка не ожидала и хотѣть не могла. Собиралась она хорошенько проучить гордячку, принять ее съ холоднымъ достоинствомъ — а вмѣсто этого радостныя слезы неожиданно подступили къ ея глазамъ.

— Маша! Матушка игуменя!.. — вѣрнула Зиночка безотчетно своимъ прежнимъ паловливо-звонкимъ голосомъ; она кинулась на шею Машѣ и начала неистово тискать ее, какъ тискала бывало, когда хотѣла „растормошить“ или заглушить черезъ-чуръ серьезныя рѣчи своей подруги.

Гостья, немного оглушенная такимъ бурнымъ приѣмомъ, улыбалась неопредѣленной улыбкой.

— Постой! пусти же меня!.. Вотъ ты какая! барыня!!

Она, улыбаясь, разглядывала ее, пораженная тѣмъ, что школь-

ница „Зинка“ такъ располѣла и превратилась въ настоящую даму. Она была похожа на Васю, но теперь гораздо меньше похожа, чѣмъ прежде.

— А ты... ты... ты теперь еще больше игуменя!.. — Зиночка нашла только повторить старое, школьное Машино прозвище.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже тащила гостью по всей квартирѣ, болтая безъ умолку.

— Сюда, сюда пойдѣмъ... Хорошо у меня?.. видишь, какъ живемъ! какова обстановка? изъ Москвы! Послѣ свадьбы ѣздили. Ну, не весь домъ, положимъ, только парадныя комнаты, а тамъ вездѣ по старому. Мальчишка спитъ теперь, послѣ его тебѣ покажу... толстый и рѣва страшный!.. Помнишь мою прежнюю комнату?.. Это его дѣтская... А помнишь, какъ ты у насъ ночевала, на большомъ диванѣ?.. помнишь?!..

Зиночка внезапно оборвала рѣчь и нѣсколько секундъ молчала въ недоумѣннн. Что же это такое? развѣ такъ должна она встрѣтить эту гордячку?!.. Она подозрительно покосилась на Машу и сдѣлала недовольное „дамское“ лицо.

— Впрочемъ, гдѣ же тебѣ помнить всякій вздоръ!—процѣдила она, сжимая губы.—Ты тамъ какихъ только чудесъ не насмотрѣлась... Это мы вѣкъ свой сидимъ въ трущобѣ, у насъ вѣчно одно и то же!..

— Однако, ты замужемъ, стало быть и у тебя не одно и то же!—замѣтила шутливо Маша.

— Надо же когда-нибудь замужъ выйти. Да ты мужа моего, вѣрно, и не помнишь вовсе?

— Помню, — отвѣтила Маша, хотя дѣйствительно помнила Позвонкова только по имени, но ей показалось неловкимъ сознаться въ этомъ.

— Какіе здѣсь женихи! — продолжала Зиночка все болѣе и болѣе обиженнымъ тономъ. — Этотъ по крайней мѣрѣ самодурствовать не смѣетъ, потому что я богаче его... Родня небольшая, — тоже и это чего-нибудь стоитъ.

Маша смотрѣла ей въ лицо. Ласково она смотрѣла и даже чуть-чуть улыбалась, но Зиночку раздражалъ этотъ взглядъ.

— Что-жъ... живу, какъ дай Богъ всякому! Не изъ мужниныхъ рукъ гляжу, сама себѣ госпожа! Домъ полная чаша, всего вдоволь, не прожить. Мужъ молодой, любитъ меня. Ты, конечно, думаешь, что это глупая жизнь? Для этого не стоило на свѣтъ родиться, какъ ты говорила?.. Знаю, знаю!.. Я все это помню, только вѣдь не всѣмъ же быть учеными...

Зиночка уже съ откровеннымъ вызовомъ смотрѣла Машѣ въ лицо и не понимала теперь, какъ могли онѣ встрѣтиться такъ радостно, какъ родныя?.. Сидитъ точно связанная и въ глазахъ насмѣшка — разумѣется, насмѣшка!

— Это твоя старая манера, Зина, чужія мысли угадывать и потомъ обижаться на свои собственные догадки, — замѣтила снисходительно Маша.

— Да ужъ у насъ и все старое — намъ съ чего же мѣняться? Вонъ Василій протосковалъ по тебѣ четыре года, какъ одинъ день!

Маша сдвинула брови и промолчала. Позвонкова нервно расправляла складки своего полкового платья.

— Какъ же вы съ нимъ встрѣтились?—спросила она вызывающе, отворачивая, однако, голову.

— Гдѣ твой мужъ, однако? вѣрно, его дома нѣтъ?— послышался послѣ выразительной паузы холодный вопросъ Маши.

Зиночка покраснѣла еще больше, глаза ея блеснули.

— Извини... Я въ дружбу не набиваюсь, — для этого у каждаго самолюбія достанетъ! но пора когда-нибудь положить конецъ нашему глупому положенію: весь городъ знаетъ, всѣ удивляются, спрашиваютъ... Крестный твой обижается... Никому вѣдь рта не зажмешь! Павелъ Ивановичъ мой вчера цѣлую сцену завелъ. Мы, конечно, купцы — не больше, только и ты вѣдь это не сегодня узнала!..

— Зина! Что за вздоръ ты говоришь?!

— Вернулась и недѣлю глазъ не показывала!—продолжала Зиночка:—мы подружки были, черезъ меня вы и сошлись! Ты его пять лѣтъ мучила...

— Это мое дѣло и его — ничье больше! — замѣтила гнѣвно Маша.

— Ты не въ какую-нибудь семью входишь — онъ не послѣдній женихъ въ Солянскѣ считается! Бѣлоусову не украдкой же вѣнчаться съ тобою!..

— А хотя бы и украдкой!—прервала ее Маша:—какъ захотимъ съ нимъ, такъ и сдѣлаемъ! Наше дѣло... не малолѣтніе! Только этого не хватаетъ: весь городъ спрашиваетъ!.. крестный обижается!..

— Старикъ Перекуповъ въ почету привыкъ. Или, можетъ быть, по старости лѣтъ онъ и себя считаетъ не чужимъ тебѣ!—процѣдила страннымъ тономъ Позвонкова.

Маша чуть-чуть прищурилась на нее и усмѣхнулась.

— То-есть, ты хочешь сказать, что Перекуновъ имѣетъ право спрашивать, потому что онъ далъ денегъ на мою поѣздку?

— Я этого не говорила; но это, конечно, правда, что онъ далъ денегъ.

— Вотъ для того, чтобы выплатить ему эти деньги какъ можно скорѣе, мнѣ приходится сначала сдать здѣсь экзаменъ да похлопотать о мѣстѣ, а потомъ ужъ думать о свадьбѣ. Не правда ли, это то, что такъ интересуется всѣхъ?

— Экзаменъ опять?.. о какомъ мѣстѣ?.. — повторила испуганно Позвонкова. — Да развѣ Вася не выплатитъ ему хоть сегодня?!..

— Не вижу надобности мѣнять одного кредитора на другого.

— Маша! — всплеснула руками молодая женщина. — Это про мужа своего такъ говоритъ?!..

— Онъ моимъ мужемъ не былъ въ то время, когда я эти деньги тратила. Впрочемъ, я не вижу, для чего намъ говорить объ этомъ? Мы сойтись не можемъ...

— Какъ зачѣмъ говорить! да развѣ я не сестра ему?!.. Мнѣ не все равно, что ты его передъ цѣлымъ свѣтомъ осрамить собираешься... Жена Бѣлоусова служить станетъ!..

— Оставимъ этотъ разговоръ, Зина. Не будемъ спорить напрасно съ перваго дня. Ты меня знаешь: я училась не для забавы же — на чужія-то деньги!

Но Зина окончательно вышла изъ себя, и унять ее было не такъ-то легко.

— Это Господь одинъ знаетъ, зачѣмъ ты училась, для чего тебѣ-то это понадобилось! — заговорила она со слезами. — Другія отъ нужды, куска хлѣба ищутъ, — это всякій понять можетъ. А ты невѣстой перваго богача поѣхала! Я знаю! тебя гѣшило власть свою надъ нимъ доказать: хоть я, молъ, и бѣдная, а вотъ какъ онъ за мною гонится!.. Всегда, всегда я знала, что въ тебѣ гордость сатанинская!.. Досадно за богатымъ мужемъ жить, такъ хоть ученостью верхъ возьму... Сердца у тебя никогда не было!..

Зиночка разрыдалась.

Сколько они съ братомъ спорились изъ-за Маши, сотни разъ сестра желала, чтобы онъ былъ наказанъ за свое упрямство — но въ эту минуту она только живо чувствовала обиду Васи, была сама оскорблена въ его лицѣ...

Маша, не возражая ей, надѣла шляпу и взяла со стола свой зонтикъ. Точно стѣны какія-то сдвигаются вокругъ нея все тѣснѣе съ первой минуты возвращенія домой.

— Прощай... — проговорила она печально.

Этотъ домъ на набережной, сама Зяночка—такъ живо напоминали блаженное время, когда заграничная побѣда рисовалась впереди едва вѣроятной мечтой. Вспомнить жутко, сколько отваги нужно было набраться юной дѣвушкѣ, для того, чтобы рѣшиться впервые выговорить это вслухъ передъ взрослыми. Но зато сколько достоинства ей придавала ея большая, трудная, далекая цѣль...

Путь ея былъ намѣченъ вполне опредѣленно, ясно. Все, что было въ ней лучшаго, весь человѣкъ сосредоточился въ одномъ дружномъ и страстномъ усиліи. Неужели же это кончено навсегда? Неужели впереди сомнѣнія, колебанія и ежеминутная, мелкая борьба?..

Были и тамъ колебанія, были сомнѣнія, но они сами собой падали, ступшеывались передъ тѣмъ, въ чемъ колебаній быть не могло: получить дипломъ и вернуться домой. Всѣ впечатлѣнія скользили, не затрагивая завѣтной глубины. Свое, затаенное, дѣлало каждую невзгуду легче, а радость ярче. Въ сущности, какъ она была счастлива тамъ! Какой легкой грустью лежало на сердцѣ самое сожалѣніе о домѣ, о тѣхъ, которые здѣсь жили одной надеждой на ея возвращеніе! Преданная, вѣрная любовь Васи вовсе не казалась чѣмъ-то выходящимъ изъ обычныхъ предѣловъ: казалось, что они идутъ къ одной цѣли разными путями. Только здѣсь эти четыре года преслѣдуютъ ее, какъ укоръ, какъ тяжкая жертва, которую она заставила его принести себѣ. Здѣсь каждый заявляетъ на нее свои права: всѣ страдали изъ-за нея, всѣ ждутъ расплаты... Вася! Но вѣдь она вернулась, чтобы сдержать слово—что можетъ человѣкъ больше этого?..

„Je tiens ma parole, quoique j'en meure!“ — преслѣдуетъ Машу намѣшливое восклицаніе, когда она въ послѣдній разъ выглянула въ окно вагона съ заплаканнымъ лицомъ и встрѣтилась съ прекрасными опечаленными глазами своего профессора.

IV.

Маша не успѣла еще дойти отъ набережной до Зеленаго переулка, какъ Бѣлоусовъ подкатилъ на бѣговыхъ дрожжахъ: у Нефедьевыхъ узналъ, что она тутъ.

Разумѣется, онъ понималъ, какъ нетерпѣливо ждутъ его невѣсту, понималъ негодованіе разобиженной родни, жадное любопытство городка и злорадство всѣхъ, кому успѣла досадить его женитьба. Все это ему наизусть извѣстно, и всѣмъ этимъ онъ прене-

брегаешь. Плевать онъ хотѣлъ на всѣхъ ихъ! Ни однимъ словомъ онъ не намебнулъ Машѣ и ни одной минуты не осуждалъ ее. Пойдетъ, когда захочетъ. Недоставало ей въ глупостямъ нашимъ прилаживаться. Да это заведи только по началу—послѣ и не наздравствуешься на всякое чиханье!

Чтобы избѣжать досадныхъ встрѣчъ и разговоровъ, самъ онъ вовсе не жилъ это время въ городѣ. Прямо изъ Зеленаго переулка укатить къ себѣ на мельницу и сидеть тамъ до утра.

— На постройкѣ Василій Васильичъ,—отвѣчаютъ любопытствующимъ Бѣлоусовскіе приказчики. Васю небось не выдадутъ—горой стоять за него служащіе! Чего лучше молодой-то хозяинъ: ни питья тебѣ ему охота изъ-за вздора, ни досугъ ему ность свой совать повсюду попусту. На что уже какъ горячо принялся за дѣло Бѣлоусовъ, когда остался неожиданно-негаданно съ огромнымъ имуществомъ на рукахъ и съ невидѣнными сестрами, а и тутъ на мелочахъ не растерялся, съумѣлъ главнаго не упустить. Другой, пожалуй, на всю жизнь дѣла свои запуталъ бы, а онъ весь Солянскъ удивилъ. Никто такой дѣловитости не ожидалъ отъ него.

— Съ тоски! — отвѣчаетъ обыкновенно Вася, когда его похваливаютъ старики.—Либо пить горькую, либо дѣло дѣлать; какъ иначе-то время убьешь? Ну, пить не хочу, не рука мнѣ,—а хватить не за что!

Какой паренъ-то! Кто-бъ его себѣ въ зятя не пожелалъ: и богатѣй изъ первыхъ, да и самъ большой. Выискалъ же себѣ невѣсту, нечего сказать!..

Не было человѣка въ Солянскѣ, который одобрилъ бы Васинъ выборъ. Не прощали Машѣ ни старики, съ дочерьми-невѣстами, ни его ровесники-товарищи. Часто ли доведется молодому человеку въ его годы на всей своей волѣ очутиться, а спросите, кто отъ этого какой-нибудь барышъ видалъ? Ни покутить на даровщинку, ни въ картишки съ него сорвать. Романсы чувствительные на гитарѣ наигрываетъ да письма невѣстѣ строчить. Нашлетъ же Господь на человѣка!.. А ужъ теперь, больше года, вовсе никакъ свихнулся: книжки какія-то изъ Москвы выписываетъ, добрыми дѣлами, что-ли, занимается. Несмѣло, втихомолку, да молва-то сама собой растетъ. Въ Солянскѣ еще остерегаются, во уѣзду болтаютъ больше. Валомъ-валить голь всякая на мельницу.

Дразнили Васю, высмѣивали, злыя шутки шутили надъ нимъ. Какихъ только красавицъ на него ни наусѣбывали, какихъ ловушекъ ему ни устраивали — ничего не беретъ! Отступились, махнули рукой: пропадай себѣ даромъ, коли такая охота!

Возвращеніе Машы Нефедьевой снова оживило слабѣющій интересъ и расшевелило затихшія страсти...

Зинаида Васильевна не успѣла еще успокоиться послѣ столкновенія съ Машей, какъ подѣхалъ Вася. Узнавъ, что не захватилъ— побить себя, кажется, готовъ былъ, да ужъ на понятный— поздно: вовсе съ сестрой разругаться, коли уйти сейчасъ, не по-видавшись.

— Не ждала я тебя, Васенька, не взыщи! Кабы знала, махальнаго поставила бы, чтобы предупредилъ тебя!— такъ встрѣтила его язвительно Позвонкова.

— Ладно, не старайся!.. — процѣдилъ Вася угромо сквозь зубы.

— И то, хоть поглядимъ на тебя!— не унималась Зиночка. Она усаживалась вальяжно въ креслѣ, будто чужого гостя принимала, и наслаждалась своей выгодной позиціей.

— Была Маша. Видно, не поладили?— спросилъ мрачно Бѣлоусовъ. — Кончатъ, что-ли, скорѣе— все одно ужъ.

— Какъ судить!— тянула нарочно сестра.

Онъ энергично махнулъ рукою.

— Знаю! вижу тебя насквозь! Только я напередъ говорю тебѣ, Зина: выбирай теперь, хочешь ты съ нами быть или со стариками. Твоя воля! Я Машу неволишь не стану. На всѣхъ ей не угодить. Своимъ умомъ жить будемъ.

— Погоди, погоди, не спиши такъ!— разсмѣялась она злобно. — Еще когда-то жить будете! Можетъ, и Маша до тѣхъ поръ обойдется сколько-нибудь.

Вася смотрѣлъ на нее горящими глазами и крѣпился.

— Дѣла вѣдь скоро не дѣлаются. Экзамень-то новый не въ два дня сдать, да и не въ Солянскѣ же у насъ! Въ Москву или въ Петербургъ ѣхать придется. Ну, а службу сыскать и того потруднѣе будетъ! Подождешь еще, видно, Василій Васильичъ.

Отъ каждаго ея слова Васю подергивало, точно лошадь подъ кнутомъ. Ничего онъ не понималъ.

— Пока что— и люди попривыкнутъ сколько-нибудь. Сначала только очень ужъ оно забавно выходитъ!..

Зиночка перекаtywала голову изъ стороны въ сторону по мягкой спинкѣ штофнаго кресла и поглаживала локотники ладонями рукъ, унизированныхъ вольцами.

Вася вдругъ шагнулъ къ ней и крикнулъ сорвавшимся голосомъ:

— Перестань! Говори такъ, чтобы понять можно было!

Она нерѣшительно глянула на него снизу вверхъ.

— Неужели же я больше твоего знаю?.. Или вы въ недѣлю-то всего еще не переговорили?!

И впиалась въ него выкатившимися отъ любопытства, посвѣтлѣвшими глазами. Ему было не до ея торжества, не до насмѣшекъ: узнать бы только скорѣе!

— Какой экзамень?.. Кому службу искать?!

Ей вдругъ стало жаль его. Она живо вскочила на ноги.

— Не позволяй, Вася, — не потакай ты ей во всемъ! — заговорила она страстно. — За что тебѣ такой срамъ терпѣть?.. Мало еще ты настрадался изъ-за нея! Что она за принцесса такая, что ты всѣ ея прихоти долженъ исполнять? Коли въ больницѣ лекарею служить, такъ и замужъ выходить не зачѣмъ. Мужу жена нужна, а не чужая слуга!..

Вася крутилъ головою, будто отмахивался отъ несноснаго жужжанья. Глаза у него покраснѣли, губы дергало.

— Вздоръ!.. пустое!.. нарочно, вѣрно, сказала!.. — выговаривалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

— Ну, такъ самъ ступай, спроси у нея, воли такъ! — крикнула Зиночка съ новымъ приливомъ досады.

Она замолчала и тогда разслышала голоса подъ окномъ, которыхъ они не замѣчали. Въ сосѣдней комнатѣ раздались мужскіе шаги.

— Павлуша! — прислушалась Зина. — Вотъ досада еще, поговорить не дастъ!

Позвонковъ вошелъ развалистой походкой, вытирая платкомъ лобъ ослѣпительной бѣлизны; загорѣлыя розовыя щеки отдѣлялись отъ него, будто обрѣзанныя. Темные глаза на выкатъ были всегда влажны, также какъ сочный малиновый ротъ подъ недлинными, темными усами. Только красотою да высокимъ голосомъ и побѣдилъ Павлуша Позвонковъ свою богатую, избалованную жену. Подросткомъ въ Солянскѣ за дурачка слылъ, а выровнялся такимъ лхачемъ-красавчикомъ, что никто съ нимъ не сравняется на катаньи или на вечеринкѣ. Да за три-то года какая красота не приглядится? Теперь Зинаида Васильевна третировала своего супруга уже безъ всякой церемоніи.

— Васялю Васильчу наше почтеніе! Съ радостью васъ! — вычурно раскланялся Павлуша и закрученнымъ движеніемъ занесъ руку передъ шуриномъ.

Вася небрежно пожалъ ее мимоходомъ и продолжалъ угрюмо шагать по комнатѣ.

Павлуша развалился въ креслѣ противъ жены и незамѣтно подмигнулъ ей лѣвымъ глазомъ.

— Гостыя дорогая, слышалъ, побывала? Что-жъ ты мальчишку не дослала—я къ маменькѣ отъ обѣдни проѣхалъ.

— Недоставало тебя по городу разыскивать!—отвѣтила она сердито.

— А что имъ дѣлать-то! Признаться, и маменька поджидала: отъ обѣдни, говорить, завернуть, пожалуй, Марья Ильинишна, мимо крыльца вѣдь ей идти...

Вася вруто остановился.

— Это твоя мать Марью Ильинишну поджидала?—переспросилъ онъ, стоя спиной.

— Старый человекъ!.. Считаетъ себя не въ дальнихъ, коли и всего-то васъ двое съ сестрой,—отвѣтилъ Павлуша съ обидой въ голосъ.

Зиночка покраснѣла и сердито отвернулась отъ него вся въ своемъ креслѣ.

— Маменька сколько разъ тетушку Марьи Ильинишны на кофе къ себѣ зазывала. Сама къ ней первая же пошла послѣ свадьбы.

— Перестань ты молоть, ради Христа!—оборвала его нетерпѣливо супруга.—Коли ко мнѣ сегодня собрались—такъ до твоей матери не скоро чередъ дойдетъ!..

— Это какъ будетъ угодно; никто вѣдь и не нуждается!—пріосанился Павлуша.—А только коли собственныхъ родителей не имѣется, такъ надо бы кому постарше дѣло чередомъ повести. Намъ что-ли родню у себя собрать?

Вася смѣрилъ его злыми глазами.

— Это ты, что-ли, меня женить будешь?!

— Чего ты въ самомъ дѣлѣ все тыкаешь?—разозлился вдругъ Павлуша.—Я не я, а гдѣ-нибудь надо же добрымъ людямъ объявить честь честью! Тянете-то вы съ цѣльнымъ вѣзъ, а вѣдь настоящаго сватанья никто еще не видалъ. Не чужую жену вращаешь...

— Что съ глупаго возьмешь, слушать только тошно! Прощай, Зина.

Вася схватилъ шапку и не поглядѣлъ даже на хозяина.

— Прощай. Хоть бы и не приходилъ ругаться-то!—послала ему вслѣдъ враждебно сестра.

— Чего онъ и въ самомъ дѣлѣ важничаетъ?—размахивалъ руками Павлуша.—Что я ему за смиренникъ дался?! Ругаться-то всякій сужьветъ!

— А ты бы сдачи далъ, не молчалъ!—поддразнила жена.—

И чего злишь человека попусту? Со своей матерью полѣзь, будто не видишь, что ему и такъ ладу съ нею нѣту! Она и сейчасъ Богъ знаетъ объ чемъ думаетъ, только не объ свадьбѣ; а ты на сговоръ сзывать собрался! Самъ и виноватъ, коли дурака получилъ.

— Какъ такъ не объ свадьбѣ думаетъ? Это что-жъ такое значить? Что она говорила?—заглядывалъ ей любопытно въ глаза Павлуша.

— Ахъ, да отвязись ты, надоѣлъ!—отмахнулась локтемъ жена и, не слушая его, ушла къ себѣ въ спальню.

„Этакая скука, прости Господи! Теперь ужъ Вася и глазъ не покажетъ. Думала, веселѣй будетъ—новый человекъ, своя же подруга. Не всю жизнь въ Солянскѣ кѣсла,—хоть наслушаешься отъ нея чего-нибудь! Заживетъ не по здѣшнему,—ее небось не заклюютъ кумушки всякія. Вотъ тебѣ и веселье! Кисни тутъ вѣкъ свой съ дураками!“

Зиночка заплакала и утонулась лицомъ въ изголовье пышной двухспальной постели. Черезъ нѣсколько минутъ Павлуша вошелъ на цыпочкахъ и въ недоумѣніи остановился надъ нею.

— Зинушка, а Зина!—позвалъ онъ нѣжно:—плюнь ты на нихъ, лапушка! Стоить дѣло плакать! Небось, прибѣжитъ еще, въ ножки тебѣ поклонится. Нивуда не уйдутъ вѣдь!

Зиночка сердито вскинула голову.

— Уходи! Для чего сюда забрался? И безъ тебя тошно!

— Съ чего тошно-то?

— А съ того и тошно, что терѣнья моего не стало! Не стану съ тобой сидѣть тутъ цѣлый вѣкъ. Возьму вотъ да въ Москву и уѣду!

Павлуша въ изумленіи поморгалъ на нее глазами и вдругъ широко улыбнулся во весь красивый ротъ.

— Что-жъ, и то вѣдь поѣхали, коли только денегъ не жалко! Кто это намъ запретилъ-то?!

И схвативъ жену въ объятія, Павлуша со смѣхомъ повалился съ нею на подушки.

V.

Вася полетѣлъ къ Нефедьевымъ. Маша заперлась у себя въ комнатѣ.

— Голова разболѣлась, отъ жары должно быть,—объяснила ему Варвара Антиповна.

Онъ молчалъ. Но онъ смотрѣлъ такими жалкими глазами, что старуха во второй разъ отправилась звать Машу.

— Вышла бы ты хоть не надолго. Перемогись какъ-нибудь. Что-то онъ скученъ очень.

— Мало ли какія неприятности могутъ быть у человѣка!— отвѣчала холодно дѣвушка.

— Что же я скажу ему?

— Да голова-то болѣть можетъ у человѣка?!

— Хоть выйди, скажись сама. Авось на ноги подняться можешь?

Маша не отвѣтила и осталась лежать.

— Придетъ, что-ли?—спросилъ Вася, какъ только тета Варя вернулась и начала усердно рыться въ своей работѣ.

— Не пойму сама. Посиди пока.

Они сидѣли и молчали. Старуха зашивала черной шерстинкой фонъ по кантовой полоскѣ, а Вася сидѣлъ рядомъ, засунувъ обѣ руки между колѣнъ и повѣся голову. Совсѣмъ какъ бывало, когда душа рвалась за тысячи верстъ, а все вокругъ разстилалось мертвой пустыней. Точно и не было Маши за тонкой досчатой переборкой, какъ будто и не кончался тяжкій искусь... Нѣтъ конца его мукамъ! Хуже, сто разъ того хуже! И здѣсь, да не своя! И вернулась будто, да не къ нему!

— О чемъ думаетъ? все о Швейцаріи своей проклятой!— заговорилъ глухо Вася:—жилось, видно, не по нашему, есть что помянуть! Своими глазами видалъ: вертеть точно водоворотъ. Чтѣ народу понапихано, да все франты да хваты. Всего, небось, было!

— Такъ, такъ, этого только не хватало! Что еще-то ты выдумашь?—прикрикнула на него Варвара Антиповна.—Ступай съ Богомъ, коли такъ. Пустьяковъ тавихъ и слушать не хочу.

Онъ поднялся.

— И то пойти. Чего ждатель-то? Не выйдетъ. У Зины была—повздорили по первому же разу. Обидѣлась, видно!

— Ну, и оставь! Обойдется. Не лѣзь, когда человѣкъ въ досадѣ.

— Легко вамъ ждатель-то!—вырвалось у него съ отчаяніемъ.— Мнѣ Зина такого наговорила, что не знаешь, какъ и думать. Что-ли на смѣхъ надо мной это она измывается?!

Варвара Антиповна поглядывала на него поверхъ очковъ, и лицо ея становилось все строже.

— Это Маша твоя на смѣхъ сдѣлаетъ? Грѣха ты не боишься, Василій.

— А изъ меня жилы тянуть нѣтъ грѣха? Не посмѣеть Зина соврать. Экзаменъ новый еще сдавать, мѣста себѣ искать...

Вася выговаривалъ съ запинкой, какъ будто самыя слова наводили на него ужасъ. Тетка слушала, не спуская съ него озабоченныхъ глазъ.

— Не такъ что-нибудь! Погоди, головы не теряй, саму спроси!—уговаривала она.

— Еще мало! еще не довольно! Опять жди. Что же я-то съ собою подѣлаю? Не каменный вѣдь я!

Онъ, не видя ничего, метался по тѣсной комнатѣ и каждую минуту натыкался на растянутыя пальцы.

— Господи твоя воля, словно ребенокъ малый!—всплеснула руками тетя:—говорю, ее сначала путемъ выслушай. Чего вы который день другъ отъ друга прячетесь? Зачѣмъ ты молчалъ, воды въ ротъ набравши?! Нечего сказать: хорошо свидѣлись! На дыбахъ такъ и ходишь.

Вася тяжело дышалъ. Да, да, правда! Отчего? Онъ не зналъ. Отчего смертная, непереносная обида съ страшной быстротой растетъ на сердцѣ? Радовался ли?.. Развѣ въ первую минуту, когда выхватилъ ее изъ дилижанса и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ... Самъ едва не задохся отъ жгучей, острой, безумной радости...

— Поѣзжай-ка ты себѣ съ Богомъ, я сама съ нею толкомъ поговорю,—успокаивала его Варвара Антиповна.

— Съ этихъ-то поръ на мельницѣ сиди?.. Опротивѣло, силъ нѣтъ! Шумъ вѣчный. Точно вотъ говорить тебѣ кто-то безъ умолку.

— Ну, коли такъ, въ монастырь съѣзди, у отца игумена погости. Правда и то, такъ оно лучше будетъ! Богу помолись покрѣпче, выплачься до-сыта—утихнеть горячка эта въ тебѣ.

Тетя Варя гладила его по головѣ, точно малаго ребенка, а у самой по щекамъ катились слезы. Вася взглядывалъ на нее добѣрчивыми глазами.

— Усталъ. Который день палець о палець не ударилъ, а точно вотъ жернова ворочалъ! Спать не могу...

Варвара Антиповна заперла за Васей дверь, но не ушла изъ передней, а въ окошко слѣдила тревожно, какъ онъ побрелъ черезъ дворъ, тяжело волоча ноги, нѣхотя, будто самому себѣ въ тягость...

Маша между тѣмъ лежала на кровати и безъ усталости слѣдила глазами за запутаннымъ узоромъ старыхъ, выцѣвѣвшихъ обоевъ.

Голоса сливались, но безпкойные шаги Васи отдавались отчетливо. Стихло. Ушелъ, наконецъ.

Маша вздохнула. Ни за что выходить не хотѣла—а ушелъ, и жалъ его стало!

„Ничего не можетъ быть нелѣпѣе бесплодныхъ терзаній!—думала она сердито:—не переждешь, упрямецъ извѣстный! придется спросить прямо... Не глупо ли? О чемъ спрашивать?—За что вы на меня гнѣваться изволите!“

— Не спишь? Письмо тебѣ!—послышался голосъ тети Вари.

Она подошла къ кровати и подала конвертъ съ заграничной маркой.

Маша послѣшно сбросила ноги на полъ, сѣла и положила письмо себѣ на колѣни.

— Третьяго дня, никакъ, письмо получила?—спросила тетка безъ обычной ласки въ голосѣ.

— Получила.

— Часто пишутъ. Товарки твои?

— Не читала еще, вы видите...

Маша встала и отошла къ комоду; конвертъ передъ собой положила, начала причисываться.

— Не дождался Вася... уѣхалъ! — сказала ей съ упрекомъ Варвара Антиповна.

— Кажется, онъ и васъ разстроить успѣлъ? Авось завтра веселѣй прїдетъ.

Откуда брался этотъ легкій, шуточный тонъ? Съ теткой Маша иначе не говорила о Васѣ, какъ этимъ тономъ.

— На-авось плохо жить. Зачѣмъ на-авось гадать, когда слова твоего довольно, чтобы онъ веселѣй поѣхалъ!

„Начинается“, подумала дѣвушка и взглянула на конвертъ.

— Погляжу я, жалѣть ты тамъ разучилась, — договорила скорбно и тихо старуха:—онъ ли не ждалъ тебя!

— Ждалъ!—вылетѣло вздохомъ изъ груди Маши.—Что же теперь съ нимъ творится? Совсѣмъ вы его избаловали, тетя Варя. Привыкъ, чтобы его ублажали, точно малаго ребенка! Я нянчиться не умѣю. Пусть гозоритъ, коли есть что-нибудь на сердцѣ. Этакъ вѣдь цѣлый день только и ломай голову: какъ онъ, да что съ нимъ? Я, тетя, привыкла просто жить. Нехорошо — скажу, если стерпѣть не могу, а въ загадки играть вовсе не забавно!

Глаза Маши блестя, румянецъ разгорался на щекахъ.

— Загадка-то не хитрая, —выговорила грустно старуха.

Маша взяла письмо, прочла адресъ и опять положила на прежнее мѣсто.

— Вотъ что, тетя,—заговорила она мягче и отвернула голову въ сторону.— Объясните вы ему, ради Бога: пусть онъ будетъ попроще!

— Какъ же такъ, Маша?

— Если ему казалось, что все по прежнему... ну, не знаю!.. Нѣжности разныя ребяческія... Такъ вѣдь мнѣ двадцать-пятый годъ пошелъ, не школьница я больше! Пять лѣтъ прожиты — не проспала ихъ мы. Я знаю, что другого такого сердца на свѣтѣ нѣтъ...

— Нѣтъ на всемъ свѣтѣ другого, Маша!

— Да, и я хочу, чтобы онъ былъ счастливъ. Скажите ему. Варвара Антиповна не сразу отвѣтила.

— Сама, Маша, скажи.

— Зачѣмъ?!

— Жизнь прожить вмѣстѣ собираетесь, такъ отъ разговора бѣгать нечего.

— Вы лучше меня съ нимъ говорить умѣете.

— Можеть, я и жить съ нимъ лучше твоего счумѣла бы, только вѣдь замужъ я вмѣсто тебя не выйду.

— Не надо, коли не хотите,—выговорила Маша сухо и съ письмомъ въ рукѣ отошла къ окну.

— Его сестра Позвонкова разстраиваетъ. Наговорила не знай чего,—завела осторожно Варвара Антиповна.

— Можеть быть, его каждый день кто-нибудь разстраивать будетъ! Родни вѣдь полъ-Солянска. Да и одна ли родня? Кто по кумовству, кто по сосѣдству—всѣмъ до насъ дѣло.

— Сама знаешь—не столица; каждый здѣсь на виду.

— Какъ вы это равнодушно говорите: не столица! Жить вездѣ нужно.

— Живуть люди. Никто не съѣстъ, не бойся.

— О, я не боюсь! Меня-то не съѣдятъ,—разсмѣялась Маша враждебно.—Что ему Зина наговорить могла? Что я экзаменъ сдать должна, для того чтобы получить право практики? Неужели онъ и самъ не зналъ этого? А если не зналъ, такъ кто же виноватъ! Для чего-нибудь я училась же! Медицина вѣдь не музыка, не мужа ея забавлять.

Старуха тревожно слушала ее.

— Ну, и сдашь экзаменъ, коли такъ нужно. Не къ спѣху это, я думаю?

— Скоро не сдѣлается.хлопотъ будетъ по горло.

— Скорѣе пойдетъ, когда мужъ въ хлопотахъ помогать будетъ. И тетя Варя вся замерла, ожидая отвѣта. У окна послышался задержанный вздохъ. Маша промолчала.

— Къ вечеру звонять, пойду я,—вздохнула и тетя Варя.— Читай, что тебѣ пишутъ-то. Помѣшала я тебѣ.

VI.

Шаги Варвары Антиповны давно затихли на концѣ дома, а Маша все стояла и смотрѣла въ окно, зажавъ въ руцѣ конвертъ. Наконецъ она очнулась и окинула комнату тоскливымъ взглядомъ.

Сентиментальность ребяческая—такъ цѣпляться душою! Мало ли какъ чувствуетъ, мало ли что рѣшаетъ человѣкъ въ свои двадцать лѣтъ—не безуміе ли сдѣлать изъ этого оковы на цѣлую жизнь?! Себѣ и другому. Развѣ это естественная любовь? Богъ-зенная экзальтація! Пять лѣтъ себя человѣкъ настроивалъ, разжигалъ... какъ еще съума не сошелъ, удивительно! Можетъ ли онъ быть счастливъ? Сколько же нужно дать ему для того, чтобы онъ считалъ себя достаточно вознагражденнымъ? Влюбиться развѣ безъ памяти!..

Маша горько разсмѣялась и вздрогнула отъ жесткаго звука собственнаго голоса. Она быстро одѣлась и пошла въ городской садъ. Письмо лежало нераспечатанное въ ея карманѣ.

Солянской городской садъ кончается большимъ, извилистымъ оврагомъ, который густо заросъ орѣшникомъ, березой и ивою. Маша безъ труда разыскала ихъ завѣтную свамеечку и остановилась около нея. Разумѣется, запущенный оврагъ точь-въ-точь такой же теперь, какимъ былъ онъ пять лѣтъ назадъ. Никто не заботится расчищать его отъ высохшихъ сучьевъ и поломанныхъ деревьевъ; никто не мѣшаетъ блуждать здѣсь чѣмъ-то коровамъ, не запрещаетъ мять траву, бросать папиросные окурки, апельсинныя корки, пустыя бутылки. Родное неражество царитъ на всей волѣ, и только всепобѣждающая мощь великаго эстетика можетъ превращать самое запустѣніе въ причудливую, дикую красоту.

Весело выдѣляются среди изумрудной зелени желтые изломы песчанаго обрыва, осыпающагося подъ ногами; никому нѣтъ заботы укрѣпить его, для того чтобы помѣшать сползати внизъ тяжелой группѣ старыхъ березъ. Одна изъ нихъ наполовину уже упала и перегнулась надъ обрывомъ живописной дугой, простирая въ воздухъ кудрявыя сучья, будто ожидая откуда-нибудь помощи. Вывороченные корни торчатъ вверхъ запутан-

нымъ узломъ и до тончайшихъ нитей своихъ выдѣляются на черномъ фонѣ зияющей могилы. Ландшафтъ только выигрываетъ отъ картины живописнаго умиранія повергнутаго великана. Мертвая зелень поломанныхъ вѣтвей свѣсилась внизъ золотистыми сережками и отгнѣяетъ еще лучше сочные, крупные зонтики росушныхъ лопуховъ и воздушное кружево высокихъ папоротниковъ. Никто не заботится объ удобствѣ спусковъ и не прокладываетъ благоустроенныхъ дорожекъ: узкія тропинки сбѣгаютъ внизъ причудливыми скачками. Старыя доски, переброшенныя кое-какъ черезъ узкую рѣчку, кажутся здѣсь гораздо болѣе умѣстными, нежели тѣ легкіе и вязные мостики, которые сами собою невольно возникаютъ въ воображеніи Маши. Вдумчиво смотреть она на свой любимый оврагъ, и въ умѣ ея рисуется все то, что стумѣла бы сдѣлать изъ этого живописнаго уголка прилежная и терпѣливая рука другого человѣка.

Далекіе друзья Маши, всѣ тѣ счастливыцы, гордые собою и своей благоустроенной родиной, узнавали отъ нея, что въ никому невѣдомомъ Солянскѣ есть живописный оврагъ, подобнаго которому они никогда не увидятъ. *Надъ оврагомъ*—у нея и стихотвореніе такое написано, единственное въ жизни. Эти два слова никогда не оставляли ее равнодушной. Съ другими людьми, среди новыхъ, захватывающихъ впечатлѣній, среди соблазновъ они вставали и ограждали отъ всего, что врвалось въ душу, что грозило поколебать завѣтную мечту.

На этой свамеечкѣ они клялись другъ другу въ вѣрности до гроба! Здѣсь, рыдая какъ безумный, Вася отпускалъ ее учиться и бралъ съ нея всѣ страшные зарокъ, отъ которыхъ разгорались еще сильнѣе юныя сердца. Здѣсь осталось ея сердце,—потому ей и было легко въ немъ отказывать. Она въ это такъ глубоко вѣрила!..

Сегодня въ первый разъ Маша пришла въ городской садъ. Вася нѣсколько разъ звалъ ее, но она рѣшила, что придетъ одна. Она чего-то ждала. Другого настроенія, минуты умиленія! Она какъ будто берегла это послѣднее и самое завѣтное впечатлѣніе.

Но не дождалась и пришла сюда въ порывѣ отчаянія, послѣ цѣлаго дня нарастающихъ раздраженій. Пришла въ ту именно минуту, когда затаенный, глухой разладъ переходилъ въ явный, когда сомнѣваться долше уже невозможно: не случайныя недоразумѣнія, не простая отвычка, не колебанія настроеній создавали то тягостное положеніе, въ которомъ всѣ они томились. „Онъ вапризничаетъ!“ думала Маша и не вѣрила себѣ. „Прійдетъ завтра

веселѣе!“ — отвѣтила она вызывающе тетвѣ, но знала навѣрное, что завтра будетъ не лучше, а хуже. Зина накидывается неумѣло и нелѣпо, но съ неподдѣльной обидой, съ искренними слезами. Въ рѣчахъ тети Вари прорываются осужденія и укоры...

Одна противъ всѣхъ она стоитъ вся на сторожѣ, оберегая ревниво свой внутренній міръ, готовая исполнить долгъ, но съ рѣшимостью войти въ ихъ жизнь съ закрытой душой.

Еще не вѣрится, что это безповоротно; она еще борется съ прежней нѣжностью; борется съ горькимъ сожалѣніемъ, съ минутными проблесками надежды. Любовь эта занимала такое огромное мѣсто въ ея жизни, такъ сливалась со всѣмъ прошлымъ, что она еще ощущаетъ ее въ себѣ. Она думаетъ о ихъ ребяческомъ короткомъ счастьѣ, о мучительномъ разставаніи, о долгой разлуцѣ, о письмахъ. И куда бы она ни обратилась въ прошломъ, Вася ей близокъ и дорогъ. Вѣдь онъ и теперь тотъ же! Знаетъ она всѣ его понятія, чувства, желанія и надежды. Только, сходясь съ нимъ, она не можетъ думать ни о понятіяхъ, ни о чувствахъ, ни о надеждахъ, которыя могли бы ихъ сблизить, а произвольно, безотчетно поддается совсѣмъ другимъ, новымъ впечатлѣніямъ, быстро разъединяющимъ ихъ.

Развѣ она не знаетъ, что онъ терзается! Когда его нѣтъ, она клянеть свою „деревянность“, она хочетъ приласкать его просто, безъ разсужденій. Вѣдь это одно, что нужно! — въ тотъ же мигъ съ него слетитъ эта мрачность, которая и раздражаетъ и отталкиваетъ. Но что-то странное, что-то неувимое ее удерживаетъ; она забываетъ о своемъ рѣшеніи, потому что ей не до того: сейчасъ же между ними начинается безформенная, глухая борьба. Маша добросовѣстно признаетъ себя виновницей его терзаній, но стоитъ ей увидѣть проявленіе этихъ терзаній, какъ ощущеніе виновности смѣняется совсѣмъ обратнымъ чувствомъ самозащиты, отпора. А сегодня всѣ чувства, всѣ впечатлѣнія цѣлаго дня сливались въ одинъ протестующій и нетерпѣливый порывъ.

Маша стояла около старой свамейки. Ихъ завѣтный, ихъ легендарный оврагъ она разглядывала холоднымъ, безразличнымъ взоромъ; она была почти довольна, что онъ не произвелъ на нее вовсе того смутнаго, волнующаго впечатлѣнія, какого она ждала. Разсѣвалась послѣдняя дымка романческаго тумана, заволакивавшего прошлое... Какъ долго, какъ упорно это жило въ ней! Уживалось рядомъ съ ясными, трезвыми воззрѣніями... Глубокъ однако отпечатокъ родной среды, простой и темной, гдѣ всякая сила, за неимѣніемъ умственнаго простора, уходитъ въ воображеніе или въ чувство...

А письмо? Ни одной секунды Маша не забывала о немъ. Но только наглядѣвшись до сыта, только продумавъ всѣ свои горькія и тревожныя мысли, Маша вздохнула глубокимъ, безпокойнымъ вздохомъ и медленно, медленно вынула конвертъ изъ кармана. Очевидно, ничего, кромѣ новой тревоги, кромѣ новой горечи, не ждала она и отъ этого письма.

„Все кончено. Вы уѣхали (писано по-французски)! Ваше русское упрямство восторжествовало надо всѣмъ: надъ голосомъ сердца и надъ доводами ума. Въ восторгѣ ли вы отъ своего подвига? Зачѣмъ я пишу вамъ? Конечно, для того, чтобы вы мнѣ отвѣтили: хочу дать вамъ еще одну возможность одуматься. У женщинъ всегда сердце умнѣе разсудка; можетъ быть, оно и васъ просвѣтитъ наконецъ. Можетъ быть, тоскующій голосъ сердца дойдетъ до упрямой головки... Вѣдь оно тоскуетъ, не правда ли? Мнѣ вы не вѣрили; повѣрьте же собственному сердцу, что вы меня любите, а не вашу ребяческую грѣзу! Въ концѣ концовъ, я доверенъ, что вы уѣхали; мой лучший союзникъ и здѣсь, какъ всегда и во всемъ, это опытъ. Вамъ онъ необходимъ. Вы очень умны, прелестная Marie, но въ то же время вы наивны, какъ—простите меня!—какъ ученая женщина. Книги заслоняютъ отъ васъ жизнь. Вашъ умъ затемненъ абстракціями, мозгъ такъ обремененъ тонкими и искуснѣйшими опредѣленіями, что все это мѣшаетъ вамъ разобраться въ живой дѣйствительности! Позвольте, это не такъ дерзко, какъ вамъ, безъ сомнѣнія, кажется: всему виною женская добросовѣстность. Вы еще не научились быть шарлатанами; вы еще преисполнены неподдѣльнаго благоговѣнія передъ всѣмъ тѣмъ, чему мы давно уже поклоняемся только изъ приличія или изъ расчета. Напримѣръ, всѣ мы учимся, но мы отнюдь не священнодѣйствуемъ. Мы пропускаемъ науку черезъ свою голову, не позволяя ей засѣть въ нашемъ мозгу настолько, чтобы стѣснять его естественныя функціи. Не возмущайтесь, пожалуйста; вы вѣдь знаете, что я оригинальный профессоръ: я всегда предпочиталъ лѣнивыхъ студентовъ черезъ-чуръ прилежнымъ. Вы безотрадно прилежны, mademoiselle Marie! Я очень опасаюсь, что изъ всей своей жизни вы сдѣлаете нѣчто похожее на одинъ длинный и трудный урокъ. Это было бы жаль! Вы созданы изъ такихъ прекрасныхъ, чистыхъ матеріаловъ, безъ примѣсей и фальсификацій, что изъ васъ могло бы выйти нѣчто крупное. Неужели изъ васъ выйдетъ только вѣрная супруга купца Б., поставившая своимъ девизомъ: *Je tiens ma parole, quoique j'en meure?*

„Не сердитесь на меня, пожалуйста. Лучше шутить, чѣмъ упрекать; лучше смѣяться, чѣмъ плакать. У насъ темно и пусто

безъ васъ. Мнѣ не съ кѣмъ спорить, некого „травить“, какъ вы любите говорить. Вернитесь, вернитесь же, дикая упряница! я беру на себя всѣ заботы о вашемъ устройствѣ здѣсь. Франçoise прочла мнѣ ваше письмо. Напишите мнѣ правду: ложь съ благородными цѣлями все-таки остается ложью. Я большой циникъ, какъ вы увѣряете, но я никогда не лгу. Это вы должны признать. О, еслибъ только я захотѣлъ лгать! Можетъ быть, тогда вы и не убѣждали бы отъ меня?..

„Подумайте надъ этимъ“.

VII.

Мельница Бѣлоусовская съ годъ будетъ какъ пущена, а усадьба при ней все еще стоитъ недостроенная. Горячо принялся Вася за постройки; городской домъ и усадьбу въ одну весну заложилъ, никого слушать не хотѣлъ. Пробовали старики, отцовы товарищи, вразумлять молодца, что такъ путевые хозяева не дѣлаютъ: строиться надо подумавши, а не то чтобъ на два конца тянуться; городской домино и одинъ-то въ копѣечку станетъ, коли со всякими новомодными затѣями; затѣмъ ему на Волпѣ такая усадьба понадобилась?

Своя воля,—кто его удержитъ! Упрямя, ужъ сказано. Только всего и говорятъ, что упрямя не въ мѣру молодой Бѣлоусовъ, да упрямецъ иной разъ того натворить, чего и злодѣй, пожалуй, поостережется. Строился себѣ Бѣлоусовъ. Денегъ не жалѣлъ, ночей не досыпалъ, все на работахъ пропадалъ. Со всей округи мастеровыхъ къ себѣ перетянулъ и все еще ему недовольно скоро подвигается; осень не осень, снѣга не снѣга, задержки чтобъ не было. За цѣной не стоитъ, расходовъ не жалѣеть, да еще водкой рабочихъ своихъ, знай, подбадриваетъ; на видъ поглядѣть, кажется, они изъ кожи лѣзутъ угодить ему, ну, а на повѣрку—нѣтъ-нѣтъ и окажется на чемъ-нибудь, что работа не праздникъ.

Только вдругъ—наскучила что-ли Васѣ возня эта—охладѣлъ онъ разомъ къ своимъ затѣямъ. Съ мельницей заминки не вышло; она какъ разъ въ сроку поспѣла и заработала на славу; а усадьбу еле-еле подъ крышу подвели и бросили. Для себя Бѣлоусовъ впередъ всего флигелекъ выстроилъ въ три комнатки, да такъ вотъ и живетъ въ немъ съ тѣхъ поръ. Садъ разводить принялся. На четырехъ десятинахъ каменной оградой обнесъ, садовниковъ изъ Риги выписалъ; аллеи длинныя-предлинныя разбили, лужайки мелкой травой засѣяли, дорожки кирпичемъ утрамбовали, парники и тепличку устроили. Цѣлую весну Вася въ саду пропадалъ.

Рано утромъ Бѣлоусовъ пилъ чай на крылечкѣ своего флигеля, поставивъ стаканъ тутъ же на ступенькахъ. Свѣжее, росистое утро задернуло бѣлой дымкой даль за рѣкой. Было еще очень рано, когда Вася вышелъ на крылечко; ничего разглядѣть нельзя было, а теперъ завѣса какъ будто подтаяла и отодвигалась все дальше. Лѣсная опушка проступала на горизонтѣ неровными пятнами, а село Рыбачье наконецъ и все изъ-подъ нея на солнышко выползло. Крестъ церковный горитъ, точно звѣздочка въ небѣ. Луга побережные будто молокомъ политы, и не угадаешь, что крошечныя темныя точки на нихъ—это группы босцовъ...

Вася, прищурившись, смотрѣлъ за рѣчку, и его сумрачное лицо стало проясняться. На немъ помятый парусинный пиджакъ, изъ-подъ котораго выглядываетъ пестрое шитье рубашки Зиновкина рукодѣля. Густая шапка волосъ еще не просохла послѣ опрокинутого на голову кувшина холодной воды и кажется поэтому темнѣе обыкновеннаго. Молодость беретъ свое; бессонныя ночи и душевная тревога не вовсе согнали румянецъ съ Васиныхъ щекъ; только сухой жаръ въ глазахъ дѣлаетъ ихъ блестяще и темнѣе. Не послушался Вася Варвары Антиповны, не былъ онъ вовсе въ монастырѣ, а такъ вотъ и сидитъ третій день безвыѣздно у себя на мельницѣ.

Тутъ, на крылечкѣ, любимое мѣсто молодого хозяина; упрется локтями въ колѣни, подопретъ руками кудрявую голову и смотреть въ широкую, неоглядную даль.

Двое подростковъ, поденщики садовника, носятъ мимо него куда-то сѣянную землю на рогожныхъ носилкахъ. Вася поворачиваетъ голову и смотритъ на черный слѣдъ, который они оставляютъ за собою на красноватой дорожкѣ. „Носилки провалились“, думаетъ онъ, но ничего не говоритъ, а только каждый разъ съ любопытствомъ посмотреть, сыплется ли земля. Съ мельницы доносится глухой шумъ. Жаворонки заливаются въ синемъ небѣ.

— Василій Васильичъ, къ вамъ опять этотъ лохматый пришелъ, — раздался неожиданно голосъ молодого привазчика, Васянаго любимца, Антоши.

Онъ, не торопясь, подошелъ въ шапкѣ, надѣтой съ затылка и перепачканной мукой, и прислонился фамилиарно плечомъ къ тонкой колонкѣ крылечка.

— А-а, Михѣй! гдѣ же онъ? — оживился Бѣлоусовъ и поспѣшно опрокинулъ себѣ въ горло остатки давно простывшаго чая.

— Съ отцомъ задержался на мельницѣ... Неужто такъ это

все и будетъ, какъ они толкуютъ? пустите ихъ только въ перелѣски хозяйничать!..

Антоша грубо ронялъ слова и сердито водилъ глазами по всей фигурѣ хозяина.

— Отчего не пустить, коли людямъ дѣваться некуда, — отвѣтилъ тотъ сповойно.

— Собирайте ужъ за-одно всѣхъ, кому дѣваться некуда — за что жъ однимъ пустишинскимъ пьяницамъ такой почетъ!

— Всѣхъ не соберешь! — усмѣхнулся примирительно Бѣлоусовъ. — Ну, чего дуешься? намъ же порубки выкорчуютъ, поле раздѣлаютъ.

— „Намъ же“ — ждите! — передразнилъ его Антоша въ жару негодованія. — Только разъ пустите, а ужъ выжить-то наврядъ удастся.

— Да и незачѣмъ выживать. Экая жадность у васъ у всѣхъ, завидушая! Ну, чего тебѣ-то жалко, скажи на милость?

— Того и жалко, что обираютъ васъ со всѣхъ сторонъ. Небось, переселенцы-то ваши хороши оказались? Не говорили вамъ тогда? далеко на ваши денежки уѣхали? А слушать, небось, не любите!

— И то слушаю напрасно всякій вздоръ! — дѣла-то у тебя нѣту, видно, сегодня? или праздникъ?! — прикрикнулъ вдругъ Бѣлоусовъ хозяйскимъ окрикомъ и сердито поднялся съ своего мѣста.

Терпѣть онъ не могъ, когда ему напоминали про переселенцевъ.

Антоша поправилъ шапку на головѣ и, бормоча себѣ подъ носъ, зашагалъ назадъ къ мельницѣ. Вася, нахмурившись, стоялъ и смотрѣлъ на подходившаго Михѣя. Тотъ издали снялъ шапку и поклонился два раза полнымъ пояснымъ поклономъ, встряхивая густой шапкой курчавыхъ волосъ съ просѣдью.

— Ну, что? сладились? — перебилъ нетерпѣливо Бѣлоусовъ его длинное привѣтствіе.

— Да какъ бы не сладиться — сладиться всегда можно, Василій Васильичъ, кабы только народъ былъ сообразный. Сами вы знаете, какая это семья Круповыхъ. У вдовой сестры парнишка въ лѣта не вошелъ настоящія — какой онъ будетъ работникъ, сами, Василій Васильичъ, посудите. Никавъ этакъ невозможно...

Вася вдругъ сильно покраснѣлъ и повелительнымъ жестомъ остановилъ его на полусловѣ:

— А-а-а! да ты, я вижу, пріятель, все олятъ съ тѣмъ же бо мнѣ явился? Тебѣ что въ послѣдній разъ было сказано?

Михѣй попытался.

— Да я всей душой, Василий Васильичъ, вотъ какъ передъ Господомъ Богомъ! Я глотку надорвалъ, кричавши съ ними, под-
лецами?—ударялъ онъ себя патетически кулакомъ въ грудь.

— Ну, и проваливай, и второй разъ себѣ глотку надорви, а во мнѣ не лѣзь попусту!—кричалъ Вася.—Не пущу я тебя одного съ бабой въ Перелѣски, а твоего жулика Серегу Косого и вовсе не пущу! Слыхалъ, что-ли? Я вѣдь и безъ тебя живо наберу, коли только самъ за дѣло возьмусь! У меня выселокъ въ одну недѣлю поспѣетъ безъ тебя! Ты только смутьянишь да народъ мнѣ сбиваешь!

Сладенькое лицо Михѣя разомъ сдѣлалось какъ будто худо-
щавѣе и осмысленнѣе.

— На все ваша воля, Василий Васильичъ... Вы нашъ благо-
дѣтель...

— Врешь! не благодѣтель я тебѣ!—кричалъ запальчиво Бѣло-
усовъ.—Мнѣ выселокъ нуженъ, я порубки раздѣлывать хочу! Коли ты въ богадельню собрался, такъ въ другое мѣсто ступай. Мнѣ не лѣнтя нужны, какъ ты съ Серегой, а работники на совѣсть! Мнѣ бабъ да ребятишекъ вашихъ жалко — не знаю я, что-ли, что ты первый пьяница?! Тебя-то и засадить въ высе-
локъ, покамѣстъ еще кабаковъ не завели!

Вася стремительно шагаль взадъ и впередъ по площадкѣ пе-
редъ крыльцомъ. Повернувшись опять лицомъ къ мельницѣ, онъ вдругъ увидалъ въ концѣ дороги женскую фигуру въ темномъ
платѣ и черной шляпѣ съ сѣрымъ вуалемъ.

— Маша!—вылетѣло изъ его груди. Онъ бросился на встрѣчу. Черезъ каждые нѣсколько шаговъ онъ принимался бѣжать не-
скоро и некрасиво, какъ бѣгаютъ взрослые люди, потомъ, будто опомнившись, шелъ тише, натягивая все время воротникъ пид-
жака, у котораго были оборваны наверху пуговицы. Чтобы не
дѣлать лишнихъ десяти шаговъ на мостикъ, онъ перескочилъ глу-
бокую канаву и очутился наконецъ передъ неожиданной гостьей.

— Хорошъ, хорошъ! — кричала ему издали Маша: — глазъ
не кажетъ! спрятался! Тетя Варя со страху меня разыскивать
послала.

Вася, не отвѣчая, сжималъ ей неистово руки и какъ-то му-
чительно улыбался, будто не вѣря еще собственнымъ глазамъ.

— Не знаю, гдѣ искать, спросить не у кого — наконецъ
слышу: ховяйскій голосъ кого-то разноситъ въ пухъ и прахъ!
Господинъ помѣщикъ!..

— Да, да! тутъ одинъ... Михѣй... безтолковъ ужасно и про-

дувной.. Впрочемъ, ты вѣдь не знаешь, это мой выселокъ! Я... я вовсе не разносилъ его!—путался все больше Вася, задѣтый какой-то едва уловимой ноткой въ ея голосѣ.

— Слыхала—говору вѣдь, что слыхала!

— Да чтѣ слыхала-то?—вспыхнулъ онъ.—Я бьюсь, другой бы плюнулъ на нихъ давно!.. За всякую подачку въ ногахъ валяются, а тутъ прогадать бояться... смѣхъ просто! Будто своего подѣлать не могутъ...

Онъ замолчалъ, вспомнивъ, что она не знаетъ, о чемъ рѣчь. Досада на то, что Маша слышала, какъ онъ кричалъ, овладѣвала имъ все сильнѣе.

Маша внимательно слушала, бросая въ то же время любопытные взгляды по сторонамъ, и шла по дорогѣ твердой и ровной походкой человѣка, привычнаго въ ходьбѣ.

— Какой это выселокъ? на твоей землѣ?—спросила она.

— Расскажу какъ-нибудь... не стоитъ! Какъ же это ты сюда прѣѣхала... одна? Отчего не прислали за мной, коли Варвара Анисимовна беспокоилась?..

— Захотѣлось мельницу твою посмотреть... Что-то вѣдь не слыхатъ приглашеній отъ любезнаго хозяина! (Маша мелькомъ захватила и его своимъ взглядомъ.) Ты не зналъ, что беспокоятся?—договорила она какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ.

— Что-жъ!.. два дня...—выговорилъ онъ севозъ зубы и смотрѣлъ въ сторону.

— Вотъ и я говорю: мало ли чтѣ дѣловаго человѣка на два дня задержать можетъ? А тетя Варя — ужасно она безъ меня романическая стала!—не шутя боялась, вѣжется, какъ бы ты въ омутъ мельничный не винулся...

— Ты бы успокоила ее: бросишься—такъ тутъ же знать дадутъ. Мало ли приказчиковъ?—хочешь не хочешь, весь Солянскъ черезъ часъ знать будетъ.

Вася повернулъ поблѣднѣвшее лицо и посмотрѣлъ ей въ глаза. Она усмѣхнулась дрогнувшими губами.

— Еще бы нѣтъ! А еще я подумала—проститься-то передъ смертью вѣрно захочется. Кто въ омутъ кидается, тому найдется чтѣ связать.

Они замолчали. Молча дошли до моста и вошли въ садъ.

— Гдѣ же, однако, палаты твои? — заговорила опять она первая.—Столько я наслушалась, что для меня ты и здѣсь, и въ городѣ какіе-то дворцы возводишь—дай хоть полюбоваться! Пусть меня не даромъ попрекаютъ ими.

— Не для попрековъ строилъ. Какія палаты? — вонъ онъ, домъ недостроенный... Съ дороги видно.

Вася махнулъ головой, не оглядываясь на домъ, бѣгвѣвшій свѣжими бревнами изъ-за старыхъ деревьевъ. Не поднимая глазъ, онъ слѣдилъ за собственными шагами по новой, неукатанной еще дорожкѣ.

...Господи, воля твоя... вотъ и пришла! Сама пришла, безъ зова... Такъ ли ему встрѣчать ее? такъ ли имъ разговаривать?! Каждый день это повторялось, съ самаго ея приѣзда. Послѣ каждаго свиданія онъ горько каялся и обвинялъ себя; каждый день рвался къ ней, въ надеждѣ, что „отойдетъ сердце“, почувствуетъ онъ наконецъ свое счастье, ощутить ту близость къ ней, въ которой не усомнился ни разу, когда не видалъ ее годами...

„Что дальше—то хуже!“ проносилось въ смятеніи въ его умѣ. Онъ уже чувствовалъ себя „на дыбахъ“, какъ говорить старуха, но вмѣстѣ съ тѣмъ росло жуткое, хоть и смутное сознаніе опасности. Когда онъ завидѣлъ Машу такъ неожиданно, пока летѣлъ къ ней навстрѣчу, не слыша земли подъ ногами, онъ чувствовалъ только внезапную, захватывающую радость. Но одна фраза ея, первый звукъ голоса, къ которому онъ—вотъ уже недѣля—не можетъ привыкнуть—и радость превратилась въ то новое, ждкое ощущеніе, для котораго нѣтъ имени. Глазъ-на-глазъ не миновать разговора. „Трушу!“—подумалъ вдругъ отчетливо Вася и сейчасъ же строптивымъ движеніемъ повернулся въ ея сторону.

— Вонъ палаты мои,—видишь?.. Избушка на курьихъ ножкахъ! Тутъ вотъ и живу,—проговорилъ онъ съ внезапной развязностью, сдернулъ съ головы легкую фуражку и помахалъ ею на флигель. Вѣтеръ съ рѣвки приятно обвѣялъ его горячую голову.

— Что же ты тутъ дѣлаешь? Развѣ ты самъ завѣдуешь мельницей?—подхватила поспѣшно, какъ будто обрадовавшись, Маша.

— Муку-то, что-ли, самъ ли мелю?—усмѣхнулся онъ невольно.

— А воли и муки не мелешь, и дома не строишь, такъ я не понимаю, что же тебѣ дѣлать здѣсь?!—засмѣялась она чуть-чуть дѣланнмъ, но милымъ смѣхомъ человѣка, который рѣшается во что бы то ни стало разговорить своего собесѣдника.

— Дѣлать-то? да прямо сказать — нечего! а въ городѣ и того меньше. Такъ жить, какъ мы, богатые купцы, живемъ,—себя только тѣшимъ, будто дѣло дѣлаемъ.

Лицо Васи вдругъ сдѣлалось спокойнымъ и серьезнымъ. Онъ, не торопясь, задумчивымъ движеніемъ натянулъ на голову фуражку и вздохнулъ.

Маша смотрѣла на него съ любопытствомъ, схватившись губами за листокъ липовой вѣтви, которую несла въ рукавъ.

— Зачѣмъ скромничаешь? ты вѣдь, помнится, весь Солянскъ привелъ въ изумленіе своей энергіей?

— Какъ же! Дѣло все на себя принялъ, сестру выдѣлилъ, дядьямъ въ два года долгъ выплатилъ, а лѣтъ черезъ пять, пожалуй, богаче отца буду... то ли не молодецъ!—Она съ удивленіемъ прислушивалась къ горькой ноткѣ въ его голосѣ.

— Я безъ палатъ обошлась бы, не для чего было разорваться,—вставила она.

Вася быстро обернулся и сверху внизъ охватилъ ее всю блеснувшимъ взглядомъ.

— Тебя ждалъ!.. тебя принимать готовился!.. сорвалось негромко и точно невольно съ его губъ.

Она отбросила въ сторону вѣтву и смотрѣла, какъ она падала въ траву.

— Мнѣ никакихъ палатъ не надобно, ты это знаешь,—сказала она, помолчавъ.

— А мнѣ развѣ нужно? видишь сама — достроить не могу!

Они опять замолчали и дошли такъ до флигеля. Гостья присѣла тутъ же, на ступенькахъ. Хозяинъ разсѣянно посмотрѣлъ на свой забытый пустой стаканъ съ кускомъ оставшейся булки, взглянулъ въ открытую дверь, изъ которой виднѣлся беспорядокъ неубранной комнаты съ потухшимъ самоваромъ. Еслибъ часъ назадъ онъ зналъ о пріѣздѣ Маши, ему казалось бы невозможнымъ принимать ее такимъ образомъ. Теперь ему было все равно. Онъ остановился сбоку лѣсенки, тяжело облокотился на балюстраду изъ вырѣзныхъ досочекъ и смотрѣлъ черезъ нее на Машу. Она сняла шляпку и передвинулась отъ солнца въ тѣнистый уголокъ. Съ лица ея не сходило напряженное, беспокойное выраженіе.

По мѣрѣ того, какъ Вася привыкалъ къ ея измѣнившемуся облику, онъ терялъ способность по первому желанію вызывать въ своей памяти тотъ—другой, юный, несложившійся образъ, который жилъ въ сердцѣ съ такой поразительной жизненностью. Хочетъ припомнить, какъ бывало — и не можетъ!.. Два образа спутываются, сливаются въ одно... Поздоровѣвшая, похорошѣвшая, увѣренная и загадочная новая Маша вытѣсняетъ тоненькую дѣвочку съ тяжелой темной косой, съ порывистыми движеніями. Та блѣднѣетъ, ускользаетъ, какъ убѣгающая тѣнь. Вася каждый день разсматриваетъ фотографическую карточку, снятую передъ ея отъѣздомъ за границу, но и это не помогаетъ, а прежде

взгляда одного на эту карточку было достаточно для того, чтобы онъ видѣлъ ее передъ собою, какъ живую.

И каждый разъ, какъ они видѣлись, Васю мучило это странное, двойственное ощущение: бессознательное усиліе уловить что-то другое, несуществующее, въ томъ, что было передъ глазами. Онъ могъ бы, кажется, цѣлыми часами молча созерцать ее, потерявшись въ своихъ не то мысляхъ, не то ощущенияхъ...

— Расскажи, пожалуйста, что это у тебя за выселокъ?—спросила Маша,

— Нечего пока рассказывать-то,—отвѣтилъ онъ нѣхотя:—порубки раздѣлывать надо, хотѣлъ пустить нѣсколько семей поляновцевъ... Въ конецъ обнищали. У себя въ обществѣ имъ и во вѣкъ не подняться — ну, на готовомъ обзаведеніи на вольной землѣ, коли работать хотять, опять стануть людьми...

— Что-жъ ты это такъ уныло рассказываешь?! вѣдь это же хорошее дѣло, Вася?—воскликнула она съ удивленіемъ и пододвинулась къ нему ближе.

— Да вотъ не ладится.

— Отчего?

— Не умѣю, стало быть! Дѣлать, такъ не для тѣхъ же, кто и безъ меня проживетъ! Набивается много заправскихъ хозяевъ, стоящихъ, а голъ моя только галдитъ да переверорается, ничего не видя. Говорю — прогадать бояться! Какъ бы неравно купецъ Вѣлюсовъ ихъ не обсчиталъ на чемъ-нибудь! Михѣй попался первымъ и считаетъ себя какъ за хозяина... Прогнать его давно пора, да выйдегъ, будто по губамъ только смазали... Все жалѣешь ихъ, дураковъ, попусту!

Онъ говорилъ сердито, не глядя.

Маша, пользуясь этимъ, разглядывала его недоумѣвающими, повеселѣвшими глазами.

— Вотъ ты чѣмъ тутъ занимаешься!—протянула она задумчиво.—Не даромъ землю купилъ.

— Купилъ, чтобы мельницу ставить,—не лежать же собакой на снѣгъ?!—загорячился онъ почему-то. Да что, мало тутъ хотѣнья моего! Взяться по настоящему не знаешь какъ, хоть кланяйся людямъ: придите! научите дурака! Имъ въ книжкахъ писать просто, тамъ какъ по маслу все идетъ. А вотъ съ Михѣями нашими повоюйтесь-ка, да тогда образцовыя колоніи и расписывайте! А то соберутся господа дворяне въ мужиковъ играть...

— Да, да! и знаешь—это вѣдь только у насъ!—перебила горячо Маша.—Въ Европѣ не встрѣтишь такихъ чисто пробныхъ умеченій. Тамъ каждый откровенно о себѣ думаетъ и любить

свое дѣло какъ часть себя. Эгоисты они откровенные, сознательные. Такъ надежныѣ. Никто не считаетъ себя обязаннымъ жертвовать другому, но зато и за собою никто не признаетъ права бросить начатое дѣло, фантазировать сегодня такъ, а завтра иначе. Тамъ людей обязываютъ ихъ убѣжденія, а мы... мы весь вѣкъ ихъ въ себѣ упорядочить не умѣемъ!.. Славянская ширь...

Маша порывисто встала и сошла съ крылечка.

— Погуляемъ хоть по саду... Что-жъ все тутъ сидѣть!

Она пошла впередъ. Вася шелъ сзади и смотрѣлъ, какъ она шла, твердо и красиво, чуть-чуть раскачиваясь стройнымъ станомъ и наклонивъ голову съ спускавшейся низко по шеѣ темной грядкой кудрявыхъ завитковъ. Отчего она вдругъ такъ загорячилась? къ кому относилось обвиненіе, сорвавшееся съ ея губъ?..

— Вонъ твой выселокъ еще и на свѣтъ не народился, а ты уже плачешься и на собственную неумѣлость, и на Михѣя; ты уже говоришь о выселкѣ унылымъ тономъ, ты въ него не вѣришь, въ сущности, скажи-ка по совѣсти?

Она оглянулась на него иронически черезъ плечо.

— Мы только отъ того въ уныніе не приходимъ, что сегодня задумано, а завтра сдѣлано: тяпъ да ляпъ и чтобъ вышелъ корабль! Вонъ, домъ достроить, чего ужъ легче, а у тебя и на это терпѣнья не хватило...

— Н-ну! на терпѣнье мое, кажется, ужъ не тебѣ бы жаловаться, Марья Ильинишна!—усмѣхнулся Бѣлоусовъ.—Дома не достроилъ? Увидѣлъ, что пустая затѣя—не къ чему онъ тутъ! Чѣмъ въ него еще новыя тысячи всаживать, пускай же его лучше на избы для выселка разберутъ.

У Маши опять заблестѣли глаза.

— Да выселокъ-то вѣдь не „ладится“? Съ Михѣемъ-то теперь какъ же у насъ будетъ? а?

Она умѣрила шаги, чтобы поровняться съ нимъ, и, усмѣхаясь, смотрѣла въ его недовольное лицо.

Эта подзадоривающая, насмѣшливая усмѣшка, этотъ „допросъ“ вдругъ живо напомнили прошлое... Такъ онъ и называлъ это бывало: „къ допросу явиться“.

— Тебѣ только проговорись—ужъ ты притянешь къ Иисусу!..—разсмѣялся онъ радостно, несдержанно-громко вырвавшимся голосомъ.

..Господи!.. Мелькаетъ... будто прорывается что-то прежнее, милое... точно дразнить!.. Ему какъ хмель ударило въ голову. Онъ круто остановился поперекъ дороги, такъ что она не могла идти дальше.

— Меня допросить не долго!.. Мнѣ тайтъ отъ тебя нечего!!
А вотъ ты... ты когда же, наконецъ, будешь говорить со мною
по настоящему??

Онъ схватилъ ее за обѣ руки и смотрѣлъ ей въ лицо.

— Да и безъ того я одна только разговариваю цѣлую не-
дѣлю!.. ты развѣ не замѣтилъ?..—она отклонила отъ него и
потянула руки.

— А-а... такъ!.. пусть же—не надо! не надо!..

Онъ круто повернулся и пошелъ назадъ къ флигелю.

VIII.

Нѣсколько минутъ Маша простояла тамъ, гдѣ онъ ее оста-
вилъ, передъ какой-то недоузданной клумбой.

Сердце мучительно сжималось, но боль эту пересиливало
какое-то странное, напряженное чувство непроизвольнаго, почти
физическаго отпора всего существа. Когда его синіе глаза свѣт-
лѣли и загорались, а лицо искажалось отъ волненія, ей хотѣ-
лось одного только: закрыть глаза и убѣжать.

Маша тяжело дышала и нервно ерошила свои густые волосы.
За этимъ ли пріѣхала?.. Нарочно пріѣхала, чтобы переговорить,
чтобы наладить настоящій, дружескій и ласковый тонъ... Не мо-
гутъ же они, наконецъ, быть такъ другъ съ другомъ!.. Что это
будетъ? Какъ съ нимъ говорить?.. И всего-то они только и дѣ-
лаютъ, что прячутся другъ отъ друга, выбиться не могутъ изъ
какого-то заколдованнаго круга. Какая нелѣпость! Ну, и по-
ссорились бы разъ, наговорили бы другъ другу... не во сто ли
разъ лучше?!.. Куда онъ убѣжалъ?

Она и понимала, что ей надо не стоять надъ этой клумбой, а
пойти за нимъ, и боялась. Почувствовала вдругъ совершенно от-
четливо, что это боязнь, а не что-нибудь другое.

Маша скрипнула зубами въ отчаяніи. Слезы обожгли глаза.
Она быстро, гнѣвно смахнула ихъ, но это ощущеніе мокрыхъ
глазъ сдѣлало ее совсѣмъ въ конецъ несчастной... Она сѣла на
тачку съ пескомъ и поспѣшно начала подбирать, что она ска-
жетъ Васѣ, для того, чтобы положить конецъ нелѣпымъ отноше-
ніямъ. И сегодня же, непременно сегодня, безъ этого не уѣдетъ
отсюда. Но мысли какъ-то странно не вязались, ускользали...
Оттого ли, что она такъ спѣшила и во что бы то ни стало хо-
тѣла всѣ ихъ сразу найти, запомнить и тутъ же, не позволяя
себѣ откладывать, разыскать Васю, гдѣ бы онъ ни былъ, и вы-

сказать все, все до конца, или оттого, что всё эти нужныя, важныя, необходимыя мысли въ сущности были для нея безразличны въ эту минуту, а мучило и поглощало только одно: стыдъ, что ее могло связывать такое чувство...

— Марья Ильинишна!.. Марья Ильинишна!—заставилъ ее наконецъ очнуться мужской голосъ.

Маша испуганно вскочила на ноги. Она не узнавала голоса, хотя и знакомаго... Кто это?.. Не онъ только... Эта увѣренность разомъ успокоила ее; она безотчетно обрадовалась и быстро пошла на голосъ.

Вотъ на поворотѣ показалась низенькая фигурка Федора Ивановича въ новой влѣтчатой парѣ.

— За вами посланцемъ въ догонку являюсь, прекрасная моя барышня! Не нашлось быстроногаго Меркурія, такъ и старикашка пригодился! Что это вы тутъ одна прогуливаетесь, королева моя? Полагалъ такъ, что хозяинъ молодой владѣнія вамъ будущія показываетъ, а вмѣсто того въ одиночествѣ застаю!.. а?.. Не порядокъ-съ это, нѣтъ, ужъ извините!..

Федоръ Ивановичъ докатился до Маши своей смѣшной, ковыляющей походкой лѣвымъ плечомъ впередъ и снялъ фуражку, чтобы обтерѣть мокрымъ лобъ. Маша очень ему обрадовалась.

— Вотъ это мило! это по-дружески съ вашей стороны!—увѣряла она, горячо потрясая его потную руку.

Федоръ Ивановичъ не совсѣмъ понималъ, за что она благодарить его и почему онъ вдругъ сталъ такъ милъ ей, но ему было тѣмъ не менѣе необыкновенно пріятно. Онъ галантно расшаркивался и увѣрялъ, что благодарить не за что, потому что онъ всегда радъ быть полезнымъ.

— Гости у васъ были, Марья Ильинишна, вотъ вѣдь дѣлота въ чемъ,—пояснилъ онъ.—Зинаида Васильевна съ супругомъ. Варвара Антиповна обнадежили ихъ, что вы скоро вернетесь и не откажетесь у нихъ откушать... Затѣмъ собственно и пожаловали, чтобы пригласить. Варвара Антиповна, какъ водится, уклонила, а за васъ принуждена была слово дать... Только всего и сказано, что нѣтъ васъ дома; про визитъ вашъ сюда—понимаете—ни гу-гу! Тонкая политика! Въ тотъ же мигъ меня, раба божьяго, въ догонку... Не одна, стало быть, а со старымъ своимъ учителемъ съ прогулки въ жениху заѣхала. Вы, голубушка, Марья Ильинишна, не сердитесь и не смѣйтесь надъ нашей старушкой. Для васъ оно, конечно, темные предрассудки и ничего больше, да только въ провинціи глухихъ людей и длинныхъ языковъ черезъ-чуръ достаточно!

Маша не сердилась. Она равнодушно выслушала всё эти подробности и поняла одно: что ей предстоит еще обѣдать въ гостяхъ и, разумѣется, вмѣстѣ съ Васей. Ѳедоръ Иванычъ торопиль ѣхать, чтобы не опоздать. Вѣдь ей, само собой, туалетъ совершать придется и все такое... Онъ вызвался разыскать Блюсова; на мельницѣ онъ какъ у себя дома.

Ѳедоръ Иванычъ ушелъ, обливаясь потомъ; онъ задыхался отъ одышки, но почему-то скрывалъ это и для того на-людяхъ ходилъ всегда черезъ силу скоро. Вдругъ съ полъ-дороги Ѳедоръ Иванычъ неожиданно вернулся назадъ.

— Позабылъ совсѣмъ! Письмецо вамъ есть! Я захватилъ штати... Встрѣтился съ почтальономъ за воротами: зачѣмъ, думаю, человѣку во дворъ еще напрасно заходить? Вотъ-съ, получите въ цѣлости и сохранности!

Ѳедоръ Иванычъ вынулъ письмо изъ бокового кармана и торжественно вложилъ въ ея руку.

„Тетя не видала...“ пронеслось молніей въ умъ Маши. Но вслѣдъ затѣмъ она почувствовала съ негодованіемъ, что краснѣеть, хотѣла что-то сказать, что разсѣяло бы эту нелѣпость, подняла глаза и увидала въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою Васю.

Его взглядъ переходилъ съ письма на ея лицо. Она могла бы видѣть, какъ краски быстро сбѣгали съ его лица, но она не видала ничего, кромѣ синеватаго конверта, на который всё смотрять, пока не почувствовала такого прилива возмущенія, что онъ разомъ освободилъ ее отъ смутнаго и мучительнаго ощущенія.

— Ты не знаешь? Торжественное приглашеніе отъ господъ Позвоноквыхъ!—крикнула она звонко Васѣ.—Былъ прекрасный случай отказаться, благо меня дома не случилось, но тетя Варя сочла нужнымъ послать гонца!.. Она считаетъ, что мнѣ, какъ соливанскимъ дѣвицамъ, неприлично выходить изъ дому безъ провожатаго... Можетъ быть, вы согласитесь сопровождать меня ко всѣмъ моимъ паціентамъ?—сказала она, повернувшись насмѣшливо къ старику.

— Нѣтъ-съ, ужъ относительно паціентовъ вы съ законнымъ супругомъ раздѣлываться будете, Марья Ильинишна! тогда всё власти земныя отъ васъ отступятся!—хохоталъ онъ, въ надеждѣ разсѣять этимъ какую-то неурловимую недовкость.

— Я отъ властей давно отвыкла. Сколько лѣтъ одного только и боялась: какъ бы мнѣ на экзаменѣ не провалиться.

...„Дразнить!“ думалъ Вася. У него какъ-то несносно дрожало въ груди и ломило затылокъ.

— А ты получилъ приглашеніе?—спросила его Маша и посмотрѣла ему въ глаза.

Она больше не боялась его, но чувствовала себя на скользкой почвѣ, когда трудно управлять своими движеніями.

— Какъ это вы спрашиваете, право!—предупредилъ Ѳедоръ Ивановичъ его отвѣтъ.—Всѣ вмѣстѣ сейчасъ и отправимся; мѣшкать-то некогда!

— Отчего ты письма не читаешь? или не интересно?—выговорилъ глухо Бѣлоусовъ.

— Разумѣется, страшно интересно! Сейчасъ прочитаю, ужъ вы извините за невѣжество. А ты развѣ переодѣваться не станешь?

— Нѣтъ.

— Господь съ вами, батюшка, на обѣдъ, да въ пиджакѣ такомъ? Что нынче за молодые люди стали, понять нельзя! Передъ невѣстой въ такомъ видѣ щеголяетъ, да еще и въ гости собирается... Ай-ай-ай!.. Къ тому же Марья Ильинишна за границей-то привыкла! Тамъ вѣдь во фракъ къ обѣду наряжаются! О чемъ вы только, батюшка, думаете?

Ѳедоръ Ивановичъ нѣжно обнималъ Васю за плечи, а ласкающій голосъ его умолялъ кончить все это скорѣе.

— Гдѣ ужъ намъ тягаться съ заграничными друзьями! Куда намъ, мужикамъ, съ господами да чай пить!—разсмѣялся хрипло Вася.

— Нечего этимъ вичиться!—сказала и вся вспыхнула Маша.—А впрочемъ, вольному воля!

Она пошла впередъ, быстро разорвала конвертъ, бросила его на дорожку и стала на ходу читать письмо.

Строчки прыгаютъ передъ глазами. Письмо отъ Франсуазы. Спутанное и болтливое, какъ она сама. „Mon frère, ton cher professeur“... такъ и рябятъ въ глазахъ... Но у Маши пропала охота читать. Она только летала глазами по строчкамъ, какии-то инстинктомъ пропуская все мало интересное и отыскивая сразу, гдѣ говорилось о томъ, какъ профессоръ мраченъ и раздражителенъ, какъ по милости его капризовъ Франсуаза не попала на свадьбу, какъ всѣ Машѣ кланяются и сколько у нихъ споровъ о томъ, вернется она или нѣтъ?..

...Они тамъ еще спорятъ объ этомъ!.. Всѣ ея категорическіе отказы, самый отвѣздъ ея не можетъ выбить изъ ихъ головъ, будто... будто ей надо вернуться!..

Маша съ безсильнымъ гнѣвомъ опускаетъ руки, держа недочитанный листокъ за два конца и забывая, что за нею слѣдитъ сзади пара пылающихъ глазъ.

... „Не хочеть читать на глазахъ. Видь только дѣлаеть... У себя, запершись, читать будеть“... думаетъ Вася.

— Много ли новостей, Марья Ильинишна?— крикнулъ Ѳедоръ Иванычъ.

Мама приостановилась, не торопясь сложила письмо и опустила его въ карманъ.

— Когда долго вмѣстѣ жили, тогда новостей не пишутъ, Ѳедоръ Иванычъ... Все больше пустяки, о которыхъ рассказывать нечего... Новости вѣдь и въ газетахъ можно прочитать!

Вася смотрѣлъ на нее.

„Убѣгу я когда-нибудь отъ этихъ глазъ... Сяду на поѣздъ и уѣду... къ нимъ!..“ подумала раздражительно дѣвушка и покачала, что ей нечего снять съ себя... жара такая!

Она шла, бессознательно ускоряя шаги. Ѳедоръ Иванычъ изнемогалъ, стараясь не отставать отъ нея. Вася неожиданно объявилъ, что забѣжитъ, пожалуй, во флигель надѣтъ скюртукъ, — неравно гостей тамъ назвали.

— Ну, я же вамъ говорилъ! Ступайте, ступайте, мы васъ здѣсь подождемъ!— обрадовался старикъ.

— Голубушка, Машенька, да никакъ вы поссорились?!.. — сказалъ онъ ей. — Что у насъ творится, ума не приложу! Варвара Антиповна плачетъ... При васъ крѣпится, а я все вижу... Плачетъ!..

— Боже мой... и я, можетъ быть, тоже плачу, Ѳедоръ Иванычъ! А что я дѣлаю? За что всѣ ополчаются на меня?

Густой румянецъ залилъ ей щеки. Она смотрѣла на него потерявшими блескъ, испугавшими его глазами.

— Вы старый человѣкъ, дѣтьми насъ знали. Спросите этого безумца, чего онъ хочеть?

— Чего ему хотѣтъ! боготворить онъ васъ, барышня дорогая, — душу всю въ васъ положилъ. Пять лѣтъ безъ малаго глядимъ на это!

— Да! пять лѣтъ, пять, пять! Слышу это отъ утра до ночи. И я вѣдь пять лѣтъ эти прожила, и для меня въ нихъ не меньше дней было! Вотъ что, оставимъ это, Бога ради. Не говорите объ этомъ со мною вовсе!

Мама пошла еще скорѣе, пока не дошла до своего извозчика. Онъ спалъ въ тѣни у амбара, натянувъ на голову армякъ. Развужданная лошадь ѣла сѣно, отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ и дергая телѣжку. Маша разбудила его. Ѳедоръ Иванычъ прошелъ на мельницу, разыскивая своего возницу. Изъ сада вышелъ Бѣлоусовъ и быстро зашагалъ по дорогѣ.

„Если только удастся не съ нимъ ѣхать, отложу объясненіе до завтра. Я черезъ-чуръ волнуясь сегодня“,—рѣшила Маша и тоскливо оглядывалась на мельницу.

Издали слышно было, какъ Ѳедоръ Иванычъ ругалъ извозчика. Его нельзя было дозваться изъ рабочей избы, гдѣ у него наплись пріятели и шла попойка. Онъ сердился, кричалъ, что лошадь вздохнуть не успѣла—нельзя теперь гнать обратно.

Вася подходилъ ужъ такъ близко, что можно было различить блѣдное его лицо и сдвинутыя брови. Маша неожиданно пошла тоже къ мельницѣ, но задами, чтобы не выходить на дорогу, и издали кричала, спрашивая, въ чемъ дѣло, отчего нельзя ѣхать?

Огородъ перерѣзалъ дорогу. Совѣстно показалось перелѣзть черезъ плетень, и она обошла его, попавъ въ теплое мѣсто у самой рѣки. Промочила ноги и пришла на мельницу позже Васи. Онъ бросилъ на нее бѣглый взглядъ и ничего не сказалъ.

— Мошеникъ!.. мерзавецъ!.. — кричалъ внѣ себя Ѳедоръ Иванычъ.—Уговоръ былъ обратно, не кормя!.. Я не могъ иначе ридиться, коли намъ надо въ городъ къ обѣду поспѣть! Лишній четвертакъ накинута!..

Рабочіе скрылись изъ избы при появленіи Бѣлоусова, но пьяный извозчикъ куражился. Ему не зарѣзать же лошадь за четвертакъ!

Вася приказалъ скорѣе закладывать тройку, а его лошадь выпречь и запереть въ конюшню.

— Протрезвись тутъ у меня, любезный, мы съ тобой завтра побесѣдуемъ,—объявилъ онъ опѣшившему извозчику.

— Садитесь вы въ Машину телѣжку, Ѳедоръ Иванычъ, и поѣзжайте впередъ, мы васъ обгонимъ.

Маша чувствовала только, какъ ею распоряжаются, не справляясь о согласіи. Ѳедоръ Иванычъ уѣхалъ.

— Промочила ноги? Тамъ болото,—проговорилъ неожиданно Вася, и второй разъ въ этотъ день она покраснѣла подъ его взглядомъ.

Онъ отвернулся. Она не отвѣтила, и молча они простояли на этомъ мѣстѣ передъ избою до тѣхъ поръ, пока тройка не выѣхала на дорогу. Молча усѣлись въ тарантасъ и поѣхали.

Тяжесть какая-то надвинулась на грудь и не давала дышать вольно. Всѣ обыденные, простые разговоры пропали изъ памяти. Они не могли заставить себя говорить, хоть въ этомъ молчаніи съ страшной быстротой росло что-то темное, угрожающее.

Мельница скрылась за поворотомъ. Телѣжка Ѳедора Иваныча показалась впередъ; онъ сидѣлъ бокомъ и смотрѣлъ назадъ; его

обдало пылью; онъ, улыбаясь, прокричалъ имъ что-то, помахалъ шляпой и остался позади.

— Письмо отъ того... отъ профессора?—спросилъ внезапно Вася.

— Да, отъ профессора.

— Каждый день пишеть?

— Каждый день.

За секунду Мама не знала, что она можетъ сказать это, и теперь не думала, зачѣмъ говорить ложь. Только такъ могла отвѣтить. Жесткій звукъ его голоса ударилъ по нервамъ и разомъ поднялъ ихъ.

У него гудѣло въ ухахъ, точно доносился еще издали мельничный шумъ. Пыльная дорога, плохенькій рѣдкій лѣсовъ по старымъ порубкамъ, синее небо и выпуклыя бѣлыя облака на немъ—все это сливалось въ одно смутное пестрое пятно въ его разбѣгающемся взглядѣ.

— Сватается, что-ли?.. Кому отказано, тотъ писемъ не пишеть!.. Назадъ зоветь?..

— Да, назадъ зовуть,—подтвердила безстрастно Мама.

— Не совсѣмъ, стало быть, прощались! Не на вѣкъ ѣхала!

Она медленно повернулась къ нему.

— Ни съ кѣмъ я на вѣкъ не прощалась и ни отъ чего не отрекалась! Для меня на бѣломъ свѣтѣ не ты одинъ живешь. Развѣ я скрывала мои взгляды? развѣ ты не знаешь, что я свободный человѣкъ,—рабой не буду?!

— Поважи письмо!.. Скрывать вѣдь нечего?.. дай сюда, коли такъ.

— Не дамъ!—произнесла она севозъ зубы.

— Чего боишься? Ну, сватается... въ любви изливается. А ты, вонъ, въ моей тройкѣ катишь, въ моемъ медвѣжьемъ углу вѣкъ коротать собираешься. Отчего не прочитать?.. Развяжи ты мою душу!..

Тройка неслась во весь духъ. Промельнулъ лѣсовъ, замелькали поля разноцвѣтными полосами—желтая рожь и зеленый овесъ въ перемежку.

— Не дашь?—спросилъ онъ. Мама не шевельнулась.

IX.

Зинаида Васильевна смертельно соскучилась и, скрѣпя сердце, рѣшила отбросить въ сторону самолюбіе.—Переждешь ли ихъ, коли они же еще и дуются!—объяснила она мужу, придумавъ свой импровизированный обѣдъ, что сейчасъ же и развеселило ее.

Однакожь, не желая раздражать брата, Зиночка не рѣшилась назвать гостей. Одна только сестра старика Перекупова, Анфиса Петровна, сама объявила, что придетъ, такъ что ни о какомъ приглашеніи рѣчи не могло быть. Мать Позвонкова со вторымъ сыномъ, подросткомъ Егорушкой, за гостью не могла считаться, и хоть Зиночка, по своему обыкновенію, всячески интриговала противъ свекрови, но Павлуша нарочно позвалъ ее въ пиву Бѣлову. Еще онъ привелъ своего пріятеля, молодого Селезенкова, чтобы не быть одному „противъ ихней партіи“, какъ говорилъ онъ мысленно, хоть впрочемъ держалъ себя весьма развязно.

Маша опоздала къ обѣду. Вася не зналъ, говорить или нѣтъ о томъ, что она была на мельницѣ... дорогой не до того было, не спросилъ. Ему стоило страшнаго усилія вслушиваться въ разговоры и сохранять мало-мальски привѣтливый видъ.

Анфиса Петровна, высохшая костлявая старая дѣва, не снимавшая чернаго платья со смерти матери, сидѣла на почетномъ мѣстѣ въ гостиной и степенно вела разговоръ, дѣлая видъ, что ничего не примѣчаетъ. Старуха Позвонкова сладко поддакивала ей на тему непочтительной молодежи и распущенныхъ нравовъ. Зиночка, разряженная и плакучая, то-и-дѣло вылетала въ столовую, чтобы посмотреть на часы. Она начинала не шутя трепетать, что Маша, чего добраго, вовсе не явится. Наконецъ, она не вытерпѣла и подошла къ брату.

Павлуша притиснулъ Васю совсѣмъ къ стѣнѣ, съ увлеченіемъ описывая ему, какъ вчера мирового судью знатно потрепала вороная кобыла, которую онъ наѣзжаетъ на бѣга въ губернію. Павлуша былъ страстный лошадиникъ и злорадно завидовалъ всѣмъ, кто могъ себѣ позволить дорогую потѣху. Ему богатая жена дарила лошадей только для собственной ѣзды и ни о какихъ бѣгахъ мечтать не позволяла.

— Четвертый часъ!..—проговорила Зиночка вопросительно.

— Извиниться прислали бы, еслибъ вышла отъѣзда какая-нибудь,—думать невозможно такого невѣжества!—понялъ сейчасъ же Павлуша ея мысль.

— Вѣдь ты сама, говоришь, была,—замѣтилъ сумрачно Бѣлоусовъ.

— Да говорятъ же тебѣ—дома Маши не было!—отвѣтила она нетерпѣливо.—Варвара Антиповна за нее слово дала.

— Подождемъ еще сколько-нибудь, а тамъ зови къ столу. Мало ли что случается; не держать гостей не ѣвши!

— Это прямо даже за насмѣшку принять могутъ!—пріосанился Позвонковъ.

— Кто?.. старухи твои, что-ли?—усмѣхнулся презрительно Вася.—Самъ, братецъ, виноватъ: нашелъ компанію... Анфиса Петровна тебя перваго живьемъ проглотить.

— Анфису Петровну и звать не нужно; она ужъ сама знаетъ, гдѣ ей надо быть!—позволилъ себѣ расхрабриться Селезенковъ, но для вѣрности все-таки оглянулся въ сторону дивана, не слышала ли, неравно, суровая старуха его голоса.

Старуха Позвонкова тѣмъ временемъ съ увлеченіемъ выводила какое-то отдаленное свойство Маши Нефедьевой съ губернскимъ протопопомъ. Позвонкова не могла терпѣть Машу; за кровную обиду себѣ считала, что та не явилась къ ней на поклонъ по приѣздѣ—но это своимъ чередомъ: невѣстѣ Бѣлоусова она душой рада была бы подбавить важности, коли ужъ никакъ нельзя скрыть ея бѣдности.

— Идетъ! идетъ!.. — крикнулъ вдругъ не своимъ голосомъ Егорушка, все время не отходившій отъ окна.

„Болванъ!“ послалъ ему мысленно Вася.

Въ комнатѣ разомъ стихло, и Мама вошла среди гробового молчанія. Отъ непривычки видѣть ее въ свѣтломъ платьѣ, Васѣ она показалась необыкновенно нарядной въ изящномъ, хоть и дешевенькомъ лѣтнемъ нарядѣ. Румянецъ горѣлъ во всю щеку отъ послѣднихъ сборовъ. Она заговорила громко, съ оживленіемъ захопотававшегося человѣка, извиняясь, что, кажется, опоздала.

Онъ не ждалъ такой перемены; въ его глазахъ еще стояла Мама, блѣдная и сумрачная, какъ неслись они часъ тому назадъ въ его тройкѣ. Блестящій взглядъ скользнулъ по его лицу. Мама со всѣми повдоровалась и послѣ всѣхъ кивнула ему издали, какъ человѣку, съ которымъ только-что видѣлась.

— Да, да, заждались-таки, признаться!—поддержалъ любезно Павлуша упреки хозяйки запоздавшей гостьѣ.—Опасались даже, какъ бы, чего Боже сохрани, отказа съ вашей стороны не вышло!

— Да вѣдь я же только переодѣться домой заѣхала,—Василій Васильичъ знаетъ!—удивилась простодушно Мама.—Ну, какъ водится, понадобилось что-то разглядить... женскія невзгоды!—

улыбалась она, стараясь быть любезной и не замѣчая, что къ ея словамъ жадно прислушиваются.

Зиночка остановилась какъ шла, на половинѣ дороги въ столовую, и вперила глаза въ Васино лицо. Селезенковъ протяжно свиснулъ—чуть слышно, правда,—но ему казалось, что никто не слышалъ. Павлуша такъ и остался съ полуоткрытымъ ртомъ.

— Ахъ, Боже мой, а намъ-то и не вдомѣкъ, что вы съ Василиемъ Васильичемъ видѣлись! скажите на милость! и сколько хозяйшка наша понапрасну безпokoилась! Вотъ какой братецъ недобрый: чѣмъ бы успокоить...

Анфиса Петровна зажала ротъ платкомъ, точно заставила себя проглотить дальнѣйшій потокъ словъ.

— Подурочить насъ, стало быть, вздумалось любезному зятюшкѣ. Это чтобы веселѣе было!—вывернулся Павлуша, памятуя, что онъ хозяинъ, и что всякое недоразумѣнiе ложится пятномъ на его обѣдъ.

Маша поняла, наконецъ, свою оплошность и покраснѣла еще больше отъ досады.

— Не на кого пенять, коли сговориться не умѣли!—замѣтила брату насмѣшливо на ходу Зиночка.

Маша спокойно принялась расхваливать мельницу, садъ и видъ за рѣку. Старухи поджимали губы и переглядывались, какъ будто она рассказывала что-нибудь неприличное.

Вася сумрачно молчалъ. За столомъ ихъ хотѣли посадить рядомъ, но Маша проворно усьлась около хозяйки, а по другую сторону посадила Егорушку, который никакъ вѣрить этому не хотѣлъ и каждую минуту готовъ былъ слетѣть со своего стула. Матушка его приняла это даже за явную насмѣшку.

— Кажется, не такой бы и день, чтобы надъ ребенкомъ забавляться,—проговорила она такъ громко, что Маша услышала.

„Ну, я тутъ, однако, шагу ступить не съумѣю благополучно“, —подумала она тоскливо и откинулась на спинку стула съ намѣренiемъ упорно молчать.

Аппетитъ былъ послѣ утренняго катанья; но ее столько угощали, назойливо, каждую минуту и со всѣхъ сторонъ, что вдругъ все опротивѣло и показалось, что она совсѣмъ уже сыта.

— Не невольте вы ихъ, право ну... должно быть, блюда наши русскiя не по вкусу!—замѣтила, наконецъ, язвительно Анфиса Петровна.

— Да ужъ въ Солянскѣ французскихъ-то блюдъ не заведешь!—обидѣлся Павлуша. — Развѣ что сами побезпokoятся когда на кухнѣ похлопотать.

— Сколько ни безпокойся, а чего нельзя достать, такъ и ѣту!—замѣтила недовольно Зина.—Мы, кажется, ужь не мало изъ губерніи выписываемъ, только затѣнешь что-нибудь по французской книгѣ приготовить и непременно чего-нибудь да не хватаетъ.

— Я, напротивъ, къ самому простому столу привыкла; у меня вѣдь денегъ не было, чтобы роскошничать, — вмѣшалась спокойно Маша.—Съ двухъ блюдъ сыта... привычка. Благодарю васъ, я рѣшительно не могу ѣсть больше!

У Васи вырвался нетерпѣливый жестъ, и глаза сердито блеснули на нее черезъ столъ.

— Къ довольству привыкать не трудно, скоро это дѣлается. Какая охота теперь старую нужду поминать!—тянула Анфиса Петровна.

Дѣвушка въ упоръ посмотрѣла на нее своими серьезными темными глазами. Она точно ждала чего-нибудь подобнаго.

— А я такъ думаю, Анфиса Петровна, что нужду забыть нельзя, да и грѣшно.

Хозяева быстро переглянулись между собою, обиженные страннымъ оборотомъ, какой принималъ разговоръ. Зиночка посмотрѣла на Васю.

— Въ чемъ же собственно грѣхъ тутъ будетъ? Не пойму я!—выговорилъ вызывающе Бѣлоусовъ.

Онъ все смотрѣлъ на Машу, точно наглядѣться не могъ. Красивая, но совсѣмъ, совсѣмъ чужая сидѣла она напротивъ его въ своемъ блѣдно-желтомъ платьѣ съ легкимъ кружевомъ вокругъ головы.

И она перевела на него глаза. Онъ за-одно со всѣми! Какъ самый богатый, онъ во главѣ этого сытаго міра. Ему досадно, что она про свою бѣдность напомнила,—стыдно. А вѣдь какъ любить! Любить тоже какъ свою собственность, которую хочется взять, и несносно, что у нея была какая-то своя собственная жизнь.

— Отъ нужды только тотъ ушелъ по праву, кто заработалъ свой достатокъ. Чужое богатство всегда останется подачкой,—отвѣтила Маша холодно. Ей неудержимо захотѣлось сказать это: чтобъ не вообразили эти тупоумные солянскіе богачи, что она для того домой вернулась, чтобы жениха богатаго не опустить; что ей въ дивовинку ихъ обѣды до отвала, больше, чѣмъ можетъ вмѣстить желудокъ; что ее прельщаетъ сколько-нибудь ихъ безвкусная, аляповатая роскошь, вся эта вялая, бессмысленная жизнь, точно спросонья...

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія строгости!—разсмѣялась обиженно Зиночка.—Легко это теперь рассуждать, когда дипломъ у тебя въ карманѣ. А вотъ еслибъ не удалось тогда за границу поѣхать—вотъ ужъ и не знаю, какъ бы ты теперь зарабатывать-то стала!

— Да, мудрено было бы. Но вѣдь я для этого именно и поѣхала!—какъ будто поддразнила еще ее Маша.

— Не велика корысть весь и дипломъ-то этотъ!—фырнула пренебрежительно Позвонковъ.—Въ выгорѣцкомъ уѣздѣ служила года съ два довторша петербургская. Семьсотъ рублей жалованья получала, ни днемъ, ни ночью покоя не видала. А практика—это еще бабушка на-двое сказала! Заплатить только тотъ, кому своя охота, а больше все даромъ норовятъ.

— Мы, Павелъ Ивановичъ, о разномъ говоримъ: я—о кускѣ хлѣба, а вы—о богатствѣ. Богатство не ученьемъ добывается. На богатство дипломовъ не полагается.

Не совсѣмъ понятно для нихъ она выражалась, но смыслъ словъ былъ понятенъ каждому, какъ обида.

— А чего и всякій-то въ жизни добывается, коли не богатства?!—вступилась опять горячо Зиночка.—Кто работой, кто ученьемъ, а кто такъ и ловкостью! Неужели же въ самомъ дѣлѣ трудъ милъ кому-нибудь?!

— Нѣтъ-съ ужъ, трудиться-то каждый норовитъ поменьше, а получить за это чтобы побольше—вотъ въ жизни какъ это ведется!—подхватила злорадно старуха Позвонкова.

— Небось, купецъ не норовитъ продать дешевле, однако и баринъ тоже не старается заплатить подороже—видно, однимъ муромъ всѣ мазаны!—выпалилъ даже какъ-то восторженно Селезневъ.

— Одиѣ это только фразы пышныя!..—завончила Зиночка съ легкой дрожью въ голосѣ.

Немного Маша говорила, но каждымъ словомъ своимъ задѣвала какое-то больное мѣсто, хоть Зиночка вовсе не думала, что у нея есть больное мѣсто.

Маша съ разсѣяннымъ видомъ слушала всѣ эти замѣчанія и чувствовала на себѣ неотступный взглядъ Васиныхъ глазъ. Возражать не хотѣлось. Было даже жаль, что вышелъ неприятный разговоръ, но она знала, что никакого другого и выйти не могло; не на эту, такъ на другую какую-нибудь тему. Привели ее сюда на показъ: покажись, молъ, что ты за птица такая? пусть видятъ. Не задобривать же ей ихъ въ самомъ дѣлѣ!..

Подали донское шампанское. Вышло оно не совсѣмъ встати

при такомъ непріязненномъ настроеніи, но Павлуша не сумѣлъ придумать экспромптомъ новаго тоста, а какъ расположился съ утра, такъ и крикнулъ, вытянувшись во весь ростъ:

— За счастливое возвращеніе нашей любезной гостыи!..

— Чтой-то, полно, сама гостыя ваша радуется ли? — показала злобѣще головой Анфиса Петровна, подѣ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ.

— Ужъ, кажется, по родственному принимаютъ, ужъ кажется! а она чуть что не говоритъ: плевать на всѣхъ васъ хотѣла!.. Можно поздравить, нечего сказать! — шипѣла старуха Позвонкова и сердито толкнула сына въ губы, когда тотъ цѣловалъ ея руку, какъ будто онъ былъ виноватъ въ этомъ.

— Я не знаю, какъ ты привыкла?.. Мы обыкновенно въ женскихъ комнатахъ отдыхаемъ послѣ обѣда, — неестественно улыбалась гостыя молодая хозяйка.

— А я вовсе никакъ не привыкла. Я обыкновенно не такъ обѣдаю, чтобы послѣ этого требовалось отдыхать, — возразила ей Маша.

Располнѣвшая, солидная Зинаида Васильевна очень мало напоминала прежнюю шевольницу, хохотунью и лѣнивицу, умѣвшую прекрасно эксплуатировать свое привилегированное положеніе балованной дочки перваго богача. Если и залетали въ Зиночкину голову какія-нибудь мыслишки, если водились и въ ея лексиконѣ звонкія модныя словечки, то, конечно, только благодаря Машѣ Нефедевой, первой ученицѣ, „матушкѣ игуменѣ“. Сколько иллюзій, сколько усилій, ребячески-наивныхъ и неумѣльных, быть можетъ, но горячихъ и безкорыстныхъ было потрачено на просвѣтленіе этой миловидной задорной головки. И изъ всего этого госпожа Позвонкова запомнила ровно столько, чтобы относиться теперь съ безотчетной ревнивой обидчивостью къ каждому слову своей бывшей руководительницы. Какъ смѣшна казалась Машѣ ея собственная роль — эготъ походъ во всеоружіи прекрасныхъ словъ противъ сплоченнаго, прочно осѣвшаго міра, гдѣ каждый знаетъ только себя, но защищаетъ свое и въ чужомъ! Брѣвко держать міръ этотъ *своимъ* — рано ли, поздно ли, но онъ притянетъ на свое дно, гдѣ бы ни витали они до поры, до времени.

Четыре года они съ Васей переписывались. Въ письмахъ этихъ сказывалось все, чтѣ она переживала въ это время быстро умственнаго роста; все, чтѣ вносили въ несложившійся кругозоръ и систематическія научныя работы, и живыя встрѣчи, и весь строй чужой жизни. Колебанія эти отражались и въ отвѣтныхъ Васинихъ письмахъ. Конечно, онъ не былъ достаточно образованъ,

но онъ легко схватывалъ и умѣлъ формулировать мѣтко и безъ прикрасъ то, что у нея выливалось въ красивыхъ, приподнятыхъ фразахъ. Маша часто называла его своей „совѣстью“ и относилась всегда серьезно и вдумчиво къ его безхитростнымъ сужденіямъ.

Правда, что дальше, тѣ письма Васи становились короче и однообразнѣе. Подъ-конецъ письма эти ни о чемъ уже не хотѣли говорить, кромѣ его любви, кромѣ одного наболѣвшаго, страстнаго крика.

И вотъ они сошлись, близкіе и чужіе въ одно и то же время. Казалось, каждый зналъ хорошо мысли другого, вѣрилъ другому, но не эти мысли теперь важны,—вѣры не хватаетъ. Изъ-за извѣстнаго, много разъ обсуждавшагося и рѣшеннаго, выступало что-то недоговоренное, затаенное—и важно только это одно! Они осторожно выслѣживали другъ друга, силясь проникнуть въ то именно, что каждый хотѣлъ скрыть, и оба чувствовали, какъ разстояніе между ними растетъ съ каждымъ часомъ. Но никогда еще Маша не чувствовала этого такъ осязательно. какъ за этимъ обѣдомъ. Ея Вася, ея рабъ, былъ не съ нею! Слова ея возмущали его за-одно съ дурачкомъ Павлушей, за-одно съ закоренѣлой Анфисой Петровной, которая, сколько могла помнитъ Маша, всегда служила бичомъ для всего живого въ Солянскѣ. А между тѣмъ въ смыслѣ этихъ словъ для него не должно быть ничего новаго...

Маша разсѣянно слушала Зиночкины рассказы и машинально разсматривала дорогія вещи, которыя та, будто невзначай, показывала ей въ своихъ комнатахъ.

Вася тѣмъ временемъ шагалъ взадъ и впередъ по столовой, пилъ портеръ и вовсе не слышалъ, о чемъ хохотали Позвонковъ съ Селезенковымъ.

Оба на разныхъ концахъ, они чувствовали, что рѣшительная минута настаетъ и нельзя ее отстранить...

— Пролетку, по крайности, заложить не прикажете ли? Мигомъ поспѣеть! Что и въ самомъ дѣлѣ пѣшкомъ-то безпокоиться!—любезничалъ съ Машей на прощанье Павлуша.

Онъ находилъ Машу очень красивой сегодня и добродушно позабылъ всѣ ея колкія рѣчи. Маша отказалась: хочется пройти пѣшкомъ, освѣжиться послѣ душныхъ комнатъ. Вася пожалъ ей руку, не разжимая рта. Они пошли рядомъ на глазахъ у всего общества, выглядывавшаго въ окна.

— Тоже ты оплошалъ: станеть ли Марья Ильинишна при такихъ-то строгостяхъ да въ чужихъ экипажахъ раскатывать?—

сказалъ пріятелю Селезенковъ. — Обождать придется, пока собственный заведуть на земскія денежки!

— Заведешь!.. — расхохотался Павлуша. — Глупости это однѣ. Известное дѣло, барышня ученая — не знаетъ ужъ что и говорить.

— А я на мѣстѣ Василя Васильича проучить не полѣнилась бы! — подхватила злобно Перекупова. — Сдѣлай милость, поработай, моя милая, коли такая охота!

— Да что-то вы, полно, Анфиса Петровна! была охота Василю Васильичу срамиться! — вспыхнула отъ оскорбленія старуха Позвонкова, не переносившая даже намека, чтобъ жена шурина ея сына могла служить.

„Идіоты!.. болтаютъ тоже, чего понять даже не могутъ!“ — думала сердито Зиночка.

Она чувствовала обиду всѣхъ больше, хоть Маша была съ нею очень ласкова.

Х.

Бѣлоусовъ съ Машей дошелъ молча до городского сада и завернулъ въ него, точно по какому-то безмолвному уговору; здѣсь они пошли тише, по старой липовой аллеѣ, гдѣ никого не было, кромѣ какихъ-то дѣтей.

— Очень жаль, что я окончателно всѣхъ вооружила противъ себя сегодня, — заговорила Маша. Въ тогѣ ея не было ни сожалѣнія, ни извиненія.

— Кого это? дурней Позвонковыхъ да вѣдьму эту злующую? Была печаль! — повелъ презрительно плечомъ ея спутникъ.

— Нѣтъ, и Василя Васильича въ ихъ числѣ, — вотъ въ чемъ печаль-то!

— Печаль ли, полно?..

Маша покосилась на него. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою сумрачнымъ взглядомъ. Красное, возбужденное лицо казалось постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

— Много это времени четыре года! — проговорила она въ раздумѣ. — Много жизни прожито, охъ, какъ много!.. Теперь снова привыкать другъ къ другу приходится.

Вася круто пріостановился и оглянулъ ее блеснувшимъ взглядомъ.

— Привыкать? — повторилъ онъ хрипло. — Къ своему-то? Къ душѣ своей, къ своей ласбви да привыкать?!.. Не было тебя — все равно тобою только жилъ... Со мною была всегда!.. Когда отвыкнуть было?..

— Н-ну... жиль и ты безъ меня какъ-нибудь, не все же тосковалъ только!

Дѣвушка плотнѣе запахнула на себѣ тонкую шолковую шаль и пошла скорѣе, нагнувъ голову.

— Жиль... какъ же!—разсмѣялся онъ горько.—За работу вотъ какъ ретиво принялся—первымъ дѣльцомъ прославили. Пока крутишься, какъ бѣлка въ колесѣ—ничего еще, терпѣть можно. А вышла мало-мальски заминка какая—и опять засосало!.. Утѣшался тоже, святымъ не представляюсь. Махну на ярмарку и вучу безъ просыпу, пока съ души не поверотить. А то еще въ карты рѣзался, денегъ что просадила! Ничего—все съ лихвой ворочается... Везеть! Валомъ-валить! На зависть всѣмъ...

Мама слушала пораженная.

— Вотъ какъ?!.. Жаль очень, что я не знала этого. Каждый, стало быть, по своему? я училась, а ты жиль во всю. Но за что же, въ такомъ случаѣ, эти пять лѣтъ съ меня одной взыскать хотятъ?

— „Взыскать!“—по векселю будто. Должницей себя чувствуешь?—подсказывалъ онъ.

— Неоплатной должницей!—повторила она горячо, не вдумываясь.—Я училась для забавы, должно быть, изъ одной прихоти, изъ гордости, какъ объясняетъ твоя умная сестрица! а онъ, несчастный, страдалъ... Кто когда-нибудь страдаетъ добровольно? гдѣ такіе чудаки водятся?

— Да и страдать-то для чего? — усмѣхался странно Бѣлосовъ.—Красавицъ, что-ли, мало на Волгѣ у насъ? Отецъ померъ, помануть не успѣли какъ слѣдуетъ, а ужъ наши ребята волюшку мою справлять принялись. Съ деньгами ли за весельемъ дѣло станеть? Такая ли раскрасавица-вдовушка отыскалась—силомъ зацѣлуетъ! на ключъ запирала... ха, ха, ха! Дурака-то какого валялъ, подумаешь! Меня, богатенькаго, въ компанію кутить тащатъ, а я на мѣсто того—письма къ тебѣ сочинять! Съ меня въ картишки сорвать норовятъ, а я романсы чувствительные на гитарѣ разыгрываю!.. Подарили мнѣ это, какъ ты думаешь?.. Что однѣхъ насмѣшекъ принялъ... „У него невѣста въ ученѣ отдана“... „Гдѣ Васѣ вудрявому за нами гоняться,—ему въ собственной аптекѣ зелье приворотное сварено“...

— Вотъ какъ! ты же еще и насмѣшки за меня терпѣлъ!—перебила внѣ себя Мама.—Ну, знаешь... знаешь, одно изъ двухъ: или не терпѣть было, или теперь не жалѣть!

— Нѣтъ, жалѣть, теперь только и жалѣть!—вскрикнулъ пылко Вася и схватилъ ея руки.—Прежде въ умъ не приходило жалѣть...

Попрекать я тебя когда? писал? жаловался?.. Говори же, попрекать ли когда?!.. Кому, говоришь, неволя страдать добровольно... Правда, правда твоя—дуракамъ только однимъ! Ты жила, не тужила. Не все одни уроки учила, авось сколько-нибудь времени да хватало! Не за книжками друзей нажила, письма каждый день пишутъ, не лѣнятся... А я тутъ „жилъ во всю“, да?.. Повѣрила? по одному слову повѣрила! Картежничаль, бражничалъ, безобразничаль,—это я-то, твой Вася кудрявый! я—твоя совѣсть хваленая! Тетѣ постное лицо корчилъ... Тебѣ письма слезныя сточилъ... Такъ, что-ли, Марья Ильинишна?!..

Онъ оттолкнулъ ея руки и схватился за голову.

Она поблѣднѣла до самыхъ губъ; глаза ея засверкали.

— Что это?.. что еще?.. Мелодрамы какія-то... дурачить меня вдумалось?.. Вѣдь я не допрашивала, какъ жилъ безъ меня, я съ васъ отчета не требовала, Василій Васильичъ! Самъ сказалъ. Повѣрила? Да, повѣрила. Всякому вѣрю, а ужъ тебѣ подавно повѣрила!

Она сорвала съ себя платокъ и почти бѣжала прочь отъ него по узкой дорожкѣ надъ оврагомъ. Завѣтная скамейка мелькнула впереди у старой березы, гдѣ высоко, насколько хватило роста, Вася вырѣзалъ ножомъ въ корѣ ихъ имена. Старый стволъ замѣтнѣе затагивало зеленоватымъ мохомъ. Почернѣвшая доска перекосилась на одинъ бокъ.

„Сюда же пришли!“ подумала Маша съ горькой насмѣшкой надъ тѣмъ, что погибало для нихъ обоихъ въ эти минуты. Надъ юношеской мечтой, которой принесено столько тяжкихъ жертвъ... напрасно, напрасно!

Она бессильно опустилась на скамейку, стиснула руки на коленяхъ и смотрѣла передъ собою, не видя знакомой картины, спрашивая только себя: чѣмъ это кончится? какъ они развяжутъ другъ друга?..

Вася подошелъ только минутъ черезъ десять. Спускались сумерки. По низу надъ рѣчкой стлалась прозрачная бѣлая дымка. Изъ оврага тянуло свѣжестью. Онъ остановился у березы и смотрѣлъ на ея неподвижную свѣтлую фигуру. Гдѣ-то близко слышались скорые шаги, сбивчивый говоръ молодыхъ голосовъ и все покрылъ дружный взрывъ звонкаго женскаго смѣха.

„Весело!“ подумалъ машинально Вася и сейчасъ же заговорилъ глухимъ, ровнымъ голосомъ:

— Все брошу. Къ веснѣ дѣла очищу и уѣдемъ отсюда. Въ Москву, въ Петербургъ, все равно. Здѣсь намъ не жить...

Маша вздрогнула. Ея темныя брови сходились все ближе съ каждымъ его словомъ.

— Уѣхать?! Какое же у тебя другое дѣло можетъ быть? Отцовское, сколько повольтнѣй въ вашемъ родѣ...

— Купецъ-пшеничникъ! — усмѣхнулся онъ. — Кѣмъ и быть мнѣ больше, въ самомъ дѣлѣ! Прогимназію одолѣлъ... Ну, жена за меня ученая будетъ!

— Тебѣ это обидно кажется?—спросила она такъ же сдержанно и не оборачиваясь.

— Не казалось! Самъ же отпускалъ, докторшей звалъ! Отъ тебя ли ума набрался, самого ли Богъ не вовсе обидѣлъ, а что-нибудь и я понимать могъ.

— А теперь? договаривай! Надо же кончить когда-нибудь!—вырвалось у нея.

— Теперь?!.. Чужая. Привыкать, говоришь, надо! Ты помнишь, Маша... помнишь ты, какъ, бывало, думала вслухъ? Ча-сами такъ и заливалась колокольчикомъ. Сердце хрустальное держалъ въ рукахъ, глядѣлъ въ него... мое!..

Онъ отчаянно хруснулъ пальцами. Его перебилъ рѣзкій смѣхъ Маши.

— Мое, мое,—вотъ въ чемъ вся суть! Мой домъ, моя пшеница, мои пароходы, мои капиталы, моя жена! Да, ты купецъ, и я для тебя вещь! Душа моя тоже въ карманѣ у тебя, какъ и твои капиталы. Еще бы! Мнѣ тамъ жилось недурно безъ тебя—развѣ это не вина? Я думаю о чемъ-то, чего ты не знаешь,—тебя обкрадываю! У меня друзья есть,—я ли не измѣнница? Я докторъ, больныхъ лечить буду, а не все тебя одного забавлять. Гроши стану зарабатывать, когда у тебя на одной баржѣ мой десятилѣтній заработокъ плыветъ. Все это личныя оскорбленія тебѣ, моему супругу... Что-жъ, такъ это, Вася, или нѣтъ? Поняла я тебя?

Она вскочила со скамейки и стояла передъ нимъ, крѣпко притиснувъ руки къ груди. Лицо ея смутно бѣлѣло въ полусвѣтѣ.

— Такъ... да.. такъ! Отчего?.. кто виноватъ? — заговорилъ онъ, задыхаясь.—Зачѣмъ и меня силой за книжку не засадила, зачѣмъ за собой не повела? Чего бы я ни сдѣлалъ изъ любви къ тебѣ! Ты учиться хотѣла, а меня здѣсь бросила... Вася-кудрявый живетъ и такъ!

— Бросила! да я-то что же дѣлала?—всплеснула руками внѣ себя Маша.—Не было для меня этихъ лѣтъ, что-ли?!..

— И прошли, пропали, не вернутся больше наши дни!—за-

рыдалъ онъ вдругъ въ отчаяніи. — Любили... могли быть счастливы... прожили бы душа въ душу. Ты, ты все это сгубила! Уничтожила... въ книжки свои, въ медицину проклятую убила!..

— Господи! Забылъ ты, должно быть, какъ мы понимали одинаково? Ну, все равно, пусть сгубила! Нѣтъ больше, не остается стараго,—хорошо. Изъ-за чего тогда ты сумасшествуешь? Развѣ у насъ не вся жизнь впереди, развѣ мы не свободны? Силой, что-ли, я держу тебя?!..

Лицо ея вдругъ просвѣтлѣло, голосъ окрѣпъ, станъ выпрямился выжидательно. Вася вытянулъ шею, чтобы ближе всмотрѣться въ ея лицо. Она подалась назадъ.

— Вотъ твои рѣчи какія, Марья Ильинишна?.. Чѣмъ себя ломать, привыкать,—чемоданы-то, поди, еще не вовсе разложены? Подхватила свои книжки и прощайте, други милые! Тебѣ свѣтъ не клиномъ сошелся—есть куда уйти, есть на кого промѣнять меня... все наше прошлое!..

Маша метнулась отъ него въ сторону. То ей казалось, что все кончено, она свободна. Одно слово рѣшительное—и распадется навсегда цѣпь, увлекающая въ какую-то бездну. Не жена вѣдь она ему! Нѣтъ его воли надъ нею, чужіе они, чужіе, чужіе!.. То опять она чувствовала вокругъ себя осязательно это прошлое, къ которому они врывали каждую минуту.

— Говори все: женихъ, что-ли?.. Для виду только вернулась?.. Не разомъ убить на-поваль... Старуху жалѣла... Такъ, что-ли?!..

Она неожиданно услышала надъ собой грубый голосъ и едва узнала его. Въ своемъ смятеніи она не разслышала его шаговъ по травѣ.

— Вася, опомнись, чтѣ ты говоришь такое? — воскликнула она въ безотчетномъ ужасѣ передъ этимъ голосомъ и передъ высокой темной фигурой, надвигавшейся все ближе.

— Сердце—вѣщунъ... Знаю! не зная, все знаю...

— Знать нечего!.. Ты долженъ вѣрить мнѣ. Пусти!.. уйди отъ меня!..

— Дай мнѣ письмо!—выговорилъ сквозь зубы Вася и вдругъ крѣпко захватилъ ея обѣ руки въ одну свою.

Нѣсколько секундъ они боролись. Онъ заставлялъ ее пятиться передъ собою, пока не прижалъ ее къ дереву. Они молчали. Свободной рукой онъ нутался въ складкахъ ея платья, пока наконецъ выхватилъ письмо, вывернувъ весь карманъ.

Раздавленные, похолодѣвшія руки Маши распались по сторонамъ. Она зашаталась, упала на землю и зарыдала какъ безумная, прижимаясь лицомъ къ мокрой травѣ...

XI.

Маша лежала на кровати съ холоднымъ компрессомъ на головѣ. Варвара Антиповна то входила на цыпочкахъ и смотрѣла издали на ея недвижимо вытянутую фигуру, то возвращалась въ уныло освѣщенную одной свѣчей переднюю комнату, гдѣ у печки сидѣлъ Ѳеодоръ Иванычъ, съѣжившись и затиснувъ руки между колѣнъ.

Онъ былъ въ пальто; фуражка лежала рядомъ на стулѣ. Ему казалось, что нужно сейчасъ отправиться куда-то... что-то сдѣлать. Когда Вася, точно полоумный, выбѣжалъ отъ него и скрылся въ темной улицѣ, Ѳеодоръ Иванычъ проворно одѣлся, замкнулъ снаружи дверь и спряталъ ключъ въ карманъ, какъ человѣкъ на все готовый. Онъ пошелъ къ Варварѣ Антиповнѣ, отозвалъ ее въ самый дальній уголокъ и разсказалъ, заставивъ предварительно появиться, что она ни слова не скажетъ Машѣ.

Вася неожиданно явился къ нему, прямо сказать, самъ не свой, и заставилъ разбирать вмѣстѣ какое-то французское письмо. Видно, больше некуда было кинуться. И хоть его собственныя слабыя познанія во французской грамотѣ были въ сущности гораздо надежнѣе, но себѣ Вася не вѣрилъ, не вѣрилъ своимъ глазамъ, сомнѣвался и въ томъ, что знаетъ твердо. Онъ заставилъ старика разбирать по складамъ, путаясь въ небрежномъ почеркѣ, не понимая три четверти словъ, коверкая безбожно. Самъ сидѣлъ, зажавъ глаза рукою, и только вскакивалъ то-и-дѣло и заглядывалъ ему черезъ плечо. Только всего и уразумѣли они изъ этого каторжнаго чтенія, что письмо отъ подруги, отъ Франсуазы. Говорится много о братѣ... профессоръ братъ. Назадъ ждутъ.

Вася выхватилъ у него письмо и убѣжалъ. На всѣ вопросы, гдѣ онъ взялъ письмо и что такое случилось, онъ только отчаянно махалъ руками и сверкалъ глазами.

Варвара Антиповна накинулась на старика: какъ онъ могъ такъ отпустить Васю? Видимое дѣло, случилось что-то! Маша вернулась поздно. Платье на ней все въ сырости перепачкано. Одну только шаль легкую взяла съ собою, но и той на ней не оказалось. Потеряла, говорить, а самое лихорадка такъ и колотить, зубъ на зубъ не попадаетъ. Тетя попыталась-было расспрашивать, но Маша вдругъ побагровѣла вся, да какъ крикнетъ: „Ну, да! теперь вы начнете допрашивать!.. Общайте, карманы выверните, въ комодахъ пошарьте!“ Какъ снопъ на постель свалилась. Бредила, должно быть. Горячки не было бы!..

Испугалась чего-нибудь. Откуда безумецъ этотъ письмо взялъ? Не было вѣдь сегодня письма...

Федоръ Иванычъ чувствовалъ себя виноватымъ, зачѣмъ онъ отвезъ это письмо на мельницу.

— Отъ подруги, стало быть? Чего ему еще! — недоумѣвала теть Варя, чувствуя, что и у нея отлегло отъ сердца — Братъ... такъ вѣдь профессоръ, почтенный человѣкъ. Чтѣ этому безумцу въ голову вступило?

Однако, и имъ не удавалось успокоить другъ друга. Какъ ни утѣшительно письмо отъ подруги, гдѣ рѣчь идетъ о почтенномъ профессорѣ, все-таки чувствовалось неотразимо, что гроза собралась. Наконецъ Федоръ Иванычъ выврался съѣздить на мельницу; ничего что ночь, — дорога большая, проѣзжая. Не надурилъ бы какъ-нибудь молодецъ, совсѣмъ вѣдь обезумѣлъ! Но, главное, Федоръ Иванычъ не въ состояніи былъ сидѣть смирно на мѣстѣ и ждать бѣды.

Варвара Антиповна съ восторгомъ ухватилась за это предложеніе. Сама бы она такъ и полетѣла, кабы могла. Она Васю всѣхъ скорѣе угомонила бы, — ее онъ послушаетъ...

— Ко мнѣ его привезите, прямо сюда и везите, не слушайте его! Не сюда — къ себѣ, а я къ вамъ добѣгу...

Федоръ Иванычъ хмурился, рѣшительно застегивался на всѣ пуговицы и тутъ же въ комнатѣ нахлобучилъ фуражку.

— Сослужите службу, родной... Кому больше помочь намъ горемычнымъ!.. — заплакала теть Варя, стоя со свѣчкой на крыльцѣ, чтобы ему свѣтлѣе было идти.

Вѣтеръ задувалъ пламя, развѣвалъ платье и трепалъ простоволосую сѣдую голову Варвары Антиповны; но ей казалось почему-то, что это необходимо, точно ему впервые было пробираться по темнымъ солянскимъ улицамъ. Ночь была облачная, — не даромъ весь день парило. Федоръ Иванычъ поглядывалъ на небо и не сомнѣвался, что вотъ-вотъ хлынетъ сейчасъ дождь, какъ изъ ведра — даже онъ желалъ, чтобы такъ было. Чѣмъ труднѣе добраться въ ненастную ночь до мельницы, тѣмъ для него прятнѣе; тѣмъ полнѣе поглощала его эта ближайшая задача, отлекая мысль отъ чего-то смутно пугавшаго...

Дверь слабо скрипнула. Маша повернула голову и посмотрѣла на тетку.

— Ложитесь, теть, спать, пожалуйста... Мнѣ гораздо лучше, не бойтесь... Испугалась, — это не бѣда; завтра буду здорова.

Она поднялась на кровати, сбросила съ головы компрессъ и пригладивала волосы.

Барвара Антиповна молча вытирала глаза платкомъ и не трогалась съ мѣста. Руки Маши двигались все медленнѣе... Она кусала губы и краска пятнами проступала на ея щекахъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Что же, наконецъ?!.. неужели у меня даже комнаты своей нѣтъ?!..—воскликнула она запальчиво и вскочила на ноги.

— Уйду, уйду, не сердись!.. я ничего... я только посмотрѣть, какъ ты...—залепетала испуганно тетя Варя.

Дверь бережно закрылась за нею. Маша подошла къ окну, распахнула раму и сѣла на подоконникъ. Долго, долго просидѣла она такъ, глядя въ темноту. Какія стѣны въ такомъ домикѣ? Каждый шагъ отдается по ветхому полу. Слышно, какъ скрипятъ кровати.

„Ворочается... заснуть, бѣдная, не можетъ“, думаетъ тоскливо Маша. Она не подозрѣвала, что тетя Варя и вовсе не раздѣвалась. Свѣчу задула и прилегла сверхъ одѣяла, чтобы ее не сердить; но каждые полчаса бережно спускала ноги на полъ, проклиная скрипучія доски, и безъ башмаковъ подерывалась къ двери.

Въ сосѣдней комнатѣ яркой полоской подъ дверью виденъ свѣтъ въ Машинной спальнѣ. Пѣтухи стали перекликаться по дворамъ, окна заблѣли, а полоска все свѣтится по прежнему. „Неравно свѣчу задуть забыла... не заснула бы невзначай?“—думается тревожно старухѣ, но войти къ Машѣ она не рѣшается; не смѣетъ пробраться ближе къ двери, чтобы не выдать себя, и стоитъ такъ подолгу, дрожа на холодномъ полу и прислушиваясь.

Ночь темная. Ни зги не видно въ глубь узкаго переулка, но свѣтъ изъ окна разливается широкимъ пятномъ и хватается до досчатаго забора напротивъ; можно разглядѣть грядку густой травы, высоко поднявшуюся вдоль канавы, позади пѣшеходной тропинки; на серединѣ дороги темнѣетъ ухабъ и около него не разберешь что: старый башмакъ, черная тряпка или другое что-нибудь... Какой-то бѣглый шорохъ доносится по временамъ изъ мрака... Должно быть, кошки пробираются на добычу; собака на свѣтъ прибѣжала бы или залаяла. Трещотки ночныхъ сторожей выбиваютъ частую дробь на разныхъ концахъ, то ближе, то дальше; то оборвутъ разомъ, то замираютъ рѣдкими, раздѣльными ударами... Но и трещотки слышатся все рѣже и короче,—и сторожей клонить сонъ...

Свѣжая, темная ночь успокаивала мало-по-малу потрясенные нервы Маши. Дышется свободнѣе... Мысли складываются яснѣе,

хоть слезы, непривычныя, рѣдкія у нея, то-и-дѣло выступаютъ на глаза и проводятъ горячій слѣдъ на блѣдныхъ, осунувшихся щекахъ. Надо всѣмъ преобладаетъ одно ощущеніе: *кома!* Она не хочетъ припоминать того, чтѣ случилось въ городскомъ саду... Внезапно, быстро и неясно какимъ-то бурнымъ, стихійнымъ сжатіемъ... Одно страшное ощущеніе физическаго насилія — боль въ стиснутыхъ рукахъ, ужась и бѣшенство до потери голоса, дыханія, сознанія...

Маша содрогается вся и спѣшитъ думать дальше, чтобы приготовить къ завтрашнему дню. Письмо написать или повидаться съ нимъ еще разъ? Она обдумываетъ это долго, холодно... Всѣ чувства въ ней точно замерли. И оскорбленіе, подкосившее ноги, кнузшее ѓ землю въ порывѣ нестерпимаго, невообразимаго униженія—самое оскорбленіе блѣднѣетъ, готовое ступешаваться передъ тѣмъ, чтѣ идетъ на смѣну, купленное этой цѣной... Особенное, невольное успокоеніе достигнутой цѣли, въ которомъ все исчезаетъ: недавняя тревога и колебанія, желанія смутныя и боязнь этихъ желаній, страхъ собственныхъ мыслей и отчаянныя усилія удержаться на мѣстѣ... Все, все исчезло, точно вихремъ отмело. Вокругъ просторно и пусто... Огромной нѣмой могилой охватываетъ ее заснувшій городъ... она одна въ немъ, одна!..

Она не думала о Васѣ. Не потому, что обида и негодование черезъ-чуръ сильны, не оттого, что она не хотѣла жалѣть его, не могла падить—нѣтъ, это выходило просто и невольно, помимо ея сознанія: мысль сама собою обрывается и не идетъ дальше. Непроницаемая стѣна отдѣляла его отъ нея...

Но такъ же невольно, такъ же неизбежно мысли Маши обращаются въ другую сторону: онѣ летятъ назадъ, къ недавнему прошлому, полному жизни и красокъ. Спящій Солянскъ, глухой переулочъ, ветхій домишко, маленькое окно, на которомъ она сидѣла—все пропало. Она снова среди прекрасныхъ, яркихъ картинъ, между довольными, счастливыми, ласковыми людьми. Видитъ свою крошечную комнату, залитую свѣтомъ, заваленную книгами, заставленную цвѣтами... Слышитъ быструю и пѣвучую, красивую чужую рѣчь...

Но почему же сердце ея съ каждой минутой все сильнѣе надрывается отъ муки? Отчего всю ее охватываетъ какое-то незъяснимое, глухое страданіе?..

Она можетъ вернуться—все кончено, она свободна! Въ Солянскѣ не жить. Тетка всюду съ нею. Уѣхать хоть завтра—да, да, какъ можно скорѣе уѣхать! И ему такъ легче... скандалъ меньше... уѣхать, уѣхать!..

Маша быстро захлопнула окно и опустила темную занавѣску, какъ будто хотѣла кончить на этомъ рѣшеніи—не думать больше, заснуть скорѣе.

Она безпокойно двигалась по комнатѣ, раздѣваясь на ходу, но лицо все блѣднѣло, въ немъ все прибавлялось муки...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. — вырвалось у нея навонецъ громко. Она быстро задула свѣчу и полураздѣтая бросилась на кровать...

Прошло больше часа. На дворѣ свѣтлѣло. Варвара Антиповна крѣпко спала, скорчившись маленькимъ, назыбшимъ тѣломъ. Какъ только погасъ свѣтъ въ Машинной комнатѣ, такъ и она заснула, какъ была, не ожидая вовсе, что заснетъ, глядя на утро.

Туманный утренній свѣтъ пробрался за темную занавѣску. Маша лежала съ широко открытыми глазами, закинувъ обѣ руки подъ голову. Передъ нею на сѣрой стѣнѣ выступаютъ одна за другой французскія фразы письма. Она не отвѣтила на него. Откладывала до рѣшительнаго объясненія съ Васей... На что-то точно надѣялась... „Я никогда не лгу... о, еслибъ я захотѣлъ лгать! — тогда вы, можетъ быть, и не убѣжали бы отъ меня... Подумайте надъ этимъ“...

Нѣтъ, она не думала. Спрятала письмо и не хотѣла вспоминать о немъ, точно безсознательно ждала чего-то... Не думала, а готовый выводъ явился самъ собой. Явился въ минуту смутенія, когда она не могла еще собрать своихъ мыслей, когда звучать только искренніе, инстинктивные голоса. Можно, стало быть, думать, не сознавая этого, не зная?.. Или сердце само знаетъ, не справляясь съ логическими доводами?.. И она знала уже, что ей никуда не уйти отъ того, что рѣшено неизвѣстно какъ, Богъ вѣсть когда.

До самаго утра Маша металась на своей постели и плакала. Она не хотѣла покориться. Она отказывалась признать жестокій приговоръ. Она отыскивала проблески надежды въ своихъ воспоминаніяхъ...

Воспоминанія восхитительны: прекрасные черные глаза загораются страстью; мягкія, выхолонныя руки будто безсознательно сжимаютъ ея пальцы... Рѣчи льются то плавныя и игривыя, то страстныя и туманныя...

— „Сватаетъ, что-ли? женихъ?“ — вырывается вдругъ грубый вопросъ Васи.

Маша вскочила съ кровати и начала быстро одѣваться дрожащими руками. Нѣтъ, не сватаетъ. Женится, такъ не на рус-

ской, а върнѣе, и вовсе не женится. Жить въ свое удовольствіе, звать только одного себя, наслаждаться... почему же нѣтъ? Она свободная женщина. Онъ ее пристроитъ въ какомъ-нибудь collége, поставитъ на самостоятельную дорогу и будетъ любить, пока... пока, быть можетъ, подвернется новая интересная ученица de ce type slave si attrayant et original...

Мама зажгла свѣчу, вынула изъ комода письмо и, не развертывая его, поднесла къ огню.

Золотые язычки побѣжали по тонкимъ листамъ, закручивая ихъ точно лепестки огромнаго огненнаго цвѣтка. Строчки, слова отдѣльныя мелькаютъ отчетливо... Золотые лепестки превращаются въ черные, извиваются и корчатся, какъ будто отъ боли, въ судорожно стиснутыхъ пальцахъ Маши... Вотъ красноватая искорка подползла еще ближе... обожгла. Она разжала пальцы и послѣдній уголокъ истлѣлъ среди разлетѣвшихся хлопьевъ пепла.

„Конецъ!..—произнесла она мысленно:—теперь, Марья Ильиншна, предстоитъ еще написать два коротенькихъ письмаца, а затѣмъ... затѣмъ вы свободны, какъ степной вѣтеръ! Сосредоточьте всѣ ваши помыслы на житейскихъ вещахъ—вѣдь вамъ предстоитъ ѣхать въ Москву съ послѣдней сторублевкой, добытой въ долгъ...“

XII.

Мама написала не два письма, а четыре. Одно, съ надписью: „Вас. Вас. Бѣлоусову“, она оставила на столѣ, гдѣ писала, а три другихъ—въ Швейцарію одно, и два въ Москву—сама понесла на почту.

Тетя Варя, увѣренная, что Мама спитъ, вовсе не входила въ комнаты, чтобы не разбудить ее. Да и другое ее тревожило: шлецъ вернулся на разсвѣтъ одинъ. На мельницѣ не видали Бѣлоусова; онъ не возвращался изъ города. Федоръ Иванычъ спалъ мертвымъ сномъ. Старуха то-и-дѣло подходила къ его окнамъ и прислушивалась, но разбудить его жалѣла.

Мама опустила письма въ почтовый ящикъ и прошла на рѣку. Домой не хотѣлось. Она желала никого не видѣть, ничего не слышать... Не допускать никакихъ новыхъ мыслей, никакихъ впечатлѣній въ свой опустошенный внутренній міръ... Все кончено, сломано, вырвано разомъ изъ души... Чтѣ можно больше спрашивать съ человѣка?!..

„И живутъ же люди на зло всему... послѣ всего!“—думала Мама почти безстрастно. Мысли проходили въ мозгу медленныя,

апатичныя. Ни одна не причиняла живой боли. Вся жизнь какъ будто лежала передъ нею свомканная, сконцентрированная въ этихъ нѣсколькихъ десяткахъ фразъ, суровыхъ, безповоротныхъ... Все рѣшено, закрѣлено на вѣки въ двухъ лаконическихъ письмахъ. Думать не объ чемъ.

Она и не хотѣла думать, но сегодняшній день вставалъ впереди безформенной, темной угрозой. Объяснять, утѣшать, оправдываться!..

„Хоть бы нашли письмо безъ меня!.. пусть бы узналось все какъ-нибудь безъ меня!“—страдала малодушно Маша. Она не упрекала себя, даже не замѣчала этого. Ее одолевала никогда еще неиспытанная страшная усталость.

„Ночь не спала“, подумала она нѣсколько разъ и судорожно зѣвнула. Легкая дрожь пробѣгала по тѣлу. Хорошо бы прилечь здѣсь, на свѣжемъ рѣчномъ воздухѣ. Свернуться на этой самой скамеечкѣ...

Она съ завистью поглядѣла на кучку какихъ-то рабочихъ, спавшихъ ничкомъ на зеленомъ откосѣ берега. Солнце жгло ихъ красныя лица и косматыя головы.

Поодаль, у пристани, стоитъ большой пароходъ. Женщины вереницей носятъ къ нему дрова, по длиннымъ деревяннымъ сходнямъ. Лица ихъ и головы закутаны сплошь большими платками, и только для глазъ оставлена щель. Безобразныя, безлицыя фигуры въ затасканныхъ платьишкахъ и затрапезныхъ кофтахъ свуютъ торопливо вверхъ и внизъ, точно муравьи изъ растревоженной кучи.

Давно Маша не видала знакомой съ дѣтства поволжской картины. Ребенкомъ она занимала ее, казалась всегда оживленной и веселой. Закутанныя незнакомки перекидываются смѣхомъ и шутками, стараясь проходить подъ своей ношей бодро и молодцовато. Теперь она слѣдила съ горечью за обезображенными фигурами въ лохмотьяхъ, какъ будто стыдящимися быть признанными въ своемъ убогомъ одѣяннн, за тяжелой, не-женской работой... Невольныя сравненія зашевелились въ ея умѣ... И тамъ, далеко, люди работаютъ не меньше—отдыхаютъ даже навѣрное меньше; но не встрѣтишь въ трудѣ такого убожества, такого забвенія своего человѣческаго образа... Нѣтъ этой повальной, массовой нищеты, и нѣтъ примиренія съ нею, какъ съ чѣмъ-то роковымъ, неизбежнымъ.

Маша слѣдила особенно за одной малорослой, хилой фигурой—дѣвочка должно быть, а можетъ быть и старуха? Взваливши на спину небольшое берема, нѣсколько шаговъ она шла, пошаты-

ваясь, не находя равновѣсія и сгибаясь. Ее обгоняли со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, она плелась одна, позади всѣхъ.

Мама со своей скамейки слѣдила все внимательнѣе за этой картиной, и ея измученное лицо оживлялось и принимало свой обычный складъ.

„Дождусь, когда она кончитъ, и погляжу на нее“, рѣшила она вдругъ съ такимъ живымъ интересомъ, что не замѣтила, въ какой мѣрѣ были удивительны такія мысли для нея въ это утро.

Ее отвлекъ дѣтскій крикъ гдѣ-то совсѣмъ близко. Нѣсколько минутъ уже страдальческій голосокъ надрывался безъ передышки. Вотъ это гдѣ! На откосѣ, около спящихъ рабочихъ сидѣла теперь женщина съ ребенкомъ и изо всѣхъ силъ встряхивала его на рукахъ. Рубаха на груди разстегнута... „Видно, и грудь не беретъ, несчастный“, подумала Мама, и пошла къ ней по проптанной тропинкѣ.

— Что у тебя случилось съ ребенкомъ, тетушка? — крикнула она.

Женщина повернула загорѣлое, ребячески-юное лицо и сердито вскинула на нее красивыми голубыми глазами.

— Кто-жь его знаетъ, съ чего привяжется!.. — произнесла она нѣхотя и опять принялась трясти ребенка, такъ что голосъ надламывался въ его груди и вылеталъ разбитой нотой.

— Не трясина ты его, ради Бога! зачѣмъ ты его такъ трясешь? — старалась удержать Мама, нагибаясь надъ комочкомъ прыгающихъ грязныхъ тряпокъ.

— И завсе трясуть. Какъ ребятъ унимать, коли не трясина! — отодвинулась отъ нея съ неудовольствіемъ юная мать.

— А какъ у самой у тебя заболитъ что-нибудь, такъ небось ты не прыгаешь? Ну-ка попробуй, пусть тебя потолкають тогда со всей силы, — искренно разсердилась, наконецъ, Мама.

Слова ея покрылъ взрывъ добродушнаго мужского смѣха. Крайній молодой мужикъ поднялся на локтѣ и смотрѣлъ на нихъ красными отъ сна, улыбающимися глазами.

— И то, дура! чего стараешься? Ни день, ни ночь сповою не видишь отъ щенка твоего! — проговорилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто произносилъ самыя нѣжныя слова.

— Ты учи еще! — огрызнулась женщина свирѣпо. — Твое дѣло дрыхнуть, а я бейся съ нимъ день и ночь... У-у, постылый!!

Она вдругъ бросила ребенка на траву нетерпѣливымъ жестомъ молодого существа, еще не свыкшагося съ новой заботой. Ребенку могло быть мѣсяца три, не больше; матери — лѣтъ восемнадцать. Смуглыя худыя плечи и тонкія руки некрасиво выставлялись изъ

пестрой рубахи. Въ обтянутомъ, маленькомъ лицѣ, съ задорно вздернутымъ носомъ и яркими губами было что-то жадно напряженное, какъ будто отраженіе бессознательнаго голода.

„Хороша кормилица!“—думала Маша, стоя на колѣняхъ и разсматривая ребенка.

Молодая женщина плакала, отвернувъ голову и не шевелясь. Мужикъ опять повалился на спину, поднявъ вверхъ согнутыя колѣни.

— Принесла, что-ли, квасу-то?—спросилъ онъ ее, не глядя.

Она обмахнула глаза рукой и молча пихнула въ нему узелокъ, изъ котораго торчалъ глиняный жбанъ.

— Ишь, дура, на солнцѣ парила!.. Нѣтъ того, чтобы въ затѣнъ поставить!—ворчалъ онъ, усаживаясь окончательно на травѣ.

Маша поднялась на ноги.

— Вотъ что, милая, ребенку твоему я сейчасъ изъ аптеки лекарство принесу, ты здѣсь меня подожди. Да смотри, не тревожь его безъ толку. Пусть лежитъ.

Молодая женщина смотрѣла на нее подозрительно.

— Да ты не бойся... Я лекарка, я настоящаго снадобья ему дамъ, — пояснила Маша не совсѣмъ свободно.

— Поворно благодаримъ, матушка, спаси васъ Господь!—отвѣтилъ за нее мужикъ.—Люди мы, вишь, страніе. День работаешь, а ночью спокоемъ себѣ не видишь. Вишь, она молода больно, ей и самой-то еще съ парнями, а не съ ребенкомъ водиться!

Глаза его любовно, не то насмѣшливо скользнули по ея стройной, полудѣтской фигурѣ.

— Вашъ это ребенокъ? — спросила строго Маша.

— Да ужъ, видно, мой будетъ. Вонъ, ребята спятъ, не тужать—пѣнья этого, небось, не слышать!..

Во всемъ, что онъ говорилъ, слышался весельчакъ и балагуръ, умѣющій скрасить шуткою убогую жизнь. Широкое лицо съ небольшими смѣющимися глазами смотрѣло насмѣшливо и на сострадательную барыню.

Молодая женщина не вмѣшивалась. Обхвативъ руками колѣни, она только кидала исподлобья быстрые взгляды. Разлетающіяся брови шевелились, глаза искрились, краски переливались на лицѣ... Видно было, что она стѣсняется чужого человека, а самоѣ такъ и подмываетъ сдѣлаться съ нимъ зубъ за зубъ: отвѣтить шуткой на шутку, на брань—такой же безцеремонной бранью, на ласку—горячей, дѣтски-беззащитной лаской. Жева она ему? такъ ли за нимъ увязалась маленькая, безпризорная сиротка? Молодое счастье подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ сіяло въ ихъ лицахъ,

во взглядахъ, бессознательно искавшихъ другъ друга... Досаднымъ, ненужнымъ балластомъ привязался тутъ хворый ребенокъ... Сколько разъ не доглядить его, не докормить, а можетъ быть даже пихнуть или щипнуть съ досады эта дѣвочка-мать, полная шаловливой рѣвности и ненасытнаго животнаго счастья...

„Умерь бы лучше, несчастный!“ — думала Маша, торопясь отойти отъ нихъ.

Она пошла въ аптеку. И только когда она отошла далеко отъ берега, такъ неожиданно развлекшаго ея тоску, она опять вспомнила себя и все свое... Но настроеніе уже измѣнилось: отъ недавней усталости не оставалось и слѣда. Внезапно охватилъ приливъ горячаго интереса къ жизни, къ людямъ, къ работѣ, для которой она такъ долго готовилась, — интересъ ко всему, что заслонила на время сложная и тяжелая душевная борьба. Только здѣсь, на Волгѣ, въ первый разъ съ своего возвращенія она почувствовала себя *дома* — не въ крошечномъ домишкѣ милой тети Вари, а среди родной жизни, которой не видала такъ давно. Здѣсь схватили за сердце привычныя съ дѣтства, но слишкомъ мало понятныя тогда, яркія картины убогой нищеты съ ея святымъ смиреніемъ и неисчерпаемымъ добродушіемъ. И вмѣстѣ съ этимъ всѣ другія картины, плѣнявшія ее въ ночныхъ грезахъ, разомъ далеко-далеко отодвинулись и потеряли свою жизненность... О, безъ сомнѣнія, то чужое было прекрасно, было соблазнительно! Только для нея оно не могло стать *жизнью* — тѣмъ истиннымъ, неизмѣннымъ и неотвратимымъ, отъ чего нельзя уйти — и не должно. Какъ могла она думать о томъ, чтобы жить тамъ — уйти туда навсегда!... Покинетъ ли кто свой родной убогій домъ, чтобы переселиться къ богатому сосѣду, потому только, что тамъ живетъ веселѣе?..

XIII.

Вася сидѣлъ на диванѣ. Онъ, видимо, не раздѣвался со вчерашняго дня; лицо покрыто тусклою блѣдностью, глаза ввалились. Онъ вошелъ, не поздоровавшись, и сейчасъ же усѣлся, какъ чело-вѣкъ, котораго плохо держатъ ноги.

Федоръ Ивановичъ только было собрался чай пить. Варвара Антиповна забѣгала къ нему на минутку, закидала тревожными вопросами и опять къ себѣ бросилась взглянуть, не вернулась ли Маша.

Старикъ налилъ ставанъ чая и, не говоря ни слова, поста-

виль его передъ молчаливымъ гостемъ. Вася машинально выпилъ и опять сгорбился, какъ старикъ. Пряди золотистыхъ кудрей свѣшивались на лобъ и придавали ему еще болѣе неряшливый видъ.

— Что же вы, батюшка, не спросите, отчего это я заспался такъ, старый хрѣнь? По какой-такой причинѣ Федоръ Иванычъ сегодня въ должность не пошелъ?

Шутливый тонъ хозяина силился показать, что онъ ничуть не озабоченъ; онъ не видитъ рѣшительно ничего особеннаго въ безмолвномъ появленіи гостя.

Вася поднялъ глаза до половины его фигуры и удовольствовался этимъ.

— Да вѣдь я, батюшка, къ вамъ на Воплу отмахалъ, вы какъ думаете?! Ночью-то! Псы ваши проклятые безъ мала на влочки разорвали меня и съ извозчикомъ! У самаго у поворота встрѣчаютъ, подлецы,—такъ вотъ на шею къ лошадямъ и скачутъ. Самые купеческіе псы, зубастые!

Федоръ Иванычъ присѣлъ къ столу, и теперь Вася не могъ уже не видѣть его лица, съ неестественнымъ румянцемъ и несходящей съ губъ улыбкой.

— На Воплу?—произнесъ онъ вяло.

— Васъ разыскивалъ! думалъ, вы отъ меня вчера туда проѣхали. А вы гдѣ же это ночевать изволили? въ конторѣ или на квартирѣ у себя?

Вася придвинулся къ столу, тяжело облокотился на него и опустил голову на руки.

— Я? Гулялъ. За городомъ.

— До этихъ поръ гуляли? Ну, стало быть, теперь отдыхать самое время. Ложитесь-ка, голубчикъ, на мою кровать съ Богомъ. Дверку мы на ключъ припрремъ, никого не впустимъ.

Такъ уговариваютъ маленькихъ дѣтей, когда взрослые встревожены и не хотятъ показать имъ этого.

— Чтѣ она говорить?—спросилъ вдругъ Вася и вперилъ тяжелый взглядъ прямо ему въ глаза.

Старикъ потупился и нѣсколько секундъ порывисто сгребалъ передъ собою хлѣбныя крошки на скатерти.

— Видѣли вы ее?—спросилъ опять Вася.

— Не видалъ я, Васенька. Усните вы прежде, ради Господа! Съ себя придите; тогда все и обсудимъ какъ надобно.

Вася принялъ руки со стола и выпрямился.

— Съ чего же мнѣ въ себя приходите? Я, кажется, въ своемъ умѣ еще повамѣсть!

— Не знаю я, Василій Васильичъ, не знаю. Чтѣ промезду

вась вышло вчера—вы это знаете! Я только письмо читалъ, и ничего въ немъ такого не оказалось, отъ чего вамъ ночью по полямъ блуждать. Оттого и говорю, что въ себя придти надобно. Спать каждый человекъ долженъ. Уснете, и все вамъ въ другомъ совсѣмъ свѣтѣ представится.

Вася густо покраснѣлъ; его тусклые глаза блеснули.

— Что вы меня, точно ребенка, умачиваете!—крикнулъ онъ злобно.—Я не пьянъ! Ничего между насъ не выходило, съ чего вы это выдумали? Письмо прочиталъ—велика важность, подумаешь! Она—все равно, что жена мнѣ... Я имѣю право письма читать—право имѣю, понимаете вы это? Не потихоньку. Не укралъ... Ну, да! силкомъ изъ кармана вытащилъ! Зачѣмъ добромъ не отдавала, когда спрашивали? Дразнила... Солгала, что отъ него письмо. Нарочно солгала—зачѣмъ? Сердце въ влочки разрывается, а ей любо?!

Вася выбрался изъ-за стола на середину комнаты и быстро жестикулировалъ, блистая глазами.

— Что человекъ любя сдѣлаетъ, то ему каждый простить долженъ. Неужели же такая умная дѣвица и вдругъ не пойметъ этого!—воскликнулъ тревожно Федоръ Ивановичъ.

— Простить нужно зло какое-нибудь. Прощаютъ, когда обидать... А коли у меня ни мысли, ни чувства другого не осталось... Коли я лучше умереть сейчасъ согласился бы... Что же ей прощать мнѣ?

Вася почувствовалъ за собою стулъ и упалъ на него, тяжело дыша. Онъ безсознательно оттягивалъ пальцемъ измятый воротникъ рубашки. Лицо было теперь красное, съ налившимися на вискахъ жилами.

— Не поминайте лучше, оставьте! Не тревожьте себя такъ, Василій Васильичъ!—умолялъ робко старикъ.

— Солгали, небось, давеча, будто не видали ее? Наслушались, поди, вдоволь?.. Возмущена... Оскорблена... Насиліе!! Ну, вотъ... вы на меня поглядѣли теперь—хорошъ, что-ли? Могу ли я обидѣть ее, коли тутъ и смерть моя въ ней!?..

Онъ поймалъ Федора Ивановича за руку и потянулся въ нему весь безпомощнымъ движеніемъ.

— Родной вы нашъ, пожалѣйте себя сколько-нибудь! Изъ-за чего вы такъ убиваетесь?! Ничего не случилось худого—ума не приложу, зачѣмъ себя такъ терзаете!

Вася тяжело зарыдалъ на его плечѣ, содрогаясь всѣмъ тѣломъ. Пошатываясь, далъ отвести себя на диванъ, проглотилъ

воды, намочилъ себѣ голову, расплескавъ по столу. Онъ все дѣлалъ безпрекословно, что тотъ говорилъ ему.

— Успокойтесь хорошенечко, тогда и объяснитесь между собой, развяжите свое сердце. Теперь только не думайте больше. Отдохните!—уговаривалъ старикъ, не выпуская его изъ глазъ и двигаясь по комнатѣ мягкими движеніями сидѣлки, ухаживающей за больнымъ.

Вдругъ мимо окна промелькнула голова Маши.

Федоръ Иванычъ загнулся на полусловѣ и съ ужасомъ смотрѣлъ на дверь, не зная, что дѣлать: помѣшать, удержать ее.

Маша открыла дверь, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Въ рукѣ у нея было письмо. Она шла отдать его Федору Иванычу и поручить ему разыскать Бѣлоусова; тетка только-что сказала ей, что его никто не видалъ со вчерашняго вечера.

Прямо передъ собою, съ порога она увидала растерзанную фигуру Васи съ мокрой головой и разорваннымъ воротомъ. Она невольно попятилась назадъ.

— Ну, вотъ-вотъ и слава Богу! вотъ и сами вы пришли, Марья Ильинишна! Съ рукъ на руки сдаю женишка вашего—успокойте вы намъ его, ради Создателя! Кто отъ вина, а кто и отъ любви голову потеряетъ не лучше пьянаго!..

Старикъ весь дрожалъ отъ волненія. Глаза его такъ испуганно и многозначительно впивались въ лицо дѣвушки, какъ будто онъ хотѣлъ этимъ взглядомъ предостеречь ее.

— Извините. Я думала, что вы одни. Я принесла письмо для передачи Василію Васильичу,—проговорила Маша тихо и не глядя на Васю.

Онъ оправилъ воротъ, пригладилъ волосы и медленно поднялся на ноги, не отводя отъ нея воспаленныхъ глазъ.

— Самъ на-лицо, къ чему намъ письмами переговариваться?—сказалъ онъ глухо.

Федоръ Иванычъ быстро шмыгнувъ за дверь позади Маши и выскочилъ на крыльцо.

Маша нерѣшительно отошла отъ двери до ближайшаго стула и взялась за его спинку.

— О чемъ переговоры? То, что вчера случилось, ясно показало, какъ оба мы ошибались. Эти четыре года слишкомъ далеко развели насъ. Мы и чувствуемъ, и думаемъ различно.

Она тяжело перевела духъ.

— Согласны вы со мною, Василій Васильичъ?—добавила тише и въ первый разъ встрѣтилась съ его взглядомъ.

Онъ вдругъ засмѣялся хриплымъ, короткимъ смѣхомъ.

— Какъ просто, подумаешь! Жизни-то всей какъ и не бывало? Думаемъ разнo—и разминовались всякъ въ свою сторону. Такъ, стало быть, умные люди тамъ живутъ? Мы здѣсь, дураки, вѣримъ еще, что слово свято!

— Свободное слово—не цѣнь. Впрочемъ, думайте, какъ хотите! Я въ наше счастье не вѣрю больше. Я не безумная, чтобы добровольно портить жизнь себѣ и другому. Женѣ съ мужемъ разставаться еще труднѣе будетъ. Все равно, я неволи не вынесу, а вамъ свободы не понять.

— Не свобода и не неволя тутъ, а разлюбила ты меня попросту! Зачѣмъ лжешь?—крикнулъ онъ, задыхаясь.

— Да, разлюбила. Еслибъ до гробовой доски прожили бокъ-д-бокъ, и тогда не могла бы забыть вчерашняго дня!

— Неправда, не тогда разлюбила... вернулась чужая! Опять лжешь!.. Что я сдѣлалъ?.. Обрадовалась!.. То ли бываетъ, знаешь ли ты это? вѣдь бьютъ подъ ревнивую руку, да и то прощается! Что ты словами-то закидать меня надѣнешься?! Счастливыми намъ не быть... Да, не быть! а жизни врозь все одно нѣтъ для насъ!

— Это то, чего я не понимаю,—отвѣтила Маша высокомерно, но мелькомъ тревожно взглянула въ его лицо.

— Чего не понимаешь?—Онъ шагнулъ еще ближе.

— Смысла нѣтъ въ томъ, что вы говорите. Если. не для счастья, такъ для чего же намъ сходиться?

— Счастье!.. Нѣтъ его безъ тебя... Нѣтъ!! Еще ты не видишь этого?..

Онъ хотѣлъ взять ее за руку. Она быстро повернула стулъ такъ, что онъ пришелся между ними. Лицо ея сжалось, глаза сузились.

Въ одинъ мигъ онъ вырвалъ стулъ у нея изъ рукъ и отшвырнулъ въ сторону.

— Что ты видишь этотъ дѣлаешь, будто и въ самомъ дѣлѣ боишься очень!? Опять дразнить? Кто вчера довелъ до крайности?.. Не я ли умолялъ тебя показать письмо... Не ты ли сказала, что отъ него оно?.. Зачѣмъ? Такъ честныя развѣ дѣлаютъ?!

Онъ произносилъ медленно съвозъ стиснутые зубы и лицо его все темнѣло, приближаясь къ ней.

Маша оглянулась на окна. Гдѣ всѣ? Неужели не войдутъ больше? Онъ загораживалъ отъ нея дверь. Слово его она вовсе не слышала.

Онъ ждалъ отвѣта. По ея растерянному, безкровному лицу, по молчанію, онъ вдругъ понялъ, что она боится. И это, какъ искра, перелетѣло отъ одного въ другому. То, что вихремъ за-

вружилось въ его головѣ, уже не были мысли. Отдѣльныя слова, острия, жгучія, какъ отравленныя стрѣлы, впивались въ мозгъ...

— Пусти! пусти! Боюсь тебя!—закричала она безсознательно, не своимъ, высокимъ голосомъ.

— Такъ бойся не даромъ же! Небось, думала, назадъ отпущу?.. Къ красавцу твоему черноглазому...

Она сдѣлала усиліе, чтобы вырваться отъ него. Вдругъ онъ быстро весь изогнулся, схватилъ что-то со стола и тѣмъ же обратнымъ размахомъ руки пустилъ ей въ голову.

Маша безъ звука скользнула по полу и повисла на его рукѣ, которую онъ по прежнему держалъ въ своей.

Бѣлоусовъ дико смотрѣлъ на безжизненное тѣло у своихъ ногъ и не понималъ—убилъ онъ ее, или она еще жива?..

Ольга Шапиръ.

НА АѦОНѢ

ИЗЪ ПУТЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Окончаніе.

X *).

РУССКОЕ ИНОЧЕСТВО НА АѦОНѢ.

Полагають, что русскіе паломники стали появляться на АѦонѢ уже вскорѣ послѣ утвержденія на Руси христіанства. Извѣстно, между прочимъ, что св. Антоній Печерскій, прозванный отцомъ русскихъ иноковъ, до водворенія своего въ Кіевѣ, дважды паломничалъ на Святую Гору. Сравнительно немногимъ позже русскіе основали тамъ и свой самостоятельный монастырь Богородицы Ксилургу. Название „ксилургу“, означающее древодѣліе, обитель могла, по существующему преданію, получить оттого, что поселившіеся здѣсь русскіе иноки тогда же занялись своимъ роднымъ мастерствомъ — плотничаньемъ и изготовленіемъ деревянныхъ издѣлій. „Путеводитель по св. АѦонской горѣ“, ссылаясь на „Исторію госуд. Россійскаго“, относитъ основаніе этой первой русской обители ко времени Владиміра Святого и сына его Ярослава. Ниже (на стр. 96) „Путеводитель“, впрочемъ, уже пропускаетъ имя Владиміра, а упоминаетъ лишь о времени Ярослава и къ тому же присовокупляетъ: „А иные говорятъ, что, по указу греческаго императора Алексѣя Комнена въ 1080 г., этотъ скитъ или, вѣрнѣе, — по тогдашнему его положенію — эту обитель повелѣно

*) См. выше: апр., 511 стр.

было только отдать въ собственность русскимъ". И по свидѣтельству еп. Порфирія, первые русскіе монахи, основатели монастыря Ксилургу, появились на Аѳонѣ немного ранѣе 1081 г. Въ чашѣ громадныхъ папоротниковъ, среди лѣса нашъ ученый нашелъ его развалины въ видѣ четырехугольника, въ серединѣ котораго стояла церковь. Сохранились лишь низкія стѣны, заваленныя грудами строевыхъ камней. Трудно понять, какое отношеніе эти развалины Ксилургу имѣютъ къ описываемому въ „Путеводителѣ“ нынѣшнему скиту того же наименованія (онъ же и скитъ Богородицы). Послѣдній нынѣ заселенъ болгарами, въ числѣ 25 человекъ, и находится только въ вѣденіи монастыря Русика. Далѣе, тамъ же (на стр. 96) говорится, что въ 1169 г., по просьбѣ тогдашняго русскаго игумена, святогорцы уступили русскимъ монастырь св. Пантелеймона (нагорный Русикъ), причемъ и Ксилургу осталась за ними, но въ видѣ уже скита; о томъ же, чтобы обитель позже лежала цѣлыя столѣтія въ развалинахъ и возобновилась лишь послѣ посѣщенія этихъ развалинъ еп. Порфиріемъ, не упоминается. Не упоминается объ этомъ и въ другомъ монашескомъ изданіи: „Монастырь“. Изъ сообщаемого въ этой книгѣ (стр. 178) мы, напротивъ того, усматриваемъ, что соборная церковь Ксилургу, низкіе своды и тѣсныя размѣры которой свидѣтельствуютъ о глубокой ея древности, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія была въ исправности и служила своимъ цѣлямъ. Отсюда очевидно, что постройки, нынѣ выдаваемые за древнюю Ксилургу, не тождественны съ изслѣдованными еп. Порфиріемъ. Биографъ игумена Макарія, Кресковскій, лишь коротко сообщаетъ, что трудами покойнаго заброшенный скитъ Ксилургу возникъ изъ запустѣнія въ болѣе великолѣпномъ видѣ, чѣмъ былъ въ древности. Я самъ въ тѣхъ мѣстахъ не былъ; но надо полагать, что нынѣшній скитъ Ксилургу, связанный съ первоначальнымъ лишь традиціей, замѣнилъ и построился по близости его. Топографическое указаніе на темную дубраву восточнаго склона горы въ слишкомъ трехчасовомъ разстояніи отъ Пантелеймоновскаго монастыря не противорѣчитъ этому предположенію.

Упомянутая немного выше уступка въ XII в. русскимъ монахамъ Пантелеймоновскаго монастыря, или Русика, въ добавленіе къ ихъ прежней обители свидѣтельствуетъ объ умноженіи ихъ числа. Само собою разумѣется, что русскіе иноки дорожили и поддерживали сношенія съ метрополіей и ея правителями. Въ удѣльный періодъ сношенія эти имѣли лишь частный характеръ, ибо, по причинѣ смутъ и междоусобій, русскія княжескія лепты естественно прекратились. Бывали такія времена упадка, когда

въ м. Русикѣ насчитывалось всего по нѣскольку человекъ иноковъ, и даже такіа, когда онѣ совсѣмъ оставался безъ обитателей. Подобными періодами умѣли пользоваться сосѣди, присвоивавшіе себѣ одинъ его земельный участокъ за другимъ. Вслѣдствіе того аеонская русская община искала поддержки у южныхъ славянъ и грековъ, а иноплеменные иноки стали примѣшиваться къ русскимъ.

Въ XIV вѣкѣ монастырь Русикъ существовалъ щедротами сначала греческихъ, а потомъ сербскихъ властителей. Стефанъ Душанъ Сильный, сербскій царь, прислалъ обители дарственные записи на нѣсколько селъ съ церквами, полей и пр., а также въ довершеніе своего благоволенія, еще и главу св. Пантелеймона, эту и по сію пору наиболѣе чтимую изъ всѣхъ мощей русскаго монастыря. Глава неоднократно привозилась и въ Россію сборщиками милостыни. Она обдѣлана въ серебряный ковчегъ яйцевидной формы, весь покрытый гравировкой. Прилаживаются къ обнаженной части темныхъ костей, для которыхъ въ ковчегѣ оставлено отверстіе. Вообще изъ книги „Русскій монастырь“ усматривается, что въ тѣ времена не русскіе, а сербскіе властелины являются благодѣтелями русской обители, и именно имъ она обязана своимъ благоустройствомъ, и внѣшнимъ, и внутреннимъ. „Съ этого времени начинается въ жизни русской обители новая эпоха, которую можно считать за самое цвѣтущее время въ 700-лѣтнее ея существованіе. Но зато обитель русская вынуждена была подчиниться вполнѣ сербскому вліянію: судя по языку ея домашнихъ актовъ, игумены поставлялись тогда преимущественно изъ сербовъ, которые составляли и большинство братства русской обители, по случаю ея „всеконечнаго отъ Русіи оставленія“.“ Къ перипетіямъ, перенесеннымъ русскимъ монастыремъ, относится его осада, сожженіе и разграбленіе каталонцами въ началѣ XIV в. По окончательномъ разгромленіи турками Византіи и Сербіи, м. Русикъ снискалъ себѣ покровительство угро-влахійскихъ воеводъ, пока Русь не свергла съ себя татарскаго ига и снова обратила вниманіе на Аеонъ.

Съ этого времени сношенія Аеона съ Россіей стали оживляться, число паломниковъ увеличиваться. Замѣчательно, что между послѣдними одинъ, а именно игумень угрѣшскій, занимался на Аеонѣ списываніемъ славянскихъ рукописей („Русскій монастырь“, стр. 34). Упоминается объ участіи въ первыхъ рядахъ аеонскихъ монаховъ въ борьбѣ противъ введенія уніи въ нашемъ юго-западномъ краѣ. Вновь стали появляться на Аеонѣ русскіе иноки; а какъ ближайшее тому слѣдствіе, завязались и вновь сношенія съ русскими властелинами. „Въ русскихъ лѣтописяхъ

подъ 1497 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что къ вел. кн. Іоанну III Васильевичу приходили игуменъ Паисій и три старца изъ Святой Горы русскаго Пантелеймонова монастыря милостыни ради, и великій князь милостынею изволилъ“ („Русс. мон.“, стр. 95). Мало того, по спеціальному ходатайству, вел. кн. Василій Іоанновичъ принялъ этотъ монастырь подъ свое личное покровительство, сдѣлался его копитаромъ. При Іоаннѣ Грозномъ¹⁾, въ самый годъ вѣнчанія его на царство, всероссійскимъ патриархомъ Макаріемъ было разослано окружное посланіе, коимъ всѣ сыны и чада, сущіе во Христѣ, извѣщались о прибытіи старцевъ отъ св. Горы изъ Пантелеймонова монастыря такихъ-то „къ святѣйшему царю, о Святомъ Духѣ возлюбленному господину и сыну нашего смиренія, благовѣрному и благородному и христіолюбивому вел. кн. Іоанну Васильевичу, всея Руси самодержцу, да и къ нашему смиренію и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ русскаго нашего великаго православія, прося милостыни на провормленіе и вспоможеніе и на искупленіе братства той честной обители“. Въ какой мѣрѣ пантелеймоновцамъ удалось, благодаря этому окружному посланію, пополнить опустѣвшую монастырскую кассу, этого изъ цитируемаго нами источника не усматривается; но зато видно, что уже три года спустя двое старцевъ изъ того же монастыря привезли царю посланіе своего игумена, въ которомъ заключаются жалобы на бѣдственное матеріальное положеніе, сильную задолженность монастыря, на его беззащитность, вслѣдствіе разрушенія ограды, на притѣсненія и турокъ, и грековъ, отнявшихъ многія села, купленные на ленты царскихъ прадѣдовъ. Игуменъ проситъ царя смилостивиться, призрѣть свой монастырь. „Если же не хочешь, благочестивый царь, насъ пожаловать, то пошли своего человѣка и возьми обратно сосуды церковные, да не возьмутъ турки, а мы куда дѣтъ ихъ не знаемъ“. Послѣдняя фраза похожа на ультиматумъ, да и все посланіе написано въ тонѣ: „быть или не быть“ русскому монастырю. Видно, либо посланіе оказалось гласомъ вопіющаго въ пустынь, либо помощь послѣдовала несвоевременно и недостаточно обильно; но вскорѣ за сѣмъ произошло запустѣніе обители. Насколько запустѣніе это было полное, въ цитируемой нами книгѣ не приводится; но, должно быть, не всѣ иноки разбрелись,—иначе царь, отправляя въ Константинополь, въ 1551 г., одного паробка на выучку греческаго языка, не писалъ бы патриарху: „если тебѣ у себя его

¹⁾ Это и нижеслѣдующія свѣденія заимствованы авторомъ книги „Русскій монастырь“ преимущественно изъ Актовъ Археограф. Коммиссіи, т. I, и книги: „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“. Спб. 1858 и 1860 г.

научить нельзя, то, отошли его на св. гору Аеонскую, въ нашъ монастырь св. Пантелеймона“. Противъ такого запустѣнія говорить также и прїѣздъ весною 1554 г. въ Москву пантелеймоновскаго старца за милостынею и переписаніемъ прежней, жалованной предшественнивомъ грамоты на имя настоящаго царя. Какова бы ни была степень запустѣнія, въ 1561 г. о ней уже рѣчи вовсе быть не могло. Въ названномъ году прибыли изъ Русіи въ Москву четверо монаховъ съ игуменомъ во главѣ, а изъ Лавры пять и изъ Ставроникейтскаго монастыря четыре челоуѣва. Всѣ они прогостили въ нашей первопрестольной столицѣ безъ малаго два года ¹⁾. Изъ сохранившихся документовъ видно, что аеонцы „почтены и удоволены милостями самимъ царемъ и царицею со чадъ ихъ, и прочими властями духовными и свѣтскими“; видно также, что Пантелеймоновскій монастырь, по тогдашнему, отличался многолюдствомъ, заключаая въ себѣ: игумена, 15 священниковъ, 7 діаконъ и всей братіи 170 чел.; что церквей внутри и кругомъ монастыря было 15. Тѣмъ неожиданнѣе фактъ, что тридцать лѣтъ спустя монастырь оказался совсѣмъ пустымъ. „Если справедливо,—говоритъ нашъ анонимный духовный авторъ,—печальное преданіе, записанное у Барскаго, что однажды, по возникшей неприязни, греки извели всѣхъ русскихъ, то, кажется, можно отнести сіе къ этому времени“.

О запустѣніи Пантелеймоновскаго монастыря узнали въ Россіи лишь послѣ миссіи на Востокъ (въ 1582 г.) царскаго челоуѣва, со специальною цѣлью раздачи монастырямъ милости по душѣ царевича Іоанна. 500 рублей, назначенные по росписи этому монастырю, остались непристроенными, ибо монастырь стоялъ уже десять лѣтъ пустымъ. Всего, надо полагать, монастырь былъ обитаемъ лѣтъ двадцать; устроился же и заселился онъ вновь не безъ участія русскаго царя, на этотъ разъ Федора Іоанновича, къ которому прїѣзжали архимандритъ и строитель монастыря бить челомъ о милостыни „для огражденія монастыря и вообще устройства его царскою милостынею“. „Благодаря отеческому попеченію царя и патріарха и благочестивой щедрости русскаго челоуѣва“, русскій аеонскій монастырь мало-по-малу устроился, но съ наступленіемъ смутнаго времени, будучи предоставленъ самъ себѣ, опять сталъ клониться въ упадку и запустѣнію, „впалъ въ убытокъ и въ долгъ, заложилъ ризы церковныя и монастырскія,

¹⁾ Что и въ отсутствіе сборщиковъ русскій царь продолжалъ чтить и помнить Аеонъ, это доказывается послышкою туда въ 1571 г. царскаго челоуѣва съ грамотою и при ней милостыни: 200 рублей по царицѣ Анастасіи, серебряной чары по царицѣ Маріи, и 150 р. по братѣ царевомъ Георгіѣ, для ежегоднаго ихъ поминовенія.

и иное строеніе недвижимое, и пашню, и сады всё, чѣмъ питались, и нынѣ тѣмъ не владѣютъ; отъ великаго долга и самихъ ихъ посажали въ темницы, и тамъ злѣ погибаютъ; да и церковь ихъ, и велліи, и монастырскія стѣны разорены; и пищи никакой не имѣютъ, и отъ великаго своего изнеможенія и отъ долга не могутъ ничего починить“. Такъ, по просьбѣ пантелеймоновцевъ, вызываетъ вселенскій патріархъ Кирилль въ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ грамотѣ, привезенной въ Москву архимандритомъ Русика въ 1626 г. Челобитная эта, очевидно, не была безуспѣшна.

Успѣхъ ея выразился, между прочимъ, и въ письменномъ дозволеніи царя и русскаго патріарха пріѣзжать въ Россію за милостынею чрезъ каждые четыре года. Срогъ этотъ, надо полагать, показался монахамъ нѣсколько длиннымъ, ибо посланцы ихъ вновь пріѣхали въ Россію уже на третій годъ, за что даже не были и допущены въ Москву. Такъ какъ въ цитируемой нами книгѣ слѣдующій пріѣздъ аеонцевъ значится лишь подъ 1636 годомъ, когда посланцы, такъ сказать, въ качествѣ оправдательнаго документа, захватили съ собою грамоту о дозволеніи пріѣзжать въ четыре года разъ, то изъ этого, повидимому, можно заключить, что успѣшность прежней миссіи имѣла обратное дѣйствіе, лишивъ монастырь поддержки изъ Россіи на цѣлое десятилѣтіе. Не стану приводить всѣхъ прочихъ, также упомянутыхъ въ нашемъ источникѣ, пріѣздовъ въ Россію аеонскихъ сборщивовъ. Пріѣзды эти совершались болѣе или менѣе регулярно и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и при Іоаннѣ и Петрѣ, и при Петрѣ Великомъ.

Достойно вниманія, что, несмотря на эти частые пріѣзды за милостынею, русское иночество на Аеонѣ какъ-то не прививалось, и специально-русскій монастырь, этотъ естественный его центръ, неудержимо клонился къ упадку. Нашъ пѣшеходъ-паломникъ Василій Барскій въ первый свой приходъ на Аеонъ (въ 1725 г.) рисуетъ печальную картину тогдашняго Русика. „На красномъ мѣстѣ стоящая обитель,—пишетъ онъ ¹⁾,—тоемо зѣло нища и убога, яко едва съ нуждою вскормляется, аще бо и много имать земли подъ своею властію, и села имаше, яко свидѣтельствууютъ грамоты старинныя, но нынѣ чужда рука владѣеть, понеже нѣсть тамъ кому простерти языка, ни рукъ въ снабдѣваніи оныхъ имѣній... Тамо въ монастырѣ русскомъ обрѣтохъ тогда четыре тоемо, иже пребываютъ иноки, два отъ руссовъ, и два отъ болгаровъ, игуменъ болгаринъ баше“.

¹⁾ Путешествіе, ч. 1, стр. 150.

Послѣ Петра I, когда усилилось въ Россіи западное вліяніе, а затѣмъ наступила бироновщина, связь аеонскихъ монастырей съ Россіей вовсе прекратилась, а потому тотъ же Барскій, при вторичномъ своемъ посѣщеніи Аэона, въ 1744 г., уже не нашелъ въ м. Русикѣ ни одного русскаго инока ¹⁾. Во время пятилѣтней нашей войны съ Турціей, когда прибытіе изъ Россіи новыхъ иноковъ было бы невозможно, греки завладѣли монастыремъ.

Вмѣстѣ съ греками въ м. Русикѣ воцарились и новые порядки: монастырь изъ общежительнаго сдѣлался штатнымъ съ болѣе легкимъ уставомъ. Греки съумѣли найти себѣ постоянныхъ благотворителей въ лицѣ молдаванскихъ и валахскихъ господарей, но тѣмъ не менѣе, не имѣя достаточныхъ средствъ къ обновленію обширной обители, въ исходѣ прошлаго столѣтія переселились въ принадлежавшій имъ и близъ-лежащій прибрежный монастырь — нынѣшній новый Русикъ, или Пантелеймоновскій монастырь ²⁾. Оставленною же и обреченною на запустѣніе обителью завладѣли пастухи, находившіе, что ложбина и лѣса, ее окружающіе, составляютъ весьма удобное пастбище для трехъ-тысячнаго стада воловъ.

На новосельѣ инокамъ не слишкомъ долго жилось привольно. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія монастырь ихъ вновь пришелъ въ такое бѣдственное положеніе, что подалъ протату поводъ ходатайствовать передъ константинопольскимъ патріархомъ объ окончательномъ его упраздненіи. Протата руководствовался при этомъ, конечно, прежде всего корыстными цѣлями, такъ какъ чистую выручку отъ продажи монастырскихъ земель другимъ, греческимъ монастырямъ, имѣлъ въ виду принять въ свое собственное распоряженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ протата, избранный изъ грековъ, надо полагать, преслѣдовалъ и племенные цѣли. Ему было желательно исключеніе изъ списка и самаго имени русской обители, раньше или позже уже по одной традиціи могшей найти ктиторовъ русской или вообще славянской національности. Домогательства протата имѣли однако послѣдствіе обратное ожидаемому. Патріархъ, въ виду прерогативъ, приобрѣтенныхъ Россіей

¹⁾ Какъ вещественное воспоминаніе посѣщенія Барскаго, въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ виситъ подъ стекломъ его собственноручное (?) алмазное изображеніе нагорнаго Русика.

²⁾ Благочестивскій, ошибочно относящій упомянутую выше рѣзню къ концу прошлаго столѣтія, приводитъ, будто тѣмъ убитыхъ стали беспокоить совѣсть грековъ и побудили ихъ покинуть нагорный Русикъ. Что мы имѣемъ тутъ дѣло дѣйствительно съ анахронизмомъ, а не со второю рѣзней, это явствуетъ изъ отсутствія въ данное время въ составѣ братія русскихъ иноковъ.

въ дѣлахъ восточныхъ христіанъ, благодаря послѣднимъ ея войнамъ съ Турціей, счелъ упраздненіе русской аеонской обители неполитичнымъ, мало того—надумалъ возстановить ее въ прежнемъ видѣ, какъ общежитіе. Онъ предписалъ протату подыскать опытнаго аеонскаго старца, которому можно было бы поручить это дѣло. Оставалось одно—повиноваться. И вотъ протатъ указалъ на славившагося строгостью своей жизни іеромонаха Ксенофскаго скита Савву, какъ на лицо, которое въ силахъ осуществить мысль и волю его святѣйшества. Патріархъ благословилъ этотъ выборъ, вѣроятно, не зная о томъ, что о. Саввѣ было уже подъ девяносто лѣтъ, и что его даже не предупредили о долженствующей выпасть на его долю организаторской роли. Отказывался старецъ разъ, другой, третій, а въ четвертый патріархъ грозилъ ему уже судомъ божьимъ за ослушаніе. Передъ такимъ аргументомъ какъ было не отступить смиренному старцу? Савва переселился въ Русиковскій монастырь и составилъ планъ новой при немъ киновіи. Но онъ не могъ дождаться средствъ, обѣщанныхъ его святѣйшествомъ. Навонецъ, къ немалому смущенію дряхлаго старца, мечтавшаго только объ одномъ, какъ бы умереть на священной землѣ,—вмѣсто денегъ, получается повелѣніе патріарха пріѣхать въ Константинополь для личныхъ объясненій. Торжественное молебствіе, съ которымъ владыко, а вмѣстѣ съ нимъ и весь синодъ, встрѣтили прославляемаго отшельника, публичное лобызаніе ему руки самимъ патріархомъ и членами синода, могли развѣ смутить или, въ лучшемъ случаѣ, растрогать смиреннаго старца, который дѣйствительно и залился слезами, какъ дитя; что же касается обѣщанныхъ суммъ изъ патріаршей кассы, то Саввѣ обѣщали дать ихъ при отъѣздѣ, пока же предоставили заняться сборомъ милостивыхъ подаваній. Такимъ образомъ старика задержали въ турецкой столицѣ цѣлыхъ четыре года; за это время, собирая по каплямъ, онъ все-таки не терялъ надежды на крупную помощь патріарха. Навонецъ, Савва дождался, но только одного рѣшительнаго отказа. Совпалъ этотъ отказъ съ началомъ новой войны между Турціей и Россіей. Умѣстно ли и политично ли, въ данный моментъ, угождать Россіи возстановленіемъ монастыря ея имени? Такъ вѣроятно разсуждалъ патріархъ Калининъ, или ему было просто стало жаль обѣщанныхъ денегъ. Несмотря на такое разочарованіе, Саввѣ все-таки удалось собрать необходимыя ему суммы, и главнымъ образомъ—путемъ чудесъ. Начались такіа чудеса съ исцѣленія безнадежно больного великаго драгомана Порты, князя Скарлата Калимаха. Испытавъ всѣ средства врачей земныхъ, семейство умиравшаго надумало при-

бѣгнуть къ аеонскому старцу. Больной далъ, какъ водится, обѣтъ—въ случаѣ выздоровленія сдѣлаться ктиторомъ имѣющей возникнуть на Аеонѣ обители имени св. Пантелеймона. Старецъ совершилъ торжественное молебствіе съ водосвятиемъ, окропилъ болящаго святою водою и далъ ему выпить отваръ аеонскихъ травъ съ тою же святою водою. На другой же день князь былъ здоровъ, и вѣсть о чудесномъ его исцѣленіи, какъ молнія, облетѣла не только Цареградъ, но и весь Востокъ. Число немощныхъ всякаго рода, и слѣпыхъ, и проваженныхъ, и припадочныхъ, прибѣгавшихъ къ слугѣ святого цѣлителя, увеличивалось все болѣе и болѣе, такъ что Саввъ пришлось съѣздить на Аеонъ за главою угодника. Вмѣстѣ съ вѣрующими стали стекаться къ иноку и пастры. Скарлатъ Каллимахъ не послѣдовалъ примѣру патриарха, и до конца своей жизни свято исполнялъ свой обѣтъ, въ особенности послѣ назначенія его господаремъ Валахіи. Монастырь устроился. Какъ бы на зло протату, дряхлый его строитель прожилъ до 103 лѣтъ и скончался въ тотъ годъ, когда началось греческое возстаніе. Въ томъ же году турками былъ вызванъ въ Константинополь и убитъ ктиторъ монастыря, валахскій господарь. Какое активное участіе въ возстаніи принималъ Русигъ, объ этомъ въ книгѣ „Монастырь“ умалчивается, но говорится о послѣдствіяхъ, которыя для него имѣли въ совокупности утрата двухъ дѣятелей и смутное время. Послѣдствія эти сводятся къ уже знакомой намъ картинѣ разрушающихся, недостроенныхъ стѣнъ, истощенію средствъ въ пропитанію, займамъ на огромные проценты, расхищенію имущества. Характерно для степени этого упадка объявленіе, согласно которому, если кто повѣритъ заимобразно монастырю 25 левовъ (5 р. ас.) и послѣ не будетъ имѣть возможности получить ихъ обратно, то святогорское правительство не обязывается принимать жалобъ, по крайней бѣдности и совершенной несостоятельности русскаго монастыря. Какъ признакъ крайней нищеты, далѣе приводится, что голодные иноки перемалывали бобъ и пекли изъ него хлѣбъ. Въ это время Гора, по случаю греческаго возстанія, была занята турецкими войсками, которыми монастырь былъ разграбленъ, а обитатели его избиты и мучимы тяжкими работами. Большинство, включая и настоятеля, забравъ драгоценности и документы, разошлись кто куда могъ. „Надеждъ на заступничество Россіи въ это критическое время не было: монастырь хотя и именовался русскимъ именемъ, но ни одного русскаго тогда не было въ числѣ немногой его братіи“.

Первое появленіе въ новомъ Русигѣ иноковъ русской національности относится къ тридцатымъ годамъ нашего вѣка. По

возстановленіи мира вернувшіеся въ разрушеннымъ своимъ очагамъ игумень и братія св. Пантелеймона убѣдились, что безъ средствъ возстановленіе и устройство монастыря невозможно, а потому порѣшили призвать къ себѣ въ сожительство денежныхъ русскихъ. Починъ, надо сознаться, былъ сдѣланъ ими очень удачный: имъ посчастливилось зазвать къ себѣ въ 1835 г. появившагося на Аѳонѣ князя Ширинскаго-Шихматова, въ иночествѣ іеромонаха о. Аникиту. Русский князь обратилъ на себя всеобщее вниманіе и сдѣлался притягательнымъ центромъ для другихъ русскихъ. Видно, кромѣ титула, онъ располагалъ и крупными средствами, ибо заложилъ при монастырѣ новый храмъ въ честь специально русскаго святого — Митрофана Воронежскаго. Протать, очевидно, встревожился, предчувствуя вліяніе, которое князь-иноць съ его обяніемъ и связями могъ имѣть на ходъ святогорскихъ дѣлъ, да и братство монастыря Русика, повидимому, стало сознавать, что призвало именитаго иноплеменнаго сочлена на собственную голову. Желая уклониться отъ неприяностей, о. Аникита удалился сначала въ Ильинскій скитъ, а потомъ промѣнялъ Аѳонъ на Аѳины, гдѣ занялъ должность настоятеля при нашей посольской церкви.

О выходѣ князя пантелеймоновцамъ пришлось вскорѣ искренно пожалѣть, ибо онъ повлекъ за собою новое бѣдственное положеніе ихъ обители со всѣми его послѣдствіями, продажей и залогомъ земельного и прочаго имущества, неоплатными долгами, по которымъ и процентовъ платить было нечѣмъ. Тогда-то они ованчательно убѣдились, что ихъ монастырю невозможно поправиться и существовать безъ русскихъ. На ихъ счастье въ Ильинскомъ скитѣ въ это время случились смуты, при которыхъ русскій старецъ и духовникъ Павелъ, человекъ денежный, былъ вытѣсненъ оттуда. Этотъ-то о. Павелъ, послѣ настойчивыхъ просьбъ, согласился перейти въ м. Русикъ и тотчасъ пожертвовалъ ему значительную сумму (70.000 піастровъ). Вслѣдъ за Павломъ, свончавшимся уже 8 мѣсяцевъ спустя, братія Русика, для успѣшнаго привлеченія къ себѣ новыхъ русскихъ иноковъ, стала искать лица, которое могло бы и духовно назидать русское братство. Выборъ ихъ палъ на одного пустычника, который, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, согласился и привезъ съ собою также нѣсколько человекъ русской же братіи. Это было въ 1840 году. Этотъ-то монахъ, извѣстный въ схимѣ подъ именемъ о. Іеронима, составляетъ несомнѣнно самое крупное дѣйствующее лицо въ послѣдней, новѣйшей главѣ русско-аѳонской эпопеи: главнымъ образомъ, его уму, энергіи, настойчивости, монастырь обязанъ возникновеніемъ современнаго русскаго строя; вмѣстѣ съ тѣмъ, его

стараніями умножилось и усилилось русское иночество на Аеонѣ вообще. Онъ, очевидно, трудился для самаго дѣла, лично оставаясь по возможности въ тѣни; въ игуменской власти не стремился, а выдвинулъ другого, по его соображеніямъ, болѣе умѣстнаго дѣятеля—о. Макарія.

Иеросхимонахъ о. Иеронимъ провелъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ цѣлыхъ 45 л. за работою его устроенія и систематическаго обрусѣнія. „Съ давнихъ поръ имѣлъ онъ многія и тяжкія болѣзни“, несмотря на которыя усиленно трудился до самой смерти, въ 1885 г., на 83 г. отъ роду. Не удивительно, что и послѣ своей смерти о. Иеронимъ продолжаетъ быть предметомъ какъ бы особаго культа у русской пантелеймоновской братіи. Его похоронили, вопреки принятому обычаю, внутри монастырскаго двора, сбоку алтаря, гдѣ, впрочемъ, раньше былъ преданъ землѣ и игуменъ Герасимъ. Далѣе—и тѣло его, тоже въ видѣ исключенія, опущено въ землю въ гробу, а не просто зашитымъ въ мантию. Отпѣваніе и погребеніе совершены самымъ торжественнымъ образомъ. При насъ шла рѣчь о имѣющемся будто бы въ виду извлеченіи останковъ его изъ могилы и перенесеніи ихъ въ усыпальницу; но такъ какъ трехлѣтній обычный срокъ этого обряда былъ уже пропущенъ, то, вѣроятно, праха усопшаго вовсе тревожить не стануть, и надъ его могилой по прежнему будетъ теплиться неугасаемая лампада. Фотографія, изображающая о. Иеронима въ гробу, виситъ на видномъ мѣстѣ въ столовой архондарика.

Какъ для братоубійственной войны, такъ и для смиреннѣйшей монастырскаго жизни требуются прежде всего деньги. И вотъ приливъ ихъ изъ неизсякаемаго по сию пору источника и успѣлъ организовать о. Иеронимъ: источникъ этотъ—испытанный уже въ прежніе вѣка русскій народъ. Новый духовникъ вскорѣ исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на милостынный сборъ въ Россіи, который и былъ организованъ имъ весьма умѣло. „Особенно благотворно было для Русика путешествіе по Россіи іеромонаха о. Арсенія со святынею въ 1860—67 гг., когда обильнымъ потокомъ изливалась цѣлебная благодать отъ нея въ разныхъ мѣстахъ нашего православнаго отечества“. Путешествіе это, какъ видно, длилось четыре года подъ-рядъ—существенное различіе отъ пріѣздовъ аеонскихъ сборщиковъ при первыхъ нашихъ царяхъ, долженствовавшихъ происходить, какъ мы видѣли, лишь въ четыре года разъ. Сопоставляя нынѣшнее цвѣтущее состояніе Пантелеймоновскаго монастыря съ изображеннымъ выше его упадкомъ, надо сознаться, что о. Иеронимъ и выдвинутые имъ помощники натворили чудеса организаторскаго

таланта. Уплата огромныхъ, стародавнихъ долговъ, возведеніе капитальныхъ построекъ въ самомъ монастырѣ и его филиальныхъ учрежденіяхъ (метохи, подворья, ново-аеонская обитель), сооруженіе судовъ, прокормленіе все увеличивающейся братіи, — на все это надо было сѹмѣть собрать весьма круглыя суммы. На первыхъ порахъ, пока власть монастырская находилась въ рукахъ грековъ, всякія начинанія русскихъ его дѣятелей, даже клонившіяся непосредственно къ приобрѣтенію матеріальныхъ средствъ, могли возбуждать подозрительность грековъ, и образованные изъ нихъ, навѣрное, не разъ вспоминали изреченіе: *Timeo Danaos et dona ferentes*. Усиленіе въ монастырѣ русскаго элемента разжигало національную неприязнь, выразившуюся въ особенности въ „двукратномъ преслѣдованіи русскихъ эллинскимъ элементомъ“, при чемъ русскимъ приходилось испытать „скорби почти невыносимыя“ („Монастырь“, стр. 63. Дипломатическая несловоохотливость и, надо полагать, также и гуманное правило: лежачаго не бьютъ, — являются причиною того, что намъ пришлось, какъ изъ монастырскаго изданія, такъ и изъ личныхъ бесѣдъ, узнать весьма мало о различныхъ фазахъ новѣйшей русско-аеонской драмы. Приведемъ, однако, нѣкоторыя частности изъ недавно выпедшей книжки Красковскаго, который въ свою очередь основывается на личныхъ сообщеніяхъ архимандрита Макарія и на статьяхъ „Любителя истины“¹⁾).

Со времени послѣдняго призыва русскихъ въ Пантелеймоновскій монастырь, они „въ теченіе цѣлыхъ 16 лѣтъ переносили свое угнетенное положеніе и старались жить мирно въ своей отдѣльной отъ греческихъ монаховъ части монастыря, съ небольшою церковкой (параклисомъ), въ которой совершали богослуженіе на своемъ родномъ славянскомъ языкѣ“... „Присылаемые изъ Россіи пожертвованія русскіе иноки съ братскою любовію и довѣріемъ передавали грекамъ“, утварь дѣлили пополамъ, и лишь оставляли себѣ всецѣло пожертвованія, предназначавшіяся для нихъ специально самими жертвователями (на такія средства ими была окончена Митрофаньевская церковь, а потомъ, въ 1859 г., устроенъ и Покровскій соборъ). Тѣмъ не менѣе ни одно изъ начальственныхъ послушаній или служеній въ монастырѣ не поручалось русскимъ, даже и тогда, когда число ихъ (послѣ приѣзда

¹⁾ Статьи „Любителя истины“ появились сначала въ греческой газетѣ, а потомъ переведены на русскій языкъ въ „Моск. Вѣд.“, „Голосъ“ и „Домашн. Бесѣдъ“, а затѣмъ изданы отдѣльно подъ заглавіемъ: „По поводу вопроса объ аеонскомъ монастырѣ св. Пантелеймона“. Спб. 1874 г.

Макарія ¹⁾ доходило уже до 80. Естественно, и русскіе тяготились своимъ зависимымъ положеніемъ тѣмъ болѣе, что греки давали имъ чувствовать свое превосходство. За трапезой они не могли привыкнуть ни къ „frutti di mare“, ни къ чтенію на греческомъ языкѣ. Это чтеніе и явилось первымъ поводомъ къ ожесточеннымъ раздорамъ между монахами двухъ націй. Въ 1857 г. русскіе—ихъ было тогда уже 100 чел.—потребовали, чтобы чтеніе это въ извѣстные дни происходило на русскомъ языкѣ. „Страстные состязанія, препирательства и словопренія“, ведомыя греками со свойственными южному темпераменту пылкостью и увлеченіемъ, приводили лишь къ непрочнымъ компромиссамъ, въ которыхъ предполагалось между прочимъ установить процентное отношеніе въ численности братьевъ той и другой національности. Распря достигла своего апогея съ возбужденіемъ русскими вопроса о предъизбраніи игуменомъ ихъ соотечественника. Весьма выгоднымъ для русскихъ послѣдствіемъ этого взрыва былъ выходъ въ 1868 г. изъ монастыря „заводчика смуты“, греческаго духовника съ 27 монахами, а потому, надо полагать, они охотно выдали потребованное ими на дорогу „достаточное пособіе“ изъ общей монастырской кассы. Еще прежде, въ 1858 г., „нѣсколько смутьяновъ“ изъ греческаго братства были удалены изъ монастыря. Послѣ такихъ кровопусканій греческаго, а также нормальнаго преобладающаго приращенія русскаго братства—иначе нельзя себѣ объяснить дѣла—наступилъ тотъ моментъ, когда силы противниковъ почти уравнились. На самомъ дѣлѣ, только благодаря этому условію, могло послѣдовать (въ 1870 г.) предъизбраніе русскаго, о. Макарія, въ нареченные преемники престарѣлому игумену Герасиму. Такія предъизбранія практиковались и раньше: самъ Герасимъ въ свое время попалъ такимъ же образомъ въ игумены ²⁾. Въ 1870 г. послѣднему было уже 98 лѣтъ. За старостью лѣтъ, нетвердостью характера и, далѣе, какъ славяннинъ

¹⁾ Макарій привелъ съ собою на Аеонъ двадцать-семь товарищей, изъ коихъ въ Павтелеймоновскомъ осталось девятнадцать. Такою дружиною сразу усилилась русская община (Красковский).

²⁾ Макарій, въ мѣрѣ Ив. Мих. Сушкинъ, богатый купеческій сынъ. Онъ постриженъ на Аеонѣ, прямо въ схиму, казалось, умирающимъ, въ 1851 г., а умеръ, на 14-мъ году игуменства, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ моего посѣщенія Аеона (т.е. лѣтомъ 89 года); нѣсколько же мѣсяцевъ до этого посѣщенія, послѣ тяжелой болѣзни его уговорили выбрать себѣ „для облегченія“ помощника, разумѣя подъ таковымъ и нареченнаго преемника. Было намѣчено нѣсколько кандидатовъ. Имена ихъ положены въ ковчегъ главы св. Павтелеймона; отслужено молебствіе и вытянутъ жребій. Онъ палъ на симпатичнаго и весьма представительнаго о. Андрея, нынѣшняго игумена.

по происхожденію, онъ весьма естественно подчинился влиянію даровитаго и энергичнаго Іеронима.

„Послѣ этого предъизбранія,—пишетъ „Любитель истины“ (стр. 54), — отношенія между русскими и греческими монахами сдѣлались такъ раздражительны и шероховаты, что святая обитель не переставала быть зрѣлищемъ ссоръ и споровъ, совершенно неприличныхъ и живущимъ въ мірскомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе отцамъ, предавшимъ себя монашеской и подвижнической жизни“. Можно себѣ представить положеніе престарѣлаго и, очевидно, безхарактернаго игумена между двухъ огней. Предложенное русскими, для прекращенія раздоровъ и соблазновъ, отдѣленіе ихъ братства отъ греческаго ему показалось хорошимъ исходомъ, и онъ далъ на него свое благословеніе. Однако, расчетъ этотъ былъ невѣренъ, и Герасимъ навлекъ на себя негодованіе грековъ за измѣну ихъ интересамъ. Имъ удалось провести избраніе трехъ помощниковъ игумена, которые и держали его подъ постояннымъ надзоромъ и фактически превратили монастырь въ олигархическое учрежденіе. Протать при посредствѣ слѣдственныхъ комиссій выработалъ (въ 1874 г.) постановленіе, которымъ монастырь признавался греческимъ, и грекамъ обезпечено и численное преобладаніе, и власть. Греки праздновали побѣду, а на протесты русскихъ протать не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и немедленно приступилъ къ осуществленію постановленій своей комиссіи, не выжидая обычнаго утвержденія ихъ константинопольскимъ вселенскимъ патріархомъ. Тогда трое уполномоченныхъ русской братіи, съ Макаріемъ во главѣ, тайно выѣхали съ жалобой въ Константинополь, откуда Макарій въ маѣ 1875 г. возвратился полнымъ побѣдителемъ ¹⁾. Къ этому времени, какъ бы встать, умеръ Герасимъ на 103-мъ году жизни, послѣ слишкомъ сорока-лѣтняго настоятельства.

Патріархъ устроилъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, въ присутствіи своихъ делегатовъ, торжественное избраніе уже заранѣе предъизбраннаго и вслѣдъ затѣмъ подтвердилъ это избраніе грамотой, дословный текстъ которой приведенъ въ книгѣ „Монастырь“. Въ достопамятномъ документѣ этомъ говорится о взаимныхъ спорахъ и раздорахъ, которые росли съ каждымъ днемъ, о непрерывныхъ соблазнахъ и смутахъ, несвойственныхъ священному званію монашескому; далѣе говорится, что русскіе, воимъ монастырь только и обязанъ своимъ освобожденіемъ отъ бѣд-

¹⁾ Побѣда Макарія надъ греческими насельниками Афона—пишетъ Красновскій—стояла ему необыкновенныхъ усилій, стойкости и самоотверженія; „даже самой жизни его угрожала опасность“.

ности и лежащихъ на немъ долговъ и приведенію въ цвѣтущее и блестящее положеніе, не могутъ быть разсматриваемы какъ пришельцы и гости, а должны считаться равноправными членами обители. Избраніе о. Магарія, мужа разумнаго и добродѣтельнаго, состоялось великимъ большинствомъ голосовъ преподобнѣйшихъ отцовъ, а потому и подтверждается имъ, патриархомъ. Въ заключеніе такой грамоты патриархъ угрожаетъ отлученіемъ отъ Святой Троицы и вѣчнымъ проклятіемъ всякому, кто дерзнетъ внести безпокойство и вредъ общежитію или вообще захочетъ извратить хотя бы въ самомъ маломъ опредѣленное въ грамотѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что о. Магарій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся русская партія монастыря были обязаны своимъ торжествомъ вовсе не одной юрисдикціи патриарха, протестовавшей изъ личной его инициативы. Изъ самихъ монастырскихъ источниковъ явствуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ и русской дипломатіи, въ лицѣ нашего константинопольскаго посла, гр. Н. П. Игнатъева. Графъ, еще раньше ѣздившій на Аеонъ, вторично посѣтилъ его послѣ протеста Магарія, при чемъ ему сопутствовали послы двухъ дружественныхъ намъ державъ: германскій и американскій.

XI.

СОПЕРНИЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

Послѣ всего сказаннаго выше, не трудно подмѣтить весьма большое сходство въ жизни двухъ международныхъ духовныхъ центровъ, Аэона и Палестины. Въ послѣдней болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, издавна и по сію пору проявляется ровнь не только національная, но и религіозная. Аеонъ хотя и отдѣлался отъ интригъ и ненависти религіозныхъ, которыя, впрочемъ, были тутъ сравнительно кратковременны и немногочисленны, но борьба національностей существуетъ также и на чисто-православномъ полуостровѣ. На господствующую турецкую націю и ея правительство и здѣсь смотрятъ не только какъ на временное зло, но и на зло меньшее, нежели торжество одного изъ соперниковъ. По своимъ ничтожнымъ размѣрамъ и въ силу мѣстныхъ условій Аеонъ не могъ сдѣлаться, подобно Палестинѣ, приманкой для нѣсколькихъ великихъ державъ. На немъ принимается въ расчетъ одна лишь Россія да нѣсколько мѣстныхъ малыхъ національностей, единорвнрныхъ, но съ традиціонными политическими правами.

Изъ числа, приблизительно, 10.000 аеонскихъ иноковъ около

половины—5.000—греки; 3.000—русскіе; 1.000—болгары; 800—сербы; 350—молдаваны, и 50—грузины. Грузины въ данномъ случаѣ, конечно, не заслуживаютъ особеннаго вниманія; молдаваны, по сравнительной отдаленности своей метрополи и отсутствію близкихъ политическихъ мотивовъ, также не могутъ имѣть притязаній на Аѳонъ. Что касается болѣе многочисленныхъ сербовъ и болгаръ, — къ послѣднимъ, впрочемъ, въ случаѣ чего, могли бы быть причислены и безгласные пова рабочіе, въ числѣ одной или двухъ тысячъ, пребывающіе на Горѣ, — то каждая изъ этихъ націй силится лингвистическими доводами доказать свои права какъ на Македонію, такъ и на Аѳонъ. А безъ той же Македоніи немислима и „великая“ Греція.

На Балканскій полуостровъ всѣ и давно уже привыкли смотрѣть какъ на колыбель политическихъ сюрпризовъ, а потому трудно загадывать впередъ объ участи Аѳона. Тѣмъ не менѣе, не безынтересно охарактеризовать національный *status graecus* на монашеской территоріи и указать то направленіе, по которому она идетъ и будетъ идти еще долго, если предположить, что ходъ этотъ не будетъ прерванъ насильственно.

На Аѳонѣ могутъ быть приняты серьезно во вниманіе лишь двѣ численно преобладающія націи: греческая и русская.

Еп. Порфирій при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между аѳонскими греками и русскими придаетъ особенный вѣсъ историческимъ традиціямъ. Вотъ, приблизительно, его слова. Въ 1770 г. Екатерина II, готовившая своего внука на византійскій престолъ, „подожгла горючіе матеріалы“, накопившіеся на Морѣѣ. При поддержкѣ Россіи возстаніе шло вначалѣ весьма успѣшно; но въ рѣшительный моментъ Орловы бездѣйствовали, и греки опять подпали подъ турецкое иго и притомъ сугубо тяжелое. Они смотрѣли на этотъ исходъ съ той точки зрѣнія, что русскіе предали ихъ туркамъ. Возстанію 1821 г. имп. Александръ I не сочувствовалъ; освобожденіе Греціи случилось безъ участія Россіи. Симпатіи грековъ склонились болѣе на сторону Франціи и Англіи. Равнодушіе Россіи считается греками причиною возстановленія греческаго государства въ очень скромныхъ предѣлахъ. Аѳонцы, оставшіеся по прежнему подвластными Турціи и особенно поплатившіеся за неполноту успѣха борьбы за независимость, питаютъ съ тѣхъ поръ особенное къ намъ нерасположеніе. Не угодило наше правительство аѳонцамъ-грекамъ и своимъ участіемъ, въ 1830 г., въ дѣлѣ объ уступкѣ ими правительствамъ Валахіи и Молдавіи опредѣленной части огромныхъ доходовъ со своихъ имѣній, расположенныхъ въ этихъ княжествахъ.

Конечно, ученый епископъ судить по своимъ впечатлѣніямъ со-
роковыхъ и пятидесятихъ годовъ, а съ тѣхъ поръ династическія
связи могли въ нѣкоторой мѣрѣ сгладить воспоминанія преж-
нихъ лѣтъ. Однако, отрѣзанный отъ міра Аеонъ консервативенъ
и имѣетъ свою традицію, свою специфическую закваску. Гре-
ческіе его всельники, съ которыми бесѣдовалъ еп. Порфирій, частью
живы еще и теперь. Импульсы, полученные съ родины, какъ
мы уже знаемъ, индифферентно относящейся къ своимъ выход-
цамъ на Святую Гору, едва ли могутъ быть особенно сильны.
Къ тому же для всякаго изъ греческихъ монаховъ ясно, къ чему
клонится ихъ соперничество съ русскими монахами. Но не будемъ
забѣгать впередъ.

Хотя всѣ монастыри находятся въ рукахъ предводителей той
или другой націи, тѣмъ не менѣе немного насчитывается такихъ,
множество которыхъ представлялось бы національно-однороднымъ;
въ большинствѣ случаевъ замѣчается примѣсъ иноплеменныхъ
эпоковъ, иногда въ большомъ процентномъ содержаніи. Нестро-
гость національнаго разграниченія связывается и въ томъ, что при-
уроченные къ монастырямъ скиты могутъ быть заселены мона-
хами другой націи; такъ малорусскій Ильинскій состоитъ въ вѣ-
деніи греческаго Пандократора, великорусскій Андреевскій — гре-
ческаго же Ватопеда, а Богородичный, заселенный болгарами —
въ вѣденіи русскаго Пантелеймоновскаго. Но при данномъ строе,
при автономіи скитовъ, иноплеменность ихъ вообще не подаетъ
повода къ національному соперничеству. Иное дѣло бѣлая или
меньшая примѣсъ къ опредѣленному монастырскому населенію
постороннихъ національныхъ элементовъ. Сначала чисто-слу-
чайная, она можетъ служить притягательнымъ центромъ, созда-
вать партію, которая въ концѣ концовъ сдѣлается господствующею.
Исторія Пантелеймоновскаго монастыря, рассмотрѣнная
нами выше, представляетъ собою интересный образчикъ повтор-
ной смѣны національностей, при чемъ можно различать слѣ-
дующіе періоды: 1) славяно-русскій, 2) сербскій, 3) чисто-
русскій, 4) греческій, 5) греко-русскій и 6) настоящій русско-
греческій, къ которому, какъ нумеръ седьмой, въ скорости присо-
единится и чисто-русскій. Въ „Путеводителѣ“ (стр. 143) упо-
минается о спорѣ изъ-за владѣнія соборнымъ храмомъ въ Иверѣ
между греческими и грузинскими монахами въ XIV в. Вообще
этотъ монастырь, основанный нѣкогда на средства грузинскаго
царя и на частныя пожертвованія грузинъ, періодически стано-
вился по преимуществу греческимъ. Съ начала XVI и до конца
XVII столѣтія продолжалась эпоха реставраціи монастыря; „но

къ началу настоящаго столѣтія, когда, вслѣдствіе политическихъ переворотовъ на Востоѣ, грузинъ осталось очень мало, управление монастыремъ окончательно перешло въ руки грековъ. Въ настоящее же время до 40 грузинскихъ иноковъ живутъ общегитательно вблизи монастыря въ возобновленномъ ими небольшомъ свиту“ (стр. 144).

Переходъ монастырей изъ рукъ одной національности въ руки другой иногда совершается очень быстро. Такъ въ монастырѣ св. Павла Барскій въ 1726 г. еще слышалъ славянское богослуженіе, а въ 1744 г. уже господствовали тамъ греки. Изданныя свои характерныя черты, хитрость и тонкость, греки сохраняютъ и въ монашеской рясѣ на Святой-Горѣ, и уже не одинъ изъ чужеземныхъ монастырей мало-по-малу навсегда перешелъ въ ихъ руки. Одинъ грекъ тянетъ за собою другого, пока не составится большинства и самое управление монастыря не очутится въ ихъ власти. Такъ было во времена Благовѣщенскаго, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда греки являлись, и *de jure*, и *de facto*, единственными неоспоримыми распорядителями Горы. Но съ тѣхъ поръ даетъ себя чувствовать конкуренція русскихъ. Правда, центръ тяжести Аѳона по прежнему находится на сторонѣ грековъ; но съ угрожающею для грековъ быстротою онъ начинаетъ передвигаться все болѣе и болѣе къ сторонѣ русскихъ.

Дѣло прежде всего въ томъ, что греческое да и вообще балканское иночество Аѳона численно уменьшается. Фактъ этотъ признается всѣми и бросается въ глаза при осмотрѣ обширныхъ обителей, рассчитанныхъ порою на нѣсколько сотъ, а заселенныхъ только десятками братій, при чемъ большинство состоятъ изъ доживающихъ свой вѣкъ стариковъ. Въ лучшемъ случаѣ сохраняется лишь численный *status quo*. Обваливающаяся штукатурка и обветшалыя деревянныя лѣстницы и галереи многихъ изъ греческихъ монастырей свидѣтельствуютъ объ ихъ упадѣ, уменьшеніи прилива капиталовъ и о застоѣ въ хозяйствѣ. Греческіе монастыри приходятъ какъ бы въ забвеніе, что сказывается и въ ничтожномъ числѣ паломниковъ, ихъ посѣщающихъ. Число ихъ за весь годъ измѣняется, быть можетъ, только десятками. На привезшемъ насъ пароходѣ, а пароходъ — *nota bene!* — прибылъ къ самой Пасхѣ, поклонниковъ-грековъ вовсе не было; а что ихъ не много прибыло и со стороны Солуны, моремъ ли или сухимъ путемъ, это доказывается тѣмъ, что въ греческихъ монастыряхъ на Святой мы ихъ или вовсе не видѣли, или же видѣли только

единицы ¹⁾. Индифферентное отношеніе къ Аеону грековъ замѣчается уже давно. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ сборщики греческихъ монастырей—о чемъ, впрочемъ, нами сообщено уже выше (гл. VI)—признавались, что имъ приходится вымогать у поселянъ лепту только подъ угрозой проклятiя небеснаго.

Но, быть можетъ, Аеонъ никогда и не пользовался обаяніемъ у грековъ, хотя бы на основаніи общаго закона, что иллюзіи обыкновенно исчезаютъ на близкомъ разстояніи? Нѣтъ. Извѣстно, что Аеонъ находился у нихъ въ большомъ почетѣ: не на однихъ же правительственныхъ субсидiяхъ отстроились и разбогатѣли въ прежніе вѣка греческіе монастыри. Извѣстно, что еще до своей борьбы за независимость греки усердно посѣщали, щедро дарили Аеонъ и въ значительномъ числѣ принимали тамъ постригъ. Впрочемъ, несомнѣнный упадокъ греческихъ монастырей зависитъ не отъ одного упадка за послѣдніа десятилѣтiя благосостояніа на греческомъ Востокѣ. Это подтверждается и профес. А. И. Кирпичниковымъ, съ которымъ намъ приходилось бесѣдовать прошлымъ лѣтомъ, вскорѣ по возвращеніи его изъ Аѳинъ и съ Аеономъ. Изъ слышаннаго и видѣннаго въ Аѳинахъ онъ убѣдился въ религіозномъ индифферентизмѣ современныхъ грековъ. Къ аеонцамъ аѳиняне относились съ нескрываемою ироніей: „А! Валогери, вы ѣдете къ Валогерамъ!“ Быть можетъ, у грековъ замѣчается охлажденіе специально къ православію? Едва ли. Молельни, гдѣ проповѣдуютъ протестантскіе и англиканскіе пасторы, посѣщаются относительно не лучше православныхъ храмовъ. Но гдѣ же кроется причина упадка религіознаго духа вообще? Въ вѣяніи ли времени и вліяніи Запада, гдѣ даже въ такой ультра-католической странѣ, какъ Италiя, закрытіе монастырей совершилось спокойно, не вызывая народныхъ волненій? Отчасти, вѣроятно, да. Однако, при попыткѣ къ рѣшенію этого труднаго вопроса, намъ вѣжета, особенную цѣну имѣеть указаніе, что отношеніе грековъ къ Аеону измѣнилось со времени ихъ освобожденiя. Думается, что пробужденіе къ поли-

¹⁾ Тоже справедливо и относительно болгаръ. По свидѣтельству Благовѣщенскаго (стр. 189), болгары прежде массами стекались на Аеонъ, чтобы послушать богослуженіе на своемъ языкѣ, въ особенности великимъ постомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ и на роднѣ греческое духовенство стало замѣняться славянскимъ, Аеонъ потерялъ для нихъ свою заманчивость. Какъ бы лебединою пѣснью паломничества на Аеонъ балканскихъ христіанъ былъ наливъ паломниковъ въ промежутокъ времени между прекращеніемъ дѣйствій крымской войны и окончательнымъ заключеніемъ мира. Тогда, по свидѣтельству архимандр. Макарія, записанному Красковскимъ (стр. 89), на Пасху на Святую-Гору явилось 10.000 поклонниковъ грековъ и преимущественно болгаръ, такъ что въ ночь на Пасху въ одномъ Русикѣ собралось ихъ 700 (русскихъ же между прiязими никого не было).

тической жизни, осложненіе общественнаго строя, призывъ къ дѣятельности силъ, раньше оставшихся втунѣ, а также налагаемая на гражданъ новыми порядками увеличенныя денежныя жертвы—могли въ значительной мѣрѣ отвлечь вниманіе грековъ отъ монастырей, да и вообще отъ церкви, составлявшей въ тяжелыя години темнаго рабства одно утѣшеніе и убѣжище для народа. Подобнымъ образомъ мы склонны объяснять охлажденіе къ Аѳону и балканскихъ славянскихъ націй—болгарь и сербовъ.

Несмотря на охлажденіе къ Аѳону восточныхъ христіанъ, монашеское населеніе его однако увеличивается, и притомъ довольно быстро. Зависитъ же это всецѣло отъ наплыва сюда русскихъ. Еще въ половинѣ сороковыхъ годовъ наши земляки составляли такую ничтожную группу, что столь внимательный ко всему касающемуся Россіи Фальмерайеръ даже не обратилъ на нихъ вниманія (Страховъ). Въ 1851 г. ихъ не насчитывалось и нѣсколькихъ десятковъ (Красковскій); но уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ число ихъ возросло до 500 (Благовѣщенскій). Такимъ образомъ, за послѣднее тридцатилѣтіе число русскихъ иноковъ ушестерилось (3.000 чел.). Уже изъ всего предъидущаго ясно, что львиная доля въ этомъ приращеніи приходится на Пантелеймоновскій монастырь. Въ немъ было русскихъ: въ 1851 г.—11 чел.; въ 1853—80 чел. (изъ 200 чел. всей братіи); вскорѣ послѣ Крымской войны (въ 1855 г.?)—100 чел.; въ 1886 г.—700, а въ настоящее время—до 1.200 чел., изъ коихъ, впрочемъ, въ самомъ монастырѣ пребываетъ человѣкъ 700—800, тогда какъ остальные разсѣяны по аѳонскимъ и внѣ-аѳонскимъ филиальнымъ учрежденіямъ (метохамъ, подворьямъ, ново-аѳонскому монастырю).

Что касается русскаго паломничества, то Благовѣщенскій (стр. 189) могъ ограничиться простымъ заявленіемъ, что русскіе богомольцы посѣщаютъ Аѳонъ „усерднѣе, чѣмъ мѣстные жители, количественно *даже* превосходятъ послѣднихъ“. Это скромное „*даже*“ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о перемѣнахъ за послѣднее тридцатилѣтіе: нынѣ ежегодное число русскихъ посѣтителей Горы измѣряется тысячами. Мы застали въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ на Страстной около 500 человѣкъ.

Рука объ руку съ численнымъ усиленіемъ идетъ и усиленіе имущественное и правовое русскаго иночества. Успѣхъ его лучше всего сказывается, конечно, на томъ же м. Русикѣ или Пантелеймоновскомъ монастырѣ. „Аѳонъ дивится,—читаемъ мы у Благовѣщенскаго (стр. 164),—что греки и русскіе въ нынѣшнемъ Русикѣ живутъ до сихъ поръ очень мирно... Но въ этомъ мирѣ пока нѣтъ ничего удивительнаго: греки довольны тѣмъ, что управленіе

Русика находится въ ихъ рукахъ, а русскіе — тѣмъ, что владѣютъ монастырскими богатствами. Порываются русскіе завладѣть и властью монастырскою, но протать этого, конечно, никогда не позволить". Приводимъ эту цитату въ доказательство того факта, какъ сильно измѣнились послѣ Благовѣщенскаго русско-аеонскія дѣла. Непреклонный до того времени протать, и тотъ долженъ былъ преклониться передъ сильнымъ вѣшнимъ давленіемъ и призвать совершившійся въ 1875 г. фактъ перехода игуменской власти м. Русика въ руки русскаго и принять въ свою среду уполномоченнаго изъ русскихъ же — въ первый разъ за все время его существованія. Добившись власти, наши соотечественники стали распоряжаться такъ, какъ стали бы распоряжаться на ихъ мѣстѣ и другія національности, въ томъ числѣ прежде всего греки.

Самую радикальною мѣрою ихъ является постановленіе впредь не принимать въ монахи другихъ, кромѣ русскихъ. Число оказавшихся такимъ образомъ на вымороченномъ положеніи грековъ и самихъ по себѣ малочисленныхъ болгаръ, сербовъ, молдаванъ и грузинъ уже въ 1886 году удалось, по печатнымъ свѣденіямъ, низвести до одной сотни приблизительно; въ прошломъ же 1889 г., какъ намъ говорили, ихъ осталось уже всего отъ 70 до 80. Изъ этого числа мы больше десятка застали въ больницѣ: процентъ не малый. Да и остальная греческая братія смотритъ ветеранами-богадельниками. Какъ съ ними обходятся побѣдители? Какъ вполне увѣренные въ своей силѣ господа: милостиво, ласково, но непреклонно, при соблюденіи всѣхъ dehoris. Лежачаго не бьютъ, но встать ему тоже не дають. У пантелеймоновцевъ, очевидно, не принято и не велѣно, или, по мѣстному выраженію, нѣтъ благословенія на то, чтобы съ проѣзжими бесѣдовать на деликатную тему о недавней борьбѣ на жизнь и смерть и объ организаціи установившагося modus vivendi. Не безъ нѣкотораго общечеловѣческаго участія мы всматривались въ черты лица главнаго іеромонаха изъ грековъ, замѣняющаго у нихъ на службахъ игумена. Дряхлый старецъ иногда появлялся и на нашей трапезѣ. Во всемъ его существѣ, и въ фізіономіи, и въ его односложномъ участіи въ бесѣдѣ, и въ томъ, какъ онъ подходилъ подъ благословеніе архимандрита Макарія, выражалась какая-то безапелляціонная поворность. Русскіе не отняли у грековъ стараго Пантелеймоновскаго собора, чтѣ въ центрѣ монастырскаго двора, и по прежнему довольствуются однимъ Покровскимъ, построеннымъ ими въ годы конфликта. Правда, новый соборъ просторнѣй; но тѣмъ не менѣе первенство по существу принадлежитъ старому, и особенно торжественная служба, какъ въ

ночь на Свѣтлое воскресенье, соединяетъ подъ его сводами русскую братію съ греческою, причемъ въ перемежку, непривычную для нашего уха, раздаются: „Господи помилуй“ и „Кирие элейсонъ!“ Впрочемъ, главная часть пасхальной заутрени съ провозглашеніемъ опять-таки на двухъ языкахъ — „Христосъ воскресъ“, „Христосъ анести“ — происходила на дворѣ, передъ портикомъ собора (уже не потому ли, что это мѣсто нейтральное?). Затрапезное чтеніе происходитъ черезъ день на греческомъ и на русскомъ языкѣ, хотя только одна десятая всей братіи понимаетъ по-гречески. Всѣ эти уступки, конечно, сдѣланы не надолго: не пройдетъ, думается, и десяти лѣтъ, какъ группа не-русскихъ окончательно растаетъ или послѣдніе остатки ея разбредутся по другимъ соотечественнымъ монастырямъ.

Успѣхи русскихъ заставляютъ протать и иноземные монастыри быть на-сторожѣ даже тамъ, гдѣ русскіе изъявляютъ готовность жертвовать или трудиться на общественную пользу Горы. Такъ московскіе благотворители, пожелавшіе устроить дорогу на вершину Горы, не добились на то разрѣшенія, о чемъ нами, впрочемъ, упомянуто уже выше (гл. IV). Ради проведенія хорошей дороги на вершину священнаго пика не стоитъ вступать въ борьбу съ протатомъ, ни оказывать на него давленіе также и извнѣ; но другое дѣло, еслибъ зашла рѣчь о возведеніи на степень монастырей нашихъ многолюдныхъ и благоустроенныхъ двухъ скитовъ и о доставленіи имъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ протатѣ голоса, которымъ пользуются и самые малолюдные, едва влачащіе свое существованіе греческіе монастыри.

Борьба за самосохраненіе, т.-е. за сохраненіе за собою распорядительства во внутреннихъ дѣлахъ монашеской территоріи, идетъ у грековъ рука объ руку съ политическими ихъ мечтами. Всякій новый успѣхъ русскихъ разсматривается и со стороны политической. Это не только теперь, но уже давно такъ было. Вотъ примѣръ изъ прежняго времени, заимствуемый нами у Благовѣщенскаго. „Когда въ августѣ 1858 г. въ Русикъ пришелъ первый пароходъ нашего общества пароходства и торговли, Аѳонъ струсилъ и просилъ Русикъ отказать пароходству; но когда это не было исполнено и правильные рейсы начались, тогда по Горѣ пошли смутные политическіе толки, и три монастыря, вслѣдствіе этого, признали надъ собою покровительство Англій¹⁾. Этотъ фактъ показываетъ, что Аѳонъ перепугался не на шутку, потому

¹⁾ Надо замѣтить, что на другой же день послѣ отплыва нашего перваго парохода, къ Аѳону прибылъ пароходъ англійскій и спрашивалъ у грековъ, что вчера дѣлали здѣсь русскіе?

что онъ всегда питалъ глубокую ненависть ко всѣмъ иновѣрцамъ". Судя по другому источнику, прибытіе перваго парохода названнаго русскаго „общества" относится не къ 1858 г., а въ 1857 году, и этотъ пароходъ привезъ нѣсколько именитыхъ, отчасти близко стоящихъ къ нашему двору особъ.

Во времена оннаго хожденіе на Аеонъ, хожденіе въ буквальный смыслъ слова, какъ совершалъ его, напр., Барскій, составляло цѣлый подвигъ, полный лишеній и даже опасностей. Лишь немногіе рѣшались на трудное путешествіе. Открытіе пароходнаго сообщенія ¹⁾ должно было усилить и, по словамъ Благоущенскаго, дѣйствительно и усилило русское паломничество. Оно облегчило, конечно, и поступленіе русскихъ въ аеонскіе монахи, но тѣмъ не менѣе еще не можетъ считаться достаточной причиной немовѣрнаго наплыва на Аеонъ нашихъ соотечественниковъ и усиленія русскаго вліянія.

Н. Н. Страховъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія на Аеонъ слѣдующими словами. „Тамъ,—говоритъ онъ съ свойственной ему способностью къ идеализаціи,—одно изъ чистѣйшихъ воплощеній того животворнаго начала, которое составляетъ истинную душу русскаго народа. Аеонъ есть поприще и училище святости, а святой человекъ есть высшій идеалъ русскихъ людей, начиная отъ неграмотнаго крестьянина и до Льва Толстого". Придерживаясь такого взгляда и припоминая тотъ фактъ, что быстрое разростаніе м. Русика относится не болѣе какъ къ прошлому царствованію, г. Страховъ былъ не прочь привести его въ связь съ цѣлымъ рядомъ „освободительныхъ реформъ, породившихъ у насъ вольнодумцевъ, нигилизмъ, покушенія"!!... „Въ это время, незримо для насъ, благочестивые люди одинъ за другимъ уходили навсегда за дальнія моря и составили тамъ нынѣшнее многолюдное и цвѣтущее общечитіе. Можетъ быть, это—простое слѣдствіе оживленія всякихъ передвиженій и сношеній, а можетъ быть, тутъ есть и молчаливый протестъ противъ нашего просвѣщенія". На основаніи слышаннаго нами можемъ подтвердить связь быстрого

¹⁾ Раньше всего, въ началѣ 50-хъ годовъ, рейсы между Константинополемъ и Аеономъ открыла австрійская компанія. Пароходы ея ходили еженедѣльно, приставая по очереди у Дафни и на восточномъ берегу, у Ивера. Въ концѣ 50-хъ же годовъ пароходы нашей черноморской компаніи стали ходить по этой линіи по два раза въ годъ, къ праздникамъ св. Пантелеймона и Покрова. Русскіе рейсы прекратились, когда французская компанія установила сообщеніе въ двѣ недѣли разъ. Нынѣ на линіи Константинополь-Салонки работаютъ двѣ компаніи: греческая и турецкая, и сообщеніе съ Аеономъ опять сдѣлалось еженедѣльнымъ. Недавно газеты сообщили о желаніи предсѣдателя „Палестинскаго общества", вел. кн. Сергія Александровича, въстановить прямое сообщеніе Аеона съ Россіей.

заселенія Аѳона русскими монахами съ реформами прошлаго достославнаго царствованія, но только въ иномъ, болѣе простомъ и практическомъ смыслѣ, нежели это предполагаетъ нашъ авторъ. Всеобщая воинская повинность, уже давно крѣпко вошедшая въ плоть и кровь, напр., нѣмцевъ и составляющая у нихъ предметъ національной гордости, для насъ, русскихъ, явилась настоящимъ пугаломъ. Пугало это загнало многихъ молодыхъ русскихъ на Аѳонъ, гдѣ они вмѣстѣ съ постриженіемъ принимали турецкое подданство! Все это мало походить на „благочестіе“, усматриваемое г. Страховымъ, и на отвращеніе къ вольнодумству“. Впрочемъ, въ настоящее время, какъ намъ говорили, эта лазейка закрыта, и русско-аѳонскіе монастыри уже болѣе не принимаютъ молодыхъ людей, подлежащихъ воинской повинности.

Протекція русско-аѳонскому монашеству свыше—несомнѣнно также одинъ изъ немаловажныхъ факторовъ въ его усиленіи. Начнемъ по этому поводу съ нѣкоторыхъ историческихъ справокъ. Основатель нашей династїи покровительствовалъ греческому Эсфигмену, повелѣлъ отпустить ему пожертвованія церковною утварью, деньгами, и выдалъ грамоту на прїѣздъ въ Москву за милостынею. При сынѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1655 г. въ русскую столицу привезена изъ греческаго же Ватопеда глава св. Іоанна Златоустаго и „Константиновъ Крестъ“. Щедротами императрицы Елизаветы Петровны обновился принадлежавшій молдаванамъ свитъ Ликъ. Еще въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ посѣщеніемъ Аѳона еп. Порфиріемъ, т.-е. въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, въ греческомъ Эсфигменѣ возникли новыя благообразныя кельи въ нѣсколько ярусовъ, построенныя на рубли, собранныя въ Россіи. Все это только случайно попавшіеся намъ подъ руки примѣры, доказывающіе, что въ прежнія времена, еще до середины нашего столѣтія, русскіе правители и администрація признавали однѣ только аѳонскія святыни, безъ различія національностей въ монастыряхъ.

Въ наше время въ этомъ отношеніи замѣчается рѣзкая перемѣна. Правда, недвижимая собственность чужеземныхъ аѳонскихъ монастырей въ предѣлахъ Россіи не подвергалась ни конфискаціи, ни отчужденію; иверцы, по прежнему, своею московскою часовнею съ чудотворною иконою привлекаютъ крупныя суммы; но зато св. синодъ не продолжаетъ давать аѳонскимъ монастырямъ, безъ различія національностей, свое благословеніе на сборы лептъ по всей Россіи, черезъ специальныхъ посланцевъ или печатныя воззванія. Нынѣ нашими подлежащими властями благодѣтельствуется этимъ путемъ однѣ лишь русскія обители на

Аеонѣ, и у кого изъ насъ не были въ рукахъ ихъ украшенныя образками печатныя воззванія?

Въ силу признаваемаго Турціей права нашего покровительства всему православному Востоку, русско-аеонскіе монахи, несмотря на свое турецкое подданство, пользуются постояннымъ посредничествомъ и покровительствомъ нашего консульства въ Салоникахъ. Пантелеймоновцы прикомандировываютъ къ нему даже одного изъ своихъ монаховъ, знающаго греческій языкъ, въ качествѣ дарового писца. Этотъ самъ по себѣ мелочной фактъ свидѣтельствуетъ все-же о дружелюбныхъ отношеніяхъ, которыя, впрочемъ, еще яснѣе обрисовались для насъ лично вслѣдствіе пріѣзда въ Пантелеймоновскій монастырь нашего вице-консула. Непринужденный тонъ застольной бесѣды еще молодого человѣка съ игуменомъ Макаріемъ могъ быть основанъ лишь на особенныхъ правахъ, проистекающихъ изъ общности интереса. Первый поспѣвшій на монастырскомъ огородѣ огурецъ игумень собственноручно съ шутливою торжественностью поднесъ вице-консулу. Такіе мелочные эпизоды порою лучше общихъ фразъ характеризуютъ дѣло. Солунскій вице-консулъ на цѣлую недѣлю пріѣзжалъ на близкій Аеонъ, конечно, не ради одной молитвы, для которой только-что отошедшіе торжественные дни Пасхи представлялись бы болѣе подходящими. Онъ ѣздилъ, притомъ, въ сопровожденіи пантелеймоновскаго протатскаго депутата, о. Наѳанаила, въ Барію и Андреевскій скитъ. По всему видно было, что готовится нѣчто неподлежащее огласкѣ. Тѣмъ не менѣе, комбинируя нечаянно пророненные тѣмъ и другимъ изъ монаховъ доводы, можно было догадаться, что дѣло шло о болѣемъ сосредоточеніи притевающихъ изъ Россіи на Аеонъ суммъ, которыя въ настоящее время разбиваются не только между тремя крупными нашими обителями, но и значительнымъ числомъ келій. Инициатива въ этомъ дѣлѣ, очевидно, принадлежала нашему главенствующему аеонскому монастырю. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ русскихъ газетахъ появилась замѣтка, свидѣтельствовавшая о конечномъ результатѣ начавшейся при насъ агитаціи. Оказалось, что наше высшее духовное начальство обратило вниманіе на массу разсылаемыхъ по Россіи съ Аеона писемъ съ просьбами о пожертвованіяхъ и имѣеть въ виду издать официальные указанія, какія изъ аеонскихъ обителей заслуживаютъ особеннаго вниманія благотворителей, а также будутъ приняты надлежащія мѣры къ прекращенію злоупотребленій. Вопросы о жизни или смерти русскихъ аеонскихъ монастырей, какъ находящихся въ полной матеріальной зависимости отъ Россіи, рѣшаются у насъ; поэтому ясно,

какой авторитетъ для всѣхъ нашихъ аеонцевъ составляетъ со- луньскій консулъ. Черезъ него возникаетъ дипломатическій обмѣнъ нашего правительства съ Портой въ вопросахъ, касающихся Аеона; его посредничество имѣетъ вѣсь и въ глазахъ протата.

Въ прежнія времена въ средѣ самаго русскаго монашества происходили иногда серьезныя недоразумѣнія, ронявшія его въ глазахъ грековъ и лишавшія его той силы, которая дается только единодушіемъ. Подтверженіемъ тому можетъ служить слѣдующій эпизодъ, передаваемый Благовѣщенскимъ (стр. 164). „На Аеонѣ есть малоруссійскій скитъ, Пророво-Ильинскій, въ которомъ, вмѣстѣ съ малоруссами, жили прежде и великоруссы. Мало-по-малу между тѣми и другими начались ссоры, которыя дошли однажды до того, что малоруссы выгнали изъ своего скита всѣхъ москалей и заперли за ними ворота. Москали постояли нѣкоторое время у воротъ, а потомъ, увидѣвъ, что дѣло пошло не на шутку, пошли искать пріюта по другимъ монастырямъ. А малоруссы послѣ этого снова святили свою церковь и кельи, оскверненныя присутствіемъ москалей. Нынче, впрочемъ, москали опять начинаютъ не- многу собираться въ этотъ скитъ“. Все это было давно, и въ настоящее время не было бы допущено русскою властью, на- правляющею наше аеонское иночество въ единенію и согласію. Единеніе это достигается часто путемъ компромиссовъ, какъ это было, напр., въ спорахъ изъ-за пароходной пристани. Открытый восточный берегъ полуострова не представляетъ удобной стоянки для большихъ судовъ, а на западной, въ заливѣ Монте-Санто, естественной ихъ стоянкой являлся пунктъ наибольшаго грузового и пассажирскаго движенія—рейдъ Пантелеймоновскаго монастыря; однако наши андреевцы и ильинцы стали упрекать пантелеймон- цевъ въ томъ, что они отбираютъ для себя чистую и достато- чную публику, и добились-таки, путемъ компромисса, переведенія пароходной стоянки верстъ на пять южнѣе вост. пристани Дафни: вотъ что поясняютъ вамъ въ отвѣтъ на ваше удивленіе, почему это пароходъ останавливается противъ жалкой группы домишекъ, а не у виднѣющагося на небольшомъ разстояніи громаднаго мона- стыря, куда ѣдетъ по крайней мѣрѣ три четверти наличныхъ пассажировъ. Но много ли выиграли андреевцы и ильинцы? Они прежде всего должны были потратиться на устройство странно- пріимныхъ домовъ въ Дафни, такъ какъ пароходъ приходитъ на Аеонъ передъ вечеромъ, и поклонниковъ въ ночное время по горнымъ тропамъ ни пѣшкомъ, ни на мулахъ не отправишь. Иное дѣло сообщеніе на лодкахъ съ Русикомъ: лишь въ непогоду на- правляющимся туда приходится заночевать въ Дафни.

Гегемонія Русика, притекающая изъ его голоса въ протавѣ, богатства, многлюдя и изъ постоянныхъ непосредственныхъ сношеній съ солунскимъ консульствомъ, не совсѣмъ по нутру остальнымъ нашимъ обителямъ и кельямъ; но тѣмъ не менѣе она гарантируетъ ихъ отъ притѣсненій иноземныхъ монастырей. Послѣднее особенно проявилось въ 1882 г., когда, по свидѣтельству книги „Монастырь“ (стр. 177), многіе изъ русскихъ пустынниковъ, терпя большія притѣсненія отъ греческихъ монастырей, переселились на землю кромичную. На возникшей тутъ Новой Фиваидѣ уже года четыре спустя сконцентрировалось въ разбросанныхъ кельяхъ чело-вѣкъ полтора. Возникли тутъ и церкви, и больницы. Ясно, что сплоченіе русскаго элемента, и притомъ подъ покровительствомъ могущественнаго протектора, имѣетъ для него большое значеніе.

Въ газетѣ „Autorité“ недавно было помѣщено воспроизведенное въ извлеченіи русскими газетами письмо Оливье Пишпѣ, устроителя панорамъ Іерусалима въ Парижѣ, въ которомъ говорится объ успѣхахъ Россіи въ Палестинѣ. Пишпѣ находитъ, что Россія все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ вліянія и медленно, но вѣрно, захватываетъ Палестину въ свои руки, отгѣсняя всѣ другія державы на задній планъ. „Россія,—говоритъ онъ,—не покидая своей мечты о взятіи Константинополя, предусмотрительно подготавливаетъ для себя могущественную поддержку на Востокѣ—религиозное вліяніе. Императоръ Наполеонъ III предвидѣлъ это, и потому-то послѣ Севастополя, въ трактатахъ 1855 года, было постановлено, что Россія не имѣетъ права воздвигать никакого учрежденія на Святой-Землѣ и не имѣетъ права пользоваться тамъ территоріей. Теперь же, на яфѣской дорогѣ, позади большой стѣны, которая какъ бы составляетъ продолженіе іерусалимскихъ укрѣпленій, незамѣтно для другихъ, возникъ цѣлый русскій городъ, съ церквами, замками, дворцами и пріютомъ, который можетъ вмѣстить тысячи русскихъ паломниковъ. Только попавъ въ этотъ городъ, спрятанный отъ глазъ за высокими стѣнами, а убѣдился въ предпринятомъ Россіей завоеваніи Іерусалима. Съ другой же стороны города, на Оливковой горѣ, надъ Геосиманскимъ садомъ, тоже существуетъ русскій пріютъ вмѣстѣ съ огромнымъ православнымъ монастыремъ. Такимъ образомъ, Россія мало-по-малу раздвигаетъ сферу своего вліянія и медленно, но вѣрно подвигается впередъ къ своей цѣли“. Съ подобной точки зрѣнія, надобно думать, вскорѣ стануть разсматривать и наше усиленіе на Аеонѣ.

Вѣрно пока одно, что русскіе пользуются уже на Аеонѣ

нѣкоторою самостоятельностью. Тѣмъ не менѣе позиція ихъ тамъ не лишена и опасностей. Въ виду этого русскіе монахи съ вулканической почвы Аеона перешагнули, если можно такъ выразиться, на болѣе надежную почву отечественную и готовы во всякій моментъ крайней опасности перенестись сюда со всѣмъ: они основали на западномъ берегу Кавказа, въ 20 верстахъ отъ Сухума, Ново-Аеонскій (Симоно-Кананитскій) монастырь, могущій служить пріютомъ для всей братіи его метрополіи — Русика. Мысль объ устройствѣ филиальной обители возникла въ 1874 г., когда въ Русикѣ возгорѣлась съ необыкновенною силою племенная вражда между греками и русскими. Хотя заступничество гр. Игнатѣва на этотъ разъ и спасло нашихъ соотечественниковъ, но они, тѣмъ не менѣе, съ правительственной, конечно, санкціи, уже въ слѣдующемъ году приступили къ сооруженію Ново-Аеонской обители на отведенной имъ бесплатно казенной землѣ въ количествѣ свыше 400 десятинъ, въ томъ числѣ 100 десятинъ строевого лѣса.

А. Брандтъ.

* * *

Не нищеть, назойливо-плаксивой
Съ ея криволивно-жадной наготой,
Но бѣдности геройски-терпѣливой,
Сознательно и гордо молчаливой
Внимаю я съ глубокою тоской.

Я видѣлъ мать: предъ тусклою лампадой,
Съ иглой въ рукахъ, печальна и блѣдна,
Поникла съ горькою, мучительной отрадой

Надъ дѣтскимъ платищемъ она.

Какъ много въ головѣ ея усталой
Роилось заботъ и больно сердце жгло—
Какъ лоскутокъ приладить обветшалый,
Чтобъ милой грудѣ, слабенькой и впалой,
На завтра было мягко и тепло...

А въ окна ночь смотрѣла голубая
И звѣзды, крупныя и яркія, толпой
Горѣли, искрились, такъ весело сияя
На ризѣ ночи голубой.

И весь алмазами, лазурью и эмалью
Сверкалъ небесный сводъ въ безоблачной дали
Надъ этой кривою печалью
Объята сумракомъ земли.

И бѣдности томительная тайна
Погасла вмѣстѣ съ тусклымъ ночникомъ
И тихою слезой, скатившейся случайно, —
Никѣмъ незримая въ безмолвіи ночномъ...

* * *

Закать горѣлъ надъ сонными полями.
 Алмазной пылью нивы окропивъ,
 Роса подъ угасавшими лучами
 Сверкала золотыми огоньками,
 Но мраченъ и тяжелъ былъ видъ заглохшихъ нивъ:
 Ихъ выжгло засухой. Уныло и безсильно
 Колосья мертвые понизили до земли,
 И поздніе дожди съ росой обильной
 Ужъ воскресить ихъ къ жизни не могли.
 Безмолвнымъ, но суровымъ приговоромъ
 Въ безжизненной глуши, въ затишѣ роковомъ
 Какой-то тайный гнетъ лежалъ надъ всѣмъ просторомъ
 И страхомъ смутнымъ вѣяло кругомъ...

А по межамъ, среди погибшаго посѣва,
 Гдѣ грозно пронеслась волна Господня гнѣва, —
 Свободно выправивъ свой нѣжный стебелекъ,
 Роскою искрился веселый василекъ,
 И колокольчикъ стройненькій и гибкій
 Къ ромашкѣ бѣленькой, съ кокетливой улыбкой,
 Свой вѣнчикъ розовый украдкой наклонялъ,
 И полевой шалфей въ травѣ благоухалъ,
 И цѣпкой лебеды и жесткаго бурьяна
 Побѣги крѣпкіе, такъ сыты и свѣжи,
 Впивали влажный мракъ вечерняго тумана —
 На тучной цѣлинѣ непаханной межи,
 Надъ мертвымъ колосомъ такъ рано
 Убитой засухой ржи...

С. Фругъ.

РЕЛИГИЯ ИНДУСОВЪ

ВЪ

ЭПОХУ ВЕДЪ.

Окончаніе.

VIII *).

СОМА—ИНДИЙСКИЙ ВАХЪ.

Одна изъ частей Ригъ-Веды, именно IX-ая, содержащая 114 гимновъ, цѣликомъ посвящена божеству, называемому Сом-Памана. Читая эти гимны, мы сразу же открываемъ въ нихъ характерныя черты вакхическаго культа. Индійскій Сомъ былъ божествомъ опьяняющаго напитка и отвѣчаетъ иранскому богу — Хаому и греческому богу вина Діонису-Ваху. Сличая эти три божества, мы находимъ въ нихъ много общаго, какъ въ ихъ основной концепціи, такъ и въ подробностяхъ ихъ мифа, и такое сличеніе приводитъ насъ въ убѣжденію, что культъ и мифъ вакхическаго бога уже были на-лицо въ эпоху протническую (индо-европейскую). Но это же сравненіе обнаруживаетъ, что индійскій Сомъ связывается съ иранскимъ Хаомой болѣе тѣсными узами, чѣмъ съ греческимъ Діонисомъ (самыя имена Soma и Haoma этимологически тождественны), откуда явствуетъ, что этотъ культъ, прежде чѣмъ превратиться изъ индо-европейскаго въ индійскій, въ теченіе неопредѣленно-долгаго времени былъ

*) См. выше: апрѣль, стр. 662.

индо-иранскимъ (также какъ и культъ Огня и нѣкоторыхъ другихъ древнѣйшихъ божествъ).

Унаслѣдовавъ культъ и мифъ Сомы отъ индо-европейской и индо-иранской древности, индусы подвергли ихъ столь же тщательной разработкѣ, съ какою разработали они культъ и мифологию священнаго Огня, при чемъ различныя стороны сложной концепціи Агни, которыя мы рассмотрѣли въ предъидущихъ главахъ, остались не безъ вліянія на развитіе воззрѣній на природу Сомы.

Въ настоящее время напитокъ Сомы добывается изъ растенія вида *Asclepias acida* (*Sarcostema viminalis*); но нѣтъ сомнѣнія, что въ эпоху Ведъ онъ добывался изъ какого-то другого растенія, нынѣ неизвѣстнаго. Древне-индійское растеніе Сомы, обозначаемое въ гимнахъ словами амшю (амшю)—растеніе и *andhas* (андхасъ)—злакъ, росло на горахъ, откуда извѣстный эпитетъ Сомы *girishthā* (гириштха)—„находящійся на горѣ“. Изъ стеблей посредствомъ каменныхъ прессовъ выжимали сокъ, который затѣмъ процѣживался черезъ особую цѣдилку, приготовленную изъ шерсти, взятой изъ хвоста овцы, и стекалъ въ чаны, гдѣ его смѣшивали съ водою, молокомъ, ячменемъ; затѣмъ онъ подвергался броженію, послѣ чего получался крѣпкій опьяняющій напитокъ.

Этотъ напитокъ былъ обоготворенъ. Ему были приписаны разныя чудесныя свойства; онъ слылъ за цѣлебное средство, сохранялъ жизнь и даже приобщалъ къ безсмертію. Онъ былъ названъ *amṛtam* (амртамъ)—напиткомъ безсмертія. Люди и боги пьютъ его „для долгой жизни, для безсмертія“.

Въ культѣ Сомы процедура приготовленія напитка занимала весьма видное мѣсто, подобное тому, которое въ культѣ Агни принадлежало самой процедурѣ добыванія огня изъ двухъ „арани“. И уже въ древнѣйшее время были подмѣчены точки соприкосновенія между этими двумя процессами. Огонь добывался изъ дерева, Сома—изъ растенія. Огонь невидимо скрывается въ деревѣ, въ растеніяхъ; Сома такъ же незримо и таинственно пребываетъ въ томъ злакѣ, изъ стеблей котораго онъ извлекался прессованіемъ. Разница состояла только въ томъ, что Агни обнаруживался какъ *искра*, а Сома—какъ *жидкость*. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ теософическая доктрина ведизма сумѣла ступшевать и это различіе.

Центральнымъ пунктомъ въ процедурѣ приготовленія напитка было процѣживаніе, очищеніе, и напитокъ Сомы характеризуется въ гимнахъ чаще всего какъ текущій и очищающійся въ процессѣ теченія (процѣживанія). Оттуда важнѣйшій эпитетъ Сомы—

Равамана (Павамана), — „очищающійся“ (отъ корня рѹ — течь и очищаться). Здѣсь также была проведена нѣкоторая аналогія съ Агни. Сомъ, элементъ очищающійся и чистый по преимуществу, былъ понимаемъ также какъ *очиститель* и назывался равака (пѹвака отъ того же корня рѹ); но тотъ же эпитетъ равака еще чаще прилагался къ огню, который изображался какъ стихія чистая и всеочищающая.

Этотъ моментъ — представленіе чистоты и очистительной силы — играетъ видную роль въ теософіи и мистикѣ Сомы, равно какъ и вообще жидкая, текучая природа этого бога.

Важнѣйшей чертой, бросающейся въ глаза, основнымъ атрибутомъ Сомы, вызывавшимъ въ его поклонникахъ чувство наивной религіозности, было, конечно, его *экстатическое дѣйствіе*. Наивная религія возбуждающаго, опьяняющаго напитка возникла еще въ глубочайшей протѣнической древности, когда впервые былъ найденъ способъ добывать подобный напитокъ. Послѣ открытія огня это было второе великое открытіе, получившее огромное значеніе, культурное и религіозное. Чарующее и таинственное дѣйствіе напитка на душу вызвало усиленную работу мысли. Эта мысль, еще очень грубая, повинувшись внушеніямъ своей первобытной логики, не могла постичь явленій экстаза, какъ дѣйствія неодушевленнаго предмета, напитка, на психію. Для нея всякое дѣйствіе предполагаетъ *живого дѣятеля*, и если оно представляется необычнымъ, таинственнымъ, сверхчеловѣческимъ, то и дѣтель долженъ быть соотвѣтственнымъ, т.-е. существомъ необычайно-могучимъ, „божественнымъ“. Итакъ, экстазъ, производимый дѣйствіемъ опьяняющаго напитка, могъ быть понятъ только какъ проявленіе какого-то таинственнаго божества, скрытаго въ напитокѣ, какъ огонь скрытъ въ деревѣ. Экстазъ былъ не болѣе какъ обнаруженіемъ необычайной силы этого божества, которое невидимо пребываетъ въ растеніи и напитокѣ. Но стоитъ ему только проникнуть въ утробу человѣка, и онъ тотчасъ же обнаруживается, какъ экстазъ. Растеніе, напитокъ, экстазъ — это только три манифестаціи одного и того же вакхическаго бога.

Такую идею Сомы вынесли индусы и иранцы изъ прародины. Въ эпоху индо-иранскую эта идея значительно развилась и осложнилась. Индусы, выдѣлившись изъ индо-иранскаго племени, унаслѣдовали и эти осложненія, и первоначальную основу вакхическаго культа. Но въ системѣ ведизма религія экстаза получила такое положеніе и освѣщеніе, что именно ея первобытныя основы выступили наружу изъ-подъ болѣе позднихъ наслоеній и,

рядомъ съ наивной религіей огня, легли во главу угла всей системы.

Ведійскій Сомъ есть прежде всего и главнымъ образомъ божество *экстаза*, и съ этой стороны онъ рисуется въ гимнахъ, можно сказать, на каждомъ шагѣ различными оборотами, сравненіями и эпитетами. Такъ онъ называется matsara (матсара)—опьяняющій; mada (мада)—экстазъ, опьяненіе, изступленіе; madasyut (мадасютъ)—возбуждающій опьяненіе, приводящій въ экстазъ; madya (мадья)—опьяняющій; mandra (мандра)—употительный, чарующій, и многіе др. Однимъ изъ важнѣйшихъ терминовъ этого рода является vipra (випра)—„жрецъ въ экстазѣ“. Характеренъ также для Сомы эпитетъ hrdisprc (хрдиспршъ)—„касающійся сердца“, „трогающій сердце“. Сомъ проникаетъ въ самое сердце смертнаго,—это его любимое мѣстопребываніе: „о, Сомъ, наслаждайся въ нашемъ сердцѣ, какъ коровы (или быки) на пастбищѣ, какъ молодой супругъ (наслаждается) въ своемъ домѣ!“ — „Этому Сомѣ, который, о, отцы, выпитый, проникъ въ (наши) сердца, бессмертный—въ смертныхъ, хотимъ мы приподнестъ возліанія“... Въ другомъ мѣстѣ „выпитые Сомы“ (во множественномъ числѣ) представлены дерущимися, какъ пьяные, въ сердцѣ человѣческомъ. Но не только въ сердце проникаетъ Сомъ,—онъ видрается во всѣ части тѣла и, такъ сказать, разливаетъ свою жизненную силу по всему организму, являясь „хранителемъ тѣла“ (ibid.); онъ убиваетъ и прогоняетъ болѣзни, которыя, имъ обезсиленные, бѣгутъ отъ него въ страхъ и трепетъ. Онъ, вступая въ человѣка, сообщаетъ ему долготѣіе: „Сомъ взшелъ въ насъ, могучій, и мы пришли туда (перенеслись въ ту сферу), гдѣ получается долговѣчность“. Эта „сфера“ есть то состояніе экстаза, при которомъ человѣкъ мнитъ себя бессмертнымъ, перенесеннымъ въ эмпирей, обладателемъ всяческихъ благъ (сами боги служатъ ему), неуязвимымъ, неодолимымъ, и вотъ одно мѣсто, гдѣ это выражено съ особой наглядностью и простодушіемъ: „мы выпили Сому, мы стали бессмертными, мы пришли въ область свѣта, мы обрѣли боговъ; что можетъ сдѣлать намъ нынѣ Арати (arati—демонъ), что (можетъ причинить намъ) лукавство смертнаго, о, бессмертный!“

Эти черты драгоцѣнны: онѣ сразу вводятъ насъ въ кругъ религіозныхъ идей глубокой древности, столь чуждыхъ не только нашему нынѣшнему, но и вообще болѣе позднему религіозному сознанію. Передъ нами образчикъ одного изъ древнѣйшихъ напластованій религіозной мысли и жизни, изъ той стадіи, когда человѣкъ обоготворялъ свои собственные душевныя и тѣлесныя состоянія, когда, напр., болѣзнь, гнѣвъ, радость и пр. онъ пони-

малъ какъ особаго рода *существа*, въ него вселившіяся. Такъ же точно смотрѣлъ онъ и на различныя *экстатическія состоянія*, отъ чего бы они ни возникли, отъ дѣйствія ли опьяняющаго напитка, или отъ другихъ причинъ. И было время, когда экстатическія состоянія служили источникомъ религіознаго чувства и мысли въ гораздо большей степени, чѣмъ, напр., солнце, заря и звѣзды. Было время, когда свѣтила небесныя, далекія и безучастныя, были бессильны пробудить дремлющія силы души человѣческой, когда сдѣлать это могли только явленія, близкія человѣку, прямо затрогивавшія его интересы, — явленія, съ которыми жизнь и благосостояніе смертнаго были тѣсно связаны, какъ, напр., огонь, и которыя воздѣйствовали на душу, какъ острое, возбуждающее средство; такъ дѣйствовалъ тотъ же огонь, но въ особенности опьяняющій напитокъ и другіе источники экстаза.

Древнѣйшимъ источникомъ экстаза былъ безспорно не опьяняющій напитокъ и даже не огонь, а самъ *языкъ*, *рѣчь* человѣческая. Цѣлый рядъ *вѣковъ* языка проявлялъ свое могущественное воздѣйствіе на младенческую психію человечества, пробуждая ея разумныя силы, созидавая ея логику и мысль, задолго до открытія огня и напитка. Но, организуя разумныя силы души, онъ въ то же время оказывалъ могучее вліяніе на душу вообще, въ ея цѣломъ, входя въ нее какъ элементъ острый, возбуждающій, настраивающій на извѣстный ладъ и преимущественно вызывающій въ ней то броженіе чувствъ и помысловъ, которое можно бы назвать „первичной религіозностью“. Для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ *религіозномъ* значеніи языка, погребенномъ въ глубочайшихъ пластахъ человѣческой эволюціи, нужно между прочимъ обратить вниманіе на *ритмическую и поэтическую* природу языка.

Языку свойственъ особаго рода *звуковой ритмъ*, выражающійся въ просодіи рѣчи, въ чередованіи высокихъ и низкихъ, долгихъ и краткихъ звуковъ, въ удареніяхъ. На раннихъ ступеняхъ развитія этотъ ритмъ долженъ былъ дѣйствовать на младенческую психію человечества, грубую, но чуткую, чарующимъ, экстатическимъ образомъ, въ родѣ того, какъ на нашу болѣе утонченную и требовательную душу дѣйствуетъ хорошее пѣніе или хорошая музыка. Но къ такому воздѣйствію присоединялась еще яркая образность языка древности, котораго слова еще сохраняли свое первоначальное значеніе, изображая вещи съ точки зрѣнія того или другого наиболѣе виднаго ихъ признака и рисуя ихъ какъ существа живыя и чувствующія. Картиность таковой рѣчи мы можемъ себѣ отчасти представить, отправляясь отъ тѣхъ

немногихъ словъ современнаго языка, которыя еще не утратили своего живого образа и не превратились въ „алгебраическіе знаки“. Таки напр., *удагъ*, *свѣтлякъ* (свѣтящійся червячокъ), *подсмѣшникъ*, *лотка*—суть слова, таки связать, живыя, живописующія, обозначающія предметы образами, которые намъ ясны. Напротивъ, *домъ*, *лѣсъ*, *солнце*, *человѣкъ*, *дерево*, *собака* не рисуютъ намъ никакихъ образовъ, а только „алгебраически“ обозначаютъ соотвѣтственные понятія. Но было время, когда и эти слова, когда всѣ слова были такими же образными и живописными, какъ *удагъ*, *свѣтлякъ* и т. п., да къ тому же представляли неодушевленные предметы, какъ существа живыя и сознательныя, остаткомъ чего является грамматическій родъ и самый строй предложенія („солнце восходитъ“—точно сознательно, „лѣсъ шумитъ“—будто живой). Въ ту эпоху языкъ самъ по себѣ и въ своемъ родѣ былъ то, что теперь мы называемъ *поэзіей* и что только выдѣлилось изъ него, какъ съ другой стороны изъ него же возникла пѣсня, основа музыки. Языкъ первобытной древности въ одно и то же время дѣйствовалъ на психію и какъ музыка—ритмомъ звуковъ, и какъ поэзія—ритмомъ образовъ, и какъ своего рода словесная „живопись“—яркостью красокъ. Это было сильное, острое экстатическое начало, значеніе котораго намъ трудно постичь, ибо живыя краски рѣчи давнымъ-давно поблекли, ея гармонія, давно усыпленная, на насъ не дѣйствуетъ (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда великіе художники слова, Пушкины и Тургеневы, пробуждаютъ ее), и наконецъ мы не можемъ уже относиться къ языку съ тѣмъ религиознымъ настроеніемъ, съ какии несомнѣнно воспринимали его отдаленные предки нашей расы.

Языкъ былъ не только началомъ музыкальнымъ, поэтическимъ, художественнымъ: онъ былъ также началомъ религиознымъ.

Религиозное значеніе языка вытекало изъ двухъ источниковъ, изъ которыхъ одинъ давно уже изсякъ, другой же никогда не изсякнетъ.

Первый источникъ—это тотъ самый, откуда исходило стремленіе древнихъ олицетворять и обоготворять не только явленія природы, не только вещи, но и функціи—душевыя и тѣлесныя. Языкъ былъ понятъ какъ живое существо, на томъ самомъ основаніи, въ силу котораго были поняты таки, напр., любовь, гнѣвъ, радость, болѣзни. Одухотворенная рѣчь представлялась существомъ необычайнымъ, сверхчеловѣческимъ, ибо она дѣйствовала на душу чарующимъ образомъ и обладала какъ бы магическою силою соединять людей, устанавливая между ними пониманіе и сочувствіе, связывать волю, вызывать въ людяхъ тѣ или другія

чувства, то или иное настроеніе. Возврѣніе на *молитвы* или „важнательныя формулы“, въ силу котораго имъ приписывалась магическая сила, связывающая волю боговъ, вытекало, какъ частный случай, изъ болѣе общаго и болѣе древняго представленія о магической силѣ рѣчи вообще. Чары рѣчи простирались, конечно, не только на людей, но и на боговъ, и рѣчь была понята, какъ посредница между людьми и богами, какъ вѣстница боговъ и людей, — она предвосхитила такимъ образомъ роль священнаго огня. Какъ источникъ экстаза, она предвосхитила роль опьяняющаго напитка: культъ рѣчи былъ первымъ вакхическимъ культомъ. Наконецъ, она же предварила значеніе огня и напитка, какъ божество *мистическія*: она вселяется въ людей, скрывается въ людяхъ, то невидимая, неощутимая, то вдругъ обнаруживающаяся какъ нѣчто звучащее, нѣчто поющее и на крыльяхъ ритма перелетающее отъ человѣка къ человѣку.

Второй источникъ религіознаго значенія языка, это сама природа его въ ея отношеніяхъ къ высшимъ сферамъ духовной дѣятельности человѣка. Мы уже не обоготворяемъ языка, потому что наша логика далеко ушла отъ первобытной, но религіозное начало, лежащее въ самомъ языкѣ, не изсякло, какъ не изсякло оно въ искусствѣ, въ поэзіи, въ наукѣ и въ философіи. На этихъ четырехъ поприщахъ человѣчество, подвигами мысли и творчества, стремится приблизиться къ идеаламъ истины, добра и красоты, — иными словами, оно пытается найти, если она есть, создать, если ея нѣтъ, упрочить, если она есть, но не прочна еще, *связь* своего сознанія съ космосомъ, какъ тѣмъ, который ограниченъ предѣлами точнаго познанія, такъ и тѣмъ, который чается за этими предѣлами. А эта *связь* (religio) и есть таинственная, еще не разгаданная сущность явленія религіозности. Такимъ образомъ наука, философія, искусство, поэзія могутъ быть разсматриваемы, какъ части одного великаго созидающагося цѣлаго — религіи. Но нѣтъ ни искусства, ни поэзіи, ни философіи, ни науки — безъ мысли, а мысли нѣтъ безъ языка. Поэтому языкъ по праву можетъ быть разсматриваемъ какъ начало религіозное, какъ первоисточникъ религіи.

Живой источникъ религіозности, скрытый въ языкѣ, не изсякаетъ. Языки цивилизованныхъ народовъ развиваются, становятся все богаче содержаніемъ, все утонченнѣе въ передачѣ оттѣнковъ, и такимъ образомъ являются болѣе могущественнымъ стимуломъ и орудіемъ мысли. А для той высокой религіозности, всемірной, общечеловѣческой и идеальной, къ которой стремится міръ, потребны огромныя силы обобщенія, научнаго и философскаго, и

могучія крылья поэзіи: ни то, ни другое немислимо безъ языка высоко развитого и не перестающаго развиваться, обладающаго сокровищами мысли, вѣками накопленными, и насыщеннаго скрытой поэзіей, которая всегда готова пробудиться и разыграть при первомъ прикосновеніи генія.

Обоготворенная рѣчь явилась по преимуществу божествомъ культа: черезъ ея посредничество люди сносились съ богами, ею магически воздѣйствовали они на божество, ею приводили они боговъ въ экстазъ. Древняя „молитва“ была та же рѣчь человѣческая, но только приложенная къ дѣлямъ культа. И если „молитвъ“ была приписана магическая сила, если на нее смотрѣли какъ на могучее орудіе экстаза, то въ древнѣйшее время этотъ взглядъ былъ обусловленъ именно тѣмъ, что „молитва“ была только часть того дѣлага, которое, по самой сущности своей, обнаруживалось какъ существо, надѣленное чарами экстаза и магической силой. Но съ теченіемъ времени эти атрибуты, отвлекаясь отъ дѣлага (Рѣчи), все болѣе и болѣе сосредоточивались въ ея части — въ „молитвъ“. Этъ былъ тотъ самый процессъ приуроченія и спеціализаціи, въ силу котораго въ извѣстную эпоху, напр., огонь вообще пересталъ быть священнымъ и изъ божества превратился въ вещь или въ стихію, а божествомъ признавался только огонь алтаря; равнымъ образомъ и опьяняющіе напитки вообще утратили свою божественную силу, и послѣдняя сосредоточилась въ одномъ изъ нихъ, на которомъ, въ силу разныхъ причинъ, удержался ореолъ божественности. Въ веданизмѣ, въ маздеизмѣ (религія Зороастра), въ религіи древнихъ грековъ, это приуроченіе и спеціализація являются уже совершившимся фактомъ: экстатическая сила въ ея религіозномъ значеніи приурочена къ рѣчи культовой, къ „молитвъ“ и „гимну“, и къ напитку культа—Сомѣ у индусовъ, Хаомѣ у иранцевъ, вину, дару Діониса—у грековъ.

Но, какъ наслѣдіе прошлаго, остался въ гимнахъ Ведъ тотъ способъ обозначать „молитвы“, на который было указано: *gī* (гирь, голосъ, пѣніе), *vāc* (вачь, рѣчь) и др. Экстатическая же сила „молитвы“ выставлена на видъ въ терминахъ *brāhmaṇ* (ср. р., брахманъ, „подъемъ“, экстазъ), и *vīp* (вишь, дрожаніе, трепеть, экстазъ) отъ кор. *vīp*—дрожать, откуда и *vīrga*—„жрецъ въ экстазѣ“.

„Молитвы“ разсматривались какъ такая же необходимая часть и дѣйствующая сила культа, какъ огонь и напитокъ Сомы: безъ нихъ культъ былъ бы недѣйствительнымъ. Но въ особенности велико значеніе молитвъ для той части культа, которая была по-

священа приготовленію Сомы. Здѣсь молитвы участвуютъ не только потому, что онѣ вообще необходимы для культа, но также и потому, что между экстатической природой молитвъ и экстазомъ Сомы усматривалось какъ бы сродство. Чтобы Сома явился во всеоружіи своего экстаза, — его приготовленіе должно было совершаться не иначе, какъ при участіи экстатической силы „молитвъ“. Это прямо сказано въ любопытномъ выраженіи стиха VII, 26, 1: „Невыжатый Сома не опьяняетъ Индру, — не опьяняетъ его и Сома, хотя бы и выжатый, но лишенный гимновъ“ (т.-е. такой, котораго приготовленіе не сопровождалось пѣніемъ гимновъ). Въ культовыхъ („литургическихъ“) гимнахъ, посвященныхъ Сомѣ и собранныхъ въ IX-ой книгѣ Ригъ-Веды, эта тѣсная связь между экстазомъ Сомы и экстазомъ гимновъ живописуется разнообразными оборотами, которые мы можемъ подвести подъ двѣ рубрики: 1) обороты, гдѣ экстазъ гимновъ разсматривается какъ причина, а экстазъ Сомы — какъ слѣдствіе; пѣніе гимновъ дѣйствуетъ на самого Сому экстатически, — божественная сила экстаза таинственнымъ образомъ какъ бы переливается изъ „Рѣчи“ въ Сому; 2) обороты, въ которыхъ указано обратное соотношеніе: экстазъ гимновъ разсматривается какъ слѣдствіе, а экстазъ Сомы — какъ причина, т.-е. Сома, получая отъ „молитвъ“ экстатическую силу, въ свою очередь надѣляетъ ихъ таковою же. Экстазъ — это общее достояніе Сомы и Рѣчи, которымъ они дѣлятся; пока напитокъ еще не готовъ, Рѣчь снабжаетъ его даромъ экстаза; когда экстазъ Сомы осуществится, — Сома возвратитъ Рѣчи эту ссуду сторицею.

Подъ первую рубрику подойдутъ мѣста въ родѣ слѣдующаго: „для тебя, о, Инду, мощно очищаются дѣятельные гимны („голоса“), которыми ты украшаешься (снаряжаешься) для опьяненія“. „Голоса“, т.-е. молитвы, гимны, названы здѣсь „дѣятельными“ или „искусными“, чѣмъ подчеркивается ихъ активная роль въ культѣ Сомы. Они дѣйствуютъ, и результатомъ этого дѣйствія является экстазъ Сомы. Слово: „очищаются“ — есть техническій терминъ, относящійся къ самой процедурѣ приготовленія напитка, которая по преимуществу есть *очищеніе*, и этотъ терминъ отнесенъ къ гимнамъ, съ цѣлью еще тѣснѣе связать Рѣчь съ Сомою. Самое воздѣйствіе Рѣчи на Сому изображается терминами: *украшать*, *снаряжать* (какъ въ приведенномъ стихѣ), *одѣвать*, *облекать* („его, Сому, мы одѣваемъ гимнами“), *знать*, *погонять*, какъ коня. Сома называется „возросшимъ подъ воздѣйствіемъ гимна“, или „пользующимся силою гимна“; онъ „рожденъ гимномъ“; гимны

цѣлуютъ или лизуютъ Сому, какъ коровы — теленка, онъ — ихъ дѣтенышъ, и т. д.

Ко второй рубрикѣ принадлежатъ мѣста, гдѣ Сома называется „рождающимъ гимны“, „родителемъ, отцомъ гимновъ“, причѣмъ одно мѣсто этого рода поясняетъ, какъ или въ силу чего Сома „рождаетъ“ гимны: онъ ихъ рождаетъ *струями напитка*. Далѣе, сюда же относятся мѣста, гдѣ Сома представленъ звучащимъ, поющимъ, обнаруживающимъ Рѣчь, движущимъ ею и т. д. Особенно характерны выраженія: „Сома движетъ Рѣчью, какъ гребецъ—лодкою“; „Сома всколебалъ (взять глаголъ *vir*—дрожать, примѣнявшійся, какъ было указано, въ обозначенію *экстаза*) волну Рѣчи,—гимны, какъ рѣка (колеблетъ свои волны)“. Этотъ порядокъ идей—аналогія между Сомою и Рѣчью, тѣсная связь между ними, ихъ соотносительность и взаимная зависимость,—образуетъ тотъ центральный пунктъ, къ которому тяготеютъ различныя стороны сложной концепціи ведійскаго Ваека. Какую бы изъ этихъ сторонъ мы ни взяли, мы непремѣнно встрѣтимъ тамъ Сому съ Рѣчью въ той или другой ея мифологической метаморфозѣ.

Концепція Сомы и Рѣчи развивалась подъ очевиднымъ влияніемъ космической идеи Агни. Священный напитокъ добывался изъ растенія, въ которомъ Сома невидимо пребываетъ, какъ огонь въ деревѣ. Какими же путями и откуда проникаетъ Сома въ свое растеніе? Очевидно, онъ какъ бы впитывается въ растеніе изъ земли, опять-таки подобно огню. Въ землю же онъ проникаетъ, конечно, вмѣстѣ съ каплями дождя, въ которыхъ онъ скрытъ на ряду съ огнемъ. И въ самомъ дѣлѣ: не есть ли дождь небесная манифестація небеснаго Сомы? Потокъ дождя не напоминаетъ ли—только въ грандіозномъ видѣ—струи Сомы, процѣживающагося сквозь фильтръ? Далѣе: грозовыя тучи, отъ столбоненія которыхъ проливается дождь, не представляютъ ли небеснаго эквивалента тѣхъ каменныхъ прессовъ, которыми выжимается сокъ изъ растенія Сомы? Нужно припомнить, что тучи называются въ гимнахъ Ведъ именно камнями или скалами (небесными). И на этомъ пунктѣ аналогія съ огнемъ представлялась вполне очевидной: тучи разсматривались также какъ небесныя *арани*, отъ тренія которыхъ рождался огонь молніи — *араш-парат* (сынъ вода). Пролитіе этого небеснаго Сомы, точно также какъ и приготовленіе земнаго, сопровождается Рѣчью: это—тотъ небесный глаголъ, который слышенъ въ раскатахъ грома. Итакъ, Рѣчь, подобно Сомѣ и Агни, имѣла свое космическое обнаруженіе, причѣмъ дѣло отнюдь не ограничивалось этой „громовой“ концепціей ея: параллельно представленію Сомы какъ дождя развивалось

подобное же *дождевое* представлѣніе рѣчи. Корней этого послѣдняго нужно искать въ глубочайшей проэтнической древности. Рѣчь искони понималась какъ нѣчто текучее, льющееся, жидкое,—образъ, вытекающій прямо изъ ритмической природы языка и оказывающійся достояніемъ не только индо-европейскаго племени, но и другихъ народовъ. Мы до сихъ поръ говоримъ: рѣчь льется, пѣсни текутъ, *плавная* рѣчь и т. д. Въ Ведахъ это обычный оборотъ. Напр.: „тебя (Агни) гимны (голоса) наполняютъ, какъ великіе потоки—океанъ“; „словно озеро, потоками наполняютъ тебя (Индру) молитвы, о, герой!“; „стекаются гимны, какъ потоки въ колодези...“ и т. д. Въ гимнахъ, посвященныхъ Сомѣ, представлѣніе рѣчи (молитвъ, гимновъ), какъ текущей жидкости, играетъ весьма видную роль и въ разныхъ оборотахъ проведено, какъ бы нарочито, параллельно концепціи Сомы какъ текущей жидкости и какъ дождя. Такъ, въ одномъ мѣстѣ сказано, что гимны вздымаются на встрѣчу Сомѣ подобно волнамъ воды; въ другомъ мѣстѣ говорится, что Сомы течетъ во главѣ потоковъ и во главѣ Рѣчи. Но въ особенности любопытенъ стихъ: „пролей гимнъ (поэтъ обращается къ Сомѣ), какъ *громъ* (проливаетъ) дождь“. Здѣсь какъ бы перемѣнились роли: не Рѣчь, а самъ Сомы сравнивается съ громомъ (что находится въ полной гармоніи съ его концепціей, какъ божества поющаго, поэта (Кави): о пѣніи, шумѣ Сомы говорится нерѣдко; въ качествѣ же дождя является не Сомы, какъ обыкновенно, но именно Рѣчь. Это представлѣніе Рѣчи не только какъ жидкости вообще, но специально какъ дождя или влаги небесной, крайне любопытнымъ образомъ совпадаетъ съ такимъ же библейскимъ представлѣніемъ, котораго наиболѣе яркимъ выраженіемъ является знаменитое начало 32-ой главы V-ой книги Моисея:

Внимайте, небеса, и я буду говорить!
И ты слушай, земля, слова устъ моихъ!
Потечетъ, какъ дождь, ученіе мое,
Прольется, какъ роса, вѣщаніе мое,
Какъ ливень на всходы,
Какъ проливной дождь на растенія.

Итакъ, въ громѣ звучала не только Рѣчь, но и Сомы, и дождемъ изливался на землю не только Сомы, но и Рѣчь. Въ громѣ и дождѣ они оба находили свое космическое обнаруженіе. Но это обнаруженіе не ограничивалось водными и звуковыми явленіями космоса. Къ нимъ не замедлили присоединиться явленія свѣта и огня—черты, развившіяся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ идеи Агни. Логическая сила индійскаго ума стремилась довести

аналогію до ковпа, и этотъ ходъ мысли можно представить въ слѣдующей схемѣ. Огонь, Сомы и Р̄чь одинаково выходятъ изъ тучъ, которыя для Агни суть небесныя „арани“, для Сомы — небесныя прессы; Огонь, Сомы и Р̄чь одинаково претворяются въ воду и дождемъ или въ дождѣ изливаются на землю. Но въ этомъ процессѣ Агни, кромѣ того, обнаруживается со стороны своей огненной природы — въ видѣ молніи; съ другой стороны, какъ богъ свѣтлый и огненный, онъ обнаруживается въ лучахъ солнца. Спрашивается: должна ли на этомъ пунктѣ прекратиться аналогія между Агни съ одной стороны и Сомою и Р̄чью — съ другой? Систематизирующая мысль индуса хотѣла, чтобы аналогія была доведена до конца. Но она не могла бы этого сдѣлать, еслибы въ основной идеѣ Сомы и Р̄чи не таились признаки представленій свѣта и огня. Вліяніе концепціи Агни только содѣйствовало раскрытію этихъ признаковъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію свѣтовой и огненной природы Сомы и Р̄чи, мы начнемъ съ Р̄чи: ея сродство со свѣтомъ и огнемъ представляется болѣе древнимъ и болѣе органическимъ, чѣмъ у Сомы.

Всякому, кто изучалъ древніе языки и памятники, хорошо извѣстенъ такой фактъ: въ языкѣ, въ мнѣѣ, въ религіозныхъ воззрѣніяхъ весьма часто наблюдается ассоціація представленій *свѣта* и *звука*. Божества свѣтовые вообще и солнечныя въ частности представляются обыкновенно звучащими, поющими. У грековъ богъ солнца Аполлонъ есть въ то же время поэтъ и предводитель музъ; у индусовъ поютъ Зоря и Агни, и, какъ слѣдуетъ думать, звучащимъ представлялось также Солнце (Sûrya и Savitar). Самый корень svag, отъ котораго произведены названія солнца въ санскритѣ (svag, sûrya), выражалъ первоначально не только *свѣтитъ*, *сіяетъ*, но и понятіе *звучать*, *пѣть*, откуда напр., svagá — звукъ, шумъ. Глаголь агс (арч—) соединяетъ оба значенія, и отъ него мы имѣемъ съ одной стороны ачка — гимнъ, пѣснь, а съ другой ачка — лучъ, свѣтъ. Эта ассоціація оставила слѣды въ самомъ текстѣ Ригъ-Веды. Такъ, въ мистическомъ гимнѣ X, 71, гдѣ повидимому дѣло идетъ о томъ, какъ люди впервые овладѣли священной Р̄чью (Vâc—Вачъ), находимъ между прочимъ слѣдующее (ст. 4): „одинъ, *млядя*, не *видитъ* Р̄чь; другой, *слушая*, не *слышитъ* ея“... Въ стихѣ 7 того же гимна нѣкіе „друзья“, повидимому — *птицы*, охарактеризованы двумя эпитетами, изъ коихъ одинъ представляется вполне подходящимъ: онъ значить „снабженные ушами“, т.-е. имѣющіе хорошій слухъ; другой же, съ нашей точки зрѣнія, въ дѣлу не

идеть: онъ значить „снабженные глазами“, имѣющіе хорошее зрѣніе. Очевидно, было время, когда звуковыя впечатлѣнія такъ тѣсно ассоціировались со свѣтовыми, что звукъ вызывалъ невольно представленіе свѣта (можетъ быть, нѣчто въ родѣ той аномалии, при которой человекъ, слыша ноты, ясно видитъ при этомъ различные цвѣта и притомъ такъ, что каждой нотѣ отвѣчаетъ особый цвѣтъ). Эпитеты *свѣтлый*, *яркій*, *свѣтоносный* и т. п. нерѣдко прилагаются къ рѣчи, гимнамъ, звукамъ и, по большей части, какъ слѣдуетъ думать, не метафорически. Такъ въ ст. VII, 101, 1 гимны названы „свѣтоносными“ или лучистыми, собств. испускающими или несущими свѣтъ предъ собою (*juotigagrās* — джйотираграсъ). — „Сдѣлай (говорить ст. I, 138, 2, обращенный къ богу Пушану) наши гимны сіяющими“. — „Ты (Агни) — изобрѣтатель свѣтлой (яркой) рѣчи“, читаемъ въ ст. II, 9, 4. Сюда же нужно отнести и одно мѣсто у Яски (одинъ изъ древнѣйшихъ индійскихъ ученыхъ, авторъ грамматическаго труда *Nirukta*), гдѣ онъ говоритъ, что комментаторъ Ведъ *Aurashanayana* производилъ слово *rshi* (рши) — поэтъ — отъ корня *darṣ* (дарш) — *смотреть* — и толковалъ это слово въ томъ смыслѣ, что *rshi* — это тотъ, кто „увидѣлъ“ гимны, кому боги „показали“ гимны. Вестергаардъ (*Über den ältesten Zeitraum der Indischen Geschichte*, 32) находитъ здѣсь указаніе на существованіе письменъ у индусовъ въ эпоху Ведъ; я же думаю, что это указываетъ вовсе не на письмена, которыя въ ту эпоху еще не были въ ходу у индусовъ, а именно на ту ассоціацію звука и свѣта, о которой идетъ рѣчь. Древніе могли выражаться такъ: я вижу звукъ, я слышу свѣтъ. Добавлю къ сказанному, что это явленіе представляется общечеловѣческимъ (какъ и дождевая или водная концепція Рѣчи), и данныя, сюда относящіяся, можно найти и у другихъ народовъ, кромѣ индо-европейскихъ, — между прочимъ, въ Библии.

Эта же ассоціація явилась весьма важнымъ звеномъ въ развитіи космической концепціи Рѣчи.

Въ явленіи грозы были собраны всѣ три элемента, усматривавшіеся въ природѣ Рѣчи: *вода*, скопленная въ тучахъ и изливающаяся оттуда дождемъ; *звукъ*, выходящій изъ тучъ въ видѣ грома, и *свѣтъ*, обнаруживающійся какъ молнія. Въ молніи Рѣчь и Агни какъ бы совмѣщались. Они совмѣщались и въ лучахъ солнца, и въ капляхъ дождя. Этого было вполне достаточно, чтобы Рѣчь могла получить космическое значеніе, аналогичное тому, которое принадлежало Агни. Позже (вѣроятно, около конца эпохи Ведъ) на этой почвѣ былъ построенъ образъ верховнаго

и изначальнаго божества, вездѣсущаго, всепроникающаго, всеобъемлющаго, и это великое божество было представлено какъ Рѣчь. Такую идею мы находимъ въ гимнѣ X, 125, гдѣ выведена на сцену сама Рѣчь и говорить о себѣ такъ:

„Я шествую вмѣстѣ съ Рудрами, Васавами, Адитьями и всѣми богами, я Митру и Варуну обоихъ несу, я (несу) Индру и Агни, я (несу) обоихъ Ашвиновъ“ (ст. 1).

„Я Сому обильнаго несу, я (несу) Тваштара и Пушана, Бхага, я даю богатство совершающему возліянія, ревностному, приносящему жертву, выдавливающему сокъ (Сомы)“ (ст. 2).

„Я—царица, собирательница благъ, мудрая, первая изъ (божествъ) достойныхъ поклоненія. Это меня боги распредѣлили по многимъ мѣстамъ—(какъ) обитательницу многихъ (мѣстъ) и (какъ) путеводительницу повсюду“ (ст. 3).

„...Кого я люблю, того дѣлаю мощнымъ, жрецомъ, поэтомъ, мудрецомъ“ (ст. 5).

„Я натягиваю лукъ Рудрѣ—для стрѣлы, для убіенія того, кто ненавидитъ молитву. Я сообщаю людямъ боевое воодушевленіе. Я проникла небо и землю“ (ст. 6).

„...Мое рожденіе среди водъ, въ океанѣ; отсюда явилась я ко всѣмъ существамъ и головою касаюсь я самаго неба“ (ст. 7).

„Я, какъ вѣтеръ, развѣваюсь, охватывая всѣ существа. Превыше неба, здѣсь превыше земли—столь великой я стала“ (ст. 8).

Всякій, кто изучалъ текстъ Ригъ-Веды, не колеблясь, отнесетъ этотъ гимнъ къ числу наиболѣе позднихъ, сложенныхъ въ концѣ ведійской эпохи. Образъ Рѣчи, какъ верховной богини и царицы боговъ, долженъ быть рассматриваемъ какъ конечный результатъ мысли, которая въ теченіе ряда вѣковъ разрабатывала космическую и также культурную идею Рѣчи. Это былъ продуктъ того же религіознаго творчества, которое въ концѣ эпохи Ведъ создало образъ божества *Brahmanaspati* („Владыка молитвы“), представителя и патрона жрецовъ. Вачъ (*Vāc*, Рѣчь) гимна X, 125, есть какъ бы женскій эквивалентъ этого жреческаго бога и вмѣстѣ съ нимъ съ теченіемъ времени распустилась въ идеѣ Брахмы (*brāhmaṇ*), принадлежащей уже слѣдующему, послѣведійскому періоду. Итакъ, образъ богини *Vāc* въ томъ видѣ, какъ является онъ въ приведенномъ гимнѣ, не можетъ быть причисленъ къ древнѣйшимъ. Но это не исключаетъ глубокой древности отдѣльныхъ чертъ образа и самыхъ основъ, изъ которыхъ онъ развился. Таково, напр., утвержденіе стиха 5-го, что Рѣчь, кого любить, дѣлаетъ вѣщимъ и могучимъ,—идея, возводящаяся къ тому древнѣйшему представленію о магической и экстатиче-

свой силѣ языка, на которое мы указали выше. Рожденіе Рѣчи въ океанѣ (конечно, небесномъ), среди водъ, есть также отголосокъ глубоко-древняго воззрѣнія на „жидкую“, „дождевую“ природу Рѣчи, на ея небесное происхожденіе изъ грозовыхъ тучъ. Равнымъ образомъ я смотрю какъ на очень древній стихъ 2-ой, который считаю возможнымъ отдѣлить отъ аналогичнаго ему стиха 1-го. Въ ст. 2-мъ сказано, что „Рѣчь несетъ Сому“, и это, въ своемъ источникѣ, не что иное, какъ та идея о связи экстаза рѣчи съ экстазомъ напитка, о которой мы говорили выше. Пока упоминаю объ этомъ мимоходомъ: ниже мы воспользуемся указаннымъ стихомъ для объясненія мѣта о сошествіи Сомы съ небесъ на землю. Отмѣтимъ еще тѣ черты, которыми Рѣчь сближается съ космическимъ Огнемъ. Она родилась среди водъ (небесныхъ), какъ и Агни; какъ онъ же, она вездѣсуща, проникаетъ небо и землю и распределена по многимъ мѣстамъ. Последняя черта особенно любопытна: Рѣчь, единая въ своей сущности, представляется раздробленной на множество отдѣльныхъ рѣчей, молитвъ, гимновъ и т. д. и находящейся въ одно и то же время и въ устахъ людей, и въ громахъ, и въ свѣтовыхъ явленіяхъ. Такого рода мысль и нерѣдко въ подобныхъ же выраженіяхъ высказывается и объ Агни: онъ одинъ, но распределенъ по многимъ мѣстамъ. Нельзя не видѣть здѣсь слѣдовъ воздѣйствія космической концепціи Агни на развитіе аналогичной идеи Рѣчи.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ, параллельно „огневой“ и „свѣтовой“ идеи Рѣчи, развивалась „солнечная“ концепція Сомы.

Извѣстно, что въ позднѣйшее время, въ эпоху брахманическую, Сомы были отождествлены съ луною, и самое слово *soma* получило значеніе „луны“. Въ гимнахъ Ригъ-Веды можно указать всего два-три мѣста, и то несомнѣнно поздняго происхожденія, гдѣ мы находимъ первые слѣды этого отождествленія. Происхожденіе идеи Сомы-луны неясно. Несомнѣнно одно, что въ древнее время и въ цвѣтущую эпоху ведизма ея не было, а была *солнечная* концепція Сомы, впоследствии забытая. Эта послѣдняя нашла себѣ выраженіе въ тѣхъ мѣстахъ гимновъ, гдѣ Сомы сравнивается съ солнцемъ, изображается съ его атрибутами и наконецъ прямо отождествляется съ нимъ, причемъ снопы лучей солнечныхъ играютъ роль фильтра или рѣшета Сомы.

Какъ могла возникнуть эта солнечная идея Сомы? Гдѣ ея первоисточникъ?

Я думаю, что ея первоисточникомъ было другое, болѣе древнее и болѣе распространенное представленіе Сомы— какъ Самца-

Оплодотворителя. Въ гимнахъ весьма часто Сомѣ характеризуется эпитетами, которые значатъ *быкъ* и *самецъ*. Эта черта восходитъ еще къ индо-европейской древности, что видно изъ совпаденія ея съ аналогичной характеристикой греческаго Діониса, который въ памятникахъ искусства часто изображается въ видѣ быка и съ этой же стороны выставленъ въ „Вахханкахъ“ Эврипида (ст. 920 и сл., 1159). Именно въ качествѣ самца индійскій Ваххъ и былъ названъ Soma, что первоначально значило „оплодотворитель“. Вотъ именно какъ оплодотворитель по преимуществу, да къ тому же называющійся Soma, онъ былъ приведенъ въ связь (а можетъ быть, и отождествленъ) съ другимъ Оплодотворителемъ, который назывался Savitar; а этотъ Савитаръ въ извѣстную эпоху отождествился съ *Солнцемъ*, взятымъ со стороны его оплодотворяющей и животворящей силы. Этому сближенію Сомы съ Савитаромъ-Солнцемъ, конечно, содѣйствовала та аналогія, которая проводилась между Сомою и Агни; ибо Савитаръ можетъ быть разсматриваемъ какъ одна изъ формъ небеснаго огня, какъ солнечная манифестація Агни. Сомѣ шель, такъ сказать, рука объ руку съ Агни: вмѣстѣ съ нимъ онъ былъ въ тучахъ, въ дождѣ, въ землѣ, на небѣ, въ растеніи; вмѣстѣ съ нимъ онъ былъ помѣщенъ и въ солнцѣ; а этотъ шагъ сталъ возможнымъ и легкимъ потому собственно, что въ отождествленію съ солнцемъ уже вели исконное изображеніе Сомы какъ самца-оплодотворителя и совпаденіе именъ Soma и Savitar. Этотъ процессъ можно было бы прослѣдить по разнымъ намекамъ и слѣдамъ, сохранившимся въ гимнахъ, но это вовлекло бы насъ въ область спеціальнаго изслѣдованія, и я ограничусь здѣсь указаніемъ на стихи IX, 67, 23—26, гдѣ *Агни* и *Савитаръ* являются въ роли Сомы, съ его функціями и атрибутами.

Но какъ возникло само представленіе Сомы какъ *самца*? Оно шло изъ двухъ источниковъ. Во-первыхъ, изъ *дождевой* концепціи: Сомѣ былъ дождь-оплодотворитель, богъ небесной влаги, а стало быть и растительности,—очень древняя идея, совпадающая съ аналогичными чертами Вахха-Діониса; а во-вторыхъ,—изъ эротическихъ элементовъ ваххическаго культа, оставившихъ слѣды въ гимнахъ и объясняющихся, между прочимъ, возбуждающимъ дѣйствіемъ напитка. Есть не мало мѣстъ въ гимнахъ, изъ анализа которыхъ мы можемъ извлечь воззрѣніе на Сому какъ на божество половой любви, какъ на Эроса. Напитокъ Сомы представлялся жидкостью оплодотворяющей, и вѣрили, что если дождь оплодотворяетъ землю, то это имѣетъ мѣсто не только потому, что въ капляхъ дождя заключенъ Агни, но также и потому, что

тамъ скрывается чудесная, плодоносная эссенція Сомы. Сома, какъ и Агни, явился однимъ изъ древнѣйшихъ *космическихъ Эросовъ*.

Итакъ, подобно Огню, Сома и Ръчь были въ одно и то же время божествами и культовыми, и космическими. Разъ космическое ихъ значеніе было установлено, центральная идея, которую мы очертили выше, не могла уже ограничиться предѣлами культа: сфера ея приложенія должна была расшириться,—отъ напитка и молитвъ ее перенесли къ Сомѣ и Ръчи космоса.

Центральная идея, специально психологическаго и культового происхожденія, гласила: экстазъ Ръчи производитъ экстазъ Сомы, и послѣдній въ свою очередь вдохновляетъ Ръчь. Теперь, вынесенная за предѣлы психологической и культовой сферы и получивъ значеніе космическое, эта идея будетъ формулирована такъ: всепроникающее стихійное божество, именуемое Сомою, пребывающее на небѣ и въ землѣ, въ дождѣ и въ солнцѣ, было создано творческою міровою Ръчью, и обратно: космическій Сома въ свою очередь даетъ бытіе космической Ръчи.

Этотъ космическій Сома изображается какъ владыка боговъ, какъ творецъ всего сущаго, какъ начало началъ. Такъ въ ст. IX, 86, 10, онъ названъ родителемъ боговъ; въ ст. IX, 87, 2—столпомъ неба, основой земли; въ ст. IX, 96, 5—родителемъ неба, земли, Индры, Вишну, Огня; онъ стоитъ выше всѣхъ существъ (IX, 54, 3) и неоднократно именуется древнимъ, первымъ, исконнымъ, первобытнымъ (*pragna, pūruva*).

Но оказывается, что этотъ исконный богъ, творецъ всего сущаго, былъ нѣкогда самъ рожденъ божествомъ еще болѣе древнимъ, чѣмъ онъ. Объ „исконномъ рожденіи“ Сомы говоритъ, напр., ст. IX, 3, 9: „этотъ богъ, *исконнымъ рожденіемъ* выжатый (рожденный) для боговъ“... Другой стихъ, совершенно параллельный только-что приведенному, открываетъ *тайну* „рожденія“ Сомы: „этотъ богъ, рожденный для боговъ *исконнымъ вѣщаніемъ*, течетъ струею“...

Исконное вѣщаніе или слово, упоминаемое въ этомъ стихѣ, очевидно, тождественно съ тою *Ръчью*, о которой говорилъ мистическій стихъ IX, 97, 22: „его (Сому) создала *Ръчь* (*vās*) любящаго (любвеобильнаго) Духа“. Это изреченіе представляется конечнымъ продуктомъ нѣсколько сложнаго процесса—наслоенія положеній: 1) Ръчь произвела Сому, и 2) Сома произвелъ Ръчь. Въ самомъ дѣлѣ: Ръчь, создавшая Сому, представлена здѣсь не какъ самостоятельное божество, а какъ принадлежащая „любящему Духу“, т.-е. имъ произведенная, изреченная. Но въ этомъ

любвеобильномъ Духѣ не трудно угадать метаморфозу самого Сомы: онъ взятъ здѣсь какъ Эросъ, конечно, космическій. Терминъ „любящій“ выраженъ въ текстѣ причастіемъ *venat*—отъ корня *ven*—любить, а отъ того же корня мы имѣемъ названіе *Vena*—любовникъ, Эросъ, прилагаемое къ Сомѣ-Эросу.

Сома-Эросъ образовалъ существенный элементъ теософіи и мистики Ведъ. Онъ вошелъ въ нее вмѣстѣ съ понятіемъ Земли и Неба, какъ первозданной космической четы. Но его отношенія къ этой четѣ крайне запутаны. По всему видно, что тутъ на-слоились и перемѣшались самымъ причудливымъ образомъ идеи различныхъ эпохъ. Мы можемъ разбить ихъ на пять рубрикъ. 1) *Земля* и *Сома* образуютъ чету. Это древнѣйшая изъ разсматриваемыхъ идей, наслѣдіе той эпохи, когда господствовалъ культъ Матери-Земли, такъ талантливо воспроизведенный Бахофеномъ въ связи съ его теоріей „материнства“. Земля еще не имѣла супруга, культы Неба и Солнца еще не возникали, но уже былъ представитель мужского, оплодотворяющаго начала—Сома. 2) *Земля* и *Небо* образовали чету двухъ сестеръ (*dyaus*—небо—употребляется и въ муж., и въ жен. р.), Сома былъ ихъ оплодотворитель, — вариантъ первой идеи, характеризующійся прибавкою Неба. 3) *Земля* и *Небо* образовали супружескую чету, причемъ Небо превратилось въ божество муж. пола и изъ сестры стало супругомъ Земли. Сома состоитъ при нихъ въ качествѣ оплодотворяющаго начала. 4) Сома представленъ сыномъ Земли и Неба, — идея, пробывавшаяся разными путями, между прочимъ и путемъ представленія о Сомѣ, рождающемся (въ растеніи) отъ Земли, оплодотворенной дождями Неба. 5) Сома—отецъ, владыка Земли и Неба, — идея, шедшая отъ болѣе старыхъ возрѣвій на Сому, какъ на верховнаго оплодотворителя и подновленная болѣе позднимъ представленіемъ Сомы, какъ творца всего сущаго, а слѣдов., и Земли, и Неба.

Эта теософія, соединенная съ психологическо-культовой идеей Сомы, дала его *мистику*.

Мистика вакхическаго культа зиждется на сознаніи, что священный напитокъ, который пьютъ люди и боги, есть только одно изъ обнаруженій какого-то всемірнаго начала, представляющаго собою творческую силу космоса и находящаго свои другія обнаруженія въ различныхъ и преимущественно грандіозныхъ явленіяхъ природы, — въ солнцѣ, въ дождѣ, въ грозѣ. Приобщаясь напитку Сомы, человекъ тѣмъ самымъ приобщался великой, стихійной, космической силѣ; онъ претворялъ въ себя частицу оплодотворяющей силы, разлитой въ мірозданіи, становился обладате-

лемъ творческаго начала, на которомъ основана жизнь вселенной. Это былъ, на ряду съ Агни, неоскудѣвающій источникъ безсмертія, равно необходимый и для боговъ, и для людей. Люди, употребляя Сому, осуществляютъ свое относительное, человеческое безсмертіе, или, лучше сказать, къ тому безсмертію, которое уже дано имъ Огнемъ, они прибавляютъ другое, даръ Сомы. Такимъ образомъ, они еще болѣе приближаются къ богамъ и мнятъ себя обладателями „божественности“. Чары и восторги экстаза, производимаго Сомою, получаютъ съ этой мистической точки зрѣнія болѣе глубокий и таинственный смыслъ: это наитіе всемірнаго божества, Возбудителя вселенной. Это великая тайна: въ человѣка вселился величайшій богъ,—движущая сила космоса внѣдрилась въ трепетное сердце смертнаго. Никакія нечистыя силы, никакая смерть не страшны теперь человѣку; онъ стяжалъ магическую силу, его безсмертіе завершилось, и сами боги—въ его власти: „мы выпили Сому, мы стали безсмертны, мы пришли въ область свѣта, мы обрѣли боговъ“ (VIII, 48, 3)...

Параллельно легендамъ объ открытіи огня развивались легенды о сошествіи Сомы съ небесъ на землю. Безъ сомнѣнія, было нѣсколько вариантовъ этихъ сказаній, но всѣ они, конечно, возникли изъ одного источника—изъ глухихъ воспоминаній о томъ, какъ впервые отдаленные предки отырыли цвѣтовъ Сомы и стали добывать изъ него опьяняющій напитокъ. Существенную часть этихъ традицій образовало, такъ сказать, наслоеніе идеи экстаза Сомы на болѣе древней идеѣ экстаза Ръчи, при чемъ въ основу мифа легло старое положеніе, гласившее, что Ръчь создала, взлелѣяла, принесла экстазъ Сомы. Съ теченіемъ времени образы, въ которыхъ была выражена эта древняя религіозная идея, заслонили самую идею,—и получился мифъ, котораго смыслъ былъ почти забытъ. Въ этомъ процессѣ особенно видную роль игралъ образъ *птицы* вообще и *сокола* (или *орла*) въ частности,—образъ, который въ числѣ другихъ служилъ для обозначенія *Ръчи*. Представленіе Ръчи въ видѣ птицы идетъ издревле. Оно сквозитъ въ гомеровскихъ „крылатыхъ словахъ“ (*ἔτεα πτερόευτα*) и въ соответственныхъ оборотахъ Ригъ-Веды. Такъ въ одномъ мѣстѣ богини молятся охарактеризованы эпитетомъ, который значитъ: „имѣющія непронзенныя крылья“, что намекаетъ на ихъ пернатую природу (I, 22, 11). Вообще представленіе *полета*—не только птицы, но также, напр., *стрѣлы*—казалось наиболѣе подходящимъ къ природѣ Ръчи. Ръчь понималась какъ нѣчто перелетающее изъ устъ говорящаго въ уши внимающаго. Богъ молитвъ, Брахманаспати, стрѣляетъ изъ чудеснаго лука, котораго

тетива—это законъ, а стрѣлы—молитвы; онъ ими цѣлитъ въ уши людей (II, 24, 8). Въ ст. X, 114, 5 говорится, что „мудрецы-поэты“, вдохновенные жрецы, превращаютъ въ различныя формы единую прекрасную *птицу*“. Эта птица есть, очевидно, Рѣчь (судя по контексту).

Такимъ образомъ, древняя формула: „Рѣчь создала, взлелѣяла, принесла экстазъ Сомы“ —могла быть выражена короче и образнѣе такъ: „*Птица принесла Сому*“. Въ своемъ первоначальномъ видѣ эта формула находится въ приведенномъ выше стихѣ X, 125, 2, гдѣ Вачь (Рѣчь) говоритъ о себѣ, что она несетъ Сому, Тваштара, Пушана, Бхага. Выше я упомянулъ, что считаю возможнымъ отдѣлить этотъ стихъ отъ аналогичнаго ему стиха 1-го, гдѣ Рѣчь „несетъ“ другихъ боговъ: Митру, Варуну, Агни, Индру, Ашвиновъ. Я считаю это возможнымъ, во-первыхъ, потому, что стихъ 2-ой отличается своимъ размѣромъ какъ отъ 1-го, такъ и отъ остальныхъ стиховъ гимна, что указываетъ на его происхожденіе изъ другого источника. Во-вторыхъ, двое изъ божествъ, которыхъ Рѣчь „несетъ“ во 2-мъ стихѣ, именно Тваштаръ и Пушанъ суть боги, родственные Сомѣ и представляющіе собою какъ бы олицетвореніе извѣстныхъ сторонъ идеи Сомы: Тваштаръ — это творецъ-художникъ, дубликатъ Сомы-Эроса, а Пушанъ—это обособленіе оплодотворяющей (дождевой) функціи Сомы, это—Сома, какъ богъ изобилія. Что же касается до Бхага, то въ нашемъ стихѣ это слово могло первоначально быть нарицательнымъ, какъ оно иногда употребляется въ гимнахъ, и служить лишь эпитетомъ Пушана въ значеніи „благодѣтель“, „податель благъ“. Итакъ, рассматриваемый стихъ въ сущности говорить, что „Рѣчь несетъ Сому“.

Но эта старая редакція была заслонена другою, возникшею изъ представленія Рѣчи въ видѣ птицы. Формула „Рѣчь несетъ Сому“ была замѣнена формулою: „птица, или точнѣе соколъ (орелъ), несетъ Сому (или цвѣтокъ Сомы)“. Я ограничусь краткимъ изложеніемъ содержанія этихъ двухъ гимновъ, исходя изъ той ихъ интерпретаціи, которую я предложилъ въ своемъ „Опытѣ изученія вакхич. культовъ“ и въ статьѣ, помѣщенной въ „Revue Linguistique“ (1885).

Оба гимна составляютъ одно нераздѣльное цѣлое и заключаютъ въ себѣ діалогъ или споръ между самимъ Сомою, который выставляетъ на видъ свои подвиги, свою мощь и т. д., и неизвѣстнымъ лицомъ (можетъ быть, авторомъ обоихъ гимновъ), который этой похвалой Сомы противопоставляетъ восхваленіе сокола, принесшаго цвѣтокъ Сомы.

Сома повѣствуетъ о своихъ воплощеніяхъ—въ Ману, праотца людей, въ мудреца Вагшивана и др.; говорить о себѣ, что онъ—Солнце, что онъ далъ людямъ землю, посылаетъ дожди, и что сами боги послушны его желаніямъ. Онъ приписываетъ себѣ также подвиги Индры. На эту похвалу авторъ гимна возражаетъ превознесеніемъ заслугъ сокола: эта птица выше всѣхъ птицъ; она сама, по своей волѣ, принесла Сому съ высочайшаго неба, и пр. На эту хвалу соколу Сома возражаетъ (въ началѣ гимна IV, 27); указывая на свою прирожденную мудрость и мощь, говорить, что онъ самъ улетѣлъ съ неба въ видѣ сокола, по своей волѣ, а вовсе не соколъ принесъ его. Затѣмъ опять идетъ реплика, и возражающій беретъ прерванную нить своей рѣчи, продолжаетъ восхвалять сокола, излагаетъ легенду о томъ, какъ нѣкій стрѣлокъ Кришану пустилъ стрѣлою въ сокола и отбилъ одно перо, и кончаетъ указаніемъ на Индру, который пьетъ напитокъ, такъ чудесно принесенный божественнымъ соколомъ.

Анализъ этихъ гимновъ обнаруживаетъ, что было, между прочимъ, два варианта мифа: 1) соколъ (или вообще птица) принесъ Сому, и 2) самъ Сома, превратившись въ сокола, прилетѣлъ съ высоты небесной на землю. Первоначальное значеніе сокола здѣсь ступешано, но можно указать на его эпитетъ: „обладающій быстротою мысли“ (въ ст. IV, 26, 5), какъ на глухое воспоминаніе о томъ, что это была *Ръчи*.

Вообще, я думаю, первоначальный смыслъ мифа не былъ забытъ абсолютно и могъ сохраняться въ памяти тѣхъ или другихъ пѣвцовъ или жрецовъ. Въ болѣе позднее время, въ эпоху, непосредственно слѣдующую за ведійской, онъ выплылъ наружу и нашелъ себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ легендъ, которыя мы находимъ въ такъ-назыв. „Брахманахъ“—огромныхъ сборникахъ теологическихъ и литургическихъ толкованій и легендъ, накопившихся въ школахъ индійскихъ богослововъ. Такъ въ Шятапатха-Брахмана помѣщена легенда о томъ, какъ Сома былъ принесенъ не соколомъ, а *Ръчью*. Въ Кауштаки-Брахмана повѣствуется о томъ, какъ *ритмы* принесли Сому, превратившись въ *птицъ*. Я не могу смотрѣть на эти легенды какъ на измышленіе досужей фантазіи индійскихъ теологовъ болѣе поздняго времени. Онѣ по прямой линіи происходятъ отъ тѣхъ древнихъ ведійскихъ воззрѣній на Рѣчь въ ея отношеніяхъ къ Сомѣ, которыя я старался изобразить выше въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ отношеніи моихъ толкованій къ извѣстной теоріи Куна. Этотъ великій ученый, въ

своемъ классическомъ трактатѣ: „Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks“, блестящимъ образомъ развилъ такъ-называемую „грозовую“ теорію происхожденія мифовъ о сошествіи Огня и Напитка. Изъ вышеизложеннаго читатель могъ убѣдиться, что я принимаю въ общемъ эту теорію, но не могу ею ограничиться; я пытаюсь идти дальше, чтобы подъ грозовой мифологіей Сомы найти болѣе древній пластъ мифа. Таковымъ представляются мнѣ старыя идеи о связи между Рѣчью и Напиткомъ. Рѣчь, Напитокъ, Огонь были обоготворены раньше явленій небесныхъ. Эти послѣднія—въ томъ числѣ и грозовыя (Молнія, Громъ, Дождь)—впервые, какъ я думаю, и были обоготворены потому собственно, что въ нихъ прозрѣвали—скрытое или явное—присутствіе Огня (скрытаго въ дождѣ, обнаруженнаго въ молніи), Напитка (въ дождѣ) и Рѣчи (замаскированной въ дождѣ и молніи, явной—въ громѣ). Движеніе шло отъ земли къ небу, отъ культа въ космосу, отъ психологіи къ метеорологіи.

IX.

Божества космическія: Земля и Небо, Солнце, Зора и Воды.

Если Агни, Сомы и Рѣчь должны быть понимаемы какъ божества *по преимуществу культовыя, а также и космическія*, то Земля и Небо, Солнце, Зора и Воды представляются намъ, наоборотъ, божествами *космическими по преимуществу, а также и культовыми*. Идея Агни, Сомы и Рѣчи въ своемъ развитіи шла отъ культа къ космосу,—напротивъ того, идея божествъ, въ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь обращаемся, въ своемъ развитіи шла отъ космоса къ культу.

Небо и Земля (Dyavargthivi—Дъявапргтхиви) образуютъ чету или пару, изображаемую то какъ двѣ богини, то какъ супруги. Упоминаются они весьма часто въ гимнахъ, посвященныхъ различнымъ божествамъ, между тѣмъ какъ собственно имъ посвящено всего шесть гимновъ. Повидимому, въ цвѣтущее время веданства, которое собственно и рисуютъ намъ гимны Ригъ-Веды, культъ Земли и Неба уже былъ въ упадѣ. Но однако сохранялось воспоминаніе о томъ, что этотъ культъ предшествовалъ культамъ другихъ боговъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ (VII, 53, 1) сказано, что древніе мудрецы (учредители священнодѣйствія) дали предпочтеніе Землѣ и Небу, родителямъ боговъ.

Просматривая эпитеты и атрибуты Земли и Неба, мы можемъ

подраздѣлить ихъ на три рубрики, которыя представляютъ намъ наглядно религіозное значеніе этой четы. Въ первую рубрику войдутъ эпитеты, рисующіе космическую или натуралистическую природу Земли и Неба; таковы термины: „великія“, „огромныя“, „широкія“, „ограниченныя далекими предѣлами“, „глубокія“ и др.; сюда же относятся выраженія *godasi* (родаси)—два міра, и *gajasi* (раджаси)—два пространства. Какъ на термины, образующіе переходъ отъ 1-ой рубрики ко 2-ой, можно указать на выраженія, которыми обозначается ихъ единеніе, ихъ парность, а также ихъ плодотворная сила, каковы *sauni* (сайони), „имѣющія одно общее мѣстопробываніе“, живущія вмѣстѣ, *saṃokasā* (самокаса)—то же значеніе, „пара“, „чета“, — „обладающія прекраснымъ сѣменемъ“, и др. Вторую рубрику составляютъ эпитеты, рисующіе ихъ какъ божества старѣйшія и какъ родителей боговъ и всего сущаго; таковы: „первородныя“, „родители боговъ“ („для которыхъ другіе боги суть дѣти“), „старѣйшія“. Небо отдѣльно называется отцомъ, а Земля—матерью.

Эти двѣ рубрики, вмѣстѣ взятыя, изображаютъ намъ Небо и Землю въ такихъ чертахъ, въ силу которыхъ имъ какъ бы приписывается исключительное положеніе въ ряду божествъ. Повидимому, они не нуждаются также въ поддержкѣ со стороны культа въ той мѣрѣ, какъ это необходимо другимъ богамъ (кромѣ культовыхъ); они бессмертны сами по себѣ, помимо культа; наконецъ, они обладаютъ неоскудѣвающей силой творчества, и все сущее отъ нихъ почерпаетъ силу, процвѣтаніе и жизнь, „служащія для всего (сущаго) источникомъ благополучія“.

Важнѣйшее, послѣ Земли и Неба, космическое божество—это *Солнце*, представленное въ веданзмѣ двумя образами: *Savitar* (Савитаръ), — „Оплодотворитель“, „Возбудитель“ — и *Sūrya* (Сурья) — собственно солнце. Эти два образа не должны быть смѣшиваемы, хотя ихъ концепція и отдѣльныя черты часто совпадаютъ.

Солнечная природа Савитара обнаруживается съ очевидностью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ изображается ѣдущимъ на золотой колесницѣ (по небу), созерцающимъ существа, наполняющимъ (своимъ свѣтомъ) пространства земныя и небесныя, простирающимъ свои руки, озаряющимъ вершину неба, находящимся среди неба и наполняющимъ два міра и атмосферу. Сюда же относятся эпитеты: „обладающій яркими лучами“, свѣтозарный, „златоокій“, „златорукій“ (руки солнца—это его лучи), „широкорукій“, „прекраснорукій“, „наполняющій атмосферу“, „снабженный солнечными лучами“ и др.

Это божество—солнечное, космическое—было приведено въ

нѣкоторую связь съ *культотъ*, что явилось результатомъ двухъ встрѣчныхъ движеній: одно шло отъ Агни къ Савитару (мы указали на это выше); другое шло въ обратномъ направленіи и вытекало изъ общаго стремленія сближать божества космическія съ культовыми. Слѣды культовыхъ отношеній Савитара можно найти въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ гимновъ, ему посвященныхъ, гдѣ онъ рисуется въ чертахъ Агни. Такъ въ ст. VI, 71, 3 къ нему обращена просьба „охранять вмѣстѣ съ благими и недоступными обману хранителями наше жилище“. Такое обращеніе имѣетъ смыслъ только по отношенію къ Агни, и именно къ Огню „домашнему“ (родовому), который представлялся окруженнымъ сонмами „хранителей“: „да защитятъ насъ твои хранители, о, мудрый!“ — говорится въ обращенномъ къ Агни стихѣ IV, 4, 12. Въ другихъ мѣстахъ тѣ же, очевидно, „хранители“ называются „помощниками“, „свитою“ Агни и, наконецъ, „домашними сонмами“. Это были души предковъ: онѣ хранили священный огонь рода, столь необходимый для поддержанія ихъ безсмертія. Въ томъ же стихѣ, гдѣ говорится о „хранителяхъ“ Савитара (VI, 71, 3), мы находимъ отнесенный къ нему эпитетъ: „обладающій золотымъ языкомъ“, — эпитетъ, приличествующій не ему, какъ Солнцу, а именно Агни (языкъ — это обычный атрибутъ Агни), а въ слѣдующемъ стихѣ 4-мъ стоитъ подобный же эпитетъ: „имѣющій усладительный языкъ“ (mandrajihva — мандраджихва), — терминъ, встрѣчающійся въ числѣ эпитетовъ Агни.

Сближенію солнечной идеи Савитара съ идеей Агни содѣйствовало, конечно, исконное воззрѣніе на Савитара, какъ на одного изъ главныхъ учредителей космическаго, или точнѣе, небеснаго гтам (міропорядка). О творческой дѣятельности этого бога, о его „законахъ“ говорится неоднократно. Никто, ни Варуна, ни Митра, ни Аръяминъ, ни Рудра не нарушаютъ законовъ Савитара.

Понятіе о Савитарѣ, какъ творцѣ или организаторѣ космическаго гтам (міропорядка), было выведено изъ его основной концепціи, которую мы указали мимоходомъ выше, говоря о связи Савитара съ Сомою. Основная черта, существенный атрибутъ, важнѣйшая дѣятельность Савитара опредѣляются глаголомъ *sū* — возбуждать, оживлять, приводить въ движеніе (побуждать къ дѣятельности), отсюда произведены самое имя *Savitara* и термины *sava*, *grasava*, *savapa* — возбужденіе, животворная дѣятельность, — термины, которыми живописуется главная функція этого бога.

Пробуждающая отъ сна и возбуждающая къ жизни и труду функція Савитара-Солнца изображается обыкновенно въ связи съ

его усыпляющей, успокаивающей ролью: солнце утромъ прогоняетъ ночь и пробуждаетъ людей и животныхъ, а вечеромъ опять приводитъ ночь и погружаетъ мiръ въ сонъ. Такъ въ ст. VП, 45, 1 сказано, что онъ усыпляетъ и пробуждаетъ множество (совокупность—существо); въ ст. VI, 71, 2 говорится объ усыпленіи и пробужденіи Савитаромъ „двуногаго и четвероногаго множества“ (также въ ст. IV, 53, 3, 6). Какъ божество, пробуждающее отъ сна утромъ и погружающее въ сонъ вечеромъ, Савитаръ представлялся имѣющимъ власть надъ сновидѣніями, и къ нему обращались съ мольбою прогнать злой сонъ.

Итакъ, основная функція Савитара указываетъ съ очевидностью на его солнечную природу. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что первоначально Савитаръ не былъ солнцемъ или *только* солнцемъ, и что это слово (savitar) служило вообще для обозначенія мужского, оплодотворяющаго и животворящаго начала въ природѣ. Оно прилагалось къ Агни, къ солнцу, къ Сомѣ, къ оплодотворяющей силѣ водъ.

Яснѣе отмѣчены и послѣдовательнѣе проведены кульковыя отношенія другого космическаго божества, пользовавшагося въ эпоху Ведъ гораздо большей популярностью, чѣмъ Siva. Это была богиня Ushas (Ушасъ)—*Зоря*. Ей посвящено болѣе 20-ти гимновъ, и кромѣ того она упоминается весьма часто въ гимнахъ, обращенныхъ къ другимъ божествамъ, въ особенности—къ Агни, къ которому она стоитъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ.

Красавица Зоря, дочь Неба, супруга или невѣста Солнца, сестра Ночи, является на смѣну этой послѣдней, чтобы пробудить спящій мiръ и поощрить людей и животныхъ къ жизни, труду и движенію. Она появляется на блестящей колесницѣ, въ которую запряжены красные кони; она везетъ всяческія блага людямъ и поэтому именуется „обладательницей или подательницей всякихъ благъ“.

Этой свѣтоносной и жизнерадостной богинѣ было отведено весьма видное мѣсто въ сферѣ космическаго порядка. Являясь съ неизмѣнной правильностью на смѣну ночи, она подчиняется велѣніямъ того всемірнаго строя, который назывался „великое гтап“.

Какъ божество космическо-культовое, Ushas, на ряду съ другими божествами того же типа, является безсмертной въ абсолютномъ смыслѣ этого слова и потому называется ајага (аджара) „нестарѣющая“ — опредѣленіе, имѣющее по отношенію къ ней особый отгвѣнокъ: она заставляетъ людей и другія существа старѣться; она умаляетъ жизнь смертныхъ, съ каждымъ новымъ

появленіемъ своимъ приближая ихъ къ смерти, а между тѣмъ сама остается вѣчно-юною и „безсмертною“.

Таковы были божества веданзма, природа которыхъ представляется намъ совершенно ясною; за извѣтіемъ божествъ Сомы и Савитара, всѣ они обозначаются нарицательными именами соответственныхъ явленій, такъ что ключъ къ объясненію ихъ происхожденія уже данъ ихъ собственными именами: *Аgni* значить—огонь; *Сурья*—солнце, *Ушасъ*—звѣзда; *Діаусъ*—небо и т. д. Всѣ эти божества отличаются, кромѣ того, тѣмъ, что ихъ глубочайшая древность не подлежитъ сомнѣнію: ихъ „индо-европейское“ (протническое) происхожденіе должно считаться вполне доказаннымъ.

Д. Овсяннко-Куликовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

Съ итальянскаго.

I.

ФЛОРЕНЦІЯ И ИЗГНАННИКИ.

—Флоренція! Для тысячи влюбленныхъ
Сотворена ты въ ангельской красѣ!
Кто въ небесахъ, слѣпыхъ или усыпленныхъ,
На поруганье далъ святыню правъ законныхъ,
Даль одному схватить то, чѣмъ владѣли всѣ?..
Внемли мольбамъ! Въ позорѣ и страданьѣ
Отъ Матери вдали мы рождены!
Но если не на вѣкъ несчастные сыны
Забыты, брошены, на стыдъ обречены,—
О, дай намъ вновь очей твоихъ сіянье!..

—Мужайтесь, безумцы! Никогда,
Хотя бъ нечестія продлился года,
Грабителю не дастся наслажденье:
Великій страхъ—дѣтя и спутникъ преступленья—
Замучаетъ того, кто обманулъ меня
И думаетъ, что взялъ!.. Пусть, кубками звеня,
Онъ тонетъ въ роскоши, томясь безсилемъ злымъ!
Бто чувствуетъ себя въ блаженствѣ неспособнымъ—
Счастливыѣ ли тѣхъ, что въ тяжелой мглѣ ночей
Полны надеждъ и ясныхъ ждутъ лучей?!

II.

СОНЕТЪ.

Какъ можетъ это быть?—Но опытъ возвѣщаетъ,
 Что образъ, вышедшій живымъ изъ-подъ рѣзца,
 Способенъ пережить и своего творца,
 Котораго года въ горсть пепла превращаютъ!

Предъ слѣдствіемъ склонясь, причина уступаетъ!
 Природѣ данъ предѣлъ,—искусству жъ нѣтъ конца!
 Ваянье молвить мнѣ, что дѣтища рѣзца
 Ни гнетъ времянь, ни смерть разрушить не дерзуютъ...

И намъ съ тобою, другъ, я бь могъ на много лѣтъ
 Дать въ красвахъ бытіе среди живыхъ развалинъ,
 Ваяньемъ передать лицо и душу вѣрно!..

Умремъ... Пройдутъ вѣва... Но могъ бы видѣть свѣтъ
 И блескъ твоей красы, и какъ я былъ печалень,
 Но не безумцемъ былъ, любя тебя безмѣрно!

III.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО.

О, нѣтъ, я не корю тебя, далекій другъ!
 Какъ сытый фарисей, на твой удѣлъ печальный
 Съ презрѣньемъ не взгляну, насмѣшкою нахальной
 Не оскорблю твоихъ священныхъ чувствъ и мумъ!

Одни у насъ враги: неправда и насилье—
 И часто всей душой скорблю я о тебѣ,
 О юности твоей, загубленной въ борьбѣ,
 Утратившей любовь, и пылъ надеждъ, и крылья!..

Святыня для меня—терновый твой вѣнецъ,
 А знаменитъ ли ты, иль никому невѣдомъ,—
 Мнѣ это все равно! Мнѣ все равно—къ побѣдамъ
 Иль къ пораженію придеши ты подъ вѣнецъ:

Чѣмъ покупается, какъ достается слава,—
Я видѣлъ—и людей за славу не цѣню!
Я память и любовь къ тому въ душѣ храню,
Кто жаждетъ истины и постоятъ за право!..

Мы, къ истинѣ пути различные избравъ,
Идемъ: ты мечешься,—а шагъ мой тихъ и мѣрень...
Судьба, грядущее—рѣшить, чей путь былъ вѣренъ!..
А то, что ты страдалъ,—не значить, что ты правъ!..

IV.

CANTARE—VIVERE.

(Посв. А. Н. Моласъ.)

Не пѣніе, а жизнь, вся—сила, вся—порывъ,
Вся въ звукахъ и огняхъ, изъ устъ ея струилась!
Мелодія росла, вдымалась, какъ приливъ...
Я слушалъ трепетно—и сердце, міръ забывъ,
То замирало вдругъ, то учащенно билось...

Чуть окрылилися созвучьями слова,—
И вспышки бѣглыхъ чувствъ, извивы мысли вѣщей,
Намековъ тайный смыслъ,—все, что постичь едва
Холодной думою могла бы голова,—
Въ сердечной глубинѣ вдругъ проступило рѣзче!

Смѣнялся рядъ картинъ... все явственнѣй, живѣй:
То дикій гнѣвъ гремитъ, то плещутъ волны страсти,
То вздохи вѣтерка чуть зыблютъ сѣнь вѣтвей,
То сталь звенить о сталь—и смерть косой своей
Идетъ разить рабовъ неумолимой власти...

Я слушалъ трепетно—и сердце, міръ забывъ,
То замирало вдругъ, то учащенно билось...
Мелодія росла, вдымалась, какъ приливъ...
Тѣ пѣсню ль стала жизнь, все въ звуки воплотивъ,
Иль, жизнью ставши, пѣснь сверкала и струилась?!...

Василій Величко.

ПИСЬМА

С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

21 *).

Бъла, 14-го юля.—...Сегодня было жарко не столько по термометру, который въ тѣни не перешель 24°, сколько по вѣтру, дувшему съ юго-востока; говорятъ (впрочемъ, говорить это И.), будто этотъ вѣтеръ здѣсь считается по своему свойству одинаковымъ съ итальянскимъ сирокко. Можетъ быть отъ этого, но день былъ очень тяжелъ; послѣ обѣда отправился къ одному больному на телеграфъ, откуда и далъ тебѣ депешу о полученіи посылки, которую еще не развертывалъ, и не зналъ еще о письмѣ, что было подано позднѣе. Вечеромъ побывалъ въ госпиталѣ, и затѣмъ обычный чай; новостей сегодня никакихъ особенныхъ не было; говорятъ только, что турки оставили въ Русчукѣ 5.000 низама, вооружили налесеніе, а въ главномъ своемъ составѣ удалились въ Шумлѣ. Всѣ мы ждемъ извѣстій о Плевнѣ; теперь это самый важный пунктъ для открытія дѣйствій въ другихъ частяхъ; завтра или послѣ-завтра, вѣроятно, будетъ это дѣло очищено. О потеряхъ, которыя были въ Плевнѣ, ты, вѣроятно, уже знаешь. За чаемъ былъ разговоръ о томъ, какъ турки разоряютъ болгаръ; я не могу сомнѣваться въ справедливости этихъ рассказовъ, но долженъ признаться, что до сихъ поръ самъ не могъ въ этомъ убѣ-

*) См. выше: апрѣль, стр. 807.

даться; здѣсь въ Бѣлѣ народъ смотритъ очень богато обставленнымъ: какая масса скота, хлѣба, да какого!—вѣдь въ одномъ колосѣ можно насчитать до 50 зеренъ крупнаго размѣра. Въ нашей моголевской губерніи крестьяне сравнительно съ здѣшними—нищіе; какіе у здѣшнихъ крестьянъ лошади, волю! кромѣ видимаго богатства,—апатія и равнодушіе болгаръ къ русскимъ показываютъ тоже, что эта часть по крайней мѣрѣ Болгаріи не очень чувствуетъ гурецкій гнетъ; впрочемъ, можетъ быть, болгары боятся, что турки снова сюда явятся и будутъ душить ихъ за сочувствіе въ русскимъ. До сихъ поръ братья-болгары для меня не симпатичны.

15-ю іюля.—Вчера ночью мнѣ пришлось поплатиться за свой сонъ послѣ завтрака: долго не могъ заснуть и долго пришлось вертѣться въ моей постели, отыскивая прохладное мѣстечко. При здѣшнихъ удобствахъ надо ложиться спать измученнымъ; тогда дѣло идетъ хорошо и вовсе не замѣчаешь, что окна безъ рамъ и окошекъ, что изъ разбитой трубы камина идетъ какая-то музыка; не слышишь ни ночного лая собакъ, ни крика ослонъ, ни храпа лакейства. Вчера, конечно, перевертываясь съ одного бока на другой, приходилось прислушиваться ко всей этой музыкѣ, являвшейся въ аккомпаниментъ нашего безъ умолку журчащаго фонтана подъ окномъ. Денекъ не мучительно жаркій: 22° въ тѣни, съ легкимъ вѣтромъ; цѣлое утро я читалъ газеты и проклиналъ эту печать: не грѣхъ ли господамъ редакторамъ скупились, считать гроши и ради своихъ кармановъ портить наше зрѣніе! Въ газетахъ все переживается старое—и, также какъ у насъ, никакихъ новостей. Это отсутствіе новостей особенно тяжело здѣсь, куда собрались люди съ специальной цѣлью слѣдить за событіями, гдѣ другого дѣла ни у кого нѣтъ, какъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ; а между тѣмъ жди и терпи! Такое состояніе, очевидно, имѣетъ свое вліяніе и на нервы нашей колоніи, которая вся находится въ напряженномъ состояніи; никто, конечно, въ этомъ не сознается, но всякій по своему, съ своими собственными комбинаціями, ожидаетъ. Кто думаетъ: вотъ Плевна, потомъ Русчукъ, Шумла, Балканы, пожалуй Константинополь—и наконецъ мы въ Питеръ, въ семьяхъ, между своими. А кто думаетъ: вотъ Плевна, меня пошлютъ туда-то; какъ я отличусь, я получу то-то и пр. Есть, конечно, и такіе, которые ни о чемъ не думаютъ, а говорятъ себѣ:—да отпустите вы мою душу на покой, отпустите вы меня домой и дѣлайте тутъ что хотите, что знаете! Кто бы что ни думалъ, только большая часть ходитъ съ лицами натянутыми, скучными; нужно признаться, что одинъ Государь держитъ себя молодцомъ: бодръ, не скучаетъ, работаетъ

и очевидно, какъ говорится, весь сидитъ нравственно въ теперешнихъ военныхъ задачахъ. Очень почтенно держитъ себя Милютинъ, какъ всегда скромный, тихій, обыкновенно съ озабоченнымъ лицомъ, постоянно за работой. Мы всё собираемся къ завтраку, обѣду и вечернему чаю; за обѣдомъ обыкновенно играетъ хоръ музыки, которую я слушаю съ большимъ удовольствіемъ; въ концу обѣда, очень однообразнаго, небрежно поданнаго, обыкновенно подаютъ свѣчи для закуриванія и всё ждутъ команды Государя: „вынимай па“... „троны“ — доканчиваеъ громко все общество, и начинаютъ курить. Эти шутки играютъ большую роль въ теперешней монотонной жизни; большая или меньшая ихъ удача оставляетъ болѣе или менѣе пріятное настроеніе духа всего общества, лишеннаго здѣсь рѣшительно всякихъ ресурсовъ; книгъ нѣтъ; газеты получаютъ далеко не всѣми, а въ видѣ исключенія, да наконецъ, если получаютъ, то не каждый день; гулять негдѣ, существуютъ двѣ, три дороги — и basta; по одной непріятно ходить потому что на каждомъ шагу встрѣчаешь солдатика, который встаетъ и отдаетъ честь; по другой непременно долженъ встрѣтить цѣлыя стада различнаго скота съ пылью и вонью; третья дорога — шоссе въ Рущукъ и обратно въ Павло, съ пылью, съ транспортами, съ солдатами по дорогѣ и по сторонамъ, на которыхъ они расположены бивуаками; далеко идти нельзя: выйдешь за цѣпь, а тамъ, пожалуй, наткнешься на какого-нибудь башибузука... Въ силу всего этого, въ нашей колоніи, размѣщенной частью въ палаткахъ, частью въ домахъ, всё торчатъ по домамъ, скучаютъ и, вѣроятно, злословятъ другъ друга. Можно себя вообразить, съ какою жадностью бросаются всё на новости.

16-го іюля. — День сегодня, какъ и вчера, хорошъ, не жарко; въ 8 ч. было 19°, а теперь, въ 9 1/2 = 20°; вѣтеръ полегче, хотя тотъ же, съ юго-востока, сухой, и дѣйствительно какъ-то разбиваетъ человѣка. Вчера передъ обѣдомъ поработалъ въ госпиталѣ, послѣ обѣда пошелъ гулять по Бѣлой; прогулка довольно утомительна, потому что селеніе разбито на довольно крутой горѣ, но тѣмъ не менѣе все-таки существуютъ какъ бы улицы съ нѣкоторой претензіей даже на мостовую. Вернувшись домой, перемѣнилъ свой китель на сюртукъ и засѣлъ на нашемъ общемъ дворикѣ, гдѣ стоитъ общая палатка, за что былъ вознагражденъ новостями. Часовъ около девяти прискакалъ адъютантъ Крюднера, Беклемишевъ, съ конвертомъ къ Государю. Всё оживились, примолкли и нетерпѣливо выжидали, когда выйдетъ пріѣзжій изъ палатки Государя; время отъ времени нѣкоторые высказывали свои

предположенія, съ какими бы это вѣстями могъ онъ пріѣхать; одинъ говорить, что это подробное донесеніе о старомъ дѣлѣ... —Нѣтъ, это, вѣроятно, о ходѣ начавшагося дѣла; а можетъ быть, это извѣстіе о взятіи Плевны.— Не можетъ быть! съ этимъ извѣстіемъ долженъ пріѣхать князь Имеретинскій; ему поручено тамъ оставаться.— Но, можетъ быть, Имеретинскій остался ждать болѣе подробнаго донесенія? и т. д.— въ этомъ родѣ заявляли свои предположенія по поводу прибывшаго курьера; но вотъ и онъ, загорблѣй, измученный отъ переѣзда 120 верстъ верхомъ почти безъ отдыха; выѣхалъ съ позиціи въ 11 часовъ вечера наканунѣ, пріѣхалъ около десяти вечера другого дня, давалъ только вздохнуть лошадамъ на два часа. Пріѣзжаго офицера никто не знаетъ; онъ садится скромно въ угольѣ; къ нему подходитъ одинъ флигель-адъютантъ, другой,—спрашиваютъ, не хочетъ ли закусить, отдохнуть; наконецъ, около него кружовъ; прежде вопросы предлагаются съ осторожностью, не прямые: откуда, какъ доѣхалъ, чтѣ дѣлается около Плевны; наконецъ, начинаютъ словоохотливаго молодого офицера потрошить, какъ гуся.— Да дайте же ему поѣсть!—скажетъ кто-нибудь изъ мягкосердечныхъ слушателей, въ то время, какъ офицеръ тащитъ кусокъ курицы въ ротъ, а его спрашиваютъ о числѣ турокъ подъ Плевной, объ ихъ позиціяхъ, о числѣ нашихъ.— Вѣдь насъ жестоко побили подъ Плевной, вѣдь насъ заманили въ ловушку,—говоритъ одинъ.— Да ихъ вдвое больше насъ легло,—говоритъ офицеръ, проглатывая кусокъ:—вѣдь до сихъ поръ они не всѣхъ убрали убитыхъ, и т. д., и т. д. Оказывается, что офицеръ привезъ только свѣденія о громадныхъ силахъ непріятеля подъ Плевной (75 тысячъ) и о нашихъ предположеніяхъ объ атакѣ, разрѣшеніе которой ожидается отъ главнокомандующаго. Нашихъ тамъ 24 тысячи *штыковъ*; кавалерія не считается. Такая разница въ силахъ, конечно, всѣхъ насъ опѣшила; образуются отдѣльные кружки:—Это невозможно, чтобы было 75 тысячъ; да откуда же? да какъ они считали?—Турки очень небрежны,—отвѣчаетъ офицеръ:—къ ихъ лагерю можно подъѣзжать такъ близко, что можно видѣть простымъ глазомъ и считать палатки; навѣрное можно сказать, что ихъ не меньше 60 тысячъ.— Вотъ уже на десять тысячъ уступили!—слышится въ одномъ изъ кружковъ:—нѣтъ, не можетъ быть, чтобы такъ много!—Въ другомъ кружкѣ пессимистъ разсуждаетъ иначе:—Нѣтъ, вѣдь съ турками шутить нечего; они тоже не дураки; собрали тамъ войско изъ Видина, изъ Софіи, да часть прорвавшихся изъ Никополя; а мы все мѣшкали! Чтѣ бы намъ прежде, сейчасъ послѣ Никополя, идти на Плевну—дѣло было бы иное!—Офицеръ разсказывалъ о

громадномъ числѣ турокъ, о неприступныхъ ихъ позиціяхъ подѣ Плевной, и нисколько не имѣлъ видѣ озадаченнаго: тонъ его былъ проникнуть увѣренностью, что турокъ отколотятъ, что отступить имъ некуда, что имъ останутся только двѣ дороги—или на насъ, или въ рѣку черезъ маленькій мостъ, на которомъ ихъ всѣхъ и потопятъ. Пока шли эти разговоры, которые пришлось мнѣ ловить то правымъ, то лѣвымъ ухомъ, пришелъ Государь къ чаю, веселый, спокойный. Милютинъ тоже не озабоченъ особенно: у всѣхъ стало на душѣ спокойнѣе, отлегло—и цифра 70 умалилась. За чаемъ я сижу такъ, что могу слышать, чтѣ говорится на главномъ пунктѣ и чтѣ говорится на флангахъ. Государь слушалъ какой-то журналъ, а на лѣвомъ флангѣ въ полголоса продолжали выписывать пріѣхавшаго офицера. Тутъ я слышалъ, какъ ему самому пришлось видѣть, что турки истязали плѣнныхъ, какъ они постепенно обрѣзали у нихъ носы, пускали бѣжать, ловили и затѣмъ снова что-нибудь рѣзали; какъ въ Никополѣ между плѣнными артиллеристами встрѣчено было много англичанъ нижнихъ чиновъ; какъ офицеръ пріѣхалъ на турецкой лошади, которую купилъ у плѣннаго Ахмеда, коменданта Никополя, и какъ другая лошадь не выдержала бы этого перехода; что эти турецкія лошадки очень спокойны, большею частью иноходцы. Наконецъ, Государь поднялся; я отправился за нимъ, а вернувшись, засталъ уже очень немногихъ на дворѣ. Около часа времени прошло у меня въ очень горячей бесѣдѣ съ французомъ-поваромъ, котораго я, по праву медика, укорялъ въ небрежности кухонной части: обѣдъ до такой степени однообразенъ, невкусенъ, что всѣ теряютъ аппетитъ, начиная съ Государя. Все подается холодно, гадко. Поваръ представлялъ мнѣ свои доказательства о невозможности подать иначе: ничего нельзя достать; здѣсь нѣтъ ни хорошаго мяса, ни молока, а цыплята въ чахоткѣ и т. п. Конечно, все вздоръ, все можно достать, но французскіе повара не умѣютъ работать на походѣ безъ ихъ швафовъ, плитъ и т. д. Не успѣлъ я покончить съ поваромъ, который, по его словамъ, *au bout de son latin*, какъ опять общество всполошилось: въ воротахъ показалась фигура адъютанта Цесаревича, Олсуфьева,—еще вѣсти изъ лагеря о передовомъ дѣлѣ В., гдѣ-то около Разграда. 150 человекъ раненыхъ; ихъ сегодня привезутъ въ Бѣлу. Вновь пріѣхавшаго тотчасъ же повели къ Государю, а въ палатѣ пріготовили ужинъ, чай. Черезъ полчаса Олсуфьевъ уже сидѣлъ за цыпленкомъ и въ промежуткахъ глотательныхъ движеній рассказывалъ о случившемся дѣлѣ, не имѣющемъ, впрочемъ, большого значенія. Полагаютъ, что турки изъ Рушукъ выходятъ со своими

главными силами, оставляя тамъ небольшой гарнизонъ въ 5.000 человекъ, и направляются къ Шумлѣ. В. съ кавалеріей и пѣхотой пошелъ на рекогносцировку и наткнулся на значительный отрядъ; начался бой, продолжавшійся до темноты; турокъ вытѣснили штыками изъ деревни, они заняли высоты; утромъ ничего больше не было... Раненыхъ 150 человекъ, не знаю, сколько убитыхъ... Турки остались на высотахъ или ушли,—не знаю.. В. продолжалъ свой путь по своей дорогѣ... Помилуй Богъ, если люди будутъ забывать общее дѣло изъ-за личнаго стремленія къ молодецкому подвигу и т. д.! Сегодня Беклемишевъ и Олсуфьевъ еще разъ были за завтракомъ; ихъ еще не отпустили; нивакихъ, сѣдовательно, спѣшныхъ порученій имъ не дано.

17-го іюля.—Сегодня уходитъ курьеръ. Не много могу прибавить за эти сутки: спалъ порядочно, подъ утро казалось свѣжо, а тамъ дождали мухи; теперь 11 ч. утра, темп. 21⁰, барометръ, какъ вчера, 764. Вчера, несмотря на то, что термометръ былъ не очень высокъ, но ощущалась духота въ воздухѣ; послѣ обѣда пошелъ дождь, впрочемъ небольшой, не помѣшавшій нашей прогулкѣ. Пошли по правой сторонѣ нашего ручья, раздѣляющаго всю Бѣлу пополамъ, потомъ по большой дорогѣ; потологовали съ болгаринкомъ, съ скотской фізіономіей, загонявшимъ своихъ лошадей домой; лошади все такія высокія, сѣрыя, хорошія.—Что лошадей-то, чай, у турокъ взяли?—спрашиваю я; не понимаетъ:—Турецкія лошади?—А не, не—мои!—Я же увѣренъ, что владеныя лошади. Во время разговора болгаринъ торопился закрыть свои ворота, вѣроятно, думая, что братья-славяне у него что-нибудь оттягаютъ. Какія фізіономіи у болгарскихъ крестьянъ, съ восточной апатичностью, съ рабской тупостью выплывающія подлѣ своихъ громадныхъ возовъ хлѣба на телѣгѣ, которую съ трудомъ тащитъ пара воловъ!.. „Здравствуй, добрый вечеръ“,—говорятъ они, прикладывая руку къ шляпѣ и не измѣняя при этомъ своей фізіономіи. А попроси у него солдатикъ вина или хлѣба, такъ одинъ отвѣтъ:—„нѣма!“ Нѣтъ, не за этихъ людей проливаемъ мы кровь, а за будущихъ, за правнуковъ теперешнихъ. Мы трудимся за идею христіанства. Посмотрю, что будетъ дальше; своими же глазами я могъ видѣть только то, что турки угнетали культуру этихъ несчастныхъ полудневныхъ людей, мозги которыхъ, очевидно, цѣлые вѣка не всѣми своими частями работали равномерно. Восторгъ, съ которымъ якобы встрѣчаютъ болгары русскихъ, существуетъ больше на бумагѣ корреспондентовъ; я не вижу нисколько этого восторга; мнѣ даже кажется, что эти якобы-восторженные встрѣчи при нашихъ вѣздахъ—искусственно подготовлены. Иди

какъ-то по большой улицѣ селенія, мы завернули разъ въ маленький переулокъ, думая выбратся изъ деревни на гору; на встрѣчу—дѣвочка лѣтъ 13-ти, съ ведрами на плечахъ, очень хорошенькая собой, тоже съ голубыми глазами, черноволосая, съ тонкими перекрѣтками въ сочлененіяхъ рукъ и ступней; увидѣвъ насъ, она что-то залепетала и побѣжала назадъ. Оказалось, что это былъ не переулокъ, а улица непроходная, оканчивавшаяся заборомъ и воротами болгарскаго дома; дѣвочка встала у воротъ; лицо ея было испуганно, озлоблено; она, какъ собака, начала на насъ лаять, и мы съ трудомъ могли только понять, что матери дома нѣтъ и чтобы мы убирались. Довѣрія, какъ видно, нѣтъ. Не нужно думать, чтобы наши солдатики держали себя очень распушенно; конечно, они стануть какого-нибудь гуся, курицу, баранишка, но это все одиночные случаи, да и живность-то эта здѣсь ни почему—очень ея много: значить, не много воровали, несмотря на то, что сотни тысячъ войскъ здѣсь прошли. Нѣтъ, народъ не симпатичный!

Вчера пріѣхалъ еще ординаторъ главнокомандующаго—М., который третій день ѣдетъ изъ Тырнова верхомъ день и ночь, объѣзжая всѣ аванпосты; онъ тоже привезъ извѣстіе о дѣлѣ В.; по его словамъ, нужно думать, что это дѣло тоже безъ всякаго результата; турки напали сами, а потомъ ушли. Вѣроятно, они скрываютъ какое-нибудь важное движеніе. Должно быть, подъ впечатлѣніемъ этой мысли я сегодня видѣлъ во снѣ, что мы взошли въ Руцукъ и тамъ не нашли ни одной живой собаки,—все ушло.—Ну, ловко замаскировались! разсуждалъ я во снѣ, флудя по улицѣ Руцука: вся армія ушла передъ нашимъ носомъ, а мы не видали!

22.

Бъла, 18-го іюля.—Мы уже перешли и половину іюля, вѣдь августъ на дворѣ, а о возвращеніи нѣтъ и помину. Все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи: нѣсколько удачныхъ битвъ съ нашей стороны—и дѣло въ шляпѣ. Теперь, очевидно, идутъ подготовительныя работы; отъ большей или меньшей удачи ихъ будетъ зависеть и наше возвращеніе. Вѣдь передъ Дунаемъ стояли цѣлый мѣсяцъ, и дѣло вышло блистательно; такъ можетъ быть и теперь; вѣдь въ сущности теперь вопросъ сводится на то, кто кого побьетъ, кто ловче укроетъ мѣсто своихъ главныхъ силъ; кому удастся кого обойти болышими силами,—совершенно какъ игра въ шашки, и только такой выигрышъ и будетъ дѣйствителенъ! Теперешнія же дѣла все ничтожныя и сводятся больше на

личное молодечество начальниковъ. Не надо только думать, что турки—разложившаяся и загнившая нація; что это слабый противникъ. Нѣтъ, они, очевидно, тоже въ военномъ дѣлѣ кое-что смыслятъ, и нельзя сказать, чтобы они были трусы; не выдерживаютъ только рукопашныхъ битвъ, а подъ прикрытіемъ дерутся отлично. Очевидно, они подкупаютъ иностранную прессу, которая печатаетъ разные ужасы, производимые будто бы нашими войсками надъ дѣтьми, старухами, стариками и всѣми плѣнными,—однимъ словомъ, рассказываютъ о насъ то, что у насъ рассказываютъ о нихъ. Сегодня читали заявленіе, подписанное четырьмя иностранными корреспондентами (между прочимъ, и английскимъ) о тѣхъ зѣрствахъ и ужасахъ, которые производились турками подъ Казанлыкомъ, гдѣ между прочимъ сдѣлали турки залпъ, ранили и убили 150 человекъ нашихъ солдатиковъ, заманивъ ихъ бѣлымъ, парламентерскимъ флагомъ. Впрочемъ, все это, вѣроятно, есть уже въ газетахъ. Сегодня пріѣхалъ сюда Рихтеръ, которому, къ сожалѣнію, передаютъ только румынскую часть Краснаго Креста; это вполнѣ порядочный человекъ и повидимому подходящий къ дѣлу Краснаго Креста; онъ мягокъ, съ тактомъ, участливо относится къ больному, умно и широко смотритъ на сотрудниковъ и помощниковъ; кажется, не страдаетъ ненормальнымъ развитіемъ самолюбія. Пока онъ не задается никакими системами помощи, никакимъ выработаннымъ планомъ, полагая мѣнять его сообразно обстоятельствамъ. Они рѣшились пока уничтожить этапные пункты Черкаскаго, исключая нѣкоторыхъ дѣйствительно необходимыхъ, и усилить помощь тамъ, гдѣ она дѣйствительно нужна.

19-го июля.—Вчера такъ былъ измученъ, что не могъ дописать того, что хотѣлъ; пришлось побывать три раза въ госпиталѣ. Утромъ отправился, какъ обыкновенно, посмотрѣть больныхъ, а послѣ завтрака объявили, что пришелъ транспортъ раненыхъ (169 ч.). Тотчасъ же поѣхалъ, чтобы увидѣть во-очію больныхъ еще на телѣгахъ, неумытыхъ, замученныхъ отъ переѣзда 40 верстъ на арбахъ по сввернымъ дорогамъ. Тяжелое впечатлѣніе! съ непривычки оно даже и нашего брата-врача забираетъ. Съ переломами бедеръ, съ сквозными ранами груди переносятъ перевозку очень тяжело; одинъ съ сквозной раной груди тотчасъ же по пріѣздѣ началъ кончаться; другой, вѣроятно тифозный, тоже почти умиралъ. Да, это тяжелый видъ; у меня не разъ наворачивались слезы, слушая эти стоны и смотря на этихъ изнемогающихъ отъ ранъ, отъ солнца, отъ тряски и усталости людей; часа черезъ два, когда всѣхъ уложить по постелямъ, переѣзжать бѣлье, умоютъ, напоютъ—конечно, картина мѣняется;

въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ ранены полегче, завязываются бесѣды; люди здороваются, опять веселы, охотно разсказываютъ подробности битвы, въ которой они были ранены. Всѣ прибывшіе были отъ 14-го числа изъ дѣла В.; такого подбора тяжело раненыхъ мы еще не встрѣчали. У очень многихъ встрѣчались по двѣ и даже по три раны; почти всѣ огнестрѣльныя, — раненія пулями или картечью; восемь было привезено ампутированныхъ, девятаго ампутировали сегодня утромъ. Я смотрѣлъ, какъ подвозили телѣги въ палаткамъ и какъ вынимали этихъ несчастныхъ; все это дѣлалось въ высшей степени добросовѣстно, скоро, и транспортъ почти въ 200 человекъ съ больными былъ уже весь размѣщенъ не болѣе какъ въ одинъ часъ времени; каждаго раненаго нужно было подымать четверемъ санитарамъ. Какъ своеобразно рисуются при этомъ раненые солдатики: лежатъ, наприямѣрь, въ телѣгѣ солдатикъ съ раной въ ногу; подходятъ его вытаскивать; съ какимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за своимъ бѣднымъ скарбомъ, который вытаскивается изъ его телѣги, — узелокъ, другой, ранецъ; — „вотъ-вотъ, забыли!“ кричитъ онъ и тинется въ уголъ телѣги за манеркой; когда все его имущество вынесено, онъ спокойно передаетъ самого себя на руки санитарамъ. „Осторожнѣе, землякъ, осторожнѣе! вотъ такъ; ногу-то повыше! ой, ой, зачѣмъ опустили!“ и такъ далѣе. Зайдешь черезъ полчаса въ палатку — всѣ размѣстились; кто моется, кто пьетъ, а кто стонетъ еще отъ боли въ ранѣ. Черезъ часъ уже всѣ много пободрѣе, и водочки выпили, а кто и чаю успѣлъ напиться. Между прочимъ солдатскимъ скарбомъ вчера у одного больного я услышалъ въ мѣшкѣ живую курицу, которую онъ дотащилъ до лазарета! Не могу передать, до какой степени мнѣ симпатичны наши раненные: сколько твердости, покорности, сколько вротости, терпѣнья видно въ этихъ герояхъ, и какъ тепло и дружно относятся они другъ къ другу; какъ утѣшаются въ своемъ несчастіи тѣмъ, что вытѣснили или прогнали врага! Сегодня подъ хлороформомъ молодой солдатикъ все бредилъ непріателемъ: „Это нашъ, нашъ! — кричалъ онъ: — сюда, сюда!“ и пр. Наконецъ, при болѣе сильной наркотизаціи онъ запѣлъ пѣсню (вѣроятно, былъ запѣвалой) во все горло и пѣлъ, пока не заснулъ вполне. Больные привозятся съ ружьями, и нерѣдко тифозный, почти безъ сознанія при вытаскиваніи изъ телѣги, первымъ вопросомъ дѣлаетъ: „А гдѣ мое ружье?“

Госпиталь расположенъ вдоль рѣки въ вибиткахъ; въ каждой изъ нихъ помѣщается по восьми человекъ; одна вибитка отъ другой по крайней мѣрѣ шагахъ въ 12; можешь себѣ вообразить, сколько мнѣ пришлось вчера исходить, переходя во время приѣма

транспорта изъ одной вибитки въ другую, возвращаясь опять въ первыя, и т. д. Я оставался съ Ковалевскимъ, который тоже перевязывалъ, до самаго обѣда, осматрѣлъ внутреннихъ больныхъ, привезенныхъ съ ранеными, и отправился обѣдать. Послѣ обѣда поѣхалъ Государь въ госпиталь, и мнѣ опять пришлось ходить по палаткамъ; къ вечеру зато ноги едва ходили; наконецъ, общій чай съ чтеніемъ вслухъ иностранныхъ газетъ, депешъ. Государь довольно рано ушелъ; всѣ были въ томительномъ ожиданіи вѣстей изъ-подъ Плевны, но онѣ пришли только утромъ и то телеграммой безъ подробностей; кажется, атака не удалась! Сегодня бесѣдуютъ всѣ какъ-то тише, не слышно смѣющихся; никто не говоритъ о неудачѣ, но очевидно каждый объ ней думаетъ. Обыкновенно въ сосѣдней отъ насъ комнатѣ днемъ собиралась компанія играть въ карты, а сегодня эта комната пуста; ждемъ подробностей; ожидаютъ сюда Наслѣдника и главнокомандующаго. Очевидно, противникъ силенъ, хитеръ, подлъ; вооруженъ, кажется, отлично; ружья Мартини бьютъ на 1.800 шаговъ; на мертвыхъ туркахъ находятъ по 200 патроновъ; солдатики наши рассказываютъ, что турки очень рослы, сильны, ручищи большія!

Я, вѣроятно, удивилъ тебя французской телеграммой, съ просьбой отвѣчать мнѣ по-французски; это по совѣту одного моего благодѣтеля, который говоритъ, что французская и вѣрнѣе, и скорѣе доходитъ. Вѣдь до сихъ поръ частныхъ телеграммъ не отправляютъ,—для меня дѣлаютъ большую любезность; ты никогда не думай о перемѣнѣ моего адреса,—пошли по старому въ главную квартиру Государя; если мы и перемѣнимъ мѣсто, то депеша, хотя позднѣе все-таки доходитъ. Когда линія свободна, то всегда отправятъ; до сихъ поръ только одна проволока; идетъ она черезъ Систово, гдѣ безпрестанно портится, да и здѣсь нерѣдко портится телеграфъ нашими обоями; вѣдь здѣсь не столбы стоятъ, а тонкіе шесты. Антономъ я теперь совершенно доволенъ; онъ отлично, внимательно, безукоризненно служитъ. Я часто его внутренно жалѣю, смотря все-таки на кучу трудностей, которыя терпитъ вся наша прислуга въ этой походной жизни; мы сами помѣщаемся плохо, грязно,—можешь себѣ вообразить, какъ помѣщена прислуга; камердинеры Государя со дня выѣзда не спали раздѣтыми. Большая часть прислуги и свиты перехворали разстройствомъ желудка; несмотря на то, что здѣсь и не такъ жарко (22° въ тѣни, бар. 769), и вода прекрасная, а здѣсь заболѣваютъ больше, чѣмъ въ Павло; и поносъ, и лихорадокъ больше.

20-го іюля.—Подъ Плевной было очень плохо; нашихъ по-

гибло, говорятъ, отъ 5 до 7 тысячъ; подробностей пока нѣтъ; сегодня поѣхалъ туда главнокомандующій; вѣроятно, и наша квартира перемѣстится. Турки въ Плевнѣ укрѣпились ужасно; тамъ импровизировалась весьма сильная крѣпость, а наша артиллерія дѣйствовать не могла изъ-за мѣстности; огонь турокъ былъ адскій, у нихъ ружья магазиннаго устройства; засѣли они подъ цѣлыми рядами плетней, замазанныхъ глиной, съ дырками для ружей; у каждаго ведро воды, которою смачивались и охлаждались ружья послѣ 15 выстрѣловъ—это производило пулевой дождь. Наши шли какъ львы, говорятъ; главный редуть уже былъ взятъ, и держаться дольше было невозможно. Не могу передать, какъ горько, какъ тяжело слышать все это здѣсь, когда только и живешь почти одними интересами... Въ силу всего, чтѣ я тебѣ писалъ, ты поймешь, что наше возвращеніе, конечно, не въ іюль и врядъ-ли въ августѣ. Ты уже теперь, вѣроятно, знаешь, что сюда идетъ гвардія... Внести свою лепту въ это дѣло есть святая обязанность каждаго честнаго человѣка. О дѣлѣ подъ Плевной сообщали все ординарцы (Козловъ, Лярскій); письменнаго донесенія еще не было, подробности все-таки еще неизвѣстны. Съ тяжелымъ сердцемъ отправился я сегодня въ госпиталь, гдѣ уже 400 человѣкъ больныхъ и раненыхъ; тутъ меня встрѣтилъ милый старичокъ, главный докторъ, чуть не со слезами объявившій мнѣ, что получено распоряженіе перевести госпиталь въ другое мѣсто: только-что устроилъ, только-что наладилъ, только-что ординаторы всѣ осмотрѣлись, и снова уходи, снова устроишься, снова нѣсколько дней безпорядка! Сегодня присутствовалъ при вскрытіи—тяжелая работа: вскрытіе на открытомъ воздухѣ подъ солнцемъ, а сегодня въ тѣни 23°, баром. 766; трупъ гнилой; мухи особенной породы, зеленныя, кишатъ надъ лакомымъ для нихъ блюдомъ; а вскрыть необходимо, чтобы знать, съ чѣмъ имѣешь дѣло: это былъ больной изъ транспорта, который привезенъ былъ въ состояніи такого упадка силъ, который называется „коллапсомъ“; чѣмъ хворалъ, когда занемогъ, конечно, больной ничего не могъ сказать и померъ черезъ два часа; предполагали, что заболѣваніе инфекціонной формы и коллапсъ отъ усталости; при вскрытіи же, кромѣ большой селезенки, ничего особеннаго не нашли.

Сейчасъ прослушалъ разсказъ Имеретянскаго о плевненскомъ дѣлѣ; наскоро его повторить не могу; вѣроятно, ты прочтешь въ газетахъ эту героическую страду нашихъ солдатъ. Шаховской былъ въ дѣлѣ, и съ его стороны шло настолько хорошо, что одинъ изъ его генераловъ не хотѣлъ принимать приказанія объ отступ-

леніи: онъ взялъ нѣсколько батарей и частью былъ уже въ Плевнѣ; послѣ этого отступать тяжело...

23.

22-го июля.— Давно у меня не было такого апатичнаго настроенія духа, какъ весь день вчера. Частью я переваривалъ внутри себя послѣднее дѣло подъ Плевной (18-го), частью вчера было очень жарко, и жара у меня въ комнатѣ доходила до 24° , барометръ 766; работы же было больше обыкновеннаго, такъ какъ теперь и у насъ начинаютъ похварывать; не говоря уже о прислугѣ, которая почти вся переохворала,—стала болѣть и свита; кромѣ разстройство пищеваренія, переносимыхъ на ногахъ, стали являться лихорадки и сваливать съ ногъ; опасно никто не болѣлъ, но были серьезно больные, и такихъ тяжелыхъ было три; госпиталь шелъ своимъ порядкомъ. Все это вмѣстѣ настолько заняло день, что я счелъ нужнымъ поспать для поддержки силъ; день-то и вышелъ очень коротокъ. Со всѣмъ бы этимъ я справился, даже и съ жарой, которая прежде бывала гораздо сильнѣе, но впечатлѣніе дѣла растрепало мои нервы настолько, что видимо пошло на силы. Надо знать нашихъ солдатъ, этихъ добродушныхъ людей, идущихъ подъ пулевымъ градомъ на приступъ съ такой же покорностью, какъ на ученье,—чтобы еще болѣе сжималось сердце при мысли, что не одна тысяча этихъ хорошихъ людей легла безронотно, съ полной вѣрой въ святое дѣло, за которое они такъ охотно, съ такой готовностью отдаютъ свою жизнь. Я боялся также и за твоего брата, который былъ при Шаховскомъ и могъ также погибнуть, какъ и тысячи другихъ; но, слава Богу, его видѣли послѣ боя. Все это вмѣстѣ меня скосило вчера настолько, что я не могъ тебѣ писать. Сегодня нравственно я бодрѣе, больнымъ моимъ получше (самый серьезный былъ Игнатъевъ), и я взялся снова за перо. День будетъ жаркій: еще нѣтъ одиннадцати часовъ, а въ моей безузоризненной тѣни уже 22° , баром. рѣзко упалъ на 758; вѣроятно, будетъ вѣтеръ, а можетъ быть, и дождь; какая бы была это благодать, тѣмъ болѣе, что настоящаго дождя мы не видали уже съ Зимницы.

Теперь уже два часа; были у обѣдни, позавтракали, темп. 22° , движеніе воздуха небольшое; сегодня еще не былъ въ госпиталь, куда сейчасъ отправлюсь. Можешь себѣ вообразить, какая здѣсь курьезная церковь: я тамъ былъ уже раза два, обыкновенно иду за другими; иду сегодня одинъ и иду по дорогѣ,

по которой вижу колокольню; подхожу къ ней, а церкви не вижу, и никакъ не могу понять, куда же лицомъ стоять солдаты; спрашиваю наконецъ, гдѣ же церковь? Оказывается, что она помѣщается отдѣльно отъ колокольни, представляя снаружи обыкновенную архитектуру дома, нижній этажъ котораго—въ землѣ. Болгары объясняютъ это тѣмъ, что турки не позволяли имъ строить церкви такъ, чтобы ихъ было видно издали; этому показанію, однако, противорѣчитъ колокольня, которая построена на нашъ общій ладъ и видна издали; впрочемъ, колокольня безъ колоколовъ, которые замѣняются досками: одна праздничная—металлическая, другая деревянная, въ которую турки разрѣшаютъ бить по буднямъ; въ металлическую же били только по праздникамъ.

23-го июля. — Можно ли человѣку съ силами физическими и нравственными оставаться сложа руки и пользуясь всѣми благами міра сего?.. Приѣздъ Рихтера мнѣ снова даетъ возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ Краснаго Креста, что стало невозможно при Черкасскомъ. — Вчера былъ душный, жаркій день; я такъ и обливался испариной, особенно при посѣщеніи своихъ больныхъ. Если бы ты видѣла, какъ здѣсь живутъ! Напримѣръ, Игнатъ помѣщается въ мазанкѣ, вымазанной глиной, съ двумя маленькими окошечками безъ стеколъ; входя къ нему, смотришь подъ ноги, чтобы не споткнуться на изломанныхъ ступенькахъ; смотришь и на потолокъ, и на притолки, чтобы не ушибить лба. Не лучше помѣщенъ и другой больной, кн. Голицынъ, свѣтлѣйшій, страдавшій приступами желчной колики. Вездѣ душно, тѣсно, пыльно; въ нѣкоторыхъ домахъ мухи, клопы, блохи (въ турецкихъ это рѣже). Выйдешь изъ такого дворца на воздухъ, такъ кажется, что будто изъ бани вышелъ; вслѣдствіе этого съ 6-ти часовъ я уже надѣваю суворный сюртукъ, въ которомъ и остаюсь обыкновенно до ночи. Вчера у насъ было маленькое экстраординарное происшествіе; послѣ обѣда явились два болгарскихъ попа приглашать Государя на сельскій праздникъ; при бѣдности развлеченій, на этотъ праздникъ, конечно, отправились всѣ, тѣмъ болѣе, что надо было подняться только на гору, чтобы попасть на площадку, куда собралась часть здѣшняго селенія. Когда я пришелъ, я уже засталъ хороводъ человѣкъ изъ полутора ста женщинъ съ небольшою подмѣсю мужчинъ; всѣ держались за руки, — женщины съ женщинами, мужчины съ мужчинами, — топтались и медленно двигались то въ одну, то въ другую сторону; два деревенскихъ музыканта съ самодѣльными скрипками, при одной, кажется, струнѣ, издавали какіе-то особые и однообразные звуки, давашіе ритмъ топтанію; музыканты ходили въ кругу и очень

равнодушно скрипѣли; бабы отдѣлывали свои отдѣльныя притоптыванія безъ малѣйшаго увлеченія, и еще съ большимъ равнодушіемъ топтались мужчины.

Бѣла, 26-ю іюля. — ...Въ военной жизни полное затишье, которое, какъ говорятъ, продолжится не одну недѣлю. Мы смѣло бы могли уѣхать отсюда, тѣмъ болѣе, что и санитарное состояніе Бѣлы не представляетъ ничего особенно хорошаго. На этой недѣлѣ, какъ я тебѣ писалъ, у насъ много захворало народа изъ свиты; этому было причиной то, что мы начали очищать ту восточную грязь, въ которой утопаетъ Бѣла, стали отыскивать и убирать дохлахъ буйволовъ, телятъ, куръ, барановъ, валявшихся чуть не въ пятидесяти шагахъ отъ палатки Государя. Обратили вниманіе также и на придворную кухню, обладающую особой способностью плохо и невкусно кормить и грязнить самымъ страшнымъ образомъ. Здѣсь вообще ни у кого нѣтъ аппетита; но кто пройдетъ мимо кухни, тотъ надолго обречетъ себя на строгое воздержаніе и ограничится яйцами и другими произведеніями природы, мало требующими участія кухонныхъ артистовъ. Третьяго дня вечеромъ пригнанные сюда болгары для очистки двора и ближайшей къ нему улицы таковую подняли пыль, что вся лощина была какъ въ облакѣ. Вычистили также и канаву, яко бы съ проточной водой, проходящую вдоль лощины и раздѣляющую Бѣлу на двѣ неравныя части; мѣстами эта канавка задерживала свое теченіе и образовывала порядочныя массы стоячей воды. Всѣ эти энергическія мѣры принесли очевидную пользу уже тѣмъ, что по вечерамъ нѣтъ того ядовитаго аромата, который обыкновенно развивается каждый разъ, какъ намъ придется гдѣ-нибудь пожить больше двухъ или трехъ дней. Послѣдніе дни также нѣтъ заболѣваній, что, впрочемъ, врядъ ли можно приписать очисткѣ Бѣлы, во-первыхъ, потому, что ее можно вычистить какъ слѣдуетъ не меньше какъ въ мѣсяць времени, да и то употребляя очень энергическія средства,—такъ наприм., продлить плетни, сжечь кое-что и т. д. Повидимому, въ народѣ нѣтъ убѣжденія о вредѣ различныхъ животныхъ изверженій и остатковъ; нерѣдко здѣсь встрѣчаются мѣстами цѣлыя комки, очевидно происходящіе изъ навозныхъ стародавнихъ кучъ. Падалъ, очевидно, убирается исключительно собаками, которыя здѣсь ею и кормятся. Горячее солнце высушиваетъ всѣ эти матеріалы для гніенія, отчего развиваются процессы тлѣнія, а это, вѣроятно, и спасаетъ жителей этихъ грязныхъ странъ отъ зараженія.

Собаки, очевидно, играютъ большую роль въ дѣлѣ очищенія; вонечно, при теперешнемъ скученіи людей, при теперешнемъ

количествѣ падали, не хватить, пожалуй, обычныхъ средствъ очищенія мѣстности и слѣдуетъ вмѣшаться въ эти дѣла человѣку. Третьяго-дня, ѣдучи верхомъ изъ госпиталя, я заѣхалъ на бивуакъ нарвскаго полка, охраняющаго нашъ отличный каменный мостъ черезъ Янтру; меня уже давно поражалъ фактъ большого количества больныхъ въ госпиталѣ именно изъ нарвскаго полка, который расположенъ по низкому берегу рѣки въ мѣстѣ впаденія въ Янтру какой-то другой канавки, въ которую, очевидно, валятъ всякую мерзость. Приѣхавъ на бивуакъ, я встрѣтилъ тамъ доктора изъ типа: „все обстоитъ благополучно, и бивуакъ хорошъ“. А вотъ недалеко отъ нихъ лежитъ дохлый буйволъ! Я поѣхалъ смотрѣть этого буйвола, но, увы, на этомъ мѣстѣ была видна свѣже-вскопанная земля, буйволъ исчезъ, а какая-то небольшая его часть—кажется лопатка, обчищалась съ большимъ усердіемъ желтымъ псомъ. Батальонъ, помѣщавшійся въ этой части, по моему настоянію былъ выведенъ на гору, и тамъ теперь остался одинъ обозъ...

Вѣроятно, до васъ теперь дошла уже вѣсть о второмъ плененскомъ дѣлѣ. Какъ горько отозвалась эта новость въ сердцахъ каждаго русскаго! Сколько слезъ, сколько безутѣшныхъ страдалцевъ и страдалицъ послѣ этого рокового дѣла 18-го іюля!

27-го іюля.—Вчера ѣздилъ на восточную сторону отъ Бѣны, поднялся на гору, переѣхалъ балку, другую, и передо мною—совершенно оазисъ—большой фруктовый и виноградный садъ, весь въ зелени, чтò рѣзко отличалось отъ остальной почвы съ выжженной травой, сквозь которую пробивался бѣлый песокъ. Теперь вернулся изъ церкви, куда пошелъ изъ страха, что съ кѣмъ-нибудь сдѣлается тамъ дурно; особенно боялся за священника, у котораго была тоже лихорадка, и вчера былъ только первый день безъ приступа. Обошлось, впрочемъ, все благополучно. Теперь рѣдко кто себя чувствуетъ хорошо: у кого разстройство пищеваренія, у кого лихорадка, у кого недомоганье, тяжесть, слабость. Три недѣли почти, что мы стоимъ здѣсь, въ этой ямѣ, сами гадимъ и плохо убираемъ; понятно, что и воздухъ гадовъ, особенно въ этой котловинѣ, гдѣ горы мѣшаютъ провѣтриванію. Мнѣ хотѣлось собрать свѣденія о состояніи здоровья здѣшнихъ постоянныхъ жителей, но рѣшительно не отъ кого. Узналъ только, что медиковъ не существуетъ,—есть только знахари; что у народа не въ обычаѣ лечиться, а только отлеживаться въ случаѣ болѣзни. Самому же пришлось видѣть только одного больного болгарина, пришедшаго къ намъ не столько за совѣтомъ, сколько съ кляузной цѣлью, пожаловаться на товарища болгарина, старшину, избраннаго еще

турками. Жалобщикъ также былъ старшина, но выбранный послѣ выхода турокъ; они поссорились при дѣлежѣ турецкаго имущества, и болѣе слабый пришелъ жаловаться на побои, при чемъ показали свой бандажъ отъ грыжи. Бандажъ сдѣланъ, очевидно, деревенскимъ кузнецомъ. Это было для меня единственнымъ признакомъ медицины. Съ появленіемъ частыхъ заболѣваній стали строго слѣдить за чистотой, и теперь золотой періодъ нашего пребыванія въ Бѣлѣ прекратился: чтò можно было, тò вычистили. Безпечность здѣшнихъ жителей особенно рѣзко проявляется на падали, которую они не удаляютъ.

Собственно тѣло свое, свой дворъ и даже свою мазанку они держатъ довольно чисто; почти при каждомъ турецкомъ домикѣ встрѣтится чуланчикъ съ прямымъ отверстіемъ въ одной изъ сторонъ его для стока воды; очевидно, чуланчикъ служитъ для омовеній. — Бѣлу пока еще не укрѣпляютъ, и даже глухо поговариваютъ о томъ, что скоро отсюда уйдемъ, но куда — не знаю, тѣмъ болѣе, что фактъ отъѣзда еще не вполне вѣренъ; что касается до укрѣпленій, то врядъ ли они здѣсь и возможны при небольшихъ силахъ; слишкомъ будетъ высока линія для укрѣпленія. Изъ своихъ поѣздокъ въ окрестностяхъ я, вовсе не-специалистъ, считалъ бы эту мѣстность очень мудреной для укрѣпленія съ небольшими силами.

28-го іюля. — Вчера послѣ обѣда здѣсь устроили опять сельскій праздникъ; на этотъ разъ содѣйствовалъ его устройству и нашъ помощникъ коменданта бивуака, Тучковъ, — конечно, черезъ тѣхъ же поповъ и того же учителя; праздникъ былъ богаче, народа больше, музыкантовъ на пару скрипокъ здѣшняго фасона увеличилось, да прибавились двѣ свирѣли. Тѣ же монотонные хороводы, то же безмолвное вытоптываніе, нѣсколько прыжковъ впередъ и столько же назадъ въ хороводѣ. Когда надоѣлъ хороводъ самому хозяину, снова явились восемь солистовъ и затянули какую-то пѣсню безъ всякаго слѣда музыкальности; затѣмъ солистки-пѣвицы отплясали другой танецъ безъ хоровода и, наконецъ, школьники здѣшніе пропѣли какое-то новое сочиненіе въ честь русскаго царя. Но, несмотря на подсказываніе съади стоявшаго учителя, никакъ дѣло не клеилось. Наконецъ, дали солистамъ и солисткамъ поѣсть и велѣли протанцовать казакамъ лезгинку. Ну, тутъ музыка пошла иная; цѣлый хоръ казаковъ сталъ пѣть и хлопать таетъ въ ладоши, чтò выходило очень эффектно, а двое казаковъ отплясывали съ виллами въ рукахъ, которые у нихъ служили вмѣсто кастаньетъ. Этимъ праздникъ и кончился. Вечеръ былъ душный, пыльный; я пошелъ домой и завалился на постель; гулять было невозможно, сидѣть на воздухѣ

не на чемъ,—здѣсь все табуретки безъ спинокъ, а развалиться можно только у себя дома. Обыкновенно главная толпа свиты въ это время, около одиннадцати часовъ, сплываетъ; остаются двое, трое, бесѣда идетъ уже болѣе откровенная; здѣсь что-нибудь и услышишь такого, что вслухъ не говорится и о чемъ только думается. Въ хорошіе вечера я иногда засиживаюсь вечеромъ почти до часа; теперь стало свѣжѣе и по-неволѣ уходишь раньше. Большею частью до двѣнадцати часовъ я уже въ постели и, обыкновенно, быстро засыпаю. Эти жаркіе дни все-таки, хотя и небольшая работа, утомляютъ порядкомъ. Жара и тяжелый воздухъ нашей Бѣлы дождають, конечно, всего болѣе. Сегодня въ часъ дня 24° въ тѣни, баром. 762; вѣтеръ, кажется, измѣняетъ свой характеръ, но все еще не чувствуется достаточно облегченія въ этой атмосферѣ. Трудно повѣрить, что уже три недѣли сегодня, какъ мы вошли въ Бѣлу, въ эту яму, обрадовавшую насъ только въ началѣ тѣмъ, что въ ней больше воды, чѣмъ въ Павло. Дѣйствительно, воды много, но зато воздухъ неблизкательный изъ-за лощины, которая провѣтривается не при всякомъ вѣтрѣ. Все народонаселеніе наше только и интересуется теперь вопросомъ, когда отсюда выйдутъ. Кажется, скоро, дня черезъ два, три—тронемся, должно быть, въ Студень.

25.

29-го іюля.—Кажется, сегодня ждутъ главнокомандующаго, который и долженъ рѣшить нашу участь относительно дальнѣйшаго пребыванія въ Бѣлѣ; говорятъ, что тронемся, но до сихъ поръ еще не трогаемся, а воздухъ здѣсь дѣлается все тяжелѣе; рѣдко кто не принесъ дани этимъ отравамъ, плавающимъ въ Бѣлѣ: у кого была лихорадка, у кого поносъ, у кого болѣзненная раздражительность; на меня напала спячка,—не только лежалъ бы цѣлый день, но и спалъ бы, лишь бы только меня оставили въ покоѣ. Жарко, душно, миллиарды мухъ, вонь и отсутствіе всякихъ извѣстій о военныхъ движеніяхъ, которыя, вѣроятно, совсѣмъ затихнутъ до прибытія подкрѣпленія! Неужели мы все время будемъ оставаться здѣсь?—задаетъ каждый себѣ этотъ вопросъ, на который, конечно, никто не отвѣчаетъ. Неудача подъ Плевной измѣняетъ характеръ войны: мы не будемъ двигаться впередъ, а будемъ ждать, вѣроятно, пока не соберемся.

30-го іюля.—Со вчерашняго дня погода совсѣмъ разладилась; дождь съ 6-ти часовъ лилъ всю ночь, да и теперь нѣтъ, нѣтъ

да и пойдеть, да и припустить; въ сущности, мы не видѣли дождя съ Зимницы и, конечно, всѣ обрадовались этой благодати, хотя воздухъ и до сегодня душень, несмотря на то, что небо покрыто густыми облаками, очень низко стоящими надъ Бѣлой; темпер. не менѣе 19⁰, бар. 760. Вчера вечеромъ и молнія были пущены въ ходъ для освѣженія и очищенія воздуха Бѣлы, но какъ-то мало замѣтенъ результатъ усилій природы очистить наше пастбище; сегодня ночью изъ окна во время грозы несло немилосерднымъ образомъ. Дождь былъ такъ силенъ и дологъ, что палатки придворнаго образца, даже наилучшаго качества, какъ у министровъ, потекли. Государь, наконецъ, согласился сегодня перейти въ нашъ домъ, гдѣ ему устроили одну изъ лучшихъ комнатъ; выбитыя окна завѣшены полотномъ, сукномъ, но зато полъ деревянный и размѣръ комнаты не очень мелкій; вѣроятно, намъ здѣсь еще дня три оставаться. Вчера прѣвзжалъ главнокомандующій и сегодня съ нимъ отправленъ въ Горный-Студень помощникъ коменданта для выбора помѣщенія главной квартиры. Здѣсь, повидимому, вся компанія мечтаетъ, чтобы мы помѣстились въ Сисловъ, гдѣ помѣщеніе удобно и достаточно и воды хватить на всю эту массу лошадей; въ стратегическомъ отношеніи въ Сисловъ тоже, говорятъ, хорошо, тѣмъ болѣе, что нѣсколько недѣль ничего здѣсь, вѣроятно, не будетъ; нѣкоторые смѣлые умы заговорили даже, почему бы не ѣхать въ Питеръ. Но чтъ объ этомъ говорить и смущать себя! Чтъ будетъ, то будетъ! Меня чрезвычайно интересуеть курьеръ, который привезетъ намъ впечатлѣніе шевненскаго дѣла.

31-го іюля.—Сейчасъ вернулся Тучковъ изъ осмотра Горнаго-Студня и мало общается хорошаго; впрочемъ, говорить, что воздухъ лучше—посмотримъ.

1-го августа.—Сегодня я совершенно здоровъ и настолько бодръ и крѣпокъ, что могу отправиться и въ госпиталь; грязь на дворѣ невылазная до вчерашняго вечера шелъ дождь и только ночью стало уже разгуливаться; теперь очень пріятно; облака стали тонкими, прозрачными, кое-гдѣ синее небо, темпер. 20, баром. 763; на завтра назначенъ выѣздъ отсюда въ Горный-Студень; надѣюсь, что грязь подсохнетъ къ завтраму. Хотя за эти дни я не выходилъ, но такъ какъ ко мнѣ очень ревностно заходили и бесѣдовали, то я былъ au courant, — если не того, чтъ дѣлается, — потому что теперь повидимому только ждутъ, — то au courant того, чтъ люди думаютъ. Трудно передать тотъ строй, въ которомъ находится теперь все наше общество, или лучше — наша колонія. Эти два мѣсяца совершенно особой жизни,

съ лишеніями, безъ всякой возможности и надобности интриговать, куртизанить (вся наша колонія относится во всему дѣлу какъ зрители), чрезвычайно измѣнили очень многихъ: у всѣхъ теперь одинъ интересъ, однѣ заповѣи, одно нытье на сердцѣ; каждый справляется съ этимъ по-своему, какъ умѣетъ, какъ подготовился: одинъ смотритъ пессимистически; другой, наоборотъ, и въ иныхъ неутѣшительныхъ фактахъ видитъ новое для себя ободреніе; конечно, есть люди и средніе, умѣющие все взвѣшивать на болѣе спокойныхъ вѣсахъ. Я съ величайшимъ интересомъ слушаю эти бесѣды, особенно людей съ личнымъ большимъ опытомъ и проходящихъ сознательно вторую турецкую кампанію. Изъ всего, что вижу и слышу, съ глубокимъ убѣжденіемъ могу сказать, что борьба у насъ съ сильнымъ непріателемъ; турки сгнили только въ головахъ кабинетныхъ людей, и точно такъ же будто бы угнетены болгары. Турки, вооруженные англичанами великолѣпными ружьями съ миллиардами патроновъ, воинственные по природѣ, экзальтированные религиознымъ фанатизмомъ, — турки представляютъ, конечно, не легкую задачу нашимъ героямъ. Солдаты наши, офицеры — святые люди; трудности климата, природы, отсутствіе продовольствія — все это они умѣютъ выносить съ истиннымъ мужествомъ. Подъ Плевной уходили и пропадали полки за полками безъ малѣйшаго колебанія — все это въ полномъ смыслѣ слова — герои; слышно только неудовольствіе на штабъ, на провіантскую часть, которая при здѣшнихъ путяхъ сообщенія, повидимому, не въ блистательномъ состояніи. Впрочемъ, глубоко увѣренъ, еслибы также свято выполняли свой долгъ люди, завѣдующіе и вѣдающіе провіантской частью, какъ боевые люди, то навѣрное всѣ были бы въ-время и въ мѣру сыты... Сейчасъ былъ въ госпиталѣ, обошелъ въ послѣдній разъ моихъ терпѣливыхъ, безропотныхъ солдатиковъ, простился съ ординаторами, сестрами, навѣстилъ тяжело больную тифомъ сестру Тоде, кое-кого изъ паціентовъ свиты, позавтракалъ и вотъ сѣлъ опять бесѣдовать съ тобою...

За это время рѣшительно всѣ мы переболѣли, кто желудкомъ, кто лихорадкой, а чаще тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Нельзя исключительно приписывать все Бѣлѣ, — вѣроятно, и время года играетъ важную роль; полагаю, что дождь и теперь измѣнившійся вѣтеръ улучшатъ санитарное состояніе нашего предстоящаго лагеря въ Горномъ-Студнѣ. Завтра въ 7 ч. утра въ походъ.

26.

Горный Студень, 3-го августа.—Вчера наконецъ, въ 7 ч. утра, выбрались мы изъ нашей Бѣлой ямы; отъ нетерпѣнія покинуть эту гнусную дыру я не спалъ почти всю ночь; къ тому же, въ заключеніе всѣхъ удовольствій пребыванія въ Бѣлѣ, намъ пришлось испытать еще особенность ея: какъ разъ наканунѣ отъѣзда, вслѣдствіе постоянного дождя въ послѣдніе дни, въ послѣдній вечеръ набралось въ нашу конуру несмѣтное количество жучковъ, которые ползли въ сухое мѣсто и, слѣдовательно, подбирались къ подушкѣ. Встали мы рано, нужно было отпустить вещи уже къ шести часамъ, а слѣдовательно, заблаговременно одѣться. Проглотивъ чашку чая, я сѣлъ верхомъ, и пока вся компанія поджидала выхода Государя, отправился впередъ, чтобы завернуть въ госпиталь, который лежалъ на нашей дорогѣ. Дорога шла опять на Павло, отсюда послѣ двухчасовой остановки съ маленькой закуской отправились дальше на Чаиръ, Митхадъ-Пашу и наконецъ Горный-Студень; первую половину дороги насъ порядкомъ мочило, а потомъ порядкомъ припекало; пыли на этотъ разъ, конечно, не было. Въ третьемъ часу пришли въ Горный-Студень, и не принесли съ собою ничего другого кромѣ усталости. Разстояніе было 30 верстъ въ грязи, безъ симпатичныхъ видовъ и безъ привлекательнаго въ будущемъ. Мѣняя мѣста, мы прежде чего-то ждали, шли впередъ, а теперь только соединились съ главнымъ штабомъ, применили къ двумъ корпусамъ, къ 11-му и къ 9-му,—вотъ и все. Конечно, мы будемъ тутъ спокойнѣе, не будемъ думать о башибузукѣхъ, которые могли бы прорваться въ Бѣлу, не будемъ думать, что насъ отрѣжутъ—что, вѣроятно, и случилось бы, еслибы не турки были нашими противниками. Послѣ пораженія подъ Плевной, имъ бы только стоило идти дальше на насъ, дорога была свободна, а насъ защищала только одна бригада въ мѣстности, гдѣ и цѣлаго корпуса мало. Можетъ быть, впрочемъ, что-нибудь опять попробуютъ съ Плевной или Ловчей, но объ этомъ можно только предполагать и догадываться.

При приближеніи къ Горному-Студню, насъ встрѣтилъ Шаховской съ своимъ штабомъ; мы проѣзжали рядами его корпуса; всѣ полки, бывшіе въ дѣлѣ, были въ строю, и можно было замѣтить, какъ нѣкоторые изъ нихъ стали рѣдки. Горный-Студень, въ которомъ мы теперь будемъ обрѣтаться неопредѣленное время, есть тоже, что Бѣла, т.-е. такая же болгарская деревня, какъ и вся-

кая другая, — съ массой хлѣба, мазанки разбросаны по горѣ богѣе открыто, чѣмъ въ Бѣлѣ, лощины нѣтъ; видъ на деревню домовъ въ 60 очень красивый, особенно если смотрѣть издали. Погода послѣ дождя стала свѣжѣе, сегодня пахнетъ осенью.

4-ю августа. — Погода опять прелестная, свѣжая, 16 гр. въ тѣни, въ 9¹/₂ ч. бар. 762, небо безоблачно, воздухъ очень приятенъ, и сегодня, вѣроятно, задамъ отличную прогулку пѣшкомъ, чего я давно уже не дѣлалъ изъ-за жары, которая затрудняла всякій лишній шагъ. Помѣщенъ я здѣсь по здѣшнему отлично, а по нашему северно. Государь устроился въ маленькомъ полуразрушенномъ турецкомъ домикѣ, и у него дѣйствительно двѣ сносныя комнаты; второй этажъ этого дома составляли, вѣроятно, лавки — и въ одной изъ нихъ я и живу... Мое помѣщеніе было бы въ самомъ дѣлѣ очень хорошо, еслибы оно не выходило на тротуаръ съ навѣсомъ, гдѣ стоятъ скамейки, что привлекаетъ и развлекаетъ нашу праздную компанію, которая съ послѣ-обѣда до чая, чтобы не расходиться по своимъ домамъ, засѣдаетъ тутъ и жужжитъ такъ, что нѣтъ никакой возможности что-нибудь дѣлать. Вчера вечеромъ не могъ писать; чтобы не быть цѣлый день на улицѣ, я устроилъ занавѣску и такимъ образомъ обрекъ себя на тюрьму, изъ которой ничего не видно, но это я все-таки предпочитаю виду лицъ, которыя мнѣ неприятны. Госпиталю здѣсь нѣтъ, что, конечно, отнимаетъ у меня возможность съ удовольствіемъ провести нѣкоторое время дня; впрочемъ, говорятъ, здѣсь скоро устроится госпиталь... Сейчасъ являлся ко мнѣ профессоръ Попокъ, химикъ въ Варшавѣ; онъ здѣсь при штабѣ для дезинфекціи свалочныхъ мѣстъ, кладбищъ и пр. Въ Тырновѣ только ему удалось найти одинъ колодезь испорченнымъ турками, которые, уходя оттуда, навалили всякой гнилятины и сдѣлали такимъ образомъ колодезь невозможнымъ; въ Систовѣ же такъ плохо хоронили турокъ, что торчали изъ земли ноги, руки — пришлось заливать известью. Въ военномъ мірѣ ничего не слышно, — полное затишье. Н-кій отмалчивается (уставляя глубокомысленно глаза); Л. чаще обыкновеннаго поправляетъ очки и пытитъ сильнѣе прежняго. Вообще, герои какъ-то поприѣлись, потеряли свой ароматъ, разъ во-очію всякому стало ясно, что отдѣльный героизмъ ни въ чему не ведетъ. По манерѣ себя держать, по серьезности и честности отношенія къ дѣлу самыми симпатичными личностями для меня остаются Государь и Милютинъ. Только глядя на нихъ, ты не встрѣчаешь этого „я“, которое такъ и пробивается въ большей части другихъ выступающихъ дѣятелей; скромность и серьезность Милютина внушаютъ

къ нему величайшее почтеніе; онъ весь отданъ своему дѣлу, которому охотно готовъ даже жертвовать своимъ я.

Если взглянуть на теперешняго воротилу Л., то въ немъ прежде всего натывается именно на это „я“, а уже изъ-за него только мелькаетъ дѣло; вотъ лицо, которое мнѣ вовсе не внушаетъ довѣрія. Про Н. сложилось, повидимому, въ здѣшней публикѣ такое убѣжденіе, что онъ слишкомъ старъ для подобнаго высокаго поста, что ему измѣняютъ его способности, что онъ многое забываетъ и только драпируется при этомъ въ мантию таинственности...

ВИНОГРАДНИКЪ НАВУОЕЯ

РОМАНЪ.

Naboth's Vineyard, by Somerville and Martin Ross.

IX *).

Отверженный.

Ярмарка въ Кланморѣ была оживленнѣе обыкновеннаго. Цѣлый день стоялъ гулъ голосовъ на базарной площади, служа какъ бы аккомпаниментомъ визгливымъ воплямъ поросятъ, блязнию и мячанію овецъ и коровъ.

Съ ранняго утра накрапывалъ мелкій и теплый дождикъ и паръ шелъ отъ мокрой шерсти животныхъ въ то время, какъ продавцы и покупатели весело топтались въ грязи, которая была такъ черна и такъ глубока, какъ это бываетъ только на ирландскихъ ярмаркахъ, и спорили и врали съ безпечнымъ равнодушіемъ къ окружающимъ обстоятельствамъ.

Торгъ шелъ живо, а цѣны стояли хорошия, и въ половинѣ четвертаго часа улицы стали быстро пустѣть; покупатели увозили свои покупки по желѣзной дорогѣ, а счастливые продавцы толпились по большей части въ безчисленныхъ трактирахъ города. Скотъ, приведенный на продажу, былъ особенно жиренъ и хорошъ, и къ концу дня немного его оставалось непроданнымъ, а потому не могло не казаться удивительнымъ, что въ два часа по-

*) См. выше: апр., 238 стр.

полудня Данъ Гурли обратно погналъ изъ города коровъ, которыхъ онъ привелъ на базаръ на разсвѣтъ.

Вдова Леонардъ приняла къ свѣденію умерщвленіе рыжей телки, и послѣ этого происшествія остальные девять благополучно пригонялись въ Скарифъ съ наступленіемъ ночи. Въ округѣ не было равныхъ имъ по росту и откормленности, и вдова, отпуская Дана на рынокъ, рекомендовала ему „не продешевить“ и вернулась въ домъ съ приятной увѣренностью, что ренты Скарифа и Дримнахуна—все равно что у нея въ карманѣ.

Данъ не обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что м-ръ Джонъ Донованъ обогналъ его по утру по дорогѣ въ Кланморъ; но по мѣрѣ того какъ утро проходило, а ни одна изъ телокъ не только не была продана, но покупатели даже замѣтно избѣгали ихъ, Данъ понялъ, какого рода переговоры велъ м-ръ Донованъ съ своими многочисленными друзьями и знакомыми.

Данъ образовалъ со своимъ свотомъ унылую группу; люди проходили мимо него такъ, какъ еслибы его вовсе тутъ и не было, и съ каждымъ моментомъ ненависть къ врагу росла въ его сердцѣ. Онъ жаждалъ поскорѣе выбраться изъ этого унижительнаго положенія, но не хотѣлъ подать поводъ къ насмѣшкамъ, открыто заявивъ, что признаетъ себя побѣжденнымъ.

Не прежде, чѣмъ всѣ стали расходиться, чтобы послѣтъ на послѣполуденный поѣздъ, пустился онъ въ обратный путь и въ четыре часа пополудни находился еще очень далеко отъ мѣста своего назначенія.

Ноябрьскій вечеръ спускался мрачный и угрюмый, и мокрая сѣрая стѣны тянулись передъ нимъ по краямъ дороги, образуя томительную перспективу. Скотъ терпѣливо шлепалъ по грязи, а Данъ слѣдовалъ въ арьергардѣ, насилуя свой убогій мозгъ непрерывными планами отмщенія врагу, съ настойчивостью, удивлявшей его самого.

Онъ догадывался инстинктивно, что лига тутъ не при чемъ; онъ видѣлъ во всемъ этомъ личное недоброжелательство одного человѣка, и въ ушахъ его раздавались проклятія умирающей матери, когда госпитальная фура пріѣхала, чтобы перевезти ее изъ избушки, которая ей больше не принадлежала, въ больницу рабочаго дома.

— Гей!—закричалъ громкій голосъ надъ его ухомъ:—отгони скотъ къ сторонѣ!

Данъ поднялъ камень и ловко швырнулъ имъ въ передовую телку; та своротила въ канаву, въ то время какъ старая кобыла м-ра Донована и его телѣжка проѣхали мимо него.

— Это ты, Данъ? — крикнулъ Донованъ: — должно быть, не сошелся въ цѣнѣ на телокъ?

Данъ ничего не отвѣтилъ.

— Должно быть, ворны въ Дримнахунѣ не идутъ имъ въ прокъ, — продолжалъ м-ръ Донованъ съ грубымъ смѣхомъ, оглядываясь черезъ плечо, и, стегнувъ кобылу, скрылся изъ вида Дана съ его кортежемъ.

Путь въ Скарифъ былъ не близкій, но Данъ почти не замѣтилъ его; ненависть, бѣшенство какъ будто придавали ему крылья, и какъ ни дологъ былъ путь, а онъ все-таки не успѣлъ составить окончательнаго плана мести, въ которомъ страннымъ образомъ переплетались фигуры м-ра Джона Донована и Рика О'Греди.

Ночь уже совсѣмъ наступила, когда Данъ со скотомъ добрался до фермы Скарифъ и водворилъ телокъ въ тотъ самый хлѣвъ, откуда вывелъ ихъ сегодня поутру. Заперевъ за ними дверь, онъ стоялъ въ нерѣшительности, поглядывая на освѣщенное окно коттеджа и раздумывая: что-то скажетъ м-съ Леонардъ, когда услышитъ отъ него принесенное имъ извѣстiе, и какъ-то оно понравится Эленъ... Эленъ, которая говорила въ тотъ вечеръ, какъ Рикъ принесъ имъ въ подарокъ чаю, что ничего худого съ ними теперь не будетъ, когда онѣ нашли себѣ такого друга. Пожалуй, что теперь она запоетъ иное.

Онъ шагнулъ-было къ дому, какъ вдругъ остановился при звукѣ голосовъ, доносившихся до него изъ огорода, и онъ увидѣлъ блуждающій свѣтъ фонаря надъ верхушками кустовъ, росшихъ у ограды около воротъ. Послѣ того послышался стукъ лопаты, упавшей на дорогу, и смѣхъ Эленъ.

— Ну, что, надѣюсь, что вы позволите мнѣ нести ведро самой? Вамъ только бы справиться съ лопатой и фонаремъ.

Данъ замеръ на мѣстѣ, прислушиваясь къ отвѣту.

— Мнѣ даже одна лопата не подъ силу, — отвѣчалъ голосъ Рика О'Греди: — пожалуй, уже лѣтъ семь прошло съ тѣхъ поръ, какъ я не бралъ заступа въ руки; право, я такъ усталъ, точно забралъ въ могилу родного отца.

— О! въ самомъ дѣлѣ!

И Эленъ снова засмѣялась.

— Какой же вы ретивый работникъ!

— А развѣ я плохъ? развѣ вы не были бы довольны, еслибы я за васъ работалъ?

Голосъ смягчился и понизился, но Данъ слышалъ каждое слово... Онъ слышалъ также и отвѣтъ Эленъ:

— Я бы не стала жаловаться, пока самъ работникъ не пожаловался.

Рикъ отвѣтилъ многозначительно:

— Если такъ, то сдается мнѣ, что у васъ есть работникъ, который будетъ на васъ работать всю жизнь.

Свѣтъ фонаря показался во дворѣ.

— Ворота отперты, — сказала Эленъ. — Должно быть, Данъ вернулся съ ярмарки!

И точно въ отвѣтъ на эти слова, фонарь озарилъ самого Дана, стоящаго у воротъ, въ бѣлой фланелевой блузѣ, съ головой, вытянутой впередъ, какъ у человѣка, напрягающаго свой слухъ.

Эленъ и Рикъ остановились какъ вкопанные съ восклицаніями удивленія, и въ то же самое время желтый террьеръ Рика бросился на Дана, котораго очевидно принялъ за привидѣніе, и съ остервенѣніемъ залаялъ на него, желая убѣдить себя и хозяина, что онъ нисколько его не боится.

— Да, я вернулся, — отвѣчалъ Данъ, и такъ какъ собака продолжала кружиться около него съ лаемъ, онъ далъ волю чувствамъ, душившимъ его весь день, и сапогомъ, подбитымъ гвоздями, прогналъ собаку на другой конецъ двора.

— По какому праву вы бьете мою собаку? — спросилъ Рикъ, опуская на землю фонарь и лопату и подходя къ буяну.

— А по какому праву вы здѣсь съ вашей собакой? — отвѣчалъ Данъ, впервые въ жизни подвигнутый на смѣлый отвѣтъ страннымъ волненіемъ и вихремъ въ головѣ.

— О, Данъ! — закричала въ ужасѣ Эленъ. — Что ты говоришь? Вѣдь м-ръ О'Греди весь вечеръ помогаль намъ работать!

— Ну, такъ я скажу ему, что могу обойтись отлично безъ него и безъ его работы! — заревѣлъ Данъ, теряя всякое самообладаніе при внимательствѣ Эленъ. — Онъ проклятый шпіонъ, и я ему это въ глаза скажу!

Онъ поднялъ палку, какъ будто собирался ударить Рика, но прежде, нежели его рука опустилась, онъ почувствовалъ, какъ его схватили за шиворотъ и повалили въ грязь.

Онъ пролежалъ неподвижно въ продолженіе минуты: Эленъ подумала, что онъ убится, и съ громкимъ крикомъ подбѣжала къ нему. Въ тотъ же моментъ дверь коттеджа съ шумомъ растворилась, и м-съ Леонардъ появилась съ руками, покрытыми мукой, и съ лицомъ, выразившимъ крайнюю степень растерянности.

— Кто здѣсь раненъ? — закричала она. — Слава Богу, ты жива, Эленъ! Это ты кричала? Я думала, тебя убили!

И увидя при свѣтѣ фонаря, какъ Данъ медленно приподнимается съ земли, подобравъ свою шляпу, спросила:

— Это что? Кто это свалилъ тебя прямо въ грязь, разная? что ты онѣмѣлъ? пьянъ ты что-ли?

— Онъ взвелъ на меня анаемскую ложь, — съ жаромъ проговорилъ Рикъ, — и замахнулся на меня палкой, а потому я свалилъ его съ ногъ, чтобы научить вѣжливости!

— Это правда? — спросила вдова отчаяннымъ голосомъ, подходя къ Дану и беря его за руку.

Но онъ повернулъ къ ней такое лицо, что даже ея деревянные нервы не выдержали: до того оно было измученное и невыразимо блѣдное; а когда онъ заговорилъ, то губы его судорожно искривились, обнаруживая стиснутые зубы, какъ у разовленнаго звѣря въ клѣткѣ.

— Я опять повторю ему это, — сказалъ онъ, съ усиленіемъ пропуская слова сквозь стиснутые зубы. — Онъ шпионитъ за вами, и я знаю... я знаю, кто подослалъ его!

— А я опять говорю тебѣ, — возразилъ Рикъ, подходя и становясь передъ нимъ: — что ты окаяннѣйшій лжецъ во всей Ирландіи, и еслибы стоило только марать объ тебя руки, то я бы заставилъ тебя всю жизнь оплакивать твою ложь!

— Оставьте его въ покоѣ! — закричала м-съ Леонардъ, подозрительность которой легко возбуждалась, и протянула руку, густо осыпанную мукой, чтобы удержать Рика. — Чтò тебѣ извѣстно, Данъ Гурли? Говори прямо; онъ тебя не тронетъ!

— Я не боюсь его! — похвастался Данъ, ободряясь при такой могущественной поддержкѣ.

И вдругъ, вдохновленный ненавистью, кипѣвшей въ немъ и чуть его не задушившей, произнесъ:

— Пусть-ка онъ скажетъ, кто дожидался его въ лѣсу въ прошлое воскресенье, послѣ того, какъ онъ ушелъ отсюда, и съ вѣмъ онъ катался въ своей шляпкѣ?

Онъ кончилъ смѣхомъ, достойнымъ Калибана, и въ свѣтлыхъ глазахъ его зажегся злой огонекъ, въ то время, какъ онъ, не двигая головой, переводилъ ихъ съ лица вдовы на лицо Элленъ.

Бездна раскрылась подъ ногами Рика такъ внезапно, что онъ чуть-было въ нее не свалился. Чтобы не зашнуриться въ словахъ и не выказать смущенія, которое бы его погубило во мнѣніи слушательницъ, онъ вынужденъ былъ помолчать, прежде чѣмъ отвѣтить, и каждый изъ троихъ членовъ судилища по своему отнесся къ этому молчанію: Данъ — съ торжествующей радостью, м-съ Лео-

нардъ — съ сердитымъ убѣжденіемъ въ виновности Рика, а Эленъ — съ мучительнымъ страхомъ.

— Я случайно встрѣтился съ м-съ Donovanъ, гуляя по лѣсу въ тотъ день,—сказалъ Рикъ такъ сповойно, какъ только могъ:— и предложилъ отвезти ее домой. Полагаю, что въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

— Конечно, нѣтъ! — отвѣчала Эленъ со смѣхомъ, звучащимъ нѣсколько фальшиво:—что худого въ томъ, чтобы оказать хорошему знакомому любезность, Данъ?

— О, ровно ничего худого! — замѣтила м-съ Леонардъ съ мягкой вѣжливостью, придававшей тропическое спокойствіе ея рѣчи:—конечно, м-ръ О'Греди вправѣ оказывать услуги своимъ друзьямъ... тѣмъ болѣе такому давнишнему другу, какъ м-съ Donovanъ!

Вдова ухватилась за этотъ выводъ съ характеристической необдуманностью, подстрекаемой гордостью, недовѣріемъ и, надо сознаться, неприятнымъ разочарованіемъ въ нѣкоторыхъ туманныхъ matrimonіальныхъ идеяхъ, лопнувшихъ какъ мыльный пузырь. Рикъ не легко было бы побѣдить это недоброжелательное отношеніе, но Данъ не далъ ему опомниться.

— Пойдите и взгляните въ вашу хлѣвъ,—обратился онъ въ вдовѣ, вытанувъ руку по направленію къ хлѣву:—и вы узнаете, какія услуги оказываютъ вамъ м-ръ О'Греди и его друзья! Всѣ ваши девять телокъ водворены на прежнее мѣсто и онѣ напрасно только прогулялись въ городъ. Ни одна живая душа не заговорила со мной на ярмаркѣ въ Кланморъ и даже не прицѣнялась къ скоту; они такъ же мало вниманія обращали на меня, какъ еслибы я былъ та самая грязь, которую они топтали ногами.

М-съ Леонардъ всплеснула руками.

— Пусть Богъ покараетъ ихъ! чтобъ имъ самимъ издохнуть отъ голода!

— Я видѣлъ окаяннаго мерзавца, который подговаривалъ народъ бойкотировать меня,—продолжалъ Данъ, говоря все громче и яростнѣе.—То былъ Джонъ Donovanъ, самъ своей персоной... онъ только затѣмъ и пріѣхалъ на ярмарку. Клянусь Богомъ, онъ ничего не продавалъ и ничего не покупалъ. А что сказалъ ему, что вы посылаете скотъ на ярмарку? Подумайте, кому вы говорили въ прошлое воскресенье, что отправите телокъ въ Кланморъ?—развѣ не Рикъ О'Греди, когда онъ пришелъ сюда такой нарядный и пригожій въ воскресномъ платьѣ, говоря вамъ, что пришлетъ вамъ помогать и ухаживать за Эленъ, а м-съ До-

нованъ ждала его въ лѣсу, пока онъ не сообщилъ ей про то, какъ онъ васъ одурачилъ.

Данъ бросилъ шляпу на землю и выставилъ лѣвую руку надъ головой, какъ бы ожидая атаки и приготовляясь защищаться.

Рикъ стоялъ неподвижно, опустилъ руки со сжатыми кулаками.

— Не бойся, — сказалъ онъ: — я тебя на этотъ разъ не трону. Но скажу вамъ, м-съ Леонардъ, что если вы повѣрите лжи, какую онъ на меня взводитъ, то прогнѣните единственнаго друга, который у васъ остался.

Съ большимъ усилиемъ м-съ Леонардъ приняла прежнюю спокойную манеру.

— Мнѣ очень жаль разстаться съ такимъ другомъ, какъ вы, но я была бы болѣе рада деньгамъ за своихъ теломъ, нежели такому другу, какъ вы. Я очень обязана вамъ за оказанныя мнѣ услуги и молю Бога, да спасетъ онъ всякую бѣдную женщину, которой приходится такъ же тяжело, какъ мнѣ, отъ такихъ услугъ! Покойной ночи, м-ръ О'Греди!

Она сдѣлала ему родъ кивсена и направилась къ дому.

Рикъ тоже повернулся и пошелъ къ воротамъ; онъ слишкомъ былъ сердитъ, чтобы отвѣчать. Проходя мимо Элленъ, онъ сказалъ: — Прощайте! — рѣзкимъ, сдавленнымъ голосомъ, и почувствовалъ себя окончательно обиженнымъ, когда она ничего не отвѣтила.

Когда онъ сворачивалъ на тропинку, непреодолимое побужденіе заставило его оглянуться назадъ. Онъ увидѣлъ всѣхъ троихъ стоявшихъ еще на дворѣ, и свѣтъ отъ фонаря озарялъ ихъ, причемъ лицо Дана выражало дьявольское торжество.

Въ этотъ мигъ у Элленъ нашлось настолько смѣлости, чтобы побѣдить свою нерѣшительность и оторваться отъ окружающихъ. Она побѣжала въ догонку Рика на тропинку и, подавая ему руку, сказала мягкимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Не слушайте, что они говорятъ. Я знаю, что вы были намъ добрымъ другомъ и ничему не повѣрю, что бы про васъ ни говорили. Прощайте!

И прежде нежели онъ успѣлъ ей отвѣтить, она убѣжала назадъ на встрѣчу ожидавшему ее возмездію.

X.

На верху горы.

А возмездіе оказалось не шуточное. Каждый сказалъ бы это, кто увидѣлъ на слѣдующее утро Элленъ, какъ она медленно взбиралась на верхъ горы, находившейся позади материнскаго дома, съ корзиною только-что вымытаго бѣлья на головѣ. Даже легкій южный вѣтерокъ, дувшій съвозъ дерева, не могъ оживить ея блѣдныхъ щекъ, а прозрачные сѣрые глаза глядѣли такъ жалобно, какъ могутъ глядѣть молодые глаза только послѣ горькихъ и долгихъ пролитыхъ слезъ.

Элленъ недавно минуло восемнадцать лѣтъ, и гнѣвъ матери былъ все еще для нея страшнымъ дѣломъ, такъ что послѣ яростнаго взрыва, произошедшаго вчера вечеромъ, она пролежала всю ночь безъ сна, молча проливая слезы, въ то время какъ мать беспощадно храпѣла около нея. Когда же при первыхъ лучахъ зари обѣ, и мать, и дочь, поднялись, чтобы приняться за обычную работу, и Элленъ увидѣла, съ какою холодною и угрюмою отчужденностью обращается съ нею мать, она почувствовала съ трогательнымъ, порывистымъ отчаяніемъ молодости, что готова лучше умереть, нежели переносить такое несчастіе.

Нельзя, конечно, предположить, чтобы она очень ясно объясняла самой себѣ свои ощущенія; эта роскошь или эта пытка, какъ хотите, составляетъ достояніе образованныхъ людей; но несомнѣнно, когда она лежала въ потемкахъ прошлой ночью, обливаясь слезами, и теперь, когда она сняла корзину съ головы и поставила ее на мокрую траву, судорога, сдавившая ей горло, была вызвана мыслью о несправедливости, оказанной Рикю О'Греди.

Она развѣсила бѣлье на кустахъ и на терновой оградѣ, находившейся по близости, двигаясь взадъ и впередъ по холму; солнце сіяло на ея бѣлокурыхъ волосахъ, а кругомъ чистое бѣлье блистало какъ снѣгъ. Каравайки и ржанки поднимались съ земли и высоко рѣяли въ воздухѣ надъ ея головой, а пара воронъ сидѣла на ободранномъ кустѣ терновника нѣсколько поодаль на скатѣ холма и рѣзко спорила о томъ, годится ли въ бѣду вся эта бѣлая штука, которую такъ тщательно раскладывали вокругъ.

Элленъ не торопилась возвращаться обратно въ коттедж; солнце грѣло, безмолвіе навѣвало спокойствіе, и она не спѣша занималась бѣльемъ. Даже послѣ того, какъ она развѣсила его окончательно и у нея не было больше никакого предлога, чтобы

мѣшкать, она подняла корзину, чтобы нести ее домой, но остановилась, прижавъ ее одной рукой къ бедру, а другою, прикрывъ глаза, глядѣла вдаль, поверхъ материнской фермы, на рукавъ залива, разстилавшагося внизу, и на опасные, зыбучіе островки грязи въ Скарифской бухтѣ, обнажавшіеся при отливѣ и сверкавшіе на солнцѣ.

Тамъ была маленькая пристань, у которой Рикъ привязывалъ свою шлюпку; глаза ея слѣдили за линіей рѣки вплоть до старой, увитой плющомъ, мельницы у моста. Тамъ она простилась съ нимъ въ тотъ первый разъ, какъ встрѣтилась съ нимъ въ лѣсу; а вонъ тамъ на темномъ полѣ у рѣки она видѣла мѣсто, гдѣ они вмѣстѣ рыли свеклу вчера вечеромъ.

Судорога снова сдавила ее горло и глаза отуманились, какъ вдругъ она услышала точно изъ голубого неба, разстилавшагося надъ ея головой, голосъ, назвавшій ее по имени.

Она повернулась и, продолжая прикрывать рукой глаза, оглядела скалистый холмъ; сердце у нея стучало въ груди. Темныя очертанія вершины холма, вырѣзывавшіеся на голубомъ небѣ, пересѣкались нѣсколькими большими валунами, и между ними она увидѣла хорошо знакомую фигуру Рика О'Греди. Онъ махнулъ ей шляпой, и восторженная радость смѣнила въ ея душѣ уныніе. Она махнула ему рукой въ отвѣтъ. Онъ тотчасъ же сталъ спускаться съ горы, и съ смѣшанными чувствами тревоги и восхищенія она слѣдила за его приближеніемъ.

Она замерла на мѣстѣ, и радость окончательно смѣнилась страхомъ, когда она увидѣла, что его свѣжее лицо блѣдно и серьезно. Онъ взялъ ее руку и крѣпко сжалъ, прежде чѣмъ заговорить.

— Эленъ, — сказалъ онъ: — я не могъ спать прошлой ночью отъ того, какъ ваша мать обошла со мной, и все думалъ, неужели она и васъ заставила повѣрить той лжи, въ какую увѣровала сама?

Американскій акцентъ совсѣмъ почти исчезъ изъ его рѣчи, а голосъ былъ тихъ и смущенъ.

— Еслибы я зналъ, что будетъ съ вашимъ скотомъ на ярмаркѣ, то самъ бы отправился туда и купилъ его. Честное слово, я бы такъ сдѣлалъ, а вы можете мнѣ повѣрить.

Его серьезность и явное огорченіе, выражавшееся въ его голубыхъ глазахъ, еще больше дали почувствовать Эленъ неблагодарность матери.

— Мама очень впечатлительна, — отвѣчала она съ смуще-

нѣмъ:—она вѣрить всему, что ей ни скажутъ, и она такъ разстроилась извѣстіемъ о скотѣ...

Элленъ умоляла, отчаянно придумывая новыя оправданія для материнскаго поведенія.

— Я думаю, что она могла бы скорѣе повѣрить мнѣ, чѣмъ этому... этому...—онъ сдержалъ себя:—чѣмъ Дану. Но я думаю не о матери вашей. Скажите мнѣ теперь, Элленъ, вѣрите ли вы тому, что они про меня говорили?

Та же самая страстная вѣра въ него, какая охватила ее вчера ночью, проснулась въ ней и теперь.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю... Право же, не вѣрю!—отвѣчала она съ такимъ жаромъ, что блѣдныя щеки ея вспыхнули.— Я вамъ вѣрю и не обращаю никакого вниманія на то, что говоритъ Данъ.

Глаза ея блестяли, когда она говорила это, устремивъ взглядъ на Рика, а вѣтеръ развѣвалъ ея бѣлокурые волосы, и Рика показалось, что онъ еще не видывалъ существа милѣе. Одинъ мигъ онъ думалъ, что единственнымъ отвѣтомъ можетъ быть только прижать ее къ груди и сказать ей, что если она въ него вѣрить, то ему нѣтъ дѣла до того, что говорятъ другіе. Но непривычная застѣнчивость и недоувѣріе къ себѣ удержали его отъ этого поспѣшнаго заявленія: ея довѣріе къ нему казалось такимъ безсознательнымъ и невиннымъ, что онъ побоялся испугать ее.

— Пока вы вѣрите мнѣ, я доволенъ,—сказалъ онъ, не отрывая глазъ отъ ея лица.

Облако набѣжало на солнце и бросило неожиданную тѣнь на скатъ холма. Чайка съ крикомъ пропеслась низко надъ ихъ головами и въ одинъ мигъ вѣтеръ перемѣнился и стало холодно. Въ сердцѣ Элленъ тоже похолодѣло, и всѣ затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ она находилась, какъ будто сильнѣе сдавили ее; всего же больнѣе и мучительнѣе—мысль о бѣшенномъ негодованіи матери, если это свиданіе съ Рикомъ дойдетъ до ея свѣденія.

— Мнѣ пора домой,—сказала она тревожно:—если Данъ или моя мать увидитъ васъ, я не знаю что со мною будетъ.

Рикъ поглядѣлъ черезъ плетень на ферму, расположенную внизу.

— О! все въ порядкѣ!—сказалъ онъ, понижая, однако, невольно голосъ:—мать ваша роетъ картофель на полѣ около дома, и ей насъ оттуда не видно. Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать,—продолжалъ онъ, упираясь локтями въ плетень и глядя на нее.— Бойкотированіе васъ—не что иное, какъ штука, устроенная До-

нованомъ. Я получилъ сегодня письмо отъ пріятели, — онъ назвалъ главный городъ округи, — и оно ясно показало мнѣ, что никто изъ тамошнихъ властей въ этомъ дѣлѣ не участвуетъ. Они знаютъ такъ же хорошо, какъ и я, что не вопросъ о рентѣ заставилъ Джемса Магони сдать эту ферму, хотя онъ и задолжалъ лэндлорду полугодичную арендную плату, но ему стало стыдно оставаться здѣсь, послѣ... послѣ того... словомъ, рента — только предлогъ, выставленный имъ. Скажите мнѣ теперь: была когда-нибудь ссора между вашей матерью и Донованомъ?

Интересный вопросъ пробудилъ практическую сторону въ характерѣ Рива, и Эленъ внезапно почувствовала себя неизмѣримо ниже этого ловкаго, дѣловитаго молодого человѣка. Она чуть-было не назвала его „сэръ“, отвѣчая на его вопросъ:

— Я не помню, чтобы они когда-либо были въ хорошихъ отношеніяхъ, и я часто слышала, какъ мама говорила, что съ того дня, какъ она взяла Дана въ батраки, мистеръ Донованъ не упускаетъ случая повредить ей.

Ривъ задумчиво покрутилъ усы.

— А что, развѣ Доновану самому очень хотѣлось нанять этого красавца?

Эленъ отвернула голову и приложила уголокъ передника ко рту, чтобы скрыть неудержимую улыбку, вызванную такой мыслью.

— О, мистеръ О'Греди! — начала она, искоса поглядывая на Рива, чтобы видѣть, такъ же ли его забавляетъ эта мысль, какъ и ее: — конечно, вы знаете, что самое имя Гурли ненавистно Джону Доновану съ тѣхъ поръ, какъ онъ завладѣлъ ихъ фермой. Конечно, вы знаете, что мама изъ состраданія взяла бѣднаго Дана, когда его мать отправили въ рабочій домъ, а м-ръ Донованъ чуть съ ума не сошелъ отъ злости на то, что Данъ не отправился туда вмѣстѣ съ матерью.

— Отъ злости, говорите вы, гмъ! вотъ странно! — началъ было Ривъ и снова замолчалъ.

Эленъ глядѣла въ его задумчивое лицо и вдругъ вспомнила про мать, которая роетъ картофель.

— Я думаю, что я теперь должна сойти внизъ; можетъ быть, я тамъ нужна. Дану приходится теперь каждый день ходить въ Дримнахунъ присматривать, знаете, за скотомъ, и дома нѣкому работать, кромѣ меня и матушки. О! — вскричала она, горько сообразивъ о безвыходности своего положенія: — Боже, помилуй насъ, если это м-ръ Донованъ бойкотируетъ насъ! Онъ слишкомъ силенъ для такихъ бѣдняковъ, какъ мы!

Она повернулась, чтобы поднять корзину, но на этотъ разъ Рикъ не противился соблазну и, охвативъ ее тонкую талию одной рукой, другою повернулъ ее испуганное, удивленное личико въ себѣ.

— Ну, что, страшно вамъ теперь? — прошепталъ онъ.

Элленъ отвѣтила только звукомъ, похожимъ на рыданіе.

— Я знаю, что не страшно. Вамъ нѣчего бояться, когда вы узнаете, что я полюбилъ васъ такъ, что готовъ умереть, прежде чѣмъ допустить кого-либо обидѣть васъ.

Тѣнь отъ набѣжавшей — было тучки разсѣялась и солнечный свѣтъ снова обратилъ въ золото ея волосы и отразился въ глубинѣ влажныхъ сѣрыхъ глазъ, когда она подняла ихъ наконецъ на Рива, подставляя губы своему первому возлюбленному.

ХІ.

И з г о й.

Каждый, кого обѣвалъ свѣжій вѣтерокъ въ Дримнахунѣ и кто созерцалъ съ его вершины яркое море, удивится, если ему скажутъ, что человѣкъ, знакомый нѣкогда съ этой прелестью, уживается въ душномъ помѣщеніи дрянныхъ мебелированныхъ комнатъ, въ грязномъ и бѣднѣйшемъ кварталѣ городища, расположеннаго далеко отъ морского берега.

Напротивъ того, нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что Джемсъ Магони, проживя два мѣсяца квартирантомъ задней комнаты дома въ глухомъ переулкѣ Кланмора, утратилъ послѣдніе остатки энергіи и самоуваженія.

Онъ почувствовалъ, что низко упалъ, когда нанялъ эту комнату и сталъ подневно работать, если находилась такая работа; но теперь, когда онъ, сидя на кровати, жевалъ кусокъ хлѣба, запивая его бурдой, носившей названіе чая, — его обычная теперь пища, — то онъ уже утратилъ всякое сознаніе неприглядности или унизительности своей обстановки.

Его сынъ — существо, напоминавшее собой японскую карикатуру лягушки — взобрался на раскрашенный деревянный сундукъ, съ наклеенными, полубодранными ярлыками, свидѣтельствовавшими, что онъ побывалъ въ Америкѣ. Признаки трансатлантическаго путешествія и пребыванія въ Америкѣ замѣчались въ наружности мальчика, также какъ и сундука, въ преждевременныхъ морщинахъ его желтаго лица и въ звукахъ его визгливаго голоса, когда онъ попросилъ отца о второй чашкѣ чая.

— Нѣтъ тебѣ больше чаю!—отвѣчалъ коротко Магони, отставляя свою кружку на полку, подъ которой висѣли на гвоздѣ пара панталонъ и старый сюртукъ, и подошелъ къ окну.

Ребенокъ не протестовалъ и, опрокинувъ свою собственную кружку, вылизалъ языкомъ остатки сахара, въ то время какъ отецъ, нагнувшись къ окну, вытеръ рукавомъ сюртука сравнительно не особенно заопченныя стекла и сталъ глядѣть въ переулокъ.

Въ немъ ничего не было видно, кромѣ двухъ старыхъ нищенокъ, оборванныхъ, съ глазами, налитыми кровью, передававшими другъ другу громкимъ пьянымъ лепетомъ о результатахъ дневного попрошайничества; но Джемсъ Магони не отходилъ отъ окна, опершись большими, мускулистыми руками въ подоконникъ и глядя въ наступающія сумерки.

Онъ думалъ о томъ, какъ въ вечеръ, подобный сегодняшнему, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, онъ ѣхалъ изъ Кланмора на собственной лошади въ небольшомъ кабриолетѣ, который только-что приобрѣлъ, чтобы доставить удовольствіе женѣ, хотя заплатилъ за него такъ дорого, что ему непріятно было бы сообщать ей о цѣнѣ. Онъ уже былъ въ ту пору женатъ на ней цѣлыхъ восемь мучительныхъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ пытался поочередно то строгостью, то баловствомъ поворить дѣвушку, которая вышла замужъ за человѣка на тридцать лѣтъ старше себя,—бракъ, заключенный на финансовыхъ принципахъ, руководящихъ союзами высвѣдѣнныхъ лицъ и ирландскихъ крестьянъ.

Онъ былъ трудолюбивый человѣкъ, но нетерпѣливый сангвиникъ, склонный къ теоріямъ и упрямо вѣрившій въ свои теоріи; его нехѣное управленіе фермой шло рука объ руку съ такимъ же обращеніемъ съ женой. Она была урожденная Гогарти и изъ того же сварливаго клана, какъ и вдова Леонардъ, которая приходилась ей близкой родней, и хотя манеры ея были нѣсколько мягче, чѣмъ у этой послѣдней сердитой лэди, но она была такъ же упряма, какъ и та.

Двойная бѣда медленно надвигалась на Магони, хотя онъ не вѣрилъ въ ея возможность до тѣхъ поръ, пока въ одинъ апрѣльскій вечеръ не вернулся домой съ работы, а его сынъ закричалъ ему, что мама уѣхала въ новомъ кабриолетѣ въ Кланморъ вмѣстѣ съ Томомъ Барретъ, который правилъ лошадей.

Джемсъ Магони вошелъ въ домъ съ предчувствіемъ бѣды; домъ былъ пустъ; огонь въ очагѣ догорѣлъ, а на столѣ валялся,

разверзая пасть изъ мѣдной оправы, старый кожаный кошелекъ, въ которомъ хранились его деньги.

Ему казалось въ послѣдствіи, что всего хуже былъ этотъ моментъ, хотя, быть можетъ, ожиданія, полу-надежды, глухо бродившія въ немъ, когда весна обступала его, были еще горше. Мальчишка, который привезъ изъ Кланмора, въ девять часовъ вечера кабріолетъ обратно, едва осмѣлился передать данное ему порученіе молчаливому старику, вышедшему ему на встрѣчу, при лунномъ свѣтѣ, когда онъ вѣзжалъ во дворъ. Только наслажденіе сообщить худыя новости придало ему духу пересказать, какъ Томъ Барретъ и м-съ Магони велѣли ему ѣхать домой со станціи, и что онъ видѣлъ своими глазами, какъ они сѣли на поѣздъ, который долженъ былъ отвезти ихъ къ американскому пароходу, отходившему въ Квинстоунъ, и въ заключеніе спросилъ, не дастъ ли ему м-ръ Магони шиллингъ за то, что онъ привезъ обратно кабріолетъ.

Единственнымъ отвѣтомъ Магони былъ взглядъ до того свирѣпый, что мальчишка не дождался словеснаго приказания и пошелъ за лучшее убраться во-свояси въ Кланморъ и распуścić по городу пикантную новость, какъ жена старика Джемса Магони уѣхала въ Америку съ его батракомъ, и какъ Джемсъ Магони чуть не убилъ его, когда онъ сообщилъ ему объ этомъ.

Послѣ этого на арендатора Дримнахуна посыпались всякія бѣды. Какимъ-то образомъ фактъ о покражѣ у него денегъ огласился и возбудилъ тревогу въ его многочисленныхъ кредиторахъ среди лавочниковъ Росбринна и Кланмора, а извѣстіе, что арендная плата не уплачена имъ уже за три года, только усилило ихъ страстное желаніе получить что можно, пока еще есть что взять.

Джемсъ Магони молча терпѣлъ мѣсяць или два: онъ все еще оставался прежнимъ гордымъ, сосредоточеннымъ человѣкомъ, но ожиданіе исподволь подтачивало его сердце, какъ червякъ точить дерево. Онъ не обращалъ вниманія на письма своихъ разнообразныхъ кредиторовъ, не занималъ батраковъ, ничего въ сущности не дѣлалъ, только ходилъ за своимъ ребенкомъ и за скотомъ. Наступило время платить ренту; но когда агентъ явился лично и пригрозилъ неисправному арендатору всѣми строгостями закона, — тотъ ни мало этого не утратился. Дремавшая въ немъ ярость нашла исходъ, — и агентъ уѣхалъ, осыпавъ градомъ ругательствъ и угрозъ со стороны Магони, и порѣшилъ немедленно послать отвязъ отъ аренды неисправному арендатору Дримнахуна.

Онъ могъ бы и не беспокоиться, потому что Джемсъ Ма-

го ни продалъ на другой день весь свой скотъ на большой майской ярмаркѣ въ Кланморѣ, а два дня спустя онъ и его сынъ оставили Дримнахунъ на разсвѣтѣ и отправились въ Америку, гдѣ ирландецъ обыкновенно ищетъ или богатства, или самозабвенія.

Онъ никому не сказалъ о своемъ намѣреніи и предоставилъ своимъ кредиторамъ и лэндлорду разбираться между собой какъ знаютъ. Быть можетъ, единственной его цѣлью было укрыться отъ стыда, который тяготѣлъ надъ нимъ; быть можетъ, въ его придавленномъ мозгу смутно копошилась мысль, что въ странѣ чудесъ ему можетъ представиться какой-нибудь случай отомстить за себя.

Но каковы бы ни были его мотивы, несомнѣнно, что онъ не нашелъ то, чего искалъ. Онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы наполнить пробѣлы въ своей жизни новымъ интересомъ или предпріятіемъ, и въ гвалтѣ и давеѣ громаднаго города, гдѣ онъ очутился, онъ больше думалъ о зеленыхъ поляхъ и мирной жизни, которую оставилъ, чѣмъ объ удовольствіяхъ будущей мести. Ребенокъ изнывалъ отъ зноя нью-іоркскаго лѣта, и самъ отецъ сталъ сознавать, что слишкомъ старъ и ему не подъ силу бороться съ судьбой.

У него еще оставалось денегъ достаточно, чтобы вернуться домой, и послѣ одного или двухъ жгучихъ воскресныхъ дней, проведенныхъ въ прогулкахъ по набережной съ маленькимъ Томомъ и въ наблюденіяхъ за отплытіемъ большого трансатлантическаго парохода, онъ не могъ совладать съ тоской по родинѣ и сѣлъ на корабль, который отвезъ его обратно въ Ирландію.

Онъ исчезъ изъ Кланмора какъ привидѣніе, и какъ привидѣніе же вернулся въ него.

Его кредиторы подѣлили между собой деньги, вырученныя за продажу его аренднаго права, и скотина ближайшаго сосѣда паслась на его прежнемъ лугу. Страстная любовь къ своему углу превратилась въ гордое, мрачное отчужденіе отъ прежнихъ знакомыхъ и въ ревнивую ненависть къ тѣмъ, кто благоденствовалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу. Онъ потратилъ все, что имѣлъ, на обратный путь въ Кланморъ и вынужденъ былъ въ немъ оставаться... падая все ниже и ниже и превращаясь въ окончателъную развалину.

Ноябрьскій вечеръ становился все мрачнѣе и угрюмѣе, и люди въ домѣ, напротивъ, зажгли уже огонь у себя. Магони отвернулся отъ окна съ глухимъ провлятіемъ и сталъ искать спичекъ на полѣ. Когда онъ зажегъ одну и поднесъ ее къ фитилю лампы, послышался громкій стукъ въ дверь, и прежде чѣмъ

послѣдовало позволеніе войти, дверь широко распахнулась, чтобы пропустить внушительную фигуру м-ра Джона Донована.

ХІІ.

Мефистофель.

— Ну, что, Джемсъ, какъ поживаешь? — началъ м-ръ Донованъ своимъ напыщеннымъ, ровнымъ голосомъ: — довольно-таки позднеенько, но у меня было дѣльце на томъ концѣ города.

— Здравствуйте, — отвѣчалъ Магони съ угрюмой апатіей, которая не вязалась, однако, съ оживленіемъ его впалыхъ глазъ и дерганіемъ мускуловъ на лицѣ. Онъ повѣсилъ лампу на гвоздь и обратился къ ребенку, который, сидя на сундуѣ, тарачилъ глаза на посѣтителя съ нескрываемымъ любопытствомъ.

— Ступай играть на улицу! — сказалъ отецъ громкимъ, бранчивымъ голосомъ, которымъ люди его класса говорятъ съ дѣтьми и животными. — Ну, убирайся! — прикрикнулъ онъ, когда ребенокъ замѣшкался въ двери.

Магони заперъ за нимъ дверь и усѣлся на прежнее мѣсто на кровати; Донованъ же, обозрѣвъ горницу, предпочелъ усѣсться на сундукъ, между окнами.

— Да, дѣла у меня по горло, — началъ онъ: — кажется, еще никогда не былъ такъ заваленъ дѣломъ, какъ теперь; даже вздохнуть некогда.

— И вы это пришли мнѣ сказать? — замѣтилъ угрюмо Магони. — Ну, а вотъ я по вашей милости полъ-дня потерялъ даромъ, дожидаясь васъ.

Донованъ изумленно выпучилъ глаза на Магони не столько отъ гнѣва, сколько отъ удивленія.

— „Старикъ-то, кажется, выпилъ“, — сказалъ онъ самому себѣ. — „Ну, не бѣда, не бѣда!“ — Что-жъ, Джемсъ, — началъ онъ громко, — я сожалѣю, что позамѣшкался, но сперва дѣло, а затѣмъ удовольствіе. Ха! ха!

Онъ привѣтливо улыбнулся и вытащилъ толстый портфель, а изъ него, послѣ нѣкотораго раздумья, вынулъ однофунтовую ассигнацію.

— Я хотѣлъ доставить тебѣ это, — сказалъ онъ, медленно разглаживая смятую бумажку на колѣнѣхъ. — Ты говорилъ въ прошлый разъ, какъ я былъ здѣсь, что желаешь получить нѣкоторый авансъ; вотъ возьми, а съ уплатой не торопись; уплатишь, когда я достану тебѣ мѣсто, о которомъ мы говорили.

Магони протянулъ руку за бумажкой и, ни слова не говоря, положилъ ее въ карманъ.

— Я не видаю тебя съ ярмарки, — продолжалъ Донованъ. — Славная была ярмарка, помнишь, и телки стояли въ большой цѣнѣ, кромѣ нѣкоторыхъ: онѣ не нашли покупателей.

Старикъ внезапно раскрылъ громадная челюсти и засмѣялся.

— Ты славно распорядился тогда; ты ловкій малый, Джонъ Донованъ.

— Цѣлыхъ девять прекраснѣйшихъ телокъ вдовы Леонардъ угнаны были обратно домой, — продолжалъ Донованъ, какъ бы игнорируя замѣчаніе Магони. — Нѣтъ лучшихъ кормовъ во всей округѣ, какъ въ Дримнахунѣ, и по телкамъ это было видно.

Его темные хитрые глазки покоились на лицѣ Магони.

— Но кто же можетъ это знать лучше тебя, Джемсъ, и вотъ причина, почему я говорилъ въ прошлый разъ, какъ тебя видѣлъ, что какъ только эта ферма попадетъ въ мои руки, я обращу ее въ скотный дворъ и тебя поставлю управляющимъ.

— А какъ выжить оттуда Маргариту Леонардъ? — спросилъ Магони презрительно. — Еслибы самъ адъ раскрылся подъ ее ногами, она бы не ушла оттуда!

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Донованъ съ непередаваемымъ выраженіемъ терпѣливаго превосходства. — Но если адъ не поможетъ, то поможетъ агентъ, когда онъ явится за рентой, а ей нечѣмъ будетъ уплатить ее. Я знаю, что она рассчитывала на продажу телокъ, чтобы выручить деньги для уплаты ренты, и повѣрь мнѣ, что Боркъ не станетъ съ нею церемониться. Ему уже и такъ много убытковъ съ Дримнахуномъ въ нынѣшнемъ году.

Старикъ всталъ, прошелся раза два по горницѣ, точно затѣмъ, чтобы расправить ноги. Послѣ того отворилъ дверь и заглянулъ въ корридоръ, и снова растворивъ дверь, подошелъ и остановился передъ Донованомъ съ горящими впальми глазами и сжимающимися кулаками.

— Убытковъ! — повторилъ онъ: — кто потерпѣлъ столько убытковъ, какъ я? Какой чортъ несъ его подѣзжать къ моимъ дверямъ и отдавать мнѣ свои приказанія! Анаема! будь у меня въ тотъ день ружье въ рукахъ, онъ бы гнилъ теперь въ могилѣ!

— И никто, конечно, не осудитъ тебя за такія чувства, — съ симпатіей отвѣчалъ Донованъ. — Тяжело видѣть, какъ бѣднаго человѣка выгоняютъ изъ его дома изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ фунтовъ, и будь увѣренъ, Джемсъ, что я не буду приставать къ тебѣ съ уплатой той бездѣлицы, которую ты остался мнѣ долженъ, когда оставилъ Дримнахунъ.

— Ты, однако, взыскалъ половину долга,— проворчалъ Магони.

— Конечно, конечно. Не спору. Но предположимъ, Джемсъ, что я возьму эту ферму и поставлю тебя въ ней управителемъ, а называться ты будешь арендаторомъ,— развѣ это не лучше будетъ для тебя, чѣмъ то, какъ ты теперь есть? Ты бы имѣлъ долю въ барышахъ; а что касается той бездѣлицы, которую ты остался долженъ кое-кому въ Росбринѣ, то вѣдь еслибы ты вновь водворился на фермѣ, то они зажгли бы костры на радостяхъ и уступили бы тебѣ половину денегъ! Ей-Богу, такъ!

М-ръ Донованъ остановился и перевелъ духъ, утомленный необычнымъ для себя краснорѣчіемъ.

Мрачный, блуждающій взглядъ Магони подозрительно устремился на него; брови его сдвинулись, а нижняя губа отвисла отъ усилія сообразить, какой цѣной долженъ онъ будетъ заплатить за такія выгодныя для себя условія; а что онъ долженъ будетъ заплатить, и не дешево,—въ этомъ онъ ни минуты не сомнѣвался.

— Легко вамъ говорить, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ тщетныхъ усилій разгадать, въ чемъ заговдка:—вы, кажется, воображаете, что вамъ стоитъ только попросить вдову Леонардъ уступить вамъ ферму, и она такъ сейчасъ и согласится.

Донованъ тотчасъ же увидалъ, что рыба клюетъ, и рѣшилъ не терять больше времени.

— Если тебѣ по сердцу мое предложеніе и если ты будешь стоять за меня такъ крѣпко, какъ я за тебя, то надѣюсь, что мы доживемъ до дня, когда вдова Леонардъ оставитъ ферму безъ всякихъ просьбъ, а по собственной охотѣ.

Магони глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Я буду стоять за тебя!—сказалъ онъ взволнованно:—ты это знаешь! Я буду стоять за чорта, еслибы только онъ взялся выжить Маргариту Гогарти съ моей земли!

Одного упоминовенія имени, которое нѣкогда носила его жена, было достаточно, чтобы довести его до крайнихъ предѣловъ ярости.

— Чортъ бы ее побралъ! Говори, мой милый, чего тебѣ отъ меня нужно? хочешь, чтобы еще другія телки были зарѣзаны?

— Держи языкъ за зубами!—сердито проговорилъ Донованъ.—Что ты хочешь, чтобы сосѣди тебя услышали? Я никогда не приказывалъ тебѣ рѣзать телокъ вдовы, прошу это помнить.

— А я на Библии присягну, что не сдѣлалъ бы этого, еслибы не ты!—отвѣчалъ Магони, понижая голосъ до свирѣпаго шопота:—И много толку вышло изъ этого, нечего сказать.

— А долкъ тотъ вышелъ,—сказалъ Донованъ,—что теперь

нѣтъ ни одного человѣка въ домѣ Маргариты Леонардъ, который бы не боялся за свою жизнь. Я знаю это. Я знаю, что онѣ постели свои переставили на другое мѣсто, изъ боязни, чтобы ихъ не подстрѣлили ночью!

Онъ хлопнулъ ладонью по колѣнѣ.

— Но я хотѣлъ сказать, что вдова, пожалуй, попытается откормить телокъ и послать ихъ въ Коркъ или въ Ливерпуль. Она—упрямая женщина, а въ Англіи цѣны на скотъ хороши. Да и кормы у нея хороши... лучшіе въ околотеѣ. Лучше нѣтъ сѣна, какъ въ Дримнахунѣ.

Донованъ глянулъ въ злобное, выжидающее лицо старика.

— Чудное сѣно, Джемсъ, и хватить ей на всю зиму, если только...—Онъ помолчалъ съ секунду, уставившись какъ будто разсѣянно въ потолокъ:—... если только не случится чего-нибудь особеннаго.

Магони нагнулся къ нему, безобразно ухмыляясь. Потомъ выпрямился, захохоталъ и хлопнулъ въ ладоши.

— Хорошо! хорошо!—проговорилъ онъ, переступая съ ноги на ногу и потирая руки.—Довольно объ этомъ!

Донованъ всталъ и застегнулъ пальто.

— Прощай, Джемсъ!—сказалъ онъ своимъ безразличнымъ голосомъ.—Миѣ пора, а уже темно и холодно. А тебѣ встать сходить къ Муллинсу и пропустить рюмочку.

Тѣмъ временемъ совсѣмъ уже стемнѣло, и Магони выставилъ лампу за дверь, чтобы освѣтить для посѣтителя грязную, полуразрушенную лѣстницу.

Онъ простоялъ такъ, пока Донованъ осторожно спускался внизъ, а затѣмъ снова поставилъ лампу на полку и, положивъ въ карманъ коробочку со спичками, послѣдовалъ за Донованомъ въ переулочекъ.

ХІІІ.

Сердечное горе.

Домигъ, который Ривъ нанялъ для себя въ Росбринѣ, имѣлъ три качества, которыя сразу поставили его на вершину респектабельности. У него было два этажа, входная дверь была всегда на запорѣ, а нижнее окно снабжено проволоочной ставней. Послѣднее вначалѣ сочтено было обществомъ почти за обидную предосторожность въ молодомъ человѣкѣ, котораго оно помнило безпутнымъ юношей.

Но вмѣстѣ съ удачей явилось и почтеніе въ тому, что считалось эксцентричностью генія, и проволочная ставня превратилась въ ихъ глазахъ въ эмблему дѣловитости и скрытыхъ богатствъ, такъ какъ будто бы на ней стояли четыре золотыхъ буквы: „Bank“.

За ней скрывалась мрачная, но комфортабельная комната, вмѣщавшая въ себѣ, кромѣ большого стола, большую конторку и большое кресло, а въ немъ въ то утро, которое м-ръ Донованъ избралъ для поѣздки въ Кланморъ, сидѣлъ Рикъ О'Греди. Остатки одинокаго обѣда все еще стояли на столѣ въ неприглядномъ безпорядкѣ, а тарелка, съ которой желтый пѣсъ лизалъ остатки ховайскаго кушанья, стояла на полу вмѣстѣ со шкуркой картофеля, которую собака презрительно отвергла, какъ недостойную ея деликатнаго аппетита.

Рикъ держалъ во рту трубку, а въ рукѣ записную книжку, съ раскрытой страницей, покрытой цифрами, выведенными крупнымъ почеркомъ. Цифры эти касались рыбы, боченковъ съ рыбой и заказовъ, и можно было бы подумать, что это объясняетъ тревожно наморщенный лобъ, съ какимъ владѣлецъ впиралъ въ нихъ свой взоръ.

Онъ просидѣлъ такъ нѣкоторое время, грызя мундштукъ трубки, давно уже потухшей отъ недостатка вниманія. Но затруднительный вопросъ, который Рикъ пытался рѣшить, все еще оставался неразрѣшеннымъ. Рыба и сдѣлки съ нею не имѣли въ немъ мѣста. Короче говоря, задача, занимавшая умъ Рика, состояла въ томъ, чтобы рѣшить, какимъ наилучшимъ способомъ убѣдить околотоу, что Джонъ Донованъ—лгуны и предатель.

Самъ онъ былъ въ этомъ увѣренъ; онъ зналъ, что личное мнѣніе этого лукаваго человѣка вызвало бойкотированіе вдовы Леонардъ; но въ настоящемъ случаѣ, когда большинство членовъ лиги были должниками ея предсѣдателя и личный интересъ заставлялъ ихъ думать, что онъ дѣйствуетъ изъ убѣжденія, простой доносъ безъ доказательствъ былъ бы хуже чѣмъ бесполезенъ. Онъ не могъ привести доказательствъ, не могъ указать на мотивы; кто повѣритъ ему, что вся эта обширная и хлопотливая затѣя пущена въ ходъ Донованомъ изъ личной антипатіи къ Дану Гурли? А между тѣмъ какой другой мотивъ могъ у него быть? Вотъ пунеть, сбивавшій Рика съ толку и мѣшавшій ему привести въ исполненіе всѣ дальнѣйшіе планы.

Сами по себѣ они были очень просты. Онъ хотѣлъ жениться на Эленъ Леонардъ съ согласія ея матери или безъ него; то была единственная свѣтлая звѣзда, сіявшая ему изъ мрака общей

неизвѣстности. Но, будучи осторожнымъ и практическимъ молодымъ человекомъ, онъ предпочиталъ прежде всего дѣйствовать такъ, чтобы не только люди, но и его страшнѣйшій противникъ, будущая теща, не могли обвинить его въ недобросовѣстности.

Среди этихъ размышленій онъ былъ прерванъ стукомъ въ наружную дверь—дерзость, вызвавшая немедленный и яростный лай Коллина, желтаго терьера.

Рикъ самъ отворилъ дверь, заставивъ лояльнѣе тычкомъ въ бокъ замолчать собаку, и Микъ, мальчикъ изъ гостинницы на верху горы, подаль ему письмо. Рикъ вернулся къ себѣ въ гостиную и вскрылъ синій, торговый конвертъ съ неприятнымъ чувствомъ. Онъ прочиталъ слѣдующія слова, написанныя лиловыми чернилами на тонкой, блестящей бумагѣ:

„Любезный м-ръ О’Греди!

„Еслибы вы пожаловали въ гостинницу въ эту минуту, я была бы рада поговорить съ вами.

Э. Донованъ“.

Онъ постоялъ съ минуту, нетерпѣливо теребя письмо въ пальцахъ.

„Что ей еще отъ меня нужно?“—говорилъ онъ самому себѣ.

Затѣмъ бросилъ письмо въ огонь и, взявъ шляпу и тросточку, вышелъ вонъ изъ дому.

День былъ сырой и мрачный, и юго-западный вѣтеръ нагонялъ темныя тучи съ моря.

„Вѣтеръ долженъ пригнать барки,—подумалъ Рикъ:—я скажу ей, что мнѣ нужно сходить на пристань, прежде чѣмъ стемнѣетъ“.

И съ этой утѣшительной мыслью, что у него есть въ запасѣ предлогъ удрать, онъ постучался въ частную дверь гостинницы и былъ проведенъ сквозъ извилистые корридоры въ приемную Гарриэты.

Они не встрѣчались съ того воскресенья, какъ онъ отвезъ ее домой въ своей лодкѣ, и Рикъ съ немалой тревогой помышлялъ теперь о томъ, что роль, принятая имъ въ ту пору на себя, поставитъ его теперь въ очень затруднительное положеніе. Но уже въ тотъ моментъ, какъ онъ пожалъ ей руку, онъ почувствовалъ, что атмосфера заражена электричествомъ и что въ три дня разлуки барометръ упалъ съ „ясно“ на „бурно“.

Онъ не могъ бы, однако, сказать, отчего это чувствуется. Въ манерѣ Гарриэты, когда она попросила его садиться и извинилась за причиняемое ему безпокойство, была почти ангельская кротость. Рикъ, конечно, отвѣчалъ, что это для него не безпо-

койство, а удовольствіе, и внутренно пожалѣлъ, что былъ дома, когда пришла записка отъ м-съ Донованъ.

— Я бы не беспокоила васъ,—продолжала Гарріета, когда они усѣлись у камина:—но такъ какъ м-ръ Донованъ уѣхалъ въ Кланморъ, то я воспользовалась случаемъ, чтобы приватно побесѣдовать съ вами.

— Ну что-жь, и прекрасно!—отвѣтилъ Рикъ съ нервнымъ смѣхомъ.

— Мнѣ говорили,—продолжала Гарріета, не улыбаясь,—что вы навлекаете на себя большую опасность своимъ образомъ дѣйствій.

И она уставилась черными глазами прямо въ лицо Рика.

Онъ опять засмѣялся и сказалъ, безпечно вертя шляпой:

— Вотъ новости. Кто это говорить?

Гарріета замѣтила, однако, что ея слова произвели впечатлѣніе, но впала въ ошибку, которой избѣжала бы женщина болѣе высокаго положенія въ обществѣ: она вообразила, что онъ испугался за свою личную безопасность.

— Не все ли равно, кто мнѣ это говорилъ. Во всякомъ случаѣ не одинъ, а нѣсколько человѣкъ.

— Что-жь, вы можете, я полагаю, сказать мнѣ, что они говорили? Смѣшно объявлять человѣку, что ему грозитъ опасность, но не сказать, за что именно.

— Я думаю, что вы сами это знаете, да и земельная лига это знаетъ и, можетъ быть, лучше расскажетъ вамъ, въ чемъ дѣло, чѣмъ я.

Рикъ видѣлъ, какъ грудь ея высоко вздымалась и опускалась.

— Послушайте, Гарріета,—сказалъ онъ, смѣясь:—я и не подозрѣвалъ, что вы такой горячій приверженецъ лиги. Я теперь думаю, что вы скоро бойкотируете и меня, и что я тогда буду дѣлать!

— Я думаю, что вамъ будетъ отлично до тѣхъ поръ, пока вамъ можно будетъ ходить къ вдовѣ Леонардъ и дѣлать черную работу за нее,—прорвалось у Гарріеты связъ ея притворное спокойствіе.

— И вы отъ мужа слышали эту исторію?—спросилъ Рикъ, все еще сдерживаясь, но чувствуя себя отчаяннымъ и на все готовымъ.

— Я больше знаю о васъ, чѣмъ мой мужъ,—отвѣчала она, засверкавъ глазами.—Онъ знаетъ довольно, но, можетъ быть, вамъ и неприятно было бы, еслибы я еще кое-что поразсказала ему про васъ.

Рикъ вскочилъ съ мѣста.

— Послушайте, Гарриэта, — грубо проговорилъ онъ: — я больше не намѣренъ выносить этихъ глупостей; то, какъ я веду себя, — мое дѣло, а не ваше и не Донована; но, ради Бога, если у васъ есть что дѣльное сказать мнѣ, то говорите!

Гарриэта сидѣла выпрямившись на стулѣ, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и сложенными на колѣняхъ руками.

— Я очень вамъ благодарна за то, что вы назвали меня глупой; но, можетъ быть, придетъ день, когда вы и пожалѣете, что не послушались совѣта глупой женщины и продолжали водиться съ бойкотированными людьми.

— Прекрасно; если они и бойкотированы, то вѣдь только вашъ мужъ знаетъ, за что, а земельная лига этого не знаетъ.

Гарриэта смолкла отъ удавленія и испуга. Какъ ни любилъ Донованъ жену, однако не считалъ женщинъ пригодными повѣренными въ политическихъ дѣлахъ; но природная смѣтливость Гарриэты заставила ее догадаться о планахъ мужа насчетъ Дримнахуна, и она трепетала, какъ бы и Рикъ не добрался до истины.

— Вѣдь всему Росбрину извѣстно, что Джемсъ Магони убѣжалъ съ фермы и бросилъ ее, — продолжалъ Рикъ: — я не вижу причины, почему бы никто другой не могъ ее взять.

— О, въ самомъ дѣлѣ! — ослабилась Гарриэта, собираясь нанести окончательный ударъ: — вы сильно перемѣнили тонъ съ тѣхъ поръ, какъ проводили у насъ вечера, говоря Джону, что „земельные недоброхоты — проклятіе Ирландіи“. Но это было прежде чѣмъ вы нанялись въ батраки въ Скарифъ, чтобы копать тамъ свеклу! Ха, ха, ха! Я знаю все, какъ видите.

И она разразилась истерическимъ хохотомъ.

Итакъ, она шпіонила за нимъ! Рикъ въ свою очередь былъ озадаченъ. Онъ глядѣлъ на блѣдное, злое лицо и дивился съ нѣкоторымъ ужасомъ: неужели эта вѣроломная, злобная женщина — та самая дѣвушка, которую онъ нѣкогда любилъ?

— Ну, Гарриэта, — горько произнесъ онъ: — вы когда-то дурно поступили со мной, но я никогда не ожидалъ, что вы будете меня такъ преслѣдовать.

Въ комнатѣ не было огня, кромѣ трепетнаго мерцанія горящихъ угольевъ въ каминѣ, и онъ сначала не разглядѣлъ, что она закрыла лицо руками, когда онъ это говорилъ.

— Я съ вами теперь прощусь, — продолжалъ онъ, отворачиваясь отъ нея, какъ вдругъ неожиданный звукъ, похожій на рыданіе, остановилъ его въ нѣмомъ удивленіи.

Черезъ секунду рыданія стали такъ часты, что слова, которыя она пыталась произнести, перехватывало у нея въ горлѣ.

— О! Ривъ!—пролепетала она, наконецъ:—не... не уходите!

Онъ противъ воли подошелъ къ ней.

— Что вамъ нужно отъ меня?—невольно мягче проговорилъ онъ:—что съ вами такое дѣлается, Гарриэта?

— Я вовсе не хотѣла преслѣдовать васъ,—произнесла она сквозь слезы:—я только хотѣла предупредить васъ, что есть люди, которые васъ хотятъ убить.

Голова ея опустилась на руки, которыми она оперлась въ кофѣи, и онъ слышалъ, какъ она бормотала:

— О! что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?

Ривъ былъ не каменный человѣкъ; онъ нагнулся къ ней, чувствуя себя тронутымъ и польщеннымъ, и, положивъ ей руку на плечо, очень мягко проговорилъ:

— Послушайте, не плачьте, Гарриэта! со мной ничего дурного не случится.

Ручка двери повернулась, и Ривъ сильно вздрогнулъ, когда въ дверь просунулась голова м-ра Донована.

— Ты здѣсь, Гарриэта? — спросилъ онъ взволнованнымъ шопотомъ.

Гарриэта выпрямилась.

— Да, я здѣсь,—отвѣчала она съ удивительнымъ самообладаніемъ.

— Ну, такъ вотъ что,—продолжалъ Донованъ, очевидно, не замѣчая Рива, который стоялъ въ тѣни за стуломъ Гарриэты:—я хочу, чтобы ты поскорѣе собрала поужинать старика Джемсу Магони. Да не говори никому, что онъ здѣсь, будь умница. Я подвезу его въ городу и спустилъ съ телѣжки. Онъ сейчасъ придетъ сюда.

— Хорошо,—отвѣчала Гарриэта.

И на этотъ разъ все ея самообладаніе не могло сдержать легкой, подозрительной дрожи въ голосѣ.

Но Донованъ ничего не замѣтилъ.

— Поторопись же! — повторилъ онъ.—Мнѣ надо идти въ кладовую.

Онъ затворилъ дверь, и они услышали, какъ онъ прошелъ въ лавку.

Ривъ выступилъ впередъ съ неизбѣжнымъ виноватымъ видомъ человѣка, чувствующаго себя въ фальшивомъ положеніи.

Гарриэта схватила его за руку и толкнула къ двери.

— Онъ убилъ бы меня, еслибы подозрѣвалъ, что вы здѣсь,—

пешнула она:—не говорите ни слова, и я выпущу васъ прежде, нежели онъ вернется изъ лавки.

Она тихонько раскрыла дверь и проскользнула въ корридоръ.

Онъ послѣдовалъ за нею по тѣмъ же извилистымъ переходамъ, черезъ которые пришелъ, но только теперь въ нихъ было темно, какъ въ погребѣ. И въ то время, какъ онъ шелъ за Гарриэтой, онъ слышалъ ея прерывистое дыханіе, выдававшее ея волненіе. Слабый свѣтъ проникалъ сквозь щель въ двери, мимо которой имъ пришлось пройти, и онъ увидѣлъ на мгновеніе ея лицо, блѣдное какъ полотно.

— Ради Бога, будьте осторожны,—проговорила она, прежде чѣмъ выпустить его на улицу,—и не сердитесь на меня. Я сама не помнила, что говорила; простите меня.

Рикъ не простилъ ее, но неожиданное чувство жалости и воспоминаніе о прошломъ вдругъ проснулись въ немъ. Онъ сознавалъ свою силу и почти стыдился ея, и съ мужской вѣрой въ могущество ласки, болѣе властной, чѣмъ всѣ добрыя слова, нагнулся и торопливо поцѣловалъ ее въ щеку.

Онъ поспѣшно спустился съ горы къ своему дому, ощущая неловкость отъ развязки свиданія и стараясь какъ можно глубже вникнуть въ то, что было раньше.

Онъ бы меньше дивился, еслибы зналъ, что часъ тому назадъ Данъ Гурли, идя изъ почтовой конторы, куда носилъ письмо своей хозяйки, былъ перехваченъ на пути Микомъ съ приглашеніемъ отъ м-съ Донованъ пожаловать къ ней, послѣ чего имѣлъ съ ней тихую и продолжительную бесѣду за прилавкомъ трактира, запивая щедрой порціей портера, которымъ его угостила хозяйка.

XIV.

Прыжокъ въ воду.

Когда росбринскія барки вернулись въ этотъ вечеръ домой, спѣша выгрузить рыбу прежде, нежели вѣтеръ покрѣпчаетъ, онѣ привезли съ собой болѣе значительный грузъ макрели, чѣмъ за весь мѣсяцъ. Уже давно стемнѣло, когда послѣдняя корзина съ сверкающей чешуей рыбы была выгружена на берегъ и небольшая кучка мужчинъ и женщинъ, дожидавшихся на пристани, прежде чѣмъ приступить къ важной операціи чистки и соленія, рѣшили, что лягутъ спать не раньше четырехъ часовъ утра, когда рыба, очищенная и высоленная, будетъ отправлена на ранній поѣздъ въ Кланморъ.

Въ десять часовъ вечера работа была въ полномъ ходу. По срединѣ пристани стоялъ рядъ столовъ и на каждомъ столѣ керосиновая лампа; при этомъ рембрантовскомъ освѣщеніи женщины распластывали безчисленную макрель и наполняли ее грубой сѣрой солью, прежде чѣмъ передать мужчинамъ, укладывавшимъ ее въ бочки. Лампы фантастически озаряли двойной рядъ оживленныхъ лицъ, проворно двигающіяся руки женщинъ, окровавленные по самый локоть, и столы, на которыхъ лежали холодныя серебристыя груды рыбы. Мракъ ночи казался непроницаемымъ вѣ этого оазиса свѣта и движенія; нѣжный молодой мѣсяцъ, только что показавшійся изъ-за деревьевъ Трегартскаго лѣса, когда Рикъ вышелъ изъ гостиницы, давно уже скрылся, и только нѣкоторыя звѣзды, не закрытыя облаками, сверкали между мачтами рыболовныхъ судовъ, стоявшихъ посреди гавани.

Работа была слишкомъ напряженная и спѣшная, чтобы занятые ею люди пускались въ болтовню; но обычные звѣвки собирались уже на пристани, приготавлиаясь калякать и курить до утра, если потребуется. Всѣхъ веселѣе и рѣчистѣе оказывался между ними м-ръ Джонъ Донованъ, который, въ противность своимъ привычкамъ, снизошелъ оставить свою гостиницу и придти взглянуть, какого рода дѣломъ занять его пріятель Рикъ О'Греди. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ онъ свое присутствіе Рикъ, ласково толкуя съ нимъ о выгодахъ, которыя сулилъ хорошій уловъ рыбы. Рикъ находилъ такое вниманіе немного несноснымъ. Оно смущало его въ особенности послѣ того, что Гарриета сообщила ему объ отношеніи къ нему мѣстной аграрной лиги, и вмѣсто того, чтобы откликаться на любезности ея президента, онъ ломалъ голову надъ тѣмъ, что бы онѣ означали. Онъ сердился и стыдился, что нѣсколько часовъ тому назадъ какъ воръ прокрался изъ дома этого человѣка. До сихъ поръ онъ ничего еще не сдѣлалъ такого, чего бы въ сущности слѣдовало стыдиться, и даже эта послѣдняя глупость была лишь послѣдствіемъ простой неосторожности. Онъ мысленно ворчалъ на Гарриету и на „ея невѣжное поведеніе“, какъ онъ его называлъ про себя, въ то время какъ стоялъ, надвинувъ фуражку на глаза, и крутилъ усы, между тѣмъ какъ Донованъ помѣщался за его спиной, повидимому, не замѣчая его озабоченности или приписывая ее непрестанному вниманію, какого требовали работники и ихъ работа.

— Они молодецки работаютъ, м-ръ О'Греди, — замѣтилъ одинъ рыбагъ, подходя къ нему: — но какъ бы дождь не помѣшалъ!

— Боже упаси, Динни! плохая штука будетъ для меня, если дождикъ не повременить еще часика два.

И Рикъ повернулся спиной къ ряду блестящихъ лампъ и уставился въ мрачное небо.

— Гляньте-ка, какой странный свѣтъ вонъ тамъ, за лѣсомъ! — вдругъ вскричалъ онъ: — можно было бы подумать, что мѣсяцъ только — что всходить, еслибы не знать, что онъ сѣлъ съ часъ тому назадъ.

Мужчины, стоявшіе около него, также повернулись и уставились на слабый свѣтъ, видѣвшійся на небѣ надъ Трегартскимъ лѣсомъ.

— Мѣсяцъ! — сказала Динни Маккарти: — Нѣтъ, это не мѣсяцъ. Это скорѣе зарево.

И въ то время, какъ онъ это говорилъ, красный языкъ вынулся изъ-за лѣса.

— Святые угодники! — воскликнулъ онъ: — да это и впрямь лѣсъ горитъ!

Въ одинъ мигъ всѣ присутствующіе на пристани подняли глаза къ небу, и хоръ взволнованныхъ голосовъ подтвердилъ его слова.

— Лѣсъ горитъ, спору нѣтъ! — вставилъ свое слово и Донованъ: — и пусть себѣ!

— Давайте лодку! — закричалъ другой: — мы увидимъ, въ чемъ дѣло, если обогнемъ мысъ.

Пока онъ говорилъ это, другой, богатырскаго роста, бросился изъ толпы къ тому мѣсту, гдѣ стояли лодки.

— Торопитесь! — закричалъ онъ: — вѣтеръ дуетъ съ запада, и, можетъ быть, мы поспѣемъ въ-время, чтобы не дать пожару распространиться.

— На кой чортъ хлопотать объ этомъ, дуракъ ты этакій! — завопилъ Донованъ. — Что ты думаешь залить пожаръ изъ своей шляпы? Да и какое тебѣ дѣло, если весь лѣсъ сгоритъ до послѣдней хворостинки, да хоть бы и его владѣлецъ въ придачу? Если онъ не хочетъ жить въ деревнѣ и смотрѣть за своимъ добромъ, — ну, и чортъ съ нимъ, пусть идетъ по міру!

Два или три сикофанта одобрительно засмѣялись при этихъ словахъ Донована, но великанъ дровосѣкъ, Томъ Керни, вскочилъ въ лодку и оттолкнулся отъ берега.

— Вотъ еще! Что мнѣ за дѣло, гдѣ онъ живетъ, пока онъ мнѣ платитъ жалованье! Торопитесь, ребята!

Человѣкъ шесть пустились вслѣдъ за нимъ. Заразительное волненіе сообщилось остальнымъ, и, самъ не зная какъ, Рикъ очутился у руля большой лодки, приспособленной къ ловлѣ омаровъ, и провель ее сквозь массу лодочекъ, скученныхъ у пристани.

Большая лодка грузно сидѣла въ водѣ отъ набившагося въ нее народа, но шестеро сильныхъ гребцовъ вывели ее на просторъ и такъ налегли на весла, что она скоро нагнала лодку Керни. Рикъ былъ слишкомъ занятъ въ первую минуту, чтобы разглядѣть, кто съ нимъ сидитъ въ лодкѣ, и былъ удивленъ, послѣ громкихъ протестовъ Donovan на пристани, слышавъ его голосъ.

— Торопитесь, ребята, если не хотите, чтобы Томъ Керни обогналъ васъ!—говорилъ онъ, и хотя Рикъ не могъ видѣть въ потьмахъ его лица, но ему показалось, что въ голосѣ у него звучитъ иронія.—Жаль будетъ, если Томъ Керни обгонитъ насъ и успѣетъ одинъ потушить огонь, такъ что пожара-то мы и не увидимъ.

Что пожаръ былъ не шуточный — это было уже очевидно. Зарево съ каждой минутой все разрасталось, и когда они обогнули второй мысъ, то увидѣли красный отблескъ пламени на черныхъ водахъ залива.

— Горить, должно быть, на задней сторонѣ лѣса, около Скарифа, — проговорилъ Рикъ, стараясь подавить тревогу въ голосѣ.

— Ну, съ этимъ вѣтромъ огонь не перебросится за рѣку, — замѣтилъ Маккарти.

Они обогнули третій мысъ, гдѣ деревья на высокомъ горбылѣ холма вырѣзывались темными силуэтами на красномъ фонѣ неба. Въ передней лодкѣ слышались восклицанія, и гребцы въ обѣихъ лодкахъ остановились.

— Да это совсѣмъ не лѣсъ горитъ!—кричалъ Томъ Керни, — а домъ вдовы Леонардъ!

Отъ этихъ словъ Рикъ въ первую минуту остолебенѣлъ, но вслѣдъ за тѣмъ точно обезумѣлъ.

— Гребите же!—завопилъ онъ, вскакивая на ноги.—Чего же вы стали, дураки вы такіе!

Лодка обогнула мысъ, и хотя пожара нельзя было отчетливо разглядѣть сквозь деревья, которыми поросли берега рѣчки Коури, но Рикъ казался, что онъ усматриваетъ черный столбъ дыма, изъ котораго сыплются искры и вырываются языки пламени.

Donovanъ разразился фальшивымъ смѣхомъ.

— Вотъ новости! мы будемъ убиваться изъ-за того, что у вдовы Леонардъ изъ трубы выкинуло! Ха, ха, ха! Гораздо будетъ лучше, ребята, если мы вернемся назадъ да пропустимъ во рюмочкѣ. Я угощаю!

Нельзя было опибиться въ значеніи этого грубаго равно-

душія. Рикъ накинулся на Донована, уже не взвѣшивая своихъ словъ.

— Ты лжешь!—бѣшено проговорилъ онъ.—Ты самъ знаешь, что трубы никакой нѣтъ! Мало того, что ты ихъ разорилъ, собака,—тебѣ хочется еще, чтобы онѣ сгорѣли! Гребите, ребята, ради Бога, гребите!

Динни Маккарти опустилъ свое весло въ воду, но никто другой не шевельнулся. Донованъ вновь захохоталъ.

— Благодарю васъ за ваши любезныя слова, м-ръ О'Греди!—сказалъ онъ, возвышая голосъ, такъ чтобы люди въ другой лодкѣ могли его слышать:—они доказываютъ ваше прекрасное воспитаніе. Ну, ребята, онъ, конечно, великій командиръ и думаетъ, что можетъ повелѣвать вами, какъ неграми, но я совѣтую вамъ не путаться не въ свое дѣло и наплевать на его приказанія.

Пламя взвилось къ небу; при его свѣтѣ Рикъ увидѣлъ широкую харю своего врага, ослабившуюся насмѣшливо и злобно, и голосъ его задрожалъ отъ бѣшенства и отчаянія, когда онъ обратился съ послѣднимъ призывомъ къ людямъ, слушавшимъ съ разинутымъ ртомъ.

— Это вы *его* боитесь! Что же вы послѣ того за люди? Вы, значить, трусы, которыхъ онъ можетъ водить за носъ, какъ ему вздумается? Говорю вамъ, что онъ по своимъ расчетамъ бойкотировалъ эту женщину, а не по приказанію лиги! Говорю вамъ, что ничего худого вамъ не будетъ, если вы теперь сойдете на берегъ вмѣстѣ со мной и пособите выручить двухъ несчастныхъ женщинъ! Неужели же, ребята, вы покинете сосѣдей въ бѣдѣ?

Страстность и жаръ его чувствъ совсѣмъ преобразили его лицо въ то время, какъ онъ наклонился къ нимъ, но никто не откликнулся на его горячій призывъ. Только глухое эхо отвѣтило ему изъ мрака противоположнаго лѣсстаго холма.

Донованъ схватился за руль и повернулъ лодку.

— Гребите, ребята!—закричалъ онъ:—довольно мы наслушались вздора.

Весла дружно взмахнули въ воздухъ и шлепнулись въ воду, по приказу лихого человѣка.

— Быть можетъ, Ричардъ О'Греди...

Не дожидаясь конца этой фразы, Рикъ поставилъ ногу на бортъ лодки и бросился въ воду. Они видѣли, какъ онъ вынырнулъ въ десяти ярдахъ отъ лодки, и неудержимое „браво!“ раздалось въ его ухахъ, вмѣстѣ съ бульбульваньемъ воды, въ то время какъ онъ изо всей мочи плылъ къ мысу.

XV.

Выручка.

Эленъ Леонардъ очень устала въ этотъ четвергъ вечеромъ, когда покончила съ своими многочисленными занятіями и улеглась рядомъ съ матерью на колоссальномъ пуховикѣ, который могъ служить монументомъ, воздвигнутымъ великому множеству многострадальныхъ гусей, пожертвовавшихъ для него пухомъ своей живой груди. Она такъ устала, что сонъ моментально почти смежилъ ей очи и далъ забыться жгучей радости и тревогъ, боровшимся въ послѣднее время въ ея душѣ; въ продолженіе одного часа или болѣе она спала безъ сновъ, какъ мертвая.

Затѣмъ вдругъ искра сознательной жизни проникла сквозь темный покровъ бессознательности. Ей показалось, что какой-то знакомый звукъ непрестанно доносится до ея уха. Мысль объ утрѣ вдругъ пробила себѣ дорогу въ ея мозгу, и внезапно она привстала на постели; сонъ вполнѣ оставилъ ее, и она слышала отчаянное хлоптанье вуръ и громкій, пронзительный крикъ пѣтуха въ сараѣ на дворѣ. Она повернулась къ окошку, въ которомъ видѣлся какой-то свѣтъ, котораго она никакъ не могла понять.

— Не можетъ быть, чтобы это была заря, — сказала она самой себѣ.

Что-то въ родѣ падающей звѣзды мелькнуло мимо окна... еще и еще... Тутъ она задрожала всѣмъ тѣломъ и, громко зова мать, выскочила изъ постели и бросилась къ окну.

Сѣнной сараѣ въ Скарифѣ былъ выстроенъ въ нѣкоторомъ разстояніи на востокъ отъ дома и съ скалистаго возвышенія, на которомъ стоялъ, господствовалъ надъ обширнымъ полемъ, на которомъ главнымъ образомъ и произрастало то сѣно, которое было въ него сложено.

Огъ уже съ полчаса горѣлъ, прежде нежели Эленъ увидѣла это, и къ тому времени, какъ она, Данъ и мать ея торопливо одѣлись и побѣжали къ сараю, пламя высоко вздымалось надъ нимъ и его языки, волыаемые западнымъ вѣтромъ, качались какъ злобѣщія огненные знамена. Искры густо падали вокругъ нихъ, въ то время какъ они пробирались сквозь облака удушливаго дыма, и когда они подошли къ большому очагу пламени, то жара и глухой шумъ отъ огня были такъ страшны, что даже проклятія и жалобы вдовы вдругъ умолкли.

Задыхаясь отъ дыма, они обошли на завѣтренную сторону пожара, и такъ какъ вѣтеръ отгонялъ отъ нихъ дымъ, то они могли судить о размѣрѣ своего бѣдствія. Почти половина зимняго запаса корма для скота обратилась въ пепель, а другая половина быстро пожиралась пламенемъ, которое вѣтеръ гналъ прямо на сѣноваль.

— Воды! — завопила м-съ Леонардъ, махая ведромъ, которое она, подобно Дану и Эленъ, схватила, когда выбѣгала изъ дома. — Давайте воды! О, Господи, помилуй насъ! Господи, помилуй!

— Воды! — хрипло повторилъ Данъ: — вы съ такимъ же успѣхомъ можете плевромъ затупить этотъ пожаръ! Если бы вы вылили на него весь колодець, то и тогда никакого толку не вышло бы!

— О! но посмотрите на стога соломы! — закричала Эленъ: — искры уже сыплются туда! Бѣги, Данъ, за водой! можетъ быть, намъ удастся отстоять ихъ!

И она побѣжала черезъ поле къ колодцу, а вдова съ Даномъ послѣдовали за ней. Много разъ бѣгали они такимъ образомъ къ колодцу и обратно, и хотя искры дружно сыпались на стога, но мокрая солома не загоралась, и это поощряло ихъ упорство. Но наконецъ вдова не выдержала и свалилась на полпути отъ колодца къ солому.

— О, Боже! — вскричала она: — я стара и слаба! Но вы молоды и сильны; продолжайте, пока силъ хватитъ!.. О, негодяи, кровожадные негодяи!

Они оставили ее лежать на травѣ, вопя и стелая, и ломая руки, а сами побѣжали къ колодцу. Дыханіе у Эленъ прерывалось, а колѣни дрожали подъ ней, когда она спускалась по темнымъ ступенькамъ къ колодцу. Данъ добрался до него раньше ея, и она слышала, какъ его ведро стучалось о стѣни колодца.

— Идите назадъ, Эленъ! — сказалъ онъ: — воды не осталось и на полведра; мы весь колодець вычерпали.

Небольшой сводъ колодца издалъ глухой и злобщій звукъ и Эленъ опустилась на ступеньки.

— Колодець вычерпанъ! — прошептала она: — Это ужасно! Этого нѣтъ силъ перенести! я бы желала умереть!

Данъ опустилъ свое ведро въ мелкую воду и, подойдя къ ней, остановился около нея.

— Вы желаете умереть, — сказалъ онъ: — но вы не однѣ несчастны; есть другіе, еще несчастнѣе васъ, а у васъ нѣтъ ни словечка жалости для нихъ!

Онъ положилъ руки на ея склоненныя плечи.

— Взгляните на меня! Развѣ вы не знаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я былъ еще мальчишкой, я всегда хотѣлъ на васъ жениться, и вы хорошо это знали и никогда не противорѣчили, и я былъ увѣренъ, что рано или поздно мы станемъ мужемъ и женой...

Волненіе развязало ему языкъ, но тутъ сухое рыданіе перехватило ему дыханіе въ горлѣ. Эленъ взглянула на него и увидѣла, какъ его широкое лицо все подергивалось, а въ свѣтлыхъ глазахъ загоралось пламя.

— Данъ,—сказала она съ смертельнымъ страхомъ, смѣшившимъ въ ней чувство отчаянія:—не говори такъ, ради Бога! Пойдемъ отсюда; намъ тутъ нечего больше дѣлать. Пойдемъ!

Она хотѣла встать, но его сильныя руки пригнули ее къ землѣ. Онъ продолжалъ такъ, какъ еслибы она ничего не говорила:

— Честью объявляю, что былъ радъ, когда они насъ бойкотировали. Я думалъ, вы поймете, что только ради васъ я здѣсь остаюсь. Я не ожидалъ, что вы станете топтать меня ногами и смѣшивать съ грязью.

— Вы знаете, что я никогда этого не дѣлала,—пролепетала Эленъ:—вы знаете, что я всегда дружески относилась къ вамъ.

— Вы лжете!—проговорилъ онъ съ такой яростью, что она откинулась отъ него съ устраннымъ крикомъ.—Если бы вы дружески относились ко мнѣ, то не сошлись бы съ худшимъ врагомъ, какой когда-либо былъ у васъ съ матерью, и который оурачить васъ, а мать вашу пустить по міру въ угоду женѣ Донована!

Эленъ вскочила на ноги и въ ней проснулась какъ бы частица энергіи ея матери.

— Онъ столько же думаетъ о Гарриэтѣ Донованъ, какъ и я!—сказала она твердымъ голосомъ, безъ всякой дрожи или неуверенности.—И я бы не повѣрила этому, еслибы кто-нибудь на колѣняхъ увѣрялъ меня въ томъ. Я не повѣрю, чтобы Рикъ О'Греди вредилъ намъ съ матерью.

— Есть особа, которой вы можете повѣрить, хотя она и не станетъ передъ вами на колѣни, и она скажетъ вамъ, что онъ приходилъ сюда только для услугъ ея мужу, а эти услуги—вотъ онѣ!

И Данъ протянулъ руку къ горящему сѣнному сараю.

— Я, Эленъ, никогда такъ вамъ не служивалъ!

Она стояла на ступенькѣ выше его, и онъ вдругъ охватилъ руками ея талию съ дикимъ крикомъ бѣшенства и отчаянія.

— Мнѣ легче видѣть васъ мертвой, чѣмъ его женой!

Элленъ удалось взглянуть въ лицо, приходившееся такъ близко около нея. Въ глазахъ мелькало безуміе, и она громко закричала, стараясь высвободиться изъ его рукъ.

Въ этотъ моментъ такое яркое пламя озарило ихъ, что каждый камешекъ и каждая травинка около нихъ были отчетливо видны. И прежде чѣмъ она успѣла сообразить, въ чемъ дѣло, она почувствовала себя свободной.

Она повернулась лицомъ, какъ и Данъ, въ сѣнному сараю. Восточный столбъ его, охваченный пламенемъ, навалился всей своей горячей массой на стогъ соломы, и пламя брызнуло точно вода въ фонтанъ.

Элленъ увидѣла между собой и горячей массой фигуру матери, съ заломленными надъ головой руками, и побѣжала къ ней, не замѣчая того, что Данъ ее больше не удерживаетъ. Еслибы она взглянула на него, то увидѣла бы, что его глаза устремлены на человѣка, который быстро бѣжалъ по полю къ сѣновалу; но она видѣла только отчаянную фигуру матери. Она не оглядывалась назадъ и такимъ образомъ была спасена отъ зрѣлища, которое было бы для нея булыминаціоннымъ пунктомъ ужасовъ этой ночи.

Данъ упалъ лицомъ внизъ на скользкія ступени колодца, прерывисто дыша и съ пѣной на губахъ.

Вдова увидѣла бѣгущую къ ней Элленъ и отчаянно устремилась ей на встрѣчу.

— Пойдемъ домой! Пойдемъ домой!—вопила она.—Все погибло, и лучше намъ сгорѣть вмѣстѣ съ домомъ... Матерь Божія, кто это?—закричала она, внезапно падая на колѣни.—Они идутъ убить насъ! Бѣги, Элленъ, бѣги!

Но Элленъ одновременно съ матерью увидѣла предполагаемаго убійцу и, увидя его, ощутила такой приливъ радости въ сердцѣ, что не могла влигнуть его по имени. Она бросилась къ нему съ распростертыми руками и на глазахъ у м-съ Леонардъ, пораженной, не вѣрящей тому, что видитъ, упала въ его объятія.

Рикъ былъ безъ шапки, задыхался отъ бѣга, а съ платья его струилась морская вода.

— Я не могъ спасти вашего сѣна,—пролепеталъ онъ:—но, слава Богу, спасъ домъ и скотъ. И что значитъ сѣно, разъ вы сами цѣлы! Что значитъ...

Голосъ измѣнилъ ему, но надо думать, что Элленъ услышала конецъ его рѣчи.

Удивленіе настолько ослабило напряженіе нервовъ м-съ Леонардъ, что она перемѣнила колѣнопреклоненное положеніе на

сидячее; но самыя сильныя чувства никогда не могли лишить ея дара слова.

— Пустите мою дочь, кровожадный злодѣй! Мало вамъ, что вы разорили насъ и пустили по міру,—вы еще издѣваетесь надъ нами, говоря ложь, такую же черную и гнусную, какъ и ваше сердце!

Она грозила обими кулаками освободителю.

— Я чуть жизни не лишился, добираясь сюда къ вамъ на выручку, — сказалъ Ригъ голосомъ, внушавшимъ убѣжденіе въ истинѣ его словъ:—еслибы я не пришелъ, то вы остались бы и безъ крова. Я засталъ Джемса Магони на стѣнѣ свиного хлѣва; онъ старался спичкой поджечь кровлю на коровникѣ, и онъ лежитъ теперь вонъ тамъ, въ канавѣ, подъ коровникомъ, со сломанной ногой.

А. Э.

ТЕОРІЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА

— *Антон Будиловича*. Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы. Два тома. Варшава, 1892.

Окончаніе.

II *).

Въ обширномъ и сложномъ трудѣ, исполненномъ г. Будиловичемъ, собрано много любопытныхъ историческихъ данныхъ, но въ рѣшеніи самаго вопроса: „возможно ли и необходимо ли литературное единство народностей славянскихъ?“ на нашъ взглядъ есть крупный и весьма значительный пробѣлъ. Для избѣжанія недоразумѣній скажемъ впередъ, что мы соглашаемся и съ необходимостью, и съ возможностью литературнаго славянскаго единства, — только не думаемъ, чтобы то и другое могло быть такъ легко доказано, какъ это представляется нашему автору и какъ это имъ дѣлается, или чтобы самый фактъ принятія русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго могъ такъ легко произойти.

Не загадывая далеко впередъ, можно было бы считать литературное единство славянскихъ племенъ необходимымъ и при нынѣшнемъ ихъ состояніи, по различнымъ основаніямъ. Начать съ того, что знакомство съ русскимъ языкомъ, а затѣмъ и усвоеніе, не представляли бы для ино-славянъ особенныхъ трудностей,

*) См. выше: апрѣль, стр. 762.

—эти трудности были бы во всякомъ случаѣ неизмѣримо меньше, чѣмъ при изученіи какого-либо чужого языка, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго. При болѣе или менѣе правильной постановкѣ преподаванія или изученія, эти трудности были бы минимальныя для галицкихъ и венгерскихъ русиновъ, для болгаръ и сербовъ; онѣ были бы значительнѣе для славянъ западныхъ. Самая польза или даже необходимость усвоенія русскаго языка указывались бы различными условіями современной славянской жизни. Во-первыхъ, русская литература въ ряду современныхъ славянскихъ есть, безъ сомнѣнія, наиболѣе богатая въ двухъ отношеніяхъ, обуславливающихъ значеніе литературы: въ отношеніи поэтическо-художественномъ и въ отношеніи образовательномъ. Что литературы южнаго славянства уступаютъ въ этомъ русской—нечего и говорить; извѣстныя притязанія на соперничество могутъ заявлять лишь литературы польская и чешская, но и здѣсь превосходство русской литературы не подлежитъ сомнѣнію (о нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ внѣшняго положенія, гдѣ ино-славянскія литературы превосходятъ русскую, скажемъ далѣе). Въ частности, усвоеніе русскаго языка и литературы имѣло бы здѣсь еще слѣдующую важную сторону: въ славянскихъ литературахъ большое мѣсто занималъ, и донынѣ занимаетъ, интересъ спеціально этнографическій — изученіе исторической старины, народнаго быта, языка, какъ основъ племенного возрожденія и единства; этому интересу естественно было бы имѣть органъ въ единой литературѣ, и въ русской въ особенности, такъ какъ въ ней и до сихъ поръ этотъ интересъ развивался наиболѣе сильно. Далѣе, современный междуславянскій интересъ политическій долженъ бы опять вести въ литературному сосредоточенію: Россія—единственное крупное славянское государство, на которое обращаются надежды однихъ племенъ и недовѣрчивыя опасенія другихъ, которому въ обоихъ случаяхъ придается великое значеніе для славянскаго будущаго—достаточное основаніе для ино-славянъ ближе ознакомиться съ великимъ родственнымъ народомъ; а съ другой стороны, если дѣйствительно возможенъ общій славянскій племенной и политическій вопросъ, онъ долженъ бы имѣть и свой общій органъ, которымъ всего естественнѣе могъ бы стать языкъ русскій. Наконецъ, предположивъ въ исторіи особый—хотя нѣсколько таинственный — „духъ славянства“, было бы уже совершенно естественно создать для него единое, цѣльное и общее выраженіе.

Для г. Будиловича, какъ мы уже замѣчали, вопросъ въ сущности рѣшенъ впередъ,—такъ что не столько убѣждается онъ данными историческими, сколько идеалистическими желаніями,

наша собственная литература, въ лицѣ нашихъ первыхъ славяно-романтиковъ, возвеличивала ихъ заслуги, поощряла ихъ высокое мнѣніе о самихъ себѣ, ставила ихъ въ примѣръ вѣрности своему народу и т. д. (теперь иные находятъ, что самому успѣху чешскихъ ученыхъ патріотовъ помогла именно ихъ нѣмецкая школа). Съ цѣлями поддержать народно-патріотическое настроеніе, чешскіе писатели настойчиво говорили (и, наконецъ, сами себя убѣждали) о великихъ историческихъ заслугахъ своего народа, стоящаго „во главѣ“ славянскаго умственнаго движенія...

Взявши случайный эпизодъ изъ рѣчей подобнаго рода, можно — съ точки зрѣнія вѣры г. Будиловича — отягчить укорами того или другого чешскаго дѣятеля, записать его во враги славянскаго единенія; но это не будетъ значить понять дѣйствительное положеніе вещей, съ которымъ надо, однако, считаться. Эти укоры не послужатъ также и поощреніемъ къ разработкѣ мысли объ общеславянскомъ языкѣ, а напротивъ, будутъ только возбуждать предубѣжденіе противъ него, давая впередъ примѣръ того, что проповѣдь общеславянскаго языка соединяется съ враждебнымъ чувствомъ къ ближайшимъ интересамъ частныхъ племенъ, а отъ этихъ интересовъ они пока еще не видятъ причины отказываться... Выше мы привели слова г. Гатталы: колебаніе, которое онъ обнаруживаетъ относительно возможной роли русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго (до того, что ему лично больше бы нравился сербо-хорватскій!), исходитъ очевидно изъ сомнѣнія въ степени культурнаго значенія русскаго языка. Это можетъ показаться страннымъ; но мы встрѣчаемся здѣсь съ мнѣніемъ одного изъ извѣстныхъ чешскихъ ученыхъ (вѣроятно, не единичнымъ), и это сомнѣніе въ значеніи русскаго языка съ одной стороны объясняется тѣмъ, что у чеховъ (въ тому времени, когда была писана статья г. Гатталы) мало знали русскую литературу, а съ другой стороны знали объ ея вѣшнемъ приниженномъ положеніи. Оба эти обстоятельства заслуживали бы вниманія теоретика общеславянскаго языка.

Если такимъ образомъ чехи (представляющіе одну изъ важныхъ сторонъ западно-славянскаго настроенія) въ лицѣ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей ревниво относились къ интересамъ своей народности въ виду потерь, возможныхъ при введеніи русскаго общеславянскаго языка, это, какъ видимъ, понятно изъ ихъ исторіи: дорожа своимъ историческимъ преданіемъ и воспитанные въ нѣмецкой школѣ, они, во-первыхъ, не высоко цѣнили русскую культуру, а во-вторыхъ, чувствовали великую бытовую разницу между собою и русскимъ народомъ. Въ самомъ дѣлѣ, русскую

литературу они, за немногими исключениями, знали мало, какъ мало знали ее ихъ сосѣди нѣмцы, она не имѣла въ ихъ глазахъ авторитета, который самъ собою вызываетъ на изученіе, и въ новѣйшемъ интересѣ къ ней они шли за французами и нѣмцами. Съ другой стороны, послѣ всякихъ испытаній въ прошедшемъ, въ послѣднее время они жили въ порядкѣ вещей, совершенно несходномъ съ русскими нравами и общественнымъ строемъ. Инстинктивное и теоретическое „братство“ единоплеменности не сопровождалось сходствомъ положенія и внутреннихъ политическихъ интересовъ, и въ своей общественной жизни они могли считать себя на болѣе высокой ступени развитія. Правда, братья-чехи, попадавшіе къ намъ въ послѣднее время на педагогическую службу, не оправдывали этого предположенія о высокой культурѣ, но свидѣтельствовали все-таки о томъ, какъ два общества чужды: они являлись къ намъ какъ культурные ремесленники къ ниже-стоящему народу, исполняя аккуратно то, на что нанимались, и не подозревали той роли, какую играли.

Мы приводили мнѣніе г. Будиловича о дѣятельности Вука Караджича, какъ о дѣятельности „центробѣжной“: онъ „сбилъ сербовъ съ торной исторической дороги“ и проч. Обыкновеніе сваливать цѣлое явленіе на одного человѣка, конечно, противно исторической критикѣ: нѣтъ сомнѣнія, не будь Вука, тоже самое сдѣлали бы у сербовъ, менѣе талантливо, но столь же положительно, другіе. Тотъ „славяно-руско-сербскій“ языкъ, который господствовалъ до Вука въ сербской книжности, былъ такой же искусственный, не живой языкъ, какъ тотъ славяно-русскій, какими писали наши книжники XVII-го столѣтія: какъ наша, настоящая, литература никакъ не могла бы развиться на этомъ языкѣ и для своего органическаго народнаго роста должна была его отвергнуть, такъ подобное было необходимо и для сербовъ: Вукъ исполнилъ у сербовъ ту роль, какую у насъ исполняли Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ, сближавшіе языкъ книги съ живою рѣчью. Въ другомъ мѣстѣ г. Будиловичъ самъ сознается, что господство „славяно-руско-сербскаго“ не сближало сербской литературы съ нашею. То „центробѣжное“, что по г. Будиловичу представляется враждебнымъ началу единства, было на дѣлѣ необходимымъ фактомъ развитія и, если единство осуществится когда-нибудь, необходимымъ къ нему подготовленіемъ: потому что только въ этихъ частныхъ центробѣжныхъ литературахъ многія славянскія племена (болгары, сербы, словинцы, словаки, сами чехи) въ многовѣкового недвижнаго усыпленія пробуждались къ образовательнымъ интересамъ; это была ихъ первая книга, и такая

книга могла быть только на своемъ ближайшемъ родномъ языкѣ. Было бы уже второй ступеню образованіе языка общаго.

Г. Будиловичъ находитъ, что, въ противоположность такимъ центробѣжнымъ явленіямъ, въ нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ свазывается однако живое стремленіе къ общему языку, напр. у словаковъ, и объясняетъ это сильно развитымъ славянскимъ духомъ. Но едва ли не объясняется это также, а можетъ быть — только, другимъ: бѣдностью собственнаго историческаго преданія, утратой политическихъ надеждъ на поднятіе своей народности? Словакамъ, такъ сказать, нечего терять, въ сравненіи съ чехами: ихъ собственная литература—маленькая; съ чехами они враждуютъ, и чувство своей слабости побуждаетъ ихъ искать опоры. Такою опоркою является идея общеславянскаго языка, представляемаго языкомъ русскимъ.

Какъ мы замѣчали, г. Будиловичъ въ теоретическомъ изслѣдованіи вопроса остается въ сущности только на внѣшней его сторонѣ: привлекая къ изученію другіе общіе языки, онъ извлекаетъ изъ нихъ только внѣшнія формальныя аналоги. Если у другихъ племенъ возможно было, при большомъ различіи діалектовъ, созданіе общаго языка, значить, оно возможно и у славянъ, — ихъ нарѣчія не болѣе далеки другъ отъ друга. Излагая исторію отдѣльныхъ „общихъ языковъ“, г. Будиловичъ не могъ не отмѣтить, какое вліяніе имѣли при этомъ политическія и общественныя условія, но слишкомъ мало обращаетъ на нихъ вниманія въ примѣненіи къ вопросу объ языкѣ общеславянскомъ. Именно съ этой стороны вопросъ и заслуживалъ бы однако особеннаго вниманія, потому что здѣсь славянамъ недоставало весьма существеннаго элемента, необходимаго въ образованіи общихъ языковъ. Дѣло въ томъ, что общіе языки составляются не въ силу однихъ діалектическихъ отношеній, а именно только при содѣйствіи другихъ условій народной жизни—политическихъ, общественныхъ и образовательныхъ, которыя въ отношеніяхъ діалектовъ находятъ только матеріаль. Близкіе діалекты могутъ не слиться въ общій языкъ, и наоборотъ, самые разнородные элементы языка могутъ слиться въ общій языкъ,—смотря по наличности или отсутствію упомянутыхъ условій. Общій греческій языкъ образовался потому, что было множество условій, сближавшихъ отдѣльныя греческія племена: если не было одного греческаго государства, то были постоянныя политическія отношенія, дружескія или враждебныя, между племенами, собранными на пространствѣ тѣсной территоріи; эти племена были въ постоянномъ взаимодействіи—то въ союзахъ, то въ войнахъ, то въ общихъ національ-

ныхъ предпріятіяхъ, начиная отъ самой троянской войны до войны съ персами; была тѣсная общность происхожденія, общность религиозная, народно-бытовая; времена Александра Македонскаго, открывшія широкую дѣятельность для матеріальныхъ силъ и для умственнаго генія Греціи, были опять эпохой общаго дѣйствія; великія произведенія греческой поэзіи и искусства являлись могущественнымъ объединяющимъ элементомъ и на многіе вѣка потомъ служили славою греческаго имени. Что сила общаго латинскаго языка создана была политическимъ могуществомъ Рима, римскимъ правомъ, военными колоніями, литературой и, наконецъ, христіанствомъ, гдѣ латинскій языкъ, ставъ языкомъ католической церкви, продолжалъ въ средніе вѣка преданія римской имперіи,—это извѣстно. Новѣйшіе общіе языки западной Европы образовывались всѣ при сильномъ воздѣйствіи внѣшнихъ политическихъ условій, когда притомъ для романскихъ народовъ былъ еще основной объединяющій элементъ въ древней латинской основѣ ихъ языка и въ латыни церковной. Въ средніе вѣка европейскіе народы еще не были объединены политически такъ, какъ это было позднѣе; но не было еще и общихъ языковъ: послѣдніе образуются тогда, когда начинаетъ усиливаться политическое объединеніе или тяготѣніе частей къ одному центру. Такъ, съ различными вариантами, образовались общіе языки итальянскій, испанскій, французскій, англійскій, наконецъ нѣмецкій. Италия не была однимъ племемъ; племя было разбито на разнородные отрасли и діалекты, но самое географическое положеніе страны обособляло ее отъ остальныхъ народовъ, и родственнымъ племенамъ Италии даже этимъ чисто внѣшнимъ условіемъ указывалось впереди объединеніе, которое въ литературѣ и совершилось еще передъ концомъ среднихъ вѣковъ. Не требуетъ большихъ объясненій, что въ Испаніи, Франціи, Англии объединеніе языка произошло также при сильномъ вліяніи чисто политическихъ условій; въ Англии политическое объединеніе создало даже живой и могущественный языкъ изъ самой пестрой амальгамы языковъ кельтскаго, англо-саксонскаго, римскаго и французскаго. Племя германское представляло большое разнообразіе частныхъ племенъ и діалектовъ, но было и много условій объединенія: племя было тѣсно сплочено въ своей территоріи, давно было объединено „римской“ имперіей и постоянными политическими, культурными, литературными связями, наконецъ послѣднее объединеніе въ общемъ языкѣ создано было церковнымъ движеніемъ, охватившимъ все племя: это движеніе раздѣлило Германію въ церковномъ отношеніи, но католики и протестанты стали писать на одномъ

языкъ. Впрочемъ, германское племя не уцѣлѣло сполна. Когда во время переселенія народовъ готы, вандалы, герулы, лонгобарды, англо-саксы, франки зарвались слишкомъ далеко въ Италию, Испанію, Африку, Англию, Францію, они слились тамъ съ туземнымъ населеніемъ; во Франціи они успѣли оставить свое имя новому народу, но этотъ народъ сталъ романскимъ; въ Англии также остался слѣдъ ихъ имени и большая германская доза въ языкѣ, но примѣсь другихъ племенныхъ стихій создала новый народъ, совсѣмъ не-германскій; одна часть племени осѣла въ Голландіи, но, составивъ крайній западный уголъ племени и получивъ особое политическое положеніе, эта часть выдѣлилась въ цѣлый особый народъ, который повелъ свою отдѣльную исторію, и остался совсѣмъ чуждъ общему германскому языку. Племя сѣверное, скандинавское, было того же германскаго корня, но опять, вслѣдствіе уединеннаго положенія на крайнемъ сѣверѣ и отдѣльно сложившейся политической исторіи, потеряло общеніе съ центральнымъ германскимъ народомъ и даже въ своей области разбилось на три куска, которые такъ и остались необъединенными—въ Даніи, Швеціи и Норвегіи. Подобнымъ образомъ, общее происхожденіе, католическое единство, близость діалектовъ не объединили племень Пиренейскаго полуострова, потому что ихъ раздѣлила политическая исторія.

Упомянемъ, наконецъ, что вліянія географическія, политическія, церковныя, объединяя народы бытовыми и культурными связями, были могущественно поддѣржаны еще другими условіями—широкимъ развитіемъ общаго просвѣщенія (хотя послѣднее и пользовалось въ средніе вѣка въ большой мѣрѣ латинскимъ языкомъ) и дѣятельностью великихъ писателей, умѣвшихъ въ своихъ твореніяхъ или сосредоточить интересы цѣлыхъ племенъ безъ различія діалектовъ, или дать высочія созданія не только національнаго, но и общечеловѣческаго искусства: въ эпоху созданія общихъ языковъ западной Европы или на самыхъ первыхъ порахъ ихъ образованія мы встрѣчаемъ уже такія имена, какъ Данте, Петрарка, Боккаччо, Сервантесъ, Шекспиръ, Лютеръ и т. д., и т. д. Развитіе просвѣщенія и литературы еще съ XVI-го вѣка стало придавать главнымъ языкамъ Европы значеніе носителей общечеловѣческаго просвѣщенія сначала въ Италиі, потомъ во Франціи, Англии, съ конца XVIII-го вѣка въ Германіи.

Ничего подобнаго тѣмъ условіямъ, о которыхъ до сихъ поръ говорено, мы не находимъ у народовъ славянскихъ, и тѣ сравненія и аналогіи изъ исторіи общихъ языковъ Европы, которыми г. Будиловичъ хочетъ подтвердить необходимость образованія языка

общеславянскаго, говорятъ не столько въ пользу его теоріи, сколько именно противъ нея. Во-первыхъ, географически славяне, какъ только узнаеть о нихъ исторія, были такъ раскиданы, что между ними, кромѣ ближайшаго сосѣдства, не было никакихъ сообщеній. Единственный и до сихъ поръ не вполне объясненный фактъ междуплеменныхъ сношеній представляетъ распространеніе христіанства и кирилловской письменности; но образовавшійся при этомъ первый опытъ общеславянскаго языка уже скорѣ исчезъ почти безслѣдно у племенъ западныхъ, а у славянъ южныхъ и восточныхъ сталъ условнымъ литургическимъ языкомъ. Затѣмъ славяне остались разъединенными между собою, кромѣ отдѣльныхъ исключеній, на все пространство ихъ исторіи, и когда стали встрѣчаться вновь въ эпоху возрожденія (съ конца XVIII-го вѣка), они нерѣдко съ изумленіемъ видѣли свое родство, но плохо понимали другъ друга и вообще должны были начать знакомство заново. Это знакомство должно было производиться уже ученымъ образомъ, путемъ археологіи, исторіи и филологіи. При этомъ оказалось, что они находятся въ весьма различныхъ и въ большинствѣ крайне неблагопріятныхъ положеніяхъ. Вспоминная далекою старину, ученые не досчитались цѣлыхъ племенъ, нѣкогда далеко раскинувшихся по нынѣшней сѣверной Германіи и исчезнувшихъ почти безъ остатка подъ напоромъ германскаго движенія на востокъ; на югѣ нѣкогда сильныя царства остались только далекимъ историческимъ воспоминаніемъ, а новѣйшіе потомки древнихъ сильныхъ народовъ находились въ кромѣшномъ рабствѣ, причемъ извѣстная доля нѣкогда аристократическихъ славянскихъ родовъ измѣнила даже европейскому христіанству и превратилась въ мусульманъ, и эти страны были до того заброшены и недоступны, что въ первыя десятилѣтія нашего вѣка путешественники открывали ихъ на подобіе того, какъ теперь открываются племена внутренней Африки. Старая культура исчезла; племена пребывали въ первобытномъ состояніи и лишь слабые остатки грамоты сохранялись между церковниками; въ Болгаріи къ турецкому игу прибавлялось еще иго греческое. На западѣ тревожная исторія славянскихъ племенъ закончилась тѣмъ, что они очутились въ составѣ нѣмецкаго, потомъ нѣмецко-венгерскаго государства и подъ все болѣе возростающимъ нѣмецкимъ бытовымъ вліяніемъ. Въ то время, когда знакомилась съ этими племенами наши первые слависты въ своихъ путешествіяхъ, они нашли славянскія племена подъ суровой ферулой меттерниховскихъ временъ: малѣйшія проявленія славянскаго сознанія и особливо междуславянскихъ сочувствій встрѣчались въ Австріи съ

крайней подозрительностью нѣмецкой власти, и единственнымъ полемъ, гдѣ могли сказаться эти сочувствія и общеславянское сознание, были археологія и филологія. Ближайшее къ Россіи славянское царство, Польша, было уже политической руиной. И вся эта исторія шла врознь, особнякомъ; одна часть славянства не знала, чтѣ дѣлается въ другой, а тѣмъ меньше могли племена помочь другъ другу, и переживали трагическія эпохи, а иногда и гибли, не только не имѣя братской помощи, но даже не слыша никакого сочувственного голоса. Мудрено ли, что они и привыкли думать о себѣ особнякомъ, дорожить своими, имъ только близкими преданіями, на себя только рассчитывать, когда въ эпоху славянскаго возрожденія наступила, наконецъ, пора нѣкотораго нравственнаго отдыха, которая, однако, была вмѣстѣ и порою усиленной матеріальной и нравственной борьбы.

Достаточно припомнить эти черты славянской исторіи, чтобы понять тотъ складъ новѣйшаго движенія славянскихъ племенъ, который нашему историку кажется „центробѣжнымъ“, который называетъ онъ „сепаратизмомъ“. Къ сожалѣнію, славянскимъ племенамъ не отъ чего было сепарироваться: они были предоставлены самимъ себѣ. Въ средѣ русскаго народа шло такое же отдѣльное отъ всѣхъ остальныхъ движеніе. Точно также онъ самъ одинъ переживалъ и создавалъ свою исторію, обязанный потомъ могуществомъ своего государства лишь собственнымъ силамъ. Извѣстная степень общности, какая была у русскаго народа съ балканскимъ славянствомъ, въ концѣ концовъ ограничилась спеціально церковными связями. Самыя рѣшительныя событія южнославянской исторіи не нашли у насъ никакого реальнаго отраженія, чтѣ было, впрочемъ, и понятно, такъ какъ самъ русскій народъ въ то же время переносилъ тяжелыя испытанія: въ татарскихъ нашествіяхъ и игѣ, въ трудныхъ усиліяхъ Москвы собрать разбитую русскую землю было не до того, — но и собственные испытанія русскаго народа не встрѣтили никакого отголоска на славянскомъ югѣ и западѣ. Позднѣе, особливо съ конца XV-го вѣка, возникаютъ или обновляются сношенія съ славянскимъ югомъ, но опять только въ церковномъ отношеніи, буквально въ видѣ „милостыни“ страждущему православію, и притомъ не столько славянскому, сколько греческому; связей собственно народныхъ не было или почти не было. Еще нѣсколько позднѣе сношенія съ православнымъ юго-востокомъ принимаютъ болѣе оживленный характеръ; къ нимъ примѣшиваются соображенія политическія, такъ какъ расширеніе русской государственной силы приводитъ къ сношеніямъ и къ столкновеніямъ съ Турціей, но опять, хотя

при этомъ вспоминается и родственное балканское славянство, ближайшихъ сношеній съ самими народами не существуетъ и свѣденія о нихъ остаются крайне скудными и темными. Такъ продолжается даже до тѣхъ поръ, когда турецкія войны приводятъ русскихъ въ предѣлы самой Турціи. Были отдѣльные факты въ родѣ сербскихъ переселеній въ XVIII вѣкѣ, болгарскихъ переселеній въ XIX-мъ, но сербы, поселенные на югѣ Россіи цѣлымъ „славяно-сербскимъ“ гнѣздомъ, какъ-то незамѣтно затерялись въ окрестномъ населеніи; колонія болгарскія уцѣлѣли больше, но и тѣ, и другія—немногочисленныя и существовавшія только въ одномъ углу—мало напомнили русскому обществу, и тѣмъ менѣе народу, о существованіи цѣлыхъ большихъ племенъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ. Нужно было, наконецъ, ученое археологическое объясненіе, чтобы въ русскомъ обществѣ составилось нѣсколько точное представленіе о напихъ „братяхъ“ на югѣ, а также и на западѣ. И характерно, что первый, заговорившій о болгарахъ въ нашей литературѣ, былъ пришелецъ, Венелинъ. Наконецъ, было ближайшее славянское племя—польское, но вся исторія отношеній съ нимъ была исторією нескончаемой вражды: племенное „братство“ замолкало и превращалось въ ненависть подъ вліяніемъ иного склада религіознаго и общественно-политическаго, обратившагося у обѣихъ сторонъ въ „племенную“ особенность и природу.

Такимъ образомъ, вся исторія славянскихъ племенъ, за отдѣльными исключеніями, прошла въ обособленномъ существованіи, гдѣ не было и не могло быть рѣчи о какомъ-либо сознательномъ единствѣ, а слѣдовательно, не могло быть рѣчи и о какомъ-либо общемъ языкѣ. Если зашла объ этомъ рѣчь теперь, эта мысль является только результатомъ самаго послѣдняго періода этой исторіи, отмѣченнаго новымъ возрожденіемъ племенъ, и, какъ мы отчасти уже видѣли, все еще составляетъ не столько бьющую въ жизни потребность, сколько мысль идеалистовъ-внижниковъ. Замѣтимъ при этомъ, что до послѣдней русско-турецкой войны самыя племена еще не были въ полномъ счетѣ на поприщѣ цивилизаціи: Болгарія отсутствовала на этомъ поприщѣ и до сихъ поръ отсутствуетъ Македонія. Надо думать, однако, что въ такомъ существенно важномъ вопросѣ, какъ принятіе общаго языка, нужно, чтобы племена успѣли, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько осмотрѣться въ условіяхъ своего политическаго и образовательнаго положенія.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ настоящее время мысль объ общеславянскомъ языкѣ встрѣчаетъ только немногихъ по-

борниковъ, оставляя массы довольно равнодушными, — если мы вспомнимъ, что самое представление объ этомъ языкѣ у его защитниковъ остается чрезвычайно неяснымъ. Таково въ особенности представление объ отношеніи политическихъ условій къ возможности общаго языка. Мы видѣли, что самъ г. Будиловичъ, посвятившій вопросу специальное изслѣдованіе, считалъ возможнымъ для *этого* положенія славянскихъ дѣлъ находить аналогіи съ такими языками южной и западной Европы, гдѣ общій языкъ совпадалъ съ однородными культурными условіями племенъ, или гдѣ онъ былъ прямо языкомъ одного государства. Если этого условія нѣтъ въ мірѣ славянскихъ племенъ, то очевидно, что аналогіи приведены неправильно и для славянскаго міра ничего не доказываютъ, или что умалчивается требованіе или ожиданіе, чтобы славянскія племена были объединены въ одно государство или, по крайней мѣрѣ, въ одинъ политическій союзъ. Нашъ авторъ не разбираетъ этого вопроса; мы видѣли только, что въ теченіе книги онъ нѣсколько разъ грозился нѣмцамъ... Что касается этихъ угрозъ, мы не думаемъ, чтобы онѣ были удобоисполнимы или чтобы онѣ входили въ расчеты русскаго государства. Съ точки зрѣнія г. Манилова очень пріятно было бы видѣть всѣхъ славянъ въ единомъ государствѣ; но если для этого упущена тысяча лѣтъ и западное славянство, принадлежащее къ государствамъ иноплеменнымъ, кромѣ того повсюду пересѣвается другими племенами — нѣмцами прусскими и австрійскими, мадьярами, румынами, итальянцами, то мудрено представить, чтобы эти иноплеменные народности могли быть легко вычеркнуты на общеславянской картѣ.

Въ другихъ случаяхъ рѣчь объ общеславянскомъ языкѣ какъ будто ведется въ другомъ тонѣ. Славяне остаются въ той политической принадлежности, въ какой находятся въ настоящую минуту, и общеславянской языкъ составитъ только нравственную связь, средство общенія въ высшихъ областяхъ духовной жизни и просвѣщенія. Это будетъ очевидно уже нѣчто совсѣмъ иное: въ одномъ случаѣ предполагался настоящій общій языкъ, который приравнивался къ французскому, нѣмецкому и т. д.; здѣсь рѣчь идетъ только объ общемъ языкѣ ученомъ, котораго область ограничивается только болѣе образованнымъ классомъ. При первомъ предположеніи, т.-е. при политическомъ единствѣ, возможно предположить и общій языкъ, дѣйствующій во всѣхъ сферахъ народной жизни — въ правленіи, церкви, школѣ, художественной литературѣ; но, къ сожалѣнію, требуемыя внѣшнія условія для подобнаго дѣйствительнаго осуществленія общаго языка едва ли до-

стижмы. Но и при второмъ предположеніи, т.-е. при нынѣшнемъ политическомъ раздѣленіи славянства, чрезвычайно трудно представить себѣ ту форму, въ которой могъ бы выработаться хотя бы общій ученый языкъ: для того, чтобы языкъ—какъ предполагается, русскій—дѣйствительно распространился въ образованныхъ классахъ другихъ племенъ, а не только усвоенъ былъ нѣсколькими любителями, необходимо, чтобы онъ получилъ роль, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ областяхъ народной и общественной жизни, напр. хотя бы сталъ языкомъ преподаванія въ школахъ (иначе онъ не имѣлъ бы физической возможности усвоиться и распространиться); но какимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, русскій языкъ перешагнулъ бы границу чужого государства, вступивъ въ роль, какая обыкновенно принадлежитъ только или языку *государственному* (напр., въ Австро-Венгріи, нѣмецкому и мадьярскому), или тому *мѣстному* (напр., чешскому, польскому, хорватскому), который получаетъ отъ государства эту уступку? Или, наконецъ, самими чужими государствами должно быть признано такое высокое образовательное значеніе русскаго языка, какое имѣютъ—за предѣлами своей земли—языки французскій, нѣмецкій, англійскій...

Вопросъ существенно важный, и для котораго собираемыя г. Будиловичемъ изъ всѣхъ „общихъ языковъ“ Европы аналоги не даютъ никакихъ параллелей и указаній. Авторъ самъ не отвѣчаетъ на этотъ и подобные вопросы, но онъ приводитъ соображенія одного изъ западно-славянскихъ поборниковъ общеславянскаго языка и высказываетъ къ нимъ великое сочувствіе; они изложены именно въ статьѣ угро-русскаго дѣятеля А. И. Добрянскаго: „Взглядъ на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ“¹⁾. Этотъ взглядъ кажется г. Будиловичу настоящимъ завѣтомъ.

Для г. Добрянскаго всѣ эти вопросы ясны и онъ совмѣщаетъ ихъ въ цѣлую опредѣленную программу. Относительно того значенія, какое русскій языкъ, въ качествѣ общаго, долженъ занять у другихъ славянъ въ системѣ народнаго образованія, судѣ, управленія, наукѣ, литературѣ и общественной жизни, г. Добрянскій дѣлитъ славянскія племена на четыре группы, по ихъ пребыванію (или политической принадлежности): 1, славянскія племена въ предѣлахъ русскаго государства; 2, въ самостоятельныхъ славянскихъ государствахъ, связанныхъ съ Россіей—какъ Болгарія²⁾ и Черногорія; 3, въ несвязанныхъ съ нею—какъ

¹⁾ „Варшавскій Дневникъ“, 1888, № 163, 164, 188.

²⁾ Т.-е. въ 1888 г.

Сербія; и наконецъ, 4, въ государствахъ не-славянскихъ, въ Австріи, Германіи, Турціи. Въ первой группѣ права русскаго языка могутъ представляться спорными только въ областяхъ чисто польскихъ. Г. Добрянскій полагаетъ, что еслибы поляки „отреклись отъ старыхъ мечтаній и примирились съ дѣйствительно принадлежащимъ имъ въ славянствѣ положеніемъ“, Россія могла бы дать значительный просторъ для ихъ языка въ областяхъ съ чисто польскимъ населеніемъ; но такъ какъ трудно ожидать раскаянія отъ ксендзовъ и шляхты и вѣрить въ ихъ рѣшимость ограничиться своимъ, не притязая на чужое, то придется „посильнѣе колонизовать пограничныя съ Пруссіей и Австріей области русскими людьми, соорудить для нихъ церкви, открыть епископіи и подготовить постепенную ассимиляцію этихъ ненадежныхъ областей русскимъ населеніемъ“. Другими словами, польское племя въ Россіи осуждается на исчезновеніе: это немного противорѣчить утвержденіямъ г. Будиловича, что „общій языкъ не будетъ означать уничтоженія частныхъ“, и подобная программа едва ли поощряла бы другія славянскія племена вступать въ единство съ Россіей.

Далѣе, во 2-й группѣ, въ Болгаріи (по счету 1888 г.) и въ Черногоріи должны со временемъ установиться отношенія „по тому типу, какъ въ Германіи между Пруссіей и другими нѣмецкими государствами“ (авторъ забываетъ только, что тамъ это земли вполнѣ одноплеменные и одноязычныя, прямо сосѣднія и давно принадлежавшія къ союзу, а теперь принадлежація къ имперіи; а здѣсь—три политическія принадлежности и три разныхъ племена и діалекта). Но даже еслибы этого и не было, то, по мнѣнію г. Добрянскаго, русскій языкъ „долженъ“ здѣсь господствовать въ дѣлахъ иностранныхъ, торговыхъ, военныхъ и „путевскихъ“, а также и въ школахъ (у г. Добрянскаго съ точностью назначено, въ какихъ заведеніяхъ и въ какомъ объемѣ). Все прочее въ жизни государственной и частной г. Добрянскій дозволяетъ мѣстному языку.

Въ 3-й группѣ, т.-е. въ Сербіи, желательно видѣть употребленіе русскаго языка вмѣсто французскаго въ сношеніяхъ мѣстныхъ учреждений съ русскими и другими славянскими. Въ школахъ русскій языкъ (какъ и въ первыхъ группахъ, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ), въ разныхъ степеняхъ, долженъ быть предметомъ преподаванія, или языкомъ его.

Всего любопытнѣе опредѣленія относительно русскаго языка въ группѣ 4-й, у славянъ австрійскихъ, германскихъ и турецкихъ. Поляки и сербо-лужичане въ Германіи должны, вѣроятно,

испытать судьбу славянъ балтійскихъ, т.-е. исчезнуть. Въ земляхъ турецкихъ слѣдовало бы ввести въ школахъ или обученіе русскому языку (также съ церковно-славянскимъ), или самое преподаваніе на немъ; въ училищахъ духовныхъ на русскомъ должна преподаваться догматика, прочіе отдѣлы богословія—на церковно-славянскомъ (чего нѣтъ даже и въ Россіи!).

Въ Австріи отъ хорватовъ г. Добрянскій желалъ большаго уваженія къ кирилловскому письму (?) и преподаванія въ среднихъ школахъ церковнаго и русскаго языка, а въ университетѣ—признанія послѣдняго преподавательскимъ языкомъ для всѣхъ отдѣловъ славяновѣденія. Австрійскіе поляки „должны уступить русскимъ львовскій университетъ и всѣ среднія училища восточной Галиціи“; но пова Добрянскій не замѣчалъ еще „отрезвленія поляковъ въ національномъ отношеніи“. Отъ чехо-мораванъ „можно требовать“—въ разныхъ школахъ преподаванія тѣхъ же языковъ, а въ университетѣ—преподаванія славяновѣденія на русскомъ языкѣ. Отъ словаковъ „нельзя ничего требовать“; потому что они не участвуютъ въ государственной и публичной жизни, не имѣютъ своихъ школъ, но это „не мѣшаетъ имъ стремиться къ духовному объединенію славянъ не менѣе другихъ вѣтвей нашего племени“. Почти тоже надо сказать объ угорскихъ сербахъ, но они могутъ ввести въ школахъ обученіе тѣмъ же языкамъ, а также преподаваніе на русскомъ и (богословія) опять на церковно-славянскомъ языкѣ.

„Дѣлая эти уступки общему языку, славяне поступились бы собственно не столько правами своихъ діалектовъ, сколько привычкою пользоваться въ научной области чужими языками“¹⁾.

Все это очень странно. Во-первыхъ, кто можетъ взять на себя „требовать“ отъ западныхъ и южныхъ славянъ такого-то употребленія русскаго языка; какимъ образомъ можетъ происходить преподаваніе на церковно-славянскомъ языкѣ, неизвѣстное въ самой Россіи; какимъ образомъ поляки „должны“ уступить русскимъ львовскій университетъ?—словомъ, рядъ произвольныхъ вещей, въ которыхъ г. Будиловичъ видитъ великую мудрость.

Не обошлось безъ совѣтовъ и самимъ русскимъ. Надо принять дѣйствительныя мѣры къ очищенію русскаго языка отъ распространенныхъ въ немъ варваризмовъ, т.-е. употребляемыхъ безъ надобности или неправильно иностранныхъ словъ: справедливо,—но въ примѣръ приведены, между прочимъ, такія слова, которыя должны бы считаться варваризмами и во всѣхъ европейскихъ

¹⁾ Будиловичъ, т. II, стр. 351—356.

языкахъ, какъ напр. „календарь“, „телеграфировать“; слово *герой* должно писать *ирой*, *библіотека*—*вивліооика*,—почему? Эти слова будто бы „дѣлаютъ русскій языкъ смѣшнымъ въ глазахъ славянъ и мѣшаютъ признанію его языкомъ общеславянскимъ“! Позволяемъ себѣ въ этомъ усомниться, потому что языки чешскій, сербскій, польскій, болгарскій не меньше русскаго пересыпаны подобными же иностранными словами, а нѣкоторыя изъ этихъ словъ еоставляютъ прямо всемірное достояніе. Для очищенія языка г. Добрянскій совѣтуетъ основать общеславянскую академію словесныхъ наукъ...

Передъ тѣмъ г. Будиловичъ привелъ подобные совѣты г. Гатталы: „онъ даетъ русскимъ писателямъ благой совѣтъ черпать поглубже изъ простонародной литературы, чтобы освободиться отъ гнета чужихъ языковъ и развить силы нравственныя вровень съ политическими“¹⁾. Послѣдняя часть совѣта темна, а первая свидѣтельствуемъ только о маломъ знакомствѣ чешскаго ученаго филолога съ новѣйшей русской литературой, потому что на дѣлѣ едва ли есть въ Европѣ другая литература, которая бы въ такой степени и съ такимъ сознательнымъ желаніемъ черпала изъ народнаго источника, какъ русская.

Наконецъ, что касается „привычекъ“ западныхъ славянъ пользоваться въ научной области чужими языками, странно читать о ней у писателя, которому должно бы быть извѣстно положеніе австрійскихъ славянъ, потому что и самъ онъ—австрійскій славянинъ. „Привычка“ эта создана вѣковой исторіей и вовсе не по доброй волѣ славянъ, а по необходимости, потому что нѣмецкій языкъ былъ для нихъ языкъ государства, школы, быта и господствующей литературы... Къ этому мы еще возвратимся.

Программа г. Добрянскаго кажется г. Будиловичу такимъ глубокимъ рѣшеніемъ вопроса, что на послѣднихъ страницахъ книги мы читаемъ слѣдующія странныя слова: „Еслибы подъ изложенной статей подписано было другое имя, то мы, соглашаясь съ авторомъ въ основныхъ воззрѣніяхъ, выставили бы и нѣкоторыя возраженія, напр. противъ включенія Сербіи въ сферу не русскаго, а австрійскаго вліянія²⁾; разнообразія требованій отъ одного и того же частнаго языка (напр. сербскаго), въ зависимости отъ государственнаго дробленія племени³⁾; неравенства

¹⁾ Томъ II, стр. 336.

²⁾ А Боснія и Герцеговина?

³⁾ Какъ будто какая-нибудь мелочь—это „государственное дробленіе“; это—государственная зависимость, которая въ концѣ концовъ могла бы совсѣмъ устранить всѣ эти „требованія“.

жертвъ на алтарѣ общаго языка, налагаемыхъ на различные частныя языки; присвоенія полумертвому ц.-славянскому языку правъ на живое употребленіе, въ преподаваніи закона Божія и т. п. Но, принимая въ соображеніе, что статья эта есть программа, начертанная самымъ компетентнымъ (?) изъ живущихъ нынѣ славянскихъ дѣятелей, который принималъ въ теченіе полувѣка дѣятельнѣйшее участіе въ разработкѣ занимающаго насъ вопроса словами, чехами, сербами и другими запредѣльными славянами, и имѣлъ возможность лучше другихъ ознакомиться и съ желаніями, и съ интересами этихъ славянъ,—мы не рѣшаемся возражать (?) противъ этой программы съ одностороннихъ, быть можетъ, теоретическихъ точекъ зрѣнія“. Авторъ оставляетъ программу г. Добрянскаго „священнымъ завѣтомъ, котораго исполненіе сокрыто въ темномъ лонѣ будущаго“¹⁾.

Авторъ не замѣчаетъ, что главный недостатокъ „программы“ г. Добрянскаго заключается вовсе не въ этихъ подробностяхъ, а въ томъ, что онъ вообще, какъ говорится, считалъ безъ хозяина, а именно, не справлялся ни съ исторіей, ни съ географіей, ни съ современнымъ состояніемъ славянской политической жизни и просвѣщенія. Онъ, ни мало не смущаясь, ставитъ категорическія требованія: славяне „должны“ сдѣлать то-то и то-то; но, во-первыхъ, они или могутъ встрѣтить въ этому препятствія отъ господствующей надъ ними власти (австрійской, турецкой, мадьярской), или сами не пожелаютъ исполнять „требованій“ г. Добрянскаго (напр. поляки—отдать русскимъ львовскій университетъ); а во-вторыхъ надъ ними стоятъ еще другія требованія столь же, если не болѣе, настоятельныя, потому что это—требованія историческія и каждодневныя требованія практической жизни. Таково, напримѣръ, положеніе славянъ относительно нѣмецкаго языка.

У славянскихъ патріотовъ того взгляда, какого держится г. Будиловичъ, отношенія славянъ къ нѣмцамъ изображаются вообще весьма странно. Жили мирно невинные славяне; вдругъ, откуда ни возьмись, явились нѣмцы и стали всячески обижать ихъ, или прямо ихъ грабили и истребляли, или поселяли раздоръ между ними и заставляли ихъ самихъ истреблять другъ друга, изгоняли славянскій языкъ и заставляли славянъ принимать нѣмецкій и т. п. Такъ началось тысячу лѣтъ тому назадъ, и по словамъ г. Будиловича, нѣмцы кромѣ того, что прямо угнетаютъ славянъ, доселѣ сохраняютъ и практикуютъ „традиціонное искусство ссорить славянъ между собою“²⁾, при чемъ славяне являются

¹⁾ Т. II, стр. 356—357.

²⁾ Стр. 368.

какъ будто въ незавидной роли глупыхъ ребятъ. Съ первыхъ вѣковъ славянской исторіи западному, а потомъ и южному славянству приходится жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нѣмцами и въ концѣ концовъ подпадать ихъ политическому и культурному господству. Въ борьбѣ многія славянскія племена исчезли безъ слѣда, но вина гибели лежала и на собственной ихъ политической и культурной слабости. Это была всегдашняя историческая борьба стихійныхъ племенныхъ силъ, гдѣ побѣда достается сильнѣйшему; здѣсь побѣждали нѣмцы, какъ въ другихъ случаяхъ побѣждали славяне; какъ ни прискорбна погибель племенъ, но несомнѣнно, что нѣмцы побѣждали не одною матеріальною силой, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ особенности, преимуществами своей культуры и просвѣщенія. Это было естественно: германцы гораздо раньше славянъ вступили на это поприще; кромѣ того, славяне, разрозненные, вступали въ отношенія съ цѣлою сосредоточенной массой германства; наконецъ, славянскія земли, какъ Чехія и Польша, сами призывали нѣмецкихъ колонистовъ. Если въ политическихъ столкновеніяхъ славянамъ приходилось выносить притѣсненія, то въ отношеніи культурномъ они естественно подчинялись нѣмецкому превосходству, которое не подлежало сомнѣнію. Въ концѣ концовъ, болѣе высокія области просвѣщенія могли быть доступны для славянъ только посредствомъ нѣмецкой школы, а затѣмъ нѣмецкій языкъ обступалъ славянство во всѣхъ областяхъ культурной жизни: нѣмецкій языкъ былъ языкомъ государства, школы, промысла, торговли, общественной жизни, литературы и искусства. Естественно, что славянство, вступившее въ кругъ этого вліянія, становилось двуязычнымъ и языкъ нѣмецкій, какъ орудіе общественной жизни, былъ не „привычкой“ (конечно, дурною, отъ которой этимъ двуязычнымъ славянамъ можно и слѣдуетъ отстать — по мнѣнію патріотовъ, какъ г. Добрянскій), а совершенной необходимостью, единственнымъ средствомъ для высшихъ ступеней образованія. Въ тѣ долгіе вѣка до XVIII столѣтія, когда славянство, въ особенности вслѣдствіе тяжелыхъ бѣдствій и стѣсненій, было или въ полномъ упадкѣ (какъ славянство балканское), или крайне запоздало въ образовательномъ отношеніи (какъ Россія), или страдало подъ гнетомъ католическаго обскурантизма (какъ Чехія и во многихъ отношеніяхъ Польша), въ Германіи шель неизмѣнно упорный трудъ просвѣщенія; она прошла цѣлый, богатый содержаніемъ цѣль этого труда и въ концѣ XVIII вѣка, — когда начинались первые слабые опыты славянскаго возрожденія, — Германія стояла уже въ первыхъ рядахъ европейскаго просвѣщенія: она имѣла уже Лессинга, Гердера, Канта, Шиллера и

Гёте; нѣмецкая мысль и поэтическій геній создали произведенія, которыя останутся великими памятниками во всемірной литературѣ; нѣмецкая эрудиція уже достигала своихъ грандіозныхъ размѣровъ. Каковы бы ни были политическія отношенія славянства подѣ нѣмецкой властью, какъ бы ни были тяжелы историческія воспоминанія, при всей племенной враждѣ и антипатіи нѣмецкая культура брала верхъ и добровольно принималась славянами въ обычномъ обиходѣ жизни, а въ области науки нѣмецкое просвѣщеніе становилось невольнымъ авторитетомъ и школой для круга людей образованныхъ и ученыхъ. Было бы ребячествомъ или лицемеріемъ отвергать, что именно помощь нѣмецкаго образованія и науки помогла самому славянскому возрожденію, доставивъ ему средства исторической и филологической науки. Нѣмецкая ученая школа, сначала на латинскомъ, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ, уже съ XVI вѣка начинаетъ служить славянскимъ изученіямъ, а въ XVIII вѣкѣ въ особенности, и именно въ славянскихъ рукахъ. Новѣйшіе радѣтели славянства хотятъ ставить и это въ вину славянскимъ ученымъ: знаменитый Добровскій писалъ по-латыни и по-нѣмецки, — но на какомъ славянскомъ языкѣ могли *тогда* явиться *Institutiones*, если онъ хотѣлъ, чтобы они дошли до ученаго міра? „Slavin“ и „Slovanka“ должны были говорить по-нѣмецки, чтобы *тогда* могли проникнуть въ саміе ученымъ славянамъ. И въ характерѣ научной работы у славянскихъ ученыхъ очевидна нѣмецкая школа: таковы были Шафарикъ, Копитаръ, Палацкій, Миклошичъ. И донинѣ славянскія изученія основаны, по методу, по источникамъ эрудиціи, на обширномъ содѣйствіи нѣмецкой науки ¹⁾. На нѣмецкомъ языкѣ были разрабо-

¹⁾ Возьмемъ для примѣра ученый трудъ г. Будиловича, посвященный изслѣдованію вопроса о необходимости и возможности общеславянскаго языка. Громадная доля ученаго матеріала, какимъ этотъ писатель воспользовался для исторіи общихъ языковъ древней и новой Европы, его ученые авторитеты—всего больше, почти поголовно нѣмецкіе. Пересмотримъ цитаты г. Будиловича.

О древнихъ грекахъ: Аренсъ; Г. Мейеръ; Кауеръ; Колицъ; Бергъ; Блассъ; Бругманъ; Бернгардъ; Штейнталь; Царнке; Крумбахеръ; Николай; Белохъ,—исключительно нѣмцы, и одинъ только французъ: Е. Egger.

О древнихъ римлянахъ: Лоттнеръ; Ниссенъ; Деке; Грёберъ; Штольцъ и Шмальцъ-Зеттль; Бернгардъ; Шухардтъ; Моммсенъ; Будинскій (Budinskij); Виндшмъ; В. Мейеръ; Фуксъ; Юрданъ,—все нѣмцы, и только два не-нѣмца: итальянецъ Асколи и русскій Ив. Цѣтсавъ.

Объ итальянцахъ: Длицъ; Шухардтъ; П. Мейеръ; Фуксъ; Клаге; Герландъ; Велеръ; Грёберъ; Гартвигъ; Вентрупъ; Гаспаръ; Шульцъ,—большинство нѣмцы и нѣсколько итальянцевъ: Ascoli, Caix, D'Ovidio, Biondelli, Paranti, Bartoli, Gelmetti и др.

По исторіи испанскаго языка: Герландъ; Виндшмъ; Грёберъ; Юлиусъ (переводъ Такнора); Гарценбушъ; Длицъ; Фуксъ; Михаэлисъ; Ферстеръ; Зейбольдъ; Бартъ;

таны или только черезъ нѣмцевъ доходили до славянъ новѣйшія системы историческаго и филологическаго изученія, такъ что славянскія работы здѣсь имѣли свой теоретическій источникъ и матеріалъ эрудиціи. Но кромѣ исторіи и филологіи и во всѣхъ прочихъ областяхъ науки, отъ философіи и наукъ государственныхъ до естествознанія со всѣми его приложеніями, наука нѣмецкая была для славянскихъ образованныхъ круговъ если не исключительнымъ, то главѣйшимъ источникомъ знаній и опорой для собственной научной работы. Другія европейскія литературы, какъ французская и англійская, вообще меньше извѣстны у славянъ; издавна и до сихъ поръ господство нѣмецкой литературы поддерживается тѣмъ двуязычьемъ, о которомъ мы упоминали. И понятно, что собственные литературы всего западнаго славянства безъ исключенія не могли идти съ нѣмецкой ни въ какое сравненіе по количеству и качеству научнаго матеріала; богатѣйшая изъ нихъ въ этомъ отношеніи, чешская литература представляла только матеріалъ учебниковъ и книгъ популярныхъ; въ ближайшихъ мѣстныхъ предметахъ исторіи, этнографіи и т. п. для сколько-нибудь серьезной научной работы надо было искать источниковъ и пособій въ нѣмецкой литературѣ, и чтобы дать широкую извѣстность ученому труду—надо было и писать по-нѣмецки.

Въ этихъ условіяхъ нѣмецкой школы, высшего образованія и науки находится все австрійское славянство; менѣе непосредственное, но тѣмъ не менѣе неизбѣжное вліяніе—въ области высшей науки—нѣмецкая литература давно имѣла и имѣетъ повсюду, въ томъ числѣ и у насъ (вмѣстѣ съ другими главными литературами Европы, французской и англійской). Это—необходимый элементъ просвѣщенія.

Если предполагается, что общеславянскій языкъ долженъ спасти славянъ отъ объѣмченія, это можетъ означать ни что иное, какъ цѣлую обширную и трудную борьбу во-первыхъ на политическомъ полѣ, во-вторыхъ на культурномъ,—борьбу во-первыхъ съ госу-

П. Мейеръ; Ф. Вольфъ; Шухардтъ, — опять нѣмцы и лишь нѣсколько французовъ (Дови, Сисмонди, Пюмигръ, Реклю) и нѣсколько испанцевъ (вѣроятно указанныхъ нѣмцами).

По исторіи французскаго языка: конечно, не мало французовъ, какъ Люттрэ, Гастонъ-Пари, Шабаго, Ниваръ, Обертэнъ; но не мало и нѣмцевъ: Дацъ; Грѣберъ; Suchier; Фуксъ; Бартъ; Нейманъ; Люкинъ; Фѣрстеръ; Бѣмеръ; Аймерикъ; Шухардтъ; Энциклопедія Эрша и Грубера.

По исторіи англійскаго языка: нѣсколько англійскихъ сочиненій и потомъ нѣмцы: Вивандъ; Шторкъ; Вѣддеверъ; Сиверсъ; Кѣртинъ; Тенъ-Бринкъ; Стефенсъ; Гриммъ.

По исторіи нѣмецкаго языка, включая сюда и языки скандинавскіе, цитируется литература, конечно, только нѣмецкая.

дарственнымъ и общественнымъ правомъ нѣмецкаго языка, во вторыхъ борьбу съ нѣмецкимъ языкомъ, какъ орудіемъ просвѣщенія. Но объ этомъ именно въ изслѣдованіи г. Будиловича мы не находимъ никакихъ объясненій.

Первымъ шагомъ для распространенія русскаго языка было бы, конечно, начальное введеніе его въ западному и южному славянству. Понятно, что „требовать“ въ этомъ случаѣ мы не имѣли бы никакого права и возможности, и весьма вѣроятно, что элементарное распространеніе русскаго языка можетъ быть достигнуто лишь очень не скоро и далеко не въ такой широкой формѣ, какъ мы читали въ „программѣ“ г. Добрянскаго: если не измѣнится совсѣмъ политическое положеніе западнаго славянства, то нѣмецкій и мадьярскій будутъ оставаться въ Австро-Венгріи *государственными* языками, которые, конечно, не отступятся отъ своего права. Но предположимъ даже, что все это случится; очевидно, что одно введеніе русскаго языка въ шеволу и затѣмъ распространеніе его въ болѣе образованныхъ кругахъ не измѣнятъ существующихъ отношеній славянства къ нѣмецкой культурѣ, или относительнаго значенія нѣмецкой и русскаго науки и просвѣщенія. Для того, чтобы русское просвѣщеніе могло отъучить славянъ отъ „привычки“ къ нѣмецкому и получило шансы господства, нужно, чтобы оно могло представить достаточный противовѣсъ нѣмецкому, т.-е. хотя приблизительно съ нимъ сравнялось. Единственное поприще, гдѣ русскій языкъ и литература могли бы представить такой противовѣсъ, были бы собственно русско-славянскія изученія; но общее вліяніе литературы не можетъ быть завоевано одною этою спеціальною областью (тѣмъ больше, что и здѣсь, какъ мы видѣли, все-таки нѣмецкая наука доставляла методъ и эрудицію), а будетъ рѣшено цѣлымъ объемомъ и характеромъ литературы. Въ настоящую минуту и, судя по нынѣшнему состоянію русскихъ наукъ, въ ближайшемъ будущемъ это соперничество совсѣмъ невозможно. Если русская литература предъявить меньшій объемъ научнаго знанія, неполный просторъ критическаго изслѣдованія, то славяне, и особливо двуязычные, съ нѣкоторыми научными запросами, естественно предпочтутъ другую литературу, съ болѣе широкимъ запасомъ знаній и съ полною свободою научнаго изслѣдованія и вообще литературнаго изложенія, т.-е. нѣмецкую. Чѣмъ больше будетъ случаевъ подобнаго сравненія, тѣмъ болѣе будетъ приобрѣтать авторитетъ одна литература, и терять другая.

Наши теоретики общеславянскаго языка какъ будто полагаютъ, что съ проникновеніемъ къ славянству русскаго языка

сдѣлано будетъ все: установятся между племенами нравственная связь, единство просвѣщенія и, вѣроятно также, единство политическаго сознанія. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ можно ожидать извѣстныхъ благопріятныхъ результатовъ: расширится по крайней мѣрѣ взаимное знакомство племенъ,—но сущность вопроса отъ этого нисколько не измѣнится; и если нѣмецкій языкъ все-таки будетъ сохранять свой авторитетъ болѣе высокаго уровня науки и бытовой культуры, русскій языкъ останется во второстепенной роли дилеттантскаго знанія. Въ дѣйствительности надо думать, что дѣло пойдетъ именно наоборотъ—что русскій языкъ будетъ распространяться только *послѣ* того, какъ русская литература или русская общественная и политическая жизнь пріобрѣтутъ для славянъ широкое значеніе, затрогивающее ихъ собственные интересы. Языкъ во всякомъ случаѣ есть только орудіе, и *чужой* языкъ (какимъ все-таки, при всей близости, русскій языкъ будетъ оставаться для славянъ) возьмѣтъ силу лишь тогда, когда возьмѣтъ силу выраженное имъ *содержаніе*.

Какимъ путемъ можетъ это случиться—безполезно загадывать. Но теоретически, по аналогіи другихъ „общихъ языковъ“, это можетъ произойти только въ связи и вслѣдствіе крупныхъ явленій въ русско-славянской жизни—политическихъ, религіозныхъ или образовательныхъ. Рѣшить дѣло не филологія, а напимѣръ политическій союзъ, въ той или другой формѣ, для котораго будетъ *необходимъ* общій языкъ; или широкое церковное движеніе, охватывающее большія массы и гдѣ явится та же *необходимость*; или наконецъ развитіе науки и литературы, воспріятіе которыхъ будетъ *потребностью* образованія.

Указываютъ на особенное распространеніе русскаго языка въ послѣднее время, и притомъ не только въ славянствѣ, но и у чужихъ народовъ западной Европы, и видятъ въ этомъ указаніе на будущее значеніе русскаго языка, какъ общеславянскаго. Явленіе интересное,—но куда его отнести, и можно ли считать его результатомъ специальныхъ славянолюбивыхъ проповѣдей? Едва ли. Во-первыхъ, въ послѣднее время вообще очень усилилось, сравнительно съ прежнимъ, стремленіе къ международнымъ изученіямъ: общеніе европейскихъ литературъ между собою едва ли когда-нибудь было такъ оживленно, какъ теперь, и при этомъ Европа въ первый разъ открыла замѣчательную плеяду нашихъ писателей, которые до тѣхъ поръ были тамъ почти неизвѣстны. Этотъ интересъ отразился и у славянъ, но нельзя скрыть, что славяне въ этомъ отношеніи шли позади нѣмцевъ и французовъ: раньше они—проглядѣли русскую литературу. Во-вторыхъ, въ

большемъ распространеніи русскихъ изученій у славянъ участвовали политическія событія, привлечшія вниманіе къ славянскимъ отношеніямъ Россіи (участіе русскихъ въ сербо-турецкой войнѣ и война русско-турецкая). Наконецъ, въ-третьихъ, что касается „открытія каедръ“ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, на которое съ удовольствіемъ указываетъ г. Будиловичъ, оно имѣетъ частію цѣли совсѣмъ спеціальныя, которыя должны бы мало располагать насъ въ ощущенію удовольствія: это—изученіе русскаго языка нѣмецкими офицерами на случай войны съ Россіей.

Но во всякомъ случаѣ, для сколько-нибудь широкаго, а не только отрывочнаго и любительскаго распространенія русскаго языка въ славянской средѣ, ему должно будетъ выдержать соперничество съ языкомъ нѣмецкимъ—въ области науки и литературы, выдержать соперничество съ постояннымъ вліяніемъ (и распространеніемъ?) нѣмецкаго языка въ бытовыхъ отношеніяхъ, въ общественной жизни и всякой матеріальной культурѣ и промислѣ. Совмѣстная съ нѣмцами политическая жизнь славянъ будетъ, какъ всегда, поддерживать значеніе нѣмецкаго языка. Присоединяется, наконецъ, еще немаловажное обстоятельство: характеръ учреждений (напр. въ современной Австріи) ставить славянское общество на болѣе высокой уровень политическихъ понятій и нравовъ, чѣмъ уровень русскаго общества: русская литература, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она существуетъ, не можетъ выдержать конкуренціи съ нѣмецкою печатью по всѣмъ вопросамъ философіи, науки, политики, соціальной жизни, для которыхъ требуется большая свобода слова и печати.

Такъ сложенъ и многотруденъ вопросъ, и именно эти внутреннія обстоятельства и условія его совершенно обойдены въ изслѣдованіи г. Будиловича: рѣшеніемъ онъ считаетъ „программу“ г. Добрянскаго съ мало возможными „требованіями“ отъ славянъ и съ ребяческими совѣтами русскимъ выбинуть слово „телеграфъ“ и писать „проя“ вмѣсто „герой“... Но если мы „должны идти на встрѣчу стремленіямъ славянъ къ объединенію на почвѣ русскаго языка“, мы обязаны правдиво изучить и сознать тѣ требованія, какія налагались бы на нашу собственную жизнь и литературу этимъ широкимъ запросомъ, а съ другой стороны правдиво оцѣнить и „стремленія славянъ“, въ которыхъ остается еще очень много невьясненнаго и спорнаго.

Довольно много лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай останавливаться на этомъ самомъ вопросѣ и высказывали тѣ же самыя представленія объ этомъ предметѣ, какихъ держимся и теперь. Считаемо лишнимъ повторить вратцѣ эти соображенія, изло-

женныя по поводу подобной защиты русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго и по поводу упрековъ, какіе дѣлались при этомъ западному и южному славянству за ихъ малую заботливость о томъ, чтобы принять русскій языкъ и вообще применить къ Россіи ¹⁾).

Мы говорили, что это принятіе славянами русскаго языка представляется нашимъ славянолюбцамъ слишкомъ легкимъ: сколько бы ни былъ важенъ для славянъ русскій языкъ (съ чѣмъ мы, съ своей стороны, вполне согласны), очевидно, что принятіе его „добровольное“ на дѣлѣ можетъ быть только вынужденнымъ какими-либо очень сильными причинами и соображеніями и русскому языку пришлось бы выдержать двоякую, въ обоихъ случаяхъ очень трудную борьбу—во-первыхъ съ мѣстными славянскими языками, во-вторыхъ—съ нѣмецкимъ. Любовь къ родному языку отождествляется у славянъ съ цѣлымъ представленіемъ объ ихъ новѣйшемъ возрожденіи. Когда въ пору этого возрожденія ставился вопросъ о народностяхъ, которымъ грозила опасность, любовь къ родному языку вызвала одушевленные порывы патриотизма и могла совершить дѣла, по самому строгому суду замѣчательныя—такое, наприм., созданіе почти изъ ничего новой чешской литературы. У насъ до сихъ поръ не хотять повяты этой стороны славянской національной жизни, и думаютъ объяснять только непониманіемъ, даже зложелательствомъ эту прямую привязанность къ своему, старому, родному. Напротивъ, здѣсь сказывается глубочайшій инстинктъ національной стихіи—изъ него именно исходить все то, что поражаетъ наблюдателей въ славянскомъ возрожденіи, что дало народамъ силу подняться изъ гибели, повидимому уже близкой и неотвратимой. Если направленіе этого инстинкта намъ не нравится, кажется слишкомъ исключительнымъ, не соответствующимъ пользамъ цѣлаго славянства, то противодействовать ему, дать ему иной оборотъ можно только фактически противопоставляя ему другой, болѣе могущественный принципъ, новую политическую и образовательную силу, предоставляя ей совершать историческое дѣло: только подобное нравственное вліяніе способно инымъ образомъ направить могущественный, въ сущности глубокій и благородный инстинктъ любви къ мѣстной родинѣ и историческому преданію.

Защитники русскаго языка, какъ общеславянскаго, утверждали, что единство письменнаго языка достигалось всегда „искусственной игемоніей“ одного изъ нарѣчій, и указывали на при-

¹⁾ См. „Литературный панславизмъ“, „Вѣстн. Европы“, 1879, августъ.

жѣры европейскихъ языковъ. Но, во-первыхъ, положеніе нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій никакъ нельзя сравнить со старымъ положеніемъ нарѣчій итальянскихъ, нѣмецкихъ или французскихъ. Славянство въ историческія времена никогда не было компактнымъ племенемъ, или части котораго были бы связаны сосѣдствомъ, культурой или близкими политическими отношеніями; напротивъ, оно было издавна раскидано на огромномъ пространствѣ, которое одно уже дѣлало подобную связь невозможной. Оттого славянскія литературы развивались совершенно разрозненно, и только теперь, черезъ тысячу лѣтъ существованія ихъ письменности, возникаютъ первые разговоры о необходимости единства, достигнутаго другими народами много вѣка тому назадъ. Во-вторыхъ „игемонію“, создавшую европейскіе литературные языки, никакъ нельзя назвать искусственной, т.-е. кѣмъ-либо придуманной, намѣренно исполняемой. Совсѣмъ напротивъ; она была логическимъ выводомъ изъ *общихъ условій* національной жизни; ее приводило или весьма реальное политическое преобладаніе одного края или мѣстнаго центра надъ другими, или преобладаніе экономическо-торговое, или книжное и образовательное, иногда превосходство самаго нарѣчія, его легкость и красота, появленіе талантливыхъ писателей, становившихся образцами, или всѣ такія и подобныя причины вмѣстѣ. Словомъ, не искусственное соглашеніе нѣсколькихъ книжниковъ, а общія причины, подъ вліяніемъ которыхъ были и сами книжники, дѣлали то, что одно нарѣчіе возвышалось надъ другими и захватывало литературную жизнь народа. Исторія литературнаго языка (и, напримеръ, также русскаго) обыкновенно и состоитъ въ указаніи этихъ общихъ явленій, опредѣлявшихъ разное свойство книжной рѣчи въ разныя эпохи народной жизни и образованности.

Такимъ образомъ и въ вопросѣ о принятіи русскаго литературнаго языка славянами, если когда-нибудь оно совершится, должны будутъ дѣйствовать именно общія причины—не искусственно, а органически-принудительно дѣйствующія на складъ племенной жизни, и уже *затѣмъ* на языкъ и литературу: если эти причины не сложатся такъ, чтобы вести къ этому факту, то напрасны будутъ единичныя, хотя бы наилучшія и благожелательныя усилія книжниковъ.

Вопросъ о распространеніи русскаго языка въ славянствѣ не можетъ рѣшиться иначе, какъ всею сложностью русской національной жизни и отношеніями ея къ славянству и Европѣ. Одна вѣдущая сила государственная—въ областяхъ чуждыхъ славянству—не привлечетъ славянъ къ русскому языку, какъ очень

мало привлекала до сихъ поръ; расширеніе области русскаго языка, само по себѣ, также мало привлечетъ ихъ—мы полагаемъ, напр., что расширеніе области русскаго языка въ Средней Азіи (тамъ онъ расширяется всего больше) будетъ для славянъ совершенно безразлично, какъ въ прежніе вѣка распространеніе русскаго языка въ громадныхъ областяхъ Сибири не помогло ему усилиться у западныхъ славянъ ¹⁾...

Намъ, русскимъ, бесполезно настаивать на необходимости русскаго языка для славянъ и увѣрять ихъ въ этомъ. Цѣль не будетъ достигнута, если русская общественно-политическая жизнь, образованность и литература не будутъ имѣть для славянъ глубокой внутренней важности, и если при этомъ онѣ не пересилятъ въ жизни и умахъ славянства тѣхъ чужеземныхъ вліяній, особливо нѣмецкихъ, которыя до сихъ поръ надъ нимъ господствовали и господствуютъ. То и другое тѣсно связано. Въ настоящую минуту положеніе нашей общественно-политической жизни и литературы вовсе не таково, чтобы онѣ могли оказать на славянство то привлекающее дѣйствіе, о которомъ мы говорили; еще менѣе русская образованность и литература, въ своемъ прошломъ и нынѣшнемъ состояніи, могутъ соперничать съ западно-европейскими настолько, чтобы русская литература могла замѣнить для западнаго славянства то, чего оно ищетъ (и находитъ) теперь въ литературѣ западно-европейской.

Такъ говорили мы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда по другому поводу намъ привелось коснуться вопроса о необходимости для славянъ русскаго языка въ качествѣ общаго. Книга г. Будиловича, любопытная и полезная по собранному въ ней историко-литературному матеріалу, не измѣнила нашего мнѣнія о предметѣ, или не принесла, по существу, новыхъ объясненій вопроса объ общеславянскомъ языкѣ. Собранныя имъ аналогіи изъ исторіи общихъ языковъ древней и новой Европы, какъ мы видѣли, неприложимы къ русско-славянскому міру, слишкомъ раздѣленному географически, исторически, въ отношеніи религіозномъ

¹⁾ Если бы даже дѣйствительно,—какъ утверждаетъ г. Будиловичъ (II, стр. 294),—„историческій размахъ русскаго языка не видался уже въ политическихъ предѣлахъ Россіи, и его обаяніе отражалось даже въ языкахъ „арабскомъ и персидскомъ, авганскомъ и табетскомъ, китайскомъ и японскомъ“ (?), это послѣднее не имѣло бы значенія для распространенія русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго,—потому что не имѣло бы никакого отношенія къ дѣламъ славянскимъ, совсѣмъ независимымъ отъ китайцевъ и японцевъ.

и политическомъ, гдѣ самое сохраненіе отдѣльныхъ племенъ до настоящаго времени утверждалось именно на развитіи мѣстныхъ народностей и потому принятіе общаго языка, въ его настоящемъ значеніи, соединено было бы съ особенными великими трудностями, какихъ не представляетъ исторія другихъ общихъ языковъ,—тѣмъ болѣе, что эти частныя народности (кромѣ одной *домъ* Польши) находятся въ другихъ государствахъ, съ другимъ *государственнымъ* языкомъ, и нѣкоторыя въ теченіе многихъ вѣковъ испытывали сильное культурное вліяніе нѣмецкое, съ которыми вполнѣ сжились.

Подобному положенію вещей не представляетъ аналогіи никакой другой общій языкъ. Эти аналогіи могутъ дать лишь нѣкоторыя указанія относительно образованія общихъ языковъ, но не могутъ быть примѣняемы непосредственно, какъ это дѣлаетъ г. Будиловичъ. Напротивъ, славяно-русскія отношенія должны быть изучаемы въ ихъ особыхъ условіяхъ, для которыхъ другіе языки и народы не представляютъ примѣра.

Какъ мы замѣчали, желанія и совѣты г. Будиловича славянамъ относительно общеславянскаго-русскаго языка дwoятся, и на самомъ дѣлѣ распространеніе русскаго языка могло бы произойти двоякимъ образомъ: или онъ могъ бы быть усвоенъ однимъ болѣе образованнымъ классомъ славянскаго общества разныхъ племенъ; или онъ могъ бы получить дѣйствительное значеніе общаго языка.

Первое изъ этихъ желаній—довольно скромно и могло бы со временемъ осуществиться, съ литературными успѣхами русскими и славянскими. Русскій языкъ могъ бы быть извѣстенъ у славянъ такъ, какъ въ большой массѣ нашего общества распространены теперь французскій или меньше—нѣмецкій и англійскій. У насъ читаются французскія газеты, и особенно романы; въ Петербургѣ держится французскій театръ; въ ученomъ кругу читается много нѣмецкихъ научныхъ сочиненій. Такимъ образомъ можетъ распространяться въ данномъ обществѣ даже совсѣмъ чужой языкъ; но извѣстно, что для этого потребовалось великое образовательное значеніе этихъ западно-европейскихъ языковъ,—еще съ первой половины XVIII-го вѣка изъ литературы этихъ языковъ почерпались начатки нашего образованія, французскій былъ не только языкомъ „дипломатическимъ“, но и языкомъ свѣтской жизни, для утонченныхъ формъ которой еще не успѣлъ выработаться собственный языкъ, и т. д.; языкъ нѣмецкій былъ не только языкомъ богатой литературы, но и языкомъ перваго высшаго ученаго учрежденія, наполненнаго выписными нѣмецкими учеными, когда своихъ еще совсѣмъ не было, и т. д.; наконецъ, еще съ прошлаго вѣка

практическими распространителями этихъ языковъ въ нашемъ обществѣ были многочисленные педагоги-иностранцы (французы и нѣмцы), жившіе по домамъ русскаго дворянства и необходимые въ свое время при слабой постановкѣ нашего учебнаго дѣла. Еще съ прошлаго вѣка оба эти языка стали въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ предметомъ преподаванія, — конечно, безъ заботы самихъ французовъ и нѣмцевъ о распространеніи ихъ „общаго языка“.

Русскій языкъ, разумѣется, несравненно легче могъ бы усвоиваться славянами, чѣмъ французскій и нѣмецкій; но должно думать, что если бы даже искомое распространеніе его ограничивалось однимъ образованнымъ кругомъ, то и въ этомъ случаѣ требовалось бы, чтобы литература русскаго языка представляла важное образовательное содержаніе и чтобы притомъ языкъ могъ быть изучаемъ въ школѣ. Такимъ образомъ для этой умѣренной степени усвоенія русскаго языка требовались бы не увѣренія со стороны русскихъ, что славянамъ полезно усвоить русскій языкъ, а успѣхи русской литературы, которые могутъ быть достигнуты только съ успѣхами русской общественности. Что касается введенія русскаго языка въ южную и западную славянскую школу, хотя бы для платоническаго изученія русской литературы, а тѣмъ болѣе въ качествѣ языка самаго преподаванія, это по всей вѣроятности не могло бы остаться частнымъ дѣломъ славянскихъ патріотовъ и, напротивъ, составило бы вопросъ официальный, и трудно думать, чтобы введеніе русскаго языка въ школу, напр. въ Австрію, не встрѣтило бы весьма упорнаго сопротивленія въ нѣмецкомъ и венгерскомъ правительствѣ.

Но г. Будиловичъ имѣетъ въ виду не это, а именно широкое господство русскаго языка въ славянскомъ мірѣ, господство во всѣхъ функціяхъ науки, литературы, общественной жизни, — такъ, чтобы наличныя литературы славянскихъ племенъ, собственно говоря, были устранены отъ ихъ современнаго значенія, не были, правда, уничтожены совсѣмъ, но поставлены были въ роль узкомѣстныхъ литературъ, въ роль провинціализма, служащаго только для тѣснаго домашняго обихода. Только въ этомъ смыслѣ можно понимать обширное изслѣдованіе, гдѣ въ сравненію привлечены языки древней и новой Европы, получившіе значеніе не только могущественныхъ *общихъ* языковъ въ кругу громадныхъ племенъ, но и значеніе всемірныхъ, общечеловѣческихъ орудій умственнаго обмѣна и цивилизаціи, какъ древніе греческій и латинскій, какъ новѣйшіе французскій, нѣмецкій, англійскій.

Изъ пересмотра ихъ исторіи г. Будиловичъ, какъ выше ука-

зано, извлечь то общее положеніе, что историческіе факторы, дѣйствующіе на образованіе общихъ языковъ, заключаются въ слѣдующемъ: въ свойствахъ самихъ языковъ; въ географическомъ положеніи народовъ, которое способствовало роли того или другого нарѣчія; въ условіяхъ политическихъ и общественныхъ; въ явленіяхъ жизни религіозной; въ личной дѣятельности писателей; въ творчествѣ философскомъ или художественномъ. Область дѣйствія общихъ языковъ г. Будиловичъ изображаетъ такъ: „по мѣрѣ того, какъ общій языкъ, при содѣйствіи указанныхъ факторовъ, утверждается въ роли высшаго представителя извѣстной группы діалектовъ, онъ *постепенно переводитъ на себя* высшія задачи и отправленія послѣднихъ: становится органомъ богослуженія, государственнаго управленія, высшаго образованія, науки и литературы, проникаетъ даже въ домашній обиходъ образованныхъ сословій“.

Таково, слѣдовательно, значеніе, которое должно предстоять и будущему общеславянскому языку. Если онъ будетъ настоящимъ „общимъ языкомъ“, который можно сравнивать съ французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, онъ долженъ стать языкомъ богослуженія, государственнаго управленія, науки и литературы. Словомъ, въ славянскомъ мѣрѣ съ этимъ общимъ языкомъ долженъ совершиться громадный переворотъ, или иначе, громадный переворотъ долженъ быть совершенъ для того, чтобы русскій языкъ могъ явиться въ подобной роли общаго языка. До сихъ поръ въ *богослуженіи* славянство было раздѣлено: у племенъ православныхъ господствуетъ языкъ церковно-славянскій, у католическихъ — латинскій, у (немногихъ) протестантовъ — мѣстный; все это должно объединиться? Какимъ образомъ это могло бы произойти, — трудно сказать. Можетъ быть, еще труднѣе представить себѣ, какъ общеславянскій языкъ, т.-е. русскій, можетъ стать у всѣхъ славянъ языкомъ *государственнаго управленія*: очевидно, что русскій языкъ можетъ стать языкомъ государственнаго управленія только въ русскомъ государствѣ; надо, слѣдовательно, предполагать, что славянство или войдетъ въ составъ російской имперіи, или по крайней мѣрѣ образуетъ какой-нибудь политическій союзъ подъ авторитетомъ Россіи и во всякомъ случаѣ свободный отъ нѣмцевъ или мадьяръ, потому что иначе въ этихъ частяхъ языкомъ государственнаго управленія остался бы или нѣмецкій, или мадьярскій. Далѣе, можно до нѣкоторой степени представить, что русскій языкъ слѣдается у всѣхъ славянъ языкомъ *науки*, — но опять, можетъ ли онъ стать, при чужомъ государственномъ языкѣ, языкомъ школы, питающей эту науку? Еще труднѣе было бы себѣ представить,

какимъ образомъ русскій языкъ сдѣлался бы языкомъ собственно *литературы*, т.-е. языкомъ художественнаго творчества, беллетристики, ежедневной печати. Этого рода литература такъ тѣсно связана именно съ мѣстнымъ бытомъ, множествомъ частныхъ племенныхъ особенностей, обычая, нравовъ, языка, историческихъ преданій, народной поэзіи, что содержаніе ея было бы чрезвычайно трудно, почти даже невозможно уложить въ формы „общаго“ языка, выросшаго въ совершенно иныхъ племенныхъ историческихъ условіяхъ и въ сущности чуждаго этимъ мѣстнымъ особенностямъ. Если говорятъ о мѣстныхъ литературахъ западной Европы, напр. на нарѣчіяхъ французскихъ и нѣмецкихъ, то тамъ различіе нарѣчій сглаживается однако общностью историческаго преданія и однородностью основныхъ формъ быта: но чтѣ общаго имѣтъ чехъ, полякъ, хорватъ, болгаринъ, во всѣхъ, крупныхъ и мелкихъ чертахъ ихъ нравовъ, обычаевъ, преданій и т. д., и какъ изображеніе ихъ быта можетъ быть достигнуто на одномъ общеславянскомъ, т.-е. велико русскомъ языкѣ? Еслибы какимъ-нибудь чудомъ русскій языкъ сталъ въ одно прекрасное утро общеславянскимъ, то эта масса мѣстныхъ особенностей, кажется, должна была бы снова вызвать въ этомъ общемъ языкѣ мѣстные оттѣнки старыхъ нарѣчій. Или же для того, чтобы русскій (общеславянскій) языкъ могъ въ полной мѣрѣ удовлетворять литературнымъ требованіямъ славянства, нужно, чтобы въ будущей жизни славянства стерлись эти мѣстныя особенности, преобразовался бытъ, забылись историческія преданія, чтобы русскій языкъ не только въ образованныхъ классахъ, но и въ цѣлыхъ массахъ народныхъ сталъ обыкновеню или по крайней мѣрѣ знакомою рѣчью.

Таковы громадныя требованія, которыя должны бы быть выполнены для того, чтобы могъ быть достигнутъ настоящій общеславянскій языкъ. Еслибы мы стали ограничивать эти требованія, въ виду трудности или недостижимости ихъ выполненія, мы должны были бы отказаться и отъ настоящихъ размѣровъ; какіе должны имѣть общій языкъ: получилось бы нѣчто неполное, въ родѣ „ученаго“ и „дипломатическаго“ общаго языка, который имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, свои выгоды, но далеко не имѣлъ бы тѣхъ преимуществъ, какія принадлежать дѣйствительно общимъ языкамъ¹⁾.

¹⁾ Принимаемъ опять опредѣленіе этихъ преимуществъ, сдѣланное г. Будлювичемъ:

„Общіе языки сближаютъ самыя отдаленныя области разнообразнаго населенія возможностью взаимнаго обмена мыслей, чувствъ, желаній; служатъ основой и символомъ національнаго единства; сопровождаютъ всѣ великія религіозныя движенія и облегчаютъ ихъ распространеніе на громадныхъ нерѣдко территорияхъ; сплавляютъ

Какъ можно видѣть изъ сдѣланнаго нами изложенія книги г. Будиловича, въ его изслѣдованіи именно на эти многотрудные вопросы мы почти не найдемъ отвѣта или получаемъ только разнорѣчивые намеки. То читателю представляется, что по мнѣнію нашего теоретика общеславянскій языкъ возможенъ даже при существующемъ политическомъ дѣленіи; то читатель встрѣчаетъ бросаемыя мимоходомъ угрозы нѣмцамъ, изъ которыхъ надо заключать, что для будущаго общеславянскаго языка необходимо свергнуть нѣмецкое иго, лежащее на западномъ славянствѣ. Но въ первомъ случаѣ авторъ не объясняетъ, какимъ образомъ „общій“ славянскій языкъ можетъ существовать рядомъ съ чужимъ государственнымъ языкомъ,—оба они, конечно, исключали бы другъ друга. Относительно языка церковнаго, авторъ даетъ указанія о попыткахъ, какія дѣлаются теперь для введенія славянскаго языка въ литургію, напр. у хорватовъ, но оставляетъ неразъясненнымъ вопросъ о томъ, возможно ли было бы когда-нибудь достигнуть славянской литургіи тамъ, гдѣ ея нивогда не было.

Относительно правъ русскаго языка на роль общеславянскаго, г. Будиловичъ приводитъ соображенія, заимствованныя главнымъ образомъ отъ громадности русскаго государства, его политическаго могущества и отъ „историческаго размаха“ русскаго языка. Но громадность государства, развивавшагося и донинѣ существующаго *оно* южнаго и западнаго славянства, можетъ не оказывать никакого осязательнаго вліянія на внутреннюю жизнь этого славянства,—какъ до сихъ поръ дѣйствительно не оказывало. Политическое могущество можетъ естественно привлекать вниманіе къ странѣ родственной и вліяніе которой можетъ косвенно отражаться на судьбѣ самаго славянства; но отсюда еще далеко до такого вліянія, которое захватывало бы внутренній, интимный бытъ славянъ, живущихъ въ другихъ государствахъ, захватывало бы до такой степени, что побуждало бы даже къ принятію чужого языка. Подобное встрѣчаемъ и въ языкахъ западной Европы: голландскій остался отдѣльнымъ отъ нѣмецкаго, португальскій отъ испанскаго; скандинавское племя произвело три отдѣльныхъ народа, языка и литературы. Что касается „историческаго размаха“ русскаго языка, онъ изображенъ у г. Будиловича нѣсколько туманно: мы не знаемъ даже, что собственно разумѣтъ авторъ, когда говоритъ о томъ, что русскій языкъ производитъ „обаяніе“ ни много, ни мало, какъ даже на языки арабскій, ти-

обширные политическіе союзы; облегчаютъ задачи школы, а наконецъ, создаютъ для великаго писателя и сподручный матеріалъ для воплощенія его думъ, и высокій пьедесталъ для дѣйствія на современниковъ и потомство“.

бетскій, витайскій, японскій и т. д. Можно бы, напротивъ, замѣтить, что „размахъ“ не обнялъ до сихъ поръ очень многихъ инородческихъ племенъ, находящихся въ составѣ русскаго государства въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, иногда почти даже съ самаго основанія государства: не говоря о сравнительно недавно приобрѣтенныхъ земляхъ южной Россіи и Кавказа, инородцы съ ихъ языкомъ и даже язычествомъ еще цѣлы на сѣверѣ европейской Россіи, не успѣли обрусѣть въ Россіи центральной, а финны еще цѣлы подъ самымъ Петербургомъ; въ Сибири обрусѣніе инородцевъ и присоединеніе ихъ къ цивилизаціи также не можетъ похвалиться большими успѣхами: большая масса ихъ вымираетъ, не выходя изъ первобытнаго состоянія; другіе продолжаютъ оставаться въ первобытномъ состояніи.

Можетъ вызвать недоумѣнія и возраженія также историческая оцѣнка тѣхъ явленій, которыя г. Будиловичъ считаетъ прецедентомъ къ новѣйшему вопросу объ общеславянскомъ языкѣ. Нынѣшнюю постановку этого вопроса онъ считаетъ пятымъ опытомъ установленія общаго языка. Намъ кажется, что въ этомъ счетѣ есть большое преувеличеніе. Какъ мы замѣчали, роль церковно-славянскаго языка заключалась въ его литургическомъ значеніи; площадь его дѣятельности была съ самаго начала ограничена православнымъ славянствомъ, письменностью болгарской, сербской и русской; значеніе литературное опять съ самаго начала не шло дальше опредѣленныхъ рамокъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ самой чисто церковной письменности онъ подвергался уже видоизмѣненіямъ по мѣстнымъ нарѣчіямъ, то въ примѣненіи къ другимъ, не-литургическимъ областямъ литературы онъ тѣмъ болѣе разсѣивался не только по мѣстнымъ нарѣчіямъ, но и по родамъ литературы: сохраняясь болѣе или менѣе чистымъ въ сочиненіяхъ церковнаго характера, онъ уже только въ извѣстной долѣ являлся въ сочиненіяхъ историческихъ и совершенно исчезалъ въ письменности дѣловой и законодательной; литература чисто свѣтская, свободное художественное творчество, какъ извѣстно, не развились въ литературахъ, гдѣ онъ господствовалъ, до нѣкоторой степени испытывали его давленіе и послѣ, когда возникаютъ первые опыты свѣтской литературы: эти опыты начинаются устраненіемъ церковнаго элемента. Уже этотъ эмпирический фактъ исторіи указываетъ, что церковно-славянская форма „общаго“ языка не могла стать дѣйствительнымъ орудіемъ литературы, которая не можетъ существовать безъ тѣснѣйшей связи съ жизнью: для этой жизни церковно-славянскій языкъ имѣлъ только искусственное, архаическое выраженіе, которое въ концѣ концовъ не могло

не оказаться недостаточнымъ и рано или поздно было бы устранено внимательствомъ живого языка. Если такимъ образомъ церковно-славянскій съ самаго начала не служилъ (потому, что не могъ служить) для цѣлей письменности законодательной и дѣловой, если онъ не могъ служить литературѣ національно-художественной, если онъ съ самаго начала подвергался уже варіаціямъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ нарѣчій,—очевидно, что онъ не имѣлъ шансовъ стать не только общимъ языкомъ для разныхъ племенъ, но и остаться литературнымъ языкомъ въ какомъ-либо одномъ племени. Такимъ образомъ опытъ обще-славянскаго языка долженъ быть признанъ отрицательнымъ. Другіе опыты—сербскій, чешскій, польскій—имѣли столь частное и ограниченное внутреннее значеніе и вѣдшее распространеніе и имѣли столь временной и мѣстный характеръ, что опять въ сущности не могутъ служить доказательствомъ необходимости и возможности общеславянскаго языка: сербскій „общій“ языкъ не выходитъ за предѣлы балканскаго славянства, чешскій не шель дальше земель чешско-польскихъ, польскій—не дальше западной и южной Руси, и временная роль этихъ трехъ языковъ не оставила почти никакого слѣда въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ литературъ.

Что касается до новѣйшаго времени, польза общеславянскаго языка гораздо больше можетъ быть доказываема чисто теоретическимъ путемъ, чѣмъ тѣми примѣрами разсужденій объ общеславянскомъ языкѣ, какіе г. Будиловичъ извлекаетъ изъ новѣйшей славянской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, разсужденія Геркеля, Подгорника, Матіи Маяра и пр. свидѣлствуютъ, конечно, о благихъ желаніяхъ, но не о пониманіи условій языка и литературнаго развитія, а иногда о крайне поверхностномъ представленіи этихъ отношеній, какъ мы видѣли это даже въ той „программѣ“ г. Добрянскаго, о которой г. Будиловичъ говоритъ съ такимъ раболѣпствомъ.

Между прочимъ, эти ссылки на новѣйшую славянскую литературу не даютъ точнаго понятія о степени распространенія въ современномъ славянствѣ стремленія къ общему языку. Ссылки нашего автора указываютъ въ сущности чисто зачаточное положеніе вопроса, и самое распространеніе охоты къ изученію русскаго языка говоритъ только, что славянство пришло къ элементарному понятію о пользѣ знакомства съ русскою литературой, но вовсе не говоритъ о желаніи пожертвовать своими мѣстными нарѣчійми для языка, извѣстнаго все-таки чрезвычайно незначительному меньшинству. Бромъ нѣсколькихъ галицко-русскихъ книгъ, авторы которыхъ полагаютъ, что писали на обще-русскомъ языкѣ,

и которыя въ сущности написаны обыкновенно на языкѣ весьма варварскомъ, въ западномъ славянствѣ не явилось до сихъ поръ ни одной хотя бы научной книги, написанной славяниномъ на русскомъ языкѣ: такъ еще слабо то стремленіе къ русскому языку, которое со словъ г. Будиловича можно было бы принять за нѣчто весьма распространенное. Въ другомъ мѣстѣ мы указывали случай, что даже до послѣдняго времени иные славянскіе переводы изъ русской литературы на дѣлѣ были сдѣланы просто съ нѣмецкаго.

Еще одна черта въ аргументаціи г. Будиловича наводитъ на недоумѣнія. Онъ утверждаетъ неоднократно, что будущій общеславянскій языкъ, т.-е. русскій, не будетъ стѣснителенъ для мѣстныхъ нарѣчій, которыя такимъ образомъ могутъ быть спокойны за свое существованіе: отношенія сложатся путемъ мирнаго развитія естественнымъ соотношеніемъ силъ. Между тѣмъ въ другихъ случаяхъ находимъ въ той же книгѣ вовсе не столь мирныя перспективы. Начримѣръ, отношеніе автора къ судьбѣ польскаго языка диктуется уже не теоретическими славянско-братскими соображеніями, а строится на современномъ положеніи русской Польши: чувствуя противорѣчіе, авторъ замѣчаетъ, что „въ ненормальности отношеній русско-польскихъ никто не можетъ видѣть прецедента для будущихъ отношеній ино-славянскихъ языковъ въ русскомъ по признаніи его общимъ языкомъ славянъ“. Напротивъ, славяне обыкновенно видятъ, и самъ авторъ даетъ имъ поводъ укрѣпляться въ этомъ мнѣніи: въ рекомендуемой имъ программѣ г. Добранскаго указываются даже мѣры, которыя могутъ быть приняты на случай, если поляки будутъ слишкомъ упорно стоять за свои племенные особенности; именно онъ совѣтуетъ колонизовать окраины Польши русскими поселенцами — на подобіе того, какъ это дѣлается въ Познани. Столь же мало благоприятное впечатлѣніе могутъ вынести славянскіе братья изъ другихъ разсужденій нашего автора. При всѣхъ его увѣреніяхъ, что принятіе общеславянскаго языка совершится мирнымъ образомъ ко всеобщему благополучію, его разсужденія теперь, когда еще нѣтъ никакого общеславянскаго языка, пронизаны духомъ вражды и нетерпимости. Если писатель держится не тѣхъ идей, какія г. Будиловичъ считаетъ правильными, взгляды этого писателя авторъ встрѣчаетъ весьма недружелюбно и самый писатель зачисляется въ ряды враговъ славянства, хотя бы даже исторія считала за этимъ врагомъ великія заслуги въ дѣлѣ славянскаго возрожденія. Рѣчь идетъ при этомъ не только о современникахъ, которые могли бы такъ или иначе пробуждать чувство нетерпимости, но и о людяхъ,

давно отошедшихъ въ исторію, и о которыхъ обязательно (и возможно) безпристрастное сужденіе: тамъ, гдѣ идетъ споръ о далеко не рѣшенномъ и не выясненномъ вопросѣ, гдѣ славянской патриотъ защищаетъ права и преданія своего частнаго племени или говоритъ противъ грубыхъ способовъ объединенія, мы слышимъ у г. Будиловича: „врагъ, врагъ!“ Идя послѣдовательно этимъ путемъ, придется, пожалуй, найти этихъ враговъ въ большинствѣ славянскаго міра.

Намъ остается сказать о тѣхъ способахъ, какими, по понятію г. Будиловича, можетъ произойти установленіе общеславянскаго языка или принятіе славянами русскаго языка въ качествѣ общаго. Онъ употребляетъ слово „признаніе“ въ такомъ смыслѣ, что славяне могли бы какъ будто въ одно прекрасное утро придти къ соглашенію о необходимости принять русскій языкъ, и съ тѣхъ поръ стали бы и употреблять его; или это могло бы произойти постепенно путемъ цѣлаго ряда „мѣръ“ въ родѣ тѣхъ, какія изложены въ программѣ г. Добрянскаго. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ представленіе г. Будиловича кажется намъ ошибочнымъ. Какимъ образомъ можетъ произойти соглашеніе въ вопросѣ, который обнималъ бы столь громадное число лицъ разныхъ племенъ и степеней образованія, которымъ пришлось бы употреблять новый литературный языкъ? Еслибы въ нѣкоторой, небольшой степени возможно было такое соглашеніе въ тѣсномъ кругу ученыхъ для литературы собственно научной, то какимъ образомъ могъ бы быть предписанъ языкъ для художественнаго творчества?—не говоримъ уже объ употребленіи общественно-бытовомъ и народномъ. Притомъ соглашеніе, очевидно, могло бы послѣдовать только въ томъ случаѣ, когда русскій языкъ былъ бы уже такъ сильно распространенъ, что имъ могло бы свободно владѣть большое число въ кругу писателей, людей образованныхъ и даже народной публики, когда кромѣ того можно было бы ожидать, что славянинъ, пишущій по-русски, найдетъ себѣ многочисленныхъ читателей внѣ своей родины, у другихъ славянскихъ племенъ, а также у русскіихъ,—но въ такомъ случаѣ дѣло, слѣдовательно, было бы сдѣлано раньше самаго соглашенія. Что касается мѣръ, предложенныхъ въ программѣ Добрянскаго, то мы замѣчали уже, что всѣ онѣ составляютъ личную произвольную фантазію, бесплодную и неосуществимую. Кто имѣетъ полномочіе дѣлать всѣ эти предписанія: сербы *должны*, чехи *должны*, поляки *должны* и т. д.,—но кто же можетъ заставить ихъ дѣлать то, что они „должны“, по мнѣнію г. Добрянскаго и Будиловича? Прошло уже четыре

года съ тѣхъ поръ, какъ г. Добрянскій выставилъ эти требованія, и мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ славянъ подумалъ даже объ ихъ исполненіи...

Изъ исторіи общихъ языковъ Европы нашъ авторъ могъ бы увидѣть, что никогда установленіе общихъ языковъ не совершалось путемъ такихъ соглашеній или предписаній. Напротивъ, какъ всякое органическое явленіе въ жизни народовъ, оно происходило само собою, незамѣтными шагами, въ непосредственной связи съ фактами дѣйствительной жизни, съ необходимостью законовъ развитія. Никто не дѣлаетъ предписаній—и однако племена, говорящіе разными нарѣчіями, сливаются на одномъ общемъ литературномъ языкѣ, который слагается изъ различныхъ элементовъ, но принадлежитъ обыкновенно выдающейся тѣмъ или другимъ части племени, сопровождается обыкновенно значеніемъ языка государственнаго, закрѣпляется произведеніями художественнаго творчества, становится разговорнымъ языкомъ образованнаго круга и обновляется изъ источниковъ народной рѣчи. Литературные круги, академія, школа, могутъ заботиться объ усовершенствованіи этого языка, о сообщеніи ему грамматической и литературной стройности, и на эту тему создается обыкновенно цѣлая литература,—но основа общаго языка дается широкими условіями жизни, фактическимъ господствомъ извѣстнаго отгѣнка народныхъ нарѣчій, вліяніемъ дѣйствительности, такъ что личному произволу или какому-нибудь „соглашенію“ нѣтъ мѣста. Когда говорятъ, что великій писатель дѣлается „законодателемъ“ языка, это есть не болѣе какъ условное выраженіе и значить только, что великій талантъ съ особенною живостью схватываетъ законы рѣчи, литературныя потребности данной минуты, и запечатлѣваетъ все это въ изящныхъ произведеніяхъ, которыя увлекаютъ и становятся образцомъ для толпы. То произвольное, чтѣ вносится въ литературный языкъ по настроенію времени, по личнымъ вкусамъ писателя (даже очень талантливаго), обыкновенно отпадаетъ съ теченіемъ времени, какъ, напримѣръ, въ нашемъ литературномъ языкѣ отпали церковныя слова, иностранныя слова Петровской эпохи, тяжелая постройка рѣчи прошлаго столѣтія, слащавая манера Карамзина и т. д.

Если такимъ образомъ въ первоначальномъ образованіи общаго языка, напримѣръ русскаго, совершается процессъ чисто органической, то тѣмъ же только органическимъ путемъ могло бы произойти возвышеніе русскаго языка до степени общеславянскаго. Никакіе приглашенія и зазывы съ нашей стороны, никакія „требованія“ не достигнуть этой цѣли, если не будутъ дѣйствовать условія

органическія. Въ томъ положеніи вещей, какое представляетъ теперь славянскій міръ и гдѣ племенные инстинкты (сила которыхъ остается доселѣ чрезвычайно неопредѣленной) крайне раздѣлены, затруднены и ослаблены условіями географическими и историческими, могутъ, кажется, вообще существовать только двѣ возможности такой органической связи, послѣдствіемъ которой можетъ быть установленіе общаго языка. Одна возможность—политическая, когда славянскія племена поставлены были бы въ такое положеніе, гдѣ русскій языкъ становился бы необходимостью, какъ языкъ государства или общественной жизни. Насколько подобная возможность достижима, объ этомъ существуютъ весьма различныя мнѣнія. Нашъ авторъ, повидимому, склоненъ принимать ее, судя по вырывающимся у него угрозамъ; на нашъ взглядъ осуществленіе ея до чрезвычайности трудно, такъ какъ равнялось бы громадному перевороту въ средней и южной (балканской) Европѣ, —перевороту, для котораго нѣтъ данныхъ и нѣтъ средствъ: у Россіи слишкомъ много своего внутренняго—и необходимѣйшаго—дѣла, чтобы пускаться въ политику приключеній. Остается другая возможность—литературная, то-есть такое развитіе русской литературы, при которомъ знакомство съ нею становилось бы такою же необходимою потребностью образованія, какою является теперь знакомство съ главными литературами западной Европы. Очевидно, что безъ этого русская литература не представляла бы для славянства никакого особаго интереса, и усвоеніе русскаго языка (предназначаемое, конечно, для пользованія литературою) не имѣло бы цѣли: славянинъ двуязычный имѣлъ бы въ литературѣ нѣмецкой такое богатое образовательное содержаніе, что для него изученіе еще русской литературы для образовательныхъ цѣлей было бы только излишнимъ бременемъ; въ славянствѣ балканскомъ, которое еще не стало двуязычнымъ, молодые поколѣнія для высшаго образованія стремились бы въ ближайшіе или болѣе высоко стоящіе умственные центры, какъ Вѣна, Берлинъ, Парижъ,—что уже дѣлается и въ настоящую минуту, — и разъ попавши сюда, эти люди всего чаще уже навсегда становятся болѣе или менѣе равнодушны въ литературнымъ интересамъ русскимъ. Эта перспектива, конечно, предстоить еще надолго, и шансы русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго въ большой мѣрѣ зависятъ и отъ этой постановки западно-славянскаго образованія. Для этой категоріи образованнаго славянства литературные и научные интересы будутъ раздвоиться: съ одной стороны болѣе серьезные труды ихъ будутъ отпадать въ литературу нѣмецкую, а ближайшимъ интересамъ будетъ служить литература

мѣстная; для литературы русской не будет оставаться мѣста иначе какъ въ видѣ добавочнаго случайнаго знанія, и понятно, что на этомъ пути русскому языку очень трудно было бы пріобрѣсти то значеніе, которое сдѣлало бы его общеславянскимъ.

Такимъ образомъ центръ тяжести всего вопроса лежитъ въ успѣхахъ самой русской литературы, то-есть въ успѣхахъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ она создается — художественнаго творчества, науки въ разныхъ ея отрасляхъ, общественной жизни, наконецъ народнаго быта. Одна внѣшняя громадность государства и его политическое вліяніе, одно преимущество Россіи надъ другими славянскими землями еще не создаютъ тѣхъ внутреннихъ условій, которыя помогли бы русскому языку сдѣлаться общеславянскимъ: внѣшнимъ политическимъ образомъ славянскія племена (за исключеніемъ одной части Польши) стоятъ внѣ русскаго вліянія. Единственнымъ поприщемъ воздѣйствія остаются племенное родство и интересы просвѣщенія. Племенное родство само по себѣ до сихъ поръ, черезъ тысячу лѣтъ историческаго существованія, не успѣло установить въ славянскомъ мірѣ прочнаго союза; оно можетъ оказать свое дѣйствіе только тогда, когда раздѣленные части племени соединятся въ общемъ высокомъ интересѣ, которымъ можетъ быть въ настоящихъ условіяхъ только интересъ широко поставленнаго просвѣщенія. Не говоря о томъ, что это есть высшая потребность сознательнаго существованія, съ этимъ связана и самая возможность объединенія, результатомъ котораго, а потомъ и орудіемъ, можетъ стать общій языкъ. Славянство мимо насъ, независимо отъ насъ, и иной разъ совсѣмъ противъ нашихъ желаній (подразумѣваемъ желанія многихъ изъ нашихъ славянскихъ патріотовъ) вовлечено въ интересы западной европейской жизни и просвѣщенія; очень часто при этомъ ему приводилось играть роль страдательную, терпѣть ущербъ для его племенныхъ интересовъ, даже утрачивать свои племенные черты и теряться въ иноплеменномъ морѣ. Мы хотимъ спасти славянство отъ обнѣмченія, но, кромѣ этихъ потерь въ племенномъ отношеніи, славянство пріобрѣтало извѣстную культуру, которая становилась его природой: очевидно, что спасти отъ обнѣмченія мы можемъ не подавленіемъ этой культуры, а только дальнѣйшимъ ея развитіемъ съ большимъ просторомъ для племенныхъ свойствъ. При этомъ намъ именно слѣдуетъ считаться съ тѣмъ содержаніемъ европейскаго просвѣщенія, къ которому славянство отчасти уже привыкло или которое оно въ настоящую минуту на нашихъ глазахъ стремится пріобрѣтать. Въ этихъ условіяхъ вопросъ нашего вліянія въ славянскомъ мірѣ становится прежде

всего вопросомъ нашего собственнаго просвѣщенія, которому предстояло бы бороться съ конкуренціей просвѣщенія европейскаго. Еслибы нашъ теоретикъ общеславянскаго языка правильно понялъ свою задачу, онъ долженъ былъ бы дать гораздо меньше мѣста археологiи и гораздо больше остановиться на этомъ существенномъ условiи всего дѣла.

Въ новѣйшемъ кругу нашихъ специальныхъ любителей славянства считается какъ бы обязательною фанатическая вражда къ европейскому западу и его просвѣщенію: эти любители славянства не подозрѣваютъ, что этой проповѣдью нетерпимости, составляющей будто бы убѣжденіе русскаго общества, они оказываютъ дурную услугу русско-славянскому единенію; въ сожалѣнію, въ книгѣ г. Будиловича можно встрѣтить не разъ примѣры такой фанатической вражды. Едва ли можно сомнѣваться, что подобный взглядъ на вещи не внушитъ наиболѣе образованнымъ славянамъ особеннаго сочувствія.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

(кн. А. В. ЦЕРЕТКИ *).

I.

Любовь—божественный завѣтъ,
Краса души и вѣчный свѣтъ —
За сладость первыхъ упоений
Береть, взамѣнь, года мученій
И долгихъ дней печальный бредъ.

Ея рабовъ чело, ланиты
Фиалкой съ терніемъ увиты;
Любовь ласкаетъ и страшитъ,
Она идетъ, она грозитъ—
И для нея сердца открыты.

Пришла волшебница... и вотъ
Пустое сердце вновь живетъ,
Полно высокаго блаженства
И близко къ тайнамъ совершенства...
Но если вдругъ она уйдетъ?..

Уйдетъ... О, рабъ, съ мольбой во взорѣ
Пади, рыдай въ своемъ позорѣ
И вновь зови ее, зови,—
Вѣдь тамъ, гдѣ есть хоть тѣнь любви—
Тамъ дышетъ счастьемъ и горе!

*) Въ апрѣльской книгѣ (стр. 697) былъ помѣщенъ переводъ въ прозѣ грузинской легенды: „Гогія-пѣвецъ“, того же автора.

II.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

— „Жена, жена, огня скорѣ!
 Почистить тахты, вымести полъ,
 И все, что въ домѣ есть—живѣе
 Подать сюда, на этотъ столъ!
 Уерась нашъ столъ и гусемъ грузнымъ,
 И дымнымъ съ жара шашлыкомъ,
 И желтымъ хлѣбомъ бузурувнымъ,
 И чаномъ съ дѣдовскимъ виномъ!
 Я жду гостей! Сегодня встрѣтилъ
 Я ихъ въ лѣсу; спросилъ—кто вы?
 Молчать... Никто мнѣ не отвѣтилъ
 Хотя бъ нахлономъ головы.
 Имъ чуждъ былъ мой привѣтъ нежданный,
 Мнѣ незнакомъ былъ ихъ языкъ,
 Но лица ихъ и видъ ихъ странный
 Мнѣ все открыли въ тотъ же мигъ.
 Я понялъ ихъ, едва одѣтыхъ,
 Со взоромъ, полнымъ долгихъ мукъ,
 Худыхъ, босыхъ и несогрѣтыхъ,
 Гонимыхъ голодомъ на югъ.
 Не мало дней, семьей случайной,
 Страдальцы бѣдные идутъ—
 Они идутъ, въ надеждѣ тайной
 Найти хоть гдѣ-нибудь пріютъ.
 Жена, раскроемъ имъ объятъя
 На ясномъ склонѣ нашихъ дней—
 Вѣдь по Адаму всѣ мы братья
 И Богъ единъ у всѣхъ людей“.

Раскрыта дверь—и гости входятъ;
 Глядятъ въ углы, но въ тѣхъ углахъ,
 Смутясь, пришельцы не находятъ
 Иконъ, обычныхъ въ ихъ домахъ...
 Идутъ къ столу—и, не крестясь,
 Ъдятъ и пьютъ, и, слава Богу,

Поѣвъ, попивъ, уже смѣясь,
Уходя въ новую дорогу.
Хозяинъ просить на ночь ихъ
И стелеть имъ уже постели,—
Но тѣ боятся мѣсть чужихъ,
Они остаться не посмѣли.
Они шептали: „Мы грѣшны...
Уйдемъ, продасть, погубить Каинъ,
Намъ ночи съ нехристомъ страшны“...
—И вотъ ушли... Смущенъ хозяинъ.

О, путники, никто изъ васъ
Не зналъ, спѣша уйти съ порога,
Что былъ тамъ крестъ, былъ образъ Бога,
Но лишь невидимый для глазъ,—
Въ душѣ простой, души услада,
Неугасима и ясна,
Любовью братской зажжена,
Сіяла кроткая лампада...

Я. Ивашкевичъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

Неурожай и народное бюджетіе. Спб., 1892. Стр. 270. Ц. 2 р.

Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, кажется, такого постояннаго и систематическаго разлада между теоріею и практикою, между идеями и фактами, между цѣлями и результатами,—какъ у насъ. Прекрасныя намѣренія и великодушныя порывы сопутствуютъ печальной дѣйствительности, почти не касаясь ея; благодѣтельные реформаторскіе планы горячо обсуждаются въ обществѣ и въ печати, подъ вліяніемъ какого-нибудь необычайнаго народнаго бѣдствія, а затѣмъ оставляются въ сторонѣ, удовлетворивъ публику принципиальнымъ рѣшеніемъ извѣстныхъ вопросовъ; насущныя потребности народа изслѣдуются и освѣщаются съ разныхъ сторонъ какъ бы только въ однихъ интересахъ отвлеченнаго знанія, и собранныя обильныя матеріалы пропадаютъ бесплодно въ архивахъ и библіотекахъ, безъ всякаго практическаго примѣненія къ жизни. Сколько дѣльныхъ соображеній, выводовъ и проектовъ похоронено въ многотомныхъ трудахъ различныхъ официальныхъ комиссій, начиная съ шестидесятихъ годовъ! Наша земская статистика, по богатству поучительныхъ данныхъ и по способамъ ихъ обработки, можетъ считаться образцомъ для Европы, а между тѣмъ она почти не существуетъ для людей, призванныхъ рѣшать сложныя и трудныя задачи, выдвигаемая экономическимъ положеніемъ крестьянства. Съ одной стороны, масса фактическихъ свѣденій, старательно собранныхъ и разработанныхъ, игнорируется на практикѣ и остается какою-то terra incognita, а съ другой—являются смѣлые исполнители, дѣйствующіе наугадъ, безъ знаній, подъ руководствомъ случайныхъ личныхъ впечатлѣній и предвзятыхъ рутин-

ныхъ взглядовъ. Отсюда цѣлый рядъ разочарованій и неожиданностей, иногда крайне тягостныхъ, чуть не трагическихъ.

О такомъ внутреннемъ разладѣ, характеризующемъ нашу общественную жизнь, особенно рѣзко напомнили обстоятельства и послѣдствія прошлагодняго неурожая. Многіе, многіе годы хозяйственнаго упадка и обнищанія сельскаго населенія подготовили то, что поразило всѣхъ своею необычайностью и чему даже не хотѣли вѣрить дѣятели, живущіе въ столицахъ и въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ. И однако, за ходомъ этого упадка и обнищанія внимательно слѣдила литература; объ этихъ постепенно усиливающихся признакахъ народнаго разоренія аккуратно докладывали изъ года въ годъ краснорѣчивыя цифры земской статистики; объ этихъ же явленіяхъ собирались официальные свѣденія въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и комиссіяхъ. Почему же факты, официально извѣстные и точно установленные, обращали на себя такъ мало вниманія и не вызывали соответственныхъ мѣръ для предупрежденія опаснаго кризиса?

Косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ замѣчательная книга, вышедшая недавно въ свѣтъ, подъ заглавіемъ „Неурожай и народное бѣдствіе“. Это сочиненіе представляетъ наиболѣе полный сводъ того, что мы знаемъ и чего не знаемъ о причинахъ и значеніи постигшей насъ бѣды, равно какъ и о способахъ выйти изъ критическаго состоянія въ будущемъ. Авторъ этого почтеннаго труда, пожелавшій въ данномъ случаѣ скрыть свое имя, соединилъ въ одну цѣльную обширную картину всѣ отдѣльныя, разрозненныя черты нашего современнаго сельскохозяйственнаго положенія и подробно намѣтилъ тѣ законодательныя, общественныя и экономическія реформы, которыя, по его мнѣнію, вызываются существующими условіями и потребностями земледѣлія. Въ книгѣ отдѣльно разобраны естественныя, физическія причины народнаго оскуднѣнія, и причины и условія экономическія. „Настоящій трудъ—по скромному замѣчанію автора—представляетъ собою, собственно говоря, только опытъ или, вѣрнѣе, *программу* такого двойственнаго изслѣдованія, которое, по обширности и многосложности своей, конечно, не подъ силу отдѣльному лицу, но важность и неотложную необходимость котораго для блага русской земли едва ли есть надобность доказывать“. Насколько всесторонне авторъ старался исполнить свою задачу, можно видѣть изъ длиннаго списка вопросовъ и мѣропріятій, предлагаемыхъ имъ для будущаго официального изслѣдованія и обсужденія: по первому отдѣлу, главные вопросы и проекты перечислены въ 16 пунктахъ (стр. 72—77), а по второму—въ 31 пунктѣ

(стр. 261—268), причѣмъ заранѣе дѣлается оговорка, что „этотъ длинный перечень вопросовъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ того дѣла, которое должно будетъ охватить проектируемое изслѣдованіе“, и что здѣсь намѣчены только „главнѣйшіе вопросы, на которыхъ прежде всего нужно будетъ остановиться“. Авторъ, впрочемъ, не ограничивается разработкою программы, а даетъ большую часть готовыхъ рѣшеній, высказанныхъ иногда въ категорической формѣ, хотя и въ видѣ „матеріала для дальнѣйшаго и болѣе полного обсужденія“. Мы не будемъ приводить содержанія этой въ высшей степени серьезной и поучительной книги; мы можемъ только совѣтовать прочесть ее каждому, кто только принимаетъ къ сердцу жизненные интересы страны и народа,—кстати, и самая книга продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, какъ то значится на обложкѣ. Нѣкоторыя положенія автора кажутся намъ не совсѣмъ вѣрными и слишкомъ рискованными (напр., объ общинномъ землевладѣніи); но въ нихъ, какъ и во всемъ содержаніи книги, отражается та господствующая у насъ, характерная двойственность мысли, о которой мы упомянули выше,—слѣдствіе хроническаго разлада между фактами и выводами, между теоріею и практикою.

Эта двойственность (которую мы нисколько не приписываемъ лично автору) обнаруживается постоянно, когда дѣло идетъ о мѣрахъ борьбы съ какимъ-нибудь важнымъ общественнымъ зломъ. Люди прекрасно сознаютъ, что цѣлебныя и предупредительныя средства, которыя до сихъ поръ не приводили къ практическимъ результатамъ, останутся бессильными и въ будущемъ, если не измѣнятся условія ихъ примѣненія, а между тѣмъ всякій разъ предлагаются съ горячностью тѣ же старыя, флетивныя методы леченія, основанные на очевидныхъ и давно испробованныхъ иллюзіяхъ. Если прежнія официальные изслѣдованія нашей сельской промышленности, какъ, на примѣръ, труды Валуевской комиссіи, относящіяся къ началу семидесятыхъ годовъ, не оказали замѣтнаго вліянія на дѣйствительный ходъ вещей, то почему же новое предполагаемое изслѣдованіе должно имѣть другую, болѣе счастливую судьбу? Измѣнились ли недостатки нашей податной системы отъ того, что они были добросовѣстно изслѣдованы и признаны въ трудахъ комиссіи шестидесятыхъ годовъ? И неужели въ самомъ дѣлѣ, послѣ сотенъ томовъ частныхъ, земскихъ и правительственныхъ свѣденій и матеріаловъ относительно крестьянскаго хозяйства и земледѣлія въ разныхъ частяхъ Россіи, мы все еще нуждаемся въ новыхъ обширныхъ изслѣдованіяхъ для того, чтобы принять какія-нибудь элементарныя мѣры для облегченія и под-

нати нашей земледѣльческой промышленности? Не заключается ли, напротивъ, нашъ главный грѣхъ въ систематическомъ невниманіи къ тѣмъ свѣденіямъ и указаніямъ, которыя уже существуютъ въ достаточномъ изобиліи? Въ томъ-то и дѣло, что у насъ изслѣдованія, сознанныя и изученныя потребности — сами по себѣ, а практическія мѣры и дѣйствія — сами по себѣ.

Почтенный авторъ изображаетъ яркими красками постепенное ухудшеніе естественныхъ условій нашего землѣлія, особенно въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ природѣ совершился какъ будто „небывалый переворотъ“, грозящій „гибелью цѣлой обширной части государства, на которую надвигаются зной и сушь безплодныхъ среднеазиатскихъ степей“; во всякомъ случаѣ, „настоящее положеніе нашей черноземной полосы такъ серьезно и будущее ея такъ страшно, что должно остановить на себѣ самое серьезное вниманіе правительства и науки и самихъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ дальнѣйшій исходъ этого положенія составляетъ, можно сказать, вопросъ жизни и смерти“. Главная, если не единственная причина этихъ неблагопріятныхъ климатическихъ перемѣнъ — „вырубка лѣсовъ, полное, мѣстами, обезлѣсеніе цѣлыхъ обширнѣйшихъ пространствъ, на которыхъ нѣкогда — и еще сравнительно весьма недавно, лѣтъ за 20—30 назадъ — росли могучіе, роскошные лѣса“. Лѣса, защищавшіе источники Волги и Днѣпра, „были вырублены сравнительно въ недавнее время; еще уцѣлѣли древесные пни на болотахъ, которыя теперь образовались на мѣстѣ прежнихъ обильныхъ водою источниковъ этихъ рѣкъ, а старый источникъ, дававшій начало Днѣпру, теперь совсѣмъ пересохъ, и рѣка эта начинается нѣсколькими верстами ниже прежняго ея истока, изъ болота“. Исчезаютъ и гложутъ не одни только источники, но даже цѣлыя рѣки. „Такъ недавно сообщалось объ исчезновеніи нѣкогда красивой и многоводной рѣки Ворсклы. Еще лѣтъ 15 назадъ, мѣстность по берегамъ этой рѣки представляла изъ себя чудную дѣвственную природу, всюду изобиловавшую массою воды, рыбы, дичи, лѣса и богатыхъ, тучныхъ сѣнокозовъ. Теперь отъ этой рѣки не осталось мѣстами даже и признаковъ. Нѣкогда глубокое русло вездѣ сравнялось съ берегами и почти совершенно исчезло. Отъ лѣсовъ не сохранилось никакихъ остатковъ, не только какого-либо деревца, но даже плохого кустика. Все истреблено, выкорчевано и превращено въ голую равнину и открытую степь. Настоящей Ворсклы, той, которая кормила и поила десятки тысячъ прибрежнаго народонаселенія, уже нѣтъ. Такую же точно картину представляютъ и многія изъ нашихъ степныхъ рѣкъ (напр., въ воронежской гу-

бернии вѣкогда извѣстный Битюгъ, особенно въ верхней части его теченія), отъ которыхъ скоро останется одно воспоминаніе“. Сдѣлано ли было что-нибудь для предупрежденія этихъ грозныхъ опустошеній? Изданъ былъ законъ объ охраненіи лѣсовъ, но „для многихъ частей нашей черноземной полосы этотъ законъ пришелъ слишкомъ поздно, почти пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ землевладѣльцы уже вырубали большую часть своихъ лѣсовъ“; а на область, служащую водораздѣломъ трехъ бассейновъ—Каспійскаго, Балтійскаго и Чернаго морей, и въ которой берутъ начало рѣки Днѣпръ, Волга и Западная Двина, лѣсоохранительный законъ распространенъ лишь въ 1890 году, когда лѣса въ этой области были уже на половину уничтожены. Почему же необходимы законодательныя мѣры запаздываютъ на десятки лѣтъ, въ такомъ жизненномъ вопросѣ для цѣлой страны? Или, быть можетъ, эта необходимость не сознавалась раньше, или самые факты хищническаго истребленія лѣсовъ обратили на себя вниманіе лишь въ новѣйшее время?

Авторъ говоритъ о „небываломъ переворотѣ“, о ненормальныхъ, вполнѣ исключительныхъ метеорологическихъ явленіяхъ прошлаго года; но вотъ что мы читаемъ въ любопытномъ документѣ, недавно извлеченномъ изъ архивовъ и заключающемъ въ себѣ соображенія о причинахъ неурожаевъ 1847—49 годовъ: „...Еще живы люди, которые знали на берегахъ Донца, гдѣ теперь необозримые пески,—огромные непроходимые лѣса; въ озерахъ, нынѣ изсохшихъ или высыхающихъ, плодилась рыба. Гдѣ въ памяти людей красовались дубравы, нынѣ видимъ однѣ песчанныя кручи. Теперь и корней нельзя найти тамъ, гдѣ росли недавно могучіе дубы. Старобѣльскъ вязнетъ въ пескахъ. Луганская станція стоитъ на пескахъ и на далекія пространства окружена ими. А вѣдь и тутъ были лѣса и всякій безпристрастный наблюдатель легко можетъ убѣдиться въ этомъ“... „Нашъ край плоскій, безлѣсный, всѣмъ вѣтрамъ доступный. Зловредный вѣтеръ (восточный), не встрѣчая преграды, несетъ за собою далекую гибель. Въ этомъ вѣтрѣ и заключается будущая, можетъ быть, и скорая гибель нашего края... Погибли и греческія колоніи южной Россіи, можетъ быть, отъ тѣхъ же причинъ. Неужели и намъ предстоитъ такая же гибель?.. Берегите лѣса, сѣйте, сажайте лѣса, ограждайте лѣса, сѣянцы и саженцы строгими законами... Ясно, что не частными руками долженъ совершиться великій подвигъ—положить преграду наступленію песковъ, защитить весь южный край отъ пагубныхъ вѣтровъ, спасти и Волгу, и Донъ, и всѣ рѣки южной Россіи отъ обмелѣнія и заноса песками... Устранить со-

вершенно засухи, я полагаю, такъ же современемъ возможно, какъ было возможно голландцамъ изъ дна морского сдѣлать себѣ отечество: послѣдовательнымъ засаженіемъ песковъ, строжайшей охраной существующихъ лѣсовъ, артезіанскими колодцами, словомъ—всѣми тѣми средствами, которыми можно противопоставить, такъ сказать, плотину песчанымъ азіатскимъ вѣтрамъ“... Безъ этихъ общихъ мѣръ, „ни толпы безкорыстныхъ магазинныхъ смотрителей, ни самые полные хлѣбные магазины не могутъ спасти народа отъ гибели, а при настоящемъ ихъ устройствѣ многому даже мѣшаютъ и вредятъ. Если народъ весь останется на мѣстѣ, то и на одинъ годъ никакихъ магазинныхъ запасовъ не достанетъ... Что же, если понадобится на три, на четыре года?“

Эти убѣдительныя, краснорѣчивыя строки написаны были въ 1850 году ¹⁾, и съ тѣхъ поръ выраженные въ нихъ мысли повторялись и доказывались съ неустанной настойчивостью, оставаясь, однако, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! И теперь мы все еще ждемъ бюрократическихъ обсужденій и изслѣдованій, какъ матеріала для будущихъ канцелярскихъ проектовъ, которые появятся развѣ тогда уже, когда будетъ „слишкомъ поздно“. Необходимо сознаться,—говоритъ нашъ авторъ,—что бѣдствіе „застало насъ врасплохъ, неподготовленными, и что, изнывая подъ его бременемъ, мы пока думаемъ только о томъ, какъ бы его пережить, но не о томъ, какъ съ нимъ совладать, какъ побѣдить ту природу, которая нынѣ такъ страшно насъ побѣдила и въ борьбѣ съ которою мы пока безсильны“. Въ чемъ же источникъ этой вѣчной нашей „неподготовленности“ и отъ чего она зависитъ? Авторъ прежде всего обвиняетъ нашу науку, нашу ученую метеорологію и агрономію, которыя „до сихъ поръ еще слишкомъ далеки были отъ потребностей практической жизни“ и пассивно слѣдовали по стопамъ западныхъ изслѣдователей, имѣющихъ предъ собою совсѣмъ другія условія, и т. д.; но официальные представители науки суть только подчиненные, второстепенные дѣятели, и едва ли справедливо требовать отъ нихъ, чтобы они были *plus royalistes que le roi*, чтобы они давали то, чего отъ нихъ не спрашиваютъ и чѣмъ никто бы, вѣроятно, и не пользовался.

Авторъ возлагаетъ всѣ свои надежды на бюрократію и спеціально на чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ; это министерство должно поставить себѣ задачей возобновленіе и

¹⁾ „Мнѣніе жителя Старобѣльскаго уѣзда харьк. губ.“, присланное въ 1850 г. въ Имп. Военное Экон. общество членомъ Дьяковымъ, въ „Трудахъ“ за 1891 г. № 5, стр. 152—158.

разведеніе лѣсовъ: необходимо, чтобы оно „энергически стало во главѣ этого дѣла и повело его впередъ быстрыми шагами,—при настоящихъ условіяхъ тутъ дорогъ каждый день“ (стр. 51). Этому же министерству предстоитъ заняться другимъ государственнымъ дѣломъ первостепенной важности—устройствомъ правильнаго орошенія, которое также „не обойдется безъ значительныхъ, миллионныхъ, можетъ быть, затратъ“. Нужно создать цѣлый рядъ новыхъ учрежденій въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ, такъ какъ „безъ совокупныхъ мощныхъ усилій правительства, науки и самихъ сельскихъ хозяевъ намъ не можетъ быть никакого исхода изъ настоящаго тяжелаго положенія. Нельзя же спокойно ожидать того времени, когда наиболѣе плодородныя и цвѣтущія нѣкогда области Россіи превратятся въ безводныя, бесплодныя и песчаныя пустыни и когда прежнее богатство русскаго чернозема, плодородіе русскихъ почвъ, а съ ними и благосостояніе русскаго земледѣльца, отойдутъ въ область стародавнихъ преданій“ (стр. 70). Надо немедленно и серьезно приступить къ дѣлу: „иначе насъ ожидаетъ участь самая печальная и безотраднѣйшая“, ибо „никакое богатство, никакая мощь русскаго народа не будутъ въ состояніи вынести тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя имѣтъ переживаетъ русская земля, если они будутъ періодически повторяться. Между тѣмъ нельзя скрывать отъ себя, что отъ повторенія подобныхъ бѣдствій мы пока ничѣмъ не гарантированы, и что оно даже болѣе чѣмъ вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока дѣятельность чловѣка будетъ направлена не къ улучшенію естественныхъ условій нашей страны, а только къ ихъ ухудшенію, какъ въ настоящее время, путемъ самой неразумной эксплуатаціи и расхищенія природныхъ богатствъ русской земли“ (стр. 78).

Итакъ, министерство государственныхъ имуществъ должно предупредить всѣ эти великія опасности; но развѣ до сихъ поръ оно не дѣйствовало, насколько могло, и развѣ оно не играло въ прошломъ никакой роли въ процессѣ „неразумной эксплуатаціи и расхищенія природныхъ богатствъ“ страны? По свидѣтельству самого автора, способъ хозяйства, практикуемый понинѣ на обширныхъ пространствахъ земель казенныхъ и удѣльныхъ, не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Земли сдаются въ аренду или крупнымъ сѣмщикамъ, или преимущественно крестьянамъ; но „сдается въ аренду только голая земля, болѣе или менѣе крупными участками, безъ всякихъ построекъ какъ для жительства арендатора, такъ и хозяйственныхъ, и арендатору предоставляется, по истеченіи срока аренды, возведенныя имъ самимъ постройки снести (!). При такихъ условіяхъ, построекъ большею частью не возводится

вовсе, — или возводятся только легкіе плетневые, крытые соломой сараи и закуты для скота, а иногда обработка земли ведется только, такъ сказать, наѣздомъ, — крестьяне пріѣзжаютъ для обработки и уборки издалека, иногда за десятки верстъ, снопы свозятъ къ себѣ домой, а скотъ на зиму угоняютъ“. Для предохраненія земель отъ истощенія, министерство государственныхъ имуществъ „ставитъ обязательнымъ условіемъ веденіе на нихъ, — по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ черноземной полосы, — самаго экстенсивнаго переложнаго хозяйства, при которомъ плодородіе земли поддерживается исключительно путемъ оставленія ея на болѣе или менѣе продолжительный срокъ безъ обработки, въ залежь“. Вслѣдствіе этого, „случайные съемщики, которымъ даже и названія хозяевъ дать нельзя, являются въ большинствѣ случаевъ только такъ-называемыми посѣвщиками, спекулирующими на случайную удачу при хорошемъ урожаѣ, и бросаютъ землю, даже жертвуютъ своими залогами, въ случаѣ неудачи, которая часто доводитъ ихъ до полного разоренія“ (стр. 139—140).

Если такимъ образомъ министерство государственныхъ имуществъ, при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ своихъ руководителей, не всегда удачно справлялось съ своими спеціальными задачами, въ предѣлахъ своего собственнаго земельного хозяйства, то откуда могъ явиться у автора выводъ о будущемъ спасительномъ влияніи этого вѣдомства на весь ходъ нашего земледѣлія и на экономическія судьбы цѣлой страны? Предположивъ даже возможность такого чуда, мы должны все-таки имѣть въ виду, что названное министерство занимаетъ сравнительно небольшое мѣсто въ ряду руководящихъ правительственныхъ учреждений и располагаетъ довольно ограниченнымъ бюджетомъ. Министерство финансовъ могло бы не согласиться на грандіозные проекты, требующіе затраты многихъ милліоновъ рублей на поддержаніе и улучшеніе естественныхъ условій земледѣлія; оно, быть можетъ, затруднилось бы даже ассигновать необходимыя средства на основаніе сельскохозяйственныхъ школъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ, о боторыхъ также упоминаетъ нашъ авторъ, — такъ какъ въ данное время признается болѣе цѣлесообразнымъ давать требуемымъ для этого милліонамъ другое назначеніе, — напр., на преміи сахарозаводчикамъ и хлопчатобумажнымъ фабрикантамъ за вывозъ продуктовъ за границу.

Никто не станетъ спорить противъ того, что починъ и руководство въ великихъ задачахъ, поставленныхъ на очередь нашей „слишкомъ печальной дѣйствительностью“, принадлежатъ правительству, и что для успѣшнаго достиженія какихъ бы то ни было

государственныхъ цѣлей необходимо прежде всего единство плана и выполненія. „При той общей бѣдѣ, которую теперь переживаетъ Россія и которая вызвана столь же общими, а не единичными и случайными причинами,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—необходимо, чтобы и принимаемыя противъ нея мѣры были по возможности общи и широки. Только при этомъ условіи онѣ и могутъ оказаться дѣйствительными,—иначе пропадутъ и трудъ, и время, и деньги, да и самая дѣйствительность принимаемыхъ мѣръ можетъ оказаться скомпрометтированной въ глазахъ сельскихъ хозяевъ и народа“ (стр. 71). Какъ же достигнуть этой общности и единства начинаній, этой послѣдовательности и систематичности дѣйствій, если взгляды различныхъ вѣдомствъ нередко расходятся и не всегда могутъ быть согласены между собою съ пользою для дѣла, даже по основнымъ, капитальнѣйшимъ вопросамъ экономической политики? Министерство финансовъ, которое фактически есть въ то же время министерство промышленности и торговли, не можетъ смотрѣть на государственное хозяйство съ точки зрѣнія народнаго земледѣлія; оно неизбѣжно придаетъ наибольшую важность крупнымъ финансовымъ операціямъ, общимъ цифрамъ доходовъ и расходовъ, исправному поступленію и взысканію налоговъ, развитію коммерческихъ, фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, заботамъ о вѣншемъ кредитѣ, о поддержаніи курса бумажныхъ денегъ и цѣнности русскихъ фондовъ за границей. То, что автору и многимъ другимъ казалось бы безусловно необходимымъ для предупрежденія полнаго упадка земледѣльческой производительности, не можетъ рассчитывать на особенное сочувствіе и поддержку финансовыхъ дѣятелей, специально озабоченныхъ совсѣмъ другими интересами и привыкшихъ судить о результатахъ государственнаго хозяйства по суммамъ наличныхъ денегъ и металла въ казначействѣ. Такія же разногласія возможны и въ остальныхъ областяхъ управленія: одни, напр., предлагаютъ внести въ программу народнаго образованія элементарныя естественно-научныя и въ частности агрономическія свѣденія, безъ которыхъ немислимо сознательное, разумное отношеніе къ силамъ и условіямъ вѣншей природы; другіе, съ своей особой точки зрѣнія, находятъ нужнымъ избѣгать элемента реальныхъ общепользныхъ знаній и предпочитаютъ ограничиваться древними языками для среднихъ школъ и чтеніемъ церковныхъ книгъ—для низшихъ. И на практикѣ добрыя пожеланія, могущія возникнуть въ сельскохозяйственномъ вѣдомствѣ, не найдутъ способовъ къ осуществленію, заглухнутъ и забудутся. Точно также для однихъ является дѣломъ насущной необходи-

мости—преобразование устарѣлой и разорительной для крестьянства податной системы, а для другихъ эта система еще достаточно хороша, какъ обеспечивающая во всякомъ случаѣ исправный сборъ податей. Авторъ не могъ не видѣть этихъ коренныхъ внутреннихъ противорѣчій и вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій; но онъ старательно обходитъ ихъ при помощи разныхъ недомолвокъ и оговорокъ, совѣтуетъ заняться какими-то безконечными предварительными изслѣдованіями и обсужденіями, пытается примирить и совмѣстить противоположныя тенденціи, и въ концѣ концовъ впадаетъ въ тонъ хотя и благонамѣренный, но мало содержательный, и который едва ли умѣстенъ въ такой серьезной книгѣ, написанной на весьма серьезную тему. Даже люди вполне убѣжденные заражаются иногда стремленіемъ къ ненужнымъ и противорѣчивымъ компромиссамъ, изъ которыхъ нѣтъ правильного выхода; впрочемъ, въ этой сторонѣ книги нельзя относиться слишкомъ строго, такъ какъ самъ авторъ даетъ противъ себя достаточное оружіе въ приводимыхъ имъ фактахъ и соображеніяхъ.

Несомнѣнно,—говоритъ авторъ,—что весь корень вопроса о поднятій народнаго благосостоянія въ Россіи—въ нашей податной системѣ, какъ и въ характерѣ и условіяхъ крестьянскаго земледѣнія. Существующій порядокъ взысканія податей, которое „получило характерное названіе выколачиванія ихъ“, дѣйствуетъ на положеніе крестьянства „самымъ угнетающимъ образомъ“. Этотъ порядокъ „всей своею тяжестью ложится именно на населеніе того района, который нынѣ пострадалъ отъ неурожая“, ибо изъ общей цифры казенныхъ недоимокъ въ сборахъ съ крестьянъ по 50 губерніямъ европейской Россіи (свыше 52 милл. р., въ январю 1891 года) на долю шестнадцати черноземныхъ губерній приходилось около 41 милл. р. Въ два урожайные года, 1887 и 1888, взыскано было недоимокъ, сверхъ оклада, въ этихъ шестнадцати губерніяхъ, около 16¹/₂ милл. р.; только семь уѣздовъ губерній, значащихся нынѣ въ числѣ пострадавшихъ, должны были внести въ одномъ 1888 году, сверхъ оклада, болѣе трехъ милліоновъ, а вмѣстѣ съ текущими казенными платежами—болѣе 6¹/₂ милл. р. Эти же два урожайныхъ года совпали съ необычайнымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ; а „такъ какъ усиленная уплата податей, конечно, не была добровольною, то очевидно, что крестьянамъ пришлось значительную часть собраннаго ими урожая спустить по крайне низкимъ цѣнамъ, чтобы удовлетворить настойчивымъ и энергическимъ требованіямъ начальства“. Понятно, что „чрезмѣрно настойчивое взысканіе податей и недоимокъ, осо-

бенно при существованіи круговой поруки, ведетъ къ истощенію платежныхъ силъ населенія и, ослабляя его средства въ хорошіе урожайные годы, отнимаетъ у него всякую возможность бороться съ нуждою въ годы неурожайные“. Населеніе пострадавшихъ нинѣ губерній не могло поправить свое благосостояніе даже въ годы самаго высокаго, можно сказать, баснословнаго урожая, потому что „эти годы все унесли на покрытіе старыхъ долговъ и ничего не оставили для будущаго времени. Вся тяжесть взиманія податей здѣсь ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало, и тогда накопляются недоимки, или много, но онъ такъ дешевъ, что даже за продажею его не всегда удается крестьянину выполнить свои обязательства передъ казною. Въ обоихъ случаяхъ администраціи приходится прибѣгать къ экзекуціоннымъ мѣрамъ для взысканія податей“, причемъ „далеко не всегда соблюдаются“ ограничительныя правила, установленныя закономъ. Такъ, „если надѣла нельзя продать, то его можно отобрать у неисправнаго плательщика и сдать въ постороннія руки; точно также, путемъ личныхъ взысканій съ недомщика, до тѣлеснаго наказанія включительно, можно побудить крестьянина заложить свою корову, свою послѣднюю лошадь, которая у него впоследствии отберется ростовщиками, ссудившими ему деньги на уплату податей, или тѣмъ болѣе состоятельнымъ домохозяиномъ, который уплатилъ за него подати въ силу круговой поруки. Такимъ образомъ, и лошадь, и корова, если не продаются непосредственно при самомъ взысканіи податей, то крестьянинъ все равно ихъ лишается, вслѣдствіе такого взысканія. Сдача же надѣльной земли въ аренду за подати, иногда на долготѣнній срокъ, практикуется нерѣдко, а при такой сдачѣ, еще болѣе, нежели при продажѣ коровы или лошади, благосостояніе крестьянина подрывается на долгіе годы, если не навсегда, потому что безъ лошади, безъ земли, онъ уже болѣе не хозяинъ и никогда оправиться не можетъ“. При такой вынужденной сдачѣ надѣльной земли, она идетъ, конечно, за ничтожную цѣну; „такъ, извѣстны случаи, когда въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, гдѣ взыскивался въ одинъ годъ болѣе чѣмъ двойной окладъ платежей и гдѣ арендная плата за землю, при сдачѣ ее крестьянамъ, составляетъ 15—20 р. за озимую десятину и 12—15 р. за яровую, а кругомъ 9—12 рублей, при взысканіи съ крестьянъ податей надѣльная земля неисправныхъ плательщиковъ сдавалась въ аренду за недоимку въ 23 рубля на двѣнадцать лѣтъ, съ платою 24 р. за все время, т.-е. по два рубля въ годъ за десятину, а на долю крестьянина доставался, по уплатѣ податей, всего одинъ рубль, въ видѣ утѣшенія за потерю

десятины земли на цѣлыя 12 лѣтъ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ этому рублю нѣтъ и не можетъ быть другого пути, какъ только въ кабакъ. Даже настоящій бѣдственный годъ не останавливалъ въ этихъ мѣстахъ подобнаго способа взыскапія податей, путемъ отобранія и сдачи на будущій годъ надѣловъ, въ томъ числѣ и у такихъ крестьянъ, которые сами въ этомъ году пользуются продовольственными ссудами и помощью отъ Краснаго Креста. У этихъ же крестьянъ, не далѣе какъ осенью 1891 года, продавался скотъ, причемъ коровы шли въ продажу по 5—3 р. за штуку, и т. п., чѣмъ, очевидно, не только усугублялась настоящая безысходная нужда населенія, и безъ того живущаго на счетъ правительственной и общественной помощи, но въ самыхъ основахъ подрывалось его благосостояніе на будущее время и дѣлалось невозможнымъ его существованіе въ слѣдующемъ году иначе, какъ при посредствѣ таковой же помощи“ (стр. 166—8).

Впечатлѣніе этой грустной картины усиливается еще напоминаніемъ о давнишнемъ официальном признаніи существующаго зла. „Еще бывшая въ 1873 году комиссія графа Валюева, въ докладѣ своемъ комитету министровъ, заявляла, что она „обратила вниманіе на принятый способъ взыскапія податей и недоимокъ, сопровождающійся большею частью продажей скота и инвентаря. Мѣра эта, примѣняемая безъ всякаго разбора, окончательно останавливаетъ производство и лишаетъ казну, ради исправнаго поступленія единовременнаго платежа, плательщика въ будущемъ, не мало содѣйствуя упадку сельской производительности“. Поэтому комиссія полагала, что „общая реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей Россіи въ настоящее время“ (т.-е. въ 1873 г.). То же заключеніе приходится съ еще бѣльшимъ основаніемъ повторить теперь, почти двадцать лѣтъ спустя! Для надлежащей оцѣнки податныхъ взыскапій съ крестьянъ надо еще не забывать, что исправные хозяева отвѣчаютъ своимъ имуществомъ за состоятельность своихъ односельцевъ въ уплатѣ податей, въ силу установленной закономъ круговой поруки; очень часто недоимки взыскиваются съ крестьянъ, за которыми никакихъ недоимокъ не числится, и притомъ не только по случаю неисправности односельцевъ, но и на „пополненіе учиненныхъ сельскими властями растраты уже однажды уплаченныхъ суммъ“.

Изображая столь ярко и правдиво дѣйствительное положеніе крестьянъ, какъ плательщиковъ податей, авторъ въ то же самое время высказываетъ нѣчто совершенно несомнѣстимое съ тѣмъ и

как бы в духе известного рода прессы, возводящего в принцип высочайшее презрение к народу, истинное положение которого он же сам описал так отчетливо и авторитетно. „Известно, — говорит он, — что подати нашими крестьянами почти никогда добровольно не уплачиваются. Даже самые зажиточные из них оттягивают, насколько возможно, уплату податей и вносят их не иначе, как по настоятельному требованию властей. Вместе с тем известно, что... взыскание податей может быть успешно только тогда, когда у крестьян есть еще в наличии продажные продукты его полевого хозяйства, т.-е. немедленно после сбора урожая. Если пропустить это время и не взять немедленно в уплату податей денег, вырванных от такой продажи, то в огромном большинстве случаев добиться взноса податей уже нельзя, — деньги уходят частью на удовлетворение действительно неотложных потребностей, частью пропиваются“, и т. д. (стр. 154—5). В другом месте делается уже просто ссылка на „сказанные выше черты русского крестьянина“ (стр. 163), которыми будто бы объясняется и оправдывается „чрезмерная ретивость администрации“ в деле взыскания податей. При обсуждении вопроса о податной реформе рекомендуется также „иметь в виду приведенные выше особенности характера русского крестьянина, его постоянное и неоправданное (?) стремление до последних предельных возможностей оттянуть платеж и даже совсем его не сделать, пока с него не потребуют денег самым настойчивым и энергическим образом, — почему и невозможна предлагаемая некоторыми отсрочка взноса податей до весны, когда хлеб обыкновенно дорожает. Если это допустить, если не потребовать с крестьянина деньги тогда, когда есть налицо продукты, на которые может быть обращено взыскание, то после навязное уже не окажется ни денег, ни продуктов“ (стр. 175). К сожалению, автор не указывает при этом на какой-нибудь другой класс людей, который охотно уплачивал бы непосильные и неравномерно распределенные подати, притом с круговой порукой. Ставить крестьянину в вину, что он не испытывает удовольствия от разорительной для него системы, что он не идет ей, так сказать, на встречу, и только с трудом расстаётся с последней лошадью или коровою для уплаты податей, — это более чем странно. Более состоятельные землевладельцы из высших классов в громадном большинстве также не отличаются готовностью вносить своевременно не только казенные и земские платежи, но даже проценты и недоимки по частным своим дол-

гамъ; и однако, никто не видитъ въ этомъ специфическаго свойства русскаго помѣщика, никто не причисляетъ въ особенностямъ его характера „постоянное и непоправимое стремленіе до послѣднихъ предѣловъ возможности оттянуть платежъ и даже совсѣмъ его не сдѣлать“. Для этихъ неисправныхъ плательщиковъ, прогуливающихся иногда гдѣ-нибудь за границу сдѣланный ими заемъ, употребляются совсѣмъ другіе обороты и выраженія; нежеланіе или неспособность платить долги,—не говоря уже о податяхъ, которыя помѣщиковъ разорить не могутъ,—называется не иначе, какъ „затруднительнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ“. А о такомъ „затруднительномъ положеніи“ (но не объ особенныхъ чертахъ ихъ характера и о постоянномъ стремленіи уклониться отъ платежа) свидѣтельствуютъ „длинные списки имѣній, которыя два раза въ годъ назначаются въ продажу земельными банками, за невзносъ срочныхъ платежей. Если же обыкновенно только сравнительно небольшая часть опубликованныхъ имѣній дѣйствительно продается, то это потому, что и помѣщики, какъ крестьяне, изворачиваются, прибѣгаютъ къ частнымъ займамъ за высокіе проценты, чтобы заплатить недоимку и сохранить за собою имѣніе, хотя бы обремененное непомерными долгами, въ ожиданіи все того же хорошаго года“ (стр. 234—5). Авторъ тутъ даже вовсе забываетъ изложенныя имъ же самимъ свѣденія о систематическомъ разореніи крестьянъ податными взысканіями и начинаетъ находить какія-то преимущества на сторонѣ крестьянства сравнительно съ землевладѣльцами другихъ сословій: „У крестьянъ, по крайней мѣрѣ, остается неотчуждаемый по закону, не только на уплату повинностей, но даже и за частные долги, фондъ, въ видѣ земли, избы, необходимыхъ земледѣльческихъ орудій, рабочей лошади и т. п. У землевладѣльцевъ изъ другихъ сословій и этого нѣтъ; въ случаѣ продажи за долги имѣнія, имъ ничего не остается и приходится идти по міру“ (стр. 235—6).

Но откуда берутся долги на имѣніяхъ? Они, вѣдь, не наложены государствомъ и не составляютъ какой-нибудь повинности, а сдѣланы самими землевладѣльцами ради ихъ собственныхъ частныхъ интересовъ. Кто занялъ деньги подъ залогъ имѣнія, тотъ получилъ въ свои руки капиталъ, которымъ могъ пользоваться по своему усмотрѣнію, для пользы своего хозяйства или для личныхъ удовольствій; если же деньги прожиты или сущены, и нѣтъ надежды вернуть ихъ, то, значитъ, прожито или сущено имѣніе, точно такъ же, какъ могутъ быть прожиты унаслѣдованные денежные капиталы. Когда человѣкъ неразсчетливо истратилъ денежныя суммы, доставшіяся ему по наслѣдству, то при

этомъ не возбуждается никакихъ государственныхъ вопросовъ; а землевладѣльцы, занявшіе деньги подъ свои имѣнія въ частныхъ или казенныхъ банкахъ за такіе проценты, о какихъ крестьяне и мечтать не смѣютъ, всегда готовы требовать отъ государства помощи, уступокъ и льготъ, когда дѣло идетъ о расплатѣ. Получить денежную цѣну имѣнія и въ то же время сохранить за собою самое имѣніе—такова обыкновенная мечта многихъ землевладѣльцевъ, заемщиковъ дворянскаго банка и другихъ кредитныхъ учреждений; а когда эта мечта оказывается неосуществимою утопіею, то являются жалобы на невниманіе къ судьбамъ помѣщичьяго класса и выработываются смѣлые проекты въ видахъ восстановления прежней обеспеченности помѣщиковъ на казенный счетъ.

Въ этихъ случаяхъ даровыя льготы и ссуды не считаются предосудительными или вредными, также точно какъ и прежній даровой трудъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ не признавался вреднымъ для нравственности послѣднихъ; а по поводу продовольственныхъ ссудъ, которыя пришлось выдать населенію неурожайныхъ губерній „для предохраненія его отъ голодной смерти“, наши охранительные публицисты выражаютъ непонятное безпокойство и обнаруживаютъ вдругъ какую-то щепетильную заботливость о народной нравственности, могущей будто бы пострадать отъ удовлетворенія голода на чужой или казенный счетъ, въ промежуткѣ между обычными податными экзекуціями. Нельзя не удивляться, что и тутъ нашъ авторъ нашелъ нужнымъ заплатить дань извѣстному теченію въ печати, враждебному крестьянамъ. „Въ интересахъ самого этого населенія,—замѣчаетъ онъ,—въ видахъ предупрежденія его окончательнаго моральнаго развращенія (?), эти ссуды не должны и не могутъ оставаться безвозвратными. Напротивъ того, необходимо, чтобы на примѣрѣ настоящаго тяжелаго года народъ узналъ и глубоко проникся убѣжденіемъ, что если въ трудную минуту правительство пришло ему на помощь и снабдило его хлѣбомъ для пропитанія, сѣменами для посѣва,—то это не даровая помощь, не милостыня, а именно ссуда, которую онъ же самъ въ той или другой формѣ рано или поздно обязанъ возмѣстить“ (стр. 230—1). Но вѣдь если благотворительная помощь голодающимъ способна ихъ развратить, то эти дурныя „моральныя“ послѣдствія могутъ быть вызваны не одними правительственными ссудами, а также и частными пожертвованіями, а въ томъ числѣ и присылкою дарового хлѣба изъ Соединенныхъ Штатовъ; ибо едва ли бѣдствующее населеніе имѣетъ возможность разбирать, откуда идетъ имъ поддержка и какое различіе суще-

ствуесть (кромя развѣ качества) между хлѣбомъ земскимъ, Особого комитета, Краснаго Креста и неизвѣстныхъ частныхъ жертвователей. Въ нѣкоторой части печати, подъ предлогомъ мнимыхъ заботъ о крестьянской „морали“, извращаются самыя элементарныя предписанія человѣческой морали, по совершенно непонятнымъ намъ побужденіямъ, и казалось бы, нѣтъ ничего легче, какъ оцѣнить подобныя тенденціи по достоинству. Для самого автора ясно, что „потребовать отъ народа возврата выданныхъ ему ссудъ въ ближайшемъ будущемъ, и притомъ деньгами,—нельзя“; при настоящихъ условіяхъ, „острая форма постигшаго населеніе бѣдствія рискуесть обратиться въ хроническую;—не спасетъ, не возстановитъ его благосостоянія и хорошій урожай, который можетъ весь уйти на пополненіе старыхъ долговъ“ (стр. 231—2). Гдѣ крестьяне не подвергаются періодическимъ стихійнымъ невгодамъ, тамъ они „уплачиваютъ лежація на нихъ повинности съ примѣрною, можно сказать, исправностью“ (стр. 157), вопреки теоріи автора объ „особенныхъ чертахъ русскаго крестьянина“. Поступленіе налоговъ „тогда только и будетъ идти въ дѣйствительности успѣшно, когда поднимется уровень народнаго благосостоянія, которому существующая нынѣ система взиманія податей, связанная хотя бы только съ одною угрозою круговой отвѣтственности, служить фактической преградой“ (стр. 172). Вотъ это вполнѣ вѣрно,—и не было поэтому надобности ни обвинять крестьянъ въ систематическихъ уклоненіяхъ отъ податныхъ платежей, ни опасаться ихъ „моральнаго развращенія“ въ случаѣ невозможности получить съ нихъ обратно выданныя ссуды.

Замѣчанія автора о вредѣ общиннаго владѣнія для успѣховъ крестьянскаго хозяйства (стр. 103—135) совпадаютъ съ обычными шаблонными взглядами, которые много разъ опровергались въ литературѣ; между прочимъ, и К. П. Побѣдоносцевъ, долженъ былъ признать благотворную силу общины, которая одна можетъ, по его словамъ, „охранить крестьянское населеніе отъ обезземеленія, и дѣйствительно только общинное землевладѣніе предохранило наши чисто-земледѣльческія мѣстности (напр. саратовскія и самарскія) отъ полнаго обезземеленія крестьянъ“¹⁾. Отвергая общину, какъ главнѣйшую будто бы помѣху въ дѣлѣ улучшенія земледѣльческой культуры, авторъ одновременно съ этимъ отстаиваетъ идею, представляющую собою крайнее развитіе общиннаго на-

¹⁾ О семейныхъ участкахъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1889, сентябрь, стр. 56—72. Ср. статьи о поземельномъ вопросѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1890, сентябрь—декабрь, а также книжку объ „Охранѣ крестьянскаго землевладѣнія и необходимыхъ законодательныхъ реформахъ“ (Сиб., 1891), стр. 30, 47—60 и др.

чала, — идею общественных запасеѣ, причемъ ссылается уже, наоборотъ, на потребности сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій. „Замѣчательно, — говоритъ онъ, — что, по удостовѣренію управы (въ одномъ изъ уѣздовъ пензенской губерніи), хозяйство на общественныхъ запашкахъ ведется лучше, чѣмъ на собственныхъ крестьянскихъ поляхъ. Такъ, даже въ послѣднемъ неурожайномъ году сборы съ общественныхъ запасеѣ превышали сборъ съ крестьянскихъ полей на $1\frac{1}{2}$ мѣры съ каждой десятины“. Авторъ соглашается съ мнѣніемъ тѣхъ, которые ждутъ значительной пользы отъ общественныхъ запасеѣ, въ смыслѣ практической школы для земледѣльца. „Наиболѣе опытные и развитые крестьяне, избираемые изъ смотрителей за общественными работами, должны научить малоумѣлыхъ работниковъ, какъ слѣдуетъ хорошо пахать, засѣвать и т. п... По мѣрѣ увеличенія средствъ отъ общественныхъ запасеѣ, общество крестьянъ можетъ приобрести большія молотилки, вѣялки, плуги и другія орудія, которыя могутъ быть употребляемы и въ частномъ хозяйствѣ каждаго члена общества, за умѣренное вознагражденіе, и такимъ образомъ запашки эти могутъ постепенно послужить къ улучшенію способностей крестьянскаго хозяйства“ (стр. 248—9). Значитъ, общинный принципъ въ земледѣліи не только не мѣшаетъ хозяйственнымъ успѣхамъ, но можетъ даже способствовать имъ.

Среди этихъ принципиальныхъ противорѣчій, болѣе или менѣе рѣзкихъ и явныхъ, у автора преобладаетъ та же колеблющаяся мысль, легко переходящая отъ печальныхъ фактовъ къ еще болѣе печальнымъ теоріямъ, отъ добрыхъ пожеланій къ холодному формализму, отъ здраваго и вполне яснаго пониманія горькой дѣйствительности къ беспочвеннымъ и иного порядка иллюзіямъ. Съ одной стороны, „крайне важно“ устранить тѣ стѣсненія, которыя ограничиваютъ кругъ дѣятельности крестьянъ и свободу передвиженія ихъ на заработки; необходимо отказаться отъ паспортной системы, недостатки которой признаны уже давно. Но вопросъ о преобразованіи этой системы имѣлъ такую же судьбу, какъ и дѣло податной реформы. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ назначена была особая коммиссія для облегченія паспортныхъ правилъ; заключенія этой коммиссіи были внесены въ 1869 году въ государственный совѣтъ, но затѣмъ, для предварительнаго ихъ обсужденія, образована была новая коммиссія, и только въ 1875 году окончательно исправленный проектъ былъ вновь внесенъ въ государственный совѣтъ. Однако, и этотъ проектъ осуществленія не получилъ. „Послѣ того было образовано еще нѣсколько новыхъ коммиссій по тому же вопросу, исполнены обширныя под-

готовительныя работы, собраны богатые матеріалы по паспортному дѣлу какъ въ Россіи, такъ и за границею, составлено было еще нѣсколько проектовъ и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще вопросъ о преобразованіи паспортной системы, при всѣхъ очевидныхъ ея несовершенствахъ, пребываетъ въ области пожеланий“ (стр. 148—151). Все это—съ одной стороны. А съ другой стороны, нужно будто бы не облегчить свободу передвиженія крестьянъ, а еще болѣе стѣснить ее новыми обязательными повинностями, съ цѣлью возврата къ „хорошимъ“ сторонамъ крѣпостного права. Авторъ вполне откровенно предлагаетъ расширить натуральную повинность (однихъ крестьянъ, разумѣется), съ распространеніемъ ея на разныя общепользныя, общественныя и государственныя работы. „Многія изъ этихъ работъ могли бы быть организованы съ обязательнымъ привлеченіемъ къ нимъ крестьянъ, даже (!) и не безвозмездно, а за небольшую плату, но только въ видѣ *повинности*, отъ которой крестьяне не могли бы уклоняться... Пусть даже народъ на первое время таготится подобными обязательными работами, пусть онъ смотритъ на нихъ какъ на барщину,—будущность покажетъ пользу этого дѣла какъ для самихъ крестьянъ, создавъ несуществующій нынѣ источникъ постоянныхъ и прочныхъ заработковъ, такъ и для цѣлаго государства“ и т. д. (стр. 245—6). Если бы дѣло шло о „прочныхъ“ заработкахъ, то на нихъ всегда нашлись бы охотники, и незачѣмъ было бы устанавливать принципъ принудительности работъ. Въ силу какой же логики чрезмѣрная обременительность государственныхъ повинностей и платежей, уже лежащихъ на крестьянствѣ, должна привести къ возложенію на него еще добавочной натуральной повинности въ пользу государства, между тѣмъ какъ иногда вовсе праздные люди другихъ сословій остаются попрежнему свободными отъ какихъ бы то ни было чувствительныхъ обязательствъ предъ государствомъ и казною?

По увѣренію автора, крестьяне приходятъ теперь въ тому убѣжденію, что при крѣпостномъ правѣ имъ было лучше: „и дѣйствительно,—конечно, съ экономической точки зрѣнія,—тогда крестьяне жили лучше, домовитѣе, хозяйственнѣе, съ запасомъ про черный день“ (стр. 258). И теперь, гдѣ дворянскій элементъ сохранился сильнѣе, тамъ крестьянамъ живется легче, тамъ меньше простора хищничеству ростовщиковъ, тамъ „правильныя, человѣчныя и нормальныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, между нанимателями и рабочими, тамъ до сихъ

порь твердо сохраняется убѣжденіе, что богатство и сила страны — въ богатствѣ и силѣ народа, а никакъ не наоборотъ" (стр. 189—190). Поэтому надо усилить значеніе землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, которые, по существу своему, отличаются всякими добродѣтелями: они готовы будутъ „вполнѣ безкорыстно взять на себя заботу объ общемъ благѣ и станутъ дѣйствовать на темную народную массу просвѣщающимъ образомъ". Масса „нуждается въ развитомъ и просвѣщенномъ руководителѣ, который, конечно (!), не станетъ пользоваться своимъ вліяніемъ въ своихъ личныхъ корыстныхъ интересахъ". Тогда установится надъ народомъ „близкая ему, сознательно относящаяся къ дѣлу, разумная власть, которая будетъ знать и указывать, что и какъ нужно дѣлать для улучшенія народнаго хозяйства и увеличенія производительности труда" (стр. 252—5). Ибо землевладѣльцы другихъ сословій, какъ извѣстно автору, уже по положенію своему вполнѣ разумны, безкорыстны, все знаютъ и указываютъ, хлопочутъ единственно объ общемъ благѣ и о выгодахъ крестьянъ; спрашивается только, почему же они сами позаложили свои земли, запустили и разорили свои хозяйства: не потому же, что не имѣли власти надъ народомъ? И земскіе начальники, полагаетъ авторъ, олицетворяютъ собою „разумную и энергическую власть", но они не могутъ успѣшно вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь крестьянства, такъ какъ не имѣютъ для этого „ни средствъ, ни времени, ни даже должныхъ знаній и опытности". Институтъ земскихъ начальниковъ, „стоя на почвѣ живой правды, а не на мертвящей буквѣ формализма (какъ мировые судьи?), можетъ спасти народъ отъ тѣхъ сѣтей, которыя его нынѣ опутываютъ, и оградить его благосостояніе противъ описанныхъ (ростовщическихъ) поползновеній" и т. д. (стр. 190); но почему именно одно званіе земскаго начальнива даетъ привилегію на обладаніе „живою правдою", и какимъ способомъ эта предполагаемая правда восторжествуетъ надъ сельскимъ ростовщичествомъ, при нынѣшнихъ законахъ, — сказать трудно. Не было ли бы проще и разумнѣе, вмѣсто неосновательной надежды на судейскій произволъ, выработать положительные и точные законы противъ ростовщичества, по примѣру другихъ государствъ? — этого вопроса авторъ не касается.

Безполезно говорить о цѣльной и широкой экономической программѣ, когда непримиримый внутренній разладъ господствуетъ среди активныхъ элементовъ общества и отражается какою-то странною раздвоенностью мысли даже въ такихъ крупныхъ умахъ отдѣльныхъ лицъ, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежитъ

и неизвѣстный авторъ книги о „неурожаѣ и народномъ бѣдствіи“. То хорошее, что могло бы быть придумано и сдѣлано въ одномъ мѣстѣ, парализуется у насъ другими стремленіями, прямо противоположными, и быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, остается и въ будущемъ лишь рассчитывать на новые планы новыхъ предварительныхъ изслѣдованій и подготовительныхъ работъ въ подлежащихъ канцеляріяхъ и комиссіяхъ разныхъ вѣдомствъ.

Л. Слонимскій.

**ПО ИСПОЛНЕНІЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
НА 1891 ГОДЪ.**

Въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли“ напечатаны по примѣру прежнихъ лѣтъ *предварительная кассовая свѣденія о государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1891 году*. Независимо отъ ихъ характера—*кассовыхъ*, т.-е. указывающихъ лишь поступления и выдачи государственнаго казначейства безъ обозначенія, за счетъ какой росписи внесены доходы или произведены выдачи, „Вѣстникъ“ прибавляетъ, что свѣденія эти въ контрольномъ порядкѣ не провѣрены—тѣмъ не менѣе, эти свѣденія, какъ объясняетъ и упомянутая газета, даютъ возможность сдѣлать хотя бы приблизительный выводъ объ исполненіи росписи 1891 г. и преимущественно по главной составной ея части, —по бюджету *обыкновенныхъ* доходовъ и расходовъ.

Свѣденія эти таковы:

Государственныхъ доходовъ поступило—обыкновенныхъ 890.114.000 р., и чрезвычайныхъ 85.943.000 рублей, а всего—926.057.000 руб.

Расходовъ произведено:

а) обыкновенныхъ и оборотныхъ въ счетъ росписи 1891 г.	561.901.000 р.
б) чрезвычайныхъ въ счетъ той же росписи	172.780.000 „
в) расходы на платежи по займамъ, какъ въ счетъ росписи 1891 г., такъ и другихъ лѣтъ	225.124.000 „
г) расходы льготнаго срока въ счетъ росписей 1890 и 1891 года:	
обыкновенныхъ	34.787.000 „
чрезвычайныхъ	6.485.000 „
д) расходы предшествовавшихъ лѣтъ: обыкновенныхъ	24.845.000 „
чрезвычайныхъ	16.138.000 „
Всего: одинъ миллиардъ, сорокъ два милліона, десять тысячъ (1.042.010.000) руб.	

Итоги и перечни расходовъ не имѣютъ бюджетнаго, относительно 1891 г., значенія. Въ нихъ, во-первыхъ, вошли расходы прежнихъ лѣтъ; во-вторыхъ, расходы за счетъ росписи 1891 г. исчислены далеко не вполне. Для расходовъ, какъ извѣстно, существуютъ такъ-называемые льготные сроки, простирающіеся вообще по всѣмъ расходамъ на полгода, сверхъ годичнаго срока, а по нѣкоторымъ видамъ еще дольше, до 4 лѣтъ. Расходы второй категоріи (строительные, по кредиторскимъ спискамъ) вносятся въ годовой отчетъ въ полной ихъ суммѣ, хотя бы впоследствии и оказались произведенными въ меньшей. Но по расходамъ, для которыхъ льготный срокъ не превышаетъ 3—6 мѣсяцевъ, итогъ сводится лишь по минованіи этого срока, и точныя цифры ихъ появляются въ отчетъ государственнаго контроля къ 1 октября года, слѣдующаго за отчетнымъ. Тѣмъ не менѣе, *приблизительно* цифра расходовъ въ счетъ росписи 1891 года можетъ быть и нынѣ опредѣлена довольно точно, способомъ, который мы указываемъ ниже. Что же касается доходовъ, то, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совета, для нихъ льготные сроки уничтожены съ 1889 г., и всѣ поступления постановлено признавать доходомъ по росписи того года, въ теченіе котораго они получены въ государственномъ казначействѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, приведенная выше цифра обыкновенныхъ доходовъ 890 мил. р. дѣйствительно вполне соответствуетъ поступившимъ въ 1891 г. *обыкновеннымъ* доходамъ. Непровѣренность ея въ контрольномъ отношеніи не имѣетъ особаго значенія: съ предварительными свѣденіями государственнаго контроля по этому предмету министерство финансовъ, конечно, уже ознакомилось, а дальнѣйшая повѣрка этихъ свѣденій можетъ повести лишь къ незначительнымъ измѣненіямъ цифръ по нѣкоторымъ рубрикамъ.

Цифра расходовъ не можетъ быть опредѣлена по предварительнымъ кассовымъ свѣденіямъ, но зато не трудно вывести ее изъ цифры росписи при помощи указаній, находящихся въ той же статьѣ „Вѣстника Финансовъ“.

По росписи на 1891 годъ обыкновенныхъ доходовъ было исчислено немногимъ менѣе 901 м. р., а обыкновенныхъ расходовъ—около 899 мил. р. Доходовъ, какъ видно изъ приведенной выше цифры, поступило на 11 мил. р. меньше,—890 мил. р. съ небольшимъ. Еслибы

¹⁾ До 1889 г. существовали льготные сроки по окладнымъ доходамъ: податямъ, выкупнымъ платежамъ, взносамъ жел. дорогъ и пр., такъ что сумма, поступившая въ теченіе 8 мѣсяцевъ, положимъ, 1892 г., но причитающаяся за 1891 г., причислялась бы къ доходамъ 1891 г. По нынѣ существующему порядку она зачтется въ доходы 1892 года.

расходы состоялись въ цифрѣ, опредѣляемой росписью, то по обыкновенному бюджету оказался бы дефицитъ въ суммѣ около 9 мил. р. Но расходы до этой цифры дойти не могутъ.

Въ кредитахъ, назначенныхъ по росписи, непременно окажутся остатки. Остатки эти двухъ родовъ: во-первыхъ, по кредитамъ, срокъ дѣйствія которыхъ ограничивается льготнымъ срокомъ, т.-е. для росписи 1891 года первымъ іюля 1892 года, и во-вторыхъ, остатки по долгосрочнымъ кредитамъ, имѣющимъ дѣйствіе въ теченіе двухъ, трехъ и четырехъ лѣтъ. Въ отношеніи къ свѣденію баланса по росписи значеніе этихъ остатковъ не одинаково. Остатки первого рода опредѣляются по минованіи льготнаго срока и въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи попадутъ въ графу закрытыхъ кредитовъ, т.-е. будутъ исключены изъ расходовъ. Цифра остатковъ второго рода опредѣлится лишь въ 1895 году, слѣдовательно тогда, когда она уже не можетъ быть принята во вниманіе при сведеніи баланса росписи. Въ возмѣщеніе этихъ будущихъ остатковъ, по принятому порядку, къ доходамъ отчетнаго года присоединяются остатки прежнихъ лѣтъ по долгосрочнымъ кредитамъ, окончательно въ отчетномъ году закрываемымъ.

Размѣръ тѣхъ и другихъ остатковъ въ настоящее время точно опредѣленъ быть не можетъ; его можно лишь вывести въ средней цифрѣ остатковъ ближайшихъ предшествовавшихъ лѣтъ. За послѣдніе три года 1888—1890 г., отъ кредитовъ первого рода, назначавшихся на одинъ смѣтный періодъ, остатковъ было $13\frac{1}{2}$ м. р., $12\frac{1}{2}$ м. р. и 16 м. р., всего 42 м. р., что составляетъ среднюю цифру 14 м. р. въ годъ. На вопросъ: можно ли ожидать закрытія указанныхъ кредитовъ въ не меньшемъ размѣрѣ и за 1891 г., слѣдуетъ, повидимому, отвѣчать утвердительно. Въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ уже указывается болѣе 8 м. р. такихъ остатковъ: 6.700.000 р. вслѣдствіе конверсій $5\frac{1}{2}\%$ ренты банковыхъ билетовъ и выпусковъ восточнаго займа, и $1\frac{1}{2}$ м. р. вслѣдствіе предполагавшихся, но затѣмъ отмѣненныхъ и сокращенныхъ расходовъ по управленію. Затѣмъ значительное сбереженіе смѣтныхъ расходовъ оказывается вслѣдствіе разности въ курсѣ кредитнаго рубля, принятомъ для росписи, съ курсомъ дѣйствительнымъ. Эта разность, въ 1890 году, дала по однѣмъ приплатамъ казны за желѣзныя дороги сбереженіе противъ росписи до 5 мил. рублей. Правда, курсъ, принятый для росписи 1890 года, былъ 1 р. 70 к. кред. за золотой рубль, а для росписи 1891 года онъ опредѣленъ въ 1 р. 60 к. кр.; но разница между этимъ курсомъ и дѣйствительнымъ, повышавшимся иногда до 1 р. 35 к. кр. за золотой рубль, весьма велика. Наконецъ болшіе или меньшіе остатки оказываются отъ кредитовъ всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ воен-

наго и морского, по которымъ остатки не поступаютъ въ средства государственнаго казначейства, а обращаются на образованіе запаснаго фонда этихъ вѣдомствъ.

Все это приводитъ къ убѣжденію, что остатки отъ обыкновенныхъ смѣтныхъ кредитовъ не только достигнуть 14 м. р., а даже превзойдутъ эту цифру. Но и ею уже покрывается указаннй выше 9-милліонный недоборъ съ избыткомъ въ 5 мил. рублей.

Остатковъ по долгосрочнымъ, закрываемымъ въ томъ или другомъ году, кредитамъ, было закрыто и присоединено къ доходамъ: въ 1888 г. до 2½ м. р., въ 1889 году 17 мил. р. и въ 1890 г. 7 мил. рублей. 1889 годъ былъ въ этомъ отношеніи исключительный: съ этого года были установлены сроки для кредитовъ на уплату по государственнымъ долгамъ, до этого года отпущавшимся безсрочно. Закрытые въ этомъ году остатки кредитовъ и образовали столь значительную сумму. Но остатокъ 1890 г. въ 7 м. р. долженъ быть признавъ вполне вѣроятнымъ для 1891 г. По свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ“ подлежащіе закрытію кредиты прежнихъ лѣтъ уже опредѣлились въ суммѣ 6.300.000 р. Нужно думать, что въ этой суммѣ заключаются не только остатки отъ кредитовъ *обыкновеннаго* бюджета, а также и чрезвычайнаго, но несомнѣнно, что къ концу льготнаго срока сумма этихъ остатковъ увеличится.

Съ присоединеніемъ этихъ 7 м. р. къ выведеннымъ выше 5 м. р. балансъ исполненія бюджета обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ составитъ превышеніе доходовъ надъ расходами въ суммѣ не меньше 12 мил. рублей.

По чрезвычайному бюджету поступлений, имѣющихъ характеръ доходовъ, было исчислено по росписи 13.750.000 р., а расходовъ 63.413.000 р., т.-е. съ недоборомъ въ 50 мил. рублей. По свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ“ поступленій оказалось на 22 м. р. больше вслѣдствіе непредвидѣннаго взноса обществами желѣзныхъ дорогъ прежнихъ ихъ изъ казны позаймствованій. Что же касается расходовъ, внесенныхъ въ роспись, то по самому роду ихъ во времени заключенія бюджета они уменьшиться не могутъ: изъ 63 м. р. около 43 мил. р. назначены на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ; срокъ такихъ кредитовъ, какъ строительныхъ, не одинъ, а два смѣтныхъ періода. Остальные 20 м. р. назначены на перевооруженіе. Остатки отъ этихъ кредитовъ, если таковые окажутся, остаются въ вѣденіи военнаго министерства „впредь до окончанія перевооруженія“; другими словами, изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства они переводятся въ спеціальнй фондъ и для росписи должны считаться безвозвратнымъ расходомъ. Единственнымъ уменьшеніемъ этихъ расходовъ можетъ быть лишь остатокъ отъ строительныхъ

расходовъ прежнихъ лѣтъ. Въ 1890 г. его было около 2 м. р. Такую же сумму можно ожидать и для 1891 года. Такимъ образомъ исчисленный по росписи недоборъ по чрезвычайному бюджету въ 50 м. р. изводится до 26 мил. рублей. Но это лишь по расходамъ, внесеннымъ въ роспись.

Между тѣмъ, не говоря о поступленияхъ и выдачахъ по кредитнымъ операціямъ (конверсіямъ, досрочному выкупу займовъ), составляющимъ лишь замѣну однихъ долговыхъ операцій другими, необходимо принять во вниманіе огромный чрезвычайный расходъ, произведенный въ минувшемъ году. Это расходъ въ 76 мил. р. на продовольствіе населенія, на обмѣненіе полей, на устройство общественныхъ работъ и на другія потребности, вызванныя неурожаемъ. Несомнѣнно, что такіе расходы, вызванные чрезвычайнымъ народнымъ бѣдствіемъ (въ родѣ войны), не могутъ упасть на бюджетъ одного года; они покрываются обыкновенно специальными на этотъ предметъ займами. Въ данномъ случаѣ на покрытіе этихъ 76 м. р., какъ и на покрытіе такой же суммы расхода на тотъ же предметъ въ текущемъ году, прибѣгать къ займу было не нужно: въ распоряженіи государственнаго казначейства находилась свободная сумма (219 м. р.), образовавшаяся отъ излишковъ по исполненію росписи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ (1888—1890 гг.). Но еслибы и не было такого счастливаго обстоятельства, чрезвычайный расходъ въ 76 м. р., повторяемъ, не можетъ быть поставленъ на счетъ исполненія росписи 1891 года.

За исключеніемъ этихъ 76 м. р., а равно и кредитныхъ операцій, вѣроятный результатъ исполненія росписи, по предварительнымъ свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ“, опредѣляется избыткомъ доходовъ въ размѣрѣ 12 м. р. по обыкновенному бюджету и въ недоборѣ 26 м. р. по чрезвычайному итогу въ недоборѣ.

Такимъ образомъ, предположеніе министерства финансовъ источниками обыкновенныхъ доходовъ покрывать недоборъ чрезвычайнаго бюджета, осуществленное въ три предшествующіе года, за 1891 годъ оказалось неисполненнымъ. Причина этого—въ бѣдствіи, постигшемъ въ минувшемъ году значительную часть имперіи, вслѣдствіе чего послѣдовало по многимъ статьямъ сильное уменьшеніе государственныхъ доходовъ противъ предшествовавшихъ лѣтъ, и преимущественно, разумѣется, по тѣмъ доходамъ, главными плательщиками которыхъ является сельское населеніе: такъ, на 2 м. р. оказалось уменьшеніе въ податкахъ, 2 мил. въ доходѣ отъ казенныхъ имуществъ, 19 мил. р. по выкупнымъ платежамъ, и наконецъ 21 м. р. по питейному доходу, котораго поступило всего 247 мил. рублей, кѣмъ исчисленія росписи (259¹/₂ м. р.) на 12¹/₂ мил. рублей.

Относительно окладныхъ сборовъ, а также и питейнаго дохода весьма интересны свѣденія ихъ по мѣстностямъ для опредѣленія, насколько повліялъ на размѣръ этихъ доходовъ именно неурожай 1891 года. Но данныя для этого могутъ быть найдены только въ отчетѣ государственнаго контроля, появляющагося въ концѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ.

По поводу питейнаго дохода считаемъ умѣстнымъ вспомнить объ одной изъ нашихъ прошлогоднихъ статей. Исчисленіе росписью этого года питейнаго дохода въ 259¹/₂ м. р. мы считали слишкомъ скромнымъ. По нашимъ соображеніямъ онъ долженъ былъ доставить 265 м. р. Впрочемъ мы оговорились, что смѣтное исчисленіе не есть выводъ непреложный, а только гадательный, что оно можетъ основываться лишь на данныхъ, которыя имѣлись во время составленія смѣты, и что размѣръ поступления питейнаго дохода въ 1891 г. будетъ зависѣть отъ экономическаго состоянія страны именно въ этомъ году ¹⁾. Мы ошиблись въ цифрѣ: экономическія условія 1891 г. были настолько неблагопріятны, что даже болѣе умѣренная цифра росписи оказалась значительно преувеличенною. Тѣмъ не менѣе мы продолжаемъ стоять на нашемъ способѣ исчисленій росписи, основывающемъ выводы не столько на частныхъ случайныхъ признакахъ (которые должны приниматься во вниманіе, но лишь отчасти), а на общемъ, такъ сказать, историческомъ движеніи той или другой отрасли государственнаго и финансоваго хозяйства.

Способъ этотъ помогъ намъ почти безошибочно опредѣлить ²⁾ цифру другого значительнаго государственнаго дохода—таможеннаго. По росписи онъ былъ исчисленъ въ 116¹/₂ м. р. По высказаннымъ нами соображеніямъ, онъ былъ опредѣленъ нами въ размѣрѣ не меньше 127 м. р.; въ дѣйствительности его поступило 128 м. рублей.

Вообще говоря, результатъ исполненія государственной росписи за 1891 годъ можно признать относительно благопріятнымъ. Несмотря на бѣдствіе, разразившееся надъ нами, вслѣдствіе котораго государственные доходы только по тремъ статьямъ уменьшились слишкомъ на 40 м. р., въ исполненіи обыкновеннаго бюджета оказался не дефицитъ, какъ можно было ожидать, а даже нѣкоторый избытокъ. Если этимъ избыткомъ не покрывается излишекъ, противъ поступленій, чрезвычайныхъ расходовъ, то это не можетъ еще считаться результатомъ невыгоднымъ для росписи. Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра финансовъ было заявлено, что чрезвычайные расходы должны покрываться

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, февраль 1891 г., стр. 874.

²⁾ Тамъ же, стр. 875.

избыткомъ доходовъ обыкновеннаго бюджета, мы находили исполненіе такого требованія желательнымъ, но самое требованіе нѣсколько чрезмѣрнымъ. Разумѣется, такіе расходы, какъ изъ года въ годъ повторяющійся расходъ на устройство портовъ, какъ расходъ на перевооруженіе, должны покрываться изъ обычныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, именно потому, что и расходы эти должны бы заноситься въ разрядъ не чрезвычайныхъ, а обыкновенныхъ расходовъ. Но производительная постройка желѣзныхъ дорогъ — иное дѣло: она должна покрываться не изъ оборотныхъ средствъ, какими представляются суммы бюджета, а изъ капитальнаго запаса, подлежащаго возврату. Если на нее употреблены избытки средствъ государственнаго казначейства, то не иначе, какъ въ видѣ заимствованія, которое должно быть возмѣщено изъ будущихъ эксплуатаціонныхъ доходовъ дорогъ.

Итакъ, повторяемъ, несмотря на тяжелыя экономическія условія минувшаго года, роспись представляется сведенною довольно удовлетворительно. Но при этомъ повторимъ также и то, на что мы не разъ указывали прежде, а именно, что такой результатъ, какъ и результатъ сведенія росписи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, составляетъ слѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ силъ населенія, а не слѣдствіе, какъ то было бы желательно, естественнаго развитія народнаго труда, народной производительности и народнаго богатства; вотъ почему надобно думать, что подобный бюджетный успѣхъ въ настоящемъ не мало затруднитъ въ будущемъ нашихъ финансистовъ, если впоследствии убѣдятся въ необходимости возстановить платежныя силы страны и строить бюджетный успѣхъ на предварительномъ успѣхѣ народнаго хозяйства и его благосостоянія. Минувшій годъ съ достаточною убѣдительною показалъ намъ, какъ шатко самое благоприятное положеніе государственныхъ финансовъ, если оно не опирается на удовлетворительное экономическое состояніе народонаселенія: это уже не какаяд-нибудь теорія, а очевидный фактъ.

0.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1892 г.

Земскія изслѣдованія о причинахъ, обострившихъ вліяніе неурожаа.—Исторія продовольственной организаціи въ дувановскомъ уѣздѣ.—Общія заключенія, къ которымъ эта исторія приводитъ.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ 1-му апрѣля.—Приостановка переселенческаго движенія.

Между многочисленными изслѣдованіями, вызванными прошлогоднимъ неурожаемъ, весьма видное мѣсто занимаютъ земскія работы, отчасти статистическаго, отчасти болѣе общаго характера. Такіе труды, какъ „Продовольственное дѣло“ (изданіе московскаго губернскаго земства) или „Урожай 1891 г. въ нижегородской губерніи“ (изданіе нижегородскаго губ. земства), служатъ лучшимъ отвѣтомъ на тенденціозныя обвиненія, столь часто раздававшіяся и раздающіяся до сихъ поръ по адресу земской статистики. Къ официальнымъ земскимъ изданіямъ примыкаютъ журнальныя статьи, написанныя земскими дѣятелями, на основаніи земскихъ источниковъ—напр., замѣчательныя статьи г. Красноперова въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ (№ 11 за 1891 г. и № 3 за 1892 г.). Не довольствуясь описаніемъ бѣдствія, земскія работы раскрываютъ ближайшія и отдаленныя его причины и даютъ массу драгоцѣнныхъ указаній по отношенію къ будущему. Все больше и больше выясняется фактъ постепеннаго обѣднѣнія народа, начавшагося задолго до послѣдняго неурожаа. Сила противодѣйствія заранѣе была доведена почти до минимума; отсюда интенсивность несчастья, отсюда глубина слѣдовъ, оставляемыхъ имъ въ народной жизни. Всѣ корреспонденціи, полученныя статистическимъ отдѣленіемъ нижегородской губернской управы, всѣ свѣденія, собранныя представителями его на мѣстѣ, сходятся въ томъ, что упадокъ крестьянскаго благосостоянія—болѣзнь длаящаяся, хроническая, обусловленная рядомъ неурожаевъ, сокращеніемъ заработковъ и паденіемъ цѣнъ на трудъ, уменьшеніемъ площади покосовъ,

эпизоотіями и пожарами. Этотъ выводъ подтверждается и положительными цифрами. Сравнительно съ началомъ восьмидесятихъ годовъ, общая цифра платимыхъ населеніемъ прямыхъ сборовъ (не считая земскихъ и мірскихъ) значительно уменьшилась: въ 1881 г. она составляла, для нижегородской губерніи, 3.335.118 рублей, въ 1890 г. — только 2.483.059 рублей. Между тѣмъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ (1887 и 1888 г.), отношеніе поступленія къ окладу во второй половинѣ восьмидесятихъ годовъ ниже, чѣмъ въ первой. Въ 1881 г. въ недоимкѣ оставалось только 4%, въ 1882 г. — только 9% оклада, а въ 1889 г. — 14%, въ 1890 г. — 35%. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (сергачскомъ, лукояновскомъ) количество недоимки увеличилось, въ пятилѣтіе 1888—91 г., вдвое противъ предъидущаго пятилѣтія, а въ нѣкоторыхъ другихъ (арзамасскомъ, нижегородскомъ, княгининскомъ) — втрое или даже еще больше. Въ 1881 г. въ нижегородской губерніи числилось скота 1.010.624 штуки; съ 1883 г. это число начинаетъ уменьшаться, нѣсколько увеличивается въ 1887 и 1888 г., затѣмъ опять падаетъ — и въ 1890 г. составляетъ только 855.802. Нѣсколько менѣе замѣтно паденіе числа лошадей, но все же и ихъ стало меньше, за 10 лѣтъ, на 3% (232 тысячи вмѣсто 239), а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (княгининскомъ, сергачскомъ) — даже на 11 и 13%. Таково было положеніе дѣлъ до послѣдняго, неурожайнаго года, когда количество скота стало уменьшаться съ страшною быстротою. Уже въ 1-му сентября 1891 г. убыль скота составляла въ сергачскомъ уѣздѣ 33%, въ лукояновскомъ — 38%. Въ одномъ изъ сель лукояновскаго уѣзда число овецъ сообразилось въ 8, число свиней — въ 25 разъ! Уменьшилась почти вездѣ площадь яровыхъ посѣвовъ (въ лукояновскомъ уѣздѣ, напримѣръ — на 15%). Характеристичнымъ показателемъ нужды служить число ходатайствъ о переселеніи, поднявшееся съ 69, въ 1890 г., до 2.263 въ 1891 (замѣтимъ, что изъ числа ходатайствъ 1890 г. — 68, т.-е. всѣ кромѣ одного, приходились на долю лукояновскаго уѣзда). Крайне неутѣшительны, дальше, свѣденія о заработкахъ населенія. Лѣсной промыселъ падаетъ; заработки, доставляемые имъ, ничтожны, вслѣдствіе малаго спроса на дрова для пароходовъ и дешевизны всѣхъ вообще лѣсныхъ матеріаловъ. Въ такомъ же упадкѣ производства ложкарное, бондарное, кожевенное и многія другія.

Еще хуже, судя по статьямъ г. Красноперова, положеніе самарской губерніи. Къ 1888 г. на населеніи шести уѣздовъ числилось недоимки казенной около 3¼ милл., земской — около 600 тыс., продовольственной — болѣе 2 милл., а всего почти 6½ милл. рублей. Съ тѣхъ поръ недоимки постоянно возрастали; общая ихъ цифра составляетъ теперь около 12 милл. рублей (почти 10 рублей на каждую

окладную душу). Лошадей приходилось въ 1867 г. на каждый крестьянскій дворъ по 3,2; въ 1885 г.—только по 2,7; теперь, конечно, ихъ еще гораздо меньше, такъ какъ уже до ноября мѣсяца было продано населеніемъ 142 тыс. лошадей (а также 92 тыс. штукъ крупнаго рогатаго скота и 817 тыс. овецъ). Въ 765 селеніяхъ изъ 2.113 правильная земледѣльческая культура, по разнымъ причинамъ, рѣшительно невозможна. Крестьянская земля даетъ чистаго дохода около 40 коп. съ десятины, между тѣмъ какъ для земли частныхъ владѣльцевъ эта цифра подходитъ къ рублю или даже его превышаетъ. Отсюда постоянно и давно уже возростающая задолженность крестьянскаго населенія. За послѣднія пять лѣтъ зарегистрировано земскими статистиками 13.345 случаевъ займа, на сумму 1.170.932 р., при чемъ величина роста достигаетъ иногда 240%! Рядомъ съ займами идутъ покупки въ кредитъ, также на весьма обременительныхъ условіяхъ. Нерѣдки займы подъ залогъ общественной земли, съ предоставленіемъ кредитору права пользованія ею; заложеной такимъ образомъ земли насчитывалось, еще до голоднаго года, болѣе 450 тыс. десятинъ. Продавая хлѣбъ осенью по 30—40 коп. за пудъ, крестьяне сплошь и рядомъ покупаютъ его весной по 75 к. и дороже. Рабочая плата уже въ 1885—86 г. упала, въ бугульминскомъ уѣздѣ, до 30 рублей въ годъ. Нищенство, въ иныхъ мѣстностяхъ, представляетъ массовое явленіе; изъ нѣкоторыхъ деревень бугурусланскаго уѣзда не только зимой, но и лѣтомъ уходятъ побираться отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{2}$ домохозяевъ. Если таково было положеніе вещей до 1891 г., то не трудно себѣ представить, насколько оно должно было ухудшиться въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ.

Когда населеніе, заранѣе обезсиленное и обезоруженное, очутилось лицомъ къ лицу съ прошлогоднимъ неурожаемъ, многое зависѣло отъ быстроты и рѣшительности мѣръ, направленныхъ къ его поддержкѣ. Каждая пропущенная недѣля, каждое урѣзанное пособіе отражались такимъ уменьшеніемъ наличныхъ средствъ и силъ, за которое придется расплачиваться цѣлыми годами. Мы имѣли уже случай указать, къ чему привела запоздалость и недостаточность помощи въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи, въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи. Массу аналогичныхъ данныхъ можно найти въ названныхъ нами земскихъ изслѣдованіяхъ. Нижегородскій сборникъ, напримѣръ, показываетъ наглядно, какъ дѣйствовали на народное здоровье—суррогаты хлѣба, а на народное благосостояніе—распродажа скота, амбаровъ, извъ и всякаго другого имущества. Чѣмъ больше ослабѣлъ и оскудѣлъ народъ въ концѣ лѣта и началѣ осени, пока еще не было приступлено къ выдачѣ продовольственныхъ ссудъ, тѣмъ важнѣе была правильная, т.-е. разумная и гуманная организа-

ція этого дѣла. Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что оно было поставлено какъ слѣдуетъ далеко не вездѣ. О большинствѣ пострадавшихъ губерній имѣются, съ этой точки зрѣнія, свѣденія весьма неполныя. Ни одна изъ нихъ не послѣдовала доброму примѣру, поданному нижегородскимъ губернаторомъ; ни одна не ввела въ обычай оглашеніе всего относящагося къ продовольственному вопросу. Еслибы гласность составляла не исключеніе, а общее правило, то въ предѣлахъ неурожайнаго района оказался бы, конечно, не одинъ только уѣздъ, въ которомъ мѣстные дѣятели, „ведя свою линію“, шли въ разрѣзъ съ самыми настоятельными требованіями жизни и даже съ приказаніями начальства.

Исторія лукояновскаго уѣзда, нижегородской губерніи, поучительна не только сама по себѣ, но и по тому свѣту, который она бросаетъ на отрывочныя, случайныя вѣсти, доносившіяся и доносящіяся изъ разныхъ другихъ неурожайныхъ мѣстностей. Началась эта исторія, какъ извѣстно, съ официального документа (донесенія непрѣмьнаго члена губернскаго присутствія, І. П. Кутлубицкаго), напечатаннаго въ приложеніяхъ къ журналамъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи. Посѣтивъ въ январѣ мѣсяцъ, по порученію комиссіи, уѣзды арзамаскій, сергачскій и лукояновскій, г. Кутлубицкій нашелъ, что смѣты продовольственной нужды составлены, во всѣхъ трехъ уѣздахъ, не вполне правильно — въ иныхъ мѣстахъ слишкомъ высоко, въ другихъ слишкомъ низко; различны, не только по уѣздамъ, но и по участкамъ, и самыя системы помощи, принятыя земскими начальниками. Въ первомъ участкѣ арзамаскаго уѣзда г. Кутлубицкій усмотрѣлъ „полное отсутствіе какихъ бы то ни было твердыхъ началъ для опредѣленія нужды и распредѣленія пособія“, при чемъ „не удовлетворяются дѣйствительно голодные и пресыщаются сытые“. Во второмъ участкѣ система раздачи „щедрѣе въ отношеніи лицъ, не нуждающихся въ помощи, и скупа въ отношеніи нуждающихся“. Въ пятомъ участкѣ организація „неустойчива и пестра; рядомъ съ бережливими и даже скупыми выдачами встрѣчаются зачастую и случаи противоположныя“. Въ первомъ участкѣ сергачскаго уѣзда организація помощи „ставитъ себѣ узкую цѣль, ограничиваясь лишь поддержаніемъ человѣческой жизни“; о системѣ участковъ третьяго и пятаго „трудно сказать что-либо опредѣленное, въ виду неустойчивости и невыработанности приемовъ“. Въ первомъ участкѣ лукояновскаго уѣзда (земскій начальникъ г. Бобобѣдовъ) „преслѣдуется широкая, можетъ быть слишкомъ широкая цѣль поддержанія крестьянскаго хозяйства“ въ прежнемъ его видѣ; въ третьемъ участкѣ (земскій начальникъ г. Ахматовъ) цѣль скромнѣе и выдачи бережливѣе, а въ остальныхъ четырехъ земскіе начальники (гг. Пуш-

кинь, Струговщиковъ, Желѣзновъ и Бестужевъ) „ставятъ себѣ исключительную задачу предупредить случаи голодной смерти и приходить на помощь населенію лишь въ случаяхъ крайней нужды“. Дальше о лукояновскомъ уѣздѣ сказано, что здѣсь „особенно замѣтно вліяніе центрального уѣзднаго органа, выразившееся рядомъ постановленій продовольственной (уѣздной) комиссіи. Къ сожалѣнію, комиссіа опредѣляла, кажется, нужду всего уѣзда по нуждѣ ближайшихъ къ Починкамъ ¹⁾ мѣстностей“ (т.-е. мѣстностей наименѣ пострадавшихъ). Отсюда ясно, что *качественной* разницы между тремя осматрѣнными имъ уѣздами г. Кутлубицкій не замѣтилъ; различіе оказалось только *количественное*. Другими словами, въ лукояновскомъ уѣздѣ система крайней бережливости найдена преобладающею въ болѣебольшемъ числѣ участковъ и въ нѣсколько болѣеи степени, чѣмъ въ уѣздахъ арзамасскомъ и сергачскомъ. Протестовать противъ отчета г. Кутлубицкаго признала нужнымъ, однако, только одна лукояновская продовольственная комиссіа, въ составъ которой входятъ всѣ земскіе начальники. Бездоказательно утверждая, что отзывъ г. Кутлубицкаго основанъ не на личныхъ его наблюденіяхъ, а на свѣденіяхъ, сообщенныхъ ему статистикомъ („Москва, вишь, виновата!“), комиссіа заявила (19-го февраля), что „*массовой нужды въ лукояновскомъ уѣздѣ нѣтъ, благодаря прежде установившемуся ея благосостоянію и хорошему урожаю яровыхъ хлѣбовъ*, и что земскіе начальники руководятся, кромѣ указаній министерства и губернатора, долгомъ службы и нравственною обязанностью, не упуская изъ виду и будущаго экономическаго положенія каждаго крестьянина“. Этотъ протестъ вызвалъ со стороны г. Кутлубицкаго новый, чрезвычайно обстоятельный докладъ, съ указаніемъ не только деревень, но и дворовъ, къ которымъ относятся сообщаемыя свѣденія. Общая мысль доклада можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ его, хотя они прямо касаются только одного (второго) участка: „позднее начало выдачи пособій (съ декабря), строгость въ выборѣ нуждающихся и бережливый расчетъ пайка (по 20 ф. на ѣдока; 30 фунтовъ выдано только 132 лицамъ изъ 8.766, получившихъ пособія въ январѣ мѣсяцѣ) заставляли населеніе, въ поискахъ за пропитаніемъ, обратиться къ такимъ источникамъ, затрогивать которые представляется въ высшей степени опаснымъ для будущаго: нужда смягчается на счетъ постепеннаго, но вѣрнаго разрушенія хозяйства“. До половины января въ лукояновскомъ уѣздѣ было выдано всего 38 тыс. пуд. хлѣба—почти вдвое меньше противъ арзамасскаго уѣзда (63 тыс.) и вчетверо меньше противъ сергачскаго (150 тыс.). 9-го марта лукояновская продовольственная комиссіа

¹⁾ Починки—заштатный городъ въ лукояновскомъ уѣздѣ.

предъявила новую претензію: указывая на газетныя сообщенія, повторяющія отзывы г. Кутлубицкаго, она постановила ходатайствовать о принятіи мѣръ къ прекращенію газетной полемики, дабы члены комиссіи могли „спокойно относиться къ дѣлу и продолжать служебную дѣятельность“. „У насъ съ самаго начала было рѣшено, — замѣтилъ, по этому поводу, генераль Барановъ, — что предметъ занятій комиссіи не можетъ быть тайной; думаю, что вреда отъ этого нѣтъ, и не вижу, почему при вмѣшательствѣ печати такое безпокойство. Въ дѣлѣ народнаго продовольствія и оказанія народу помощи, какъ правительственной, такъ и частной, мнѣ кажется неприличнымъ и страннымъ ходатайствовать о какихъ-либо стѣсненіяхъ печати“. Комиссіа согласилась съ мнѣніемъ Н. М. Баранова.

Съ конца февраля лукояновскій уѣздъ начинаетъ играть видную роль не только въ засѣданіяхъ губернской продовольственной комиссіи, но и въ засѣданіяхъ губернскаго благотворительнаго комитета. 26-го февраля комитетъ созывается въ экстренное собраніе, въ виду затрудненій, встрѣчаемыхъ лукояновскимъ благотворительнымъ попечительствомъ въ открытіи бесплатныхъ народныхъ столовыхъ. Попечительство, по словамъ генерала Баранова, то не можетъ найти лицъ, способныхъ вести это дѣло, то ставитъ препятствія лицамъ, готовымъ взять его на себя; кромѣ того оно идетъ въ разрѣзъ съ взглядами губернскаго комитета, находя возможнымъ допускать къ пользованію столовыми не всѣхъ нуждающихся безъ изыатія, а только крестьянъ безземельныхъ (такихъ крестьянъ оказывалось, во многихъ селахъ, по два, по пяти, по шести; объ открытіи столовыхъ для нихъ однихъ, очевидно, не могло быть и рѣчи). Губернскій комитетъ вѣритъ г. Филатову (мѣстному уѣздному члену окружного суда) и лицамъ, имъ избраннымъ себѣ въ помощь — а попечительство вѣритъ только тому, кого изберетъ земскій начальникъ; послѣдній никого не избираетъ — и дѣло открытія столовыхъ не двигается съ мѣста. Этого мало: лукояновское попечительство прямо заявляетъ губернскому комитету, что находитъ столовыя вредными, такъ какъ онѣ отвлекаютъ народъ отъ работы (!). Когда комитетъ все-таки *требуетъ* отъ попечительства развитія столовыхъ, предсѣдатель попечительства, мѣстный предводитель дворянства (г. Философовъ), слагаетъ съ себя это званіе. Въ то же самое время С. А. Давыдова, объѣхавшая, по порученію Особаго Комитета, нѣсколько уѣздовъ нижегородской губерніи, для организаціи женскихъ работъ кустарнаго типа, доводитъ до свѣденія губернскаго благотворительнаго комитета, что въ лукояновскомъ уѣздѣ замѣтно особое истощеніе населенія, вслѣдствіе крайне низкихъ размѣровъ продовольственнаго пособія, ограниченнаго, притомъ, всевозможными исключеніями. Не выдается пособія, наприимѣръ, ни кре-

стьянамъ-собственникамъ, ни крестьянамъ-должностнымъ лицамъ, хотя бы жалованье ихъ не превышало 16 руб. въ годъ, ни тѣмъ, кто продалъ за нѣсколько рублей послѣднюю лошадь или корову, ни тѣмъ, кто получилъ нѣсколько рублей по почтѣ, хотя бы на высылку родственнику паспорта. Недѣлей позже подполковникъ Рутницкій (уполномоченный Особаго Комитета), возвращаясь изъ лукояновскаго уѣзда, характеризуетъ положеніе его слѣдующими чертами: лошадей, коровъ, домашней птицы въ уѣздѣ не видать; населеніе, очевидно, продало все, что было можно, и кажется совершенно истощеннымъ. Суда выдается только лицамъ отъ 2-хъ до 18-ти-лѣтняго и свыше 60-ти-лѣтняго возраста; лица такъ-называемаго рабочаго возраста, въ какомъ бы отчаянномъ положеніи они ни находились, ничего не получаютъ; помощи малолѣтнимъ вовсе нѣтъ; столовыхъ почти не существуетъ. О санитарномъ положеніи уѣзда высказываются разные мнѣнія; исправникъ считаетъ его неудовлетворительнымъ, предводитель это отрицаетъ; самъ г. Рутницкій, видѣвшій много больныхъ, склоненъ думать, что если въ уѣздѣ и нѣтъ эпидеміи, то здоровье населенія сильно расшатано. Вслѣдъ за сообщеніемъ г. Рутницкаго губернскому комитету докладывается письмо лукояновскаго предводителя дворянства на имя губернатора, съ просьбою разъяснить ему и земскимъ начальникамъ, какъ поступать съ лицами, пріѣзжающими въ уѣздъ съ благотворительными цѣлями, но безъ надлежащихъ отъ губернскаго начальства разрѣшеній. Между этими лицами—пишетъ предводитель—есть и состоящіе подъ надзоромъ полиціи. Губернаторъ удостовѣряетъ противное, основываясь, между прочимъ, на свѣденіяхъ, доставленныхъ ему жандармскимъ управленіемъ.

Трудно, казалось бы, прибавить еще что-либо къ изумительнымъ даннымъ, раскрытымъ сообщеніями гг. Кутлубицкаго, Давидовой и Рутницкаго, а также официальной перепиской между лукояновскими и уѣздными и нижегородскими губернскими продовольственными учрежденіями. Эта трудная задача исполнена, однако, докладомъ В. Г. Короленко (извѣстнаго беллетриста), посѣтившаго лукояновскій уѣздъ въ началѣ марта, по порученію нижегородскаго губернскаго продовольственнаго комитета. Мы жалѣемъ, что не можемъ, за недостаткомъ мѣста, воспроизвести докладъ г. Короленко *in extenso*—до такой степени замѣчательно въ немъ почти каждое слово. Мы узнаемъ, прежде всего, что учрежденіе столовыхъ, съ точки зрѣнія лукояновскихъ официальныхъ дѣятелей представлявшееся невозможнымъ, оказалось чрезвычайнао легкимъ; для него немедленно нашлись и средства, и люди (сельскіе священники, управляющіе помѣщичьими экономіями, жены землевладѣльцевъ и т. п.).

Въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль число столовыхъ возросло до *пятидесяти*, тогда какъ прежде „дѣло“ объ открытіи *одной* столовой (напр., въ городѣ Лукояновѣ) тянулось около мѣсяца—если только не оканчивалось отказомъ ¹⁾. Но благотворительная дѣятельность цѣлесообразна и плодотворна только какъ *дополненіе* къ правительственной помощи; когда послѣдняя недостаточна или ничтожна, первая не можетъ достигнуть крупныхъ результатовъ. Именно таково положеніе дѣлъ въ значительной части лукояновскаго уѣзда. Вотъ, напримѣръ, цифры, относящіяся къ шутиловской волости (одной изъ наиболѣе пострадавшихъ). Выдача продовольственной ссуды началась здѣсь только въ январѣ; пользовались ею въ январѣ 2.092, въ февралѣ—2.115 ѣдоковъ, изъ 7.700 душъ наличнаго населенія. Въ январѣ было назначено 1.108 ѣдокамъ по 30 фунтовъ, остальнымъ 984 — по *двадцати* фунтовъ; въ февралѣ — 990 ѣдокамъ по *двадцати* фунтовъ, остальнымъ 1.125—по *десяти* (десяти!). Дѣйствительная выдача, въ февралѣ, была еще меньше (вмѣсто 20 фунтовъ—по 11^{1/2}, вмѣсто десяти—по 6^{1/2}), потому что остаткомъ покрывалась какая-то переплата, сдѣланная осенью возчикамъ хлѣба. Результатомъ всего этого является крайнее истощеніе крестьянъ. По собственнымъ ихъ словамъ, они „поморены вотъ до чего: прежде два человѣка клали сажень (дровъ), а теперь ее не сложить и четырехъ“. „Большое количество сами себя изъ избы не вынесутъ“,—слышалъ г. Короленко отъ сравнительно зажиточнаго крестьянина, не получающаго и не просящаго ссуды. Экономіи, нанимающія крестьянъ для рубки дровъ, должны сначала ихъ отморить, а потомъ уже поставить на работу. Во второмъ участкѣ (шутыловская волость принадлежитъ къ шестому) выдача началась съ декабря и не испытывала внезапныхъ пониженій, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ не поднималась выше 20 фунтовъ. Въ селѣ Елфимовѣ, гдѣ нужда официально признана „граничащей съ голодомъ“, изъ 1.650 человѣкъ только *шесть* получали по 30 фунтовъ; остальнымъ ѣдокамъ (числомъ отъ 264 въ декабрѣ до 818 въ мартѣ) выдавалось только *по полу-пуду*. Староста этого села имѣлъ, два года тому назадъ, 30 овецъ, 4 лошади, 3 воровы; теперь у него только одна корова и одна лошадь, на семью въ *шестнадцать* человѣкъ, съ 3 работниками—и все-таки въ мартѣ мѣсяцѣ онъ лишенъ пособія, вѣроятно потому, что получаетъ по 5 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Вдова съ двумя несовершеннолѣтними дочерьми, не имѣю-

¹⁾ Предложеніе одного изъ земскихъ начальниковъ открыть въ своемъ участкѣ нѣсколько столовыхъ было отклонено попечительствомъ на томъ основаніи, что принятіе его вызоветъ необходимость повсемѣстнаго открытія столовыхъ, а невозможность это исполнить приведетъ къ нареканіямъ противъ завѣдующихъ продовольственнымъ дѣломъ (!).

щая никакого имущества, получала, до марта, продовольственную ссуду по 20 ф. на каждую изъ дочерей; въ мартѣ мѣсяцѣ эта ссуда *замѣнена* пособіемъ изъ средствъ Особаго Комитета по 15 фунт. на каждую дѣвочку, такъ что семья изъ трехъ лицъ должна прокормиться 30 фунтами въ мѣсяцъ! Въ совершенно разоренной деревнѣ Прилевокѣ счастливецъ, получавшихъ по 30 ф., было сначала *семь*, потомъ *два* (при населеніи въ 409 душъ); число ѣдоковъ, получавшихъ по 20 ф., уменьшилось съ 235 (въ февралѣ) до 196 (въ мартѣ). „Я долженъ сказать,—говорить по поводу этихъ цифръ В. Г. Короленко,—что самъ г. земскій начальникъ едва ли знаетъ ихъ реальное значеніе, такъ какъ, по общему свидѣтельству населенія, онъ не имѣлъ случая провѣрить ихъ отраженіе въ жизни даже большихъ сель, не говоря уже о несчастныхъ деревушкахъ, кинутыхъ вдали отъ путей обыкновеннаго проѣзда“. За право пользоваться столовой въ Прилевокѣ происходили ожесточенные споры; основаніемъ къ отказу въ этомъ правѣ приводилось такое соображеніе: „*хотя можетъ не ѣвши сидѣть, а все-таки еще въ силахъ*“ (!). Истощеніе населенія такъ велико, что въ Прилевокѣ были случаи заболѣванія и даже смерти отъ голода; заявленія объ этомъ, сдѣланныя земскому начальнику, привели только... къ командировкѣ, въ качествѣ медицинскихъ экспертовъ, фельдшера и урядника, „поставившихъ діагнозъ надъ мертвыми или даже похороненными“... Семеро крестьянъ дер. Учуева-Майдана подали въ губернскую продовольственную комиссію прошеніе, въ которомъ говорили о своемъ бѣдственномъ положеніи и о недостаточности ссуды. Уѣздная комиссія, куда было передано это прошеніе, поручила земскому начальнику произвести „дослѣдованіе“, при которомъ шестеро изъ крестьянъ, отъ имени которыхъ было подано прошеніе, отреклись отъ участія въ его составленіи, хотя и подтвердили, что ссуда имъ необходима. Закончили они свое объясненіе словами: „болѣе сказать въ свое оправданіе не имѣемъ“. Итакъ, просьба о помощи—проступокъ, въ которомъ нужно оправдываться?.. Лукояновская продовольственная комиссія—таково общее заключеніе В. Г. Короленко,—„какъ будто принимаетъ всѣ мѣры не къ тому, чтобы выяснить истинное, можетъ быть и очень печальное положеніе дѣла, а скорѣе къ тому, чтобы самыя грустныя явленія не могли обезпокоить ея слухъ“. Въ видѣ примѣра приводится еще слѣдующій фактъ: податной инспекторъ, въ разговорѣ съ г. Кутлубицкимъ, сообщилъ, какъ слухъ, что въ одной деревнѣ есть тифозные больные. Разговоръ происходилъ между двумя должностными лицами—и все-таки лукояновская продовольственная комиссія увидѣла въ немъ признаки распространенія невѣрныхъ и

тревожныхъ свѣденій, о чемъ составлено журнальное постановленіе и происходила переписка (1).

Достоверность данныхъ, приведенныхъ въ докладъ В. Г. Короленко, подтверждена въ настоящее время самыми несомнѣнными доказательствами. Вновь назначенный предсѣдатель лукояновской продовольственной комиссіи, г. Обтяжновъ (извѣстный уже нашимъ читателямъ земскій начальникъ горбатовскаго уѣзда, менѣе чѣмъ кто-либо другой могущій быть заподозрѣннымъ въ излишней строгости къ своимъ коллегамъ) посѣтилъ селенія, указаннаго В. Г. Короленко, и призналъ положеніе ихъ „самымъ безотраднымъ“. Г. Фрелихъ, посланный въ лукояновскій уѣздъ для открытія бесплатныхъ столовыхъ, нашелъ, что нужда въ уѣздѣ *вотющая*. Вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ на мѣсто (29-го марта) самъ генералъ Барановъ. Возвратясь въ Нижній, онъ заявилъ губернской комиссіи, что сообщенія І. П. Кутлублицкаго, С. А. Давыдовой, подполковника Рутницкаго и В. Г. Короленко *совершенно отрывки*. Въ уѣздѣ развивается тифозная эпидемія. Во всѣхъ избахъ, кромѣ столовыхъ, генералъ Барановъ и его спутники не видѣли ни одного таракана. „Они исчезли отъ неимѣнія пищи. Хлѣба съ лебедой тараканъ не ѣстъ. Исчезновеніе прусаковъ изъ лукояновскихъ избъ можетъ служить указателемъ заслугъ прежняго состава лукояновской продовольственной организаціи“. Открылись и другіе факты, весьма печальные. Вопреки официальнымъ свѣденіямъ, оказалось, что обсеменены далеко не всѣ озимыя поля. Яровыхъ сѣмянъ числилось въ магазинахъ, *на бумагу*, болѣе чѣмъ нужно для посѣва; между тѣмъ сѣмена, по распоряженію уѣзднаго предводителя, были выданы обратно крестьянамъ, съ обязательствомъ сохранить ихъ до весны. Само собою разумѣется, что это обязательство, при ужасающей нуждѣ большинства, не всѣми было исполнено; много сѣмянъ продано или съѣдено. Хорошо еще, что это сдѣлалось заблаговременно извѣстнымъ—а то лукояновскій уѣздъ, къ довершенію бѣдствія, рисковалъ бы значительнымъ сокращеніемъ и безъ того уже уменьшенной площади посѣва.

Такова, въ главныхъ чертахъ, лукояновская исторія, случайно прогремѣвшая на всю Россію (говоримъ—*случайно*, такъ какъ ничто не мѣшало нижегородской губерніи остаться столь же мало доступной для гласности, какъ и всѣ остальные неурожайныя мѣстности). Эта исторія слишкомъ серьезна и слишкомъ характеристична, чтобы можно было ограничиться простымъ ея изложеніемъ. Посмотримъ, прежде всего, существовалъ ли, по отношенію къ лукояновскому уѣзду, какой-либо разумный поводъ сомнѣваться въ наличности нужды, и притомъ нужды крайней, съ которою необходимо бороться безотлагательно и энергично. Оказывается, что о *плачевномъ состояніи* на-

селенія лукояновскаго уѣзда писалъ губернатору, уже 1-го іюня, не кто другой, какъ лукояновскій уѣздный предводитель. „Безъ обширной правительственной помощи“, читаемъ мы въ этомъ письмѣ (напечатанномъ въ журналѣ губернской продовольственной комиссіи 8-го марта), „дальнѣйшее существованіе невозможно. Можно безошибочно сказать, что если помощь не придетъ своевременно, то кромѣ голодной смерти, преступленій и проч. ожидать ничего нельзя“. Что предвидѣлось въ іюнь, то въ августѣ вполне осуществилось. По урожаю ржи лукояновскій уѣздъ (какъ видно изъ упомянутого нами изданія статистическаго отдѣленія губернской земской управы) занимаетъ, въ 1891 г., *последнее мѣсто* въ губерніи: съ десятины собрано отъ 9 до 3 мѣръ, а въ среднемъ—*шесть* мѣръ, т.-е. не *возвращены даже сѣмена*. По урожаю овса лукояновскій уѣздъ уступаетъ пяти уѣздамъ и превосходитъ пять другихъ, но въ среднемъ овса собрано здѣсь только 43 мѣры съ десятины (т.-е. урожай былъ самъ 2½ или самъ 3), а въ нѣкоторыхъ волостяхъ—25-20 мѣръ и даже меньше, т.-е. едва возвращены сѣмена ¹⁾. Другіе яровые хлѣба уродились очень плохо. Послѣдствія неурожая не замедлили обнаружиться. Уже въ концѣ августа и началѣ сентября—по свѣденіямъ, доставленнымъ корреспондентами статистическаго отдѣленія ²⁾ и собраннымъ его уполномоченными на мѣстѣ—есть деревни, въ которыхъ почти всѣ домохозяева ѣдятъ хлѣбъ съ лебедой; въ значительной части дворовъ нѣтъ ни зерна хлѣба; въ пищу идутъ *исключительно* лебеда и картофель. Лебедной или лебединый хлѣбъ „похожъ на торфъ и отвратительнаго вкуса“. Постоянно слышатся жалобы на боли въ животѣ и расстройство желудка; „заболѣваютъ массаи“. Народъ „слоняется безъ дѣла, желая работать хотя бы изъ-за насущнаго хлѣба“. Правда, въ лукояновскомъ уѣздѣ пущень былъ первый слухъ объ усиливающемся, будто бы, народномъ пьянствѣ; но тщательная провѣрка этого слуха убѣдила статистическое отдѣленіе, что единственнымъ его источникомъ послужилъ отзывъ двухъ должностныхъ лицъ и одного управляющаго имѣніемъ, послѣдившихъ обобщить и перетолковать отдѣльные, случайные факты. Въ остальныхъ корреспонденціяхъ объ усиленіи пьянства не говорится ни слова, а на уменьшеніе его прямо указываютъ цифры, изъ которыхъ видно, что въ трехъ смежныхъ уѣздахъ—лукояновскомъ, сергачскомъ и васильскомъ—потребленіе вина упало, сравнительно

¹⁾ Средній урожай овса въ нижегородской губерніи 60 мѣръ съ десятины (т.-е. приблизительно самъ-четверть).

²⁾ Такихъ корреспондентовъ въ лукояновскомъ уѣздѣ *тридцать*—преимущественно священники, земскіе, административные и судебные дѣятели и мѣстные землевладѣльцы.

съ предъидущимъ годомъ, на $31\frac{1}{4}\%$. Столь же шаткими оказываются основанія другого лукояновскаго слуха—объ отказѣ крестьянъ отъ предлагаемой работы... Что объединіе лукояновскаго уѣзда началось гораздо раньше, объ этомъ свидѣтельствуеетъ и цифра накопившихся на немъ недоимокъ—абсолютно высшая въ губерніи (518 тыс.),—и число просьбъ о переселеніи, и сокращеніе площади ярового посѣва. Вотъ, наконецъ, и прямой отзывъ по этому предмету, принадлежащій одному изъ мѣстныхъ земскихъ начальниковъ (г. Струговщикову): „Здѣсь хорошихъ урожаевъ нѣтъ *мѣть пять*; не родится то яровое, то рожь. Это отразилось на крестьянскомъ хозяйствѣ такимъ образомъ: количество состоятельныхъ хозяевъ сократилось до минимума, остались состоятельными только тѣ, у кого имѣлись деньги и собственность; *остальные все разорились*; *средняя хозяйства совсѣмъ пали*, что видно изъ уменьшенія скотоводства и уменьшенія запасовъ хлѣба. Только послѣднимъ объясняется, съ какимъ трудомъ перенесло населеніе кризисъ передъ жнитвомъ“.

Какимъ же образомъ могло случиться, что въ уѣздѣ, такъ тяжело пострадавшемъ и такъ рано отнесенномъ въ категоріи сильно нуждающихся, помощь населенію была организована такъ поздно и такъ слабо? Какимъ образомъ признаніе постепеннаго объединенія, дѣлающаго уже много лѣтъ и довершеннаго прошлогоднимъ бѣдствіемъ, могло уступить мѣсто увѣреніямъ о „давно установившемся благосостояніи“ уѣзда, о „хорошемъ“ урожаѣ яровыхъ хлѣбовъ, объ „отсутствіи массовой нужды“? Чтобы отвѣтить на эти, съ перваго взгляда трудно разрѣшимые, вопросы, нужно припомнить нѣкоторые факты, отмѣченные въ нашихъ прежнихъ обзореніяхъ и хроникахъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда нужда въ неурожайныхъ губерніяхъ вообще и нижегородской въ особенности уже вполне обрисовалась, нижегородскій губернаторъ, въ разговорѣ съ корреспондентомъ „Новостей“, высказалъ мысль, что „крестьянинъ нынче, въ году бѣдствія, чувствуетъ себя въ сущности гораздо *льготнѣе*, чѣмъ въ обыкновенную, благополучную пору“. Дальше шла рѣчь о деморализующемъ дѣйствиіи ссудъ, объ отказѣ крестьянъ отъ предлагаемаго имъ труда, о необходимости замѣнить ссуду задѣльной платой за общественныя работы. Мѣсяцъ спустя, въ засѣданіяхъ губернской продовольственной комиссіи (съ половины ноября сдѣлавшихся гласными), генералъ Барановъ говоритъ нѣсколько иначе, признавая положеніе сельскаго населенія уже не *льготнѣе*, а *тяжелѣе*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привлекаетъ къ отвѣтственности крестьянина, осмѣливающаго просить о ссудѣ, не ожидая совершеннаго разоренія. Онъ не возражаетъ противъ мнѣнія васильурской продовольственной комиссіи, считавшей нужнымъ выдавать ссуду только тѣмъ

крестьянамъ, у которыхъ уже ничего, кромѣ предметовъ самой первой необходимости, не осталось для продажи. По инициативѣ губернатора, запрещается собирать и раздавать пожертвованія помимо организованныхъ съ этою цѣлью въ губерніи учреждений. Когда въ пользу одной деревни сергачскаго уѣзда поступаетъ отъ частнаго лица довольно значительное количество хлѣба, губернаторъ поручаетъ земскому начальнику тщательно наблюдать, чтобы прокормленіе нуждающихся въ этой деревнѣ не отличалось отъ прокормленія получающихъ правительственную ссуду ни къ худшему, ни къ лучшему. Порицая, косвенно, губернаторовъ, взывавшихъ къ частной благотворительности, Н. М. Барановъ выражаетъ увѣренность, что „и безъ воззваній мѣстная благотворительность даетъ съ избыткомъ возможность удовлетворять настоящіе случаи острой нужды“. Еще въ засѣданіи 29-го декабря, когда въ губернской продовольственной комиссіи въ первый разъ возникаетъ вопросъ о столовыхъ, генералъ Барановъ спрашиваетъ самъ себя: „какъ устроить столовы?“— и отвѣчаетъ: „не знаю“. Намъ кажется, что всѣ эти взгляды, всѣ эти сомнѣнія отразились на дѣятельности лукояновской продовольственной комиссіи и лукояновскаго благотворительнаго попечительства: различіе только въ томъ, что въ уѣздѣ жили, если можно такъ выразиться, заднимъ числомъ, упорно отстаивая однажды принятую политику, между тѣмъ какъ въ губерніи быстро шли впередъ и смѣло переходили съ одной позиціи на другую. Въ самомъ дѣлѣ, недовѣріе къ крестьянамъ, приуроченіе помощи исключительно къ крайней, послѣдней степени нужды, подозрительное отношеніе къ частной благотворительности, стремленіе прибрать ее къ рукамъ официальныхъ учреждений, установить для нея высшія предѣльныя нормы и не допускать смѣшенія ея съ правительственною помощью, игнорированіе значенія столовыхъ—это все отличительныя черты перваго фазиса дѣятельности генерала Баранова. Точки зрѣнія, имъ пережитыя и отброшенныя (припомнимъ нѣмецкое выраженіе: *übergwundener Standpunkt*), въ лукояновскомъ уѣздѣ кристаллизуются, входятъ въ плоть и кровь, становятся второю натурой и приводятъ къ своеобразному *non possumus*, въ силу котораго предсѣдатель уѣздной комиссіи и уѣзднаго попечительства предпочитаетъ *se démettre*, чѣмъ *se soumettre*. Настойчивость, по истинѣ достойная лучшаго дѣла...

Насъ могутъ спросить, почему же первоначальный образъ дѣятельности губернскихъ учреждений оставилъ такіе глубокие слѣды въ одномъ только лукояновскомъ уѣздѣ? Въ томъ-то и дѣло, что не въ немъ одномъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить отзывъ г. Кутлубицкаго о положеніи дѣлъ въ первомъ, второмъ и пятомъ участкахъ арзамасскаго уѣзда и въ особенности въ первомъ

участіи сергачскаго уѣзда, гдѣ „организациа помощи ставитъ себѣ узкую цѣль, *ограничиваясь лишь поддержаніемъ человеческой жизни*“. Это—именно тотъ взглядъ, та система, которые такъ долго господствовали въ лукояновскомъ уѣздѣ. Трудно предположить, также, чтобы теоріи васильсурской продовольственной комиссіи не отразились на ея практической дѣятельности. Если лукояновскій уѣздъ выдвинулся такъ рѣзко изъ среды остальныхъ, то это объясняется преимущественно упорствомъ мѣстныхъ дѣятелей. Еслибы они подчинились, хоть до извѣстной степени, указаніямъ г. Кутлубицкаго и требованіямъ губернской продовольственной комиссіи, еслибы они не протестовали, не жаловались, не ставили ребромъ вопросъ о „благостояніи“ уѣзда, то не было бы повода ко второму докладу г. Кутлубицкаго, къ поѣздкѣ В. Г. Короленко и самого губернатора; С. А. Давыдовой и г. Рутницкому не пришлось бы встрѣтиться съ тѣми возмутительными явленіями, которыя обратили на лукояновскій уѣздъ вниманіе всего русскаго общества. Почему именно лукояновскіе дѣятели оказались столь упорными—этого мы, конечно, не знаемъ; мы можемъ только предположить, что немаловажную роль играла здѣсь солидарность небольшой коллегіи, сосредоточивавшей въ своихъ рукахъ рѣшительно все—власть и вліяніе, управленіе и надзоръ, официальную и частную помощь. Въ Лукояновѣ продовольственная комиссія и благотворительное попечительство были, повидимому, не чѣмъ инымъ, какъ уѣзднымъ съѣздомъ, освобожденнымъ отъ стѣснительнаго присутствія судебныхъ и земскихъ элементовъ. Предводитель дворянства и зависимые отъ него земскіе начальники являлись, въ лукояновскомъ уѣздѣ, всѣмъ во всемъ. Ихъ „полный гордаго довѣрія покой“ охранялся всѣми возможными средствами и казался твердыней, способной выдержать любой приступъ. Съ точки зрѣнія невозмутимыхъ оптимистовъ, отрицавшихъ очевидную для всѣхъ „массовую нужду“, простой разговоръ о тифѣ обращался въ преступное распространеніе тревожныхъ слуховъ, правдивый и крайне сдержанный докладъ—въ повтореніе коварныхъ нашептываній, газетныя корреспонденціи—въ предсудительное нарушеніе чиновничьяго спокойствія. Когда имъ предлагали открыть столовую, они справлялись не съ пользой населенія, а съ вкусами мѣстнаго земскаго начальника; когда являлся въ уѣздѣ, для раздачи и организациа помощи, посторонній человекъ, они озабочивались прежде всего его благонадежностью и слѣшили, на основаніи непровѣренныхъ слуховъ, отнести его къ категоріи поднадзорныхъ. Кто не исполняетъ своего настоящаго дѣла, своего прямого назначенія, тотъ всегда расположенъ вторгаться въ чужую сферу и впадаетъ при этомъ—какъ и слѣдуетъ ожидать отъ профана—въ грубыя ошибки. Неужели луко-

яновской продовольственной комиссіи не было извѣстно, что для наблюденія за вновь прибывшими существуетъ, въ каждомъ уѣздѣ, полиція и жандармерія?.. Для полноты картины недоставало только одного: чтобы защитникомъ лукояновскихъ дѣателей выступилъ „Гражданинъ“. Теперь и эта добавочная черта есть на-лицо; г. Кутлубицкій, а вмѣстѣ съ нимъ и генералъ Барановъ, удостоились чести нападеній со стороны вн. Мещерскаго.

Какая судьба постигла лукояновскихъ бездѣйственныхъ дѣателей? Мы знаемъ, что уѣздный предводитель дворянства самъ сложилъ съ себя предсѣдательство въ продовольственной комиссіи; а такъ какъ неразрывно связаннымъ съ этимъ званіемъ считается предсѣдательство въ благотворительномъ попечительствѣ, то объ функціи возложены губернаторомъ на горбатовскаго земскаго начальника В. Д. Обтяжнова (весьма характеристичнымъ представляется здѣсь приглашеніе лица, совершенно чуждаго уѣзду). Уволенъ отъ должности лукояновскій исправникъ. Завѣдываніе первымъ земскимъ участкомъ¹⁾ поручено временно одному изъ семеновскихъ земскихъ начальниковъ (опять-таки, значитъ, не мѣстному дѣателю). „Нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ сотрудниковъ г. Обтяжнова“—заявилъ генералъ Барановъ въ засѣданіи губернской продовольственной комиссіи 2-го апрѣля, по возвращеніи изъ лукояновскаго уѣзда, — „совершенно ясно поставлено на выборъ: или оставить ихъ занятія, или слѣпо исполнять требованія г. Обтяжнова“. Рѣчь идетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, объ остальныхъ земскихъ начальникахъ; въ противоположность своему главѣ, они предпочли *se soumettre*, чѣмъ *se démettre*. Весь вопросъ въ томъ, можетъ ли работа по принужденію, изъ страха потерять мѣсто, замѣнить собою свободное служеніе излюбленному дѣлу — и можетъ ли населеніе довѣрять лицамъ, „неправильная дѣятельность“ которыхъ, по выраженію генерала Баранова, „была очевидна“, и о неустраненіи которыхъ, вслѣдъ за первымъ поднятіемъ завѣсы съ лукояновскихъ порядковъ, самъ губернаторъ теперь сожалеетъ. Намъ невольно вспоминается, по этому поводу, чрезвычайная мѣра, принятая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по отношенію къ предсѣдателю лукояновской уѣздной земской управы, г. Валову. Что именно послужило основаніемъ къ этой мѣрѣ—съ точностью неизвѣстно; мы знаемъ только, что кара предшествовала опредѣленію виновности. Когда г. Валовъ былъ уже удаленъ отъ должности, обвиненіе, взведенное на него ревизіонною комиссіею лукояновскаго уѣзднаго зем-

¹⁾ Изъ доклада г. Кутлубицкаго видно, что земскій начальникъ 1-го участка (г. Бобоѣвъ) былъ единственнымъ, который преслѣдовалъ „широкую цѣль поддержанія крестьянскаго хозяйства“. Увольненіе его, поэтому, едва ли состоитъ въ связи съ „лукояновской исторіей“.

ства ¹⁾, было разсмотрѣно особою комиссіею, избранною губернскимъ земскимъ собраніемъ. Эта комиссія нашла, что нѣкоторые пункты обвиненія недостаточно обоснованы, другіе требуютъ мѣстнаго дополнительнаго разслѣдованія; убѣдилась она только въ одномъ—что г. Валовъ повиненъ „въ неумѣломъ веденіи дѣла, нерадѣніи и недостаточно горячемъ отношеніи къ возложеннымъ на него обязанностямъ“ ²⁾. Не ясно ли, что предсѣдатель и члены лукояновской продовольственной комиссіи повинны въ чемъ-то несравненно болѣе важномъ?

Въ многочисленныхъ документахъ, относящихся къ лукояновскому дѣлу, мы не встрѣчаемъ почти никакихъ намековъ на дѣятельность земства и весьма мало указаній на существованіе, до марта мѣсяца, мѣстныхъ комитетовъ или попечительствъ. Земство, повидимому, было совершенно устранено отъ раздачи продовольственныхъ ссудъ; частныя лица почти вовсе не были привлечены или допущены къ участію въ опредѣленіи степени нужды и въ раздачѣ пособій. Отсюда, между прочимъ, то единовластіе и могущество земскихъ начальниковъ, о которомъ мы уже говорили. Исторія голода въ лукояновскомъ уѣздѣ доказываетъ какъ нельзя болѣе наглядно съ одной стороны неудобство соединенія въ одномъ лицѣ самыхъ разнообразныхъ функцій, съ другой—неудовлетворительность дѣйствующей организаціи мѣстныхъ учреждений. Лицо, облеченное широкою и въ значительной мѣрѣ дискреціонною властью, почти всегда расположено считать себя непогрѣшимымъ и смотрѣтъ на критику—какъ на дерзость, на жалобу—какъ на неуваженіе къ начальству. Еслибы раздача хлѣба производилась въ лукояновскомъ уѣздѣ не земскими начальниками, а другими, менѣе властными дѣятелями, неправильность ея вѣроятно обнаружилась бы гораздо раньше; больше было бы подаваемо жалобъ, и жалобщики не отрекались бы, при „дослѣдованіи“, отъ своей подписи, потому что не находили бы нужнымъ „оправдываться“ въ своемъ поступкѣ. Руководить продовольственнымъ дѣломъ земскимъ начальникамъ трудно еще и потому, что они слишкомъ далеки отъ населенія; они могутъ слишкомъ многого не видѣть и не слышать, могутъ, по выраженію В. Г. Короленко, не знать „реальнаго значенія“ цифръ, извѣстныхъ имъ по бумагамъ... Въ години, подобныя нынѣшней, съ особенною силой чувствуется отсутствіе у насъ мелкой самоуправляющейся земской единицы. Не даромъ же еще осенью стало вновь появляться, въ газетахъ и въ частныхъ бесѣдахъ, полу-забытое слово:

¹⁾ Желательно было бы знать, участвовалъ ли въ этой комиссіи кто-либо изъ будущихъ дѣателей продовольственной организаціи?

²⁾ См. корреспонденцію изъ Нижняго Новгорода въ № 356 прошлагодняхъ „Русскихъ Вѣдомостей“.

„всесловная волость“ (или, какъ вариация на ту же тему, всесловный приходъ). Только организованный, дружный трудъ самихъ мѣстныхъ жителей, безъ различія группъ и категорій, могъ бы заранѣе приготовить почву для правильной помощи, безошибочно намѣтить ея размѣры, избрать для нея наиболѣе практичныя формы и наиболѣе справедливыя способы распределенія. Когда данныя, относящіяся къ осени и зимѣ 1891—92 г., будутъ собраны и приведены въ систему, безпристрастное изученіе ихъ не премѣнно приведетъ къ заключенію, что всего лучше помощь была поставлена не тамъ, гдѣ нашлось нѣсколько распорядительныхъ чиновниковъ, а тамъ, гдѣ за нее взялись мѣстные, не-официальные дѣятели всѣхъ классовъ и сословій. Недостатка въ такихъ дѣятеляхъ не было нигдѣ, если только ихъ не отстраняли отъ дѣла внѣшнія, искусственныя преграды. Лукояновскіе *vigi obscuri* (удерживаемъ наименованіе, весьма мѣтко данное имъ „Новымъ Временемъ“) утверждали, что для завѣдыванія столовыми въ уѣздѣ нѣтъ людей—а по первому призыву частнаго лица, В. Г. Короленко, люди явились цѣлыми десятками. Едва ли, поэтому, есть основаніе утверждать, вмѣстѣ съ составителемъ одного официальнаго документа, что большимъ счастьемъ для неурожайныхъ губерній было существованіе института земскихъ начальниковъ¹⁾. Въ пермской губерніи, также пострадавшей отъ неурожая, земскіе начальники еще не введены; хуже ли, однако, въ ней была организована помощь, чѣмъ, на примѣръ, въ самарской? Нисколько. Доказательствомъ этому можетъ служить другой, столь же официальный документъ—рапортъ генераль-маіора вл. Долгорукова, уполномоченнаго Особаго Комитета по пермской губерніи. Во всѣхъ голодавшихъ уѣздахъ этой губерніи давно образованы волостныя и приходскія комитеты; послѣдніе состоятъ въ вѣденіи епархіальнаго начальства, первые—въ вѣденіи уѣздныхъ благотворительныхъ или продовольственныхъ комитетовъ. Уѣздный комитетъ—это уѣздная земская управа, съ присоединеніемъ должностныхъ, а иногда и частныхъ лицъ; въ волостныхъ комитетахъ

¹⁾ Нельзя не пожалѣть, что это по меньшей мѣрѣ бездоказательное мнѣніе повторяется авторомъ такой серьезной книги, какъ „Неурожай и народное бѣдствіе“. „Страшно и подумать,—говоритъ онъ,—о томъ положеніи, въ которомъ очутилось бы населеніе, если бы не было въ такой годъ, какъ нынѣшній, твердой и близкой къ народу власти, которая могла своевременно выяснитъ его нужды, наблюдать за распределеніемъ продовольственныхъ средствъ, охранять порядокъ и т. п.“. Чтобы избавиться отъ напраснаго страха, автору стоило бы только вспомнить о нѣкоторыхъ прежнихъ голодовкахъ (напр. 1880 г.), когда опредѣленіе нужды, распределеніе пособій, охраненіе порядка едва ли въ чемъ-нибудь уступало нынѣшнему году. Нѣсколько дальше авторъ самъ признаетъ, что земскіе начальники не должны вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь населенія и высказывается за учрежденіе всесловнаго прихода, какъ хозяйственно-административной единицы.

трудятся, рядомъ съ волостными старостами, сельскими старостами и выборными отъ сельскихъ обществъ, священники, врачи, лица судебного вѣдомства, учителя, учительницы и т. п. Въ шадринскомъ уѣздѣ число членовъ 48 волостныхъ комитетовъ доходить до 1011. Есть, кромѣ того, попечительства, образованныя на мѣстахъ управленіемъ общества Краснаго Креста. Во всей этой организациіи уполномоченному Особого Комитета не пришлось ничего измѣнить или дополнить; достаточно было увеличить матеріальныя средства, которыми она располагаетъ. Далекое не безплодное оказалась, такимъ образомъ, работа учреждений, созданныхъ ad hoc, только на время голода и подъ его гнетомъ. Гораздо больше, конечно, могъ бы сдѣлать постоянный строй, основанный на томъ же принципѣ совмѣстнаго, непринужденнаго труда и непосредственной близости къ народу. Во всякомъ случаѣ пермская губернія ничего не потеряла отъ отсутствія „властной руки“, во все вмѣшивающейся, не имѣя возможности все сдѣлать.

Возвращаясь къ лукояновскому уѣзду, мы должны слѣдять одну существенно важную оговорку. Признавая, что между политикой лукояновскихъ властителей и первоначальнымъ образомъ выражений и дѣйствій нижегородскаго губернатора существуетъ нѣкоторая причинная связь, мы отдаемъ полную справедливость послѣдующимъ разпоряженіямъ генерала Баранова. Нужно было много твердости и гражданскаго мужества, чтобы сознать свои ошибки, существенно измѣнить усвоенные сначала взгляды и приемы и сохранить въ силѣ однажды принятую систему широкой гласности. Предсѣдатель нижегородской продовольственной комиссіи не могъ не знать, что снять покрывало съ нѣкоторыхъ провинціальныхъ уголковъ — значитъ, по французскому выраженію, запустить руку въ осиное гнѣздо и претерпѣть чувствительные уколы. Въ „Гражданинѣ“, какъ видно изъ собственныхъ словъ генерала Баранова (журналъ нижегор. губ. продовольственной комиссіи 29-го марта), весьма прозрачно намекають, что онъ „обезпечилъ себя отъ голода“; въ анонимныхъ письмахъ, ему адресованныхъ, пишутъ, между прочимъ: „если Рубинскій (лукояновскій исправникъ, теперь уже уволенный) оставитъ свое мѣсто, то предводитель Ф. поѣдетъ въ Петербургъ, чтобы доказать кому слѣдуетъ, что исторія о голодѣ выдумана Вами для затраты, Вамъ лично очень выгодной, казенныхъ денегъ, и что *Вы юните людей, которые не стѣсняются говорить, что еслибы ихъ была воля, то стоило бы передратъ голодающихъ и ихъ бы не было*“ (анонимный защитникъ „гонимыхъ“, очевидно, не замѣчаетъ, какую медвѣжью услугу онъ оказываетъ своимъ кліентамъ). Съ другой стороны, первоначальный образъ дѣйствій нижегородскаго губернатора вовсе не былъ чѣмъ-то

ему одному свойственнымъ и только отъ него зависѣвшимъ. Стремленіе выставить бѣду не столь серьезной, какою она была на самомъ дѣлѣ, боязнь широкой помощи, какъ чего-то деморализирующаго народъ, уменьшеніе ассигновокъ на продовольствіе, а слѣдовательно, и продовольственныхъ ссудъ, недовѣріе къ общественной и частной дѣятельности на пользу голодающихъ и желаніе заключить ее въ тѣсныя рамки или слить ее съ дѣятельностью официальныхъ учреждений— все это черты, повторяющіяся, въ осенніе мѣсяцы, повсемѣстно, на каждомъ шагу, и только постепенно и далеко не вполне уступающія мѣсто другимъ возрѣніямъ. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ въ одномъ официальномъ актѣ была выражена мысль о необходимости „исключить всякую возможность одновременной выдачи одному и тому же лицу пособій изъ нѣсколькихъ различныхъ источниковъ“¹⁾. Не этими ли словами—конечно, дурно понятыми—руководствовалась лукояновская продовольственная коммиссія, когда *замѣняла* выдачу продовольственной ссуды выдачею пособій изъ суммъ Особаго Комитета и заставляла С. А. Давыдову и В. Г. Короленку напомнить ту безспорную истину, что благотворительная помощь должна служить не *замѣщеніемъ* ссуды, а только ея *дополненіемъ*?. Какъ крѣпко держались даже въ средѣ нижегородской губернской продовольственной коммиссіи первоначально господствовавшіе взгляды, это видно, напримѣръ, изъ доклада А. И. Зыбина, посѣтившаго лукояновскій уѣздъ уже послѣ І. П. Кутлубицкаго²⁾. „Я считаю,—говоритъ онъ,—что чѣмъ труднѣе достается помощь крестьянину, чѣмъ рѣже и исключительнѣе случаи, когда онъ ее получаетъ, тѣмъ болѣе онъ ею дорожить, стараясь возможно экономнѣе расходовать и сохранить ее до слѣдующей получки. *Меньше нужды будетъ тамъ, гдѣ земскіе начальники будутъ строго относиться къ раздачѣ, оказывая помощь лишь истинно нуждающимся*“. Лукояновская практика возведена здѣсь на степень теоріи. Напрасно только г. теоретикъ не объяснилъ, какимъ образомъ семья, напримѣръ, изъ трехъ лицъ можетъ, при всей „экономіи“, „сохранить до слѣдующей получки“ что-либо изъ выданныхъ ей на мѣсяцъ 40 или 30 фунтовъ хлѣба?

Къ 1-му апрѣля, какъ видно изъ послѣдней вѣдомости о положеніи продовольственнаго дѣла, въ семнадцати пострадавшихъ губерніяхъ находилось на-лицо около 17½ милл. пуд. продовольственнаго и около 43 милл. сѣмяннаго хлѣба; закуплено, но не доставлено было

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

²⁾ А. И. Зыбинъ, какъ и І. П. Кутлубицкій, состоитъ непрежннимъ членомъ нижегородскаго губернскаго присутствія.

къ тому же времени около 6 милл. пудовъ перваго и $3\frac{1}{2}$ милл. пудовъ послѣдняго. Сколько оставалось свободныхъ средствъ для новыхъ покупокъ—этого изъ вѣдомости не видно. Мѣсячная потребность въ продовольствіи опредѣлена почти въ 10 милл. пудовъ. Періодъ времени между 1-мъ апрѣля и окончаніемъ жатвы составляетъ не мѣняе $3\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ; на продовольствіе потребуется, слѣдовательно, около 35 милліоновъ пудовъ, между тѣмъ какъ общая сумма наличнаго и закупленнаго продовольственнаго хлѣба не доходитъ и до 24 милліоновъ. Правда, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выдача продовольствія произведена по май мѣсяцъ; но весьма возможно, что и здѣсь потребуются дополнительныя выдачи. Такъ напримѣръ, въ оренбургской губерніи мѣсячная потребность опредѣлена въ 512 тыс. пудовъ; отпущено въ мартѣ мѣсяцъ, по май, 336 тыс. пудовъ—другими словами, на два мѣсяца отпущено меньше, чѣмъ по расчету слѣдовало бы отпустить на одинъ. Таковой отпускъ едва ли можетъ считаться окончательнымъ, тѣмъ болѣе, что въ февралѣ, какъ видно изъ предъидущей вѣдомости, отпущено было 445 тыс. пудовъ, т.-е. меньше мѣсячной потребности. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Въ вятской губерніи, напримѣръ, при мѣсячной потребности въ 650 тыс. пуд., отпущено въ мартѣ, по май, 518 тыс., а въ февралѣ было отпущено 224 тыс. пуд. (за три мѣсяца, слѣдовательно, 742 тыс. пуд. вмѣсто 1.950). Въ нижегородской губерніи, при мѣсячной потребности въ 440 тыс. пуд., отпущено въ мартѣ, отчасти по различнымъ числа апрѣля, отчасти по май, 338 тыс., а въ февралѣ было отпущено 298 тыс. пудовъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляеть думать, что 35 милліоновъ пудовъ, какъ количество продовольствія, имѣющаго еще быть выданнымъ по 15-е іюля, —цифра отнюдь не преувеличенная. Скорѣе можно предположить, что она ниже дѣйствительной потребности. Продовольственнаго хлѣба доставлено въ пострадавшія губерніи, въ теченіе марта мѣсяца, около $6\frac{1}{2}$ милл. пудовъ—а цифра средняго ежемѣсячнаго подвоза, необходимаго для обезпеченія, по 15-е іюля, неурожайнаго района въ одной европейской Россіи (т.-е. не считая тобольской губерніи), должна составлять, по вычисленію министерства финансовъ, около 23 милліоновъ пудовъ. Расчетъ, приводящій къ такому результату, сдѣланъ, какъ мы слышали, на основаніи слѣдующихъ главныхъ данныхъ: населеніе шестнадцати неурожайныхъ губерній европейской Россіи равняется, приблизительно, 35 милліонамъ. Для продовольствія его, полагая въ среднемъ по 14 пудовъ на душу (не считая овса и принимая 3 пуда картофеля за эквивалентъ 1 пуда хлѣбнаго зерна), необходимо 493 милліона пудовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить 24 милл. пудовъ, идущихъ на винокурение; но въ виду

несомнѣнно уменьшившихся размѣровъ потребления, общая сумма потребности можетъ быть уменьшена на 8—9%, т.-е. доведена до 475 милл. пудовъ. Урожай въ вышеупомянутыхъ губерніяхъ (также не считая овса и принимая 3 пуда картофеля за 1 пудъ хлѣба) опредѣляется въ 246 милл. пудовъ. Запасовъ отъ прежняго года оставалось, приблизительно, около 51 милл. пудовъ. Привезено въ предѣлы неурожайнаго района, по 4-е марта, около 88 милліоновъ пудовъ. Вычитая три послѣднія суммы (246 + 51 + 88) изъ первой (475), получается остатокъ въ 90 милл. пудовъ, который и опредѣляетъ собою количество хлѣба, подлежащаго привозу въ промежутокъ времени съ начала марта по начало іюля. Эта цифра окажется еще гораздо болѣе высокой, если въ составъ 88 милліоновъ пудовъ привезеннаго хлѣба входитъ и хлѣбъ, предназначенный *на сѣмена*. Открытіе навигаціи значительно облегчитъ подвозъ, но доставка на мѣсто, въ короткое время, такихъ огромныхъ количествъ хлѣба все-таки останется дѣломъ весьма труднымъ и сложнымъ. Необходимо, наконецъ, не упускать изъ виду еще одно обстоятельство: появленіе обостренной нужды въ такихъ мѣстностяхъ, которыя до сихъ поръ не причислялись, официально, къ разряду пострадавшихъ. Таковы, напримѣръ, упомянутый нами въ предъидущей книгѣ волчанскій уѣздъ, харьковской губерніи. Вотъ что пишетъ оттуда, 27-го марта, госпожа Бекарюкова-Гизетти (женщина-врачъ): „Случалось мнѣ и раньше видѣть недоѣданье по веснамъ въ деревнѣ, но такого голоднаго года даже старики не запомнятъ въ нашей сторонѣ. А между тѣмъ только крохи общественной благотворительности, привлеченной сильнѣе пострадавшими мѣстностями, перепадаетъ сюда, такъ что въ данное время положеніе здѣшняго средняго крестьянина, пожалуй, печальнѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ болѣе пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ, и помощь населенію нужна дѣятельнѣе, скорѣе. Трудно приходилось многимъ уже до Рождества, но теперь предстоятъ еще болѣе черные дни: пособіе доѣдается, все распродано, всевозможные заработки на весну и лѣто забраны зимою, а поденщина начнется въ окружающихъ экономіяхъ не раньше половины мая. Нѣсколько частныхъ столовыхъ не въ силахъ удовлетворить нуждамъ населенія, а возрастающее число больныхъ уже само по себѣ требуетъ болѣе энергичнаго участія. Здоровыхъ—нѣтъ, а больныхъ?—всѣ больны!—отвѣчаютъ почти въ каждомъ дворѣ на вопросъ о больныхъ. Со всѣхъ сторонъ—просьбы о лекарствѣ отъ куриной слѣпоты, головокруженія и другихъ явленій, прямо въ связи съ разстройствомъ питанія. При такихъ условіяхъ хроническіе недуги и малярія (свойственная нашей мѣстности) разыгрываются сильнѣе; маленькія дѣти хирѣютъ и гибнутъ у груди истощенныхъ матерей,

питаясь часто невозможными сосками, иногда изъ рта инфевціонныхъ больныхъ. Жизнь и полное выздоровленіе этихъ больныхъ зависятъ почти всецѣло отъ питанія и ухода; и то, и другое ужасно или, вѣрнѣе, совершенно отсутствуетъ“ („Русскія Вѣдомости“, № 94). А сколько, въ настоящее время, другихъ уѣздовъ, о которыхъ можно было бы сказать то же самое! Мы слышали изъ достовѣрнаго источника, что очень велика нужда, напримѣръ, въ брянскомъ уѣздѣ, орловской губерніи, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ тульской губерніи (веневскомъ, каширскомъ, крапивинскомъ), которые считались сравнительно благополучными. Запросъ на правительственную, общественную и частную дѣятельность долго еще останется чрезвычайно высокимъ. Вслѣдъ за окончаніемъ неурожайнаго періода на первый планъ выдвигаются, во всей своей громадности, двѣ настоятельныя задачи: лечение ранъ, причиненныхъ безпримѣрнымъ бѣдствіемъ, и устраненіе причинъ, сдѣлавшихъ его возможнымъ.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ нижегородской губерніи неурожай повлекъ за собою, между прочимъ, значительное увеличеніе числа крестьянъ, ходатайствующихъ о переселеніи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это явленіе повторяется и въ другихъ неурожайныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министерствами императорскаго двора и государственныхъ имуществъ, признало необходимымъ приостановить, на время, переселенческое движеніе. Основаніемъ этой мѣры, какъ видно изъ распубликованнаго недавно циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, послужилъ недостатокъ земельныхъ участковъ, приготовленныхъ для отвода переселенцамъ какъ на казенныхъ земляхъ, такъ и на земляхъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Къ образованію новыхъ участковъ уже приступлено, но, по недостатку на мѣстахъ межевыхъ средствъ, оно не можетъ быть окончено въ ближайшемъ будущемъ. Циркуляръ указываетъ и на то, что настоящее экономическое положеніе въ мѣстностяхъ, откуда выходятъ переселенцы, ведетъ къ пониженію цѣнъ на имущество, продажѣ котораго выручаются средства на переселеніе, а не менѣе тяжелыя условія губерній, куда переселенцы направляются, крайне затрудняютъ ихъ устройство въ мѣстахъ новаго водворенія. Нельзя не пожалѣть, что межевыя средства въ мѣстахъ переселенія не были усилены заблаговременно; нельзя не замѣтить, также, что томская губернія, куда направляется значительная часть переселенцевъ, не принадлежитъ къ числу пострадавшихъ отъ неурожая. Какъ бы то ни было, отказъ въ ходатайствахъ о переселеніи сопряженъ съ меньшими неудобствами,

чѣмъ приостановка переселеній уже разрѣшенныхъ. Послѣдствіемъ циркуляра будетъ, однако, и то, и другое. Онъ предписываетъ выдавать проходныя свидѣтельства только тѣмъ изъ числа лицъ, получившихъ разрѣшенія на переселеніе, которыя отъ продажи имущества могутъ выручить вполне достаточныя средства для переселенія. Фактически это будетъ иногда равносильно отиѣнѣ однажды даннаго дозволенія—а такая отиѣна, предоставленная дискреціонному усмотрѣнію мѣстныхъ властей, весьма легко можетъ подать поводъ къ прискорбнымъ „недоразумѣніямъ“ со стороны крестьянъ. Средства къ переселенію могутъ быть на-лицо и помимо продажи имущества. Не принимать ихъ въ соображеніе было бы явною несправедливостію—но удостовѣряться въ ихъ существованіи до крайности трудно. Менѣе ловкому крестьянину можетъ быть отказано въ выдачѣ проходнаго свидѣтельства, хотя у него и есть, на самомъ дѣлѣ, возможность безбѣдно достигнуть мѣста назначенія; болѣе ловкому оно можетъ быть выдано, хотя ему и придется, затѣмъ, остановиться гдѣ-нибудь на полѣ-дорогѣ. Далѣе: какъ опредѣлить заранѣе сумму выручки отъ продажи, еще не произведенной? На разсмотрѣніе властей можетъ быть представлена такая сдѣлка, которая впослѣдствіи не осуществится или осуществится на другихъ условіяхъ, менѣе выгодныхъ для продавца. Правда, въ проходномъ свидѣтельствѣ должна быть показана сумма, *вырученная* отъ продажи; но не поздно ли останавливать выдачу проходнаго свидѣтельства или отбирать его назадъ, когда продажа уже совершилась? Насильственное удержаніе на мѣстѣ крестьянина, не имѣющаго больше никакого имущества, разорить его еще вѣрнѣе, чѣмъ переселеніе. Къ большимъ осложненіямъ можетъ привести, наконецъ, предписаніе циркуляра „установить неослабное наблюденіе и строжайшій надзоръ за выдачею срочныхъ паспортовъ“, чтобы подъ прикрытіемъ временной отлучки не совершалось запрещенное закономъ самовольное переселеніе. Хотя въ циркулярѣ и сказано, что не слѣдуетъ затруднять выдачу паспортовъ лицамъ, берущимъ ихъ для ухода на обычные заработки, но опасеніе отгѣтственности за косвенное, невольное содѣйствіе переселенію весьма легко можетъ породить, въ средѣ крестьянскихъ властей, избытокъ осторожности, весьма неудобный для подвижной части населенія. Малѣйшаго сомнѣнія въ намѣреніяхъ просителя будетъ иногда достаточно для отказа въ просьбѣ, вызванной дѣйствительною необходимостію и совершенно свободной отъ всякой задней мысли. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ средствомъ противъ самовольныхъ переселеній послужило бы изслѣдованіе и, по возможности, устраненіе условій, отъ которыхъ они, въ большинствѣ случаевъ, зависятъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1892.

Празднованіе перваго мая въ рабочемъ населеніи западной Европы.—Характеръ и смыслъ этого праздника.—Попытки крайнихъ элементовъ рабочаго движенія.—Анархисты и ихъ динамитныя покушенія.—Дѣйствительная роль динамитчиковъ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Министерскій кризисъ въ Италіи.

Наступленіе повсемѣстнаго рабочаго праздника, 1-го мая, ожидалось на этотъ разъ съ большимъ безпокойствомъ въ западной Европѣ. Первое мая сдѣлалось какимъ-то пугаломъ, а между тѣмъ первоначально ежегодное празднованіе этого дня установлено было въ сущности вовсе не для цѣлей воинственныхъ и революціонныхъ. Международный рабочій конгрессъ 1889 года въ Парижѣ имѣлъ въ виду усилить чувство солидарности между рабочими различныхъ странъ, дать имъ возможность выразить эту солидарность внѣшнимъ образомъ, въ одновременныхъ мирныхъ манифестаціяхъ и празднествахъ, которыя свидѣтельствовали бы о нравственномъ и общественномъ ростѣ „четвертаго сословія“, объ его политической силѣ и зрѣлости, объ его твердой рѣшимости добиться извѣстной матеріальной самостоятельности по отношенію къ господствующей промышленной буржуазіи. Международный, космополитическій характеръ празднованія 1-го мая долженъ былъ постоянно напоминать, что политика національнаго соперничества и вооруженнаго мира находится въ полномъ разладѣ съ стремленіями трудящихся народныхъ массъ. Нѣмецкіе рабочіе, имѣвшіе на парижемскомъ конгрессѣ наибольшее число представителей (изъ иностранцевъ), обнаруживали готовность дѣйствовать за-одно съ французскими сотоварищами; тѣ и другіе могли рассчитывать на поддержку англичанъ, независимо отъ какихъ-либо политическихъ или національных счетовъ. Предполагалось, что проявленія этой международной солидарности рабочихъ, приуроченныя къ 1-му мая, будутъ способствовать упроченію идей миролюбія и взаимности и останутся вполнѣ на почвѣ законности, чтобы не вызывать конфликтовъ съ полицейскими и военными властями. Руководители движенія заявили даже формально, что приостановка работъ на указанный день должна зависѣть отъ добровольнаго соглашенія съ капиталистами-хозяевами.

Эти предположенія и надежды далеко не оправдались на дѣлѣ. Хозяева промышленныхъ предпріятій, особенно во Франціи, большою

частью категорически отказывались допустить соблюденіе новаго праздника, что давало поводъ къ горячимъ спорамъ и столкновеніямъ. Крайніе элементы социалистической партіи воспользовались обострившимся кризисомъ и все болѣе выступали на первый планъ; первое мая стало опасною и рѣшительною угрозою въ устахъ анархистовъ. Комитетъ, взявшій на себя организацію „празднества“ въ Парижѣ, выпустилъ воззваніе, въ которомъ прямо уже видно намѣреніе запугать буржуазію. „Международное рабочее общество,—говорится въ этомъ документѣ,—мобилизируетъ ужь въ третій разъ свои баталіоны. Неудержимый потокъ ихъ глухого раздраженія долженъ привести къ окончательной атакѣ противъ буржуазныхъ несправедливостей. Уже при одномъ произнесеніи магическихъ словъ—„перваго мая“, буржуазія охвачена припадкомъ страха, и ея трусость ищетъ спасенія въ цинизмъ и жестокости. Но хочетъ ли она этого, или нѣтъ, конецъ ея приближается. Бандиты капитала погибнуть въ позорѣ. Наемные рабочіе — этотъ послѣдній остатокъ варварства, послѣднее звено старинной цѣпи рабства—исчезнуть съ лица земли. На горизонтѣ вновь показывается 93-ій годъ“. Подсбныя „страшныя слова“ не имѣютъ сами по себѣ угрожающаго значенія; но они получаютъ особый смыслъ послѣ недавнихъ динамитныхъ взрывовъ, произведенныхъ анархистами въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ. Очевидно, нѣкоторые изъ дѣятелей рабочаго движенія готовы эксплуатировать въ свою пользу то понятное чувство тревоги и страха, которое вызвано было въ обществѣ послѣдними покушеніями динамитчиковъ.

Новыя взрывчатныя вещества, которыя столь старательно изобрѣтались и совершенствовались для будущихъ войнъ между культурными націями, пущены теперь въ ходъ для цѣлей внутренней борьбы между классами неимущихъ и капиталистовъ. Почти одновременно въ разныхъ странахъ совершены или обнаружены попытки новаго способа дѣйствій противъ „буржуазіи“. Попытка взорвать палату депутатовъ въ Мадридѣ не удалась только благодаря счастливой случайности; при арестованныхъ лицахъ оказались бумаги, изъ которыхъ можно было видѣть, что къ 1-му мая рѣшено было разрушить зданія сената, государственнаго совѣта, военнаго министерства, судебныхъ учреждений, испанскаго банка и капеллу королевскаго дворца. Въ Англии обнаружено существованіе анархистскаго клуба, члены котораго занимались приготовленіемъ взрывчатыхъ снарядовъ и новыхъ усовершенствованныхъ бомбъ; полиція своевременно накрыла эту лабораторію и главныхъ ея участниковъ, причѣмъ нашла также печатныя и письменныя указанія относительно программы дѣятельности этого кружка; между прочимъ, въ числѣ зданій, подлежащихъ взрыву, поименованы были „монастыри, казармы, помѣщенія адми-

нистраціи, конторы адвокатовъ и юристовъ, крѣпости и тюрьмы". Виновные въ этихъ приготовленіяхъ судились на основаніи спеціальнаго закона 1883 года о взрывчатыхъ веществахъ и приговорены были — трое къ десятилѣтнему тюремному заключенію съ принудительнымъ трудомъ, а одинъ къ заключенію на пять лѣтъ; обвинителемъ былъ самъ генеральный атторней, хотя дѣло разбиралось въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, близъ Стаффорда. Лондонскія газеты съ особымъ удовольствіемъ разсуждали объ этомъ процессѣ, видя въ немъ наглядное доказательство бдительности англійской полиціи и цѣлесообразности англійскихъ законовъ. Упомянутый актъ 1883 года, принятый парламентомъ по предложенію одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Гладстона, сэра Вильяма Гаркура, назначаетъ строгія наказанія не только за выдѣлку опасныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, но и за приготовленіе и незаконное храненіе такихъ разрушительныхъ веществъ, какъ динамитъ. Въ данномъ случаѣ осужденные анархисты, какъ замѣчаетъ „Times“, „не успѣли еще совершить никакого посягательства на чью-либо жизнь или собственность, а проявили только намѣреніе дѣйствовать преступно; назначенное имъ наказаніе должно убѣдить ихъ товарищей, что подъ властью британскихъ законовъ, примѣняемыхъ британскими судьями, злодѣйскія покушенія и даже предварительные шаги къ подготовленію такихъ покушеній будутъ караемы съ одинаковою строгостью, совершаются ли они подъ псевдо-политическими предлогами, или нѣтъ“.

Во Франціи не было подобнаго спеціальнаго закона о взрывчатыхъ веществахъ, и только теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разрушительныхъ подвиговъ и попытокъ динамитчиковъ въ самомъ центрѣ Парижа, правительство и парламентъ дополнили этотъ важный пробѣлъ принятіемъ суровыхъ законодательныхъ мѣръ. Послѣдовательные взрывы, устроенные таинственною рукою на Сень-Жерменскомъ бульварѣ и въ улицѣ Клиши, вызвали настоящую панику въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что главный виновникъ ихъ, анархистъ Раваполь, тщетно разыскивался полиціей и считался уже неуловимымъ для ея агентовъ. Всеобщее волненіе парижанъ, въ связи съ ожиданіемъ новыхъ взрывовъ, выражалось прежде всего въ рѣзкихъ нападкахъ на министерство и на его исполнительные органы. Многіе полагали, что при Констанѣ не было бы ни динамитныхъ покушеній, ни полицейскихъ упущеній, и что министр-президентъ Лубе не стоитъ на высотѣ своей задачи. Кабинетный кризисъ былъ бы неизбеженъ, еслибы неизвѣстность мѣстопробыванія Раваполя продолжалась еще нѣсколько дней. Французскія газеты всѣхъ оттѣнковъ ежедневно посвящали цѣлые столбцы таинственному герою динамита, разсказывали подробнѣйшія свѣденія объ его жизни и от-

части придавали ему какія-то небывалыя, фантастическія черты. Репортеръ одной газеты ухитрился даже напечатать отчетъ о своемъ свиданіи и разговорѣ съ Равашолемъ. Самое имя Равашоля, напоминающее Рокамболя (героя романовъ Понсонъ дю-Террайля), дѣлало его подходящимъ предметомъ легенды. Чѣмъ болѣе публика сомнѣвалась въ возможности поймать его, тѣмъ рѣвче и сильнѣе становились нападенія на „слабость“ правительства. Къ счастью для министровъ, Равашоль выдалъ себя своимъ неосторожнымъ поведеніемъ въ одномъ изъ ресторановъ на бульварѣ Мадженты; энергія и находчивость содержателя этого ресторана, Верн, и его шурина, Лерд, спасли репутацію министерства въ глазахъ парижанъ. Общественное безпокойство сразу улеглось и уступило мѣсто полному удовлетворенію. Всѣ были почему-то увѣрены, что арестованіе главнаго зачинщика динамитныхъ покушеній положитъ конецъ взрывамъ. Публика ожидала также, что Равашоль, совершившій ранѣе убійство съ цѣлью грабежа, будетъ присужденъ къ смертной казни, и что этотъ приговоръ произведетъ устрашающее дѣйствіе на анархистовъ-динамитчиковъ. Однако судъ не послалъ Равашоля на эшафотъ, и эта снисходительность возбудила удивленіе и протесты. Многимъ казалось, что законъ, только-что принятый парламентомъ, можетъ быть примѣненъ къ преступленію, совершенному до изданія этого закона. Но Равашоль судился пока только за покушеніе на убійство отдѣльных лицъ посредствомъ динамита; а такъ какъ по общимъ законамъ покушеніе не наказывается смертью, то онъ сохранилъ пока свою голову на плечахъ. Онъ долженъ еще судиться за другія тяжкія преступленія въ провинціи, по мѣсту совершенія преступленій, и тогда ему, вѣроятно, не миновать гильотины. Обвиненіе, сформулированное противъ него генеральнымъ прокуроромъ Кенэ-де-Бореперомъ, должно было сообразоваться съ существующими законами и не могло удовлетворить людей, руководствующихся лишь своимъ здравымъ смысломъ; и въ самомъ дѣлѣ въ главныхъ обвинительныхъ пунктахъ, какъ и въ вопросахъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе присяжныхъ, говорится просто о покушеніяхъ на жизнь отдѣльных лицъ и почти вовсе не выставляется на видъ страшная опасность тѣхъ разрушительныхъ средствъ, которыя употреблены были для достиженія цѣли. Равашоль имѣлъ будто бы въ виду убить члена суда, жившаго въ одной изъ многочисленныхъ квартиръ большого дома, и для этого онъ хотѣлъ взорвать на воздухъ весь этотъ домъ вмѣстѣ со всѣми жильцами, и судъ довольствуется такимъ невѣроятнымъ объясненіемъ обвиняемаго и предлагаетъ присяжнымъ рѣшить, совершилъ ли подсудимый посягательство на жизнь такого-то лица. Нечего и говорить, что между покушеніемъ на убійство

отдѣльнаго человѣка и попыткою взорвать на воздухъ цѣлый домъ, наполненный людьми,—громадная разница. Нападеніе на отдѣльное лицо совершенно ступенчато передъ страшною опасностью для цѣлой массы людей при производствѣ динамитнаго взрыва; отдѣльный человѣкъ, имѣющій какіе-либо личные счеты съ обидчикомъ, можетъ предвидѣть нападеніе, можетъ принять свои мѣры и защищаться; но что могутъ сдѣлать случайные обитатели одного съ нимъ дома, не имѣющіе нивакого понятія объ этихъ счетахъ и подвергаемые риску внезапной гибели ради удара, предназначеннаго неизвѣстному, имъ постороннему лицу? Отсутствіе спеціальнаго закона о динамитныхъ взрывахъ побудило обвинителей Равашоля примѣнить къ дѣлу простые правила о покушеніи на убійство, оставивъ безъ вниманія важнѣйшія характерныя черты совершеннаго преступленія.

Анархисты, прибѣгающіе къ динамиту, не имѣютъ ничего общаго ни съ рабочимъ классомъ, на бѣдствія котораго они ссылаются, ни съ приверженцами коренной соціальной реформы, ученія которыхъ будто бы ими раздѣляются. Тѣ анархисты-динамитчики, которые до сихъ поръ заставляли говорить о себѣ, или которые попадались въ руки правосудія въ Англіи, во Франціи, въ Бельгіи и въ Испаніи, принадлежатъ большею частью къ числу людей ненормально возбужденныхъ, выбитыхъ изъ коленъ мирнаго трудового существованія, ищущихъ удовлетворенія въ сильныхъ внѣшнихъ эффектахъ и стремящихся сдѣлать около себя какъ можно больше шума, прежде чѣмъ разстаться съ ненужною и надоѣвшею имъ жизнью. Рабочіе, имѣющіе свои опредѣленныя житейскія цѣли и мечтающіе о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи своихъ семействъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ сочувствовать насильственному разрушенію чужого имущества, не говоря уже объ уничтоженіи чужихъ жизней. Рабочіе могутъ желать, чтобы существующія городскія зданія не составляли исключительно частной собственности и сдѣлались доступными общему пользованію на извѣстныхъ основаніяхъ, какъ это проповѣдуется социалистами; но намѣренно разрушать дома, обитаемые людьми, когда нѣтъ и не можетъ быть никакихъ военныхъ дѣйствій противъ массы неизвѣстныхъ жильцовъ,—это не дѣло рабочихъ, хотя бы даже самыхъ крайнихъ по убѣжденіямъ. Когда ирландецъ, непримиримый врагъ англичанъ, пытается мстить Англіи или терроризировать ее динамитными взрывами, онъ можетъ еще ссылаться на принципы безпощадной политической борьбы; онъ можетъ считать, что дѣйствуетъ на томъ же основаніи, какъ артиллеристы, хладнокровно разрушающіе непріятельскій городъ пушечными выстрѣлами. Но человѣкъ, пускающій бомбы на-удачу въ случайныя толпы своихъ же соотечественниковъ, безъ всякаго къ тому повода, подъ очевидно

недѣльнымъ предлогомъ вражды къ отвлеченному понятію — капитализму или общественному строю, — такой человекъ есть только опасный безумецъ, и прилагать къ нему тѣ или другія политическія клички совершенно бесполезно. Устроивая взрывъ на бульварѣ С.-Жерменъ или въ улицѣ Клиши, Раваполь наносилъ удары не буржуазіи, а отдѣльнымъ, случайно подвернувшимся лицамъ, женщинамъ и дѣтямъ, въ томъ числѣ и лицамъ изъ рабочаго класса. Представители государственной или общественной власти всего меньше подвергаются покушеніямъ со стороны такъ-называемыхъ анархистовъ: послѣдніе хорошо понимаютъ, что дѣйствія противъ однихъ официальныхъ лицъ не могли бы вызвать панику въ цѣломъ населеніи, а возбудить панику есть именно ближайшая задача этихъ дѣятелей. Притомъ и въ Англіи, и во Франціи, министры зависятъ непосредственно отъ парламента и общественнаго мнѣнія, и сами по себѣ не играютъ такой роли, чтобы возбудить въ комъ-либо желаніе насильственно устранить ихъ; они и безъ того могутъ быть смѣнены простымъ рѣшеніемъ палаты и часто подвергаются кризисамъ, въ связи съ общими или мѣстными перемѣнами политической атмосферы. Возбужденіе общей тревоги достигается въ наибольшей мѣрѣ, когда динамитные взрывы грозятъ частнымъ лицамъ въ любомъ пунктѣ города; но паника въ подобныхъ случаяхъ должна прежде всего отзываться крайне тягостно на положеніи рабочаго класса, такъ какъ она неизбежно приводитъ къ сокращенію или даже къ остановкѣ занятій въ разныхъ отрасляхъ производительной дѣятельности, безъ всякихъ шансовъ на улучшеніе быта рабочихъ въ будущемъ. Въ то же время капиталистамъ несравненно легче избѣгнуть послѣдствій этихъ покушеній и вызванной ими паники, чѣмъ неимущимъ и трудящимся людямъ, ибо первые имѣютъ возможность тотчасъ же выѣхать изъ предѣловъ опаснаго района, тогда какъ вторые не обладаютъ нужными для этого средствами и по-неволѣ несутъ на себѣ всѣ невыгоды динамитныхъ посягательствъ, предпринимаемыхъ будто бы противъ буржуазіи.

Столь же произвольно и неосновательно смѣшеніе динамитчиковъ съ анархистами, какъ съ проповѣдниками особой общественной „утопіи“. Въ чемъ заключается въ сущности идея социальной анархіи или безвластія? Въ отсутствіи какой бы то ни было организациі общественной и политической, въ полномъ равенствѣ и независимости отдѣльныхъ лицъ, въ исчезновеніи поводовъ къ какимъ бы то ни было легальнымъ насиліямъ однихъ людей противъ другихъ. Очевидно, эта „утопія“, предполагающая измѣненіе человѣческихъ инстинктовъ и наклонностей въ духѣ нравственнаго совершенства, содержитъ уже въ своей основѣ самый рѣшительный приговоръ надъ динамитною

пропагандою, дѣйствующею путемъ убійствъ и разрушенія. Опасные взрывы, совершаемые среди мирныхъ жителей, вызываютъ именно усиленіе власти, призванной охранять безопасность всѣхъ и cadaго; они служатъ законными и вполне естественными мотивами къ расширенію полномочій полицейскихъ агентовъ, къ назначенію новыхъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ, т.-е. къ еще большому укрѣпленію и усложненію той организаціи, которая въ принципѣ отвергается теоретиками анархизма. Динамитчики стараются какъ будто представить своими взрывами наглядное практическое опроверженіе анархистскихъ идей, и если они сами говорятъ объ анархіи, какъ о своемъ собственномъ идеалѣ, то это только грубое и явное недоразумѣніе, которое не должно было бы повторяться серьезными органами печати. Теоріи анархизма, какъ бы ошибочны онѣ ни были, имѣютъ однако такихъ сторонниковъ, какъ извѣстный географъ Элизе Реклю, и уже одно это обстоятельство устраняетъ всякую мысль о солидарности анархистскихъ воззрѣній съ звѣрскими и нелѣпными понятіями какого-нибудь Равашоля. Правда, динамитчики называютъ себя анархистами, и эта кличка держится за ними повсюду; но въ дѣйствительности они самымъ своимъ существованіемъ протестуютъ и встаютъ противъ идеи общественнаго безвластія. Пока существуютъ и развиваются болѣзненные субъекты, готовые убивать своихъ ближнихъ для приобрѣтенія славы Герострата, до тѣхъ поръ должны существовать извѣстныя заведенія, гдѣ ихъ можно было бы держать подъ замкомъ; а чтобы мѣшать такимъ ненормальнымъ личностямъ проявлять свои инстинкты на свободѣ, необходима извѣстная организація, вопреки теоріямъ анархизма. Такимъ образомъ нѣтъ мѣста для анархистской доктрины, пока возможны люди, подобные Равашолю, и пока возможны факты, подобные недавнимъ парижскимъ взрывамъ. Что такихъ личностей съ преступными наклонностями найдется не мало въ каждой странѣ, это видно уже изъ увеличивавшагося числа динамитныхъ подвиговъ за послѣдніе годы. Нельзя также сомнѣваться, что среди рабочаго класса, какъ и въ другихъ слояхъ общества, могутъ оказаться люди, серьезно увлеченные фантазмагоріею динамитной борьбы противъ разныхъ экономическихъ и общественныхъ недуговъ въ государствахъ западной Европы. Не только динамитчики, прирывающіеся какими-то обрывками политическихъ идей, но и обыкновенные убійцы находятъ себѣ подражателей и поклонниковъ, если успѣли надѣлать шуму своими злодѣяніями (какъ, напр., англійскій Джекъ); поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и Равашоль имѣетъ своихъ союзниковъ и послѣдователей, и что одному изъ нихъ удалось выступить за него мстителемъ по отношенію къ виновникамъ его ареста.

Какъ достигнуть того, чтобы опасныя химическія составы, придуманные для военныхъ или мирныхъ цѣлей, не могли служить орудіемъ въ рукахъ заурядныхъ преступниковъ,—это вопросъ, особенно рѣзко поставленный на очередь событіями послѣдняго времени. Нѣкоторыя газеты, преимущественно берлинскія и лондонскія, считаютъ необходимымъ международное соглашеніе государствъ для совмѣстныхъ предупредительныхъ мѣръ противъ анархистовъ-динамитчиковъ. Но одновременно съ газетными толками о такомъ соглашеніи идутъ обычные разговоры о необходимости новыхъ чрезвычайныхъ кредитовъ на вооруженія, о новыхъ затратахъ на усовершенствованныя истребительныя орудія и въ томъ числѣ на взрывчатые снаряды, могущіе сразу взорвать на воздухъ цѣлый корабль, наполненный людьми. Не есть ли Равашоль съ компаніею только продуктъ бессознательнаго подражанія новѣйшимъ усиліямъ и изобрѣтеніямъ милитаризма? И не слѣдуетъ ли прежде всего подумать о международномъ соглашеніи съ цѣлью ослабить тяжелое бремя всеобщихъ и безысходныхъ военныхъ приготовленій? Эти неустанныя приготовления не остаются безъ вреднаго вліянія на внутреннюю жизнь народовъ, не только экономическую и общественную, но и нравственную, и очень можетъ быть, что динамитные взрывы, взволновавшіе Парижъ, суть лишь отдаленныя отголоски этого подавляющаго и разлагающаго вліянія чрезмѣрнаго милитаризма въ Европѣ.

Если нѣкоторая часть западно-европейскаго рабочаго класса можетъ въ самомъ дѣлѣ увлечься легкимъ и внушительнымъ способомъ дѣйствій, рекомендуемымъ динамитчиками, то это было бы лишь признакомъ отчаянія, полного упадка вѣры въ свои силы и въ свое будущее; это было бы замаскированнымъ самоубійствомъ, послѣ признанія безнадежности даннаго положенія и послѣ окончательнаго отреченія отъ всякихъ социалистическихъ программъ. Громадное большинство рабочихъ далеко не обнаруживаетъ такого пессимистическаго настроенія; напротивъ, англійскіе рабочіе союзы и нѣмецкая социаль-демократія настойчивѣе чѣмъ когда-либо придерживаются мирныхъ и вполне легальныхъ путей, причемъ слѣдуютъ даже парламентскимъ приемамъ въ обсужденіи общихъ дѣлъ. Любопытнымъ образчикомъ можетъ служить стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ Дергамѣ: вопросъ о дальнѣйшемъ продолженіи этой стачки рѣшался нѣсколько разъ правильнымъ всеобщимъ голосованіемъ, при участіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, безъ малѣйшаго нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, несмотря на бѣдственное состояніе массы рабочихъ и ихъ семействъ. Рабочее населеніе, способное такъ самоотверженно подчиняться добровольно установленной дисциплинѣ, въ видахъ охраны своихъ дѣй-

ствительныхъ или предполагаемыхъ правъ,—такое населеніе имѣетъ предъ собою будущность и справится со всякими невзгодами, благодаря своей стойкости, энергіи и твердому, сознательному чувству взаимной солидарности. Среди этихъ серьезныхъ и сосредоточенныхъ рабочихъ массъ нечего дѣлать динамитчикамъ.

Первое мая, какъ извѣстно уже изъ телеграммъ, прошло спокойно въ Европѣ, и рабочіе классы различныхъ странъ остались равнодушными къ воинственнымъ воззваніямъ такъ-называемыхъ анархистовъ, которые усиленно навязываютъ имъ свои дружескія услуги. Всякій понимаетъ, что ни рабочее движеніе, ни тѣ или другіе политическіе порядки не могутъ считаться отвѣтственными за увлеченія или преступленія небольшой горсти людей, заставившихъ такъ много говорить о себѣ за послѣднее время.

Въ Италіи попрежнему борются между собою два направленія—одно въ пользу высшей внѣшней политики, требующей все большихъ расходовъ на вооруженія, а другое—въ пользу мирныхъ внутреннихъ реформъ, требующихъ прежде всего сокращенія непосильныхъ военныхъ расходовъ. На этой почвѣ произошелъ недавно (въ половинѣ апрѣля, нов. ст.) частный министерскій кризисъ, который впрочемъ окончился благополучно. Военный министръ считалъ необходимымъ ассигнованіе кредита въ 13 милл. на фабрикацію новаго усовершенствованнаго ружья; въ свою очередь морской министръ также потребовалъ назначенія новыхъ 6 милл. по своему вѣдомству. Противъ этихъ требованій рѣшительно возсталъ министръ казначейства, Луццати, съ которымъ вполнѣ соглашался министръ-президентъ маркизъ ди-Рудини; они заявили, что о новыхъ военныхъ кредитахъ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ и безъ того военный бюджетъ разросся до непосильныхъ размѣровъ и грозитъ хроническимъ нарушеніемъ равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ. Министерство вступило во власть во имя охраны насущныхъ народно-хозяйственныхъ и финансовыхъ интересовъ, которыми слишкомъ явно пренебрегалъ Криспи, умеченный мыслью о внѣшней политической роли Италіи въ союзѣ съ средне-европейскою лигою мира. Нѣкоторые министры и въ томъ числѣ самъ министръ-президентъ предлагали ввести нѣкоторые новые налоги, чтобы достигнуть равновѣсія въ бюджетѣ; но съ этимъ не согласился министръ финансовъ Коломбо. Вслѣдствіе этихъ внутреннихъ несогласій весь кабинетъ подалъ въ отставку, и король поручилъ тому же маркизу ди-Рудини составить новое министерство, т. е. преобразовать прежнее, съ привлеченіемъ въ него новыхъ лицъ. За ходомъ этого кризиса внимательно слѣдили во Франціи и Германіи, такъ какъ дѣло шло въ сущности о томъ, удержится ли итальянское правительство на прежнемъ пути, согласно цѣлямъ и программѣ трой-

ственного союза, или отклонится въ сторону миролюбія и разсчетливости. Нѣмецкія газеты напоминали итальянцамъ о положительныхъ обязательствахъ, взятыхъ на себя Италіею относительно Германіи и Австро-Венгріи, и настойчиво рекомендовали не щадить средствъ для увеличенія арміи и флота, ради прочности заключенныхъ союзовъ; французская печать, напротивъ, указывала на экономическое расстройство Италіи, вызванное непомѣрными вооруженіями, и совѣтовала отказаться отъ дальнѣйшаго пассивнаго подражанія и подчиненія берлинской политикѣ. Соображенія внѣшней политики, однако, одержали верхъ въ правительственныхъ сферахъ Италіи, и преобразованное министерство Рудини рѣшило не сокращать требованій военнаго бюджета, стараясь по возможности достигнуть уменьшенія расходовъ въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Эта политика компромиссовъ едва ли можетъ держаться долго, такъ какъ гнетъ милитаризма даетъ себя слишкомъ сильно чувствовать мирному и сравнительно бѣдному населенію Италіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1892.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя*. Извлечены изъ рукописей академикомъ Н. С. Тихонравовымъ. Дополнительный томъ ко всѣмъ предшествовавшимъ изданіямъ сочиненій Гоголя. Выпускъ первый. М. 1892.

Въ настоящемъ изданіи (которое является въ ряду выпусковъ „Библиотеки для Чтенія“, составляющей бесплатное приложение къ журналу „Царь-Колоколъ“) г. Тихонравовъ приступаетъ къ послѣдней части своей работы надъ Гоголемъ. Этотъ дополнительный томъ долженъ заключать все то, что можно было извлечь изъ сохранившихся бумагъ и записныхъ книжекъ Гоголя, изъ черновыхъ рукописей, которыя не были употреблены для прежнихъ томовъ изданія г. Тихонравова. Ни одинъ изъ нашихъ писателей, кромѣ развѣ Пушкина, не встрѣчалъ такого внимательнаго изученія малѣйшихъ рукописныхъ остатковъ его дѣятельности, между прочимъ и такихъ, которые вовсе не назначались для печати или составляли только отдаленное подготовленіе къ какому-нибудь будущимъ работамъ. Здѣсь также могъ бы быть примѣненъ вопросъ о „нарушеніи воли“, которое такъ осуждаемо было Гончаровымъ; но если возраженія Гончарова противъ изданія писемъ и иныхъ бумагъ, не предназначавшихся ихъ авторами къ печати, вообще ослаблялись интересомъ историческаго изученія, то въ примѣненіи къ Гоголю этотъ интересъ получаетъ особенную важность. Это былъ писатель первостепеннаго значенія въ исторіи нашей литературы; это былъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ истинный родоначальникъ ея новѣйшаго періода, именно со стороны ея общественнаго содержанія, которое со временъ Гоголя становится ея постоянною, неизмѣнною чертою. Извѣстно притомъ, что эта особенность произведеній Гоголя, такъ ярко выступившая въ средній, самый сильный и свѣжій періодъ его дѣятельности и послѣ такъ имъ осуждаемая, была для него предметомъ тяжелой внутренней борьбы,

въ концѣ-концовъ совершенно его надломившей,—борьбы, гдѣ сталкивались непримиренными стремленія художника и благочестиваго человѣка, стремленіе служить благу общества, призывать его къ высшимъ идеаламъ, и рядомъ желаніе человѣка консервативныхъ убѣжденій предохранить общество отъ тѣхъ излишествъ и заблужденій, къ какимъ вело его, по мнѣнію писателя, возроставшее свободомыслящее направленіе. Если бы въ бумагахъ Гоголя, кромѣ набросковъ и замѣтокъ, относящихся къ его произведеніямъ, сохранились и указанія на эту внутреннюю исторію его понятій, онѣ получали бы большой историческій и психологическій интересъ: вмѣстѣ съ письмами онѣ помогали бы выяснитъ этотъ внутренній процессъ, который составляетъ важную страницу въ исторіи нашей литературы. Проведенія Гоголя, въ ихъ упомянутомъ значеніи, были существеннымъ фактомъ въ развитіи нашего общественнаго самосознанія: какъ произошелъ этотъ фактъ, какимъ образомъ въ лицѣ писателя совершился переходъ отъ одной ступени литературнаго развитія къ другой, — это, безъ сомнѣнія, предметъ, заслуживающій внимательнаго историческаго изслѣдованія.

Изданныя прежде и въ послѣднее время многочисленныя письма Гоголя даютъ объ этомъ не мало любопытныхъ указаній и, судя по первому выпуску дополнительнаго тома, не мало такихъ указаній найдется и въ издаваемыхъ теперь бумагахъ Гоголя. Бумаги сохранились, конечно, случайно: это — отчасти черновыя произведенія, явившихся потомъ въ печати въ очень передѣланномъ видѣ, отчасти отрывочныя замѣтки въ записныхъ тетрадахъ или случайно сбереженные листки и т. п. Въ самомъ началѣ встрѣчаемъ стихотвореніе, не сохранившееся вполнѣ и написанное Гоголемъ еще во время пребыванія его въ лицѣ; далѣе, пьесу „Женихи“, которая послужила первымъ наброскомъ къ комедіи „Женитьба“; дополненія къ „Развязкѣ Ревизора“; затѣмъ переводъ Мольеровою комедіи „Станарель“, который, собственно говоря, сдѣланъ былъ друзьями Щепкина, но послѣ переправленъ былъ Гоголемъ такъ, что передѣлана была почти каждая фраза (1839 года); далѣе выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ и, наконецъ, первоначальная редакція „Ревизора“.

Дополненіе къ „Развязкѣ Ревизора“ писано во второй половинѣ 1847 года и въ немъ отразилось то религіозно-правоучительное настроеніе, которое въ то время владѣло Гоголемъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, — безъ сомнѣнія, выражающее мысли самого Гоголя, — старается придать „Ревизору“ аллегорическое и мистическое значеніе. „Мнѣ вѣжется, — говоритъ это лицо, — что это мой же душевный горьдъ, что послѣдняя сцена представляетъ послѣднюю сцену жизни, когда совѣсть заставитъ взглянуть вдругъ на самого себя во всѣ

глаза и испугаться самого себя. Мнѣ показалось, что этотъ настоящій ревизоръ, о которомъ одно возвѣщеніе въ концѣ комедіи наводитъ такой ужасъ, есть та настоящая наша совѣсть, которая встрѣчаетъ насъ у дверей гроба. Мнѣ показалось, что этотъ вѣтренникъ Хлестаковъ, плутъ, или какъ хотите назвать, есть та поддѣльная вѣтреная свѣтская паша совѣсть, которая, воспользовавшись страхомъ нашимъ, принимаетъ вдругъ личину настоящей и даетъ себя поддупать страстямъ нашимъ, какъ Хлестаковъ чиновникамъ, и потому пропадаетъ, такъ же какъ онъ, неизвѣстно куда. Мнѣ показалось, что это безотрадно-печальное окончаніе, отъ котораго такъ возмущился и потрясся зритель, предстало передъ меня въ напоминанье, что и жизнь, которую привыкаемъ понемногу считать комедіей, можетъ имѣть такое же печально-трагическое окончаніе. Мнѣ показалось, какъ будто вся комедія совокупностью своею говоритъ мнѣ о томъ, что слѣдуетъ въ началѣ взять того Ревизора, который встрѣчаетъ насъ въ концѣ, а съ нимъ такъ же, какъ правосудный государь ревизуетъ свое государство, оглядывать свою душу и вооружиться такъ же противъ страстей, какъ вооружается государь противу продажныхъ чиновниковъ, потому что они также крадутъ сокровища души нашей, какъ тѣ грабятъ казну и достоянье государства, — съ настоящимъ Ревизоромъ: потому что лицемерныя наши страсти и не только страсти, но даже малѣйшая пошлая привычка умѣетъ такъ искусно поддѣхать къ намъ и ловко передъ нами изворотиться, какъ не изворотились и передъ Хлестаковымъ проныры-чиновники, такъ что готовъ даже принять ихъ за добродѣтели, готовъ даже похвататься порядкомъ душевнаго своего города, не принимая и въ мысль того, что можешь остаться обманутымъ, какъ городничій. Мнѣ такъ показалось“.

Въ записныхъ книжкахъ 1841—42 г. находимъ массу разнообразныхъ отмѣтокъ, по всей вѣроятности, предназначенныхъ для будущихъ работъ. Гоголь записываетъ характерныя и мѣткія выраженія народнаго языка, фразы изъ пѣсень, народныхъ разговоровъ, пословицы и поговорки; рядъ техническихъ выраженій, напр. термины изъ игры въ банкъ, названія частей и принадлежностей крестьянской избы, имена собакъ и охотничьи термины, названія блюдъ; подробности о ходѣ хлѣбной торговли, о хлѣбопашествѣ. Цѣлый рядъ страницъ занятъ описаніемъ губернской администраціи — дѣлъ губернатора, губернскаго правленія, казенной палаты, роли предводителя дворянства, откупщика, и т. д.; это былъ видимо матеріалъ для 2-го тома „Мертвыхъ Душ“. Особую рубрику составили здѣсь „взятки губернатора“, напримѣръ:

„Самыя нестыдныя, неопасныя взятки — съ откупщиковъ, которыя

беруть и честные, потому что отъ этого никому нѣтъ утѣсенія (1), и дѣла шли бы такъ, какъ и безъ бранья. Они берутся явно“.

Но тутъ же самъ онъ замѣчаетъ: „Казенная палата, сдирая чрезмѣрную сумму съ откупщика (1), ему мирводитъ во всемъ: дозволяетъ отрывать кабаки не въ законныхъ мѣстахъ и не въ законные часы, и пр. Сила откупщика такъ велика, что его нельзя ограничить, потому что онъ лопнетъ, если скрутить его (?); и потому всѣ, даже честные, берутъ отъ него взятки. Откупщикъ всѣмъ даетъ, всѣ съ нимъ въ дружбѣ и всѣ имъ довольны. Губернатору, смотря по губерніямъ,—отъ десяти до шестидесяти... Всякій служащій имѣетъ право послать за штофомъ сладкой водки къ откупщику, въ какомъ бы мѣстѣ ни служилъ. Всей полиціи даетъ—и городской, и земской; вся полиція у него на жалованьи“.

Гоголь какъ будто и не считалъ возможнымъ другого порядка вещей. Далѣе—опять о губернаторѣ:

„Взятки съ мерзавцевъ, замѣшанныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, и во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ надъ богатыми помѣщиками—губернаторъ и самъ непосредственно (т.-е. беретъ), и чрезъ секретаря. Съ старообрядцевъ во время ревизіи и объѣзда всей губерніи, который онъ долженъ дѣлать разъ въ годъ: тутъ, въ видѣ хлѣба-соли, пузъ ассигнацій запекаютъ въ хлѣбъ; и во всѣхъ экстренныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ: тутъ посредствомъ секретаря. Слѣдствія рождаются—о скрятіи священниковъ бѣглыхъ, объ обращеніи въ расколъ православныхъ. Они (т.-е. старообрядцы) виновны въ сокрытіи бѣглыхъ людей, которыхъ принимаютъ съ желаніемъ обратить ихъ; о постройкѣ новыхъ церквей или поновленіи, которыя раскольникамъ запрещены, часовенъ и молитвенныхъ домовъ — пожива всей полиціи, губернскаго правленія, земскаго суда, прокурора“.

Далѣе набросаны разные типы губернаторовъ или, какъ выражается Гоголь, „маски, надѣваемые губернаторами, напр.“, „маска благороднаго и воспитаннаго губернатора“, „военный генералъ—прямой человѣкъ“, который жалуется, что всѣ воры и мошенники, что честнаго человѣка нельзя найти, но самъ беретъ взятки чрезъ секретаря, „губернаторъ-дѣлецъ“ (стр. 83 и д.).

По всей вѣроятности, всѣ эти свѣденія не были результатомъ непосредственныхъ наблюденій самого Гоголя, а собраны изъ сообщений свѣдущихъ людей, какъ въ другомъ мѣстѣ онъ записываетъ: „Вопросы Хомякову: о крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, казенныхъ и удѣльныхъ—ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состояніи нравственности и духѣ, какъ результатъ (всего) быта“ (стр. 94—95).

Извѣстно, какъ въ перепискѣ съ друзьями, готовая къ второму

тому „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь настойчиво просилъ о сообщеніи ему всякихъ свѣденій о русской жизни. Записныя книжки, съ которыми мы теперь знакомимся, остаются образчиками подобнаго собиранія свѣденій и любопытны также, какъ черта времени: теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, даже заурядный писатель, желающій изображать административныя нравы и бытъ провинціи, достаточно знакомъ съ обыденными подробностями, на собираніе которыхъ Гоголь употреблялъ такія усилія. Ему дѣйствительно недоставало этого знанія и онъ самъ приводитъ забавную черту, что судьи „Ревизора“ изъ чиновниковъ замѣчали въ осужденіе Гоголю, что и взятки берутъ совсѣмъ не такъ; правда, онъ жилъ мало въ провинціи, а пребывая за границей, тѣмъ больше могъ отстать отъ русскихъ обычаевъ и, работая надъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ гдѣ-нибудь въ Римѣ, Франкфуртѣ или Остенде, нуждался въ томъ, чтобы дополнить или освѣжить свои недостаточныя знанія; но съ другой стороны проходитъ здѣсь и черта времени. Въ старину администрація и судъ были дѣломъ совершенно закрытымъ отъ непосвященныхъ; канцелярская тайна господствовала неограниченно, гласность была дѣломъ неслыханнымъ, все было шито и крыто. Для того, кто не вращался самъ въ этихъ дѣлахъ, нельзя было и узнать о нихъ иначе, какъ спрашивая свѣдущихъ людей: такъ Гоголь и дѣлалъ. Но понятно также, что для художественно-полнаго и правдиваго воспроизведенія жизни недостаточно было этихъ отрывочно собираемыхъ замѣтокъ: онѣ не могли замѣнить непосредственнаго наблюденія,—и оттого между прочимъ столько дѣланнаго во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“.

Въ записныхъ книжкахъ 1846 года находимъ отмѣтки, рисующія тогдашнее настроеніе Гоголя. Напримѣръ: „Богатые, прежде всего помните, что вы владѣете страшнымъ даромъ. Вспомните евангельское правило о томъ, какъ опасны богатства и какъ трудно спасеніе для богатаго. Но вамъ даны, вы не имѣете права отъ нихъ отказаться. Вы должны помнить, что вы управители у Бога. Горе вамъ, если будете плутовать и красть!“

„Почему совѣтуетъ Христось раздать богатство? Потому что знаетъ, какъ трудно человѣку быть управителемъ и лучше заранѣе отказаться отъ него, чѣмъ быть приведену потомъ въ искушеніе“ (стр. 93).

Въ другомъ мѣстѣ онъ записываетъ для памяти, чьи имена вспомнить у Святого Гроба, и рядомъ дѣлаетъ замѣтку о „статистическомъ обзорѣ“—очевидно, опять замѣтка отъ какого-нибудь свѣдущаго чловека. Дальше упомянутыя свѣденія о крестьянахъ, которыхъ надо было спросить у Хомякова, и затѣмъ автобиографическое размышленіе о своей собственной дѣятельности.

„Зачѣмъ я оказался учителемъ? Я самъ не помню. Миѣ показа-

лось, что гибнетъ лучшее, что перо писателя обязано служить истинѣ, и беспощадное жало сатиры коснулось, вмѣстѣ съ искорененіемъ злоупотребленій, и того, что должно составлять святиню; что слишкомъ уже много увлеклись теченьемъ времени и не останавливаются оглянуться вокругъ себя.

...„Мнѣ такъ стало совѣстно (за мою недѣятельность), мнѣ такъ стали тяжелы упреки, что я остаюсь такъ долго въ бездѣятельности. Я думалъ, что если обнаружу мое состоянье душевное и чѣмъ я занятъ“ (стр. 95)...

Эти строки очень характерны. Онѣ еще разъ подтверждаютъ, что настроеніе, диктовавшее Гоголю „Выбранныя Мѣста“, было его душевное желаніе послужить общественному благу, — но указываютъ также, какъ глубоко онъ заблуждался въ пониманіи этого блага; видимо, что тогдашнія общественныя стремленія были ему очень мало извѣстны и за опасное теченіе времени онъ принялъ первые слабые опыты общества въ самосознаніи и въ критикѣ своего положенія. Живя вдалекѣ отъ русскаго быта, въ тѣсномъ кругу людей, въ сущности чуждыхъ общественному броженію, Гоголь, говоря позднѣйшимъ выраженіемъ, былъ строгимъ консерваторомъ, считалъ, что существующія формы быта совершенно хороши и не могутъ быть подвергаемы сомнѣнію, а что только требуется улучшеніе личной нравственности; люди должны быть только добродѣтельны и исполнять обязанности, налагаемыя на нихъ ихъ положеніемъ, и все будетъ прекрасно. Изъ письма Бѣлинскаго онъ, кажется, въ первый разъ увидѣлъ, какъ эта теорія переводится на языкъ практической жизни, — онъ, кажется, увидѣлъ, что въ словахъ его были ошибки, но все-таки приписалъ ихъ не самой теоріи, а своему неумѣнію выразить свои мысли, а раздраженіе противниковъ объяснялъ тѣмъ, что они могли почувствовать себя лично задѣтыми. Съ этимъ недоразумѣніемъ онъ остался до конца жизни.

— *Очерки Гоголевскаго періода русской литературы.* („Современникъ“, 1855—1856 гг.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1892.

Эти „Очерки“, собранные здѣсь въ книгу изъ „Современника“ 1855—1856 г., принадлежали къ числу первыхъ трудовъ ихъ автора и были первымъ опытомъ исторической оцѣнки того періода нашей литературы, который ознаменованъ былъ дѣятельностью Гоголя и, рядомъ съ нею, истолкованіемъ ея въ критикѣ Бѣлинскаго. Гоголь умеръ за три года, Бѣлинскій за семь лѣтъ до того времени, когда появились первыя главы „Очерковъ“. Дѣятельность того и другого писа-

теля была едва завершившимся фактомъ: Гоголь былъ уже признаннымъ великимъ писателемъ, хотя въ литературѣ еще продолжали дѣйствовать противники его направленія, объявлявшіе „Мертвыя Души“ грубымъ шутовствомъ и искаженіемъ русской жизни и лицемерно похвалившіе „Переписку съ друзьями“, и хотя, съ другой стороны, въ кругу его почитателей произведенія Гоголя все еще не находили правильной оцѣнки; дѣятельность Бѣлинскаго—едва успѣла она закончиться—подверглась строгому осужденію властей и самое имя его не могло появляться въ печати; въ литературѣ продолжали дѣйствовать его друзья и послѣдователи, но отсутствіе сильной личности становилось замѣтно въ колебаніяхъ его направленія, а прежніе враги тѣмъ болѣе не склонны были признать его заслугу. Въ такихъ условіяхъ предприняты были „Очерки“: они должны были установить историческое значеніе Гоголевскаго періода, т.-е. тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, въ области художественнаго творчества, гдѣ Гоголь являлся главою новаго жизненнаго направленія, и въ области критики, гдѣ Бѣлинскій былъ одушевленнымъ истолкователемъ этого направленія. „Очерки“ исполнили эту задачу въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ изслѣдованій, гдѣ передъ читателемъ проходятъ всѣ главнѣйшіе представители критическаго движенія съ тридцатыхъ годовъ: Н. А. Полевой, Сенковскій, Погодинъ, Кирѣевскій, Шевыревъ, кн. Вяземскій, Плетневъ, Надеждинъ, наконецъ Бѣлинскій. Многіе изъ этихъ писателей, какъ Полевой, Сенковскій, особливо Надеждинъ, были здѣсь почти въ первый разъ опредѣлены въ ихъ настоящемъ значеніи для развитія русской критики; дѣятельность Бѣлинскаго изложена особенно подробно,—это было первое историческое ея изображеніе на основаніи его сочиненій и еще живыхъ воспоминаній о немъ въ кругу его друзей. Изданіе сочиненій Бѣлинскаго—разсѣянныхъ по журналамъ, главнымъ образомъ въ „Отеч. Запискахъ“ и „Современникѣ“, почти всегда безъ подписи—только-что предпринималось въ эти годы, и авторъ „Очерковъ“ еще не могъ пользоваться этимъ изданіемъ. Такимъ образомъ „Очерки“ являлись первою оцѣнкой только-что пережитаго періода, оказавшаго—какъ мы видимъ это теперь—глубокое вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашей литературы и оставившаго за дѣятелями „сороковыхъ годовъ“ великую историческую заслугу инициативы въ новѣйшемъ развитіи нашего общественнаго самосознанія. „Очерки“ написаны были уже человекомъ другого поколѣнія, но подъ свѣжимъ чувствомъ недавняго факта, при непосредственномъ знакомствѣ съ продолжавшими дѣйствовать свидѣтелями той эпохи и подъ впечатлѣніемъ ихъ воспоминаній. Это отразилось на самой книгѣ тѣмъ живымъ участіемъ къ дѣламъ и лицамъ, какое свойственно современнику и которое помогаетъ самому

читателю воспринять и раздѣлить настроеніе и интересы изображаемой эпохи. Самая книга служитъ соединительнымъ звеномъ между двумя періодами: въ началѣ новаго, ожидаемаго періода въ развитіи литературы, книга подводитъ итоги періода предшествующаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая ему полное признаніе, ищетъ для критики болѣе широкаго дальнѣйшаго поприща, въ продолженіе того, что сдѣлано было Бѣлинскимъ, и что, какъ мы упоминали, было частію забыто его друзьями въ смутную пору, наступившую вскорѣ по его смерти. По этому своему характеру „Очерки“ остаются единственной книгой въ своемъ родѣ и сохраняютъ весь свой интересъ до настоящаго времени. Какъ замѣчено въ предисловіи къ ихъ нынѣшнему изданію, новѣйшія детальныя изысканія о той эпохѣ не уменьшили значенія этого труда и, излагая обыкновенно подробности безъ общаго историческаго освѣщенія, можетъ быть, дѣлаютъ еще болѣе необходимымъ такой цѣльный обзоръ эпохи, какъ въ свое время и предпринялъ авторъ „Очерковъ“.

— *Изъ эпохи великихъ реформъ.* (Освобожденіе крестьянъ.—Отжѣва тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.). Историческія справки. Гр. Джаншиева. М. 1892 (Въ пользу голодающихъ).

Мысль настоящаго сочиненія и польза, ожидаемая отъ него авторомъ, высказаны въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „Предлагаемая читателю „Историческія справки“ имѣютъ цѣлью нѣсколько возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонною печатью. Справки эти вызваны годовщинами событій не одинаковой важности, но общимъ связующимъ для нихъ звеномъ является ихъ общій благородный источникъ—освободительно-гуманное движеніе 60-хъ гг., къ которому они такъ или иначе примыкаютъ. А это движеніе,—откуда, по прекрасному выраженію одного профессора, идетъ „все, чѣмъ красна наша жизнь“,—какъ извѣстно, въ свою очередь исходило изъ того вѣчно памятнаго движенія 40-хъ годовъ, коего могучимъ вдохновителемъ и руководителемъ былъ великій подвижникъ земли русской—Бѣлинскій.

„Какъ ни неблагоприятно переживаемое нами время для либерально-гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, однако внутренняя сила и привлекательность ихъ такъ велика, что напоминаніе о нихъ, позволительно думать, не будетъ совсѣмъ бесполезно. Всякій, искренно вѣрующій въ живительную силу этихъ началъ, не можетъ не надѣяться на конечное торжество ихъ“.

Книжку г. Джаншіева можно очень рекомендовать въ особенности молодымъ читателямъ, у которыхъ не могло быть собственныхъ воспоминаній о временахъ до-реформенныхъ и нѣтъ непосредственнаго предмета для сравненія съ нововведеніями реформъ: читатели этого рода поэтому могутъ быть менѣе застрахованы отъ вліянія той пропаганды, которая такъ странно усиливается въ наше время и хочетъ убѣдить въ ненужности, даже вредѣ преобразованій прошлаго царствованія, въ несоотвѣтствіи ихъ будто бы самому „духу“ русскаго народа. Мы вообще мало знаемъ наше прошедшее, и новѣйшія молодыя поколѣнія, кажется, особенно мало знаютъ наше ближайшее прошедшее, — между тѣмъ въ особенности отсюда онѣ могли бы приготовиться къ пониманію современныхъ интересовъ, въ судьбѣ которыхъ и имъ предстоитъ принять свою долю участія.

Исторія ближайшаго времени вообще трудно поддается изложенію: многія дѣйствующія лица, многія подробности еще слишкомъ близки, чтобы онѣ могли быть изображены съ полною свободою и безпристрастіемъ. Обыкновенно въ первое время бываетъ возможна только официальная дѣловая исторія ближайшей эпохи, — такъ до недавняго времени возможна была только дѣловая исторія крестьянскаго вопроса, — другія стороны послѣднихъ десятилѣтій остаются еще совсѣмъ недоступными для исторіи. Мало-по-малу, однако, приподнимается завѣса, закрывавшая наше недавнее прошлое, и раскрываются закулисныя подробности событій, которыя въ свое время носили на себѣ печать официальной важности, а какъ послѣ оказывалось, бывали иногда только дѣломъ личныхъ отношеній или произвола администраторовъ, которые сами бывали людьми партіи или не умѣли возвышаться до широкаго, истинно-государственнаго пониманія вещей. За послѣднее время въ нашей исторической литературѣ явилось немало подобныхъ любопытнѣйшихъ разъясненій, особливо въ письмахъ и воспоминаніяхъ лицъ, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ дѣламъ (таковы были, напримѣръ, записки сенатора Соловьева, гр. Валуева, А. В. Никитенко, воспоминанія разныхъ лицъ о М. Н. Муравьевѣ и т. д.): эти свидѣтельства современниковъ бросали нереѣдко яркій свѣтъ на характеръ событій, далеко не столь ясныхъ въ изложеніи чисто официальномъ. Многимъ изъ этого матеріала воспользовался авторъ настоящей книги для исторіи реформъ прошлаго царствованія. Въ краткихъ очеркахъ онъ даетъ эпизоды изъ исторіи крестьянскихъ реформъ („объявленіе воли и его всеобъемлющее значеніе“, „роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ“), рассказываетъ объ отмигнѣ тѣлеснаго наказанія, о цензурной реформѣ („законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года“; „первые шаги безцензурной печати“), объ открытіи новаго суда и наконецъ

въ послѣднихъ главахъ вспоминаетъ объ основаніи московскаго юридическаго общества, о двадцатипяти-лѣтніи „Вѣстника Европы“ и помѣщаетъ „юбилейныя справки“ о В. А. Арцимовичѣ, Н. И. Стояновскомъ, А. М. Унковскомъ, В. Д. Спасовичѣ.

Эта недавняя исторія чрезвычайно поучительна. Авторъ былъ правъ, когда говорилъ о внутренней силѣ и привлекательности гуманныхъ началъ преобразовательной эпохи, которыя могутъ производить благотворное впечатлѣніе и въ эпоху мало благоприятную для ихъ дальнѣйшаго развитія: ихъ привлекательность заключается именно въ томъ, что вводились въ жизнь глубоко человѣчныя идеи, устанавливались учрежденія, которыя должны были распространять уваженіе къ человѣческому достоинству, водворять справедливость, дать просторъ общественной мысли, все то, чего отсутствіемъ въ особенности страдала до-реформенная Россія. Всѣ эти начала въ ту прежнюю эпоху считались вреднымъ вольнодумствомъ: дѣйствительно онѣ заключали въ себѣ безусловное отрицаніе „существующихъ учреждений“, каковыми были крѣпостное право, старинный судъ съ его всѣми извѣстными подкупамъ, взятками и неправдой, а также и съ ужасными тѣлесными наказаніями, представлявшими, какъ кнуты и шпицрутены, „замаскированную смертную казнь въ самомъ гнусномъ ея видѣ“, по выраженію Д. А. Ровинскаго, та суровая цензура, которая заподозривала малѣйшее свободное движеніе мысли и какъ будто имѣла прямою цѣль пониженіе умственнаго уровня всей націи, и т. д. Эти учрежденія считались опорой общества и государства—на дѣлѣ онѣ искажали самыя естественныя условія и требованія народной жизни; и безграничный энтузіазмъ, встрѣтившій реформы прошлаго царствованія, свидѣтельствовалъ, что общество именно почувствовало въ нихъ возможность болѣе человѣческаго существованія и большаго простора для развитія подавленныхъ прежде силъ умственныхъ, нравственныхъ и даже матеріальныхъ. Реформы, какъ извѣстно, были выполнены далеко не съ тою широтой, какъ представляли ихъ идеальныя стремленія общества, но во всякомъ случаѣ онѣ заявляли новый принципъ, неизвѣстный прежнему времени, и онъ надолго остался благотворнымъ нравственнымъ мотивомъ для болѣе просвѣщенной части общества и указаніемъ того пути, на которомъ могло быть найдено народное благо.

Эта исторія заключаетъ и другое поученіе. Жизнь народная и общественная представляютъ громадный сложный организмъ, гдѣ процессы развитія по необходимости совершаются медленно, гдѣ по-видимому наиболѣе благотворныя элементы, вводимыя въ жизнь сознаніемъ лучшихъ людей и властью законодателя, не могутъ тотчасъ усвоиться и оказать свое вліяніе: они встрѣчаютъ противодѣйствіе

въ цѣломъ рядѣ находящихся на-лицо старыхъ учреждений, нравовъ привычекъ, понятій, и нуженъ извѣстный промежутокъ времени, чтобы новое взошло вверхъ надъ старымъ и принесло свои плоды. Въ первую пору казалось, что заявленныя реформы окончательно устраняли старый порядокъ вещей; но уже вскорѣ можно было видѣть, что онъ не такъ легко уступаетъ свое мѣсто и подъ его вліяніемъ не однажды поколебалась самая воля законодателя. Исторія реформъ прошлаго царствованія указываетъ цѣлый рядъ этихъ колебаній, которыя именно отражаютъ въ себѣ указанную органическую борьбу стараго и новаго, началъ развитія и застоя, и обществу должно отдать себѣ историческій отчетъ въ этихъ колебаніяхъ, чтобы сохранить въру вт. тѣ нравственно-общественныя начала, которымъ одиѣмъ принадлежитъ будущее. Въ книгѣ г. Джаншіева читатель найдетъ не мало любопытныхъ эпизодовъ изъ исторіи этой борьбы историческихъ началъ по поводу каждаго изъ тѣхъ вопросовъ, какіе поставлены были реформой: ни одинъ изъ нихъ не остался безъ возраженій со стороны представителей стараго консерватизма, и многое изъ предположеній реформы осталось совсѣмъ неисполненнымъ или исполнено было въ такой формѣ, что иногда преобразованный порядокъ вещей мало чѣмъ отличался отъ до-реформеннаго. Особенно поразительны многія подробности, приведенныя авторомъ изъ исторіи цензуры. Замѣтимъ встать, что въ прошломъ году тѣмъ же авторомъ издана была книга: „Основы судебной реформы“ (М. 1891), которая вмѣстѣ была воспоминаніемъ о 25-лѣтнемъ юбилеѣ новаго суда.

Мы вынуждены сдѣлать еще нѣсколько корректурныхъ замѣчаній. Эта сторона въ большинствѣ нашихъ изданій очень слаба: мы все еще не умѣемъ исправно напечатать книги, и когда въ книгѣ иностранной опечатка составляетъ обыкновенно большую рѣдкость, у насъ онѣ поражаютъ своимъ изобиліемъ. Къ сожалѣнію, не свободно отъ этого обилія и новое изданіе г. Джаншіева. Напримѣръ, на первыхъ же страницахъ читатель встрѣчаетъ имя „Топольскій“ (стр. 17), потомъ „Тонильскій“ (стр. 20), пока убѣждается, что это былъ извѣстный приближенный гр. Панина—Топильскій. Или въ другомъ мѣстѣ (стр. 162) дѣятели новаго суда названы: Замятинъ (вм. Замятинъ), Люминорскій (вм. Люминарскій), и т. п.

— *Кіевскій Сборникъ* въ помощь пострадавшимъ отъ неурожаа. Подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1891.

Редакторъ, въ предисловіи, такъ объясняетъ происхожденіе настоящаго сборника: „Задумавши еще въ ноябрѣ прошлаго года издать сборникъ въ пользу голодающихъ, редакция поставила своей задачей придать ему, насколько то было возможно, международный характеръ. Въ этихъ видахъ, она не только привлекала къ участию мѣстныхъ ученыхъ и литературныхъ силы, но и обратилась съ просьбой о сотрудничествѣ къ иностраннымъ писателямъ и беллетристамъ, къ представителямъ литературы въ Германіи, Швеціи, Норвегіи, Испаніи и Франціи, вполне увѣренная, что, въ виду цѣли изданія, она не встрѣтитъ отказа. Ожиданія оправдались, и со стороны иностранныхъ авторовъ она нашла такое же искреннее и горячее участіе, какъ и со стороны мѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ. Большинство иностранныхъ авторовъ не только отнеслись сочувственно къ предпріятію, но прислали неизданныя еще и спеціально для сборника написанныя произведенія и статьи. Охотнѣе всего на призывъ редакціи откликнулись шведы, норвежцы и затѣмъ писатели Германіи. Изъ французскихъ беллетристовъ — единственный, откликнувшійся на приглашеніе и, подобно большинству другихъ иностранныхъ писателей, посвятившій свое произведеніе населенію, пострадавшему отъ неурожаа, былъ лишь Пьеръ Лоти“.

Содѣйствіе нѣкоторыхъ лицъ, доставившихъ бумагу и облегчившихъ печатаніе, дало возможность очень сократить издержки изданія и тѣмъ увеличить ожидаемый чистый доходъ.

Сборникъ составленъ весьма разнообразно: кромѣ трудовъ русскихъ писателей, находимъ здѣсь не мало произведеній писателей иностранныхъ, къ которымъ были обращены приглашенія редакціи. Изъ нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ только г. Короленко доставилъ главу изъ повѣсти и Вас. Немировичъ-Данченко — также главу изъ романа и нѣсколько стихотвореній; еще нѣсколько пьесъ доставлено другими стихотворцами. Богаче было сотрудничество профессоровъ и ученыхъ писателей. Такъ г. Максимъ Ковалевскій помѣстилъ здѣсь очеркъ о Кромвелѣ и свободѣ совѣсти въ Англіи; П. Броуновъ (спеціалистъ по метеорологіи) — о погодѣ и ея предсказаніи; г. Сиворскій (психіатръ) — о голодѣ и его послѣдствіяхъ; г. Савельевъ — „Къ вопросу о предсказаніи неурожаевъ“; П. Морозовъ — „Война и ея орудія и жертвы“; г. Лучицкій — „Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи“; г. Флоринскій (славистъ, профессоръ кіевского университета) — „Новое открытіе въ области южно-славянскаго народнаго эпоса“; г. Владимірскій-Будановъ — „Формы крестьянскаго земле-

владѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.“, и пр. Но если довольно скудно было участіе нашихъ беллетристовъ (вѣроятно, потому, что въ то же время они привлекаемы были къ другимъ изданіямъ подобнаго рода) и можно было бы ожидать встрѣтить больше именъ профессоровъ важныхъ университетовъ, очень обильно было участіе писателей иностранныхъ, особливо шведскихъ и норвежскихъ, что надо, вѣроятно, приписать стараніямъ г-жи Лучицкой, которая въ послѣдніе годы предприняла рядъ переводовъ изъ скандинавской литературы и повидимому вступила въ сношенія съ скандинавскими писателями. Такъ доставили въ сборникъ свои рассказы: Арне Гарборгъ — „Смерть“, А. К. Леффлеръ, герцогиня ди-Кайянелло — „Изъ моей совѣстной жизни съ Софьей Ковалевской въ Стокгольмѣ“; Густавъ афъ-Гейерстамъ — „Исторія двухъ орловъ“; Августъ Стриндбергъ — „Укоры совѣсти“; Ионасъ Ли — „Орлица“. Кромѣ того находимъ стихотвореніе Бьернстерна-Бьернсона. Изъ нѣмецкихъ писателей доставили свои труды Поль Гейзе, Максъ Нордау, Георгъ Эберсъ, Захеръ-Мазохъ; изъ французовъ, какъ упомянуто выше, одинъ Пьеръ Лоти. Названныя статьи русскихъ ученыхъ отличаются вообще большимъ интересомъ. Такова статья г. Ковалевскаго, нѣкогда профессора московскаго университета, одного изъ немногихъ у насъ знатоковъ исторіи англійскихъ учреждений. Г. Сикорскій въ сжатомъ очеркѣ даетъ мрачную картину дѣйствій голода, къ числу которыхъ принадлежитъ обыкновенно распространеніе эпидемій.

„Послѣдствіемъ голода, — говоритъ онъ, — являются самыя разнообразныя эпидеміи: дизентеріи, тифозныя заболѣванія и другія формы заразъ. Связь этихъ болѣзней съ голодомъ должна быть понимаема такимъ образомъ, что, съ одной стороны, организмъ истощеннаго и обезсиленнаго населенія лишенъ обычныхъ средствъ противодѣйствія болѣзни и, съ другой стороны, тѣ самыя условія, которыя вызываютъ недородъ и болѣзни хлѣбовъ, благоприятствуютъ въ то же время развитію болѣзнетворныхъ, заразно-ядовитыхъ (вирулентныхъ) микробовъ. Борьба становится неравной между ослабленнымъ организмомъ и ядовитымъ микробомъ.

„Независимо отъ эпидемій, голодъ вызываетъ и нѣкоторыя болѣе отдаленныя, но не менѣе важныя послѣдствія. Къ числу ихъ относится вырожденіе населенія. Послѣдствіями голодовокъ является на свѣтъ населеніе болѣе слабое, болѣе хилое, болѣе подверженное болѣзнямъ, менѣе устойчивое физически и нравственно“.

Въ старыя времена, именно въ средніе вѣка, эти болѣзненные послѣдствія голода проявлялись съ особенною рѣзкостью, именно въ формѣ эпидемій психическихъ. Въ наше время этого рода болѣзненныхъ явленія не появляются и, кажется, исчезли навсегда. Авторъ

замѣчаетъ, что въ наше время вообще эпидемическія болѣзни становятся слабѣе какъ отъ уменьшенія силы заразныхъ началъ, такъ и отъ укрѣпленія здоровья населенія. „Въ особенности,—говоритъ авторъ,—интересенъ фактъ, что уменьшеніе заразъ тѣсно связано съ *улучшеніемъ земледѣлія*. Научными изслѣдованіями поставленъ вѣдъ всякаго сомнѣнія фактъ, что неурожаи и эпидемическія болѣзни уменьшались, главнымъ образомъ, благодаря расширившейся улучшенной обработкѣ полей, осушенію болотъ и приведенію поверхности земли въ состояніе почвы, удобной для культуры хлѣбовъ и хлѣбныхъ растений. Благодаря этому, въ Европѣ почти исчезли страшныя эпидеміи маларіи, злой корчи, священнаго огня, свирѣпствовавшія когда-то съ невѣроятной силой. По той же причинѣ исчезла чума, а тифозныя заболѣванія перестали быть тѣмъ бичомъ человѣчества, каковыя онѣ были въ предъидущіе вѣка. Очищеніе и культура верхняго слоя земли послужили основаніемъ столь благотворной перемѣны.

„Было время, когда человѣкъ и даже человѣкъ науки искалъ причину неурожаевъ и эпидемій въ появленіи кометъ, въ землетрясеніяхъ, во вліяніи на землю тѣхъ или иныхъ планетъ. Нынѣ, благодаря строгимъ научнымъ изслѣдованіямъ, эти воззрѣнія существенно измѣнились. Современная наука не отрицаетъ значенія астрономическихъ, геологическихъ и метеорологическихъ причинъ, но она приписываетъ главнѣйшее значеніе ближайшему къ человѣку фактору—почвѣ“.

Новѣйшая наука пришла къ убѣжденію, что источникъ эпидемій, эпизоотій и болѣзней хлѣба составляютъ микробы, живущіе въ почвѣ, въ водѣ и въ воздухѣ, и въ особенности въ почвѣ,—воздухъ и вода являются всего болѣе средствомъ переноса ихъ съ одного мѣста на другое.

„Научныя открытія недавняго времени показали, что отъ члвчѣка въ извѣстной степени зависятъ сдѣлать почву въ большей степени мѣстомъ развитія питательныхъ и благопріятныхъ для него средствъ и ослабить другую, зловредную, дѣятельность ея. Могущественнымъ средствомъ для этого является культура земли, очищеніе ея, обработка хлѣбныхъ растений, разведеніе на землѣ той растительности, какаѣ полезна члвчѣку.

„Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что обработка земли, воздѣлываніе хлѣбныхъ растений являются важнымъ факторомъ не только экономической, но и здраво-охранительной политики государствъ. Да! и мы глубоко оцѣнили бы такой мудрый законъ, по которому успѣшное занятіе земледѣліемъ ставилось бы на высоту государственныхъ заслугъ и цѣнилось наравнѣ съ другими родами общественной службы“ (стр. 89).

Наши экономисты и специалисты по сельскому хозяйству уже высказывали убѣжденіе, что причина нынѣшняго голода лежала далеко не въ однѣхъ метеорологическихъ явленіяхъ, но и въ недостаткахъ нашего сельскаго хозяйства. Показанія совсѣмъ иной науки, именно медицины, какъ видимъ, сводятся къ тому же заключенію, именно, что правильная обработка почвы служить могучимъ предохраненіемъ не только отъ голода, но и отъ эпидемій, что въ ней ручательство здоровья и крѣпости населенія. Понятно, что эти соображенія будутъ говорить также и о необходимости серьезно поставленнаго народнаго просвѣщенія; если съ одной стороны для улучшенія народнаго хозяйства необходимо поднять экономическія средства населенія, то вторымъ условіемъ является и поднятіе умственнаго уровня, потому что сколько-нибудь серьезный успѣхъ возможенъ только при сознательномъ пониманіи дѣла.

Одну изъ интереснѣйшихъ статей сборника представляетъ разсказъ г-жи Леффлёръ, сестры профессора стокгольмскаго университета Миттагъ-Леффлера, который между прочимъ и содѣйствовалъ приглашенію г-жи Ковалевской въ стокгольмскій университетъ. Г-жа Леффлёръ говоритъ о Ковалевской съ величайшимъ сочувствіемъ и удивленіемъ къ ея необычайной талантливости и, передавая подробности ихъ знакомства, перешедшаго въ тѣсную дружбу, разсказываетъ исторію ихъ совмѣстнаго труда: „Борьба за счастье, двѣ параллельныя драмы“¹⁾.

Не лишень интереса разсказъ г. Абрагамсона: „двѣ недѣли въ Средней Азій“, собственно въ Закаспійской области. Объ этой нашей окраинѣ свѣденія до сихъ поръ очень скудны; лишь немногіе путешественники дали о ней нѣсколько отрывочныхъ подробностей, между тѣмъ какъ, повидимому, было бы и любопытно, и поучительно разсказать обстоятельно о странѣ, вошедшей теперь вновь въ территорію російской имперіи, и особенно о томъ процессѣ, который долженъ происходить въ мѣстномъ населеніи съ установленіемъ новаго быта. Въ самомъ дѣлѣ, присоединяется къ государству хотя слабо населенная, но громадная новая область, занятая племенами, которыя вели до тѣхъ поръ первобытный образъ жизни, полу-кочевой, полу-разбойничій; область, еще въ недавнее время почти неизвѣстная и недоступная; съ покореніемъ ея русскими эта область, очевидно, вступаетъ въ новый періодъ гражданской жизни и культуры; для туземнаго населенія на первое время сохраняются мѣстные обычаи управленія, но подъ надзоромъ русской власти; въ страну является русское насе-

¹⁾ Эти параллельныя драмы явились въ переводѣ съ шведскаго г-жи Лучицкой (Кіевъ, 1892).

ніе въ видѣ цѣлой системы администраціи, военныхъ отрядовъ, русскихъ поселенцевъ, торговцевъ и т. д. Очевидно, что было бы въ высшей степени интересно наблюдать, именно съ первыхъ шаговъ, какъ устанавливается новая форма быта, какъ складываются отношенія туземнаго населенія въ русскимъ, какъ уживаются сами русскіе, какъ и въ какой степени возникаетъ русское вліяніе на туземцевъ и т. д. Къ удивленію, до сихъ поръ, когда прошло уже болѣе десяти лѣтъ съ покоренія области, когда тамъ основались цѣлыя большіе пункты русской администраціи и населенія, какъ Красноводскъ и Асхабадъ, когда уже проложена въ закаспійской степи желѣзная дорога отъ каспійскаго берега до Самарканда, до сихъ поръ среди русскихъ обитателей Закаспійской области не нашлось достаточно любознательнаго человѣка, который занялся бы изученіемъ этого любопытнаго междуплеменнаго процесса или, по крайней мѣрѣ, просто рассказалъ бы о существующемъ бытѣ и нравахъ туземнаго и русскаго населенія... Разсказъ г. Абрагамсона, конечно, не отвѣчаетъ на эти вопросы: авторъ посѣтилъ Закаспійскую область въ качествѣ туриста, пробылъ тамъ только двѣ недѣли, видѣлъ страну изъ оконъ вагона и во время остановокъ на станціяхъ, и относительно мѣстной жизни неопытенъ даже черезъ мѣру: ему неизвѣстно, напримѣръ, что такое „кибитка“, въ какихъ обитаютъ азіатскіе кочевники. „Раньше,—говоритъ онъ,—я подъ кибиткою всегда понималъ родъ повозки. Туркменская же кибитка — это домъ текинца и ничего съ повозкою общаго не имѣетъ“ (стр. 105),—но описанія „кибитки“, употребляемой нашими кочевниками въ Сибири или даже въ астраханской губерніи, дѣлались неоднократно даже въ дѣтскихъ книжкахъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ легкій, поверхностный разсказъ очень любопытенъ по новостіи предмета.

Не останавливаемся на другихъ статьяхъ сборника, которыя также заслуживаютъ вниманія, и замѣтимъ вообще, что сборникъ можетъ представить не мало занимательнаго чтенія.—А. П.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аруновъ, П.—Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края. Каз. 92. Стр. 151.

Безобразовъ, П. В.—О современномъ положеніи женщины. Публичная лекція. М. 92. Стр. 36. Ц. 20 к.

— О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. М. 92. Стр. 465. Ц. 2 р.

Бекетовъ, А. Н.—Нравственность и естествознаніе. Спб. 92. Стр. 54. Ц. 35 коп.

Берендтсъ, Э.—Меркантилисты и фискалы въ Швеціи въ XVIII-мъ столѣтіи. Яросл. 92. Стр. 66.

Бершадскій, С. А.—Очерки исторіи философіи права. Вып. 1. Спб. 92. Стр. 266. Ц. 2 р.

Бриксъ, А. А.—Теоретическій курсъ гидравлики и гидравлическихъ двигателей. Спб. 92. Стр. 232.

Ватсонъ, Э. К.—Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ. Съ портретомъ и біографіей автора. Спб. 92. Стр. 486. Ц. 2 р.

Вяземскій, кн. П. А.—Вевейская Рабина, стих. Спб. 92. Стр. 16.

Габистъ, А.—Сила предрасудка. Историч. ром. Т. I и II. Спб. 92 (Сейн. Библиотека, № 27 и 28). Стр. 110 и 616. Ц. по 25 к.

Глазювъ, П. В.—Медоносныя растенія. Спб. 92. Стр. 109.

Гринъ, Дж. Рич.—Исторія англійскаго народа. Т. II: Монархія (1461—1540); Реформація (1540—1603). Перев. съ англ. П. Николаева. М. 92. Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

Gürther, W.—Ein offenes Wort über den Verfall der Landwirthschaft in Gebiete der schwarzen Erde Russlands, mit Vorschlägen zur Besserung und einer Anleitung zur Bearbeitung und Behandlung der schwarzer Erde. Petersb. 92. Стр. 80.

Даневскій, В. П.—Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Вып. 1 и 2. Харьк. 92. Ц. 2 р. 50 к.

Двержонъ, д-ръ І.—О пользѣ пчеловодства. Спб. 92. Стр. 16. Ц. 4 к.

Дебу-д'Этра, д-ръ.—Лекція о водахъ Контрексвиля. Спб. 92. Стр. 16.

Джанишевъ, Гр.—Изъ эпохи великихъ реформъ: Освобожденіе крестьянъ; отиѣна тѣлеснаго наказанія; цензурная реформа; новый судъ и т. д. Историческія справки. 2-е дополн. изд. М. 92. Стр. 299. Ц. 1 р. (въ пользу голодающихъ).

Жуковскій, В. А.—Баллады. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительными статьями. Изд. И. Глазунова. Спб. 92. Стр. 295. Ц. 65 к.

Заломановъ, Н. П.—Зима, холодный парникъ и его значеніе для культуры растеній. Докладъ. М. 92. Стр. 27.

Капнистъ, граф. Ина.—Утренніе лучи. Фантастическіе разсказы. Спб. 92. Стр. 146.

Картевъ, Н. И.—Первые гуманисты. Спб. 92. Стр. 18. Ц. 30 к.

Керъ.—Овраги, ихъ закрѣпленіе, обсыпаніе и запруживаніе. Съ 30-ю рис. Стр. 93. Ц. 75 к.

Клембовскій, В. Н.—Тайныя развѣдки (военное шпіонство). Изд. В. Березовскій. Спб. 92. Стр. 140. Ц. 1 р.

Ковалевская, В. и Леффлеръ, А.—Борьба за счастье. Двѣ параллельныхъ драмы. Перев. съ швед. М. Лучицкой. Кіевъ, 92. Стр. 257. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Н. О.—Публичныя лекціи и рѣчи, съ двумя портретами и таблиц. рисунковъ. Посмертное изданіе. Кав. 92. Стр. 171. Ц. 1 р. 50 к.

Коркуновъ, Н. М.—Общественное значеніе права. Спб. 92. Стр. 20. Ц. 30 к.

Костомаровъ, Н. И.—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Т. II: Господство Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е стол. Изд. 3-е. Спб. 92. Стр. 349. Ц. 1 р. 60 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ).—Собраніе сочиненій. Т. III. Спб. 92. Стр. 484.

Крижъ, В. О.—Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II. М. 92. Ц. 23 к.

Лангстротъ, Л. Л.—Пчела и улей. Пер. п. р. Г. Кондратьева. Съ 123 рис. Спб. 92. Стр. 481. Ц. 2 р. 50 к.

Лютардъ, Хр. Э.—Апология христіанства. Публичныя чтенія. Перев. съ 11-го нѣм. изд., съ приложеніемъ чтеній „о современномъ западѣ въ религіозно-нравственномъ отношеніи“, А. П. Лопухина. Спб. 92. Стр. 988. Ц. 4 р.

Маевскій, П.—Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ цвѣтковыхъ растений. М. 92. Стр. 596. Ц. 4 р. 50 коп.

Малковскій, К.—О наукѣ права въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 92. Стр. 26.

Монтескье.—Персидскія письма. Перев. съ франц. Спб. 92. Стр. 347. Ц. 2 р. 50 к.

Надлеръ, В. К.—Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Т. V. Рига, 92. Стр. 643. Ц. 4 р.

Ostrogorski, М.—La femme au point de vue du droit public. Etude d'histoire et de législation comparée. Ouvrage couronné par la Faculté du droit de Paris. Par. 92. Стр. 98. Ц. 4 фр.

Паевская, А. Н.—Годъ въ Америкѣ. Спб. 92. Стр. 298. Ц. 1 р.

Перцина.—Канарейка, ея разведеніе, уходъ и леченіе болѣзней. Пер. съ нѣм. В. В. Велласкаго. 2-е изд. Спб. 92. Стр. 15. Ц. 10 к.

Randall, С. D.—The fourth international prison congress St. Petersburg, Russia. Washington, 91.

Розенбагъ, П. Я.—О значеніи мозговыхъ болѣзней для психологін. Публ. лекціи. Спб. 92. Стр. 42. Ц. 60 к.

Розенбергера, Ферд.—Очеркъ исторіи физики, съ синхронистическими таблицами по математикѣ, химіи, описательнымъ наукамъ и всеобщей исторіи. Ч. III, вып. 4: Исторія физики въ послѣднее столѣтіе. Пер. съ нѣм. п. р. И. М. Сѣченова. Спб. 92. Стр. 326.

Скворцовъ, Ир. П.—Въ чемъ сила жизни и всей природы? Рѣчь на актѣ Харьк. унив. Харьк. 92. Стр. 37.

— О воспитаніи родового чувства. Брошюра. М. 92. Стр. 37.

Спиноза, Бенедиктъ.—Этика. Перев. съ лат., п. р. проф. В. И. Модестова. Изд. 2-е. Спб. 92. Стр. 339. Ц. 2 р.

Тимаевъ, Н.—Посохъ христіанина. Сотвореніе міра и первобытныя времена человѣчества. Спб. 92. Стр. 259. Ц. 1 р. 20 к.

Трусевичъ, Хр.—По вопросу о дворянскомъ сельско-хозяиственномъ кредитѣ. Спб. 92. Стр. 16.

Фидлеръ, Н.—Мѣры для предупрежденія гибельныхъ послѣдствій отъ неурожая. М. 92. Стр. 16. Ц. 20 к.

Филитовъ, А. Н.—Современное воспитаніе дѣтей до-школьнаго возраста. Бритич. этюдъ. М. 92. Стр. 104. Ц. 60 к.

Флоріановъ, Е. Л.—Стихотворенія. Красноярскъ, 92. Стр. 122. Ц. 80 к.

Фонъ-Визинъ, Д. И.—Избранныя сочиненія. Изд. И. Глазунова. Спб. 92. Стр. 159. Ц. 50 к.

Фортуатовъ, А.—Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи, по даннымъ земской статистики. Т. I: Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства.—В. В.: Крестьянская община. М. 92. Стр. 600. Ц. 3 р. 50 к.

Хмельницкій, И.—Новые законы, изданныя въ періодъ времени съ 1889—1891 г. по гражданскому праву и процессу. 2-е изд. Од. 92. Стр. 80. Ц. 60 к.

Чернышевскаго, М. Н. изданіе: „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы“ („Современникъ“ 1855—56 гг.) Спб. 92. Стр. 336. Ц. 2 р.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Старая Водвиженка. Спб. 92. Стр. 27.

Шляпошниковъ, М. С.—Руководство для больных, отправляющихся на минеральныя воды, морскія купанья, грязи, климатическія станціи, виноградъ и кумысъ. Харьк. 92. Стр. 88. Ц. 50 к.

— Библиотека Пчеловода. Сборникъ статей по пчеловодству, № 20. М. 92. Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к.

— Дешеваѣ Библиотека: № 164. Плутархъ, Сравнительныя жизнеописанія. № 222. Корнель, Сидъ. Спб. 92. Ц. 15 к. и 12 к.

— Голодному на хлѣбъ. 1892. Альбомъ автографовъ. Русская Жизнь. Спб. 92. Стр. 40. Ц. 25 к.

— Киевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, п. р. И. В. Лучицкаго. Киевъ, 92. Стр. 433. Ц. 2 р. 50 к.

— Костромское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ. Костр. 92. Стр. 58.

— Листопадъ. Неповременное изданіе. М. 91. Стр. 150.

— Литература земельного кредита. Библиографическій указатель сочиненій отдѣльно изданныхъ и статей, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Вып. II. Спб. 92. Стр. 7.

— Неурожай и народное бѣдствіе. Спб. 92. Стр. 270. Ц. 2 р.

— Отчетъ о дѣятельности Донскаго Общества сельскаго хозяйства за 1891 г. Новочерк. 92.

— Отчетъ правленія Одесскаго славянскаго общества имени св. Кирилла и Меодія за 1891 г. Од. 92. Стр. 51.

— Программы всероссійской гигиенической выставки въ С.-Петербургѣ, устраиваемой обществомъ охраненія народнаго здравія. Спб. 91.

— Русскій художественный Архивъ. М. 92. Вып. II. Стр. 49—128. Съ 10 таблицами. Ц. за 6 вып. въ годъ 10 руб.

— Русскія картины. Изданіе „Посредника“. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ произведеній русской живописи. Серія 1-я—13 картинъ. М. 92. Ц. 1 р. 30 к.—Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго общества. Т. 78, 79, 80 и 81 (продолженіе 75 т.). Спб. 92. Ц. по 3 р.

— Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 г. Съ приложеніемъ очерка вр. П. Н. Дятроптова: „Рождаемость и смертность въ Одессѣ въ 1890 г.“. Од. 92. Стр. 201.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

La démocratie libérale, par E. Vacherot, de l'Institut. Paris, 1892. Стр. 376. Ц. 3 фр. 50 сантим.

Политическій строй современной Франціи не пользуется симпатіями французскихъ философовъ; онъ осуждается такими выдающимися мыслителями, какъ Тэнъ и Ренанъ. Намъ приходилось уже отчасти указывать на нѣкоторыя общія причины этого факта. Для теоретическаго ума—говорили мы—внѣшнее спокойствіе и порядокъ предпочтительнѣе шумнаго движенія впередъ; для представителей науки будетъ всегда казаться наиболѣе благоприятнымъ такое общественное состояніе, когда миръ и покой господствуютъ въ жизни и въ умахъ;—но для народа и общества далеко не безразлично, происходитъ ли этотъ внутренній миръ вслѣдствіе сознательнаго внутреннего удовлетворенія, или же вслѣдствіе безропотнаго подчиненія внѣшней подавляющей силѣ...

Вашеро также недоволенъ нынѣшней республикою и хочетъ замѣнить ее болѣе надежнымъ либеральнымъ режимомъ; но при этомъ онъ разсчитываетъ не на принудительную силу, а на будущее добровольное согласіе французскаго народа. Онъ былъ республиканцемъ при второй имперіи и подвергся преслѣдованію за напечатаніе книги о „демократіи“. Слово „демократія“ выражало для него вполне ясную и цѣльную программу, въ духѣ принциповъ 1789 года. Присоединеніе къ этому слову какого-нибудь эпитета считалось тогда излишнимъ, такъ какъ истинная демократія могла быть только одна—республиканская. Двадцати-лѣтній опытъ республики убѣдилъ автора въ противномъ. „Я зналъ—говоритъ онъ—демократію императорскую. Я узналъ демократію республиканскую. Это заставляетъ меня желать третьей демократіи, которая будетъ либеральною. Я имѣлъ полное довѣріе къ республиканскому государству и удѣлялъ ему слишкомъ много мѣста въ ущербъ свободѣ; теперь я признаю за обществомъ всю принадлежащую ему роль и оставляю за государствомъ только тѣ функціи и полномочія, которыя безусловно необходимы для выполненія его задачи“.

Къ удивленію читателя, „либеральная демократія“ академика Ва-

шерб должна означать не что иное, какъ господство графа Парижскаго, возстановленнаго на королевскомъ престолѣ. Подъ видомъ либеральной демократіи предлагается умѣренная монархія, какъ будто послѣдняя нуждается въ подобной маскѣ и не имѣетъ своей собственной, достаточно опредѣленной физиономіи. Авторъ не вдается въ полемику, а старается „спокойно разсмотрѣть вопросы, требующіе разрѣшенія, въ смыслѣ истинной охраны социальныхъ интересовъ“. Онъ называетъ свою книгу „политическимъ завѣщаніемъ“; въ ней онъ изложилъ „свои послѣднія мысли, безъ всякой примѣси безплодныхъ нареканій“. Республика есть только владычество партіи, не дающее правительству ни прочности, ни самостоятельности, ни постоянства. „Можно ли требовать твердаго и послѣдовательнаго политическаго направленія отъ министровъ, вынужденныхъ непрерывно искать поддержки и указаній въ различныхъ группахъ парламентскаго большинства? Все то, что можетъ нарушить искусственное согласіе среди этихъ группъ, тщательно устраняется или откладывается по возможности въ долгій ящикъ. „Вышняя политика, которая когда-то увлекала ораторовъ парламента и полемистовъ ежедневной печати, оставляетъ политическій міръ вполне безучастнымъ. Надо было видѣть, какъ въ хорошіе дни парламентской монархіи публика воодушевлялась и готова была броситься къ оружію при малѣйшемъ инцидентѣ иностранной политики, гдѣ казалась затронутою честь Франціи“.

Теперь не видно такихъ „возвышенныхъ“ увлеченій, опасныхъ для вышняго мира, и это огорчаетъ стараго ученаго философа и академика Этьенна Вашерб. Парламентскія партіи и политическіе дѣятели заботятся исключительно о желаніяхъ и интересахъ избирателей. „Въ правительствѣ, лишенномъ принциповъ и страстей политическихъ и поддерживаемомъ только постоянными уступками и компромиссами, нѣтъ уже ни традицій, ни руководящихъ идей, ни послѣдовательности, ни рѣшительности“. Въ экономическихъ и социальныхъ вопросахъ парламентъ и министры всецѣло подчиняются избирательнымъ соображеніямъ, т.-е. авторитету всеобщаго народнаго голосованія. Почему покровительственная система является столь могущественною и нетерпимою? Потому что она составляетъ вопросъ жизни или смерти для представителей сельскихъ округовъ въ палатѣ. Почему социализмъ пріобрѣтаетъ все болѣе приверженцевъ въ парламентскихъ сферахъ? Потому что онъ также касается интересовъ избирателей. Эта политика ведетъ страну къ національному отчужденію, вслѣдствіе тарифной войны, и къ государственному социализму, вслѣдствіе парламентскаго вмѣшательства въ социальные вопросы. Авторъ съ видимымъ пренебреженіемъ относится къ избирательнымъ массамъ, дающимъ тонъ республикѣ, и въ то же время допускаетъ

возможность искусственной организаціи избирательнаго успѣха той или другой партіи, по желанію и идеямъ одного какого-нибудь энергическаго министра. Печатаая свою книгу, онъ вѣрилъ еще въ звѣзду Констанана, побѣдителя буланжизма, и вопреки своимъ собственнымъ разсужденіямъ о республикѣ, онъ не только приписываетъ этому политическому дѣятелю прочную самостоятельную силу и стойкость, но еще называетъ его не иначе какъ „великимъ избирателемъ“ (le grand-électeur). Ученый философъ построилъ слишкомъ много выводовъ на предполагаемой долговѣчности министерскаго владычества Констанана, и эта часть его аргументаціи можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что философскія познанія не даютъ еще ни политическаго чутья, ни правильнаго пониманія дѣйствительности. Но если стать на точку зрѣнія автора и допустить превращеніе какого-нибудь министра въ „великаго избирателя“, т.-е. въ организатора и руководителя того избирательнаго движенія, на которомъ все держится въ республикѣ, то сами собою отпадаютъ главные обвинительные пункты противъ этого режима—пассивное подчиненіе избирателямъ, отсутствіе направляющей воли и единства; все дѣло, значить, въ появленіи энергическихъ лицъ во главѣ администраціи, а вовсе не въ коренной пережѣнѣ правительства.

Вашеро находитъ, что республика не можетъ держаться долго, въ виду присущихъ ей недостатковъ, и Франція будетъ избавлена отъ всѣхъ своихъ бѣдъ графомъ Парижскимъ, проведеннымъ многіе годы вдали отъ отечества. „Я не имѣю чести — говоритъ авторъ — быть довѣреннымъ лицомъ графа Парижскаго; я не имѣю права давать ему совѣты, въ которыхъ онъ, впрочемъ, совершенно не нуждается. Вопросы дипломатическіе, политическіе, социальныя, религіозныя, экономическіе, промышленныя,—все это изучено имъ до основанія, такъ что онъ можетъ выработать себѣ практическія рѣшенія по всѣмъ проблемамъ внѣшней и внутренней политики. Онъ знаетъ, какое направленіе нужно будетъ дать государственнымъ дѣламъ внутри и извнѣ, при положеніи, созданномъ событіями для нашей великой и несчастной (?) націи. Онъ знаетъ всѣ реформы, какія нужно совершить въ странѣ, которую онъ призванъ управлять. Все, чтб я могу сказать,—это то, что онъ осуществитъ эти реформы въ духѣ столь же либеральномъ, какъ и консервативномъ“.

Программа эта была бы, конечно, очень хороша, еслибы большинство французскаго народа прониклось вдругъ неодолимымъ влеченіемъ къ графу Парижскому и еслибы послѣдній былъ гениальнымъ государственнымъ человѣкомъ, способнымъ дѣлать чудеса въ политикѣ и въ общественной жизни народовъ. Но до сихъ поръ французская нація не обнаруживала особеннаго интереса къ личности и

достоинствамъ графа Парижскаго, который вообще никогда не пользовался популярностью; онъ не выказалъ также особеннаго искусства и дальновидности въ руководствѣ монархическою партіею, которую онъ едва не завлекъ въ сѣти буланжизма. Французы могутъ увлечься кѣмъ угодно, при извѣстныхъ условіяхъ; они могутъ послѣдовать за какимъ-нибудь талантливымъ или смѣлымъ ораторомъ, въ родѣ Гамбетты, или за популярнымъ и интереснымъ генераломъ, въ родѣ Буланже; но чтобы предметомъ увлеченія сдѣлался графъ Парижскій, проживающій въ мирномъ бездѣйствіи за границею и не имѣющій за собою ни блестящихъ заслугъ или качествъ, ни популярности, — это столь же невѣроятно, какъ внезапное отреченіе французовъ отъ основныхъ свойствъ національнаго своего характера, на что также рассчитываетъ Вашеро. Между тѣмъ все положительное содержаніе книги основано на этихъ двухъ фантастическихъ гипотезахъ, которыя кажутся автору осуществимыми въ будущемъ.

Отмѣтимъ еще, что почтенный философъ и академикъ отличается крайней воинственностью и горячо вѣруетъ въ будущее кровавое торжество Франціи надъ Германіею; при этомъ онъ серьезѣйшимъ образомъ взвѣшиваетъ совершенно немыслимыя политическія комбинаціи, какъ, напримѣръ, вмѣшательство Европы въ пользу „справедливаго“ рѣшенія вопроса въ Эльзасѣ и Лотарингіи, устройство международнаго конгресса для этой цѣли, отдѣленіе Италіи и Австро-Венгріи отъ Германіи усиліями французской дипломатіи и т. п. Подобныя идеи и надежды, излагаемыя философомъ и академикомъ, доказываютъ какъ нельзя яснѣе, что старыя воинственныя иллюзіи крѣпко держатся во Франціи, не смотря на всѣ испытанія недалекаго прошлаго.

II.

Calouste S. Gulbenkian. La Transcaucasie et la péninsule d'Archéron. Souvenirs de voyage. Paris, 1891. Стр. 324. Ц. 3 фр. 50 сантим.

Путевыя замѣтки и очерки г. Гюльбенкиана заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ фактическихъ свѣденій, касающихся нѣкоторыхъ областей Кавказа и особенно центровъ нашей нефтяной промышленности. Авторъ довольно живо передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ пребыванія въ Мингреліи, Имеретіи и Георгіи, въ Тифлисѣ, Баку и Батумѣ. При характеристикѣ нравовъ и людей онъ проявляетъ не только сдержанность, но даже видимое сочувствіе, которое особенно внушается и поддерживается въ немъ роскошною обстановкою кавказской природы. — Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1892 г.

Новый видъ „откровеннаго направленія“.—Проповѣдники „казенности“ и „подчиненности“.—Борьба противъ „формъ“, ограничивающихъ „усмотрѣніе“.—Вѣсти изъ угрожайныхъ мѣстностей.—Графиня Ел. В. Сальясъ †.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ существуетъ вѣчто похожее на политическую печать, различные органы ея естественно группировались по *направленіямъ*, т.-е. по главнымъ теченіямъ общественной мысли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ направленіямъ въ старомъ, нормальномъ смыслѣ этого слова присоединилось—по крайней мѣрѣ, въ условномъ языкѣ самой прессы—новое, такъ-называемое *откровенное* направленіе. Здѣсь, очевидно, *contradictio in adjecto*; всякое направленіе заявляетъ себя съ тою откровенностью, которую допускаютъ внѣшнія условія, и ни одно изъ нихъ не можетъ, собственно говоря, именоваться „откровеннымъ“ въ отличіе отъ другихъ. И дѣйствительно, подъ „откровеннымъ направленіемъ“ разумѣлось, въ сущности, *отсутствіе направленія*, едва скрываемое или даже беззастѣнчиво аффишируемое. Встрѣчались попытки возвести его въ систему; еще больше было случаевъ, когда оно водворялось потихоньку, безъ трубныхъ звуковъ, какъ простѣйшій и наилучшій способъ приспособленія къ житейскимъ требованіямъ. Мы присутствуемъ теперь при торжествѣ „откровеннаго направленія“ иного рода. Не отрѣшаясь отъ одного изъ „направленческихъ“ знаменъ, оно отрѣшается отъ всякой мѣры въ своемъ усердіи и признается, не обинуясь, въ томъ, что обыкновенно прикрашиваютъ, умалчиваютъ или отрицаютъ. Наиболее типичнымъ представителемъ этого направленія считается обыкновенно „Гражданинъ“; но въ послѣднее время петербургской „откровенности“ не уступаетъ и московская. Крайнимъ ея выраженіемъ является недавняя передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 103), вызванная извѣстнымъ инцидентомъ въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Нашимъ читателямъ, вѣроятно, памятны еще слова гласнаго Шомпулева, приведенныя нами въ предыдущей хроникѣ. „Земство,—воскликнулъ этотъ „откровенный“ земецъ,—теперь учрежденіе казенное, подчиненное губернатору. Идти противъ прямого начальства—неудобно и неловко. Мы теперь чиновники, обязаны подчиняться начальству.

Что же вы хотите достичь вашей жалобой? Чтобы намъ наклеили вѣсть?" Мы назвали эти слова „простодушнымъ выраженіемъ взгляда, у котораго мало явныхъ, но много тайныхъ сторонниковъ“,—взгляда, которому суждено, повидимому, „витать незримо во многихъ земскихъ собраніяхъ новаго состава“. Московская газета спѣшитъ занять выдающееся мѣсто между *явными сторонниками* моднаго ученія. Если оно возбуждаетъ наше „негодование“, то это, въ глазахъ „Московскихъ Вѣдомостей“—лучшій признакъ его правильности. Слова, выставленная нами „на позоръ“ и возмущающія нашу „либеральную душу“, наполняютъ „радостью“ сердца московскихъ реакціонеровъ. Отъ правильнаго развитія „духа“, усвоеннаго г. Шомпулевымъ, „зависятъ будущіе успѣхи нашего мѣстнаго управленія“ (хорошо, по крайней мѣрѣ, что здѣсь не употреблено всуе слово: *самоуправленіе*). *Земство* (земство и г. Шомпулевъ—это, значитъ, одно и тоже?) „понимаетъ, что оно имѣетъ смыслъ только какъ органъ правительственной дѣятельности, какъ учрежденіе не менѣе *казенное*, чѣмъ прочіе органы императорскаго правительства“.

Посмотримъ поближе, что означаютъ всѣ эти по истинѣ откровенныя заявленія. Напоминаая о „казенномъ“ характерѣ преобразованнаго земства, о подчиненности „чиновниковъ“—гласныхъ, г. Шомпулевъ хотѣлъ доказать бесполезность и неприличіе жалобы на губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствіе, равносильной, въ сущности, жалобѣ на губернатора ¹⁾. Съ точки зрѣнія саратовскаго гласнаго, одобряемой и раздѣляемой „Московскими Вѣдомостями“, губернаторъ является, слѣдовательно, чѣмъ-то въ родѣ папы, непогрѣшимаго въ своей официальной дѣятельности. *Roma locuta est*—остается только молчать, повиноваться и преклоняться. Такимъ ли, однако, должно быть даже отношеніе несомнѣнныхъ чиновниковъ къ несомнѣнному ихъ начальству? Вотъ что предписывалъ Петръ Великій, слишкомъ полтора вѣка тому назадъ (20-го января 1724 г.), „всѣмъ подчиненнымъ, какъ въ сенатѣ и синодѣ, такъ и во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ государства“ (20-го января 1724 г.): „ежели что противно указу, того отнюдь не дѣлать, но долженъ командиру своему тайно объявить, что то противно указамъ, и если не послушаетъ, то *протестовать* и доносить высшему надъ тѣмъ командиromъ, а ежели и въ томъ такожь увидитъ противность, то генераль-прокурору, или, въ небытность его, оберъ-прокурору; а ежели въ

¹⁾ Губернскаго присутствіе уважило протестъ губернатора на одно изъ постановленій земскаго собранія; жаловаться на присутствіе—значило доказывать неправильность губернаторскаго протеста.

нихъ усмотрить противность, то доносить его величеству, но чтобъ была самая истина". Этотъ Петровскій взглядъ не остался безъ вліянія на все позднѣйшее законодательство. И въ основныхъ законахъ, и въ учрежденіи министерствъ, и въ губернскихъ учрежденіяхъ до сихъ поръ есть статьи, запрещающія исполненіе противозаконныхъ указовъ и предписаній. Въ старомъ сенатѣ оберъ-секретарь имѣлъ и имѣеть право отказаться отъ скрѣпы опредѣленія, признаваемого имъ незаконнымъ, и представить о томъ оберъ-прокурору или министру юстиціи (учр. прав. сен. ст. 367). Аналогичное право принадлежитъ, на основаніи учрежденія министерствъ (ст. 307), начальнику отдѣленія. Конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ эти постановленія оставались и остаются мертвой буквой, потому что они шли и идутъ въ разрѣзъ съ общимъ складомъ нашей государственной жизни и нашихъ бюрократическихъ нравовъ; но если не велико ихъ практическое значеніе, то тѣмъ выше ихъ внутренняя цѣнность. Они хранятъ въ себѣ отпечатокъ идеала, носившагося передъ глазами величайшаго изъ нашихъ законодателей; они показываютъ, что съ *теоріи* даже нашъ русскій чиновникъ никогда не считался слѣпымъ, безгласнымъ исполнителемъ начальственныхъ произволеній. Когда вице-мундиръ оказывался, случайно, на плечахъ такого чело-вѣка, какъ И. С. Аксаковъ, онъ не мѣшалъ ему сохранять извѣстную долю самостоятельности не только въ сенатѣ (извѣстенъ случай протеста, заявленнаго будущимъ редакторомъ „Руси“ противъ одного вопіющаго сенатскаго рѣшенія), но и при исполненіи административныхъ порученій. Правда, И. С. Аксаковъ недолго и несъ на себѣ тяжесть государственной службы; но вѣдь нужно вспомнить, какое тогда было время! Когда обстоятельства сдѣлались нѣсколько болѣе благоприятными, больше стало и число лицъ, умѣвшихъ соединить вѣрность служебному долгу съ вѣрностью убѣжденіямъ, съ уваженіемъ къ собственному достоинству. Теорія безпрекословнаго повиновенія (*perinde ac cadaver*), наивно провозглашаемая саратовскимъ земцемъ и уже вовсе не наивно поддерживаемая московской газетой, угрожаетъ нашему чиновничеству такимъ нравственнымъ паденіемъ, какого не видѣли даже самыя печальныя времена нашей исторіи. Но тогда раболѣпство носилось въ воздухѣ и сохраняло, до нѣкоторой степени, патріархальный, простодушный характеръ; теперь оно представлялось бы, сплошь и рядомъ, сознательной сдѣлкой съ совѣстью, продажей своего права за усовершенствованную чечевичную похлебку.

Мы говорили, до сихъ поръ, о *чиновникахъ*; но чиновниками ли являются, даже при дѣйствіи новаго земскаго положенія, гласные земскихъ собраній? Безъ сомнѣнія — нѣтъ. Измышленіе г. Шомпу-

лева, восторженно подхваченное „Московскими Вѣдомостями“, не имѣетъ никакихъ корней ни въ текстъ, ни въ духъ закона. Состоящии на государственной службѣ считаются *только* предсѣдатели и члены земскихъ управъ. Положеніе земскихъ собраній, какъ бы глубока ни была происшедшая въ немъ перемѣна, все-таки отнюдь нельзя считать *подчиненнымъ*. Никто не даетъ земскимъ собраніямъ предписаній, обязательныхъ къ исполненію; никто не мѣшаетъ имъ постановлять то или другое рѣшеніе, руководствуясь только собственнымъ убѣжденіемъ. Изъ того, что судебная палата въ правѣ *отмѣнить* приговоръ окружного суда, никогда еще не выводилось заключеніе, что она въ правѣ *диктовать* суду, навязывать ему свои взгляды и предрѣшать его образъ дѣйствій. А между тѣмъ полномочія губернатора—или даже министра—по отношенію къ земскимъ собраніямъ гораздо болѣе ограниченны, чѣмъ полномочія палаты по отношенію къ окружному суду. Отмѣнить постановленіе земскаго собранія (не принадлежащее къ числу тѣхъ, которыя требуютъ предварительнаго административнаго утвержденія) можетъ только губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе—если постановленіе признается несогласнымъ съ закономъ, и государственный совѣтъ или комитетъ министровъ—если оно признается несогласнымъ съ общегосударственными или мѣстными интересами. На опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія земское собраніе можетъ принести жалобу прав. сенату. Не ясно ли, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отношеніями совершенно особаго рода, исключаящими всякую мысль о пассивномъ повиновеніи, объ обязательной покорности, о „начальствѣ“ и „подчиненныхъ“? Что это за начальство, которое ничего не въ правѣ приказать; что это за подчиненные, которые могутъ настаивать на своемъ, путемъ жалобы въ высшее, независимое учрежденіе? Признавъ себя „казеннымъ“ и „подчиненнымъ“, земство перестало бы быть земствомъ; оно сдѣлалось бы зауряднымъ „присутственнымъ мѣстомъ“, отличаясь отъ другихъ только тѣмъ, что оно *добровольно* отказалось бы отъ своихъ полномочій и выдало бы са-мому себѣ безнадежнѣйшее *testimonium paupertatis*. Именно этого требовалъ отъ саратовскихъ гласныхъ г. Шомпулевъ. Громадное большинство саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія не достигло еще, къ счастью, той степени „пониманія“, за которую „Московскія Вѣдомости“ черезъ-чуръ спѣшатъ похвалить реформированное земство; оно не убоилось „наклейки носа“, которою грозилъ ему г. Шомпулевъ—и высказалось за подачу жалобы на постановленіе губернскаго присутствія.

Толкуя законъ вопреки его ясному, несомнѣнному смыслу, рас-

пространяя, „наперекоръ уму, наперекоръ стихіямъ“, сферу казенныхъ и подчиненныхъ учрежденій, проповѣдая подчиненнымъ такую податливость и безсловесность, какой, *съ принципомъ*, нигде не знало наше законодательство, Московскія Вѣдомости“ остаются вѣрными только одному: своимъ симпатіямъ и вкусамъ, влекущимъ ихъ въ сторону обезличенія и обезцвѣченія. Имъ ненавистны всѣ, осмѣливающіеся думать и дѣйствовать не по предписанному шаблону; имъ противно все разнородное и разноцвѣтное, все неподдающееся приведенію къ одному знаменателю, все *по-своему* вѣрующее, чувствующее и говорящее, все мѣшающее полному—и мертвенному—однообразію картины. Иновѣрцы и инородцы, приверженцы самоуправленія и противники самоуправства, защитники законности и враги произвола, убѣжденные земцы и независимые судьи, либералы и народники, короче—всѣ „несогласно мыслящіе“: вотъ тѣ „роды людей“, которымъ московской реакціонной печати хотѣлось бы отказать въ самомъ правѣ на существованіе. Ей мало вѣршихъ стѣсненій и ограниченій; ей хотѣлось бы, чтобы всякій самъ себя ограничивалъ и стѣснялъ, самъ налагалъ на себя спасительныя путы. Чрезвычайно рельефное выраженіе этого стремленія мы нашли на-дняхъ въ одномъ разсказѣ, напечатанномъ въ фельетонѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 98). Самъ по себѣ разсказъ совершенно ничтоженъ, но авторъ его обмолвился слѣдующими знаменательными словами: „отказать жегѣ въ ея желаніи—это для нормальнаго современнаго мужа такъ же естественно, какъ не заплатитъ долга, не обезпеченнаго закладной, или прочтеть лекторафированную книгу, запрещенную къ печати цензурой“. Итакъ, кто прочелъ „Крейцерову сонату“ раньше допущенія ея къ печати или ознакомился съ однимъ изъ запрещенныхъ и теперь сочиненій гр. Л. Толстого, тотъ уподобился недобросовѣстному должнику, уклоняющемуся отъ уплаты безспорнаго долга?.. Сравненіе по истинѣ удивительное—и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма характерное. Взрослые люди, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, должны быть пай-мальчиками, чуралющимися нецензурной книжки, какъ благовоспитанныя дѣти не трогаютъ, даже въ отсутствіе родителей или воспитателей, запретныхъ лакомствъ.

Какъ заразительны дувоненія, идущія отъ подобной прессы—этому мы видѣли недавно печальный примѣръ въ засѣданіи петербургской городской Думы. Мѣсяца два тому назадъ петербургская Дума выразила свое неодобреніе или сожалѣніе тѣмъ членамъ городской управы, которые участвовали въ распоряженіяхъ по приобрѣтенію злосчастной Пухертовской муки. Можно держаться различныхъ мнѣній о желательныхъ и естественныхъ результатахъ такого постановленія, но нельзя выводить изъ него ни юридической обязанности

членовъ городской управы сложить съ себя это званіе, ни, тѣмъ менѣе, нравственную обязанность или хотя бы нравственное право Думы ходатайствовать о понужденіи ихъ къ тому путемъ, лежащимъ внѣ закона. Между тѣмъ именно такое предложеніе было сдѣлано, 15-го апрѣля, нѣкоторыми гласными Думы. Въ лѣтописяхъ нашего земскаго и городского самоуправленія бывали случаи экстраординарнаго удаленія выборныхъ должностныхъ лицъ—но никогда еще его инициатива не принадлежала самимъ общественнымъ учрежденіямъ или отдѣльнымъ ихъ членамъ. Во что обратилось бы завѣдываніе общественными дѣлами, еслибы сами общественные дѣятели стали ежедневно ходатайствовать о постороннемъ вмѣшательствѣ, прокладывать пути къ уклоненію отъ закона! Въ данномъ случаѣ призывъ административной кары представлялся тѣмъ болѣе страннымъ, что не закончено еще оффиціальное разслѣдованіе дѣйствій городской управы. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе высказалось, сколько намъ извѣстно, по этому дѣлу, но высшая инстанція, куда оно можетъ быть перенесено, еще не сказала послѣдняго своего слова. Одно изъ двухъ: или кто-либо изъ членовъ управы будетъ привлеченъ къ отвѣтственности—и тогда, при извѣстной серьезности обвиненія, обвиняемые во всякомъ случаѣ были бы временно устранены отъ должности; или же поводовъ къ преслѣдованію не окажется вовсе—и тогда административная кара будетъ не чѣмъ инымъ, какъ явною несправедливостью. Безспорно, могутъ быть случаи, когда выборный дѣятель, ни въ чемъ *по закону* не виновный, теряетъ всякое право на довѣріе избирателей; но при отсутствіи правила, разрѣшающаго досрочные выборы, это можетъ выразиться только однимъ—неизбраніемъ на слѣдующій срокъ. Для петербургской Думы, какъ и для всѣхъ другихъ, близокъ переходъ къ новому порядку: съ измѣненіемъ Городового Положенія измѣнится, по всей вѣроятности, и весь составъ городскихъ исполнительныхъ учреждений. Неужели нельзя спокойно подождать наступленія этого момента?.. Когда борьба противъ лицъ доходитъ даже до подкапыванія подъ порядокъ, охраненіе котораго—первая обязанность общественнаго учрежденія, она терчетъ всякое оправданіе. *La forme*, въ этихъ случаяхъ, *emporte le fond*; нападеніе, даже самое правильное по существу, становится неправильнымъ въ силу средствъ, въ которыхъ оно прибѣгаетъ... Упомянутое предложеніе, негодующимъ свидѣтелемъ котораго была петербургская Дума, въ другое время было бы немислимо... Чтобы оно могло появиться на свѣтъ, нужно именно то жестокое извращеніе понятій въ умахъ, то пренебреженіе къ справедливости и закону, надъ распространеніемъ которыхъ такъ усердно трудится извѣстнаго рода пресса.

Тѣ же самыя вѣянія, которыя отразились съ одной стороны въ словахъ г. Шоппуева, подхваченныхъ „Московскими Вѣдомостями“, съ другой—въ недавнемъ петербургскомъ инцидентѣ, проявляются и въ дворянскихъ „проектахъ“, образцомъ которыхъ можетъ служить записка крапивенскаго уѣзднаго предводителя дворянства, доложенная послѣднему тульскому дворянскому собранію. Эта записка ¹⁾, исходя изъ того, что въ лицѣ земскихъ начальниковъ на дворянство возложено „охраненіе общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“, рѣшительно протестуетъ противъ „примѣненія къ судебной дѣятельности земскихъ начальниковъ формальностей судопроизводства“. Предводитель негодуетъ, что рѣшенія волостныхъ судовъ, основанныя на „практическомъ умѣ и здоровомъ смыслѣ“, отменяются въ уѣздномъ сѣздѣ или въ губернскомъ присутствіи, по заключеніямъ прокуратуры. Ему не нравится и то, что губернское присутствіе обязываетъ земскихъ начальниковъ составлять протоколы о всѣхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ ими, въ дисциплинарномъ порядкѣ, на должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія: это „можетъ быть истолковано народомъ въ смыслѣ недовѣрія къ земскимъ начальникамъ“. „Протестъ противъ *бумажнаго формализма!*“—прекрасно замѣчаютъ по этому поводу „С.-Петербургскія Вѣдомости“—„не правда ли, какъ радикально? Но подкладка-то этого радикализма новѣйшаго типа въ томъ, чтобы обратить участки земскихъ начальниковъ въ нѣчто подобное ихъ личнымъ родовымъ помѣстьямъ, гдѣ бы можно было самовластно и безконтрольно распоряжаться всѣмъ. Такъ понимаютъ нѣкоторые *охраненіе благочинія, порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ*. Въ противномъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, реформа 12-го іюля 1889 г. *не оправдываетъ (?) тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагали*. Мало ли какія у кого бывають надежды; но гдѣ же тотъ законъ, въ силу котораго земскіе начальники могли бы хозяйничать въ своихъ участкахъ какъ вздумается, получая еще при этомъ и опредѣленное жалованье, и чины, и ордена, и пенсіи? Какая удивительная идиллія для конца XIX вѣка! Даже предкамъ нашимъ, въ концѣ XVIII вѣка, во время расцвѣта крѣпостничества, не могло пригрезиться ничего подобнаго. Такъ великъ, значить, прогрессъ...“ Когда такимъ тономъ говоритъ газета несомнѣнно консервативная, не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ тому, что начинаютъ раскрываться глаза даже у самыхъ благодушныхъ оптимистовъ?

А между тѣмъ предложенія, клонящіяся къ увеличенію и обо-

¹⁾ Мы заимствуемъ содержаніе ея изъ № 90 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

стренію произвола, продолжаютъ сыпаться какъ изъ рога изобилія. Усердіе газетныхъ добровольцевъ не удовлетворяется даже такими мѣрами, какъ рекомендуемое г. черниговскимъ губернаторомъ удаленіе „крикуновъ“ изъ состава сельскихъ сходовъ (см. нашу предъидущую хронику). Въ циркулярѣ губернатора нѣтъ прямого уклоненія съ законной почвы; онъ совѣтуетъ земскимъ начальникамъ „очищать“ сходъ съ помощью самого схода, путемъ формально составленныхъ и утвержденныхъ общественныхъ приговоровъ. Вотъ эта-то формальность и не нравится ревнителямъ быстроты и натиска. Добиться общественнаго приговора не всегда легко: сходъ можетъ не состояться, можетъ высказаться за удаленіе „крикуна“ ненадлежащимъ большинствомъ голосовъ, можетъ, наконецъ, вовсе отказать въ удаленіи. Гораздо проще предоставить судьбу „вредныхъ крикуновъ“ усмотрѣнію земскаго начальника—и за это „простое“ рѣшеніе стоитъ горой г. Преображенскій, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Не бѣда, если удаленію будутъ подлежать только крестьяне „штрафованные“, т.-е. наказанные по судебному приговору: стоитъ только захотѣть—и это условіе будетъ на-лицо. „Земскій начальникъ,—говоритъ г. Преображенскій,—можетъ или самъ наказать такихъ лицъ—а для этого онъ всегда найдетъ (?) массу случаевъ, или передать дѣло на разсмотрѣніе волостного суда“. Фактически сотрудникъ московской газеты совершенно правъ; *случай*, т.-е. поводъ или предлогъ къ наказанію, всегда найдется, когда заранѣе рѣшено, что онъ *долженъ* найтись. До чего, при такой системѣ, унижается судебная процедура, чѣмъ становится судья, во что обращается наказаніе—это для московской газеты безразлично; ей нужна только „властная рука“, ничѣмъ не связанная въ своихъ движеніяхъ...

Какъ ошибочна мысль, что всего можно достигнуть одними приказаніями и наказаніями—объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, интересная корреспонденція изъ ардатовскаго уѣзда, напечатанная въ „Волгарѣ“ и перепечатанная въ № 102 „Московскихъ Вѣдомостей“. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ результатовъ дѣятельности земскихъ начальниковъ выставлялось, какъ извѣстно, прекращеніе пьянства на сельскихъ сходахъ, искорененіе обычая „магарычей“ или „вспрыскиванія“ общественныхъ сдѣлокъ. Оказывается, однако, что „магарычи“ по прежнему процвѣтаютъ, но распиваются въ кабакахъ, куда крестьяне отправляются прямо со схода. Конечно, корреспондентъ говоритъ только объ одной мѣстности, хорошо ему извѣстной; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что она не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Давнишній обычай живучъ, упрямъ и не легко уступаетъ запрещеніямъ, даже строжайшимъ. Если система

„магарычей“ распространена, въ самыхъ различныхъ формахъ и подъ различными наименованіями, по лицу всей Россіи, если она господствуетъ далеко не въ одной лишь крестьянской средѣ, то положить ей конецъ можетъ только перевоспитаніе народа. Съ наиболѣе рѣзкими ея проявленіями слѣдуетъ, конечно, бороться и путемъ административныхъ распоряженій; не нужно только черезъ-чуръ на нихъ полагаться и нагромождать ихъ другъ на друга, прибавляя къ одной неудавшейся мѣрѣ цѣлый рядъ другихъ, usque ad infinitum. Прочитывая корреспонденцію „Волгара“, „Московскія Вѣдомости“ прибавляютъ отъ себя: „это заслуживаетъ вниманія гг. земскихъ начальниковъ“. Другими словами, земскіе начальники должны каждый разъ производить изслѣдованіе, кто и по какому поводу угощаетъ крестьянъ въ кабакахъ?.. Не думаемъ, чтобы это привело къ желанной цѣли: при раскинутости нашихъ деревень, при громадности нашихъ разстояній, даже самому Аргусу не удалось бы увидѣть все, что дѣлается въ четырехъ стѣнахъ, и услышать все, что говорится при закрытыхъ дверяхъ. Доведенное дальше известной черты, наблюденіе не могло бы обойтись безъ наушничества—и рядомъ съ старымъ зломъ получило бы новое, чуть ли не худшее.

Въ печати все еще не замолкли отголоски саратовской земско-врачебной эпопеи. Земскіе врачи, съ точки зрѣнія реакціонныхъ газетъ—это „бунтовщики“, для которыхъ не должно найтись мѣста ни въ одномъ русскомъ земствѣ (*à bon entendeur, salut*); бывшіе члены саратовскаго санитарнаго совѣта—это столпы „анархическихъ порядковъ“; новый предсѣдатель саратовской уѣздной земской управы—это Гераклесъ, сокрушившій многоглавую гидру анархіи. Въ саратовскомъ уѣздѣ,—читаемъ мы въ саратовской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 103)—„при старомъ земствѣ и *прежнемъ губернскомъ начальствѣ* возникли *престранные порядки*, при которыхъ дѣйствительную силу имѣли не законныя власти, а господствующая партія“. Дальше еще нѣсколько разъ повторяются намеки на близость прежней губернской администраціи къ *партіи* прежнихъ земскихъ воротилъ; есть даже прямое указаніе на переимѣну въ положеніи сторонъ, обусловленную тѣмъ, что губернаторомъ состоитъ уже не генералъ Косичъ. Все это насъ нисколько не удивляетъ; мы знаемъ, что бывший саратовскій губернаторъ давно уже имѣлъ честь навлечь на себя вражду газетъ известнаго пошиба. Насъ интересуетъ здѣсь только признаніе, что губернаторъ *можетъ* принадлежать къ одной изъ губернскихъ „партій“, *можетъ* принимать участіе въ ихъ борьбѣ. Во что же обращается, затѣмъ, известная теорія реакціонной прессы о превосходствѣ *назначенія* передъ *выборомъ*—превосходствѣ, осно-

важномъ именно на неприкосновенности назначенныхъ должностныхъ лицъ къ такъ-называемымъ партійнымъ интересамъ?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ свидѣтельства очевидцевъ о положеніи голодающихъ мѣстностей были необходимы для разъясненія обществу размѣровъ бѣдствія и лучшихъ средствъ помощи бѣдствующимъ; теперь они необходимы какъ напоминаніе, что нужда еще не прошла и пройдетъ еще не такъ скоро. Съ этой точки зрѣнія весьма цѣнны, напримѣръ, впечатлѣнія, вынесенныя Н. К. Михайловскимъ изъ недавней поѣздки въ тульскую губернію („Русскія Вѣдомости“, № 104). Намъ поразили здѣсь, между прочимъ, цифры, съ замѣчательною наглядностью иллюстрирующія тѣсную связь между питаніемъ населенія и его здоровьемъ. Въ деревнѣ Любовшѣ (новосильскаго уѣзда) медицинская помощь въ простѣйшихъ случаяхъ подается, за отдаленностью врача, мѣстной землевладѣлицей (госпожею Бобринцевой-Пушкиной); она ведетъ записи больныхъ, приходящихъ не только изъ самой Любовши, но и изъ окрестныхъ деревень. Въ январѣ мѣсяцѣ изъ Любовши обращалось за помощью 175 больныхъ; 23 января въ этой деревнѣ открыта столовая на 140 человекъ—и въ февралѣ число больныхъ по Любовшѣ упало до 109, а съ 1 по 16 марта ихъ было только 28. Между тѣмъ число больныхъ изъ окрестныхъ деревень (столовыя открыты не повсемѣстно) постоянно растетъ. Въ сентябрѣ всѣхъ больныхъ было 80, въ октябрѣ—103, въ ноябрѣ—182, въ декабрѣ—165 (убыль объясняется ятелями, иѣшавшими приходитъ издалека), въ январѣ—242, въ февралѣ—245, съ 1 по 16 марта—169. Продовольственные ссуды въ новосильскомъ уѣздѣ отличаются иногда какою-то загадочною скудостью: въ нѣкоторыхъ деревняхъ Судбищенской волости онѣ спускаются, напримѣръ, съ 30 до 12, 10 и даже 8 фунтовъ въ мѣсяцъ... Въ виду эпидеміи сыпного тифа, появившейся въ сергачскомъ уѣздѣ (нижегородской губерніи), туда былъ посланъ губернскою земскою управою санитарный отрядъ, во главѣ котораго стоялъ докторъ Граціановъ. Вотъ что онъ пишетъ о причинахъ распространенія эпидеміи: „Организмы обѣдѣвшаго до послѣдней степени населенія, какъ истощеннаго физически и угнетеннаго нравственно, не въ состояніи болѣе сопротивляться поступающей въ нихъ заразы. Въ селѣ Тархановѣ изъ 201 дома 74 не имѣютъ ни лошади, ни коровы; 108 домовъ не имѣютъ лошади, 104 не имѣютъ коровы. Въ селѣ Шарановѣ, въ среднемъ выводѣ, на 1 семью въ 5,3 души приходится 0,6 лошади, 0,4 коровы, 0,3 овецъ и козъ, 0,09 свиней. Бѣднѣйшая часть насе-

ленія, больная и здоровая, питается почти исключительно лебеднымъ, чернымъ какъ уголь хлѣбомъ; количество лебеды въ хлѣбѣ къ концу ссуды доходить до двухъ третей. На 299 семей у шарповцевъ, напримѣръ, имѣютъ настоящій хлѣбъ только четыре семьи. Отъ лебедного хлѣба даже взрослое здоровое населеніе во многихъ случаяхъ приобретаетъ хроническое воспаленіе желудочно-кишечнаго канала". Не мало пройдетъ времени, прежде чѣмъ изгладятся слѣды подобнаго житія впроголодь, подъ гнетомъ болѣзни и страха за завтрашній день—и не мало предстоитъ еще, для достиженія этой цѣли, усилій со стороны правительства, общества и частныхъ лицъ!

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы не успѣли занести печальной утраты, понесенной русскою литературой въ лицѣ графини Елизаветы Васильевны Сальясъ де-Турнемиръ, завоевавшей своему вседониму „Евгеніи Туръ“ такое видное и почетное мѣсто среди русскихъ женщинъ-писательницъ. Мы надѣялись, что ежедневная печать принесетъ много интересныхъ біографическихъ подробностей, посвященныхъ хотя бы послѣднимъ днямъ, болѣзни, кончинѣ, погребенію этой замѣчательной женщины; мы ожидали, что смерть ея вызоветъ хотя бы на первый разъ отрывочныя воспоминанія о той видной роли, которую нѣкогда играла она въ московскомъ литературномъ обществѣ далекихъ отъ насъ теперь пятидесятихъ—и кажуцагося намъ еще болѣе далекимъ временемъ—начала шестидесятихъ годовъ. Мы думали позже подѣлиться съ нашими читателями болѣе богатымъ, хотя бы еще и сырымъ, такъ сказать, матеріаломъ, который обыкновенно приноситъ съ собою смерть человѣка, выдвинушагося впередъ своими способностями и талантомъ; но наши ожиданія не сбылись. Смерть графини Сальясъ не прошла, конечно, вовсе незамѣченной, но она и не возбудила того болѣе сосредоточеннаго вниманія, котораго вполне заслуживала ея плодотворно прожитая жизнь.

Графиня Сальясъ, если мы не ошибаемся, была одною изъ первыхъ русскихъ женщинъ, стяжавшей себѣ почетную извѣстность своею литературною дѣятельностью. Въ концѣ сороковыхъ годовъ стали уже появляться ея первыя беллетристическія произведенія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одна повѣсть слѣдовала за другою, одинъ романъ за другимъ. „Ошибка“, „На рубежѣ“, „Племянница“, „Три поры жизни“, „Заколдованный кругъ“, „Старушка“—возбудили въ то время, при своемъ появленіи, значительный интересъ, да и теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, они далеко не утратили своихъ достоинствъ. Всѣ ея романы и повѣсти изобличаютъ въ авторѣ натуру богато одаренную.

ренную, чуткую къ людскому несчастью, людскимъ страстямъ, душу, писателя вдумчиваго, образованнаго, впечатлительнаго.

Но не одними повѣстями и романами графиня Сальясъ приобрѣла себѣ литературную извѣстность и занесла свое имя на скрижали русской литературы. Обладая серьезнымъ литературнымъ образованиемъ, тонкимъ вкусомъ и артистическимъ чутьемъ, она дала цѣлый рядъ литературныхъ этюдовъ, разбросанныхъ по различнымъ журналамъ и, къ сожалѣнiю, не собранныхъ въ одно цѣлое. „Le vrai, le beau et le bien“—вотъ, въ сущности, что составляло ея литературный лозунгъ.

Начало ея литературной дѣятельности совпало съ тою особенно тяжелою эпохою, которая наступила для русскаго общества и для русской литературы въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Ея направленiе, идеи и убѣжденiя, развившiяся на почвѣ европейской цивилизацiи, не могли, конечно, въ то время найти полнаго простора для своего выраженiя, и только небольшой кружокъ ея литературныхъ друзей, во главѣ которыхъ стояли Грановскiй и Кудрявцевъ, могли оцѣнить, какою чистою любовью ко всему гуманному, справедливому, свободному—полна была ея душа.

Первые лучи свѣта, согрѣвшiе послѣ долгой неподвижности русское общество, преисполненное самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, возлагавшихся тогда на тотъ литературный кружокъ, къ которому принадлежала графиня Сальясъ, вызвали къ жизни „Русскiй Вѣстникъ“, который долженъ былъ нести знамя новаго направленiя русской общественной и государственной жизни. Къ редакцiи „Русскаго Вѣстника“, во главѣ котораго стоялъ конституціоналистъ Катковъ, тѣсно прикнула графиня Сальясъ, принимая самое близкое участiе въ литературномъ отдѣлѣ новаго либеральнаго журнала...

Самостоятельность убѣжденiй, страстность въ защитѣ своихъ идей, естественная литературная гордость побудили ее, послѣ нѣкотораго времени, покинуть редакцiю „Русскаго Вѣстника“ и основать свой собственный журналъ. Недолго просуществовалъ основанный ею еженедѣльный органъ „Русская Рѣчь“, въ который она старалась привлечь новыя нарождавшiяся тогда литературныя силы. Но она не встрѣтила той поддержки, того сочувствiя, на которое въ правѣ была рассчитывать.

Вынужденное прекращенiе основаннаго ею журнала, утрата многихъ друзей, вновь появившiяся черныя „тучки“ на общественномъ горизонтѣ—тягостно отразились на пылкомъ и благородномъ характерѣ графини Сальясъ и внушили ей рѣшимость покинуть на нѣкоторое время столь любимую ею Москву. Она уѣхала за границу и по-

селилась въ Парижѣ. Родная литература не сдѣлалась, однако, ей на чужбинѣ менѣе дорогою, и она упорно продолжала работать, каждую почти недѣлю отправляя въ русскіе журналы то критическія статьи, то литературныя этюды.

Послѣ двухъ, трехъ лѣтъ, проведенныхъ за границей, ее снова потянуло въ Москву, въ кругъ ея родныхъ, друзей, близкихъ знакомыхъ, умѣвшихъ ее и нѣжно любить, и горячо уважать. Между тѣмъ года брали свое, здоровье графини Сальясъ сильно пошатнулось, но она все-же не выпускала изъ рукъ пера. Нѣсколько превосходныхъ книжекъ для дѣтей, написанныхъ съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣтской природы, были плодами литературной дѣятельности послѣднихъ годовъ ея жизни.

Въ этой краткой замѣткѣ, мы не въ состояніи, конечно, какъ слѣдовало бы, остановиться и подробнѣе очертить благородный, любящій, прямой и великодушный характеръ покойной графини Сальясъ. Можемъ сказать только одно: кто ее зналъ, тотъ не могъ не любить ее и не уважать — искренне.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Отъ автора А. М. Жемчужникова, въ двухъ томахъ, съ портретами автора и автобиографическимъ очеркомъ. Сиб. 92. Стр. 281 и 284. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Въ первый разъ появившееся пятн собрание стихотвореній Александра Михайловича Жемчужникова, выступающаго на литературное поприще еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, обнимаетъ собой такнмъ образомъ болѣе чѣмъ сорокалѣтній періодъ его поэзіи (1850—1892 гг.). Маститый поэтъ предпослалъ этому собранію свой весьма живая и интересней *curriculum vitae*, да и самаа это стихотворенія, можно сказать, являются иногда диваніемъ, иногда поэзіей свидѣльствомъ. Оно, съ такимъ „чуткимъ сердцемъ“ относился ко всему, что ми пережили на пространнй похи цѣлаго полулѣтїа, и при этомъ многое и многое нѣсколько разъ пережилась на глазахъ, противорѣчно себѣ, двигалось быстро впередъ, еще быстрее пятнаго, вступало въ связь съ совѣстью, но его праистинное мироощущеніе оставалось неизмѣнно одно и то же—сегодня, какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ. Особенно ярко отразилось это свѣтлое поэта—любви самому себѣ и своему идеалу—въ томъ откъдъ его поэзіи, который можно назвать сатирическимъ, и который сосредоточенъ почти весь въ второмъ томѣ собранія. Въ своей „Прелюдїи къ архаическимъ пѣснямъ“ (1891 г.) поэтъ, обращаясь въ склонѣ жизни въ своей прошедшей деятельности, съ полнымъ правомъ могъ сказать:

А еслибъ пѣсня моя прозвучала въ пустынь—
Я все-же сказалъ бы, имъ честность въ за-
слугу имѣла:

— Что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ
миромъ ты шлѣ,

„О, жизнь, отпускаешь меня“.

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала мы возвратимся къ поэзіи Жемчужникова и постараемся сдѣлать болѣе полную ея оцѣнку.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. П. В. Безо-
бразова. М. 92. Стр. 465. Ц. 2 р.

Авторъ, начиная съ времени, предшествующаго эпохѣ Петра В., останавливается въ своемъ очеркѣ сношеній Франціи съ Россіей на первой четверти нашего вѣка: имп. Александръ I и Николай I. Поводомъ къ такому труду послужила, какъ говоритъ авторъ, „шумная кронштадтскія оаціи“, а основаниемъ — недавно появившяся въ Парижѣ издачіе сборника инструкцій французскимъ посланникамъ при нашемъ дворѣ, въ XVII и XVIII вѣкахъ, и новыя документы, издаваемые въ „Сборникѣ Историческаго Общества“. Но ограничиваясь дипломатическими сношеніями, авторъ ввелъ въ свой очеркъ увлеченія и на отношенія наши къ Франціи въ торговомъ и культурномъ отношеніяхъ. Хотя авторъ весьма строго отказывается отъ всякаго притязанія на ученый характеръ исследования, но зато читатель въ его трудѣ найдетъ богатый и интересный матеріалъ, почерпнутый прямо изъ источниковъ, къ которымъ на вопросы: какъ же характеромъ отличались вообще сношенія Франціи съ Россіей, а было ли что-нибудь общаго въ культурѣ обонхъ народовъ, что могло бы влиять между ними серьезнаа симпатія. Въ концѣ концовъ, самъ авторъ приходитъ къ такому выводу изъ всего своего труда, а именно: „франко-русскія сим-

патїи были односторонни, т.-е. русскіе увлекались французами (?) и французской культурой. Французы же знали Россію очень плохо, а то, что они о насъ знали, въ большинствѣ случаевъ не представлялось имъ симпатичнымъ. До послѣдняго (?) времени наше отечество считали варварскою, полуазиатскою страной, не достигшею еще европейской цивилизаціи“. Авторъ останавливается въ своемъ очеркѣ, какъ мы видѣли, на эпохѣ Александра I; но такъ какъ онъ связываетъ появленіе своей книги съ „шумными кронштадтскими оаціями“, то надобно думать, что подъ „послѣднимъ временемъ“, когда французы какъ будто переѣхали адругъ свой взглядъ на насъ, слѣдуетъ разумѣть не болѣе какъ самыя послѣднія десять или двадцать лѣтъ.

Этюдъ и очеркъ по общественнымъ вопросамъ.

Э. К. Ватсона. Съ портретомъ и биографіей автора, П. Войнберга. Сиб. 92. Стр. 486. Ц. 2 руб.

Весьма вѣсти ко дню первой годовщины смерти Э. К. Ватсона появляется сборникъ въ-которыхъ изъ его работъ, разбланныхъ преимущественно по периодическимъ издачіямъ, какъ литературный памятникъ его многолѣтней и убѣжденной дѣятельности публициста, начинавшаго съ 60-хъ годовъ. Въ ту эпоху, въ 1866 и 67 гг., онъ помѣщалъ свои этюдъ и въ нашемъ журналѣ, въ откъдъ исторической хроники, за подписью W. Сборнику трудовъ покойнаго предпослано „нѣсколько вступительныхъ строкъ“, посвященныхъ его памяти; при всей краткости, въ этихъ строкахъ вѣрно охарактеризованы основныя черты дѣятельности Э. К. Ватсона, какъ публициста, а его проваженіа, собранныя имъ въ одно цѣлое, подтверждаютъ справедливость такой характеристикѣ.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 81. Сиб. 92. Стр. 695. Ц. 3 р.

Настоящій выпускъ продолжаетъ начатое, въ вып. 64 и 75, издачіе допесеній французскаго повѣреннаго по дѣламъ при русскомо дворѣ, Маньяна, въ 1780—83 гг., въ первые годы царствованія имп. Аппа Ивановича. Интересъ этихъ документовъ состоитъ именно въ томъ, что въ этихъ допесеніяхъ мы узнаемъ не мало новыхъ подробностей, объясняющихъ намъ вѣнныя политикъ, поставленную въ необходимость выбора между дружбой съ тогдашнею св. римскою имперіей, во главѣ которой стояла Австрія, съ одной стороны, а съ другой—съ Франціей; время Леопольда XV. Маньянъ былъ сторонникомъ нашего союза съ Франціей, чему препятствовалъ польскій вопросъ, а Остерманъ былъ на сторонѣ Австріи. Помимо исторіи дипломатической, допесенія Маньяна представляютъ много свѣденій, характеризующихъ культурное состояніе нашего общества въ ту эпоху.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій, т. 1, II и III. Сиб. 92. Стр. 471, 496 и 484. Ц. по 3 р.

Новое издачіе сочиненій покойной Н. Д. Зайончковской, начатое въ минувшемъ году, будетъ состоять изъ пяти томовъ большаго формата, а два столбца. По окончаніи всего издачіа я воспользуемся имъ, чтобы возвратиться къ оцѣнкѣ произведеній писательницы, мѣсто которой литературѣ остается пока все еще вакантнымъ.

**ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1892 г.**

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛІТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ году
отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октяб.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзѣ	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1892 года.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычнымъ услугомъ.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскій линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Сиб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ** и **ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе.—1) *Почтовые адреса* должны заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилию, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителействѣ подписчика.—2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, должны заплатить 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно обьявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Выслеты* на заслуженіе журнала выслываются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ мѣстожителей, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми ярлами.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

JUN 30 1892

ВѢСТНИКЪ СВЯТОСЛАВНАГО
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБИМЦА.

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ЮНЬ, 1892.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1892.

Стр.

I.—ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ.—Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—XXI-XI.—Окончаніе.—П. Д. Боборыкина	441
II.—ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКИЙ, АПОСТОЛЪ НИЩЕТЫ.—XIII-й вѣкъ.—Окончаніе.—В. Н. Герье	519
III.—ИЗЪ ДѢТСКАГО МИРА.—Этюды.—I. Завылъ. II. Своенъ дорогов.—Влад. Каренинъ	546
IV.—ЛИЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ.—А. П. Саломонъ	571
V.—ВИНОГРАДНИКЪ НАВУОЕЯ.—Романъ.—Naboth's Vineyard, by Sommersville and M. Ross.—XVI-XXI.—Окончаніе.—А. Э.	587
VI.—КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЪ И КНЯЗЬ БИСМАРКЪ.—Бритическій этюдъ.—В. Ренненкампфъ, Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка.—И. Ивановскаго	615
VII.—ВЕНГЕРСКІЕ ПОЭТЫ.—I. Изъ Петѣфа.—II. Изъ Андрея Сабо.—Ф. Михайловой	654
VIII.—ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛАЖДЕНІЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.—Кн. С. М. Волконскаго	657
IX.—ИРАНСКІЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ ВЫЛННИ.—Всем. Миллеръ, Эскурсы въ область русскаго народнаго эпоса.—А. П. Пыпина	702
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Призракъ счастья.—II. Возрожденіе природы.—III. Весенняя пѣль.—В. Булгакова	745
XI.—ПИСЬМА С. П. БОТКИНА ИЗЪ ВОЛГАРИИ.—27-30.—	747
XII.—ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.—П. А. Дингельштедта	768
XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ оберъ-прокурора съ сессіи за 1888 и 1889 г.—Русскій народъ и русское общество.—„Приказленія“ раскольниковъ.—Штундизмъ и „паншювица“.—Католицизмъ и эвтеранство.—Организація добровольческаго надзора надъ сектантами.—Слухи о предположеніяхъ комиссіи Н. С. Абазы.—Вопросъ о сенаторскихъ ревизіяхъ.—Положеніе продовольственнаго дѣла въ 1-му полу	806
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности политическаго настроенія въ Германіи.—Причины существующаго недовольства.—Личныя дѣйствія Вильгельма II и необходимыя уступки общественному мнѣнію.—Агітація по поводу дѣлъ Куини и Лока.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Министерскіе кризисы въ Італіи и Греціи	829
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Книга о книгахъ, п. р. П. П. Якула.—Собствѣнскій, П. М., Ученіе о національных особенностяхъ характера и юридическаго бита древнихъ славянъ.—Докучаевъ, проф. В. В., Наши степи прежде и теперь.—А. В.—Новыя книги и брошюры	843
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La morale dans l'histoire, par R. Lavollée.—II. La femme au point de vue du droit public, par M. Ostrogorsky.—Д. С.	861
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Послѣдній фазисъ труднаго періода.—Отчетъ уполномоченныхъ Особаго Комитета по губерціямъ тамбовской и казанской.—Разныя виды частной помощи голодающимъ.—Продолженіе „журналовской исторіи“ и вызванная ею полемика съ „Гражданиномъ“.—Аккордатное свидѣтельство о разбирѣхъ прошлагоднаго бюджета.—По вопросу объ экаменахъ.—Отставка городского головы въ Петербургѣ.—П. Е. Петропавловскій (Коронинъ) †	867
XVIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Стихотворенія кн. Д. П. Чертелева.—Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія, М. Корелана.—Собраніе трактатовъ и постановій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, т. IX. Состав. Ф. Маргенса.—Фортуатовъ, А., и П. В., Итоги экономическаго пслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики.—Статистическое обзореніе Одессы за 1890 годъ	

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВАСИЛІЙ ТЕРКИНЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXI *).

Утро занялось мягкое, немножко влажное; дымка—розовато-голубая—лежала надъ Заволжьемъ. Въ паркѣ, на ядреныхъ дубахъ, серебрились звѣздочки росы.

Всѣ еще спали, когда Антонъ Пантелѣичъ Хрящевъ вошелъ въ аллею липъ и замедленнымъ шагомъ приближался къ площадке со скамьей, откуда видъ на село Заводное былъ лучше всего.

Онъ тихо улыбался, посматривалъ во всѣ стороны, любясь блестящей листвою дубовъ и кленовъ, по склонамъ ближайшей балки, спускавшейся къ рѣкѣ. Низкая поросль орѣшника окутывала, тамъ и сямъ, стволы крупныхъ деревьевъ, и бѣлая кора рѣдкихъ березъ выдѣлялась на зеленѣющихъ откосахъ.

— Будетъ вѣдро!—шопотомъ выговорилъ онъ.

У него была привычка, когда онъ оставался одинъ, производить вслухъ свои мысли.

Отъ деревьевъ шли чуть замѣтныя тѣни, и въ воздухѣ ронлись насѣкомыя. Чириканье и перепѣвы птицъ неслись изъ раз-
1 ль парка. Пахло ландышемъ и цвѣтомъ черемухи. Все
1 году распустилось и зацвѣло разомъ и раньше. Его
4 овода радовалось. Для него не было лучшихъ часовъ,
1 ніе, въ хорошую погоду, или ночью, въ чащѣ „за-

казника“, вдоль узкой просѣки, гдѣ звѣзды смотрятъ сверху, въ щель между вершинами вѣковыхъ сосенъ.

И садоводство онъ любилъ, хотя и не выдавалъ себя за ученаго садовника. Его привлекали больше фруктовыя деревья, прививка, уходъ за породами, перенесенными съ юга. Бывало, если ему удавалось, хоть въ видѣ кустика, вывести какое-нибудь южное деревцо, онъ холилъ его, какъ родное дитя, и самъ говаривалъ, что носится съ нимъ, „ровно дурень съ писаной торбой“.

Въ этомъ паркѣ онъ находилъ растительность богаче, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по „градусу широты“ — Антонъ Пантелъичъ придерживался научныхъ терминовъ — и объяснялъ такое богатство удачнымъ положеніемъ. Балки, круто поднимающіяся къ усадьбѣ, защищали низины парка, обращеннаго на юго-западъ поворотомъ рѣки.

Въ тѣни дубовъ ему стало еще радостнѣе. Вчера онъ засыпалъ въ тревожномъ настроеніи. Ему предстоялъ разговоръ съ Василиемъ Ивановичемъ, крайне ему непріятный, противный его натурѣ, отсывающійся желаніемъ выслужиться, выставить на показъ свою честность и неподкупность, а, между тѣмъ, онъ не можетъ молчать.

Мысли его пошли все-таки въ другую сторону. Все обойдется къ лучшему. Съ такимъ человѣкомъ, какъ Василій Ивановичъ, знаешь, что дѣло будетъ спориться, и дѣло крупное, хорошее дѣло.

Къ Тервину онъ быстро сталъ привязываться. Не очень онъ долголюбивалъ нынѣшнихъ „самодѣльныхъ людей“, выскочившихъ изъ простаго званія, считалъ многимъ хуже самыхъ плохихъ господъ, любилъ прилагать къ нимъ разныя прозванія, вычитанныя въ журналахъ и газетахъ. Но этотъ хоть и дѣлецъ, а онъ ему вѣрить: они съ нимъ схожи въ мысляхъ и мечтаніяхъ. Этому дороги родная земля, Волга, лѣсъ; въ компаніи, гдѣ онъ главный воротило, есть идея.

Хрящевъ вернулся снизу въ цвѣтникъ и присѣлъ на скамейку, откуда ему видна была калитка отъ флигеля. Уходя, онъ сказалъ Чурилину, чтобы тотъ прибѣжалъ сказать ему, когда Василій Ивановичъ одѣнется и спроситъ чаю. Тарантасъ онъ самъ приказалъ закладывать. Они должны были до завтрака съѣздить вдвоемъ, безъ Первача, осмотрѣть дачу.

Объясненіе необходимо, и всего лучше бы переговорить здѣсь. Авось Василій Ивановичъ захочетъ заглянуть въ паркъ. За чаемъ было бы неудобно. Или тотъ ловчачъ спустится сверху, пожалуй, и подслушаетъ подъ окнами. Такіе на все способны.

И опять мысли Антона Пантелѣвича поползли въ другую, болѣе пріятную сторону. Онъ смотрѣлъ на домъ, на забытыя окна второго этажа, на размѣры всего зданія, и его голова заиграла на новую мысль, тутъ же освѣтившую его.

— Да, да, въ этомъ—идея!..—полугромко выговорили его немного пухлыя губы.

И самъ Василій Ивановичъ какъ будто желаетъ приобрѣсти и усадьбу изъ-за парка, который ему очень нравится. Не для себя же одного? Онъ холостъ. А можетъ, жениться надумалъ. Да, наконецъ, одно другому не мѣшаетъ, даже очень подходитъ—одна комбинація къ другой.

— Славная идея!—погромче выговорилъ онъ и застыдился.

Нельзя же такъ хвалить собственную мысль. А предложить ее можно. Такой человекъ, какъ Теркинъ, не обидится, не скажетъ: „Куда, молъ, ты лѣзешь сейчасъ съ собственными проектами, у меня и своя есть голова на плечахъ“.

Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ началъ прохаживаться мимо клумбъ по одной изъ аллей четырехугольника и, отъ чувства душевнаго довольства, потиралъ безпрестанно руки.

Голова еще ярче заработала. Какой чудесный питомникъ можно развести въ паркѣ! Запущенный цвѣтникъ представлялся его воображенію весь въ клумбахъ, съ рядами фруктовыхъ деревьевъ, съ роскошными отдѣленіями чисто русскихъ насажденій, съ грядами ягодъ и шпалерами ягодныхъ кустовъ. А тамъ, на дворѣ, сколько уставится еще строеній!

Щеки Антона Пантелѣвича розовѣли и глазки то игриво, то задумчиво озирались вокругъ.

Онъ повернулъ голову къ калиткѣ и увидалъ рослую фигуру Теркина, въ чесунчевой парѣ и соломенной шляпѣ. Тотъ шелъ къ нему на встрѣчу. Это его еще болѣе настроило на возбужденно-радостную ноту.

„Сначала о ловкачѣ!“—рѣшительно подумалъ онъ, снялъ шляпу и поспѣшилъ на встрѣчу своего „набольшаго“: такъ онъ уже, про себя, звалъ Теркина.

— Съ добрымъ утромъ, Василій Ивановичъ! Благодать-то какая!

Тотъ подаль ему руку, ласково взглянулъ на него и спросилъ:

— Небось, душа ваша радуется, господинъ созерцатель?

— Именно!.. Не угодно ли вонъ туда, въ бесѣдку, взглянь на Заволжье, сквозь розовую дымку? Или, быть можетъ, бушаты желаете, Василій Ивановичъ?

— Чай подождетъ. Пойдемте.

— Только не обезсудьте меня за то, что долженъ сейчасъ же довести до вашего свѣденія... нѣчто, не отвѣчающее откровеніямъ благодатной природы...

— Погодите, погодите!—прервалъ Теркинъ.—Экой вы какой рьяный! Все дѣла да дѣла!.. Дайте хоть немножко полѣниться... на холодеѣ.

— Извините, извините, Василій Ивановичъ, за это предупредоленіе. И я самъ здѣсь замечтался. Чудесное мѣсто! На паркѣ этотъ не наглядисься. И въ такомъ все забросѣ...

— И не говорите!..

Теркинъ ускорилъ шагъ, по дорогѣ, вдыхая въ себя громко струю затеплѣваемаго воздуха съ его благоуханіемъ.

— И что за духъ!

— Превосходный!.. Ландышъ!.. Майскій цвѣтъ... И у нѣмцевъ, кажется, такъ называется. Нѣтъ лѣсного цвѣтка краше и стыдливѣе...

— Антонъ Пантелѣвичъ! Да вы—поэтъ!

— Какъ-съ?

— Поэтъ, говорю. Душа у васъ съ полетомъ и съ чувствомъ... какъ бы это сказать...

— Естества!.. Безконечной жизни естества, Василій Ивановичъ, —это точно.

Они подошли къ обрыву. Теркинъ сдѣлалъ два шага къ самому краю, сложилъ руки на груди и долго смотрѣлъ на рѣку, на Заволжье, на бѣлыя колокольни села Заводнаго.

Въ груди у него точно чтò вздрагивало. На такомъ душевномъ подъемѣ онъ еще не помнилъ себя. И вчерашній разговоръ съ Маврой Федосѣвной весь припомнился ему. Какъ все это чудно выходило!.. Голова Сани всплыла передъ нимъ, ея коса, ручки, выраженіе глазъ, станъ... И голосовъ какъ будто зазвучалъ... Жалко ему стало этой дѣвчурки, и какое-то новое чувство великодушнаго покровительства шевельнулось въ немъ. Она же и законная наслѣдница этой усадьбы, ее же обходить этотъ таксаторъ, а тетки развращаютъ. Точно все въ сказкѣ—и онъ явился тутъ, какъ богатырь, спасать царь-дѣвицу, подскочить до двѣнадцатаго вѣнца ея терема.

Да и нужны ли такія усилія? Не приводитъ ли его судьба къ болѣе простому и достижимому?

Онъ продолжительно задумался.

XXII.

— Вотъ какое обстоятельство, Василій Ивановичъ...

Хрящевъ присѣлъ на кончикѣ скамьи и раза два потеръ руки, но уже не такъ, какъ онъ это дѣлалъ, когда разметался, полчаса передъ тѣмъ.

— Что-нибудь, небось, насчетъ того... шустрого франта?

Теркинъ кивнулъ головой въ сторону флигеля.

— Сколь вы проницательны! Такъ точно!

— Ну, и что-жь?

Лицо Теркина приняло сейчасъ дѣловое выраженіе.

— Онъ... какъ бы это сказать...

— Подъѣзжалъ къ вамъ? Посулы дѣлалъ?

— Въ такомъ именно смыслѣ повелъ рѣчь. И я немножко притворился, Василій Ивановичъ, что несовсѣмъ его понимаю... Ему очень хочется—попасть на службу компаніи.

— Еще бы!

— Меня, грѣшнаго, началъ пытаться... знаете... на нынѣшній фасонъ... все отборными словами и такъ... неглижé съ отвагой!..

— Какъ?

— Неглижé съ отвагой! Это моя супружница употребляла такой оборотъ... Отъ семинаровъ слышалась, отъ братьевъ и свойственниковъ.

— Что же вы ему на это сказали, Антонъ Пантелѣичъ?

— Я все помалчивалъ... Пускай, моль, выскажется до самаго дна. Да почему и не предположить, что такаа величина, какъ я, польстится на то, чтобы вступить въ союзъ съ господиномъ таксаторомъ... Ни больше, ни меньше, какъ всѣхъ мы должны провести и вывести—Низовьева, Черносопнаго, васъ, Василій Ивановичъ, и—въ лицѣ вашемъ—всю компанію.

Встрѣтивъ взглядъ Теркина, острый и ясный, Хрящевъ повелъ головой и немного смущенно продолжалъ:

— Мое положеніе весьма, въ эту минуту, не авантажно, Василій Ивановичъ, хотя бы и передъ такимъ человѣкомъ, какъ .. Уподобляюсь Гоголевскому Земляникѣ...

— Да я-то не Хлестаковъ, Антонъ Пантелѣичъ. Иначе вамъ оступить было нельзя.

— Точно я этимъ совсѣмъ выслуживаюсь или прошу на .. въ родѣ какъ за находженіе потеряннаго бумажника.

— Это вы напрасно!.. Первачь—жуликъ, и его надо сейчас же устранить. За это берусь я!

— Извѣстное дѣло, онъ будетъ запирается.

— Нешто я прямо такъ и бухну? Или на очную ставку васъ обоихъ? Не младенецъ малый... Я и самъ его доведу до точки... Будьте покойны.

Глаза Теркина блеснули.

— Чего же лучше, Василій Ивановичъ, ежели вы сами уже опредѣлили этого молодца. Онъ не расчелъ. Принялъ меня за ваше довѣренное лицо—только надѣвшее на себя скромную личину.

— Да онъ врьдъ-ли и ошибся, Антонъ Пантелѣичъ.

— Въ чемъ-съ?

— Вы хоть и безъ году недѣлю на нашей службѣ, но я вамъ довѣряю и говорю это прямо.

Ему пріятно было обласкать Хрящева. Обыкновенно онъ съ подчиненными, на первыхъ порахъ, держалъ себя на-сторожѣ.

— Не раненъ ли, Василій Ивановичъ?

Краска заиграла на полныхъ щекахъ Хрящева. Глазки его радостно и смущенно оглянули Теркина.

— Остальное уже отъ васъ будетъ зависѣть, Антонъ Пантелѣичъ. Дѣла много и дѣло большое.

— Святое дѣло!—со вздохомъ вырвалось у Хрящева.—И вотъ вы меня такъ не по заслугамъ поощряете... Я вамъ сейчас же покажусь въ продрозостныхъ мечтаніяхъ.

— Кайтесь... Послушаемъ.

— Боюсь задержать.

— Чаю вѣскоро напьемся. Еще рано. Папироски не хотите?

— Не употребляю.

— Говорите, говорите!

— Пришла мнѣ... хе, хе... идея—передъ вашимъ приходомъ.

— Давайте, давайте вашу идею! Безъ идей нельзя. Безъ идей только закоренѣлость одна да кулачество.

— Вашими бы устами, Василій Ивановичъ... Очень ужъ я прельщенъ этимъ паркомъ. И вамъ, онъ кажется, больно по душѣ пришелся. Положеніе его вмѣстѣ съ усадьбой—такое для лѣсной мѣстности, что другого такого и не найдешь, пожалуй, во всемъ приволжскомъ краѣ.

— Вѣрно!—крикнулъ Теркинъ, но тотчасъ подумалъ: „ужъ и этотъ не ловкачъ ли,—пробирается въ мою душу, учуялъ: егъ мнѣ самому хочется“...

— Лѣсная дача господина Черносопнаго хорошаго качества—

спору нѣтъ. А пріобрѣтать ее безъ усадьбы и этихъ береговыхъ насажденій—какъ бы обидно.

Теркинъ сбоку взглянулъ на него.

— Вы что же это—у меня въ головѣ подглядѣли, Антонъ Пантелѣичъ?

— Слѣдственно и вамъ приходилъ уже замыселъ насчетъ и усадьбы?

— И весьма!

Про свои дѣтскія мечты на колокольнѣ села Заводнаго онъ не сталъ ему рассказывать.

— Тѣмъ болѣе лестно мнѣ будетъ, Василій Ивановичъ,—изложить вамъ мою идею. Сколько я васъ разумѣю,—вы не станете изъ своей только корысти или суетныхъ поползновеній пріобрѣтать барское имѣніе.

— Однако,—перебилъ его Теркинъ и сдѣлалъ широкій жестъ лѣвой рукой:—пріятно стать на мѣсто неумѣлыхъ, выродившихся вотчинниковъ, особливо мужичьему приемышу, какъ я.

Про то, что Теркинъ мужичій приемышъ—Хрящевъ слышалъ впервые; но это его не озадачило.

— Хотя бы и такъ,—выговорилъ онъ.—Пріятно—слова нѣтъ; но общее дѣло еще выше... Вотъ я сейчасъ и размечтался, ходя по той аллеѣ. Василію, молъ, Иванычу ничего не будетъ стоять побудить компанію: вмѣстѣ съ дачей пріобрѣсти и усадьбу съ паркомъ, сдѣлать изъ нея центральный пунктъ всего приволжскаго лѣсного промысла и хозяйства компаніи. И вмѣстѣ, заложить здѣсь фундаментъ для распространенія здравыхъ познаній по лѣсоводству и уходу за всѣми видами строительныхъ и фруктовыхъ деревьевъ... Поглядите на домъ... Одинъ этажъ прямо просится подъ школу. А паркъ, а цвѣтникъ! Какіе богатые питомники можно устроить! Какой образцовый фруктовый садъ! Что твой Горыгорѣцкъ! Что твое Лисинское лѣсничество!.. Вы такой ревнитель отечественныхъ богатствъ, Василій Ивановичъ! Вамъ бы сдѣлать изъ этой усадьбы свое лѣтнее пребываніе и центръ управленія всѣми приволжскими дачами. Отсюда поведете вы походъ противъ хищенія и лѣсоистребленія, противъ кулаческаго разгрома и помѣщичьяго недомыслія. Вѣдь такъ я говорю? Небола не Богъ знаетъ чего будетъ стоять обществу; а какое бро! сколько она выпуститъ вотъ такихъ же, какъ я, грѣшный, мудрыхъ практиковъ, не великой учености, однако съ великимъ уваженіемъ къ наукѣ, къ бережному уходу за такимъ нацимымъ сокровищемъ, какъ лѣсъ, безъ котораго и Волга со-мъ изсякнетъ, особливо въ верховьяхъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ Хрящева дѣлался менѣе сладкимъ, зазвучали другія ноты. Нѣсколько разъ онъ даже вскидывалъ руками.

Слушая его, Теркинъ курилъ и не поднималъ на него глазъ. Прежде—года два назадъ—онъ бы его оборвалъ, ему стало бы досадно, что вотъ такой протестъ, служащій подъ его началомъ, въ мелкомъ званіи—и вдругъ точно подслушалъ и укралъ у него мысль, назрѣвавшую въ немъ именно теперь, и далъ ей гораздо большую ширь, задумалъ такое хорошее, исполнимое дѣло.

— Антонъ Пантелѣичъ!—выговорилъ онъ послѣ тирады Хрящева и приласкалъ его взглядомъ.—Нужды нѣтъ, что вы у меня ровно восхитили... если не всю идею, то начало ея... Но вашъ планъ выше моего. Я, быть можетъ, и пришелъ бы къ тому же, но первый толчокъ былъ скорѣе личный.

— Всѣ дороги въ Римъ ведутъ, Василій Ивановичъ. Зачѣмъ же и отъ своей личности отказываться?... Прямой поводъ сочетать свое имя съ такимъ дѣломъ. Вашимъ именемъ и назовете этотъ расадникъ разума и благого лѣсоводства и лѣсного промысла... У васъ найдутся весьма именитые предшественники... Я самъ не бывалъ, но доподлинно знаю: на сѣверо-востокахъ... фамилія Строгановыхъ въ родѣ этого устроила нѣчто... еще въ началѣ вѣва, а то и въ концѣ прошлаго... боюсь соврать. Къ нѣмцамъ учиться посылали на свой счетъ и вывели нѣсколько поколѣній лѣсоводовъ. А именитые-то люди откуда были родомъ? Изъ гостей... Слѣдственно, изъ простого званія... Завскаса-то оставалась дѣловитая и на пользу краю. А нынче и подавно всякому можетъ быть данъ ходъ, у кого вотъ здѣсь да вотъ тутъ не пу-стуетъ.

Онъ приложилъ руку ко лбу и къ лѣвой половинѣ груди. Теркинъ тихо разсмѣялся.

— Правильно, Антонъ Пантелѣичъ, правильно. Идея богатая, только надо ее позолотить господамъ компанейцамъ, чтобы не сразу огорошить непривычнымъ расходомъ... Я вамъ—такъ и быть—признаюсь: хочется мнѣ больно за собой усадьбу съ паркомъ оставить, войти съ компаніей въ особое приглашеніе.

— И того лучше! Вы не зароете таланта своего!.. А какое бы житѣ по лѣтамъ... Особливо еслибъ Богъ благословилъ семей. Вѣдь отъ васъ—ухъ, какіе, пойдутъ... битки!

— Битки!.. И вы это слово знаете! Меня такъ въ гимназ. звали.

— Помяните мое слово... Битки пойдутъ.

Оба разсмѣялись и разомъ поднялись.

— А теперь — чайку, да и въ лѣсъ! — скомандовалъ Теркинъ.

XXIII.

Въ комнатѣ Марѣи Захаровны угощеніе шло обычнымъ порядкомъ. Къ обѣду покупщикъ не пріѣхалъ — а обѣдъ былъ заказанъ особенный. Иванъ Захарычъ и Павла Захаровна волновались. Непокойно себя чувствовалъ и Первачъ, и у всѣхъ явилось сомнѣніе: не проѣхалъ ли Теркинъ прямо въ городъ. Цѣлый день, въ два приѣма, осматривалъ онъ, съ своимъ „приказчикомъ“, дальній край лѣсной дачи, утромъ уѣхали спозаранку, и послѣ завтрака тоже исчезли, не взявъ съ собою таксатора.

И въ Саню забрело безпокойство. Она приварядилась особенно и ждала новаго разговора съ Теркинымъ. Первачъ сидѣлъ съ ней рядомъ и хотѣлъ-было начать прежній манѣвръ; она отставила ногу и сейчасъ же отвернула голову въ другую сторону. Къ концу обѣда, когда пошли тревожные разговоры насчетъ лѣса и Первачъ началъ дѣлать намеки на то, что Теркинъ хочетъ „перетонить“, и надо имѣть съ нимъ „ухо вострѣ“ — ей сначала стало обидно за Василя Иваныча, потомъ она и сама подумала: „кто его знаетъ — можетъ, онъ только прикидывается такимъ добрымъ и сердечнымъ, а проведетъ кого угодно, даже Николая Никанорыча, не то что ее, дурочку“.

И у тетки Марѣи она стала съ Первачемъ ласковѣе, позволила пожать себѣ руку подъ краемъ стола, много ѣла лакомствъ и чокалась съ нимъ уже два раза наливкой.

— Марѣи Захаровна! — окликнулъ Первачъ толстуху, сидѣвшую на диванѣ, съ соловѣющими глазами и съ папирсой — она иногда курила: — а вѣдь Александръ Ивановъ възгрустнулось за обѣдомъ; господина Теркина поджидала.

И онъ подмигнулъ въ сторону Сани. Та зардѣлась и нахмурила брови.

— Ни чуть, ни чуть!

— Да я вамъ говорю, что да.

— А я вамъ говорю, что нѣтъ.

Саня ударила даже кулачкомъ по краю стола.

— Ну, чего вы спорите, дѣти! — остановила ихъ тетка: — лые бранятся — только тѣшатся!.. Саня, кушай наливку! Хочешь е полрюмочки?

— Тетя... дайте мнѣ покурить.

— Захотѣлось?

— Забыть свое горе желаетъ,—ввернулъ Первачъ.

— Ахъ, какой вы гадкій!.. Хотѣла выпить ваше здоровье, и не выпью...

— Ну, ну, чокнитесь! — подсказала тетка.

Саня и Первачъ чокнулись. Она, съ надутыми еще губками, улыбалась ему глазами и потянула изъ рюмки густую темно-красную вишневу.

— Спойте „Пловцовъ“! — пристала Марѳа Захаровна.

— Ахъ, тета, все „Пловцовъ“... Что-нибудь другое. Это старина такая!

— Нужды нѣтъ!.. Какіе стихи!..

Рѣка шумитъ,
Рѣка реветъ...

— Извольте пѣть! — скомандовалъ Первачъ.

Марѳа Захаровна взяла гитару, и они запѣли втроемъ.

— Ахъ!..

Саня ахнула и вскочила съ мѣста.

Вошелъ Теркинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и развелъ руками.

— Веселая компанія! Желаю добраго здоровья.

— Василій Ивановичъ! Какая неожиданность!

Первачъ шумно отодвинулъ свое кресло и подбѣжалъ къ нему. Марѳа Захаровна начала застегивать верхнія пуговицы капота.

— Извините пожалуйста! — залепетала она: — мы по домашнему.

— Пожалуйста не стѣсняйтесь!.. Позвольте мнѣ присѣсть, вотъ къ Александрѣ Ивановнѣ.

Онъ казался очень возбужденнымъ, и тонъ его ободрилъ и толстуху, и таксатора. Саня протягивала ему руку, все еще не овладѣвъ своимъ смущеніемъ. Ей вдругъ стало совѣстно рюмки съ наливкой, стоявшей передъ ея мѣстомъ. Она посторонилась. Теркинъ поставилъ стулъ между нею и Первачемъ.

— Марѳа Захаровна! — весело окликнулъ онъ: — вы и на гитарѣ изволите? Я тоже...

— Скажите, пожалуйста! Какъ это пріятно! Но позвольте, не угодно ли вамъ... чего-нибудь? Или вы еще не кушали? Такъ а сейчасъ распорядусь.

— Благодарю... Мы съ Хращевымъ попали въ пчельницу.. И закусили тамъ. Пѣпунникъ нашелся... и медомъ онъ насъ угостилъ... Но рюмку наливочки позвольте.

Всѣ засуетились. Принесли рюмокъ и еще бутылку наливки сливянки. Теркинъ попросилъ гитару у Марьи Захаровны, заново настроилъ ее, началъ разспрашивать, какіе они поютъ романсы.

Тетка, съ пылающими щеками, захмелѣвшимъ взглядомъ широко разбѣзанныхъ глазъ, улыбалась Теркину и черезъ столъ чокалась съ нимъ.

— У Санечки голосокъ хорошій, — говорила она сладко и замедленнымъ звукомъ, — только она сейчасъ и застыдится.

— Хотите дуэть? — спросилъ онъ Саню.

— Да я, право, ничего не пою.

— Выдумываетъ. И у Николая Никанорыча пріятный голосъ.

— Тогда лучше ужъ хоромъ!

— Вотъ не знаете... чудесный романсъ, хоть и старинный...

„Рѣка шумить“?

— Ахъ, тета! Все тоже! — вскричала Саня.

— Отчего же не это? — спросилъ Теркинъ.

— Видишь! Видишь!

Марѳа Захаровна разомъ задвигалась на своемъ диванѣ, и пуговицы капота опять стали разстегиваться.

Гитара загудѣла подъ пальцами Теркина. Онъ наклонился къ Санѣ и тихо сказалъ ей:

— Что же вамъ со мной дичиться, Александра Ивановна? Я вѣдь вашъ другъ?.. Да?..

— Да...—выговорила Саня, и больше ничего не могла сказать.

Присутствіе Первача безпокоило ее. И вообще ей показалось, что Василій Иванычъ дѣлаетъ все это „не въ самомъ дѣлѣ“, какъ она говаривала, а „нарочно“. Онъ ее навѣрно осудитъ за эти послѣобѣденныя „посидѣлки“. И Николай Никанорычъ сдѣлался ей вдругъ точно совсѣмъ чужой... Какъ бы хорошо было, еслибъ онъ исчезъ!

— Что-жь! Давайте, господа! Разомъ!—крекнулъ Теркинъ:

Рѣка шумить,

Рѣка реветъ...

Всѣ подхватили. Первачъ пѣлъ сдержанно усмѣхаясь; Марѳа Захаровна пускала свои бабьи визгливыя ноты; голосокъ Сани сливался съ голосомъ Теркина и задѣвалъ въ немъ все ту же руну жалости къ этому „бутузику“. Онъ ее мысленно назвалъ къ, глядя на ея щеки, носикъ, чолку, ручки... И онъ почувалъ, она застыдилась.

Нянька не выдумывала. Вѣдь ее развращаютъ понемножку, Первачъ, быть можетъ, уже цѣлуется съ нею.

Цѣлуется; но врядъ-ли пошло дальше. Ему, почему-то, стало больно отъ мысли, что бѣдная дѣвочка могла и зарваться съ такимъ негодяемъ. Но онъ продолжалъ бить по струнамъ гитары, напускать на себя молодецкій видъ.

— Вы на всѣ руки! — сказалъ льстиво Первачъ, когда они допили первый куплетъ. — Марѳа Захаровна, позвольте предложить за здоровье Василя Ивановича!

Всѣ стали съ нимъ човаться. Санѣ тетка налила полную рюмку. Она протянула ее къ Теркину, но сдѣлала маленькій глотокъ. До его прихода она уже выпила полныхъ двѣ рюмки, и щеки ея показывали это.

— Ваше здоровье! — тихо выговорила она.

Онъ, еще разъ, чокнулся съ нею, и такъ же тихо, какъ и она, сказалъ:

— И за нашу дружбу!

Первачъ услышалъ эти слова и вкось посмотрѣлъ на Саню, изъ-за плеча Теркина.

„Ужъ не подстрѣлила ли она его?“ — подумалъ онъ; но ревности никакой не ощутилъ.

Ему и это было бы на руку. Если Теркинъ возьметъ его на службу компаніи, въ званіи главнаго таксатора, — а Саня очутится директоршей, — и прекрасно! Онъ съумѣетъ закрѣпить за собою довѣріе мужа и жены.

Пропѣто было еще нѣсколько цыганскихъ пѣсенъ и романсъ Глинки: „Вы не придете вновь, дней прежнихъ наслажденья“... Теркинъ подпѣвалъ Санѣ на терціяхъ.

Рюмки наливки она такъ и не допила.

— За ваше здоровье! — предложилъ онъ ей.

— Нѣтъ, довольно.

Она взглянула на него, стыдливо и кротко, встала и сказала Марѳѣ Захаровнѣ:

— Тетя! Душно! Хочется въ садъ. Василій Ивановичъ! Вы не пойдете?

— Мы всѣ можемъ! — вмѣшался Первачъ.

— А вы забыли... папа просилъ васъ зайти къ нему... Онъ навѣрно проснулся. Тетя... вы посидите на диванѣ?... А я не могу! Совсѣмъ задыхаюсь здѣсь.

Саня выбѣжала.

XXIV.

За нею потянулась и Марѳа Захаровна.

— Мы сейчасъ за вами!—крикнулъ вслѣдъ ей Теркинъ. Мнѣ надо сказать два слова Николаю Никаноровичу.

Когда толстуха вышла изъ комнаты, онъ облокотился локтемъ на столъ и пригласилъ таксатора подсесть къ себѣ.

— Не выпьемъ ли еще по рюмкѣ?—пригласилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

Пододвигая свой стулъ, Первачъ возбужденно поглядѣлъ на него. Ему сдавалось, что „лѣсной тузъ“—такъ онъ называлъ Теркина про себя—хочетъ его „пощупать“. До сихъ поръ онъ избѣгалъ всякаго разговора съ глаза на глаза, а тутъ—самъ предложилъ, передъ тѣмъ какъ покончить съ Иваномъ Захарычемъ. Да и съ Низовьевымъ еще не дошло у него до окончательной сдѣлки.

Лицо у Теркина было особенно благодушно. Они чокнулись.

— Что же, господинъ таксаторъ,—началъ онъ шутливо,—вашей работой я доволенъ... И въ Низовьевскихъ дачахъ, и здѣсь. Вы дѣло смыслите.

— Мнѣ чрезвычайно лестно, — началъ было Первачъ, но Теркинъ перебилъ его.

— Только со мною надо во всемъ на чистоту... Вамъ, быть можетъ, желательно бы было продолжать и дальнѣйшія работы, какія наша компанія будетъ производить въ своихъ лѣсныхъ угодьяхъ?

— О, весьма!

Восклицаніе вырвалось у Первача раньше, чѣмъ бы онъ самъ хотѣлъ, но устоять было трудно.

Въ глазахъ Теркина—Первачъ былъ въ этомъ увѣренъ—мелькнуло что-то, говорившее прямо: „любезный другъ, ты, прежде всего, долженъ самъ выказать готовность держать нашу руку“...

— По дачѣ Низовьева,—продолжалъ Теркинъ,—вы не были посредникомъ... Но въ вотчинѣ Ивана Захарыча...

— Позвольте, Василій Ивановичъ, доложить вамъ,—перебилъ Первачъ:—что и въ дачѣ Низовьева есть цѣлое урочище, по срому самъ владѣлецъ еще не имѣетъ вполне яснаго предвѣщенія о цѣнности этого участка. Онъ ждетъ окончательной цѣнки отъ меня... Я уже не говорю о лѣсѣ Ивана Захарыча садьбѣ съ паркомъ—еслибы вы пожелали приобрѣсти ихъ... моего мнѣнія это дѣло не можетъ состояться.

Теркинъ одобрительно качнулъ головой.

— Другой бы, на моемъ мѣстѣ, заявилъ требованія... знаете, какъ нынче разные штукмаеры... Но я далеку отъ всякаго нахальнаго куртажа... Не скрою отъ васъ и того—Первачъ оглянулся и сталъ говорить тише:—въ семействѣ Черносошныхъ съ этой продажей связаны разные интересы... И безъ моего совѣта—смѣю думать—ничего не состоится. Вся суть не въ старикѣ, главѣ семейства... а въ другой особѣ—и вы, можетъ быть, догадываетесь—въ комъ именно.

— А-а?—вопросительно протянулъ Теркинъ.

— Въ такомъ смыслѣ я уже заводилъ рѣчь съ господиномъ Хрящевымъ.

— Заводили?—переспросилъ Теркинъ и прищурился.

— Я полагалъ, Василій Ивановичъ, что онъ вашъ фактотумъ и вполне довѣренное лицо... А между тѣмъ... онъ не больше какъ... въ родѣ нарядчика.

— Это невярно, Николай Ниванорычъ; Хрящеву мы даемъ поручить довольно отвѣтственное мѣсто. Онъ человекъ большихъ практическихъ свѣденій.

— Не спорю. Но я боюсь, Василій Ивановичъ, что онъ меня плохо понялъ. Пожалуй, подумалъ, что я ему предлагаю куртажъ... подкупаю его. Ничего подобнаго не было... Совершенно понятно... я хотѣлъ знать немного и ваши намѣренія. Не скрываю и того, что судьба фамиліи Черносошныхъ... для меня не безразлична.

— Породиться не хотите ли?—спросилъ Теркинъ и подмигнуть.

— До этого еще далеко... Иванъ Захарычъ можетъ въ скоромъ времени очутиться въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ... Я бы не сказалъ это другому покупщику, но вы—человекъ благородной души, и вамъ я могу это сказать. Разумѣется, компанія не обязана входить въ семейные интересы продавцовъ. Съ другой стороны, отъ меня зависитъ направить торгъ такъ или иначе.

Первачъ быстро вскинулъ на Теркина свои красивые глаза и опустилъ рѣсницы.

— По моимъ соображеніямъ,—отозвался Теркинъ спокойно и все такъ же благодушно:—Иванъ Захарычъ настолько запутался въ дѣлахъ, что ему надо, какъ можно скорѣе, найти покупщика на усадьбу. И на ней онъ сдѣлаетъ большую уступку тѣмъ на лѣсной дачѣ!

— Понятное дѣло!

Первачъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

Дверь тихо отворилась.

Вошла Павла Захаровна.

Они оба разомъ встали.

— Николай Никанорычъ! Братъ васъ просить къ себѣ, — сказала она и заглянула. — Вы вернулись, Василій Иванычъ, а мнѣ никто не доложить... Гдѣ же ваши дамы?

— Въ саду, — отвѣтилъ Первачъ.

— И вы туда собираетесь?

— Нѣтъ-съ... Я къ Ивану Захарычу. Мы вотъ съ Василюмъ Иванычемъ побесѣдовали немножко.

Первачъ обернулся къ Теркину.

— Имѣю честь кланяться, Василій Иванычъ; разговоръ нашъ, если позволите, какъ-нибудь продолжимъ.

— Я не хочу мѣшать! — выговорила Павла Захаровна и пристально поглядѣла на нихъ обоихъ.

— Это не къ спѣху, — отвѣтилъ Теркинъ. — Да все сущее и сказано.

Первачъ, уходя, шаркнулъ ногой.

— Вамъ въ садъ угодно? — еще разъ спросила Павла Захаровна.

Она присѣла на конецъ дивана и оглядѣла столъ съ остатками угощенія.

— Веселая компанія у васъ была. И пѣніе, кажется?

Ея губы повела брезгливая усмѣшка.

— Да, — отвѣтилъ ей Теркинъ, присаживаясь къ столу: — я засталъ компанію въ полномъ сборѣ. Кажется, у васъ скоро и свадьба? — прибавилъ онъ простодушно.

— Свадьба? Кого же выдавать будутъ?

— Племянницу вашу, Александру Ивановну. Развѣ господинъ Первачъ — не женихъ ея?

— Отъ васъ перваго слышу.

— Такъ какъ же, почтеннѣйшая Павла Захаровна, сестрица ваша позволяетъ постороннему мужчине быть на такой ногѣ съ дѣвушкой хорошаго дома?.. Вы меня извините: я не имѣю права дѣлать какія-нибудь замѣчанія... Я судилъ по очевидности...

— Дѣвочка эта — по натурѣ испорченная въ корень... Вся мать.. Я умываю руки... Сестра, по слабости своего характера, потакаетъ ея наклонностямъ. Господинъ ли Первачъ, другъ ли — точно такъ же бы повелъ себя.

— Жаль мнѣ ее стало... Если позволите поговорить по чѣ, — такая она юная и безпомощная... Опять же — единствен-

ная наслѣдница своего отца... На нее охотниковъ не мало будетъ—на ея приданое.

— Какое?

Павла Захаровна повела своими приподнятыми плечами.

— Неужели же отъ двухъ вотчинъ Ивана Захарыча ничего не останется? Мнѣ неловко спрашивать объ этомъ. Я—представитель компаніи, которой вашъ братъ предлагаетъ свой лѣсъ и даже—вамъ это вѣроятно извѣстно—и эту усадьбу съ паркомъ. Если мы поладимъ, онъ получитъ самую высшую цѣну—по здѣшнимъ мѣстамъ... Но только, почтеннѣйшая Павла Захаровна, надо устранить всякихъ ненужныхъ посредниковъ и маклаковъ.

— Вы на кого же намекаете?

Она уже догадывалась, что онъ намекаетъ на таксатора. Первачъ могъ провести ее съ братомъ и передаться на сторону покупателя. Пускай онъ поскорѣе осрамитъ дѣвчонку, и тогда можно будетъ изъ денегъ, полученныхъ за продажу одного имѣнія, выкинуть тысячъ пять или десять на приданое ей—и чтобы ея духу не было!

Но этотъ разночинецъ самъ простоватъ. Его можно поддѣть на благородствѣ его чувствъ. Онъ желаетъ показать, что у него больше благородства и честности, чѣмъ у дворянъ. Она еще вчера рѣшила съ глазу на глазъ переговорить съ нимъ... Кажется, и дѣвчонка ему приглянулась... Пускай отобьетъ ее у землемѣра и увезетъ... Тѣмъ лучше.

— Не угодно ли вамъ пройти ко мнѣ?—выговорила она и встала.—Я васъ долго не задержу... Но вы увидите, что вамъ нельзя покончить съ братомъ, не выслушавъ меня.

— Къ вашимъ услугамъ, Павла Захаровна. Вы вѣдь здѣсь—голова... Я это сразу увидалъ.

Она ничего не отвѣтила и только издала неопредѣленный звукъ носомъ.

— Василій Иванычъ! — окликнула Саня, подбѣгая къ террасѣ. — Вы здѣсь?

— Василю Иванычу сейчасъ некогда!—отвѣтила въ окно Павла Захаровна и застучала по полу палкой, уводя за собою Теркина.

XXV.

— Такъ вотъ какое дѣло, Павла Захаровна!..

Теркинъ выслушалъ горбуню внимательно и съ почтительнымъ выраженіемъ лица; но внутри у него накипало желаніе:

„оттаскѣть“ ее — такъ она ему была противна. Подъ конецъ, однако, и эта злобная старая дѣва показалась ему жалка, — чѣмъ-то въ родѣ психопатки. Она ему не открыла главной причины своего поведенія; но онъ хорошо помнилъ то, что рассказывала Федосѣвна, и все сообразилъ.

— Да-съ, — съ оттяжкой нижней губы выговорила Павла Захаровна. — Вы понимаете, милостивый государь, ежели братъ мой имѣетъ такія обязательства предо мною и сестрой и, по слабости своего характера, привелъ дѣла въ такое разстройство, я должна была поставить вамъ это на видъ...

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ согласиться Теркинъ. — Но съ чѣмъ же останется племянница ваша? У Ивана Захаровича — если онъ продастъ и усадьбу — останется то дальнее имѣніе; но и на него вы предъявляете свое право. Стало, оно фактически ему принадлежать не будетъ. Правда, наслѣдницей вашей, во всякомъ случаѣ, Александра Ивановна...

— Позвольте-съ... Я умирать еще не собираюсь! Дѣло отца — заботиться о своей дочери... И наконецъ, это... это..

— До меня не касается, хотѣли вы сказать? Это — точно, Павла Захаровна. Но вѣдь вашу барышню мнѣ вчужѣ жаль. Она — безъ всякаго призора. Вы не можете же не знать, что здѣсь черезъ стѣну дѣлается. Вы меня извините... Я говорю такъ — послѣ вашего ко мнѣ обращенія... Вы желаете, чтобы я васъ, при предстоящей сдѣлкѣ съ братомъ вашимъ, поддержалъ? Стало — довѣряете мнѣ?

Горбунья повела плечами, глаза сначала замигали, потомъ въ нихъ вспыхнулъ огонекъ и губы стали вздрагивать.

— Господинъ Теркинъ! Вы хоть и посторонній человекъ, но я должна вамъ сказать — эта дѣвочка по натурѣ своей въ корень испорчена... Бѣдный мой братъ боготворилъ ея мать, а она его самымъ постыднымъ манеромъ обманывала.

„Такъ, такъ! — думалъ Теркинъ: — Федосѣвна правду говорила“.

— И вы что же... Теперь на дочери вину матери ея вымещаете, даже если предположить, что та и согрѣшила передъ мужемъ своимъ?..

— Позвольте, милостивый государь! Эта дѣвочка — вовсе не дочь брата Ивана и никогда ею не бывала!

— Быть можетъ, почтеннѣйшая Павла Захаровна, но она считалась его дочерью, она — дворянское дитя, воспитанная дѣвочка изъ института... тоже, навѣрно, дворянскаго — и все въ ней чистое, чистое.

Говоря это, Теркинъ чувствовалъ, что выходитъ изъ своей роли дипломата, желавшаго обойти горбунью, что онъ открываетъ передъ ней свои карты... Его что-то влекло къ Санѣ, что-то бдльшее, чѣмъ простая жалость.

— Чистое!—рѣзко повторила Павла Захаровна.—Шашни уже начала! Поди, во всѣхъ углахъ цѣлуется...

— Съ вѣмъ?

Вопросъ Теркина прозвучалъ почти гнѣвно. Онъ присѣлъ къ ней ближе и заговорилъ вполголоса и быстро.

— Какъ вамъ не грѣхъ—вамъ и сестрицѣ вашей—толкать ее въ лапы такому прощальгѣ, какъ этотъ таксаторъ!.. Вы думаете—онъ женится на ней, не заполучивъ куша? Какъ бы не такъ! А вы, видимое дѣло, хотите ее осрамить и выгнать безъ куска хлѣба...

— Мои чувства и мысли при мнѣ остаются.

— Полноте хитрить!—громче отрѣзалъ Теркинъ и заходилъ по комнатѣ.—Я васъ выслушалъ. Теперь и мой чередъ. Въ ваши родственные расчеты я входить не обязанъ, но коли захочу—могу оказать давленіе на вашего брата и помочь вамъ получить съ него, если не все, то хоть часть долга... Но я ставлю первымъ условіемъ: этого шустрого таксатора сейчасъ же устранить. Онъ—плутъ, и моему лѣсоводу, и мнѣ лично дѣлаетъ посулы и готовъ сейчасъ же васъ всѣхъ продать.

— Всѣ нынче такіе!

— Можетъ быть; но его чтобы завтра же здѣсь духу не было. Извольте на вашего братца подѣйствовать: сдѣлать это сегодня же и при мнѣ. А затѣмъ—въ случаѣ покупки мною усадьбы съ паркомъ—Иванъ Захарычъ обезпечить Александру Ивановну при жизни—и при заключеніи нашей сдѣлки.

Павла Захаровна поднялась, нервно обдернула платье во-кругъ своей жилистой шеи и порывисто отковыляла къ дальнему углу комнаты.

— Но вы, милостивый государь, кажется, законы ваши думаете предписывать?

Этотъ „хамъ“ возмущалъ ее нестерпимо: въ концахъ ея вострявыхъ пальцевъ она ощущала зудъ. Мужикъ, разночинецъ—и смѣетъ такъ вести себя.

Она громко перевела дыханіе и вернулась опять на свое мѣсто.

— Вы злоупотребили моимъ довѣріемъ—и теперь...

— Та-та-та!—перебилъ Теркинъ и махнулъ рукой.— Безъ жалкихъ словъ, Павла Захаровна, безъ жалкихъ словъ... Я вамъ ;

нуженъ. И кромѣ меня, въ эту минуту, никто у Ивана Захарыча дѣсной его дачи за хорошую цѣну не купить. Только наша компанія можетъ это себѣ позволить. И усадьбу съ паркомъ компанія не купить безъ моего особаго ходатайства. Слѣдственно—извольте выбирать: или сдѣлайте порядочное дѣло и не обижайте ни въ чемъ неповинную дѣвушку, не развращайте ее, да еще такъ предательски...

— Я ее развращаю?!

— А то какже? Ваша сестрица прямо спаиваетъ ее и... сводитъ съ жуликомъ.

Онъ спохватился: не слишкомъ ли онъ далеко зашелъ. Но ему уже трудно было переимѣнить тонъ, да и не хотѣлось. Головка Сани съ ясными глазами, ея голосокъ, особая безпомощность и безобидность всего ея существа согрѣвали его и настроивали на новый приливъ жалости къ этому чаду вырождающейся помѣщичьей семьи. Въ ней еще текли свѣжіе соки. А остальное вызывало въ немъ гадливость и сознаніе своего превосходства: эта горбунья, ея жирная сестра-дура, ихъ братъ, вся безтолочь ихъ ненужной и постылой прозябаемости, гдѣ самымъ жизненнымъ нервомъ являлась манія старой дѣвы, такъ бездушно мстящей за любовь брата къ ненавистой невѣстѣ... Какая дичь!.. Стѣсняться ему нечего.

Глаза Павлы Захаровны блеснули ярче и углы рта вздрогнули. Она издала короткій звукъ смѣха.

— Да вы ужъ не желаете ли сами осчастливить нашу идіотку... предложеніемъ руки и сердца? Ха, ха!

Этотъ вопросъ заставилъ его встрепенуться. Къ щекамъ прилила краска. Но онъ подавилъ смущеніе и не сразу отвѣтилъ ей.

— Намъ гдѣ же, мы—простецы... На вашемъ барскомъ нарѣчійи вы нашего брата кошачникомъ величаете. Одно скажу—имѣй я виды на Александру Ивановну, я бы не такъ повелъ дѣло.. Вы это изволили сказать въ пику мнѣ, что, молъ, я объ ея приданомъ хлопочу на всякій случай—такъ позвольте вамъ доложить, сударыня,—онъ въ первый разъ такъ назвалъ ее—я въ такихъ денежныхъ дѣлахъ, что мнѣ заочно будетъ и о болѣе крупномъ кушѣ хлопотать, когда надумаю жениться.

За дверью раздались шаги Первача.

— Можно войти?

— Уговоръ лучше денегъ!—шопотомъ произнесъ Теркинъ, агнувшись надъ столомъ:—Его...—и онъ сдѣлалъ жестъ рукой.

— Можете войти!—крикнула Павла Захаровна.

— Наша конференція съ Иваномъ Захарычемъ кончилась,—

заговорилъ онъ, потирая руки. Глаза его безпокойно перескочили отъ горбуни къ Теркину.

— Братъ у себя въ кабинетѣ?—спросила Павла Захаровна.

— И желалъ бы, до чая, побесѣдовать еще съ Василиемъ Иванычемъ.

— Попросите Ивана Захарыча сюда!—сказалъ Теркинъ.—
Одного!—прибавилъ онъ значительно.

— Понимаю-съ!.. Я и не желаю быть лишнимъ... Сдѣлайте
одолженіе!

Первачъ повернулся на одномъ каблукѣ и у двери обернулся
къ нимъ лицомъ.

— Напрасно вы безпокоитесь, Василий Иванычъ! Лишнимъ
я не желаю быть.

— И разлюбезное дѣло!—сказалъ ему вслѣдъ Теркинъ точно
такъ, какъ видѣнный имъ московскій актеръ, въ Львѣ Красновѣ.

XXVI.

На балконѣ собрались всѣ въ чаю.

Разливала Марѳа Захаровна. Саня сидѣла немножко поодаль.
Первачъ отошелъ къ периламъ, присѣлъ на нихъ, обкусывалъ
стебелекъ какой-то травы и тревожно взглядывалъ на тотъ ко-
нечъ стола, гдѣ между Иваномъ Захарычемъ и его старшей
сестрой помѣщался Теркинъ. Онъ уже почувалъ, что ему больше
ходу не будетъ въ этомъ домѣ, что „лѣсной воротило“ на
службу компаниі его не возьметъ... Да и съ барышней ничего
путнаго не выйдетъ.

Иванъ Захарычъ, въ свѣтло-голубой домашней тужурѣ, съ
закинутой назадъ маленькой головой, медленно курилъ папиросу
и старался соблюсти свое достоинство. Лицо у него было краснѣе
обыкновеннаго. Его грызло то, что онъ долженъ былъ, при по-
купателѣ изъ разночинцевъ, сводить свои родственные счета.
Сестра Павла подвела его, ставнулася съ покупщикомъ. Никогда
еще его дворянскій гоноръ такъ не страдалъ. Еще добро бы
Теркинъ влюбился въ Саню и сдѣлалъ предложеніе... И того
нѣтъ. Онъ только разыгралъ роль сердобольнаго опекуна—поста-
вилъ условіемъ сдѣлки обезпеченіе Сани... Богъ знаетъ, что та-
кое! На все это Иванъ Захарычъ долженъ былъ согласиться, и
чувствуетъ теперь, что сестра Павла еще больше заберетъ егѣ
а на сторонѣ у него, на-дняхъ, ожидается приращеніе незако-
ной семьи. Надо и тѣхъ обезпечить. Безъ продажи усадьбы не

чего и думать обойтись; а лучшаго покупателя не найти. Злиться на сестру онъ не смѣетъ. Формально она права; но никакъ онъ уже не ожидалъ такого подхода.

Павла Захаровна поглядывала вкось на брата и прихлѣбывала чай съ блюдечка. Она добьется того, что получить свое; но этотъ „кошатникъ“ какъ-то сразу измѣнилъ ея позицію. Ему она будетъ обязана, а не своей мудрой головой. Точно подачку ей подалъ. И какъ онъ ни хитри—ему „дѣвчонка“ понравилась. Очень можетъ статься, она угодитъ за него!.. Брыкаться и братъ не станетъ; а ей и подавно нечего стоять за ненавистное отродье распутной невѣстки. И что же выйдетъ? Госпожа Теркина вотъ здѣсь барыней заживетъ, милліонщицей, отецъ совсѣмъ прогоритъ, продастъ и вторую вотчину. Положимъ, она съ сестрой купятъ ее и онъ при нихъ останется. А если зятекъ съ дочкой здѣсь очутятся? Они его къ себѣ переманятъ... „Кошатникъ“ изъ одного разночинскаго задора это сдѣлаетъ.

Чай плохо шель въ горло Павлы Захаровны, и она то-и-дѣло откашливалась.

Теркинъ сидѣлъ между ними; но разговаривалъ больше съ Саней.

Его подмывало настроеніе, сходное съ чувствомъ, когда удастся кого-нибудь вытянуть изъ воды. На Саню онъ поглядывалъ, точно на собственное „чадо“. Почему-то ему вѣрилось, что теперь она уже не пропадетъ. Таксатора завтра же не будетъ здѣсь: онъ этого прямо потребовалъ. Не плутоватаго маклака устранялъ онъ, главнымъ образомъ, — а нахала, способнаго развратить милую дѣвушку. И онъ не стыдился такого сознанія. Все сильнѣе и сильнѣе разгоралось въ немъ желаніе оставить Заводное за собою — если не сейчасъ, то черезъ два-три года. Онъ уже рѣшался взять на свой страхъ эту покупку. Если компанія не одобритъ ея—тѣмъ лучше: это будетъ его имѣніе, и онъ, на свой счетъ, создастъ въ немъ школу практическихъ лѣсоводовъ.

Но не одно это его тѣшило. Сидитъ онъ среди помѣщичьей семьи, съ гоноромъ, онъ—мужичій подвидышъ, разночинецъ, котораго Павла Захаровна навѣрное зоветъ „кошатникомъ“ и „хамомъ“... Нѣтъ! отъ нихъ слѣдуетъ отбирать вотчины людямъ, какъ у кого есть любовь къ родному краю, къ лѣснымъ угодымъ, кормилицѣ-рѣкѣ. Не собственной мощной онъ силенъ, не ею величается, а добился всего этого головой и волей, надзо- гъ за собственной совѣстью.

— Вамъ покрѣпче, Василій Ивановичъ?—донесся до него го-
лосъ Сани.

Она глядѣла на него изъ-за самовара.

— Да, покрѣпче, Александра Ивановна.

— Съ сливками?

— Нѣтъ, позвольте съ лимономъ.

Что-то заиграло у него въ груди отъ голоса Сани и мягкаго блеска ея глазъ. Приливъ жалости подступилъ къ сердцу. Захотѣлось сейчасъ же увести ее изъ этой семьи, обласкать, наставить, создать для нея совсѣмъ другую жизнь. Быстрая-быстрая мысль пронизала его мозгъ... Вѣдь женщина—два года назадъ—помогла ему. Съ ея деньгами дошелъ онъ—въ такой ничтожный срокъ—до теперешняго положенія.. И она же довела его до сдѣлки съ совѣстью. Всю жизнь онъ будетъ помнить про эту сдѣлку. Тамъ онъ попользовался—здѣсь самъ долженъ оградить беспомощное женское существо, раздѣлить съ нѣмъ свой достатокъ, сдѣлать изъ нея подругу не потому, что животная страсть колыхаетъ его, а потому что „такъ будетъ гдѣ“,—мысленно выговорилъ онъ по-мужички.

Его взглядъ приласкалъ Саню, когда она подавала ему стаканъ чаю.

Сегодня во всемъ домѣ произошло какое-то событіе. И въ ней самой есть что-то новое. Ей почти неприятно чувствовать позади себя Николая Никанорыча. Хотѣлось бы выкинуть то, что было между ними. Онъ ей чужой. „Хорошій человекъ“—не онъ, а вотъ тотъ, Василій Ивановичъ, передъ которымъ всѣ смирились, даже тетка Павла. Какъ будто и всю судьбу ихъ семьи держитъ онъ въ своихъ рукахъ. Но ей онъ не страшенъ. Напротивъ! Василій Иванычъ—добрый и красивый, гораздо милѣе Николая Никанорыча. И навѣрное онъ будетъ съ ней еще много говорить... И она ему во всемъ покается сама, не дожидаясь его разспросовъ.

— А вашъ управляющій гдѣ же?—спросила Теркина Марѳа Захаровна.—И ему бы чаю предложить.

— Онъ еще не вернулся изъ лѣсу—отвѣтилъ Теркинъ.

Павла Захаровна поглядѣла вбокъ на сестру: „довольно, молъ, и одного хама, а то его еще приказчиковъ всякихъ въ свою компанію принимать!“

Теркинъ подмѣтилъ этотъ взглядъ и сказалъ, обернувшись къ Ивану Захарычу:

— Вашу дачу онъ теперь знаетъ, какъ свои пять пальцевъ.

Иванъ Захарычъ промолчалъ и только слащаво усмѣхнулся. Ему предстояло объясненіе съ Первачемъ, и онъ не зналъ, какъ ему быть: сестра отказалась отъ всякаго посредничества... Дене

заплатить Первачу—у него не было: приходилось просить ихъ у покупщика.

Протянулось очень длинное молчаніе. Теркину оно не показалось тягостнымъ. Онъ и не требовалъ, чтобы его занимали... Ему было хорошо. Изъ цвѣтника долетало благоуханіе вѣтерка. Въ паркѣ зашелкалъ соловей. А позади, внизу, неслышно текла рѣка, куда ему хотѣлось спуститься подъ-руку съ Саней.

— Колокольчикъ!—тихо вскрикнула Сая, будто она вздохнула.

— Кто бы это?..—спросила Марѳа Захаровна.—Предводитель?

— Ему теперь не до разѣздовъ!—выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Звонъ рѣзко оборвался у крыльца.

Теркинъ подумалъ о Звѣревѣ. Будь онъ тогда, у него, въ такомъ же настроеніи, какъ сегодня, вѣроятно „Петька“ вылянчилъ бы у него тысячѣву-другую.

Камердинеръ Ивана Захарыча показался въ дверяхъ террасы.

— Кто пріѣхалъ?—спросила первая Марѳа Захаровна.

— Барыня... Карточку вотъ дали... господину Теркину... По дѣлу... Ихъ желаютъ видѣть.

— Меня?—переспросилъ Теркинъ и быстро поднялся.

— Такъ точно.

На карточкѣ стояло: „Серафима Ефимовна Рудичъ“.

Онъ подавилъ въ себѣ смущеніе, но Сая замѣтила, какъ глаза его вдругъ потемнѣли.

— Вы позволите принять эту госпожу?—обратился онъ къ хозяйкамъ, во флигель.

— Почему же нѣтъ? Гостиная—въ вашемъ распоряженіи,—чопорно выговорилъ Иванъ Захарычъ.

Теркинъ былъ уже на порогѣ, скорымъ шагомъ прошелъ по гостиной и въ залѣ столкнулся съ гостьей.

Первая его мысль была не принять ее, но онъ сейчасъ же нашелъ это „гнусной трусостью“ и смѣло пошелъ на все, что этотъ пріѣздъ Серафимы могъ повести за собою.

XXVII.

Въ той самой бесѣдѣ, гдѣ онъ, въ первый разъ, говорилъ „Саней, сидѣли они другъ противъ друга.

Теркинъ быстро-быстро оглядѣлъ ее и тотчасъ же отвелъ ша. Серафима была одѣта пестро, но очень въ лицу—шляпка яркими цвѣтами и шолковый ватерпруфъ темномалиноваго

цвѣта, съ мѣшкою назади и распашными рукавами. Ему показалось, что она немного притирается. Глаза выступали непомерно — она ихъ или подкрашивала, или что-нибудь выпускала въ зрачки. На лицѣ — блѣдномъ и немного пополившемъ — пробѣгали струйки нервной дрожи. Отъ нея сильно пахло духами. Изъ-подъ юбки свѣтлаго платья выставлялась нога въ красноватой ботинкѣ. На лбу волосы были взбиты.

„Кокотка, какъ есть кокотка!“ опредѣлили онъ мысленно — и въ груди ощутилъ родъ жженія. Никакой радости, даже волненія онъ не сознавалъ въ себѣ. Ему предстояло что-то ненужное и тяжкое.

— Здравствуй, Вася! — заговорила первая Серафима и пода-
лась къ нему своимъ, все такимъ же пышнымъ, станомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты такъ меня встрѣчаешь?

— Къ чему же этотъ прїездъ сюда?.. Вѣдь у меня есть
квартира въ городѣ...

— Кто же виноватъ, что ты здѣсь днюешь и ночуешь?..
Низовьевъ хотѣлъ тебя вызвать, нарочнаго послать. Онъ тебя
ждетъ второй день. Ты получилъ его письмо?

— Получилъ... Но здѣсь я еще не покончилъ.

— Ну, я и разсудила — поѣхать сама. Я по дѣлу, — ничего
тутъ нѣтъ неприличнаго. Ужъ если ты нынче сталъ такой цѣр-
лихъ-манйрлихъ... Или ты у этихъ уродовъ — на правахъ не одного
покупателя, а чего-нибудь поближе?

Губы ея начали замѣтно вздрагивать. Она ихъ закусила, чтобы
удержать слезы.

— Все это ни къ чему, и вы напрасно...

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста — не на „вы“. Въ какихъ бы ты ни
былъ ко мнѣ чувствахъ — я не могу... слышишь, Вася, — не могу.
Это нехорошо, недостойно тебя. Я — свободна, никому не при-
надлежу — стало, могу быть съ кѣмъ-угодно на „ты“... Да будь я
и замужемъ... Мы — старые друзья. Точно такъ и ты... вѣдь ты
никому не обязанъ отвѣтомъ?

Ея глаза остановились на немъ пытливо и страстно. Ему
стало неловко. Онъ не глядѣлъ на нее.

— Тутъ свобода ни къ чему, — выговорилъ онъ немног-
помягче.

— Пойдемъ отсюда. Здѣсь мы на юру! Оттуда видно... Я
ты будешь стѣсняться...

— Съ какой стати?

— Прошу тебя.

Она такъ произнесла эти два слова, что онъ не могъ не встать. Встала и Серафима и взяла его сама подъ-руку.

— Туда... туда!.. Книзу! Вѣдь они, тамъ, могутъ меня считать за покупательницу. Явилась я къ тебѣ... а ты скупаешь лѣса... Вонъ тамъ, внизу, какая лужайка подъ дубами... Какъ здѣсь хорошо!

Серафима придержала его за руку и остановилась.

— Ахъ, Вася!—она вздохнула полной грудью.—Какъ жизнью играетъ нами!.. Вотъ я попала въ Василь-Сурскъ, на лѣсную ярмарку.

— Я знаю—съ кѣмъ...

Онъ не подавилъ въ себѣ желанія кольнуть ее, напомнить ей, съ кѣмъ она туда явилась, какими поклонниками она теперь не пренебрегаетъ. Ему припомнилось то, что рассказывалъ Низовьевъ о какомъ-то петербургскомъ лѣсопромышленникѣ-сектантѣ.

— Тебѣ, небось, Низовьевъ говорилъ про Шуева?

— Какого Шуева?

— Ну, того... изъ „бѣлыхъ голубей“.

Она не докончила и разсмѣялась.

— Правда это? — спросилъ онъ, и его губы сложились въ усмѣшку жалости къ ней.

Она схватила это глазами и отняла руку.

— Ты думаешь, я его?..

— Съ такими—трудно иначе,—шутливо выговорилъ онъ.

— Ну, все равно, думаешь, я обираю его? Могла бы!.. Такъ какъ онъ... страсти-ужасти!.. Ты не знаешь!.. До изступленія влюбленъ... Да... И онъ душу свою заложить, не только-что отдастъ все, что я потребую... Дядя у него—въ семи милліонахъ, и полная довѣренность отъ него... Слышишь—семь милліоновъ! И онъ—единственный наследникъ...

— Хорошо, хорошо!

Ему стало уже досадно на себя—зачѣмъ онъ намекнулъ на этого сектанта.

— Я запретила ему за мной слѣдомъ ѣздить... Провались они всѣ!—вскричала она и, обернувшись къ нему, опять взяла его подъ-руку.—Вонъ туда сядемъ... Пожалуйста!.. Тамъ такъ хорошо!

Онъ не противился. Серафима опустилась прямо на траву, вѣнь, между двумя деревьями.

— Садись сюда же... Ну, вотъ спасибо. Ты не желаешь, ч я тебя, по старому, Васей звала и „ты“ тебѣ говорила?.. А?

— Мнѣ пожалуй...

— Ну, хоть и на томъ спасибо.

Надъ ними, сбову, наклонились вѣтви большой черемухи и къ ногамъ ихъ спадали бѣлые, мелкіе лепестки.

Серафима подняла голову и громко потянула въ себя воздухъ.

— Господи!—перебила она себя.—Такъ хорошо!.. Воздухъ!.. Пахнетъ какъ! Рѣка наша—все та же. Давно ли? Какихъ-нибудь два года, меньше того... Тоже на берегу... и на этомъ самомъ... А? Вася? Тебѣ непріятно? Прости, но я не могу. Во мнѣ такъ же радостно ёкаетъ сердце. Точно все это сонъ былъ, пестрый такой, тяжелый,—знаешь, когда домовою давить,—и вотъ я проснулась... въ очарованномъ саду... И ты тутъ, рядомъ со мной! Господи!

Волненіе перехватило ея рѣчь. Она отвернула голову и взялась руками за лицо. Теркинъ сидѣлъ немного повыше ея, прислонившись спиной къ одному изъ молодыхъ дубовъ. И его—противъ воли—уносило въ прошлое. Какъ тогда задрожали его колѣни, когда онъ—у памятника, въ садикѣ, завидѣлъ ее издали. Онъ себя испытывалъ, почти боялся—что вотъ не явится этого признака, по которому онъ распознавалъ страсть... И признакъ явился. Въ чувствахъ этой роскошной и пылкой женщины онъ находилъ потомъ больше глубины и честности, чѣмъ въ себѣ. Ничего мудренаго нѣтъ, что она осталась вѣрна его памяти, даже если и начала кружить головы мужчинамъ... Кто его такъ любилъ?..

Глаза его—украдкой—остановились на ея профилѣ, на ея станѣ, на линіи ея головы. Да, она смахивала на кокотку; но, въ ту минуту, вся трепетала влеченіемъ къ нему, жаждой примиренія, любовью, искупающею всякій грѣхъ.

Листья дубовъ и черемухи ласково шептались и слали имъ свое благоуханіе; вблизи ворковала горленка, изъ травы выглядывали головки маргаритокъ.

На сердцѣ Теркина стало помягче. Онъ не хотѣлъ помнить зла. Но не могъ и лгать, надѣвать на себя личину или поддаваться соблазну, чтобы сказать тотчасъ же потомъ: „Ты хотѣла добиться своего... Ну, а теперь прощай!“

Чуть-чуть дотронулся онъ до ея руки, немного ниже локтя. Серафима, точно отъ укола, повернулась къ нему отъ одного прикосновенія.

— Во мнѣ,—заговорилъ онъ, не поднимая на нее глазъ, —нѣтъ никакого противъ... тебя—слово не сразу сошло съ губъ его—сердца... Все перегорѣло... Можетъ быть, мнѣ первому слѣдуетъ просить у тебя прощенія—я это говорю, какъ братъ свазалъ бы сестрѣ...

— За что?—почти изумленно перебила Серафима.

— Я тебя на грѣхъ подтолкнулъ... Никто другой.

— Вотъ еще! Съ какой стати ты на себя такое святошество напускаешь, Вася? Это на тебя непохоже... Или...

Она хотѣла сказать: „или Калерія тебя такъ передѣлала?“

— Никакого тутъ святошества нѣтъ. Я употребляю слово: „грѣхъ“ попросту. Я тобой хотѣлъ овладѣть, зная, что ты чужая жена... и даже не думалъ ни о чемъ другомъ. И это было низко... Остальное ты знаешь. Стало, я же передъ тобой и виноватъ. Я—никто другой—и довелъ тебя до покушенія и перевернулъ всю тебя.

За три минуты онъ не ожидалъ ничего похожаго на такой приговоръ себѣ. Это вылилось у него прямо, изъ какой-то глубокой складки его совѣсти, и складка эта лежала внѣ его обычныхъ душевныхъ движеній... И ему стало очень легко, почти радостно.

— Не фарисействую я, Сима. Осуждаю себя и готовъ всачески поддержать тебя, не дать тебѣ катиться внизъ... Встрѣтилъ я тебя нехорошо... Не то испугался, не то разолился... А вотъ теперь все это отлетѣло. И никакихъ счетовъ между нами—слышишь—никакихъ...

— Никакихъ? — захлебываясь, выговорила она и наклонила къ нему низко трепетное лицо.

— Никакихъ!..

XXVIII.

— Вася!.. Прости!..

Съ этимъ воплемъ Серафима припала головой къ нему. Рыданія колыхали ее.

— Что ты! Что ты!..

Теркинъ не находилъ словъ. Руками онъ старался поднять ее за плечи. Она не давалась и судорожно прижимала голову къ его колѣнямъ.

— Прости! Окаянную!.. Жить не могу... не могу... безъ тебя!—прерывистымъ звукомъ, съ большимъ усиленіемъ выговаривая ея губы, не попадая одна на другую.

Все ея тѣло вздрагивало.

Такъ прошли минуты... Ему удалось поднять ее за плечи и дить рядомъ.

Внезапный взрывъ страсти и раскаянія потрясъ его и жажда влилась въ душу быстро, согрѣла его, перевернула взглядъ

на эту женщину, сложившійся въ немъ въ теченіе года... Но порыва взять ее въ объятія, осыпать поцѣлуями—не было. Онъ не хотѣлъ обманывать себя и подогрѣвать. Это заставило его тутъ же воздержаться отъ всякой неосторожной ласки.

Съ помутившимися, покраснѣвшими глазами сидѣла она у ствола, опиралась ладонями о дернъ и силилась подавить свои рыданія.

— Полно, полно!—шопотомъ успокоивалъ онъ, наклоняясь къ ней.

За талію онъ ее не взялъ и даже не прикоснулся къ ея плечу вистью руки.

— Ты добрый, чудный... Я не оправдываюсь... Я, Вася, милостыни прошу! Все опротивѣло... вся жизнь... разъѣзды... знакомства... ухаживанія... мужчины всякіе, молодые, старые... Стая псовъ какихъ-то... Ужины... шампанское... франтовство... тряпки эти...

Она схватила свою шляпку и швырнула ее.

— Не глядѣла бы!..

И такимъ же порывистымъ движеніемъ она прижалась къ нему и положила голову на его плечо.

— Вася! Жизнь моя!.. Не оттолкни!.. Возьми... Ничего мнѣ не нужно... Никакихъ правъ... Ежели бы ты самъ предложилъ мнѣ законный бракъ—я не соглашусь... Да и какъ я посмѣю! Тебя... тебя... слышать, сидѣть рядомъ... знать, что вотъ ты тутъ... что никто не отниметъ... никто, кромѣ... тебя самого, или смерти... Да я умру раньше... Я это знаю. Мнѣ хоть бы годковъ пять... Много... Хоть два года! Хоть годъ!

Въ ея отрывистой рѣчи проглядывали неслыханные имъ звуки, что-то наивно-дѣтское и прозрачное, по своей беззавѣтной пылкости. Никогда и прежде—въ самые безумные взрывы страсти—ея слова не проникали такъ въ самую глубь его души, не трогали его, не приводили въ такое смущеніе.

Онъ чуть не остановилъ ее возгласомъ: „Не нужно!.. Не говори такъ!“

Слезы подступили къ глазамъ—онъ ихъ уже ощущалъ въ углахъ—и губы вздрагивали... Жалость къ ней росла, жалость сродни той, какая пронизала бы его у постели умирающаго или человѣка, приговореннаго къ смерти, въ ту минуту, когда онъ прощается съ жизнью и хватается за нее послѣдними хвостами отчаянія, сквозь усиленный подъемъ духа.

Но больше ничего не было въ сердцахъ—онъ это созналъ б - поворотню.

— Сима,—заговорилъ онъ нетвердо, боясь расплакаться: — Ты меня тронула, какъ никогда... Въ любовь твою вѣрю...

— Вѣришь!—вскричала Серафима и выпрямила станъ. Глаза заблестали. Лицо мгновенно озарилось.

— Вѣрю,—повторилъ Теркинъ и отвелъ отъ нея взглядъ. — Но я прошу, умоляю тебя... Не насилуй моей души... Назадъ не вернешь чувства...

Докончить у него не хватило жестокости.

— Да-а,—протянула она глухо и поникла головой. — Руки тотчасъ же опустились, и опять она уперла ихъ ладонями въ траву.—Я знала, Вася... могла предвидѣть... Вы, мужчины, не то, что мы. Но я ничего не требую! Пойми! Ничего!.. Только не гони. Вѣдь ты одинъ... свободенъ... Если ты никого еще не любилъ, позволь мнѣ дышать около тебя! Вѣдь не противна же я тебѣ?.. Не уродъ... Ты молодой...

Серафима вдругъ покраснѣла. Ей стыдно стало своихъ словъ. Оба промолчали больше минуты.

— Зачѣмъ... унижать себя!—вымолвилъ первый Теркинъ и почувалъ тотчасъ бесполезность своихъ словъ.

— Унижать!..—повторила она, безъ слезъ въ голосѣ, а какимъ-то особеннымъ полупнопотомъ.—Унижать! Развѣ я могу считаться съ тобой! Пойми! Милостыни у тебя просятъ, а ты съ правоченіями!

Это его задѣло. Онъ поднялъ голову, строже взглянулъ на нее—и она ему показалась жалва уже на другой ладъ. Что жъ изъ того, что она не можетъ жить безъ него? Какъ же ему быть съ своимъ сердцемъ?.. Любви къ ней нѣтъ... Взять ее къ себѣ въ любовницы потому только, что она красива, что въ ней темпераментъ есть,—онъ не позволить себѣ этого... Прежде, быть можетъ, и пошелъ бы на такую сдѣлку, но не теперь.

Отъ всего ея существа, даже и потрясеннаго страстью, повѣяло на него только женщиной, царствомъ нервовъ, распатанныхъ постоянной жадой наслажденій—все равно какихъ—любовныхъ или низменно-животныхъ. Психопатія и гистерія выглядывали изъ всего этого. Не то, такъ другое,—не мужчина, такъ морфинъ или еще какое средство опьянать себя. А тамъ—изстѣненіе клиническихъ субъектовъ.

Запахъ сильныхъ духовъ шель отъ нея и началъ бить его въ виски. Этотъ запахъ выѣдалъ изъ сердца даже хорошую жалость, какую она пробудила въ немъ, нѣсколько минутъ назадъ.

— Не хочу лгать, Серафима,—сказалъ онъ твердо и сдѣлалъ движеніе, которымъ какъ бы отводилъ отъ себя ея станъ.

— Я не требую... Не гони!

— Не гнать! Значить, жить съ тобой... жить... Иначе нельзя... Я не картонный, а изъ плоти и крови. А жить я не могу не любя!

— Боишься?— перебила она и съ расширенными зрачками уставилась на него.

— Боюсь?.. Да! Не стану таяться. Боюсь.

— Чего?

— Все того же! Распúсты боюсь!.. Тебя никакая страсть не передѣлаеть. Ты не можешь сбросить съ себя натуры твоей... Съ тобой я опять завяжу сначала одинъ ноготокъ въ тину, а потомъ и всю лапу.

— А теперь ты, небось, праведникъ?

Она достала шляпку, стала надѣвать ее.

— Не праведникъ. Куда же мнѣ!..

— Въ гору пошелъ... Крупнымъ дѣльцомъ считаешься.

— Потому-то и долженъ за собою слѣдить... чтобы денга всей души не выѣла...

Серафима поднялась на ноги—однимъ движеніемъ своего гибкаго тѣла.

— И все это не то!

Щеки ея мгновенно поблѣднѣли, глаза ушли въ орбиты.

— А что же?—тихо спросилъ Теркинъ.

— Не барышню ли присматриваешь?—она указала правой рукой въ сторону дома:—вмѣстѣ съ усадьбой и породниться желаешь?.. Ха, ха! И на такого суслика, какъ эта толстощекая дѣвчонка, ты мѣняешь меня... мою любовь!.. Вѣдь она не женщина, а сусликъ, сусликъ!..

Слово это она схватила съ злорадствомъ—и готова была повторять до безконечности.

— Почему же сусликъ?—остановилъ ее Теркинъ и тоже поднялся.

Они стояли близко одинъ къ другому, и дыханіе Серафимы доходило до его лица... Глаза ея все чернѣли и вокругъ рта ползли змѣйки нервныхъ вздрагиваній.

— Ну да!.. Мы влюбляемъ въ себя крупчатыхъ, раздутыхъ щеки... И дворянскую вотчину намъ хочется оставить за собою. А потомъ въ земцы попадемъ... Жаль, что нельзя въ предводители... Ха, ха!..

Смѣхъ ея зазвучалъ истерической нотой.

— Полно, Серафима! Какъ не стыдно!..—еще разъ оставилъ онъ ее.

— Если такъ... на здоровье!.. Прощай!

Она начала-было выгибать, на особый ладъ, пальцы и закидывать шею, но переломила себя, перевела плечами, натянула перчатки, отряхнула полы пальто, повернулась и пошла вверхъ, промолвивъ ему:

— Владѣй своимъ сусликомъ!.. Совѣтъ да любовь!.. Провожать меня не надо—найду дорогу... Дорогу свою я теперь знаю!..

XXIX.

Онъ не сталъ ее удерживать и смотрѣть ей вслѣдъ. Серафима пошла порывистой поступью и стала подниматься по крутой тропинкѣ, нервно опираясь на ходу свою накидку.

Слѣдовало бы проводить ее, объяснить какъ-нибудь хозяевамъ такой быстрый отѣздъ странной гостыи: она вѣдь прислала сказать съ человѣкомъ, что явилась „по дѣлу“. Но ему не хотѣлось вставать съ земли, не хотѣлось лгать.

Не могъ онъ заново отдаться этой женщинѣ. Обвинять ее—онъ ни въ чемъ неспособенъ. Протянуть ей руку готовъ, но вѣдь ей не того нужно. „Или все, или ничего“—какъ всегда было въ ней и всегда будетъ. Отъ него—въ лицѣ этой разъяренной женщины—уходилъ соблазнъ, власть плоти и разнузданныхъ нервовъ. Онъ облегченно вздохнулъ. И сейчасъ же всплыло въ душѣ стремленіе къ чему-то другому. Надо перестать „блудить“—ему вспомнилось слово Серафимы, изъ первой ихъ любовной борьбы, когда она ему еще не отдавалась. Къ чему непременно искать страсти? И развѣ не лучше, когда сближеніе съ женскимъ существомъ—доброе дѣло?.. Простой мужицкій бракъ—только безъ корысти и жесткости. Судьба посылаетъ молоденькую дѣвушку, здоровую, простодушную—дѣлай изъ нея чтò хочешь, вызови въ ней тихое и прочное чувство, стань для нея источникомъ всякой правды, всякаго душевнаго свѣта. Если ты не возьмешь ее—она сгинетъ, потому что она беспомощна.

Теркинъ все еще не двигался съ мѣста.

Покажись, на верху обрыва, свѣтлое платье Сани—онъ бы сочился и окликнулъ ее. Какъ будто что-то видѣется за деревьями. Не ищутъ ли его? Мелькнуло что-то темное. Онъ сталъ тѣлально всматриваться и узналъ фигуру Хрящева.

— Антонъ Пантелѣичъ!—крикнулъ онъ ему снизу.—Я здѣсь! скайтесь.

Хрящевъ ускорилъ шагъ и спустился къ нему прямо по пригорку, съ картузомъ въ рукахъ, немного запыхавшійся.

— Къ вамъ, Василій Ивановичъ, гонцомъ. Сейчасъ отъявился и нашелъ тамъ всѣхъ господъ Чернососныхъ въ большомъ волненіи. Позвольте присѣсть маленько на травку?

— Садитесь. Что же такое?

Теркинъ спросилъ это съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ.

— Да сюда какая-то госпожа къ вамъ пріѣзжала. Я разминудся съ ней у воротъ... Въ коляскѣ... Шляпка такая съ цвѣтами, и вообще съ большимъ эффектомъ.

— Ну, и что-жь?

— Меня сейчасъ всѣ обступили. И горбуля, и братецъ ихъ... и ловчачъ-таксаторъ: что, молъ, за особа? Не желаетъ ли какъ-нибудь помѣшать продажѣ?.. Ужъ не знаю, почему они такъ вдругъ заподозрили. Говорятъ—по дѣлу пріѣхала, Василю Ивановича увела въ садъ, и сначала въ бесѣдкѣ сидѣли, а потомъ внизъ пошли. И въ недолгомъ времени барыня эта прошла цвѣтникомъ—въ экипажѣ... Въ большомъ находятся смущеніи и просили васъ отыскать. Ха, ха!.. А вы въ цѣлости и невредности находитесь!

— Такъ они испугались не насчетъ того, что барыня эта въ меня купороснымъ масломъ плеснетъ, а насчетъ нашей купли-продажи?

— Извѣстное дѣло. Однако долженъ присовокупить, Василій Ивановичъ, что барышня въ смущеніи и насчетъ именно васъ, не случилось ли чего... Проводила меня на балконъ и тихонько проронила: дайте, молъ, мнѣ знаеъ... можетъ, что-нибудь нужно... Я по аллеѣ схожу, говорить.

— Александра Ивановна?

— Такъ точно... И въ глазкахъ мельканье. Очень въ ней много еще этой младости переливается.

Теркинъ сѣлъ и подобралъ ноги. Его потянуло на верхъ, но ему не хотѣлось показать это сейчасъ Хрящеву.

— Спасибо, Антонъ Пантелѣичъ,—заговорилъ онъ мягкимъ дѣловымъ тономъ.—Покончили съ обзоромъ дальняго урочища?

— Покончилъ, Василій Ивановичъ.

— И что нашли?

— Порубочки есть... болотца два. Не мало и старыхъ, гелыхъ корчагъ. Но въ общемъ—не плохо.

— А я васъ могу порадовать. Того жуличка въ красногалстухѣ—сегодня же фьютъ!

— Подорожную извоили прописать ему?

— Прописаль.

Хрящевъ присѣлъ сразу на корточкы и сбросилъ на траву свой бѣлый картузь. Лицо его повела забавная усмѣшка съ движеніемъ поздрей. Теркинъ разсмѣялся.

— Василій Иванычъ!.. Кормилецъ!.. Позвольте васъ такъ покрестьянски назвать. Ей Богу, я не изъ ехидства радуюсь... Только зачѣмъ же къ вашему чистому дѣлу такихъ мусьяковъ подпускать!..

И точно спохватившись, Антонъ Пантелѣичъ нагнулся къ Теркину и шопотомъ спросилъ:

— Какъ же... къ милой барышнѣ сами подниметесь или мнѣ прикажете ее успокоить?

— Я самъ.

Однимъ взмахомъ всталъ на ноги Теркинъ и оправился.

— Александра Ивановна тамъ, въ аллеѣ?

— Такъ точно. Около бесѣдки ее найдете. А мнѣ позвольте здѣсь маленько поваляться. Очень ужъ я полюбилъ этотъ паркъ и такъ моя фантазія разыгрывается здѣсь, Василій Иванычъ... Все насчетъ дендрологическаго питомника...

— Будетъ и питомникъ... Какъ вы называете? Ден... Ден..?

— Это по ученому: дендрологическій, а по просту: древесный.

— Все будетъ, Антонъ Пантелѣичъ. Все будетъ!—радостно крикнулъ Теркинъ и почти бѣгомъ сталъ взбираться по откосу, даже не дѣпляясь за мелкую поросль.

Наверху мелькнуло свѣтлое платье Сани. Она шла къ бесѣдкѣ. Тамъ началось ихъ объясненіе съ Серафимой, какой-нибудь часъ назадъ.

Почему-то—онъ не могъ понять—вдругъ, въ свѣтѣ жаркаго іюльскаго дня, ему представился голый, загороженный садикъ буйныхъ сумасшедшихъ женщинъ, куда онъ глядѣлъ въ щель, полный ужаса отъ мысли о возможности сдѣлаться такимъ же, какъ онѣ. И не за Серафиму испугался онъ, а вонъ за ту дѣвчурку, за ту, кого она назвала презрительнымъ словомъ „сусликъ“. Не пошли его судьба сюда—и какой-нибудь негодяй таксаторъ въ красномъ галстухѣ обезчестилъ бы ее, а потомъ бросилъ. Она стала бы матерью, не выдержала бы сраму—и вотъ она на выжженной травѣ, въ одной грязной рубашкѣ, и воетъ, какъ выла та ^{свѣтъ}, что лежала полуничкомъ и что-то ковыряла въ землѣ.

Дрожь прошла по немъ съ маковки до щиколокъ, когда ^{тѣ} образъ выплылъ передъ нимъ ярко, въ краскахъ и линіяхъ. ^{тѣ} въ эту минуту, былъ уже на краю обрыва... Точно подъ ^{тѣ} атомъ страха за Саню, онъ бросился къ ней и издали за- ^{тѣ} ялъ:

— Александра Ивановна, Александра Ивановна! Я здѣсь! Сани—она уже подходила къ бесѣдѣ—быстро обернулась и ахнула своимъ милымъ дѣтскимъ „ахъ!“...

Теркинъ подбѣжалъ къ ней и повелъ ее въ бесѣдку.

Оба они видны были съ того мѣста, подъ дубкомъ, куда перенесся Антонъ Пантелѣичъ. Его бѣлый картузь лежалъ на травѣ. Загорѣлый лобъ искрился капельками пота... Онъ жмуриль глаза, поглядывая наверхъ, гдѣ фигуры Теркина и Сани уже близились къ бесѣдѣ.

Юморъ проползалъ чуть замѣтной линіей по доброму рту Антона Пантелѣича... Потомъ глаза получили мечтательный налетъ.

„Такъ, такъ!—думалъ онъ словами и слышалъ ихъ въ головѣ:—мать-природа ведетъ всѣ твари, каждую къ своему предѣлу... Гдѣ схватка за жизнь, гдѣ влюбленіе, а исходъ одинъ... Все во всемъ исчезаетъ, и опять изъ невидимыхъ сѣмянъ ползетъ злая и родится человекъ, и душа трепещетъ передъ чудомъ вселенной!“

Стѣны бесѣдки, обитыя ползучими растеніями, скрыли пару отъ глазъ его. Онъ тихо улыбался.

XXX.

Грудь Сани замѣтно волыхалась и щеки пылали, когда Теркинъ велъ ее усиленно къ бесѣдѣ.

— Милая моя барышня, вы меня искали?.. Безпокоились?

Подъ взглядомъ его большихъ глазъ она еще сильнѣе смутилась; губы ея раскрывались въ усмѣшку ласковаго и точно въ чемъ-то пойманнаго ребенка.

Ее послали узнать—не о томъ, не приключилось ли чего съ Василиемъ Ивановичемъ, а не вышло ли какой „каверзы“ отъ этой дамы, не разстроилось ли дѣло продажи.

Лгать Сани не смѣла.

— Милый Василій Ивановичъ!—она взяла его за обѣ руки и отвела голову, чтобы не расплакаться:—папа боится... и тетка Павла также... вы понимаете... Думаютъ—что-нибудь эта дама насчетъ имѣній... вы понимаете... Папу жалко... ему нужно продать.

— А вамъ самимъ жалко усадьбы, жалко парка?

— Да... жалко.

Слезинки задрожали на рѣсницахъ.

— И вы на меня смотрите какъ на хищнаго звѣря какого. Возьметъ да и пожретъ ваше родное гнѣздо!

— Нѣтъ! Нѣтъ!—Саня начала трясти его за руки.—Не думайте такъ! Вы добрый! Вы хорошій!.. Они говорятъ: больше васъ никто не дастъ. Но вы спрашиваете, жалко ли? Какъ же не жалѣть!

— Сядьте, сядьте!—усаживалъ ее Теркинъ, не выпуская ея рукъ изъ своихъ.—Лгать не умѣете! Милая... Вы вѣдь ребеночекъ. Дитятко!—такъ на деревнѣ говорятъ. Не то, что мы всѣ, великіе грѣшники!

— А я то!

Этотъ возгласъ вырвался у Сани порывисто, вмѣстѣ съ движеніемъ головы, которую она еще сильнѣе отвернула, и одну руку высвободила, чтобы вынуть платокъ и утереть глаза.

— Вы-то?

— Да, я, я, Василій Ивановичъ... Вы со мной какъ другъ обошлись... какъ старшій братъ... Думаете—я безгрѣшная, херувимъ съ крылышками, а я—гадкая!

— Ну, ужъ и гадкая!

— Гадкая!

Саня выдернула и другую руку и обѣими ладонями закрыла лицо.

— Что-жъ вы такое натворили?

— До васъ мнѣ не было стыдно... Я позволяла...

— Цѣловать себя?—подсказалъ Теркинъ, и его этотъ вопросъ пронизалъ жуткимъ ощущеніемъ... Ему не хотѣлось, чтобы она отвѣтила: „да“.

— Позволяла!—шопотомъ выговорила Саня, и слезы перешли въ рыданія.

Сквозь нихъ онъ различилъ слова:

— Будете презирать... Тетка Павла говоритъ: „развратная дѣвчонка“... Неужели правда? Господи!

И у него навернулись слезы. Онъ не выдержалъ—схватилъ ее за руки, потомъ притянулъ къ себѣ и горячо, долго поцѣловать въ лобъ.

Рыданія прекратились; она только чуть слышно всхлипывала.

Ни одной секунды не подумалъ онъ: „Что ты дѣлаешь? вѣдь ты судьбу свою рѣшаешь, подь вѣнецъ хочешь вести этого „суслика!“

„Сусликъ“ сталъ ему — въ нѣсколько минутъ—еще дороже. Такого прилива мужской хищности онъ не почувалъ въ себѣ. Млько бы утѣшить Саню и поставить на честный путь.

Она вся затихла и въ груди у нея точно совсѣмъ замерло. такъ сладко было это замираніе. Радость охватила ее оттого льбо, что „милый Василій Ивановичъ“ знаетъ теперь, въ чемъ

она гадко поступала, что онъ простилъ ее, не отвернулся отъ нея, какъ отъ развратной дѣвочки. Нивакой надежды быть его невѣстой не промелькнуло передъ ней. Она забыла даже, какъ ее, десять минутъ назадъ, схватило за сердце отъ прїѣзда нарядной красавицы.

Когда Теркинъ цѣловалъ ее въ голову, онъ почувствовалъ, до какой степени она далека, въ эту минуту, отъ всякаго дѣвичьяго расчета... И онъ умиленно взялъ ее опять за руки, поднесъ ихъ къ губамъ и долго глядѣлъ ей въ глаза, откуда тихо текли слезы.

— Дитятво!—повторилъ онъ мужицкимъ звукомъ.—Дитя малое... неразумное!.. Все это страхнули вы разомъ... И слѣда не будетъ. Все уладимъ. Не разорять я ваше гнѣздо пришелъ, а заново уладить!

— Какъ? — спросила Саня и сквозь слезы улыбнулась ему.

— За собой оставляю... усадьбу и паркъ. Только это я вамъ на ушко говорю... Вамъ стоитъ сказать одно словечко. Вы вѣдь знаете, я мужицкаго рода... По-мужицки и спрошу: любь вамъ, барышня, разночинецъ Василій Ивановъ Теркинъ... а? Коли не можете еще самой себѣ отвѣтить,—подождите.

— Любь! — звонко откликнулась Саня и неудержимо засмѣялась.

Этому смѣху вторилъ и онъ, и его широкая грудь слегка вздрагивала, а на глазахъ навертывались слезы.

Оба они опять сѣли рядомъ, рука въ руку.

— Если я вамъ любь,—не нужно вамъ будетъ разставаться съ роднымъ гнѣздомъ.

Глаза Сани удивленно расширились.

— Какъ же не нужно? Вы, стало быть, не покупаете?

— Покупаю. Ахъ, простота вы младенческая!.. Не понимаете?

Глаза его пояснили ей то, что онъ не досказалъ.

До ушей залила ей кровь пышныя щеки; она вся рванулась, прошептала:—Пустите, голубчикъ, Василій Ивановичъ!—и выбѣжала изъ бесѣдки.

Онъ рукъ не удерживалъ, но въ догонку обликнулъ:

— Александра Ивановна!

Саня остановилась, вся трепетная.

— Уговоръ лучше денегъ! Никому ни гугу, пока я съ нашей самъ не поговорю... Можетъ, вѣдь и „коляску мнѣ подадутъ“.

Смущеніе Сани смѣнилось тихимъ смѣшвомъ. Она подошла

къ нему, протянула руку и низко наклонила голову къ его лѣвому уху.

— Можно объ одномъ спросить?

— О чемъ хотите, дитятко!

— Та дама... ваша знакомая или родня?

— Ту даму—весело отвѣтилъ Теркинъ—вы больше никогда не увидите въ жизни вашей!..

— Да?..

Ея губы чуть-чуть приложились къ виску Теркина,—и она еще быстрее, чѣмъ въ первый разъ, выбѣжала на аллею. Щеки горѣли огнемъ; въ груди тоже жгло, но приятно, точно отъ бокала шампанскаго. Въ головѣ все какъ-то прыгало. Она не могла задержать ни одной опредѣленной мысли.

И вдругъ, около пятой или шестой липы, она встала какъ вкопанная. Холодокъ проползъ по ней и отдался внутри. Все ей стало ясно. Это было предложеніе. И она дала согласіе. Но какъ? Звонко, чуть не съ хохотомъ, выпалила мужицкое слово: „любъ“.

— Ахъ, я несчастная!

Она схватилась рукой за стволъ дерева: ноги у нея подкашивались.

Развѣ такъ даютъ свое согласіе порядочныя барышни?! Чтò онъ подумалъ!.. „Обрадовалась, матушка, что я тебя беру за себя. Ты нищей можешь остаться, а я хоть и разночинецъ, да миллионщикъ. Вотъ ты и закричала: „любъ“—точно въ лото самый „большой“ номеръ тебѣ вынулся!“

— Господи! Господи!—шептала она растерянно.

Холодный потъ выступилъ у нея на лбу и даже въ глазахъ у нея начало пестрѣть. Но это было не больше десяти секундъ.

„Нѣтъ! Онъ не такой!“ — радостно и убѣжденно вскричала она про себя, и пошла скорой и легкой походкой къ дому, не глядя передъ собою.

— Александра Ивановна! Гдѣ вы пропали?

Ее остановилъ рѣзкій мужской возгласъ. Первачъ преградилъ ей дорогу съ руками, вытянутыми къ ней. Онъ ими почти касался ея плечъ.

— Николай Никанорычъ!—громко выговорила она, на ходу юнаясь отъ него.—Подите, скажите всѣмъ: Василій Иванычъ ъ разъ рѣшилъ, того не измѣнить.

— Да что вы такая торжественная? Точно онъ васъ чѣмъ частливилъ? Потѣха!

— Онъ больше того сдѣлалъ!.. Онъ меня отъ васъ избавилъ... Прощайте!

Мимо террасы, гдѣ еще сидѣли за чайнымъ столомъ, Саия пробѣжала во флигель—разсказать обо всемъ нянѣ Ѳедосѣевнѣ.

XXXI.

Тихое и теплое утро, съ мелкими кудрявыми облачками въ сторону полудня, заняло надъ заказникомъ лѣсной дачи, протянувшейся за усадьбой Заводное. Дача, на версту отъ парка, внизъ по теченію, сходила къ берегу и перекидывалась за Волгу, гдѣ занимала еще не одну сотню десятинъ. Тамъ обособился сосновый лѣсъ; по заказнику шель еловый пополамъ съ чернолѣсьемъ.

Часу въ седьмомъ утра на одной изъ недавнихъ просѣкъ, уже заросшихъ травой и мелкимъ кустарникомъ, на широкомъ мшистомъ пнѣ съ оголенными корнями присѣли два пѣшехода, бродившіе по лѣсу съ разсвѣта.

Это были Теркинъ со своимъ подручнымъ, Хрящевымъ.

Они условились наканунѣ чѣмъ-свѣтъ встать, отправиться въ заказникъ пѣшкомъ, натошакъ и ни кого въ домѣ не будить. Вчера вотчина Черносошныхъ съ этимъ заказникомъ перешла во владѣніе компаніи и вчера же обручили Теркина съ Саней.

Ему нужно было отвести душу въ лѣсу. Хоть онъ и сказалъ Хрящеву: „произведемъ еще смотръ заказнику“, но Антонъ Пантелѣичъ понималъ, что его патрону хочется просто „побрататься“ съ лѣсомъ, и это его особенно тронуло. Ихъ обоихъ всего сильнѣе сблизило чувство любви къ родной природѣ и жалости къ вѣковымъ угодыямъ, повсюду обреченнымъ на хищеніе.

Оба немного утомились, но ни голодъ, ни жара не беспокоили ихъ.

Передъ ними, черезъ узкую прогалину, съ тропкой вдоль ея, вставали могучія ели съ синѣющей хвоей. Иныя, снизу обнаженные, съ высохшими вѣтвями, казались издали соснами. Позади стѣны хвойныхъ деревьевъ протянулась полянка, густо-зеленаго цвѣта, а тамъ, дальше, шли вусты орѣшника и рябины. Кое-гдѣ стройно и весело высились бѣлые стволы березъ. Вправо солнце заглянуло на прогалину, шедшую узкой полосой, и цвѣтъ травъ переходилъ въ ярко-изумрудный.

На немъ остановился даскающій взглядъ умныхъ и смѣшли-

выхъ глазокъ Антона Пантелѣича, и онъ указаль Теркину на эту полосу пухлымъ пальцемъ правой руки.

— Мурава-то какая, Василій Иванычъ,—точно совсѣмъ изъ другого царства природы! Чтѣ солнышко-то можетъ выдѣлывать... И какая это красота—ель!.. Поспорить съ дубомъ... Посмотрите вотъ хоть на сего исполина! Что твой кедръ ливанскій,—нужды нѣтъ, что не даетъ такихъ сладкихъ орѣшковъ и произростаеъ на низинахъ, а не на южныхъ высотахъ!

— На ель я сосну не промѣняю,—возразилъ Теркинъ и боковымъ пріятельскимъ взглядомъ поглядѣль на „созерцателя“.

— Ахъ, нѣтъ! Не скажите, Василій Иванычъ! Сосна, на закатѣ солнца, тоже красавица; только ей далеко до ели. Эта — вонъ видите—и сама-то шатромъ ширится, и охраняеъ всякую былинку... Отчего здѣсь такая мурава и всякіе кусты, ягоды? Ея благодѣянїями живутъ!.. А въ сосновомъ бору все мертво. Правда, идешъ какъ по мягкому коври, но коверъ этотъ бездыханный... изъ мертвой хвон, сложился десятеами лѣтъ.

— Нужды нѣтъ, Антонъ Пантелѣичъ! Сосна — царица нашихъ хвойныхъ породъ... Домъ ли строить, мачту ли ставить... Поспорить съ дубомъ не въ одной красотѣ, а и въ крѣпости... Она—по здѣшнимъ мѣстамъ—основа всего лѣсного богатства. И дрова-то словыа, сами знаете, не въ почетѣ обрѣтаются.

— Знаю, знаю! И полагаю, что это предразсужденіе... Горятъ они слишкомъ споро оттого, что въ нихъ смолы больше; но развѣ назначеніе такихъ вотъ великановъ—топка?.. Въ нихъ хватить жизни на вѣкъ и больше. И все въ тѣни ихъ шатровъ цвѣтеть и радуется.

По краямъ просѣкъ и подъ ихъ ногами, и вокругъ елей, по густой травѣ краснѣли шапочки клевера, мигала куриная слѣпота, выглядывали вѣнчики мелкихъ лѣсныхъ маргаритокъ и бѣлѣли лепестки обильной земляники... Чуть примѣтными крапинками, точно притаившись, мелькали и ягоды. Тонкое благоуханіе поднималось снизу, и слабый, только-что поднявшїйся вѣтерокъ смѣшивалъ его съ болѣе крѣпкимъ, смолистымъ запахомъ хвон.

Надъ ихъ головами зашелестѣли листы одинокой осины, предвѣщая перемену въ погодѣ. И шелестъ этотъ сейчасъ же разозналъ Хрящевъ, поднялъ голову и оглянулся назадъ.

— Нашъ приволжскій тополь!

— Это осина-то?—спросилъ смѣшливо Теркинъ.

— Въ чемъ же она виновата, что ее съ Іудой Искариотчимъ повѣнчали?.. А какой трепетъ въ ней... Музыка! И стройность! Не все же на хозяйскій аршинъ мѣрять.

Эти слова могли показаться обидными Теркину. Хрящевъ даже покраснѣлъ и взглядомъ попросилъ въ нихъ извиненія.

— Не обезсудьте... Я отъ простоты.

— Понимаю!—благодушно откликнулся Теркинъ и положилъ ему руку на плечо.—Въ васъ, я вижу, вся душа трепещетъ на лонѣ природы! И это мнѣ чрезвычайно любо, Антонъ Пантелѣвичъ.

— Весьма счастливъ! — съ особеннымъ вздохомъ и конфузливо вымолвилъ Хрящевъ, тотчасъ же смолкъ и прикрылъ глаза.

Изъ чащи, позади ихъ, въ тишинѣ, наступившей послѣ мимолетнаго шелеста листьевъ осины — такая тишь бываетъ передъ переменѣй погоды, — просыпались нотки пѣвчей птицы.

— Щегѣль!..—чуть слышно произнесъ Хрящевъ.

— Щегленокъ?—переспросилъ Теркинъ.

— Онъ самый! А вотъ и пѣночка отъявилась.

Дорогой до нихъ не доходило пѣніе и щебетаніе; а теперь въ ихъ ухо входилъ каждый завитокъ мелодіи — серебрянымъ дрожаніемъ воздуха.

Еще какая-то птица подала голосъ уже изъ-за прогалины, гдѣ все еще свѣтлѣе изумрудовъ зеленѣла трава отъ закраившихся лучей.

— Не хочу наобумъ говорить, Василій Ивановичъ, а сдается мнѣ снигирь.

Она вскорѣ смолкла, но пѣночка разливалась — и гдѣ-то очень близко.

Никогда еще въ жизни не было Теркину такъ глубоко спокойно и радостно на душѣ, какъ въ это утро. Пѣночка своими переживаниями разбудила въ немъ не страстную, а теплую мечту о его Санѣ. Такъ напѣвала бы здѣсь и Саня своимъ высокимъ, вздрагивающимъ голоскомъ. Стыдливо почувствовалъ онъ себя съ Хрящевымъ. Этотъ милый ему чудакъ стоитъ довѣрія. Навѣрное нянька Федосѣевна — они подружились — шепнула ему вчера, подъ вечеръ, что барышня обручена. Хрящевъ ни однимъ звукомъ не обмолвился насчетъ этого.

— Антонъ Пантелѣвичъ!—съ опущенной головой окликнулъ Теркинъ.

— Ась?

— Птицы покоятъ и у меня на душѣ...

— Лучше всего это, Василій Ивановичъ.

— И вы, небось, знаете, по какой причинѣ?

Онъ весело подмигнулъ ему.

— Ежели позволите... Лгать не буду... Еще вчера...

— Оедосѣевна, поди, не утерпѣла?

— Такъ точно. Позвольте отъ всего сердца и помышленія пожелать вамъ...

Хрящевъ протянулъ ему ладонь. Теркинъ крѣпко пожалъ.

— Побѣду полную одержали. Во всѣхъ статьяхъ... Вивать! Небось будущій тестюшка вашъ спасовалъ, а, кажется, довольно высоко себя ставитъ... судя по обхожденію...

— А вы скажите-ка мнѣ, Антонъ Пантелѣичъ, только безъ утайки, — вы небось думаете, что я тестюшку-то поддѣлъ, по-дѣлочки: сначала руки дочери попросилъ; а, молъ, откажешь — не куплю у тебя ни одной десятины.

— Ни Боже мой!.. Конечно, такой подходъ былъ бы, пожалуй, и самый настоящій, ха, ха! — на глазахъ Хрящева показались слезинки смѣшливости: — но вы не такой... Вы, какъ на Окѣ говорятъ... тамъ, въ горбатовской округѣ, вы *боецъ*! Это они, видите, „молодецъ“, „богатырь“, „боецъ“ — выговариваютъ на свой ладъ...

— Спасибо!..

Теркину заново пріятно стало оттого, что онъ сначала заключилъ предварительную сдѣлку съ Иваномъ Захарычемъ, а потомъ ужъ попросилъ руки дочери... Тотъ было-хотѣлъ поломаться, но какъ-то сразу осѣкся, началъ что-то такое мямлить, вошла Павла Захаровна — и все было покончено въ нѣсколько минутъ.

— Тайна! — выговорилъ Хрящевъ, опустивъ обѣ руки. — Какъ и все! — прибавилъ онъ и смолкъ.

Ничего, ему не сказалъ и Теркинъ. Оба сидѣли на мшистомъ пнѣ и прислушивались къ быстро поднявшемуся шелесту отъ вѣтерка. Ярко-зеленая прогалина начала темнѣть отъ набѣгавшихъ тучекъ. Ближнія осины, березы за просѣкой и большія рябины за стѣной елей заговорили на-перебой шелковистыми волнами разныхъ звуковъ. Потомъ поднялся и все крѣпчалъ гулъ словыхъ вѣтвей, вбиралъ въ себя шелестъ листвы и расходился по лѣсу, въ родѣ негромкаго приборя волнъ.

Птицы смолкли. Но сквозь гулъ отъ налетѣвшаго вѣтра тишина заказника оставалась все такой же, и малѣйшій сторонній звукъ былъ бы слышенъ.

Тукъ! — раздавалось около нихъ, въ двухъ саженьяхъ.

— Шишка упала съ ели, — шопотомъ сказалъ Хрящевъ и

— Ай-дѣ, Антонъ Пантелѣичъ! — крикнулъ Теркинъ. — По- гуй еще дождь хлынетъ; а мнѣ хочется вонъ въ тотъ край.

Они пошли молча, бодрымъ, не очень спѣшнымъ шагомъ. Чѣе совсѣмъ спряталось и все разомъ потемнѣло.

XXXII.

Съ четверть часа шли они „скрозь“, держались чуть замѣтной тропки и попадали въ чащу. Обоймъ былъ любъ крѣпнувшій гуль заказника. Съ одной стороны неба туча сгустилась. Справа еще оставалась полоса чистой лазури. Кусты чернолѣсья мѣстами заслоняли имъ путь. На концахъ свислыхъ еловыхъ вѣтвей весенняя поросль ярко-зеленымъ кружевомъ рассыпалась по старой синѣющей хвоѣ.

Птицы смолкли, чуя возможность дождя, а то и бури. Одинъ только дятель туваль гдѣ-то, должно быть далеко: звуки его влыва доносились отчетливо и музыкально.

— Старается старина!—вдумчиво выговорилъ Хрящевъ, отстраняя отъ себя вѣтви орѣшника и низворослаго клена, которыя то-и-дѣло хлестали ихъ обоихъ по плечамъ и задѣвали за лицо. —Ишь какъ старается! Мудрѣйшая птица и полезительная. Знаете, Василий Ивановичъ, дятлы и дрозды—это указатели добра и зла въ жизни природы.

— Какъ такъ?—съ тихимъ смѣхомъ спросилъ Теркинъ.

Онъ пробирался впереди.

— Который стволъ дятель обрабатываетъ—тотъ, стало, обреченъ на гніеніе, на смерть... Дроздъ также тычетъ да тычетъ себѣ, улавливая чужеядныхъ мурашекъ. Истребляетъ орудіе смерти. По ныѣшнему—миробовъ... Хорошо бы такихъ людей имѣть на виду... Бьетъ кого примѣрно, тотъ, значить, душу свою давно продалъ духу тьмы.

— Какъ будто мало пресмыкается по свѣту рабовъ и прихлебателей около властныхъ мерзавцевъ и распутниковъ, бросающихъ имъ подачку!

— Это точно. И по нимъ можно діагнозъ свой поставить,—по-медицински выражаясь. Но тѣ сами въ родѣ песыихъ мухъ или жуковъ, питающихся навозомъ и падалью. А эти—чистыя птицы, долголѣтнія и большого разума. Дроздъ умнѣе попугая и сталъ бы говорить промежду собою, еслибъ онъ, съ первыхъ дней своего бытія, съ людьми жилъ въ ежедневномъ общеніи.

Теркинъ опять разсмѣялся и даже мотнулъ головой.

За чащей сразу очутились они на берегу лѣсного озера, шедшаго узковатымъ оваломъ. Правый затонъ затянула водяная поросль. Вдоль дальняго берега шли кусты тростника и желтые лиліевидные цвѣты качались на широкихъ, гладкихъ листьяхъ. По водѣ, больше къ срединѣ, плавали бѣлыя кувшинки. И на фогѣ

ствѣны изъ елей, одна отъ другой въ двухъ саженьяхъ, стройно протянулись вверхъ двѣ еще молодыя сосны, отражая полоску свѣта своими шоколадно-розовыми стволами.

— Антонъ Пантелѣичъ! — вскрикнулъ Теркинъ — они оба стали у воды.—Что я вамъ говорилъ! Гляньте-ка сюда! Сосны! Какая краса! Всю картину озарила!

Хрящевъ прищурился и долго глядѣлъ молча.

— Не спорю! Въ родѣ столповъ эллинскаго храма... Однако на ель и кедръ не промѣняю.

— Кто-то и порубочку произвелъ... только хозяйственную.

Теркинъ указалъ на недоложенную до полной мѣры сажень дровъ.

— Лѣсникъ на зиму приготовилъ,—замѣтилъ Хрящевъ, возрившись.—Полсажня срубилъ, не вѣдая, что хозяйева будутъ новыя. И дрова-то ольховыя,—не больно поживился.

Оба разомъ усмѣхнулись и пошли вдоль берега къ тому мѣсту, гдѣ перешеекъ раздѣлялъ два озера. Мѣсто выдалось особенно милое—точно ландшафтъ, набросанный мастеромъ, воспитавшимъ свой талантъ и умѣнье на видахъ русской лѣсной природы.

Дальнѣйшій конецъ второго озера, въ видѣ четырехугольника, весь сплошь заросъ зеленью, и только ея рѣзкій цвѣтъ и матовость не позволяли впасть въ обманъ и принять ее за мураву.

— Плесень-то, плесень!—громко замѣтилъ Теркинъ. — Что твоя ботвинья!

— Плесень,—повторилъ за нимъ Хрящевъ и, взявшись рукой за мясистый добрый подбородокъ, усмѣхнулся.—Вы скажете — умничаютъ Антонъ Пантелѣичъ,—все подъ видомъ агрономіи въ ученые мѣтять. Плесень—извѣстное дѣло. И съ ботвиньей сходство не малое. А тутъ цѣлое море низшихъ произрастаній. И какая въ нихъ найдется красота, ежели подъ стеклышкомъ разсматривать...

Взгляды ихъ встрѣтились. Теркинъ съ благодушнымъ любопытствомъ слушалъ своего лѣсовода и думалъ подъ его негромкую, немного слащавую рѣчь.

„А развѣ онъ не правъ—чудакъ-созерцатель? Урокъ мнѣ отъ твоего преподаль:—не желая умничать, а только любя правду. Ботвинья—для нашего брата, дешеваго остроумца, плесень—для того, кто на обухѣ рожь молотить; а для него—чудо!“

Онъ уже запомнилъ теплое восклицаніе Хрящева: „все чудо“! — И дѣ прорвалось его отношеніе къ жизни всего сущаго.

Последнюю полоску свѣта заволокло; но тучи были не грозовыя, темноты съ собой не принесли, и на широкомъ перелѣсѣ, гдѣ притулились оба озера, лежало сѣроватое, ровное освѣщеніе, для глазъ чрезвычайно пріятное. Кругомъ колыхались шумныя волны лѣса, то отдавая шелковистымъ звукомъ лиственныхъ породъ, то переходя въ гудѣніе хвои, заглушавшее всѣ остальные звуки.

И среди этой музыки не переставалъ проноситься одинъ лишь птичій звукъ:

— Тю-ить! Тю-ить! Тю-ить!..

Помнилъ его Теркинъ съ дѣтства самаго ранняго. Навѣрное зналъ мальчикомъ, какая птица издаетъ его; но теперь не могъ сказать. Это его какъ будто огорчило. Но спрашивать у Хрящева онъ не захотѣлъ. Ему уже больше не говорилось... Весь онъ ушелъ въ глаза и слухъ.

Замедленнымъ, немного усталымъ шагомъ держались они лѣвой руки. Тамъ, по ихъ соображеніямъ, шла новая просѣка, проведенная недавно таксаторомъ Первачемъ.

— Тю-ить, тю-ить, тю-ить! — пускала все оттуда же неизвѣстная Теркину птица.

Онъ шелъ опять впереди. Нога его попадала то на корни, то на муравьиныя шипы. Кусты лиственныхъ породъ все густѣли.

— Антонъ Пантелѣичъ! — окликнулъ онъ Хрящева, пробравшагося осторожно.

— Здѣсь.

— Не сбиться бы намъ?

— Помилуй Богъ, Василій Ивановичъ!

Изъ-за колючихъ вѣтвей лѣсного шиповника, покрытаго цвѣтами, выглянуло широкое лицо Хрящева. Въ одной рукѣ онъ держалъ что-то блестящее.

— Что это у васъ? — спросилъ Теркинъ.

— Карманный компасъ — никогда не расстаюсь. Мы идемъ правильно. Вотъ сѣверъ. Усадьба лежитъ на юго-востокѣ. Выйти намъ надо на сѣверо-западъ.

Вѣтеръ притихъ, а небо все еще оставалось сѣренькимъ, съ разрыхленными облаками, и между ними блѣдная лазурь проглядывала тамъ и сямъ.

Лѣсъ порѣдѣлъ. Подъ ними зачуялся покатыи подъемъ. а небольшой плѣшинкѣ видѣялось округлое мѣсто, обставленіе матерными елями, похожее на шатеръ.

— Не угодно ли отдохнуть?.. Вонъ тамъ... въ гнѣздѣ?

Они присѣли на самой срединѣ, гдѣ совсѣмъ плоскій пень

столѣтней ели, почернѣлый и обросшій кругомъ папоротникомъ, служилъ имъ покойнымъ диваномъ.

— Я такіа мѣста, гнѣздами называю, Василій Иванычъ, отозвался Хрящевъ своимъ особымъ тономъ, какой онъ пускалъ, когда говорилъ по душѣ. Вотъ изволите видѣть—подъ елями-то, даже и въ такихъ гнѣздахъ, всякій злакъ произрастаетъ; а подъ соснами не было бы и на одну пятаю. Рябина и сюда пробралась. Презорство! Зато и для желудка облегчительна... И богородицины-слезки!

Онъ говорилъ это вполголоса, какъ бы для себя.

— Чего-чего вы не знаете, Антонъ Пантелѣичъ! А поглядишь на васъ спервоначалу—какъ прибѣдливаетесь! Ну, вотъ былинка!—Теркинъ сорвалъ стебелекъ съ цвѣтомъ и подаль Хрящеву:—я ее съ дѣтства знаю и по-просту назову, а вы, поди, навѣрное и по латыни скажете...

— Ужъ эту-то не назвать, Василій Иванычъ!.. За что же меня обучали на счетъ общества?

— Однако, какъ?

— *Leontodon taraxacum*.

— А я не знаю. И не слыхалъ даже. А я три рѣчи Цицерона въ гимназiи зналъ наизусть—а на какой онѣ мѣшутъ?

— Все нужно, Василій Иванычъ.

Надъ самыми ихъ головами жалобно протянулся птичій крикъ, высоко въ небѣ.

— Ястребъ?—вопросительно сказалъ Теркинъ.

— Ждетъ бури... только бури-то не будетъ,—съ капелькой ада выговорилъ Хрящевъ, особенно не любившій хищниковъ.

Они сидѣли тутъ молча, среди сильнаго гула хвои и густой травы, каждый въ своихъ мысляхъ.

Въ лѣсу совсѣмъ смолкло. Зачиривали и залились птицы. Небо надъ ними голубѣло. Минуть черезъ пять, вдали гдѣ-то, не то сзади, не то сбоку, начало какъ будто хрустѣть.

Хрящевъ уже прислушивался къ этому звуку, когда Теркинъ обликнулъ его.

— Не узнаете?—спросилъ Хрящевъ и подмигнулъ.

— Порубва?

— Никакъ нѣтъ. Это—Топтыгинъ Михаилъ Иванычъ.

— Медвѣдь?

— Онъ, онъ!..

Глазки Хрящева ласково заискрились.

— Въ какую же сторону ломить?

Теркинъ подавилъ въ себѣ безпокойство и желаніе встать.

— Какъ будто вотъ сюда, въ эту сторону... Да вѣдь онъ не тронетъ. Только его не замай. Онъ теперь сытый... Идетъ побаловаться чѣмъ-нибудь въ опушкѣ... Звѣрь мудрѣйшій и права игриваго... Травоядный! Грызунъ—по ученому.

Спокойно и достолюбезно вымолвилъ Хрящевъ послѣднія слова. Теркинъ вытянулъ ноги, подложилъ подъ голову обѣ руки и, глядя въ кусокъ неба, глядѣвшаго внизъ, между высокихъ елей, сладко зѣвнулъ и повернулся къ своему подручному.

— Тайна все, въ насъ и вокругъ насъ,—такъ вѣдь, Антонъ Пантелѣичъ?

— Тайна!—съ замедленнымъ вздохомъ выговорилъ Хрящевъ и тоже прилегъ на мураву.

Веселая птичка пустила опять надъ ними свое: тю-ить, тю-ить, тю-ить!

XXXIII.

Со стола еще не убрали десерта, бутылокъ съ виномъ и чашекъ отъ кофе.

Въ залѣ городской квартиры Низовьева, часу во второмъ, Серафима и Первачъ, низко наклонившись надъ столомъ, сидѣли и курили. Передъ ними было по рюмкѣ съ ликеромъ.

Разговоръ пошелъ еще живѣе, но безъ раскатовъ голоса Серафимы, какъ въ началѣ ихъ завтрака. Прислуга не входила.

— Да вы полноте, Николай Никанорычъ, не извольте скромничать... Вѣдь я для господина Теркина — особа безразличная. Правъ на него никакихъ не имѣю... значить. Цѣлованье у васъ было съ тѣмъ сусликомъ — а?..

Первачъ сидѣлъ красный, съ возбужденными вѣками своихъ маслянистыхъ и плутоватыхъ глазъ, весь въ цвѣтномъ. Кольца на его правой рукѣ блестѣли. Мизинцемъ онъ снималъ пепель съ папиросы и поводилъ смѣшливо глазами.

Въ головѣ его немножко шумѣло. Серафима угощала его усиленно, пила и сама, но гораздо меньше. Она расшевелила въ немъ всѣ его позывы, расчеты, влюбленность въ свою красоту, обиду за то, какъ съ нимъ обошлись въ Заводномъ, откуда его удалили такъ быстро и рѣшительно. Въ Серафимѣ онъ напелъ нежданную покровительницу. Черезъ нее онъ получилъ у Низовьева мѣсто завѣдующаго всѣми его лѣсными угодами... да въ такой женщины онъ еще и не встрѣчалъ. Низовьевъ—въ ея рукахъ, и врядъ-ли она ему отдалась. Кто знаетъ!.. Можетъ, она выберетъ сначала его въ тайные друзья?..

— Да ну же! вайтесь!—понукала Серафима, и черезъ столъ дернула его за рукавъ.

Ея янтарная блѣдность перешла въ золотистый румянецъ... Легкій, полупрозрачный пенъюръ развѣвался на рукахъ; волосы были небрежно заволоты на маковѣ.

— У меня есть на это правило,—выговорилъ Первачъ, поводя глазами:—даже когда та, кто была со мной близка, и не заслуживала бы джентльменскаго отношенія къ себѣ.

— Да ужъ нечего!.. Чмокъ-чмокъ было?

— Если угодно, да.

— А можетъ, и больше того?

— Не находилъ нужнымъ торопиться.

— И навѣрно эта дѣвчонка сама первая полѣзла къ вамъ цѣловаться? Такъ только, цыпъ-цыпъ ей сдѣлали? Это сейчасъ видно: рыхлая, чувственная, съ первымъ понавшимъ мужчиною сбѣжала бы! И господинъ Теркинъ, выходитъ, тутъ же и врѣзался,—и начали они продѣлывать Германа и Доротею?

— Какъ вы назвали?

— А вы не читали?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Есть такая поэма Гёте... Я въ русскомъ переводѣ въ гимназіи читала. Еще старѣе исторіи есть: Дафнисъ и Хлоя, Филемонъ и Бавкида—въ такомъ же миндальномъ вкусѣ...

Глаза ея метали искры; ротъ, красный и влажный, слегка вздрагивалъ. Внутри у нея гремѣло одно слово: „подлецы!“

Всѣ мужчины — презрѣнная дрянь, всѣ: и этотъ землемѣришко, и тотъ баринъ-женолюбъ, котораго она обереть не такъ, какъ его парижская „сударка“,—а на все его остальное состояніе. Но презрѣннѣе всѣхъ — Теркинъ, ея идолъ, ея цаца, промѣнявшій такую любовь, такую женщину—на что и на кого? На „суслика“, котораго землемѣришко довелъ бы до „полнаго градуса“ въ одну недѣлю!

— Ха, ха!—разнесся по комнатѣ ея смѣхъ.—Ха, ха! Чудесно! Превосходно! Отчего же вы ему не отрапортовали... хоть въ письмѣ? Благо по его приказу его будущая роденька васъ вытурила такъ безцеремонно!

— Я выше этого!

— Полноте! Оттого, что сусликъ этотъ ужъ больно легко въ тѣ доставался! А можетъ, она и продалась ему... знаете... въ ититутско-дворянскомъ вкусѣ...

— Врядъ-ли!.. Я и самъ не ожидалъ отъ нея того... какъ бы это сказать... тона, съ каемъ она...

— Вамъ „коляску подала“? На это подлости хватить у всякой безмозглой бабенки.

Сама Серафима не входила въ это число. Она положила всю себя на одну безраздѣльную страсть — и такъ гнусно брошена чело-вѣкомъ, пошедшимъ въ гору „на ея же деньги“! Еще добро бы на ту „хлыстовскую богородицу“ онъ промѣнялъ ее, въ порывѣ глупаго раскаянія, въ которомъ никто не нуждался. Святостью взяла Калерка, да распущенными волосами, да ангельски-прозрачной кожей. А тутъ? Пузырь какой-то, золотушный помѣщичій выводокъ. Захотѣлъ дворянку приобрести вмѣстѣ съ усадьбой, продать себя своему чванству; а поди, воображаетъ, что онъ облагодѣтельствовалъ всю семью и осчастливилъ блудливую дѣвчонку законнымъ бракомъ!

Все это казалось ей такъ низко и пошло. А между тѣмъ она не могла оторваться отъ всего этого, и еслибъ Первачъ зналъ подробности того, какъ Теркинъ сближался съ „сусликомъ“, — она бы спрашивала его цѣлый день... Но онъ ничего не зналъ, или почти-что ничего.

— Помолвка была ли? — спросила она, не дожидаясь отвѣта на свои безцеремонныя слова насчетъ „коляски“, поданной ему барышней.

— Не знаю-съ! — выговорилъ чопорнѣе Первачъ. — Да и нисколько не интересуюсь.

И этому „лодырю“ — она такъ уже, про себя, называла его, — хотѣлось ей показать, что онъ такой же пошлякъ и плуть, какъ и всѣ вообще мужчины. Но онъ сейчасъ понялъ и не хвасталъ. Дѣвчонка амурилась съ нимъ передъ самымъ приѣздомъ Теркина въ Заводное. Чего бы лучше приподнести Василю Ивановичу сюрпризецъ въ видѣ письма — и прописать въ немъ, какое сокровище онъ обрѣлъ, — съ лодыремъ-землемѣришкой? Точно горничная въ саду амурилась — такъ, здорово живешь! Вотъ такъ идеаль! Вотъ такъ желанная пристань, куда онъ причалилъ!

Въ груди у нея стануло точно судорогой. Она уже писала въ воображеніи это письмо, и ядъ лился у нея съ пера. О! она сдумѣетъ показать, что и ее не даромъ выпустили съ золотой медалью. Не чета она тупоголовой и мучнистой дѣвчонкѣ изъ губернскаго института...

Внезапная мысль брызнула на нее холодной струей. Она могла вѣдь и сама повиниться ему, когда онъ попросилъ ея руки, поди, разрюмились оба, и онъ, что твой раскольничій начетчикъ, далъ ей отпущеніе въ грѣхахъ, все простилъ, и себя, въ собственныхъ глазахъ, возвеличилъ.

Да еслибъ и этого не было—не хочеть она рукъ марать. Писать безъ подписи, измѣненнымъ почеркомъ—подло! А отъ своего имени—только большаго срама набѣться!

Все равно. Она рѣзнула себя по живому мясу. Любовь ухнула. Ея мѣсто заняла беспощадная вражда къ мужчинѣ,—не къ тому только, кто держалъ ее три года на цѣпи, какъ рабыню безотвѣтной страсти, а къ мужчинѣ вообще, кто бы онъ ни былъ. Никакой жалости... Ни одному изъ нихъ!.. И до тѣхъ поръ, пока не поблекнетъ ея красота—не потеряетъ она власти надъ тѣми, кто подверженъ женской прелести; она будетъ пить изъ нихъ душу, истощать силы, выжимать всѣ соки и пшвырять ихъ, какъ грязную ветошь.

Небось! Въ нихъ не будетъ недостатка. Первый Низовьевъ—уже весь охваченъ старческимъ безуміемъ. Она не положитъ охулки на руку. Если его парижская любовница—графиня—стоила ему два милліона франковъ, то на нее уйдуть всѣ его непроданныя еще лѣсные угодья, покрывающія сотни тысячъ десятинъ по Волгѣ, Унжѣ, Ветлугѣ, Камѣ!

И точно спохватившись, какъ бы не потерять много времени—она откинулась на спинку стула и дѣловымъ, отрывистымъ тономъ окликнула:

— Первачъ!

— Что угодно, Серафима Ефимовна?

— Павелъ Иларіонычъ долженъ вернуться къ обѣду?

— Такъ точно.

— Долго я съ вами растабарывать не стану. Вы меня поняли вчера? А?

— Превосходно понялъ, Серафима Ефимовна.

— Хотите быть главноуправляющимъ—не забывайте, кто ваше начальство.

— Хе, хе!—сдержанно пустилъ Первачъ, веселымъ и злобнымъ звукомъ.—Мать-командирша—Серафима Ефимовна. Такъ и подобаетъ.

— То-то!.. А теперь—я васъ не удерживаю. Мнѣ надо одѣться.

— Имѣю честь кланяться.

Онъ удалился съ низкимъ поклономъ, но въ его масляныхъ глазахъ мелькнула змѣйка. Влюбленный въ себя хищникъ подумалъ тутъ же: „дай срокъ, и ты поймашься“.

По уходѣ его Серафима сидѣла, минуты съ двѣ, въ той же минутой позѣ, потомъ порывисто положила на столъ полуобнаженные руки, опустила на нихъ голову и судорожно зарыдала.

Звуки глохли въ ея горлѣ, и только грудь и плечи поводило конвульсіей.

XXXIV.

Огненной полосой вползала вечерняя заря въ окна, полуза-творенныя ставнями. На постели лежала Серафима, въ томъ же утреннемъ пеньюарѣ, въ какомъ завтракала съ таксаторомъ.

Съ ней сдѣлался припадокъ, и она не могла одѣться къ возвращенію Низовьева. Припадокъ былъ упорный и долгій. Ея горничная Катя, вывезенная изъ Москвы, ловкая и нарядная, въ первый разъ испугалась и хотѣла послать за докторомъ; но барыня ей крикнула:

— Не хочу доктора!.. Оставьте меня!..

Нѣсколько часовъ пролежала она одна, съ полузакрытыми ставнями, осиливая приступъ истерики. Таковой „сильной гадости“ съ ней еще ни разу не бывало, даже тогда, какъ она была выгнана съ дачи, послѣ покушенія на Калерію.

Это ее возмутило и срамило въ собственныхъ глазахъ. Все изъ-за него, изъ-за презрѣннаго мужчины, промѣнявшаго ее на суслика. Надо было пересилить глупый бабій недугъ — и она пересилила его. Осталась только тупая боль въ вискахъ. Незамѣтно она забылась и проспала. Когда она раскрыла отяжелѣвшія вѣки, вечерняя заря уже заглянула въ скважины ставень. Въ домѣ стояла тишина; только справа, въ комнаткѣ горничной, чуть слышно раздавался шопотъ... Она узнала голосъ Низовьева.

Навѣрное онъ, уже въ десятый разъ, приходитъ узнавать, какъ она себя чувствуетъ, и не лучше ли послать за докторомъ.

Чего еще ей надо? Этотъ баринъ въ нѣсколько разъ богаче Теркина. Первачъ далъ ей полную роспись того, что у него еще остается послѣ продажи лѣсной дачи Теркинской компаніи... На цѣлыхъ два милліона строевого лѣсу, только по Волгѣ. Изъ этихъ милліоновъ сколько ей перепадеть? Да все, если она захочетъ.

Развѣ она сразу попустила себя до положенія его временной содержанки? Какъ бы не такъ! Она и здѣсь живетъ какъ благородная дама, которая осчастливила его тѣмъ, что согласилась помѣститься въ его квартирѣ; а самъ онъ перешелъ во флигель, черезъ дворъ. Между ними—ни малѣйшей близости.

Низовьевъ прекрасно понимаетъ, что приобрести ее будетъ трудно, очень трудно. На это пойдетъ, быть можетъ, не одинъ годъ. Въ Парижъ онъ не вернется такъ скоро. Гдѣ будетъ онъ тамъ и онъ. Ей надо ѣхать на Кавказъ, на воды. Печен...

первы начинаютъ шалить. Предписаны ей Эссендуки, номеръ семнадцатый, и Нарзанъ. И онъ тамъ будетъ жариться на солнцѣ, ѣсть тошную баранину, бродить по пыльнымъ дорожкамъ на ея глазахъ, трястись на казацкой лошади, позади ея, въ хвостѣ другихъ мужинъ, молодыхъ и старыхъ. А потомъ—въ Петербургъ!

У нея есть еще свои деньги. Она тамъ заживетъ дамой „изъ общества“. Имѣетъ на то законное право. Кто она, какъ прописывается? Вдова коллежскаго совѣтника Рудичъ. Свекоръ ея сановникъ... И до того она доберется.

Нужды нѣтъ, что убѣжала отъ его сына. Сановникъ — ей это донесли,—также какъ и сынъ, любить карты и всякое транжирство; состоянія нѣтъ, жалованья всего семь тысячъ—не раскутишься!—долговъ множество, состоитъ прихвостнемъ у какаго-то банкира... Ничего не будетъ стоить подобраться къ нему—онъ ее никогда не видалъ,—заставитъ полюбить себя, помочь ему въ его дѣлишкахъ. Одного Шуева, ея „ангела“ — достаточно. Тотъ не то что дастъ займы свекру, сколько она прикажетъ,—самъ себя заложитъ, взломаетъ сундукъ дяденьки-благодѣтеля. Только она такихъ „ангельскихъ“ денегъ не хочетъ... И отъ Низовьева можетъ попользоваться свекоръ.

Потомъ настанетъ чередъ Парижа. Тамъ она заберетъ его уже вплотную! И у нея будетъ „отель“—на миллионъ франковъ. Ея имя прогремитъ. Не кокеткой она себя поставитъ, а настоящей барыней. Въ годъ ея французскій языкъ получитъ парижскій звукъ. Захочетъ—будетъ зваться „madame la comtesse Rou-ditsch“; поди, разбирай, графиня она или нѣтъ, когда въ „Figaro“ станутъ такъ называть ее репортеры! Еще жену его заставитъ—и дочерей—ѣздить къ себѣ съ визитомъ и на вечера съ „tout Paris“, гдѣ она будетъ пѣть русскіе романсы съ самимъ Иваномъ Решке! Все будетъ!

И только?.. Неужели только? — Серафима закрыла глаза и повела по лицу ладонью правой руки.

Передъ ней—точно живой, съ трепетомъ дубовой листы, съ зеленой муравой, съ порханьемъ мягкаго вѣтерка—тотъ склонъ, гдѣ они сидѣли подъ дубомъ въ Заводномъ, съ нимъ, съ „Васей“!

Она слышитъ его голосъ, гдѣ дрожитъ сердечное волненіе. ней онъ хочетъ братски примириться. Ее онъ жалѣетъ. Это не комедія, а истинная правда. Такъ не говорятъ, такъ не отряпъ, когда на сердцѣ обманъ и презрительный холодъ. И же ему дѣлать, если она для него перестала быть душевнобимой подругой? Развѣ можно требовать чувства? А братъ въ

любовницы—безъ любви—только ее позорить, низводить на ступень вещи или красиваго звѣря!

Какъ это ясно и просто! Ни въ чемъ онъ не виноватъ. Она—безумная и злая баба—распалась къ нему злобой, не поняла его души, не схватилась за его жалость къ ней, за братскую доброту, какъ за драгоценный кладъ!..

Глаза ея дѣлались влажны; но она не заплакала; лежала недвижно, опустивъ руки на одѣяло... Ей такъ сладко вдругъ стало мыслью своей ласкать образъ Васи, припоминать его слова, звукъ голоса, повороты головы и всего тѣла, взгляды его въ началѣ и въ срединѣ ихъ разговора.

Такъ отраднo ей было чують, что съ души у нея что-то такое спадаетъ, что грызло тѣло и мутило разумъ.

Но образы—все на томъ же зеленомъ косогорѣ парка—измѣнились. Не она сидитъ съ нимъ, а другая... та дѣвчонка... Какъ отчетливо видитъ она ее; нужды нѣтъ, что только мелькомъ оглядѣла, когда проходила на балконѣ: это пухлое розовое личико, ясные глаза, удивительныя руки, косу, дѣвичій станъ. Да, она—непорочная дѣвица, даромъ что цѣловалась съ таксаторомъ. Ея голубиная кротость и простоватое дѣтство притянули Васю... Великая есть сила въ такихъ „ничевушкахъ“, когда онъ пышутъ свѣжестью восемнадцати лѣтъ и цѣломудрiя. Да, цѣломудрiя! Ни у кого она въ объятiяхъ не была, не поддадала еще подъ звѣрство мужского обладанiя.

И онъ, теперь вотъ, на закатѣ, сидитъ съ своей невѣстой, на томъ же мѣстѣ, гдѣ она, какъ блудница, съ воплемъ простиралась по травѣ и чуть не цѣловала его ноги... Онъ смотритъ на нее любовно-отеческимъ взглядомъ, гладитъ по головѣ, ласкаетъ русую косу; а потомъ цѣлуетъ каждый пальчикъ ея удивительной ручьи.

— Нѣтъ!—громко крикнула Серафима, вся потянулась, подняла станъ и сѣла въ кровати.

Въ груди заглоло нестерпимо, до потребности крика. Кровь хлынула къ лицу. Судорожно подняла она кулаки.

Нѣтъ, нѣтъ пощады гнусному вору, ограбившему ея душу! Судьба знаетъ, что творить. Не даромъ свела она ее съ этимъ Низовьевымъ, владѣтелемъ несмѣтныхъ лѣсовъ. Теркинъ мечтаетъ о сохраненiи народнаго богатства. Не мало рацей слышала отъ него. У расхитителей-дворянъ будетъ онъ скупать ихъ добъ и дуть на него. А она станетъ разорять лѣсного миллионщика, доводить его до продажи не такимъ радѣтелямъ, какъ Теркинъ съ его компанiей, а на срубъ, жаднымъ и безстыднымъ барын

нигамъ. И чтобы въ три-четыре года всѣ эти заказники и прирѣчные дебри пошли прахомъ. И вездѣ Васька Теркинъ встрѣтитъ ее; и кто кого осилитъ—старуха на-двое сказала.

— Ха, ха, ха!—вырвался у нея глухой смѣхъ, и она еще выше подняла голову.

Въ щель двери раздался сдержанный голосъ Кати:

— Барыня! Къ вамъ можно?

— Погодите.

Горничная понизила еще голосъ.

— Павелъ Иларіонычъ въ залѣ и беспокоится насчетъ вашего здоровья. Что прикажете сказать? Можно имъ къ двери подойти?

— Можно.

Заслышались тихіе мужскіе шаги по залѣ и къ другой двери, около нижней спинки кровати, подошелъ Низовьевъ.

— Серафима Ефимовна! Ради Бога! Какъ вы себя чувствуете?

— Ничего. Все прошло!

— Не позволите взглянуть на себя?

— Не сейчасъ.

— Такъ я посижу здѣсь... въ залѣ.

„Сиди!—злобно и весело подумала она: — сиди, голубчикъ! Долго ты будешь ждать. Не одинъ мѣсяць!“

И вслѣдъ затѣмъ она порывисто позвонила и спустила ноги на полъ.

Низовьевъ перевелъ дыханіе и также тихо присѣлъ къ огню.

XXXV.

— Ахъ, няня, какъ ты копаешься! Поскорѣе! — кричала Сая въ аллеѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обрыва, гдѣ на скамьѣ виднѣлась мужская широкая спина и русая голова въ черной низкой шляпѣ.

Федосѣевна бережно несла блюдо съ ягодами, посыпаннымъ сахаромъ.

— Приспичило! Успѣешь!

— Ну, подай... Я сама донесу.

Сая взяла у нея изъ рукъ блюдо и поцѣловала ее въ лобъ.

— Няня, милая! Спасибо!

Старуха смотрѣла ей вслѣдъ, заслоняя рукой глаза отъ жгучихъ лучей заката.

Вечеръ подходилъ къ закату, ласковый, теплый, съ міриадами мошекъ по дорожкамъ цвѣтника.

Вотъ Саня уже подбѣжала къ скамьѣ, гдѣ сидитъ ея женихъ. Сдержанная усмѣшка смягчаетъ строгое лицо Ѳедосѣевны. Про себя она смекаетъ, что счастье своей воспитанницы вышло черезъ нея. Не наберись она тогда смѣлости, не войди прямо къ пріѣзжему, чужому человѣку и не тронь его сердца— не вышло бы ничего.

И онъ за это не оставитъ. Не такой человѣкъ. Сейчасъ видно, какой онъ души. Успокоитъ ее на старости. И все здѣсь въ домѣ и въ садѣ будетъ заново улажено и отдѣлано. Слышала она, что въ верхнемъ ярусѣ откроютъ школу, а внизу, по лѣтамъ, сами станутъ жить. Ее во флигелѣ оставить; а тѣ—вороны съ братцемъ, переберутся въ другую усадьбу. По своей добротѣ Василій Ивановичъ позволилъ имъ оставаться въ Заводномъ; а купчая уже сдѣлана—это она знаетъ. Самъ онъ ютится пока въ одной комнатѣ флигеля, рядомъ съ нею.

Ѳедосѣевна, еще разъ, въ полъ-оборота, поглядѣла на пару, сидѣвшую на скамейкѣ, и пошла, не ускоря шага, во флигель.

— Ахъ, какая земляника! Восторгъ!

Саня ѣла ягоды съ ложки и немного причмокивала.

— Жаднуга вы!—проговорилъ Терьянъ и шутливо взглянулъ на нее.

Они еще были на „вы“.

— Жаднуга, да,—вроте повторила она и даже вздохнула. — Люблю сладкое поѣсть. Развѣ это большой грѣхъ?

— Чревоугодіемъ называется.

— Ха, ха!—чревоугодіемъ! какъ страшно!

Но по лицу ея пробѣжала тѣнь. Она вспомнила про послѣобѣда у тети Марѣы, про ея наливки и все, что отъ нихъ вышло.

— Ей-Богу, я и наливки... полюбила...

— Оттого, что сладки?

— Да, да!

— А отъ сладкаго-то зубки испортятся. Потомъ каяться будете.

— Буду!—вымолвила Саня и перестала ѣсть землянику. Довольно!

— Докончимъ! На двоихъ это не больно много.

— Зачѣмъ онъ говоритъ: „больно“?—подумала Саня. Гово Теркина показался ей совсѣмъ простымъ. Но это ее не огорчи. Весь онъ былъ такой статный, красивый, такъ хорошо одѣвалъ

по-своему, и такъ умно говорилъ со всѣми и обо всемъ. Ей даже нравился не барскій звукъ его рѣчи и нѣкоторыя слова, въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ мужики и дворовые. Прискучили ей говоръ и складъ рѣчи ея тетокъ и отца. У тети Марѣи она знаетъ впередъ каждое слово; тетка Павла точно вся шипитъ ни язвить и по книжкѣ читаетъ. У отца—выраженія благородныя, только все одни и тѣ же, и кажется, будто онъ говоритъ на какомъ-то засѣданіи и отстаиваетъ свое достоинство. Отъ самаго звука его голоса по ея спинѣ пробѣгаютъ всегда мурашки дремоты и челюсти начинаетъ поводить.

— Дитяtko вы мое!..

Теркинъ поставилъ блюдо ягодъ, откуда онъ ихъ ѣлъ, на край скамейки, взялъ ея руку и поцѣловалъ. Саня вся зардѣлась и робко прикоснулась губами къ его головѣ. Женихъ былъ съ ней сдержанъ, не лѣзъ цѣловаться, не позволялъ себѣ никакой фамильярности въ жестахъ. Это ее трогало, и чувство почти дочерней нѣжности назрѣвало въ ней. Она прекрасно понимала его деликатность и каждый день, какъ только онъ утромъ встрѣчался съ ней, съ глаза на глаза, и цѣловалъ въ лобъ, она стыдила себя мысленно, спрашивая: какъ могла она дойти съ таксаторомъ до такихъ „цѣловушекъ“? — ея институтское выраженіе.

— Закатъ-то какой! — продолжалъ съ тихимъ волненіемъ Теркинъ, отведя голову въ другую сторону. — Посмотрите, какъ вправо-то, вонъ гдѣ за селомъ лѣса начинаются, въ сосновомъ заказникѣ, стволы зажглись розовымъ свѣтомъ.

— Да. Какъ красиво!.. Василій Ивановичъ. И все это ваше теперь!

— Не мое, а компанейское.

— Это все равно.

— Какъ все равно? Чтѣ вы, голубушка!

— Вы у нихъ всему голова.

Саня обернулась къ нему и дурачливо кивнула головой. Теркинъ разсмѣялся и замолчалъ. Совсѣмъ еще неразумное чадо, барышня-институтка, не знаетъ жизни, ума непрытлаго, натуры рыхловатой. И онъ ее выбралъ въ подруги на всю жизнь!.. И никакой въ немъ думы и тревоги и жалости къ своей холостой бодѣ.

„Чудно!“ — вымолвилъ онъ про себя, чувствуя, какъ что-то чуждое, мужицкое, только безъ мужицкаго презрѣнія къ „бабѣ“, являетъ его душу. Чтѣ тутъ разбирать да анализировать? Надо ей обзаводиться; сладко и лестно — отдать свою тихую, прочную любовь вотъ такому немудрому, беззащитному „суслику“.

Это слово, брошенное Серафимой въ припадкѣ женской ярости, полюбилось ему.

— Василий Ивановичъ! — окликнула его Саня. — Посмотрите... тамъ за селомъ, вправо, за нашимъ лѣсомъ... дымъ какой... Что это? Неужели пожаръ?

Онъ встрепенулся, всталъ, отошелъ къ самому обрыву, взглянулъ своими дальноворкими, большими глазами — и внутри его сейчасъ же ёкнуло.

Дымъ — въ надвигавшихся сумеркахъ — разстился дѣйствительно правѣе отъ села, за сосновымъ заказникомъ.

„Лѣсной пожаръ!“ — выговорилъ онъ про себя, и ладони рукъ у него заохлодели. Заказникъ шелъ по лѣвому берегу Волги широкой полосой и сливался съ другой лѣсной дачей.

— Вѣдь тамъ предводительское имѣние? — спросилъ онъ быстро Саню.

— Кажется... Тамъ онъ не живетъ... а заводъ у него...

— Заводъ?

Онъ началъ ходить взадъ и впередъ по площадкѣ.

— Вы боитесь, Василий Ивановичъ, за вашъ лѣсъ?..

— Только бы лѣсъ не горѣлъ! Выше этой бѣды нѣтъ!

Саня ничего не отвѣтила и опустила голову.

Въ аллеѣ показалась длинная фигура отца ея.

— Иванъ Захарычъ! — громко окликнулъ Теркинъ. — Пожалуйте сюда поскорѣе! Видите дымъ? Чтò это можетъ быть?

Иванъ Захарычъ двигался такъ же медленно. Въ домашней голубоватой тужуркѣ, выбритый и съ запахомъ одеколона, онъ курилъ сигару и шелъ, не сгибая колѣнъ. Съ самаго дня продажи усадьбы онъ имѣлъ видъ человѣка, чѣмъ-то обиженного и съ достоинствомъ сносящаго незаслуженный имъ крестъ.

— Чтò вы изволите? — спросилъ онъ чопорно.

— Да вотъ дымъ... Чтò это?

— Едва-ли не лѣса горять, — процѣдилъ онъ.

— Едва-ли!.. Ха, ха!..

Теркина взорвало. Онъ подошелъ къ нему, взялъ его за пуговицу его скюртука и заговорилъ пылко и скоро.

— Ну, а еслибъ вотъ на нашихъ глазахъ начало драть заказникъ — вы бы тоже ухомъ не повели, благо вы его продали?

— Не знаю-съ...

— Вотъ такъ вотчинное чувство!.. Чтò не мое, тò пропа дай прѣпадомъ!

— Это еще далеко, — все такъ же чопорно и невозмутно продолжалъ Иванъ Захарычъ. — Тамъ заводъ Петра Аполлосови

и еловый лѣсокъ... Гдѣ-нибудь тамъ занялось, деревень въ той мѣстности нѣтъ; да и дымъ, надо полагать...

— Надо полагать!—чуть не передразнилъ его Теркинъ.— Да вы бы спосылали кого-нибудь.

Но онъ сдержалъ себя, приподнялъ шляпу и насмѣшливо выговорилъ:

— Извините... Потревожилъ ваше спокойствіе.

До Сани долетѣлъ весь этотъ разговоръ.

На террасѣ показался въ эту минуту Хрящевъ и добѣжалъ до нихъ запыхавшись, блѣдный, но съ рѣшительнымъ видомъ, какого у него еще никогда не подмѣчалъ Теркинъ.

— Чтѣ?—окликнулъ онъ его издали.

— Василий Ивановичъ! Пожаръ въ имѣніи господина Звѣрева. Заводъ загорѣлся и ельникъ. До заказника—рукой подать. Надо дѣйствовать.

— Еще бы! Ёдемъ верхами! Коли нужно—сбить народъ въ Заводномъ. Иванъ Захарычъ! вашими лошадьми я распоряжусь... А васъ не приглашаю... Александра Ивановна, прощайте!—онъ подбѣжалъ къ ней и пожалъ ей только руку.—Не беспокойтесь! Можетъ, тамъ и почевать придется.

Иванъ Захарычъ пустилъ кольца дыма въ слѣдъ двухъ разночинцевъ, полетѣвшихъ спасать заказникъ. Саянъ, въ сильномъ смущеніи, опустила на скамью.

XXXVI.

Измученная, потная, непривычная ходить подъ верхомъ лошадь спотыкалась о пни и кочки. Теркинъ нервно понукалъ ее, весь черный отъ дыма и сажи, безъ шапки, съ разодраннымъ рукавомъ визитки.

Весь вечеръ и всю ночь, не смыкая глазъ до утра, распорядился онъ на пожарѣ. Когда они съ Хрящевымъ прискакали къ дальнему краю сосноваго заказника, переѣхавъ Волгу на паромѣ, огонь былъ еще за добрыхъ три версты, но шелъ въ ихъ сторону. Начался онъ на винокуренномъ заводѣ Звѣрева, послѣобѣденное время. Заводъ стоялъ безъ дѣла, и никто не могъ сказать, гдѣ именно загорѣлось; но драть начало шибко въ первые же минуты, и въ два какихъ-нибудь часа остались однѣ ювешки отъ обширнаго—правда, стараго и деревяннаго—зданія.

Перекинуло на еловый лѣсъ Звѣрева, шедшій подковкой въ станяхъ отъ завода, въ сторону заказника Черносошныхъ, те-

перь уже компанейскаго. „Петьки“ такъ онъ и не дождался. Предводитель уѣхалъ въ губернской городъ. На заводѣ оставался кое-кто, но тушить лѣсной пожаръ, копать канавы, отмахивать вѣтвями — некому было. Пришлось сбивать народъ въ деревушкѣ версты за пять и посылать нарочныхъ въ Заводное, откуда, посуливши имъ по рублю на брата, удалось пригнать человекъ тридцать.

Что можно было сдѣлать съ такой командой?

Звѣревскій ельникъ отдѣляла отъ заказника порядочная полоса пашни, стоявшей въ пару. Копать канаву не было надобности: пожаръ шелъ сначала только по верху, а не по землѣ. Перекинуть — займется заказникъ, не перекинуть — пронесетъ бѣду.

Перекинуло къ полуночи; вѣтеръ перемѣнился, подуло съ юго-запада, прямо на опушку того мѣста, гдѣ росъ самый ядрѣный строевой лѣсъ.

Когда онъ увидалъ, какъ занялись первыя деревья, онъ чуть не заплакалъ; потомъ сталъ метаться, на лошади, вдоль опушки, кричать на народъ, схватилъ вѣтку березы и, сознавая, что это бесполезно, махалъ ею. Хрящевъ успокаивалъ его, распоряжался толково, безъ крика и брани, съ яснымъ и болѣе строгимъ лицомъ. Онъ былъ неузнаваемъ.

Ужъ отхватило съ десятину и подошло къ узкой просѣлкѣ.

— Василій Иванычъ! — предложилъ ему Хрящевъ, весь въ копоти и дымѣ, подъ трескомъ и гуломъ. — Позвольте зажечь съ этой стороны? Огонь огнемъ остановить — одно средство.

— Что вы съ ума сошли? — гнѣвно крикнулъ онъ, поднимаясь въ стрелнахъ.

Онъ и забылъ, что въ такому крайнему средству прибѣгаютъ въ лѣсныхъ пожарахъ.

— Какъ угодно! Все равно займется!

И занялось. Онъ чуть не волосы на себѣ рвалъ, но потомъ вдругъ успокоился и въ подавленномъ настроеніи, близкомъ къ чувству потери близкаго существа, ѣздилъ вдоль пожараща, самъ не распоряжался, но и не сходилъ съ сѣдла ни на минуту.

Пожаръ то стихалъ, то опять занимался. Начала глѣть и земля. Пошелъ особый запахъ торфяной гари — огонь добрался до той части заказника, гдѣ на половину росъ черный лѣсъ и были низины.

Утромъ, въ восьмомъ часу, продирался онъ сквозь чащу, скакивая какъ въ псовой охотѣ добыжаче, желая прервать путь огню. Глѣла жирная земля и мѣстами, гдѣ росъ мелкій можжевельникъ и сухой верескъ, занималась полосами пламени, что видно на дневномъ свѣтѣ.

Теркинъ соскочилъ—на лошади—съ полукруглаго вала въ плѣшку, покрытую мхомъ и хвоемъ. Густой дымъ скрывалъ змѣйки огня и тлѣніе низины. Онъ круто повернулъ лошадь—она фыркнула и не хотѣла идти дальше. Онъ ударилъ ее нагайкой и направилъ туда, гдѣ должны были рыть канаву, подъ надзоромъ Антона Пантелѣича. И вдругъ изъ-подъ копытъ по сапогу его лязнулъ огненный языкъ—точно онъ выскочилъ изъ земли. Лошадь еще сильнѣе шарахнулась. Онъ повернулъ ее въ другую сторону и только-что доѣхалъ до дальняго края этой пространной колдобины, какъ тамъ тоже занялось и подъ ногами лошади начало тлѣть все сильнѣе и сильнѣе.

— Батюшка!.. Василій Иванычъ! Господь съ вами! Сгорите! Сюда!

Кричалъ Хрящевъ, пѣшій, весь черный, въ одной рубашкѣ, съ березовой обгорѣлой вѣтвью въ рукѣ. Онъ схватилъ лошадь подъ уздцы и сильно дернулъ ее. Не успѣла она перепрыгнуть черезъ подъемъ почвы, какъ огненный кругъ замѣнулся.

— Батюшка! Погибли бы! Въ мшару попали!

— Куда?—спросилъ Теркинъ растерянно и злобно.

— Въ мшару, Василій Иванычъ! Въ такую низину... Торфъ тутъ, подъ ногами. Сгорѣли бы до тла! Боже мой!

Хрящевъ почти плакалъ отъ радости.

— Спѣшите вы!—упрашивалъ онъ.—Сейчасъ вотъ просьба будетъ... А тамъ успѣютъ, Богъ дастъ, окопать. Малый одинъ толковый изъ Заводнаго. Я его въ нарядчики произвелъ.

Теркинъ слѣзъ съ лошади. Онъ очутился на полянкѣ. Саженьяхъ въ ста видна была цѣпь мужиковъ, рывшихъ канаву... Жаръ стоялъ сильный. Дымъ стлался по низу, и съ верху шель густымъ облакомъ, отъ той части заказника, гдѣ догоралъ сосновый лѣсъ. Но огонь заворачивалъ въ сторону отъ нихъ—дышать еще было не такъ тяжело.

— Ахъ, ручейка нѣтъ!—заговорилъ Хрящевъ—подсаживаясь на корточкахъ къ Теркину:—умыться бы вамъ... родной!

Эта заботливость прояла Теркина. Онъ сейчасъ вспомнилъ, что вѣдь Хрящевъ спасъ его, пять минутъ назадъ.

— Антонъ Пантелѣичъ!—голосъ Теркина дрогнулъ:—безъ я въ мшарѣ-то погибъ!

— На все прозволеніе Божіе!

— А небось ни одинъ вонъ изъ тѣхъ православныхъ не тѣ бы меня спасать. Ну, скажите!—голосъ его становился все инѣе:—вы, кому лѣсъ дороже не меньше, чѣмъ мнѣ... развѣ не скоты? Какъ они вчера повели себя?.. Только на деньги

и позарились! А чтобы у нихъ у самихъ на душѣ защемило, чтобы жалость ихъ взяла—какъ бы не такъ! Гори, паря! По цѣлковому-рублю получилъ—и похаживаетъ себѣ вдоль опушки, да лапкой помахиваетъ, точно отъ мухъ... А чуть мы съ вами отвернемся, такъ спину себѣ чешетъ. Одинъ подлець даже курить началъ. Я его чуть самого въ огонь не бросилъ! Скоты! Скоты! Непробудные!

Онъ не совладалъ съ чувствомъ и глухо зарыдалъ... Старая неприязнь къ крестьянскому міру всплыла въ немъ и перемѣшалась съ жалостью къ тому лѣсному добру, что уже стлѣло, и къ тому, что можетъ еще погибнуть.

Раза два вскрипнулъ онъ и потомъ тихо заплакалъ.

— Самый-то лучший край отхватило!..—силится онъ выговорить.—Сосны въ два обхвата!.. Отстоялъ отъ дворянской распусты, такъ огонь донялъ. Да и огонь-то откуда? Отъ завода Петьки Звѣрева... Онъ могъ его и поджечь! Страховую премію получить. Онъ теперь и на это способенъ.

И опять вернулся онъ къ мужикамъ.

— Вонъ какъ копаются! Грядки подъ рѣпу отбиваютъ, какъ бывало на барскомъ огородѣ. Словно мухи пьяныя!.. Эхъ!..

Слезы онъ обтеръ рукавомъ и сосредоточенно и гнѣвно поглядѣлъ еще разъ въ ту сторону, гдѣ работали мужики.

— Василий Ивановичъ,—особенно тихо, точно на исповѣди, заговорилъ Хрящевъ, наклонившись къ нему и держа за поводъ лошадь.— Не судите такъ горько. Мужикъ обиженъ лѣсомъ. Поспрошайте—здѣсь такія богатства, а чьи? Казна, баринъ, купецъ, а у общины что? На дровѣнки осины нѣтъ, не то что строевого заказника... Въ немъ эта обида, Василий Ивановичъ, засѣла, все равно, что наследственный недугъ. Она его дѣлаетъ равнодушнымъ, а не другое что. Чувство ваше понимаю. Но не хочу лукавить передъ вами. Надо и имъ простить.

Ничего не возражалъ Теркинъ. Простыя, полная задушевности слова лѣсовода отрезвили его. Ему стало стыдно за себя. Хрящевъ указалъ на истинную причину того, что его возмутило до слезъ. Онъ радѣеть о родныхъ богатствахъ... А кому ими пользоваться, хоть чуточку, хоть на свою немудрую потребу?.. Развѣ не народу?

Онъ быстро поднялся, нагнулся надъ Хрящевымъ, положилъ ему руку на лысую и влажную голову, всю засыпанную пепломъ и черную, точно сажа.

— Спасибо, Антонъ Пантелѣвичъ! Это такъ!.. А все-таки надо ихъ пришпорить.

— Всеконечно!.. Вѣрьте слову—дальше не пойдетъ огонь... Выхватило сотню-другую десятинъ. Дѣло наживное. Была бы только голова на мѣстѣ, да душа не теряла своего закона. Оставимъ лошадь здѣсь — стреножимъ ее. Сюда огонь не дойдетъ! Вѣрьте слову!

— Вѣрю!— вскричалъ Теркинъ и—не выдержалъ—поцѣловалъ своего лѣсовода.

XXXVII.

— Ты должна это сдѣлать для отца твоего. Его пріятель и сослуживецъ—въ такомъ положеніи. Ты хоть каплю имѣй дворянскаго чувства.

Павла Захаровна пропускала эти слова съ усиленіемъ севозь свои тонкія синеватыя губы и подъ-конецъ злобно усмѣхнулась.

Саню призвали въ гостиную. Въ креслѣ сидѣла старшая тетка; младшая, съ простовато-сладкимъ выраженіемъ своего лоснящагося лица, присѣла на уголь одного изъ длинныхъ мягкихъ дивановъ, обитыхъ стариннымъ ситцемъ.

Съ полчаса уже старшая тетка говоритъ Санѣ—настроиваетъ на то, чтобы она подѣйствовала на своего жениха. Когда ее позвали, она испугалась, думая—не вышло ли чего-нибудь? Вдругъ какъ ея обрученіе нарушено? Отецъ, въ послѣдніе дни, ходилъ хмурый и важный, все молчалъ, а потомъ заговорилъ, что надо торопиться поправкой дома въ той усадьбѣ, чтобы тотчасъ послѣ ихъ свадьбы переѣхать. Тетка Павла поддакивала ему и даже находила, что будетъ гораздо приличнѣе для Черносошныхъ перебраться до свадьбы, а не справлять ее въ чужомъ домѣ, гдѣ ихъ держатъ теперь точно на хлѣбахъ изъ милости!

Василій Иванычъ, послѣ пожара, два раза ѣздилъ въ губернской городъ и дальше, по Волгѣ, за Нижній, писалъ съ дороги, но очень маленькія письма и чаще посылалъ телеграммы. Вчера онъ только-что вернулся и опять уѣхалъ въ уѣздный городъ. Къ обѣду долженъ быть домой.

Она такъ испугалась, что въ первыя минуты даже не поняла хорошенько, о чемъ говоритъ тетка Павла.

Теперь поняла. Предводителя Звѣрева посадили въ острогъ. О обвиняютъ въ поджогѣ завода для полученія страховой премии. „Вася“—она про себя такъ зоветъ Теркина—уже зналъ объ этомъ и сказалъ ей, передъ второй своей поѣздкой: „Петьѣй преву я его пакости нивогда не прощу: мало того, что самъ

себѣ краснаго пѣтуха пустилъ, да и весь заказникъ намъ могъ спалить“.

И много потомъ говорилъ гнѣвнаго о „господахъ дворянахъ“, которые, по всей губерніи, въ доскъ изворовались; рассказывалъ ей про теплыя „дѣла“ въ банкѣ, гдѣ предсѣдатель тоже арестованъ за подлогъ, да въ кассѣ оказалась передержка въ триста слишкомъ тысячъ.

Она не могла ему не сочувствовать... Что-жъ изъ того, что она дворянка? Развѣ можно такія дѣла дѣлать—мало того, что транжирить, въ долги лѣзть, закладывать и продавать, да еще на подлоги идти, на воровство, на поджигательство? Этотъ Звѣревъ и до подлога растратилъ сорокъ тысячъ сиротскихъ денегъ.

А вотъ отъ нея требуютъ, чтобы она „добилась“ отъ своего жениха—шутка связать!—внесенія залога за Звѣрева. Почему же самъ отецъ не вноситъ? Деньги у него теперь есть или должны быть. Они съ нимъ—товарищи, кажется, даже въ дальнемъ родствѣ.

— Ты какъ будто все еще не понимаешь?—раздался болѣе рѣзкій вопросъ Павлы Захаровны.—Что же ты молчишь?

— Я не знаю... теть. Василій Ивановичъ самъ...

— Самъ!.. Какъ ты это связала? Точно горничная дѣвча—Оеклуша какая-нибудь или Устюша. Онъ въ тебя влюбился, а ты, сразу, такъ ставишь себя. Значить, тебѣ твой родъ—ничего: люди твоего происхожденія!.. Вотъ и выходитъ...

Павла Захаровна не договорила и махнула рукой. Сестра ея поняла намекъ, и ей стало жаль Санечку—какъ бы Павла чего-нибудь не „бацнула“—по своей ехидности. Она грузно поднялась, подошла къ ней, обняла ее и начала гладить по головѣ.

— Милая моя! Какъ же ты такъ на себя смотришь? У тебя амбиціи нѣтъ, маточка. Женихъ тебя обожаетъ, и ты слово скажи—сейчасъ же тебѣ все предоставитъ, хоть птичьего молока.

„Ну нѣтъ!“—убѣжденно подумала Саня и безъ всякой досады. Ее тѣмъ и влекло къ жениху, что онъ съ характеромъ, что у него на все свои мысли и свои слова.

— Колокольчикъ!..

Саня рванулась отъ тетки Марѣи къ дверямъ и, проходя мимо Павлы Захаровны, торопливо шепнула:

— Теть... Я скажу, если вамъ и папѣ угодно...

— То-то! И не съ глазу на глазъ, а теперь, здѣсь... С. - шись?

— Хорошо!

Въ гостиную она привела Теркина прямо изъ передней. С з

запрошелъ бы къ себѣ во флигель умыться, но она ему на ухо шепнула:

— Пожалуйста!.. Милый!.. Для меня!

Онъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на нее; но не возражалъ больше. Изъ города вернулся онъ недовольный—это она сейчасъ же почувала. Навѣрное и тамъ къ нему съ чѣмъ-нибудь приставали. Точно онъ, въ самомъ дѣлѣ, какой миллионщикъ; а у него своихъ денегъ совсѣмъ немного — онъ ей все рассказалъ на дняхъ и даже настаивалъ на томъ, чтобы она знала, „каковъ онъ есть богатѣй“.

Одного взгляда на Павлу Захаровну достаточно было, чтобы распознать какой-то семейный „подходъ“. Она поздоровалась съ нимъ суховаато — къ чему онъ уже привыкъ. Марѳа при сестрѣ только присѣдала и омахивалась платкомъ. Въ гостиной было очень душно.

Саня усадила его на тотъ же диванъ, гдѣ сидѣла Марѳа, — только на другомъ концѣ.

— Вы прямо изъ города? — спросила она его, и ея тонъ сейчасъ выдалъ ее.

— Оттуда, — отвѣтилъ Теркинъ спокойно.

— Про Петра Аполлосовича ничего новаго не слышали?

— Ничего!.. Я по своимъ дѣламъ.

Онъ началъ понимать.

— Его посадили!

Саня выговорила это вполголоса, отвернувшись къ нему отъ тетки Павлы.

— Значить, за дѣло!

Протянулась пауза. Саня въ спинѣ своей чувствовала понукающій взглядъ Павлы Захаровны.

— Онъ вѣдь вашъ товарищъ былъ въ гимназіи? — заговорила Саня и не докончила. Взглядъ Теркина смутилъ ее, и она начала краснѣть.

— Былъ, — отвѣтилъ онъ менѣе спокойно, оглядѣлъ всѣхъ и остановилъ взглядъ на Павлѣ Захаровнѣ.

— Пожалѣйте его!.. Онъ въ острогѣ сидитъ!.. Милый!

Стремительно выговорила это Саня и поникла головой подъ плечомъ.

Теркинъ увидалъ въ дверяхъ Ивана Захаровича — почему-то въ инноватомъ парадномъ сюртукѣ, до верху застегнутомъ.

„Подстроили Саню!“ — подумалъ онъ шутливо, но ощутилъ, то же время, досаду на свою невѣсту, за такую подстроенную

Иванъ Захарычъ могъ слышать послѣднія слова дочери. У него въ лицѣ и выраженіе было такое именно, что онъ слышалъ ихъ и ждетъ, какой эффектъ произведетъ просьба Сани на его будущаго зятя.

Безцвѣтные глаза, на этотъ разъ, какъ будто даже заискрились. Въ нихъ Теркинъ прочелъ:

„Посмотримъ, молъ, какія ты шляхетныя чувства выскажешь. Тянешься на линію землевладѣльца и чуть не важнаго барина, а, поди, остался какъ есть копатникомъ и хамомъ!“

Внутри у него защемило. Онъ всталъ, немного отстранивъ рукой Саню, подошелъ къ дверямъ и поздоровался съ Иваномъ Захарычемъ молча, пожатіемъ руки.

— Саня проситъ Василія Ивановича, — начала тетка Павла безстрастно и вѣско: — помочь своему товарищу по гимназій, Петру Аполлосовичу, въ теперешней бѣдѣ.

— Василій Ивановичъ, — отозвался Иванъ Захарычъ: — кажется, не въ особенно пріятельскихъ чувствахъ къ своему товарищу. Пожалуй, и не знаетъ, до сихъ поръ, въ какомъ онъ положеніи.

— Слышалъ сейчасъ, — отвѣтилъ Теркинъ немного рѣзче и заходилъ по комнатѣ, въ другомъ ея углу. — То, что я сказалъ Александрѣ Ивановичу, то повторю и вамъ, Иванъ Захарычъ: должно быть, не зря арестовали Звѣрева и въ острогъ посадили. Особенно сокрушаться этимъ не могу-съ, — воля ваша. Разумѣется, отъ тюрьмы да отъ сумы никому нельзя отрещиваться... Однако...

Онъ хотѣлъ сказать: „завѣдомымъ ворами мирволить не желаю“, но въ-время воздержался. Звѣревъ самъ ему открылъ о своей растратѣ. Было бы „негдѣ“, выдавать его, даже и въ такомъ семейномъ разговорѣ. Слышалъ онъ, еще на той недѣлѣ, что Звѣрева подозреваютъ въ поджогѣ.

— Позвольте спросить, — продолжалъ онъ, подходя ближе къ Ивану Захарычу: — по какому же дѣлу онъ попалъ въ острогъ?

— Донесли... будто онъ поджегъ заводъ для полученія страховой преміи.

Иванъ Захарычъ повелъ плечами.

— И вы не считаете его на это способнымъ? — спросилъ въ упоръ Теркинъ.

— Не считаю-съ!.. Дворянинъ можетъ зарваться, легкомысленно поступить по должности... Но пускать краснаго пѣтуха...

— Вы такой вѣры?.. Ну, и прекрасно. Но опять, что я-то могу во всемъ этомъ? Мы были товарищи, но вамъ вѣдъ неизвѣстно, въ какихъ мы теперь чувствахъ другъ къ другу. Довольно и того, что отъ него нашему обществу убытокъ нан

сень, слишкомъ въ десять тысячъ рублей. А не заключи мы съ вами, какъ разъ передъ тѣмъ, сдѣлки—вы бы пострадали. Будь это за границей съ нимъ — помимо уголовного преслѣдованія, начали бы искъ. А я — представитель потерпѣвшей компаніи — махнулъ рукой, хотя, ваясь, сгоряча самъ хотѣлъ начать разслѣдованіе—почему это заводъ загорѣлся точно свѣча, когда работы въ немъ никакой не было! Какъ же прикажете ему помогать?

— Залогъ внести, очень просто, — отвѣчала тетка Павла.

— Для сохраненія его достоинства? — почти гнѣвно вскричалъ Теркинъ. — Почему же господа дворяне не сложатся?

— Я бы внесъ, — выговорилъ обидчиво Черносопный и поднял высоко голову; — но у меня такихъ денегъ нѣтъ... Вы это прекрасно знаете, Василій Иванычъ. Во всякомъ случаѣ, товарищъ вашъ осрамленъ. Простая жалость должна бы, кажется... Тѣмъ болѣе, что вы, при свиданіи, обошлись съ нимъ жестковато. Не скрою... онъ мнѣ жаловался. Слѣдственно ему обращаться къ вамъ съ просьбою — слишкомъ чувствительно. Но всякій пойметъ... всякій, кто...

— Бѣлой востью себя считаетъ! — воскликнулъ Теркинъ и, проходя мимо Ивана Захарыча къ двери — бросилъ ему: — Извините, я сказалъ, что умѣлъ; а теперь мнѣ умыться съ дороги нужно.

Глаза Павлы Захаровны уставились на Саню, сидѣвшую въ стѣсенной позѣ, и говорили ей:

„Радуйся, милая, за хама идешь. Дворянина ты и не стоишь“.

XXXVIII.

На широкой, немощенной улицѣ вѣтеръ взбивалъ пылъ стѣной, въ жаркій полдень. По троттуару, мѣстами изъ досокъ, мѣстами изъ кирпичей, Теркинъ шелъ замедленнымъ шагомъ, по направленію къ кладбищенской церкви, гдѣ, немного полѣвѣе, на взлобкѣ, бѣлѣлъ острогъ, съ круглыми башенками по угламъ.

Онъ пошелъ нарочно пѣшкомъ, изъ своей вѣзжей квартиры. Вчерашнее объясненіе съ семействомъ Черносопныхъ погнало его сегодня, чѣмъ свѣтъ, въ городъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ рѣшительно и всѣ на него поглядывали косо; только Саня приласкала его, раза два, глазами.

Съ нею онъ погулялъ въ паркѣ и сказалъ ей, когда они возвращались на террасу:

— Вы, Саня, не думайте, что у вашего жениха — хамства и чувства; только я не жалую, чтобы мнѣ въ душу залѣзали.

Саня только вздохнула и ничего не промолвила. Она стояла за него, но боялась высказываться — какъ бы „не наговорить глупостей“.

Всегда утромъ, при пробужденіи, совѣсть докладываетъ—въ чемъ онъ провинился. Сильно не понравилось ему самому, какъ онъ повелъ разговоръ въ гостиной; едва ли не сильнѣе недоволенъ онъ былъ, чѣмъ своей встрѣчей и перебранкой съ Петькой Звѣревымъ, здѣсь, въ городѣ, на его—тогда еще предводительской—квартирѣ.

И однако онъ ничѣмъ тогда не загладилъ своего мальчишества и обидчивой рѣзкости, и просто „озорства“—каковъ бы ни былъ самъ по себѣ Петька.

Какъ-ни-какъ,—а тотъ первый повинился ему. Ну, онъ расхититель сиротскихъ денегъ, плутъ и даже поджигатель—но развѣ это мѣшало ему—Васькѣ Теркину—тому товарищу, предъ которымъ Петька преклонялся въ гимназіи,—быть великодушнымъ?..

„Душонка-то у меня, видно, мелка!“—вырвалось у него восклицаніе, подѣ конецъ утреннихъ счетовъ съ совѣстью. И тотчасъ же приказалъ онъ закладывать, а въ девятомъ часу былъ уже въ городѣ.

Узналъ онъ отъ хозяевъ, что предводителя держать чуть не въ секретной, что слѣдователь у нихъ—лютой, не позволяя Звѣреву въ первую недѣлю даже съ больной женой повидаться; а она очень плоха. Поговаривали въ городѣ, будто даже на себя руки хотѣла наложить... И къ нему никого не пускали.

Надо было начать съ визита слѣдователю. Не раньше десяти тотъ проснулся. Теркину пришлось долго и убѣдительно рассказывать, кто онъ, и выгораживать всякую возможность стачки съ подсуднымъ арестантомъ.

— Положимъ, мы съ нимъ вмѣстѣ учились; но вѣдь онъ своимъ пожаромъ спалилъ у компаніи лѣсу слишкомъ на десять тысячъ.

Этотъ доводъ подѣйствовалъ на слѣдователя больше всего остального.

— Такъ что же васъ побуждаетъ видѣться съ нимъ? Изъ жалости или великодушія?—спросилъ онъ не безъ язвы.

— По чловѣчеству!—выговорилъ почти смущенно Теркинъ.

Въ слѣдователѣ онъ увидалъ полнѣйшую фактическую уверенность въ томъ, что Звѣревъ поджегъ свой заводъ. Онъ ничѣмъ не проговорился, смотрѣлъ вообще „нутрякомъ“ съ порядочнѣйшей долей злобности, но по его губамъ то-и-дѣло скользила особаго рода усмѣшка.

Записку тюремному смотрителю Теркинъ, однако, добылъ отъ него. Слѣдователь, провожая его до двери, сказалъ ему:

— Вы теперъ его не застанете...

— На допросъ привести?—спросилъ Теркинъ.

— Нѣтъ! Я разрѣшилъ ему побывать у больной жены; но въ часу нашего обѣда онъ долженъ быть въ острогѣ.

И вотъ онъ идетъ туда, пѣшкомъ, и жалость не покидаетъ его. Поговорка, пущенная имъ въ ходъ вчера, въ объясненіи съ Черносошнымъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не отрещивайся“—вѣзлалась ему въ мозгъ и точно дразнила. Со dna души поднималось чисто мужицкое чувство — страхъ неволи, сидѣнья ваперти—вѣра въ судьбу, которая можетъ и невиннаго отправить въ кандалахъ въ сибирскую тайгу.

Справа, около самаго троттуара, проплелась, въ клубахъ пыли, одноконная городская долгушка.

Теркинъ поднялъ голову равнодушнымъ жестомъ и остолбенѣлъ.

Лицомъ къ нему сидѣлъ сгорбившись Звѣревъ, въ арестантскомъ халатѣ и шапкѣ безъ козырька; по бокамъ два полицейскихъ съ пашками и у обоихъ револьверы.

Теркинъ хотѣлъ крикнуть, и у него перехватило въ горлѣ.

Звѣревъ узналъ его и тотчасъ же отвернулся... Облако пыли скрыло ихъ.

Сермяжный халатъ всего больше поразилъ Теркина. Первое лицо въ цѣломъ уѣздѣ и—володникъ, еще до суда. Можетъ быть и понапрасну заподозрѣнъ въ поджогѣ? Растрата по опекѣ еще, кажется, не обнаружена. Въ сермягѣ!

Искренно порадовался онъ за Петьку, что улица была совсѣмъ пустая. Только вправо, туда, къ выѣзду въ поле, тащилась телѣга, должно быть съ кулями угля.

До самаго острога не покидало его жуткое чувство—точно саднило въ груди и ладони рукъ горѣли; даже въ концахъ пальцевъ чувствовалъ онъ какъ будто уколы булавки.

Не больше пяти минутъ взяло у него съ того мѣста, гдѣ онъ увидалъ долгушу, до воротъ острога. Инвалидный солдатикъ грузно ходилъ подъ ружьемъ, донашивая свое кепи, и служитель сидѣлъ на скамьѣ, подъ навѣсомъ воротъ.

Теркинъ предъявилъ ему записку къ надзирателю и всунулъ блевую бумажку. Тотъ снялъ шапку и тотчасъ же повелъ его.

Въ острогъ попадалъ онъ въ первый разъ въ жизни. Все ть было тѣсно, съ грязпой, довольно шумно—начался обѣдъ естантовъ и отовсюду доносился гулъ мужскихъ голосовъ.

— Они кушаютъ,—сказалъ ему тотъ же старшій сторожъ,

остановившись передъ дверью камеры, помѣщенной особенно, въ темныхъ сѣнцахъ, и звонко щелкнувъ замкомъ.

Теркинъ вошелъ вслѣдъ за нимъ. Сторожъ захлопнулъ дверь, но не заперъ ее.

За столикомъ—въ узкой, довольно еще чистой комнатѣ—Звѣревъ, въ халатѣ, жадно хлебалъ изъ миски. Ломоть чернаго хлѣба лежалъ нетронутый. Увидя Теркина, онъ, какъ ужаленный, вскочилъ, скинулъ съ себя халатъ, подъ которымъ очутился въ жилетѣ и свѣтлыхъ модныхъ панталонахъ, и хотѣлъ бросить его на койку съ двумя хорошими—видимо своими—подушками.

— Василий Ивановичъ! Ты!—глухо воскликнулъ онъ и сразу не подалъ Теркину руки.

— Здравствуй, братъ! — съ невольной дрожью выговорилъ Теркинъ и также невольно протянулъ къ нему обѣ руки.

Они обнялись.

Звѣревъ былъ красенъ. На глаза навертывались слезы.

— Ъшь! Ъшь!.. Ты голодень... Я посижу,—сказалъ Теркинъ.

Первой мыслью Звѣрева, при входѣ Теркина, было: „вотъ, другъ любезный, пожаловалъ на мой срамъ полюбоваться“.

Но когда тотъ обнялъ его, онъ сразу размякъ.

Послушно присѣлъ онъ къ столу и доѣлъ похлебку, потомъ присѣлъ къ Теркину на койку, гдѣ они и остались. Въ камерѣ было всего два стула и столикъ, подъ высокимъ рѣшетчатымъ окномъ, въ одномъ мѣстѣ заклеенномъ синей бумагой.

Говорить про свою вину Звѣревъ упорно избѣгалъ, только два раза пустилъ возгласъ:—Въ поджигатели произвели!

Онъ полонъ былъ не того, что ему предстоитъ, а негодованія на прокурора и слѣдователя, которые „извели“ его жену. Когда онъ былъ посаженъ въ острогъ, она въ тотъ же день заболѣла.

— Не вѣрю я докторамъ,—шепталъ онъ Теркину на ухо.

— Они дурачье, олухи, шарлатаны. Толкуютъ: невропатія, астма какая-то. А я вижу, что она себя опоила чѣмъ-то. И не сразу... а, можетъ, каждый день подсыпаетъ себѣ въ ихъ лекарства.

И вотъ сегодня только допустили его побывать у нея.

— Мерзавцы!.. Крапивное сѣмя!

Онъ не выдержалъ и сталъ всхлипывать.

— Краше въ гробъ владуть. Какъ бросилась ко мнѣ!.. И сейчасъ же обомлѣла. Столбнякъ! Не доживетъ до субботы.. Любовь какая, Вася! Понимаешь ты! Кабы ты видѣлъ ее! Первая женщина въ имперіи!

Его охватила струя мужского самодовольства—сознанія, чтъ изъ любви къ нему женщина отравляется. О томъ, что изъ-з

нея, для ея транжирства, онъ сталъ расхитителемъ и поджигателемъ—онъ не тужилъ.

— Для какого чорта,—крикнулъ онъ и заходилъ по камерѣ:— для какого чорта онъ меня въ колодничи произвелъ, этотъ правовѣдишко-гнуснець? Что я за границу что-ли удеру? На какія деньги? И еще толкуютъ о поднятїи дворянства! Ха, ха! Хорошо поднятїе! Возили меня сегодня по городу—въ халатѣ, съ двумя архаровцами. Да еще умолять пришлось, чтобы позволили въ долгушкѣ проѣхать! А то бы гѣшкомъ, между двумя конвойными, чтобы тебѣ калачикъ или мѣдакъ Христа ради бросили!

Губы его брызгали слюной и болѣзненно вздрагивали. Онъ опять присѣлъ къ Теркину, весь какъ-то ушелъ въ плечи и одну ладонь положилъ ему на колѣни.

— Кто старое помянетъ.. Ты знаешь!.. Тогда ты со мной форсить началъ, Василій Иванычъ!.. Ну, повкитались!.. Отъ моего ельника и у тебя выдрало сколько десятинъ! Я тебѣ мстить не хотѣлъ. Извини, братъ! Да вѣдь это не твое собственное, а компанейское... Ну, и то сказать, и попросилъ я у тебя тоже здорово—сорокъ тысячъ! Имѣлъ резонъ отказать. Только ужъ очень ты... тогда...

Звѣревъ тряхнулъ головой и замолчалъ.

— Петя!—тихо и робко выговорилъ Теркинъ.—Тебя подъ залогъ выпустятъ?

— Мало-ли что! Десять тысячъ заломилъ правовѣдишко! У кого есть нынче такія деньги? Всѣ прожились! Всѣ прогорѣли! Вся губернія не лучше меня грѣшнаго. А въ банкѣ-то какихъ дѣловъ надѣлали!..

— Слушай! Заяви слѣдователю, что я внесу.

— Что?..

Краска залила сразу лицо лице Звѣрева. Онъ откинулся корпусомъ въ сторону и, заикаясь, выговорилъ:

— Ты—зря? Грѣшно!.. Лежачаго не бьютъ!

— Не зря, а вправду.

— Нѣтъ?!..

Съ нервнымъ крикомъ онъ вскочилъ, схватилъ за руку Теркина и сталъ цѣловать.

XXXIX.

Тарантасъ, открытый, четырехмѣстный, запряженный тройкой бурыхъ лошадей, стоялъ въ тѣни опушки, въ той части сосноваго заказника, которая уцѣлѣла отъ недавняго пожара. На колесахъ, рядомъ съ вучеромъ, сидѣлъ карликъ Чурлинь.

Въ глубинѣ лужайки, около мшистаго пня разлеглось нѣсколько человекъ. Они только-что вышли изъ тарантаса. По срединѣ высилась голова Теркина, сидѣвшаго спиной къ лѣсу. Немного въ сторонѣ прилегъ Хрящевъ, въ парусинной блузѣ и парусинной же большой шляпѣ, на зеленомъ подбоѣ; онъ называлъ ее почему-то „брылемъ“. По бокамъ, подобравъ ноги угломъ, сидѣли капитанъ Кузьмичевъ и Аршауловъ, все такого же болѣзненнаго вида, какъ и годъ назадъ, очень слабый и потемнѣвшій въ лицѣ, одѣтый тепло, въ толстое драповое пальто, хотя было и въ тѣни градусовъ восемнадцать.

Онъ все еще жилъ въ Кладенцѣ, гдѣ Теркинъ нашелъ ему постоянную работу—надзоръ за складами по его пароходно-торговому дѣлу. Здоровье его падало, но онъ этого не примѣчалъ и вѣрилъ въ то, что поправится.

Его послали на кумысъ; онъ съ трудомъ согласился; но захотѣлъ навѣстить сначала Теркина и прибѣжалъ къ нему накануне на пароходѣ. Капитанъ Кузьмичевъ — теперь командиръ „Батрака“—зашелъ въ Заводное грузить дрова и мѣстный товаръ; но просидѣлъ цѣлыя сутки изъ-за какой-то починки. Онъ долженъ былъ везти Аршаулова вниз, до самой Самары.

Всякому было видно, какъ бѣдняга плохъ; но Аршауловъ, еще болѣе спавшій съ голоса, смотрѣлъ весело и порывался говорить. Кашель затруднялъ его рѣчь и часто доходилъ до судорожныхъ припадковъ; онъ хватался за грудь, ложился бокомъ и томительно отхаркивалъ, а потомъ, съ словами: „Это ничего! извините!“—вступалъ такъ же пылко въ новый разговоръ.

Теркинъ показывалъ имъ сегодня оба заказника—на обоихъ берегахъ Волги; показалъ и пожарище. Въ усадьбѣ онъ успѣлъ представить ихъ невѣстѣ; но остальныхъ членовъ семьи они не видали, чему онъ былъ, въ сущности, радъ.

Какъ-то особенно отрадно было у него на душѣ, въ эту минуту—вмѣстѣ съ горькимъ осадкомъ отъ мысли, что тако славный „фанатикъ“, какъ Михаилъ Терентьевичъ Аршауловъ обреченъ на скорую смерть... Но онъ не сознавалъ этого—стал не страдать.

Живо вспомнились ему всё переходы ихъ бесѣдъ, въ Кладенцѣ... Съ того времени многое запало ему въ совѣсть, подъ горячимъ обаяніемъ вѣры въ народъ и жалости къ нему этого горюна, считающаго себя теперь счастливецъ.

— Очень бы мнѣ, братцы, хотѣлось,—заговорилъ онъ,—сдѣлать васъ участниками моего перехода въ состояніе женатыхъ людей, да грѣшно было бы задерживать васъ.

— Я бы остался, Василій Ивановичъ,—сказалъ Аршауловъ чуть слышнымъ звукомъ.

— Нѣтъ, поѣзжайте!.. Обвинчаемся мы не то черезъ двѣ недѣли, не то черезъ мѣсяць. Гдѣ же вамъ ждать!.. Вы мою Саню видѣли; кажется, она вамъ обоимъ приплась по вкусу?..

— И весьма!—крикнулъ весело Кузьмичевъ.

— Вотъ и мудрецъ одобряетъ,—Теркинъ кивнулъ головой Хращеву, который придвинулся къ нимъ:—я Антона Пантелѣича въ шафера, за это, возьму.

— Мнѣ непозволительно,—шутливо замѣтилъ тотъ и снялъ свой „брыль“:—Я вѣдь вдовьяго сана.

— Ничего!.. Свидѣтелемъ, во всякомъ случаѣ, можно быть.

— Много благодаренъ за честь. Только, кажется, это мнѣ не по чину будетъ.

— Это почему?—возразилъ Теркинъ, дѣлая въ его сторону жестъ правой рукой.—Вы, господа, Антону Пантелѣичу не вѣрьте! Онъ только прибѣднивается, а у него въ головѣ столько есть всякаго добра... да и въ сердцѣ также, — добавилъ онъ пониже тономъ.

Хращевъ стыдливо отвернулся.

— Нечего, нечего конфузиться-то!.. Униженіе паче гордости. Здѣсь Антонъ Пантелѣичъ въ своемъ царствѣ.

— Что твой лѣшій!—подсказалъ Хращевъ и дѣтски разсмѣялся.

— Не лѣшій, а лѣсной пестунъ и соверцатель!.. Господа!—Теркинъ обратился къ своимъ гостямъ:—ежели мы съ вами сегодня любовались этимъ заказникомъ, тѣмъ, что уцѣлѣло отъ пожара,—это дѣло рукъ Антона Пантелѣича.

— Ни Боже мой!

— Толкуйте!.. Безъ васъ я бы совсѣмъ зарвался, да и самъ сгинулъ во мшарѣ.

— Какъ это?—вскричалъ заинтересованный капитанъ.

— Василій Ивановичъ! Пожалуйста!—заговорилъ просительно ящевъ.—Никакого тутъ подвига не было... Вы бы и сами...

Но Теркинъ не далъ ему договорить и рассказалъ гостямъ,

какъ онъ могъ сгорѣть во мшарѣ—не явись ему на помощь Антонъ Пантелѣичъ.

Тотъ сидѣлъ съ поникшей головой, обращенной къ лѣсу, и видно было, что ему дѣйствительно было неловко.

Когда Теркинъ кончилъ, онъ обернулъ къ нимъ свое загорѣлое, съ лоскомъ, пухлое лице и, часто мигая сѣрыми глазками, выговорилъ съ юморомъ:

— Этакъ вы меня заставите, Василій Ивановичъ, подать прошеніе о выдачѣ мнѣ медали за спасеніе погибающихъ.

— Ладно! Толкуйте!—крикнулъ Теркинъ, и его начало еще сильнѣе подмигивать: выставить напоказъ передъ этими отличными ребятами—сотрудниками и пріятелями—достоинства своего лѣсовода-мудреца.

— Вѣдь вотъ, господа, — онъ оторвалъ вѣтку отъ молодой сосенки, стоявшей около него:—для васъ и для меня лѣсъ—извѣстно что такое. Я вотъ собираюсь даже удивить матушку-Россію своими дѣлами по сохраненію лѣсовъ; а ничего-то я не знаю. Да и профессора много, который книжки спеціальныя писалъ, приведи сюда—онъ наговоритъ много; но все это будетъ одна книжка; а у Антона Пантелѣича—каждое слово въ глубь прозябанія идетъ.

— Книжка!—перебилъ его Хрящевъ и еще ближе пододвинулся къ нему.—Не извольте относиться къ ней свысока. Оттуда же и я-то извлекъ то, о чемъ маракую? Изъ книжекъ. Безъ науки ничего нѣтъ и быть не можетъ въ человѣческомъ разумѣніи.

— Нѣтъ, не изъ книжки, а изъ своего проникновенія, изъ души. Вы влюблены, дружище, во все естество, въ каждую былинку, въ каждую козявку.

— Есть тотъ грѣхъ! Хе, хе!

Хрящевъ засмѣялся и шутливо закивалъ головой.

Всѣмъ стало очень весело.

— Да вотъ, — указалъ Теркинъ: — хоть эта сосенка! Пари держу, что Антонъ Пантелѣичъ до тонкости опредѣлитъ, сколько ей лѣтъ, такъ, на глазомѣръ, а не подъ микроскопомъ.

— Ну, это не большая премудрость, Василій Ивановичъ! Это каждый мужикъ бывалый знаетъ.

— Однако!..

— Сколько же ей лѣтъ?—спросилъ и задорно подмигнулъ капитанъ.

Хрящевъ подползъ къ соснѣ, поглядѣлъ на нее снизу вверхъ, пощупалъ стволъ и сталъ что-то считать, дотрогиваясь до вѣтвей.

— Видите-ли,—началъ онъ медленно и тихо закрывъ глаза. —Каждый годъ сосна даетъ вѣнчикъ въ нѣсколько вѣтвей. Сколько вѣнчиковъ, столько и лѣтъ, — безъ ошибки. Въ этомъ деревцѣ вѣнчиковъ до пятнадцати—стало быть, и лѣтъ ему пятнадцать. Это вѣрнѣе, чѣмъ ежели теперь срубить у корня и пласты считать, особливо въ старомъ деревѣ. Къ корѣ пласты сливаются, и ихъ надо подъ лупой разсматривать, чтобы не ошибиться.

— Ну, вотъ видите, господа!—крикнулъ Теркинъ. —И всякое дерево у Антона Пантелѣича—точно живой человекъ — свою, какъ бы это сказать, душу имѣетъ, психологію.

— А то какже!—со вздохомъ подтвердилъ Хрящевъ, лаская рукой тонкій стволъ сосенки.

— Ель онъ до обожанія любить... А я—сосну!.. У насъ всегда насчетъ этого идутъ диспуты.

— И сосна—почтенное дерево,—выговорилъ вдумчиво Хрящевъ, оглядывая всѣхъ троицъ,—и притомъ цѣломудренное.

— Какъ это?

Кузьмичевъ расхохотался.

— Потому что въ бракъ она вступаетъ рѣдко — разъ въ шесть, въ семь лѣтъ, а не ежегодно, какъ столько другихъ произрастаній. Ей приходится вести жизнь строгую. На постноядѣніи стоитъ всю жизнь—и въ какія выси поднимается. На чемъ держится корнями—сами изволите знать. Потому и не можетъ она вокругъ себя разводить густой подлѣсокъ—обречена на одиночество и подъ нею привольно только развѣ вереску. Но и въ немъ есть большая краса. Не угодно ли поглядѣть... Вонъ онъ въ полномъ цвѣту!

Всѣ трое поглядѣли въ сторону опушки, гдѣ позади стволовъ протанулась лиловая полоса.

— Лѣсъ,—продолжалъ Хрящевъ, попадая на свою любимую зарубку: — настоящее царство живыхъ существъ. Мы въ своей гордыни думаемъ, что только въ насъ вся суть, а кромѣ насъ ничто не чувствуетъ, не любитъ, никакихъ вѣтъ стремленій и помысловъ... А это неправда,—выговорилъ онъ горячо и мягко:—неправда! Не то что вотъ эта сосна,—камень и тотъ живетъ!.. А ужъ о пернатыхъ и говорить нечего! Тѣ еще такъ живутъ, гдѣ многимъ изъ насъ ни единожды на своемъ вѣку не удастся.] здѣ одна сила, одинъ духъ... Я въ это вѣрю — грѣшный человекъ... И куда ни обернусь—вправо, влево—вездѣ чудо!.. И инъ нашъ мятущийся, ограниченный духъ все фордыбачить, когда судить, рядить, приговоры изрекаетъ. И все все! Никто правъ, никто не виноватъ... И ежели для насъ зло суще-

ствуешь, то для насъ только. А для сосны—вотъ этой самой—есть свое зло, а для муравья или червя—свое... Ихъ-то мы не слушаемъ и не разумѣемъ, а только со своей подошмой носимся!

XI.

— Нѣтъ, позвольте!..

Аршауловъ весь заволновался; его жилистая шея точно проглотила съ трудомъ кусокъ; онъ развелъ руками и тотчасъ послѣ того сталъ сжимать ими грудь.

— Позвольте, —стремительно заговорилъ онъ, съ усиленіемъ поднимая глухой, сильный звукъ голоса.— Съ такой теоріей Антона Пантелѣича и обовшивѣешь, по-мужицки выражаясь! „Никто не правъ, никто не виноватъ! Все—чудо въ мірозданіи!“

— Чудо-съ!—повторилъ Хрящевъ.

— Не знаю, да и знать не хочу! Такъ и всѣ изувѣры разсуждаютъ, гасильники. Съ этимъ дойдешь до непротивленія злу... Прибаутку-то эту мы теперь вездѣ слышимъ.

— Слыхалъ и я, —твердо выговорилъ Хрящевъ.

— То-то!.. Мы не муравьи, не черви, не сосны и ели! Мы люди!—все распаялся Аршауловъ, и щеки его начинали пылать сквозъ бурюю кожу, натянутую на мышцахъ, изъѣденныхъ бо-лѣзнию.—Мы люди, господа! А потому имѣемъ священное право —руководиться нашимъ разумомъ, негодовать и радоваться, класть душу свою за то, во что мы вѣримъ, и ратовать противъ всякой пакости и северны...

— Всеконечно, — прервалъ Хрящевъ и мягкое выраженіе смѣнилось на его пухломъ лицѣ другимъ, сосредоточеннымъ и немножко насмѣшливымъ.—Всеконечно, Михаилъ Терентьичъ; но ни разсуждать мы по существу, ни судить безъ апелляціи не можемъ, не токмо что о вселенной, а о томъ—откуда мы и куда идемъ. Это все равно, какъ еслибы муравьи—а они какъ мудро свое общежитіе устроили — стали все въ своей кучѣ приравнивать. Такъ точно и людское суетумудріе!.. Жалости достойно! Я это говорю не какъ изувѣръ — Василий Ивановичъ знаетъ, божественнымъ я не зашибаюсь,—а такъ, быть можетъ, по скудоумію моей головы.

— Не въ этомъ дѣло! —ослабшимъ голосомъ возразилъ Аршауловъ, и руки его упали сразу на костлявыя бедра. — И въ этомъ дѣло!.. Теперь въ воздухѣ что-то такое... тлетворно, подь обличьемъ исканія высшей истины. Не суетнымъ созерп

ніемъ намъ жить на свѣтѣ, особливо у насъ, на Руси-матушкѣ, а нервами и кровью, правдой и закономъ, скорбью и жалостью къ черной массѣ, къ ея невѣжеству, нищетѣ и рабской заботности. Вотъ чѣмъ!..

Въ горлѣ у него захрипѣло. Онъ закашлялся и приложилъ платокъ къ губамъ. Теркину показалось, что на платкѣ красныя пятна; но самъ Аршауловъ не замѣтилъ этого, сунулъ платокъ въ наружный карманъ пальто и опять сталъ давить грудь обѣими руками своимъ обычнымъ жестомъ.

— Голубчикъ! Михаилъ Терентычъ! — остановилъ его Теркинъ: — вамъ вѣдь не весьма полезно такъ волноваться. Да и не о чемъ...

— Нѣтъ, позвольте! — отстранилъ его одной рукой Аршауловъ и порывисто подался впередъ всѣмъ туловищемъ. — Вотъ я прямо изъ нашего села, гдѣ Василій Иванычъ родился и выросъ, — добавилъ онъ въ сторону Хрящева. — Ежели въ эмпирияхъ пребывать и на все смотрѣть съ азіатскимъ фанатизмомъ, такъ надо плюнуть и удрать оттуда навѣки: такая тамъ, до сей поры, идетъ безтолочь, столько тупого, стаднаго приниженія, кулачества, злобы, неосмысленности во всемъ, и въ общинныхъ дѣлахъ, и въ домашнихъ, особливо между православными. Анъ нѣтъ! Надо тамъ оставаться... Ни за какую чечевичную похлебку не слѣдуетъ мѣнять своей вѣры въ народъ и свой неблагодарный за вѣтъ. Ни за какую!.. Такъ-то!

— Да что вы, голубчикъ, на моего мудреца такъ накинулись! — заговорилъ веселѣе Теркинъ. — Вы его совсѣмъ не знаете. Быть можетъ, изъ насъ троихъ Антонъ Пантелѣичъ никому не уступить въ жалости къ мужику и въ желаніи ему всякаго благополучія.

— Опять вы меня не по заслугамъ хвалите, Василій Иванычъ! — пустилъ жалобной нотой Хрящевъ и отвернулся.

— Не замайте! — крикнулъ ему Теркинъ. — Кто меня образумилъ на пожарѣ, вонъ тамъ, когда я даже разревѣлся отъ сердца на мужичье, не показавшее усердія къ тушенію огня? Вы же! И самыми простыми словами... Мужикъ повсюду обиженъ лѣсомъ... Что-жъ мудренаго, коли въ немъ нѣтъ рвенія, да же и за рубль-цѣлковый къ сохраненію моихъ ли, компанейскихъ ли маетностей?

— Еще бы! — вырвалось у Аршаулова, и онъ ласковѣе взглянулъ на жирный затылокъ Хрящева.

— И выходить, — подхватилъ капитанъ, закуривая толстую

папиросу въ мундштукъ:—Антонъ-то Пантелѣичъ не токмо что изъ мшары васъ высвободилъ, да еще мудрымъ словомъ утишилъ?

— Именно!—вскричалъ, вскакывая обѣими ногами, Теркинъ.—И пожаръ пошелъ съ той минуты на убыль, да и во мнѣ все улеглось. Тамъ же, въ лѣсу, около полудня, какъ бухнули въ тревогу, такъ и проспалъ до вечерней зари, точно коноплю продалъ.

— Коноплю продалъ!—повторилъ со смѣхомъ капитанъ.— Самая простецкая прибаутка—и какая вѣрная!

— За Москвой въ большомъ употребленіи, — скромно подсказалъ Хрящевъ: — гдѣ этой коноплей нарочито занимаются. Только нынче пришло и это въ умаленіе. Нефть подвзумыла... Смазочныя масла.

— Все знаетъ! — крикнулъ Теркинъ... Ну, господа, пора!.. Андрей Ѳомичъ!—окликнулъ онъ капитана.—Поглядите-ка, какъ на вашихъ часахъ?

Кузьмичевъ вынулъ часы, потрянулъ своей курчавой головой и сказалъ:

— И весьма!

Аршаулову Теркинъ помогъ подняться. Они всѣ вчетверомъ сѣли въ тарантасъ и по узвовой дорогѣ шажкомъ пустились къ рѣкѣ.

Тамъ Теркинъ крикнулъ вучеру: стой!—и началъ прощаться съ Аршауловымъ и капитаномъ.

— А вы какъ же?—спросилъ Кузьмичевъ.

— Я гѣшкомъ добреду до перевоза. На паромѣ переѣду. Антонъ Пантелѣичъ проводитъ васъ до Заводнаго. Ну, дорогой Михаилъ Терентьевичъ! Въ добрый путь!.. На пароходѣ не извольте храбриться. Какъ семь часовъ вечера—въ каюту... Капитану я строго-настрога вмѣняю въ обязанность имѣть надъ вами надзоръ. И въ Самарѣ не извольте умничать—противиться лекарямъ... Пейте бутылковъ по пяти кумысу въ день—и благо вамъ будетъ.

— Слушаю!—съ смѣшливой кротостью выговорилъ Аршауловъ.—Досадно, ужасно досадно, что не удастся расписаться въ книгѣ „по женихѣ“ или „по невѣстѣ“.

— Ну, мы наверстаемъ!—сказалъ капитанъ.—Черезъ годикъ, а можетъ и раньше на крестины попадемъ.

— Всенепремѣнно!—пустилъ Хрящевъ въ ходъ свое любимое слово.

Всѣ разсмѣялись.

— Нарочно прибѣгу! Вотъ на „Батракѣ“ же, — заговорилъ

съ усиленіемъ Аршауловъ, и въ его блестящихъ зрачкахъ тяжело-больного заиграла увѣренность, что онъ будетъ пить шампанское на этихъ крестинахъ.

Теркинъ поглядѣлъ — было на него, но тотчасъ же отвелъ глаза.

„Бѣдняга! — подумалъ онъ. — Хорошо, если до Самары-то тебя доставать“.

То же подумали капитанъ и Хрящевъ.

— Ну, трагоя! Путь добрый! — кричалъ Теркинъ, стоя на разсыпчатомъ грунтѣ прибрежной дороги, и замахалъ рукой.

— До свиданія, Василій Ивановичъ! Спасибо вамъ, большое спасибо! — долетѣли до него хриплые, прерывистые звуки голоса Аршаулова.

— Пошелъ! — пискнулъ Чурилинъ и снялъ картузь.

„Болѣзнь!“ — подумалъ Теркинъ крестьянскимъ словомъ, ка-кимъ, бывало, его пріемная мать жалѣла его, когда онъ, мальчикомъ, заболѣвалъ. Но ему отрадно стало отъ этого — конечно, предсмертнаго — свиданія съ Аршауловымъ. Ничто не сокрушило вѣры энтузіаста — ни послѣдній градусъ чахотки, ни та вѣчная кладенецкая сумятица, про каковую онъ сейчасъ такъ самоотверженно и пылко высказался.

Безъ чванства и гордости почувствовалъ Теркинъ, какъ хорошо имѣть средства помогать горюнамъ, въ родѣ Аршаулова. Безъ денегъ нельзя ничего такого провести въ жизнь. Одной охоты мало. Вотъ и мудреца-лѣсовода онъ пригрѣлъ и даетъ полный ходъ всему, чтѣ въ немъ кроется цѣннаго на потребу роднымъ угождаемъ и тому же трудовому, обездоленному люду. И судьбу капитана онъ обезпечилъ, взялъ его на свою службу, видя, что на того начали коситься другіе пайщики изъ-за исторіи съ Перновскимъ, хотя она и кончилась ничѣмъ.

Деньги!.. Онѣ будутъ у него всегда, и все больше и больше ихъ будетъ. Не глупая удача, а что-то въ немъ самомъ сулитъ ему это. И находятъ же такіе суесловы, что требуютъ одного личнаго ручного труда. Чтѣ бы онъ сдѣлалъ мужчицкой работой хоть бы для Аршаулова?

— Ха, ха! — разсмѣялся онъ и замедлить шагъ.

Ему показалась впервые эта проповѣдь такою юродивою, чтѣ онъ даже не огорчился.

Взглядъ его упалъ на синѣющей вблизи плѣсъ рѣки, далѣе, на темную стѣну заказнива — и повернулъ, вправо и назадъ, къ на орному берегу, гдѣ, за полверсты, виднѣлись парезъ и усадьба.

Спасти великую рѣку отъ гибели, положить предѣлъ истреб-

ленію лѣсныхъ богатствъ... Поди!.. Добивайся этого ручной работой одного человѣка!

— Ха, ха!..

Теркинъ всталъ лицомъ къ рѣкѣ и вдругъ глубоко задумался.

Тамъ, въ усадьбѣ, его невѣста. Неужели онъ въ ней нашелъ свою желанную?.. Кто знаетъ! Да и къ чему эта погоня за блаженствомъ? Лучше онъ, что-ли, своего отца, Ивана Прокофьича? А тому развѣ былъ досугъ—мечтать о сладостяхъ любви? Образы двухъ женщинъ зашли въ его душу: одна — вся распаленная страстью; другая—въ бѣломъ, съ крыльями, вся чистая и прозрачная, какою видѣлъ онъ ее во снѣ, въ первую ночь, проведенную съ ней подъ одною кровлей... Живи Калерія — она бы его благословила...

Глаза его стали влажны.

Онъ поднялъ голову и радостно оглянулся кругомъ, прислушиваясь къ бодрящему шопоту великой рѣки.

II. Боворыкинъ.

ФРАНЦИСКЪ АССИЗСКІЙ

АПОСТОЛЪ НИЩЕТЫ

(XIII-ый вѣкъ)

*Окончаніе *).*

Папа Иннокентій III поставилъ условіе Франциску, чтобы число его учениковъ постоянно умножалось, и это условіе осуществилось въ такихъ размѣрахъ, которые, конечно, превысили всякія предположенія папы. По установленному Францискомъ обычаю, всѣ братья должны были собираться разъ въ годъ, въ Троицынъ день, около колыбели ордена, церкви Порціункулы, на генеральный капитулъ. Самому Франциску пришлось еще видѣть около себя на такомъ капитулѣ 5.000 братьевъ, а вскорѣ послѣ того орденъ до того распространился во всѣхъ областяхъ Европы, что вмѣсто общаго собранія на генеральный капитулъ стали пріѣзжать въ Ассизи только делегаты отдѣльныхъ францисканскихъ провинцій. Кромѣ того, вскорѣ по возвращеніи изъ Рима, Францискъ учредилъ женскій отдѣлъ своего ордена. Хотя самъ онъ до такой степени избѣгалъ женщинъ, что, какъ онъ выразился одному изъ товарищей, почти ни одной изъ нихъ не зналъ въ лицо, — его проповѣдь и на нихъ сильно дѣйствовала и вызывала съ ихъ стороны желаніе слѣдовать за нимъ. Самая выдающаяся изъ его послѣдовательницъ была св. Клара, дочь богатаго дворянина въ Ассизи; 18-ти лѣтъ она отеклась отъ міра и, по совѣту

*) См. выше: май, 86 стр.

Франциска, оставила ночью родительскій домъ и явилась въ Порціункулу. Тамъ Францискъ своею рукой передъ алтаремъ отрѣзалъ ей косу и отвелъ въ сосѣдній женскій монастырь. Ея именемъ былъ потомъ названъ новый орденъ, устроенный Францискомъ, при церкви св. Даміана, по уставу францисканцевъ, но съ тѣми измѣненіями, которыя были вызваны обстоятельствами: „клариссы“, напр.; не проповѣдывали на улицахъ и вели болѣе затворническій образъ жизни.

Еще болѣе распространеніе и болѣе важное общественное вліяніе имѣлъ *третій* орденъ, учрежденный Францискомъ; это были такъ-называемые *терціаріи*—община мірянъ, въ которую зачислялись и мужчины, и женщины. Члены этой общины могли сохранять свое состояніе и общественное положеніе и оставаться въ супружествѣ. При вступленіи въ общину для членовъ было лишь обязательно возвращеніе ими всего несправедливо присвоеннаго, примиреніе съ врагами, а для женщинъ—согласіе мужей. На терціаріевъ не возлагался монашескій образъ жизни; отъ нихъ только требовался болѣе продолжительный постъ и болѣе строгое воздержаніе отъ принятыхъ въ обществѣ развлеченій, а затѣмъ возможно болѣе приближеніе къ идеалу, начертанному въ нагорной проповѣди, какъ напр. воздержаніе отъ клеветы и отъ употребленія оружія, хотя въ послѣднемъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, уставъ допускалъ много смягченій и исключеній. Терціаріи состояли подъ контролемъ избираемыхъ ими визитаторовъ и подъ общимъ руководствомъ францисканскаго ордена. Понятно, какую силу придавалъ ордену францисканцевъ этотъ зависимый отъ него отдѣлъ его, развѣтвленія котораго охватили всѣ слои общества. Но не эту, конечно, цѣль имѣлъ въ виду самъ Францискъ. Въ учрежденіи терціаріевъ просвѣчиваетъ та же идея, которая лежитъ въ основаніи всей его проповѣди и дѣятельности—желаніе обратить весь міръ къ евангельскому житію. Съ другой стороны, на этомъ учрежденіи Франциска отражается существенная черта его характера—его необыкновенная кротость, снисходительность,—черта, почти совершенно чуждая старому аскетизму; въ силу того Францискъ готовъ былъ, взявъ на себя самый тяжелый крестъ, по возможности уменьшать и облегчать его для всѣхъ другихъ послѣдователей Христа.

Онъ, однако, не удовлетворился тѣмъ, что призвалъ *христіа* въ слѣдовать Христу; онъ вздумалъ обратиться за этимъ и къ невернымъ. Обращать магометанъ въ христіанство и сдѣлаться миссіонеромъ среди нихъ было совершенно новой въ то время мыслью. До Франциска монахи привыкли только возбуждать „благочестивыя“

злобу“ христіанъ противъ невѣрныхъ и посылать толпы крестоносцевъ на истребленіе магометанъ. Идти къ нимъ съ проповѣдью мира и съ евангеліемъ въ рукахъ, въ эпоху крестовыхъ походовъ, значило стать выше страстей своего вѣка. „Житіе“ мотивируетъ такое рѣшеніе Франциска его желаніемъ мученичества, и такой мотивъ совершенно понятенъ со стороны францисканскаго біографа, прославлявшаго святость Франциска. Нельзя, конечно, отрицать этотъ мотивъ и у самого Франциска, но тѣмъ не менѣе въ самомъ преданіи проглядываетъ мысль, что не это было главною цѣлью перваго францисканскаго миссіонера. Разсказъ житій о посѣщеніи Францискомъ „Султана вавилонскаго“ такъ романтиченъ, что можно было бы усомниться въ достовѣрности его, еслибы онъ не былъ засвидѣтельствованъ въ главныхъ своихъ чертахъ очевидцемъ, бывшимъ въ то время на Востоѣ. Первую попытку пробраться въ Сирію Францискъ предпринялъ уже „на шестой годъ послѣ своего обращенія“, т. е. въ 1212 г. Но противные вѣтры прибили его корабль къ восточному берегу Адриатическаго моря—in partibus Sclavoniae, и такъ какъ тамъ не нашлось другого корабля съ назначеніемъ въ Сирію, то Франциску пришлось вернуться въ Анкону. Такъ какъ Францискъ не принималъ въ подаеніе денегъ, то составители житій затрудняются объяснить, какимъ образомъ оплачивались всѣ эти переѣзды, и наполняютъ такой пробѣлъ—чудомъ. Послѣ этого Францискъ задумалъ обратиться въ христіанство повелителя Марокко и для этой цѣли отправился въ Испанію, но постигшая его болѣзнь заставила его снова вернуться.

Наконецъ, на „тринадцатомъ году послѣ обращенія“ ему удалось осуществить свое намѣреніе и предстать „предъ лицомъ саррацинскаго Солдана“. Древнѣйшее житіе повѣствуетъ вратцѣ о претерпѣнныхъ имъ „ужасахъ“ и о почетномъ приѣмѣ, который онъ нашелъ у султана. Послѣдній не только осыпалъ его подарками, которыхъ Францискъ не принялъ, но и охотно слушалъ его и былъ чрезвычайно тронуть его словомъ. „Господь, однако,—заключаетъ житіе,— не исполнилъ его желанія“ совершить обращеніе султана. Этотъ краткій разсказъ можетъ быть дополненъ не только легендарными подробностями, которыхъ довольно уже Зонавентуры, но и историческими фактами изъ хроникъ барона Якова де Витри. Въ 1219 г. новый отрядъ крестоносцевъ направился въ Египетъ, султанъ котораго въ то время владелъ Палестиной, и осадилъ Даміетту. Туда явился и Францискъ, въ то видно изъ разсказа, находившагося при крестоносцахъ „ча Витрійскаго, епископа анконскаго: „мы видѣли перваго

учителя и основателя этого ордена, которому, какъ своему пріору, всѣ прочіе повинуются, — простого, необразованнаго человѣка, брата Франциска, любимаго Богомъ и людьми, увлеченнаго до такого избытка упоенія и духовнаго пыла, что когда онъ прибылъ къ христіанскому войску передъ Даміеттой въ египетской землѣ, то безъ страха, осѣненный щитомъ вѣры, отправился въ лагерь Солдана“. „Когда его по дорогѣ захватили сарацины, онъ сказалъ имъ: „я христіанинъ, ведите меня къ вашему господину“, и когда они притащили его къ нему, то, увидѣвъ его, жестокой звѣрь (*bestia crudelis*) сталъ въ присутствіи божьяго человѣка такъ кротокъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней внимательно слушалъ Франциска, проповѣдывавшаго ему и его приближеннымъ вѣру Христову. Наконецъ, утрашившись, чтобы нѣкоторые изъ его воиновъ, обращенные дѣйствіемъ слова Франциска къ Господу, не перешли въ христіанское войско, велѣлъ отвести его со всякою почестью и въ полной безопасности къ нашему лагерю, сказавъ ему при прощаніи: „молись за меня, чтобы Господь удостоилъ открыть мнѣ, какой законъ и вѣра ему болѣе угодны“¹⁾. Эти подробности находятъ себѣ подтвержденіе въ письмѣ Якова Витрійскаго, написанномъ въ самый годъ событія, послѣ взятія Даміетты, къ его знакомымъ въ Брабантъ. Изложеніе въ письмѣ отступаетъ отъ хроникъ лишь въ томъ, что болѣе правдоподобно объясняетъ причину возвращенія Франциска къ своимъ, а именно тѣмъ, что, много дней проповѣдывавъ, онъ мало *устыль* въ своемъ дѣлѣ (*paum profecisset*), и что султанъ „по секрету“ сказалъ ему упомянутыя слова при прощаніи.

Повѣствованіе Якова Витрійскаго послужило какъ бы канвой для дальнѣйшихъ украшеній легенды. Уже у Бонавентуры, во первыхъ, прибавлено, что сообщеніе между двумя стоявшими другъ противъ друга враждебными лагерями было затруднено опасностью смерти, такъ какъ султанъ объявилъ, что будетъ платить по золотому за каждую голову христіанина. А затѣмъ рассказано, что когда султанъ упрасивалъ Франциска остаться у него, то послѣдній далъ на это свое согласіе въ томъ случаѣ, если султанъ обратится со своимъ народомъ ко Христу. вмѣстѣ съ тѣмъ Францискъ предложилъ ему, если онъ еще колеблется, велѣть разложить большой огонь, въ который онъ войдетъ вмѣстѣ съ магметанскимъ духовенствомъ, для того, чтобы султанъ позналъ, какъ вѣра вѣрнѣе и святѣе. Когда же султанъ усомнился, чтобы кто-ли изъ его духовенства пожелалъ вѣры ради подвергнуться огню,

¹⁾ Jac. de Vitriaco. Hist. Occid., с. 38; приведено въ Acta Ss., р. 613.

Францискъ предложилъ ему на испытаніе одного себя, если султанъ обѣщаетъ принять со своимъ народомъ христіанство въ случаѣ невредимаго прохожденія имъ черезъ костеръ; „если же, — прибавилъ Францискъ, — я погибну въ огнѣ, то припиши это моимъ грѣхамъ“. Но султанъ не рѣшился на такое испытаніе, такъ какъ опасался мятежа со стороны своихъ подданныхъ. Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этой легенды, допустившей такія несообразности, что даже критика іезуитовъ въ XVII в. сочла нужнымъ ихъ опровергнуть. Но одинъ моментъ этой легенды заслуживаетъ вниманія: благочестіе поклонниковъ Франциска не могло допустить мысли, что султанъ, принявшій съ почетомъ и внимательно слушавшій христіанскаго миссіонера, могъ умереть безъ покаянія и обращенія ко Христу, а потому преданіе и повѣствуетъ о чудесномъ спасеніи султана передъ вончиной его съ помощью Франциска, тогда уже умершаго. Какъ это случилось — о томъ можно прочесть въ незатѣйливомъ и простодушномъ изложеніи одного изъ „Цвѣтковъ св. Франциска“ (Fioretti, № 24).

Отъ причудливыхъ варіацій легенды обратимся снова къ исторической дѣйствительности. По возвращеніи Франциска отъ султана Малек-аль-Камеля, оба войска, раздѣленные рукавомъ Нила, продолжали наблюдать другъ за другомъ. Наконецъ, крестоносцы пришли къ убѣжденію, что взятіе Даміетты для нихъ невозможно, пока не будетъ разбито войско султана, и рѣшились дать ему сраженіе. Тутъ-то и проявилась одна характерная черта Франциска. Онъ горячо убѣждалъ христіанъ не вступать въ сраженіе и объявилъ имъ, что побѣда не будетъ на ихъ сторонѣ. Современники видѣли въ этомъ лишь пророчество, но вѣрнѣе предположить, — на основаніи всего извѣстнаго о личности Франциска, — что здѣсь имѣло вліяніе нерасположеніе вротваго послѣдователя нагорной проповѣди — прибѣгать въ дѣлѣ Божіемъ къ рѣшенію оружія. Какъ бы то ни было, пророчество или угроза Франциска оправдались: въ сраженіи 29-го августа крестоносцы были разбиты, благодаря восточной тактикѣ, на которую всегда попадались христіане, т. е. мнимому бѣгству противниковъ. Крестоносцамъ, однако, потомъ удалось взять Даміетту.

Послѣ возвращенія своего на родину, Францискъ снова стезеетъ передъ нами въ полумракѣ преданій, среди виднѣй и удесъ, ему приписываемыхъ. Только немного осязательныхъ фактовъ просвѣчиваютъ сквозь эту мглу. Сюда можно отнести писаніе того, какъ онъ однажды отпраздновалъ Рождество: въ вѣтечкѣ Греціи онъ велѣлъ устроить въ лѣсу ясли со всею обстановкой, изображенной въ евангеліи; въ ночь на Рождество

вокругъ яслей стекло съ населеніе со всего околотка; тѣсь далеко озарялся факелами и оглашался радостными кликами, на которые отзывались скалы. Монахи запѣли священные гимны; самъ Францискъ въ качествѣ дьякона прочелъ евангеліе надъ яслями, „глубоко воздыхая отъ волненія и великой радости“; вся ночь прошла въ ликованіи, и, можетъ быть, отсюда завелся итальянскій обычай гресере—изображеніе яслей въ церквахъ въ ночь передъ Рождествомъ.

Въ этотъ періодъ жизни Франциска всего болѣе выступаютъ его физическія страданія и болѣзни. Въ послѣднее время онъ уже не былъ въ состояніи ходить, однако продолжалъ свою дѣятельность проповѣдника, развѣзая на ослѣ съ видомъ умирающаго. Въ особенности страдалъ онъ отъ болѣзни глазъ, которая, по толкованію современниковъ, была вызвана его постоянными слезами о страданіяхъ Спасителя. Францискъ не хотѣлъ лечиться, но по требованію своего викарія, сославшагося на текстъ писанія, рѣшился, однако, подвергнуть себя одной изъ жестокихъ операцій, въ которыхъ прибѣгали въ то время врачи. Но болѣзнь глазъ не уступила леченію, и къ ней присоединились другія страданія, не прерывавшіяся болѣе полугода до самой его смерти. Изъ послѣднихъ дней жизни Франциска приводится много подробностей, свидѣтельствующихъ о его всегдашней кротости. На вопросъ одного изъ учениковъ, что бы онъ предпочелъ: тяжелое мученичество подъ руками палача—или свою продолжительную болѣзнь, Францискъ отвѣчалъ: „сынъ мой, тяжелое мученичество было бы, кажется, менѣе тяжело, чѣмъ три дня этой болѣзни, но я всегда предпочитаю то, что будетъ угодно моему Господу“.

4-го октября 1226 г. Францискъ скончался; надъ могилой идеалиста и кроткаго миротворца тотчасъ разыгрались и столкнулись людскія страсти, и самый идеализмъ его послужилъ новой точкой исхода для крупныхъ и мелкихъ интересовъ вѣка. Смиранный послѣдователь Христа, считавшій себя величайшимъ грѣшникомъ, былъ уже два года спустя признанъ святымъ; самъ папа Григорій IX прибылъ въ Ассизи, чтобы лично канонизировать Франциска, получившаго при этомъ знаменательное прозвище: Pater Seraphicus; но еще прежде, чѣмъ церковь произнесла свой приговоръ, народъ провозгласилъ его святымъ и, подмѣтивъ выдающуюся черту его характера, сталъ утверждать о новомъ святомъ что онъ слышитъ молитвы тѣхъ, кого и самъ Господь не слышитъ ¹⁾).

¹⁾ Exaudit quos non ipse audit Deus. Hase, p. 138.

Затѣмъ надъ тѣломъ смиреннаго нищаго, который при жизни не хотѣлъ имѣть другого крова, кромѣ древесныхъ вѣтвей или шалаша, былъ воздвигнутъ новый великолѣпный храмъ. Преемникъ Франциска, Илія, пригласилъ для того прибывшаго изъ Германіи зодчаго Якова (Ясоро) и на холмѣ близъ Ассизи, гдѣ по преданію прежде совершалась казнь преступниковъ, и который потомъ былъ переименованъ въ „холмъ рая“, сталъ красоваться первый готическій храмъ въ Италіи, сдѣлавшійся расадникомъ новаго стиля въ искусствѣ.

Въ 1236 г. храмъ былъ оконченъ, и тѣло Франциска перенесено туда; во время погребенія произошло столкновение между монахами и гражданами Ассизи, побудившее папу издать особую буллу и пригрозить гражданамъ отлученіемъ отъ церкви. Булла не разъясняетъ причины ссоры, а францисканское преданіе совершенно о ней умалчиваетъ. Поводомъ могло быть нежеланіе горожанъ разстаться съ тѣломъ Франциска, или требованіе толпы вскрыть гробъ святого, чтобы узрѣть на его тѣлѣ легендарныя раны; во всякомъ случаѣ можно думать, что эта ссора изъ-за тѣла Франциска была причиной того, что мѣсто его погребенія сдѣлалось потомъ вовсе неизвѣстнымъ и считалось тайной генерала францисканцевъ.

Идеализмъ Франциска получаетъ особенное значеніе въ виду матеріализма, охватившаго именно въ его время „божеское царство“ на землѣ. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда самъ „намѣстникъ Божій“, римскій папа, сталъ обращать вѣренную ему церковную власть въ орудіе для пріобрѣтенія государственной власти и земныхъ владѣній, Францискъ отрекся именемъ монашества отъ всякой, даже коллективной собственности, отъ всякихъ заботъ о земномъ существованіи. Но замѣчательно, что этотъ реформаторъ монашества совершенно уже не задавался — подобно св. Бернарду — намѣреніемъ вдохнуть свой идеализмъ въ церковь и преобразовать ее согласно съ его требованіями. Напротивъ, „плотской духъ“ вторгается въ его учрежденіе тотчасъ по его смерти и стремится приблизить его къ земному. Въ лицѣ смиреннаго нищаго Франциска восторжествовалъ принципъ безусловнаго отреченія отъ власти и собственности; но уже въ лицѣ непосредственнаго его еемника, Илія, въ самомъ орденѣ францисканцевъ подняли юву противоположныя принципы властолюбія и заботы о мирныхъ интересахъ. Позднѣйшее преданіе относитъ этотъ контрастъ къ учредителю и преемнику еще къ жизни самого Франциска, передавая, что Илія намѣренно затерялъ орденскій уставъ,

составленный Францискомъ, какъ слишкомъ суровый, и понадобилось особенное откровеніе свыше, чтобы провести этотъ уставъ. Во всякомъ случаѣ, тотчасъ по смерти Франциска этотъ контрастъ обнаружился въ общей политикѣ, которой держался въ дѣлахъ и интересахъ ордена Ілія, и въ горячемъ протестѣ противъ его направленія со стороны истинныхъ учениковъ Франциска, во главѣ которыхъ сталъ св. Антоній Падуанскій. Мы не станемъ здѣсь слѣдить за перипетіями этой борьбы, которая привела къ низложенію Ілія, а потомъ къ новому его торжеству и затѣмъ къ окончательному исключенію изъ ордена. Честолюбивый Ілія сдѣлался даже могущественнымъ союзникомъ Гогенштауфена Фридриха въ борьбѣ его съ папствомъ. Но расколъ среди послѣдователей Франциска, между чисто идеалистическимъ направленіемъ и политическимъ, считавшимъ необходимымъ извѣстныя уступки человѣческой слабости и реальнымъ условіямъ жизни, продолжался долго и привелъ, наконецъ, къ раздѣленію ордена на двѣ вѣтви—*конвентуаловъ*, допуславшихъ монастырскую собственность, и *обсервантовъ*, желавшихъ соблюдать во всей строгости уставъ учредителя. Среди послѣднихъ духъ идеализма не переводился и даже ожесточался до такой степени подъ вліяніемъ возростающей матеріализаціи церкви, что многіе изъ обсервантовъ выступили отъявленными противниками папской теократіи и, страдая за свои убѣжденія, были сожжены на кострѣ, какъ еретики. Такъ разошлись и стали другъ противъ друга въ непримиримой враждѣ представители двухъ идей, развившихся изъ одного источника—поборники „божескаго царства“ въ его самомъ идеальномъ построеніи въ области духа и въ его историческомъ проявленіи въ формѣ теократическаго авторитета и земной державы.

Сопоставивъ такимъ образомъ тѣ біографическія данныя, которыя необходимы для ознакомленія съ Францискомъ, мы постараемся теперь ближе взглянуть въ самую личность его, чтобы выяснить какъ историческую роль, такъ и культурное его значеніе.

Аскетическій идеализмъ вступаетъ съ Францискомъ въ новый фазисъ своей исторіи. Основаніе его остается неизмѣннымъ: это по прежнему отреченіе отъ міра, истязаніе плоти и, наконецъ, мистическое сліянiе души съ небомъ; но все это преобразовано теперь тѣмъ *новымъ началомъ*, которое внесено Францискомъ. Какъ относился Францискъ къ извѣстнымъ требованіямъ аскети-

ческаго совершенства, и какою новый смыслъ онъ придалъ имъ? Относительно самоистязанія Францискъ стоялъ, конечно, на общемонашеской почвѣ. Первымъ и самымъ обыкновеннымъ средствомъ смиренія тѣла былъ суровый и продолжительный постъ. Подвиги Франциска въ этомъ отношеніи вызывали удивленіе и глубокое почтеніе къ нему даже среди общества, весьма привычнаго къ этого рода подвижничеству,—но при этомъ особенно любопытно отмѣтить ту новую черту, которую внесъ сюда Францискъ. Францисканцы не обрѣкали себя на монашескую замкнутость, но, напротивъ, ходили въ народъ, чтобы проповѣдывать слово Божіе, и жили подаваніемъ; такимъ образомъ, они относительно пищи были въ зависимости отъ другихъ. Францискъ, кромѣ того, памятовалъ слова текста, открывшаго ему призваніе его: „въ домѣ же томъ оставайтесь, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть“. Ему нерѣдко приходилось останавливаться у богатыхъ гражданъ или знатныхъ лицъ; въ такихъ случаяхъ онъ не отказывался отъ непривычной для него лучшей пищи и старался съ врожденной ему деликатностью не подавать и вида, что въ своемъ монашескомъ воздержаніи онъ брезгаетъ угощеніемъ. Когда ему случалось—разсказываютъ „три товарища“—обѣдать съ мірянами, и ему подавали блюда, пріятныя для его вкуса, онъ, отѣдавъ немного, извинялся подъ какимъ-нибудь предлогомъ для того, чтобы не показалось, что онъ отказывается отъ нихъ изъ воздержанія. А когда онъ обѣдалъ съ братіею, то часто на кушанья посыпалъ золы, говоря братьямъ, чтобы скрыть свое воздержаніе, что „се-стрица-зола чиста“¹⁾.

Однажды его позвали на обѣдъ къ кардиналу Уголино, который сталъ покровителемъ ордена послѣ смерти кардинала Іоанна, а впослѣдствіи, сдѣлавшись папой, подъ именемъ Григорія IX, канонизировалъ Франциска. Францискъ не отказался пойти на обѣдъ къ богатому прелату, но предварительно собралъ подаваніемъ корки хлѣба, и этимъ хлѣбомъ милостыни сдобривалъ роскошный обѣдъ. Въ другой разъ случилось съ Францискомъ, что во время болѣзни онъ съѣлъ кусочекъ дыпленка. Но потомъ, когда онъ оправился и возвратился въ Ассизи, то у воротъ города приказалъ своему товарищу надѣть ему на шею веревку и бить его на подобіе вора по всему городу съ крикомъ: „Смотрите, вотъ обжора, объѣдавшійся (*impinguatus est*) курятиной, которую онъ ѣлъ тайкомъ отъ васъ“. Это всенародное покаяніе ѣми уважаемаго подвижника произвело глубокое впечатлѣніе,

¹⁾ Fratrem cinerem esse castum. Tres Soc. p. 15.

и многіе, глядя на него, плакали и зывали: „горе намъ, несчастнымъ, жизнь которыхъ *вся* проходитъ въ ѣдѣ и въ питъѣ!“

Самоистязаніе, составляющее такую мрачную сторону монашества, у Франциска совершенно утрачиваетъ всякую черту фанатизма, благодаря его наивной объективности къ самому себѣ. Онъ смотрѣлъ на свое тѣло какъ на нѣчто постороннее, называя его на своемъ образномъ простонародномъ языкѣ „братомъ осломъ, котораго нужно подвергать тяжелой ношѣ, часто бить бичомъ и кормить плохимъ кормомъ“. Замѣчательно однако въ этомъ отношеніи то, что приводится изъ послѣднихъ дней жизни Франциска. По свидѣтельству „*трехъ товарищей*“, онъ „признался передъ смертью, что, истязуя себя въ здоровомъ состояніи и въ болѣзни, онъ такимъ изнуреніемъ плоти много согрѣшилъ противъ брата своего—осла“. Это свидѣтельство заслуживаетъ полного довѣрія, такъ какъ оно идетъ на-перекоръ общей тенденціи житія: слѣдующее за тѣмъ поколѣніе нашло нужнымъ перетолковать слова учителя: у Бонавентуры осужденіе излишествъ аскетизма формулировано еще болѣе рѣзко, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно приписывается дьявольскому наводненію: „Ночью, во время молитвы, Францискъ услышалъ голосъ, сказавшій ему: нѣтъ на свѣтѣ грѣшника, которому Господь не простилъ бы, если бы онъ покаялся; но кто самого себя загубитъ (*pecaverit*) суровымъ истязаніемъ, тотъ во вѣки вѣковъ не обрѣтетъ милосердія“, и тотчасъ,—прибавляетъ житіе,—человѣкъ Божій узналъ черезъ откровеніе, что это было искушеніе сатаны.

Отсутствіе фанатизма можно отмѣтить у Франциска и по отношенію къ другимъ проявленіямъ аскетизма. Въ исторіи монашества отреченіе отъ семьи очень часто принимало дикій характеръ и вырождалось въ какое-то безобразно-жестокое отношеніе къ женщинѣ, совершенно несогласное съ духомъ христіанства. У Франциска осужденіе семейнаго принципа выразилось такъ же кротоко и снисходительно, какъ всѣ прочія его сужденія. Оно было основано у него не на презрѣніи къ браку, а, главнымъ образомъ, на соображеніи, что семья слишкомъ поглощаетъ человѣка и приковываетъ его къ земнымъ заботамъ. Его взглядъ чрезвычайно характерно выразился въ слѣдующей драматической притчѣ. Однажды въ морозную лунную ночь одинъ изъ учениковъ видѣлъ, какъ Францискъ вышелъ обнаженный в садъ и, погрузившись въ глубокой снѣгъ, зимою покрывающій горы Умбріи, началъ лѣпить изъ снѣга человѣческія фигуры. Онъ наставилъ семь фигуръ, говоря про себя: „Вотъ эта большая—твоя жена, вотъ четверо дѣтей, два сына и двѣ дочери, во“

слуга и служанка, которыхъ нужно имѣть для услуженія; постиши же теперь всѣхъ одѣть, потому что имъ смерть какъ холодно. Если же такая многообразная забота тебѣ тягостна, то служи усердно одному Господу“.

Подобную же мысль можно услѣдить и по отношенію къ другому принципу аскетизма—отреченію отъ собственности. Францискъ осуждаетъ собственность потому, что она является главнымъ препятствіемъ религіозному назначенію человѣка. „Собственность, — говоритъ онъ: — изъ-за которой люди хлопочуть и враждуютъ между собою, мѣшаетъ любви къ Богу и къ ближнему. Труднѣе попасть на небо изъ дворца, чѣмъ изъ избы“.

Поэтому отреченіе отъ собственности должно быть полное только у того, кто хочетъ посвятить себя одному Христу, или, какъ выразился Францискъ: „обнажившись, человѣкъ долженъ броситься въ объятія Спасителя“. Но совѣтъ Христа продать все свое имущество и раздать бѣднымъ имѣлъ для Франциска безусловное значеніе. Онъ былъ такъ непреклоненъ и строгъ въ этомъ отношеніи, что отказался принять въ число своихъ братьевъ ученика, который роздалъ свое имущество не бѣднымъ, а своимъ роднымъ.

„Ты еще — сказалъ ему Францискъ — не вышелъ изъ своего дома и изъ родни. Ты лишилъ бѣдныхъ ихъ достоянія и недостойнъ причислиться къ нищимъ-праведникамъ“. Руководясь такимъ взглядомъ на собственность, Францискъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ исторіи развитія аскетическаго идеала. Монахи до него отказывались отъ личной собственности и отъ всякихъ заботъ *о себѣ* — ихъ скудное содержаніе обезпечивалось монастыремъ. Но такимъ образомъ становилась необходима *общая* собственность, а ради нея среди монаховъ снова возникали заботы о земныхъ интересахъ. Францискъ поэтому потребовалъ, чтобы францисканскія общины не имѣли даже и общей собственности; чтобы его монахи не знали, чѣмъ будутъ питаться на слѣдующій день, и, не вѣдая никакихъ земныхъ заботъ, испрашивали посредствомъ милостыни свой ежедневный хлѣбъ. Но такое нищенство, на которое Францискъ обрекалъ себя и своихъ послѣдователей, вытекало у него не изъ отвлеченныхъ соображеній о вліяніи собственности на людей, не изъ желанія провести болѣе послѣдовательно и до конца принципъ отреченія отъ собственности. Нищенскій принципъ коренился для Франциска все въ томъ же самомъ живомъ источникѣ, уда онъ почерпнулъ свой житейскій и религіозный идеалъ — образъ странствующаго, бѣднаго и милосердаго Христа. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ написанный Францискомъ уставъ францисканскаго ордена. „Братья — сказано въ немъ — ничего

не должны приобрѣтать, ни дома, ни земли для себя, ни какого-либо другого предмета, но, какъ странники въ этомъ мѣрѣ, служа Господу въ бѣдности и смиреніи, они должны просить милостыню, не стыдась этого, ибо Господь ради насъ сдѣлался нищимъ на этой землѣ“. Итакъ, въ силу только бѣдности Христа, нищенство становится обязательнымъ для его послѣдователей и приобрѣтаетъ значеніе религіознаго служенія и нравственнаго подвига. Въ лицѣ Христа нищенство облагородилось въ глазахъ Франциска, стало для него лично источникомъ благоденствія и блаженствомъ. Съ другой стороны, Францискъ видѣлъ во всякомъ нищемъ образъ Христа (effigiem Christi). „Когда ты видишь бѣднаго, — сказалъ Францискъ однажды своему спутнику: — тебѣ представляется въ зеркалѣ Господь и бѣдная Мать Его“. И когда этотъ монахъ рѣзко отвѣтилъ одному неотвязчивому нищему, Францискъ приказалъ ему, обнажившись, пасть ницъ передъ нищимъ, признать свою вину и просить прощенія.

Къ этому присоединяется еще тѣсная связь нищенства съ милосердіемъ и милостыней: безъ бѣдности и нищенства не могло бы существовать подачи милостыни. Вполнѣ вѣрно замѣчаніе Бонавентуры, что природное Франциску милосердіе было удвоено его любовью ко Христу ¹⁾. Поэтому его сердце таяло при видѣ бѣдныхъ и больныхъ. Онъ всегда былъ готовъ всѣмъ помочь, чѣмъ только можетъ: встрѣтивъ въ лѣсу старушку съ ношей хвороста, онъ беретъ у нея ношу и относитъ ее къ ней въ избу. Но въ особенности его милосердіе не знало предѣловъ по отношенію подачи милостыни; здѣсь къ сострадательности присоединялся его своеобразный взглядъ на собственность: по его убѣжденію, она принадлежитъ тому, кто больше въ ней нуждается. Однажды, возвращаясь изъ Сіены, Францискъ, по причинѣ болѣзни, былъ одѣтъ теплѣе обыкновеннаго, имѣя сверхъ своей обычной одежды еще плащъ. Встрѣтившись съ какимъ-то нищимъ, Францискъ сказалъ своему спутнику, что надо отдать ему плащъ, ибо онъ ему принадлежитъ: — „Вѣдь мы его взаймы получили, на время, пока не встрѣтится болѣе бѣдный“. Спутникъ, имѣя въ виду болѣзненное состояніе Франциска, упорно противился тому, чтобы онъ, въ ущербъ себѣ, снабдилъ другого своимъ плащомъ. На это Францискъ ему возразилъ: „я думаю, что всякій милостивецъ (Elemosynarius) долженъ былъ бы счесть за воровство, если бы я не отдалъ то, что несу на себѣ, тому, кто въ этомъ болѣе нуждается

¹⁾ Sane clementiam habebat ingenitam, quam superinfusa Christi pietas duplicabat. § 107.

Такимъ образомъ, этотъ „христолюбивѣйшій бѣдный“ (Christianissimus pauper), какъ его называетъ Бонавентура, всегда лишалъ себя самаго необходимаго. Когда кто-то выразилъ Франциску изумленіе, какъ онъ и его спутники въ состояніи въ своемъ бѣдномъ одѣяніи выносить зимнюю стужу, онъ отвѣтилъ: „если бы въ насъ сильнѣе пылала любовь къ небесному отечеству, мы бы и зимнюю стужу легче переносили“.

Еще болѣе, однако, было необычно и даже въ нѣкоторомъ отношеніи противорѣчиво съ средневѣковымъ возрѣніемъ то, что Францискъ распространялъ этотъ взглядъ свой на предметы богослуженія и украшенія церквей, не допуская, чтобы въ храмѣ что-нибудь было слишкомъ цѣнно для милостыни. Когда къ обители францисканцевъ подошла старушка, мать двухъ присоединившихся къ Франциску монаховъ, прося милостыню, Францискъ приказалъ дать ей подаваніе. Ему сказали, что въ обители рѣшительно ничего нѣтъ, кромѣ библіи, по которой монахи читаютъ тексты во время литургіи. „Такъ дайте ей книгу,—рѣшилъ Францискъ,—чтобы, продавъ ее, она облегчила свою бѣдность: ибо я думаю, что Господу будетъ угодно, чтобы мы утолили ея нужду, чѣмъ читали библію въ храмѣ“. А когда потомъ, при большихъ ежегодныхъ сборищахъ францисканцевъ, среди нихъ оказывалась горькая нужда и Франциску предложили откладывать на эти случаи что-нибудь изъ приношеній вновь вступающихъ монаховъ, Францискъ запретилъ это, сказавъ, что лучше, чѣмъ накапливать деньги, было бы посягнуть на послѣднія украшенія съ алтаря св. Дѣвы. Такимъ образомъ, нищенство, обуславливая собою милостыню и вызывая милосердіе, становилось въ глазахъ Франциска служеніемъ любви — истиннымъ *богослуженіемъ*. Въ этомъ смыслѣ нужно истолковывать слѣдующій рассказъ о Францискѣ, въ дѣяніяхъ котораго было такъ много параболическаго: находясь однажды съ учениками въ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ не у кого было просить милостыню, онъ сталъ просить подаванія у своихъ учениковъ.

Эта идеализація нищенства находится у Франциска въ связи не только съ его состраданіемъ и милосердіемъ, но и съ другимъ нравственнымъ принципомъ, занимающимъ видное мѣсто въ его этикѣ — со смиреніемъ. Смиреніе было, конечно, безусловнымъ требованіемъ и въ прежнихъ монастырскихъ уставахъ. Но, не изолируя съ ихъ учениковъ отъ міра въ стѣнахъ монастыря, а разсылая ихъ по міру, Францискъ нуждался для нихъ еще болѣе въ этомъ свойствѣ, для того, чтобы они покорнѣе переносили неизбежныя въ ихъ образѣ жизни оскорбленія и насмѣшки, какъ и для того, чтобы они не гордились предъ другими монахами своимъ болѣе

тяжелымъ подвижничествомъ и не подражали имъ честолюбію. Онъ самъ не хотѣлъ принять священства, считая себя недостойнымъ того; относительно же своихъ учениковъ настаивалъ на томъ, что „минориты“ не должны быть „прелатами“, т.-е. чтобы монахи его ордена не стремились къ высокимъ церковнымъ должностямъ. Въ виду того же францисканецъ по своему уставу не долженъ былъ выходить изъ повиновенія епископамъ и могъ проповѣдывать или совершать требы лишь съ разрѣшенія епархіальнаго начальства.

Главнымъ источникомъ смиренія монаховъ былъ налагаемый на нихъ уставомъ обѣтъ покорнаго послушанія настоятелю. Францискъ хорошо понималъ значеніе этого обѣта въ монашеской жизни, и еще рѣзче формулировалъ въ своемъ уставѣ обязанность послушанія. На вопросъ, что слѣдуетъ считать настоящимъ послушаніемъ, Францискъ предложилъ въ образецъ подобіе мертваго тѣла. „Возьми—сказалъ онъ—бездыханный трупъ; ты можешь положить его, гдѣ тебѣ угодно; онъ не воспротивится движенію, не возропщетъ противъ своего положенія, не потребуетъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Если его поставить на каѳедру, онъ будетъ смотрѣть не вверхъ, а внизъ; если его одѣть въ пурпуръ, онъ вдвойнѣ будетъ казаться блѣднымъ“.

Эту формулу о бездыханномъ трупѣ усвоили себѣ потомъ іезуиты, и она въ рукахъ этого религіозно-политическаго ордена сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ власти и вліянія. Францискъ былъ, конечно, далеко отъ такихъ соображеній и настаивалъ на слѣпомъ повиновеніи только для цѣлей смиренія. Такъ, однажды, когда народъ сталъ восхвалять его святость, онъ приказалъ своему спутнику—во имя „святого послушанія“—*santa ubbedienza*, какъ выражаются въ подобныхъ случаяхъ „Fioretti“—въ противодѣйствіе этой хвалѣ говорить ему рѣчи, его унижающія (*vilificantia*). Уступая принужденію, монахъ назвалъ его невѣжей, негоднымъ и бездѣльнымъ наемникомъ (*mercenarius*), на что Францискъ, довольный и веселый, сказалъ ему: „да благословитъ тебя Господь, дорогой сынъ мой, за то, что ты говоришь мнѣ правду; вотъ какія рѣчи слѣдуетъ слышать сыну Бернардоне“. Этотъ краткій рассказъ Бонавентуры послужилъ темой для оригинальной вариациіи его въ одномъ изъ „Fioretti“ (№ 9). Находясь вдвоемъ съ братомъ Леономъ, Францискъ вздумалъ слѣдующимъ образомъ отслужить заутреню, приказавъ Леону вторить ему. Научивъ Леона, какъ ему вторить, Францискъ началъ: „Я скажу такъ: о, братъ Францискъ, ты сдѣлалъ столько зла и такъ нагрѣшилъ въ мірѣ, что ты достоинъ ада; а ты, братъ Леонъ, на это стѣ-

тишь:—это правда, что ты заслужилъ быть повергнутымъ въ самую глубину ада“. Леонъ обѣщаль исполнить приказаніе; но когда до него доходила очередь вторить, то какъ ни настаиваль Францискъ и какъ ни старался Леонъ быть послушнымъ, онъ говорилъ противъ воли какъ разъ противоположное тому, что ему было внушено. Въмѣсто того, чтобы сказать: „Правда, ты достоинъ быть повергнутымъ въ самую глубину ада“,—онъ отвѣчалъ: „Господь сдѣлаеть чрезъ тебя столько добра, что ты войдешь въ рай“. И это такъ продолжалось, по словамъ легенды, во время всей заутрени. Можно, впрочемъ, согласиться съ неизвѣстнымъ авторомъ этого „двѣтка“, что Францискъ лично для себя не нуждался въ такихъ урокахъ смиренія, такъ какъ его смиреніе коренилось въ чистотѣ душевной, и образъ смиреннаго Христа былъ ему постоянно присущъ. Ни успѣхъ его ордена, ни восторженное поклоненіе людей предъ нимъ самимъ, ни слава его подвижничества не поколебали его смиренія. Все это онъ старался объяснить тѣмъ, что божественный промыслъ призваль къ дѣлу такого ничтожнаго человѣка, какъ онъ, для того, чтобы люди приписывали успѣхъ не человѣческому искусству, а небесной благодати. Себя же, въ виду поклоненія предъ нимъ, онъ сравниваль со статуями святыхъ, къ которымъ обращаются съ молитвой, хотя онъ и состоятъ изъ малоцѣннаго матеріала, дерева и камня. Смиреніе Франциска было всегда невозмутимо и наивно, струясь изъ глубины чистаго сердца. Одному изъ своихъ учениковъ онъ пояснилъ: „Я не буду считать себя миноритомъ, пока не достигну слѣдующаго состоянія: вотъ я, ставъ, наприимѣръ, прелатомъ, вхожу въ капитулъ и проповѣдую и наставляю братьевъ, а въ концѣ они мнѣ говорятъ: „ты намъ не годенъ, потому что ты необразованъ, некраснорѣчивъ, ты невѣжа и глупъ“; меня съ позоромъ выталкивають, и всѣ меня презирають. И вотъ что я тебѣ скажу: если я не выслушаю всего этого съ тѣмъ же выраженіемъ лица, съ тѣмъ же внутреннимъ довольствомъ, съ тѣмъ же стремленіемъ къ благочестію, то я никакимъ образомъ не буду настоящимъ миноритомъ“. Негоднымъ человѣкомъ въ людскомъ обществѣ и грѣшникомъ передъ Господомъ,—такимъ всегда себя считаль св. Францискъ. Одинъ изъ его монаховъ, человѣкъ, по словамъ Бонавентуры, замѣчательной доброты и благочестія, до того молившись однажды съ Францискомъ въ какой-то пустынной церкви и впавъ отъ молитвы въ религіозный экстазъ (*in ec asi factus*), увидѣлъ на небѣ много престоловъ, и между ними въ ававшійся передъ другими, украшенный драгоценными камнями и сіявшій всякой славой. Озабоченно раздумывая, чей бы

это былъ престоль, онъ услышалъ голосъ: „Это былъ престоль одного изъ низвергнутыхъ въ бездну ангеловъ, а теперь онъ приготовленъ для Франциска“. Когда они потомъ вмѣстѣ продолжали путь, монахъ, помня свое видѣнiе, спросилъ Франциска: что онъ о себѣ думаетъ? На это Францискъ ему отвѣтилъ, что считаетъ себя величайшимъ грѣшникомъ. И когда на это монахъ возразилъ, что онъ не можетъ говорить этого по чистой совѣсти (*запа conscientia*), ни думать этого, то Францискъ замѣтилъ: „Если бы Христосъ съ такимъ же милосердiемъ заботился о самомъ отъявленномъ преступникѣ, какъ обо мнѣ, то я увѣренъ, что онъ былъ бы благодарнѣе Господу, чѣмъ я“. При такой искренности смиренiя понятно, что Францискъ не зналъ покоя на пути къ религіозному совершенствованiю. Уже незадолго до своей кончины онъ обратился къ своимъ со словами: „Начнемте же, братья, служить нашему Господу, ибо до сихъ поръ мы очень мало для Него сдѣлали“.

Если собрать всѣ указанные черты монашескаго идеала, какъ его понималъ Францискъ, то станетъ яснымъ, насколько существенно преобразился въ его лицѣ аскетическiй принципъ, и предъ нами возникнетъ важный вопросъ о причинѣ такого значительнаго явленiя. Это преобразование монашескаго идеала находится въ тѣсной связи съ характеромъ религіозности Франциска. Религіозность его носить на себѣ, повидимому, общiя черты его эпохи: онъ проводитъ въ молитвѣ цѣлыя часы и ночи; въ его мистическомъ созерцанiи предъ нимъ открывается небо; онъ имѣетъ видѣнiя, слышитъ голоса и погружается до самозабвенiя въ религіозный экстазъ, однако среди всего этого выступаетъ новая, своеобразная черта — необыкновенно простодушное, интимное отношенiе ко Христу. Страстное обращенiе ко Христу въ помыслахъ и чувствахъ можно найти у всѣхъ глубоко-религіозныхъ представителей аскетизма — въ особенной силѣ, напр., у Бернарда Клервоскаго. Но это влеченiе ко Христу имѣло исключительно религіозно-мистическiй характеръ; въ представленiи о Христѣ совершенно преобладала *божественная* сторона его; Францискъ же, какъ мы видѣли, былъ въ особенности пораженъ *человѣческой* стороной въ жизни Христа, его *человѣческимъ образомъ*. Какъ слова Христа къ его бѣднымъ ученикамъ, разосланнымъ для проповѣди народамъ царства небеснаго, сдѣлались исходной точкой для призванiя Франциска, такъ и образъ бѣдствующаго, смиреннаго и пострадавшаго за людей Христа стоитъ въ центрѣ всей религіозной жизни Франциска. Жалость къ страданiямъ Христа

была всегда присущимъ ему, руководящимъ имъ чувствомъ. Часто, когда поднимался онъ отъ молитвы, его глаза были заплаканы и такъ красны, какъ будто наполнились кровью. Однажды онъ, около церкви св. Дѣвы въ Порціункулѣ, такъ громко плакалъ и вздыхалъ, что кто-то, услышавъ это, подумалъ, что онъ боленъ, и спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ. Францискъ отвѣтилъ: „Я плачу о страданіяхъ своего Господа Иисуса Христа, оплакивая страданія Котораго я долженъ былъ бы ходить, не стыдясь и громко рыдая, по всему свѣту“. Горе Франциска было при этомъ такъ заразительно своею искренностью, что и вопрошавшій его начиналъ громко плакать вмѣстѣ съ нимъ. Съ другой стороны, воспоминаніе о Христѣ было для Франциска источникомъ живѣйшей радости: при одномъ имени Его онъ ощущалъ такую сладость и выражалъ свое блаженство такимъ дѣтски-наивнымъ образомъ, что это можно было бы передать только на простодушномъ языкѣ древняго біографа. Чувство любви къ Христу, усилившееся до высоты личной страсти, такъ поглощало всю жизнь Франциска, что заставляло его переживать въ себѣ самомъ, съ необыкновенной живостью и реальностью, отдѣльные моменты жизни Спасителя. Эта личная жизнь во Христѣ была источникомъ самой поразительной и оригинальной черты на историческомъ образѣ Франциска — мы разумѣемъ его стигматизацію. Какъ извѣстно, его изображаютъ въ католическихъ церквахъ съ тѣми ранами, которыя были на тѣлѣ распятаго Христа. По одной легендѣ—Франциску явился лучезарный ангелъ съ изображеніемъ распатія, а по другой—самъ распятый Христосъ, и когда Францискъ съ невыразимою скорбью и вождѣлніемъ протянулъ къ Нему руки, то на его тѣлѣ отпечатались эти раны, которыя онъ, при жизни, тщательно скрывалъ. Мы упомянули о стигматахъ, когда объясняли, въ какомъ направленіи развивалась дальнѣйшая легенда о Францискѣ, и коснулись тогда и попытокъ исторической критики разъяснить этотъ фактъ. Современный историкъ не можетъ видѣть въ немъ лишь образчикъ средневѣковаго суевѣрія, — онъ имѣетъ для него интересъ какъ психологическое явленіе и какъ проявленіе творчества *идеи*. Корень этого явленія, вѣроятно, восходитъ еще къ самому Франциску; погружаясь въ страстное лицезрѣніе распятаго на крестѣ Христа, исполненный невыразимой скорбью о Его ранахъ и любовнымъ вождѣлніемъ раздѣлить Его муки, Францискъ могъ испытывать на себѣ ощущенія этихъ ранъ и этимъ по ать поводъ въ легендѣ объ отраженіи ранъ на его тѣлѣ. Но можно сказать, что фактъ нисколько не потерялъ бы своего значенія, еслибы его пришлось цѣликомъ признать за вымыселъ по-

слѣдователей Франциска. Здѣсь самый вымыселъ имѣетъ значеніе знаменательнаго историческаго факта. Это, такъ сказать, крайнее звено образнаго проявленія идеи, которую представляетъ собою Францискъ — идеи преемства Христа. То, чему посвятилъ себя Францискъ, то, чего онъ не въ состояніи былъ въ своей жизни достигнуть, — полного воспроизведенія земной жизни Христа до мученической кончины, — то завершила для него легенда, представивъ его излюбленнымъ послѣдователемъ Христа, уподобившимся Ему до конца, т.-е. принявшимъ на себя Его раны на крестѣ. Идея преемства Христа безъ этого конца не имѣла бы своей полной символической развязки.

Въ силу историческихъ обстоятельствъ и психической природы человѣка, идея преемства Христа раздвоилась въ исторіи: эту идею преемства въ одномъ ея направленіи усвоилъ себѣ папа — преемство Христа, какъ царя земли, великаго судьи надъ живыми и мертвыми (преемство божественной стороны во Христѣ); другую сторону преемства представляетъ собою Францискъ, — преемство бѣдствующаго, смиреннаго, странствующаго учителя правды и любви, запечатлѣвшаго свое призваніе страдальческой смертью за другихъ. Такъ драматизировалась въ XIII в. великая культурная идея преемства Христа въ жизни и дѣятельности двухъ современниковъ — Иннокентія и Франциска: одинъ олицетворяетъ собою идею величія, власти, авторитета, другой — идею *любви*.

Этотъ-то принципъ *любви*, который у Франциска черпаетъ свою силу въ его личной любви ко Христу, — принципъ, которому онъ научился въ созерцаніи креста и ранъ распятаго на немъ Христа, — есть то новое начало, которое въ лицѣ Франциска преобразовало средневѣковое аскетическое міровоззрѣніе. *Любовь* и есть та сила, которая у Франциска даетъ совершенно новый смыслъ всѣмъ монашескимъ добродѣтелямъ. Милостыня была давно одною изъ главныхъ обязанностей монастырей; у Франциска къ этому присоединяется любовь къ нищему, личное отношеніе къ нему, какъ къ лицу нуждающемуся и страдающему. Еще характернѣе выражается эта любовь къ человѣку у Франциска въ любви къ тому, кто терпитъ нужду и заслуживаетъ состраданія въ духовномъ смыслѣ — къ грѣшнику и преступнику. Чтобы оцѣнить эту черту въ немъ, нужно сопоставить пре-брежительное и горделивое изображеніе человѣческихъ слабостей и пороковъ въ трактатѣ кардинала Лотаря — „о презрѣніи къ міру и бѣдственномъ состояніи человѣка“ — съ взглядомъ Франциска на человѣческіе пороки. Для него грѣшникъ и преступникъ пре-де

всего объектъ милосердія. Его завѣтъ своему преемнику Іліи, замѣщавшему его во время отсутствія его, заключался въ слѣдующемъ: „потому я буду узнавать, дѣйствительно ли ты слуга Господень, если ты станешь возвращать заблуждающихся братьевъ милосердіемъ на путь къ Богу и не перестанешь любить тяжело согрѣшившихъ“. Учениковъ же своихъ Францискъ наставлялъ: „Какъ устами вашими вы объявляете миръ, такъ—и еще болѣе того—носите его сами въ сердцѣ. Никого не вызывайте на гнѣвъ или соблазнъ, но кротостью вашей всѣхъ наставляйте на миръ, доброту и согласіе. Ибо къ тому мы призваны, чтобы раненыхъ (въ нравственномъ смыслѣ) излечить, надломленныхъ перевязать и заблуждающихся возвращать. Вѣдь многіе намъ кажутся слугами сатаны, которые еще будутъ учениками Христа“.

Сердце Франциска такъ преисполнено любовью, что его любовь къ человѣку сопровождается и особеннымъ образомъ освѣщается его любовью ко всякой твари.

Въ этомъ отношеніи рассказы о Францискѣ переполнены наивными и трогательными чертами. Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что эта любовь къ твари всегда имѣетъ у него отношеніе къ Творцу. Что Францискъ любитъ видомъ цвѣтовъ—насъ бы еще не удивило; цвѣтоводство вообще составляло обычное занятіе и развлеченіе многихъ монаховъ. Франциску цвѣты напоминаютъ тотъ цвѣтокъ, который выросъ, по словамъ пророка, изъ корня Давидова, и благоуханіе котораго тысячи пробудило отъ смерти. Пчелъ Францискъ кормитъ зимою медомъ и виномъ, ибо ихъ искусная работа славитъ Творца. Милосердіе его въ насѣкомымъ идетъ еще далѣе: онъ поднимаетъ червяковъ, ползущихъ по дорогѣ, и относитъ въ сторону, и этотъ также естественный порывъ состраданія онъ старается оправдать ссылкой на Писаніе.

Понятно, что особенную нѣжность чувствуетъ онъ къ ягненку, благодаря его символическому значенію. Чтобы выкупить ягненка, котораго ведутъ на бойню, онъ отдаетъ свою зимнюю одежду; въ другой разъ, когда у него самого ничего нѣтъ, онъ убѣждаетъ проѣзжаго торговца выкупить для него ягненка, пасущагося одиноко безъ матери въ „неподходящемъ обществѣ“ среди козъ и барановъ, и отдаетъ его на воспитаніе монахинямъ, которыя потомъ присылаютъ ему рясу, сдѣланную изъ шерсти этого ягненка. Вообще онъ жалостливъ къ молодымъ животнымъ: зайченка, пойманнаго въ сѣти и ему доставленнаго, онъ нѣжно гладитъ, приговаривая: „ахъ, бѣдный зайчикъ, какъ это ты далъ себя обману!“—и велитъ его далеко отнести въ лѣсъ. Большую рыбу, ему принесенную, онъ тотчасъ пускаетъ снова въ воду. Не одна только,

впрочемъ, жалость къ животнымъ руководить имъ: *братскою любовью*, которую онъ вноситъ въ отношенія къ человѣку, онъ обнимаетъ и весь низшій міръ твореній. Характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ, который мы передадимъ словами древнѣйшаго біографа (с. 58). Однажды Францискъ, проходя по Сполетской долигѣ, подошелъ къ мѣсту, на которомъ собралось множество разнаго рода птицъ—голубей, воронъ и воробьевъ. Завидѣвъ ихъ, блаженный слуга Господень, Францискъ, радостно подбѣжалъ къ нимъ, оставивъ своихъ спутниковъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ горячаго сердца и питалъ сильное чувство состраданія и любви (*dulcedinis*) также и къ низшимъ и неразумнымъ твореніямъ. Когда онъ къ нимъ уже довольно приблизился и увидѣлъ, что онѣ его ожидаютъ, то привѣтствовалъ ихъ обычнымъ способомъ. И не мало изумившись, что птицы не поднялись, чтобы улетѣть, какъ это ихъ обыкновеніе, онъ съ великою радостью смиренно упрасивалъ ихъ, чтобы онѣ послушали слово Божіе. И между прочимъ онъ говорилъ имъ и слѣдующее: „Сестрицы мои птички, вамъ слѣдуетъ громко восхвалять Творца вашего и всегда любить Того, Кто одѣлъ васъ перьями, далъ крылья для полета и снабдилъ всѣмъ, что вамъ нужно. Онъ сдѣлалъ васъ благородными среди тварей своихъ и указалъ вамъ жилище въ чистотѣ воздуха, и хотя вы не съете и не жнете, Онъ, при всей вашей беззаботности, васъ охраняетъ и о васъ заботится“.

Біографъ подробно описываетъ—со словъ тѣхъ, которые при этомъ были, — какъ птицы внимательно слушали проповѣдника, вытянувъ шею, распутивъ крылья и раскрывъ клювъ. Францискъ же ходилъ среди нихъ взадъ и впередъ, прикасаясь полами одежды своей къ ихъ головамъ и тѣлу. Онъ благословилъ ихъ наонецъ и, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ, далъ разрѣшеніе улетѣть въ другое мѣсто. Съ этого дня, прибавляетъ біографъ, когда птицы такъ почтительно слушали слово Божіе, Францискъ, упрекая себя въ небрежности за то, что раньше этого не дѣлалъ, сталъ увѣщевать всякаго рода творенія „славить и любить Творца“.

Въ связи съ этимъ разсказомъ находится другой, также хорошо характеризующій наивно-любовное отношеніе Франциска къ окружающему его міру. Пришедши, однажды, въ мѣстечко Алвіано,—въ верховьяхъ Тибра,—чтобы проповѣдывать, Францискъ стоялъ на возвышеніи, откуда его всѣмъ было видно, и потребовалъ молчанія. Всѣ затихли; но ласточки, имѣвшія тутъ свои гнѣзда, своимъ тревожнымъ пискомъ нарушали тишину. И такъ какъ ласточкамъ нельзя было отъ ихъ шума слышать Франциска, то онъ обратился къ птицамъ со словами: „Сестрицы мои ласточки, по вѣ-

теперь и мнѣ говорить; вы уже довольно наговорились, такъ слушайте слово Божіе и будьте тихи и смирны, пока я не кончу. И ласточки, къ изумленію всѣхъ, притихли и сидѣли какъ прикованныя, пока проповѣдывалъ Францискъ.

Мы не станемъ приводить другихъ многочисленныхъ разсказовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, съ какимъ довѣріемъ и съ какою привязанностью относились сами животныя разныхъ породъ къ Франциску; это не чтѣ иное, какъ отраженіе въ легендѣ его любовнаго чувства къ нимъ; но мы приведемъ вкратцѣ, по эпически-обстоятельному изложенію въ „Fioretti“ (№ 21) одну позднѣйшую легенду, въ виду того, что она не только драматически изображаетъ любвеобильное отношеніе Франциска къ животнымъ, но и идею, одушевлявшую его проповѣдническую дѣятельность, — что любовь и прощеніе торжествуютъ надъ зломъ: это легенда объ „обращеніи святымъ Францискомъ лютаго волка въ Агуббіо“. Въ окрестностяхъ этого города появился таковой громадный, страшный и свирѣпый волкъ, что онъ пожиралъ не только животныхъ, но и людей, такъ что граждане были въ большомъ страхѣ и выходили изъ города только вооруженные, какъ будто отправляясь на войну. Но несмотря на это тѣ, которые встрѣчались съ этимъ волкомъ, не были въ состояніи защищаться отъ него, и кончилось тѣмъ, что изъ страха передъ волкомъ никто не рѣшался выходить въ окрестности. Жалѣя о жителяхъ, Францискъ отправился отыскивать волка, хотя граждане его очень уговаривали не дѣлать этого. Сопровождавшіе его вначалѣ спутники изъ страха скоро остановились на дорогѣ, но Францискъ продолжалъ свой путь и увидѣлъ волка, который бросился на него съ открытой пастью. Сдѣлавъ знаменіе креста, Францискъ подозвалъ къ себѣ волка и сказалъ ему: „братъ ты мой волкъ, ты дѣлаешь много зла въ этой странѣ и совершилъ много великихъ злодѣйствъ, уничтожая и губя творенія Божіи безъ всякаго права, и ты не только умерщвлялъ и пожиралъ животныхъ, но имѣлъ дерзость убивать людей, созданныхъ на подобіе Божіе; за это ты достоинъ висѣлицы, какъ разбойникъ и злѣйшій душегубецъ, и весь народъ кричитъ и ропщетъ противъ тебя и вся страна тебѣ враждебна. Но я хочу, братъ волкъ, устроить миръ между тобою и и, чтобы ты не обижалъ ихъ больше, а они простили бы тебѣ всюю прежнюю обиду, и чтобы ни люди, ни собаки не преслѣдовали ѱ“. И такъ какъ волкъ, склонивъ голову, движеніями хвоста глазами выражалъ свое согласіе, то Францискъ продолжалъ: „какъ ты согласенъ, братъ волкъ, заключить и соблюдать тѣ миръ, то я тебѣ обещаю, что люди этой страны будутъ

удовлетворять всѣ твои нужды, пока ты будешь живъ, такъ что ты никогда не будешь страдать отъ голода, ибо я знаю, что ты съ голода дѣлалъ все это зло". Такимъ образомъ Францискъ установилъ миръ между волкомъ и людьми, потребовавъ ручательства отъ волка, который вложилъ въ его руку свою лапу. Такъ этотъ волкъ проживалъ два года въ Агуббіо и ходилъ по домамъ изъ двери въ дверь, никогда никого не обижая и не терпя ни отъ кого обиды, и люди охотно давали ему пищу, а когда онъ прохаживался по улицамъ и домамъ, никогда ни одна собака не лаяла на него. Наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ, братъ-волкъ умеръ отъ старости, о чемъ граждане много горевали; ибо, глядя на то, какъ кротко волкъ прохаживался по городу, они лучше вспоминали о добродѣтеляхъ и святости св. Франциска.

Эта снисходительная любовь къ злодѣю и грѣшнику, которая символически выражена въ легендѣ о волкѣ, преобразила своею грѣющей силой въ глазахъ Франциска самый монашескій бытъ. Весьма типиченъ для выясненія взглядовъ Франциска на монашескій или аскетическій принципъ слѣдующій рассказъ о немъ. Онъ былъ безпощаденъ къ себѣ относительно поста. Точно также онъ старался, по словамъ Бонавентуры (сар. 65), приучить по возможности монаховъ къ суровому образу жизни. Но однажды ночью онъ замѣтилъ, какъ одинъ изъ монаховъ, мучимый голодомъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго воздержанія, не находилъ сна и покоя на своемъ ложѣ; Францискъ подозвалъ его къ себѣ, поставилъ предъ нимъ хлѣбъ, и, чтобы тому не было совѣстно, самъ сталъ ѣсть, радушно приглашая его раздѣлить съ нимъ поздній ужинъ. На другое утро онъ объяснилъ монахамъ, что случилось, и сказалъ при этомъ: „пусть будетъ вамъ, братья, въ образецъ не ѣда, а любовь“. Поэтому, несмотря на строгое и послѣдовательное проведеніе аскетическаго принципа, онъ понималъ его чрезвычайно духовно и идеально. „Никто не долженъ“, говорилъ онъ своимъ ученикамъ, „лстить себѣ и суетно хвастаться тѣмъ, на что способенъ и грѣшникъ. Поститься, молиться, плакать, истязать свое тѣло можетъ всякій человѣкъ; одного онъ не можетъ—быть вѣрнымъ своему господину“. Францискъ увѣщевалъ также часто свою братію не осуждать и не презирать человѣка, одѣтаго въ мягкую и яркую одежду и наслаждающагося тонкими блюдами и напитками: „пусть каждый,—говорилъ онъ,—осуждаетъ и презираетъ только самого себя“.

Съ этой точки зрѣнія, ставившей сущность выше формы, трудно судить и объ отношеніяхъ Франциска къ знанію и ученію. Обращеніе служило въ его глазахъ лишь средствомъ узнать рели-

гіозную истину. Поэтому, можетъ быть, и не заблуждается преданіе, приписывающее Франциску распоряженіе, чтобы поступившимъ въ монастырь оставляли изъ книгъ лишь евангеліе, отбывая даже псалтырь; ибо, говорилъ Францискъ, у кого есть книга, тотъ желаетъ имѣть больше и охотнѣе читаетъ про дѣла другихъ, чѣмъ самъ совершаетъ дѣла. Согласно съ этимъ, въ другомъ, позднемъ преданіи, рассказано про самого Франциска, что когда въ болѣзни его ему предложили что-нибудь прочесть, что могло бы утѣшить его, онъ отвѣтилъ: „Мнѣ это не нужно; я хочу знать одного только распятаго на крестѣ Іисуса“. Впрочемъ, когда францисканскій орденъ приобрѣлъ такое значеніе, что въ него стали вступать ученые клерики (*litterati*) и Франциска спросили, можно ли имъ въ монастырѣ продолжать заниматься священнымъ писаніемъ, то онъ отвѣтилъ: „Я это одобряю; пусть только они, по примѣру Христа, о которомъ мы знаемъ, что онъ больше молился, чѣмъ читалъ, не оскудѣваютъ въ молитвѣ; пусть они занимаются не для того, чтобы знать, какъ слѣдуетъ говорить, но чтобы исполнять то, что узнали, и увѣщевать другихъ слѣдовать этому. Я желаю, чтобы мои братья были евангельскими учениками (*evangelici*)“. Такъ повѣствуетъ Бонавентура (cap. 152), преемникъ Франциска и одинъ изъ ученичайшихъ схоластиковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у Франциска (какъ это нерѣдко бываетъ у людей малообразованныхъ) была трогательная почтительность ко всякому писанному слову; у него это уваженіе имѣло, конечно, религіозный оттѣнокъ. Каждый исписанный листокъ онъ поднималъ и убиралъ, такъ какъ на немъ „можетъ быть начертано слово Господне“. Отсюда же вытекаетъ его инстинктивное уваженіе къ твореніямъ языческихъ писателей: „изъ ихъ буквъ,—говорилъ онъ,—можетъ быть составлено имя Господне, и то, что въ нихъ хорошо, принадлежитъ не язычникамъ, а одному Господу“.

Любовь смягчала въ лицѣ Франциска суровый аскетическій взглядъ на міръ, завязывала новую связь между монахомъ и грѣшнымъ міромъ, преобразовывала и самую личность монаха и просвѣтляла ее. Выдающейся чертою въ характерѣ Франциска и въ монашескомъ званіи осталось какое-то всегда ровное, невозмутимое, внутреннее довольство и веселіе. Ученикамъ своимъ онъ вмѣняетъ въ обязанность всякаго встрѣчать съ веселымъ лицомъ: „Пусть,—говорилъ онъ,—горюютъ демоны; намъ приходится радоваться Господу“.

До Франциска монахъ, когда появлялся въ міръ въ своей черной

расѣ, служилъ обличеніемъ его грѣховности и презрѣнности и символомъ горькой, безотрадной скорби надъ господствующимъ въ мірѣ зломъ. Францискъ хотѣлъ быть въ мірѣ разносителемъ благой вѣсти и показывалъ ему радостное лицо. Его свѣтлая личность бросала свое сіянье на другихъ и сообщала имъ то внутреннее блаженство, которое онъ въ себѣ испытывалъ. Кардиналъ Уголино рассказывалъ про себя, что какъ бы онъ ни былъ смущенъ и взволнованъ, при видѣ Франциска и въ бесѣдѣ съ нимъ всегда у него разсѣивалось всякое облако и восстанавлилась ясность духа, пропадала тоска, и онъ снова вдыхалъ въ себя радость. Этотъ свѣтъ, озарявшій и согрѣвавшій личность Франциска, эта внутренняя гармонія, которую онъ ощущалъ въ себѣ самомъ и находилъ въ мірѣ, были источникомъ пробудившейся въ немъ и излившейся въ міръ поэтической струи. Мы не пойдемъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, какъ извѣстный католическій писатель Озанамъ, видѣвшій въ религіозномъ геніѣ Франциска творческую силу, создавшую все итальянское искусство, вдохновившую Данте и живописца Джіотто, какъ и того великаго зодчаго, который создалъ въ память Франциска чудный готическій храмъ въ Ассизи. И безъ такого преувеличенія предъ нами остается фактъ весьма знаменательный: между францисканцами расцвѣла въ Италіи религіозная поэзія и нѣкоторымъ изъ нихъ міръ обязанъ самыми высокими проявленіями религіозной лирики. Такъ ближайшій ученикъ и биографъ Франциска, Тома изъ Челано, былъ авторомъ знаменитаго гимна о страшномъ судѣ:

Dies irae, dies illa—

А Джакопоне изъ Тоди, самый выдающійся изъ францисканскихъ поэтовъ¹⁾, создалъ тотъ всѣмъ извѣстный и вѣчный источникъ религіознаго и музыкальнаго вдохновенія, въ которомъ такъ сильно и задумчиво выражена христіанская скорбь въ формѣ материнскаго плача:

„Stabat mater dolorosa
Juxta crucem lacrimosa
Dum pendebat filius

(Стояла мать въ слезахъ и горѣ, глядя на сына на крестѣ).

Этому гимну францисканскаго поэта соответствуетъ другой менѣ извѣстный, но столь же поэтический гимнъ—выражен материнской радости при рожденіи сына:

¹⁾ О францисканскихъ поэтахъ см. Gaspari: „Geschichte der italienisch Litteratur“.

„Stabat mater speciosa
Juxta foenum gaudiosa
Dum jacebat parvulus

(Стояла мать въ красѣ и радости у яслей, гдѣ лежалъ младенецъ).

Что касается до самого Франциска, то не совсѣмъ легко установить размѣры его собственнаго поэтическаго творчества; ближайшіе біографы о томъ умалчиваютъ, можетъ быть, считая безъискусственные стихи на народномъ языкѣ не достойными великаго подвижника; позднѣйшее же преданіе приписываетъ Франциску много такого, что завѣдомо принадлежитъ другимъ. Но мы можемъ довѣриться преданію относительно самаго замѣчательнаго изъ этихъ стихотвореній и признать въ немъ авторство Франциска, руководясь внутреннимъ чутьемъ: до такой степени оно проникнуто гармоніей, наивно религіознымъ міросозерцаніемъ и той чисто-личной чертой Франциска—любовью, которая охватила у него въ одномъ чувствѣ Творца и Его творенія, человѣка и всю природу. Въ числѣ „лаудъ“ (lauda), или хвалебныхъ гимновъ, въ которыхъ проявлялась религіозная поэзія францисканцевъ, особенно выдается своимъ значеніемъ „хвалебный гимнъ твореній“, приведенный впервые въ золотой книгѣ (liber conformiatum) и приписываемый ею Франциску:

„Хвалю Тебя, Боже, Господь мой, со всѣми Твоими твореніями,
Паче всего же съ господиномъ братомъ солнцемъ,
За то, что Ты даешь намъ день и чрезъ него насъ освѣщаешь;
И онъ красивъ и лучезаренъ, въ великомъ своемъ блескѣ,
Твой образъ на себѣ несетъ онъ, о, Господь мой!
Хвала Тебѣ, Господь мой, отъ луны сестры и отъ звѣздокъ;
На небѣ Ты ихъ снарядилъ и свѣтлыхъ, и красивыхъ!
Хвала Тебѣ, Господь мой, отъ сестры нашей водицы,
Полезной людямъ, смиренной и чистой, и драгоценной!
Хвала Тебѣ, Господь мой, отъ брата нашего огня,
Ты освѣщаешь чрезъ него намъ ночи темныя,
И онъ красивъ и веселъ, могущественъ и силенъ!
Хвала Тебѣ, Господь мой, отъ нашей матери земли,
Она питаетъ насъ и нами руководить,
И порождаетъ намъ плодовъ такое множество,
Цвѣты даетъ намъ красныя и травы“ ¹⁾

¹⁾ Altissimo onnipotente bon Signore,
Son le laude, le glorie, l'ohnore et ogni benedictione,
A te solo se confano,
El nullo homo e degno di nominarte.
Laudate sia Dio, mio Signore, con tutte le tue creature,
Specialmente messer lo frate sole,
Il quale giorno e illumina noi per lui

Мы видимъ изъ приведенныхъ здѣсь строфъ, какъ мiръ, потемнѣвшій для монаха, снова освѣтился для него солнцемъ; какъ для него засіяла луна и засверкали звѣзды, и какъ въ братскомъ соединеніи съ человѣкомъ для него идеализировалась въ религиозномъ чувствѣ вся природа ¹⁾. По тому же преданію, Францискъ впоследствии прибавилъ къ этимъ строфамъ еще одну новую, гдѣ онъ восхваляетъ прощеніе и терпѣливое страданіе изъ-за мира. Поводомъ къ этому были распри въ Ассизи между епископомъ и начальникомъ (podesta), который запретилъ духовенству всякую куплю и продажу. Францискъ послалъ своихъ монаховъ распѣвать предъ враждующими противниками этотъ гимнъ мира, и этимъ примирилъ ихъ:

„Laudato sia mio Signore per quelli che perdonano
Per lo tuo amore et sostengano infirmitate e tribulazione;
Beati quelli che sostegnarono in pace
Che da te Altissimo seranno incoronati“.

А затѣмъ Францискъ прибавилъ еще одну строфу во время тяжелыхъ предсмертныхъ страданій: это—хвала Господа „за сестру нашу тѣлесную смерть“. Такъ жизнь и смерть примиряются въ его поэтической душѣ въ одномъ религиозномъ аккордѣ—совершенно согласно со словами, сказанными имъ передъ смертью: „Жить и умереть мнѣ одинаково пріятно“.

Изъ всего предшествующаго, такимъ образомъ, видно, какой счастливый поворотъ въ исторіи аскетическаго принципа представ-

E ello e bello e radiante con grande splendore
De te, Signore, porta significatione.
Laudato sia mio Signore per suor luna et per le stelle
Il quale in cielo le hai formate chiare e belle.

¹⁾ Переводъ этой *хвалы* (lauda) представляетъ то затрудненіе, что слово *per* можетъ быть одинаково переведено предлогами *за* и *отъ*, отчего значительно измѣняется смыслъ: въ первомъ случаѣ поэтъ хвалитъ Бога за всѣ Его творенія; во второмъ онъ призываетъ эти творенія хвалить вмѣстѣ съ нимъ Творца. Нѣмецкіе переводчики Schlosser и Hase разошлись въ толкованіи этой лауды (см. Hase, p. 88). Не только по грамматическому, но и по внутреннему смыслу можно отстаивать то и другое толкованіе. Въ пользу перваго толкованія,—т.-е., что поэтъ хвалитъ Господа и вмѣстѣ съ нимъ Его творенія,—говоритъ первый куплетъ. Но мы предпочли для слѣдующихъ куплетовъ второй смыслъ, въ виду того, что смыслъ лауды прямо выкается изъ упомянутого нами свидѣтельства Фомы Челанскаго о томъ, какъ Францискъ послѣ своей проповѣди птицамъ сталъ признавать всѣ творенія хвалить Господа а во-вторыхъ по смыслу послѣднихъ двухъ строфъ:

„Laudate e benedicite mio Signore e ringraziare
E servite a lui con grande humilitate“—

гдѣ авторъ прямо призываетъ всѣхъ хвалить и благодарить Бога.

ляетъ собою личность Франциска, отразившаяся на учрежденномъ имъ ордѣнѣ. Основаніемъ монашества и у него по прежнему остается отреченіе отъ міра, отъ земныхъ благъ и личнаго счастья, но это отреченіе сопровождается не презрѣніемъ въ міру и брезгливымъ отчужденіемъ отъ грѣховнаго человѣка, но жалостью въ міру и состраданіемъ ко всякой нищетѣ и нуждамъ человѣка. Поэтому не бѣгство изъ міра должно составлять новую задачу христіанскаго аскета, а наоборотъ — возвращеніе въ міръ для служенія человѣку. Поэтому не въ безлюдныхъ мѣстахъ и въ темныхъ лѣсахъ строятся новые монастыри францисканцевъ и доминиканцевъ, а въ самыхъ многочисленныхъ кварталахъ большихъ городовъ, гдѣ скучивается населеніе, наиболѣе нуждающееся въ тѣлесной помощи и духовной пищѣ. Не созерцаніе идеальнаго божескаго царства, которое сіяетъ высоко надъ міромъ въ небесной выси, составляетъ главное призваніе монаха, а установленіе и осуществленіе божескаго царства на землѣ. Задача эта достигается посредствомъ *миссіонерства*. Древній аскетизмъ почерпнулъ новую жизнь въ томъ живомъ источникѣ, откуда взялъ свое начало евангельскій апостолатъ, и монахъ такимъ образомъ становится по прежнему „апостоломъ“, т. е. (по-латыни) миссіонеромъ. *Миссіонерство* его двоякое: онъ идетъ въ далекія страны къ магометанамъ и язычникамъ, принося имъ евангеліе, и онъ беретъ на себя, вромѣ того, внутреннее миссіонерство — проповѣдь и служеніе всѣмъ большимъ тѣломъ и духомъ. Самопожертвованіе остается по прежнему жизненнымъ подвигомъ монаха, но этимъ самопожертвованіемъ руководить теперь не мысль о своемъ личномъ спасеніи, а любовь къ страдающему человѣчеству.

Именно въ лицѣ Франциска наиболѣе характерно совершился этотъ переворотъ: въ его лицѣ теократическій идеалъ среднихъ вѣковъ впервые протягиваетъ руку гуманитарному идеалу новаго времени.

В. ГЕРЬЕ.

ИЗЪ ДѢТСКАГО МІРА

ЭТЮДЫ.

I.

Забыла!..

Придя на урокъ къ Петѣ и Андрюшѣ Забѣльскимъ и ихъ четырнадцатилѣтней тетускѣ Наденькѣ, Вѣра Николаевна сразу замѣтила что сегодня у Забѣльскихъ какое-то „разстройство чувствъ“, какъ она-мысленно про себя выразилась. Едва закрыла она за собой калитку, вошла въ тѣнистый недавно еще, а теперь уже почти облетѣвшій садъ и направилась къ дачѣ по дорожкѣ, усѣянной свернувшимися красноватыми рябиновыми листьями и мягкими, круглыми, золотыми листьями липъ,—какъ столкнулась съ гувернеромъ Василюмъ Сергѣевичемъ, который шагаль взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы и мрачно насупившись. Увидѣвъ Вѣру Николаевну, онъ видимо намѣревался притвориться, что не замѣтилъ ее, сдѣлалъ-было шагъ къ боковой аллеѣ, но тотчасъ одумался, рѣшительно тряхнулъ головою съ видомъ, говорившимъ: „Эхъ, все равно!..“, протянулъ руку молодой дѣвушкѣ, потомъ тотчасъ отвернулся, поправилъ свою бѣлую фуражку и пошелъ въ калитку. Вѣра Николаевна постояла секундъ двѣ, глядя ему вслѣдъ, пожала плечами и поспѣшила своимъ легкимъ, немного торопливымъ шагомъ къ балкону. Съ балкона слышались взволнованные и громкіе голоса, которые, однако, разомъ смолкли при появленіи Вѣры Николаевны, а всѣ говорившіе старались принять спокойный и непринужденный видъ; это им

однако не удалось, и „разстройство чувствъ“ здѣсь еще болѣе бросалось въ глаза.

Настасья Борисовна, маленькая, полненькая, румяная старушка, черноволосая безъ единой сѣдинки, видимо только-что плакала и даже не успѣла въ-время вынуть платокъ, а поэтому, пока Вѣра Николаевна здоровалась съ ея сестрой, Натальей Борисовной Забѣльской, и съ ея двумя дочерьми, Соней и Надей,—Настасья Борисовна постаралась, наклонившись надъ своимъ рабочимъ столикомъ-корзинкой, незамѣтно отереть мокрыя щеки и высморкаться; но опухшія вѣки, пятна на щекахъ и нервные, тщетно-подавляемые вздохи выдавали ее. Наталья Борисовна,—и ростомъ, и цвѣтомъ волосъ, и необыкновенной худобой и сухотою всей фигуры представлявшая полнѣйшую противоположность сестрѣ,—Наталья Борисовна, при всей своей дрессировкѣ и изящной выдержкѣ, тоже не могла разомъ принять свой всегдашній, гордо достойный видъ; ея губы дрожали отъ негодованія, и она нервно стучала тонкой, желтоватой рукой по раскрытой книгѣ, лежавшей у нея на колѣняхъ. На лицѣ ея дочери, бѣлокурой Наденьки, виденъ былъ только испугъ и недоумѣніе; но лицо старшей ея сестры, семнадцатилѣтней Сони, съ пылавшими щеками и мрачно сдвинутыми бровями, показывало, что она только-что говорила, и говорила съ жаромъ, и что она, какъ и мать и тетка, принимала близко къ сердцу все происшедшее. Наталья Борисовна сейчасъ же обратилась къ Вѣрѣ Николаевнѣ съ разными вопросами, стараясь не подать виду, что до прихода ея происходило что-либо особое; но никто не поддержалъ Забѣльскую въ этихъ стараніяхъ. При первыхъ же вопросахъ Наталья Борисовны о томъ, какъ вчера провела день Вѣра и кончила ли она свое выпиваніе,—Соня, точно она была не въ состояніи слушать эти повторявшіеся неизмѣнно каждый день вопросы,—шумно отодвинула стулъ, за спинку котораго держалась, не то ахнула, не то чмокнула губами отъ негодованія и огорченія и убѣжала съ балкона въ садъ.

— Все горячится, все горячится!—замѣтила Наталья Борисовна, не то сердясь, не то смѣясь.—И себѣ и другимъ только кровь портить, а главное, изъ-за пустыхъ разговоровъ можно ли такъ волноваться?—И полагая, что этими словами она окончила и уничтожила всякое подозрѣніе въ томъ, что до прихода Вѣры произошло что-то серьезное, Наталья Борисовна встала, сняла свое вязанье и книгу на столъ и пошла съ балкона въ комнату.—Ахъ, душенька Вѣра Николаевна!—сказала она въ дверяхъ, точно только теперь вспоминая что-то: — я вѣдь совсѣмъ

забыла сказать, что сегодня урокъ будетъ у васъ съ одной Наденькой; Мари съ мальчиками переѣхали уже въ городъ вчера. У Мари какія-то дѣла, а мальчики въ послѣднее время слишкомъ стали небрежно заниматься, — отбились отъ рукъ, какъ говорится, — и Мари сочла за лучшее скорѣе привести ихъ на зимнее положеніе. И потому, нельзя же, право, полагаться на это бабье лѣто: сегодня вотъ жара, а завтра можетъ быть морозъ. Мы тоже переѣзжаемъ въ пятницу. Но Мари просила, чтобъ вы къ ней завтра же зашли, если можете, чтобы не прерывать надолго правильнаго хода вашихъ занятій. — И Наталья Борисовна удалась своей плавной походкой.

— Такъ Марья Александровна уѣхала уже? Вотъ какъ! — сказала Вѣра, обращаясь къ оставшимся на балконѣ. — Какъ это она такъ внезапно собралась? Третьяго дня, въ субботу, она мнѣ ни словомъ не обмолвилась... — Вѣра запнулась, замѣтивъ, что Наденька дѣлаетъ ей какіе-то телеграфическіе знаки. Но уже было поздно. Настасья Борисовна вскрикнула, засморкалась, завдыхала и живо заговорила:

— Голубушка, Вѣра Николаевна! Да развѣ она сама знала, что поѣдетъ, развѣ кто-нибудь изъ насъ предполагалъ, что все это случится! Да вотъ вы тоже, навѣрное, ничего не предполагали, ничего не замѣчали?!

— Да что предполагать-то? Что случилось, скажите, ради Бога! Я вижу, что вы всѣ точно въ воду опущенныя, а сама я ничего не понимаю!

— Тихе, тихе! Ради Бога, тихе! — зашептала Настасья Борисовна, махая на Вѣру Николаевну обѣими руками. — Не дай Богъ, Натали услышитъ! Натали просто въ отчаяніи, если кто-нибудь узнаетъ: она все надѣется, что это еще разстроится, и хочетъ все скрыть, если можно. Она — мысли, мысли не можетъ допустить, чтобъ Мари, чтобъ Мари... Нѣтъ! я не могу! Нѣтъ! я все скажу! — И вдругъ переходя на французскій языкъ, точно онъ былъ пригоднѣе для сообщенія такой важной тайны, Настасья Борисовна торжественно и съ ужасомъ прошептала:

— Мари хочетъ выйти замужъ за Василя Сергѣевича!..

— Чтѣ вы?! — воскликнула Вѣра Николаевна съ изумленіемъ, хотя изумленіе это было лишь на половину искреннимъ, такъ какъ она уже давно про себя рѣшила, что Марья Александровна, вдова покойнаго сына Натали Борисовны, весьма неравнодушна къ гувернеру своихъ сыновей, а этотъ гувернеръ съ нѣкотораго времени держалъ себя такъ, что всякому, даже недалновидному, постороннему человѣку, бросался въ глаза тотъ тонъ превосход-

ства и самоувѣренной фамиллярности, который онъ принялъ относительно Марьи Александровны, — тонъ сначала весьма удивившій Вѣру, которая помнила Василия Сергѣевича скромнымъ и робкимъ студентомъ-репетиторомъ, рекомендованнымъ ею же по просьбѣ одной товарки Забѣльскимъ для занятій съ Петей и Андрюшей. Помнила Вѣра и то, какъ Забѣльскіе сначала сторонились и чуть не свысока держали себя съ Василиемъ Сергѣевичемъ, и какъ Марья Александровна даже не особенно старалась скрыть, насколько ее коробило въ немъ отсутствіе всякаго свѣтскаго лоска, его вполнѣ безыскусственныя манеры и далеко не вполнѣ безыскусственная грубоватая прямота и рѣзкость.

— Чтò вы! — повторила еще разъ Вѣра Николаевна, стараясь казаться какъ можно удивленнѣе и думая въ то же время: — „А! теперь понимаю, отчего Василий Сергѣевичъ гулялъ тамъ по дорожкѣ, какъ тигръ въ клеткѣ! Должно быть, онъ на радостяхъ разлетѣлся — а тутъ разстройство чувствъ; ну, вотъ онъ и спасся бѣгствомъ со страху“.

Но Настасья Борисовна прервала эти размышленія словами:

— Вчера утромъ Мари вдругъ сообщаетъ, что уѣдетъ въ городъ съ мальчиками. Собралась. Уѣхала. Ну, мы спрашивали, почему? Удивлялись, но не очень удивлялись. Вы знаете Мари! Все у нея такъ живо дѣлается: уѣзжаетъ, пріѣзжаетъ, знакомится, ссорится, мирится; беретъ гувернантку, прогоняетъ; беретъ новую, обожаетъ ее, потомъ ненавидитъ. Вы знаете, милочка... — Наденька, выйди въ садъ! — и когда Наденька послушно встала и пошла съ балкона, Настасья Борисовна еще таинственнѣе продолжала: — Вы знаете, мы всѣ очень дивились, что вы такъ долго у насъ уроки даете! И я думаю, что еслибъ не Надя, а одни мальчики, то давно бы что-нибудь случилось, — Мари давно бы васъ про... съ вами разсорилась бы! — наивно докончила Настасья Борисовна.

Вѣра Николаевна не могла удержаться отъ смѣху, а Настасья Борисовна продолжала.

— Честное слово! Ужъ что-нибудь между вами да вышло бы, и урокамъ конецъ! Такой ужъ у нея характеръ... Ну, вотъ и вчера мы не удивились. А сегодня вдругъ утромъ появляется этотъ господинъ и привозитъ письмо отъ Мари... Нѣтъ! вы посмотрите только, какой это проседѣ дурной! Какая манера: исподтишка сдѣлать и потомъ самой спрятаться. И въ этомъ видна ея вульгарная натура... Ахъ, я говорила, я еще тогда говорила, когда покойный Юрій былъ женихомъ, я всегда говорила это! Я говорила, что она ему не пара!.. Ну, и пишетъ въ письмѣ, что очень жа-

лѣтъ, если ея рѣшеніе огорчить насъ, но что она уже дала слово и не измѣнитъ его. А онъ — онъ, можете себѣ представить! — самымъ веселымъ тономъ говорить: „Что, милыя барыньки, это выходитъ для васъ аки громъ среди яснаго неба? Благодаримъ, моль, не ожидали“!.. Нѣтъ! вы подумайте, такая дерзость! Вы подумайте: „аки громъ“! Такъ и говорить; да еще: „милыя барыньки“! Каково! Тутъ ужъ и Натали не удержалась и все, все ему высказала, — все, что, какъ мать и какъ женщина, она должна была ему сказать. Нѣтъ! каковъ онъ-то! „Милыя барыньки“!

— Настасья Борисовна отъ ужаса вытаращила свои, и безъ того выпуклые, глаза и всплеснула руками.

Вѣра опять невольно улыбнулась. — Ну, а онъ что же отвѣчалъ Натальѣ Борисовнѣ? — спросила она.

— Ахъ, онъ тутъ Богъ знаетъ чего намъ наговорилъ: и о томъ, что мы даромъ хлѣбъ ѣдимъ, и о курсахъ, и о мужикахъ, и о свободѣ чувства какаго-то, и о трудѣ... Ну, ужъ тутъ все и пошло, и пошло! И Натали, и Соня, и я... А онъ вдругъ всталъ и говорить: „Ну-съ, была бы честь приложена, а то и такъ: мы-моль вашего благословенія и не спросимъ, коли не желаете. А только я тутъ въ садикѣ подожду вашего послѣдняго слова, потому что обѣщался Машенькѣ, — ей Богу! такъ и сказалъ: „Машенькѣ“! — привести ей вашъ рѣшительный отвѣтъ“... Нѣтъ, вы подумайте, этакая дерзость!.. И вы его, навѣрное, встрѣтили въ саду? Что? Видѣли?.. Нѣтъ! этакая неожиданность!

— Послушайте, какая же это неожиданность, добрыйша Настасья Борисовна, — вѣдь вы же сами жаловались зимою, что Марья Александровна, подъ вліяніемъ Василя Сергѣевича, поступила и въ общество гувернантокъ, и стала давать уроки въ воскресной школѣ, и лошадей продала, и драгоценности свои въ чью-то пользу. Значить, вѣрно, и сегодняшняя новость подготовлялась издалека.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! какіе вы ужасы говорите! Увѣряю васъ, между ними ничего не было! — живо заговорила Настасья Борисовна, обидѣвшись и вспыхнувъ до корней волосъ; она сохранила съ юности способность мгновенно краснѣть, блѣднѣть, переходить отъ смѣха къ слезамъ и обратно. — Нѣтъ, ничего не было такого зимою. Но вѣдь вы знаете, говорю я, характеръ Мари... А вотъ Соня — вѣдь вы также знаете, какъ она любила брата: вѣтъ послѣ его смерти мы за нее просто боялись, это было какое-то отчаяніе. Но Мари она обожаетъ. И передъ вашимъ приходомъ она Богъ знаетъ чего намъ наговорила: „И золотое-то сердце у Мари! и живая душа, и живетъ-то она настоящею жизнью, а и всѣ прозябаемъ, киснемъ“, и Богъ знаетъ чего еще не наказы...

— Кто это „наказалъ“? Я, конечно? — подхватила Соня, появляясь на ступенькахъ балкона. — А! значить, Вѣра Николаевна все знаетъ? — и Соня тотчасъ подбѣжала къ Вѣрѣ. — Голубушка Вѣра Николаевна, ради Бога, хоть вы поговорите съ ними, уговорите ихъ! — начала она, торопясь и волнуясь. — Вѣдь это безобразіе, вѣдь это Богъ знаетъ что! Какъ это мамаша можетъ такъ гадко... — Соня испугалась своихъ словъ и тотчасъ поправи- лась: — такъ ужасно относиться къ этому! И тетя вотъ тоже го- ворить: „mesalliance, студентъ мальчишка“ и все такое. Ну, что-жъ такое, что мальчишка? Ну — мальчишка! ну — студенты! ну — фа- милия нехорошая! Да вѣдь она его любить! любить! — почти прокричала Соня. — Что же дѣлать? Раззнакомиться, разстаться съ нимъ, сдѣлать и его, и себя несчастными? И зачѣмъ? Во имя чего?... Онъ такой честный, умный, способный. Онъ будетъ про- фессоромъ, навѣрно! Ему уже и нынче предлагали лекціи на выс- шихъ курсахъ, — вѣдь сами вы мнѣ это говорили; значить, вотъ даже и „position sociale“. А главное, къ чему, къ чему всѣ эти разго- воры допотопные о „position“ и о такомъ прочемъ? Вѣдь это стыдъ, срамъ! Точно мы Богъ знаетъ какіе отсталые, точно мы лица изъ какой-нибудь старой комедіи и ничего не можемъ понять по- просту. Вѣдь говорю я вамъ: она его любить, онъ ее любить, они свободны, ну и должны, должны жениться! — Соня чуть не плакала.

— Вовсе нѣтъ! — вступилась опять Настасья Борисовна. — И потомъ ты не слыхала развѣ, что твоя мамаша сказала: „Никогда не думала я, что жена моего сына когда-нибудь осмѣлится за- бить его настолько, чтобъ даже промѣнять нашу фамилію на Богъ знаетъ что“.

— Ахъ, ахъ, тетя Настя, я знаю, я лучше васъ знаю все это! Я, можетъ быть, больше чѣмъ мамаша понимаю, что тутъ всего хуже, что ужасно. Я, можетъ быть, больше мамаша помню Юру... Ну, не больше, а все-таки я очень все это понимаю, и всѣхъ, всѣхъ жалѣю: и маму, и Юру... Только я и Мари жа- лѣю. Ну, чѣмъ, чѣмъ же она виновата, что полюбила другого? она еще вѣдь молодая, вѣдь ей еще жить хочется!

— Ахъ, Боже мой, что ты! что ты? Да развѣ можно ба- шнѣ такое говорить? Замолчи, Бога ради, замолчи! Что Вѣра Николаевна подумаетъ?!

— Ничего она не подумаетъ! — невѣжливо и запальчиво воз- шла Соня. — А ужъ если мы говорили при Вѣрѣ Николаевнѣ, ужъ и говорить какъ слѣдуетъ, а не то, что всякаго слова атъся. Вы сами вотъ сейчасъ повторили...

Настасья Борисовна вдругъ въ испугѣ замахала на Соню руками. Въ гостиной послышались легкіе шаги и шелестъ платья Натальи Борисовны. Соня вспыхнула, виновато замолчала и съ замѣшательствомъ стала разбирать шерсти въ тетейной корзинкѣ. Вошла Наталья Борисовна, подозрительно посмотрѣла на всѣхъ, очевидно догадалась, что въ ея отсутствіе произошли какіе-нибудь излишніе разговоры, на лицѣ ея промелькнуло выраженіе глубокой боли, смѣшанной съ какой-то гадливостью, но она тотчасъ же сдѣлала усиліе надъ собой и сказала шутливо, но не весело: — Что это? сегодня, кажется, и учительница и ученица изволятъ лѣниться? Уже четверть двѣнадцатаго!

Вѣра Николаевна поспѣшно встала и сбѣжала съ балкона. — Нада! Наденька! Я васъ жду! — закричала она и пошла на встрѣчу къ Наденькѣ, которая скромно прохаживалась по самой дальней дорожкѣ сада, всѣмъ своимъ видомъ точно говоря: „Посмотрите, какая я милая и хорошо воспитанная особа, какъ я покоряюсь всѣмъ требованіямъ старшихъ. Я никогда и никого не огорчу непослупаніемъ“.

— Пойдемте, пойдемте, Наденька, наши глаголы уже соскупились безъ насъ! — Наденька состроила кислую улыбку и пошла за Вѣрой Николаевной къ дому.

Въ это самое время въ городской квартирѣ Забѣльскихъ Станиславъ, лакей ихъ, тщательно и аккуратно накрылъ въ столовой большой столъ на два прибора и второй, „приборный“, въ углу, на которомъ симметрично разложилъ запасные ножи, вилки и тарелки, потомъ принесъ изъ кухни блюдо съ котлетами и салатникъ съ макаронами, поставилъ то и другое на „приборный“ столъ и, отерывъ дверь въ сосѣдную комнату, громко доложилъ: — Кушать пожалуйста, Андрей Юрьевичъ, Петръ Юрьевичъ!

Андрей Юрьевичъ, плотный, румяный мальчикъ съ всеклоченными темными волосами, тотчасъ сбѣжалъ въ столовую и сѣлъ за свой приборъ. — А! макароны! Вотъ отлично! — сказалъ онъ.

Петръ Юрьевичъ вошелъ лишь черезъ нѣсколько минутъ и съ нѣкоторой задумчивой нерѣшительностью, точно не сразу рѣшился бросить то, чѣмъ занимался въ своей комнатѣ. Это былъ очень тоненькій мальчикъ съ свѣтлыми, слегка вьющимися волосами и грустными, словно подернутыми какой-то дымкой, карими глазами. Онъ развернулъ свою салфетку, не глядя ни на нее, ни на кушанье на столѣ и очевидно все еще занятый своими мыслями. Андриша положилъ ему котлету.

— Вотъ опять одни завтракаемъ!—сказалъ Андрюша, обращаясь не то къ Станиславу, не то къ брату.

— Да, — отвѣтилъ Станиславъ, подавая салатникъ Петѣ. — Нынче это часто. Мамашѣ нынче некогда, дѣлъ много: въ Гостинный Дворъ, да къ портнихѣ, да мало-ль куда! Нынче вамъ привыкать надо и однимъ кушать. Да ужъ вы господа большіе; можно и безъ мамашы.

— Конечно, можно. Только знаешь, Стась, какъ-то странно, не то что-то!

— Ужъ, конечно, не то! — сказалъ Стась, отходя съ блюдомъ и салатникомъ къ приборному столу. — Да оно ужъ и безъ того не то у насъ теперь пошло. Ужъ какъ есть все по новому, не по старому, не по дворянскому—Станиславъ произносилъ это слово: „по дворянскому“: — не какъ при папенькѣ было.

— А что при папенькѣ было?—спросилъ Петя вдругъ, точно просыпаясь. — Скажи, Стась, что было при папенькѣ? Какой онъ былъ? Я его не помню; я его мало, то-есть, помню. Больше всего помню, какъ онъ игралъ на фортепьянахъ. Помнишь, Андрюша?—сказалъ Петя, нѣжно улыбаясь тому, смутно всплывшему предъ нимъ, образу умершаго отца. — Помнишь, какъ онъ игралъ? Я часто вспоминаю эту польку, которую онъ игралъ. Тà-та—рàрара, тà-та—рàрара—трàра—рарарà...—запѣлъ Петя. — И еще одну музыку. Я не знаю, что это была за музыка, только мнѣ страшно хочется ее услышать. Хоть бы кто-нибудь ее сыгралъ! Какъ я ее услышу... знаешь, внутри себя какъ услышу, такъ и папу вспомню, и скрутку его, и усы, и какъ онъ сидѣлъ вотъ такъ, и глаза его, и руки, и какъ онъ дымъ колечками пускалъ, такъ все и вижу! и вижу! А потомъ опять ничего не вижу, и будто совсѣмъ забуду. А какъ запою самъ себѣ—такъ хорошо все увижу! А ты, Андрюша?

— Ну, вотъ! Я все отлично помню, а не то что... Я вѣдь ужъ у папы учился тогда—какъ же мнѣ не помнить? И квартиру нашу на Моховой помню, и лошадей... Стась, помнишь Вороного?

— Что-жъ, Вороной!—сказалъ Станиславъ, вздернувъ плечи. — Тогда не одинъ Вороной былъ; тогда, одно слово, *все* было: и гости, и музыка, балы да наряды, угощенья, сервировка настоящая, дворянское житье было, богатое! Вотъ какъ мы при папѣ жили! А теперь что за житье! Такъ себѣ, только я вемъ помаленьку; ни порядковъ теперь, ни богатства. Гости идутъ — чай, да пиво, да колбаса, какъ у нѣмцевъ. И дымъ вездѣ: и въ гостиной, и въ залѣ... Шумъ, гамъ! И что за

гости! Все какіе-то въ родѣ какъ учителя или доктора!.. Куда всѣ сервизы наши дѣлись, куда ковры?! Я каждую недѣлю выбиваль, — такъ трехъ дворниковъ въ подмогу себѣ бралъ! Все пошло прахомъ. Не слѣдовало бы мнѣ говорить вамъ, Андрей Юрьевичъ, да ужъ очень я господъ жалю, такъ и скажу! — Станиславъ таинственно понизилъ голосъ и подошелъ поближе къ Андриюшѣ. — Это все Василій Сергѣичъ мамашу сбиваетъ: „Не годится, молъ, вамъ въ роскоши жить, когда другіе куска хлѣба не имѣютъ“. А какіе-такіе не имѣютъ? Лѣнныя, да пьяницы, да которые родителей не почитаютъ, вѣрно я говорю!

— Нѣтъ, Стась, — сказала Петя: — не одни лѣнныя! Вотъ Вася говоритъ...

— Не называй его Васей! Не смѣй! — запальчиво прервалъ его Андриюша. — Прежде можно было, а теперь не смѣй! Хотя онъ меня на колѣняхъ проси, хоть мама меня проси, а я ни за что не стану! не стану! И ты не смѣй! Не Вася онъ намъ теперь, а Василій Сергѣичъ, господинъ Егоровъ. И мама теперь ужъ не мама будетъ, а госпожа Егорова... Фу, какая гадость: мы — Забѣльскіе, а она — Егорова! Точно чужая. И фамилія какая гадкая, — точно булочки или полотеры!

— И опять я скажу, — перебилъ Станиславъ: — развѣ денегъ нѣтъ, чтобы нищимъ тамъ, либо голоднымъ, раздавать? А ни Боже мой! деньги у насъ тоже, слава Богу, есть! А это ужъ просто такъ сбиваютъ, потому, конечно, какъ сами не привыкли, жили, небось, у своей маменьки въ бѣдности, да потомъ по разнымъ по квартирамъ, да какъ къ намъ попали — это все наше житье имъ и въ диковинку, не въ привычку; ну, онъ вотъ и сбиваетъ: „Къ чему, молъ, ковры? сервизы продайте! тѣ да сѣ!“... Оттого что самъ не привыкъ. А вотъ коли кто привыкъ, какъ я, къ примѣру, — тотъ и видитъ, что житье это самое было хорошее, настоящее. Потому я самъ тоже баринъ настоящій, дворянинъ. Эхъ, какъ вспомнишь про свое про прежнее житье!..

Станиславъ вдругъ одушевился, вышелъ на середину столовой и живо заговорилъ: — Бывало, надѣнешь такую махонькую шапочку, — махонькую, вд-вд, не больше какъ такую! (онъ прикрылъ рукою самую маховку, растопыривъ пальцы) — да шубу надѣнешь такую богатую, да какъ сядешь въ коляску, да вѣватишь въ Саксонскій, либо по Пѣнной (Станиславъ предсказывалъ, какъ онъ сидѣлъ въ коляскѣ, гордо закинувъ голову и поглядывая черезъ плечо) — такъ сейчасъ видно, какой панъ и тутъ всѣ тебѣ кланяются, и всякій хлопъ такъ шапку свою по земли и снимаетъ. Да, вотъ какой я былъ, — какъ есть панъ и

стояцій!.. А потомъ все пропало (Станиславъ грустно наклонилъ голову, но тотчасъ же вновь одушевился). — Ну, что-жь, и потомъ хорошее было время, когда я поступилъ въ циркъ Соломонскаго. Да, могу сказать. Костюмы такіе были все хорошіе, все съ золотомъ, бархатные либо атласные. И потомъ публика это шумить, хлопасть, вызываетъ, подарки подносить. Одинъ генералъ мнѣ перстень подарилъ богатѣйшій, съ діамантомъ, да!.. Не этотъ! Этотъ мнѣ другой генералъ подарилъ, потому какъ и за его сыномъ ходилъ. Собака его укусила, такъ съ ума сойдилъ, а потомъ и померъ. Ну, какъ померъ, такъ генералъ и подарилъ его фракъ, и перстень, и часы съ цѣпочкой и все, все. Вотъ этотъ самый перстень. Но этотъ что? Такъ себѣ перстень. А тотъ діамантъ, да, могу сказать, былъ камень! Одно слово, вельможный подарокъ... Да, публика меня даже очень, могу сказать, поощряла... И костюмы были тоже! Для бенефиса былъ у меня костюмъ весь атласный, лазурный съ серебромъ,—атласный, да, да, весь атласный!

Станиславъ замолчалъ, грустно потупившись, и задумался. Вѣрно, онъ перенесся мысленно въ ту счастливую пору своей жизни, когда видѣлъ на себѣ этотъ красивый, фантастическій нарядъ изъ блестящей матеріи, казавшейся ему, вѣроятно, верхомъ богатства и изящества, такъ какъ слово „атласный“ онъ произносилъ всякій разъ все съ бѣльшимъ удареніемъ и все торжественнѣе.

— Ну и что-жь потомъ было съ тобой? Отчего ты ушелъ изъ цирка? Хорошо ты ѣздилъ? Или ты скавалъ? Или штуки показывалъ тамъ наверху? Что, Стась, что?—сталъ допрашивать Андрюша, какъ только Станиславъ замолчалъ.

— Да что! Вечеромъ долженъ быть мой бенефисъ, а утромъ я себѣ ногу сломалъ!..

— Какъ сломалъ? Отчего? Ты упалъ?

— Да, упалъ... соскользнулъ это, значить. Мнѣ подлець Феликсъ не далъ хорошенько подошвы натереть мѣломъ: „Иди, говоритъ, скорѣе, репетиція затянулась, не успѣемъ, говоритъ, къ вечеру отдохнуть“. Выбѣжалъ я это... Рукой публикѣ этакъ, этакъ и даже поцѣлуй послалъ... (Станиславъ сталъ на одну ногу и граціозно послалъ рукой поцѣлуй, улыбаясь и кланяясь во всѣ стороны.) Только, только вскочилъ я на лошадь, а поплава-то скользкая, лошадь была горячая, я и съ полкруга не удержался: чебурахъ! да объ барьеръ! Только и было моего бенефиса!

— Ну, а что-жь потомъ?

Станиславъ даже разсердился.

— Потомъ... А вы извольте скорѣе кушать; сейчасъ французъ придетъ. Что это, цѣлый часъ котлетки скушать не можете!—Онъ понесъ блюдо и тарелки къ дверямъ, но въ дверяхъ остановился и сердито, отрывисто сказалъ, почти крикнулъ:—Два мѣсяца провалялся, на леченье всѣ деньги извелъ, и перстень тотъ хорошій продалъ, и женился, значить, на этой подлой Доменикѣ только за тѣмъ, чтобъ деньги были... А вы вонъ слышали, какъ она меня сегодня ругала: „Отдай, говорить, мнѣ мои подушки, я, говорить, твоего ничего не прошу, а мои отдай“. А я ей не могу ихъ отдать, коли онѣ мнѣ самому нужны, потому какъ я привыкъ спать на трехъ. А ей, значить, только надо мнѣ неприятность сдѣлать. И какъ ругается, подлая,—хуже послѣдняго мужика! Вотъ и женился. Лечили, лечили... А все даромъ пропало! Такъ нога больше ужъ никуда и не годилась,—что соломенная! Вотъ какая дрянь!—Онъ брыкнулъ раза два ногою съ выраженіемъ величайшаго презрѣнія на лицѣ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Петя не выдержалъ и побѣжалъ за Станиславомъ по корри-дору. — Голубчикъ Стась, да какъ же ты можешь намъ на гимнастикѣ такія штуки показывать, коли нога испорчена? Отчего же въ циркѣ не могъ?

Станиславъ разомъ остановился посреди корридора и такъ энергично вздернулъ плечами, что тарелки чуть не полетѣли у него изъ рукъ.—Ахъ, Іезусъ-Марія! да развѣ тамъ такія штуки дѣлаютъ? Развѣ это штуки? Это что?—дрянь! Тамъ совсѣмъ иное... Да идите вы въ столовую! Что это, вы благородный баринъ, да за завтракомъ сидѣть прилично не можете! При папенькѣ, небось, не то было. Вотъ засадить васъ новый-то вашъ папенька въ училище, тогда не побѣжите!—И Станиславъ ушелъ въ кухню.

Петя задумчиво побрелъ назадъ въ столовую.—Знаешь, Андрюша, пусть ковровъ не будетъ и этого всего, — сказалъ онъ, вновь садясь за свой приборъ: — это ничего, что не будетъ! А только вотъ я думаю, что все-таки пусть бы все безъ перемѣны, какъ при папѣ было. Андрюша! вѣдь да?

Андрюша вдругъ разсердился. — Дуракъ ты тоже, какъ я посмотрю! „Безъ перемѣны“! Ужъ коли мама промѣняла папу на этого Василя!—Андрюша даже фыркнулъ.—Коли я вчера вхожу въ комнату, и вдругъ онъ при мнѣ ей говорить „Маша“, и даже... а я, а я...—Андрюша вспыхнулъ и, ударивъ кулакомъ по столу, отвернулся. Онъ хотѣлъ рассказать, какъ, войдя печально въ комнату матери вслѣдъ за только-что пришедшимъ Василемъ Се

гвѣвичемъ, онъ увидѣлъ, что они поздоровались, какъ настоящіе женихъ и невѣста, нѣжно цѣлуясь; но стыдъ и негодованіе за любимую мать не дали ему договорить.

— Не промѣняла...—началь-было Петя:—вѣдь папа ужъ...—но, едва произнесъ эти слова, онъ запнулся, глаза его наполнились слезами, и онъ не то испуганно, не то огорченно замолчалъ.

— То-то вотъ, братъ! — укоризненно замѣтилъ Андрюша и всталъ изъ-за стола. — Нѣтъ, погодите, Василій Сергѣевичъ! я вамъ еще бенефисъ устрою, еще я какую-нибудь такую штуку вамъ подстрою, что вы у меня попомните! Только ты, Петръ, все-таки плохъ.

— Отчего плохъ?—возразилъ Петя обиженно.—Ты думаешь, я ничего не понимаю и не думаю такого? Я самъ, какъ только мы узнали, все время думалъ, и съ вечера думалъ, и утромъ вчера. Знаешь, я вчера проснулся очень рано, еще Антонъ не приходилъ въ столовую печку затоплять. Проснулся и думалъ, что ты еще спишь, и лежу себѣ, да не засну никакъ опять, ворочаюсь съ боку на бокъ, то закроюсь съ головой, то отгину одѣяло, и все думаю, все думаю. Повернулся какъ-то, гляжу—и ты, Андрей, глядишь на меня, улыбаешься и, помнишь, еще спросилъ: „Чего не спишь? Или трусишь, братъ?“... Вотъ вздоръ—трушу! Было бы чего! А ты скажи, Андрей, какъ ты думаешь, чтѣ бы намъ ему устроить? Знаешь, я все, все самъ придумываю, какую бы ему такую исторію подстроить, съ перваго же дня показать ему, что не очень-то онъ насъ! Что, коли чтѣ, такъ мы ему себя покажемъ! — говорилъ Петя, поддаваясь энергическому настроенію брата.

— Что же мы подстроить можемъ?—спросилъ Андрюша насмѣшливо, и только по глазамъ его Петя увидѣлъ, что мысль эта ему по сердцу; вѣроятно, онъ уже въ эту самую минуту придумывалъ что-нибудь.—Что же мы можемъ подстроить?—повторилъ онъ оживленно.

— Ну, я не знаю. Насолить ему нужно такъ, чтобы сталъ сразу тише воды, ниже травы. А можетъ быть и вовсе откажется? Ну, Андрей! Придумай что-нибудь! Ты всегда умѣешь. Помнишь, какъ мы тогда его „известить“ хотѣли?

Андрюша наморщилъ лобъ и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вотъ чтѣ, — сказалъ онъ рѣшительно: — первое дѣло: перестанемъ ему уроки готовить. Онъ придетъ—а мы молчимъ; онъ спрашиваетъ—а мы молчимъ; онъ спроситъ тетради—а мы ихъ заперемъ въ печку; онъ мамѣ жаловаться—а мы скажемъ: „мы у

него учиться не хотимъ, отдай насъ въ гимназію“. А если мама скажетъ, что папа этого не хотѣлъ, такъ мы скажемъ: „все равно, папа не зналъ, что ты другой разъ замужъ пойдешь“. Вотъ такъ и скажемъ: „Отдай въ гимназію“.

— Или въ консерваторію, — сказалъ Петя.

— Ну, тебя хоть въ консерваторію... Второе: на свадьбу въ церковь не поѣдемъ. Вѣдь и бабушка не пойдетъ, навѣрное, — такъ вотъ мы въ этотъ день къ бабушкѣ и поѣдемъ.

— Ахъ, Андрюша, — заговорилъ Петя, разомъ оживляясь: — какъ это все смѣшно и худо вышло! А помнишь, какъ вначалѣ хорошо было, какъ мы его полюбили?.. И эти пѣсни хорошія онъ пѣлъ и насъ выучилъ. И помнишь, какъ мы хотѣли на первомъ урокѣ стулъ опрокинуть и веревку уже протянули заранѣе, а онъ замѣтилъ и намъ сказалъ: „эхъ, господа, не такъ это вовсе дѣлается, а вотъ какъ!“ И показалъ намъ, и преловко! И ничуть не обидѣлся и не пожаловался!.. А помнишь, микроскопъ приносилъ и руку себѣ прокололъ и шарики кровавые показывалъ? А еще водилъ насъ въ Горный корпусъ, въ шахты; вотъ интересно было... А помнишь — шаръ изъ бумаги? и наполнилъ газомъ и пустилъ, и онъ леталъ, какъ настоящій, а бабушка испугалась, что взорветъ? И вообще бабушка сначала, помнишь, его не любила, и все ворчала — а мы ужъ его тогда любили. А какъ онъ Мовѣку вымечилъ и потомъ бабушкѣ билетъ досталъ на какое-то представленіе и стоялъ гдѣ-то на морозѣ, такъ она — какъ это онъ тогда сказалъ? — „смиловилась“. А онъ такъ смѣялся!.. И все онъ умѣлъ такъ хорошо дѣлать, такой былъ веселый, и всѣ его такъ полюбили, а вотъ, вотъ теперь...

— Подѣхалъ! — сказалъ Андрюша злобно. — Провелъ всѣхъ.

— Ахъ, чтѣ ты, Андрей! Неужто ты думаешь, что все это нарочно?

— Ничего я не думаю! — буркнулъ Андрюша и ушелъ въ свою комнату.

Петя остался одинъ въ столовой и, побродивъ немного, сѣлъ у фортепьяно и началъ наигрывать одной рукой тотъ мотивъ, который, по его словамъ, ему напоминалъ отца. И точно, Петя почти тотчасъ же увидѣлъ предъ собою ихъ залу такую, какою онъ теперь никогда не видалъ ее, и даже не зналъ, была ли она когда-нибудь такою: ярко-освѣщенной, уставленной зеленѣющими растеніями и блестящей бѣлой мебелью; а у фортепьяно сидѣлъ отецъ, красивый и молодой, въ бархатной жакеткѣ, — почему особенно памятной Петѣ, — сидитъ и играетъ ту самую „музыку“; а когда Петя спрашиваетъ его: „Что это такое?“ — тотъ от-

чаетъ: „Это Равдчи“. И Петя до сихъ поръ не знаетъ, что это значить „Равдчи“?—про ноты ли такъ папа сказалъ, или такъ зовутъ того, кто написалъ эту музыку? Петя почему-то никогда и ни у кого не рѣшается спросить объ этомъ, а лишь смутно надѣется когда-нибудь вновь услышать эту чудную вещь. И вотъ поэтому-то Петя рѣшилъ, давно рѣшилъ, непременно просить маму и бабушку отдать его въ консерваторію. Ему говорила Вѣра Николаевна, что тамъ все, все играютъ, всякую музыку; тамъ можно навѣрное узнать и это и можно выучиться играть, какъ папа...

А былъ ли папа, когда онъ былъ маленькимъ, въ консерваторію? Гдѣ онъ выучился такъ хорошо играть? И какъ вообще папа учился?—думаетъ Петя, задумчиво прислонившись бѣловурой головкой къ крышкѣ фортепьяно. — И думаетъ Петя, какъ бы хорошо узнать, какой былъ папа, чтѣ онъ читалъ, какъ жилъ, чтѣ дѣлалъ? Любилъ ли папа ѣздить въ театръ, какъ бабушка и тетя Соня, въ оперу? Кажется, бабушка говорила, что любилъ... Ахъ, хорошо бы поговорить съ бабушкой!.. Но она этого не любитъ, она все еще плачетъ о папѣ, и оттого тетя Настя не позволяетъ, чтобъ съ ней говорили и спрашивали ее о папѣ... Спросить маму? — Петя вдругъ совершенно ясно начинаетъ сознавать, что маму теперь никогда нельзя больше спрашивать про папу, и Петѣ становится такъ тяжело и неприятно, что онъ даже не можетъ усидѣть на мѣстѣ и начинаетъ, какъ давеча Андрюша, ходить по комнатѣ.— „Неужели никого нельзя спросить? Неужели, кромѣ бабушки, никто больше не помнитъ такъ хорошо папу? Неужто я его больше никогда, никогда не увижу? И есть ли онъ теперь? Или Вася — Василій Сергѣичъ, — тотчасъ мысленно направляетъ себя Петя:—или онъ правду сказалъ, и папа „обратился“ теперь во что-нибудь, въ растеніе какое-нибудь? И гдѣ папина могилка?“ Его похоронили гдѣ-то за границей, но Петя не можетъ вспомнить, гдѣ это было, въ какомъ городѣ, а кладбища онъ не видѣлъ: бабушка не пустила ихъ туда, сказала, что дѣтамъ незачѣмъ видѣть это... И еще бабушка говоритъ: „Вашъ отецъ долженъ быть для васъ вѣчно живъ“. А для мамы какъ же онъ не живъ? А то бы вѣдь она не стала выходить за Василія Сергѣича. И неужели вправду онъ ее называетъ „Маша“, какъ Андрюша говоритъ, и они будутъ новые „папа и мама“, не такъ ли? Тогда мама, значить, совсѣмъ должна забыть прежняго папу, моего, нашего... Она его уже забыла. „Промѣняла“, сказалъ Андрюша. И вспомнивъ теперь эти слова, Петя вдругъ явъ почувствовалъ такую жгучую боль, что, закрывъ лицо руками, горько заплакалъ.

— Петръ Юрьевичъ, что вы? о чемъ вы, баринъ? Или мамашу жалѣете?—сказалъ Станиславъ, только-что вошедшій убирать со стола, испуганно подходя къ Петѣ: — Полноте! Перестаньте!.. А? Мамашу жалко? — заботливо говорилъ Станиславъ, стараясь изъ Петиного кармана достать платокъ и отереть мальчику слезы.

— Нѣ-ѣтъ! — проговорилъ, задыхаясь, Петя. — Мнѣ папу жалко!—И обхвативъ обѣими руками Станислава и уткнувшись въ его жилетъ головою, Петя зарыдалъ съ такимъ отчаяніемъ, точно его маленькое сердце разрывалось отъ переполнявшаго его непомѣрнаго разочарованія въ вѣрности и вѣчности любви и памяти людской, отъ ужаснаго, вдругъ сдѣлавшагося ему яснымъ, всеобщаго равнодушія и забвенія.

II.

Своею дорогою.

— Ну, а дальше что, няня? Говори же дальше!

— Ну, видитъ змѣй, что цыганята такіе изъ себя черные да худые, и спрашиваетъ: „Что это они такъ кричатъ?“ А цыганъ говоритъ: „Это они кричатъ, что голодны, ѣсть хотятъ, тебя просятъ имъ на завтракъ отдать“. Тутъ змѣй подумалъ: „Если ужъ цыганята такіе страшные, то каковы же цыганы?“— да и былъ таковъ! Улетѣлъ за тридевять земель и больше въ нашу Рассею и глазъ не казалъ.

Няня въ знакъ окончанія сказки весело кивнула дѣтямъ и взялась снова за оставленное шитье.

Дѣти дружно разсмѣялись.

— Ловко!—сказалъ Саша.—Хорошо сдѣлалъ цыганъ!.. И съ творогомъ тоже умно придумалъ: тотъ подумалъ, что онъ вправду камень взялъ, а онъ это творогъ сталъ жать,—ну, понятно, вода и потекла.—(Саша очень любилъ слова: „понятно“, „интересно“, „вонечно“, и постоянно ихъ употреблялъ).—Отлично обманулъ его! Молодецъ!

— Няня, а цыганята просто кричали: „Тата, тата ѣдетъ“?—спросила Надя.—Да, няня? А змѣй, по-цыгански не понялъ, и Испугался? Ха-ха-ха!.. Ну, теперь, няня, „про Золушку и про брилліантовый башмачокъ“!

— Нѣтъ,—сказалъ Саша:—лучше „про Вавилушку“.

— Хорошо!—согласилась Надя:—сначала „про Вавилушку“, а потомъ „Золушку“. Ну, няня, начинай. Ну!

— Постой, погоди, Наденька. Слышишь, къ вечернѣ ударили: надо маслице передъ Божиной зажечь, передъ Спасителемъ-Батюшкой.

— Няня, а откуда у тебя этотъ „Спаситель“? Того, я знаю, братъ Никаноръ тебѣ подарилъ. А этотъ?

— А этотъ, милочка, отъ Троицы, отъ Сергія-Троицы я привезла, какъ ѣздила туда съ генеральшей Енфельбаумъ, еще какъ къ вамъ не поступила. У Сергія у Троицы и купила. Дай-ка, Сашенька, спички. Вонъ на столикѣ! Послужи нянѣ-то!

Саша подаль спички и сталъ внимательно смотрѣть, какъ няня, осторожно взобравшись на сундучокъ и придерживаясь одной рукой за косякъ окна, зажигала одну за другою лампадки, висѣвшія передъ иконами.

— Эхъ, надо перевѣсить лампадки-то, чтобъ всѣмъ Божинымъ свѣтло было, а то вонъ Милушка-угодникъ совсѣмъ въ темнотѣ. Вотъ такъ надо повѣсить и вотъ такъ!.. Это у Сергія-Троицы Батюшку купила, какъ съ генеральшей ѣздила... Монастырь богатый! Чѣмъ тамъ церквей, какія иконы! А въ ризницѣ богатствъ столько, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ не описать. Одно слово, — первѣющій монастырь! Да и немудрено: стоитъ онъ, говорятъ, еще съ татарскихъ временъ, какъ татаринъ нашу землю воевалъ,—говорила няня, все еще стоя на сундукѣ:—такъ тогда монахи заперлись за стѣнами монастырскими и народу много у себя укрыли, со всякими богатствами, а сами на стѣнку выходили, въ татаръ изъ пушекъ да изъ ружей палили, за вѣру хрестыанскую стояли. А какъ отстояли, то въ благодарность, говорятъ, народъ имъ всѣ богатства и оставилъ... Съ тѣхъ поръ и пошло! и пошло-о!.. И послѣ тоже отъ поляковъ отстрѣливались, да отъ француза.

Няня слѣзла съ сундука, вздохнула съ сознаниемъ исполненнаго долга и душевнаго удовольвенія и стала креститься, приговаривая: — Господи Іисусе Христе, Микола-угодникъ, Мати Пресвятая Богородица, Милъ-преподобный, помилуй насъ грѣшныхъ!—Перекреститесь-ка, дѣточки. Слышите, вонъ и въ „больной“ ударили. Подите сюда.

Дѣти встали, подошли къ иконамъ и перекрестились нѣсколько разъ.

— И я бы тоже,—заговорилъ Саша, еще не докончивъ поедняго креста и возвращаясь къ своему маленькому столику:—я бы тоже противъ француза, и противъ татаръ, и противъ

всѣхъ непріятелей на стѣнку бы вышель! Зарядилъ бы десять пушекъ, нѣтъ, двадцать! и такъ бы и жарилъ, такъ бы и жарилъ, пока ни одного непріятели не осталось бы!.. А потомъ мнѣ бы отдали всѣ эти богатства, и я бы... Няня, а ты видѣла эти пушки? изъ которыхъ монахи палили,—видѣла?

— Нѣтъ, батюшка, не видѣла, нѣтъ! Ризницу видѣла и всѣ эти кресты тамъ, чаши золотыя, брилліанты да камни самоцвѣтные, это видѣла! Богатство страшное!

— Няня,—начала Надя:—а вотъ мама говорить, что брилліанты вовсе не дорогіе, что они, будто, тоже самое, что уголь, который у палы въ каминѣ горитъ. Правда это? Я думаю: неправда!

— Вѣстимо, неправда! Уголь чтó?! Такъ себѣ, накипь черная, а брилліантъ?!—онъ какъ огонь горитъ! Брилліантъ всѣмъ камнямъ камень, самая драгоценность царская; для царей его Божинька и сдѣлалъ, чтобъ царямъ носить, либо на кивоты, на иконы вставлять... Это какъ можно говорить, что все равно! Тогда гдѣ-жъ разница будетъ, что черное, что бѣлое, что хорошее, а что дурное? Нѣтъ, Наденька, брилліантъ—все равно что святой камень, чистый, безгрѣшный,—а уголь самый что ни на есть черный, некрасивый...

— Да-а!—задумчиво протянула Надя.—А вотъ, няня,—уже другимъ скорымъ и оживленнымъ тономъ заговорила она:—вотъ отчего у тебя всѣ образа блестящіе, а Милушка въ зеленомъ и самъ темный, черный?

— Оттого, дѣточка, что какъ онъ объявился, такъ его и сдѣлали. Объявился онъ въ лѣсу—ну, и кивоту полагается ему дѣлать въ родѣ какъ изъ листьевъ, изъ цвѣтовъ бесѣдочку. И въ раскѣ черной, какъ онъ былъ, такъ и сдѣлали.

— Няня, а кто былъ Милушка?

— Какъ кто былъ?! Миль-преподобный, вотъ кто! Святой, значить, угодникъ, угодникъ Божій!

— Няня, а что онъ дѣлалъ? Какой онъ былъ?

— Ахъ, ты Господи! „Что дѣлалъ“? Святое и дѣлалъ да доброе. Жилъ въ лѣсу, съ пташками божьими да со звѣрями въ мирѣ, Богу молился, бѣдныхъ да сиротъ жалѣлъ, постился, труды несъ, тó и дѣлалъ!

— Труды несъ,—повторила задумчиво Надя.—Когда я буду большая, няня, я попрошу папу и маму, чтобъ они меня отпустили, и тоже уйду въ лѣсъ, устрою тамъ себѣ бесѣдочку и буду тамъ жить!—И тотчасъ, безъ всякаго видимаго перехода, съ закрадчивымъ голосомъ:—Нянечка, теперь „про Вавилушку“!

— Ну, ладно!.. Жили-были котъ, да баранъ, да Вавилушка въ избушкѣ, въ лѣсу. Вотъ разъ пошли котъ да баранъ на работу, а Вавилушка...

— Дѣти, дѣти!—закричала въ это время изъ своей комнаты Марья Васильевна, давно уже прислушивавшаяся къ тому, что происходило въ дѣтской.—Нечего вѣчно одну и ту же сказку слушать. Подите лучше сюда, я почитаю вамъ что-нибудь.

— Мамочка, позволь! Пусть няня расскажетъ! Ужъ ты намъ послѣ почитаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ! Если вы будете вѣчно слушать одно и то же, то вы станете совсѣмъ глупенькими,—строго сказала Марья Васильевна, твердо помнившая, что „необходимо каждый день заставлять ребенка, незамѣтно для самого себя, усвоивать новыя понятія“. Это она сама „усвоила“ изъ одной изъ тѣхъ книжекъ, по предписаніямъ которыхъ старалась въ точности воспитывать Надю и Сашу.

Дѣти встали со своихъ стульевъ и уныло побрели въ спальню.

— Сядьте сюда, я вамъ буду читать. Рассказъ называется: „Что я видѣлъ на рѣкѣ“.

— Ахъ, опять это „Что я видѣлъ“!—заговорилъ Саша съ тоской въ голосѣ.—Ужъ это мы все знаемъ: это—что у коровы рога да четыре ноги, и какъ строить избушки изъ бревенъ. Ужъ мы это знаемъ, мамочка!

— Ахъ, Саша, что ты говоришь? Вѣдь подумай, *то* было: „Что я видѣлъ въ деревнѣ“. А *это*—рассказъ: „Что я видѣлъ на рѣкѣ“.

— Да это одно и то же!

— Какъ одно и то же?!—съ ужасомъ воскликнула Марья Васильевна и подумала про себя: „Надо всегда заставлять дѣтей точно опредѣлять свои мнѣнія“.—То—деревня, а это рѣка, значить и предметы, которые авторъ здѣсь встрѣчаетъ...

— Ну, читай!—прервалъ Саша покорнымъ тономъ, точно заранѣе зная, что возразила бы ему мать, точно желая поскорѣе испить чашу.—А можно мнѣ солдатиковъ пока покрасить, пока ты будешь рассказывать?

— Нѣтъ, Саша, что ты?! Ты долженъ слушать внимательно. Потомъ зачѣмъ опять солдатиковъ? Вѣдь я ужъ тебѣ говорила, мнѣ очень непріятно, что тебѣ няня опять солдатиковъ кула. Возьми лучше тетрадку, которую я тебѣ подарила, гдѣ, цѣль, мебель, классныя вещи, зданія, орудія, геометрическія гуры...

— Ну, ужъ тогда я лучше такъ посижу, — сказала Сапа со вздохомъ и сталъ смотрѣть мимо матери въ окно.

— „Ваня, Маша, сказалъ учитель, выходя на крыльцо, сегодня мы пойдемъ съ вами на рѣку“, — начала читать Марья Васильевна.

— Ну, вотъ видишь! Видишь! Вѣдь я говорилъ же, что это опять будутъ эти Ваня, Маша и учитель! — укоризненно, но съ торжествомъ замѣтилъ Сапа.

— Ахъ, Сапа!... — начала было Марья Васильевна, но въ эту минуту появился лакей съ докладомъ, что пріѣхала Софья Николаевна Стародумова и спрашиваетъ, принимаютъ ли?

— Боже мой, Петръ, отчего же вы не сказали, что я не дома?

— Да вѣдь ты теперь дома, мамочка! — убѣдительно сказала Надя, очевидно, боясь, какъ бы неожиданное спасеніе, въ лицѣ Софьи Николаевны, не ускользнуло.

— Ну, да, дома, но я сто разъ приказывала, чтобъ до четырехъ часовъ говорили, что я не дома! Вѣдь этакъ ничего просто сдѣлать не успѣешь. — Марья Васильевна опять обратилась къ Петру: — Отчего же вы не сказали?

— Да я говорилъ-съ. Но только швейцаръ имъ сказалъ, что вы дома.

— Ну, просите! — сказала со вздохомъ Марья Васильевна.

— Мамочка, намъ можно теперь въ дѣтскую? — въ одинъ голосъ спросили Сапа и Надя и исчезли за дверь прежде, чѣмъ гостья, — высокая старуха, сохранившая слѣды замѣчательной красоты, — вошла изъ гостиной. Слѣдомъ за нею вошелъ не менѣе красивый, тонкій юноша въ мундирѣ вольноопредѣляющагося.

— Вотъ, милая Марья Васильевна, привезла къ вамъ, наконецъ, своего вертопраха въ новомъ обликѣ! — заговорила Софья Николаевна, весело улыбаясь и точно увѣренная, что Марья Васильевна не можетъ отнестись къ появленію „вертопраха“ иначе, какъ съ величайшимъ восхищеніемъ. — Ужъ тянулись, тянулись эти экзамены, просто конца имъ не было! Ну, наконецъ, сдали! Поступили на службу — и вотъ мы!

— Поздравляю, поздравляю! — сказала любезно Марья Васильевна. — Очень, очень рада васъ видѣть. Я ужъ думала, гдѣ совсѣмъ меня знать не хотите. Шутка сказать, въ эти четыре мѣсяца я еле-еле васъ два раза видѣла, да и то случайно. Грѣшно такъ друзей забывать. Но я вамъ платила добромъ за зло: всякій разъ спрашивала о васъ Сергѣя Степановича. И знаете, онъ мнѣ сто разъ о васъ наговорилъ, такъ васъ одобрялъ...

— А, il professore!—иронически сказалъ молодой человѣкъ.— Вотъ какъ! Не ожидалъ! Это въ нѣкоторомъ родѣ даже удивительно. Онъ на меня дуется, потому что я ему подалъ свидѣтельство о болѣзни, просилъ отложить экзамень, да въ тотъ же вечеръ, какъ на грѣхъ, встрѣтилъ его у Ильменевыхъ. Вотъ, скажу вамъ, былъ пассажъ! — и юноша расхохотался самымъ добродушнымъ образомъ.

— Странно было бы, еслибъ онъ не сердился,—замѣтила мать:—странно было бы! Я на его мѣстѣ на другой же день тебя заставила бы экзамень сдавать. А то на-те: утромъ боленъ, а вечеромъ пляшетъ до упаду. Ужъ это по пословицѣ: „Тить, поди молотить“.

— Вотъ именно, вотъ именно!—юноша такъ и покатился со смѣху.—И болѣзнь-то à la Тить. Catarrhus ventriculi acutus—такъ мнѣ докторъ и написалъ въ свидѣтельствѣ!

— Какой ты вздоръ...

— А весело было у Ильменевыхъ? — прервала Софью Николаевну хозяйка.

— Ахъ, нѣтъ!—отвѣтилъ юноша.—Тоска! Я хотѣлъ удрать, да двери заперли, самъ Ильменевъ сталъ въ передней и никого не пускалъ.

— Имъ, душенька, теперь вездѣ тоска. На балу тоска, на лекціи тоска, въ театрѣ, дома, на службѣ, вездѣ тоска! А отчего? Сами съ собой ее всюду носить, — знаете, какъ въ сказкѣ о Горѣ-Злосчастьѣ...

— Что это, мамочка, вы сегодня все словеса изъ „произведеній народной мудрости“ произносите! Впрочемъ, вѣдь теперь все русское въ модѣ... Только я-то, кажется, плохо похожу на вашъ портретъ: я—„неунывающийъ россіянинъ“.

— Ну да! неунывающийъ россіянинъ, какже! Всѣ вы не унываете, пока васъ забавляютъ, учитесь—пока учать и работаете—пока за спиной начальство стоитъ. А чуть пришли домой изъ оперетки, чуть простились съ учителемъ — прощай и веселье, и наука, и работа! и только и зѣваете во весь ротъ: „тоска“. Даже на балахъ, среди молодыхъ дѣвушекъ... Ну, да чтѣ говорить! Говорено и переговорено сто разъ. А я, видно, стара старѣюсь, что на теперешнюю молодежь нападаю, а я еще не такъ стариться... Скажите лучше, Марья Васильевна, какъ вы живаете? чтѣ ваши ребятки?

Марья Васильевна вздохнула. — Ахъ, и не говорите! Такое это трудное дѣло—хорошо воспитать дѣтей, такое трудное! Стараешься вѣсти ихъ по извѣстной программѣ, проводить свои идеи, а все

окружающее, вся наша жизнь такъ мѣшается, такъ мѣшается!—говорила Марья Васильевна, мало-по-малу переходя въ какой-то восторженный тонъ и по своей всегдашней манерѣ при этомъ тотчасъ устремляя глаза въ потолоку.—Я бы Богъ знаетъ что дала, чтобы изолировать дѣтей отъ всякаго посторонняго вліянія, отъ всего, что мѣшается моею системою, и думаю, что тогда могла бы воспитать людей, достойныхъ этого имени!

— Да полноте, что вы говорите, голубушка! Да какіе же это были бы люди?! Надо дѣтей воспитывать для жизни, а не создавать жизнь какую-то фантастичную для дѣтей... Вотъ на этого поглядите—вотъ онъ вездѣ скучаетъ и тоскуетъ, а отчего? Съ дѣтства никогда ничего самъ не дѣлалъ и не придумывалъ. Вѣчно его занимали да развивали; поскучать не давали да самому изъ скуки и выйти, потрудиться, игру себѣ придумать, хоть самую дурацкую. Какъ это можно, чтобы по-просту изъ щепочекъ что-нибудь сложить, нѣтъ! на тебѣ какой-то „архитектурный ящикъ“ и строй „зданія“, уже заранѣе составленныя въ магазинѣ, но въ стилѣ, въ стилѣ какомъ-то!

— Ну, и прекрасно, это значить...—начала Марья Васильевна, но Софья Николаевна не дала ей прервать себя:

— Какъ можно,—продолжала она съ живостью:—какъ можно возбузить что-нибудь наизусть! Нѣтъ,—понимай, разбирай, во всемъ себѣ отчетъ отдай. Вотъ и дошелъ теперь до того, что во всемъ себѣ „отчетъ отдаетъ“, все разбираетъ и ни одному впечатлѣнію не отдается. И занять себя ничѣмъ не можетъ—подавай готовое веселье, развлекай его... Отчего?—повторяю: вѣчно все приготавливали, „наводили“, жеваннымъ кормили.

Молодой Стародумовъ только рукой по воздуху помахалъ:— „Что, молъ, подѣлаешь съ мамашей! Такая ужъ она у меня чудачка“.

— Такъ отчего же вы не воспитывали его иначе, если вамъ это такъ не нравится? — сказала язвительно Марья Васильевна, которую такія нападки на ея излюбленную систему задѣли за живое.

— Да то-то и дѣло, что я его вовсе не воспитывала. Не до того мнѣ тогда было; выѣзды, приемы... вы помните еще меня въ тѣ годы?.. Ну, какъ бы то ни было, мужъ да Анна Стругѣевна всѣмъ завѣдывали. Я и мѣшаться не смѣла; мужъ считалъ меня такимъ ребенкомъ, что разсмѣялся бы, еслибъ я предложила ему „раздѣлить съ нимъ серьезный трудъ воспитанія“.—Стародумова, очевидно, передразнила мужа, произнося эти слова.—Вѣдь они и приготавливали его подъ разными соусами,—ну и приготавли-

А когда я это поняла — поздно было! Однако что я вамъ все это и говорю? Вѣдь ваши пока еще малы, значить...

Марья Васильевна, точно обрадовавшись, что слово теперь за ней, опять заговорила восторженно, снова поднявъ глаза къ фонарику, висѣвшему посреди потолка: — Ахъ, наоборотъ, я переживаю постоянно ужасныя минуты, потому что тоже вижу, — все, все идетъ поперекъ моимъ начинаніямъ, благимъ намѣреніямъ... Напримѣръ, вотъ сію минуту, передъ вашимъ приходомъ, чего я наслушалась — это ужасъ! Няня — я ее все оставляла у себя, такъ какъ она хорошо выполняетъ всѣ мои требованія относительно физическаго здоровья дѣтей (Марья Васильевна необыкновенно точно выговаривала всѣ длинныя и серьезныя слова) — няня говорила съ дѣтьми, рассказывала имъ сказки. И чего я наслушалась тутъ! Грубыя суетвѣрія, полное невѣжество относительно окружающаго насъ міра и относительной цѣнности вещей, понятія фальшивыя, грубыя, ну, чего лучше — восхваленіе обмана! И дѣти начинаютъ Богъ знаетъ что говорить: Надя хочетъ уйти въ лѣса, молиться, какъ какой-то преподобный, — то-есть, значить, въ ней развивается сочувствіе къ людямъ правднымъ, къ какимъ-то смиренникамъ, молчальникамъ...

— А что, я думаю, она очень выросла, не узнаетъ меня, пожалуй? — прервалъ Стародумовъ этотъ потокъ рѣчи, такъ какъ уже давно тяготился разговоромъ и хотѣлъ какъ нибудь половче выбраться въ другую комнату, чтобъ покурить. — И Саша, вѣрно, совсѣмъ большой?

Марья Васильевна не обратила ни малѣйшаго вниманія на его слова. — А Саша? Саша собирается съ двадцатью пушками враговъ истреблять. О, Боже мой! суетвѣріе, кровожадность! Несчастныя мои дѣти! Нѣтъ, я больше этого выносить не буду. Мнѣ жаль старуху, но я сегодня же откажу ей и потомъ постараюсь всѣми силами искоренить въ дѣтяхъ всякое воспоминаніе объ этихъ дикихъ рассказахъ. Я подыщу особу, которая сѣумѣетъ развивать ихъ, дать имъ здравыя понятія...

— Ну, голубушка, мало ли какія дикости мы въ дѣтствѣ дѣлаемъ и говоримъ! Да наконецъ, тутъ особенной и дикости я не вижу. На войну хочетъ идти — ну, и слава Богу! На то онъ мальчикъ.

Но Марья Васильевна уже ничего не слушала. — А сказки, сказки сами по себѣ? — вѣдь это ядъ! Это развиваетъ воображеніе въ ущербъ разуму... Вотъ я недавно была на одной лекціи тамъ доказывали, что оттого такъ много самоубійствъ, что, первыхъ, табакъ вліяетъ на центральную нервную систему...

а во-вторыхъ, дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ начинаютъ фиктивными понятіями, а потомъ, когда жизнь вступаетъ въ свои права, то они разочаровываются, теряютъ увѣренность въ своихъ силахъ, тратятъ ихъ въ борьбѣ, въ неравной борьбѣ...

— „О, Боже мой! вотъ завела-то! И не запнется!“ — сказала про себя со вздохомъ молодой Стародумовъ и тихонько выбрался въ столовую.

Повидимому, весь разговоръ двухъ дамъ былъ слышенъ и въ дѣтской, потому что, едва выйдя въ столовую, молодой человекъ услышалъ звуки дѣтскаго плача, а когда открылъ дверь въ дѣтскую, то увидѣлъ такую картину: на ковръ, у сундука, сидѣла няня и одной рукой обнимала плачущую навзрыдь Надю, другою сама терла себѣ глаза, а Саша, съ заплаканными глазами и разгорѣвшимся личикомъ, суетился тутъ же подлѣ, сваливая всѣ игрушки въ уголь.

— Все оставимъ!—ворчалъ онъ сердито:—не хочу и игрушки съ собой брать. Пусть сама съ гувернанткой играетъ. Не будемъ ее больше любить. Уйдемъ!

Увидѣвъ Стародумова, Саша тотчасъ подбѣжалъ къ нему и, не здороваясь, точно видѣлъ его вчера, живо заговорилъ:—Дядя Коля, не люби маму! Она дурная. Она хочетъ няню прогнать. А мы тоже уйдемъ съ няней. Поѣдемъ къ Ниванору въ деревню, — знаешь, къ нянину брату Ниванору—и будемъ въ его избушкѣ жить. Тамъ можно на рѣчкѣ лодочки пускать и съ водой играть, а мама не позволяетъ, говорить: „это вредно“. Тамъ весело будетъ!—говорилъ Саша возбужденно, уже окончательно переходя изъ горестнаго настроенія въ самое веселое.—Буду рыбу ловить, на охоту ходить! Я поймаю волка и приручу его, и хочешь?—потомъ тебѣ привезу?

Надя, та продолжала плакать, приговаривая:

— Нянечка, не уходи! Миленъекая, не уходи! Мы тебя не пустимъ! Я бабушку попрошу, чтобъ она насъ съ тобой къ себѣ взяла; а если нельзя, то пусть она маму попроситъ, чтобъ тебя оставила. Пусть попроситъ! Пусть попр-о-оситъ!

— Ну, полно, полно, дѣточка! Полно плакать,—утѣшала няня, а слезы такъ и бѣжали у нея самой по щекамъ.—Ма-маша говоритъ, что пора вамъ губернанку, такъ значить и вправдѣ пора,—говорила няня, полагая, что не слѣдуетъ позволять дѣтямъ критиковать поступки старшихъ, но, невольно поддаваясь чувству обиды и оскорбленія, тотчасъ добавила:—Что-жъ, выходила, росстила ходила, выросстила, а какъ выросли дѣтки, такъ и ступай, старая дура, со двора долой, ты не нужна, глупостямъ дѣтей учишь

А только и глупостей, что сказки говорила. А сказки не грѣшно, сказки всѣ говорятъ...—Тутъ нянина рѣчь окончательно перешла въ неясную воркоотню. Она встала, отерла еще разъ глаза, пошарила, для соблюденія приличія передъ чужимъ, что-то на окошкѣ среди дѣтскихъ чашекъ и банокъ съ кофеемъ и цикоріемъ и потомъ пошла изъ комнаты. Саша и Надя бросились за ней.

— Нянечка, голубушка, куда ты? Не уходи! Голубчикъ, побудь съ нами! Побудь! Мнѣ скучно безъ тебя! Намъ скучно!

— Да полно вамъ!—сказала няня съ притворнымъ гнѣвомъ.— Вонъ папа приѣхалъ. Подите къ нему. Онъ вамъ разскажетъ что-нибудь умное, не какъ я—дура!—прибавила няня язвительно.

— Ну ужъ! Папа тоже всегда говоритъ что-то такое длинное, скучное. Папа вотъ вчера за обѣдомъ сказалъ, что не надо говорить, что луна смотритъ въ окошко, и что вовсе ангелочки въ звѣздочки, какъ въ окошечки, на насъ съ „нѣбушки“ не глядятъ,—повторила Надя нянино выраженіе.—Папа сказалъ, что это вздоръ, и что звѣзды просто какіе-то шары. Сказалъ: „это вздоръ“. А я знаю, что не вздоръ, а правда. Вѣдь правда?.. Вотъ и теперь они смотрятъ и все про маму узнаютъ, что она такая дурная, и Боженъѣ разскажутъ. Вѣдь да, няня? А онъ ее любить не будетъ!

А Саша, очевидно повончивъ съ какимъ-то длиннымъ рядомъ мыслей, рѣшительно объявилъ:

— Все равно! Пусть поступитъ гувернантка, пусть она читаетъ про рѣку, и про коровъ, и про все такое! А когда она будетъ ходить по воскресеньямъ къ дочкѣ—у ней вѣрно тоже дочка есть, какъ у няни,—а къ мамѣ гости придутъ, тогда знаешь чтò, Надя? Будемъ тогда, потихоньку отъ няни и мамы, другъ другу сказки разсказывать! Я ужъ, знаешь, одну отличную придумалъ: про грома-аднаго змѣя и про Ивана-царевича (только про другого!)... и еще тамъ будетъ много непріятелей, а онъ ихъ всѣхъ перебьетъ, и потомъ его вдругъ сдѣлаютъ царемъ.. И мы, будто, тоже тамъ будемъ,—будто это сказка правдышная—и мы ему скажемъ, чтобъ онъ къ намъ няню прислалъ, а ту гувернантку прогналъ бы. Отлично я придумалъ! Хочешь такъ? Будемъ?

Надя, всхлипывая, проговорила:—Хорошо, бу-у-демъ!..

— А знаешь, я еще *одно* отличное придумалъ!—Саша тотчасъ заговорилъ таинственнымъ шопотомъ, очевидно боясь высказать свои задушевные мысли и дорогіе планы слышномъ громко. —Знаешь, пока мама другой разъ будетъ читать про Ваню и Ашу и про все это, давай мы съ тобой въ то время поти-

хоньбу все придумывать да придумывать; тогда весело будетъ! А когда она спросить, мы будемъ все равно знать: сколько у нихъ ногъ, и что въ рѣкѣ вода, ну, все это! Это легко! А *наше* будетъ *интересное*, — сказалъ онъ свое любимое слово...

— Дѣти! — позвала Марья Васильевна, уже проводившая свою гостью. — Черезъ двадцать минутъ обѣдъ; теперь вы должны побѣгать, а потомъ отдохнуть.

Дѣти послушно побѣжали въ залу, гдѣ за двадцать минутъ до обѣда имъ полагалось бѣгать четверть часа (и отдыхать пять минутъ). Сапа весело даже подпрыгивала, напѣвая: — Интересно! Какъ интересно-о! Непрiателей мааа-сса! И вдругъ: трахъ! трахъ! И ни одного! — И онъ во весь духъ помчался по залѣ, представляя себѣ, вѣроятно, что несется на эту массу непрiателей.

Влад. Каренинъ.

ЛИЧНОЕ СОВЕРШЕНСТВО

и

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

„Thy future fate“, while thou makest it
the chief question, seems to me extremely
questionable! I do not think it can be good.
Carlyle.

I.

Объ одномъ египетскомъ пустынноиѣ, знаменитомъ своею „разсудительностью“ или, выражаясь современнымъ языкомъ, своею нравственной уравновѣшенностью—объ Аввѣ Агаеонѣ повѣствуется, что, прійдя въ городъ продавать свои издѣлія, онъ увидалъ среди городской площади лежащаго на землѣ безпомощнаго больного иностранца. Движимый состраданіемъ, Авва Агаеонъ тотчасъ же нанялъ комнату, въ которой помѣстился вмѣстѣ съ больнымъ, сталъ ходить за нимъ, содержать его своимъ трудомъ и лишь по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ, когда больной совсѣмъ поправился, вернулся въ свою келью.

Это повѣствованіе можетъ служить хорошей иллюстраціей къ недавней статьѣ ¹⁾ ректора московской духовной академіи архимандрита Антонія (Храповицкаго). Избравъ предметомъ своего слѣдованія вопросъ объ отношеніи служенія общественному благу и заботѣ о спасеніи собственной души, достопочтенный авторъ слѣ-

¹⁾ „Вопросы Философіи и Психологіи“. Годъ III, кн. 12. Москва, мартъ, 1892. р. 64—90.

дующимъ образомъ опредѣляетъ сущность этого вопроса: „религія любви, — говоритъ онъ, — повидимому не могла бы давать убѣжища для отрекающихся отъ служенія общественному благу, а съ другой стороны—всѣ пожившіе на свѣтѣ видятъ, что всякое общественное положеніе въ условіяхъ современной жизни побуждаетъ человѣка на постоянныя сдѣлки совѣсти, на хитрости и угодничество самолюбію, такъ что люди съ особенно луткою и религіозною совѣстью не могутъ оставаться въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и, удалившись отъ круговорота жизни, становятся, повидимому, совершенно равнодушны къ послѣднему, живутъ, повидимому, только личною жизнью“.

Въ числѣ этихъ людей, удалившихся отъ круговорота жизни, архимандритъ Антоній отмѣчаетъ типъ одностороннихъ аскетовъ, которые ищутъ спасенія въ формальномъ исполненіи церковныхъ уставовъ и заповѣдей. Повидимому, авторъ считаетъ этотъ типъ довольно распространеннымъ въ наши дни и весьма мѣтко сравниваетъ представителей этого типа съ торговцами и чиновниками, которые стремятся, путемъ неустаннаго труда и лишеній, достигнуть хотя нѣкотораго обогащенія. У подобныхъ аскетовъ есть излюбленная литература, образцомъ которой архимандритъ Антоній приводитъ „Письма Святогорца“, — есть и нѣчто въ родѣ теоріи, выставлющей тотъ принципъ, что неразумно предпочитать спасеніе ближнихъ своему собственному.

Въ основѣ такой односторонней аскетической морали лежитъ страхъ. Люди, держащіеся этой морали, самого Христа представляютъ себѣ какимъ-то властителемъ вселенной, требующимъ только покорности; отсюда является у нихъ съ одной стороны „страшная“, по словамъ архимандрита Антонія, религіозная нетерпимость, съ другой—признаніе общественнаго блага дѣломъ свѣтскимъ, не привязаннымъ прямо къ культу, какъ къ первѣйшему средству для угожденій Богу. Само спасительное дѣйствіе культа представляется имъ чѣмъ-то внѣшнимъ, почти независимымъ отъ внутренняго расположенія.

Такому представленію пути спасенія архимандритъ Антоній противопоставляетъ пониманіе, вытекающее, по его словамъ, изъ изреченій св. писанія и отцовъ церкви, — пониманіе, согласно которому прежде всего изъ мотивовъ нравственной жизни исключается страхъ. Подъ спасеніемъ, говоритъ авторъ, не слѣдуетъ разумѣть одно загробное воздаяніе. Спасеніе есть возвращеніе утерянной человѣкомъ въ грѣхопаденіи божественной жизни, которая заключается въ любви и потому умерщвляетъ себѣлюбіе, т.-е. ветхаго человѣка. Когда человѣкъ соединяется со Христомъ, т.-е. когда

всѣ понятія его, всѣ его взгляды на жизнь измѣняются и становятся *все новое* (II Кор. 5, 17),—онъ получаетъ спасеніе. Такимъ образомъ спасеніе не есть воздаяніе за хожденіе въ обновленной жизни, „но оно и есть именно эта жизнь“. Въ христіанскомъ добродѣтельномъ настроеніи заключается вѣчная жизнь и вѣчный блаженный покой, такъ что загробная участь человѣка, создавшаго въ себѣ это настроеніе, только количественно, а не качественно отличается отъ его земного существованія.

Если, поэтому, содержаніе спасенія составляетъ любовь къ ближнему, то все, что является требованіемъ любви къ ближнему, т.-е. всякая забота объ общественномъ благѣ, является прямымъ требованіемъ спасенія.

Подобному пониманію спасенія не противорѣчитъ путь монашеской жизни, ибо, говоритъ авторъ, древніе отшельники удалялись въ пустыню вслѣдствіе убѣжденія, „что естественный человѣкъ, не упражнявшійся въ борьбѣ съ собою, принесетъ ближнимъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, пока не проникнется благодатнымъ настроеніемъ духовной жизни чрезъ сосредоточеніе надъ своей душой“.

Въ чемъ, собственно, заключается эта польза ближнимъ—авторъ обстоятельно не выясняетъ, но изъ одного мѣста его статьи видно, что онъ разумѣетъ съ одной стороны милостыню въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ другой стороны „дѣла благотворительности духовной, исцѣленіе страданій чисто духовныхъ, происходящихъ отъ причинъ внутреннихъ, ободреніе унывающихъ и отчаяющихся, вразумленіе согрѣшающихъ, одухотвореніе служащихъ плоти, убѣжденіе невѣрующихъ и т. п.“.

Сопоставляя ученіе архимандрита Антонія съ вышеприведеннымъ повѣствованіемъ, мы не можемъ не признать, что преподобный Авва Агаѣонъ является носителемъ начертаннаго достопочтеннымъ авторомъ идеала во всей его полнотѣ и чистотѣ. Извѣстно, что Авва отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ мрачныхъ аскетовъ, которые всю силу подвига полагаютъ во вѣшнемъ „дѣланіи“. Онъ былъ противникомъ чрезмѣрнаго умерщвленія плоти; въ своемъ трудѣ, въ пищѣ, въ одеждѣ онъ отличался благоразумною умѣренностью. Главное вниманіе его было устремлено на внутреннее духовное усовершенствованіе, „чрезъ сосредоточеніе,—какъ говоритъ архимандритъ Антоній,—надъ своей душой“. Затѣмъ изъ приведеннаго разсказа видно, что достигнутое Аввою „спасеніе“ выражалось вѣшнимъ образомъ въ дѣлахъ любви. Ни минуты не колеблясь, онъ мѣняетъ тишину своей пустынной кельи на суетливый шумъ города, чтобы послужить че-

ловѣку, съ которымъ не связывали его никакія узы, кромѣ безкорыстнаго любвеобильнаго состраданія. Итакъ, слѣдуя архимандриту Антонію, мы должны заключить, что Авва съ заботами о спасеніи своей души соединилъ или, вѣрнѣе, въ силу этихъ заботъ, подъялъ служеніе *общественному благу*.

— Но такъ ли это?

Когда мы говоримъ объ общественномъ благѣ, мы противопоставляемъ его благу личному, при томъ не только благу того или другого члена общества, но и всей суммѣ личныхъ благъ этихъ членовъ. Точно также подъ общественной собственностью мы разумѣемъ не сумму частныхъ собственности, подъ общественнымъ мнѣніемъ—не совокупность личныхъ мнѣній, а нѣчто такое, что принадлежитъ всѣмъ и никому, на что каждый имѣетъ право, но не иначе какъ въ своей связи съ цѣлымъ. Совершенно независимо отъ того, въ чемъ мы будемъ полагать содержаніе блага,—въ матеріальныхъ ли удобствахъ, въ духовномъ ли совершенствѣ,—мы должны признать, что общественное благо есть совокупность тѣхъ *объективныхъ* благихъ условій, которыя обезпечиваютъ сохраненіе и содѣйствуютъ накопленію всякихъ благъ матеріальныхъ и духовныхъ. Служить общественному благу значитъ трудиться для созданія такихъ условій, для ихъ распространенія, для ихъ совершенствованія. Въ высокой степени достойнъ почтенія и осуществленія святой подвигъ личной милостыни, но этотъ подвигъ не есть еще служеніе общественному благу. Таковымъ явилась бы организація общественнаго призрѣнія, а въ еще большей степени созданіе такого общественнаго строя, при которомъ самая нищета стала бы невозможною. Различіе между милостынею какъ личнымъ подвигомъ и благотворительностью какъ общественнымъ служеніемъ выясняется изъ примѣровъ, приводимыхъ проф. Ключевскимъ въ его извѣстной лекціи о добрыхъ людяхъ древней Руси. Ульяна Осорбина—представительница личного подвига, бояринъ Ртищевъ—общественнаго служенія. Не менѣе святы и достойны подражанія дѣла благотворительности духовной, наприм., борьба съ невѣжествомъ; но не трудно видѣть, что и въ этой области собственно общественное служеніе имѣетъ цѣлью не столько обучить или наставить отдѣльныхъ людей, сколько сдѣлать всякому доступными блага просвѣщенія.

Возвращаясь къ повѣствованію объ Аввѣ, мы видимъ, что дѣятельность преподобнаго, посвященная благотворительности общественной и духовной, не имѣла все же характера общественнаго служенія. Между тѣмъ, достигнутая знаменитымъ пустыннымъ личная святость стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Рядомъ с

этимъ, не выходя изъ предѣловъ церковной исторіи, не трудно указать на людей, заслуги коихъ именно въ общественной дѣятельности громадны, личная же святость не только не сравнится съ святостью Аввы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже сомнительна. Нельзя, поэтому, утверждать, что между личнымъ спасеніемъ и служеніемъ общественному благу, какъ таковому, есть та прямая зависимость, которую хочетъ видѣть арх. Антоній. Авва Агаѳонъ есть одинъ изъ сотенъ тысячъ святыхъ отшельниковъ, благодаря которымъ египетскія и сирійскія пустыни, по картинному выраженію кого-то изъ агиографовъ, процвѣли „яко кринъ сельный“. Количество совершеннаго ими добра не поддается счисленію; но если мы спросимъ себя, что же сдѣлано ими собственно для *общественнаго* блага, то окажемся въ затрудненіи дать точный и опредѣленный отвѣтъ. Мы отнюдь не желаемъ умалять заслугъ этихъ святыхъ людей. Ихъ слѣдуетъ сравнивать съ тѣми нѣсколькими праведниками, ради которыхъ, еслибы Лотъ нашель ихъ, Господь обѣщаль ему помиловать Содомъ и Гоморру. Существованіе такихъ праведниковъ, еслибы они нашлись, было бы отрицательнымъ условіемъ общественнаго блага для преступныхъ городовъ. Такіе праведники своими молитвами, примѣромъ своей жизни, своимъ вліяніемъ на отдѣльныхъ людей, не даютъ совсѣмъ исчезнуть въ обществѣ нравственнымъ силамъ, необходимымъ для житейской борьбы: заслуга, конечно, громадная, но это еще не есть общественное служеніе въ собственномъ значеніи слова.

Если, однако, даже такіе святые, какъ, наприм., Авва Агаѳонъ, если люди, проникнутые совершенною любовью, которая изгоняетъ страхъ, предпочитали покинуть міръ и благотворить отдѣльнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ страдальцамъ, съ которыми сталкивала ихъ судьба, то во имя чего будемъ мы осуждать тѣхъ аскетовъ, о которыхъ говорить арх. Антоній? Мы вполне согласны съ достопочтеннымъ авторомъ, что обрисованный имъ типъ крайне несимпатиченъ, но можемъ ли мы поставить людямъ этого типа въ вину, что они устраняются отъ міра изъ страха погибнуть *здѣсь* и дѣлаютъ добро ближнимъ изъ страха погибнуть *тамъ*? Если опытъ каждаго учить, что жить въ мірѣ можно только вступая въ сдѣлки съ совѣстью, пускаясь на хитрости и угодничая самолюбію, то не достойны ли скорѣе-похвалы тѣ люди, которые, не чувствуя въ себѣ силы противостоять слазну, бѣгутъ отъ него? Что же касается до страха, то вѣдь и апостоль совѣтуетъ, иныхъ спасать страхомъ (Соб. п. Іуд. 23), въ Евангеліи прямо проведено различіе между страхомъ нака-

заній раба, ожиданіемъ платы наемника и любовью сына (Лк. 12, 46, 48; Мѣ. 20, 1—17; Ио. 8, 29, 42); между тремя устроеніями, побуждающими къ нравственной жизни. Разницу между мрачными суровыми аскетами и благодушными, любвеобильными подвижниками арх. Антоній усматриваетъ въ различіи мотивовъ ихъ дѣятельности. Охотно съ нимъ соглашаемся. Но почему онъ не замѣчаетъ, что между тѣми и другими есть существенное сходство, а именно въ признаніи мірской общественной жизни кажимъ-то препятствіемъ къ спасенію. Одни боятся вреда себѣ, другіе—вредѣ ближнимъ, но и тѣ и другіе бѣгутъ отъ условій жизни въ мірѣ, словно отъ какаго-то непреодолимаго зла. Ставъ на эту точку зрѣнія, трудно даже разсуждать о служеніи общественному благу, которое въ томъ и состоитъ, чтобы пересоздать эти условія; если же они положены рововою границей между нами и нашимъ спасеніемъ, то остается одно—обойти эту границу — и къ пламенной молитвѣ о „плавающихъ въ молвѣ житейскихъ попеченій“ присоединить, когда случай укажетъ, какъ онъ указалъ Аввѣ Агаѣону, сердечное благотвореніе страждущему ближнему.

Какъ бы мы ни разумѣли личное спасеніе—въ смыслѣ ли воздаянія за гробомъ, или въ смыслѣ воспитанія въ себѣ христіанскаго добродѣтельнаго настроенія—мы не можемъ установить отношенія между личнымъ спасеніемъ и служеніемъ общественному благу до тѣхъ поръ, пока не опредѣлимъ нашего отношенія къ міру. Въ изложенномъ выше ученіи арх. Антонія такого опредѣленія мы не находимъ, а потому и остаемся лицомъ къ лицу передъ слѣдующею сугубою дилеммой: или мы вынуждены бѣжать міра, и тогда не можемъ ему служить, хотя бы и достигли личнаго спасенія; или же служеніе міру есть прямое требованіе этого нашего личнаго спасенія, и тогда мы уже не можемъ „удаляться бѣгая и водворяться въ пустыни“ (Пс. 54, 8).

II.

Идеаль личной святости не есть специфически христіанскій идеаль. Мы находимъ его и въ восточныхъ религіяхъ. Такъ, по ученію буддизма, желающій спастись, т. е. освободиться отъ закона перевоплощенія, долженъ достигнуть личной святости; а для этого ему слѣдуетъ отрѣшиться отъ міра, побороть всѣ мірскія похоти, не любить денегъ, дружески поступать съ врагами, не позволять себѣ неправедныхъ или нечистыхъ поступковъ, побѣ-

ждать зло добромъ, простираеть милосердіе на все живущее, не убивать даже вредныхъ насѣкомыхъ. Но забота о своемъ спасеніи не должна быть эгоистичной. Послѣдователь Будды, познавшій истину, обязанъ дѣлиться ею съ людьми. „Ступайте, — говоритъ Гаутама, отправляя своихъ монаховъ на проповѣдь: — ступайте и странствуйте повсюду *изъ состраданія къ міру и для блага боговъ и людей*. Ступайте, одинъ за другимъ, въ разные стороны. Проповѣдуйте ученіе спасительное въ своемъ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ. Провозглашайте жизнь совершеннаго самоограниченія, цѣломудренную жизнь неженатыхъ. Я тоже пойду проповѣдывать это ученіе“ ¹⁾. Состраданіе въ міру и благо боговъ и людей побуждаютъ даже тѣхъ святыхъ, которые уже достигли Нирваны и навсегда освободились отъ закона перевоплощенія, добровольно возвращаться на землю и проповѣдывать спасительную истину. Такимъ образомъ, рядомъ съ заботами о собственномъ спасеніи буддизмъ требуетъ еще отъ своихъ послѣдователей попеченія о благѣ боговъ и людей. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особый интересъ представляетъ сѣверный (тибетскій) буддизмъ со своимъ многочисленнымъ и вліятельнымъ духовенствомъ, на обязанности котораго лежитъ не только сложный теургическій культъ, но и всесторонняя просвѣтительная и культурная дѣятельность среди населенія. Попеченіе о спасеніи людей получило здѣсь даже цѣлую общественную организацію. Однако, не взирая на все это, понятіе общественнаго блага, какъ таковаго, остается чуждымъ буддизму. Основатель этого ученія никогда не думалъ выступить въ роли общественнаго реформатора, не считалъ себя провозвѣстникомъ общественнаго равенства, народнымъ трибуномъ. Правда, въ созданномъ имъ братствѣ не было мѣста для кастовыхъ отличій и перегородокъ; братство должно было, безъ различія состояній, служить убѣжищемъ для всѣхъ угнетенныхъ тревоженіями жизни; но строй міра за предѣлами этого убѣжища не представлялъ никакого интереса для Гаутамы и его послѣдователей. И это совершенно понятно, ибо съ точки зрѣнія буддизма міръ есть одно сплошное неизбѣжное и неисцѣляемое зло, отъ котораго нужно во что бы то ни стало избавиться самому и избавить какъ можно больше ближнихъ. Какъ золотопромышленникъ, извлекая изъ песка всѣ скрывавшіяся въ немъ частицы золота, не думаетъ о дальнѣйшей судьбѣ песка, такъ и буддистъ имѣетъ цѣлью извлекать изъ міра томящіяся въ немъ узакъ человѣческія сознанія, мало заботясь о томъ, что ста-

¹⁾ Buddhism. By Monier Williams. London, 1890. Стр. 45.

нется съ самимъ этимъ міромъ, который къ тому же есть не что иное, какъ безконечная смѣна одной печальной иллюзіи другой, вѣчно зыблющееся, зловѣщее марево.

Еслибы въ основѣ христіанства лежалъ тотъ же, что въ буддизмѣ, безотраднѣйшій взглядъ на міръ, то между Аввою Агаѳономъ и любымъ индійскимъ „бодхисатвой“ не было бы никакой разницы, а слѣдовательно, и вопросъ объ отношеніи личнаго спасенія къ служенію общественному благу разрѣшался бы также какъ въ буддизмѣ. Но между буддійскимъ и христіанскимъ міровоззрѣніями по всѣмъ существеннымъ пунктамъ есть не только различіе, но и прямой контрастъ ¹⁾. Въ то время какъ умирающій Будда, увѣщевая учениковъ хранить истину, говорилъ имъ: „Будьте сами своимъ собственнымъ свѣтомъ, своимъ собственнымъ убѣжищемъ, не ищите другого ²⁾“, — Христосъ въ своей предсмертной бесѣдѣ, сравнивая себя съ лозой, а учениковъ съ вѣтвями, говорилъ: „Кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ Немъ, тотъ много приноситъ плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іо. 15, 5). Это ученіе о немощи *разрозненныхъ* человѣческихъ усилій, и наоборотъ, о многомъ плодѣ, который каждый можетъ принести, если онъ органически связанъ съ центромъ дающимъ жизнь и силу цѣлому, это ученіе объ общественномъ тѣлѣ Христовомъ, такъ обстоятельно развитое ап. Павломъ, есть такая особенность христіанства, для которой въ буддизмѣ не найдется никакой, даже отдаленной, аналогіи. Столь же мало общаго между буддизмомъ и христіанствомъ въ вопросѣ объ отношеніи человѣка къ міру. Правда, обѣ религіи признаютъ, что міръ во злѣ лежитъ. Но въ то время, какъ Будда сознаетъ свое безсиліе передъ этимъ міродержавнымъ зломъ, Христосъ говоритъ ученикамъ своимъ: „Во мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, Я побѣдилъ міръ“ (Іо. 16, 33). Намъ нѣтъ надобности ни приводить другихъ примѣровъ разницы между буддійскимъ и христіанскимъ міросозерцаніями, ни развивать подробнѣе ученій, на которыя мы сослались. Въ дополненіе къ сказанному намъ остается еще напомнить, что, проповѣдуя царствіе Божіе, Христосъ разумѣлъ подъ нимъ не одно духовное перерожденіе человѣка („царствіе Божіе внутри васъ есть“), но и воздѣйствіе провозглашеннаго имъ начала новой жизни на внѣшнюю среду. Какъ зерно горчичное, царствіе Божіе возрастетъ въ многолиственное дерево; подобное закваскѣ, оно будетъ элементомъ движенія, доволѣ не

¹⁾ Тамъ же, стр. 537 и слѣд.

²⁾ Buddhism. Monier Williams. Стр. 49

вскиснетъ все. Мы можемъ сдѣлать теперь выводъ, который послужитъ намъ исходною точкою для послѣдующаго разсужденія. Утверждая солидарность людей во Христѣ, наша религія призываетъ человѣка не въ единоличной борьбѣ съ мировымъ зломъ, а къ совокупной съ другими общей работѣ, и ей именно, этой общей работѣ, обѣщаетъ многій плодъ. Наша религія не признаетъ міра непобѣдимымъ; напротивъ того, онъ уже побѣжденъ, и если вся тварь еще стонаетъ и мучится донныѣ, ожидая откровенія сыновъ Божіихъ (Рим. 8, 19—22), если самимъ этимъ сынамъ еще надлежитъ терпѣть скорби въ этомъ мірѣ, то имъ все же нечего отчаяваться, они должны мучиться (Іо. 16, 33), ибо все могутъ въ укрѣпляющемъ ихъ Христѣ (Филип. 4, 13), и дѣла, которыя Онъ творилъ—больше тѣхъ сотворять (Іо. 14, 12).

Такимъ образомъ, съ христіанской точки зрѣнія задачи общественнаго блага, которыя состоятъ въ созданіи благихъ условій жизни въ этомъ скорбномъ еще мірѣ, не только оказываются разрѣшимыми, но и составляютъ подлинное содержаніе практическаго христіанства. Намъ предстоитъ лишь опредѣлить тѣ приемы и способы, посредствомъ которыхъ эти задачи получаютъ свое осуществленіе.

III.

Въ основѣ всѣхъ христіанскихъ ересей, какъ и всѣхъ, впрочемъ, человѣческихъ заблужденій, лежитъ или смѣшеніе, или раздѣленіе такихъ понятій, которыя по существу этого не допускаютъ, но въ интересахъ нашего мышленія требуютъ точнаго разграниченія. Интересующій насъ теперь вопросъ легко можетъ подать поводъ къ подобному смѣшенію и раздѣленію, на что совершенно справедливо обращаетъ вниманіе арх. Антоній, порицая одностороннихъ аскетовъ за ошибочное признаніе ими общественнаго блага дѣломъ *исключительно* свѣтскимъ. Къ сожалѣнію, самъ онъ склоненъ, повидимому, къ обратному положенію, а именно къ признанію общественнаго блага областью „*прямо религіозною*“; по крайней мѣрѣ въ отсутствіи такого именно взгляда на дѣло онъ упрекаетъ Вл. С. Соловьева. Между тѣмъ одна изъ главнѣйшихъ заслугъ этого писателя въ томъ и заключается, что въ волюсѣ о взаимномъ отношеніи религіознаго и гражданскаго элемента жизни онъ не увлекся ни въ одну изъ противоположныхъ крайностей. „Безъ устали повторялась,—говоритъ г. Соловьевъ, —заповѣдь: „воздадите кесарево кесареви, а божіе Богови“, чтобы сціонировать порядокъ вещей, отдававшій кесарю все, а Богу

ничего. Словами: „царство мое не отъ міра сего“ — старались оправдать языческой характеръ нашей социальной и политической жизни, какъ будто общество *христіанское* должно роковымъ образомъ принадлежать міру сему, а не царству Христову. Что касается до словъ: „дадеса ми всякая власть на небеси и на земли“, — то ихъ не приводили. Принимали Христа какъ жреца и какъ искупительную жертву, но не хотѣли Христа-царя. Царское его достоинство было замѣнено всѣми языческими тираніями, и христіанскіе народы повторяли крикъ еврейской черни: „не имама царя токмо кесаря“. Такимъ образомъ, исторія видѣла и мы еще видимъ странное явленіе общества, исповѣдывающаго христіанство своей религіею и остающагося языческимъ не только въ своей жизни, но и по закону своей жизни“. „Осуждены, — говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, — тѣ государственные люди, которые по-пилатовски умываютъ руки, лицемѣрно провозглашая свободную церковь въ свободномъ государствѣ“. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ не только упраздненіе государства, но даже стѣсненіе его въ его собственной, ему принадлежащей сферѣ дѣятельности. „Государство, — говоритъ г. Соловьевъ, — представляетъ собою устой (status) человѣчества противъ внѣшнихъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ на него и въ немъ. Для такого устоя требуется объединеніе самихъ человѣческихъ силъ, а объединеніе предполагаетъ подчиненіе. Поэтому государство, выражая человѣческую самостоятельность въ общемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ себѣ строгаго подчиненія частныхъ силъ“¹⁾. „Государственная власть по роду своихъ дѣйствій и по происхожденію своему совершенно независима отъ власти духовной“²⁾. Если государство и должно подчинять свою дѣятельность высшему авторитету церкви, то не въ томъ смыслѣ, чтобъ этотъ авторитетъ вмѣшивался въ мірскія государственныя дѣла, а въ томъ смыслѣ, чтобы само государство подчиняло свою дѣятельность высшимъ религіознымъ интересамъ“³⁾. Въ число тѣхъ задачъ, въ разрѣшеніи коихъ заключается *свободное* служеніе государства религіознымъ интересамъ, Вл. С. Соловьевъ включаетъ: „*въ каждомъ народѣ устроеніе общественныхъ отношеній по христіанскому идеалу*“⁴⁾.

Такимъ образомъ, арх. Антоній отчасти правъ, когда онъ утверждаетъ, что „начала“ (правильнѣе было бы сказать: область)

¹⁾ „Религіозныя основы жизни“. Изд. второе. Москва 1885. Стр. 143.

²⁾ Ibid. Стр. 147.

³⁾ Ibid. Стр. 148.

⁴⁾ Ibid.

„общественнаго блага, и даже, повидимому, нравственнаго“, нашъ мыслитель (Вл. С. Соловьевъ) „усвоиваетъ государству“, и что съ точки зрѣнія г. Соловьева „государство должно быть главнымъ предметомъ вниманія поборниковъ царства Божія на землѣ“. Мы говоримъ, что арх. Антоній правъ лишь отчасти, потому что, какъ только-что было выяснено, г. Соловьевъ не придаетъ государству односторонне-самостоятельнаго значенія и находитъ, что въ области общественнаго блага государство должно руководствоваться принципомъ религіознымъ. Но дѣло не въ этомъ. Взглядъ, который арх. Антоній приписываетъ Вл. С. Соловьеву и съ которымъ онъ не соглашается, намъ кажется совершенно вѣрнымъ по существу. Изъ трехъ сторонъ жизни, которыя мы должны различать (не смѣшивая и не раздѣляя) въ человѣческомъ обществѣ, одна, религіозная, или не имѣетъ общественнаго значенія (субъективная религіозность), или же, какъ организованная церковь, признается не созданиемъ рукъ человѣческихъ, а божественнымъ установленіемъ. Сколь ни парадоксальнымъ это можетъ показаться, но „поборникамъ царства Божія на землѣ“ не слѣдуетъ обращать особаго вниманія на эту сторону жизни: ея законы вѣчны, непреложны, имъ нужно только свободно повиноваться. Другая сторона общественной жизни, экономическая, обнимающая собою матеріальные интересы людей, непосредственнаго отношенія къ царству Божію не имѣетъ; это есть область средствъ, а не цѣлей (Мѡ. 6, 32, 33). Остается третья сторона жизни, государственная, которую мы можемъ разсматривать двояко. Во-первыхъ государство представляется намъ какъ форма общежитія; имъ полагаются и защищаются границы личной свободы; во-вторыхъ государство является непосредственнымъ *дѣятелемъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоящая задача недостижима для усилій отдѣльныхъ гражданъ, или же когда отдѣльные интересы находятся въ противорѣчii другъ съ другомъ и съ пользами цѣлаго (государственное страхование рабочихъ, освобожденіе крестьянъ съ землею). Съ точки зрѣнія обѣихъ этихъ функцій, государство представляетъ предметъ непосредственнаго, живѣйшаго, главнаго интереса и вниманія для „поборниковъ царства Божія на землѣ“. Какія задачи она выдвигаетъ, кого призываетъ къ ихъ осуществленію, какъ приводятся въ исполненіе его предначертанія—здѣсь все одинаково существенно и важно, ибо все связано съ интересами царства Божія. Не въ области религіозной происходитъ борьба съ міромъ сямъ — тамъ міръ уже побѣжденъ — и не въ области экономической, которая сама по себѣ, въ отдѣльности отъ двухъ другихъ, принадлежитъ стихіямъ міра сего. Борьба съ

міромъ идетъ именно въ области государственной, на томъ поприщѣ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ не таящимися въ немъ мистическими силами и не темными инстинктами плоти, а своими специально человѣческими способностями: разумомъ и волей.

Здѣсь мы считаемъ умѣстнымъ еще, и въ послѣдній разъ, повторить неоднократно сдѣланную нами оговорку. Отличительное свойство явленій жизни есть крайняя ихъ сложность. Жизненные процессы такъ тѣсно связаны между собою, настолько обуславливаютъ одинъ другой, или служатъ почвою другъ для друга, что раздѣлять ихъ можно только мысленно, для лучшаго изученія дѣла. Человѣческое общество есть своего рода живой организмъ. Когда мы говоримъ объ отдѣльныхъ сторонахъ этого организма, о совершающихся въ немъ процессахъ, мы должны постоянно помнить о существующей между ними связи. Такъ напр., дарованіе крестьянамъ гражданскихъ правъ, относимое нами въ области государственныхъ дѣйствій, было въ извѣстномъ смыслѣ дѣломъ религіознымъ и не безъ основанія провозглашалось съ церковнаго амвона; точно также было оно и явленіемъ экономическимъ. Вопросъ въ томъ, какая сторона преобладаетъ въ данномъ фактѣ и та ли, которой по существу дѣла должно быть отведено первенствующее мѣсто.

Слѣдовательно, когда мы признаемъ государство собственной ареной борьбы съ міромъ и героемъ этой борьбы считаемъ человѣка, въ его специально человѣческихъ качествахъ, то мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы элементовъ этой борьбы совсѣмъ не было на другихъ поприщахъ, или же чтобы человѣкъ, какъ дѣятель государственный, въ широкомъ смыслѣ слова, дѣйствовалъ на гражданскомъ поприщѣ вполне независимо отъ своего отношенія къ религіи и къ экономической сторонѣ жизни. Наоборотъ, согласно изложенному выше взгляду Вл. С. Соловьева, съ которымъ и архимандритъ Антоній, вѣроятно, согласится, человѣкъ-гражданинъ долженъ руководствоваться въ своей дѣятельности началами религіи и имѣть въ виду не одну духовную пользу людей, но и матеріальное ихъ благо.

Итакъ, мы можемъ теперь, не опасаясь быть понятыми односторонне, поддерживать то положеніе, что область общественнаго блага, какъ такового, есть область свѣтская, и что приемы и способы въ осуществленію задачъ этого блага находятся въ дѣятельности гражданской.

Но если служеніе общественному благу требуется самой чащею религіею, которая есть религія спасенія, осуществляется же это спасеніе въ жизни гражданской, мірской, — то слѣдовательно

міръ не можетъ и не долженъ считаться препятствіемъ спасенію. Откуда же, спрашивается, возникаетъ дилемма между заботами о спасеніи собственной души и служеніемъ общественному благу? Дилемма эта только кажущаяся и вытекаетъ прежде всего изъ ошибочнаго представленія, будто на землѣ до окончанія мірового процесса достижимо совершенное спасеніе и совершенное служеніе общественному благу. Совершенному праведнику дѣйствительно *нѣтъ мѣста въ мірѣ*, еще не достигшемъ своего идеала. Не лишено основанія то мнѣніе, что еслибы Христосъ вторично явился въ міръ въ наши дни, то нашлись бы такіе, которые пожелали бы снова распять Его на крестѣ. Мы можемъ называть людей спасенными или святыми только весьма относительно. Тѣ, кому мы усвоиваемъ эти названія, были сами очень далеки отъ иллюзіи собственнаго совершенства. Умирающій Авва Агаѳонъ говорилъ ученикамъ своимъ: „я старался сдѣлать что могъ, чтобы исполнить заповѣди Божіи, но какъ мнѣ знать, пріятны ли были Богу мои дѣла? Его судъ отличенъ отъ суда человѣческаго“. Точно также невозможно совершенное служеніе общественному благу. Заботы человѣка о самомъ себѣ занимаютъ такое видное и такое роковое мѣсто въ его дѣятельности, что посвятить себя всецѣло интересамъ цѣлаго человѣкъ не можетъ, какъ бы пламенно онъ этого ни желалъ. Вообще, коль скоро этотъ міръ не есть еще нѣчто законченное, пока онъ находится въ процессѣ, все въ немъ, самое добро и зло, имѣетъ значеніе относительное.

Но мы идемъ еще дальше; не только невозможно *совершенное* спасеніе,—невозможно также спасеніе *единоличное*. Исторія христіанскаго аскетизма, на которую мы охотно ссылаемся, ибо вся она вращается около вопроса о спасеніи, знаетъ примѣры людей, посвятившихъ всю жизнь заботамъ о спасеніи собственной души въ самыхъ благопріятныхъ, повидимому, условіяхъ, и въ концѣ концовъ погибшихъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ отдѣльное существо, есть только „ens ratiōis“; въ дѣйствительности же тысячи невидимыхъ нитей соединяютъ насъ съ себѣ подобными: мы носимъ въ себѣ всѣхъ своихъ предковъ и навязываемъ себя своимъ потомкамъ; мы постоянно, волею и неволею, вѣденіемъ и невѣденіемъ, вліяемъ на окружающихъ насъ людей испытываемъ ихъ вліяніе, мы взаимно и губимъ, и спасаемъ другъ друга. Въ концѣ концовъ, истинное спасеніе есть спасеніе *щее*; мы должны стать его участниками и въ нѣкоторомъ смыслѣ же его творцами. Такимъ образомъ, поставленная выше дилемма отчасти упраздняется; ибо служеніе общественному благу

оказывается не чѣмъ инымъ, какъ заботою о созданіи такихъ условій жизни, которыя помогали бы спасенію, облегчали его. Мы возвращаемся, слѣдовательно, къ ученію архимандрита Антонія о существованіи зависимости между личнымъ спасеніемъ и общественнымъ благомъ, но утверждаемъ зависимость не прямую, а обратную: не общественное благо есть требованіе спасенія, а спасеніе есть требованіе общественнаго блага.

Такая постановка вопроса не представляетъ какого-либо парадокса, разъ мы условились, что дѣятельность государства определяется принципомъ религиознымъ; но нѣтъ ничего удивительнаго, что многимъ—въ томъ числѣ, вѣроятно, и архимандриту Антонію—усвоеніе государству участія въ спасеніи душъ покажется чудовищною узурпаціей. Ошибка такихъ мыслителей заключается въ томъ, что наблюдаемые ими факты государственной жизни они признаютъ принципами этой жизни. Постараемся уяснить это на примѣрахъ.

Одна изъ государственныхъ функцій, которой принадлежитъ исключительное по своей важности значеніе, есть—судъ. Въ порядкѣ исполненія этой функціи мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое легко можетъ поразить человѣка съ „особенно чуткою“, какъ говоритъ архимандритъ Антоній, „и религиозною совѣстью“. Судья разсматриваетъ дѣло безъ всякаго отношенія къ правотѣ или неправотѣ заинтересованныхъ лицъ. Его нисколько не интересуетъ вопросъ о томъ, будетъ ли вознагражденъ потерпѣвшій, оправданъ невинный или наказанъ преступный. Послѣдствіемъ его рѣшенія можетъ быть вопіющее нарушеніе справедливости, и тѣмъ не менѣе судья останется совершенно чистъ отъ всякой тѣни подозрѣнія не только въ пристрастіи, но и въ ошибкѣ; судья будетъ правъ по самому принципу судопроизводства. Мы говоримъ о кассационномъ судѣ. Такое одностороннее формальное отношеніе къ справедливости, разсматриваемое какъ голый фактъ, можетъ казаться зломъ или, по крайней мѣрѣ, большимъ несовершенствомъ. Но стѣдуетъ намъ сравнить современныя процессуальныя формы со старинными, чтобы увидѣть, что кассационный порядокъ есть крупный шагъ впередъ на пути къ осуществленію воплѣтѣ христіанскаго принципа огражденія тяжущихся и подсудимыхъ отъ судебныхъ ошибокъ. Въ будущемъ создадутся, безъ сомнѣнія, еще болѣе совершенныя формы, которыя точнѣе будутъ отвѣчать христіанскому понятію справедливости.

Возьмемъ другой примѣръ изъ области, прямо соприкасающейся съ судебною.—А. взялъ взаймы у Б. сто рублей. Произош. измѣненіе въ распредѣленіи богатства. Государство, охраняющ

это распределение, обеспечивает восстановление нарушенного равновесия и в случаѣ надобности побудить А. возвратить деньги въ срокъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самой чистой формой справедливости. Но осуществленіе ея можетъ зачастую быть несогласно съ религіознымъ принципомъ и оскорблять людей „съ чуткою и религіозною совѣстью“: наприм., когда у бѣднаго должника продаютъ послѣднія крохи имущества. Однако одна изъ заботъ даже современнаго несовершеннаго государства заключается въ созданіи возможно удобнаго и необременительнаго кредита. Но представимъ себѣ, что А. укралъ деньги. За это онъ отсидитъ извѣстное время въ тюрьмѣ. Спрашивается, какое же тутъ соотвѣтствіе, и нѣтъ ли повода для человѣка „съ чуткою и религіозною совѣстью“ возмущаться этимъ фактомъ? Что же мы видимъ? Сознаніе бессмысленности наказанія, какъ возмездія, все болѣе и болѣе крѣпнетъ и распространяется, и вотъ на первый планъ выступаютъ уже не формальныя, а существенныя цѣли наказанія; возникаетъ представленіе о преступникѣ, какъ о человѣкѣ, требующемъ особыхъ заботъ, — и наступитъ время, когда и въ этомъ дѣлѣ государство будетъ всецѣло руководствоваться религіознымъ принципомъ.

Несравненно большій интересъ представляетъ слѣдующій примѣръ, заимствованный изъ области непосредственныхъ отношеній государства и церкви.

Вторая половина XVII-го и первая половина XVIII-го вѣка въ исторіи Англіи представляютъ періодъ, когда особенно рѣзко выразился государственный характеръ англиканской церкви. Принадлежность къ государственной церкви считалась обязанностью гражданина. Особымъ закономъ (Conventicle-Act 1664 г.) всякія свободныя молитвенныя собранія запрещались подъ угрозой тяжкихъ каръ, не исключая ссылки. Свѣтское правительство наложило свою руку на церковныя дѣла и считало себя вправѣ дѣлать измѣненія даже въ богослуженіи. Въ результатѣ оказалось, что церковь „не приносила желанныхъ плодовъ; вокругъ нея тѣснились враждебныя ей религіозныя общества; сама она дробилась на партіи“¹⁾. Высшее духовенство, которое содѣйствовало подчиненію церкви государству, роковымъ образомъ потеряло вліяніе на народъ, низшее — погрязло въ невѣжествѣ. Когда, наконецъ, живая струя обновленія была внесена въ церковную жизнь чиннымъ починомъ братьевъ Wesley и ихъ послѣдователей, духовенство отнеслось враждебно къ движенію и не только не овла-

¹⁾ А. Булгаковъ. „Очерки исторіи методизма“. Кіевъ, 1887. Стр. 19.

дѣло имъ на пользу церкви, но своими дѣйствіями побудило методистовъ къ формальному разрыву.

Въ приведенномъ примѣрѣ мы видимъ случай обоюднаго искаженія служеній государства и церкви. Подчинивъ себя государству, церковь ограничила свою дѣятельность одною мистическою областью, что, между прочимъ, архимандритъ Антоній совершенно справедливо считаетъ одностороннимъ ¹⁾. Съ своей стороны государство, оказавшись главою церкви, уже не могло свободно проливаться духомъ религіи; въ предѣлахъ своей собственной дѣятельности оно осталось при языческихъ принципахъ, въ церковную же сферу перенесло несвойственные ей приемы и образъ дѣйствій и унизило даже до религіозныхъ гоненій.

Подобное вмѣшательство государства въ непринадлежащую ему сферу церкви и проистекающія отъ того послѣдствія способны возмущать людей съ „чутвою и религіозною совѣстью“; но не трудно видѣть, что гнетъ государства надъ церковью есть только фактъ, а не принципъ государственной жизни, ибо въ противномъ случаѣ государству не пришлось бы, какъ это случилось въ результатъ знаменитаго Бисмарковскаго „Kulturkampf“, уступить дѣйствительно несокрушимой церковной твердынѣ.

Существованіе неправильныхъ отношеній между церковью и государствомъ есть, можетъ быть, главная причина того, что фанатическіе аскеты ненавидятъ гражданскую дѣятельность, а истинные подвижники бѣгутъ отъ нея. Между тѣмъ, пока не будетъ достигнута правильность этихъ отношеній, не будетъ возможно разрѣшеніе задачъ общественнаго блага, т.-е. устроеніе въ каждомъ народѣ общественныхъ отношеній по христіанскому идеалу. Починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать не церкви, которая въ своемъ идеалѣ есть установленная Богомъ хранительница неизмѣнныхъ нравственныхъ истинъ, а реальному церковно-гражданскому обществу, которое имѣетъ задачею воплощать эти истины въ постепенно совершенствующихся челоѳическихъ порядкахъ и учрежденіяхъ. Поэтому тотъ, кто созналъ важность этого дѣла, долженъ не бѣжать изъ гражданской жизни, а, оставаясь въ ней, трудиться—для общаго спасенія и своего собственнаго.

АЛЕКСАНДРЪ СЛОМОНЪ.

¹⁾ Хотя почему-то приписываетъ это одностороннее пониманіе г. Соловьеву.

ВИНОГРАДНИКЪ НАВУӨЕЯ

РОМАНЪ.

Naboth's Vineyard, by Sommerville and Martin Ross.

Окончаніе.

XVI *).

Мужъ и жена.

Утромъ въ пятницу было пасмурно и сыро. Юго-западный вѣтеръ не прошелъ даромъ, и Динни Маккарти сказалъ правду Риву, что дождя не миновать.

Но несмотря на темныя облака, омрачавшія небо надъ Росбриномъ и проливавшія по временамъ потоки дождя на его крутыя улицы, необыкновенное оживленіе замѣчалось во всѣхъ центрахъ его общественной жизни,—т.-е. въ трактирахъ.

Каждый человѣкъ по-своему рассказывалъ о событіяхъ прошлой ночи, и у каждого были свои собственныя предположенія насчетъ того, что выйдетъ изъ ссоры двухъ мѣстныхъ воротилъ.

Рикъ О'Греди рано поутру уѣхалъ въ Кланморъ, и вскорѣ послѣ его возвращенія м-ръ Донованъ отправился туда же.

Эти важныя факты обсуждались на всѣ лады, и иные думали, что „толстякъ“ поѣхалъ жаловаться на Рика за диффамцію и обидную брань; что касается Рика, то какое бы дѣло призывало его въ Кланморъ, а такъ или иначе одно было

*) См. выше: май, стр. 263.

несомнѣнно: ссора приведетъ къ интересному разбирательству въ судебной палатѣ Кланмора.

На дѣлѣ, однако, Донованъ ѣздилъ скорѣе самъ за справками, нежели за донесеніями; и вышло, что поѣздка оказалась неуспѣшной: онъ вернулся домой около двухъ часовъ пополудни съ тѣмъ, съ чѣмъ уѣхалъ, т.-е. ни съ чѣмъ. Онъ справлялся на квартирѣ Джемса Магони, и заморенная, но добродушная хозяйка квартиры сообщила, что Магони пропалъ всю ночь и до сихъ поръ не вернулся, что съ его стороны довольно странно бросить такимъ образомъ своего ребенка, и еслибы она не накормила его завтракомъ, то онъ умеръ бы съ голода.

Донованъ далъ ей шиллингъ и уѣхалъ съ непріятной догадкой, что его союзникъ такъ или иначе попалъ въ бѣду. Онъ хорошо зналъ, что росбринскій полицейскій сержантъ уже навелъ слѣдствіе о пожарѣ на сѣновалѣ, но, какъ президентъ аграрной лиги, былъ нѣсколько въ натянутыхъ отношеніяхъ съ этимъ официальнымъ лицомъ, а нечистая совѣсть мѣшала ему посоветоваться съ нимъ.

Настроеніе его было не изъ пріятныхъ, когда, озябшій, промокшій и голодный, онъ вернулся въ себѣ домой; условія же, при которыхъ совершилось это возвращеніе, тоже не были рассчитаны на то, чтобы успокоить его раздраженіе. На столѣ въ пріемной стоялъ неаппетитнаго вида кусокъ остывшей свинины, окруженный морковью. Огонь въ очагѣ совсѣмъ погасъ и тарелка съ объѣдами доказывала, что его жена не нашла нужнымъ дожидаться его съ объѣдомъ.

Досада усилилась въ немъ, когда онъ окончилъ свою неприглядную трапезу и всталъ, чтобы достать виски.

„Неужто ужъ она такъ проголодалась, что не могла полчаса подождать меня! — подумалъ онъ съ сердцемъ. — И могла бы она посидѣть со мной, пока я объѣдаю, а не оставлять меня одного“.

Онъ тяжело опустился на одно колѣно, чтобы отпереть дверцу шкафа, ухватившись одной рукой, для сохраненія равновѣсія, за узкую деревянную обшивку камина; но въ этотъ моментъ какъ разъ тросточка, стоявшая въ углу камина, упала съ шумомъ на полъ передъ нимъ. Донованъ поднялъ ее. То была хорошенькая тросточка изъ темнаго камыша съ серебряной ленточкой, и ему незначѣмъ было глядѣть на серебряныя буквы Р. О. Г., чтобы узнать, чья это тросточка.

— За какимъ чортомъ тутъ его тросточка? — спросилъ онъ себя, поднимаясь на ноги. — Не можетъ быть, чтобы онъ прих

диль сюда вчера послѣ того, какъ я ее спрашивалъ про него, и она сказала, что его не было.

Лицо его побагровѣло, а пальцы впились въ камышь такъ, что рука, наконецъ, задрожала. Онъ пошелъ къ двери и, позвавъ служанку изъ кухни, спросилъ, гдѣ хозяйка; услыжавъ, что она наверху, въ приемной гостиницы, онъ направился прямо туда, не выпуская тросточки изъ рукъ.

Гарриэта пошла въ приемную гостиницы, куда ходили очень рѣдко, подъ предлогомъ вычистить мебель и стереть пыль съ различныхъ украшеній; но щетка праздно лежала на столѣ, а пыльное полотенце, аккуратно сложенное, покоилось на пожелтѣлыхъ клавишахъ маленькаго старенькаго фортепiano. Сама же Гарриэта стояла у окошка и разсѣянно глядѣла на дождь, который перешелъ теперь въ мелкую изморозь. Руки ея бессознательно перебирали пальцами, а мысли кружились вокругъ одного центра — бурнаго свиданія съ Рикомъ; и то же беззвучное рыданіе повторялось каждый разъ при воспоминаніи о прощальномъ поцѣлѣ: онъ означалъ для нея все — и признаніе, и обѣщаніе, залогъ обновленной страсти съ его стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіе ея собственной страсти.

Въ бессонную ночь и одинокое утро она питала свое сердце этими мыслями, и теперь волненіе и неувѣренность безнадежной, но неотразимой любви довели ее до слезъ, — не такихъ обильныхъ, какія она проливала ночью, а скудныхъ, но зато болѣе жгучихъ.

Голосъ мужа, говорившаго со служанкой, привелъ ее въ себя. Глаза ея въ одинъ мигъ обсохли, и когда онъ вошелъ въ комнату, она вяло обтирала пыль съ стеклянныхъ подвѣсокъ канделябровъ, стоявшихъ на каминѣ.

Она не обратила вниманія на его приходъ, и толстякъ съ минуту стоялъ молча, рѣшивъ завязать перепалку, но не зная, какъ къ ней приступить.

Наконецъ, онъ произнесъ:

— Гарриэта, развѣ ты не слышала, что я вернулся?

— Нѣтъ, слышала, — отвѣчала она, не поворачивая головы.

— Могла бы ты, кажется, озаботиться, чтобы мой обѣдъ не остылъ, — замѣтилъ онъ, все еще не будучи въ силахъ побѣдить рытій страхъ передъ нею.

На это не послѣдовало никакого отвѣта, и, прокашлявшись, ѣ продолжалъ:

— Не получала ли ты какихъ-нибудь извѣстій въ мое отсутствіе о томъ, что произошло въ Скарифѣ прошлой ночью?

— Ты, вѣрно, говоришь про пожаръ на сѣновалѣ Леонардовъ?— равнодушно отвѣчала Гарриета.— Я не имѣю привычки бѣгать за новостями, и такъ какъ ты ничего мнѣ объ этомъ не говорилъ, то и я никого о томъ не разспрашивала. Джоанна, вѣрно, что-нибудь слышала. Опять, конечно, капитанъ „Луннаго Свѣта“ проказить?

Въ тонѣ ея голоса была легкая примѣсь насмѣшки, и она чуть-чуть повернула голову, чтобы видѣть, какъ приметъ ея мужъ эту инсинуацію.

Онъ замѣтно перемѣнился въ лицѣ.

— Нельзя вѣрить тому, что болтаютъ эти люди — сказалъ онъ:— я самъ пойду и разузнаю, въ чемъ дѣло!

Донованъ не считалъ нужнымъ передавать женѣ какія бы то ни было подробности о событіяхъ прошлой ночи, чувствуя, что она и безъ того больше знаетъ объ его дѣлахъ, чѣмъ бы слѣдовало. Онъ много и тревожно думалъ объ обвиненіи, высказанномъ Рикомъ въ лодѣ, и теперь искусственное равнодушіе Гарриеты какъ будто подтверждавало его подозрѣнія. Она измѣнница, и онъ держитъ въ рукахъ доказательство ея измѣны.

— Приходилъ вчера сюда Рикъ О'Греди? — спросилъ онъ безпечно, но въ зеркалѣ, висѣвшемъ надъ каминомъ, Гарриета увидѣла зловѣщее выраженіе на его лицѣ.

— Нѣтъ; не знаю.

Донованъ вынулъ изъ-за спины руку, въ которой держалъ тросточку.

— Смѣю, однако, спросить, кто же оставилъ эту тросточку въ моемъ домѣ?

Гарриета сильно поблѣднѣла.

— Должно быть, онъ забылъ ее въ тотъ разъ, какъ былъ здѣсь.

— Я могу побожиться, что тросточки не было здѣсь вчера утромъ,—сказалъ Донованъ, ближе подступая къ женѣ.

Въ его маленькихъ глазкахъ сверкала ярость, которой нельзя было уловить въ голосѣ.

— Я бы увидѣлъ ее за обѣдомъ, когда доставалъ виски изъ шкафа.

— Какое мнѣ дѣло, откуда она взялась? — отвѣчала Гарриета дерзко.— Много твоихъ пріятелей приходитъ и уходитъ, я ихъ и не вижу.

Онъ близко подошелъ къ ней и, грубо схвативъ ее за руку повернулъ ее лицомъ къ себѣ.

— Не смѣй лгать! Говори, былъ онъ здѣсь вчера вечеромъ, или нѣтъ?

— Пустя мою руку!—закричала она.—Мнѣ больно.

Онъ не такъ крѣпко сжалъ руку, но все же не выпустилъ ее.

— Отвѣчай мнѣ: былъ онъ здѣсь?

— Незачѣмъ вопить такъ, чтобы прислуга слышала! — сказала она озлобляясь и рѣшительно.— Если ужъ тебѣ такъ хочется это знать, — да, *былъ*, и слышалъ, какъ ты любезно заказывалъ ужинъ для Джемса Магони, прежде чѣмъ я отослала его...

Донованъ перебилъ ее съ ругательствомъ.

— Если ты скажешь еще одно слово, — тихо произнесъ онъ: — я выгону тебя изъ дома и всѣмъ сообщу, по какой причинѣ.

Онъ протащилъ ее за собой за руку, затѣмъ съ силой отбросилъ отъ себя.

— Еслибы я былъ уменъ, то избилъ бы тебя этой тростью, какъ собаку, — сказалъ онъ рѣшительно: — но боюсь, что если начну тебя бить, то не перестану, пока совсѣмъ не убью.

Она впервые почувствовала страхъ передъ физической силой и молча стояла, блѣдная какъ смерть, и, прерывисто дыша, не спускала глазъ съ его лица.

— Что ты говорила ему вчера вечеромъ про Джемса Магони?

— Ничего.

— Ты опять, конечно, лжешь!

Онъ съ трудомъ выговаривалъ слова, что указывало на нравственную муку, также какъ и на бѣшенство.

— Ты уже столько лгала, что одной ложью больше для тебя ничего не значить.

— Я ничего ему не говорила, — повторила она: — онъ ничего не знаетъ про Джемса Магони, кромѣ того, что онъ былъ здѣсь.

— Не трудись сообщать мнѣ о томъ, что онъ знаетъ, — отрѣзалъ Донованъ.— Онъ знаетъ довольно, чтобы придти украдкой въ мой домъ, когда меня нѣтъ, и убѣжать и спрятаться, какъ воръ, когда я вернулся!

Огонь загорѣлся въ ея глазахъ.

— Онъ не прятался. Онъ стоялъ и глядѣлъ на тебя, и если то пошло, то я просила его придти сюда!

Невѣроятно проворно для такого неповоротливаго человѣка онъ сарилъ ее тростью Рика.

Она ухватилась, чтобы не упасть, за фортепiano, и его потѣвшія клавиши издали жидкій, дребезжащій звукъ, который,

сливаясь съ ея воплемъ боли и ужаса, сообщилъ ему нѣчто карикатурное.

Мужъ глядѣлъ на нее, точно соображалъ, что онъ такое сдѣлалъ; затѣмъ сломалъ на-двое тросточку, нажавъ колѣномъ, и бросилъ куски въ ея ногамъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ:—можешь передать ему его тросточку въ слѣдующій разъ, какъ онъ сюда придетъ, и рассказать ему, какъ я съ нею поступилъ. Но только сдается мнѣ, что я увижусь съ нимъ раньше тебя и приведу его въ такой видъ, что ему не очень-то удобно будетъ показываться на глаза людямъ!

— Увидимъ, увидимъ, трусливая тварь!—сказала она, прижимая рукой мѣсто, по которому онъ ее ударилъ:—легко побить меня, но посмѣй-ка тронуть его!

Она дошла до послѣднихъ предѣловъ отчаянія, и это придало ей храбрости.

Онъ глядѣлъ на нее—а она на него—въ продолженіе нѣсколькихъ напряженныхъ, опасныхъ секундъ, послѣ чего онъ ринулся въ двери.

— Боже всемогущій! — сказалъ онъ хрипло:—унеси меня отсюда, прежде чѣмъ я ее убилъ...

Дверь съ шумомъ захлопнулась за нимъ, и минуту или двѣ спустя она услышала его шаги внизу подъ окнами на улицѣ.

XVII.

Волкъ въ западнѣ.

Мучительная боль, ознобъ и онѣмѣніе, отчасти даже потеря сознанія; затѣмъ возобновившаяся въ сто разъ сильнѣе мучительная боль въ то время, какъ неловкія руки поволокли и приподняли его; затѣмъ опять полуобморочное состояніе, по выходѣ изъ котораго онъ почувствовалъ, что лежитъ на снѣгѣ и подушкахъ; а затѣмъ долгіе часы мучительныхъ потемокъ,—пока, наконецъ, Джемсъ Магони увидѣлъ блѣдный лучъ свѣта, проникавшій въ щели сарая, гдѣ онъ лежалъ.

Когда совсѣмъ разсвѣло, онъ оглядѣлъ голыя каменные стѣны воемъ себя и вполне сообразилъ позорное положеніе, въ какъ попалъ.

Пойманный преступникъ и калѣка—впередн его лежала г-ремная больница, а пока онъ зависить отъ милосердія своихъ враговъ,—онъ, человекъ, зарѣзавшій телку своей сосѣдки и по

жегшій ея сѣноваль, былъ такъ жестоко наказанъ, какъ только могъ пожелать строжайшій моралистъ.

Онъ закрылъ глаза и лежалъ, терпя мученія тѣлесныя и душевныя, какъ только могъ, и съ лихорадочнымъ ожиданіемъ прислушиваясь ко всякому звуку за стѣнами сарая, межъ тѣмъ какъ сумрачное утро надвигалось. Эленъ приходила къ нему разъ или два и приносила пить и ѣсть. Она была почти такъ же блѣдна и измучена, какъ и онъ самъ, но онъ не глядѣлъ на нее и не благодарилъ.

Но затѣмъ наступилъ худшій моментъ въ его жизни, когда дверь сарая широко распахнулась—и на порогѣ показалась вдова, а съ нею двѣ высокія фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ и темныхъ каскахъ—фигуры двухъ констеблей изъ Росбринна.

Ихъ визитъ былъ непродолжителенъ и они немного добыли свѣдѣній помимо тѣхъ, которыя м-съ Леонардъ съ горячей готовностью сообщила имъ.

Джемсъ Магони сказалъ имъ свое имя и гдѣ онъ живетъ, но кромѣ этого не захотѣлъ отвѣчать ни на какіе вопросы, а сломанная нога служила ему пока временной охраной отъ дальнѣйшихъ строгостей закона.

Послѣ того всѣ опять ушли, и его одинокія страданія ничѣмъ не прерывались въ теченіе часа или двухъ.

Онъ догадывался, что, должно быть, время близится къ полудню, когда услышалъ торопливые шаги около сарая и взволнованный голосъ вдовы, спрашивавшій изъ дверей коттеджа.

— Что они скоро явятся за нимъ? Я не ожидала васъ раньше часа. Вы были въ Кланморѣ?

Старикъ приподнялся на сѣнѣ, чтобы получше слышать отвѣтъ.

— О, да, я былъ въ Кланморѣ! — отвѣчалъ голосъ Рика О'Греди.—Я взялъ телѣжку Геннеси въ Росбриннъ и недолго копался.

— Право, недолго! Но скажите мнѣ, какъ теперь быть?

Къ счастью для Магони, Риву по обыкновенію пришлось довольно долго возиться, чтобы запереть ворота, и благодаря этому обстоятельству Магони могъ слышать его отвѣтъ.

— Они не могутъ прислать за нимъ сегодня. Госпитальная ра уѣхала за десять миль по ту сторону Кланмора, и я скажу, что вы продержите его до завтра. Послѣ того я побывалъ у доктора, и тотъ сказалъ, что пріѣдетъ сюда до наступленія утра. Я надѣюсь, что онъ не опоздаетъ, потому что мнѣ надо

вернуться домой въ восемь часамъ, прежде отхода почтовой кареты.

— А что же насчетъ судебного слѣдствія?

Голосъ вдовы понизился до шопота при послѣднихъ словахъ, и только благодаря напряженному вниманію удалось Магони уловить отвѣтъ Рика.

— Я совсѣмъ не ходилъ въ полицію въ Бланморъ: подумалъ, попытаю лучше самого старика. Мнѣ думается, онъ не одинъ...

Конецъ фразы былъ заглушенъ хлопаньемъ двери въ коттеджъ; послѣ того наступила на долгое время тишина, и только монотонный шумъ дожда да безнадежное кудактанье куръ подъ телѣжкой на дворѣ нарушали его.

Докторъ сдержалъ слово, потому что было еще свѣтло, когда стукъ его шарабана слышался на дорогѣ, и вскорѣ затѣмъ онъ вошелъ вмѣстѣ съ Рикомъ О'Греди въ сарай.

Пытка была кратковременная, но пока она длилась, Магони не издалъ ни единой жалобы. Точно такъ, когда его сломанная нога была вправлена и забинтована, онъ ни единымъ звукомъ не выразилъ благодарности. Больничному доктору рѣдко доводилось видѣть такого паціента, и онъ съ любопытствомъ оглядывалъ длинную, костлявую фигуру Магони въ то время, какъ давалъ Риму инструкціи насчетъ леченія.

— Вы можете теперь перенести его въ домъ, если хотите, — сказалъ онъ.

Паціентъ устремилъ разгоряченный, подозрительный взглядъ на доктора.

— Я не хочу, чтобы меня трогали! — сказалъ онъ. — Я хочу остаться здѣсь.

— О, какъ вамъ угодно! — отвѣчалъ докторъ, застегивая мѣвинтошъ и слишкомъ торопясь, чтобы спорить о такихъ пустякахъ: — если вамъ больше нравится лежать на снѣгѣ, чѣмъ на матрацѣ, то мнѣ все равно; только лежите смиренно.

Когда онъ ушелъ, Рикъ вернулся назадъ въ сарай.

— Каково вамъ теперь, Магони? — спросилъ онъ довольно ласково.

— Почему я знаю! — угрюмо отвѣтилъ Магони.

Рикъ неувѣренно оглядѣлъ его, засунувъ руки въ кармаги и наконецъ присѣлъ на соломорѣзку, стоявшую возлѣ.

— Мнѣ жаль, что вы изъ-за меня такъ пострадали, но такъ былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что это я именно васъ селилъ въ банаву.

Онъ помолчалъ, дожидаясь, не заговорить ли Магони, затѣмъ продолжалъ:

— Но еще удивительнѣе для меня, что такой порядочный человѣкъ, какъ вы, согласился нанести такой вредъ старымъ сосѣдямъ. Я готовъ побиться объ закладъ, что вы не одинъ въ дѣлѣ.

Магони повернулъ къ нему голову.

— Вы очень хитры,—медленно проговорилъ онъ, съ болью въ голосѣ. — И вы думаете, что теперь вы унизили и покорили меня; но я не стану отвѣчать на ваши вопросы въ угоду вамъ.

— Для васъ самихъ было бы лучше, еслибы вы отвѣтили,—сказалъ Рикъ, вставая:—но это не мое дѣло. Другіе, кромѣ меня, стануть разспрашивать васъ,—хотите вы этого или нѣтъ.

Онъ пошелъ къ двери, но снова остановился.

— Послушайте, Магони,—началъ онъ убѣдительно:—кто подбилъ васъ на это?

Магони приподнялся на локтѣ.

— Убирайтесь къ чорту! оставьте меня одного.

Желаніе его исполнилось; дверь захлопнулась, и Рикъ больше не приходилъ къ нему.

Изнеможеніе взяло, наконецъ, свое. Между тѣмъ какъ блѣдный свѣтъ въ сараѣ тихо угасалъ вмѣстѣ съ потухающимъ днемъ, Магони впалъ въ дремоту, перешедшую въ глубокой сонъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда его разбудили громкіе голоса на дворѣ, и съ минуту или двѣ онъ не могъ придти въ себя настолько, чтобы разобрать, чьи тѣ были голоса, пока говорившіе не подошли ближе къ сараю.

— Я такъ же хорошо посвященъ въ дѣла „Лиги“, какъ и вы,—говорилъ голосъ О'Греди:—и знаю какъ дважды два четыре, что это „бойкотированіе“ не ихъ дѣло.

— Еслибы вы были посвящены въ дѣла „Лиги“, то знали бы, что она должна положить конецъ вреднымъ злоупотребленіямъ,—отвѣчалъ голосъ, который Магони услышалъ не безъ удивленія. —А если изъ этого вытекають насилія, то это неизбѣжно...

— О! чортъ побери!—вскричалъ Рикъ:—стоитъ терять слова съ такимъ человѣкомъ, какъ вы! Что я говорю, на томъ я буду стоять: не кто другой, какъ вы, затѣяли это дѣло. Я убѣдился въ этомъ прошлой ночью въ лодкѣ и скажу больше: Джемсъ Магони дѣйствовалъ по вашему наущенію.

— Ха! ха! двуличный негодяй, что ты скажешь на это, мерзвецъ?

Такое воззваніе послѣдовало со стороны вдовы.

— Безполезно говорить съ тѣми, кто не хочетъ слушать.

Голосъ Донована былъ такъ же рѣшителенъ и хладнокровенъ, какъ и всегда.

— Но объявляю вамъ, м-ръ О'Греди, что вы напрасно стараетесь запугать меня; съ этой минуты вы сами подлежите уголовному преслѣдованію за то, что обвиняете меня въ соучастіи съ этимъ старымъ нищимъ-воромъ. Я сказалъ бы ему въ лицо, еслибы его увидѣлъ, что чѣмъ скорѣе онъ попадетъ въ коркскую тюрьму, тѣмъ миѣ будетъ пріятнѣе, — и если бы я могъ этому содѣйствовать, то завтра же отправился бы въ Коркъ и далъ показаніе противъ него.

Подслушавъ эти слова, Магони сжалъ костлявые кулаки и прохрипѣлъ проклятіе сквозь зубы.

— Быть можетъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ объяснили бы суду, за чѣмъ онъ тайно прокрался въ вашъ домъ прошлой ночью?

Голосъ обвинителя зазвучалъ при этихъ словахъ менѣе энергически и убѣдительно. Наступила небольшая пауза; затѣмъ Донованъ отвѣчалъ голосомъ, охрипшимъ отъ ярости.

— Прокрался тайкомъ! — повторилъ онъ: — еслибы вы сами не были подлѣйшимъ человѣкомъ во всей Ирландіи, — вы отлично понимаете, что я разумѣю, — то ничего бы не могли знать о томъ, что происходитъ въ моемъ домѣ! Вы можете сочинять какія угодно исторіи изъ того, что я далъ поѣсть голодному человѣку, который не смѣетъ показываться на глаза своимъ кредиторамъ въ Росбринѣ; но вамъ придется сначала объясниться со мной насчетъ такого предмета, который вамъ, пожалуй, и не совсѣмъ-то понутру, но я за тѣмъ сюда и пришелъ, и не уйду, пока не раздѣлаюсь съ вами. Ступайте за мной — подальше отъ этихъ чертвовъ-бабъ, и я покажу вамъ, кто изъ насъ — лжеецъ и воръ!

Визгливый потокъ брани изъ устъ вдовы потопилъ отвѣтъ Рика, но движеніе Рика, долетѣвшее до ушей Магони, заставило его догадаться, что Рикъ согласился идти вслѣдъ за Донованомъ.

Затѣмъ снова раздался голосъ Донована, — на этотъ разъ ближе къ коровнику, — и Магони собралъ всѣ силы, въ то время какъ шаги направились къ воротамъ.

— Отворите двери! — закричалъ онъ: — отворите дверь, я съ нимъ самъ поговорю!

Дверь немедленно распахнулась, и при свѣтѣ, вырывавшей изъ раскрытыхъ настежь дверей коттеджа, онъ ясно увидѣлъ фигуру своего бывшаго пріятеля и патрона.

— Этотъ человѣкъ во всемъ виноватъ! — закричалъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ слабости и гнѣва: — Джонъ Донованъ г

билъ меня на это, а теперь смѣетъ называть меня воромъ! Я получилъ отъ него деньги и приказанія, и теперь я погибшій человекъ черезъ него и его лганье. Онъ самъ подбирался къ Дримвахунской фермѣ, а мнѣ обѣщаль, что я буду у него управителемъ... Посмѣй отрицать, что это правда!

Онъ упалъ обратно на сѣно и голова его закатилась назадъ отъ истощенія силъ.

Благодаря этому обстоятельству и потемкамъ, онъ не могъ видѣть того, что произошло дальше. Рикъ ли схватилъ Донована за руку, или же Донованъ толкнулъ того съ дороги, но только между обоими внезапно завязалась борьба. Схватившись другъ съ другомъ, они удалились изъ полосы свѣта.

Магони услышалъ топотъ ихъ ногъ севозъ вопли женскихъ голосовъ, стукъ захлопнувшихся воротъ и затѣмъ голосъ Рика, громкій и запыхавшійся.

— Ступай теперь домой и вызови меня когда хочешь! Я не боюсь тебя и постараюсь, чтобы къ завтрашнему утру весь приходъ узналъ о тебѣ всю правду.

Отвѣта съ дороги не воспослѣдовало. Очевидно, м-ръ Донованъ находилъ, что сдержанность—украшеніе храбрости.

Джемсъ Магони упалъ обратно на свою постель изъ сѣна и почувствовалъ, что есть удвольствіе, котораго злая фортуна не въ силахъ его лишить: онъ могъ отомстить своему врагу.

XVIII.

Униженная женщина.

Плечо, по которому ударилъ мужъ Гарриету, все еще болѣло, когда она вышла изъ гостинницы и поспѣшно направилась по мокрой улицѣ, въ сумеркахъ, къ дому Рика О'Греди.

Она колебалась съ минуту, прежде нежели приподняла молотокъ у двери, но затѣмъ принялась выбивать имъ такую барабанную дробь, что старуха-служанка Рика прибѣжала со всѣхъ ногъ и вся запыхавшись.

— Заходилъ сюда м-ръ Донованъ?

— Заходилъ, ма'амъ; онъ былъ здѣсь съ полчаса тому на-
: ѣ и спрашивалъ м-ра О'Греди; а я сказала ему, что его нѣтъ
: а, что онъ ушелъ въ Скварифъ, послѣ того какъ вернулся

Кланмора, и не вернется домой раньше семи часовъ вечера.

— А что сказалъ на это м-ръ Донованъ?—спросила Гарриета.

— Онъ сказалъ, ма'амъ: „нужды нѣтъ“, сказалъ онъ; „я пойду за нимъ въ Скларифъ“, сказалъ онъ, и пошелъ черезъ лѣсъ.

Гарриэта повернула назадъ, не давая себѣ труда спрашивать далѣе старуху; а та осталась на порогѣ, полна невысказанныхъ новостей и негодованія на Гарриэту за то, что та не дождалась, пока она ихъ перескажетъ.

Было уже около пяти часовъ, и хотя дождь на время прекратился, но тяжелыя тучи омрачали небо. Гарриэта со страхомъ поглядывала на лѣсъ, высившійся передъ нею точно непреодолимая преграда.

Все казалось внушительнымъ для ея разстроенныхъ нервовъ, и за деревьями, толпившимися точно черныя великаны, какъ будто притаились сказочныя чудовища, лихія видѣнія, которыя погонятся за нею, когда она пойдетъ по дорогѣ.

Въ другое время она вернулась бы назадъ, но опять-таки возбужденные нервы взяли верхъ даже надъ страхомъ, и она пошла прямо въ лѣсъ.

Кругомъ нея царила тишина, и только капли дождя сватывались съ мокрыхъ вѣтокъ, а въ сыромъ воздухѣ пахло гнилыми листьями. Она напряженно прислушивалась, не услышитъ ли звука людскихъ шаговъ; но только крикъ журавлей въ высокихъ еляхъ надъ морскимъ берегомъ да стукъ колесъ по отдаленной россинской дорогѣ нарушалъ тишину.

Судя по тому, что ей сказала старуха, Рикъ долженъ былъ уже теперь встрѣтиться съ ея мужемъ. Мысль эта переплеталась въ ея разгоряченной головѣ съ другой безумной мыслью: когда Рикъ узнаетъ о томъ, что съ ней было, онъ отомститъ за ударъ, нанесенный ей его собственной палкой.

Въ ея умѣ все перепуталось; при воспоминаніи о прощальномъ поцѣлуѣ, горѣвшемъ на ея лбу, ничто не казалось невозможнымъ или невѣроятнымъ; все измѣнилось, и она жила въ мучительномъ, но восторженномъ вихрѣ слѣпой надежды и безразумія.

Мракъ сгущался вокругъ нея, и когда она, наконецъ, добралась до вершины холма, съ котораго нужно было спускаться къ старому мосту, свѣтъ въ окнахъ коттеджа вдовы Леонардъ на холмѣ, по ту сторону рѣки, мелькнулъ вдаль передъ ея взорами.

Она точно приросла къ землѣ при видѣ его; онъ какъ бы потушилъ расcodію, пѣвшую въ ея душѣ, и впервые съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ дому, она подумала о практической сторонѣ своего проекта.

Главнымъ образомъ свѣтъ этотъ имѣлъ для нея одно значеніе, бравшее верхъ надъ всѣми остальными; онъ горѣлъ въ мѣстѣ,

гдѣ теперь находился Рикъ. Она не тревожила себя вопросомъ: что привело его туда?

Она давно уже рѣшила, что онъ принялъ сторону Леонардовъ изъ соперничества съ ея мужемъ и высшаго презрѣнія въ его авторитету, и всѣ чувства ея сосредоточивались на одномъ: увидѣть его и рассказать ему, что она вынесла изъ-за него.

Дождь пошелъ опять, падая печально и тяжело, точно слезы человѣка, горе котораго неутѣшно.

Она быстро приняла рѣшеніе, по своему обыкновенію, и спустилась внизъ тропинки по мокрымъ комьямъ дерна и скользкимъ обломкамъ скалы, пока не добралась до открытой настежь двери мельницы.

Груда камней лежала на порогѣ, поросшая травой и крапивой; она перешагнула черезъ нее, и при этомъ ударилась о кустъ дикаго винограда, спускавшагося съ двери и обливаго ея дождевыми каплями въ то время, какъ она шагала въ дверь.

Она добралась до отверстія въ стѣнѣ, гдѣ помѣщалась желѣзная ось мельничнаго колеса. Дикая виноградная лоза, густо разросшаяся на вершинѣ навѣса, защищала ее немного отъ дождя; она стала на колѣни на старыя мельничныя жерновъ, лежавшія у входа, и, напрягая зрѣніе, вглядывалась въ окрестный мракъ.

Но она видѣла только черныя воды рѣки подъ ногами, вздутыя высоко и бурливыя отъ дождя, и темную линію моста, выдѣлавшуюся на не менѣе темной линіи небесъ.

Рѣка была такъ полна, что выходила изъ береговъ и затопляла скалы, и только тамъ и сямъ болѣе значительныя обломки утесовъ высывались изъ-подъ быстро бѣгущаго потока.

Она долго и напряженно прислушивалась, и разъ или два ей побазалось, что она слышитъ сердитые голоса въ коттеджѣ, но за шумомъ листьевъ и скрипомъ стволовъ деревьевъ, подъ напоромъ вѣтра и ревомъ воды, трудно было что-нибудь разобрать.

Она глядѣла на коттеджъ до тѣхъ поръ, пока глаза ея не устали, и, перемѣнивъ положеніе, уперлась локтями на сломанный выступъ и прислонилась лбомъ къ рукамъ, прислушиваясь изо всѣхъ силъ.

Она пробыла такъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ трескъ сломавшагося дерева, за которымъ послѣдовалъ плескъ воды, позвиль ея. Она поглядѣла на мостъ: на немъ показалась фигура человѣка. Было слишкомъ темно, чтобы различить—кто онъ; можно было только опредѣлить, что то былъ мужчина.

Съ инстинктомъ человѣка, который прячется, она не шевелась, затаивъ дыханіе.

Она опять услышала трескъ дерева, второй плескъ воды и

третій, чуть-чуть доносившійся до нея сквозъ ревъ воды, а затѣмъ фигура пошла по мосту и сошла на противоположный берегъ.

Гарриэта поднялась на ноги и выбралась на дорожку. Ничего кругомъ не было ни видно, ни слышно, и послѣ минутнаго колебанія она ступила на мостъ и, держась рукой за перила, очень осторожно прошла нѣсколько шаговъ впередъ. Но не дойдя и до половины моста, она отступила назадъ съ крикомъ ужаса.

Прямо подъ ея ногами вѣяла бурная водяная пучина: она могла видѣть воду сквозъ большую дыру въ настилкѣ моста.

Полусгнившія доски были вырваны изъ настилки, и образовалось отверстіе въ родѣ большой открытой подъемной двери — пространство, достаточное, чтобы черезъ него провалился человѣкъ, прежде чѣмъ успѣетъ пальцемъ пошевелить для своего спасенія.

Она глядѣла внизъ на бурлившую воду какъ бы въ оцѣпеннѣніи: она очень ясно понимала намѣреніе, — но для кого устроена эта западня? и кѣмъ?

Для нея въ мірѣ существовало только двое людей: одинъ, котораго она любила, и другой, котораго ненавидѣла — и оба эти человѣка терпѣть не могли другъ друга.

Вотъ первая послышка; а за угрозами мужа, все еще звучащими въ ея ушахъ, выводъ напрашивался самъ собой — и выводъ ужасный.

Она сошла съ моста и прислонилась къ стѣнѣ мельницы; колѣни подгибались подъ нею отъ неожиданнаго испуга. Какъ это все ужасно! Но что же ей теперь дѣлать, какъ не спасти его жизнь отъ предательства мужа?

Она оближетъ его и задержитъ; она расскажетъ ему о злодѣйствѣ, замышляемомъ противъ него, и онъ узнаетъ, какъ она ему предана и вѣрна.

Послышались шаги на тропинкѣ, по ту сторону рѣки. Шаги приближались, но походка не походжа на походку Рива О'Греда: эта — тяжелая и неувѣренная.

Затѣмъ она услышала слишвомъ привычный для ея уха кашель. То былъ ея мужъ.

Въ жизни Гарриеты наступилъ кризисъ, и надо отдать ей справедливость, что первымъ ея движеніемъ было позвать мужа и предупредить объ ожидающей его опасности; но прежде чѣмъ жели губы ея успѣли разомкнуться, мысль, посланная дьяволомъ, быстрой молніи пронизала ея мозгъ.

То было дѣло рукъ Рива О'Греда: онъ встрѣтился съ мужемъ, узналъ объ обидѣ и позорѣ, нанесенномъ ей, и рѣ-

нея избралъ такой путь, чтобы отомстить за нее и открыть путь къ новой жизни для себя и для нея.

Шаги мужа раздавались уже по мосту; она какъ бы окостенѣла и онѣмѣла; все кругомъ представлялось ей недѣйствительнымъ, какъ сонъ.

Затѣмъ она услышала, какъ мужъ споткнулся, какъ затрещало дерево сломавшихся периль, и—страшное хриплое проклятіе, заглушенное плескомъ воды.

Безсознательный крикъ вырвался у нея, и она кинулась на мостъ. Тамъ ничего не было видно сквозь отверстіе въ настиль, кромѣ черной воды; ничего не было слышно, кромѣ ея бурнаго плеска.

Она повернулась и, сама не зная, что дѣлаетъ, бросилась бѣжать по лѣсу.

XIX.

Рукопожатіе.

Дождь падалъ съ перерывомъ до самой полуночи, но затѣмъ вмѣстѣ съ отливомъ погода перемѣнилась. Вѣтеръ пересталъ гнать черныя тучи передъ собою и, по мѣрѣ того какъ ночь протекла, улегся совсѣмъ; наступила полная тишина.

За часъ до поздняго зимняго разсвѣта летаргія, въ которую погруженъ былъ лѣсъ, была нарушена первымъ таинственнымъ дуновеніемъ наступающаго дня, и пѣтухи сонно пропѣли на фермѣ вдовы Леонардъ.

Вскорѣ затѣмъ изъ неопредѣленныхъ сумерекъ, царившихъ въ вышинѣ, донесся рѣзкій крикъ стаи дикихъ утокъ, летѣвшихъ съ Коранскаго озера къ морю, и сумерки стали проясняться.

Отливъ совершился. Извилистое русло, которое проложила для себя рѣка Роури въ илѣ, стало все яснѣе и яснѣе выступать при свѣтѣ загорающагося дня. Птицы просыпались и наполняли воздухъ щебетаньемъ и криками.

Высокіе столбы, обозначавшіе русло рѣки во время прилива, теперь стояли обнаженные, съ прилипшими къ нимъ водорослями, и около одного изъ нихъ торчалъ изъ ила остовъ лодки, разсѣвшейся на этомъ мѣстѣ много лѣтъ тому назадъ, а въ настоящее время покрытой сплошь водорослями и служившей любимымъ убѣжищемъ для краббовъ и жирныхъ червей.

По обыкновенію, во время отлива она была центромъ сбора цѣлой стаи крикливыхъ, задорныхъ птицъ, но въ это хо-

лодное ноябрьское утро каждая птица, по мѣрѣ того какъ небо свѣтлѣло, поднималась съ привычнаго мѣста и, расправивъ крылья, летѣла отыскивать себѣ завтракъ въ другое мѣсто.

Узкая полоса земли, извѣстная подъ названіемъ Скарифскаго мыса, тянулась къ югу саженъ на пятьдесятъ отъ лодки. Тамъ росли кусты и малорослыя ели, и сюда-то прибѣжалъ Данъ Гурли, какъ только первые лучи солнца озарили восточную вершину Скарифскаго холма.

Данъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, запыхавшись, раза два спотыкнулся о древесныя пни, но не останавливался до тѣхъ поръ, пока не добрался до края воды.

Тамъ онъ усѣлся на утесѣ и, стащивъ сапоги, подбитые гвоздями, засучилъ штаны выше колѣнъ. Онъ такъ истомился, что почти не въ силахъ былъ снова встать съ мѣста: онъ не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ крикъ Элленъ: „пожаръ!“ разбудилъ его въ предыдущую ночь, и уже сутки слѣпкомъ какъ ничего не ѣлъ; пролежавъ всю ночь въ полѣ, послѣ припадка падучей у колодца, онъ притащился въ домъ, чтобы позавтракать, и затѣмъ снова ушелъ, никому невѣдомо куда.

Самъ онъ уже сталъ забывать, какъ онъ провелъ день: предметы какъ-то странно суживались въ его головѣ, оставляя мѣсто только для ближайшаго.

Онъ провелъ долгую и безумную ночь, блуждая по Трегартскому лѣсу, и съ первымъ лучомъ зари сошелъ къ берегу рѣки, чтобы видѣть, не лишилъ ли его отливъ наслажденія зрѣлищемъ своей жертвы.

На рѣкѣ ничего не было видно; онъ пошелъ вдоль нея до самаго устья, но и тамъ ничего не было.

Но когда онъ взглянулъ въ сторону Скарифскаго мыса, то даже при слабомъ свѣтѣ начинающагося дня увидѣлъ нѣчто, заставившее его вновь пуститься бѣжать со всѣхъ ногъ; онъ перенесся съ опасностью жизни по сломанному мосту, между пнями и деревьями, пока не добрался до самаго мыса.

Данъ Гурли очень перемѣнился въ послѣдніе два дня. Лицо его осунулось и посинѣло; налитые кровью глаза глядѣли дико, почти безсмысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы съ затаеннымъ и непреклоннымъ рѣшеніемъ.

Онъ съ трудомъ спустился съ скользкихъ утесовъ и, ступивъ голыми ногами въ холодный какъ ледъ илъ, направился къ сломанной лодкѣ.

Онъ прежде часто бродилъ около нея въ илѣ Скарифской бухты, отыскивая червей для приманки, и теперь, хотя ушелъ въ илъ

болѣни, твердо ступаль въ немъ. Предметъ, къ которому онъ направлялся, лежалъ безформенной массой на остовѣ лодки, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ отливъ.

Приближаясь къ нему, Данъ Гурли подивился: Рикъ былъ одѣтъ въ свѣтлый сѣютъ изъ трико, когда онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ, а этотъ запачканный въ илѣ предметъ былъ весь темный; кромѣ того, онъ казался массивнѣе и грузнѣе.

Пробираться по илу, который дѣлался все мягче и глубже, по мѣрѣ того какъ Данъ углублялся въ русло рѣки, было дѣломъ не легкимъ.

Наконецъ, онъ добрался до цѣли своихъ стремлений и увидѣлъ, что потерпѣлъ неудачу.

Лицо Джона Донована высунулось лишь отчасти изъ воды, въ то время, какъ голова его запуталась въ водоросляхъ, а большая, безжизненная рука торчала изъ ила.

Данъ стоялъ, уставивъ на него глаза: ненависть цѣлой жизни почти разсѣялась въ немъ въ эту минуту отъ невыразимаго удивленія и разочарованія; зубы и руки его были стиснуты, а кровь прилиwała къ головѣ и стучала въ вискахъ.

Что привело Донована на ферму прошлой ночью?

Данъ проклиналъ беспечность, съ какою онъ ушелъ изъ укромнаго убѣжища въ коровникѣ, гдѣ онъ притаился, когда увидѣлъ, что Рикъ идетъ по тропинкѣ, и гдѣ онъ, какъ ему казалось, такъ успѣшно подслушалъ всѣ его планы.

Еслибы онъ смирно дожидался тамъ, то могъ бы узнать все про Донована и про то, что происходило на фермѣ.

Ну, не бѣда во всякомъ случаѣ; онъ все же не промахнулся. Ему вдругъ представилось положеніе довольно забавнымъ, и онъ сталъ громко хохотать, чѣмъ напугалъ морскихъ птицъ; онѣ вылетѣли изъ своихъ убѣжищъ и принялись кружиться въ воздухѣ, между тѣмъ какъ эхо подхватило хохотъ Дана и разносило его въ горахъ.

Эхо его тоже забавляло; онъ прислушивался къ нему и хохоталъ въ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока не усталъ.

Въ сущности, счастливый случай избавилъ его отъ одного изъ враговъ; теперь онъ пойдетъ и починить мостъ: не крѣпко, конечно, чтобы до ночи можно было снова устроить западню и поймать въ нее другую большую крысу.

Отъ этой мысли онъ снова залился хохотомъ, но сообразилъ, что времени терять нельзя.

Данъ подошелъ и взялъ застывшую руку Джона Донована въ свою.

— Ну, прощай! — сказалъ онъ:— можетъ быть, въ ночи ты уже уплывешь въ гавань, и я тебя больше не увижу.

Онъ пытался потрясти руку, но она показалась ему тяжелой какъ свинецъ. Ему представилось вмѣстѣ съ тѣмъ, что она притягиваетъ его къ себѣ; въ глазахъ его потемнѣло, и онъ закричалъ или ему почудилось, что онъ закричалъ.

Но рука продолжала притягивать его, и онъ упалъ лицомъ въ илъ.

Послѣ того воцарилась глубокая тишина, и вскорѣ морскія птицы вернулись и безбоязненно принялись тыкать длинными клювами въ илъ, шагахъ въ двадцати, не болѣе, отъ двухъ поверженныхъ ницъ фигуръ.

XX.

Для тебя сдѣлалъ я это.

Дневной свѣтъ проникъ въ темную комнату Гарриэты позднѣе, чѣмъ въ Скарифскую бухту. Въ то время какъ разсвѣтало, закрытыя ставни и керосиновая лампа продлили для нея ночь, казавшуюся и безъ того нескончаемой.

Наконецъ, когда блѣдный лучъ дня проникъ въ комнату, онъ упалъ на ея согбенныя плечи и темные растрепавшіеся волосы; она тихо сидѣла у стола, озаренная желтымъ свѣтомъ лампы, прикрывъ рукой глаза и не замѣчая разсвѣта.

Шаги на улицѣ заставили ее, наконецъ, поднять голову, и вздрогнувъ, она подошла къ окну, раскрыла ставни и тихонько подняла шторы. Она выглянула въ окно и глазами, ослѣпленными на минуту яркимъ свѣтомъ, увидѣла двухъ или трехъ рыбаковъ, поднимавшихся въ гору. Они говорили другъ съ другомъ, понизивъ, какъ ей показалось, голосъ; и когда они проходили мимо окна, она высунулась слегка, чтобы слышать, что они говорятъ.

Но бесѣда ихъ вертѣлась около ихъ промысла; они спорили вяло и сонно о какой-то сосѣдской лодкѣ, и Гарриэта откинулась обратно въ комнату и стала глядѣть на диванъ.

Она все еще была одѣта въ темное пальто, въ которомъ ходила наканунѣ въ лѣсъ, а шляпа ея лежала на одѣялѣ постели которая осталась не тронутой всю ночь.

Грязь, приставшая къ башмагамъ и подолу платья, показывала, по какой слякоти она ходила, прежде чѣмъ вернуться домо

Она сказала служанкѣ, что не знаетъ, гдѣ хозяинъ и еог, вернется, и ушла въ свою комнату, гдѣ провела безсонную ночь

сидя въ креслѣ, между тѣмъ какъ мокрое платье медленно обсыхало на ней. Порой она вздрагивала и ее всю поводило отъ нервнаго возбужденія; порою точно камень наваливался ей на грудь и ее тѣснили злыя предчувствія.

Бывали моменты, когда сверленіе мозга одною идеей производило родъ умственнаго онѣмѣнія, подобно тому, какъ грохотъ поѣзда ночью на одну секунду какъ будто оглушаетъ усталое ухо путешественника.

Но за каждымъ промежуткомъ нечувствительности наступали моменты жгучаго сознанія, и мучительныя картины воскресали въ мозгу: мокрая виноградная лоза была ее по щекамъ, бревна съездили подъ ея ногами и крикъ мужа раздавался въ темнотѣ.

Холодный воздухъ, проникая въ окно, леденилъ ее, и отойдя отъ него, она потушила лампу, чувствуя, что ночь съ ея кошмаромъ прошла, и что солнечный свѣтъ ставитъ ее лицомъ къ лицу съ практическими послѣдствіями смерти мужа.

Она прошла по комнатѣ и поглядѣла на себя въ зеркало. Она увидѣла то, чего слѣдовало ожидать: помертвѣлое, блѣдное лицо, съ жалкими прядями волосъ, прилипшихъ къ нему, разгоряченные, опухшіе глаза, — и машинально взявъ щетку, она стала приглаживать волосы.

Затѣмъ ее вдругъ озарила новая мысль. Она пережѣлила ботинки и платье и обмяла постель такъ, какъ будто спала въ ней, во избѣжаніе сплетенъ. Затѣмъ легла на постель, чтобы обдумать, что ей теперь дѣлать.

Служанка уже ходила по лѣстницѣ взадъ и впередъ, и Гарриэта, прислушиваясь, какъ она напѣвала за работой, и слыша веселые звуки на улицѣ, сама изнывала отъ страха передъ тѣмъ, что ждало ее впереди.

— О, Рикъ! — простонала она, утѣнувъ лицо въ подушку: я знаю, что ты сдѣлалъ это ради меня... ради меня... Но что если они узнаютъ... о, Боже мой! что если они узнаютъ...

Но вотъ снова припадокъ ужаса миновалъ, и она лежала тихо и спокойно, пока не услышала, какъ пробило девять.

Она встала и, надѣвъ пальто и шляпу, сошла внизъ.

Михаэль подметалъ и прибиралъ лавку; когда она вошла въ нее, онъ повѣсилъ пачку счетовъ надъ конторкой и положилъ на конторку перо и вѣдь-папиръ для того, чтобы они были подъ рукой, когда понадобятся.

Поль заходилъ подъ нею и впервые слабое угрызение совѣсти коснулось въ ней, но она твердо прошла по лавкѣ и вышла улицу.

Холодный вѣтеръ, пропитанный еще влагой отъ ночного дождя, охватилъ ее, когда она шла по улицѣ, и грубый, привычный реализмъ раскрытыхъ оконъ у лавокъ какъ будто охладилъ пылъ и жаръ ея намѣреній и сдѣлалъ ее нерѣшительной и слабой.

Ей никто не повстрѣчался на пути, но у подошвы холма, возлѣ двухъ деревьевъ, она увидѣла кучку рыбаковъ; а когда она переходила черезъ улицу, направляясь къ дому Рика О'Греда, изъ дверей его дома вышелъ хорошо знакомый ей человѣкъ, по имени Доналинъ, — доставлявшій въ селеніе краббовъ и омаровъ.

Онъ странно поглядѣлъ на нее, какъ ей показалось, но пошелъ внизъ съ горы, не заговоривъ съ нею, и когда она поступалась въ дверь, она увидѣла, что онъ присоединился къ кучкѣ людей подъ деревьями, которые, какъ она теперь замѣтила, всѣ глядѣли на нее съ непривычнымъ интересомъ.

Должно быть, что-нибудь случилось... они, должно быть, нашли его. Она не ожидала этого такъ скоро или такимъ путемъ; она думала, что вѣстникъ смерти придетъ къ ней въ домъ, а не къ Рикю; почему онъ пошелъ къ Рикю?

„О! Боже мой! — подумала она: — неужели они открыли, что это онъ сдѣлалъ!“

Она увидѣла, что дверь отперта и Рикъ стоитъ передъ нею.

— Войдите, Гарриэта! — сказалъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, беря ее холодную руку и притягивая въ маленькую пріемную комнату.

Онъ затворилъ за нею дверь и затѣмъ, повернувшись къ ней блѣднымъ лицомъ, тревожно произнесъ:

— Когда вы объ этомъ услышали?

Она стояла неподвижно, въ то время какъ собака Рика, пробужденная отъ сна, вскочила съ ковра передъ каминомъ и, бросившись къ ней, принялась тереться головой объ ее руку.

— Не говорите мнѣ ни слова... я все знаю! — лепетала она: — я знаю, что это вы сдѣлали для меня! Я дожидалась васъ на мосту, чтобы поговорить, и видѣла, какъ вы его пробили, и затѣмъ... и затѣмъ я услышала шаги Джона. О! Рикъ...

Она умолкла, истерически зарыдавъ.

— О! Рикъ! — продолжала она: — онъ прибилъ меня вчера вашей тростью... Я пошла, чтобы сказать вамъ объ этомъ... и я услышала, какъ онъ... я услышала, какъ онъ...

Рикъ схватилъ ее за руки и старался отстранить ихъ отъ себя.

— О чемъ вы говорите, Гарриэта? вы съ ума сошли?

— Не бойтесь меня, Рикъ! — продолжала она, въ безумномъ

самообольщеніи еще вѣпче прижимаясь къ нему.—Никто никогда не узнаеть, что вы сдѣлали, кромѣ меня, а я прощаю васъ, Рикъ... я могла бы остановить его, прежде чѣмъ онъ взошелъ на мостъ, но я знала, что они никогда не откроютъ васъ...

— Что такое вы мнѣ говорите?—спросилъ Рикъ съ ужасомъ, какой онъ испытывалъ и какой выражался въ его голосѣ и лицѣ:—то ли, что вашего мужа столкнули съ моста, а вы думаете, что это сдѣлалъ я?

— О! я знала это! я знала это!—закричала Гарриета, теряя всякое самообладаніе.—Кто другой сдѣлалъ бы это, кромѣ васъ! Вы ненавидѣли его такъ, какъ и онъ ненавидѣлъ васъ. Но они никогда этого не узнаютъ,—повторяла она:—они никогда этого не узнаютъ... Мы съ вами любимъ другъ друга и будемъ счастливы до конца нашихъ дней!

Рикъ оторвалъ ея руки отъ своей шеи и оттолкнулъ ее отъ себя.

— Пустите меня!—грубо сказалъ онъ, глядя въ ея блѣдное, страстное лицо, чтобы видѣть, не сошла ли она въ самомъ дѣлѣ съ ума.—Знаете ли вы, что мертвое тѣло вашего мужа найдено въ илѣ въ Скарифской бухтѣ и рядомъ съ нимъ тѣло Дана Гури? Это Доналинъ сказалъ мнѣ сейчасъ, а я не знаю, что такое вы мнѣ толкуете про мостъ... я близко не подходилъ къ нему прошлой ночью.

Она оперлась одной рукой на столъ и въ свою очередь вперила въ него пронзительный, недоумѣвающий взглядъ.

Что это? онъ играетъ комедію? или неужели...

— Рикъ!—начала она, не будучи въ силахъ перенести ужасную мысль:—не говорите мнѣ такихъ вещей, или вы убьете меня! Я ни слова больше не скажу вамъ про прошлую ночь, если вы этого не хотите. Но!—прибавила она отчаяннымъ голосомъ, при чемъ удивительные глаза ея загорѣлись и стали нѣжными:—въ чему секреты между нами? Когда вы поцѣловали меня, двѣ ночи тому назадъ, когда я узнала, что вы все тотъ же относительно меня, какъ были въ былые дни... я обрадовалась, что онъ прибилъ меня... я знала, что вы отомстите за меня...

Рикъ отвернулся отъ нея.

— Теперь все пойдетъ хорошо,—продолжала она:—мы...

— Замолчите!—закричалъ онъ, переходя отъ ужаса къ отпущенію:—неужели у васъ нѣтъ стыда? Я не видѣлъ вашего мужа, послѣ того какъ онъ ушелъ отъ Леонардовъ: мы съ нимъ смѣхъ поругались, и я жалѣю объ этомъ; но м-съ Леонардъ и ея чь скажутъ вамъ, что я оставилъ ихъ домъ не раньше, какъ устя цѣлый часъ, какъ онъ ушелъ, и я вовсе не подходилъ

въ мосту; я уплылъ на лодкѣ, какъ всегда. Поэтому если кто-нибудь причинилъ ему смерть, то никакъ не я!

— Но кто же тогда это сдѣлалъ, если не вы? Я видѣла, какъ отрывались доски отъ моста и бросались въ рѣку... Я присягну... я присягну!..

Она сказала все это въ видѣ угрозы, но даже въ то время, какъ она произносила эти слова, уныніе овладѣвало ея душой.

Ризъ не отвѣчалъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, а когда заговорилъ, то волненія и протеста не слышно было больше въ его голосѣ.

— Богъ проститъ вамъ, — сказалъ онъ: — и Богъ проститъ мнѣ, если мои слова навели васъ на этотъ путь.

Перемѣна въ его голосѣ и манерахъ произвела болѣе сильное впечатлѣніе на Гарриэту, нежели всѣ его предъидущія отрицанія. Она закрыла глаза рукой и, вытянувъ другую впередъ, шатаясь, пошла-было къ двери, но съ перваго же шага такъ повачнулась, что онъ долженъ былъ поддержать ее, чтобы она не упала.

— Не бойтесь меня, Гарриэта! — сказалъ онъ, безсознательно повторяя ея собственныя слова: — я васъ не выдамъ, бѣдное, несчастное созданіе!

Она поглядѣла на него сухими, растерянными глазами и увидѣла, что слезы стоятъ въ его глазахъ.

— Богу извѣстно, что я очень васъ любилъ когда-то, но вы не захотѣли меня тогда, — продолжалъ онъ: — а еслибы вы не измѣнили мнѣ, я бы никогда вамъ не измѣнилъ. Но это было давно, а теперь...

— Вы женитесь на ней? — перебила Гарриэта шопотомъ.

Онъ зналъ, что она хотѣла сказать, и кивнулъ головой.

Она упала на колѣни и обняла руками его колѣни.

— Я для васъ это сдѣлала, — пролепетала она почти неслышно: — для васъ... а вамъ все равно, еслибы я умерла вмѣстѣ съ нимъ!

На улицѣ послышался стукъ шаговъ многихъ людей и гулъ сдержанныхъ голосовъ; толпа народа медленно прошла, поднимаясь вверхъ по горѣ и неся что-то бѣлое, положенное на доску, которую поддерживали на веслахъ.

Онъ пытался — было стать между нею и окномъ, но прежде чѣмъ успѣлъ это сдѣлать, она увидѣла то, что онъ хотѣлъ отъ нея закрыть, и схватившись за свои длинные распущенные черныя волосы съ такимъ жестомъ, точно она хотѣла ихъ вырвать, грохнулась на полъ, лицомъ внизъ.

XXI.

Гласъ народа.

Съ мѣсяць, по крайней мѣрѣ, населеніе Росбринна и его окрестностей имѣло богатую тему для разговоровъ самаго животрепещущаго свойства.

Смерть Джона Донована сама по себѣ, случись она при самыхъ обыкновенныхъ условіяхъ, была бы общественной катастрофой высшаго значенія; но при тѣхъ обстоятельствахъ, какія ее сопровождали и подъ покровомъ таинственности, она выросла въ дѣлую легенду и затмила все когда-либо происходившее въ Росбринѣ.

Что тѣло Дана Гурли найдено было въ непонятномъ сосѣдствѣ съ тѣломъ человѣка, — котораго онъ ненавидѣлъ, какъ всѣмъ было извѣстно, — служило новой приправой таинственности, и отъ такого стеченія чудеснаго, усложненнаго непонятнымъ фактомъ о сломанномъ мостѣ, у населенія голова шла кругомъ.

Слѣдствіе было отложено на нѣсколько дней затѣмъ, чтобы можно было снять показаніе съ Джемса Магони и Гарриэты Донованъ, которая съ того самого утра, какъ тѣло ея мужа было принесено въ его домъ, слегла отъ нервной горячки — болѣзни, которая въ глазахъ ея знакомыхъ представлялась высшимъ проявленіемъ удивительнаго такта и чувства.

Узнали, что м-съ Донованъ ходила на поиски мужа въ ночь его смерти, но вернулась, вся промокнувъ и не найдя его. А затѣмъ утромъ первымъ дѣломъ отправилась снова на развѣдки.

— И подумать только, — говорила миссъ Викери: — что первая вещь, которую увидѣла бѣдное созданіе: — это трупъ утопленника! Я не удивлюсь, если она сама послѣ этого не останется въ живыхъ!

Но истина о томъ, какъ было приблизительно дѣло, выяснилась не изъ показаній Гарриэты.

Было доказано, что Джонъ Донованъ пошелъ въ Скарифъ въ половинѣ пятаго, а изъ показаній, данныхъ Леонардами и Рикомъ О'Греди, оказалось, что онъ прибылъ туда часомъ поздне: время приблизительно потребное на то, чтобы пройти черезъ сь.

Онъ пробылъ въ Скарифѣ минутъ около двадцати, и тутъ — свидетели сознавались въ этомъ — поспорился съ Рикомъ О'Греди, гордый, въ концѣ концовъ, прогнавъ его съ фермы.

Затѣмъ прочитано было показаніе Магони, подтверждавшее

показанія остальныхъ свидѣтелей, что Рикъ оставилъ ферму не менѣе какъ часъ спустя послѣ того, какъ ушелъ Донованъ.

Ясно было, что сломанный мостъ былъ причиной смерти послѣдняго, и предполагали, что кто-то сломалъ его, кто слѣдилъ за приходомъ и уходомъ Донована въ Скарифъ.

Доналинъ, рыбакъ, нашедшій мертвыя тѣла, видѣлъ слѣды, которые вели отъ Скарифскаго мыса къ старой лодкѣ, и пара сапогъ, признанная вдовою Леонардъ за сапоги Дана, была найдена на берегу рѣки.

Самая важная часть показанія слѣдовала затѣмъ, такъ какъ м-съ Леонардъ подъ присягой показала, что Данъ Гурли всю свою жизнь питалъ злобу противъ Джона Донована— „и не мудро: бѣдный малый! да проститъ мнѣ Господь, что я это говорю, но покойникъ крѣпко избидѣлъ его и его бѣдную мать!“

Сказавъ это, м-съ Леонардъ завернулась въ свой синій плащъ съ такимъ видомъ, который говорилъ, что она могла бы еще многое прибавить про поведеніе м-ра Донована относительно семьи Гурли, еслибы этого хотѣла. На дальнѣйшіе вопросы она отвѣчала сначала, что, слава Богу, не сплетница, но слѣдователь заставилъ ее рассказать, какимъ образомъ была приобретена Донованомъ ферма Гурли.

Далѣе она показала, что Данъ былъ въ странномъ и угрожающемъ настроеніи духа въ послѣдніе два-три дня до своей смерти, и тотъ фактъ, что онъ не показывался больше никому изъ домашнихъ, послѣ завтрака въ утро, слѣдовавшее за пожаромъ, произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на умы присяжныхъ.

Но въ концѣ концовъ они вынесли все-таки такой осторожный приговоръ по дѣлу Донована: „умеръ по несчастной случайности“, такъ какъ прямыхъ уликъ противъ Дана Гурли въ томъ, что онъ сломалъ мостъ, не оказывалось; медицинское же свидѣтельство, говорившее, что смерть послѣдняго воспослѣдовала отъ удушенія въ илѣ во время эпилептического припадка, облегчило приговоръ по этому болѣе простому дѣлу.

Все это и многіе другіе вопросы, связанные съ ними, все это волновали общественное мнѣніе, когда Джемсъ Магоги оправдился настолько, что могъ предстать передъ судомъ по обвиненію въ поджогѣ.

Мы избавимъ читателя отъ подробностей этого процесса, любопытныхъ только для лицъ непосредственно въ немъ заинтересованныхъ.

Коммиссія Парнелля познакомила большинство публики съ программами ирландскихъ свидѣтелей всякаго типа, а факты, кото-

пришлось Джемсу Магони пересказать въ судѣ, имѣють прецеденты въ исторіи ирландскихъ преступленій.

Джемсъ Магони откровенно изложилъ все дѣло, не щадя ни покойнаго президента росбринской отрасли земельной лиги, ни самого себя; и когда онъ кончилъ и стоялъ, дожидаясь приговора, всякій въ судѣ зналъ, какъ хитроумно думалъ м-ръ Донованъ совмѣстить свои личные интересы съ политическими.

Джемсъ Магони отдѣлался легкой карой и внушительнымъ нравоученіемъ отъ предсѣдателя суда, но вышелъ изъ суда съ стоицизмомъ, понятнымъ въ человѣкѣ, который дважды принимался за житейскую борьбу и вторично былъ побѣжденъ въ ней.

Подробный отчетъ о судебныхъ преніяхъ появился въ мѣстной газетѣ и былъ прочитанъ во всякаго рода мѣстахъ и всякаго рода читателями.

Секретарю лиги этотъ отчетъ былъ наименѣе пріятенъ. Несмотря на свое письмо къ Риву, онъ не вмѣшивался въ дримнахунское дѣло и не пытался вступить за своего покойнаго союзника.

Бойкотированіе — такое дѣло, которое начать гораздо легче, нежели прекратить; а дисциплинарная острота будетъ полезна м-съ Леонардъ, которая все-же выказала инсубординацію.

Но позднѣе ему пришлось, однако, пожалѣть, что онъ далъ слишкомъ большую волю м-ру Доновану, когда онъ увидѣлъ, что извѣстная сумма денегъ была, выражаясь мягко, отвлечена отъ ея первоначальнаго назначенія покойнымъ росбринскимъ дѣльцомъ. И этотъ грустный фактъ, въ связи съ недостаткомъ энтузіазма среди членовъ, теперь, когда личное вліяніе толстяка Донована прекратилось, можетъ объяснить уклоненіе Росбринна отъ политической дѣятельности.

Другой экземпляръ газеты прочитанъ былъ Гарриэтой вдаль отъ того поприща, на которомъ умеръ и опозорился ея мужъ. Она почти не перемѣнилась въ лицѣ, читая его, и когда окончила, то положила на столъ, задумчиво глядя на грязную дублинскую улицу.

Бакалейщикъ, напротивъ ея квартиры, увиѣ свое окно плющомъ и остролистомъ въ честь наступающаго Рождества, и прежде чѣмъ она спохватилась, эта рамка, окружавшая груди окороковъ и свиного сала, отвлекла ея мысли назадъ, въ зеленые Трегарт-те лѣса.

Болѣзнь, отъ которой она только-что оправилась, выдвинула кое-то темное облако между нею и прошлымъ, и нравственная ба, казавшаяся сначала непереносимой, стала глухой, неизбѣжной спутницей ея повседневной жизни.

Но вульгарный реализмъ газеты и мягкое внушеніе, исхлотившее отъ зеленыхъ растений, совместно нанесли ударъ, который можно назвать адскимъ. То былъ ея послѣдній день на волѣ, существомъ свободнымъ, не чуждымъ надежды и плановъ въ жизни. На завтра она потонула въ той анонимной пучинѣ, которую римская церковь предлагаетъ тѣмъ, кто находятъ свою роль въ жизни себѣ не подъ силу.

Можно усомниться въ томъ, сочли ли бы ее сестры милосердія того ордена, въ который она поступила, находкой для своей религіозной и мирной общины, еслибы видѣли, съ какимъ пыломъ и горючими, ѣдкими слезами прижимала она къ губамъ фотографію Рива О'Греди въ послѣднюю ночь, которую провела на свободѣ, стоя на колѣняхъ передъ своей кроватью.

Въ это самое время Ривъ стоялъ около Элленъ Леонардъ на дворѣ Скварифской фермы, между тѣмъ какъ звѣзды сверкали на темномъ небѣ морозной ночи, а кругомъ стояла полная тишина.

— Я не такой хорошій человекъ, какъ вы думаете,—говорилъ онъ:—то, что я для васъ сдѣлалъ, мнѣ не стоило никакого труда. Есть вещи, которыхъ я не могу вамъ сказать, но повѣрьте мнѣ, я былъ неправъ...

Онъ умолялъ и выпустилъ руку Элленъ, прибавивъ:

— Я недостойнъ васъ, Элленъ...

Отвѣтъ Элленъ бесполезно передавать. Она была еще очень молода, и удовольствіе простить любимаго человека было такъ ново и пріятно, что нельзя удивляться, если ея отвѣтъ оказался слишккомъ безсвязнымъ.

Но что бы она ему ни говорила, и что бы онъ ей ни отвѣчалъ,—несомнѣнно одно, что вдова, вязавшая чулокъ у очага въ коттеджѣ, почувствовала, что ея терпѣніе истощилось, и положила конецъ ихъ бесѣдѣ.

— Ступай домой, Элленъ!—закричала она изъ двери.—Развѣ ты не знаешь, что у меня хлопотъ полночь ротъ, и ты должна мнѣ помочь! Ступай домой, Ривъ!... Тебѣ, кажется, мало, что завтра утромъ васъ повѣнчаютъ! О, Боже мой, Боже мой, какъ глупы эти влюбленные!

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЪ

и

КНЯЗЬ БИСМАРКЪ

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Владимиръ Ренненкампфъ.—Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. Кіевъ, 1890. 414 стр.

Едва ли нужно много говорить о живомъ интересѣ и важности тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ тѣму труда г. Ренненкампфа. Историческое развитіе юридическаго строя государственной жизни вообще представляетъ собою не что иное, какъ исторію отношеній между государствомъ и личностью, между государственною властью и ей подчиненными. Исторія свидѣтельствуетъ о непрестанномъ измѣненіи взглядовъ на значеніе и цѣли государства, на роль и устройство государственной власти, — наконецъ, на значеніе человеческой личности и преслѣдуемая ею задачи жизни. Въ параллель съ постепеннымъ видоизмѣненіемъ и уясненіемъ точекъ зрѣнія на всѣ эти вопросы шло измѣненіе и самихъ формъ государственной жизни. Слѣдя за этимъ движеніемъ, легко замѣтить, что по мѣрѣ приближенія къ нашему времени все болѣе и болѣе устанавливается равновѣсіе между интересами цѣлаго и частей, — государства и человеческой личности. Какъ залогъ такой охраны правъ и интересовъ отдѣльной личности, рядомъ съ ограниченіемъ государственнаго всевластія, выдвинута въ новое время конституціонная форма государственнаго строя, принесшая, впрочемъ, не

мало разочарованій. Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Р. фонъ-Модемъ, который говоритъ, что „конституціонный образъ правленія, безъ сомнѣнія, не есть послѣднее слово человѣческаго прогресса, но онъ уже и теперь является великимъ всемірно-историческимъ фактомъ, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ долгая и широкая будущность“. Быстрое же и широкое распространеніе въ новѣйшее время конституціонной формы правленія Мольтъ считаетъ „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области государствовѣденія“¹⁾. Нетрудно, поэтому, понять, почему изученіе конституціонализма должно было возбудить и дѣйствительно возбудило большой интересъ. Въ новѣйшее время появилось на разныхъ языкахъ множество сочиненій, посвященныхъ научному изслѣдованію конституціонной формы государственнаго устройства съ разныхъ сторонъ и въ различныхъ направленіяхъ. Что касается въ частности русской литературы, то она, къ сожалѣнію, бѣдна самостоятельными трудами по общимъ вопросамъ конституціонализма.

Въ виду всего сказаннаго, становится вполне яснымъ интересъ книги г. Ренненкампа, представляющей къ тому не только обзоръ конституціонныхъ началъ, но и политическія воззрѣнія князя Бисмарка.

Какая же, однако, связь существуетъ между „конституціонными началами“ и „политическими воззрѣніями кн. Бисмарка“ и въ чемъ заключалась задача труда г. Ренненкампа?

„Въ теченіе своей парламентской жизни,—говоритъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія,—кн. Бисмаркъ успѣлъ затронуть почти всѣ главнѣйшіе конституціонные вопросы и по многимъ изъ нихъ высказать весьма важныя и полныя глубокаго жизненнаго смысла воззрѣнія; сверхъ того, политическія мнѣнія и задачи Бисмарка хотя образовались подъ вліяніемъ историческихъ условій Пруссіи и Германіи, но имѣютъ и общее значеніе въ развитіи государственнаго порядка. Въ виду этого я рѣшился свести отрывочныя политическія воззрѣнія кн. Бисмарка, разсѣяныя въ его многочисленныхъ рѣчахъ, въ одно цѣлое и уяснить ихъ связь съ современнымъ положеніемъ конституціоннаго права въ наукѣ и законодательствѣ“²⁾. Вотъ отвѣтъ самого автора на поставленный мною вопросъ.

Остается посмотрѣть, какъ выполнена авторомъ задача сего труда.

¹⁾ *R. v. Mohl, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I Bd. S. 287.*

²⁾ Предисловіе, стр. 3.

I.

Книга г. Ренненкампа состоитъ изъ трехъ отдѣловъ и заключенія. Первые два посвящены обзору „конституціонныхъ началъ“; въ третьемъ излагаются „политическія воззрѣнія кн. Бисмарка“, а въ заключеніи авторъ дѣлаетъ оцѣнку этихъ „воззрѣній“. Обратимся къ разсмотрѣнію первыхъ двухъ отдѣловъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о конституціонныхъ началахъ.

Прежде всего приходится отмѣтить, что оба эти отдѣла не даютъ ничего новаго, и при томъ не только для западной Европы, но и для насъ. Чтобы въ этомъ не сомнѣваться, стоитъ только припомнить, что у насъ, кромѣ довольно значительнаго числа переводныхъ сочиненій (Монтескье, Моль, Блюнчли; Фишель, Гнейстъ, Фриманъ и Стэбсъ, Францъ, баронъ Гакстгаузенъ, Милль, Лавеле и др.), есть нѣсколько и принадлежащихъ перу русскихъ писателей (Чичеринъ, Градовскій, Лохвицкій и Ватсонъ, Ворошиловъ, Слонимскій и др.). Въ этихъ трудахъ можно найти несравненно болѣе полныя и точныя свѣденія по разнымъ вопросамъ конституціонализма, чѣмъ тѣ, какія содержатся въ книгѣ г. Ренненкампа. Впрочемъ, я далекъ отъ мысли вмѣнять автору въ вину отсутствіе въ его изслѣдованіи новизны взглядовъ, такъ какъ хорошо понимаю, какъ трудно для начинающаго ученаго сказать что-либо новое по основнымъ вопросамъ конституціоннаго права. Обращая же вниманіе на отсутствіе новизны, я хотѣлъ только указать на самый фактъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, изъ пяти главъ (стр. 7—80), находимъ бѣглый „историческій очеркъ конституціоннаго устройства“. Изложеніе историческаго очерка открывается уясненіемъ основной идеи конституціоннаго устройства и наброскомъ общими штрихами выдающихся моментовъ въ его развитіи. Этому отведена первая глава. Вотъ къ чему сводится существо ея содержанія.

„Понятіе о конституціонномъ государственномъ устройствѣ, въ его современномъ техническомъ смыслѣ, выработалось въ концѣ XVIII и утвердилось въ теченіе XIX столѣтія“... „Основная идея конституціоннаго устройства, въ новѣйшемъ смыслѣ, заключается въ томъ, чтобы установить предѣлы высшей государственной власти, организовать взаимное отношеніе различныхъ ея частей, оредѣлить и обезпечить основныя права гражданъ въ обществѣ“ (р. 7). „Принадлежностью конституціоннаго порядка явились и ираемые народомъ представители, на которыхъ возлагалось и ѣстное участіе въ управленіи государствомъ, охраненіе народ-

ныхъ правъ и контроль за дѣйствіями правительства "... „Корень и первообразъ представительства новаго времени, безъ сомнѣнія, должно искать въ средневѣковыхъ сословныхъ собраніяхъ западной Европы (въ Англии эта преемственность происхожденія новѣйшаго парламента обнаруживается вполне ясно). Но вмѣстѣ съ тѣмъ представительство новѣйшее глубоко отличается отъ средневѣкового“ (стр. 9). Ученіе о конституціонномъ государственномъ устройствѣ впервые было обработано знаменитымъ Монтескье и получило „чрезвычайно быстрое распространеніе какъ въ наукѣ, такъ и въ законодательствѣ“ (стр. 10). „Принципы конституціонно-представительнаго устройства получили столь общее признаніе, что считали возможнымъ прилагать ихъ ко всякой странѣ и при всѣхъ общественныхъ условіяхъ“ (Гизо, Милль, Лабуръ, стр. 11).

Созиданіе подражательныхъ конституціонныхъ актовъ, разрывавшихъ связи съ прошедшими условіями общества, вызвало при самомъ началѣ конституціоннаго развитія очень горячія возраженія со стороны исторической школы, Борка, Де-Местра, Бональда и многихъ другихъ. Шталь основалъ даже цѣлое ученіе противъ такихъ творчествъ (стр. 12—13). Эти возраженія, вмѣстѣ съ болѣе глубокимъ изученіемъ конституціоннаго строя, принесли свою долю пользы для уясненія существа и условій примѣнимости конституціоннаго режима. Было доказано, что каждое государственное устройство — явленіе преходящее, и что въ каждую эпоху наилучшая форма этого устройства та, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ наличнымъ условіямъ даннаго времени и мѣста (Милль, Моль). Но въ то же самое время „дальнѣйшее развитіе конституціоннаго порядка не оправдало всѣхъ возраженій протестовавшихъ“; именно, уяснилось, что при извѣстныхъ условіяхъ принятіе иноземныхъ началъ не только возможно, но и полезно, и что „конституціонныя хартіи могутъ быть вводимы въ жизнь и въ видѣ одновременныхъ октроированныхъ актовъ, если только онѣ соотвѣтствуютъ потребностямъ и силамъ общества“. Такіе акты и понадобились, кромѣ Англии, для всѣхъ государствъ западной Европы, гдѣ конституціонный порядокъ явился новымъ учрежденіемъ, требовавшимъ полнаго преобразования прежняго государственнаго строя (стр. 14—15). Дѣйствительно исторіей конституціонализма засвидѣтельствованъ фактъ появленія множества разнообразныхъ по своему содержанію конституціонныхъ хартій.

Но какую же судьбу испытали „общія начала конституціоннаго порядка, предложенныя въ концѣ XVIII-го вѣка и переданныя въ наслѣдство XIX“? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ

общими мѣстами. „Въ теченіе своей вѣковой жизни,—говорится въ книгѣ г. Ренненкампа,—они проходили многоразличныя ступени развитія и подвергались важнымъ видоизмѣненіямъ, какъ въ основаніяхъ, такъ и въ задачахъ, формахъ и условіяхъ своего дѣйствія“.

Движеніе было столь быстрое и широкое, что наука едва успѣвала слѣдовать за нимъ. Несомнѣнно, однако, что „въ теченіе указаннаго вѣкового движенія и ученіе, и законодательство конституціоннаго права достигли большихъ успѣховъ какъ относительно формъ, такъ и относительно разумнѣя условій и способовъ осуществленія своихъ задачъ“ (стр. 17). „То, что высказывалось политическими вождями и публицистами 89—95 годовъ прошлаго вѣка по предмету государственнаго устройства и казалось въ то время высокимъ, смѣлымъ и благодѣтельнымъ, то самое кажется намъ теперь легкомысленнымъ, фантастическимъ увлеченіемъ“... „Задачи и способы конституціоннаго устройства, казавшіеся вначалѣ столь простыми и ясными, столь легкими и осуществимыми, съ каждымъ новымъ успѣхомъ какъ науки, такъ и законодательства, оказались все болѣе сложными, глубокими, трудно исполнимыми“ (стр. 18).

„Подобное положеніе вещей, соединенное съ бременемъ усложненной жизни вообще, вызывало постепенно не только недовольство, но и разочарованіе въ благахъ конституціонно-представительнаго устройства“. Не только консерваторы (въ родѣ Циммермана) и крайніе социалисты, но и искренніе друзья личной и политической свободы замѣчаютъ, что „въ настоящее время и консерваторы, и либералы потеряли вѣру въ свое политическое ученіе“ (Милль, Мэнъ, стр. 19). „Конечно,—заключаетъ авторъ,—въ упрекахъ и разочарованіяхъ много есть невѣрнаго, пристрастнаго, отъ представительной формы правленія требуютъ слишкомъ идеальныхъ и полныхъ результатовъ“.

При чтеніи этой главы не трудно замѣтить нѣкоторые довольно существенные пропуски. Было бы весьма умѣстно и цѣлесообразно подробнѣе остановиться на различіи судебъ конституціонализма въ Англіи и на континентѣ Европы, чѣмъ дѣлаетъ это авторъ, лишь мимоходомъ касающійся этого вопроса. Изгнѣтно, что отличительной особенностью государственнаго строя Англіи должно исвать не въ его составныхъ элементахъ, а главнымъ образомъ въ процессѣ ихъ историческаго развитія. Основная и характерная черта этого процесса состоитъ въ органической непрерывности между старымъ и новымъ. Англійскія государственныя учрежденія, по большей части, выросли на почвѣ по-

степеннаго органическаго развитія историческихъ началъ Совершенный контрастъ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія политическихъ учрежденій на континентѣ Европы. Здѣсь новый порядокъ вещей устанавливается на развалинахъ стараго. Въ нему должны приспособиться историческія учрежденія, гдѣ и насколько они уцѣлѣли отъ общей ломки.

Затѣмъ, въ развитіи государственнаго строя Англіи ясно выступаетъ задача не только утвердить и оградить личную свободу, но и создать вѣрное государство, которое располагало бы сильными органами, и на пользу котораго служили бы все слои общества. Послѣдняя цѣль была достигнута широкимъ развитіемъ системы самоуправленія, которую всегда нужно имѣть въ виду, желая уразумѣть внутренній смыслъ англійской конституціи, ибо въ Англіи существуетъ тѣсная связь между самоуправленіемъ и государственнымъ строемъ. Не то мы видимъ въ развитіи конституціоннаго режима въ континентальныхъ государствахъ Европы. Тутъ, подъ влияніемъ цѣлаго ряда причинъ, останавливаться на которыхъ здѣсь не мѣсто, главную задачу реформы государственнаго строя полагали, съ одной стороны, въ обезпеченіи правъ „человѣка и гражданина“, а съ другой—въ преобразованіи центральныхъ органовъ государственной власти и въ общемъ ограниченіи ея правъ. Устройство же органовъ внутреннего подчиненнаго управленія и организація самоуправленія оставались на заднемъ планѣ и во всякомъ случаѣ отставали въ своемъ развитіи отъ перемѣнъ, происходившихъ въ судьбѣ органовъ центральной правительственной власти.

Сверхъ всего этого, для правильной оцѣнки значенія конституціонныхъ учрежденій Европы, ихъ достоинствъ и недостатковъ, необходимо считаться съ тѣми условіями, среди которыхъ имъ приходилось входить въ жизнь. Чтобы на этомъ долго не останавливаться, отмѣчу только важнѣйшіе факты. Появленіе въ Европѣ на развалинахъ стараго порядка новаго, не имѣвшаго историческихъ корней конституціоннаго строя совпало съ процессомъ перерожденія общественнаго быта, съ развитіемъ демократическихъ идей и такъ-называемаго социальнаго вопроса. Успѣхи демократизма въ конечномъ результатѣ привели къ требованію всеобщей подачи голосовъ,—требованію, которое постепенно находить удовлетвореніе въ разныхъ государствахъ, преимущественно послѣ 1848 г. Что же касается социальнаго вопроса, то онъ возникъ въ XIX в. на почвѣ небывалаго развитія экономическихъ отношеній, значительно измѣнившихъ свои формы въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, обострился въ государствахъ

съ развитою промышленностью, благодаря образовавшемуся тамъ антагонизму между трудомъ и капиталомъ, и по настоящее время далеко отъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Съ особенной силой даетъ себя чувствовать социальный вопросъ къ концу 40-хъ годовъ. „Почти до окончательнаго торжества конституціоннаго начала на континентѣ Европы, т.-е. до 1848 г.; политическая стона реформъ,—замѣчаетъ проф. Градовскій,—стояла, въ общемъ мѣнѣніи, на первомъ планѣ“. Только въ 1848 г. „революція политическая встрѣтилась съ социальною“¹⁾.

Но развитіе демократіи и социальнаго вопроса—на что въ послѣдующемъ своемъ изложеніи обращаетъ вниманіе и г. Ренненкампфъ—далеко не единственныя условія, вліявшія на судьбу конституціонализма во второй половинѣ нашего вѣка. Нельзя не обратить вниманія и на то, что до 1848 г. распространеніе конституціонализма въ Европѣ происходило въ сравнительно довольно мирное время. Ему приходилось тогда только выдерживать борьбу съ реакціей, главнымъ апостоломъ которой была Австрія. Во второй же половинѣ XIX в. картина значительно мѣняется. Въ это время ставится на очередь, постепенно зрѣетъ и разрѣшается національный вопросъ въ Греціи, Италіи и Германіи. Во Франціи почти на два десятка лѣтъ воскресаетъ имперія во главѣ съ Наполеономъ III, который такъ же, какъ и его знаменитый предокъ, старается обезпечить свое положеніе, окруживъ свой тронъ лаврами военной славы и блескомъ дѣлъ внѣшней политики. Наконецъ, Турція, несмотря на благосклонное къ ней отношеніе западной Европы, испытываетъ рядъ очень серьезныхъ потрясеній, которыя, между прочимъ, приводятъ къ введенію конституцій въ видѣлившихся изъ нея государствахъ (Сербіи и Румыніи), въ ней самой (правда, только на бумагѣ, съ цѣлью отстранить вмѣшательство европейскихъ державъ) и въ полунезависимомъ отъ нея государствѣ Болгаріи. Всѣ эти событія не прошли безслѣдно и для исторіи конституціонализма. Разрѣшеніе національнаго вопроса и поддержаніе національнаго единства (особенно въ Германіи), крайне безпокойная политика Наполеона III, борьба государствъ изъ-за первенства и осложненіе взаимныхъ отношеній между ними столетовеніями въ области колониальной политики, дѣль восточныхъ и т. п., наконецъ, необходимость самозащиты—приводили и приводятъ или къ открытой войнѣ или къ поддержанію вооруженнаго мира въ Европѣ. А извѣстно, что воинствен-

¹⁾ А. Градовскій, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, I. Спб. 1886 г., стр. 17.

ная внѣшняя политика отражается и на внутреннихъ дѣлахъ государствъ. „Преобладаніе военныхъ интересовъ надъ всѣми другими“ и „ослабленіе значенія народнаго представительства—обыкновенныя ея послѣдствія. Въ этомъ смыслѣ оно можетъ быть названо противоположностью порядку конституціонному“¹⁾. И такъ, всеобщая подача голосовъ, социальный вопросъ и милитаризмъ—вотъ знамена, среди которыхъ приходилось и приходится развѣваться и знамени конституціонализма; вотъ важнѣйшія условія, сопутствующія жизни и развитію конституціонныхъ учреждений во второй половинѣ нашего вѣка. На всѣхъ этихъ фактахъ автору надлежало остановиться и оцѣнить ихъ, такъ какъ они, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ самъ говоритъ объ исторіи конституціонализма, дали бы ключъ къ уразумѣнію прошлыхъ судебъ конституціонныхъ учреждений, позволили бы произвести болѣе правильную оцѣнку ихъ достоинствъ и недостатковъ, раскрыли бы причины, мѣшавшія правильному ихъ развитію, наконецъ, могли бы указать пути дальнѣйшаго движенія.

Въ остальныхъ четырехъ главахъ перваго отдѣла вкратцѣ рассказана исторія конституціонализма въ разные періоды его развитія въ Европѣ. Изъ американскихъ государствъ упоминается только о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Я не стану, конечно, передавать содержанія этихъ главъ, заключающихъ въ себѣ изложеніе общеизвѣстныхъ фактовъ изъ исторіи конституціонализма. Я ограничусь только указаніемъ на нѣкоторые крупнѣйшіе недостатки этой части труда г. Ренненкампа.

Вторая глава посвящена историческому очерку конституціоннаго строя западно-европейскихъ государствъ въ промежутокъ времени между 1789 и 1814 г. Въ этомъ очеркѣ авторомъ опущено не мало такихъ фактовъ, о которыхъ онъ долженъ былъ упомянуть въ интересахъ исторической правды. Такъ, почему-то пройдены молчаніемъ французскія конституціи 22-го августа 1795 г. (5 фруктидора III года республики); 13-го декабря 1799 г. (22 фримера VIII года республики); „органической сенатусъ-консультъ“ 4-го августа 1802 г. (16 термидора X года республики) и знаменитый „органической сенатусъ-консультъ“ 18-го мая 1804 г. (28 флореала XII года республики), который „управленіе республики поручалъ императору“ (1 ст.). Не обращено также никакого вниманія на тѣ конституціи, которыя бы введены въ вассальныхъ республикахъ: батавской (Голландія), цальпинской (Ломбардія и республика циспаданская), лигурійс-

¹⁾ А. Градовскій, тамъ же, стр. 32—33.

(бывшая республика генуэзская), въ Луккѣ, римской республикѣ, гельветической (Швейцарія) и партенопейской (неаполитанскія владѣнія); всё онѣ являлись подражаніемъ французскимъ образцамъ и измѣнялись сообразно съ перемѣнами, происходившими въ самой Франціи. Наконецъ, въ этой главѣ нѣтъ ни слова о конституціяхъ неаполитанской 20-го іюня 1808 г., шведской 6-го іюня 1809 г., въ которой удержано сословное представительство, испанской 1812 г., составленной по образцу французской 1791 г., и сицилійской, также 1812 г., явившейся, какъ говоритъ Блунчли, „подражаніемъ англійскимъ формамъ съ примѣсью теорій, провозглашенныхъ французскою конституціей 1791 г.“¹⁾ и др.

Конечно, не всё эти конституціи дѣйствовали одинаково продолжительный срокъ и имѣли равное значеніе. Несомнѣнно, однако, онѣ не прошли безслѣдно для развитія конституціонныхъ учрежденій послѣдующаго времени. Въ виду всего сказаннаго можно, кажется, не безъ основанія утверждать, что представленный г. Ренненкампомъ очеркъ исторіи конституціонныхъ учрежденій въ Европѣ отъ 1789 по 1814 г. далекъ отъ болѣе или менѣе полнаго воспроизведенія того, что происходило въ дѣйствительности.

Въ III гл. идетъ рѣчь о событіяхъ въ исторіи конституціонализма съ 1814 г. по 1848 г., а гл. IV посвящена времени съ 1848 г. по 1870 г. Въ обѣихъ этихъ главахъ довольно живо отмѣчены выдающіеся моменты въ исторіи конституціонализма. Нельзя только согласиться со взглядомъ автора относительно вліянія Наполеона III на „общій ходъ развитія западно-европейскаго конституціонализма“.

Наконецъ, въ V гл., г. Ренненкампфъ дѣлаетъ краткій обзоръ періода отъ 1870—1871 г. до настоящаго времени. Замѣтивъ, что „краткость истекшаго съ 1870—71 времени лишаетъ возможности сдѣлать по отношенію къ нему какое-либо общее заключеніе“, авторъ ограничивается въ этой главѣ лишь указаніемъ на два болѣе выдающіяся явленія недавняго прошлаго—учрежденіе республики во Франціи и возникновеніе германской имперіи—и проводитъ между этими державами самое поверхностное различіе.

Этимъ и исчерпывается обзоръ исторіи конституціонализма въ послѣднія 20 лѣтъ. Нетрудно замѣтить поверхностность всего этого очерка. Авторъ совершенно напрасно оставилъ безъ вниманія целый рядъ фактовъ далеко не безынтересныхъ для его цѣли.

¹⁾ I. C. Bluntschli, Allgemeine Staatslehre. I. Th. 1875, S. 462.

Такъ прошли совершенно незамѣченными — конституція Швейцаріи 1874 г., событія въ Испаніи, турецкая конституція 1876 г., болгарская 1879 г. и вообще внутренняя жизнь конституціонныхъ европейскихъ государствъ.

При такихъ условіяхъ дѣйствительно было трудно сдѣлать какую бы то ни было характеристику послѣднихъ 20 лѣтъ съ точки зрѣнія развитія конституціонализма.

Свой историческій очеркъ г. Ренненкампфъ заканчиваетъ слѣдующей характеристикой. „Въ каждомъ изъ 3-хъ періодовъ (авторъ исключаетъ послѣднія 20 лѣтъ) тѣ или другія конституціонныя начала получали преобладающее значеніе, овладѣвая всѣмъ теченіемъ политической жизни и сообщая ей особый характеръ и направленіе. При этомъ случалось, что начала, господствовавшія въ одномъ періодѣ, оставались безъ вниманія въ послѣдующемъ и возникали съ новыми силами въ новѣйшемъ.

„Въ первомъ, революціонномъ періодѣ такими преобладающими началами были: 1) права личныя и 2) народный суверенитетъ. Во второмъ (1814—1848): 3) государство и государственная власть, 4) раздѣленіе властей, 5) представительство вообще и, въ частности, учрежденіе верхней палаты или сената. Въ третьемъ (1848—1870): 6) всеобщее голосованіе и огражденіе правъ меньшинства, 7) парламентарная система“ (стр. 79—80).

Съ этою характеристикой ни въ какомъ случаѣ согласиться нельзя, такъ какъ она не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія юридической конструкціи той формы государственнаго устройства, которая называется конституціонной. Авторъ, повидимому, не далъ себѣ точнаго отчета въ томъ, чтѣ слѣдуетъ разумѣть подѣ „конституціонными началами“. Иначе къ числу „конституціонныхъ началъ“ онъ не причислилъ бы того, чтѣ въ нимъ не относится, и наоборотъ упомянулъ бы о томъ, чтѣ къ такимъ „началамъ“ несомнѣнно принадлежитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если подѣ „конституціонными началами“ разумѣть только тѣ основныя юридическія моменты, изъ которыхъ слагается юридическая природа конституціонной формы государственнаго устройства, и безъ которыхъ нѣтъ этой формы устройства, — а разумѣть подѣ „конституціонными началами“ что-либо иное едва-ли возможно, — то относить къ числу такихъ „началъ“ напр., „государство и государственную власть“, „всеобщую палату голосовъ и огражденіе правъ меньшинства“, „парламентарную систему“, какъ это дѣлаетъ авторъ, значитъ впадать въ крупную ошибку.

„Государственная власть“ — это такой моментъ юридическ

природы государства, который существуетъ при всякой формѣ государственнаго устройства. Безъ него нѣтъ вообще государства. „Всеобщая подача голосовъ“ — не что иное, какъ *одинъ изъ способовъ* избранія представителей народа или принятія извѣстнаго рѣшенія. „Всеобщая подача голосовъ“ можетъ практиковаться и въ абсолютныхъ монархіяхъ, какъ система выборовъ, напр., городскихъ или земскихъ. „Парламентарная система“ характеризуется тѣмъ, что министры назначаются изъ выдающихся лицъ большинства представительнаго собранія, — слѣдовательно, ихъ назначеніе и смѣна находятся въ связи съ преобладаніемъ въ парламентѣ той или иной партіи. Но конституціонный монархъ можетъ назначать министровъ и не изъ числа членовъ палатскаго большинства. Слѣдовательно, какъ „всеобщая подача голосовъ“, такъ и парламентарная система отнюдь не составляютъ *conditio sine qua non* конституціоннаго строя, что мы и видимъ въ дѣйствительности. Та и другая являются только, такъ сказать, отгѣнками — правда, весьма существенными — въ конституціонномъ режимѣ отдѣльныхъ державъ, не касаясь самой правовой природы конституціонализма¹⁾; это — одна сторона дѣла.

Съ другой стороны, г. Ренненкампфъ почему-то опускаетъ такіе вопросы, какъ положеніе короля въ конституціонномъ государствѣ и министерская отвѣтственность, на которыхъ слѣдовало бы остановиться, говоря о „конституціонныхъ началахъ“.

При всемъ этомъ, если обратимся къ главамъ, въ которыхъ изслѣдуются отдѣльныя „конституціонныя начала“, то увидимъ, что авторъ постоянно выходитъ за предѣлы тѣхъ періодовъ, въ которыхъ приурочиваетъ ихъ преобладаніе, и такимъ образомъ едва ли успѣваетъ доказать такое ихъ преобладаніе въ данномъ періодѣ (см., напр., гл. VI, VII и др.).

Гораздо цѣлесообразнѣе, на нашъ взглядъ, была бы иная постановка вопроса. Дѣло въ слѣдующемъ.

Во второй половинѣ прошлаго вѣка, во Франціи и Америкѣ, въ печати, въ наказахъ депутатамъ (*sahiers*), наконецъ, въ конституціяхъ, выдвинутъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ (отчасти обращавшихъ на себя вниманіе и раньше), касавшихся существа государства и государственной организаціи. Къ числу такихъ вопросовъ относятся слѣдующіе: о естественныхъ, прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о народномъ суверенитетѣ, о договорномъ происхожденіи государства, о народномъ предста-

¹⁾ R. v. Mohl, Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, Bd. 1, S. 288.

вительствѣ въ формѣ одной или двухъ палатъ, о раздѣленіи властей, о положеніи короны въ конституціонномъ государствѣ, о роли министровъ и министерской ответственности. Было бы очень интересно изслѣдовать какъ постановку всѣхъ этихъ вопросовъ въ прошломъ столѣтіи, такъ и дальнѣйшее ихъ видоизмѣненіе и развитіе какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Такое разсмотрѣніе постепеннаго развитія и уясненія различныхъ сторонъ государственнаго строя могло бы представить правдивую картину постепеннаго измѣненія и уясненія основныхъ принциповъ конституціонализма, показало бы, какъ приходили въ равновѣсіе и гармонію отдѣльные его элементы, и въ концѣ концовъ привело бы къ вѣрному изображенію добытыхъ въ настоящее время результатовъ.

Нѣкоторыя изъ главъ въ книгѣ г. Ренненкампа могли бы даже пойти въ счетъ для такой работы,— правда, если бы онѣ были обработаны болѣе тщательно.

Итакъ, все сказанное до сихъ поръ даетъ основаніе заключить, что историческій очеркъ конституціоннаго устройства представляетъ весьма краткій, не безъ пропусковъ, конспектъ, написанный довольно живо, но составленный главнымъ образомъ подъ влияніемъ работъ Моля ¹⁾ и Градовскаго ²⁾, отъ которыхъ, впрочемъ, авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія. Но самостоятельнаго научнаго значенія этотъ очеркъ не имѣетъ. Характеристика періодовъ развитія конституціоннаго устройства, съ точки зрѣнія преобладанія въ нихъ тѣхъ или иныхъ „конституціонныхъ началъ“, сдѣлана неудачно.

Перехожу къ критическому разбору второго отдѣла.

Содержаніе второго отдѣла составляетъ — „обозрѣніе основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя“. Въ пяти главахъ этого отдѣла идетъ рѣчь о „правахъ личныхъ и народномъ суверенитетѣ“ (гл. VI), о „государствѣ, государственной власти и раздѣленіи властей“ (гл. VII), о „народномъ представительствѣ“ (гл. VIII), о „всеобщемъ голосованіи и охраненіи правъ меньшинства“ (гл. IX), наконецъ, о „парламентарной системѣ“ (гл. X).

Насколько ошибочно сдѣланное авторомъ отнесеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ къ числу „основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя“, — на это указано было раньше.

Если послѣ сказаннаго обратимся къ отдѣльнымъ главамъ

¹⁾ Статья: Die Geschichte und Literatur des allgemeinen constitutionellen Staates, помят. въ Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften, I B. S. 267—334.

²⁾ Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, т. I. Сиб. 1887

второго отдѣла, то въ нихъ въ свою очередь легко указать цѣ-
 лый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ промаховъ. Чтобы избѣжать
 упрека въ голословности, я приведу содержаніе и сдѣлаю разборъ
 одной изъ главъ. Остановливаюсь на первой главѣ разсматривае-
 маго раздѣла, трактующей о „правахъ личныхъ и народномъ
 суверенитетѣ“.

„Революціонный періодъ (отъ 1789 г. до 1802 г.),—говоритъ
 авторъ,—основалъ свое движеніе, свои построенія государственнаго
 и общественнаго порядка на двухъ главныхъ началахъ: а) пра-
 вахъ лица и б) народномъ суверенитетѣ“ (стр. 83).

Когда въ срединѣ XVIII-го в. утвердился потребность въ
 коренномъ преобразованіи общественнаго и государственнаго по-
 рядка, поставили первой задачей уничтожить всѣ привилегіи,
 уяснить и утвердить прирожденныя, неотъемлемыя и священныя
 права человѣка, „незнаніе, забвеніе и презрѣніе которыхъ были
 единственными причинами общественныхъ несчастій и испорчен-
 ности правительствъ“ (стр. 84). „Результатомъ этого стремленія
 была знаменитая декларація правъ человѣка и гражданина 1789 г.,
 составленная въ подражаніе подобныхъ же сѣверо-американскихъ
 актовъ съ замѣчательнымъ сходствомъ не только основныхъ мыс-
 лей, но даже выраженій, и заключавшая въ себѣ, по мнѣнію ея
 авторовъ, всеобщія и неизмѣнныя начала, установленныя самою
 природою, присущія всѣмъ людямъ, временамъ и странамъ“ (84).
 Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ главнѣйшія естественныя права, ука-
 занныя въ деклараціи 1789 г., авторъ переходитъ къ вопросу
 о народномъ суверенитетѣ. „Личныя права,—говоритъ онъ,—въ
 такомъ объемѣ естественно должны были породить начало народ-
 наго суверенитета, и дѣйствительно декларація 26-го авг. 1789 г.
 признаетъ, что „принципъ всякаго суверенитета заключается су-
 щественно въ націи. Ни одно общество (corps), ни одно лицо
 не можетъ пользоваться властью безъ прямого уполномочія отъ
 народа“ (Art. 3). „Народный суверенитетъ можетъ осуществляться
 только посредствомъ всеобщаго голосованія, которое было принято
 декретомъ 8-го янв. 1790 (Art. 3) и конституціей 1791 г.
 (Sect. II, Art. 2) почти безъ ограниченій ценза“ (стр. 86).
 „Народный суверенитетъ, будучи источникомъ и вершиною власти,
 всегда остается за народомъ, который не можетъ ни отречься
 отъ него, ни ограничить, ни передать другимъ (Titre III, Art. 1)“.
 Слѣдующее законодательство развило еще далѣе и рѣзче ука-
 занныя права личныя и народнаго суверенитета“ (86 стр.). Въ
 подтвержденіе своихъ словъ авторъ довольно подробно излагаетъ
 глѣбистыя постановленія конституціи 1793 г.

Положеніе о естественныхъ и неизмѣнныхъ правахъ человѣка и гражданина, — продолжаетъ далѣе г. Ренненкампфъ, — проникло въ умы французскаго общесва при посредствѣ энциклопедистовъ и особенно Руссо (стр. 88). „Въ самой Франціи лишь немногіе высшіе умы сомнѣвались въ истинѣ безусловныхъ личныхъ правъ и указывали на противорѣчіе между началами свободы и равенства“.

Неболѣе сильная критика возникла въ Англіи. „Бентамъ“ „чрезвычайно мѣтко указалъ“, что изложенныя въ деклараціи священныя и естественныя права никогда не существовали. Права не предшествуютъ правительствамъ (стр. 89).

„Однако, логическія и теоретическія доказательства убѣждали слабо, пока факты не раскрыли всей ложности и гибельности указанныхъ крайностей. Первый шагъ къ ограниченіямъ — правда, довольно робкимъ и неопредѣленнымъ — сдѣланъ былъ въ конституціи 1795 г., которая въ своей деклараціи опредѣляетъ не только права человѣка и гражданина, но и обязанности гражданъ“. „Послѣдующіе конституціонные акты внесли еще болѣе опредѣленныя ограниченія, раздѣливъ права на непосредственно личныя и политическія“ (стр. 90).

„Понятіе о народномъ суверенитетѣ, какъ о прирожденномъ и верховномъ правѣ народа, подверглось также ограниченіямъ; главная задача при этомъ заключалась въ томъ, чтобы прекратить внесенную революціей противоположность между правительствомъ и народомъ и подчиненность перваго послѣднему“. „Съ этою цѣлью народу предоставлена была только учредительная власть, право устанавливать ту или другую форму правленія, которую можно было отмѣнять лишь въ установленномъ порядкѣ“ (конст. 1795—1799 г.). „Далѣе, для обнаруженія народнаго суверенитета были учреждены опредѣленные органы, которымъ предоставлено лишь общее законодательство и надзоръ за управленіемъ, но не непосредственное управленіе государствомъ“. „Въ государствахъ же монархическихъ полномостіе народа было признано несомнѣстимымъ съ существомъ положенія монарха“.

О постановкѣ и развитіи вопроса о личныхъ правахъ и народномъ суверенитетѣ въ другихъ государствахъ г. Ренненкампфъ считаетъ достаточнымъ сказать слѣдующее: „Указанное развитіе личныхъ правъ и народнаго суверенитета, совершившееся прежде всего во Франціи, обнаружилось *болѣе или менѣе (!), рани или позже (!) и въ другихъ (?)* западно-европейскихъ государствахъ“ (92 стр.). Трудно, конечно, выразаться болѣе уклончиво и неопредѣленно!

Не больше уясняютъ суть дѣла и дальнѣйшія замѣчанія автор

что „подъ давленіемъ общаго настроенія правители и законодатели дѣлали уступки за уступками, и со второй половины XIX в: все болѣе и болѣе расширяли область личныхъ правъ и призывали къ участию въ управленіи государствомъ низшіе классы населенія, и что „нѣкоторыя государства признали даже принципъ народовластія и допустили всеобщее голосованіе“ (стр. 93).

Изложивъ такимъ образомъ вопросъ о личныхъ правахъ и народномъ суверенитетѣ, г. Ренненкампфъ переходитъ къ критикѣ демократіи.

„Въ это-то время (судя по ходу мыслей автора, вѣроятно во второй половинѣ XIX в. ?), — продолжаетъ онъ, — открылось противорѣчіе тамъ, гдѣ всего менѣе можно было ожидать его, именно оказалось, что личная свобода и основанный на ней народный суверенитетъ, какъ высшая власть и сила государства, могутъ не только прійти въ столкновеніе, но и подавлять другъ друга“. „Дѣйствительная жизнь показала опасность для отдѣльныхъ лицъ потерять свою независимость, лишиться лучшихъ правъ своей индивидуальности, подъ всемогущимъ господствомъ народнаго всевластія, которое руководится только текущими интересами или увлеченіями. Факты показали, что неограниченное народное полновластіе отличается узостью интересовъ, страстностью, несправедливостью и необузданнымъ подавленіемъ личности и меньшинства“ (стр. 93—94).

„Во Франціи, Бельгіи, Итали, Германіи, Англии, явился цѣлый рядъ писателей и политическихъ дѣятелей съ возвышенными и свободными стремленіями, близко знакомыхъ съ дѣломъ, признающихъ тяжелое положеніе современныхъ демократическихъ обществъ и изыскивающихъ способы для обезпеченія личности и прочнаго общественнаго порядка. Таковы: Бухеръ, Лабулэ, Лавелэ, Принцъ, Ж. Симонъ, Мэнъ и др.“ (стр. 98).

При этомъ г. Ренненкампфъ особенно останавливается на критикѣ демократіи Токвиля, Милля и Мэна. Сущность взглядовъ этихъ писателей сводится къ слѣдующему. Въ демократіи меньшинство не гарантировано отъ возможной тиранніи большинства. Въ сферѣ управленія отсутствуютъ выдающіеся представители просвѣщеннаго меньшинства. „Народъ окруженъ лестью и искалеченъ“ (стр. 96). Демократическое правленіе является „наилѣе шаткимъ, непрочнымъ, неустойчивымъ и необезпеченнымъ“.

Мэнъ говоритъ, что демократія неправильно понимаетъ и признаетъ политическую свободу; подъ видомъ послѣдней, она желаетъ властвовать, распоряжаться неограниченно всѣми лицами и силами страны. Въ демократическихъ государствахъ, прикрываясь

народнымъ знаменіемъ, дѣйствуютъ своекорыстныя и эгоистическія партіи“ (стр. 100). Ошибочно думать, что „демократія наиболѣе способна осуществить интересъ всѣхъ, и что она служить прогрессу“ (стр. 101). „Демократическое правленіе есть наиболѣе трудное и наименѣе исполнимое на дѣлѣ“. „Если въ дѣлахъ простыхъ и понятныхъ толпа еще можетъ постановить какое-либо рѣшеніе, то о сложныхъ вопросахъ законодательства и администраціи — она не въ состояніи составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное понятіе и должна слѣдовать мнѣніямъ одного или нѣсколькихъ изъ своихъ руководителей“ (стр. 103).

Изложивъ эти критическія замѣчанія отмѣченныхъ раньше писателей, авторъ подводитъ, такъ сказать, общій итогъ всей главы.

„Несмотря на приведенныя мрачныя, отчасти преувеличенныя и несправедливыя воззрѣнія, несмотря на дѣйствительныя недостатки современныхъ конституціонныхъ порядковъ, нельзя, однако, не признать, что вѣбовое развитіе вопросовъ о правахъ личности и суверенитетѣ народномъ не прошло бесплодно для человѣчества. Несомнѣнно, что мы ушли далеко отъ тѣхъ незрѣлыхъ и шаткихъ понятій, которыя господствовали и въ наукѣ, и въ законодательствѣ конца XVIII в. Въ этомъ отношеніи въ настоящее время уяснилось, что государственный порядокъ и право возникаютъ не изъ договора отдѣльныхъ лицъ, что нѣтъ неограниченныхъ и неизмѣнныхъ личныхъ правъ, но что каждому лицу для выполненія его предназначенія должна быть предоставлена извѣстная свобода“ (стр. 105).

„Далѣе выяснилось, — повторяетъ прежде сказанное авторъ, — что вся совокупность личныхъ правъ, предоставленныхъ человѣку, состоитъ изъ двухъ отличныхъ категорій: одна, опредѣляющая личныя отношенія человѣка (права государственно-гражданскія), другая (права политическія), опредѣляющая общественныя отношенія человѣка“. „Что касается государственнаго суверенитета, то таковой, въ смыслѣ безусловнаго господства, не можетъ принадлежать никому“ (стр. 106).

„Основаніе государственнаго суверенитета, безъ сомнѣнія, лежитъ въ народѣ, организованномъ въ государство“ (стр. 107).

„Изложенныя начала приняты болѣе или менѣе (!) во всѣхъ (!) основныхъ государственныхъ конституціонныхъ актахъ и, конеч. могли бы служить извѣстнымъ основаніемъ и руководствомъ устраненію и охраненію общезжитія. Но человѣческія общест. суть развивающіеся организмы, исполненные разнородныхъ инт. ресовъ, страстей и заблужденій (трудно понять, какая связь суш

ствуесть между положеніями, высказанными въ этомъ и предъидущемъ предложеніяхъ!); одни классы общества стремятся къ преобладанію надъ другими. Каждое здоровое и преуспѣвающее общество состоитъ изъ разнообразныхъ народныхъ наслоеній и силъ. Цивилизація даже усиливаетъ это разнообразіе“ (стр. 108).

„Неравенство положеній вырастаетъ съ особенною силою и быстрою на почвѣ экономической, среди предпринимателей и исполнителей—рабочихъ“. „Рождается громадное различіе между капиталомъ, хозяевами и рабочимъ пролетаріемъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, гдѣ найти гармоническую основу для справедливаго сочетанія всѣхъ общественныхъ силъ и наслоеній, какъ установить разумные предѣлы для демократіи“. „Предлагались различные, хотя и неудачные способы для разрѣшенія этого вопроса. Надо, однако, думать, что они могутъ быть изысканы для человѣческихъ обществъ“. „Разумѣется, изысканіе закона равновѣсія социальнихъ силъ представляетъ чрезвычайныя трудности“ (стр. 109). Этимъ заканчивается глава.

Послѣднія заключительныя соображенія автора не могутъ не обратить на себя вниманія своею гибкостью, неожиданностью, а иногда и просто безсвязностью. Въ самомъ дѣлѣ трудно понять, какое значеніе могутъ имѣть всѣ эти соображенія съ точки зрѣнія практикуемыхъ авторомъ вопросовъ о правахъ личныхъ и народномъ суверенитетѣ. Приходится, поэтому, признать, что авторъ, какъ бы представляя свои критическія замѣчанія, въ существѣ дѣла ограничивается одними лишь словами и фразами, которыя, конечно, не могутъ замѣнить собой серьезнаго и опредѣленнаго научнаго взгляда. Но оставимъ въ сторонѣ личные взгляды автора. Гораздо важнѣе, намъ кажется, опредѣлить, насколько удовлетворительно онъ разрѣшилъ главную свою задачу, т.-е. насколько точно и обстоятельно представлено имъ развитіе и нынѣшнее положеніе вопросовъ о правахъ личныхъ и народномъ суверенитетѣ. Съ этой стороны работа г. Ренненкампфа оставляетъ желать многого. Начнемъ съ вопроса о личныхъ правахъ.

Какъ мы видѣли, г. Ренненкампфъ, говоря о „личныхъ правахъ“ (точнѣе, о правахъ политическихъ и гражданскихъ), сосредоточиваетъ все свое вниманіе на Франціи. При этомъ авторъ тававливается лишь на деклараціи правъ челоѣка и гражданина 1789 г., на конституціи 1793 г. и упоминаетъ о конституціи 1795 г. Относительно же „послѣдующихъ конституціонныхъ актовъ“ онъ ограничивается лишь общимъ замѣчаніемъ, что эти акты „внесли еще болѣе опредѣленные ограниченія, разширивъ права на непосредственно личныя и политическія“ (стр. 90).

О „другихъ западно-европейскихъ государствахъ“ г. Ренненкампфъ считаетъ достаточнымъ сдѣлать два-три замѣчанія въ родѣ того, что и въ нихъ „указанное развитіе личныхъ правъ обнаружилось болѣе или менѣе раньше или позже“ (стр. 92). Конечно, такую обработку вопроса о „личныхъ правахъ“ чловѣка въ конституціонныхъ государствахъ нельзя признать удовлетворительною. Слѣдовало сравнить французскую декларацію 1789 г. съ англійскимъ биллемъ правъ 1689 г. и деклараціями американскими прошлаго вѣка, указать на сходство (что авторъ и сдѣлалъ только въ отношеніи американскихъ декларацій) и на различіе между этими актами. При помощи такого приема можно было бы лучше уяснить задачу и значеніе французской деклараціи. Затѣмъ, не ограничиваясь ничего не говорящими общими мѣстами, слѣдовало обратиться къ новѣйшимъ конституціямъ разныхъ европейскихъ государствъ и показать отношеніе ихъ постановленій о „правахъ личныхъ“ гражданъ къ деклараціямъ прошлаго вѣка ¹⁾.

Что касается теоретической обработки разсматриваемаго вопроса, то г. Ренненкампфъ совершенно не интересуется этой стороною дѣла и считаетъ достаточнымъ упомянуть только объ одномъ Бентамѣ. Авторъ не только не обращался къ монографіямъ по данному вопросу, но не утилизировалъ надлежащимъ образомъ и общихъ сочиненій по государствовѣденію. Между тѣмъ пользованіе литературой уяснило бы вопросъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ подданныхъ, познакомило бы автора съ различными взглядами писателей и дало бы ему опору въ его собственномъ трудѣ. Такимъ образомъ, какъ историческое развитіе, такъ и тѣмъ болѣе современное состояніе вопроса о правахъ личныхъ, не только въ теоріи, но и въ практикѣ, представлены авторомъ не совсѣмъ удовлетворительно.

Столь же слабо обработанъ и вопросъ о народномъ суверенитетѣ.

Г. Ренненкампфъ и въ данномъ случаѣ обращается къ тѣмъ же французскимъ конституціямъ прошлаго вѣка, о послѣдующихъ французскихъ конституціяхъ не упоминаетъ, а о конституціяхъ другихъ западно-европейскихъ государствъ дѣлаетъ приведенное раньше общее замѣчаніе. Что касается литературы вопроса, то опять незамѣтно солиднаго знакомства съ нею автора. Своимъ можно отмѣтить тотъ же фактъ, что и прежде, т. е., что авторъ

¹⁾ Весьма любопытно, напр., сравнить декларацію правъ пенсильванской конституціи 1773 г. (см. Dageste, t. II, p. 435) съ др. конституціями. Оригинальна гарантія правъ гражданина въ шведской конст. 1809 г., § 16 (какъ обязанности короля

не только не поинтересовался специальными сочинениями о народномъ суверенитетѣ или вообще о суверенитетѣ, но и не воспользовался, какъ бы слѣдовало, общими сочинениями по государственному праву. Научное изслѣдованіе должно руководиться иными приемами.

Авторъ долженъ былъ, не ограничиваясь французскими конституціями прошлаго вѣка, обратиться къ конституціямъ другихъ государствъ, гдѣ онъ могъ найти для своей темы весьма интересный матеріалъ. Мало того. Нужно было ихъ сравнить какъ съ конституціями другихъ монархическихъ государствъ (напр., германскихъ), такъ и республикъ. Наконецъ, слѣдовало считаться и съ юридической литературой, гдѣ, какъ извѣстно, на эту тему высказаны различные и часто діаметрально противоположные взгляды. Въ итогѣ получился бы такой матеріалъ, который далъ бы достаточно основаній для разрѣшенія разныхъ вопросовъ относительно государственнаго суверенитета, а именно: чтѣ такое государственный суверенитетъ, въ чемъ онъ проявляется, кому онъ принадлежитъ, когда и въ какихъ случаяхъ сувереномъ является народъ, кто, если не народъ, является носителемъ суверенитета и пр.

Все до сихъ поръ сказанное даетъ основаніе заключить, что разсматриваемый въ этой главѣ вопросъ о правахъ личныхъ и народномъ суверенитетѣ, какъ въ его прошломъ, такъ и настоящемъ, представленъ авторомъ недостаточно полно, неясно и неточно.

Такимъ же или почти такимъ же характеромъ отличается обзорѣніе и другихъ основныхъ началъ конституціонно-представительнаго строя, которымъ посвящены остальные главы (отъ VII до X включительно) того же второго отдѣла. Нѣтъ потому интереса долго останавливаться на нихъ. Достаточно только замѣтить, что роль представительныхъ учреждений, ихъ составъ и порядокъ дѣятельности, ихъ права и предѣлы власти—разсмотрѣны довольно поверхностно и бессистемно. Вопросъ о министрахъ въ конституціонныхъ государствахъ, ихъ правахъ и отвѣтственности упомянуть мимоходомъ, а такую важную сторону конституціоннаго строя, какъ положеніе монарха въ конституціонномъ государствѣ, авторъ совершенно упустилъ изъ виду. Не коснуться вопроса о положеніи короны въ конституціонномъ государствѣ тѣмъ болѣе простительно, что Бисмаркъ на немъ особенно останавливался. Для оцѣнки же возрѣвій Бисмарка на этотъ вопросъ безусловно необходимо знать, какъ послѣдній поставленъ въ теоріи и въ практикѣ.

Затѣмъ, авторъ, представляя обзоръ того или другого изъ затронутыхъ имъ конституціонныхъ началъ, часто отдаетъ преобладаніе доктринѣ, при чемъ изложеніе мнѣній писателей отличается излишней растанутостью, а литература отдѣльныхъ вопросовъ все же остается далеко не изученною.

Законодательства поставлены на задній планъ (особенно въ VII и VIII гл.), т.-е. не выполнено данное въ предисловіи (стр. 3) обѣщаніе уяснить связь политическихъ воззрѣній Бисмарка „съ современнымъ положеніемъ конституціоннаго права въ наукѣ и законодательствѣ“. Изложеніе развитія и современнаго состоянія отдѣльныхъ вопросовъ конституціонализма значительно выиграло бы въ научномъ отношеніи, еслибы авторъ болѣе подробно указалъ на разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ разныхъ законодательствахъ. Достигнуть этого было не трудно, имѣя подъ руками сборники конституцій и обширный „Handbuch des oeffentlichen Rechts“ Marquardsen'a, которымъ авторъ, повидимому, не воспользовался.

Такимъ образомъ, дѣйствительное состояніе конституціонализма не представлено съ надлежащею научною точностью и послѣдовательностью, а слѣдовательно почва для оцѣнки воззрѣній Бисмарка приготовлена недостаточно удовлетворительно.

Самое изложеніе автора отличается больше публицистическою эластичностью, чѣмъ юридическою точностью.

Остается теперь коснуться наиболѣе интереснаго третьяго отдѣла, посвященнаго обзору политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка.

II.

Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двухъ главъ. Въ первой изъ нихъ (XI) сдѣлана общая характеристика кн. Бисмарка; во второй (XII) изложены „воззрѣнія Бисмарка на основныя начала правительства и народнаго представительства“ (государство и церковь, государственная власть, королевская власть, министры, министерская отвѣтственность, бюджетный конфликтъ, автономія, рабочій вопросъ, о народномъ представительствѣ, верхняя палата, свобода парламентскихъ преній и публикація ихъ въ печати, выборъ представителей и всеобщее голосованіе).

Вполнѣ понятенъ и несомнѣненъ интересъ—познакомиться политическими воззрѣніями таковаго историческаго дѣятеля, какии является князь Бисмаркъ. Едва-ли, однако, обсужденіе политическихъ воззрѣній и дѣятельности кн. Бисмарка можетъ бѣ

въ настоящее время достаточно полнымъ и объективнымъ, въ особенности—едва-ли оно можетъ считаться удачною темою для ученой работы, какою является диссертация г. Ренненкампа.

Правильно судить о томъ или другомъ историческомъ дѣятелѣ можно лишь при наличности цѣлаго ряда условій.

Во-первыхъ, дѣятельность даннаго лица должна быть завершена. Только при этомъ условіи проявленіе его силъ и значенія дается во всей полнотѣ.

Во-вторыхъ, мы должны быть болѣе или менѣе отдалены по времени отъ этого лица. Это необходимо для того, чтобы сужденія наши о немъ могли быть болѣе безпристрастны. Важныя историческія событія, являющіяся дѣломъ рукъ даннаго дѣятеля, могутъ излишне поражать современниковъ своею грандіозностью и застилать имъ взоръ, мѣшая видѣть и черныя стороны этихъ событій, и наоборотъ. На разстояніи же болѣе отдаленномъ гораздо лучше видны и могутъ быть правильнѣе оцѣнены послѣдствія и значеніе такихъ событій, а слѣдовательно и роль ихъ виновниковъ или дѣятельныхъ участниковъ въ нихъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, для вѣрнаго изображенія и оцѣнки возрѣвнѣй и дѣятельности извѣстнаго историческаго лица долженъ быть собранъ возможно полный матеріалъ, а такимъ матеріаломъ опять можно располагать лишь съ завершеніемъ дѣятельности этого лица.

Что касается въ частности кн. Бисмарка, то для вѣрной обрисовки и правильной оцѣнки его политическихъ возрѣвнѣй и дѣятельности нѣтъ на лицо всѣхъ отмѣченныхъ условій.

Кн. Бисмаркъ—нашъ современникъ. Его дѣла современны намъ. Трудно даже утверждать, что политическая карьера „железнаго канцлера“ закончена и пѣсня его судьбы спѣта. Матеріалы, необходимые для солиднаго изученія политическихъ его возрѣвнѣй и дѣятельности, еще далеко не полны. Говорятъ, кн. Бисмаркъ занялъ изданіемъ своихъ мемуаровъ, а имперскіе и, быть можетъ, чьи-нибудь частныя архивы, вѣроятно, хранятъ не мало интересныхъ секретовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній выборъ политическихъ возрѣвнѣй кн. Бисмарка въ качествѣ темы для научнаго изслѣдованія глѣзья признать удачнымъ или по крайней мѣрѣ своевременнымъ, ¹⁾ отчасти признаетъ и самъ авторъ ¹⁾, а неудачный выборъ ¹⁾ мы можетъ дурно отразиться и на ея выполненіи.

¹⁾ Стр. 221, 225.

Перейдемъ теперь въ разборъ самого положенія и оцѣнки политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка въ книгѣ г. Ренненкампа.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить нѣкоторое несоотвѣтствие между II и III отдѣлами. Въ III отдѣлѣ авторъ касается такихъ вопросовъ, о которыхъ нѣтъ ни слова во II отдѣлѣ,—напр., объ отношеніи церкви въ государству, о рабочемъ вопросѣ и др. Между тѣмъ II отдѣлъ долженъ былъ служить какъ бы подготовленіемъ почвы для критической оцѣнки политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка (и только съ этой точки зрѣнія онъ имѣетъ значеніе въ книгѣ). Слѣдовательно, нужно было сдѣлать одно изъ двухъ: или шире коснуться вопросовъ государствѣденія во II отдѣлѣ, т.-е., напр., говорить о томъ, какъ въ настоящее время разрѣшается въ теоріи и практикѣ вопросъ объ отношеніи церкви къ государству и т. п., или ограничиться въ изложеніи воззрѣній Бисмарка только тѣми вопросами, о которыхъ шла рѣчь во II отдѣлѣ. Въ то же самое время, при изложеніи политическихъ воззрѣній Бисмарка, г. Ренненкампфъ проходитъ мимо такихъ событій, какъ основаніе сѣверо-германскаго союза и германской имперіи,—событій, въ которыхъ Бисмаркъ принималъ живѣйшее участіе.

Затѣмъ было бы весьма хорошо, если бы авторъ указалъ, что сдѣлано предшествующими писателями въ дѣлѣ изложенія и критической оцѣнки политическихъ воззрѣній кн. Бисмарка. Такой очеркъ яснѣе опредѣлилъ бы значеніе труда самого автора. О Бисмаркѣ существуетъ громадная литература. Не говоря уже объ общихъ сочиненіяхъ по политической исторіи Европы въ послѣднія 40 лѣтъ,—сочиненіяхъ, въ которыхъ постоянно фигурируетъ имя желѣзнаго канцлера,—обзору его дѣятельности посвящено на разныхъ языкахъ множество специальныхъ монографій, брошюръ, брошюрокъ и статей періодической прессы. Писатели занимались разными сторонами дѣятельности кн. Бисмарка, преимущественно его дѣятельностью въ области международной политики. Что касается въ частности тѣхъ воззрѣній кн. Бисмарка, на которыхъ останавливается г. Ренненкампфъ, то и они не разъ довольно полно затрогивались въ разныхъ сочиненіяхъ. При обработкѣ своей темы г. Ренненкампфъ въ иностранной литературѣ имѣлъ цѣлый рядъ предшественниковъ, труды которыхъ могли служить и служили ему немалымъ подспорьемъ. Въмѣсто того, чтобы остановиться на трудахъ своихъ предшественниковъ и указать, что ими сдѣлано въ дѣлѣ систематическаго изложенія политическихъ воззрѣній Бисмарка, г. Ренненкампфъ ограничивается только замѣчаніями, что о дѣятельности Бисмарка высказываются въ л -

тературѣ и разными политическими партіями крайне противоположные взгляды, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ имена нѣсколькихъ писателей.

Таковы общія замѣчанія, которыя сами собой напрашиваются при прочтеніи III отдѣла.

Но въ чемъ же состоятъ политическія воззрѣнія кн. Бисмарка въ изложеніи г. Ренненкампа?

Въ предисловіи (стр. 3), какъ замѣчено раньше, г. Ренненкампа говоритъ, что кн. Бисмаркъ „по многимъ“ изъ конституціонныхъ вопросовъ успѣлъ „высказать весьма важныя и полныя глубокаго жизненнаго смысла воззрѣнія, которыя имѣютъ и общее значеніе въ развитіи государственнаго порядка“.

Удалось ли автору доказать этотъ тезисъ?

Наши сужденія о лицахъ историческихъ покоятся на разныхъ основаніяхъ, смотря по тому, какой слѣдъ эти лица оставили послѣ себя. Такъ, историческое значеніе однихъ мы признаемъ на основаніи того, что ими было сказано или написано, — иными словами, на основаніи тѣхъ идей, которыми они обогатили чело-вѣческую мысль и двинули культурное развитіе чело-вѣчества, или, наоборотъ, задержали его ходъ. Другихъ мы хвалимъ или порицаемъ за ихъ дѣла, за осуществленіе чужой идеи. Наконецъ, значеніе третьихъ основываемъ какъ на высказанныхъ ими идеяхъ, такъ и на ихъ практической дѣятельности, на дѣлахъ.

Къ какой изъ этихъ категорій можно отнести кн. Бисмарка? Иными словами, въ чемъ заключается значеніе кн. Бисмарка, — въ высказанныхъ ли имъ идеяхъ, или въ его практической дѣятельности? Пойдемъ отвѣта на поставленные вопросы въ представленной г. Ренненкампомъ „общей характеристикѣ кн. Бисмарка“ и въ „воззрѣніяхъ Бисмарка на основныя начала правительства и народнаго представительства“.

„На политическомъ поприщѣ, — говоритъ авторъ, — Бисмаркъ явился не съ готовою и полною политическою системою“. Его воззрѣнія „развивались вмѣстѣ съ жизнію“ (стр. 226).

„Съ первыхъ же шаговъ на своемъ политическомъ поприщѣ въ 1847 г. въ соединенномъ ландтагѣ, а затѣмъ въ 1849 г. въ палатѣ депутатовъ, Бисмаркъ является чело-вѣкомъ партіи и обнаруживаетъ довольно отчетливо столь извѣстныя въ Германіи черты юнкерства. Выросшій и воспитанный въ средѣ феодальнаго дворянства, связанный съ нимъ и родственными, и дружескими отношеніями, онъ выступилъ горячимъ сторонникомъ консерваторовъ, убѣжденнымъ почитателемъ легитимизма во всѣхъ его проявленіяхъ, охранителемъ сословности, врагомъ демокра-

тическихъ притязаній особенно преданнымъ слугою и защитникомъ государственной власти и ея главы-короля“ (стр. 227) и рѣшительнымъ противникомъ народнаго суверенитета, прямыхъ выборовъ и всеобщей подачи голосовъ ¹⁾). Въ это же время Бисмаркъ является другомъ легитимной и аристократической Австріи и прусскимъ патриотомъ до мозга костей. Онъ энергично высказывается противъ принятія королемъ прусскимъ предложенной ему изъ Франкфурта въ 1849 г. императорской короны и соединеннаго съ ней объединенія Германіи, которое, по его мнѣнію, должно совершиться Пруссіей. Таковы политическія воззрѣнія Бисмарка въ первые годы его парламентской дѣятельности. Въ нихъ ясно намѣчаются общія основы его политическаго міросозерцанія, сохранившіяся и въ послѣдующее время.

Но, спрашивается, что можно найти самобытнаго и оригинальнаго въ отмѣченныхъ взглядахъ Бисмарка?

Ровно ничего.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ вспомнить, что представлялъ собою германскій міръ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. „Австрія,—говоритъ самъ г. Ренненкампфъ,—строго держалась старыхъ государственныхъ началъ и напрягала всѣ усилія къ сохраненію status quo не только у себя, но и въ сосѣднихъ государствахъ. Пруссія до 1848 г. сохраняла свой типъ абсолютной монархіи“. „Та же самая политическая система преобладала и въ германскомъ союзѣ, въ особенности въ сѣверо-восточныхъ его частяхъ, вполне подчинившихся руководству австрійскаго кабинета“ (стр. 53).

„Такое положеніе дѣл въ германскихъ государствахъ обусловливалось, какъ политическими принципами большинства нѣмецкихъ правительствъ, такъ и состояніемъ самого общества: аристократія и дворянство сохранили здѣсь свою силу, замкнутость и предрасудки; сельское же населеніе, находясь въ подчиненіи у землевладѣльцевъ, духовенства и бюрократіи, жило силой преданій и было проникнуто вѣрой въ святость и неприкосновенность старой монархіи“.

„Политическая германская литература того времени служила живымъ выраженіемъ настроенія тогдашняго общества; она представляла многочисленныхъ и притомъ далеко не заурядныхъ сторонниковъ, даже апологетовъ абсолютнаго и сословно-монархическаго порядка. Вообще консервативно-монархическая партія съ знаменитымъ Шталемъ во главѣ пользовалась въ дѣйствительной жизни большимъ могуществомъ и силой“ (стр. 55).

¹⁾ Рѣчь 10 апр. 1849 г. *Hahn*, Fürst Bismarck, I Bd., S. 14—18.

Рядомъ съ этимъ не безынтересно будетъ вспомнить тѣ взгляды, которые высказаны были Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV въ тронной рѣчи при открытіи „соединеннаго ландтага“ 1847 г. „Никакой власти въ мірѣ,—сказалъ между прочимъ король,—не удастся принудить меня превратить *естественное* отношеніе короля къ народу въ *договорное*, конституціонное; и я никогда не допущу, чтобы между Господомъ Богомъ и этою страной втерся писанный листъ въ качествѣ второго Провидѣнія, чтобы замѣнить старую святую вѣрность“... „Корона можетъ и имѣть право управлять по законамъ Божіимъ и страны и собственному свободному изволенію, но не по волѣ большинства. Пруссія не можетъ вынести такого состоянія. Бросьте взглядъ на карту Европы, на положеніе нашей страны, прежде всего, на нашу исторію“¹⁾. Далѣе, въ знаменитые мартовскіе дни въ Берлинѣ 1848 г., король, какъ извѣстно, издалъ плакатъ къ „нѣмецкой націи“. Въ этомъ актѣ ясно намѣчена была программа объединенія Германіи въ формѣ союзнаго государства подъ руководствомъ Пруссіи²⁾, успѣвшей уже, — благодаря, между прочимъ, ея выдающей роли въ основаніи Zollverein'a,—выдвинуться среди нѣмецкихъ государствъ до степени соперницы Австріи и приковать къ себѣ взоры многихъ. Всѣ эти взгляды короля, безъ сомнѣнія, не прошли незамѣченными Бисмаркомъ и, можно думать, еще больше утвердили его въ его образѣ мыслей. При такихъ условіяхъ Бисмаркъ въ своихъ первыхъ парламентскихъ рѣчахъ явился только выразителемъ ходячихъ политическихъ воззрѣній значительной части тогдашняго общества³⁾, — воззрѣній, санкціонированныхъ къ тому же съ высоты трона.

Что же случилось съ этими воззрѣніями Бисмарка въ послѣдующее время?

Какъ замѣчено уже было раньше, они постепенно развивались и измѣнялись.

„Бисмаркъ,—говоритъ г. Ренненкамифъ,—привѣтствовалъ патентъ короля 3-го февраля 1847 г., какъ залогъ дальнѣйшаго органическаго развитія государства, однако въ смыслѣ сословно-ограниченной монархіи“ (стр. 229). Въ 1848 г., недовольный уступчивостью короля, вызванной мартовскими волненіями, Бисмаркъ являлся *plus royaliste que le roi*. Онъ высказывается во второмъ

¹⁾ Градовскій, Госуд. пр. важн. европ. державъ, стр. 624.

²⁾ К. Klüpfel, Geschichte der deutschen Einheitsbestrebungen bis zu ihrer Erfüllung, I Bd., S. 29—30.

³⁾ Съ этимъ отчасти согласенъ самъ авторъ и видитъ въ этомъ историческое значеніе Бисмарка. См. стр. 411.

соединенномъ ландтагѣ (2-го апрѣля) противъ благодарственнаго адреса королю и съ горечью оплакиваетъ прошлое, безвозвратно погребенное самой короною. Но подъ напоромъ событій Бисмаркъ постепенно, хотя и скрѣпя сердце, примиряется съ конституціоннымъ режимомъ. Еще въ 1849 г. онъ заявилъ, что еслибы онъ былъ противникомъ конституціоннаго режима, какъ многіе утверждаютъ, то рѣшительно былъ бы противъ верхней наслѣдственной палаты—этой лучшей гарантіи прочной и устойчивой конституціи (стр. 235); а въ 1879 г. (рѣчь 9-го іюля) откровенно пояснилъ: „послѣ 1866 г., несмотря на открывшуюся тогда полную возможность реакціонной политики, я тѣмъ не менѣе предпочелъ слѣдовать конституціонной системѣ,—правда, не изъ любви къ конституціонному порядку, а потому, что считалъ его и теперь считаю единственно возможною для насъ формою правленія“¹⁾ (стр. 239).

Чтобы болѣе ознакомиться съ политическимъ міровоззрѣніемъ Бисмарка и правильнѣе судить о немъ, послѣдуемъ за г. Ренненкампомъ въ его изложеніи взглядовъ этого государственнаго дѣятеля на „основныя начала правительства и народнаго представительства“. „Каждое государство,—говорилъ Бисмаркъ въ 1847 г. въ первомъ соединенномъ ландтагѣ,—желающее обезпечить продолжительность своего бытія и доказать законность своего существованія, еслибы послѣднее стали оспаривать, должно имѣть религіозную основу²⁾. Для насъ такой основой можетъ быть только христіанство. Безъ религіозной основы государство превращается въ случайный агрегатъ правъ, а его законы будутъ имѣть своимъ источникомъ не вѣчную правду, а шаткія, измѣнчивыя идеи гуманизма. Христіанскимъ же государствомъ,—говоритъ Бисмаркъ,—я называю то государство, которое поставило своей задачей осуществить христіанское ученіе“³⁾.

¹⁾ Ich bin kein Gegner des konstitutionellen Systems, im Gegenteil, ich halte es für die einzig mögliche Regierungsform—aber, wenn ich geglaubt hätte, dass eine Diktatur in Preussen, das der Absolutismus in Preussen der Förderung des deutschen Einigungsverkes nützlicher gewesen wäre, so würde ich ganz unbedingt zum Absolutismus gerathen haben. *Hahn*, III Bd., S. 707.

²⁾ Именно христіанскую, открытую намъ въ „Евангеліи“,—продолжаетъ г. Ренненкамфъ. Выходитъ, будто Бисмаркъ думаетъ, что не-христіанскія государства не могутъ доказать законности своего существованія. Въ данномъ случаѣ г. Ренненкамфъ неточно передалъ мысль Бисмарка, который говоритъ: „Erkennt man die religiöse Grundlage des Staates überhaupt an, so, glaube ich, kann diese Grundlage bei uns nur das Christenthum sein“. *Hahn*, I Bd., S. 10.

³⁾ Ibid. У г. Ренненкамфа этотъ взглядъ Бисмарка на дѣль христіанскаго государства упущенъ изъ вида.

Оставаясь всегда убѣжденнымъ въ необходимости религіозной основы для государства, Бисмаркъ высказывался въ пользу свободы вѣроисповѣданія, но въ то же время твердо отстаивалъ тотъ принципъ, что церковь не должна вмѣшиваться въ чуждую ей государственную область, и что свѣтской власти „въ этомъ мѣрѣ принадлежитъ преобладаніе и первенство“ (особенно на стр. 259). Съ особенной рельефностью воззрѣнія Бисмарка на отношеніе церкви къ государству сказались въ періодъ знаменитаго Kulturkampf'a (стр. 255—262).

Въ своихъ воззрѣніяхъ на общія основы и задачи государственной власти—вѣрно замѣчаетъ далѣе г. Ренненкампфъ—Бисмаркъ стоитъ на той же почвѣ, какъ и многіе германскіе публицисты, особенно Шталъ и Штейнъ (стр. 268—9). „Государство, по мнѣнію Бисмарка, читаемъ у того же автора, предполагаетъ такую государственную власть, которая органически вытекала бы изъ историческихъ основаній народа, олицетворяя собою единство національной жизни, служа ея нуждамъ, цѣлямъ и задачамъ и располагая необходимою для ихъ осуществленія силою и свободою дѣйствій“.

„По его мысли, наилучшія политическія организаціи, выражающія извѣстный типъ государственной власти, суть тѣ, которыя не измышляются, а возникаютъ естественно-историческимъ путемъ, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ своего общества и времени, хотя бы онѣ и заключали въ себѣ теоретическія погрѣшности“. „Государственная власть, — какъ выраженіе народной жизни, не можетъ быть ни выдѣляема изъ народа, ни враждебна ему, ни равнодушна къ его правамъ“ (262—3). „Правительства, — говорилъ Бисмаркъ въ 1873 г. (рѣчь 16-го іюня), — вытекаютъ изъ народа, возвращаются къ нему и составляютъ его часть. Я не допускаю остракизма, оскорбительнаго исключенія власти и ея представителей изъ народа, различія между правительствомъ и народомъ, между правами правительства и правами народа“... „Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бисмаркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ произвольныхъ, измѣнчивыхъ, демократическихъ движеній и всегда горячо возражалъ тѣмъ, которые основывали свои требованія на народной волѣ“ (стр. 264). „Истиннымъ и полнымъ выразителемъ народной воли можетъ быть только государственная власть и тотъ ея представитель, кому она вручена судьбами исторіи и волею Бога“ (стр. 265). „Государственная власть должна стоять надъ всѣми партіями и частными интересами, одинаково охраняя всѣхъ, обнаруживая господство и независимость въ своихъ рѣшеніяхъ“ (стр. 266).

Несравненно полнѣе и реальнѣе — продолжаетъ г. Ренненкампфъ — высказывается Бисмаркъ о представителѣ государственной власти, монархѣ, королѣ прусскомъ, а позднѣе — императорѣ германскомъ. Охранѣ монарха противъ революціонныхъ движеній онъ посвящаетъ самые ранніе годы своей политической дѣятельности, а потомъ защищаетъ его отъ притязаній и напора парламентаризма.

Высказываясь о королѣ, Бисмаркъ держится началъ національно-историческихъ и тѣхъ опредѣленныхъ, точныхъ предѣловъ, которые были установлены прусскою конституціею 1850 года. „Слова: Божіею милостію, прибавляемыя монархами къ своему титулу, для меня не звукъ пустой“, говоритъ Бисмаркъ въ 1847 г. въ первомъ соединенномъ ландтагѣ; „въ этихъ словахъ я вижу признаніе того, что государи желаютъ пользоваться врученнымъ имъ отъ Бога земнымъ скипетромъ согласно Его волѣ“¹⁾ (стр. 269—270).

„Божественное происхожденіе власти прусскаго монарха и независимость его положенія Бисмаркъ горячо охранялъ отъ всякихъ революціонныхъ вліяній и демократическихъ доктринъ“ (стр. 271). Съ такою же послѣдовательностію и энергіею онъ утверждалъ независимость и господство императорской власти.

„Бисмаркъ во всѣхъ случаяхъ отстаивалъ права короля на верховное руководство дѣлами своего государства и неустанно боролся съ стремленіемъ народнаго представительства расширить и возвысить свое положеніе“ (стр. 273). „Прусскіе монархи добровольно уступили народу часть своихъ правъ, и мы не вправѣ вынуждать ихъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ“, — сказалъ онъ въ 1847 г. въ соединенномъ ландтагѣ (стр. 274).

„Починъ развитія государственнаго порядка, по мнѣнію Бисмарка, слѣдуетъ предоставить коронѣ, избѣгая при этомъ даже тѣни какаго-либо вынужденія“ (стр. 267).

„Спеціальныя основы и особенности прусской конституціи“ онъ полагалъ въ томъ, „что конституція Пруссіи является выраженіемъ ея монархическихъ традицій, что она была дарована народу не потому, чтобы у короля не доставало силъ для сопротивленія, а потому, что такова была его воля. Этою конституціею

¹⁾ Рѣчь 15-го іюня 1847 г. Въ рѣчи 1-го іюня 1847 г. Бисмаркъ между прочимъ сказалъ: „Dagegen waren die Preussischen Monarchen nicht von des Volke sondern von Gottes Gnaden im Besitze einer faktisch unbeschränkten Krone, von deren Rechten sie freiwillig einen Theil dem Volke verlichen haben: ein Beispiel welches in der Geschichte selten ist“. *Dahn*, ib., I Bd., S. 8. Любопытно сравнитъ эти мысли Бисмарка съ такими же мыслями короля Фридриха-Вильгельма IV, въ сказанныхъ имъ, какъ извѣстно, при открытіи перваго соединеннаго ландтага.

король поставилъ извѣстные предѣлы своей власти, но остается, по прежнему, главою и вождемъ своего народа и править самъ своею страню конституціонно-самостоятельно“ (стр. 277).

Любопытно толкованіе прусской конституціи о предѣлахъ королевской власти, сдѣланное Бисмаркомъ „по поводу предложенія Вирхова (3-го февраля 1866 г.) признать недѣйствительнымъ личное присоединеніе Лауэнбурга къ прусской коронѣ на томъ основаніи, что по § 55 прусской конституціи король не можетъ быть главою иностранной имперіи безъ согласія палаты, а такъ какъ само завоеваніе Лауэнбурга совершено было при участіи прусскихъ войскъ, то присоединеніе налагаетъ на Пруссію извѣстное бремя по охранѣ и администраціи Лауэнбурга“.

Бисмаркъ доказывалъ, что Лауэнбургъ не есть ни имперія, ни иностранная территорія, а владѣніе нѣмецкое, что король уплатилъ выкупную сумму не изъ государственной казны, и что по самому существу конституціи онъ имѣетъ полное право предпочитать унию личную реальной.

„Вы смѣшиваете господа, — продолжалъ Бисмаркъ, — бельгійскую конституцію съ прусскою; послѣдняя не заключаетъ въ себѣ § 78 первой, гласящаго, что король не имѣетъ другой власти, кромѣ той, которая ему присвоена этой конституціею или же закономъ, установленнымъ на ея основаніи. Этой статьи недостаетъ прусской конституціи, и потому его величество прусскій король имѣетъ у насъ всѣ тѣ права, которыя не уступлены и не перенесены на другіе государственные органы точнымъ опредѣленіемъ закона; къ этимъ правамъ принадлежитъ безспорно и право располагать плодами побѣдъ, одержанныхъ королевскими войсками; мало того, вы дѣлаете крупную ошибку, отдѣляя короля отъ государства; подобное раздѣленіе невозможно въ Пруссіи ни фактически, ни юридически, ни политически“ (стр. 275—276).

Затѣмъ, „по мнѣнію Бисмарка прусская конституція, устанавливая безотвѣтственность и неприкосновенность личности монарха, нисколько не лишаетъ его самостоятельной воли и свободы дѣйствій“ (стр. 278).

„Нашъ король не только царствуетъ, но и править“, сказалъ Бисмаркъ, въ рѣчи 24-го янв. 1882 г. Въ то же время, „начиная съ бранденбургскихъ электоровъ“, — продолжалъ Бисмаркъ, — „прусскіе короли всегда думали, что стоятъ во главѣ своего государства не ради собственнаго удовольствія, что они не fruges eo sumere pati, а ради общественнаго служенія признавали себя слугами своего государства, на примѣръ Фридрихъ Великій“ (с. 280).

„Право короля руководить правленіемъ своей страны, по собственному разумѣнію и волѣ, ограничено, но не отмѣнено конституціею; король правитъ согласно конституціи, но не сообразно временному большинству народнаго представительства“. „Онъ имѣетъ право отъ себя лично, безъ посредства министровъ, говорить къ своему народу и уяснять задачи своего правительства“. „Въ законодательной области король стоитъ на ряду съ представительствомъ; въ другихъ же существенныхъ отношеніяхъ возвышается надъ нимъ: ему исключительно принадлежитъ исполнительная власть (§ 45 прусск. конст.); онъ назначаетъ на всѣ государственныя должности (§ 47); онъ руководитъ внѣшнею политикою и самъ избираетъ средства для достиженія тѣхъ или иныхъ ея цѣлей; парламентъ же есть только одна изъ властей, участвующая, но не господствующая въ законодательствѣ“.

„Конституція Пруссіи, — говорилъ Бисмаркъ въ 1863 г., — устанавливаетъ *равновѣсіе* трехъ законодательныхъ властей, и ни одна изъ нихъ не можетъ *принудить* другую къ уступкамъ; отсюда возникаетъ необходимость компромисса, соглашенія между ними, да и вся вообще конституціонная жизнь слагается изъ компромиссовъ“. „Если указанныя власти не согласятся между собою“, „тогда наступаютъ конфликты, и въ такомъ случаѣ кто располагаетъ властію, тотъ слѣдуетъ своему пути и притомъ въ собственномъ смыслѣ, ибо государственная жизнь не можетъ остановиться ни на одну минуту“ (стр. 278—279).

„Возводя королевскую власть на высоту божественно-историческаго установленія, постоянно защищая, на основаніи прусской конституціи, ея независимость и верховенство въ управленіи дѣлами государства, Бисмаркъ, однако, признаетъ, что удѣльный вѣсь этой власти и парламента не можетъ быть опредѣляемъ точно конституціонными параграфами“, такъ какъ важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, кто стоитъ во главѣ государства и кто руководитъ парламентскими партіями (стр. 283).

Изложеніе этихъ мыслей Бисмарка г. Ренненкампфъ заканчиваетъ своими замѣчаніями, которыя болѣе развиваетъ въ заключеніи. „Возрѣнія Бисмарка, — говоритъ онъ, — въ настоящемъ случаѣ исполнены противорѣчій. Бисмаркъ взялъ на себя неразрѣшимую задачу — доказать, что правленіе конституціонно-ограниченное можетъ быть въ то же время вполнѣ самостоятельнымъ и свободнымъ, что прусскій король и послѣ изданія конституціи остался по прежнему полновластнымъ сувереномъ, который можетъ править по собственному усмотрѣнію и волѣ, независимо отъ большинства народнаго представительства“. Дѣйстви-

тельно, „за прусскимъ королемъ осталась вся полнота правъ, установленныхъ имъ октроированнымъ актомъ; но, затѣмъ, въ сферѣ дѣятельности, опредѣленно предоставленной представительству, права послѣдняго не могутъ быть оспорены никакою діалектикою, никакими ссылками на специфическія условія прусскаго государственнаго строя“ (стр. 284).

„Впрочемъ, стремленіе Бисмарка согласить положеніе конституціоннаго монарха съ понятіемъ о верховномъ господствѣ государственной власти не было единоличнымъ; оно замѣчается у многихъ германскихъ публицистовъ; слѣды его можно найти у Штейна, полное же выраженіе—у Штала, имѣвшаго на Бисмарка несомнѣнное теоретическое вліяніе“ (стр. 285).

Затѣмъ, „равновѣсіе основныхъ факторовъ государственной власти,—продолжаетъ г. Ренненкампфъ,—кн. Бисмаркъ признавалъ существенною принадлежностью прусской конституціи и полагалъ, что для правильнаго теченія государственной жизни эти факторы должны посредствомъ взаимныхъ уступокъ прекращать всякія возникающія между ними столкновенія. Едва-ли, однако, возможно возводить частныя свободныя акты уступокъ и соглашеній въ общее обязательное правило конституціонной жизни. Главный вопросъ въ томъ, кто же долженъ уступить?“ (стр. 400). Если же признать, какъ это дѣлаетъ Бисмаркъ, что въ случаѣ конфликта долженъ рѣшать и дѣйствовать тотъ государственный факторъ, который обладаетъ въ данную минуту фактической властью, то подрывается самый принципъ равновѣсія властей; въ тому же фактическое обладаніе властью можетъ случайно ускользнуть изъ рувъ легальнаго правительства (стр. 401). Въ этихъ замѣчаніяхъ г. Ренненкампфа много правды. Лучшей иллюстраціей Бисмарковой теоріи разрѣшенія конфликта государственныхъ властей является знаменитый бюджетный конфликтъ, весьма ясно изложенный и у г. Ренненкампфа (стр. 307—322).

„Другая особенность прусской конституціи,—читаемъ далѣе,—заключается, по взгляду Бисмарка, въ положеніи министровъ. Вопросъ этотъ неоднократно возникалъ, какъ въ прусскомъ, такъ и въ германскомъ парламентахъ, и всякій разъ Бисмаркъ ставилъ его въ неразрывную связь съ правами прусской королевской власти.

„Въ Пруссіи,—говорилъ онъ въ 1863 г. (27-го янв.),—кабинетъ находится въ иномъ положеніи, нежели въ Англіи, гдѣ онъ, хотя изъ нѣдръ палатскаго большинства, имѣетъ парламентарный характеръ; прусскій кабинетъ носитъ правительственный характеръ; прусскіе министры, назначаемые и смѣняемые по

усмотрѣнію короля, суть его непосредственные подчиненные, дѣйствуютъ отъ имени и по приказу его величества и находятся въ зависимости только отъ его воли и желаній. Мы—министры его величества короля, а не ваши“ (стр. 286). Въ Пруссіи самъ король—министръ-президентъ. Министры контрастируютъ его акты, но это не превращаетъ ихъ въ акты министерскіе; рѣшающее значеніе остается за королемъ. Если министръ не сочтетъ для себя возможнымъ контрастировать какой-нибудь актъ короля, то онъ подаетъ въ отставку, и король замѣняетъ его новымъ. Если же между министрами возникаетъ разногласіе, королю принадлежитъ разрѣшеніе его, обязательное для всѣхъ, а нежелающіе ему подчиниться могутъ выйти изъ состава кабинета.

Въ качествѣ королевскаго и императорскаго агента министръ обязанъ вносить въ представительное собраніе и такіе законопроекты, въ одобреніи которыхъ представителями онъ сомнѣвается. Сообразно съ такимъ отношеніемъ министровъ къ королю и палатамъ, Бисмаркъ рѣшительно не признавалъ надъ ними дисциплинарной власти парламента (стр. 288—289).

Но остается высшее правительственное положеніе министровъ; отвергая партійное преобладаніе нижней палаты надъ другими факторами государственной власти, Бисмаркъ въ то же самое время неоднократно указывалъ на необходимость для кабинета искать опоры и поддержки въ нижней палатѣ (стр. 292).

Такимъ образомъ, Бисмаркъ „отличалъ конституціонное министерство, зависимое только отъ короля и опирающееся на большинство представителей, отъ министерства парламентарнаго, образуемаго партіями“ (стр. 294). Но особенно онъ считалъ парламентарное министерство неприменимымъ въ Пруссіи и Германіи (стр. 295).

„По убѣжденію Бисмарка, парламентарная система можетъ легко и безпрепятственно дѣйствовать тамъ, гдѣ существуютъ двѣ прочно организованныя, проникнутыя сознаніемъ государственныхъ задачъ партіи, изъ которыхъ одна располагаетъ большинствомъ въ данный моментъ времени. Въ Германіи же этого нѣтъ; нѣмецкое представительство раздроблено на враждебныя другъ другу фракціи (по свойству германскаго корпоративнаго духа), которыя, будучи проникнуты такими кружковыми задачами, отождествляемыми съ потребностями цѣлой націи, лишены сознанія политической отвѣтственности и неспособны пожертвовать свои убѣжденіями для блага государства“ (стр. 296).

„Какъ видно изъ изложеннаго,—замѣчаетъ отъ себя г. Ренкампфъ,—Бисмаркъ свои мнѣнія о положеніи министровъ и

о парламентаризмѣ также подтверждалъ особенностями прусской конституціи и прибавлялъ къ этому еще склонность германцевъ дробиться на мелкія корпоративныя группы, неспособныя подчинять свои частныя интересы высшимъ политическимъ цѣлямъ. Доводы эти едва-ли, однако, удовлетворительны. Конституція Пруссіи нисколько въ данномъ случаѣ не отличается отъ хартій англійской, бельгійской, итальянской и др.; точно такъ же, какъ и прусская, онѣ предоставляютъ королю право назначать министровъ по своему усмотрѣнію, но на дѣлѣ въ этихъ странахъ господствуетъ парламентская система, между тѣмъ какъ правительство Пруссіи рѣшительно отрицаетъ ее. Равнымъ образомъ не много объясняютъ и указанія Бисмарка на раздробленность партій прусскаго и германскаго представительства; явленіе это замѣчается и въ другихъ конституціонныхъ государствахъ и даже въ самой Англіи“ (стр. 298).

„Искушенный многолѣтнимъ опытомъ, Бисмаркъ, кажется намъ, — продолжаетъ г. Ренненкампфъ, — стоялъ на болѣе реальной почвѣ, когда въ своей дѣятельности (24-го янв. 1882 г.) высказалъ въ рейхстагѣ, что „удѣльный вѣсъ власти монарха и парламента не можетъ быть опредѣляемъ точно конституціонными параграфами“, что въ дѣйствительности весьма существенная разница заключается въ томъ, кто стоитъ во главѣ государства и каковъ составъ, таланты и организація представительства“ (стр. 299) ¹⁾. Что же касается положенія короля, какъ президента кабинета, то, по мнѣнію г. Ренненкампфа, оно „сводитъ монарха съ того высокаго, неприкосновеннаго поста, на которомъ Бисмаркъ желалъ удержатъ своего государя; оно упраздняетъ самый вопросъ о политической отвѣтственности министровъ“ (стр. 405).

Далѣе, однимъ изъ основныхъ условій конституціоннаго и вообще законнаго порядка вещей, является отвѣтственность министровъ. „Прусская конституція хотя и признала эту отвѣтственность въ общихъ чертахъ (за конституціонныя нарушенія, подкупъ или измѣну, § 61), но отложила на будущее время ближайшее опредѣленіе какъ условій отвѣтственности, такъ и порядка суда и наказанія министровъ“ (стр. 300). Въ Пруссіи и до сихъ поръ нѣтъ, однако, такого закона объ отвѣтственности министровъ.

Въ 1863 г. правительство отклонило изданіе закона о мини-

¹⁾ На стр. 407-ой г. Ренненкампфъ этотъ взглядъ Бисмарка считаетъ противорѣчающимъ его воззрѣніямъ на верховное, господствующее положеніе короны въ государствѣ.

стерской отвѣтственности, находя то время неблагоприятнымъ для его обсуждения.

Начиная съ 1867 г., либералы и прогрессисты „неоднократно требовали какъ точнаго опредѣленія отвѣтственности канцлера, такъ и установленія отвѣтственнаго союзнаго (а потомъ имперскаго) министерства, съ которымъ канцлеръ долженъ дѣйствовать по соглашенію, т.-е. коллегіально“.

„Бисмаркъ согласился на отвѣтственность канцлера за свою союзную администрацію и за всѣ союзные акты, контрасигнированные имъ, но рѣшительно отвергалъ необходимость и пользу подробнаго развитія порядка обвиненія и суда надъ союзнымъ канцлеромъ“ и „въ особенности возражалъ противъ учрежденія отвѣтственнаго, коллегіально съ нимъ дѣйствующаго, союзнаго министерства“ (стр. 302), какъ потому, что это нарушило бы верховныя права членовъ федераціи ¹⁾ и было бы неприложимо на практикѣ, такъ и въ видахъ большей свободы и самостоятельности канцлера (стр. 304—5). Очевидно, Бисмаркъ, съ одной стороны признавая необходимость отвѣтственности министровъ, а съ другой отказываясь установить закономъ способы и порядокъ ея осуществленія, „желалъ быть свободнымъ отъ судебно-политическихъ притязаній представительства“ (стр. 405—6). „Между тѣмъ опредѣленіе порядка осуществленія министерской отвѣтственности особенно важно въ тѣхъ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ не дѣйствуетъ парламентарная система“ (стр. 307).

Къ этому сводится сущность воззрѣній Бисмарка на государство, государственную власть и правительство ²⁾. Остается коснуться его взглядовъ на значеніе народнаго представительства, — взглядовъ, подвергшихся съ теченіемъ времени значительнымъ видоизмѣненіямъ.

„Съ первыхъ шаговъ своей политической жизни (1847 г.), Бисмаркъ рѣшительно отрицалъ всенародное значеніе представительства и видѣлъ въ немъ лишь частицу народа, призванную королемъ для содѣйствія ему въ извѣстномъ кругѣ дѣятельности, а не для господства въ государствѣ на ряду и наравнѣ съ короною“ (стр. 350). „Но когда Бисмаркъ занялъ правительственный, отвѣтственный постъ, онъ долженъ былъ признать положи-

¹⁾ Бисмаркъ вполнѣ опредѣленно высказывался въ пользу какъ мѣстной автономіи въ государствѣ, такъ и въ пользу неприкосновенной самостоятельности членовъ федераціи. См. стр. 322—327.

²⁾ Мы опускаемъ обстоятельное изложеніе авторомъ отношенія Бисмарка къ рабочему вопросу, какъ неимѣющее особаго интереса для уясненія взглядовъ Бисмарка на разныя конституціонныя вопросы.

тельную роль представительства. И дѣйствительно, сдѣлавшись министромъ-президентомъ, во время бюджетной борьбы съ палатою, Бисмаркъ постоянно высказывалъ (рѣчи 1862—1866 гг.), что по конституціи представительству предоставлено совершенно равное съ короною право участія въ законодательствѣ и установленіи бюджета“ (стр. 352).

„Со времени же образованія сѣверо-германскаго союза, впоследствии обратившагося въ имперію, когда Бисмаркъ, испытывая потребность въ поддержкѣ и сочувствіи всего нѣмецкаго народа, обратился къ всеобщей подачѣ голосовъ, онъ уже не отказываетъ германскому представительству въ общенародномъ значеніи, не отвергаетъ его знакомства съ чувствами и помыслами населенія“ и доказываетъ, что „парламентъ и правительство соединены общими интересами“ (стр. 353).

„Искреннее соблюденіе конституціи заключалось, по мнѣнію Бисмарка, въ томъ, чтобы представительство пользовалось лишь правами, предоставленными ему конституціоннымъ актомъ, чтобы оно не посягало на суверенныя права монарха“ и не домогалось расширенія своихъ правъ, а тѣмъ болѣе преобладанія въ государственномъ организмѣ (стр. 354).

„Парламентъ слѣдуетъ надѣлать правами и властью съ большою осторожностью уже по одному тому, что его дѣятельность непостоянна и непродолжительна“. Другую причину, вследствие которой нецѣлесообразно давать представительнымъ собраніямъ слишкомъ много вѣса, Бисмаркъ видѣлъ въ силѣ краснорѣчія, которое можетъ убить всякое обсужденіе дѣла и вызвать слишкомъ поспѣшное рѣшеніе (стр. 355). Въ чемъ же должны заключаться функціи парламента?

„Парламентъ,—говорилъ въ 1884 г. Бисмаркъ,—не можетъ управлять, но онъ долженъ отвращать зло, устранять тѣ опасности, которыя возможны при монархическомъ, да и вообще при всякомъ образѣ правленія; онъ долженъ препятствовать расточительности, противодѣйствовать узкости бюрократическаго духа, концепціямъ зеленаго стола, мужскому и женскому фаворитизму, дурнымъ законамъ и дурному распоряженію государственными средствами“... „Вообще я не знаю, чѣмъ можно было бы замѣнить парламентъ для предотвращенія опасностей, неразрывно соединенныхъ съ правительствомъ, не имѣющимъ гласности, лишеннымъ свободы прессы“...

„Весьма существенное условіе истиннаго и полезнаго представительства Бисмаркъ видѣлъ въ томъ, чтобы оно находилось въ непрерывномъ общеніи съ народомъ, выражая дѣйствительное

настроение и живыя силы націи“. „Эта цѣль вѣрнѣе всего можетъ быть достигнута, по его мнѣнію, краткостью парламентскихъ сессій“, которая съ одной стороны даетъ возможность большому числу гражданъ принимать участіе въ парламентской дѣятельности и значительно облегчить это участіе, а съ другой—помѣшаетъ образованію класса профессиональныхъ парламентаристовъ, *преобладаніе* которыхъ въ представительныхъ собраніяхъ Бисмаркъ считалъ нежелательнымъ (стр. 357).

„Съ цѣлью сокращенія парламентскихъ сессій (и безъ сомнѣнія большей свободы министерства) Бисмаркъ неоднократно (въ 1880 и 1881 г.) входилъ въ рейхстагъ съ предложеніемъ измѣнить параграфы (13, 69 и 72) имперской конституціи, опредѣляющіе ежегодный созывъ рейхстага, и замѣнить однолѣтній бюджетъ двулѣтнимъ (стр. 358—361).

„Однимъ изъ опасныхъ и болѣзненныхъ явленій народнаго представительства, затрудняющимъ и даже парализующимъ его дѣятельность во всѣхъ современныхъ конституціонныхъ государствахъ, Бисмаркъ признаетъ партіи, пронизнутыя своими исключительными цѣлями и духомъ нетерпимости“ (стр. 361). По его мнѣнію, нигдѣ партійная разрозненность не получила такого развитія, какъ въ Германіи (стр. 363). Изъ сказаннаго видно, что Бисмаркъ, несмотря на всю измѣнчивость и даже противорѣчивость его взглядовъ, въ концѣ концовъ признавалъ необходимость и пользу представительства, „но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не желалъ расширять кругъ дѣятельности этого представительства, опасаясь его преобладанія и считая его неспособнымъ къ непосредственному „управленію дѣлами государства“. „Многіе публицисты и политики высказывали подобныя же опасенія относительно преобладанія народнаго представительства и способности его къ непосредственному управленію и настаивали на необходимости установить точные предѣлы дѣятельности и власти парламента“ (стр. 365).

Что касается мысли Бисмарка о созывѣ парламента черезъ 2-хъ-лѣтніе промежутки времени, то она, по мнѣнію г. Ренненкампа, не можетъ быть признана удачной. Иное слѣдуетъ сказать о предложеніи двухгодичныхъ бюджетовъ.

„Для политической зрѣлости и устойчивости народнаго представительства Бисмаркъ считалъ необходимымъ раздѣленіе его на двѣ части, т.-е. на нижнюю и верхнюю палату, или сенатъ, который имѣлъ бы въ законодательной области такія же права, какъ и камера депутатовъ.

Верхняя палата, по мысли Бисмарка, должна быть носителемъ

ницею высшей, спокойной государственной мудрости и выразительницею послѣдовательности въ политикѣ, свободной отъ вліяній дня“.

„Обращаясь въ составу этого политическаго тормазы, Бисмаркъ съ первыхъ шаговъ своей политической дѣятельности явился горячимъ защитникомъ прусскаго наслѣдственнаго прѣства“ (стр. 367). „Признавая верхнюю, аристократическую палату весьма существеннымъ факторомъ конституціонно-государственной организаціи, онъ заботливо охранялъ ее отъ подавленія нижнею, отстаивая ея права и независимость дѣйствій“ (стр. 369). Но, повидимому, не при всякихъ формахъ государственной жизни Бисмаркъ считалъ верхнюю палату умѣстной. Такъ, ни въ сѣверо-германскомъ союзѣ, ни въ имперіи верхней палаты нѣтъ, а есть, подобно сенату сѣверо-американскихъ штатовъ, союзный совѣтъ, собраніе делегатовъ отъ правительствъ, которое, по мысли Бисмарка, „осуществляетъ общеперскій суверенитетъ, покоящійся не въ императорѣ, а въ совокупности союзныхъ правительствъ“ (стр. 372).

Что касается способовъ выбора представителей, то Бисмаркъ, вообще относившійся скептически ко всѣмъ избирательнымъ системамъ, въ началѣ своей карьеры былъ рѣшительнымъ противникомъ непосредственнаго всеобщаго голосованія (стр. 381) и горячо возставалъ противъ неограниченнаго права сходокъ и ассоціацій. Впослѣдствіи мнѣніе его о всеобщей подачѣ голосовъ рѣзко измѣнилось. Съ 1863 г. онъ дѣлается столь же рѣшительнымъ ея защитникомъ и проводникомъ въ объединенной Германіи.

„Осуществляя въ Германіи *suffrage universel*, Бисмаркъ, однако, постоянно отвергалъ назначеніе депутатамъ правительственнаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ много разъ высказывался противъ избираемости чиновниковъ“ (стр. 393), особенно судебнаго и духовнаго вѣдомства (стр. 394). Таковы взгляды Бисмарка на роль, составъ и способы избранія народнаго представительства.

Для того, чтобы представители народа могли осуществлять возложенныя на нихъ обязанности, за ними признается свобода парламентскихъ преній. Это одно изъ важнѣйшихъ и обычныхъ правъ народнаго представительства. Какъ къ нему относился Бисмаркъ? Бисмаркъ, признавая необходимость свободы парламентскихъ преній, въ то же самое время „желалъ оградить членовъ правительства и самихъ депутатовъ отъ оскорбленій, произносимыхъ съ трибуны, и особенно заботился о томъ, чтобы оскорбленія и опасныя, разрушительныя теоріи не распространя-

лись свободно и безнаказанно посредствомъ стенографическихъ отчетовъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, публикуемыхъ въ газетахъ". Для достиженія этихъ цѣлей онъ предлагалъ различные проекты, которые не разъ были отвергаемы палатами (стр. 380). Этимъ исчерпывается сущность политическихъ воззрѣній Бисмарка, представленныхъ въ книгѣ г. Ренненкампа.

Мы видѣли, что въ теченіе своей политической карьеры Бисмаркъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ убѣжденію въ томъ, что „верховное и руководящее значеніе должно принадлежать только государству“, покаяющемуся на религіозной основѣ. Затѣмъ онъ всегда былъ энергичнымъ защитникомъ государственной власти и преданнымъ слугою короля и императора. Въ остальномъ же онъ нерѣдко измѣнял свои убѣжденія, впадая въ самопротиворѣчія. Такъ, изъ врага всеобщей подачи голосовъ, въ началѣ своей карьеры, онъ дѣлается ея защитникомъ и опирается на нее, какъ при основаніи сѣверо-германскаго союза, такъ и германской имперіи; изъ приверженца Австріи онъ становится ея противникомъ; легитимистическія воззрѣнія не мѣшаютъ ему рѣшиться на присоединеніе къ Пруссіи Ганновера и др. малыхъ германскихъ государствъ, въ которыхъ власть царствовавшихъ династій была установлена не менѣ Божіею милостію, какъ и власть Гогенцоллерновъ ¹⁾, и т. п.

Все прежде сказанное даетъ такимъ образомъ основаніе согласиться съ тѣмъ заключеніемъ г. Ренненкампа, что политическія воззрѣнія Бисмарка „страдаютъ не только отсутствіемъ полноты и системы, но и постоянными видоизмѣненіями, непослѣдовательностью и даже противорѣчіями“ (стр. 400).

Причину этого явленія открыть не трудно.

Бисмаркъ не разъ заявлялъ, что не имѣетъ пристрастія къ той или другой теоріи, къ той или иной формѣ государственнаго устройства, но что ту или другую считаетъ примѣнимою сообразно съ различными обстоятельствами.

„Единственнымъ компасомъ, единственной путеводной звѣздой“, по словамъ Бисмарка въ 1881 г., было для него—*salus publica*. Бывшій канцлеръ всегда ставилъ вопросъ, что полезно, цѣлесообразно и справедливо для его отечества, династіи и имперіи, и

¹⁾ Едва ли также гармонируетъ съ легитимистическими воззрѣніями и то, что Бисмаркъ говорилъ въ знаменитой своей памятной запискѣ о политикѣ Пруссіи 1858 г.: „Прусскіе интересы совершенно совпадаютъ съ интересами большинства союзныхъ странъ (Bundesländer), кромѣ Австріи, но не съ интересами союза и правительствъ (Bundesregierungen)“; см. *Walden, Fürst Bismarcks gesamm. Werke*, IV Bd., S. 393; также *Ф. Мартенсъ*, „В. Европа“, 1883, № 6, стр. 748.

сообразно съ этимъ старался дѣйствовать ¹⁾. Онъ утверждалъ, что съ самаго начала его карьеры онъ старался изыскать пути и средства къ объединенію Германіи и къ закрѣпленію этого объединенія ²⁾. Достиженію этой цѣли и вообще интересамъ внѣшней политики Бисмаркъ готовъ былъ подчинять и подчинялъ политику внутреннюю ³⁾. Такимъ образомъ, всѣ перемѣны и противорѣчія въ политическихъ воззрѣніяхъ Бисмарка „возникали, — какъ довольно вѣрно замѣчаетъ г. Ренненкампфъ, — конечно, не потому, что Бисмаркъ забывалъ сказанное имъ прежде или не понималъ своей непослѣдовательности, а потому, что бывший канцлеръ былъ прежде всего политическій дѣятель“. „Для него на первомъ мѣстѣ были не системы, а тѣ государственныя задачи, которыя ему приходилось осуществлять при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ; непрерывное измѣненіе послѣднихъ вынуждало и его мѣнять пути и способы своихъ дѣйствій“ (стр. 408). Нельзя, впрочемъ, отрицать, что нѣкоторую роль игралъ при этомъ и жизненный опытъ, подъ влияніемъ котораго Бисмаркъ, какъ онъ и самъ замѣчаетъ ⁴⁾, вполне естественно могъ измѣнять свои взгляды. Главнымъ, однако, двигателемъ въ дѣятельности Бисмарка являлось благо государства (*das Wohl des Staates*). Но такъ какъ понятіе „благо государства“ можно наполнять различнымъ содержаніемъ, впадая при этомъ въ роковыя ошибки, то отсюда ясна и шаткость той системы, которая исключительно покинута на подобномъ началѣ. И дѣйствительно, „недостатки политическихъ

¹⁾ Рѣчь 24-го февр. 1881 г. *B. Walden, Fürst Bismarcks ges. Werke, III Bd., S. 338.*

²⁾ *Ich habe von Anfang meiner Carrière an, — говорилъ Бисмаркъ 9 июля 1879 г., — nur einen Leitstern gehabt: durch welche Mittel und auf welchem Wege kann ich Deutschland zu einer Einigung bringen und so weit dies erreicht ist, wie kann ich diese Einigung befertigen, fördern und so gestalten, dass sie aus freiem Willen aller Mitwirkenden dauernd erhalten wird.* *Hahn, III Bd., S. 707.* То же въ рѣчи 24-го февр. 1881 г.

³⁾ „*Ich habe niemals in meinem Leben gesagt, — говорилъ Бисмаркъ въ 1867 г., — dass ich der Volksfreiheit mich feindlich entgegenstellte, sondern nur gesagt und natürlich unter der Voraussetzung „rebus sic stantibus“, meine Interessen an den auswärtigen Angelegenheiten sind nicht nur stärker, sondern zur Zeit allein massgebende und fortreissende, so dass ich, so viel ich kann jedes Hinderniss durchbreche, welches mir im Wege steht, um zu dem Ziele zu gelangen, welches, wie ich glaube, im Wohle des Vaterlands erreicht werden muss. Das schliesst nicht aus, dass auch die Ueberzeugung theile, dass den höchsten Grad von Freiheit des Volkes, des Individuums, der mit der Sicherheit und gemeinsamen Wohlfahrt des Staates verträglich ist, jederzeit zu erstreben, die Pflicht jeder ehrlichen Regierung ist.*“ *Hahn, I Bd., S. 626.*

⁴⁾ Та же рѣчь 1881 г. 24-го февр.

воззрѣній Бисмарка—не безъ основанія замѣчаетъ г. Ренненкампфъ—увеличивались тѣмъ болѣе, что подъ благомъ государства онъ разумѣлъ, главнымъ образомъ, интересы и могущество матеріальныя, а потому возвелъ эгоизмъ государства на степень высшаго руководящаго начала. Но польза и интересъ не даютъ цѣны высшимъ идеямъ и сами въ себѣ не заключаютъ никакой прочной мѣрки человѣческихъ отношеній.

Вотъ почему въ понятіяхъ Бисмарка замѣчается бѣдность духовнаго элемента, непослѣдовательность въ выводахъ и неразборчивость въ средствахъ: онъ слишкомъ легко поднималъ тяжелый мечъ *salutis publicae*, не опасаясь, что его удары нарушатъ свободу мнѣній и право индивидуальныхъ интересовъ; онъ всегда охотно брался за роль политическаго „маклера“, который думалъ прежде всего о томъ, чтобы извлечь изъ обѣихъ сторонъ возможно болѣе пользы для своего государства (стр. 409—410).

Съ другой стороны, „воззрѣнія Бисмарка не заключаютъ въ себѣ чего-либо новаго; подобныя же идеи проповѣдывали и защищали многочисленныя консервативныя мыслители и политики: де-Местръ, Бональдъ, Адамъ Мюллеръ, Галлеръ, Шталь и многіе другіе“ (стр. 412).

Итакъ, политическія воззрѣнія Бисмарка, по словамъ самаго же г. Ренненкампфа, не новы, бессистемны и довольно противорѣчивы. При такихъ условіяхъ едва-ли авторъ имѣлъ основаніе ставить въ счетъ заслугъ Бисмарка то, что онъ будто бы высказалъ „весьма важныя и полныя глубокаго жизненнаго смысла воззрѣнія“, которыя „имѣютъ и общее значеніе въ развитіи государственнаго порядка“ (стр. 3). Даже если и признать глубину за воззрѣніями Бисмарка, то все же заслугу его можно видѣть развѣ въ томъ, что онъ *дѣйствовалъ* въ духѣ этихъ воззрѣній, а не въ томъ, что онъ ихъ *высказалъ*, ибо они высказывались и другими, а слѣдовательно, ему не принадлежать. Дѣйствительно, на нашъ взглядъ, все историческое значеніе Бисмарка сводится не къ его теоретическимъ настроеніямъ, а къ его практической дѣятельности и при томъ преимущественно въ области международной политики. Въ области международной политики Бисмаркъ вѣжется гигантомъ; въ области же внутренней, въ особенности съ точки зрѣнія конституціонализма, онъ особаго значенія не имѣетъ. Если бы представляемая г. Ренненкампфомъ политическія воззрѣнія Бисмарка (большею частью въ подлинныхъ словахъ, чѣмъ напрасно увеличивается объемъ книги) изложить въ систематическомъ порядкѣ спокойнымъ академическимъ языкомъ и шдать подъ псевдонимомъ, или вовсе безъ обозначенія имени изъ

автора (Бисмарка), то такая книжечка едва-ли обратила бы на себя вниманіе. Дѣятельность Бисмарка, окончательный судъ надъ которой произнесетъ исторія, безъ сомнѣнія имѣетъ громадное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Съ точки зрѣнія занимающихъ насъ вопросовъ, на ней также можно остановиться съ большимъ интересомъ. Такъ, она содержитъ весьма много любопытнаго для того, кто бы захотѣлъ слѣдить за процессомъ созиданія, проведенія въ жизнь и дѣйствія конституціонныхъ учреждений. Затѣмъ въ ней есть не мало интереснаго и для рѣшенія вопроса о томъ, насколько отдѣльная личность имѣетъ значенія вообще въ дѣлѣ культурнаго развитія общества и въ частности въ дѣлѣ развитія государственныхъ учреждений, и какую роль въ послѣднемъ отношеніи играютъ сопутствующія обстоятельства. Наконецъ, она даетъ назидательные уроки того, какъ успѣвать въ политической жизни, мѣняя пути и средства дѣйствій.

Г. Ренненкампфъ какъ будто имѣлъ въ виду эти соображенія, когда говорилъ, что „самое важное отличіе (!) воззрѣній Бисмарка заключается въ томъ, что они были осуществлены на дѣлѣ, подвергались повѣрѣ дѣйствительности“ (стр. 413), и дажѣ, что „его политическія воззрѣнія на значеніе государства и государственной власти, подтвержденныя убѣдительною фактовъ непосредственной жизни, окажутъ вліяніе и на послѣдующее развитіе конституціоннаго строя“ (стр. 414). Но, повторяемъ, слѣдуетъ придавать значеніе не столько взглядамъ Бисмарка, которые, какъ извѣстно, не отличаются оригинальностью, сколько подтвердившей ихъ „убѣдительною фактовъ непосредственной жизни“, или иными словами, значеніе Бисмарка не столько покоится на его воззрѣніяхъ, сколько на его практической дѣятельности, на умѣнѣхъ изыскать пути и средства къ осуществленію этихъ воззрѣній, на чтѣ, по-видимому, авторъ не обращалъ надлежащаго вниманія.

Заканчивая свои замѣчанія на книгу г. Ренненкампфа, мы должны сказать, что рядомъ съ отмѣченными нами ея недостатками можно указать и на положительныя ея стороны. Въ пользу этой книги говоритъ, на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ то, что политическія воззрѣнія Бисмарка на русскомъ языкѣ въ ней впервые представлены въ довольно полномъ и систематическомъ видѣ. Изученіе и систематизація этихъ воззрѣній потребовали, конечно, не мало труда.

И. Ивановскій.

ВЕНГЕРСКІЕ ПОЭТЫ

I.—ИЗЪ ПЕТЁФИ.

1.

Въ жизни зналъ я лишь горечь сомнѣнья,
Испыталъ только горе одно,
И одно служить мнѣ въ утѣшенье:
Незаслуженнымъ было оно.

До могилы моей облегченья
Не увижу страданіямъ я,
И одно служить мнѣ въ утѣшенье:
Недалѣко теперь до нея...

2.

Моя любовь—не соловей,
Поющій утренней зарею
Надъ пробудившейся землею,
Когда огнемъ горятъ на ней
Лобзанья солнечныхъ лучей.

Моя любовь—не лугъ зеленый,
Не свѣтлый прудъ въ тѣни вѣтвей,
Гдѣ стая бѣлыхъ лебедей
Глядитъ на мѣсяцъ, отраженный
Въ водѣ пруда посеребрѣнной.

Моя любовь—не мирный домъ,
Гдѣ садъ раскинулся кругомъ,
Гдѣ счастье, вѣчно обитая,
Рождаетъ радость—дѣву рая
Въ уединеніи своемъ.

Моя любовь—дремучій боръ,
Гдѣ обитаетъ съ давнихъ поръ
Глухая ревность, словно жаломъ
Вооруженная винжаломъ.
Отчаяньемъ зовется онъ—
И имъ на смерть я пораженъ...

3.

Падаютъ съ лазури звѣзды золотыя,
Изъ очей же слезы катятся живыя.

Отчего свѣтила падаютъ—не знаю,
Я же объ умершей слезы проливаю.

Падаютъ и звѣзды, словно слезы эти,
Но не станеть меньше ихъ на бѣломъ свѣтѣ.

II.—ИЗЪ АНДРЕЯ САВО.

Не мѣшайте счастьемъ тѣхъ, что веселятся,—
Пусть они безопасно съ дѣвами кружатся;
Не продлится долго пиръ веселья брачный,
И его замѣнитъ праздникъ смерти мрачной;
Горько будутъ плакать дѣти и вдова:
Горестная участь наша такова.

Не мѣшай ученымъ. Имъ и книги въ руки;
Пусть ихъ проникають въ таинства науки,
Для ретортъ громадныхъ раздувають пламень—
Все же не отырыть имъ философскій камень,
И поймутъ бѣдныя, что предъ ними—тьма,
Что ничтожны знанья,—и сойдутъ съ ума.

Жалкое влчимъ мы здѣсь существованье,
И напрасно къ знанью въ насъ горитъ желанье.
Мы порою плачемъ, но—надъ нашимъ горемъ;
А про горе брата мы, смѣясь, споримъ.
Все здѣсь преходяще, словно грѣзы въ снахъ,
И на свѣтъ вѣчны—только смерть и прахъ.

О. Михайлова.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

и

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

I *).

ЛЖЕ-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ.

Область искусства обширна и многосторонна, и малѣйшее изслѣдованіе въ этой области затрагиваетъ такое количество разнообразныхъ вопросовъ, что представляется весьма труднымъ заключить его въ раму кратковременной бесѣды; необходимо въ этомъ случаѣ найти исходную точку, которая совмѣщала бы въ себѣ зародыши всѣхъ вопросовъ области художества и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, была бы настолько общедоступна, чтобы каждый могъ на себѣ провѣрить правильность или ошибочность предлагаемыхъ положеній. Такую исходную точку мы, вѣжета, найдемъ, ставъ на почву *художественнаго наслажденія*. Ощущенія прекраснаго настолько субъективны, что теоріи, построенныя на внѣшнихъ основаніяхъ, не могутъ удовлетворить человѣка, ищущаго объясненій одному изъ самыхъ неуловимыхъ движеній его собственной внутренней жизни.

Становясь на почву историческаго возникновенія произведеній искусства, мы ихъ отдаляемъ отъ себя, заставляемъ пройти сквозь длинный рядъ годовъ и столѣтій—и какъ бы возвращаемъ ихъ тѣмъ эпохамъ, въ которыя они возникли; между тѣмъ, съ точки

*) Публичная лекція, читанная 2-го мая 1892 г.

зрѣнія художественной красоты, стремленіе въ которой присуще всѣмъ эпохамъ, произведенія искусства—наша собственность, какъ они будутъ неотъемлемой собственностью и вслѣдъ за нами грядущихъ поколѣній. Историческая личность Virgilia намъ рисуется сквозь даль времени, но художественная его личность жива и близка намъ, мы съ ней приходимъ въ непосредственное соприкосновеніе, и только этотъ художникъ Virgiliy, который живетъ и дышетъ въ книгѣ, лежащей предо мной, интересуется меня, художника, а не тотъ, исчезнувшій Virgiliy, который сотни лѣтъ назадъ почилъ на берегахъ Брундузіума. Если беремъ за точку отправления не историческое, а художественное возникновеніе произведеній,—мы опять отдаляемъ ихъ отъ себя, ставимъ ихъ внѣ насъ, признаемъ ихъ собственностью той малочисленной семьи избранныхъ, которая отмѣчена печатью художественнаго творчества; между тѣмъ, если всякая эпоха имѣетъ право на произведенія прошлыхъ временъ, то и всякій человѣкъ имѣетъ такое же право; всякому ли дано имъ воспользоваться, это мы увидимъ ниже, но во всякомъ случаѣ стремленіе людей—сдѣлать искусство достояніемъ всѣхъ.

Точно также мало удовлетворительно оказалось бы изслѣдованіе, которое беретъ за исходную точку вопросъ о цѣли искусства,—ибо что разумѣть подъ цѣлью? Если разумѣть непосредственное удовлетвореніе личныхъ побужденій художественнаго творчества, то остается въ сторонѣ общественное, воспитательное значеніе произведеній искусства; если же мы будемъ понимать подъ цѣлью именно это воспитательное вліяніе, то упустимъ изъ виду процессъ творчества и такимъ образомъ оторвемъ произведенія искусства отъ самаго ихъ корня.

Итакъ, наиболѣе всѣмъ близкая точка зрѣнія—и вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивающая всѣ роды искусства—есть точка зрѣнія художественнаго наслажденія. Вотъ почему намъ показалось не безцѣльнымъ, по мѣрѣ силъ, изслѣдовать эту функцію внутренней жизни человѣка; исходя изъ нея, мы подойдемъ къ нѣкоторымъ наиболѣе интереснымъ вопросамъ области искусства и тогда постараемся взглянуть на нихъ сквозь призму личныхъ, индивидуальныхъ ощущеній.

Ощущеніе красоты свойственно всѣмъ людямъ, и хотя, какъ мы увидимъ ниже, оно имѣетъ весьма разнообразныя фазисы обусловленныя болѣе или меньше присутствіемъ артистическаго элемента, степенью участія сознанія въ процессъ наслажденія,—можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ человѣка, который бы хоть разъ въ жизни не испыталъ властнаго прикосно-

венія красоты; даже по своей природѣ самый недоступный эстетическимъ впечатлѣніямъ человѣкъ—и тотъ найдетъ въ своихъ воспоминаніяхъ минуты, когда онъ испытывалъ какъ бы вторженіе чего-то необъяснимаго, что овладѣвало имъ, вырывало изъ дѣйствительности и погружало въ тѣ неудовимыя ощущенія восторга, дѣйя, упоенія и улады, которыя французы исчерпываютъ однимъ словомъ: „*émotion*“. И однако, несмотря на эту общедоступность ощущеній красоты, мы не считали возможнымъ приступить къ занимающему насъ вопросу иначе, какъ отрицательнымъ путемъ. Подобно тому, какъ Сократъ для опредѣленія истины устанавливалъ, что не есть истина,—такъ и мы, прежде чѣмъ говорить о художественномъ наслажденіи и о томъ, что мы поднимемъ разумѣемъ, постараемся путемъ отвлеченія отдѣлить все то, что, по нашему мнѣнію, не есть истинно художественное наслажденіе; выдѣлимъ артистическій элементъ изъ многообразныхъ ощущеній красоты; пропустимъ сквозь сито, если можно такъ выразиться, всѣ постороннія ощущенія, примѣшивающіяся къ художественному воспріятію красоты.

Такихъ постороннихъ ощущеній весьма много, но одинъ изъ самыхъ сильныхъ спутниковъ эстетическаго наслажденія, а съ точки зрѣнія художественной правды—самый лживый, это—націонализмъ. Иной человѣкъ, въ музыкальномъ отношеніи мало развитый, слушаетъ звуки народной пѣсни и въ полной увѣренности, что испытываетъ *музыкальное* наслажденіе, въ то время какъ въ немъ задѣты и дрожатъ однѣ лишь *патріотическія* струны, которыя могли бы быть задѣты и могли бы равнымъ образомъ дрожать и отъ совершенно иного прикосновенія. На чужбинѣ бываетъ достаточно одного намека на что-нибудь родное, чтобы почувствовать наплывъ восторга: присутствіе художественнаго элемента въ этомъ случаѣ даже вовсе не является необходимымъ; вѣдь извѣстно, что на чужбинѣ—„и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“. И эскимось, занесенный въ Венецію, можетъ придти въ восторгъ, если вдругъ на площади св. Марка увидитъ родную юрту; но это не значитъ, что восторгъ его будетъ художественный. Я могу испытать совершенно тождественный восторгъ отъ научнаго успѣха русскаго ученаго за границей и отъ музыкальнаго успѣха русскаго композитора, но въ тотъ моментъ, какъ я себѣ отдаю отчетъ въ *умственномъ* наслажденіи, которое мнѣ доставилъ первый, и въ *художественномъ* наслажденіи, которое я испыталъ отъ второго,—я уже не думаю о томъ, что они мои соотечественники, и оба впечатлѣнія сливаются у меня и теряются въ одномъ общемъ

восторгъ патриотическомъ, который ни съ наукой, ни съ искусствомъ ничего общаго не имѣеть.

Да простятъ мнѣ рѣзкость слѣдующаго примѣра, — но чѣмъ же довазатъ ложность извѣстнаго пути, какъ именно — несостоятельностью того, къ чему онъ долженъ привести насъ. Одинъ молодой человекъ увѣрялъ меня, что звуки извѣстной пѣсни: „Эй, ухнемъ“ — приводятъ его въ большій восторгъ (и этотъ восторгъ онъ называлъ *музыкальнымъ*), чѣмъ любая симфонія Бетховена, такъ какъ въ первой заключается гораздо больше мощи, скорби и шири. Я не стану отрицать степени его восторга, но я скажу, и совершенно искренно, что скрипъ телѣгъ, бляніе овецъ, пощелкиваніе арапника и посвистываніе перепелки — приводятъ меня въ одинаковый восторгъ, — восторгъ, за который я дорого бы далъ, чтобъ хоть разъ испытать его на чужбинѣ; но какъ я ни дорожу этимъ ощущеніемъ, музыкальныхъ элементовъ въ перечисленныхъ созвучіяхъ я не нахожу. Націонализмъ можетъ усиливать напряженность наслажденія, но не художественность его; здѣсь онъ одинаково мало имѣеть права способствовать, какъ и запрещать, — и если только мы позволимъ ему падать на вѣсы художественной оцѣнки, то, разъ ставъ на эту почву, мы рискуемъ придти къ самымъ нелѣпымъ результатамъ, — въ родѣ отношенія французовъ къ нѣмецкому искусству и карикатурныхъ манифестацій парижской публики противъ „Лоэнгринъ“.

Когда звуки народнаго гимна увлекаютъ толпу, то музыкальная сторона его не играетъ здѣсь никакой роли; даже больше, — патриотическій восторгъ прямо исключаетъ художественное воспріятіе гимна, и самый ничтожный въ музыкальномъ отношеніи гимнъ одинаково электризуетъ толпу, какъ и самый музыкальный; здѣсь гимнъ является ни болѣе, ни менѣе какъ знаменемъ, — только знаменемъ, дѣйствующимъ не на зрительныя, а на слуховыя ощущенія; и тотъ и другое въ данномъ случаѣ символъ, и если гимнъ есть символъ, облеченный въ болѣе или менѣе художественную форму, то въ знамени такихъ художественныхъ элементовъ нѣтъ; между тѣмъ восторгъ толпы одинаковъ, — значитъ, гимнъ дѣйствуетъ на нее не художественной своей стороною, а чѣмъ-нибудь инымъ. Здѣсь мы подходимъ къ новому спутнику эстетическихъ ощущеній — къ *символизму*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ художественнаго творчества символъ сослужилъ огромную службу искусству; но намъ кажется, что съ точки зрѣнія художественнаго воспріятія ему отводятъ слишкомъ большую роль; во всякомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться съ нимъ осторожно и не приписывать художественному впечатлѣнію предмета тѣ ощущенія, которыя въ

насъ вызываетъ его символическое значеніе. Одна нянька, проходя по заламъ картинной галереи, передъ каждой Мадонной и каждымъ святымъ семействомъ останавливалась и творила крестное знаменіе; для нея, очевидно, эти „картинки“ были символами, и съ своей точки зрѣнія она, быть можетъ, провела незабвенные часы въ этомъ музее, но не будемъ ее спрашивать, какія она вынесла артистическія впечатлѣнія — она подумаетъ, что мы богохульствуемъ. Символическое впечатлѣніе предмета исходитъ отъ него совершенно независимо отъ его же художественнаго впечатлѣнія; человекъ, не-художникъ по природѣ, можетъ вполне проникнуть и усвоить себѣ символическое значеніе картины и все-таки останется холоденъ въ ея художественной красотѣ. Огромное большинство не хочетъ этого понять, — и вотъ мы видимъ людей, которые, въ погоню за художественнымъ наслажденіемъ, даютъ себѣ огромный трудъ, чтобы уразумѣть значеніе, смыслъ, скрытое намѣреніе того или другого произведенія искусства; есть люди, которые остаются совершенно безучастны къ красотамъ картины, пока имъ не объяснятъ сюжета ея; только тогда въ нихъ пробуждается интересъ, они рады, когда имъ расскажутъ даже больше, чѣмъ изображено на картинѣ, они слушаютъ съ большей жадностью, нежели смотрятъ, и не замѣчаютъ, что наслаждаются вовсе не картиной, а рассказомъ.

Подобное отношеніе къ искусству и требованіе отъ него большаго, или вѣрнѣе — *иного*, чѣмъ оно можетъ дать, — породило въ настоящее время во Франціи цѣлую школу молодыхъ артистовъ, которые, подъ именемъ символизма, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы усилить художественное впечатлѣніе того или другого искусства; такъ, они опрыскиваютъ театральную залу духами, запахъ которыхъ долженъ гармонизировать съ тономъ исполняемой музыки и съ цвѣтомъ бенгальскаго освѣщенія сцены. Совершенно забывая, что символъ дѣйствуетъ и потрясаетъ, когда онъ является хранителемъ вѣры прошлыхъ поколѣній, когда онъ служитъ какъ бы сосудомъ, который человечество, какъ неугасимую лампаду, передавало изъ вѣка въ вѣкъ, отъ предковъ къ потомкамъ, — они приносятъ свою новую, выдуманную символику и воображаютъ, что износившійся и истрепавшійся вкусъ публики найдетъ нѣкоторую свѣжесть въ общемъ впечатлѣніи театральнаго представленія, если они придадутъ таинственный смыслъ подробностямъ. Люди, которые въ подобныхъ приемахъ находятъ удовольствіе, удовлетворяютъ свою любознательность, свое любопытство, но не художественную потребность, — художественнаго наслажденія они на этомъ пути никогда не

встрѣтять — по той простой причинѣ, что онъ выводитъ изъ области искусства.

Не одна только удовлетворенная любознательность многими принимается за художественное наслажденіе, — удовлетворительность произведенія искусства съ точки зрѣнія соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ и другихъ убѣжденій часто относится на счетъ его художественныхъ достоинствъ, хотя бы таковыя и отсутствовали; это случается съ людьми, которые требуютъ, чтобы искусство учило, карало, служило цѣлямъ того или другого движенія своей эпохи, словомъ — чтобы отъ него была „польза“. Здѣсь встаетъ предъ нами одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ въ области искусства — вопросъ о тенденціозности, но обсужденіе его будетъ болѣе уместно при разсмотрѣніи художественнаго творчества; пока скажемъ только, что люди, приходящіе въ восторгъ отъ того, что въ картинѣ находятъ откликъ „на злобу дня“, или отвѣтъ на свои соціальныя или политическія убѣжденія, могутъ придти въ тождественный восторгъ и отъ газетной статьи, написанной въ томъ же направленіи.

Обстановка, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, сильно вліяетъ на воспримчивость человѣка и предрасполагаетъ его къ наслажденію такими предметами, которые сами по себѣ, вырванные изъ обстановки, не могутъ дать художественнаго наслажденія. Прекрасная лунная ночь, звѣздное небо, дремлющій заливъ, запахъ лавровъ, плескъ волны — наполняютъ насъ нѣгой и истомой, и вдругъ среди тиши раздается пѣснь неаполитанскаго рыбака, пѣснь съ музыкальной точки зрѣнія самая безсодержательная, но въ это мгновеніе она намъ нравится, она является участницей картины природы, она даже дополняетъ ее, привноситъ новую струю: она говоритъ намъ, что въ этой ночи есть что-то, что не дремлетъ, что теплится во мракѣ, и это что-то — наша человѣческая жизнь; но пѣснь удаляется, слабѣетъ и вовсе умолкаетъ, а наше настроеніе остается одинаково сильно и торжественно; пѣсня пропала, но она сдѣлала свое дѣло: мы не одни во мракѣ ночи, и безразличная природа полна страданія, радости, жизни. Подобныя ощущенія знаетъ каждый изъ насъ, но музыкально-художественныхъ элементовъ въ нихъ нѣтъ; между тѣмъ многіе относятъ степень наслажденія, которое испытываютъ въ такія минуты, къ долю ихъ любви къ музыкѣ, и тогда мы видимъ людей, которые въ полной увѣренности, что испытываютъ музыкальное наслажденіе, приходятъ въ восторгъ отъ самыхъ пошлыхъ, банальныхъ произведеній, когда они ихъ слышатъ въ болѣе или менѣе рапологающей обстановкѣ; они могутъ умиляться при звукахъ сл

цаваго романса и остаются холодны къ красотамъ могучаго струннаго квартета; они васъ увѣряютъ, что обожаютъ музыку, и тутъ же говорятъ, что предпочитаютъ „Мандолинату“, или „Очи черныя“, увертюру „Тангейзера“ и сюитѣ Чайковскаго. Я понимаю человѣка, который скажетъ, что предпочитаетъ Пушкина Данту, напр., — это величины сравнимыя, но я не повѣрю литературной любви того, кто, обожая литературу, будетъ отдавать предпочтеніе Габорио предъ Шекспиромъ; онъ любитъ не искусство, а то напряженіе нервовъ, тѣ свои собственныя ощущенія страха, волненія, чрезъ которые заставляетъ его проходить рядъ болѣе или менѣе удачно подтасованныхъ происшествій.

Совершенно однородныхъ ощущеній ищутъ тѣ, которые упиваются болѣзненной музыкой цыганскаго пѣнія или венгерскаго оркестра; тутъ дѣйствуетъ не музыкальная цѣнность сочиненія, которой въ большинствѣ случаевъ не бываетъ, а матеріальное качество звука, задѣвающее, распатывающее наши нервы; дрожаніе голоса, трепетное замираніе скрипокъ, бурливые перебаты цимбаловъ порождаютъ въ нашемъ организмѣ явленія патологическаго характера; художественная наша сторона въ нихъ совершенно или почти-что не участвуетъ, и можно съ увѣренностью сказать, что люди, во всякой другой музыкѣ, кромѣ этой, не находящіе удовольствія, лишены музыкальнаго пониманія.

Личное настроеніе часто является ложнымъ факторомъ въ нашихъ художественныхъ воспріятіяхъ. По странному смѣшенію понятій, у иныхъ людей ихъ личное горе усугубляетъ наслажденіе, которое они испытываютъ при чтеніи грустнаго стихотворенія, — по крайней мѣрѣ такъ они думаютъ; проливая слезы личнаго горя надъ раскрытой книгой, они убѣждены, что охвачены художественнымъ настроеніемъ и плачутъ скорбію поэта; но подложите имъ въ это время стихотвореніе, хотя бы и съ болѣшими поэтическими достоинствами, но принадлежащее менѣе скорбному писателю, и они останутся совершенно равнодушны къ его красотамъ. Мы не станемъ отрицать ни глубины, ни искренности ихъ волненія, но будетъ ли это волненіе эстетическаго характера? По нашему мнѣнію, элементъ красоты здѣсь будетъ не при чемъ, такъ какъ стихотвореніе въ данномъ случаѣ — лишь внѣшній поводъ къ возобновенію душевной печали, а поэзія при этомъ низведена на степень плакальщицы, причитанія которой могли бы дать одинаковый результатъ, хотя художественный элементъ въ нихъ и отсутсвуетъ.

Подобное отношеніе къ искусству санкціонируется Тэномъ въ его „Philosophie de l'Art“. Почтенный историкъ не только при-

знаеть возможнымъ подобные случаи художественнаго наслажденія,—онъ ихъ обобщаетъ, беретъ за основаніе и изъ ихъ примѣра выводитъ теорію художественнаго творчества той или другой эпохи; онъ признаетъ, что душевное настроеніе человѣка опредѣляетъ какъ бы его художественный репертуаръ, заставляя наслаждаться тѣми, а не другими произведеніями искусства.

„Представьте себѣ человѣка,—говорить онъ,—который потерялъ состояніе, родину, дѣтей, здоровье, свободу, который двадцать лѣтъ былъ закованъ въ кандалы, или содержимъ въ темницѣ, какъ Пеллико или Адрианъ, котораго характеръ понемногу сломился, который сталъ угрюмъ, мистиченъ, разочарованіе котораго безнадежно: — ему противны будутъ плясовые напѣвы, онъ неохотно будетъ читать Раблэ; если вы его подведете къ здоровымъ и грубымъ тѣлесамъ Рубенсовскихъ фигуръ,—онъ отвернется; онъ будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть лишь на картины Рембрандта, ему будутъ нравиться однѣ мелодіи Шопена, онъ будетъ слушать одни лишь стихи Ламартина или Гейне“¹⁾. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ довольно трудно представить себѣ человѣка съ такимъ нагроможденіемъ несчастій и горя на одну голову, а потому оставимъ г. Тэню его напыщенный примѣръ и возьмемъ другой, болѣе доступный: представимъ себѣ мать, лишившуюся ребенка,—вѣдь одно изъ двухъ: или ея горѣ настолько ею владѣть въ данный моментъ, что она о какомъ-либо художественномъ наслажденіи и думать не можетъ,—и тогда ей одинаково противны и Шопенъ, и Штраусъ; или она настолько отдохнула душой, что стала вновь доступна художественнымъ впечатлѣніямъ,—и тогда ей могутъ доставить одинаковое наслажденіе какъ Рубенсъ, такъ и Рембрандтъ. Можно допустить вліяніе настроенія на выборъ чтенія; весьма понятно и то, что звуки вальса, по ассоціаціи вызывая картину бальной залы, въ моментъ глубокаго горя неприятно поражаютъ слухъ: въ литературѣ и музыкѣ подобныя явленія даже естественны, но мы не можемъ ихъ положить въ основаніе художественнаго наслажденія, потому что, какъ только мы захотимъ ихъ распространить на пластическія искусства, мы убѣдимся въ ихъ неприложимости; красивая статуя, прекрасный дворецъ, старинный канделябръ—мнѣ нравятся помимо моего настроенія, и когда я на нихъ смотрю, я ими люблюсь, а если я убитъ горемъ, то я прохожу мимо,—но это не значитъ, что я ихъ не люблю. Тэнъ вообще представляетъ типическій примѣръ „побочнаго“, если можно такъ выразиться, отношенія къ иску-

¹⁾ Н. Taine, „Philosophie de l'Art“, t. I, ch. II.

ству,—примѣръ тѣмъ болѣе опасный, что онъ исходитъ отъ столь авторитетнаго лица.

Намъ могутъ возразить, что мы неправильно упрекаемъ Тэна, что послѣдній говоритъ о характерѣ человѣка, мы же—о минутномъ настроеніи; но, во-первыхъ, характеръ, какъ его представляетъ Тэнъ, есть продленное настроеніе, а во-вторыхъ,—и съ точки зрѣнія характера мы не можемъ найти его теорію правильной. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ человѣка вліяетъ на его склонности; что съ измѣненіемъ характера могутъ мѣняться и художественные вкусы; но, во-первыхъ, подобное воздѣйствіе не обязательно, а во-вторыхъ, перемѣны эти происходятъ не въ области настроеній или лирическихъ окрасокъ произведеній искусства, а либо въ области художественной высоты произведеній, либо въ области принадлежности ихъ той или другой эпохѣ, тому или другому стилю: человѣкъ въ молодости любилъ итальянскую музыку, въ зрѣломъ же возрастѣ находитъ большую прелесть въ нѣмецкой; другой восторгался разнузданною роскошью и богатыми красками венеціанской школы, а чрезъ нѣсколько лѣтъ не находитъ большаго наслажденія, какъ погружаться въ созерцаніе бѣдныхъ и тощихъ святыхъ, глядящихъ на него изъ ветхихъ складней „пре-рафаэллитовъ“; но въ этихъ перемѣнахъ вкуса играетъ роль не исканіе извѣстнаго сюжета, отвѣчающаго извѣстному настроенію, а художественная потребность человѣка, обусловленная его внутреннимъ художественнымъ развитіемъ, ростъ котораго вовсе не зависитъ отъ нравственныхъ измѣненій его: нравственный обликъ можетъ оставаться стаціонарнымъ, а художественные вкусы будутъ все-таки мѣняться, и наоборотъ.

Итакъ, душевное настроеніе является сильнымъ „побочнымъ“ факторомъ въ эстетическихъ впечатлѣніяхъ; оно можетъ способствовать полнотѣ наслажденія, но не исчерпываетъ его и не замѣняетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ самомъ характерѣ нѣтъ художественныхъ элементовъ,—и во всякомъ случаѣ нельзя въ немъ полагать зерно художественнаго наслажденія.

Если во всему вышеперечисленному прибавимъ еще элементъ личныхъ воспоминаній, которыя, окружая то или другое произведеніе, часто способствуютъ прелести впечатлѣній, то, кажется, будутъ нами перечислены болѣе или менѣе всѣ виды лже-художественнаго наслажденія, и во всякомъ случаѣ подъ одинъ изъ этихъ видовъ можно будетъ подвести тѣ изъ нихъ, которые намъ не удалось подмѣтить или охарактеризовать.

II.

РОЛЬ СОЗНАНІЯ ВЪ НАСЛАЖДЕНІИ.

Такимъ образомъ, свозъ цѣлый рядъ *побочныхъ* элементовъ мы подошли, наконецъ, къ чисто-художественному наслажденію. Приемъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія будетъ состоять въ томъ, чтобы выдѣлить изъ разнообразія художественныхъ ощущеній тѣ, въ которыхъ можно усмотрѣть два крайнихъ типа воспріятія красоты; тогда уже, по ясной обрисовкѣ этихъ двухъ полюсовъ, намъ будетъ легче представить себѣ многообразіе той гаммы ощущеній, которая между ними заключается, и бросивъ обратный взглядъ на пройденный путь, намъ, можетъ быть, удастся кристаллизировать кое-что изъ той неуловимой области ощущеній прекраснаго, въ которую разумъ такъ рѣдко и даже неохотно проникаетъ. Предметъ всякаго эстетическаго наслажденія—красота; предметъ художественнаго наслажденія—красота въ искусствѣ. Можетъ быть, не всѣ согласны съ подобной терминологіей. Обыкновенно понимается подъ эстетикой ученіе о красотѣ въ искусствѣ; значить, эстетическое наслажденіе есть наслажденіе красотой въ искусствѣ; но тогда остается безъ названія вся область ощущенія красоты въ природѣ, —пробѣлъ настолько большій, насколько природа въ своихъ проявленіяхъ обширнѣ искусства, которое само—лишь одно изъ проявленій *человѣческой* природы. Поэтому мы подъ эстетическимъ наслажденіемъ понимаемъ наслажденіе красотой вообще; художественное же наслажденіе есть наслажденіе красотой въ искусствѣ.

Базалось бы невозможнымъ при этомъ не сдѣлать красоту предметомъ обсужденія, и тѣмъ не менѣе, мы этого не сдѣлаемъ; вопросъ о красотѣ—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые, какъ мы говорили въ началѣ, отдаляютъ отъ насъ произведенія искусства; онъ переноситъ ихъ сущность изъ близкаго и доступнаго намъ міра личныхъ ощущеній въ далекій чувствамъ и недоступный разуму міръ предметовъ вѣрованныхъ. Не мѣсто здѣсь, да мы и не считаемъ себя въ правѣ, опровергать теорію вѣчной красоты, какъ таковой; оставимъ всякому его вѣрованія, но согласимся, что вѣчная красота—„le Beau idéal“, „das Schöne an sich“—не можетъ интересоваться насъ, когда мы взяли за исходную точку нашего изслѣдованія ощущеніе красоты. Пусть красота какъ таковая существуетъ; пусть она выше всего того, что люди могли намъ дать на землѣ; пусть иные находятъ, что созерцаніе и

сущности должно доставить большее наслаждение, чѣмъ всѣ ея видимыя проявленія; но, говоря объ искусствѣ, мы не можемъ власть отвлеченіе въ основаніе конкретнаго факта. Вѣчная красота по существу—понятіе родовое, слѣдовательно въ философскомъ смыслѣ совмѣщающее всѣ видовыя проявленія, въ художественномъ же—стирающее ихъ: вѣчная красота есть типъ, но она должна быть типомъ всего, и потому самому въ художественномъ смыслѣ не типична; въ искусствѣ типъ есть совокупность частныхъ, соединенныхъ въ цѣлое; вѣчная красота типична потому, что, отбрасывая частности, совмѣщаетъ общее; вѣчная красота—предѣлъ, цѣль, отдыхъ всякому движенію и поглощеніе всякой личности; искусство же насъ интересуетъ, какъ источникъ, какъ движеніе, какъ проявленіе личности. Итакъ, говоря о красотѣ, мы разумѣемъ не ту объективную красоту, существованіе которой для однихъ кажется высшимъ блаженствомъ, а для другихъ—высшимъ абсурдомъ, но красоту субъективную, личную, относительную, если хотите,—но потому-то и дорогую всякому, что она—его собственная; если объективная красота имѣетъ то преимущество, что она *одна* и неизмѣнна, то красота субъективная, несмотря на свое многообразіе, имѣетъ то несравненно большее преимущество, что ея цѣнность одинакова въ глазахъ всякаго, кто ее ощущаетъ; вотъ почему, говоря не о красотѣ, а объ *ощущеніи* ея, мы увѣрены, что будемъ поняты всякимъ, безъ различія философскихъ вѣрованій, эстетическихъ требованій и вкусовъ.

Есть два качества, и большее или меньшее ихъ присутствіе въ эстетическомъ наслажденіи обуславливаетъ его разновидность: артистичность и сознательность; источникъ первой заключается въ предметъ, возбуждающемъ наслажденіе; вторая присуща личности того, кто его испытываетъ; вѣрные нашему правилу, мы, разумѣется, обратимся ко второй. Если мы только дадимъ себѣ трудъ приглядѣться къ процессу наслажденія, то мы увидимъ, что ощущеніе красоты въ своемъ развитіи проходитъ чрезъ два фазиса, до такой степени отличные другъ отъ друга, что ихъ можно было бы даже принять за два разныхъ ощущенія, а между тѣмъ это все то же ощущеніе красоты, только въ данную минуту оно усложняется новымъ входящимъ, и этотъ моментъ опредѣляется вмѣшательствомъ сознанія; послѣднее до такой степени овлаживаетъ ощущеніе, въ которому примѣшивается, что, несмотря на однородность ихъ сущности, мы не можемъ обозначать оба эстетическія фазиса однимъ именемъ. При дальнѣйшемъ разборѣ мы найдемъ съ достаточной яркостью выставить ихъ отличительныя черты, теперь же условимся заранѣе насчетъ терминологіи.

Какъ мы увидимъ ниже, художественное наслажденіе по существу своему—сознательно; бессознательное наслажденіе не есть полное наслажденіе, потому что оно исключаетъ изъ процесса наслажденія самую высокую сторону человѣческой природы—сознаніе, слѣдовательно задѣваетъ не всѣ тѣ струны, которыя способны участвовать въ немъ, захватываетъ не полнаго человѣка, и даетъ ему лишь сладостное ощущеніе извѣстнаго состоянія; настоящее же наслажденіе начинается съ момента, когда свѣтъ сознанія ударяетъ въ него и обращаетъ это состояніе въ дѣятельность. Вотъ почему и самое названіе: „наслажденіе“—принадлежитъ, по преимуществу, тому ощущенію, въ которомъ есть элементъ сознанія, слѣдовательно—второму фазису ощущенія прекраснаго; для перваго же фазиса довольно трудно подыскать вполне исчерпывающее названіе: мы имѣли уже случай указать на этотъ пробѣлъ въ нашей терминологіи, происходящій отъ того, что недостаетъ русскаго слова, вполне покрывающаго французское понятіе „*émotion*“; послѣднее вполне обхватываетъ и исчерпываетъ все то, что мы относимъ къ первому фазису—пассивное ощущеніе, бессознательное испытаніе власти красоты. Французское слово имѣетъ еще то преимущество, что, благодаря своей популярности, чрезвычайно легко и естественно вызываетъ къ сознанію представленіе о томъ, что имъ обозначается. Выбирая изъ многихъ русскихъ терминовъ наиболее подходящій, мы остановимся на словѣ: „восторгъ“; оно совмѣщаетъ въ себѣ два главныхъ элемента того, что обозначается французскимъ названіемъ—интенсивность и пассивность.

Такимъ образомъ, первый фазисъ ощущенія красоты—бессознательный восторгъ (*émotion*); второй—сознательное наслажденіе (*joissance*). Намъ скажутъ, что одно предполагаетъ другое, что восторгъ уже доставляетъ наслажденіе, а наслажденіе не бываетъ безъ извѣстнаго восторга; пусть такъ, но внимательство сознанія настолько сильно, что сколько бы ни было въ обонхъ фазисахъ сходственныхъ элементовъ, они безсилны сгладить пассивный характеръ перваго и активный характеръ втораго. Разсмотримъ же дальнѣйшія различія, характеризующія оба фазиса; они всѣ вытекаютъ изъ главнаго, указаннаго выше, и обусловлены присутствіемъ или отсутствіемъ сознательнаго элемента. Восторгъ пассивенъ, это—состояніе; наслажденіе есть дѣятельность; восторгъ непреодолимъ (мы можемъ желать его испытать, но не наше желаніе намъ его доставляетъ); наслажденіе же—актъ нашей воли; поэтъ му восторгъ неожиданъ, наслажденіе нами вызывается; отсюда чуждѣ воленъ въ послѣднемъ и безотвѣтственъ относительно перваго.

Наконецъ, главное различіе—то, что восторгъ, какъ бессознательное ощущеніе, которое можетъ быть только испытано, и испытано вѣкъ угодно и подѣ влияніемъ чего угодно (смотря по характеру впечатлительности того или другого)—не можетъ быть оцѣненъ; тогда какъ наслажденіе—какъ дѣятельность, какъ сознательная кристаллизація испытываемыхъ ощущеній, проявляющаяся въ зависимости отъ способностей человѣка, можетъ быть оцѣнена. Другими словами: восторгъ—величина несоизмѣримая; наслажденіе соизмѣримо; восторгъ не формулируется; наслажденіе само по себѣ есть актъ формулированія; восторгъ передается, онъ заразителенъ, но его нельзя рассказать; наслажденіе рассказывается, понимается и можетъ быть раздѣляемо какъ мнѣніе.

Намъ думается, что послѣ этого перечня оба фазиса достаточно очерчены, для того чтобъ можно было приступить къ разсмотрѣнію каждаго въ отдѣльности. Мы сказали, что восторгъ не формулируется, что его нельзя рассказать, слѣдовательно весьма трудно дать опредѣленіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ сущность отъ насъ ускользаетъ и одни только качества могутъ подлежать нашему обсужденію. Разсмотримъ вновь и съ большимъ вниманіемъ вышеперечисленныя особенности восторга,—и подобно тому, какъ рядъ точекъ слѣдующихъ другъ за другомъ безъ всякаго порядка, но отстоящихъ въ равномъ разстояніи отъ одной точки, въ концѣ концовъ даютъ окружность, такъ, можетъ быть, и намъ удастся, если не опредѣлить сущность восторга, то по крайней мѣрѣ ограничить его такими условіями, внѣ круга которыхъ мы уже не найдемъ его сущности.

Итакъ, восторгъ есть лишь пассивное состояніе. Не только восторгъ не нуждается въ содѣйствіи съ нашей стороны, но настоящій, единственный восторгъ невозможенъ безъ полнѣйшаго забвенія нашей личности; это есть безусловное уничтоженіе насъ самихъ подѣ впечатлѣніемъ чего-нибудь, что насъ поражаетъ извнѣ; и въ этомъ—одна изъ самыхъ таинственныхъ сторонъ этого явленія, которое заставляетъ насъ забывать наше „я“ въ то время, какъ усугубляются всѣ наши жизненныя силы; все наше существо въ это время увлечено внутреннимъ движеніемъ, которое овладѣваетъ нами помимо насъ, и подѣ влияніемъ незримаго прикосновенія мы не властны выбрать или заранѣе опредѣлить ни часть, ни мѣсто, ни длительность этого состоянія, ибо восторгъ не произволенъ. Мы можемъ двадцать разъ перечитывать одну страницу въ надеждѣ вызвать однажды испытанный трепеть, и это намъ не удастся; мало того, подобная погоня за необыкновеннымъ ощущеніемъ и разочарованіе отъ того, что мы его не на-

ходимъ, испортить простое удовольствіе, которое мы могли бы почерпнуть въ чтеніи, и это оттого, что мы не вольны испытать восторгъ, когда хотимъ, ибо восторгъ—неожиданъ; и именно, когда мы не приготовлены къ воспринятію его, тогда-то онъ и овладѣваетъ нами съ наибольшимъ могуществомъ. То предварительное безпокойство, которое мы испытываемъ, когда заранѣе готовимся къ воспринятію великаго произведенія, вовсе не способствуетъ, какъ думаютъ многіе, силѣ впечатлѣнія: эти приготовления обостряютъ сознательныя способности нашей души, держатъ ее на-сторожѣ, какъ будто вооружаютъ ее противъ того самаго наплыва ощущеній, котораго она ожидаетъ, и который, конечно, теряетъ часть своей силы, когда волны его разобьются о тѣ препятствія, которыя имъ противопоставитъ сознание. Нѣтъ,—восторгъ по существу безсознательнъ, всякое вмѣшательство сознанія дѣйствуетъ на него расколаживающимъ образомъ, а потому, не смотря ни на какія приготовленія, ни старанія съ своей стороны, человѣку не удастся ни вызвать, ни усилить, ни продлить его, ибо человѣкъ не отвѣтственъ за свой восторгъ, какъ онъ не отвѣтственъ за внезапный страхъ, пока не узналъ его причины.

Изъ этой безотвѣтственности вытекаетъ самое характерное отличіе восторга: его общечеловѣчность. Если человѣкъ не отвѣтственъ за свой восторгъ, то послѣдній можетъ овладѣть рѣшительно всякимъ, и только развѣ полнѣйшая нравственная безчувственность, такъ сказать, страхуетъ нѣкоторыхъ индивидуумовъ отъ этого завладѣванія.

Такимъ образомъ, въ этомъ общемъ чувствѣ могутъ сливаться самыя разнообразныя характеры и подѣ самыя разнообразныя вліяніями; нѣтъ возможности, слѣдовательно, дать какую-нибудь классификацію людей сообразно ихъ способности испытывать эстетическій восторгъ; точно также трудно распределить и самый восторгъ, ибо чѣмъ измѣрить силу или глубину его? Вволнованностью?—есть люди, которые тѣмъ покойнѣе, чѣмъ глубже потрясены. Краснорѣчіемъ?—бываютъ случаи, когда восторгъ отнимаетъ языкъ. Вотъ что мы разумѣли, когда говорили, что восторгъ не можетъ быть оцѣненъ: онъ имѣетъ свою истинную цѣнность въ глазахъ того только, кто его испытываетъ, и нѣтъ такого объективизма, который бы имѣлъ силу доказать, что восторгъ простодушина предъ лубочной картиной менѣе великъ, чѣмъ тотъ, который я испытываю предъ картиной Вандика. Если бы восторгъ могъ быть передаваемъ на словахъ, еслибы онъ оставалъ по себѣ нѣкоторое приращеніе, осязательный результатъ, который можно было бы сравнить съ другимъ результатомъ, и эти

путем вывести относительную силу того и другого восторга, — тогда бы мы могли говорить о какой-нибудь оцѣнѣ; теперь же мы не только не можемъ распредѣлять, — мы не можемъ даже допустить существованіе степеней: восторгъ — одинъ по существу.

Итакъ, внутренняго основанія къ распредѣленію восторга нѣтъ; попробуемъ найти дѣленіе извнѣ, попытаемся положить въ основаніе художественную цѣнность произведенія, вызывающаго восторгъ; пусть эта цѣнность будетъ относительна, пусть каждый опредѣляетъ ее сообразно извлекаемому удовольствію, но, по крайней мѣрѣ, это есть величина, поддающаяся обсужденію, и во всякомъ случаѣ для каждаго изъ насъ его оцѣнка въ данный моментъ — величина неизблемая. Возьмемъ же ее за основаніе и на этомъ основаніи распредѣлимъ художественныя произведенія, начиная отъ самыхъ низшихъ, даже не заслуживающихъ названія художественныхъ (мы ими пренебречь не имѣемъ права, потому что знаемъ, что они способны вызвать восторгъ); подъ этой лѣствицей произведеній тотчасъ же сами собой проявятся двѣ другія: подъ каждымъ изъ произведеній сгруппируются тѣ лица, въ которыхъ оно вызывало восторгъ; въ этой второй лѣствицѣ какой тайный законъ руководилъ тѣмъ или другимъ лицомъ при выборѣ мѣста? — его художественное развитіе. Теперь, произведенія, дѣйствуя чрезъ индивидуумовъ, вызываютъ къ существованію третью лѣствицу — скалу ощущеній; всѣ они, какъ мы сказали, по существу одни, но чѣмъ озабится на этой третьей скалѣ взаимодѣйствіе двухъ первыхъ? Невозможно, чтобы оно не дало себя почувствовать; восторгъ можетъ быть одинъ по существу, но онъ долженъ испытать нѣкоторыя качественныя измѣненія, и восторгъ чловѣка художественно неразвитого передъ ничтожнымъ произведеніемъ будетъ иной, чѣмъ восторгъ развитого чловѣка передъ высокимъ произведеніемъ. Назовемъ восторгъ, который мы найдемъ на самомъ верху лѣствицы — художественнымъ восторгомъ, и мы должны будемъ отказать въ этомъ названіи тому, который найдемъ на нижней ступени; да и немислимо, чтобы произведеніе, въ которомъ художественныхъ элементовъ нѣтъ, дѣйствуя чрезъ чловѣка, въ природѣ котораго художественныя задатки отсутствуютъ, породило бы восторгъ художественный; это будетъ восторгъ эстетическій, но онъ не будетъ имѣть артистическаго характера. Между двумя крайними ступенями лѣствицы придется искать ту неуловимую точку, гдѣ впервые эстетическій восторгъ получаетъ художественную окраску.

Итакъ, основаніе распредѣленія произведеній — цѣнность; основаніе распредѣленія индивидуумовъ — развитіе; основаніе распре-

дѣленія восторга—характеръ. Отсюда можемъ вывести слѣдующую формулу: произведеніе, не имѣющее художественной цѣнности, причиняетъ человѣку, лишенному художественнаго развитія, восторгъ нехудожественнаго характера; произведеніе высокохудожественное вызываетъ въ человѣкѣ съ художественнымъ развитіемъ восторгъ художественный. Но въ обоихъ случаяхъ можетъ быть испытана одинаковая глубина, одинаковая полнота и одинаковое удовлетвореніе.

Такимъ образомъ, эстетическій восторгъ вообще и восторгъ художественный—только логически состоятъ другъ къ другу въ отношеніи родовомъ и видовомъ; фактически же это то же самое состояніе, потому что сущность его всегда одна, а качества, обуславливающія его художественность, зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ, внутреннее воздѣйствіе которыхъ нельзя прослѣдить вслѣдствіе его субъективности. Ясно теперь, что мы разумѣли подъ общечеловѣчностью безсознательнаго восторга: однородное чувство, соединяющее подъ своимъ покровомъ и, слѣдовательно, сближающее самыя разнообразныя характеры, безъ различія культуры и повода къ восторгу.

Два слова еще о длительности и частости восторга. Мы видѣли, что онъ теряетъ свой характеръ пассивности и, слѣдовательно, прекращается въ моментъ вмѣшательства сознанія; такъ какъ послѣднее у людей культивированныхъ болѣе изощрено, болѣе бдительно и, слѣдовательно, скорѣе вступаетъ въ дѣйствіе, чѣмъ у людей менѣе культивированныхъ,—то понятно, что у послѣднихъ восторгъ длится долѣе, и можно съ увѣренностью сказать, что у людей простоватыхъ онъ даже никогда не теряетъ своего пассивнаго характера, никогда не переходитъ въ активный процессъ наслажденія. Что касается частости восторга, то вспомнимъ, какъ мало дѣйствительно великихъ произведеній и какъ рѣдки истинно культивированные люди, и тогда мы поймемъ, что въ этомъ отношеніи нижнія ступени умственнаго развитія представляютъ болѣе благоприятную почву. Флоберъ сказалъ гдѣ-то, что искусство потрясаетъ посредственныя умы, и цѣлыя міры могутъ быть раскрыты самыми неуклюжими его исполнителями: что же такое посредственныя умы, какъ не наибольшій контингентъ человечества, а неуклюжіе исполнители искусства не превышаютъ ли численностью даровитыхъ представителей его? Приходится придти къ заключенію, что восторгъ полный, цѣльный—составляетъ пріимущество низшихъ ступеней человѣческаго развитія; что въ время какъ здѣсь восторгъ овладѣваетъ человѣкомъ часто и покидаетъ его не скоро, потому что сознаніе рѣдко или позд

врывается въ него,—онъ становится все рѣже на верхнихъ ступеняхъ, гдѣ сознание такъ скоро пробуждается, что иногда вытѣсняетъ его при самомъ началѣ.

Перейдемъ теперь къ наслажденію,—и мы увидимъ, что здѣсь всѣ преимущества на сторонѣ верхнихъ ступеней.

Ни въ одномъ искусствѣ бессознательный восторгъ и сознательное наслажденіе не разграничены такъ рѣзко, какъ въ музыкѣ, да это и понятно. Роль сознанія въ наслажденіи состоитъ въ отысканіи причины, почему данное произведеніе намъ нравится, и затѣмъ въ усугубленіи испытываемаго удовольствія чрезъ привлеченіе культурныхъ средствъ, которыми снабжена наша природа; естественно, что чѣмъ разностороннѣе и глубже культура даннаго человѣка, тѣмъ сознание находитъ больше матеріала—и тѣмъ обильнѣе, слѣдовательно, результатами его дѣятельность. Понятно напримѣръ, что знаніе исторіи способствуетъ впечатлѣнію архитектуры; что изученіе обычаевъ той или другой эпохи усиливаетъ удовольствіе, которое мы испытываемъ отъ произведеній того времени; что мало-по-малу оно окружаетъ ихъ атмосферой, которая, конечно, не присуща имъ, а есть наше привнесенье, но которая до того ихъ проникаетъ, что въ концѣ концовъ сообщаетъ имъ жизненную цѣнность. Пониманіе одного искусства способствуетъ полнотѣ впечатлѣній другого: такъ живопись иллюстрируетъ собою литературу, послѣдняя оживляетъ неподвижность архитектуры и т. д. Все это побочныя знанія, дополняющія и усложняющія впечатлѣніе единичнаго произведенія. Одна только музыка изъ всѣхъ искусствъ остается недоступна подобному усложненію извиѣ; не опираясь ни на одну изъ тѣхъ осязательныхъ точекъ отправленія, на которыя опираются другія искусства, не будучи въ связи ни съ чѣмъ, что могло бы стать предметомъ подготовительнаго изученія, музыка,—какъ искусство, не требующее сюжета, черпающее свое содержаніе въ своей же собственной формѣ,—не допускаетъ побочныхъ познаній, она сама себя рассказываетъ, она раскрывается лишь предъ тѣми, кто проникаетъ ея законы, и тайны ея разоблачаются лишь изученіемъ самой же музыки. Слѣдовательно, сознанію музыкально некультуриврованному въ музыкальныхъ воспріятіяхъ нѣтъ работы, а потому намъ показалось особенно удобнымъ на этомъ искусствѣ опредѣлить, что мы собственно разумѣемъ подъ обоими фазисами ощущенія художественной красоты.

Испытываетъ *музыкальный восторгъ* тотъ, кто въ данный моментъ не отдаетъ себѣ отчета въ теоретической цѣнности звука, которые его поражаютъ, кто не думаетъ о техническихъ

пріемахъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ, кто отдается въ блаженномъ забытіи наплыву чувствъ, охватывающихъ его существо, кто запретилъ вмѣшательству своихъ критическихъ способностей, забывъ, что обладаетъ способностью анализа, отрѣшился отъ себя и весь живетъ однимъ трепетомъ звуковыхъ ощущеній.

Испытываетъ *музыкальное наслажденіе* тотъ, кто съ полной ясностью сознанія относится къ звукамъ, которые воспринимаетъ, кто не теряетъ изъ виду ни гармоническую окраску аккордовъ, ни путеводную нить мелодическихъ тѣмъ, кто посылаетъ свое воображеніе въ слѣдъ композитору, бѣжитъ за его мыслью, гонится за его фантазіей, опережаетъ его намѣренія, торжествуетъ, если угадалъ ихъ, блаженствуетъ, когда случится ему быть пораженнымъ непредвидѣнной новизною.

Ни на одномъ искусствѣ намъ не удалось бы такъ выпукло выставить разницу между восторгомъ и наслажденіемъ, — и намъ кажется, что самая неосязаемость предмета придаетъ болѣе точности нашему разграниченію, такъ какъ тѣ, кому не дано испытать тѣхъ ощущеній, никогда не рискуютъ смѣшать то, которое испытываютъ, съ тѣмъ, которое для нихъ недоступно ¹⁾.

Сообразно двумъ указаннымъ фазисамъ, мы подраздѣлили бы людей въ отношеніи музыкальныхъ воспріятій на три категоріи.

Первая категорія. Тѣ, которые способны только наслаждаться, — довольно рѣдкій типъ, иссушившій въ себѣ, долгимъ изученіемъ музыкальныхъ произведеній и отношеніемъ къ музыкѣ, какъ къ наукѣ, способность восторгаться; ихъ наслажденіе бываетъ холодно, методично; когда они угадываютъ намѣренія автора, они на нихъ не останавливаются — это давно знакомая страница, а для тѣхъ, которые прочли уже такъ много, нѣтъ ничего скучнѣе, какъ перечитывать; когда они не угадываютъ, то съ спокойствіемъ судьи одобряютъ или порицаютъ. Когда, воспользовавшись минутой невниманія, восторгъ случайно охватитъ ихъ мгновеннымъ вихремъ, — это ихъ повергаетъ въ горькое уныніе, такъ какъ они получаютъ тогда возможность измѣрить чего они лишились и что въ себѣ заглушили.

Вторая категорія. Это — тѣ, кто можетъ восторгаться и умѣетъ наслаждаться. Это баловни искусства; для нихъ музыка — непрерывное удовольствіе, въ которомъ попеременно разумъ умолкаетъ отъ избытка ощущеній, душа услаждается тѣмъ, что ей подсл

¹⁾ Вслѣдствіи мы надѣемся распространить это сравненіе и на остальныя искусства; но такъ какъ предварительно намъ необходимо рассмотреть нѣкоторыя условія художественнаго творчества, то мы приступимъ къ этой попыткѣ лишь къ концу нашего изслѣдованія.

зываетъ разумъ, сердце полно радостныхъ слезъ, а разумокъ смѣется чувствительности сердца.

Третья категорія. Это — тѣ, которые доступны одному бессознательно пассивному восторгу. Для такихъ музыка представляетъ какъ бы два различныхъ момента: то она овладѣваетъ ими, уноситъ въ далекой міръ грѣзъ и мечтаній и погружаетъ въ забытье, то оставляетъ ихъ въ состояніи безразличнаго покоя, позволяющемъ вкушать сквозь ласкающее прикосновеніе звуковъ нравственную нѣгу или полудремоту, въ которой сознание участвуетъ не больше, чѣмъ въ ощущеніи пріятнаго запаха.

Итакъ, сознание въ процессѣ наслажденія работаетъ надъ *познаніями* чловѣка, которыя сами составляютъ продуктъ его *культуры, воспитанія*. Эти познанія по отношенію къ произведенію искусства могутъ быть двоякаго рода: побочныя, какъ тѣ, на которыя мы указывали, когда говорили о литературѣ и пластическихъ искусствахъ, и внутреннія, спеціально присущія природѣ того или другого искусства, — какъ мы это видѣли въ приведенномъ примѣрѣ музыкальнаго воспріятія; познанія перваго рода доставляютъ наиболѣе доступные виды наслажденія; послѣдняя же высшая степень его обуславливается тѣмъ, насколько сознанию удастся проникнуть въ спеціально-художественную сущность даннаго произведенія; что въ этомъ случаѣ составляетъ предметъ поисковъ, послѣднюю цѣль, въ которой стремится сознание — это мы надѣмся указать далѣе; теперь разсмотримъ характерныя свойства наслажденія, какъ мы то сдѣлали для восторга.

Активный характеръ наслажденія, кажется, достаточно явствуетъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ; отсюда же вытекаетъ его волевой характеръ: совершенно въ нашей власти наслаждаться или нѣтъ, прервать процессъ наслажденія или продолжать. Самое главное отличіе его — то, что оно можетъ быть оцѣнено: разъ наслажденіе есть дѣятельность, оно должно давать результатъ; такъ какъ матеріаль его — умственнаго порядка, то въ результатѣ можетъ быть только сужденіе, а достаточно двухъ сужденій, чтобы было сравненіе и, слѣдовательно, оцѣнка. Вотъ почему наслажденіе можно рассказывать. Рассказывать свое наслажденіе значитъ сообщать другому, какимъ образомъ мы себя формулируемъ печатлѣнія красоты, стараться его заставить раздѣлять наши печатлѣнія и въ этомъ самомъ раздѣлѣ находить новую свѣжесть силу впечатлѣній. Разница съ восторгомъ въ этомъ случаѣ та, то послѣдній передается молча, а иногда и помимо насъ.

Двое незнакомыхъ, охваченные восторгомъ подъ впечатлѣ-

ніемъ одного и того же произведенія, молча обмѣниваются рукопожатіемъ: они другъ друга понимаютъ, одобряютъ, они друзья, братья по искусству; проходитъ первая минута восторга—они мѣняются впечатлѣніями, но послѣ первыхъ же словъ между ними холодъ, отчужденіе; недавніе братья понемногу расходятся и ищутъ какъ бы затеряться въ толпѣ: ихъ восторгъ былъ разнаго характера, способъ наслажденія того и другого имъ доказалъ это, и они говорили на разныхъ языкахъ.

Мы подходимъ къ самому цѣнному свойству наслажденія—къ его творческому характеру. Достаточно выяснено, что наслажденіе есть результатъ способностей человѣка, проявляющійся въ зависимости отъ дѣятельности сознанія; представьте себѣ способности развитыя въ высшей степени, а формулирующую дѣятельность сознанія—доведенною до крайнихъ предѣловъ: такое сознаніе, работая надъ такими способностями, должно дать и такой результатъ, которому достаточно будетъ только внѣшняго повода, чтобы воплотиться въ явной формѣ и въ свою очередь стать предметомъ наслажденія для другихъ. На этомъ пути наслажденіе можетъ насъ поставить лицомъ къ лицу съ образомъ или мыслью такой силы, что мы предъ своимъ же собственнымъ созданіемъ испытываемъ весь трепетъ бессознательнаго восторга; тутъ наслажденіе возноситъ насъ выше сферы ощущеній и уже подводитъ къ порогу художественнаго творчества. Поэтъ, перечитывая себя, испытываетъ восторгъ такого же порядка.

Кажется, оба вида художественнаго воспріятія красоты достаточно очерчены. Противопоставимъ ихъ въ послѣдній разъ другъ другу съ ихъ характерными отличіями.

Ощущеніе красоты имѣетъ два различныхъ фазиса: бессознательный восторгъ и сознательное наслажденіе; первый есть свойство *природы* человѣка, второе—результатъ *способностей* человѣка; отсюда первый присущъ всѣмъ людямъ, второе—аристократично ¹⁾; независимо отъ характеровъ, на которые они дѣйствуютъ, восторгъ несетъ въ себѣ зародыши общительности, сближенія, любви; наслажденіе ведетъ къ уединенію, недоступности, эгоизму. Чтобы исчерпать ихъ однимъ словомъ, скажемъ: восторгъ—это *человѣкъ*, наслажденіе—это *личность*.

На этомъ послѣднемъ словѣ мы пока остановимъ наше разсмотрѣніе художественныхъ воспріятій. Начавъ съ самыхъ простыхъ и наименѣе художественныхъ ощущеній красоты, мы оч

¹⁾ Принимая это слово, конечно, въ его первоначальномъ греческомъ смыслѣ т.е. „составляющее удѣлъ немногихъ“, а не въ сословномъ, конечно, значеніи.

тились на порогъ творчества и предъ вопросомъ о личности. Мы видимъ, что прямое продолженіе художественнаго наслажденія на пути развитія активныхъ способностей личности приближаетъ роль художественнаго воспринимающаго къ роли художественнаго творца. Мы видимъ отсюда, что стремленіе художниковъ-творцовъ не есть что-то особое, стоящее внѣ художественнаго стремленія остальныхъ людей, — все человѣчество увлечено въ одномъ общемъ желаніи высказаться, но только большая или меньшая доля *индивидуально-художественныхъ* и *активно-художественныхъ способностей* опредѣляетъ мѣсто того или другого въ этой длинной вереницѣ выразителей красоты. Мы видимъ, что высшая степень наслажденія сопривасается съ первой ступенью творчества, и что наслажденіе искусствомъ есть, слѣдовательно, такой же даръ, такое же искусство, какъ и само творчество. Пониманіе искусства составляетъ удѣлъ немногихъ, да и не можетъ результатъ аристократической способности творчества быть доступенъ всякому безъ различія способностей къ воспріятію. Утверждать, какъ это дѣлаетъ Тэнъ, что искусство тѣмъ отличается отъ науки, что оно „популярно и открывається всякому“, значить обезцѣнивать одно изъ самыхъ высшихъ проявленій человѣческой личности. Нѣтъ, еслибъ искусство разоблачалось предъ всякимъ, то не было бы хромофотографіи, которая путемъ ремесленнымъ идетъ на встрѣчу эстетическихъ стремленій тѣхъ, для кого личное искусство недоступно.

Въ слѣдующей главѣ мы постараемся прослѣдить роль личности въ художественномъ творествѣ, и это насъ приведетъ къ уясненію, — что составляетъ конечную цѣль того стремленія, того исканія, которымъ обусловленъ активный характеръ художественнаго наслажденія.

III.

Роль личности въ художественномъ творествѣ.

Мы сказали, что художественное наслажденіе есть результатъ развитія сознательно-активныхъ способностей художественной личности; въ этомъ смыслѣ оно приближается къ художественному творчеству, которое представляетъ крайній примѣръ воплощенія активно-художественныхъ способностей человѣка, и потому въ свою очередь можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено какъ реализованное наслажденіе. Ясно отсюда, что эти два проявленія художественной жизни человѣка весьма близко со-

прикасаются; точкой ихъ сопривосновенія служитъ личность, и сила ихъ въ зависимости отъ развитія послѣдней; вотъ почему трудно говорить о наслажденіи произведеніями искусства, не разсмотрѣвъ предварительно роль личности въ художественномъ творествѣ.

Взглянемъ на искусство не какъ на объектъ отдѣльно отъ человѣка существующій, а какъ на результатъ субъективнаго стремленія художника. Какому побужденію повинуется онъ, когда облачаетъ свою мысль или свое чувство въ ту или другую форму? Мы разумѣемъ здѣсь не частное побужденіе, вытекающее изъ личныхъ свойствъ художника и мѣняющееся сообразно специальнымъ условіямъ того или другого искусства, но одно общее побужденіе, лежащее въ основѣ всякаго художественнаго творчества; таковымъ является желаніе человѣка вырвать свою личность изъ оковъ, въ которыхъ ее держатъ законы природы, стремленіе воплотить возможно большую долю своего „я“ въ такихъ формахъ, которыхъ въ природѣ нѣтъ, высвободить независимую часть своей личности изъ великаго однообразія законовъ природы и противопоставить многочисленности и неизмѣнности ихъ безсознательныхъ проявленій—единичное, самовольное проявленіе свободнаго духа. Искусство, такимъ образомъ, есть стремленіе человѣка выйти изъ природы, и въ этомъ смыслѣ прямо противоположно наукѣ, которая есть стремленіе постигнуть природу; прослѣдимъ ближе эту разницу, и тогда намъ будетъ легче выяснить значеніе искусства, какъ воплотителя личности.

Стремленіе ученаго — отвлечь отъ измѣнчивой и непостоянной матеріи тѣ неизмѣнные и постоянные законы, которые ею управляютъ; стремленіе художника направлено къ тому, чтобы измѣнчивую и непостоянную матерію по возможности высвободить изъ-подъ власти вѣчныхъ и однообразныхъ законовъ. Ученый выбираетъ свой матеріалъ и подвергаетъ его дѣйствию законовъ природы; художникъ, выбравъ свой матеріалъ, выдѣляетъ его изъ природы и заставляетъ повиноваться законамъ, которые нашелъ въ самомъ себѣ. Въ наукѣ матеріалъ играетъ чисто вспомогательную роль, служитъ средствомъ, цѣль же ея — открытіе и закрѣпленіе закона; въ искусствѣ формулированіе закона, которому художникъ хочетъ подчинить свое произведеніе, есть исходная точка; обработка же матеріала завершаетъ процессъ творчества. Наука есть проникновеніе, раскрытіе и уразумѣніе вещей существующихъ; искусство есть созиданіе вещей несуществующихъ. Мы видимъ отсюда, до какой степени различны эти два движенія человѣческаго сознанія, какъ они при самомъ источникѣ своеи

уже расходятся, и въ какія разныя стороны увлекаютъ человѣка: съ одной стороны, стремленіе ученаго—выйти изъ своей личности, оставить ее позади себя и, достигнувъ объективной истины, дать возможно точное ея опредѣленіе; а съ другой—стремленіе художника отразить все въ себѣ, сдѣлать свою личность центромъ и, принимая весь внѣшній міръ какъ свое личное ощущеніе, дать возможно полное выраженіе субъективной истины.

Разсмотримъ теперь, какія средства даетъ искусство человѣку для побѣды надъ природой.

Архитектура побѣждаетъ тяжесть и случайность въ соотношеніяхъ природныхъ очертаній. Всякое тѣло подвержено закону тяготѣнія, и въ природѣ нѣтъ иныхъ линій, кромѣ кривыхъ, такъ какъ прямая существуетъ лишь въ отвлеченной геометріи; архитектура возноситъ свой матеріалъ надъ землей, воплощаетъ прямую линію, задерживаетъ кривую и вноситъ закономерность въ ихъ соотношенія, подчиняя ихъ законамъ того или другого стиля, которыхъ въ природѣ нѣтъ.

Скульптура побѣждаетъ движеніе. Въ природѣ все движется и позы не существуетъ, такъ какъ существуетъ одинъ переходъ отъ одного движенія къ другому; является скульптура и своимъ рѣзцомъ задерживаетъ движеніе и закрѣпляетъ позу.

Живопись побѣждаетъ пространство, такъ какъ собираетъ въ предѣлахъ картины и на одной плоскости впечатлѣнія того, что въ природѣ раскинуто и разбросано.

Поэзія одерживаетъ побѣду надъ неустойчивостью отношеній человѣка къ внѣшнему міру. Поэтъ подъ впечатлѣніемъ заката солнца погруженъ въ раздумье и охваченъ извѣстнымъ настроеніемъ, но по законамъ природы солнце садится, думы смѣняются, настроеніе проходитъ, и никогда уже онъ передъ этимъ закатомъ не испытаетъ этого же самаго настроенія; является поэзія—и, вопреки закону скоротечности, она закрѣпляетъ то случайное отношеніе, въ которомъ человѣкъ стоялъ къ закату солнца, и передаетъ его минутное настроеніе отдаленнѣйшимъ временамъ.

Музыка побѣждаетъ отсутствіе членораздѣльности звуковъ природы. Звуки въ природѣ существуютъ, но сочетаніе ихъ не поддается расчлененію и обусловлено лишь случайнымъ совпаденіемъ во времени; музыка, вырывая звуки изъ природы, подчиняетъ ихъ своимъ законамъ, сочетаетъ согласно условіямъ гармоніи и размѣщаетъ сообразно требованію ритма.

Поэзія и музыка, кромѣ того, побѣждаютъ время: произведенія пластическихъ искусствъ испытываютъ его разрушительное прекосновеніе; произведенія же музыки и поэзіи воспринимаются

нами на разстояніи сотенъ, тысячъ лѣтъ съ одинаковой свѣжестью, съ какою ихъ воспринимали современники въ моментъ возникновенія.

Таковы стремленія, таковы средства искусства. Въ чемъ же задача художника, и что служить мѣриломъ его заслуги? Задача его — возможно яркое выраженіе художественной стороны его личности; роль этой послѣдней въ дѣлѣ творчества мы и прослѣдимъ теперь.

Всякое произведеніе искусства обязательно совмѣщаетъ въ себѣ два противоположныхъ элемента: реальность и условность; реальность — это та сторона художественнаго произведенія, которая обусловлена невозможностью почерпнуть сюжетъ иначе, какъ въ видимой природѣ, и необходимостью воплотить мысль въ общедоступныхъ формахъ; это тѣ качества его, въ которыхъ высказывается подражательная сторона искусства; условность — это та сторона произведенія, въ которой выражается его сходство съ природой, которая вызвана спеціальными условіями того или другого искусства, или создана самимъ художникомъ, — либо преднамѣренно, либо въ силу горькой необходимости считаться съ своимъ матеріаломъ. Эти два враждебныхъ элемента, обязательно существующіе въ каждомъ произведеніи искусства, идутъ другъ другу на встрѣчу и стремятся другъ друга изгнать и уничтожить. Дѣло художника стать между этихъ двухъ движеній для того, чтобы опредѣлить мѣсто ихъ встрѣчи и воспрепятствовать исключительному торжеству одного надъ другимъ. Въ свободномъ выборѣ мѣста встрѣчи, въ сознательномъ распредѣленіи границъ и въ большемъ или меньшемъ противодѣйствіи, оказанномъ тому или другому изъ противоположныхъ движеній, скажется такъ-называемая индивидуальность художника. Въ самомъ дѣлѣ, только отсутствіемъ индивидуальности, отсутствіемъ личнаго взгляда автора можно объяснить возникновеніе такихъ чисто-условныхъ произведеній, какъ византійская Богородица, или такихъ подражательно-реальныхъ фигуръ, какъ восковая Мадонна въ католическихъ церквахъ; несмотря на все видимое отличіе этихъ двухъ типовъ, они имѣютъ одну общую черту, которая не позволяетъ причислить ихъ въ произведеніямъ искусства: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ личность художника скрылась, и одинъ изъ враждующихъ элементовъ вытѣснилъ другой. Произведенія искусства есть такимъ образомъ результатъ борьбы, въ которой художникъ являлся судьей и примирителемъ.

Эта борьба двухъ элементовъ яснѣе всего ощутительна въ драматическомъ искусствѣ. Въ литературѣ и искусствахъ пластическихъ она предшествуетъ созиданію, иногда требуетъ отъ авт

большой рѣшимости, но, послѣ того какъ художникъ остановилъ свой выборъ, онъ съ увѣренностью налагаетъ руку на свой матеріалъ, который недвижно лежитъ около него, и работаетъ уже съ спокойнымъ сознаниемъ умиротворенной борьбы и одержанной побѣды; въ драматическомъ искусствѣ борьба нераздѣльна съ созиданіемъ, и каждый моментъ послѣдняго есть побѣда личности надъ враждою двухъ спорящихъ элементовъ. Матеріалъ актера — не внѣ его, а въ немъ самомъ, онъ самъ себѣ матеріалъ; и въ то время, пока онъ надъ нимъ работаетъ, во время самаго исполненія, онъ долженъ найти въ себѣ достаточно индивидуальной силы и ясности сознанія, чтобы въ пылу самаго слѣплого порыва страсти противопоставить ихъ тому изъ двухъ теченій, которое считаетъ нужнымъ умѣрить. Слѣдовательно, только ясность сознанія и постоянное самонаблюденіе, а не самозабвеніе на сценѣ, какъ думаютъ многіе, помогутъ актеру выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ двухъ крайностей, куда его увлекаютъ реальность и условность.

Ходячая теорія о „переживаніи“ актеромъ изображаемыхъ страстей могла возникнуть только вслѣдствіе незнакомства съ условіями искусства; всякое искусство есть творчество; если же мы станемъ объяснять впечатлѣніе игры тѣмъ, что актеръ переживаетъ страсти своего героя, то творческая его дѣятельность низводится на степень пассивнаго порабощенія, въ которомъ нѣтъ мѣста личному сознанію, а потому нѣтъ границъ уклоненію отъ требованій художественныхъ законовъ. Если въ обыкновенной жизни самозабвеніе влечетъ за собой несоблюденіе границъ, то тѣмъ болѣе на сценѣ, гдѣ весь человекъ — нравственный и физическій — поставленъ въ предѣлы сценической условности и въ границы своей роли.

Актеръ въ моментъ увлеченія игрой настолько же далекъ отъ настоящей изображаемой имъ страсти, насколько поэтъ, занятый отдѣлкою лирическаго стихотворенія, въ тотъ моментъ далекъ отъ душевнаго настроенія, которое изливается въ стихахъ. Истинное душевное страданіе не можетъ позволить поэту предаться художественному творчеству, или живописцу взяться за кисть, — почему же въ драматическомъ искусствѣ мы будемъ страданіе актера ставить условіемъ его успѣха? Страданіе и радость — удѣлъ общечеловѣческой, и еслибы въ нихъ заключался источникъ художественнаго творчества, то и послѣднее было бы удѣломъ всѣхъ людей; нѣтъ, не въ минуты помраченія страстями, когда личность поглощена своей общечеловѣческой стороною, особенности ея слаженны и способности подавлены, — но въ минуты сознательнаго

просвѣтлѣнія, когда индивидуальныя способности пробиваются сквозь покровъ общечеловѣческой природы и властвуютъ надъ страстями, — художникъ находитъ силу, досугъ и просторъ для художественнаго творчества.

Важно установить тотъ основной фактъ, что художникъ творитъ не въ силу своего человѣчества, которое составляетъ его сходство со всѣми людьми, а въ силу тѣхъ свойствъ своей художественной природы, которыми онъ одаренъ въ отличіе отъ другихъ людей; какъ ни проста кажется эта истина, она, повидимому, совершенно нами забывается. Повторяя мнѣніе зауряднаго большинства, которое, гоняясь за объясненіемъ трудныхъ вопросовъ, не столько само къ нимъ приближается, сколько старается приадаить ихъ къ своему уровню, мы—въ полной увѣренности, что легко и просто разрѣшаемъ вопросъ—ставимъ непремѣннымъ условіемъ художественной глубины автора возможно большую дозу пережитыхъ страданій, требуемъ, чтобы онъ жилъ жизнью своихъ современниковъ, скорбѣлъ гражданской скорбью, болѣлъ социальными вопросами, и когда въ произведеніяхъ художника мы видимъ отзвуки на 'все это,' тогда, восходя обратнымъ путемъ отъ произведенія къ автору, заключаемъ, что вся сила его таланта и могущество созданныхъ имъ образовъ истекаютъ изъ того, что жизнь его помала и измолоча. Не можетъ быть ничего обманчивѣе, какъ подобное заключеніе отъ произведенія искусства къ человѣку; отъ произведенія можно безошибочно восходить только къ *художественной* личности, но никакъ не къ цѣльному человѣчеству. Человѣкъ по своему человѣчеству и человѣкъ по своему художеству представляютъ иногда такіе чудовищные контрасты, что одного этого было бы достаточно, чтобы убѣдить каждаго, что жизнь художественную съ жизнью внѣшней—смѣшивать нельзя. Но публика не хочетъ этого понять; она хочетъ чтобы художникъ былъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, и потому въ своихъ объясненіяхъ процесса творчества она не допускаетъ для него иной жизни, чѣмъ та, которою она живетъ; она пристааетъ къ нему, навязываетъ ему свои пониманія, хочетъ втanutъ въ свой круговоротъ, а между тѣмъ для него жизнь толпы со всей ея суетой—не чтд иное, какъ блѣдное, скучное видѣніе, развертывающее передъ нимъ свою внѣшнюю сторону, по которой его взоръ разсѣянно скользитъ; все это ему неинтересно, его останавливаютъ совсѣмъ не тѣ предметы, на которыхъ останавливается большинство; важное для другихъ—для него второстепенно, онъ скучаетъ, тоскуетъ—

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ...

Не въ житейскій водоворотъ опускается художникъ для того, чтобы творить, не къ людямъ идетъ онъ, но уходитъ въ себя и бѣжитъ отъ людей:

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Тамъ, вдали отъ всѣхъ, на тѣхъ безоблачныхъ, недосыгаемыхъ высотахъ художественной жизни, гдѣ, гордый и свободный, онъ самъ себя принадлежитъ,—тамъ находитъ онъ свои муки, свои радости, свое горе, свое утѣшеніе; тамъ вкушаетъ онъ ту полноту, которой обыденная жизнь не можетъ ему дать, вслѣдствіе раздвоенности его природы; но эти ощущенія ничего общаго не имѣютъ съ тѣми, которыя волнуютъ насъ въ обыкновенной жизни; каждодневныя житейскія страсти не проникаютъ въ художественную жизнь, онѣ лишь отражаются въ ней, и надъ этимъ отраженіемъ земныхъ страстей работаетъ художникъ, пока творить, но не ими онъ болѣетъ и страдаетъ, когда, по словамъ того же Пушкина, надъ „вымысломъ“ обливается слезами.

Итакъ, выходъ изъ жизни внѣшней, общей, и уходъ въ жизнь внутреннюю, индивидуальную—вотъ условія художественнаго творчества; чѣмъ меньше внѣшняя жизнь владѣетъ художникомъ, тѣмъ больше ему остается простора для жизни внутренней. Внѣшняя жизнь, какъ мы сказали, отражается въ художественной; понятно, что чѣмъ больше отраженій, тѣмъ многостороннѣе творческая дѣятельность, но страсти человѣческія не говорятъ въ художникъ, онѣ лишь подсказываютъ ему; онѣ не живутъ въ немъ, но вызываютъ къ жизни другія страсти—художественнаго порядка; да и не хватило бы жизни человѣческой, если бы писатель или актеръ должны были жить всѣми тѣми страстями, которыя изображаютъ, не говоря уже о томъ, что въ одномъ человѣкѣ невозможно сочетаніе такихъ свойствъ, какъ коварство и злоба лэди Макбетъ съ наивностью и кротостью Корделии.

Несостоятельность тѣхъ теорій, которыя смотрятъ на искусство какъ на продолженіе общечеловѣческихъ страстей и утверждаютъ, что художественное вдохновеніе ими питается,—яснѣе сего сказывается въ попыткахъ примѣнить ихъ къ музыкѣ. Самое отвлеченное изъ искусствъ, не связанное съ природой матеріаломъ, не приуроченное къ событію, не проповѣдующее идею, отрѣшенное отъ всякой „злости дня“, единственное изъ искусствъ, не требующее содержанія изъ жизни, но возникающее и растущее въ

условіяхъ своей собственной художественной законности, — музыка, по существу своему, казалось бы, стоитъ вѣдъ всякихъ побочныхъ объясненій на житейской почвѣ; и тѣмъ не менѣе громадное большинство не хочетъ допустить существованія отдѣльной музыкальной области со своими музыкальными законами, музыкальными интересами, гдѣ на музыкальномъ языкѣ передаются музыкальныя же страсти и волненія, о которыхъ, скажемъ словами гр. Алексѣя Толстого, — „повѣдать не могу я — на ежедневномъ языкѣ“. Но эта неосвязаемость художественнаго языка насъ не смущаетъ, и вотъ являются критики и „толкователи“ искусства, которые задаются цѣлью переложить сіи возвышенныя рѣчи на ежедневный языкъ. Грубыми руками перелистываютъ они самыя сокровенныя страницы внутренней жизни художника и на этихъ нѣжныхъ листкахъ печатаютъ оттиски тѣхъ житейскихъ страстей, которыя волнуютъ ихъ и всякаго другого. За каждое искусство имъ легко зацѣпиться: сюжетъ и матеріалъ всегда къ ихъ услугамъ; но въ музыкѣ сюжета нѣтъ, она не матеріальна, и здѣсь надо найти внутреннюю зацѣпку; и вотъ являются на помощь страсти людскія: ненависть, любовь, состраданіе къ ближнему, революціонное броженіе умовъ — все пускается въ ходъ и посылается въ догонку автора, чтобы объяснить ту высоту, въ которую занесла его фантазія, и куда онъ отлетѣлъ именно для того, чтобы укрыться отъ этихъ самыхъ страстей и тревоженій.

Подобное навязываніе композитору тѣхъ или другихъ побужденій, тѣхъ или другихъ намѣреній, въ большой модѣ у зауряднаго большинства; не будучи музыкальны отъ природы или музыкальные лишь настолько, чтобы ощущать музыку, но не понимать ее, многіе стараются привнесеніемъ всякихъ побочныхъ соображеній настроить свою воспримчивость и приподнять себя до уровня истинныхъ цѣнителей музыки. Тогда для того, чтобы вкусить сладость ноктюрна или прелюдіи Шопэна, перечитываются автобіографія и корреспонденція Жоржъ-Занда, вызывается къ памяти таинственность полуночнаго часа, когда произведеніе возникло, завываніе вѣтра, стучавшаго въ окно, бушеваніе волнъ у подножія утесовъ, а также и то, что все это происходило на пустынномъ островѣ, вдали отъ гостепріимной Франціи, въ то время какъ Польша изнемогала подъ ударами судьбы. А на встрѣчу этому „исванію“ являются комментаторы, которые помогаютъ „находить“ и разъясняютъ, что именно Бетховенъ хотѣлъ сказать въ такой-то сонатѣ, какую картину природы слѣдуетъ представлять себѣ при исполненіи такой-то пьесы, или какимъ душевнымъ волненіемъ прилично волноваться, когда слышишь такую-то симфонію; все

до послѣднихъ мелочей объясняется и разбирается, каждый аккордъ получаетъ соотвѣтствующее душевное движеніе, каждая модуляція есть переходъ отъ одного настроенія къ другому, а на повѣрку оказывается, напр., что соната, озаглавленная „Abschied“ и „Wiedersehen“ гдѣ комментаторы прозрѣли всѣ страданія и всѣ радости, обуревающія двухъ влюбленныхъ, была такъ озаглавлена по случаю отъѣзда эрцгерцога Карла и его возвращенія съ войны противъ Наполеона. Да съ какого права, мы, въ музыкѣ ничего не произведшіе, незнакомые съ ея законами, едва умѣющіе понимать языкъ ея, — будемъ разяснять гигантамъ музыкальнаго дѣла, почему они сочиняли такъ, а не иначе, будемъ раскапывать родники художественнаго творчества и опредѣлять, въ чемъ они черпали свое вдохновеніе, а главное, что хотѣли сказать и выразить на своемъ музыкальномъ языкѣ! Этотъ музыкальный языкъ, видите ли, не довольно полонъ, не довольно точенъ, надо придти къ нему на помощь, и когда мы втиснемъ въ него возможно больше своихъ словъ, тогда онъ будетъ нашъ и станетъ намъ понятенъ...

Въ природѣ художника два совершенно различныхъ движенія: одно—восприниманіе имъ внѣшней жизни, другое—передача своей внутренней жизни,—и связать эти два движенія никакъ нельзя; концы ихъ затеряны въ такихъ душевныхъ тайникахъ, куда ни одинъ посторонній глазъ не можетъ проникнуть; перерожденіе воспріятія въ передачу совершается по такимъ неисповѣдимымъ путямъ, гдѣ всякое насильственное объясненіе должно разбиваться о самыя поразительныя несоотвѣтствія причины и слѣдствія. Извѣстно, что Бетховенъ написалъ одно изъ величайшихъ своихъ произведеній, 1-ую часть пятой симфоніи, послѣ того какъ кто-то постучался къ нему въ дверь: ритмичность темы была подсказана ритмичностью удара; а Гейне сочинилъ одно изъ самыхъ безнадежно-отчаянныхъ четверостишій, какія когда-либо были написаны, на пару слишкомъ узкихъ ботинокъ.

Мы постарались по возможности изобразить „на ежедневномъ языкѣ“ ту неуловимую область, въ которой художественная личность живетъ художественною жизнью; мы постарались доказать, что такая жизнь есть, что она существуетъ отдѣльно отъ внѣшней жизни, что она служитъ отраженіемъ реальныхъ образовъ, которые въ ней претворяются и вызываютъ къ существованію новые образы, художественнаго порядка. Обратимся теперь къ изсмотрѣнію этихъ послѣднихъ и постараемся уяснить себѣ, при какихъ условіяхъ реальный образъ, перенесенный на полотно, сплоченный въ мраморъ или въ словахъ, становится достояніемъ

искусства; мы отчасти воснулись этого выше, когда говорили о византийской Богородицѣ и восковой Мадоннѣ; теперь же остановимся на вопросѣ о вѣщательствѣ личности въ подражательную сторону искусства; затѣмъ мы опять станемъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о художественномъ наслажденіи и надѣемся, послѣ нашей экскурсіи въ область художественнаго творчества, дать ему окончателъное опредѣленіе.

Итакъ, вѣщательство личности останавливаетъ подражательное движеніе искусства, заставляетъ его сродниться и уживаться съ условностью и набрасываетъ на него свой собственный незамѣслованный отпечатокъ; вотъ этотъ-то собственный отпечатокъ, въ которомъ выражается то, какимъ образомъ вѣщная жизнь претворяется въ художникѣ, какъ онъ ее видитъ, какъ понимаетъ и какъ передаетъ,—и составляетъ самое цѣнное условіе произведенія искусства. Когда мы говоримъ, что искусство „изображаетъ жизнь“, то главное значеніе въ этомъ выраженіи принадлежитъ не слову „жизнь“, но слову „изображаетъ“, и сила, оригинальность и достоинство художника будутъ зависѣть отъ того, насколько онъ самъ проникнутъ этимъ сознаніемъ, насколько онъ будетъ направлять все свое умѣніе на изображеніе жизни такою, какою онъ ее видитъ, а не такою, какою ее видитъ большинство. Предметъ искусства, слѣдовательно, не „изображенная жизнь“, но „изображеніе жизни“. Яснѣе всего мы въ этомъ убѣждаемся на самомъ подражательномъ изъ искусствъ—сценическомъ; по своему матеріалу оно ближе всего связано съ жизнью, такъ какъ его матеріалъ—сама жизнь; но представьте на сценѣ настоящее страданіе, вмѣсто изображенія его, вообразите въ четвертомъ актѣ „Гамлета“, дѣйствительно сумасшедшую Офелію,—и вы отвернетесь съ отвращеніемъ; въ одинаковымъ результатамъ мы придемъ во всякомъ искусствѣ, когда поставимъ подражаніе его единственнымъ условіемъ: въ пасторальную симфонію придется ввести тогда въ видѣ инструмента—мычаніе коровы, на картины накладывать доскутѣя настоящихъ матерій, скульптура тогда превратится въ изготовленіе восковыхъ куколъ съ человѣческими волосами. Вотъ на этомъ-то пути останавливается искусство, благодаря вѣщательству индивидуальности. Художественная индивидуальность сжигается, слѣдовательно, не въ томъ, что изображено, а въ томъ, какъ изображено: только въ способѣ изображенія будетъ видъ, кто изобразилъ, потому что только здѣсь найдеть художникъ возможность выказать самыя внутреннія свойства своей художественной личности и воплотить исключительно художественныя стремленія своей души.

Посмотрите на старинныхъ мастеровъ—какая бѣдность въ выборѣ сюжета, какъ мало разнообразія: нѣсколько казенныхъ, обыкновенныхъ установленныхъ, библейскихъ эпизодовъ, два-три сюжета изъ мифологіи, и затѣмъ: Святое Семейство, Мадонна и опять Святое Семейство—и изъ этого круга не выходятъ; они не тратились на исканіе сюжета; а между тѣмъ есть ли во всей исторіи живописи лица, которыхъ художественный обликъ ярче и полнѣе выдѣлялся бы на страницахъ художественнаго развитія человѣчества, — и это почему?—потому что они сосредоточивали всѣ свои силы на воплощеніи одной только художественной стороны своей природы; другія стороны ихъ не участвовали въ процессѣ творчества. Кто скажетъ, восходя отъ произведенія къ автору, какой былъ политическій идеалъ Тиціана, вѣрилъ ли Боттичелли въ загробную жизнь, и какъ смотрѣлъ на соціальныя вопросы Рафаэль? Теперь не такъ: съ одной стороны, самыя условія времени, созданныя успѣхами науки, а съ другой стороны—сознательно-неправильное отношеніе къ искусству дѣлаютъ изъ него выразителя всей личности художника, а не одной только его художественной стороны; въ исторической живописи исторія и археологія, сорвавъ покровы съ прошлаго, стоятъ на стражѣ искусства и рядомъ съ эстетикой требуютъ себѣ критической равноправности; жизнь современная, въ погонѣ за необходимымъ и за удобствомъ, слагается въ такія формы, къ которымъ пластическія искусства прилаживаются съ трудомъ, а прикладная наука такими изумительными шагами идетъ впередъ и такъ быстро мѣняетъ внѣшній обликъ жизни, что искусство едва успѣваетъ сгладить, оформить и по возможности скрыть тотъ характеръ полезности, отпечатокъ котораго ложится на все современное; публика подступаетъ къ художнику, грозно требуя отвѣта на тѣ вопросы жизни, рѣшеніе которыхъ составляетъ предметъ всего, что хотите, только не искусства; критика кидаетъ въ него грязью, если онъ не помогаетъ человѣчеству въ житейской борьбѣ,—и художникъ, растерянный, сбитый съ пути, съ трудомъ урвавъ изъ кипучей жизни минуту спокойнаго уединенія, принимается за работу; но его художественное „я“ поколеблено, потрясена его устойчивость, въ его художественную область ворвались посторонніе, чужіе засѣли въ его вертоградъ, его художественный взоръ мутится, творческая струя раздвояется, разлетается въ брызги,—и картина является мѣстѣ и страницей исторіи, кусочкомъ археологическаго музея, и лавою соціального или политическаго трактата, гдѣ художественной личности едва есть мѣсто выразиться. Одна природа еще тается непронутою областью, въ которой художникъ можетъ

найти свободу и покой; зато мы видимъ, что никогда мирный пейзажъ такъ не процвѣталъ, какъ въ нашъ кипучій, злобный вѣкъ...

Насъ упрекнуть въ томъ, что мы проповѣдуемъ разрывъ искусства съ жизнью; скажутъ, что если бы даже всѣ искусства могли настолько отъ нея отрѣшиться, то литературѣ это было бы невозможно, что ей нечего было бы дѣлать, еслибъ запретили ей отвѣчать на запросы жизни. Но, во-первыхъ, разграниченіе не есть разрывъ, и не противъ связи возражаемъ мы, но противъ смѣшенія; а во-вторыхъ, что касается литературы, то она предъ другими искусствами пользуется такимъ преимуществомъ, которое позволяетъ ей подходить къ жизни ближе, чѣмъ всякому другому, проникать въ нее гораздо глубже и черпать съ несравненно меньшей разборчивостью. Это преимущество состоитъ въ томъ, что литературное произведеніе развивается во времени (музыка обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, но она, какъ мы сказали, обходится безъ сюжета, а потому здѣсь о ней не говоримъ). Въ то время какъ съ картиной или статуей мы приходимъ въ моментальное соприкосновеніе и въ каждый моментъ воспріятія соприкасаемся все съ тѣмъ же самымъ цѣльнымъ произведеніемъ, — стихотвореніе, романъ или драма развертываются предъ нами постепенно, и въ каждый данный моментъ мы приходимъ въ соприкосновеніе лишь съ частью, и притомъ все съ новой частью цѣльнаго произведенія; вотъ это свойство литературы позволяетъ ей касаться самыхъ разнородныхъ вопросовъ: политическихъ, соціальныхъ, научныхъ, религиозныхъ, временныхъ, мѣстныхъ, потому что, развиваясь во времени, она имѣетъ возможность, не выходя изъ границъ художественнаго настроенія, вести читателя отъ этого исходнаго пункта къ какой угодно художественной идеѣ вѣчнаго и общаго характера.

Когда живописецъ изображаетъ беременную женщину, которую дворникъ вышвырнулъ на улицу за невнесеніе квартирныхъ денегъ ¹⁾, то какъ бы хорошо ни была написана картина, въ тотъ моментъ, какъ зритель пораженъ ея внутреннимъ смысломъ, картина какъ таковая на него перестала дѣйствовать: онъ занятъ уже не картиной, но соціальнымъ вопросомъ; сюжетъ вытолкнулъ его изъ художественнаго настроенія; вмѣсто того, чтобы любоваться искусствомъ, онъ погружается въ размышленіе о жестокости обращеніи дворниковъ съ неисправными плательщицами. Картина, слѣдовательно, является *contradictio in adjecto* — проп-

¹⁾ Такую картину намъ пришлось видѣть на одной изъ передвижныхъ выставокъ.

ворѣчемъ самой себѣ—такъ какъ заставляетъ себя забыть. Со-всѣмъ другое дѣло—литература: она можетъ безбоязненно взяться за этотъ сюжетъ, потому что если читатель и уйдетъ изъ художественной области въ область размышленій соціального порядка, то она всегда имѣетъ средство удержать его въ границахъ литературнаго наслажденія; послѣднее тѣмъ и отличается отъ прочихъ художественныхъ наслажденій, что позволяетъ намъ подходить къ такимъ нравственнымъ пучинамъ, къ которымъ всѣ другія искусства безсилны подводить насъ.

Если жизнь и искусство разграничены другъ отъ друга, то и сами искусства разграничены между собой, сообразно болышей или меньшей ихъ близости къ жизни, и то, чтѣ возможно въ литературѣ, недопустимо на сценѣ, еще менѣе мыслимо въ пластическихъ искусствахъ—и прямо недоступно музыкѣ.

Но писатель долженъ умѣть воспользоваться этимъ преимуществомъ своего искусства, а для этого онъ долженъ подъ внѣшней, случайной оболочкой своихъ образовъ дать намъ почувствовать присутствіе вѣчныхъ, неизмѣнныхъ элементовъ; созданный имъ частный образъ не долженъ быть предѣльной гранью,—онъ лишь посредникъ между нами и тѣми вѣчными сторонами нашей природы, которыхъ онъ является отраженной разновидностью; онъ долженъ, какъ въ фокусѣ, преломлять лучи того солнца, которое одинаково свѣтитъ всѣмъ поколѣніямъ людей,—только тогда писатель будетъ понятъ и оцѣненъ во всѣ времена; а если онъ остановится на полу-дорогѣ, если сквозь частный образъ, приуроченный къ мѣсту и времени, онъ не дастъ просвѣта на общечеловѣческое,—произведеніе его не войдетъ въ сокровищницу вѣчнаго искусства. Ювеналь караетъ современниковъ, но подъ римской тогой мы видимъ челоуѣка, и потому онъ пережилъ вѣка; когда же сатира воплощаетъ одно только временное и случайное, то она со своимъ же временемъ и погибаетъ: поэтическія ея достоинства безсилны дать жизнь ея содержанію. Вотъ разница между Гоголемъ и Щедринимъ; вотъ почему Некрасовъ, примѣшавшій столько посторонняго въ свою яркую поэтическую струю, на нашей памяти уже блѣднѣетъ; вотъ почему баллада гр. Алексѣя Толстого „Потокъ-Богатырь“ чрезъ нѣсколько лѣтъ потеряетъ всякую цѣнность, помимо прелестной чоей формы. Писатель, который при выборѣ сюжета нѣ умѣетъ становиться въ своемъ приближеніи къ жизни и не соизмѣряетъ, гдѣ искусство можетъ перенести и чего—нѣтъ, добровольно отказывается отъ самаго цѣннаго преимущества своего—отъ побѣды дѣ временемъ: принося дань одной своей эпохѣ, онъ склады-

ваетъ оружіе предъ вѣчностью и произноситъ своему произведенію смертный приговоръ, ибо такая тенденція есть то же, что и забвѣніе. Не смотрите на то, что такое-то произведеніе въ моментъ возникновенія электризуетъ толпу и собираетъ вокругъ себя огромное количество одновременныхъ поклонниковъ: эти поклонники принадлежатъ одному—двумъ поколѣніямъ, и чѣмъ ихъ восторгъ сильнѣе и бурливѣе въ данный моментъ, тѣмъ онъ скоротечнѣе; великія произведенія оцѣниваются не сразу, зато число ихъ поклонниковъ нарастаетъ съ поколѣніями и никогда не переводится; и между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ самая возможность пониманія произведенія съ каждымъ поколѣніемъ слабѣетъ и впечатлѣніе его мельчаетъ, пониманіе истинно великаго произведенія обогащается оцѣнкою каждаго предъидущаго поколѣнія и впечатлѣніе его никогда не теряетъ глубины.

Я знаю, что, употребляя слово „тенденція“, я подаю поводъ къ разногласіямъ; часто смѣшиваютъ съ тенденціей ту внутреннюю идею, которая составляетъ содержаніе и безъ которой нѣтъ истинно великаго произведенія, и тогда договариваются до того, что и Шекспиръ былъ тенденціозенъ. Спѣшу оговориться и предупредить всякое невѣрное толкованіе моихъ словъ. Когда писатель беретъ идею какъ средство вдохнуть жизнь въ свой художественный образъ, то онъ пребываетъ въ границахъ искусства, и чѣмъ идея выше и вмѣстѣ общечеловѣчнѣе, тѣмъ больше его заслуга; когда же писатель прибѣгаетъ къ своему искусству какъ къ средству воплотить и приподнести публикѣ тѣ или другія мысли, тѣсно связанныя съ мѣстомъ и временемъ, тогда онъ выходитъ изъ области искусства, его поэтическій даръ въ его рукахъ становится лишь орудіемъ, а самъ онъ работаетъ имъ въ другой области, и результатъ его работы будетъ принадлежать другой области, а не искусству. Большая разница между идеей стихотворенія и тенденціей; обыкновенно смѣшиваютъ эти два понятія; смѣшиваютъ ихъ читающіе, смѣшиваютъ и писатели, въ особенности молодые: начинающій поэтъ пуще всего боится прослыть не сыномъ своего времени и своего народа, и потому напрягаетъ все стараніе, чтобы съ первыхъ же строкъ отрекомендовать себя въ этомъ смыслѣ. Онъ не знаетъ самъ, на какую бесполезную работу онъ тратилъ свои силы, но и я не скажу, какъ говорятъ многіе: „художникъ не *долженъ* стараться быть сыномъ своего времени“,—я скажу, что ему *не нужно* стараться о томъ, — что если только онъ истинный художникъ и не перестаетъ быть человекомъ, то онъ *не можетъ* не быть сыномъ своего времени и своего народа.

Опредѣленіе того, въ какой мѣрѣ литература, не выходя изъ рамокъ искусства, можетъ прикасаться къ жизни, какія литературныя формы въ этомъ смыслѣ имѣютъ наибольшія права, и гдѣ тѣ границы, за предѣлами которыхъ писатель съ художественной почвы переступаетъ на почву тенденціозности, — увлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашего предмета.

IV.

НАСЛАЖДЕНІЕ, КАКЪ СОПРИКОСНОВЕНІЕ ДВУХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ.

Теперь вернемся къ оставленному нами вопросу о сознательно-художественномъ наслажденіи. Если творчество заключается въ возможно полномъ выраженіи художественной личности, то наслажденіе заключается въ отысканіи этой личности и въ возможно близкомъ съ нею соприкосновеніи. вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій попрошу позволенія привести нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ, думаю, будетъ яснѣе видно, въ какомъ смыслѣ художественное наслажденіе можетъ быть опредѣлено какъ соприкосновеніе двухъ художественныхъ личностей.

Сперва — пластическія искусства. Что намъ нравится въ картинѣ? Почему грязный, оборванный нищій, который въ жизни внушилъ бы намъ только невольное отвращеніе или состраданіе, можетъ привести насъ въ восторгъ, когда мы увидимъ его изображеніе на полотнѣ? Конечно, не въ силу сходства. Предъ нами отвратительный нищій и передъ нами его сходное изображеніе; какой же третій элементъ вмѣшался въ эти два и сдѣлалъ то, что сходственное изображеніе отвратительнаго оригинала приводитъ насъ въ восторгъ? Этотъ третій элементъ — это личность художника, это то нѣчто, которое онъ вложилъ отъ себя въ картину, то, въ чемъ выражается его взглядъ, — какъ онъ внѣшнюю жизнь воспринимаетъ, какъ ее претворяетъ и какъ передаетъ, — словомъ, все то, изъ чего видно, что картину рисовалъ онъ, а не другой. Да, когда мы восторгаемся грязными нищими въ мрачныхъ подвалахъ, то мы любуемся не ихъ изображеніемъ, а тѣмъ, какъ они изображены, и слѣдовательно, восторгаемся не ими, но Рембрандтомъ, изображавшимъ ихъ.

Ясно, почему сюжетъ въ художественномъ наслажденіи есть основной элементъ. Конечно, весьма трудно въ произведеніи сдѣлать сюжетъ отъ выполненія, особенно въ пластическихъ

искусствахъ, и тѣмъ не менѣе, если подобное раздѣленіе невозможно механически, то оно вполне допустимо умственно; и когда намъ удастся умственно разграничить элементы, приходящіеся на долю того и другого, то мы увидимъ, что на сторонѣ сюжета гораздо менѣе художественныхъ элементовъ, чѣмъ на сторонѣ выполнения (подразумѣвая подъ этимъ словомъ не одно только техническое умѣнье, но художественную мысль произведенія, форму, въ которой оно вылилось, большую или меньшую ея оригинальность, словомъ, совокупность всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя дѣйствуютъ на зрителя помимо „фабулы“ картины и ея матеріала); мы увидимъ, что на сторонѣ выполнения играютъ роль наиболѣе интимныя качества художника, тогда какъ въ выборѣ или созданіи сюжета имѣютъ значеніе внѣшнія, иногда случайныя явленія. Вѣдь сюжетъ, какъ таковой, существуетъ помимо художника и есть достояніе всѣхъ; даже когда онъ является выраженіемъ излюбленной мысли автора, прямымъ выразителемъ его личности, и тутъ онъ есть результатъ лишь его общечеловѣческой природы, между тѣмъ какъ выполнение есть результатъ единственно ему присущей художественной его стороны; а если сюжетъ и задѣваетъ художественныя струны автора, то опять-таки только однѣ общія струны, такъ какъ одинъ сюжетъ можетъ быть предметомъ разныхъ искусствъ; слѣдовательно, здѣсь играютъ роль не специально скульптурныя или живописныя способности художника, а его общехудожественныя способности. Такимъ образомъ, оригинальность и сила художественной индивидуальности проявятся именно въ выполненіи, и сюжетъ для нихъ есть лишь внѣшній поводъ, механическая возможность воплотиться. Эта роль сюжета — чисто внѣшняя, но она имѣетъ характеръ необходимости, весьма наглядно изображаемый сравненіемъ ея съ ролью ленты, стягивающей пучокъ стеблей¹⁾: лента, конечно, не есть его составная часть, но безъ нея мы не имѣли бы совокупности впечатлѣній, и пучокъ распался бы на стебли. Ясно, что тотъ, кто наслаждается исключительно сюжетомъ, приходитъ въ менѣе непосредственное соприкосновеніе съ художественной личностью автора, такъ какъ соприкасается только съ его внѣшними, случайными или общими сторонами, а потому и наслажденіе его будетъ имѣть характеръ внѣшній, случайный, общій.

Можно еще сравнить роль сюжета въ картинѣ съ ролью текста въ вокальной музыкѣ; безъ текста, конечно, не было бы и романа; однако, когда мы его слушаемъ, то мы наслаждаемъ

¹⁾ Это сравненіе приводитъ въ своей „Эстетикѣ“ Véron.

не литературной его стороной, но музыкальной, — слѣдовательно, наслаждаемся не тѣмъ, *что* положено на музыку, а тѣмъ, *какъ* положено, — въ противномъ же случаѣ мы соприкасались бы не съ музыкантомъ, но съ поэтомъ. Если ограничивать художественное содержаніе искусства однимъ сюжетомъ, то придется прямо вычеркнуть всю обширную область неодушевленнаго искусства: орнаментацию, арабески, которыя никакихъ событій не изображаютъ и никакой идеи не проповѣдуютъ, тутъ ужъ никакого сюжета нѣтъ, а только два составныхъ элемента — форма и назначеніе; но когда мы любуемся стариннымъ канделябромъ, то, конечно, намъ нравится не назначеніе его, не то, что онъ изображаетъ подсвѣчникъ, а то, *какъ* онъ его изображаетъ; мы соприкасаемся въ данномъ случаѣ не съ тѣмъ, что составляетъ его сходство со всѣми другими подсвѣчниками, а съ тѣмъ — чѣмъ этотъ подсвѣчникъ, работы Бенвенуто Челлини, отличается отъ всякаго подсвѣчника, ушленнаго въ Гостинномъ Дворѣ.

Кто этого не понимаетъ, для того въ живописи не долженъ существовать пейзажъ; для него разницы не будетъ, напр., между картиною Айвазовскаго или картиною Судковскаго, если и та и другая изображаютъ песчаный берегъ моря и нѣсколько круглыхъ камней въ лѣнивыхъ и сонныхъ волнахъ. Въ силу чего же эти два изображенія морского берега различны между собой? Въ силу того, *какъ* это море изображено; а почему оно изображено не одинаково? — потому что изображали его двѣ различныя кисти, выражающія двѣ индивидуальности настолько различныя, что никогда картина Айвазовскаго не будетъ похожа на картину Судковскаго, что бы она ни изображала. Если же мы и въ пейзажѣ будемъ гнаться за сюжетомъ и объяснять его впечатлѣніе какими-нибудь обще-гуманитарными соображеніями, то мы рискуемъ прямо выйти съ художественной почвы. С.-Маркъ де-Жирарденъ въ своей „Исторіи драматической литературы“ утверждаетъ, что видъ моря оставляетъ насъ совершенно сповойными до того момента, когда на горизонтѣ появится парусъ: тогда въ насъ пробуждается интересъ, мы участвуемъ въ пейзажѣ, потому что симпатизируемъ тому невѣдомому человѣку, котораго угадываемъ вдаль, мы трепещемъ за его жизнь, — и вотъ почему пейзажъ пріобрѣтаетъ для насъ цѣнность. Но вѣдь если С.-Маркъ де-Жирарденъ не могъ юбоваться морскимъ видомъ иначе, какъ филантропически, то ему слѣдовало бы записаться въ „Общество спасанія на водахъ“, но только не приписывать свои ощущенія художественному воспріятію пейзажа.

Тотъ, кто неспособенъ воспринимать картину иначе, какъ

съ точки зрѣнія сюжета, неминуемо закрываетъ себѣ доступъ къ внутренне-художественнымъ сторонамъ ея: сходственность сюжета въ его глазахъ должна набросить покровъ однообразія на цѣлую галерею картинъ старинныхъ мастеровъ и сравнять въ его представленіи произведенія самыхъ противоположныхъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Рафаэля и Ванъ-Дика, если только оба изображаютъ Мадонну. Для него непонятно будетъ, что картины эти нравятся другимъ не въ силу того, что онѣ изображаютъ, а въ силу тѣхъ, совершенно различныхъ по характеру, но одинаково сильныхъ и оригинальныхъ чертъ индивидуальностей художниковъ, которыхъ онѣ являются носителями.

Повторяя ходячее выраженіе, мы не разъ говоримъ: „такая-то Юдиѣ, напр., не нравится мнѣ, потому что не отвѣчаетъ моему представленію о Юдиѣ“. Совершенно ошибочное выраженіе: данная Юдиѣ не нравится мнѣ не вслѣдствіе ея различія съ моею Юдиѣю, а вслѣдствіе того, что тѣ стороны художественной природы автора, которыя онъ вложилъ въ картину, и которыя выказалъ по поводу Юдиѣ—мнѣ не симпатичны; а иначе изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ изображеній Юдиѣ мнѣ должно было бы нравиться только одно, наиболѣе приближающееся къ моему представленію; между тѣмъ я способенъ восхищаться безконечнымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ Юдиѣ; почему? потому что за ея изображеніями я вижу безконечное разнообразіе художественныхъ личностей.

Еще одинъ примѣръ, съ цѣлью показать, что отсутствіе художественной личности отнимаетъ у изображенія его художественную цѣнность. Одно изъ самыхъ оригинальныхъ и характерныхъ искусствъ—это японское; происходитъ ли эта національная оригинальность изъ того, что у японцевъ вообще была одна только художественная школа, или оттого, что мы, иностранцы, не умѣемъ подъ національнымъ отпечаткомъ отыскать единичную художественную личность,—но фактъ тотъ, что японское искусство во всѣхъ своихъ проявленіяхъ похоже на себя и отлично отъ другихъ; почему, однако, оно оригинально и почему нравится тѣмъ, кто его любитъ? Потому ли, что изображаетъ японскую природу, или потому, что изображаетъ природу такъ, какъ японецъ ее видитъ? вмѣсто отвѣта предлагаю снять фотографію съ японской деревни и поставить ее рядомъ съ японскимъ изображеніемъ той же деревни; сопоставивъ этотъ результатъ бессознательнаго проявленія законовъ природы съ продуктомъ сознательной работы челоуѣка, мы наглядно убѣдимся, что художественная цѣнность произведенія зависитъ отъ присутствія въ немъ взгляда автора,

его точки зрѣнія на изображаемый предметъ. Чѣмъ инымъ, какъ не этимъ, объяснимъ мы, что карриатура можетъ быть художественна, карриатура, условіе которой—уродованіе дѣйствительности! Ея художественность заключается въ томъ, что она представляетъ преувеличенность личнаго взгляда, подчеркиваетъ ту сторону предмета, которая въ представленіи художника заслонила остальные и такимъ образомъ резюмируетъ его мнѣніе.

Вотъ почему копія съ картины рѣдко доставляетъ наслажденіе сама по себѣ; копія намъ нравится лишь какъ напоминовеніе, а не какъ созданіе; въ копіи художественная личность неясна: мало-талантливому копировщику не подъ силу будетъ передать личность автора, а вполне талантливому трудно будетъ поступиться своею. То же самое надо сказать о литературномъ переводѣ. Не могу здѣсь не указать мимоходомъ на одинъ весьма интересный въ этомъ отношеніи примѣръ—на копію съ находящагося въ императорскомъ Эрмитажѣ портрета матери Рембрандта, сдѣланную Рѣпинымъ, какъ на удивительный примѣръ сроченности и сплоченности воедино двухъ художественныхъ личностей. Нѣмецкіе переводы иностранныхъ авторовъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ противоположный примѣръ наслоенія двухъ несроднившихся личностей, французскіе же почти всегда обезличиваютъ оригиналь.

Перейдемъ теперь къ проявленію личности въ литературѣ.

Если, любуясь картиною, мы восторгаемся живописцемъ, то, наслаждаясь литературнымъ произведеніемъ, мы восхищаемся писателемъ. Возьмемъ въ примѣры гоголевскаго Павла Ивановича Чичикова. Почему мы восхищаемся описаніемъ его особы? Согласимся, что особа сама по себѣ ничего восхитительнаго не представляетъ; правда, „губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ, что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ умный человѣкъ; предсѣдатель палаты, что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полиціймейстеръ, что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полиціймейстера, что онъ любезнѣйшій и обходительный человѣкъ“; даже самъ Собакевичъ сказалъ о немъ женѣ: „препрятный человѣкъ“. Но вѣдь это мнѣніе сихъ господъ; а вообразите, что кто-нибудь изъ нихъ зѣ сумалъ бы представить намъ характеристику Павла Ивановича, вѣдь мы бы его не узнали; а между тѣмъ предъ ними былъ тотъ оригиналь, какой и предъ Гоголемъ. Чѣмъ же, значитъ, восхищаетъ насъ Чичиковъ?—вовсе не собой, а тѣмъ, что Гоголь о немъ знаетъ, что онъ насъ заставляетъ думать о немъ, когда, поставъ насъ на почву своей авторской наблюдательности, онъ по-

вѣряетъ намъ свое отношеніе къ нему. Это авторское отношеніе къ герою сквозитъ въ каждомъ его словѣ, не покидаетъ его ни на минуту, передается намъ съ изумительной заразительностью, и въ то время, какъ все высшее общество города NN превозноситъ Чичикова до небесъ, въ каждомъ изъ этихъ восторженныхъ отзывовъ чувствуется молчаливое подмигиваніе автора къ читателю.

Почему, когда намъ понравилась книга совершенно неизвѣстнаго писателя, намъ хочется познакомиться съ другими его произведениями? Развѣ потому, что намъ понравилась именно *книжка*? Въ такомъ случаѣ намъ бы захотѣлось перечитать ту же самую, а не какую-нибудь другую. Очевидно, намъ понравился авторъ, та часть его художественной личности, которую мы усмотрѣли въ этой книгѣ, и намъ хочется чрезъ ознакомленіе съ другими яснѣе и полнѣе представить себѣ его художественный обликъ; чѣмъ разностороннѣе художественная личность автора, тѣмъ больше новизны найдемъ мы въ каждомъ изъ его произведеній и тѣмъ пріятнѣе будетъ намъ въ этой новизнѣ находить уже знакомыя черты; чѣмъ личность автора одностороннѣе, тѣмъ меньшее количество его произведеній придется намъ перечитать, чтобы сразу объять ее, — и тѣмъ скучнѣе будетъ намъ встрѣчаться съ знакомыми чертами ¹⁾.

Изъ сказаннаго ясно, что испытываетъ полное, высшее литературно-художественное наслажденіе только тотъ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ авторомъ; а тотъ, кто за карикатурною фигурой Донъ-Кихота или за нѣжнымъ обликомъ Татьяны не видитъ Сервантеса и Пушкина, мощной силой отвлеченія создавшихъ образы, не существующіе въ жизни, но жизнью подсказанные, кто не чувствуетъ ихъ личнаго отношенія къ своимъ созданіямъ, — тотъ опускаетъ завѣсу предъ всѣмъ, что составляетъ внутренне-художественную сущность произведенія, а не его случайную внѣшнейшей оболочку.

О сознательно-художественномъ наслажденіи музыкой мы говорили и возвращаться къ нему не будемъ, такъ какъ изслѣдованіе проявленія музыкальной личности въ музыкальномъ произведеніи завлекло бы насъ въ слишкомъ спеціальныя вопросы.

Намъ остается еще сказать два слова о художественномъ наслажденіи въ тѣхъ случаяхъ, когда искусство для своего проявленія требуетъ исполнителя (исполнитель-музыкантъ, актеръ). Здѣ

¹⁾ Типическіе представители перваго рода: Данте, Гёте, Пушкинъ; примѣръ второго — симпатичный въ своей однообразной печали новій французскій академикъ, Пьеръ Лоти. Въ нашей литературѣ это типъ довольно рѣдкій; можно, пожалуй, назвать, для примѣра, поэзію Надсона.

процесс наслаждения усложняется вмѣшательствомъ третьей личности, служащей посредникомъ между воспринимателемъ и авторомъ; мы въ этихъ случаяхъ отдаемъ себя въ распоряженіе исполнителя, роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы поставить насъ въ соприкосновеніе съ личностью автора, воспринятой и претворенной въ его личности; и чѣмъ сильнѣе и индивидуальнѣе будетъ его талантъ, тѣмъ ближе подведетъ онъ насъ къ таланту автора; проявленіе его индивидуальности никогда не воспрепятствуетъ намъ оцѣнить индивидуальность автора; напротивъ, чѣмъ крупнѣе встанетъ между нами и Шекспиромъ личность исполнителя, тѣмъ вмѣстѣ она будетъ и прозрачнѣе, и тѣмъ легче мы связовъ актера ощутимъ личность драматурга; и наоборотъ, чѣмъ безцвѣтнѣе талантъ актера, тѣмъ слабѣе мы соприкоснемся съ авторомъ: безлиціе исполнителя ложится непроницаемой средой между авторомъ и зрителемъ. И здѣсь, слѣдовательно, насъ интересуетъ личное отношеніе артиста къ исполняемому произведенію, то, что онъ о немъ думаетъ, и какъ онъ насъ хочетъ заставить думать о немъ. Понятно, почему шарманка не можетъ дать художественнаго наслажденія: она не имѣетъ никакого мнѣнія о звукахъ, которые издаетъ, она ихъ не понимаетъ, она безлична, и потому самъ авторъ, исполняемый ею, въ нашихъ глазахъ обезличенъ.

Еще одно замѣчаніе о наслажденіи самого исполнителя. Если напряженность наслажденія зависитъ, какъ мы сказали выше, отъ степени нашего активнаго участія въ художественныхъ воспріятіяхъ, то понятно, что ни одинъ зритель не можетъ наслаждаться исполненіемъ роли настолько, насколько имъ наслаждается самъ исполнитель; какъ бы активно зритель ни участвовалъ въ томъ, что происходитъ на сценѣ, онъ будетъ участвовать не всѣмъ своимъ существомъ; актеръ же, — если только онъ увлеченъ своимъ дѣломъ, а не играетъ по одной привычкѣ, — и нравственно, и физически участвуетъ въ художественномъ произведеніи. Актеръ соприкасается съ личностью автора, но онъ соприкасается и со своей собственной личностью въ созданномъ имъ образѣ; онъ чувствуетъ на себѣ прикосновеніе сотенъ личностей зрителей, и его стремленіе — собрать эти сотни индивидуумовъ, сплотить ихъ въ одну нераздѣльную единицу и заставить ее отождествиться съ своей личностью, чтобы вмѣстѣ съ нею слиться въ одномъ общемъ чувствѣ прѣ личность автора. Для полноты впечатлѣнія драматическаго представленія необходимо присутствіе каждаго изъ этихъ элементовъ. Плохая пьеса, хорошо сыгранная, не удовлетворяетъ, потому что личности автора нѣтъ, а для актера нѣтъ худшаго

наказанія, какъ играть предъ несвѣдущей толпой, потому что онъ не чувствуетъ личности зрителя. Понятно, что мы говоримъ только о сознательномъ актерѣ: актеръ, который увлекается до самозабвенія, конечно, теряетъ всякую возможность наслаждаться; отождествляясь со страданіемъ онъ самъ страдаетъ, и здѣсь только одинъ шагъ къ тому, чтобы зрителю внушить отвращеніе! Больной внушаетъ состраданіе только въ жизни, и если мы увидимъ истинно больного на сценѣ, то намъ будетъ противно — не онъ противенъ, а мы сами себѣ; противно, что мы сидимъ и смотримъ на него, въ то время, какъ онъ страдаетъ. Актеръ, который позволить своему „я“ заразиться страстью своего героя, рискуетъ вытолкнуть зрителя изъ художественнаго настроенія, — совершенно какъ если бы машинистъ, изображающій пожаръ на сценѣ, допустилъ, чтобы декорации дѣйствительно загорѣлись. — Мы нѣсколько ушли въ сторону, но намъ хотѣлось въ послѣдній разъ подчеркнуть необходимость сознательнаго элемента какъ въ творчествѣ, такъ и въ наслажденіи.

Укажемъ здѣсь на одну отличительную черту этихъ исполнительныхъ искусствъ (*arts exécutifs*), такъ какъ ею объясняются нѣкоторыя особенности, характеризующія художественное наслажденіе, когда оно вызвано исполненіемъ. Музыкальное и драматическое исполненіе, ораторство, — сюда же можно отнести и хореографію, — имѣютъ ту особенность предъ другими искусствами, что они могутъ дѣйствовать на толпу. Предъ картиной, напр., толпа есть лишь совокупность личностей, находящихся подъ разнородными личными впечатлѣніями; то же самое, если представимъ себѣ въ читальной залѣ толпу, погруженную въ молчаливое чтеніе какаго-нибудь одного произведенія; въ театральной же залѣ толпа является художественной единицей, увлеченной въ общемъ однородномъ настроеніи. Что же такое исполненіе? — это вмѣшательство въ произведеніе искусства *живого* человѣка съ его физическими средствами. Мы должны заключить изъ этого, что если всѣ прочія искусства производятъ на людей единичное разнородное впечатлѣніе, потому что задѣваютъ индивидуальныя струны каждаго, то исполнительныя искусства потому производятъ общее однородное впечатлѣніе, что задѣваютъ струны, которыя общи всѣмъ людямъ, — и таковою является прежде всего ихъ жизненность.

Наслажденіе виртуозностью состоитъ, значить, въ соприсновеніи двухъ художественныхъ личностей на почвѣ общности физическихъ средствъ; и мы замѣчаемъ, что чѣмъ мельче сощужаніе и чѣмъ доступнѣе средства исполненія, тѣмъ шире кѣтъ

лицъ, охваченныхъ общностью настроенія. Уменьшайте понемногу содержаніе драматическаго искусства—сейчасъ станетъ возрастать число способныхъ восхищаться. Пантомима соединить въ одномъ общемъ настроенія несравненно большую толпу, чѣмъ драма, а балетъ, который представляетъ одно только исполненіе безъ содержанія, и въ которомъ личности исполнителя не надъ чѣмъ работать, потому что личности автора нѣтъ,—доступенъ рѣшительно всякому.

То же самое слѣдуетъ сказать относительно средствъ исполненія: чѣмъ менѣе они доступны, тѣмъ малочисленнѣе способные наслаждаться—и наоборотъ. Музыкантъ въ концертѣ дѣйствуетъ своими личными и весьма трудно достижимыми средствами; актеръ дѣйствуетъ общечеловѣческими средствами—голосомъ, мимикой и т. д.; и мы видимъ, что наслажденіе драматическимъ искусствомъ имѣетъ больше adeptовъ, чѣмъ наслажденіе музыкальнымъ исполненіемъ. Понижая доступность средствъ, мы, наконецъ, выйдемъ изъ предѣловъ искусства и придемъ къ акробатству, средства котораго—мускулатура, достояніе всякаго человѣка, а содержаніе—усовершенствованіе кувырванья, способностью въ которомъ также одаренъ всякій; и мы видимъ, что акробатствомъ можетъ восхищаться какъ тотъ, кто ничѣмъ инымъ восхищаться неспособенъ, такъ и тотъ, кто восхищается Шекспиромъ.

Представьте себѣ художественно-развитаго человѣка, сидящаго въ обширномъ народномъ театрѣ, и представьте, что предъ нимъ происходитъ зрѣлище, которое, начавшись съ какой-нибудь потрясающей сцены Шекспира, чрезъ постепенное исчезновеніе авторской личности и послѣдовательную популяризацію средствъ исполненія, заканчивается акробатскимъ кувырваньемъ. Его художественное настроеніе, которое сперва захватило всю глубину его художественной личности, будетъ понемногу мельчать, но тутъ же онъ замѣтитъ, что его убыль сказалась прибылью на нѣсколькихъ сосѣдяхъ; число дрожащихъ въ немъ индивидуальныхъ струнъ будетъ уменьшаться, но въ то же время въ толпѣ онъ услышитъ отзвуки на другія, менѣе индивидуальные, свои струны, и когда во всей его личности останется одна только дрожащая струна, онъ увидитъ, что вся толпа звучитъ съ нимъ въ унисонъ. Такимъ образомъ, исчезновеніе индивидуальностей автора и исполнителя сглаживаетъ индивидуальный характеръ наслажденія, по брѣ того какъ личность воспринимателя поглощается толпой. Отсюда въ примѣненіи къ художественному наслажденію толпы можемъ вывести слѣдующую формулу: объемъ художественной единицы обратно пропорціоналенъ степени ея индивидуальности.

Мы прослѣдили процессъ наслажденія красотой чрезъ всѣ области искусства, наслажденіе же красотою въ природѣ собственно не входитъ въ нашу программу; но въ предупрежденіе весьма естественнаго вопроса, который можетъ быть намъ поставленъ: „какая же разница воспріятія красоты въ природѣ и красоты художественной?“ — мы скажемъ, что и здѣсь процессъ наслажденія состоитъ въ соприкосновеніи съ личностью, только не съ чужою личностью, но съ нашей собственной. Любуясь пейзажемъ, мы окрашиваемъ его своимъ настроеніемъ, населяемъ своей личностью и съ этой личностью соприкасаемся; этимъ объясняется, почему тотъ же самый восходъ солнца на одного можетъ произвести впечатлѣніе, а на другого — нѣтъ; эстетическая цѣнность его — въ насъ самихъ, и въ этомъ смыслѣ всякій восхищающійся зарею уже повинуетъ побужденіямъ художественнаго творчества. Точно также, если мы, встрѣтившись въ жизни, а не въ книгѣ, съ такимъ типомъ, какъ Коробочка, будемъ ею любоваться, вмѣсто того, чтобы возмущаться ея тупоуміемъ, какъ возмущался Чичиковъ, мы будемъ стоять уже не на жизненной, а на художественной почвѣ, и прикасаться къ нижней ступени той лѣстницы, вверху которой сіяетъ имя Гоголя. Но Коробочки въ жизни нѣтъ, и мы, встрѣчаясь съ ея блѣдными оригиналами, никогда бы ея не увидали; Гоголь же прозрѣлъ ее, выразилъ и показалъ намъ. Вотъ то различіе активно-художественныхъ способностей, которое опредѣляетъ мѣсто того или другого въ іерархіи художественнаго творчества.

Итакъ, нами разобрана вся гамма художественныхъ наслажденій. Изъ всего, что намъ удалось выяснитъ, выведемъ теперь окончательное опредѣленіе какъ наслажденія, такъ и творчества.

Художественное наслажденіе есть результатъ развитія сознательно-активныхъ способностей художественной личности, направленнаго на отысканіе въ произведеніи индивидуальныя черты другой художественной личности, съ цѣлью стать съ ней въ возможно близкое и полное соприкосновеніе.

Художественное творчество есть результатъ развитія сознательно-активныхъ способностей художественной личности, направленнаго на выраженіе въ произведеніи своей индивидуальности, съ цѣлью найти въ соприкосновеніи съ нею возможно полное удовлетвореніе.

Вотъ то движеніе нашего духа, которымъ человѣчество охвачено во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія. повинувъяся которому, оно вызвало къ существованію и противоп

ставило природѣ этотъ удивительный, безъ человѣка не существующій, міръ искусства. Единственная цѣль человѣчества въ искусствѣ — выразить себя, воплотить и вызвать къ объективной жизни, чтобы спасти отъ забвенія субъективной стороны своего существа, совершить актъ духовнаго творчества въ отличіе отъ физическаго воспроизведенія. Единственное назначеніе искусства — *заставить полюбить искусство*. Намъ возражать, что цѣль искусства — заставить полюбить человѣка; — нѣтъ, это не цѣль его, а одинъ изъ результатовъ; любовь къ себѣ — вотъ зерно, которое искусство посѣваетъ; а чѣмъ оно взойдетъ, это уже зависитъ отъ личной природы каждаго, и однообразіе жатвы не можетъ быть предметомъ заботы искусства. Намъ опять возражать, что это — приниженіе искусства, низведеніе его на степень безцѣльнаго баловства; а мы скажемъ, что духовная радость и упоеніе — далеко не баловство; что возможность созиданія такой области, въ которой человѣкъ находитъ то и другое, хотя бы цѣною временнаго выхода изъ дѣйствительности, есть даръ священный, и работа на этомъ пути — одинъ изъ видовъ человѣческаго долга, а не праздная забава.

Кн. Сергѣй Волконскій.

ИРАНСКІЕ ИСТОЧНИКИ РУССКОЙ БЫЛИНЫ

— *Всеволода Миллера. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. I—VIII. Москва, 1892.*

Въ предисловіи г. Миллеръ такъ изображаетъ положеніе вопроса о нашемъ народномъ эпосѣ:

„Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной рuinѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византійская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, то деревянная крестьянская влѣтъ, а въ тайникахъ онъ въ изумленіи находитъ цѣлый складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли греческой, и щалица боевая въ 90 пудъ, и восточный буюкъ, и гусли яворотня, и трубки нѣмецкія и т. п. Какое необозримое поле для изслѣдованій представляетъ эта удивительная постройка! Когда она была открыта, цѣлое поколѣніе изслѣдователей еще бродило подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія: оно было поразитель-

Мысль невольно окрылялась, хотѣлось скорѣй найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы объять все зданіе однимъ взоромъ, сразу понять его планъ, уяснить его происхожденіе. Это поколѣніе старалось отгадать идею строителей, не пускаясь пока въ слишкомъ пристальное изученіе частностей, и, какъ всегда бываетъ при началѣ разработки новаго матеріала, объясненія были слишкомъ поспѣшны, широки и вмѣстѣ односторонни. Наиболѣе прочнымъ въ работахъ перваго поколѣнія осталось указаніе тѣхъ слѣдовъ исторіи, которые доселѣ сохранились въ нашемъ быломъ эпосѣ, хотя и здѣсь встрѣчались увлеченія. Нашему поколѣнію предстояло приступить къ изученію деталей и въ этомъ направленіи кое-что уже сдѣлано. Но нельзя думать, что главная работа уже окончена; она только-что начата, и еще не одно поколѣніе будетъ работать надъ тѣми же вопросами, на которые наше старается дать посильный отвѣтъ. Впрочемъ, при томъ интересѣ, который не изсякаетъ къ изслѣдованію русскаго эпоса, этого драгоценнѣйшаго народнаго достоянія, можно надѣяться, что уже ближайшему поколѣнію изслѣдователей удастся уяснить многое изъ того, чтѣ для насъ представляется загадочнымъ“.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ былины стали предметомъ изслѣдованія, для ихъ объясненія построено было длинный рядъ теорій, которыя старались угадать смыслъ этого явленія и опредѣлить его историко-литературное значеніе. Понятно, что каждая теорія стояла въ связи съ господствующимъ характеромъ научно-литературныхъ понятій; до тѣхъ поръ, пока къ нашему народному эпосу стали примѣняться спеціальныя приемы историко-филологической науки, эти прежнія объясненія остались почти или совсѣмъ бесплодны для объясненія дѣла и могутъ имѣть теперь только интересъ образчика старыхъ литературныхъ идей. Такъ нѣкогда объясняли былины издатель сборника Кирши Данилова, Калайдовичъ, которому онѣ представлялись, немного съ псевдо-классической точки зрѣнія, какъ „древнія російскія *стихотворенія*“; въ крайне туманномъ народническомъ духѣ понималъ ихъ Сахаровъ; какъ литературное свидѣтельство народныхъ понятій давно пережитой исторической эпохи объясняли ихъ Катковъ и Бѣлинскій. Первое болѣе ясное представленіе о былинахъ къ народному эпосѣ является у Надеждина, и въ то же время въ первые къ объясненію эпоса примѣнена была Буслаевымъ и Анасьевымъ теорія Гримма, доведенная до послѣдней крайности Ор. Миллеромъ; въ славянофильскомъ кружкѣ эпосъ получилъ національно-мистическое толкованіе у К. Аксакова, которое

затѣмъ, отчасти съ приложеніемъ мнимаго „сравнительнаго метода“, доведено до каррикатурности г. Безсоновымъ.

Наиболѣе пристальныя изслѣдованія нашего народнаго эпоса начинаются съ тѣхъ поръ, какъ новые богатые памятники его были собраны изъ народныхъ устъ достопамятными трудами Рыбникова и Гильфердинга. Вновь открытые запасы національнаго эпоса, живущаго по сію минуту въ памяти народа, были такъ необычайно велики, что въ нихъ являлось и новое возбужденіе къ научному изслѣдованію, и богатый для него матеріалъ. Въ то же время въ наукѣ западной исключительность теоріи Гримма была частію смягчена, частію вытѣснена новымъ сравнительнымъ приѣмомъ изученія, и при немъ вопросъ представился съ такими чертами, которыя въ немъ совсѣмъ не подозрѣвались и которыя раскрывали былинѣ въ дѣйствительномъ историческомъ свѣтѣ. Таковы были изслѣдованія А. Н. Веселовскаго, В. В. Стасова, Всев. Миллера, Жданова, Кирпичникова, Дашкевича, Халанскаго, Мочульскаго и др. Съ гораздо большею точностью, чѣмъ прежде, отмѣчены были въ былинахъ ихъ историческія черты и подробности, съ замѣчательнымъ богатствомъ сравненій указаны въ ихъ содержаніи аналогіи съ эпическими сказаніями другихъ народовъ, средневѣковаго запада и востока; эти аналогіи разъяснили не мало подробностей былинны, которыя хранились изстари въ ея текстѣ, повторялись какъ условная формула, но смыслъ которыхъ затемнялся отдаленностью временъ и быта, — теперь, освѣщенные сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ, онѣ рисуютъ намъ старыя мѣта и повѣрье, обычай, старыя международныя связи, забытыя историческія отношенія и т. д.

Когда еще только начинались сравнительно-историческія изслѣдованія, устранившія, наконецъ, миеологическое толкованіе древняго нашего эпоса, между прочимъ былъ выставленъ своеобразный взглядъ, объяснявшій нашу старую былинѣ какъ заимствованіе съ востока, и въ особенности тюркскаго востока. Это сдѣлано было въ извѣстномъ изслѣдованіи В. В. Стасова о „Происхожденіи русскихъ былинъ“ ¹⁾. При своемъ появленіи оно вызвало цѣлую бурю негодованія со стороны приверженцевъ миеологическаго и національно-мистическаго толкованія былинны: оно казалось ни болѣе ни менѣе какъ профанаціей русской народной поэзіи, и чуть не самаго достоинства русскаго народа. Изслѣдованіе могло имѣть свои слабыя стороны: какъ бываетъ нерѣдко съ новыми теоріями, эта теорія была высказана, быть можетъ, съ са- ю

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1868.

рѣзкою исключительностью; но она далеко не была лишена доказательствъ, — напротивъ, авторъ собралъ даже слишкомъ много доказательствъ, въ видѣ множества сравненій между русскими былинами и восточными, особливо тюркскими, эпическими сказаніями, — но сравненія иногда могли показаться преувеличенными, а потому поддавались опроверженію; наконецъ, какъ дальше увидимъ, не былъ достаточно выясненъ тотъ путь, которымъ могло совершиться заимствованіе восточныхъ сюжетовъ и подробностей, открытое авторомъ въ нашей былинѣ.

Теорія В. В. Стасова была изложена въ столь обычной у автора настойчиво полемической формѣ. Въ ту минуту теорія не имѣла успѣха, хотя несомнѣнно имѣла тотъ весьма важный результатъ, что прежнія міеологическія и мистическія толкованія были сильно дискредитированы и, наконецъ, совсѣмъ исчезли изъ науки, когда вслѣдъ за восточной теоріей В. В. Стасова начали появляться труды новой сравнительно-исторической школы.

Въ послѣдніе годы, однако, восточная теорія стала возрождаться въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ, которые были приведены къ ней изъ другой области изученій. Таковы труды г. Всева. Миллера и Г. Н. Потанина. Первый, — нѣкогда самъ выступавшій противникомъ ученія В. В. Стасова, — давно уже занявъ этнографическими изслѣдованіями кавказскихъ племенъ, въ особенности осетинъ; на Кавказѣ г. Миллеръ встрѣтился съ двумя теченіями восточнаго народнаго эпоса и фольклора, именно иранскимъ и тюркскимъ, и близкое знакомство съ ними напомнило ему о русской былинѣ, для которой представились здѣсь бросающіяся въ глаза параллели. Г. Потанинъ вспомнилъ о русской былинѣ въ другой области, именно въ изученіи богатырскаго эпоса монгольскаго и тюркскаго въ Средней Азійи и Монголіи. Оба, знакомясь съ содержаніемъ восточнаго богатырскаго эпоса независимо другъ отъ друга и въ совершенно различныхъ краяхъ восточнаго міра, одинаково были поражены необычайно близкими аналогіями основныхъ темъ и подробностей въ восточныхъ сказаніяхъ и въ русскомъ эпосѣ былинъ, — аналогіями, близость и обиліе которыхъ необходимо требовали объясненія. Г. Потанинъ представилъ до сихъ поръ нѣсколько эпизодическихъ сличеній, весьма любопытныхъ; г. Вс. Миллеръ собралъ въ своей книгѣ цѣлый рядъ такихъ сближеній, которымъ, какъ это и было желательно, попробовалъ дать раціональное обобщеніе. Это обобщеніе тѣмъ интереснѣе, что другіе новѣйшіе изслѣдователи до сихъ поръ ограничивались только разработкою деталей, и хотя успѣли дать мало весьма важныхъ объясненій, къ сожалѣнію не собрали

своихъ изысканій въ общій выводъ, — вслѣдствіе чего, какъ мы имѣли случай указывать, въ популярной и учебной литературѣ до сихъ поръ можно встрѣтить давно брошенную въ науку мнѳологическую теорію былиннаго эпоса.

Прежде чѣмъ сообщить нѣсколько эпизодовъ изъ книги г. Миллера, уважемъ ту разницу, которая отдѣляетъ ее отъ прежняго изслѣдованія В. В. Стасова. Послѣднее было вызвано въ особенности явившимся въ шестидесятыхъ годахъ обширнымъ сборникомъ В. В. Радлова, гдѣ изданы были многочисленныя героическія сказанія тюркскихъ племенъ Средней Азіи и Сибири; въ этому В. В. Стасовъ присоединилъ нѣкоторыя сличенія изъ другихъ литературъ востока, восходя даже до санскрита. Но читатель, а также критикъ, оставался въ неизвѣстности: какимъ же путемъ пришли къ намъ эти восточныя сюжеты, составившіе, по мнѣнію В. В. Стасова, главнѣйшій, чуть не единственный источникъ и образецъ для нашей старѣйшей былины? Правда, въ заключеніи своей работы В. В. Стасовъ далъ въ немногихъ словахъ отвѣтъ на этотъ естественно рождавшійся вопросъ, — но отвѣтъ могъ не всѣхъ удовлетворить ¹⁾.

Именно, В. В. Стасовъ утверждалъ слѣдующее:

Во *всѣхъ* ²⁾ нашихъ былинахъ, при встрѣчѣ одного богатыря съ другимъ или пріѣздѣ новаго лица ко двору князя Владиміра, прежде всего его спрашиваютъ: „ты коей земли, коей орды, коей *сибирской* украины?“ Богатыри, пускаясь на подвиги, *всегда* ³⁾ объявляютъ, что идутъ воевать противъ разныхъ орды, въ *сибирскія* украины, въ земли загорскія; туда же убѣгаетъ всякій побѣжденный врагъ, даже кони. „Не примѣчательно ли, — говорилъ В. В. Стасовъ, — это постоянное указаніе на Сибирь, ея загорные края и многочисленныя азіатскія орды, въ соединеніи съ поэмами и пѣснями сибирско-тюркскихъ и сибирско-монгольскихъ народовъ, съ которыми имѣютъ такое великое сходство наши былины?“

В. В. Стасовъ обращаетъ дальше вниманіе на массу археологическихъ предметовъ явно восточнаго происхожденія, которые находимы были на границахъ Сибири, и если они еще въ очень отдаленныя времена заходили въ мѣстности нашихъ восточныхъ губерній, то не было бы мудренаго, еслибы вмѣстѣ съ ними заходили въ наши сѣверные и сѣверо-восточныя края и азіатскіе рассказы, — „тамъ перелagались въ формы русскія, а потомъ распространялись отсюда и по остальной Россіи“. Самое наибольшіе

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“ 1868, іюль, стр. 340—344.

²⁾ Собственно, не во всѣхъ.

³⁾ Въ дѣйствительности, не всегда.

количество лучших былинъ собрано въ сѣверныхъ губерніяхъ нашихъ. Новгородская колонизація на сѣверъ и востокъ и выселеніе изъ новгородской области въ разные края русскаго государства должны были разнести сложившіяся въ сѣверной Россіи былины — по всему государству нашему“.

Новгородская отрасль великорусскаго племени была, по мнѣнію автора, самая талантливая; неудивительно, что она и переложила въ русскія формы азіатскія поэмы. Что при этомъ азіатскіе разказы были приурочены къ князю Владиміру и кievской эпохѣ, это объясняется очень просто — по обычаю людей, и самыхъ народовъ, относить все лучшее въ золотой вѣкъ давнопрошедшихъ временъ: личность Владиміра была такъ знаменита, что заняла мѣсто даже въ сказаніяхъ нашихъ чужеземныхъ сосѣдей — въ сагахъ скандинавскихъ, пѣсняхъ германскихъ и хроникахъ византійскихъ, и естественно, что въ русской былинѣ она могла послужить для того, чтобы выразить собою всѣхъ неизвѣстныхъ царей и хановъ, о которыхъ говорили восточныя легенды.

Относительно времени, когда могло совершиться это перенесеніе восточныхъ поэмъ на русскую почву, В. В. Стасовъ полагалъ, что это не могло произойти въ древнюю эпоху, напр. съ конца VII-го вѣка до второй половины XI-го, потому что въ такомъ случаѣ эти сюжеты проникли бы также къ южнымъ славянскимъ и другимъ чужеземнымъ народамъ, съ которыми русскіе были тогда въ тѣсныхъ сношеніяхъ; но этого не случилось. Итакъ, они явились къ намъ тогда, когда (уже въ болѣе позднее время) этихъ тѣсныхъ сношеній уже не существовало. Во-вторыхъ, при гипотезѣ объ этой древней эпохѣ, наши былины отражали бы непременно черты мусульманства, а наши былины, по мнѣнію В. В. Стасова, „имѣютъ преимущественно колоритъ буддійскій, или же языческій“, а это объясняется тѣмъ, что буддійцами или язычниками были тѣ монгольскія и татарскія племена, которыя нахлынули на Россію съ XIII-го вѣка. Въ-третьихъ, при той же гипотезѣ, въ нашей былинѣ явилось бы много элементовъ финскихъ, — а ихъ нѣтъ. Такимъ образомъ, перенесеніе восточныхъ сюжетовъ въ русскую былинѣ должно относиться къ эпохѣ съ XIII-го вѣка, эпохѣ татарскаго нашествія и послѣдовавшихъ тѣсныхъ связей съ монголо-тюркскимъ востокомъ. „Богатырь русскихъ былинъ ни въ чемъ не похожъ на богатыря финскаго, скандинавскаго и германскаго эпоса, цѣлыя пропасти раздѣляютъ тѣхъ и другихъ, а между тѣмъ никакихъ подобныхъ пропастей не существуетъ между богатыремъ русской былины и богатырями монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ: напротивъ, точки сопри-

косновенія и величайшаго сходства, даже тождества, бросаются въ глаза на каждомъ шагѣ. Все это вмѣстѣ, кажется мнѣ, показываетъ довольно ясно, что матеріалъ для нашихъ былинъ пришелъ къ намъ съ Востока не въ раннюю, а довольно позднюю эпоху“.

Такова была теорія. Какъ бы ни была она недостаточна, она въ свое время была большимъ прогрессомъ въ объясненіи вопроса: достаточно сопоставить ее съ мифологическими объясненіями, гдѣ, напр., Ор. Миллеръ объяснялъ Илью Муромца тучами и молніями, или національно-мистическими, гдѣ г. Безсоновъ дѣлалъ былинѹ настоящимъ апокалипсисомъ и писалъ вещи совсѣмъ непостижимыя, — чтобы оцѣнить разысканія В. В. Стасова, который, при всѣхъ ошибкахъ, ставилъ предметъ на почву реального изслѣдованія, и затѣмъ эта почва становилась уже обязательной для дальнѣйшихъ изслѣдователей. Это было не мало. Самая теорія, однако, съ собственной точки зрѣнія ея автора, оставляла слишкомъ многое необъясненнымъ: не говоря о томъ, что многія параллели были натянуты и восточнымъ считалось даже то, что могло быть самымъ русскимъ, построеніе былинны на чисто восточныхъ сюжетахъ безъ отношенія къ самой русской старинѣ представлялось дѣломъ совсѣмъ невѣроятнымъ. Какимъ образомъ народъ, по самой былинѣ очевидно способный къ поэтическому творчеству, могъ не тронуть своихъ собственныхъ сюжетовъ и наброситься только на чужеземныя темы и разрабатывать ихъ съ такою любовью? Если восточныя темы дѣйствительно присутствуютъ (въ той или другой степени) въ нашемъ эпосѣ, очевидно, что онѣ могли привиться у насъ только при наличности какого-нибудь повода, при существованіи уже значительно разившейся способности къ эпическому творчеству, наконецъ при существованіи какого-нибудь собственного богатства, — а если послѣднее существовало, то оно само не могло не найти мѣста въ народной эпической пѣснѣ, и т. д.

Дальнѣйшія работы въ области былинны и духовнаго стиха, произведенныя критиками новой школы съ г. Веселовскимъ во главѣ, открыли дѣйствительно столько новыхъ сторонъ въ древней нашей поэзіи, что исключительность теоріи г. Стасова стала бросаться въ глаза. Какъ мы упоминали, важны были въ особенности указанія на двѣ стороны древняго нашего эпоса: во-первыхъ, найдены были несомнѣнныя параллели, сближавшія на ту былинѹ уже не только съ восточными, но и съ западными и южными европейскими эпическими мотивами, и въ древней русской поэзіи раскрыто было полное соответствіе съ западной по общему

средневѣковому христіанскому міровоззрѣнію; а во-вторыхъ, въ древней былинѣ оказывались несомнѣнныя отраженія русской исторической дѣйствительности. Эти результаты были бы несравненно нагляднѣе, еслибы они были обобщены; жаль только, что этого еще не было сдѣлано.

Книга г. Всева. Миллера составляетъ тѣмъ болѣе полезное явленіе въ разработкѣ вопроса о былинѣ, что онъ именно сдѣлалъ опытъ такого обобщенія относительно восточныхъ элементовъ ея состава. Что восточные элементы присутствуютъ въ нашей былинѣ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію, и отыскивая ихъ, нужно было не только указать ихъ въ сюжетахъ и подробностяхъ, но указать, хотя бы предположительно, путь ихъ проникновенія — согласно съ условіями исторической жизни. Отсутствие послѣдняго составляло одну изъ слабѣйшихъ сторонъ въ изслѣдованіи В. В. Стасова: внимательство востока оставалось немотивированнымъ. Новый изслѣдователь старался не только отыскать параллели, но и найти тѣ условія, которыя могли способствовать усвоенію чужого сказанія въ обычномъ порядкѣ стараго быта.

Мы указывали взглядъ г. Миллера на нынѣшній составъ нашей быliny. Она кажется ему очень сложной руиной, гдѣ многое совсѣмъ разрушено, а уцѣлѣвшее представляетъ смѣшанные остатки разныхъ вѣковъ, разныхъ формъ быта и склада понятій. „Въ виду того, — говоритъ онъ въ самомъ изслѣдованіи, — что процессъ контаминаціи былинныхъ сюжетовъ и лицъ, вслѣдствіе устной передачи, продолжался нѣсколько столѣтій и продолжается въ Заонежѣ еще доселѣ, многіе сюжеты представляютъ такое множество вариантовъ, что нѣтъ возможности добратъся до *одного* основного извода, а приходится установить ихъ нѣсколько иногда два или три (ср., наприм., быliny о боѣ Ильи съ сыномъ). Сравненіе между собою дошедшихъ до насъ вариантовъ иногда не позволяетъ идти далѣе установленія такихъ двойственныхъ или тройственныхъ типовъ. Однако, не трудно убѣдиться, что и эти послѣдніе, до которыхъ мы можемъ дойти, типы нѣкогда возникли тѣмъ же путемъ контаминаціи, какъ и варианты одного и того же сюжета, но за отсутствіемъ матеріала мы не можемъ уяснить процесса контаминаціи, такъ какъ быliny, которыя ее вызвали, до насъ не дошли. Нельзя же думать, что дошедшія до насъ и данныя быliny представляютъ *весь* древнерусскій былинный пертуаръ. Напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь послѣдніе (лишь) остатки древняго богатства былевой повѣи“ ¹⁾.

¹⁾ Стр. 74.

При этомъ условіи слѣдуетъ, конечно, отказаться отъ мысли возстановить первобытное содержаніе нашего эпоса, что казалось такъ легко приверженцамъ мифологической школы, которые безъ особенныхъ затрудненій видѣли въ герояхъ кievскаго цикла переодѣтыя божества славяно-русскаго Олимпа, а въ такъ называемыхъ „старшихъ богатыряхъ“ — настоящую космогонію. Остается объяснить, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшіе остатки древняго эпоса. Г. Миллеръ предпринялъ освѣтить въ нихъ слѣды восточныхъ вліяній.

Заканчивая свои статьи о происхожденіи русскихъ былинъ, г. Стасовъ выражалъ сожалѣніе, что наши ориенталисты до сихъ поръ не обратили вниманія на эту сторону русско-восточныхъ отношеній. Дѣйствительно, большинство изъ нихъ даже не подозрѣвало возможности вопроса о международныхъ поэтическихъ связяхъ востока съ древнею Русью: тѣсные спеціалисты, они въ большинствѣ, лишь съ нѣкоторыми исключеніями (и то почти не имѣвшими значенія) были совсѣмъ незнакомы съ русской поэтической стариной. Г. Миллеръ не чуждъ восточнымъ изученіямъ, и въ трудахъ его важное мѣсто заняли изслѣдованія, которые оказались весьма существенными для вопроса о древнемъ русскомъ эпосѣ. Это были его труды по изученію Кавказа: этнографическія изслѣдованія среди различныхъ кавказскихъ племенъ привели г. Миллера къ древнимъ эпохамъ исторіи этихъ племенъ, и здѣсь открылись различныя точки соприкосновенія съ нашей исторической, а наконецъ, и поэтической стариной. Извѣстно, что древняя Русь приходила въ различныя сближенія и столкновенія съ народами Кавказа; древнія русскія колоніи доходили до ближайшаго сосѣдства съ племенами сѣвернаго Кавказа, которыя также продвигались на сѣверъ гораздо дальше ихъ нынѣшнихъ границъ. Возникавшія здѣсь междуплеменные отношенія до сихъ поръ очень мало изслѣдованы; г. Миллеръ обратилъ вниманіе именно на это сосѣдство древней Руси, и въ этнографическихъ связяхъ съ нимъ нашелъ обширный матеріалъ для объясненія древняго русскаго эпоса. Кавказъ былъ съ отдаленнѣйшихъ временъ посредникомъ и путемъ между Ираномъ и землями нынѣшней южной Россіи; въ средѣ Геродотовыхъ Скивовъ были, несомнѣнно, и племена иранскія; съ древнихъ временъ и донинѣ иранскія отрасли населяютъ Кавказъ, и въ первые вѣка русской исторіи онѣ пришли въ соприкосновеніе съ русскими; затѣмъ, южно-русскія степи и до сѣвернаго Кавказа были заняты племенами тюркскаго происхождения, какъ печенѣги, торки, половцы и т. д. Извѣстны и окончныя столкновенія съ ними русскихъ князей, — столкновенія,

которыя, однако, приводили и къ мирнымъ отношеніямъ, союзничеству и даже родственнымъ связямъ князей съ половецкими ханами; извѣстно, наконецъ, что отдѣльныя кочевыя племена половцевъ осѣдали на русской землѣ и здѣсь, повидимому, сливались съ русскимъ населеніемъ.

Въ этой области междуплеменныхъ отношеній и въ этой эпохѣ г. Миллеръ видитъ почву и условія тѣхъ восточныхъ вліяній, какія онъ находитъ въ древнемъ русскомъ эпосѣ. Это—вліянія иранскія, совершавшіяся черезъ тюрское посредство; ближайшимъ образомъ—вліянія иранскихъ эпическихъ сказаній, собранныхъ въ Шахъ-намѣ. Г. Миллеръ не сомнѣвается, что нашъ былинный богатырь, Илья Муромецъ, созданъ по образцу знаменитаго иранскаго богатыря, героя Шахъ-наме, Рустема.

Порядокъ изслѣдованія г. Миллера таковъ. Онъ начинаетъ прямо съ отдѣльныхъ сличеній. Онъ останавливается прежде всего на князѣ Владимірѣ и княгинѣ Евпраксіи, для объясненія которыхъ (въ ихъ былинномъ изображеніи) не находитъ другого способа, кромѣ предположенія о заимствованіи изъ восточныхъ сказаній. Далѣе говоритъ онъ о Добрынѣ, какъ змѣборцѣ. Нѣсколько главъ посвящено господствующему герою нашей быliny: Илья и Рустемъ; поѣздки Ильи Муромца; бой отца съ сыномъ; сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ въ ея соответствіяхъ съ былинами объ Ильѣ, и замѣтки о типѣ Ильи Муромца. Последняя глава, названная „Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ“, заключаетъ обзоръ тѣхъ историческихъ и этнографическихъ условій, которыя дѣлали возможнымъ восточное вліяніе на древнюю русскую поэзію.

Князь Владиміръ, „красное солнышко“, центръ, къ которому собирались богатыри кievскаго цикла, какъ княжескій типъ давно приводилъ изслѣдователей въ недоумѣніе. Въ какомъ отношеніи находится этотъ князь быliny къ знаменитому историческому князю, котораго изображаетъ лѣтопись, и которому онъ несомнѣнно соответствуетъ, и какъ помирить качества „ласковаго“ стольнаго князя кievскаго съ тѣми чертами, которыя тутъ же въ изобиліи представляетъ былина: онъ трусливъ, грубо неблагодаренъ къ людямъ, оказывающимъ ему услуги, какъ напр. къ самому Ильѣ Муромцу, котораго онъ по капризу сажаетъ въ погреба глубокіе, потомъ унижается передъ нимъ, когда нужна его помощь, и т. д.? Припоминая того князя, какаго рисуетъ лѣтопись и который дѣйствительно давалъ бы основаніе для идеализаціи, г. Миллеръ замѣчаетъ: „Естественно, чтобы получить значеніе притягивающаго центра въ эпосѣ (какъ было напр. съ сказаніями объ Александрѣ

Маведонскомъ, Соломонѣ, Карлѣ Великомъ), такая личность съ громкимъ именемъ или, по крайней мѣрѣ, молва о ней, должна чѣмъ-нибудь поразить народное воображеніе; на пустое имя безъ содержанія не могутъ наслоятся въ теченіе многихъ вѣковъ народныя сказанія. А между тѣмъ, если мы рассмотримъ *былиннаго* Владиміра, то найдемъ въ немъ во всѣхъ главныхъ чертахъ полную безцвѣтность, полное несоотвѣтствіе съ лѣтописнымъ идеальнымъ княземъ и, естественно, впадаемъ въ недоумѣніе, почему эта низменная, нерѣдко комическая и презрѣнная фигура носитъ на себѣ славное историческое имя и притянула къ себѣ такое множество эпическихъ сказаній?¹⁾

Даже Ор. Миллеръ, такъ старательно изучавшій и такъ сентиментально толковавшій былину кievскаго цикла, не могъ найти объясненія для былиннаго князя Владиміра; ему казалось, что въ грубыхъ проявленіяхъ этого характера отразился бытъ отдаленнѣйшихъ временъ, „поры грубѣйшаго кроваваго деспотизма“, въ корыстолюбіи Владиміра — германская дружинность, въ его деспотизмѣ — „позднѣйшій государственный деспотизмъ въ духѣ Ивана Грознаго“ и т. п.; но вообще, „при настоящемъ положеніи науки“, онъ отказывался дать полное объясненіе этого страннаго типа. По словамъ Гильфердинга, сами пѣвцы былинь чувствовали, что въ изображеніи князя, — который признается святымъ, — что-то неладно: „пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, они просили не взыскать, — потому-де мы сами знаемъ, что нехорошо такъ говорить про святаго, да что дѣлать? Такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились“.

„Спрашивается, — говоритъ г. Вс. Миллеръ: — неужели въ этомъ князѣ, трусливомъ, коварномъ, иногда жадномъ, заискивающимъ передъ Ильей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, унижающемся предъ нимъ, — въ князѣ, котораго богатыри называютъ „собакой“, „сводникомъ“, „дурнемъ“, Соловей-разбойникъ — „воромъ“, котораго Илья грозитъ смѣстить и убить, можно видѣть отголоски историческаго Владиміра, исваженные позднѣйшими, однако, національно-историческими наслоеніями?“ Хотя бы и предположить, что на старый типъ легли позднѣйшія черты, напр. жестокости и самодурства Грознаго, то и это не объясняло бы былиннаго Владиміра, такъ какъ нигдѣ въ пѣсняхъ о самомъ Грозномъ нѣтъ такого презрительнаго къ нему отношенія, и вообще не въ духѣ народа такое отношеніе къ державной власти. „Всѣ эти чер

¹⁾ Стр. 6.

(былиннаго Владиміра),—продолжаетъ г. Миллеръ,—по нашему убѣжденію должны быть навѣяны извнѣ, должны быть занесены съ востока, изъ области *сказочныхъ* царей-деспотовъ и трусовъ, и не могли органически возникнуть на русской почвѣ, какъ эпическіе отголоски личности какихъ-нибудь *историческихъ* русскихъ властителей. Для объясненія нѣкоторыхъ и притомъ существенныхъ сторонъ характера былевого Владиміра мы исходимъ изъ предположенія, что на него отложились нѣкоторыя черты того типа „эпическаго“ или „сказочнаго“ царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема“.

Ставя такимъ образомъ прямое предположеніе о заимствованіи, авторъ разумѣетъ при этомъ не знаменитую поэму Фирдоуси, рассказывающую о подвигахъ Рустема, о царѣ Кейкаусѣ и т. д., а тѣ народныя сказанія, которыя составили содержаніе этой сборной, эклектической поэмы, и именно только остовы сюжетовъ, какъ они переходили, напр., въ кавказскія эпическія сказанія, притомъ остовы, прошедшіе черезъ рядъ передѣлокъ и видоизмѣненій, какъ въ промежуточной тюркской средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ влияніемъ національной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпоса.

Сличая подробно типы князя Владиміра въ былинѣ и царя Кейкауса въ иранскихъ сказаніяхъ, и ихъ отношеніе—одного къ Ильѣ Муромцу, другого къ Рустему, главнѣйшимъ богатырямъ эпоса русскаго и иранскаго, авторъ приходитъ къ заключенію, что они находятся въ несомнѣнномъ родствѣ подражанія и образца, передѣлки и оригинала,—какъ рядомъ съ тѣмъ развратная княгиня Евпраксія имѣетъ себѣ параллель, если не въ подробностяхъ разсказа, то въ общемъ типѣ, въ иранской царицѣ Судабѣ. Всѣ тѣ непривлекательныя черты трусости, ксварства, неблагодарности, жестокости и пр., которыя такъ непоятны въ былинномъ князѣ Владимірѣ по сравненію съ историческимъ, находятся въ иранскомъ царѣ, какъ возвышенный, безкорыстный, великодушный характеръ старѣйшаго кіевскаго богатыря встрѣчаетъ свой прототипъ въ Рустемѣ.

„Много вѣковъ тому назадъ,—говоритъ г. Миллеръ,—въ периодъ образованія Владимірова цикла, существовали въ южной Россіи эпическія сказанія съ сюжетами, сохранившимися въ значительной свѣжести нѣкоторые *наиболѣе популярныя* иранскіе эпическіе мотивы. Эти иранскіе сюжеты вошли въ русскія эпическія сказанія, конечно, не непосредственно, а пройдя предварительно изъ инородческую (тюркскую, половецкую) среду, подобно тому,

какъ отголоски „Рустеміады“ мы находимъ еще доселѣ въ болѣе яркихъ слѣдахъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ. Въ числѣ иранскихъ сказаній, выпедшихъ далеко за предѣлы Персіи, главное мѣсто занимали нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Рустема, до сихъ поръ популярнаго на Кавказѣ и въ Средней Азіи. Этотъ типъ благороднаго и уже стараго богатыря привился у разныхъ племенъ, получая свою національную окраску и становясь, наконецъ, какъ бы туземнымъ героемъ. Подобнымъ образомъ онъ усвоился у кочевниковъ южно-русскихъ степей, и отсюда нѣкоторые сюжеты его исторіи проникли въ южно-русскій народный эпосъ, и извѣстныя черты тюркскаго типа Рустема наклонили на главнаго русскаго богатыря, ставшаго народнымъ идеаломъ, такъ какъ удовлетворяли понятіямъ и вкусамъ престолярной среды, въ которой развивался нашъ богатырскій эпосъ. Всѣ тѣ возвышенныя качества, какими отличался иранскій герой, русскій народъ желалъ видѣть и въ своемъ богатырѣ, и, наконецъ, вмѣстѣ съ центральной личностью богатыря перешли въ русскій эпосъ и другія лица иранскихъ сказаній, отбѣившія его обликъ, какъ напр. царь Кейкаусъ: черты послѣдняго перешли на князя Владиміра и сообщили ему тотъ странный и отталкивающій характеръ, въ которомъ неповиненъ Владиміръ историческій.

Трактатъ о Добрынѣ, какъ змѣборецъ, не касается иранскихъ сказаній: г. Миллеръ, оставаясь въ кругу нашей былины, старается объяснить, какимъ образомъ мотивъ змѣборства присталъ къ имени историческаго Добрыни, дяди князя Владиміра. Самый мотивъ змѣборства имѣетъ всемірное распространеніе въ народной поэзіи: не мудрено, что онъ встрѣтился и въ нашей, — но г. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что для усвоенія его именно Добрынѣ должно было все-таки быть какое-нибудь основаніе. „Мы считаемъ, — говоритъ онъ, — далеко не празднымъ вопросомъ, почему ближайшій помощникъ князя Владиміра, его лѣтописный дядя, его воспитатель и руководитель, сначала ревностный поборникъ національнаго идолослуженія, затѣмъ ревностный распространитель христіанства, получилъ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ ту же роль, кака въ духовныхъ стихахъ принадлежитъ Егорию или Ѳеодору Тирону? Присутствіе въ нашемъ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ основѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ былинъ лежали историческія факты, въ которыхъ, какъ въ эпосахъ другихъ народовъ, съ теченіемъ времени историческіе факты и лица были вытѣснены фантастическими, сказочными и лишь кое-гдѣ сохранились въ видѣ гл-

хихъ отголосковъ“¹⁾... Такимъ образомъ, если для выясненія множества былинныхъ сюжетовъ необходимо сличеніе съ поэтическими связаніями другихъ народовъ, то необходимо также разслѣдовать историческіе отголоски, которыхъ не мало сохранилось въ нашей былинѣ,—и въ настоящемъ случаѣ г. Миллеръ приходитъ къ предположенію, что змѣборство Добрыни составляетъ эпической отголосокъ народныхъ преданій о Добрынѣ историческомъ, и именно, что змѣборство есть эпическая оболочка, подъ которой скрывается дѣйствительный фактъ, затемнившійся въ народной памяти,—фактъ борьбы Добрыни противъ язычества. Указавъ въ легендѣ подобное изображеніе борьбы съ язычествомъ въ видѣ змѣборства, напр., въ самыхъ связаніяхъ о св. Георгіи или Егоріи Храбромъ, г. Миллеръ приводитъ изъ кавказскихъ преданій образчикъ того, какъ мотивъ змѣборства присоединяется къ легендѣ о несомнѣнныхъ историческихъ событіяхъ.

Главные аргументы въ подтвержденіе своего взгляда г. Миллеръ собралъ въ главахъ, посвященныхъ сравненію Ильи Муромца съ иранскимъ богатыремъ Рустемомъ. Онъ даетъ сначала общее сравненіе этихъ двухъ богатырскихъ типовъ, которые оказываются совершенно сходны, иногда почти тождественны по характеру, затѣмъ сличаетъ подробности ихъ дѣяній. Въ другомъ изслѣдованіи²⁾ г. Миллеръ указывалъ, что распространеніе иранскихъ связаній на Кавказѣ ограничивается почти только нѣкоторыми, наиболее популярными похождениями Рустема. „Воплотивъ преимущественно въ Рустемѣ идею великой національной борьбы съ Тураномъ, персидскій эпосъ, — говоритъ г. Миллеръ, — долженъ былъ поставить своего пехлевана (богатыря) на недосыгаемую высоту, сдѣлать его и физическимъ, и духовнымъ главою всѣхъ современныхъ ему богатырей Ирана“. Эта идеализація богатыря доставила Рустему великую славу на востоцѣ; связанія о немъ переходили къ другимъ народамъ, получая новую окраску, такъ что у народовъ тюркскихъ онъ дѣлается уже героемъ туранскимъ. Это распространеніе идеальнаго богатырскаго типа даетъ возможность предположить, что рассказы о немъ достигли въ кievскій періодъ нашей исторіи и на русскую почву, черезъ посредство тѣхъ тюркскихъ сосѣдей, съ которыми древняя Русь постоянно встрѣчалась и враждебно, и дружелюбно. Сличеніе даетъ въ самомъ дѣлѣ любопытные результаты:

— Рустемъ и Илья Муромецъ по физической силѣ стоятъ

¹⁾ Стр. 35—36.

²⁾ Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ, „Этнограф. Обзорніе“, кн. II, 1889.

выше всѣхъ современныхъ имъ богатырей и нерѣдко одинаковымъ образомъ доказываютъ свою силу: вырванье дерева, маханье неприятелемъ (туркомъ, татаринѣмъ), какъ оружіемъ, которымъ богатырь прокладываетъ себѣ дорогу въ толпѣ враговъ, взбрасыванье его вверхъ и т. п.

— У обоихъ сила благотворная и божественнаго происхожденія.

— У обоихъ эта сила уменьшена божествомъ, такъ какъ обременяла ихъ и землю.

— Оба отличаются продолжительностью жизни, и главные подвиги совершаютъ уже въ преклонномъ возрастѣ.

— Оба любятъ бражничать и могутъ выпить вина больше другихъ богатырей.

— Оба въ нравственныхъ качествахъ стоятъ выше другихъ богатырей, отличаясь благочестіемъ, нестяжательностью, спокойствіемъ въ сознаніи своей силы, благодушіемъ и проч.

— Оба стоятъ во главѣ другихъ богатырей, совершаютъ подвиги, отъ которыхъ другіе отказываются, являются главными оберегателями страны и ея властителя.

— Оба добродушно и безъ зависти относятся къ молодымъ богатырямъ, помогаютъ имъ совѣтомъ и дѣломъ, обучаютъ воинскимъ приемамъ, ходатайствуютъ за нихъ передъ властителями.

— Оба пользуются великимъ уваженіемъ другихъ богатырей, которые стоятъ на ихъ сторонѣ въ столкновеніяхъ ихъ съ властителями.

— Къ обоимъ властители (также сходные между собою) относятся несправедливо, подвергаютъ ихъ опалѣ, потомъ унижаются передъ ними, когда приходитъ бѣда, и въ такихъ случаяхъ оба богатыря относятся къ своимъ властителямъ съ одинаковымъ пренебреженіемъ ¹⁾.

Далѣе, въ этой и послѣдующихъ главахъ авторъ разсматриваетъ подвиги обоихъ богатырей и находитъ между ними такое же сходство. Мы не будемъ останавливаться на этихъ подробностяхъ, — это было бы дѣломъ специальной критики. Довольно сказать, что авторъ съ большимъ вниманіемъ пересматриваетъ всѣ эпизоды былины, которые могутъ быть возведены къ сказаніямъ объ иранскомъ богатырѣ; иногда, можетъ быть, онъ доказываетъ слишкомъ много, или находитъ сходства только при помощи очевидныхъ оговорокъ, дополненій и исключеній. Впрочемъ, возможны преувеличенія въ этомъ отношеніи оправдывались бы

¹⁾ Стр. 71—72.

части самымъ состояніемъ сравниваемыхъ памятниковъ. Непосредственное сравненіе невозможно: мы не имѣемъ ни русской былины XI—XII-го вѣка, ни той формы персидскихъ сказаній, въ какой онѣ могли заходить въ древнюю Русь черезъ посредство тюркскихъ сосѣдей,—въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой лишь нѣчто условное и предполагаемое. Производя свои сравненія, г. Миллеръ дѣлаетъ однажды замѣчаніе, которое должно относиться ко всей его сравнительной работѣ: „Мы разсмотрѣли (данный) детальный мотивъ, — говоритъ онъ, — только съ тою цѣлью, чтобы указать на то, какой работѣ подлежатъ отдѣльные мотивы, и оправдать сопоставленіе одиночныхъ мотивовъ иранскихъ и русскихъ, хотя бы, повидимому, другія обстоятельства, ихъ окружающія, имѣли между собою мало общаго. Если мы прибѣгаемъ въ этому сопоставленію отдѣльныхъ лоскутковъ, представляющемуся, повидимому, не вполне научнымъ, то именно въ виду того, что при устной передачѣ въ теченіе вѣковъ отдѣльные мотивы, нѣкогда принадлежавшіе одной масти, перетасовываются между собою такъ же случайно, какъ карты въ колодѣ. А такую колоду картъ нерѣдко напоминаетъ собою какая-нибудь сводная обширная русская былина“¹⁾.

Возможность перетасовки—въ теченіе многихъ вѣковъ—доказывается вполне существованіемъ въ настоящую минуту множества вариантовъ, происходившихъ, между прочимъ, отъ очевиднаго перехода отдѣльныхъ подробностей изъ одной былины въ другую, гдѣ былъ въ этому поводъ въ сходствѣ сюжетовъ и положеній. Гильфердингъ рассказываетъ, что когда онъ прослушивалъ одну и ту же былинку у одного и того же пѣвца въ другой разъ, то уже здѣсь оказывались иногда варианты: можно себя представить, какии случайностямъ подвергалась былина съ эпохи своего возникновенія, или начиная съ той формы, какую она могла имѣть въ XI—XII столѣтіи. Собственно говоря, былина, никогда не записанная, всегда была въ этомъ постоянно мѣняющемся положеніи, — такъ что надо удивляться, что въ ней сохранились и тѣ отголоски древности, какіе мы видимъ въ ней теперь. Очевидно, однако, что сохранились они уже только въ видѣ обломковъ и отрывковъ: многое исчезло совсѣмъ, многое совсѣмъ искажено—переставая быть понятнымъ, такъ что теперь только путемъ сужаго критическаго изслѣдованія можно доискиваться съ нѣкоторою вѣроятностью тѣхъ формъ былинныхъ сюжетовъ, какія могли быть въ древнюю пору нашего эпоса.

¹⁾ Стр. 77.

Съ другой стороны иранскія сказанія, съ которыми можетъ быть сближена наша былина, также непосредственно неизвѣстны. Знаменитая поэма Фирдоуси, въ которой описываются дѣянія Рустема, не есть именно народный эпосъ, а произведеніе искусственной литературы, хотя и основанное на народныхъ сказаніяхъ: персидскій поэтъ украсилъ ихъ и плодами собственной фантазіи. Такимъ образомъ, судить о томъ, что могли представлять сказанія о Рустемѣ, ходившія между тюрками южнорусскихъ степей, возможно только по персидской искусственной поэмѣ X-го вѣка или по различнымъ восточнымъ (между прочимъ, кавказскимъ) отголоскамъ сказаній о Рустемѣ, собираемымъ въ настоящее время. Понятно, что то и другое можетъ только намекать на тюркскіе пересказы, которые были возможны для XI—XIII-го вѣка, какъ сама современная русская былина есть только отдаленный намекъ на то, что могло быть въ древней.

Мы остановимся только на нѣкоторыхъ соображеніяхъ г. Миллера.

Одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ въ исторіи Ильи Муромца есть знаменитый Соловей-разбойникъ. Это странное дѣйствующее „лицо“, которое весьма положительно является въ былинѣ то птицей,—впрочемъ видимо громадной и чудовищной, не соответствующей своему названію,—то человѣкомъ, и притомъ богатыремъ,—всегда приводило изслѣдователей быliny въ большое недоумѣніе. Правда, мифологическая школа не затруднилась отыскать его стихійно-мифологическое значеніе, но его двойственность все-таки не поддавалась объясненію. Г. Ягичъ дѣлалъ смѣлое предположеніе, что въ основѣ разсказа объ этомъ сверхъестественномъ существѣ скрывается легенда о Соломонѣ, который въ средніе вѣка слылъ за великаго волшебника. Г. Миллеръ, опровергая предположенія г. Ягича, нашелъ теперь новое рѣшеніе этой загадки, правда, опять очень сложное. Онъ думаетъ, что „Соловей-разбойникъ“ заключаетъ въ себѣ дѣйствительное соединеніе двухъ существъ, или какимъ-то образомъ происшедшее смѣшеніе въ одно лицо двухъ эпическихъ мотивовъ; а именно, онъ считаетъ, что въ Соловьѣ-разбойникѣ совмѣстились, во-первыхъ, персидская чудовищная птица Симуургъ (или кавказская Пакондзи), или чудовищные „дивы“, съ которыми боролся Рустемъ, и во-вторыхъ, второстепенный богатырь, побѣжденный Рустемомъ и послѣ е у служившій ... „Если въ личности Соловья можно искать каких-нибудь историческихъ отголосковъ,—говоритъ г. Миллеръ,—о именно въ его роли разбойника, тѣмъ болѣе, что историческое разбойничество отразилось въ другомъ похожденіи Ильи — со

встрѣчѣ со станичниками, которое въ нѣкоторыхъ былинахъ связано съ плѣненіемъ Соловья въ одинъ сводный рассказъ. Намъ представляется вѣроятнымъ, что иноземный чудовищный образъ какого-то могучаго существа, залегающаго путь къ внязю и сидящаго на дубахъ (какъ „дивъ верху древа“, въ Словѣ о полку Игоревѣ), былъ, въ связи съ домашнимъ сильнымъ развитіемъ разбойничества, народомъ *осмысленъ*, какъ разбойникъ. Но, вслѣдствіе известной консервативности народа, это осмысленіе чудища какъ человѣка-разбойника, однако, не стерло другихъ чертъ чудовища, которыя по традиціи продолжали повторяться пѣвцами, и такимъ образомъ въ эпическомъ Соловьѣ получился какой-то противуестественный и противурѣчивый конгломератъ человѣчьихъ и чудовищныхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ этотъ типъ столь загадочнымъ“¹⁾. Дальше, г. Миллеръ прибавляетъ: „Всматриваясь въ Соловья-разбойника, мы замѣчаемъ въ немъ странное, противуестественное соединеніе, по крайней мѣрѣ трехъ фигуръ — *птицы*, *богатыря* и *чудовища*, слитыхъ чисто механически въ одинъ образъ, причѣмъ народная фантазія почти не сдѣлала попытки сочетать эти лица органически въ нѣчто цѣльное. Нелѣпость этого конгломерата объясняется, на нашъ взглядъ, именно тѣмъ, что былинный рассказъ о походѣ Илья съ Соловьемъ есть результатъ послѣдовательнаго искаженія, перевиранія какого-то иноземнаго болѣе полнаго рассказа, отдѣльные эпизоды котораго были съ теченіемъ времени скомканы въ одинъ, такъ что отдѣльныя черты первоначально *разныхъ* личностей чисто механически были соединены въ одной. Безъ такого предположенія невозможно объяснить сложный составъ личности Соловья. Это, дѣйствительно, фигура мозаическая и притомъ весьма неуклюжей работы, такъ какъ мозаика была механическая, соединявшая куски отъ разныхъ основныхъ рисунковъ“. Авторъ не думаетъ обвинять въ этомъ именно русскихъ пѣвцовъ и предполагаетъ, что искаженіе совершилось еще въ передаточной инстанціи: „на русской почвѣ можно замѣтить даже попытки къ осмысленію иноземнаго образа“²⁾...

Далѣе обширный трактатъ посвященъ г. Миллеромъ известному богатырскому бою отца съ сыномъ. Тема очень распространена въ народномъ эпосѣ европейскомъ и азіатскомъ: уже Ор. Миллеръ собралъ относительно этого сюжета многочисленныя параллели; г. Веселовскій также подробно изслѣдовалъ былины о боѣ Илья Муромца съ сыномъ и, сравнивая ихъ особенно съ нѣмец-

¹⁾ Стр. 102.

²⁾ Стр. 105.

кимъ сказаніемъ и Тидрексагой, находилъ въ послѣднихъ ближайшую параллель съ былиной и на ихъ основаніи опредѣлялъ между вариантами былинъ первоначальную форму русскаго сказанія. Г. Вс. Миллеръ и здѣсь стоитъ за источникъ иранскій. Оспаривая объясненія своего предшественника, онъ привлекаетъ къ сравненію кромѣ поэмы Фирдоуси существующія понынѣ кавказскія преданія, которыя были отголоскомъ древняго иранскаго эпоса, и приходитъ къ заключенію, что на наши былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ наслоились черты именно иранскія. Дѣлая этотъ выводъ, авторъ сознается, что прибѣгаетъ къ „опасной теоріи заимствованія“. „Сознавая вполне зыбкость этой почвы, мы думаемъ, однако, что теорія, дискредитированная В. В. Стасовымъ ¹⁾ и съ того времени такъ блестяще прилагаемая акад. Веселовскимъ въ обнаруженію греческихъ былинныхъ сюжетовъ, вошедшихъ въ нашъ эпосъ, имѣетъ всѣ права на вниманіе, но подѣ двумя условіями: она приложима, во-первыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемые сказанія у разныхъ народностей представляютъ слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснить эпическою случайностью, основанною на одинаковости психическихъ свойствъ людей вообще; во-вторыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого находится въ связи съ историческими данными и можетъ быть прослѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой. Думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ оба эти условія“ ²⁾.

Авторъ устраняетъ затѣмъ изъ сравненія слишкомъ далекіе варианты сказанія—вельтскій и финскій, указываетъ еще новый вариантъ иранской темы—киргизскій, и, наконецъ, собравши итоги параллелей между персидскою поэмою и русскими былинами о боѣ Ильи съ сыномъ, заключаетъ: „Эти сходныя черты, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различно комбинированы въ „Рустеміадѣ“ Фирдоуси и въ нашихъ былинахъ; но уже самое число совпадающихъ деталей (9 пунктовъ) дѣлаетъ, для насъ по крайней мѣрѣ, весьма невѣроятной мысль, что въ нашихъ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ слѣдуетъ видѣть *только* русскую самостоятельную обработку общераспространеннаго эпическаго сюжета,—обработку, независимую отъ иноземныхъ образцовъ и лишь

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ г. Миллеръ, нѣкогда самъ принимавшій участіе въ тогдашнемъ походѣ противъ г. Стасова, замѣчаетъ, что изслѣдованіе послѣдняго принесло однако хотя немногіе, но прочные научные результаты и напрасно было забывать

Стр. 13, 220—221.

²⁾ Стр. 143.

случайно совпавшую съ иранскою обработкою этого сюжета въ цѣломъ рядѣ деталей. Такая психологическая случайность для насъ гораздо менѣе вѣроятна, чѣмъ предположеніе, что на русскую обработку разсматриваемаго сюжета повліяли восточные пересказы, сводящіеся въ концѣ концовъ къ иранскимъ. Что же касается пути, по которому эти иранскіе пересказы проникли въ нашъ эпосъ, то онъ не можетъ еще быть намѣченъ съ точностью; но существованіе восточныхъ вѣв-иранскихъ пересказовъ того же сюжета (киргизскаго и кавказскихъ) и значительная близость ихъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ съ нашими не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что тотъ пересказъ, который легъ въ основаніе русскихъ былинныхъ передѣлокъ, проникъ въ нашъ эпосъ съ Востока черезъ южно-русскія степи, пройдя, вѣроятно, чрезъ турецкую среду¹⁾.

Очень любопытны далѣе соображенія г. Миллера по поводу сказки объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Какъ обстоятельно объяснилъ уже г. Стасовъ, эта сказка пришла несомнѣнно изъ персидскаго источника, именно изъ той же исторіи Рустема, откуда г. Миллеръ выводитъ и основные эпизоды былинъ объ Ильѣ Муромцѣ. Это приводитъ автора къ слѣдующимъ соображеніямъ о взаимномъ отношеніи этихъ произведеній. „Сказка о Ерусланѣ, — говоритъ г. Миллеръ, — даетъ намъ понятіе о томъ, въ какомъ, переработанномъ въ промежуточной средѣ, видѣ *могли* доходить и въ болѣе древнее время на Русь отдѣльные сюжеты изъ обширнаго цикла иранскихъ сказаній. Далѣе она показываетъ, также какъ и кавказскія народныя сказанія изъ цикла о Рустемѣ, какія именно походенія иранскаго богатыря пользовались наибольшою популярностью и широко распространялись за предѣлами Ирана. Изъ многочисленныхъ подвиговъ Рустема, приуроченныхъ въ „Книгѣ царей“ къ нѣсколькимъ царствованіямъ, въ народной памяти ослѣди преимущественно *два* сюжета: мазандеранскій походъ Рустема для освобожденія царя Кейкауса и встрѣченная здѣсь богатыремъ „застава“, и бой Рустема съ сыномъ. Изъ царей иранскихъ, современниковъ Рустема, въ народной памяти сохранился лишь Кейкаусъ, котораго герой избавляетъ отъ плѣна, хотя царь относится къ нему недружелюбно. Такимъ образомъ въ народныхъ сказаніяхъ за предѣлами Ирана личность Рустема тѣснѣйшимъ образомъ связана съ личностью Кейкауса, отношенія богатыря къ царю стали, такъ сказать, *типичны* и могли въ дальнѣйшемъ развитіи эпоса перерабатываться, осложняться въ томъ же духѣ, т.-е. въ различныхъ передѣлкахъ того же иранскаго

¹⁾ Стр. 151.

сюжета всегда богатырь оказывалъ благодѣянiя царю, но не пользовался за это его расположенiемъ. Такой характеръ получили иранскiе отголоски и въ сказкѣ о Ерусланѣ, и въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ. Несомнѣнно нельзя назвать случайнымъ, что и въ сказкѣ, и въ былинахъ мы находимъ переработку *двухъ* вышеуказанныхъ сюжетовъ „Рустемiады“: мазандеранскаго похода (соотвѣтствующаго поѣздамъ и заставамъ Ильи Муромца) и боя отца съ сыномъ. Такое совпаденiе доказываетъ весьма убѣдительно, что тотъ эпическiй матеріалъ, изъ котораго сложились разсмотрѣнныя нами похождения Ильи Муромца, пришелъ въ древнее время на Русь *приблизительно* въ томъ видѣ, въ томъ сочетанiи, въ какомъ мы его находимъ въ турецкой сказкѣ о Ерусланѣ. Въ этомъ иранскомъ матеріалѣ царь, для котораго богатырь совершалъ подвиги, носилъ типъ именно Кейкауса, такъ какъ другихъ царей иранскихъ, современниковъ Рустема, царей высшаго качества, не знали внѣ-иранскiя передѣлки „Рустемiады“, и отсюда становится понятнымъ, что, при слиянiи Рустема съ Ильей и Кейкауса съ Владимiромъ, кiевскiй князь остался не въ авантажѣ, прiобрѣтя весьма несимпатичныя свойства своего иранскаго прототипа¹⁾.

Опускаемъ другiя подробности изъ изслѣдованiй г. Миллера о связи Ильи Муромца съ иранскимъ богатыремъ, которыя будутъ весьма любопытны для критиковъ нашей быliny, и остановимся еще на тѣхъ общихъ соображенiяхъ, на которыя наводятъ эта новая точка зрѣнiя. Авторъ не беретса рѣшать вопросовъ, которые при этомъ возникаютъ, но по крайней мѣрѣ считаетъ нужнымъ поставить ихъ. Эти вопросы слѣдующiе: „Каковъ былъ основной первичный типъ Ильи Муромца? Былъ ли этотъ типъ только русскою перелицовкой иноземнаго типа Рустема, или онъ существовалъ раньше, гдѣ на него наслоились черты иноземнаго національнаго богатыря? Имѣлъ ли этотъ типъ какую-нибудь историческую подкладку, или онъ вполне идеальный? Въ какомъ отношенiи находится типъ народнаго богатыря въ библейскому имени, которое онъ носитъ? Какъ примирить крестьянское происхожденiе Ильи съ тѣмъ, что нигдѣ въ былинахъ онъ не является крестьяниномъ, а исключительно казакомъ, и притомъ старымъ“²⁾?

Въ прежнихъ мiеологическихъ толкованiяхъ эти вопросы были совершенно ясны. Илья Муромецъ — самобытное созданiе русскаго народнаго эпоса; первичная форма его была мiеологическая; € 0

¹⁾ Стр. 166—167.

²⁾ Стр. 175—176.

крестьянство есть вмѣстѣ идеализація и символъ русскаго народа и проч. Но когда ставится весьма вѣроятное предположеніе о восточномъ происхожденіи, — если не богатыря вообще, то нѣкоторыхъ изъ его главнѣйшихъ дѣяній и его богатырскаго характера, очевидно, прежнія объясненія или падаютъ совсѣмъ, или нуждаются въ большомъ измѣненіи. Г. Миллеръ сомнѣвается прежде всего, чтобы первоначально Илья былъ крестьяниномъ изъ села Карачарова, и напротивъ увѣренъ, что этотъ богатырь былъ болѣе высокаго происхожденія. „Можно сколько угодно любоваться исключительно принадлежащимъ русскому эпосу типомъ богатыря-крестьянина, стоятеля за интересы народа, нерѣдко въ оппозиціи съ княжескою властью, но трудно сказать, что Илья съ самаго начала былъ идеальнымъ представителемъ крестьянства“. Авторъ приводитъ извѣстныя указанія, что Илья является въ нѣмецкой поэмѣ XIII вѣка въ качествѣ дяди короля Орнита, а въ норвежской Тидрексагѣ братомъ Владиміра, хотя отъ наложницы, а затѣмъ въ самой былинѣ Илья нисколько не похожъ на крестьянина: свои подвиги онъ совершаетъ какъ дружинникъ князя Владиміра или какъ старый вольный казакъ, даже безъ отношенія къ Кіеву, и главное, дѣлается даже тотчасъ „старымъ казакомъ“, какъ только выходитъ изъ (мнимаго) родительскаго дома. Тѣ же былины рассказываютъ объ его богатствѣ, роскошномъ вооруженіи; самыя столкновенія его съ княземъ Владиміромъ возможны только при предположеніи, что это не простой мужикъ, только-что пришедшій изъ деревни, а какой-то важный человекъ, влияніе котораго могло вызывать зависть въ самомъ князѣ; въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ изображается съ „слугами вѣрными“ и т. д. Тѣ демократическія черты, которыя приписываются Ильѣ былинной, напр. его дружба съ „голами кабацкими“, его грубая выходка, составляютъ позднѣйшее искаженіе, когда былина окончательно перешла въ простонародную среду.

Относительно прозвища Ильи, теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что „Муромецъ“ есть эпитетъ позднѣйшій, которымъ народъ осмыслилъ старое, неизвѣстное въ сѣверной Руси имя. По разнымъ историческимъ свидѣтельствамъ, это имя было Моровлинъ, Муравленинъ, Муровецъ и т. п., и новѣйшіе изыскатели тривязываютъ это имя никакъ не къ Мурому, а къ мѣстностямъ южной Россіи съ подобными названіями. Дѣятельность Ильи Муромца, по замѣчанію г. Миллера, совершается въ особенности между Кіевомъ и Черниговомъ; въ Кіевѣ былъ великокняжескій голъ; Черниговъ до первой половины XIII вѣка, до разрушенія старыми, былъ одинъ изъ важнѣйшихъ удѣловъ. Г. Миллеръ

обращаетъ вниманіе на то, что освобожденіе Чернигова отъ вражеской рати есть именно *первый* подвигъ Ильи по выѣздѣ изъ дому, и если бы онъ отправлялся дѣйствительно изъ села Карачарова, ему пришлось бы сдѣлать большой крюкъ, чтобы попасть въ Кіеву черезъ Черниговъ, и авторъ полагаетъ, что *древній* Илья могъ выѣхать на свои подвиги изъ города *Моровска* (Моровійска), принадлежавшаго въ черниговскому княженію и, быть можетъ, оставившаго свое имя нынѣшнему селу этого названія ¹⁾. Дальнѣйшее переименованіе богатыря произошло вмѣстѣ съ колонизаціоннымъ движеніемъ сѣверскаго населенія на сѣверо-востокъ, и съ переходомъ исторической сцены въ область суздальскую, потомъ московскую: вмѣстѣ съ населеніемъ переходили на сѣверо-востокъ и южно-русскія историческія пѣсни съ богатырями кievскими, черниговскими, переяславскими, и такъ какъ городъ Моровскъ исчезъ и былъ забытъ, то Моровецъ превратился въ Муромца, и ему отыскана родина въ селѣ Карачаровѣ, муромской области.

Къ новымъ заключеніямъ пришелъ г. Миллеръ и по поводу имени богатыря. Откуда называется онъ именно Ильей? въ какомъ отношеніи стоитъ это имя къ библейскому, христіанскому Или? Исторически о богатырѣ неизвѣстно ничего. Мифологическіе толкователи объясняли дѣло такъ, что въ до-историческую эпоху богатырь, получившій потомъ это имя, былъ богъ-громовникъ, который при введеніи христіанства отождествился съ библейскимъ Ильею-пророкомъ, и отсюда это имя за Ильей Муромцемъ ²⁾. Нашъ авторъ, кажется, не счелъ даже нужнымъ припоминать это истолкованіе; онъ указываетъ, что въ народныхъ сказкахъ Илья Муромецъ смѣшивается иногда съ пророкомъ, что въ испѣленіи Ильи каліками замѣтно вліяніе агиологическихъ мотивовъ,—но замѣчаетъ, что еслибы имя народнаго богатыря не случайно было взято съ имени популярнаго святого, то въ харак-

¹⁾ Въ остерскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

²⁾ Въ книгѣ Ор. Миллера (стр. 761) читаемъ: „Кому не извѣстно, какъ свѣтлыя существа мифическія переходили не только въ различныхъ христіанскихъ святыхъ, но и въ самого Христа; съ другой стороны темныя силы мифическія переходили въ демоновъ, этимъ же послѣднимъ приписывалось, какъ извѣстно, въ первые вѣка христіанства, и даже не у одного простонародья, страстное поддерживаніе язычества, ожесточенная борьба за него со Христомъ и святыми. И у насъ мифическое чудовище, чрезъ посредствующій видъ демона, могло перейти въ представителя порядковъ языческихъ—Идолище, а торжествующій надъ нимъ свѣтозарный громовникъ, чрезъ посредствующій образъ пророка Ильи, могъ наконецъ перейти въ богатырскаго представителя свѣта въ его отвлеченномъ христіанскомъ значеніи. Все это, разумѣетъ, совершилось въ самой глубокой дали временъ“...

терѣ богатыря была бы присоединена какая-нибудь черта агіологическаго типа Ильи-пророка. Ничего такого г. Вс. Миллеръ, однако, не находитъ, и ставитъ вопросъ: было ли здѣсь дано богатырю имя, пришедшее изъ Византіи съ христіанствомъ, или имя Ильи, *вмѣстѣ съ типомъ богатыря*, зашло на Русь съ востока ¹⁾?

Одинъ вопросъ такого рода привелъ бы въ крайнее негодованіе ученыхъ міеологической школы; но г. Вс. Миллеръ, хотя и не рѣшается пока, за отсутствіемъ данныхъ, отвѣчать на него положительно, тѣмъ не менѣе считаетъ такой отвѣтъ совершенно возможнымъ. Дѣло въ томъ, что пророкъ Илья весьма популяренъ даже на мусульманскомъ востоцѣ, и его имя могло быть и тамъ прикрѣплено къ богатырскимъ личностямъ. Авторъ приводитъ примѣры, и между прочимъ указываетъ, что одинъ изъ старыхъ персидскихъ поэтовъ, предшественниковъ Фирдоуси, сообщаетъ хазарскую легенду о богатырѣ Иліасѣ. Авторъ дѣлаетъ предположеніе, что еще въ хазарамъ могла проникнуть исторія Рустема и личность богатыря могла получить библейское имя, и съ этимъ именемъ связаніе могло перейти къ тѣмъ русскимъ племенамъ, которыя нѣсколько вѣковъ были подъ хазарскимъ владычествомъ.

Соглашаясь съ тѣмъ, что Илья Муромецъ, какъ думали уже и прежніе изслѣдователи, былъ герой вполне *идеальный* и въ этомъ смыслѣ можетъ быть лицомъ болѣе историческимъ, чѣмъ множество лицъ, въ самомъ дѣлѣ дѣйствовавшихъ въ исторіи, — г. Вс. Миллеръ находитъ подтвержденіе этому и въ эпической генеалогіи богатыря. Онъ является здѣсь преемникомъ Святогора, который уже совсѣмъ не прикрѣпленъ ничѣмъ къ русской, кievской, почвѣ. „Какъ эпическій *отецъ* Ильи (который учится у него богатырскимъ приемамъ, наследуетъ его мечъ-владенецъ и часть силы), Святогоръ гораздо древнѣе, чѣмъ данный Ильѣ въ отцы на прокатъ карачаровскій крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ“, — и характерно, что изъ всѣхъ богатырей одинъ Илья вступаетъ въ сношенія съ этимъ вполне сказочнымъ богатыремъ. Изъ двухъ сказаній о происхожденіи силы Ильи Муромца (отъ каликъ или отъ дуновения Святогора) авторъ считаетъ муромское сказаніе болѣе позднимъ, такъ какъ въ немъ присутствуютъ уже черты агіологическія. „Если, такимъ образомъ, Илья, уже по происхожденію своей силы отъ великана, искони не имѣлъ никакого отношенія къ русской исторіи и даже русской почвѣ, то, во-первыхъ, становится возможнымъ предположеніе, что его первона-

¹⁾ Стр. 191.

чальный типъ не былъ самостоятельнымъ продуктомъ русскаго народнаго творчества, а лишь впоследствии обнаружился; во-вторыхъ, что этотъ богатырскій типъ вошелъ *позже* нѣкоторыхъ другихъ богатырей въ эпическій южно-русскій циклъ, напимѣръ, позже Добрыни Никитича, племянника Владиміра¹⁾.

Огмѣтивъ затѣмъ, что въ этихъ былинахъ, какъ вообще въ исторіи эпоса, дѣйствовали обыкновенно два параллельные приема — съ одной стороны „историзація“, т.-е. произвольное прикрѣпленіе къ извѣстнымъ историческимъ временамъ и лицамъ сюжетовъ чисто сказочныхъ, и съ другой стороны „поэтизація“, т.-е. превращеніе пѣсни первоначально исторической, черезъ присоединеніе вымысла, въ чисто поэтическую связку, — авторъ указываетъ, что первый изъ этихъ приемовъ игралъ значительную роль въ развитіи сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, а второй — въ исторіи многихъ другихъ богатырскихъ типовъ. Затѣмъ ему представляется вопросъ о томъ, что было началомъ нынѣшнихъ сказаній о богатыряхъ или нынѣшнихъ богатырскихъ былинъ. Прежде всего авторъ полагаетъ, что вообще въ старину не было различія между былинами и историческими пѣснями: „если, съ одной стороны, мы встрѣчаемъ въ нашихъ былинахъ рядъ древне-русскихъ историческихъ именъ, а съ другой — находимъ, что лицамъ, носящимъ эти имена, приписываются дѣянія не историческія, а фантастическія, то, повидимому, слѣдуетъ думать, что съ теченіемъ столѣтій историческое содержаніе, подъ вліяніемъ процесса поэтизаціи, было мало-помалу замѣнено фантастическимъ“. Нѣкогда существовали, безъ сомнѣнія, поэтическія сказанія или историческія пѣсни о Владимірѣ, Добрынѣ, но очевидно, что эти пѣсни не были нынѣшними былинами: напр., въ XII вѣкѣ о Добрынѣ знали такіе факты, которые могли дать матеріалъ для исторической пѣсни, но прикрѣпленіе къ нему какой-нибудь восточной сказки, „историзація“ этой сказки могла произойти только позднѣе, когда факты дѣйствительной исторіи этого богатыря стали уже забываться, и историческая пѣсня становилась былиной. Такъ могло быть и съ другими былинными богатырями, какъ Алеша Поповичъ, бояринъ Ставръ и др. Напротивъ, въ типѣ Ильи Муромца не было ничего историческаго и онъ пріобрѣлъ историческую окраску только впоследствии: по мнѣнію автора, это основное отличіе Ильи Муромца оказало рѣшающее вліяніе на образованіе цикла. Рядомъ съ чисто внѣшнею связью богатырскихъ сказаній, какую представлялъ князь Владиміръ, въ лицѣ Ильи Муромца, богатыря Ю

¹⁾ Стр. 194.

преимуществу, появилась внутренняя связь, народный идеалъ, по отношенію въ которому опредѣлилось значеніе другихъ эпическихъ лицъ: такъ измѣнилось положеніе самого князя Владиміра, передѣланнаго въ духѣ иранскихъ сказаній; богатыри, нѣкогда занимавшіе гораздо болѣе важное мѣсто (какъ Добрыня), отступили на второй планъ, такъ какъ во главѣ всѣхъ сталъ новый, идеальный богатырь. „Такимъ образомъ, *неисторическая* личность стала духовнымъ центромъ всего южно-русскаго богатырскаго эпоса, тѣмъ ядромъ, котораго ему недоставало, тѣмъ цементомъ, который скрѣплялъ отдѣльныя былины плотнѣе, чѣмъ прежняя чистовѣбшняя ихъ связь — имя Владиміра столично-кіевскаго. Дальнѣйшая исторія нашего эпоса вплоть до нашихъ временъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія типа народнаго богатыря“¹⁾).

Таковъ планъ изслѣдованій г. Вс. Миллера, образчики которыхъ мы привели. Рѣчь идетъ о такихъ отдаленныхъ временахъ, о такихъ трудно уловимыхъ чертахъ исторіи народныхъ сказаній и такихъ трудно опредѣлимыхъ международныхъ отношеніяхъ стараго времени, что требовать здѣсь полной доказательности почти невозможно. Авторъ самъ чувствовалъ это ясно и не однажды дѣлаетъ объ этомъ оговорки: его сравненія не разъ бывали довольно рискованы, и недостаткамъ въ качествѣ своихъ аргументовъ онъ не однажды надѣялся помочь ихъ количествомъ. Во всякомъ случаѣ мы сочтемъ заслугой ту смѣлость, съ которой онъ выставляетъ совершенно опредѣленную теорію въ предметъ, гдѣ въ настоящее время этой теоріи почти нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ миѣологическая точка зрѣнія, которой крайнимъ предѣломъ былъ „Илья Муромецъ“ Ореста Миллера, тогда же, можно сказать, и кончила свое существованіе, безъ всякихъ спеціальныхъ опроверженій, сама собою, потому что крайнее выраженіе этой точки зрѣнія и было ея осужденіемъ. Новое направленіе изслѣдованій, открывшееся затѣмъ, было чрезвычайно богато новыми указаніями, важными тѣмъ, что ставили древнюю русскую повѣзю въ ближайшую связь съ цѣлымъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ и народно-поэтическимъ преданіемъ, и почти впервые создавали прочную реальную критику нашихъ народныхъ сказаній. Къ сожалѣнію, однако, большинство изслѣдованій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, ограничивалось изученіемъ деталей, лишь изрѣдка намекая на содержаніе цѣлаго вопроса, — изъ чего происходили между прочимъ тѣ неблагопріятныя послѣдствія, что въ популярномъ и учебномъ обращеніи до сихъ поръ продолжаютъ миѣологическія

¹⁾ Стр. 198.

толкованія старой былины, т.-е. за древнѣйшее національное преданіе выдается совершенная чепуха.

Это отсутствіе обобщенія въ новой школѣ, конечно, не составляетъ ея достоинства, и, вѣжета, одну изъ причинъ этого положенія вещей составляетъ боязнь гипотезы, и слѣдовательно возможной ошибки: дѣло только въ томъ, что огромная масса собранныхъ деталей остается безъ вывода и въ самомъ изысканіи остается пробѣлъ—оно не отвѣчаетъ пока на вопросъ о генезисѣ народно-поэтическихъ явленій, чтѣ и есть самое существенное. Г. Миллеръ отступилъ отъ существующаго обычая и, собравши свои параллели, рѣшилъ объединить ихъ въ цѣльной теоріи, гдѣ факты распредѣляются съ извѣстной послѣдовательностью. Въ теоріи остается еще немало гадательнаго,—и самъ авторъ считаетъ его таковымъ,—исторія Ильи еще можетъ вызывать недоумѣнія ¹⁾; но по крайней мѣрѣ авторъ старался поставить исторію поэтическаго развитія въ связь съ историческими явленіями народной жизни, и въ послѣднихъ найти условія для перваго.

Этимъ историческимъ обстоятельствамъ народной жизни авторъ посвящаетъ послѣднюю главу „экскурсовъ“: „Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ“. Авторъ начинаеть указаніемъ, что съ тѣхъ поръ, какъ впервые разъясняется исторія русскихъ племенъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ столкновеніяхъ съ тюркскими кочевниками въ южно-русскихъ степяхъ. Писанная исторія застаеть уже южныя русскія племена въ подчиненіи хазарамъ; съ основаніемъ русскихъ княжествъ дружескія и враждебныя отношенія съ кочевниками не прерываются въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ до самаго татарскаго нашествія. Выше мы упоминали, что эти отношенія съ кочевыми тюрками были то войной, отраженіемъ набѣга, то союзомъ и даже родственными отношеніями русскихъ князей съ половецкими ханами, то, наконецъ, поселеніемъ кочевыхъ тюрковъ на осѣдлое жительство въ предѣлахъ русскихъ княженій. Авторъ пересматриваетъ исторію сосѣднихъ со степями русскихъ княженій, гдѣ въ особенности совершалась эта борьба и это сближеніе съ кочевниками. Исторіи, рассказывая о половецкихъ набѣгахъ, насчитали также и множество исторически описанныхъ случаевъ, когда князья сами зазывали половцевъ на помощь въ своихъ междоусобныхъ распряхъ. Въ силу всего этого образовывались тѣсныя связи, во

¹⁾ Въ генеалогіи Ильи г. Миллеръ считаетъ муромское сказаніе позднѣйш. а болѣе древнимъ полагаетъ отношеніе Ильи къ Святогору, но и этотъ послѣдній хотя „старшій“ богатырь по былинѣ, представляетъ книжно-легендарные моты, которые едва-ли были особенно древними.

рыя не могли остаться безъ своего культурнаго вліянія. Родовыя связи между княжескими фамиліями русскими и половецкими (первый примѣръ такого рода упомянуть лѣтописью еще въ концѣ XI-го вѣка) сначала заключались, повидимому, съ цѣлью обезопасить себя отъ половецкихъ набѣговъ, а затѣмъ и съ цѣлью имѣть союзниковъ на случай междоусобной войны.

„Нерѣдко князья, терпя пораженія въ междоусобныхъ войнахъ, уходять въ степь къ своимъ родственникамъ и добываютъ у нихъ поддержку. Конечно, родственные князья пользовались въ половецкихъ юртахъ широкимъ гостепріимствомъ. Были князья, которые всю свою жизнь провели въ степяхъ, кочуя съ своими половецкими родственниками и кунаками. Таковъ, напримѣръ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Кончака по матери, племянникъ Юрія Кончаковича. Вслѣдствіе многочисленныхъ браковъ, половцы были въ родственныхъ связяхъ почти со всѣми княжескими родами Руси. Другіе князья жили въ степи у половецвъ подолгу въ плѣну или въ качествѣ заложниковъ, конечно, выучиваясь половецкому языку и приобрѣтая степныя привычки. Несомнѣнно, примѣръ князей находилъ себѣ подражаніе въ ихъ дружинахъ и вообще въ русскомъ народѣ. Браки на половецкихъ женщинахъ, приводимыхъ нерѣдко русскими дружинами изъ степей въ числѣ полона, должны были быть явленіемъ зауряднымъ. Такое тѣсное сближеніе южно-русскаго населенія съ половецами чрезъ совмѣстные походы и браки вело къ взаимному вліянію: половцы принимали нерѣдко христіанство, поддавались русскому вліянію, русскіе усвоивали тюркскія черты въ типѣ, тюркскіе приемы въ военныхъ дѣйствіяхъ, восточное оружіе и многія другія бытовныя особенности“¹⁾.

Тревожная жизнь въ областяхъ, особенно подвергавшихся набѣгамъ кочевниковъ, не могла не отразиться на характерѣ населенія, должна была развивать предприимчивость, смѣлость, готовность къ борьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждала изучить нравы и военные приемы противника. Образчикъ этого даетъ духовная Владиміра Мономаха. Весьма естественно, что въ этой области находятъ слѣды народнаго эпоса, который находилъ себѣ пищу именно въ этихъ бурныхъ условіяхъ народной жизни. Въ лѣтописи сохранились намеки на кіевскій и переяславскій эпосъ тѣхъ вѣковъ, который, съ извѣстными историческими наслоеніями и искаженіями, дошелъ до насъ и въ современной былинѣ. Въ лѣтописи хранились также ясныя намеки на то, что въ русскую среду

¹⁾ Стр. 204.

заходили эпическія сказанія половецкія. Объ нихъ намекаетъ и Слово о полку Игоревѣ. „Подобныя отрывки, — говоритъ г. Миллеръ, — принадлежатъ, такъ сказать, международной поэзіи, которая возможна лишь при близкомъ, тѣсномъ и продолжительномъ общеніи народовъ, облегчаемомъ взаимнымъ пониманіемъ языка.

„Дѣйствительно, знаніе тюркскихъ языковъ должно было быть искони широко распространено въ юго-восточныхъ частяхъ русской территоріи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сосѣдившей съ тюрками — хазарами, печенѣгами, половцами“.

Въ древній русской языкъ вошло значительное количество половецкихъ словъ (въ лѣтописи, въ Слово о полку Игоревѣ), хотя, впрочемъ, еще не изслѣдовано, какія тюркскія слова вошли въ русской языкъ до татаръ — иное, что относятся обыкновенно къ татарскому вліянію, могло прійти еще раньше отъ половецвъ.

Не надо думать, что это было племя совсѣмъ дикое. Слѣдующія историческія данныя объ ихъ бытѣ были недавно обогащены изданіемъ средневѣкового словаря половецкаго языка (Codex Cumanicus, 1880); этотъ словарь, заключающій болѣе 3.000 словъ, даетъ любопытный матеріалъ для опредѣленія культурныхъ сношеній половецвъ съ Русью и съ мусульманскимъ востокомъ, находившимся тогда подъ сильнымъ вліяніемъ персидской культуры. Степные кочевники взяли изъ русскаго языка слова для обозначенія предметовъ, которыхъ не было въ ихъ быту (изба, печь, бревно, смола, церковь и т. д.); но гораздо больше вошло въ половецкій языкъ словъ восточныхъ. Г. Миллеръ насчиталъ такихъ словъ до 150, именно персидско-арабскихъ; это — названія для торговаго, для восточныхъ плодовъ и растений, драгоценныхъ камней, для восточныхъ животныхъ, для издѣлій изъ кожи, матерій, металла, для построекъ и принадлежностей осѣдлаго быта; съ другой стороны вошло не мало словъ, выражающихъ понятія отвлеченныя, религіозныя и нравственныя, дѣленіе времени, слова, относящіяся къ письму и т. д. Вліяніе восточной культуры началось, вѣроятно, еще въ то время, когда половцы кочевали въ степяхъ Турана; въ эпоху своего наибольшаго могущества они владѣли культурными мѣстностями въ Крыму; къ нимъ проникала проповѣдь мусульманства отъ болгаръ, христіанства изъ Руси и западной Европы, можетъ быть, іудейства отъ хазаръ.

Историческія отношенія древней Руси съ тюркскими кочевниками отерывають возможность судить о времени и мѣстѣ образованія южно-русскаго былиннаго цикла. Самое главное и основное въ содержаніи этого эпоса — разсуждаетъ г. Миллеръ — е

борьба русскихъ богатырей съ разными врагами русской зем ,

особливо съ татарами, которые, конечно, заслонили болѣе древнихъ враговъ Руси. „Если это такъ, то самыя раннія историческія пѣсни о борьбѣ русскихъ богатырей съ разными восточными насильниками и нахвальщиками должны были слагаться не среди всѣхъ русскихъ племенъ, а среди того населенія, которое, выдвинувшись дальше другихъ на востокъ и югъ къ степи, выдерживало на себѣ въ до-монгольскій періодъ главный натискъ азіатскихъ кочевниковъ. Райономъ сложенія историческихъ пѣсень, легшихъ въ основаніе эпическаго цикла, должна была быть обширная область полянъ и сѣверянъ—бассейнъ средняго Днѣпра и его восточныхъ притоковъ“¹⁾.

Авторъ не считаетъ доказаннымъ, чтобы въ нашемъ эпосѣ сохранились отголоски времени до Владиміра (какъ напр. предполагаемое воспоминаніе о походѣ Олега на Византію, въ былинѣ о Вольгѣ); но времена Владиміра и ближайшая эпоха послѣ него, несомнѣнно, оставили свой слѣдъ и въ современной былинѣ, уцѣлѣвшей несмотря на позднѣйшія наслоенія. Эпическія сказанія того періода должны были тѣсно относиться къ недавнему историческому прошлому и къ настоящему, и въ нихъ долженъ былъ преобладать элементъ героическій, изображеніе подвиговъ въ борьбѣ съ восточными сосѣдями, особенно половцами. Рядомъ съ лѣтисями XII-го вѣка существовали пѣсни о болѣе раннихъ временахъ, и популярная личность князя Владиміра становилась центромъ, къ которому примыкали болѣе ранніе и болѣе поздніе сюжеты; сказанія мѣстныя—черниговскія, переяславскія—присоединялись къ кievскимъ, и къ именамъ болѣе древняго періода примыкали сюжеты фантастическіе, сказочные, какъ создавшіеся на русской почвѣ, такъ и чужіе, восточные. Здѣсь именно и произошло воздѣйствіе тюркскихъ элементовъ, которое естественно отразилось въ народной поэзіи, когда оно было такъ значительно въ историческомъ бытѣ.

Относительно вопроса: въ чемъ надо видѣть восточное, именно тюркское, вліяніе на нашъ былинный эпосъ, авторъ думаетъ, что на него можно отвѣчать а priori: въ томъ же, въ чемъ оно отразилось въ дѣйствительной жизни той среды, которая создавала эпосъ. Ведя постоянно борьбу съ степными наѣздниками, осѣдлое русское населеніе должно было, для достиженія успѣха, стараться пріобрѣсти тѣ качества, которые давали этимъ наѣздникамъ перевѣсъ. Князья въ своихъ ополченіяхъ имѣли конницу изъ кочевыхъ степняковъ; умѣнье владѣть конемъ высоко цѣнилось, и Рос-

¹⁾ Стр. 215.

сія тогда только удалось подчинить себѣ кочевниковъ, когда въ самомъ русскомъ населеніи выработался свой типъ казака-наѣздника. Слѣды этого мы должны, такимъ образомъ, искать и въ былинномъ богатырствѣ. „Дѣйствительно,—говоритъ г. Миллеръ,—мы находимъ тѣ же черты, что въ эпическихъ пѣсняхъ тюркскихъ степняковъ: наши богатыри почти живутъ въ степи, въ чистомъ полѣ, спятъ въ шатрахъ, не расстаются съ конемъ, употребляютъ въ обращеніи съ нимъ тѣ же приемы, какъ степняки, почти копируя ихъ, какъ показалъ В. В. Стасовъ, вооружены восточнымъ оружіемъ, вносятъ восточныя черты въ расправу съ врагами“¹⁾ и т. д. Г. Миллеръ приводитъ изъ статьи г. Стасова дѣйствительно любопытную параллель, гдѣ черты русскаго богатырскаго обычая до мелочей совпадаютъ съ обычаями восточныхъ кочевниковъ. „Понятно,—продолжаетъ г. Миллеръ,—что, перенявъ у степняковъ умѣнье владѣть конемъ и стараясь достигнуть наѣздническихъ качествъ своихъ учителей, русскіе усвоили себѣ и отношенія степняка къ коню и внесли въ свою поэзію степные мотивы, связанные съ нимъ. Такое вліяніе степныхъ эпическихъ мотивовъ, которое можно вполне констатировать, кажется намъ болѣе важнымъ, чѣмъ внесеніе въ нашъ эпосъ того или другого сказочнаго восточнаго сюжета. Оно придаетъ нашему эпосу *до нѣкоторой степени* тотъ же „степной“ характеръ, тотъ же „ароматъ степи“, которымъ проникнуть съверо-кавказскій эпосъ и эпическія пѣсни азіатскихъ кочевниковъ, и отличается *до нѣкоторой степени* наши былины отъ рыцарскаго эпоса Западной Европы“²⁾.

Изъ степи пришло и названіе героя старыхъ кievскихъ былинъ— „богатыря“. „Восточное (монгольско-тюркское) слово нѣкогда выражало и сложившееся на Востоцѣ, въ степи, представленіе: оно обозначало *степною удалца*, непременно наѣздника на лихомъ конѣ, проѣзжающаго огромныя степныя пространства, человѣка, сроднявшагося съ конемъ и всѣми условіями степной жизни. Между такими наѣздниками этимъ почетнымъ титуломъ пользовались тѣ, которые отличались неутомимостью, выносливостью, силой и храбростью, составляли гордость дружины какого-нибудь хана и посылались имъ на самыя трудныя и смѣлыя предпріятія. Съ этими признаками понятіе о богатырѣ вмѣстѣ со словомъ перешло и въ тому русскому населенію, которое близнало степь и тюркскихъ богатырей“. Перешло оно по вс

¹⁾ Стр. 218.

²⁾ Стр. 221—222.

вѣроятности еще задолго до татаръ; оно приведено въ упомянутомъ половецкомъ словарѣ (*bahatur*) и въ первый разъ названо въ лѣтописи подъ 1240 годомъ, въ описаніи нашествія Батя на Кіевъ, какъ слово, очевидно, уже давно привычное. Въ нашей былинѣ оно примѣняется именно къ людямъ, напоминающимъ тюркскихъ багатуровъ—которые живутъ въ чистомъ полѣ и при дворѣ князя, исполняютъ его порученія и т. д., а также къ представителямъ басурманской силы, которые воюютъ съ нашими богатырями въ чистомъ полѣ. Но другія лица былины, не играющія подобной роли,—какъ Соловей Будиміровичъ, Дюкъ, Чурило, Ставръ и пр.,—богатырями не называются; этотъ типъ не сложился, и названіе не появляется тамъ, гдѣ не было условій для богатырства,—и дѣйствительно богатырей нѣтъ въ новгородской былинѣ.

Итакъ, богатырскій эпосъ сложился въ томъ русскомъ населеніи, которое вело борьбу съ тюркскими кочевниками и гдѣ развились особые типы, къ которымъ подходило тюркское названіе богатырей; отсюда это имя распространилось и смѣнило прежнія названія „храбра“, „витязя“, а затѣмъ вообще примѣнялось къ людямъ, совершавшимъ героическіе подвиги; но остатки новгородскаго эпоса показываютъ, что въ народныхъ сказаніяхъ населенія, далекаго отъ степи, дѣйствующія лица не назывались богатырями.

Такимъ образомъ вліяніе тюркскихъ кочевниковъ на извѣстные приемы нашего богатырскаго эпоса не можетъ подлежать сомнѣнію, и хотя прямое внесеніе ими восточныхъ сюжетовъ не можетъ быть доказано съ очевидностью, но тѣмъ не менѣе есть за это большія вѣроятности. Весьма могло быть, что половцы, знакомые съ культурой Ирана, заимствовали нѣкоторые эпизоды иранскаго эпоса, сообщали имъ степную окраску и передали ихъ своимъ русскимъ сосѣдямъ. Г. Миллеръ предположилъ это относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, и предположилъ даже, что самая личность Ильи, для которой авторъ не нашелъ никакой исторической основы,—пришла тѣмъ же путемъ съ востока, какъ перелицовка иранскаго Рустема, и послѣ водворенія въ русскомъ эпосѣ оказала то вліяніе на перелицовку въ изображеніи князя Владиміра, которое было выше указано. „Возраженіемъ противъ этой гипотезы,—говоритъ г. Миллеръ,—не можетъ быть выставлено то, что Илья Муромецъ есть только національный богатырь, историческій идеалъ русскаго народа. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей культуры, хотя знаетъ, что многое, признаваемое *національнымъ*, вовсе не

предполагаетъ туземности своего происхожденія или изобрѣтенія.. и что, по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, *народный эпосъ всякаго историческаго народа по необходимости международный*“¹⁾). Авторъ, впрочемъ, не высказывается рѣшительно за эту гипотезу и считаетъ столь же возможной и другую, именно, что на русскаго туземнаго богатыря только налегли нѣкоторыя черты иранскаго Рустема. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ дальнѣйшими изслѣдованіями.—Замѣтимъ, что для первой гипотезы, которая въ сущности проходитъ черезъ всю книгу г. Миллера, требовалось бы обстоятельное изслѣдованіе того *историческаго* преданія, хотя и поздняго, которое, однако, существовало относительно Ильи Муромца.

Другой любопытный вопросъ представляется въ названіи Ильи Муромца „старымъ казакомъ“: въ какой періодъ нашего эпоса это названіе прикрѣпилось къ имени Ильи?

Авторъ взялъ на себя трудъ сосчитать, сколько разъ это названіе употреблено въ извѣстныхъ до сихъ поръ былинахъ, и нашель, что изъ 201 былины Илья названъ „казакомъ“ въ 132, и другими эпитетами въ 69, т.-е., что онъ называется „казакомъ“ вдвое чаще, чѣмъ инымъ эпитетомъ, и притомъ особенно въ былинахъ сѣверныхъ мѣстностей, гдѣ никогда не знали казачества. Орестъ Миллеръ полагаль, что Илья былъ сначала муромскимъ крестьяниномъ и потомъ уже сталъ казакомъ, —именно въ ту пору, когда эпосъ перешель „въ завѣдываніе казацкой великорусской среды“: „отпечатокъ казацкой великорусской вольности,—писаль Орестъ Миллеръ,—такъ очевиденъ въ былинахъ, что нѣкоторые имъ и объясняютъ тотъ независимый духъ былого нашего эпоса, который у другихъ объясняется, главнымъ образомъ, первоначальною принадлежностью его Руси кievской съ ея, такъ ярко отразившеюся и въ лѣтописи, вѣчевою жизнью“.

Признавая присутствіе этихъ вліяній позднѣйшей великорусской вольницы на складъ былины въ ея нынѣшней формѣ, г. В. Миллеръ тѣмъ не менѣе относитъ эпитетъ „казака“ у Ильи-Муромца къ гораздо болѣе раннему, именно еще кievскому времени. Лѣтопись не уловила перваго образованія казачества, но новѣйшіе историки склонны возводить происхожденіе его еще къ до-татарскому періоду. Всѣ условія тогдашней народной жизни на югѣ вели къ тому, чтобы казачество возникло очень рано. Казакъ это—земледѣльцы-воины, которые, въ постоянной опасности вражескаго набѣга, должны были устроиться такъ, чтобы всегда бы

¹⁾ Стр. 225; Веселовскаго, Южно-русскія былины, XI, стр. 401.

готовымъ смѣнить соху на оружіе и отражать нападенія степняковъ. Образование этого бытового и народнаго типа приводилось, или вынуждалось, всѣми историческими обстоятельствами юго-восточной Руси. Авторъ припоминаетъ о русскомъ населеніи по Дону и у Азовскаго моря, захваченномъ на мѣстѣ половцами и уцѣлѣвшимъ, оазисами, даже послѣ татарскаго нашествія: это населеніе, по мнѣнію историковъ, и составило ядро позднѣйшаго казачества. Авторъ припоминаетъ о тѣхъ загадочныхъ „бродникахъ“, православныхъ русскихъ, которые въ половинѣ XII-го вѣка приходили вмѣстѣ съ половцами на помощь князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ и которые, по мнѣнію тѣхъ же историковъ, составили первообразъ вольныхъ казацкихъ общинъ еще въ до-татарское время.

Г. Миллеръ цитируетъ замѣчанія г. Голубовскаго, спеціально изслѣдовавшаго историческія отношенія древней Руси съ кочевниками южно-русскихъ степей. „Когда татарское нашествіе,—говорилъ г. Голубовскій, — смело половцевъ, когда татары заняли южно-русскія степи, тогда эти славянскія общины должны были открыть съ ними борьбу, какъ прежде онѣ вели ее съ половцами. Занявъ малоприступныя мѣста въ устьяхъ Дуная (берладники), Днѣпра, въ бассейнѣ Дона, они стали защитниками русской земли. Уже многія черты ихъ быта и нравовъ были оригинальны въ силу тюркской примѣси; теперь продолженіе борьбы должно было продолжаться и эту выработку... Они должны были усвоить много тюркскихъ техническихъ названій. Таково слово „казакъ“. Не зачѣмъ искать его въ татарскомъ языкѣ, когда это слово—чисто полонецкое, когда изъ среды русскихъ были еще въ XI в. люди, постоянно жившіе среди тюрковъ. Это слово значить *стражъ*, передовой, ночной и дневной. Такъ могли назваться люди, стоявшіе постоянно на-готовѣ, бывшіе и передовыми бойцами“¹⁾.

Г. Миллеръ предполагаетъ, что „типъ“ такого стража, оберегателя границъ, „заставъ“, образовался во всякомъ случаѣ еще въ до-татарскую эпоху. Такимъ казакомъ *въ сущности* Илья Муромецъ былъ еще въ то время, когда онъ былъ прикрѣпленъ къ черниговской области; когда было дано ему самое названіе, г. Миллеръ не берется рѣшать, но склоненъ думать, что „типъ“ едолго оставался безъ соотвѣтственной клички, и что эпитетъ „старога казака“, распространившійся далеко за предѣлы земель,

¹⁾ П. Голубовскаго, „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“, Кіевъ, 84, стр. 210—211.

гдѣ развилось казачество, восходить къ болѣе далекому времени, чѣмъ прикрѣпленіе Ильи къ муромскому селу Карачарову. Косвенное подтвержденіе этого давняго казачества Ильи авторъ находитъ и въ томъ обстоятельстве, что онъ не привязанъ ни къ какой исторической казацкой общинѣ. Изъ 132 былинъ только въ семи онъ названъ „донскимъ“ казакомъ, очевидно случайно и произвольно: онъ остается казакомъ только въ широкомъ общемъ смыслѣ. „Несмотря на приданное ему крестьянское происхожденіе, Илья не сталъ земледѣльцемъ-воиномъ, каковы наши казаки, но является въ былинахъ въ полномъ смыслѣ „вольнымъ“ казакомъ, не прикрѣпленнымъ къ какой-нибудь осѣдлости, а либо поляющимъ въ чистомъ полѣ (степи), либо стоящимъ на заставѣ, либо по временамъ наѣзжающимъ въ Кіевъ. Этимъ складомъ жизни онъ скорѣе напоминаетъ казака въ восточномъ смыслѣ (какъ, напр., кочевые киргизы сами называютъ себя казаками), чѣмъ русскихъ казаковъ XVI столѣтія“. Былины объ Ильѣ могли понравиться казакамъ, какъ изображеніе богатыря-наѣздника, вѣчно воюющаго съ басурманами, но самыя черты этого типа сложились раньше.

„Въ заключеніе, — говоритъ г. Миллеръ, — считаю не лишнимъ еще разъ повторить, что я не имѣлъ въ виду подробно и детально разсмотрѣть вопросъ о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ. Я затронулъ его лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи, между тѣмъ какъ со времени появленія работы В. В. Стасова, въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтія, эта сторона научной разработки нашего эпоса почти не была затрогиваема нашими изслѣдователями. Лингвисты указываютъ на множество тюркскихъ (татарскихъ) словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, историки искусства — на вліяніе Востока въ русскомъ народномъ орнаментѣ; историки музыки ведутъ изъ Азіи нѣкоторые русскіе музыкальные инструменты; антропологи указываютъ примѣсь тюркской крови въ типѣ населенія нѣкоторыхъ полосъ Россіи; историки литературы давно отмѣтили множество восточныхъ, странствующихъ сюжетовъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ; но почему-то до сихъ поръ возможность восточнаго вліянія на нашъ былевой эпосъ считается сомнительной и въ *исторіяхъ русской литературы* обходится молчаніемъ. Односторонніе защитники русской самобытности ея уступаютъ историкамъ литературы *сказки* и мирятся съ восточнымъ происхожденіемъ многихъ сказочныхъ сюжетовъ: вѣдь, „скака — складка“, но „*пѣсня* — былъ“, возражаютъ они, а былое с у важдаго народа. Однако, нельзя забывать, что это „был

прожилъ русскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ бокъ-о-бокъ съ тюркскими племенами въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ, военныхъ и мирныхъ, что цѣлыя страницы нашихъ лѣтописей наполнены извѣстіями о восточныхъ кочевникахъ и множество былинъ рассказываютъ о борьбѣ съ татарами, что богатырскій эпосъ возникъ и развился именно въ томъ населеніи Россіи, которое много вѣковъ отстаивало себя отъ набѣговъ кочевниковъ, и что, поѣтому, изслѣдователь, ищущій отраженія исторіи въ нашемъ былевомъ творествѣ, именно въ силу ея указаній долженъ искать въ немъ и слѣдовъ тѣсной связи Руси съ Востокомъ и ознакомиться съ характеромъ и содержаніемъ эпическихъ сказаній нашихъ азіатскихъ сосѣдей“.

Въ приложеніи къ книгѣ г. Миллера помѣщены еще двѣ статьи, имѣющія отношенія къ предмету изслѣдованія: „Кавказско-русскія параллели“ и „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ“. Авторъ прибавляетъ новыя аргументы къ тому, что онъ говорилъ о распространеніи иранской культуры, а съ нею и иранскихъ поэтическихъ сказаній на Кавказѣ и о переходѣ ихъ черезъ посредство тюркскихъ племенъ къ сосѣднему населенію древней Руси. Онъ даетъ новыя параллели, какъ напр. сравненіе нашего Святогора съ кавказскими великанами, новыя сравненія для былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Данилѣ Безчастномъ, Иванѣ гостинномъ сынѣ и пр.; а съ другой стороны сообщаетъ историческія данныя для объясненія отношеній Ирана къ племенамъ Кавказа и отношеній Кавказа къ древней Руси.

Этнографическое изслѣдованіе Кавказа едва только начато. „Изученіе кавказскихъ народныхъ сказаній, — говоритъ г. Миллеръ, — впоследствии, можно надѣяться, уяснить многое, что теперь представляется еще темнымъ, но и въ настоящее время уже можно сдѣлать попытку къ рѣшенію вопроса, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ кавказско-русскихъ связочныхъ параллелей. Находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси, должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, изъ которой, вслѣдствіе давнихъ сношеній прикавказскихъ народностей съ Русью, эти сюжеты проникли на сѣверъ и западъ, или же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ занесены и въ кавказскія горы, и въ южно-русскія степи. Послѣднее нѣкоторымъ географическимъ и историческимъ соображеніямъ представляется болѣе вѣроятнымъ. Припомнимъ, что кавказская этнографія вполне уяснила фактъ, что гигантскій горный хребтъ, представляющій широкую, трудно проходимую стѣну

между двумя морями, служилъ искони убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи. И съ сѣвера и съ юга отбившіяся отъ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и проживали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей. Этотъ музей, сохраняя до нашего времени множество племенъ съ ихъ разнообразными антропологическими признаками и бытовыми особенностями, сохранилъ также массу разнообразныхъ произведеній духовнаго творчества, попадавшихъ въ это захоlustье въ разное время и съ разныхъ сторонъ. Съ юга чрезъ Арменію, Грузію, Албанію могли заходить сюда сюжеты и типы изъ иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ (тюрковъ), занимавшихъ сѣверно-кавказскія равнины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ различными названіями—гунновъ, болгаръ, хазаръ, кипчаковъ (половцевъ), ногайцевъ, татаръ¹⁾.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ изслѣдователей²⁾ казалось, что естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ было впоследствии казачество запорожское и донское; но г. Миллеръ болѣе справедливо думаетъ, что въ этомъ случаѣ гораздо важнѣе были, напротивъ, болѣе раннія отношенія русскихъ съ сѣверно-кавказскими народностями и особливо тюркскими кочевниками. Онъ напоминаетъ древнія отношенія русскихъ съ Кавказомъ со временъ хазаръ, Тмуторакани, ясовъ (осетинъ), касоговъ (черкесовъ), наконецъ печенѣговъ и половцевъ (потомковъ послѣднихъ онъ видитъ въ многочисленномъ тюркскомъ населеніи сѣвернаго Кавказа, кумыкахъ).

„Припоминая этнографическое вліяніе тюрковъ на сѣверное кавказское населеніе,—говоритъ г. Миллеръ,—мы находимъ объясненіе тому факту, что на сѣверѣ Кавказа, въ степяхъ, нѣкогда занимаемыхъ касогами и ясами, а за ними тюрками, сложился богатый (нартскій) эпосъ, котораго герои равно извѣстны и кабардинцамъ, потомкамъ касоговъ, и барачаевцамъ, потомкамъ пришлыхъ тюрковъ, смѣшавшихся съ туземнымъ осетинскимъ населеніемъ, и горнымъ осетинамъ, потомкамъ ясовъ, загнанныхъ въ горы съ сѣверной равнины. Какъ на этой равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибыва-

¹⁾ Приложенія, стр. 32.

²⁾ Г. Миллеръ цитируетъ „Велико-руссія былинн“ г. Халанскаго (стр. 84)

шихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были выработываться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ, при подобныхъ же условіяхъ, являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ, въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (киевской, черниговской, переяславской, сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляютъ намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный — кавказскій и сѣверный — русскій“.

Такимъ образомъ г. Вс. Миллеръ поднимаетъ вновь ту же гипотезу, какаѣ была выставлена В. В. Стасовымъ почти двадцать пять лѣтъ тому назадъ и встрѣчена была съ такимъ негодованіемъ, что въ ней иные увидѣли не столько научную ошибку, сколько отсутствіе патріотизма. Дѣйствительно, даже эта послѣдняя черта не отсутствовала въ тѣхъ нападеніяхъ, какия испыталь тогда г. Стасовъ; но нынѣшній разъ теорія о восточномъ происхожденіи *нѣкоторыхъ сюжетовъ* русскихъ былинъ, при нѣкоторомъ сходствѣ съ гипотезой В. В. Стасова, значительно, однако, отличается отъ нея въ самой постановкѣ вопроса. Г. Миллеръ не рѣшаетъ вопроса такъ категорически и такъ огульно; онъ гораздо осторожнѣе въ своихъ параллеляхъ, но тѣмъ болѣе доказательны его менѣе широкія заключенія. Его предшественникъ былъ пораженъ необычайнымъ сходствомъ, какое представляли очень многіе мотивы былинъ съ произведеніями восточнаго, азіатскаго эпоса; онъ обратилъ также вниманіе на то, что въ сказаніяхъ восточныхъ оказывалось гораздо больше послѣдовательности въ разсказѣ, цѣлесообразности и связи въ подробностяхъ, чего, напротивъ, недоставало въ повтореніи ихъ въ русской былинѣ: онъ дѣлалъ изъ этого прямое заключеніе, что имѣетъ дѣло съ оригиналомъ и копіей, — съ оригиналомъ, гдѣ эти подробности принадлежали живому бытовому изображенію, и съ копіей, которая не всегда отвала себѣ отчетъ въ повторяемыхъ ею чертахъ чужого разказа. Въ результатъ получался выводъ, что наша былина не была все русскимъ созданіемъ, а была только копіей восточныхъ сказаній, по необходимости неполной и искаженной. Исслѣдованіе ограничивалось почти только этимъ внѣшнимъ *литературнымъ* сличеніемъ: собрано было множество параллелей, перѣдко

рискованныхъ и произвольныхъ, хотя изрѣдка и поразительныхъ, и всего меньше авторомъ обращено было вниманія на объясненіе того процесса, какимъ могло совершиться это удивительное заимствование. Выше мы привели эти соображенія В. В. Стасова: что они не объясняли дѣла, это очевидно. Такое широкое историческое явленіе, какимъ было созданіе нашего древняго эпоса, безъ сомнѣнія не могло произойти путемъ простого механическаго заимствования; не могло усвоиться въ народѣ чужое сказаніе такимъ образомъ, чтобы распространиться въ цѣлой народной массѣ во множествѣ вариантовъ, сохраниться въ народѣ цѣлыя вѣка, быть упорно привязано къ извѣстной исторической эпохѣ, къ князю Владимиру, къ разнымъ историческимъ именамъ и обстоятельствамъ, удержатъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ несомнѣнно русскія бытовыя черты и т. д. Очевидно, что если было здѣсь заимствование сюжетовъ, оно должно было примыкать къ какой-то туземной основѣ, что эта основа только и давала возможность образованія самаго эпоса, къ которому лишь на второмъ планѣ могло применитъ заимствование чужого сюжета. Эта сторона теоріи осталась у В. В. Стасова едва затронутою и совсѣмъ не разработанною.

Множество новыхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ въ этой области, съ одной стороны устранили многія параллели, построенныя В. В. Стасовымъ, съ другой еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде, указали необходимость *органическаго* объясненія былины. Съ этой точки зрѣнія и приступилъ къ вопросу г. Вс. Миллеръ, и теорія о восточномъ происхожденіи былины явилась вновь уже совсѣмъ въ иномъ видѣ: если прежде читатель В. В. Стасова, послѣ множества сравненій русской былины съ азіатскими сказаніями, оставался въ недоумѣніи, какимъ образомъ эти послѣднія могли безъ достаточнаго видимаго повода перескочить изъ Средней Азіи въ древнюю Русь, новый изслѣдователь, напротивъ, старается найти реальное историческое основаніе для каждой изъ своихъ параллелей. То заимствование, какое предполагаетъ онъ, по существу совершенно различно отъ того, какое видѣлъ его предшественникъ: тамъ было какое-то непостижимое книжное заимствование; здѣсь шла рѣчь объ историческомъ бытовомъ явленіи. Богатырь былины, по гипотезѣ Вс. Миллера, не былъ чисто-литературно и отвлеченно скопированъ съ азіатскаго наѣздника-беготыря; это былъ, напротивъ, живой типъ самѣй древней русской жизни и сходство съ азіатскими типами и сказаніями заключалось въ двухъ вещахъ. Во-первыхъ, въ томъ, что вслѣдствіе какой борьбы южной Руси съ кочевыми тюркскими ордами въ

самой развилось богатырство—позднѣйшее казачество, съ чертами, представлявшими тѣснѣйшую аналогію съ самимъ восточнымъ богатырствомъ (замѣтимъ, что для исторіи его возникновенія г. В. С. Миллеръ могъ бы воспользоваться сказаніями о Святославѣ, которыя у него остались совсѣмъ нетронутыми). Такимъ образомъ изображеніе богатыря въ древней русской былинѣ было вовсе не рабской копіей съ восточныхъ оригиналовъ, какъ это казалось г. Стасову, а напротивъ реальнымъ изображеніемъ дѣйствительныхъ русскихъ типовъ и отношеній. Если они кажутся намъ необычными (г. Стасовъ не призналъ въ нихъ ничего русскаго), причины этому только въ томъ, что мы совсѣмъ затеряли объ нихъ историческую память. Во-вторыхъ, сходство получалось отъ того, что на эту бытовую основу налегли дѣйствительные отголоски восточныхъ сказаній: это были именно сказанія иранскія, прошедшія черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ они достигли русской почвы; оттого они по необходимости измѣнились и, сохранивъ только сущность сюжета, потеряли много подробностей, которыя могли, напротивъ, сохраниться въ новѣйшихъ азіатскихъ пересказахъ, оставшихся ближе къ самому подлиннику. Отсюда у г. Стасова было впечатлѣніе, что въ русскихъ былинахъ только искажены азіатскіе подлинники, тогда какъ на самомъ дѣлѣ между нашими былинами и этими азіатскими сказаніями (которыя г. Стасовъ изучалъ по сборнику Радлова), нѣтъ, собственно говоря, никакой связи: это двѣ совсѣмъ отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга вѣтви, отъ одного общаго и далекаго корня. Когда г. В. С. Миллеръ сталъ искать пути этого заимствованія въ связяхъ древней Руси съ смежными степными кочевниками, онъ стоялъ уже во всякомъ случаѣ на болѣе твердой исторической почвѣ, и какъ бы ни были дальнѣйшія объясненія подробностей древняго русскаго эпоса—здѣсь, несомнѣнно, указана одна изъ его дѣйствительныхъ сторонъ.

Съ тѣхъ поръ какъ къ объясненію быliny примѣненъ реальный сравнительно-историческій приѣмъ, вмѣсто прежнихъ мистическихъ блужданій, въ ней раскрылись многія любопытнѣйшія черты древняго русскаго быта и древняго народнаго поэтическаго творчества. Тѣ, кто въ этомъ мистицизмѣ видѣлъ истинное значеніе и толкованіе быliny, въ ея историческомъ толкованіи видѣли, напротивъ, униженіе ея достоинства, настоящую профанацію. Мы упоминали о томъ, до чего доходила вражда къ мнѣніямъ автора „Происхожденія русскихъ былинъ“. Даже люди науки въ былинѣ странное недружелюбіе къ самому сравнительному методу, который, собственно говоря, въ первый разъ открывалъ воз-

возможность дѣйствительнаго объясненія вопроса... Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ трудовъ Ор. Миллеръ, вспомнивъ по случайному поводу былинку о богатырѣ Святогорѣ, писалъ таковой намекъ на изслѣдованія г. Веселовскаго: „Отъ этой чудной былинки, какъ и отъ многихъ другихъ, ничего почти не осталось—съ тѣхъ поръ, какъ у насъ завелась ученая теорія о заимствованіяхъ, ведущая въ томъ видѣ, какъ она у насъ практикуется, къ *вывѣтриванію* изъ памятниконъ народной словесности живого смысла, живой души“¹⁾. Опытъ, каковой уже есть въ этомъ отношеніи, показалъ другое—что въ научномъ обращеніи вывѣтриваются, напротивъ, тѣ мистическія теоріи, которыя были только дѣломъ не-критическаго произвола. Истинный смыслъ, живая душа и настоящее достоинство произведеній народнаго творчества могутъ быть оцѣнены только при добросовѣстномъ, всестороннемъ изученіи: бояться, что послѣднее „вывѣтрить“ изъ нихъ ихъ содержаніе—значило бы только желать сохранить надъ этими произведеніями туманъ, который давалъ бы просторъ личной фантазіи. Мистическія толкованія этого рода обыкновенно дѣлаются въ духѣ сентиментальнаго народолюбія; что касается послѣдняго, то, кажется, желательнѣе было бы, чтобы это народолюбіе искало себѣ пищи не въ далекомъ прошломъ, которое должно быть дѣломъ одной науки, а въ непосредственномъ настоящемъ... Приведенныя слова могутъ подразумевать одно желаніе, которое и мы сочли бы справедливымъ: до сихъ поръ сравнительно-историческія изслѣдованія почти не выходятъ изъ частныхъ, и надо желать, въ интересахъ самаго дѣла, чтобы поставленъ былъ вопросъ о дѣломъ генезиса и историческомъ значеніи нашего народнаго эпоса. Г. В. Миллеръ сдѣлалъ смѣлую попытку въ этомъ направленіи, и это составляетъ немалую заслугу его труда.

А. Пыпинъ.

¹⁾ „Г. И. Успенскій. Опытъ объяснительнаго изложенія его сочиненій“. Ор. Миллера. Спб. 1889, стр. 125.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРИЗРАКЪ СЧАСТЬЯ.

Въ ту ночь, когда на темный садъ
Луна восточная свѣтила
И блѣднымъ блескомъ серебрила
Березъ и липъ красивый рядъ,
Въ тотъ часъ, когда обрывокъ тучи
По небу синему блуждалъ
И тихо звѣзды застилалъ,
Бросая тѣни хвостъ летучій,
Когда подъ мертвой тишиной
Нѣмою нѣгой ночь дышала
И сонной мглой соединяла
Съ небеснымъ міромъ міръ земной,—
Въ ту пору грустное волненье
Таилъ глубоко въ сердцѣ я:
Впервые къ блеску бытія
Питалъ я... Нѣтъ! То не презрѣнье:
То чувство было—меньшій братъ
Надеждъ обманутыхъ, утратъ
И непокорнаго сомнѣнья...
И говорилъ тогда мнѣ умъ:

—Къ душѣ придетъ ли миръ съ любовью?
Склонится ль правда къ изголовью
Смущенныхъ жизнью свѣтлыхъ думъ?..
Не вѣрю я мечтѣ безпечной,—

На рубежѣ могилы вѣчной
 Не встанетъ въ сердцѣ ни одна
 Тревогъ умоляющихъ волна...
 Пойми: не встанетъ!.. Гдѣ жъ заботы,
 Что принесла душѣ любовь?
 Ихъ нѣтъ... На вѣки стынетъ кровь,
 И смерть кончаетъ съ прошлымъ счеты.
 Жизнь только призраки даетъ
 Тому, кто истиннаго счастья
 Съ наивной вѣрой ждетъ и ждетъ:
 Слѣпое сердце не пойметъ
 Того, что видитъ взоръ безстрастья...

И умъ замолкъ... Онъ пересталъ
 Произносить душѣ свой ропотъ;
 Но мнилось мнѣ: невѣрный опытъ
 Въ надменной рѣчи той звучалъ.
 Луна за облакомъ скрывалась,
 И сердце снова грустью сжалось:
 Какъ будто дремлющая мгла
 Своимъ покровомъ облекла
 Мечты и думы и желанья,
 Какъ будто гордое познанье
 Разбило жертвенникъ его
 И, не оставивъ ничего,
 Все отняло для осмѣянья...

 II.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИРОДЫ.

Растаялъ снѣгъ, шумить рѣка,
 Волна съ волною гордо спорить,
 И плеску водъ обычно вторить
 Зарею пѣсня рыбака.
 Несется чолнъ... Рыбакъ, какъ прежде,
 Вѣряясь счастьемъ и надеждѣ,
 Закинулъ сѣть и лова ждетъ.
 Добыча будетъ: по лазури
 Не видно тучъ—предвѣстницъ бури,
 День ясный, тихій настаеъ.

По скатамъ горъ ручьи журчатъ,
Сливаясь съ бурною рѣкою;
Свѣтлѣ солнце надъ землею
И ярче розовый закатъ.

Прошла пора оцѣпенѣнья:
Для силъ дремавшихъ пробужденье
Съ весной спѣшить. На сонный міръ
Дыханье новой жизни вѣсть;
Встаетъ природа и лепѣтъ
Въ своихъ мечтахъ веселый пиръ.

Тотъ пиръ придетъ: въ тѣни лѣсовъ
Раздастся снова трель за трелью,
И небо будетъ колыбелью
Перистыхъ легкихъ облаковъ;
И въ часъ разсвѣта, въ часъ заката
Волною легкой аромата
Съ улыбкой міръ начнетъ дышать;
А въ сердцѣ снова вѣра встанетъ,
Что жизнь на время только вянетъ,
Что въ ней—безсмертія печать.

Легко, спокойно дышетъ грудь,
Блѣднѣетъ тѣнь былыхъ волненій,
И новыхъ грѣзъ отрадный геній
Зоветъ въ какой-то чудный путь...
Куда? Куда?.. Душа не знаетъ,
Но что-то свѣтлое ласкаетъ
Ея надежды и мечты...
То—юной жизни голосъ нѣжный
Чаруетъ сердце безмятежной
Святою пѣсней красоты.

III.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

Миръ ночью осѣненъ. Юпитеръ величавый
 Синѣющимъ лучомъ въ лазури заблесталъ;
 Въ вечерней мглѣ онъ будто поджидалъ,
 Пока погаснетъ блескъ зари кровавой:
 Сіять на небѣ одному
 Хотѣлось гордому ему.

Но мириады звѣздъ въ воздушномъ океанѣ
 Нежданно ночь зажгла невидимой рукой;
 И въ небесахъ надъ дремлющей землей,
 Какъ метеоръ, луна плыветъ въ туманѣ,
 И къ ней въ далекіе края
 Несется пѣсня соловья.

Тревоги дня молчатъ... Нѣмые великаны—
 Вершины темныхъ горъ виднѣются вдали;
 Блеститъ рѣчная гладь, и грудь земли
 Окутали волнистые туманы:
 Подъ ними, въ сонъ погружена,
 Въ цвѣтахъ повоится она.

И хочется душѣ съ той тихой ночью слиться,
 Чтобъ прошлое забыть, чтобъ счастье и покой
 Найти въ себѣ, чтобъ утренней порой
 На пиръ труда съ отрадою явиться,
 Чтобъ гордый умъ опять постигъ
 Давно забытый счастья мигъ...

В. Булгаковъ.

ПИСЬМА

С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ.

27 *).

Горный-Студень, 5-го августа.— Да, наступила осень, а я въ сущности и весны даже не видалъ; вмѣсто же лѣта, было какое-то пѣкло съ пылью, и до сихъ поръ фрукты или ягоды, если приходится ѣсть, то не иначе какъ въ консервахъ, въ компотахъ; даже овощи, и тѣ—въ консервахъ. Впрочемъ, кормясь и лакомясь по произволу нашего французскаго повара Вавасѣра, мы обречены здѣсь ѣсть то, что онъ хочетъ намъ давать, а не то, что можно здѣсь имѣть. Можешь себѣ вообразить, что этотъ нравственный уродъ дошелъ до того, что подаетъ намъ петербургское мясо, которое заливается тамъ въ сало въ формѣ желе и тяжелыми курьерами везется сюда. Всѣ смертные имѣютъ здѣсь мяса вдоволь, но нашъ французъ находитъ его недостаточно хорошимъ; кто ѣсть свѣжую капусту, а намъ подають консервы,—и нѣтъ кажется той силы, которая убѣдила бы это чудовище измѣнить такую систему кормленія, хотя послѣ того раза, что я вмѣшался въ это дѣло, все-таки стало лучше... Новостей никакихъ; отдѣльные геройскіе подвиги прекратились; турки сидятъ себѣ взаперти и вѣроятно готовятся къ чему-нибудь, хотя мнѣ ничего неизвѣстно; можетъ быть, и я теперь знаю меньше обыкновеннаго потому,

*) См. выше: май, 246.

что стараюсь по возможности меньше оставаться послѣ обѣда и послѣ завтрака, особенно въ тѣ дни, когда у насъ ѣдутъ изъ штаба, къ которому у меня сердце не лежитъ послѣ Плевны; кто же ихъ просилъ составлять такой планъ кампаніи, который былъ немислимъ при наличномъ составѣ войска! Горько! можно заплакать и наяву,—такъ это горько, такъ больно за русскаго солдата, за русскаго офицера, силы и мужество которыхъ заслуживаютъ чего-нибудь поважнѣе и посолиднѣе.

6-ю августа. — Въ палаткѣ опять было отлично и совсѣмъ не холодно. Вечеръ вчера былъ прекрасный, теплый; луна снова начинаетъ съ нами кокетничать; такая она здѣсь красивая, что я невольно часто вспоминалъ — магометане недаромъ выбрали ее за символъ своего божества. Мѣсто здѣсь чрезвычайно живописно; оно холмисто въ разныхъ направленіяхъ и ежедневно освѣщается при заходящемъ солнцѣ; также эффектенъ и лунный свѣтъ; сухо только на все это смотрится, — на душѣ-то нѣтъ рефлекса. Настроеніе снова самое томительное: ничего неизвѣстно, что готовится, что задумывается, — ничего не слышно; наша главная квартира — сама по себѣ, штабъ — самъ по себѣ; отдѣльные члены, исключая, конечно, главнѣйшихъ, не встрѣчаются и находятся въ очень натянутыхъ отношеніяхъ. Той стороною, очевидно, чувствуется критика нашей стороны, что, конечно, не можетъ ей улыбаться; повидимому, ждутъ, не дождутся, когда мы наконецъ уйдемъ, чтобы остаться полными хозяевами. Совершенно случайно моя палатка — рядомъ съ палаткой Ковалевскаго и аптекой, которая устроилась здѣсь очень мило. Цѣлый день почти провожу у себя въ палаткѣ; когда темно и нельзя ни писать, ни читать, то всего охотнѣе сижу подлѣ палатки да покуриваю. То тотъ, то другой подойдетъ: скучныхъ людей отпускаю быстро, поинтереснѣе кто — получаетъ мѣстечко и побесѣдуетъ; впрочемъ, долженъ признаться, такихъ очень немного. Съ 8-ми часовъ вечера до зари теперь играетъ на нашей площадкѣ музыка, которая не доставляетъ большого удовольствія: во-первыхъ, почти весь репертуаръ уже поистощенъ; а во-вторыхъ, полковая музыка пріятна изрѣдка и издалека, — мы же слушаемъ ее каждый обѣдъ въ теченіе полутора мѣсяца, и она порядкомъ пріѣлась, несмотря на отличное исполненіе преображенскимъ хоромъ...

О войнѣ пока ничего новаго; темные слухи ходятъ о томъ, что въ Плевнѣ у турокъ теперь 120 тысячъ войска; повидимому, что-то готовятъ. Если будетъ телеграмма о счастливомъ дѣлѣ, то почти съ большою вѣроятностью можно смотрѣть на это извѣстіе какъ на заявленіе о нашемъ скоромъ возвращеніи. Вчера бѣ

праздникъ преображенскаго полка, также всей артиллеріи и, наконецъ, день рожденія австрійскаго императора. Торжество это ничѣмъ особеннымъ не проявилось; за обѣдомъ было нѣсколько лишнихъ преображенцевъ, артиллеристовъ; сидѣли мы, противъ обычая, за обѣдомъ при шпагахъ и вечеромъ слушали пѣсельниковъ солдатъ и казаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ можно слушать казаковъ: хоръ строень, музыкаленъ; солдатскій же хоръ совсѣмъ мнѣ не по вкусу, да и пѣсни ужъ очень неважны. Сологубъ поставилъ какую-то пѣсню по поводу перехода черезъ Дунай и Балканы въ солдатскомъ вкусѣ, чтѣ вчера и пропѣлось—безъ особеннаго успѣха. Вчерашній вечеръ былъ особенно приятенъ; закатъ солнца прошелъ съ какими-то пурпуровыми свѣтами, не было рѣзкаго охлажденія воздуха послѣ заката и, наконецъ, было и тихо, и тепло; собаки лаяли и выли какъ-то меньше обыкновеннаго. Теперь новая музыка показала по вечерамъ, и она до такой степени постоянна, что ее перестаешь слышать—это кузнечики... Только по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ вліяніе Бѣлы, начинаешь цѣнить Горный-Студень; въ первое время меня здѣсь напугали холодныя, сырыя ночи, но это было, очевидно, слѣдствіе предшествовавшихъ дождей, а теперь ночи такъ теплы, что я ложусь совершенно раздѣтый, конечно покрываясь всѣмъ своимъ скарбомъ, т.-е. одѣяломъ, пледомъ, военнымъ пальто и, наконецъ, халатомъ; турецкую феску иногда надѣваю съ вечера, но большею частію сбрасываю; каучуковое пальто вѣшаю у изголовья: это защищаетъ мнѣ цѣлый уголъ. Эти дни я рѣшительно никуда не выходилъ, то оттого, что жарко, то оттого, что скучно. Дома въ палаткѣ все-таки для меня самое любезное мѣсто; тутъ есть и бумага, которая даетъ мнѣ возможность побесѣдовать съ тобой; тутъ газеты, которыя я читаю съ большимъ интересомъ; медицинское чтеніе плохо идетъ,—не то въ головѣ, слишкомъ много другихъ задирающихъ интересовъ, хотя въ сущности всѣ помыслы и вертятся только около одного интереса—около Плевны, которая дала такъ много, много горя,—и общаго—всей Россіи, и частнаго—намъ, маленькимъ людямъ. На чемъ останутся—до сихъ поръ никому неизвѣстно; будутъ ли ее, какъ нѣкоторые думаютъ, связывать желѣзнымъ обручемъ, рыть траншеи и бросать снаряды, или снова будутъ пытаться сдѣлать третью атаку. Жаль сдѣлать, если выберутъ эту послѣднюю систему: во-первыхъ, она можетъ неудаться, чтѣ будетъ въ высшей степени нехорошо, а во-вторыхъ, въ случаѣ удачи, можетъ ускользнуть значительная часть арміи вонъ и засѣсть въ другомъ мѣстѣ, откуда снова надо будетъ выбивать. Къ сожалѣнію, не хватитъ войска; прогулки за

Балканы приучили кавалерію, которая бы теперь могла оказать большую помощь. Государь теперь поправился и сегодня уже дѣлалъ смотръ, на который пошелъ и я,—стоялъ въ сторонѣ и вывѣдывалъ, нѣтъ ли у кого какихъ новостей, но очевидно, пока врядъ-ли что-нибудь есть опредѣленное. Сегодня обѣдаетъ здѣсь весь штабъ главнокомандующаго, слѣдовательно—торжество, котораго у насъ давно уже не бывало; это всѣхъ, очевидно, занимаетъ: все что-нибудь будетъ другое, не то, что каждый день.

28.

...Я сижу теперь въ палаткѣ, въ 2^{1/2} ч. дня, при 29° Реомюра! Въ тѣни на воздухѣ 28°, баром. 762—можешь какъ губка, потъ постоянно подтекаетъ со лба, съ висковъ въ глаза и мѣшаетъ читать; сижу я теперь въ одномъ бѣльѣ, предпринявъ всевозможное, чтобы вызвать сквознякъ, но онъ является только изрѣдка, время отъ времени обдавая какъ будто ледяною струей. Конечно, ко всему можно привыкнуть, и сегодня я все-таки былъ въ состояніи читать, побывалъ въ госпиталѣ и обошелъ больныхъ, что прежде для меня было бы невысказанно; даже не пьешь чай съ такимъ остервенѣніемъ, какъ прежде,—о чаѣ я даже и не вспоминалъ сегодня. Пожалуй, проживешь здѣсь подольше—не будешь и замѣчать этого пѣкла; впрочемъ, мы переносимъ температуру и въ 31° въ палаткѣ. Вообрази себѣ людей уже не первой молодости, привыкшихъ къ извѣстному комфорту жизни, живущихъ теперь въ срединѣ поля подъ непосредственнымъ почти вліяніемъ знойнаго солнца, безъ всякаго дѣла, а только ожидающихъ событій, которыя между прочимъ не совершаются, и ты себѣ можешь представить всеобщее здѣсь настроеніе. Есть люди, у которыхъ есть семьи, къ которымъ они стремятся, и они, какъ я замѣтилъ, переносятъ лучше это испытаніе, которому подвергается наша компанія. Тяжело особенно тѣмъ, у которыхъ никого нѣтъ, о комъ подумать, къ кому стремиться; эти выморочные совсѣмъ расклеились въ этой жизни и постарѣли въ два мѣсяца такъ, какъ будто прошло два года этой жизни. Впрочемъ, есть нѣкоторые изъ выморочныхъ и такіе, которые въ сущности нисколько не измѣнили своего образа жизни, и вмѣсто того, чтобы ходить играть въ карты въ клубъ, они составляютъ партіи здѣсь, и уже, конечно, солиднѣе, чѣмъ въ клубѣ, гдѣ собираются, кажется, только съ обѣда; здѣсь нѣкоторые устраиваютъ партію уже съ утра и продолжаютъ до вечера. Въ день прихода курьера, слѣдовательно въ день полученія

зеть, дѣятельность этихъ выморочныхъ измѣняется, — читаютъ газеты. Не будь картъ, эти выморочные повѣсились бы на первомъ деревѣ. Есть люди, которые имѣютъ видъ очень оживленный и какъ бы занятый: такъ напр., И—евъ, хотя онъ обязательно ничѣмъ не занятъ, но, имѣя возможность слѣдить за деталями событій, онъ вмѣстѣ съ этимъ и относится къ нимъ болѣе сознательно, какъ человѣкъ долго жившій на востокѣ. Еслибы у него не было этого постоянного самоудовлетворенія, выражающагося безпрестанно фразами: „я это предвидѣлъ, я объ этомъ уже говорилъ, я ихъ предупреджалъ и пр.“ — это былъ бы очень пріятный и живой собеседникъ. Одинъ изъ большихъ ресурсовъ собственно для меня, это — больницы и больница; но однообразіе болѣзней такъ рѣзко выступаетъ, что я больше чѣмъ когда-либо убѣждаюсь въ вѣрности одного изъ моихъ коренныхъ убѣжденій, что для военнаго времени въ особенности, и въ частности и вообще для военнаго сословія необходимо сформировать не столько ученыхъ, образованныхъ врачей, сколько техниковъ, которыхъ можно было бы готовить относительно въ короткое время и въ большомъ количествѣ. Въ сущности три, четыре патологическихъ формы составляютъ главный контингентъ больныхъ; ученый старшій врачъ, установивъ эти формы и способы ихъ леченія, могъ бы смѣло значительную массу больныхъ предоставлять наблюденію и леченію этими субалтернами, болѣе значительное число которыхъ могло бы съ лихвою вознаградить недостающее число врачей. Даже полевая хирургія до такой степени однообразна, что ею могли бы очень хорошо заниматься тѣ же техники, — конечно, подъ надзоромъ врачей ученыхъ, которые бы руководили дѣломъ. Сегодня я былъ въ госпиталѣ собственно въ первый разъ; онъ только-что открылся, и въ немъ пока только 54 человѣка больныхъ; госпиталь этотъ пришелъ изъ Кременчуга и пока развернетъ только одну свою половину какъ слѣдуетъ. Главный докторъ — полякъ, очень молодой человѣкъ, года полтора какъ окончилъ курсъ; всѣ главные доктора, которыхъ я до сихъ поръ видѣлъ, почти исключительно или поляки, или нѣмцы, или евреи. Не знаю, не понимаю, гдѣ лежитъ тайна этой загадки? Впрочемъ, они сдѣлали на меня недурное впечатлѣніе: съ интересомъ бесѣдовали о различныхъ вопросахъ полевой хирургіи, каждый изъ нихъ уже поработалъ на перевязочномъ пунктѣ, у каждаго уже кое-что выработалось. Я поднялъ исторію объ отзывѣ о поведеніи врачей подѣ Плевной и вызвалъ цѣлую массу возраженій, проверяющихъ ложныя показанія, основанныя, кажется, на шлетнѣ И., знаменитаго интригана, какъ его называютъ. Третьяго

дня этотъ господинъ явился ко мнѣ, и дѣйствительно онъ производитъ впечатлѣніе чловѣка, не очень высоко стоящаго въ нравственной іерархіи. Съ самымъ большимъ жаромъ онъ говорилъ собственно о военной тактической сторонѣ плевненскаго дѣла, интересовавшаго его лично больше по участию въ немъ Крюднера, его протектора; старался доказать, что Шлевна не была взята только по винѣ Шаховскаго, дѣйствовавшаго помимо плана Крюднера; впрочемъ, кажется это теперь и наиболѣе распространенное мнѣніе—въ дѣйствіяхъ обоихъ корпусныхъ, повидимому, не было никакого согласія... Посидѣвъ съ докторами, подъ блестящимъ луннымъ сіяніемъ, я отправился домой на свой бивуакъ. Надо было спуститься съ одной горы, пройти мостъ черезъ ручей и подняться на нашу гору; обманчивое освѣщеніе луной, конечно, заставило меня пропустить настоящій спускъ, пойти по другому, вслѣдствіе чего и пришлось поискать бивуакъ, огна котораго у меня были постоянно передъ глазами... Сегодня въ тѣни было 20°—вотъ тутъ и изволь справляться! Какъ началъ въ больницѣ изслѣдовать больныхъ, такъ потъ и каплетъ большими каплями, а какъ приложишь ухо къ тѣлу, то это мѣсто становится совершенно мокро. Безъ привычки—бѣда, не вынесешь. Въ эту-то жару вообрази себѣ солдатиковъ почти съ двумя пудами тяжести за плечами! Удивительно только, какъ здѣсь рѣдки случаи солнечныхъ ударовъ между нашими войсками. Очевидно, російскій климатъ ихъ ко всему приучилъ, и между прочимъ и къ холоду, и къ жару; и что за святое благодущіе у этого чловѣка, что за кротость! Можешь себѣ вообразить, какъ они себя мило держатъ съ турецкими плѣнными (конечно, съ низамомъ): кормятъ ихъ и ухаживаютъ, какъ за несчастными. Съ самой Плошты у меня есть казакъ изъ конвоя; онъ мнѣ прислуживаетъ и сопровождаетъ меня, если я верхомъ; что это за кротость этого красиваго лица въ характерѣ Христа, съ очень правильными чертами! Скромнень, тихъ, аккуратнень, внимателнень, точно женщина, а вѣдь тоже храбрець и все рвется въ дѣло; впрочемъ, грѣшенъ, послѣднему я не очень вѣрю: они все-таки слишкомъ привыкли теперь къ мирной жизни, чтобы стремиться искренно подъ пули, тѣмъ болѣе, что у каждаго почти семья. Донцы хороши только, говорятъ, для развѣдокъ, набѣговъ; при развѣдкахъ у нихъ непріятель всегда двоится въ своихъ силахъ; у нихъ всегда непріятеля „видимъ невидимо“... О братьяхъ теперь ничего не знаю; кажется, корпус Шаховскаго двинуть къ Османъ-базару, но дѣла тамъ пока и какаго нельзя ждать.

10-ю августа.—31 гр. въ палаткѣ, 30° на воздухѣ, бар. 76

На нашемъ бивуакѣ мертвая тишина; по нашей площадкѣ никто не пройдетъ изъ празднопатающагося народа; фельдъегеръ изрѣдка прогремитъ шпорами и саблей, проходя съ какой-нибудь бумагой отъ Государя въ военно-походную канцелярію, помѣщающуюся за нашими палатками въ какомъ-то сараѣ для хранения кукурузы; снова тишина, — только за моей палаткой около двухъ часовъ подъ-рядъ раздается монотонный голось моего казака, читающаго чуть не по складамъ что-то о Керимъ-пашѣ Антону, который, кажется, давно уже заснулъ. Они устроили свою палатку изъ двухъ рогожъ, повѣшенныхъ подъ угломъ на дышлѣ коляски, и, повидимому, чувствуютъ себя совершенно счастливыми...

Теперь мы всё находимся въ чрезвычайно напряженномъ состояніи: еще вчера получено извѣстіе, что турки напали на Шипку съ большими силами, тысячъ въ 20, а нашихъ тамъ, кажется, не очень много; нападеніе было отбито; турки повели атаку съ фланговъ, стараясь обойти нашихъ черезъ горы. Послано хорошее подкрѣпленіе, теперь ждемъ; до сихъ поръ шло отлично, динамитомъ взорвали цѣлый баталіонъ турокъ, которыхъ, полагають, легло уже тысячъ пять, нашихъ ранено только 200 чел. Если побѣда въ этомъ мѣстѣ будетъ полная, то это очень важно для хода всего дѣла. Сулейманъ-паша, турецкій генераль — самый изъ нихъ энергичный; его войска набрались смѣлости въ Черногоріи (впрочемъ, ты, вѣроятно, все это съ большими подробностями прочтешь въ газетахъ). Все ожидаемъ чего-нибудь рѣшительнаго подѣ Плевной.

Въ обозѣ соображаютъ по своему; вчера Антонъ мнѣ объявилъ, что 16-го Государь отсюда выѣзжаетъ въ Питеръ, но, конечно, эти новости не имѣютъ никакого серьезнаго значенія. Все лакейство страстно желаетъ ѣхать и предвидитъ день отъѣзда безъ достаточнаго спокойствія; такимъ образомъ, мы уѣзжаемъ не къ 22-му, а къ 27-му ч., и т. д. Тѣмъ не менѣе, надо полагать, что послѣ какого-нибудь хорошаго дѣла мы здѣсь не останемся; хотя объ этомъ рѣшительно никто положительнаго не знаетъ, но это мнѣніе теперь довольно распространено. Продолжаютъ ругать, и довольно громко, Л., который очевидно и ворочаетъ всѣмъ штабомъ; на Н. смотрятъ какъ на неотвѣтственное. цю по старости лѣтъ, и вся вина, молъ, въ этомъ Л. „забалканскомъ“ (какъ его называютъ, потому что выгнали изъ-за Балканъ). Но я очень счастливъ, что въ этотъ пріѣздъ не видалъ той личности; впрочемъ, я избѣгалъ и Н. — мнѣ они оба неприятели, это мнѣ даже трудно скрывать. Когда мы выѣзжали въ Гор-

ный-Студень, насъ встрѣтилъ главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ; Н. былъ въ толпѣ (послѣ Плевны), и я вдругъ съ нимъ поровнялся, но у меня не хватило смѣлости съ нимъ раскланяться; я осадилъ свою лошадь и весь углубился въ ея голову. Теперь мнѣ приходится иногда видѣть этого старца издали, черезъ весь столъ. До сихъ поръ, кажется, онъ ни одного звука не произнесъ. До перехода черезъ Дунай эта таинственность имѣла свое значеніе, но теперь, кажется, нѣкоторые начинаютъ думать, что этимъ молчаніемъ прикрывается нѣчто другое...

.. На нашемъ бивуакѣ нѣтъ ни одного дерева, но къ западу по дорогѣ тутъ прекрасная прогулка съ разнообразными деревьями; дорога идетъ подъ гору, между турецкими и болгарскими садами, съ разрушенными домами; изъ-за кустарника и деревьевъ выглядываютъ громадныя скирды хлѣба, и нерѣдко на самой верхушкѣ одинъ, а иногда два пса. Еслибы не было такъ убійственно жарко, то здѣсь можно было бы дѣлать очень интересныя прогулки — мѣстность живописная; но днемъ невыносимо, а вечеромъ очень скоро темнѣетъ, да и боязно ходить по этимъ трупобамъ, тѣмъ болѣе, что немногіе болгары, которые здѣсь встрѣчаются, относятся совсѣмъ не любезно, даже не говорятъ „здравствуй“, какъ въ Бѣлѣ: молча, мрачно проходятъ, не кланяясь.

11-го августа.—Въ 4 ч. 32⁰ Реомюра въ палаткѣ, въ воздухѣ 31⁰, баром. 763! Хотя нынче на одинъ градусъ больше вчерашняго, но кряхтять всѣ несравненно больше вчерашняго, и дѣйствительно, какое это мученье! До завтрака я былъ въ состояніи заниматься, несмотря на то, что въ 7^{1/2} ч. утра было уже 22⁰, но послѣ 12 часовъ, при постепенно нарастающей жарѣ, заниматься было невозможно; я, раздѣтый, подъ одной простыней, лежалъ въ своей палаткѣ и махалъ вѣеромъ, который мнѣ сегодня почти насильно приподнесъ нашъ неудавшійся историографъ—Сологубъ. Съ трудомъ поднялся теперь, чтобы написать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что сегодня уѣзжаетъ курьеръ. Дерутся тамъ съ 9 часовъ; наши отбили уже 10 атакъ; турки начинаютъ рыть траншеи и приближаться; не хватаетъ на обѣихъ сторонахъ воды. Вчера у насъ было не болѣе 460 раненныхъ, а у турокъ—болѣе пяти тысячъ; сегодня вечеромъ только атакуютъ съ тыла Радецкій. Кажется, турки рѣшились напирать во всѣхъ мѣстахъ,—вѣроятно, торопятся до прихода подкрѣпленія, но къ счастью уже нѣсколько дивизій прибыло. Успѣхъ подъ Плевной далъ имъ много храбрости. Нападать—совершенно не въ характеръ турокъ. Если будетъ какая-нибудь серьезная удача, то я по прежнемъ

надѣюсь на скорое возвращеніе, хотя объ этомъ ничего навѣрное еще не говорится. Сегодня рѣшительно не въ состояніи писать — изнеможеніе одолеваетъ; опять ложусь и буду отмахиваться.

29.

12-го августа. — Солнце надъ нами не хочетъ сжалиться: печетъ насъ, сколько есть у него силы, только сегодня какъ-то легче его переносить; можетъ быть, вслѣдствіе того, что въ палаткѣ устроился удачный сквознякъ; оттого ли, что на крышу наложили сѣна и закрыли соломой, но сегодня въ двери своей палатки я могъ все-таки до сихъ поръ сидѣть и читать; долженъ, впрочемъ, признаться, что чтеніе достается трудно — голова тяжелая, мысль лѣнивая; но сегодня все-таки до нѣкоторой степени могъ превозмочь надъ собой, только въ госпиталь не могъ идти; не могу себѣ представить, какъ переѣхать, хотя бы и вечеромъ, около версты слишкомъ, пространство подъ этимъ зноемъ: вѣдь на пескѣ около моей палатки 41°... А тамъ у Шипки все дерутся, не отдыхая даже и по ночамъ! Съ нынѣшняго утра въ 8 ч. снова турки атаковали; у Радецаго просили быстрого подкрѣпленія, а онъ только-что пришелъ въ Габрово и, несмотря на это, отправилъ своихъ стрѣлковъ верхомъ на казацкихъ лошадяхъ. Последнее извѣстіе было изъ Габрова отъ людей, не участвовавшихъ въ бою, а наблюдавшихъ издали, — что турки или отбиты, или отошли. Теперь тамъ считаютъ много войска и надѣются, что дѣло будетъ выиграно. Было извѣстіе, будто кн. Вяземскій раненъ въ ногу на-вылетъ — легко... Какое мучительное состояніе этого тягостнаго ожиданія, особенно когда подорвано довѣріе къ нѣкоторымъ распорядителямъ! Сколько добраго, хорошаго погибаетъ только изъ-за одной неспособности, или еще хуже — изъ-за самолюбія отдѣльныхъ личностей! Что касается до меня, я сильно рассчитываю на Радецаго: это, кажется, отличный корпусный командиръ, чрезвычайно привлекательной, смѣлой и честной наружности, пользуется большою любовью всѣхъ своихъ сослуживцевъ; у него въ корпусѣ, между прочимъ, и другой мой любимецъ, Драгомировъ. Вѣроятно, къ вечеру разрѣшится наше ожиданіе какимъ-нибудь рѣшительнымъ извѣстіемъ. Сегодня только два раза будили Государя — все съ извѣстіями оттуда; но онѣ ничего не приносили другого, какъ то, что турки наступаютъ, а наши держатся и отбиваются. Позиція нашихъ великолѣпная, но какъ непростительно мало отправлено было войска нашими стра-

тегами, которые, между прочимъ, въ своей учености вѣрять нерѣдко больше фальшивымъ картамъ, чѣмъ людямъ, видѣвшимъ и знающимъ мѣстность... Но Богъ имъ судья! Будемъ надѣяться на русскаго человѣка, на его мощь, на его звѣзду въ будущемъ. Можетъ быть, онъ со своей несокрушимой силой сдумѣетъ выбраться изъ бѣды, несмотря на стратеговъ, интендантовъ и тому подобное. Вѣдь надо ближе посмотрѣть на русскаго солдата, чтобы со злобою относиться къ тѣмъ, которые не умѣютъ руководить имъ. Ты видишь въ немъ и силу, и смыслъ, и покорность. Всякая неудача должна позоромъ ложиться на тѣхъ, которые не сдумѣли пользоваться этой силой; вглядываясь въ нашихъ военныхъ, особенно старшихъ, такъ рѣдко встрѣчаешь человѣка съ специальными свѣденіями, любящаго свое постоянное дѣло; большая часть изъ нихъ знакома только съ внѣшней стороной своего дѣла—проскакать бойко верхомъ, скомандовать: „направо, налѣво“, да и баста! Много ли изъ нихъ такихъ, которые слѣдятъ за своей наукой, изучаютъ свое дѣло? Военный человѣкъ въ извѣстномъ чинѣ—это у нихъ есть самое пріятное, свободное положеніе человѣка, дающее ему право заниматься всѣмъ, чѣмъ хочетъ. Наиболѣе порядочные изъ нихъ отлично занимаются своимъ собственнымъ дѣломъ, устриваютъ имѣнья и пр., читаютъ газеты, литературныя произведенія, посѣщаютъ театры и пр., удовлетворяясь по военной специальности только тѣмъ, что приобрѣли въ школѣ. Много ли у насъ такихъ, которые съ любовью занимаются своей специальностью?

Послѣдствіемъ этого и бываетъ то, что у турка ружье стрѣляетъ дальше, чаще, турка ѣсть отличную галетку съ сыромъ,—а у нашего и сухари не всегда бываютъ; турки въ отличной палаткѣ въ лагерѣ съ гигиеническими приспособленіями, съ отхожими мѣстами,—а нашъ солдатикъ заражаетъ себя своими собственными отбросами. Проѣзжая съ Государемъ корпусъ Ш., меня едва не вырвало отъ вони разбросаннаго на полѣ; есть даже люди, утверждающіе, что это—здоровый запахъ! Есть возможность существованія даже такого дивизионнаго начальника, какъ какой-то Б.: изъ его дивизіи обыкновенно привозили, и всего больше, тифозныхъ и тяжелыхъ больныхъ, нѣкоторые даже умирали дорогой; а онъ, противъ мнѣнія своихъ врачей, пришелъ самъ въ тому убѣжденію, что мясо солдату вредно, пересталъ кормить мясомъ и не обращалъ никакого вниманія на увеличившуюся болѣзненность и смертность въ своей части; ему медики пишутъ по поводу этого бумагу, а онъ на нее не отвѣчаетъ,—не

признаетъ надъ собою никакой власти и никакихъ медицинскихъ совѣтовъ.

Вчера вечеромъ здѣсь было большое происшествіе—затмѣніе луны; оно началось часовъ около 12-ти и было такъ значительно, что я еще подобнаго не видалъ: полная совершенно луна вся закрылась; на небѣ остался театральнй мѣсяцъ съ неполнымъ освѣщеніемъ. Объ этомъ затмѣніи много толковалъ И-евъ еще за нѣсколько дней, рассказывая, что турки объясняютъ это явленіе тѣмъ, что чортъ воруетъ луну, и вслѣдствіе этого они приходятъ въ величайшее неистовство, стрѣляютъ въ нее и хотятъ такимъ образомъ проучить злого духа; онъ очень уговаривалъ начальниковъ воспользоваться этими часами смятенія, чтобы сдѣлать нападеніе на турокъ; не знаю, употребили ли это „радикальное“ средство. Сегодня ничего особеннаго не слышно,—извѣстно только то, что вчера ночью подъ Шипкой дрались. Этотъ же знатокъ восточнаго міра утверждалъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ, что стѣитъ русскимъ показаться за Дунаемъ—вся Болгарія возстанетъ, и мы черезъ шесть недѣль въ Константинополь; что у турокъ нѣтъ ни оружія, ни арміи, и пр. и пр. Но мы пока не далеко ушли...

Для характеристики отношеній обѣихъ квартиръ—слѣдующее: одинъ изъ штаба главнокомандующаго сѣтовалъ на пребываніе здѣсь Государя, утверждая, что онъ мѣшаетъ, и когда-то онъ уйдетъ...

— Да, дѣйствительно, онъ мѣшаетъ дѣлать глупости,—замѣтилъ одинъ изъ остроумныхъ и честныхъ людей, позволяющихъ себѣ иногда свободно высказывать истины...

Нѣкоторые позволяютъ себѣ говорить, что всѣ неудачи отъ присутствія Государя; но не стану говорить объ этомъ дѣль прежде времени: посмотримъ, чтѣ будетъ.

13-го августа.—Я не думаю, чтобы нашъ отъѣздъ затянулся, но вѣдь, все-таки, кто же знаетъ, когда? Вѣдь теперь не уйдемъ же, когда дѣло, такъ сказать, начинается только разгораться. До сихъ поръ на Шипкѣ все дерутся; наши все геройски стоятъ, но, повидимому, и турки твердо рѣшились не отставать отъ этого прохода. Сегодня снова началась атака, а вчера была цѣлый день перестрѣлка; повидимому, у нашихъ все-таки нѣтъ достаточно силъ, чтобы отбить атаку, перейти въ наступленіе. Не могу передать, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ эти депеши изъ Шипки, или лучше изъ Габрова, такъ какъ только оттуда идетъ телеграфъ. Официальныя депеши главнокомандующему и Государю начальники присылаютъ не очень часто,—такъ

три депеши въ сутки; отыскался какой-то благодѣтель-телеграфистъ въ Габровѣ, который отъ себя и телеграфируетъ здѣшнему своему товарищу, а этотъ послѣдній сообщаетъ и главнокомандующему, и Государю. До сихъ поръ всѣ депеши оказывались очень вѣрными. Будемъ ждать, будемъ терпѣть; я уже привыкъ носить на душѣ это тяжелое, тоскливое ощущеніе. Сегодня у насъ прохладно; температура уменьшилась въ сущности только на 4^о, но появившійся съ этимъ вѣтеръ дѣлаетъ день очень пріятнымъ, и у себя въ палаткѣ я жары ни малѣйшей не ощущаю, благодаря устройству надъ палаткой навѣса, который мнѣ вчера вечеромъ сфабриковали солдатики: сходили верстъ за пять въ лѣсъ, вырубали нѣсколько деревьевъ, четыре изъ нихъ врыли въ землю, связали эти деревья нѣсколькими перекладинами, устроили переплетъ и завалили его вѣтвями; вся палатка очутилась въ отличнѣйшей тѣни, которою частно могутъ пользоваться даже и сосѣди; въ самой палаткѣ прохладнѣе, чѣмъ на воздухѣ. Сегодня воспользовался первымъ возможнымъ днемъ, чтобы отправиться въ госпиталь, гдѣ уже 190 человѣкъ больныхъ, не тяжелыхъ, и большею частью отсталыхъ отъ проходящей части. Я только-что удивлялся, что здѣсь рѣдки случаи солнечнаго удара, а вчера въ одномъ проходившемъ мимо полку умерло 6 человѣкъ отъ солнечнаго удара. Тяжелая война! Надо во-очію видѣть здѣшнія условія, чтобы снять съ почтеніемъ шляпу передъ солдатомъ и передъ этимъ юнымъ народомъ, привыкшимъ къ извѣстнымъ удобствамъ жизни. Еслибы ты видѣла, чтѣ такое походная, теперешняго образца, офицерская палатка: изъ одиночнаго полотна натянутый въ обычной формѣ треугольникъ, въ которомъ во весь ростъ не вездѣ можно встать, и который, въ сущности, не защищаетъ ни отъ солнца, ни отъ дождя, еще менѣе отъ холода; въ такой палаткѣ устанавливаются нѣсколько постелей, на которыхъ и жмутся эти бѣдные люди, и въ добрый часъ сказать—мало хвораютъ. Наши офицеры были бы для меня еще болѣе симпатичны, еслибы у нѣкоторыхъ изъ нихъ не сидѣла крѣпко страстишка къ наградамъ; эта черта въ значительной мѣрѣ охлаждаетъ мое къ нимъ почтеніе... Можетъ быть, я приведу съ собой мою теперешнюю верховую лошадку, которая мнѣ отлично служить и не трясетъ меня; я бы ничего не желалъ имѣть лучшаго, а изрѣдка проѣхать верхомъ мнѣ положительно полезно. Если все съ ней пройдетъ благополучно, вѣроятно, я ее и приведу; нравомъ ея я очень доволенъ, отъ ѣзды въ восторгъ; покойнѣе лошади у меня никогда не было и такая смыслѣная: сидитъ одинъ разъ побывать гдѣ-нибудь—ужъ на слѣдующій везетъ сама и норовитъ ѣхать ближайшимъ путемъ.

съ сокращеніями, перерѣзая діагоналями дороги прямо по травѣ. Дорогу въ госпиталь она, конечно, отдѣлываетъ, не совѣтуясь со мною, и какъ только завидитъ палату, такъ и припуститъ; но стоитъ сдѣлать ей только: тшш! — она сейчасъ же придержитъ. Лошадка прелестная, и она давала мнѣ не мало удовольствія, тѣмъ болѣе, что расположеніе ея духа не мѣнялось подъ вліяніемъ переживаемыхъ нами ощущеній. Первую половину нашего задунайскаго похода однимъ изъ забавляющихъ общество нашего края стола былъ нѣкій полковникъ Л., который, обладая талантомъ копировать, увеселялъ почтенное общество; теперь, увы, я ему даже сказалъ, что мы знакомимся съ нимъ въ его второмъ изданіи, значительно измѣненномъ, хотя и не дополненномъ; такъ, впрочемъ, не одинъ Л. измѣнился, — про нѣкоторыхъ даже спрашиваютъ меня, какъ доктора: „Вы ничего не замѣчаете въ такомъ-то? какъ будто у него и глаза уже стали косить?“ и пр.

14-го августа. — Вчерашній вѣтеръ сѣверо-восточный стихъ — на пескѣ на солнцѣ 33° Реомюра! Вчера отъ тебя не было депеши — впрочемъ, онѣ такъ неакуратно сюда ходятъ, что нерѣдко приносятъ двѣ заразъ; задержка, во-первыхъ, въ массѣ депешъ, идущихъ по одной линіи, а изъ нихъ почти все служебныя; другая же причина задержекъ — безпрестанная порча нитокъ, то на мосту черезъ Дунай, гдѣ при всякомъ сильномъ волненіи ломаются столбы и рвутся нитки, затѣмъ на дорогѣ ломаются столбы проѣзжающими обозами; здѣсь нѣтъ большихъ телеграфныхъ столбовъ — это полевой телеграфъ, состоящій изъ маленькихъ, довольно тонкихъ шестовъ, которые неясно видны ночью и нерѣдко за дѣваются колесами непрерывно тянущагося обоза; кромѣ этихъ причинъ: перерывать помогаютъ также злоумышленники: такъ, на дняхъ здѣсь, кажется, казнили пятерыхъ цыганъ, пойманныхъ въ намѣренномъ разрушеніи телеграфныхъ столбовъ. Благодаря всему этому, и приходится оставаться долго безъ извѣстій, несмотря на самую милую и предупредительную внимательность ко мнѣ начальника телеграфовъ, старичка Ш., играющаго немаловажную роль въ здѣшней жизни. Это крайне добрый телеграфный генералъ, съ незначительнымъ образованіемъ стараго кадетскаго корпуса, начавшій свою служебную карьеру при Николаѣ Павловичѣ еще на махальномъ телеграфѣ; съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ этой дѣятельности и исключительно былъ занятъ подачей депешъ при дворѣ; можешь себѣ вообразить, что осталось зъ бѣдномъ старикѣ при такой исключительной дѣятельности, занимавшей у него почти цѣлыя сутки; тѣмъ не менѣе, эти занятія не отняли у него величайшаго благодушія, въ силу кото-

раго онъ, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ подъ-рядъ, каждый обѣдъ выдѣлывалъ руками всѣ артикулы старой манеры заряженія ружей, причѣмъ завязывался каждый разъ одинъ и тотъ же споръ, что заряженіе ружья прежде дѣлалось не на 12, а на 18 темповъ; старикъ утверждалъ, что на 12, и снова начиналъ воспроизводить ясно механику, ударяя себя и по боку, и по задѣ; первое время я этому не смѣялся, но когда я увидалъ въ 15-ый разъ всю эту процедуру, я не выдержалъ и хохоталъ самымъ искреннимъ образомъ; но старикъ на это не обижается и всякій разъ готовъ повторить всю процедуру, если кто заявитъ свое сомнѣніе относительно 12 или 18 темповъ заряженія. Обыкновенно это происходитъ за обѣдомъ, въ антрактахъ между кушаньями; иногда смѣешься этимъ глупостямъ отъ души, особенно когда наболить на сердцѣ и когда готовъ чуть не истерически захохотать или расплакаться... Сегодня шестой день, что наши нервы напряжены непрекращающейся битвой у Шипки; вчера, по нынѣшней телеграммѣ, тамъ выбыли еще 400 нижнихъ чиновъ, 30 офицеровъ—громадный % для начальниковъ, которые, очевидно, держатъ себя героями. Драгомирова рана довольно тяжелая—раздробленіе бо-лѣннаго сустава; генералъ Дорожинскій убитъ... Давно ли я его видѣлъ въ Систовѣ, свѣжимъ, румянымъ, съ шансами жить, можетъ быть, еще не одинъ десятокъ лѣтъ! Начальникъ корпуса Радецкій самъ водилъ свою колонну въ штыки... При полученіи всѣхъ этихъ вѣстей, чуть не каждые три, четыре часа, нервы ужасно напрягаются. И все спрашиваешь себя: ну, неужели же, наконецъ, все-таки должны будемъ уступить этой массѣ турокъ, которая, очевидно, давитъ на Шипкинскій проходъ? Солдаты насколько не унываютъ, хлебаютъ свою кашу и, выйдя съ позиціи, острять, какъ ни въ чемъ не бывало. Имъ попадаетъ пуля въ котелокъ съ кашей—они замѣчаютъ, что турки посылаютъ имъ соль. Говорятъ, что у турокъ тамъ до ста тысячъ; впрочемъ, и у насъ хорошія силы. Нѣкоторые теперь утверждаютъ, что сомнѣваться нечего, что мы одолѣемъ. Будемъ надѣяться. Нынѣче утромъ въ телеграммѣ сообщалось, между прочимъ, что въ рядахъ турокъ слышится русскій языкъ, русскіе голоса, называющіе нашихъ офицеровъ по имени!! Вѣроятно, поляки, убѣжавшіе изъ нашихъ рядовъ, или, какъ предполагаютъ другіе,—наши красноречивые социалисты. Слышны были подобныя показанія и при атакахъ Плевны, гдѣ ясно кричали по-русски: „нѣтъ, теперь турки не те, что были!“... Наша родина находится въ такомъ періодѣ развитія, что подобныя явленія возможны, но нельзя допустить, чтобы ихъ людей у насъ было много,—это невозможно, немисл

Сегодня я долженъ былъ ѣхать къ обѣднѣ (прошлое воскресенье Государь почувствовалъ себя дурно, а я не былъ тамъ); церковь походная, стоитъ на бивуакѣ главнокомандующаго и помѣщается, въ сущности, въ очень небольшой палаткѣ; большая часть даже свиты принуждена была стоять съ непокрытыми головами подъ солнцемъ—вообрази себѣ—при 28° Реомюра! Я все ждалъ, что съ кѣмъ-нибудь сдѣлается солнечный ударъ, но къ счастью обошлось безъ приключеній. Долженъ признаться, что много злобы выпѣло у меня на это невниманіе къ человѣку, почти невысказанное ни въ какой другой странѣ; жить въ южномъ климатѣ съ привычками и обычаями сѣверянъ—немыслимо! Хорошо, должно быть, нашъ солдатикъ обстрѣленъ, выдерживая 28° въ полѣ, если только 6 человѣкъ на полкѣ умираетъ отъ солнечнаго удара на жарѣ; но вѣдь не всѣ же обладаютъ этой способностью выносить жаръ. Чего же стоитъ поставить или большой навѣсъ, или натянуть холстъ и пр.! Эти явленія я отношу къ недостатку культуры. Вчера вечеромъ, за чаемъ, читали русскія газеты, какъ обыкновенно, выборку изъ всѣхъ; конечно, все критическія статьи о планѣ кампаніи, объ ошибкахъ и недостаткѣ свѣденій, о невозможности писать изъ арміи,—и онѣ были прочитаны въ присутствіи главнокомандующаго. Конечно, ему пришлось все это слышать не въ первый разъ, тѣмъ болѣе, что въ большей части хорошихъ газетъ высказываются мнѣнія ходячія въ самой квартирѣ,—но читать это въ русскихъ газетахъ было не вредно. Жаль только, что не было Н. и Л., которымъ особенно было бы здорово послушать.

Теперь во время этихъ жаровъ я почти не хожу пѣшкомъ: не хватаетъ силы воли, да и не чувствую потребности, тѣмъ болѣе, что я безъ всякой ходьбы чувствую себя совершенно хорошо. Вѣдь даже вечеромъ отъ десятка шаговъ обливаешься потомъ. Вчера послѣ обѣда вздумалъ—было сдѣлать прогулку въ коляскѣ, пригласивъ съ собой Ковалевскаго; подвернулся Щелковъ, я и ему предложилъ; пока старичокъ ходилъ за своимъ пальто, стало порядкомъ темнѣть, и наша прогулка не дала особеннаго удовольствія. Поѣхали мы было къ лѣсу,—до него, однакоже, не доѣхали; проѣхали только лагерь какой-то бригады, съ неизбѣжнымъ спутникомъ человѣческаго существованія въ видѣ вони, и должны были вернуться; мѣсяцъ мѣдновраснаго цвѣта лѣниво вышывалъ изъ-подъ горизонта и освѣщала довольно красивый видъ низкихъ окрестностей. Около девяти часовъ послышались со всѣхъ сторонъ сигналы къ зорѣ, поближе слышалась и команда къ молитвѣ; проѣзжая цѣпи, мы видѣли солдатиковъ, стоящихъ безъ

фуражекъ и также молящихся; хотя до нихъ и не долетали слова молитвы. Все это вызываетъ всегда какое то особенное настроеніе, которое мнѣ всегда напоминаетъ музыку, цѣлые ряды аккордовъ, странно идущихъ другъ за другомъ и затѣмъ исчезающихъ въ пространствѣ, оставляя въ сердцѣ что-то неуловимое, неясное, которое только мало-по-малу проясняется.

Возвращались мимо госпиталя и, какъ слѣдуетъ, сбились съ дороги при спускѣ, проколесивъ около получаса лишнихъ по северной, не торной дорогѣ.

15-го августа.—Быль сегодня въ госпиталѣ и вымокъ и выпекся до изнеможенія. Еслибы еще съ театра военныхъ дѣйствій новости были утѣшительнѣе, такъ, кажется, перенесъ бы и не такую жару; но до сихъ поръ только и слышишь, что каждый день отъ 350 до 400 нижнихъ чиновъ выбываетъ изъ строя, а вчера наши сдѣлали атаку и потеряли безъ толку 800 нижнихъ и 50 офицеровъ. Когда кончится эта война?—спросили дѣльнаго и талантливаго прусскаго офицера, который пріѣхалъ съ позиціи. „Если не прибавитъ значительно войска, то нѣтъ и причины ей кончиться“,—вотъ что отвѣтилъ очевидецъ этой позиціи, которая оказывается просто неважно укрѣпленною. Пока будутъ только защищаться, позиціи не возьмутъ; но у насъ постоянно выбываютъ люди, а турки подъ тѣнью деревьевъ съ водой и съ теплою пищей стрѣляютъ и стрѣляютъ; атаки ихъ отбиваются, но ихъ выгнать съ позиціи не хватаетъ у насъ силъ.

Намъ въ утѣшеніе остается сѣтовать на штабъ, съ тоскою ложиться спать и съ болѣзненнымъ ожиданіемъ проспать. Вчера привезли сюда 257 раненыхъ; очевидно, отобрали самыхъ легкихъ, серьезныхъ почти нѣтъ. Я просилъ отъ имени Государя, чтобы дали знать тотчасъ же, какъ привезутъ; но, не желая показывать своихъ слабыхъ сторонъ, начальство устроило такъ, что я издали въ полѣ самъ увидѣлъ пыль въ направленіи госпиталя, и, сообразивъ, что это транспортъ, отправился туда безъ всякаго предувѣдомленія; но пока осѣдлали лошадей, пока я доѣхалъ, прошло достаточно времени для того, чтобы всѣхъ этихъ раненыхъ уже выложить и распредѣлить по палаткамъ; телеги же тотчасъ въ карьеръ были выпровожены такъ, что отъ транспорта и слѣда не осталось. Конечно, я церемониться не сталъ и, какъ умѣлъ, отжевалъ медицинскаго инспектора, разыгравъ шага вначалѣ наивнаго чловѣка, якобы не понявшаго моего желанія и т. д. Вездѣ передергиваніе картъ; какъ часто это видишь, но не можешь только уловить моментъ, чтобы схватить за руку и накрыть съ поличнымъ. Вчера, напр., стали при 1 б

разносить супъ раненымъ; попробовалъ и нашелъ борщъ такимъ вкуснымъ, что если бы только не было совѣстно, — съѣлъ бы не одну тарелку. Борщъ былъ приготовленъ изъ консервовъ Алибера, но при всемъ этомъ я даю свою правую руку на отсѣченіе, что этотъ борщъ былъ парадный, что онъ подается не всякій день, а только тогда, когда ждутъ посѣтителей.

30.

16-го августа. — ...Я не успѣлъ дописать этой страницы, какъ ко мнѣ пришелъ и засѣлъ одинъ изъ праздношатающихся — Н. М.; я оставилъ перо и началъ вести съ нимъ обязательные скучные разговоры, потому скучные, что это одинъ изъ неудавшихся героев охоты за Балканы, отъ которыхъ, кромѣ трескучихъ телеграммъ Г. съ компаніей, никакой пользы не было. Потеряна слишкомъ тысяча человѣкъ. Считаю Н. М. изъ другого лагеря, я избѣгалъ съ нимъ говорить, и потому бесѣда тянулась съ особенной скукой. Едва онъ ушелъ, явился Щ., котораго очень удачно назвали нашимъ общимъ духовникомъ, такъ какъ всѣ телеграммы черезъ него уходять и приходятъ. Старичовъ забѣжалъ спросить, получилъ ли я депешу, которую онъ уже видѣлъ и распорядился отослать ко мнѣ. Оказалось, что старикъ пришелъ раньше посланнаго казака.

Изъ Шипки сегодня нѣтъ извѣстій, а вчера вечеромъ было нѣчто такое, что пахнетъ подготовкой къ отступленію нашихъ: турки два дня стрѣляютъ мало, но готовятъ батареи на высотахъ, съ которыхъ будетъ обстрѣливаться значительная часть нашей дороги, по которой доставляется провізія, снаряды и пр., а это сдѣлаетъ невозможнымъ держаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Воздухъ на Шипкѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ тысячъ труповъ русскихъ и турецкихъ, гніющихъ на глубинѣ обрывовъ, въ ущельяхъ, сдѣлался въ высшей степени тяжелъ и, конечно, можетъ быть и опаснымъ. Трупы не хоронились, а сбрасывались въ пропасть въ теченіе всего времени продолженія этой бойни. Хоронили только офицеровъ: некогда, да и лопать не хватало. Вчера, наконецъ, отправился туда и Неповойчицкій; вѣроятно, онъ и рѣшитъ окончательно, что дѣлать. Вчера также Государь сталъ спокойнѣе и бодрѣе, что даетъ основаніе думать, что приняли какое-нибудь рѣшеніе, и это повліяло на здѣшній строй; предвидится, наконецъ, исходъ этому перетиранию въ порошокъ человѣческихъ жизней. Нынче извѣстій нѣтъ, а всѣ какъ-то подбодрились, — какъ будто ждутъ, что вотъ скоро же, наконецъ, придутъ хорошія вѣсточки. Кромѣ

того догадались, кажется, приостановить присылку частных депешъ телеграфиста и, кажется, въ квартиру не всѣ извѣстія присылаютъ; очевидно, они профильтровываются сквозь главный штабъ.

Сюда сегодня ждуть принца Карла румынскаго съ его министрами. Говорятъ, войска ихъ стоятъ подъ Шлевной. Чѣмъ-то они удивятъ Европу?

17-ю августа.—Ты не повѣришь, какъ стали доѣдать насъ мухи,—только и дѣлаешь, что гоняешь этотъ привязчивый народъ. Впрочемъ, на мухъ нечего сердиться,—это бессмысленныя твари; есть люди, которые могутъ надѣдать хуже мухъ... Румынскій князь переночевалъ, позавтракалъ и уѣзжаетъ. Теперь намъ приходится относиться къ румынамъ съ большимъ почтеніемъ; хотя ихъ войско, говорятъ, и не перваго достоинства, а все-таки у нихъ 35 тысячъ и до 100 пушекъ улучшенной крупновской системы. Занявъ Никополь и давъ поддержку къ Шлевнѣ, они, при теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ, окажутъ все-таки немаловажную услугу. Изъ Шипки официальныхъ для насъ всѣхъ смертныхъ нѣтъ извѣстій; очевидно только, что тамъ что-то готовится. Говорятъ, будто наша кавалерія прошла черезъ Ханкиовскій перевалъ и такимъ образомъ отвлекаетъ силы Сулеймана, съ чѣмъ и связываютъ затишье стрѣльбы. До сихъ поръ изъ медицинскихъ источниковъ слышалъ, что раненыхъ на Шипкѣ теперь можно считать до 3.000; одна тысяча изъ нихъ уже въ Зимницѣ. Рана Драгомирова оказывается легкой; надѣются, что черезъ шесть недѣль онъ будетъ въ состояніи принять командованіе своей дивизіей.

18-ю августа.—Вчера извѣстія изъ Шипки были утѣшительныя: пальба была гораздо рѣже, и турки отступили къ Казанлыку. Затѣмъ, будто, двигаются изъ Шлевны къ сѣверу. Последнее—невѣрное извѣстіе. Первое же идетъ отъ Непокойчицкаго, который еще на Шипкѣ. Румынскій князь уѣхалъ отсюда, получивъ главное командованіе надъ корпусомъ, который будетъ дѣйствовать на нашемъ правомъ флангѣ, въ составъ котораго, кромѣ его арміи, войдутъ еще нашихъ два корпуса. Начальникомъ его штаба нашъ генералъ Зотовъ, о которомъ говорятъ хорошо. Только, повидимому, при такихъ условіяхъ согласился румынскій Карлъ подчиниться нашему главнокомандующему.—Вчера, измучившись отъ жары у себя въ палаткѣ, я поѣхалъ въ госпиталь Несимпатиченъ мнѣ этотъ полированный высшимъ начальствомъ госпиталь, тоскую я о своемъ лазаретѣ въ Бѣлѣ, съ сѣдовластымъ нѣмецкимъ старцемъ во главѣ. Эта выборка самыхъ легкихъ

раненныхъ, немалую часть которыхъ можно уже выписать; это скрыватье тяжелыхъ больныхъ, постоянное отсутствіе ординаторовъ, которые, справивъ свое казенное дѣло рано утромъ, исчезаютъ безслѣдно на цѣлый день,—весь этотъ казенный, выполненный характеръ госпиталя не производитъ того пріятнаго впечатлѣнія, каеъ въ Бѣлѣ. Самое интересное, что тамъ вчера видѣлъ, это былъ какой-то солдатикъ, перерѣзавшій себѣ горло изъ-за того, что потерялъ 30 цѣлковыхъ, полученныхъ имъ на покупку коровы,—потерялъ, поскучалъ, да и хватилъ себя бритвой гдѣ-то у водопоя. Казаки его нашли, привезли въ госпиталь, гдѣ онъ теперь и поправляется.

Сегодня получилъ отъ одного изъ внимательныхъ пациентовъ очень пріятный подарокъ—шесть рогожекъ! Купить здѣсь негдѣ, надо посылать въ Систово, да и тамъ, говорятъ, не всегда находится эта матерія, а между тѣмъ это полезнѣйшій матеріалъ, которымъ можно укрывать палатку отъ всякихъ невгодъ. Конечно, до извѣстной степени рогожка бережетъ и отъ солнца, и отъ дождя, и отъ холода, и отъ сырости. вмѣстѣ съ прежними, эти шесть штукъ меня значительно обогащаютъ... Вчера въ нашей жизни произошла большая перемѣна, которая была всѣми встречена съ большимъ удовольствіемъ: по моему совѣту перемѣнили часъ обѣда, и вмѣсто 6 садимся теперь въ 7 часовъ, когда уже солнце зашло и когда приходится зажигать свѣчи къ обѣду. Обѣдая въ шесть, всѣ были лишены возможности дѣлать прогулки: до четырехъ, даже до пяти иногда всѣ страдаютъ; въ шесть начинается воздухъ охлаждаться, и становится возможнымъ прогулка; тутъ часъ обѣда, послѣ котораго почти тотчасъ же темнѣетъ, и тогда гулять уже неудобно. Вчера вечеромъ, вѣроятно вслѣдствіе жары, я себя чувствовалъ ужасно усталымъ и рѣшительно едва держался на ногахъ, но все-таки ниваеъ не могъ убраться спать пораньше. Въ половинѣ одиннадцатаго обыкновенно оканчивается нашъ общій чай, послѣ котораго Государь дѣлаетъ маленькую прогулку и затѣмъ входитъ къ себѣ; тутъ мой вечерній визитъ, послѣ котораго я, въ сущности, и свободенъ; обыкновенно составляется маленькая компанія въ большой общей палаткѣ,—тутъ и услышишь о происшествіяхъ дня, тутъ, наконецъ, и поджидаемъ ты депеши, которыя приходили изъ Шипки. Въ тяжелые дни е ой драмы иногда приходилось сидѣть здѣсь до часа; наконецъ, и ридеть телеграмма иногда съ повтореніемъ только утренней, или въ родѣ того, что все по старому—и тогда идешь спать.

Сегодня за завтракомъ у насъ прибавилось много новой пищи и я разговоровъ, которые въ послѣдніе дни стали уже очень

бѣдны. Утромъ прислана депеша отъ Наслѣдника съ извѣстіемъ о желаніи Мехмедъ-Али прислать повѣренное лицо для какихъ-то серьезныхъ переговоровъ съ главнокомандующимъ. Что за переговоры? о чемъ, почему и пр.—всякій рѣшалъ это на свой ладъ, на свой собственный вкусъ. Такъ какъ это совпадаетъ съ отступленіемъ изъ Шипки, до сихъ поръ неясно понимаемымъ, то большая часть простыхъ смертныхъ остановилась на томъ, что турки будутъ просить перемирія, чтобы выиграть двѣ, три недѣли времени для полученія новыхъ патроновъ, которые они разстрѣляли подъ Шипкой, почему и отступили. Сомнительно, — тѣмъ болѣе, что наши, кажется, большой прыти не показывали. Впрочемъ, посмотримъ и увидимъ. Вторая особенность нынѣшняго дня состояла въ томъ, что въ завтраку явились два водевильныхъ англичанина; на головахъ у нихъ надѣты войлочные шляпы сѣраго цвѣта въ формѣ каски, въ срединѣ которой наверху вентиляторъ, сѣро-желтоватаго цвѣта узкіе штаны, ботфорты со шпорами и пиджаки въ видѣ фраговъ, — одинъ въ синемъ, другой въ сѣромъ. Эти двѣ кикиморы уже не первой молодости, но крѣпкіе, здоровые, краснощекіе, лысые, и очень развязно явились въ главную квартиру. Конечно, опять мозговая работа нашей свитѣ; одинъ говорить: это корреспонденты, другой заявляетъ, что это просто любители русскихъ, и т. д. Наконецъ, выходитъ Государь, и тайна открывается: это путешественники; одинъ — богатый лордъ, а другой — его секретарь, пишущій записки своего лорда, имѣющаго обычай каждый вечеръ быть неспособнымъ (впрочемъ, это догадки). Они пріѣхали смотрѣть то, что интересно, и, конечно, запаслись необходимыми пропусками и рекомендаціями изъ Лондона, Бухареста, отъ нашего посольства и отъ самого Горчакова. Явились эти любопытные островитяне подѣ покровительствомъ Толслея, который ихъ представлялъ и затѣмъ увелъ по окончаніи завтрака... Всѣ здѣсь живущіе до такой степени выдохлись, такъ никто себя ничѣмъ не пополняетъ, что подѣ-часъ становится до-нельзя скучно, если внѣшнія обстоятельства такъ складываются, что нужно провести часъ или полтора вмѣстѣ за обѣдомъ, за завтракомъ, за чаемъ. Пришедшая и дошедшая до свиты новость, или такое событіе, какъ пріѣздъ англичанъ, на нѣкоторое, впрочемъ очень короткое, время оживляетъ компанію, а потомъ снова за старое, является на сцену разговора брань на Н., Л. и ком.; въ концѣ концовъ всѣ съ большимъ удовольствіемъ расходятся; немногіе утѣшаютъ себя картами; полагаю, что нѣкоторые берутъ свое время по системѣ моего почтеннаго собрата и сосѣда К., который цѣлый день сидитъ въ своей палаткѣ съ опущен-

ной дверью, и если не спать, то сидеть, курить, смотреть на дымъ своей папиросы, чистить иногда ногти, или, наконецъ, съ неимовѣрнымъ шумомъ начнетъ сморкаться. Передъ нимъ обыкновенно лежить, всѣ эти два мѣсяца, написанный имъ отчетъ о поѣздкѣ въ Черногорію, который, по его словамъ, уже конченъ, но нѣкоторыя мѣста вторично, если не третично, должны быть пробѣлены, что, однакоже, остается безъ выполненія по случаю сильныхъ жаровъ...

ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ

ВЪ

ТУРКЕСТАНѢ

I.

Злополучная фикція.—Государственныя земли, не находящіяся въ распоряженіи государства.—Существуетъ ли у мусульманъ частная собственность?

Во второй половинѣ 1890 г., въ газетахъ было сообщено, что министръ финансовъ, побывавъ въ Туркестанскомъ краѣ, нашелъ, что поземельный вопросъ находится тамъ въ хаотическомъ положеніи, и что г. министръ, обративъ вниманіе на крайне ошибочное и опасное направленіе поземельно-податныхъ работъ, прекратилъ ихъ, или, какъ было сказано, „*поставилъ на нихъ крестъ*“.

Сообщая это извѣстіе, ташкентскій корреспондентъ выражалъ свою радость, что министръ приѣхалъ въ Ташкентъ такъ своевременно, и возлагалъ надежды, на то, что поземельно-податной вопросъ отнынѣ выйдеть изъ хаотическаго состоянія и будетъ приведенъ къ правильному рѣшенію. Потому будетъ интересно узнать поближе, какой именно хаосъ былъ обнаруженъ въ поземельномъ дѣлѣ, и въ чемъ заключалось то крайне ошибочное опасное направленіе, надъ которымъ столь энергично „поставленъ крестъ“.

Всѣ тѣ, которые не слѣдили со вниманіемъ за теченіемъ жизни на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ, быть можетъ, не безъ удивленія узнають, что поземельный вопросъ въ Туркестанѣ (какъ и вопросъ податной) дониндѣ еще не рѣшенъ, не взирая на то, что недавно была уже отпразднована первая четверть вѣка завоеванія этой обширной страны. Но эти вопросы не только не рѣшены, а находятся даже, приблизительно, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ застало ихъ завоеваніе края русскими войсками и присоединеніе къ составу имперіи. Очень естественно, что, узнавъ это, каждый невольно задастся такимъ вопросомъ: если общій поземельный вопросъ еще не рѣшенъ, то какія же земельныя законоположенія дѣйствуютъ въ краѣ? Какъ разрѣшаются тѣ частныя вопросы, которые вытекаютъ изъ общаго, и какъ, наконецъ, вытекающіе изъ самой жизни вопросы о землевладѣніи, переходѣ имущества, и пр., разрѣшались въ теченіе истекшихъ двадцати-пяти лѣтъ? Между тѣмъ въ части края, позже всѣхъ присоединенной къ имперіи, именно въ Ферганской области, поземельныя работы были начаты прежде, чѣмъ въ другихъ частяхъ края, и еще восемь лѣтъ назадъ, всѣ эти работы были уже закончены; а тѣмъ не менѣе, поземельный вопросъ все-таки еще не считается рѣшеннымъ ни въ Ферганской, ни въ другихъ областяхъ, и предпринятое, наконецъ, четыре года назадъ рѣшеніе неожиданно приняло, какъ сказано выше, такое опасное и ошибочное направленіе, что рѣшились даже на приостановку работъ.

Какъ же все это произошло и какъ вышло такъ, что въ результатъ многолѣтнихъ усилій порѣшить съ поземельнымъ вопросомъ оказался только хаосъ и „опасное направленіе“, — все это не безъ основанія заставляеть насъ ближе познакомиться съ сущностью дѣла. А дѣло заключается вотъ въ чемъ.

Дѣйствительно, поземельный вопросъ, — т.-е. вопросъ, кто, чѣмъ и на какихъ правахъ владѣть, — считается до сихъ поръ въ Туркестанскомъ краѣ неразрѣшеннымъ.

Не менѣе сотни лицъ, подъ руководствомъ генерал-губернатора, трудятся, вотъ уже около пяти лѣтъ, надъ наилучшимъ рѣшеніемъ этого вопроса, не считая тѣхъ шести лѣтъ, въ теченіе которыхъ разрѣшался этотъ же вопросъ въ Ферганской области, и еще трехъ лѣтъ отдѣльныхъ работъ въ кура- и вскомъ (нынѣ ташкентскомъ) уѣздѣ. Болѣе полутора милліона и зенныхъ денегъ ¹⁾ уже пошло на рѣшеніе этого вопроса; болѣе двадцати лѣтъ подготавливалось это рѣшеніе, болѣе десяти лѣтъ

¹⁾ Работы въ Ферганской области стоили 883 тысячи.

находился вопросъ въ разрѣшеніи, и въ результатѣ оказывается, что дѣло не только не подвинулось къ концу, а получился, если вѣрнѣе ташкентскимъ извѣстіямъ, хаосъ, опасное направленіе и пр., и пр., закончившееся приостановкою работъ.

Если свести весь вопросъ къ болѣе простой формулѣ, то его можно поставить такъ: до сихъ поръ не выяснено, что принадлежитъ государству и что обывателямъ, или еще проще — государственныхъ земли не размежеваны съ частными и общественными, и такъ какъ ни одинъ родъ этихъ земель еще не приведенъ въ извѣстность, т.-е. не измѣренъ и не снятъ на планъ, то остается неизвѣстнымъ — сколько земли у казны, и сколько у частныхъ лицъ и обществъ. Въ этомъ собственно заключается вся суть дѣла, и если столь простой вопросъ изобиловалъ до сихъ поръ разными, что называется, осложненіями, то происходило это только отъ того, что выдвигавшіеся хронически частные вопросы отстраняли и затемняли главный, и, какъ говорится, за деревьями не видѣли лѣса. То хотѣли вопросъ поземельный разрѣшить единовременно съ податнымъ, то къ поземельному вопросу присоединяли вопросъ административнаго и судебнаго устройства, то раздавались голоса за юридическое межеваніе и подворный кадастръ (разумѣется, съ единовременнымъ разрѣшеніемъ поземельнаго вопроса), то, наконецъ, являлось опасеніе разойтись съ постановленіемъ шаріата, и затруднялись рѣшить дѣло до приведенія въ извѣстность такъ-называемаго адата, и т. д., и т. д.

Словомъ, въ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, выроставшихъ главнымъ образомъ на почвѣ канцелярской переписки, отнюдь не было недостатка. Колебаніе, сомнѣніе и нерѣшительность продолжались до послѣднихъ лѣтъ, когда, наконецъ, явилось давно ожидаемое Положеніе объ управленіи краемъ (1886 г.), принесшее желанное рѣшеніе.

Замѣтимъ прежде всего, что при постановкѣ вопроса о мѣстномъ землевладѣніи особенно трудно одолимою оказалась для мѣстныхъ дѣятелей нѣкая, такъ сказать, фикція — чисто мусульманскаго или сворѣе восточнаго происхожденія, на которую, какъ на подводный рифъ, насканивали всѣ проекты, всѣ планы и всѣ предположенія относительно рѣшенія поземельнаго вопроса. Во всѣхъ проектахъ (а ихъ было 6—7) неизмѣнно возникалъ вопросъ: не слѣдуетъ ли объявить *казенными* или государственными такія земли, находящіяся въ фактическомъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи жителей, которыми никогда казна (ни прежняя ханская, ни русская) не владѣла, не пользовалась и не распоряжалась, но на которыя она, т.-е. казна, казалось, имѣла нѣко-

торое право, но истекающее изъ мусульманскихъ воззрѣній на власть повелителя страны...

Чтобы уяснить себѣ, какъ могла такая фикція проявить подобную живучесть прямо-таки во вредъ русскимъ интересамъ, и какъ могло случиться, что въ теченіе 25 лѣтъ казна не могла разобратъся въ вопросѣ, чтѣ ей принадлежить и чтѣ нѣтъ,—необходимо немного оглянуться назадъ.

До сихъ поръ въ краѣ дѣйствовали два закона. Одинъ изъ нихъ назывался: проектъ Положенія 1867 года, не утвержденный властью законодательной, но *примѣнявшійся* въ теченіе 20 лѣтъ; а другой—Положеніе 1886 года, явившееся на смѣну проекту. Проектъ вовсе не разрѣшалъ поземельнаго вопроса, а Положеніе, хотя и разрѣшило его, и принципиально, и детально, но, однако, такъ осторожно, что на практикѣ должны были возникнуть нѣкоторыя, хотя и незначительныя, недоразумѣнія ¹⁾. И въ первомъ, и во второмъ законѣ, т.-е. и въ проектѣ, и въ Положеніи, при разрѣшеніи поземельнаго вопроса, или, проще, при разрѣшеніи вопроса, чтѣ принадлежить казнѣ и чтѣ населенію, на первомъ планѣ была поставлена забота, чтобы рѣшеніе не вышло обидно для населенія сплошь мусульманскаго, чтобы не слишкомъ разойтись съ мировоззрѣніемъ и правовыми порядками ислама, и чтобы, не принимая безповоротныхъ рѣшеній, предоставить времени выяснить дѣло. И вотъ, для того, чтобы соблюсти эту осторожность, на первомъ планѣ была поставлена такая формула: правительство въ мусульманской странѣ есть единственный и истинный владѣтель всей земли, а потому частная собственность существуетъ постольку, поскольку правительство ее терпитъ и признаетъ. Это и есть та чисто-мусульманская идея, основою которой послужилъ, какъ будетъ видно ниже, даже не коранъ и не шаріатскія книги, а только единичныя толкованія нѣсколькихъ казіевъ; она-то и была принята въ основаніе при разрѣшеніи поземельнаго вопроса,—и, скажемъ прямо, была источникомъ всѣхъ затрудненій. вмѣсто того, чтобы безслѣдно исчезнуть съ водвореніемъ въ краѣ русскаго владычества и русскаго закона, вмѣсто того, чтобы перейти въ область воспоминаній о когда-то бывшемъ мусульманскомъ господствѣ въ странѣ, идея эта хронически угнетала насъ и тормозила ходъ и рѣшенія поземельнаго вопроса. Достаточно сказать, что еще чуть-ли не наканунѣ утвержденія Положенія 1886 г. шла рѣчь о томъ, чтобы всю туркестанскую землю объ-

¹⁾ Какъ осторожно рѣшенъ вопросъ, видно изъ того, что въ разсужденіяхъ государственнаго совѣта выражено, что „поземельный вопросъ не находится еще на тѣхъ степеняхъ зрѣлости, чтобы быть рѣшеннымъ въ болѣе императивной формѣ“.

явить государственной собственностью и обложить жителей „оброчною податью“, и только въ послѣдній моментъ было рѣшено признать за населеніемъ право собственности на землю и дать названіе „поземельной подати“ тѣмъ платежамъ, которые они будутъ вносить какъ собственники.

Оттуда, однако, явилось представленіе о принадлежности мусульманскимъ правителямъ всѣхъ земель ихъ подданныхъ? Никто, конечно, не станетъ утверждать, что въ мусульманскихъ странахъ не было никакого закона и все дѣлалось непременно произвольно и безъ соблюденія справедливости; но всякій знаетъ, что въ странѣ восточнаго деспотизма личная и имущественная свобода, честь и жизнь гражданъ въ прежнее время вполне зависѣли отъ личнаго произвола и прихоти правителя, и уже поэтому тамъ легко могло сложиться представленіе о власти правительства надъ всею землею, объ отсутствіи частной собственности, и казалось бы, что только въ этомъ единственномъ смыслѣ и могло быть понимаемо сохранившееся до времени русскаго владычества представленіе о принадлежности мусульманскимъ правителямъ всей земли ¹⁾.

Кромѣ этого, такъ связать, теоретическаго возрѣнія на принадлежность ханамъ всей земли, русскіе завоеватели ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ не нашли, вступивъ въ фактическое обладаніе бывшими ханскими владѣніями. Лично у хановъ была своя собственность, у подданныхъ ихъ—своя, и какъ бы ни называть то право на землю, которымъ пользовалось населеніе, право это выражалось въ свободномъ отчужденіи, наследованіи, дареніи и всякомъ иномъ переходѣ и отчужденіи имущества, или иначе, это было полное право собственности.

Какъ бы, повторяемъ, ни называть это право и какъ бы ни настаивать на принадлежности хану всей земли, но ни одинъ изъ такъ-называемыхъ знаточковъ края, усердно поддерживавшихъ фикцію принадлежности ханамъ всей земли, не доходилъ до утвержденія того положенія, что каждый актъ отчужденія имущества долженъ былъ получать соизволеніе правительства, какъ единственнаго собственника земли,—напротивъ, всѣмъ этимъ знатокамъ было извѣстно о необыкновенной легкости перехода у мусульманъ недвижимой собственности безъ всякой санкціи власти (по простымъ заявленіямъ и запискамъ), объ оживленной продажѣ

¹⁾ Въ книгѣ „Гядаз“, между прочимъ, говорится, что Магомедъ сказалъ: „если оживить мертвую землю, то земля эта принадлежитъ ему“; но толкователь Абу-Ханифа добавляетъ: „не принадлежитъ человѣку ничего, кромѣ того, что одобрено имамомъ“.

и перепродажѣ земельныхъ участковъ, садовъ, огородовъ и прочее, и тѣмъ не менѣе, фикція, что вся земля ханская, а послѣ хановъ сдѣлалась русскою государственною собственностью, держалась вплоть до обнародованія Положенія 12-го іюня 1886 г. Только это Положеніе рѣшилось покончить съ этою фикціею.

Но спрашивается: гдѣ же источникъ этой фикціи и причина столь продолжительнаго ея существованія? Въ коранѣ, въ шаріатскихъ книгахъ или иныхъ постановленіяхъ и толкованіяхъ мусульманскихъ законовѣдовъ?

Спрашивается: какъ, при наличности такого постановленія, — если только это не фикція, — могла дѣйствовать и дѣйствовала русская власть въ теченіе истекшихъ двадцати-пяти лѣтъ и будетъ дѣйствовать впредь, пока разрѣшается поземельный вопросъ и пока выясняютъ, что казенное и что обывательское?

На это можно лишь сказать, что никогда и никакихъ практическихъ затрудненій въ переходѣ земельной собственности изъ рукъ въ руки эта фикція не создавала; въ средѣ туземнаго населенія, какъ прежде, такъ и нынѣ, происходитъ совершенно свободный переходъ имуществъ; какъ во времена ханскія принадлежность всей земли государю была только фикція и никакого одобренія хана-владѣльца всей земли на переходъ земли не требовалось, такъ это остается фикціею и нынѣ; но результатъ всего этого колоссальнаго недоразумѣнія заключается въ томъ, что пока, въ теченіе 25 лѣтъ, все ждали практическаго выхода изъ этой фикціи, и продолжая вѣрить въ ханскія права на всѣ земли, будто бы преемственно перешедшія къ русской власти, не устанавливали понятія о дѣйствительно казенной землѣ и о государственной собственности, — населеніе все увеличивало да увеличивало свои земельныя владѣнія, а казна добродушно считала, что все принадлежитъ ей, все сплона казенное. Казна преспокойно ожидала рѣшенія поземельнаго вопроса, въ увѣренности, что вся земля — ея, и рано ли поздно ли она вступитъ во владѣнія своими земельными богатствами. Спеціальныхъ органовъ государственныхъ имуществъ въ краѣ не было (какъ нѣтъ и нынѣ), а общая администрація довольствовалась нѣсколькими казенными арендными статьями (переправы, рыбные промыслы, выморочныя имущества и т. п.), и благодушно взирала на расширеніе обывательскихъ владѣній и считала всю землю своею, однако не пользуясь, не владѣя и не распоряжаясь ею. Фактически, т.-е. на самомъ дѣлѣ, всѣмъ, т.-е. всей землею, владѣлъ и владѣть житель; въ і, и прежде орошенная, и вновь орошаемая земля находилась въ его распоряженіи и владѣніи, а тѣмъ болѣе въ его распоря-

женіи находились всѣ неорошенные земли, всѣ пастбища, болота, камыши, солончаки, пески и лѣсныя заросли—саксаула джиды ¹⁾ и проч., за которыми не было никакого надзора. Выходило на самомъ дѣлѣ такъ, что все считалось казеннымъ, и на самомъ дѣлѣ ничего казеннаго не было.

Идея принадлежности всей земли государству, тѣмъ не менѣе, переходила наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ правителя къ правителю, и ради нея, до 1887 года, поземельный вопросъ не получалъ никакого рѣшенія. Только въ этомъ году, съ изданіемъ Положенія, возникъ, наконецъ, не фивный, а реальный вопросъ: чѣмъ владѣютъ жители, и что принадлежитъ казнѣ, а до того, въ теченіе 20 лѣтъ, повидимому, никто не останавливался надъ вопросомъ: если вся земля была ханская, а послѣ завоеванія стала государственною, то она и на самомъ дѣлѣ, а не фивно, должна быть государственною, т. е., что государство и должно быть ея единственнымъ распорядителемъ.

Хотя въ мотивахъ государственнаго совѣта къ Положенію 1886 года поземельный вопросъ разрѣшается нѣсколько уклончиво и совѣтъ начинается съ того, что высказываетъ, будто вопросъ этотъ „не находится на достаточной степени зрѣлости“, но въ самомъ Положеніи вопросъ разрѣшается и категорично, и достаточно ясно. „За осѣдлымъ населеніемъ,—говорится въ законѣ (ст. 255 Пол.),—утверждаются земли, *состоящія* въ постоянномъ потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи (земли амляковыя) на установленныхъ мѣстныхъ обычаяхъ основаніяхъ“, и далѣе—„государственныя земли, занимаемыя кочевьями, представляются въ безсрочное общественное пользованіе кочевниковъ на основаніи обычаевъ“ (ст. 270).

Замѣтимъ мимоходомъ, что „*обычаевъ*“—ни поземельныхъ, ни какихъ иныхъ—никто въ краѣ не знаетъ, никто ихъ не приво- дилъ въ извѣстность и не изучалъ (да простятъ мнѣ это замѣчаніе „знатоки края“!), а потому дважды упомянутое выраженіе: „на основаніи *обычаевъ*“, является только доказательствомъ осторожности государственнаго совѣта, а вовсе не заключаетъ въ себѣ какого-нибудь точнаго постановленія закона, и затѣмъ обя- жается, по ясному смыслу этихъ двухъ статей, что за осѣдыми жителями утверждено все то, что *состоитъ* въ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, или, иначе говоря, за ними признано право собственности на земли, имъ фактически прежде принад-

¹⁾ Въ управленіе генераль-губернатора Розенбаха введенъ надзоръ за охра- нѣніемъ лѣсовъ.

жавшія и нынѣ принадлежація. Другими словами, законы эти означали, что за выясненіемъ, что состоитъ во владѣніи жителей, выяснятся и казенныя земли, и такимъ образомъ казна и жители благополучно размежуются, фикція будетъ предана забвенію, и казна станетъ эксплуатировать свои земли, а осѣдлые жители окончательно признаются собственниками ихъ земель.

Въ этомъ именно направленіи и были поведены работы. Долголѣтнее недоразумѣніе о принадлежности казнѣ всей земли категорично разрѣшилось, и вопросъ, что казенное и что частное—уже приблизился къ своему разъясненію въ ташкентскомъ уѣздѣ, (съ котораго начаты работы), когда въ сентябрѣ 1890 г. неожиданно было признано такое направленіе работъ неправильнымъ и даже опаснымъ, и злополучная, скажемъ болѣе—зловредная мусульманская фикція опять появилась на сцену.

Что эта фикція не только злополучная, но и зловредная, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. Благодаря ей, государство не приступало къ рѣшенію поземельнаго вопроса цѣлыхъ 25 лѣтъ; благодаря ей, государство не эксплуатировало своей собственности и не извлекало дохода изъ своихъ земель, и благодаря ей же произошелъ въ теченіе 25 лѣтъ захватъ многихъ несомнѣнно казенныхъ земель, потому что этихъ земель никто не охранялъ, ибо вся земля считалась казенною. Наконецъ, благодаря ей, обширный и богатый край не зналъ и понынѣ ничего не знаетъ, кромѣ систематическихъ дефицитовъ, а отъ высшей власти края, все въ ожиданіи разрѣшенія поземельнаго вопроса, періодически исходили крайне стѣснительныя распоряженія о поземельныхъ правахъ, и можетъ быть только благодаря тому, что распоряженія эти, основываясь на фикціи, были практически непримѣнимы, они не причинили того зла, которое могли бы сдѣлать, если бы ихъ исполняли.

Достойно лишь особеннаго вниманія, что отъ этихъ распоряженій болѣе всего потерялъ русскій элементъ въ краѣ,—въ интересахъ котораго, будто бы, именно и дѣлались эти распоряженія. Все ожидалось, что послѣ признанія *всей* земли государственною окажутся необъятныя пространства земли, удобной для русскихъ поселеній; но пока вопросъ находился въ разрѣшеніи въ Петербургѣ, а жители расширяли да расширяли свои владѣнія, мѣстная власть, въ видахъ охраненія будущихъ своихъ земель отъ захвата, не находила сдѣлать ничего лучшаго, какъ время отъ времени распоряжаться о *прекращеніи* перехода недвижимой собственности то на всемъ пространствѣ Туркестана, то только въ уѣздахъ), и русскіе люди могли лишь путемъ незаконныхъ сдѣлокъ приобрѣтать недвижимость, а туземецъ, не взирая на эти распоряженія,

отчуждалъ и прибрѣталъ свою собственность свободно, то по шаріату, то по адату, не подвергаясь никакому контролю и даже не платя никакихъ сборовъ.

Итакъ, зловредная фикція и прежде причиняла достаточно вреда, но въ виду того оборота, который приняли съ прошлаго года туркестанскія поземельныя работы, трудно еще предвидѣть, когда и гдѣ, наконецъ, кончится вредоносная ея роль.

Быть можетъ, скажутъ, однако, что это вовсе не фикція, и что имѣются достаточныя реальныя основанія считать мусульманскихъ государей единственными *собственниками* земли, а ихъ подданныхъ—только пользователями, пова это будетъ угодно правительству?—О власти мусульманскихъ государей надъ собственностью своихъ подданныхъ писалось довольно. Лучшіе изъ русскихъ знатковъ мусульманскаго права (напр., бар. Торнау) отвергаютъ совершенно таковую власть хановъ, или, иными словами, признаютъ наличность полной частной собственности въ мусульманскихъ странахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ (необходимо добавить теперь же) признаютъ собственность надъ необработанной землей, также какъ надъ обработанной. Было бы напрасно, какъ утверждаютъ многіе изслѣдователи Востока ¹⁾, искать въ шаріатѣ какихъ-либо постановленій о несуществованіи частной собственности, не говоря уже о фактахъ, видимыхъ для всѣхъ и cadaго и ясно свидѣтельствующихъ, что населеніе Туркестана именно проявляетъ полное право собственности надъ всѣми орошенными и обрабатываемыми (хотя неорошенными) подъ посѣвы землями, т.-е. свободно ихъ отчуждаетъ и прибрѣтаетъ; надъ землями же неорошенными проявляетъ нигѣмъ не ограничиваемое право владѣнія и пользованія, т.-е. пасеть скоть, собираетъ камень, глину, песокъ, топливо и проч. и проч., и не отчуждаетъ земель этой послѣдней категоріи только потому, что никакой продажной цѣны на такія земли не существуетъ и ихъ никто не покупаетъ и не продаетъ.

Въ шаріатѣ, въ главѣ „объ оживленіи земель“, ясно изображенъ образъ такъ-называемаго „оживителя“ земли, который и получаетъ оживленную землю въ свою полную собственность. Въ той же главѣ говорится и объ обществѣ, которое *владеетъ* прилегающими къ селенію необработанными пространствами, необходимыми для пастбы скота и собиранія топлива. Далѣе, въ отдѣлѣ о копаніи оросительныхъ канавъ, описываются оросительныя работы „товариществъ“ въ отличіе отъ разработки „частныхъ ка

¹⁾ Въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ 1885 г. (№ 28 и пр.) помѣщенъ рядъ очень интересныхъ статей по этому вопросу.

налоговъ", и такимъ образомъ самъ собою устанавливается видъ коллективнаго владѣнія землями, расположенными по каналу. Стоитъ вчитаться въ эту главу шаріата, чтобы твердо установить, что, по ученію шаріата, земли орошенныя принадлежатъ въ собственность или отдѣльнымъ лицамъ, или товариществамъ, производившимъ оросительныя работы; земли же неорошенныя, поросшія травой и растеніями, годными для пастбищъ или топлива, принадлежатъ также въ собственность цѣлымъ обществамъ.

Шаріатъ, такимъ образомъ, не подтверждаетъ, а категорически опровергаетъ отсутствіе частной собственности и принадлежность всей земли хану. Но такъ-называемые знатоки края ухитрились вывести это положеніе путемъ, такъ сказать, совсѣмъ обольнымъ. Дѣло въ томъ, что, по шаріату, податному обложенію подлежатъ продукты земледѣлія, въ видѣ такъ-называемаго „хераджа“. Положеніе о томъ, что всякая обрабатываемая земля должна уступить въ казну хана часть добытыхъ продуктовъ, и навело, повидимому, ихъ на мысль, что частной собственности не существуетъ, а земля находится только въ пользованіи населенія; но кажется ясно, что принципъ податнаго обложенія производительности земли никакъ не можетъ исключить фактъ частнаго землевладѣнія, и все дѣло сводится только къ формѣ обложенія и взиманія подати.

Изъ этого можно уже заключить, что главнѣйшими источниками возникновенія вышеуказанной фикціи нужно считать не только недостаточное знакомство съ предметомъ и неизвѣстность мусульманскихъ законовъ, но въ особенности слишкомъ поспѣшное заключеніе первыхъ правителей края объ отсутствіи у мусульманъ частной собственности. Къ крайнему прискорбію, наши ученые оріенталисты вопросомъ этимъ занимались мало, а труды чиновниковъ уже, конечно, не представляли никакихъ солидныхъ данныхъ для подобныхъ заключеній, такъ какъ не только при завоеваніи края, но и теперь, спустя четверть столѣтія, собрано очень немного фактическихъ данныхъ о земельномъ владѣніи мусульманъ, благодаря чему злополучная фикція оказалась столь же вредна, сколь живуча.

Здѣсь необходимо припомнить, что при первоначальной, какъ и при всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ практическаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ туркестанскаго управленія вообще и въ частности землевладѣнія на прочныхъ и правомѣрныхъ началахъ, всегда обнаруживались два противоположныхъ теченія, затруднявшихъ окончательное рѣшеніе вопроса. Съ одной стороны, смутно ознавалось, что Туркестанскій край, какъ сдѣлавшійся русскимъ,

долженъ, въ отношеніи устройства и управленія населеніемъ, приближаться къ формамъ и строю внутреннихъ частей имперіи, но съ другой—царило убѣжденіе, что примѣненіе общерусскихъ нормъ управленія и устройства населенія, будто бы, совершенно невозможно потому, что мѣстный бытъ представляется крайне самобытнымъ. Извѣстно, однако, что эти двадцатилѣтнія колебанія завершились введеніемъ общаго губернскаго учрежденія, общаго волостного и сельскаго устройства, общихъ судовъ стараго типа, общихъ законовъ о податяхъ и повинностяхъ, земскихъ, сословныхъ, общественныхъ,—и только въ отношеніи управленія иригаціонными каналами оказалось необходимымъ признать самобытную организацію,—но въ началѣ завоеванія и присоединенія края коллизія идей обрусенія края и непривосновенности традиціоннаго строя жизни мѣстнаго населенія, страшно смущала составителей проектовъ управленія краемъ (въ особенности относительно устройства землевладѣнія), и только десять лѣтъ назадъ (съ 1881 г.) идея обрусенія начинаетъ брать перевѣсъ. Можно ли это приписать тому, что вопросъ болѣе уяснился чрезъ 15 лѣтъ послѣ присоединенія края? Полагаемъ, что нѣтъ, — но въ эти пятнадцать лѣтъ уяснилось то, что простой здравый смыслъ и государственный интересъ внушаетъ намъ признать эту самобытность и мѣстные интересы лишь постольку, поскольку они не нарушаютъ общегосударственныхъ интересовъ.

Ради исторической справедливости нельзя не замѣтить, что какъ ни велико было желаніе не нарушать мѣстной самобытности и въ особенности оставить въ непривосновенности знаменитую фикцію, — но уже въ самомъ первомъ проектѣ объ устройствѣ края (въ 1867 г.) была сдѣлана попытка раздѣлить всѣ земли на государственныя и частныя, — только этотъ проектъ, какъ и всѣ послѣдующіе (до 1886 г.), не были утверждены, и фикція продолжала здравствовать.

Была также попытка изучить вопросъ о землевладѣніи по документамъ, и въ этихъ видахъ была собрана огромная масса ханскихъ и всякихъ грамотъ, казійскихъ рѣшеній и пр. и пр.; но къ изученію документовъ приступлено не было, и они были возвращены владѣльцамъ, а фикція все жила да жила ¹⁾.

¹⁾ Собраніе документовъ сопровождалось однимъ весьма важнымъ распоряженіемъ, а именно воспрещеніемъ, въ 1871 г., совершенія и свидѣльствованія, во всѣхъ судахъ края (русскихъ и туземныхъ) актовъ о недвижимой собственности внѣ чертъ города Ташкента. Русскими судами это запрещеніе было исполнено, а въ туземныхъ никто не обратилъ на это вниманія, и переходъ недвижимой собственности такъ совершался всегда безпреткновенно.

Чтобы покончить съ этой фикціей, добавимъ, что есть убѣдительныя и осязательныя доказательства, что она чисто политическаго происхожденія. Въ сочиненіи Мэна („Деревенскія общины“), между прочимъ говорится, что при устройствѣ Нижней Бенгаліи лордомъ Корнваллемъ была сдѣлана попытка создать земельного собственника на манеръ существующаго въ Англіи. Какъ извѣстно, англичане въ Индіи, странѣ вовсе не мусульманской, также очень охотно усвоили идею, что вся земля составляетъ безусловную собственность государя, и что частная земельная собственность можетъ существовать лишь въ силу его дозволенія. Между прочимъ, очень помогли усвоить тамъ этотъ взглядъ тѣ должностныя лица изъ мусульманъ, которыя были сдѣланы такъ-называемыми *сборщиками податей* и въ своихъ интересахъ поддерживали этотъ будто бы мусульманскій взглядъ. Эти чиновники были лично заинтересованы въ отрицаніи частной собственности, а англійская политика была заинтересована въ принятіи этихъ взглядовъ, ибо это былъ прежде всего превосходный способъ держать въ повиновеніи многомилліонное населеніе Индіи. Потому-то Джонъ Кемпбелъ („Владѣніе и пользованіе землями въ различныхъ странахъ“. Спб., 1871) говоритъ, что всѣ эти взгляды и вся система земельной собственности въ Индіи есть не что иное, какъ „результатъ обдуманной политики“.

Наша политическая система на окраинахъ была совсѣмъ иная. *Создавать* таковой взглядъ намъ не было надобности—онъ просто былъ принятъ на вѣру, принятъ безъ всякой провѣрки; но всѣ лица, разсматривавшія постановленія шаріата въ какихъ-либо политическихъ вліяніяхъ, положительно утверждали существованіе частной земельной собственности въ магометанскихъ странахъ Востока, и при томъ не только по отношенію къ мусульманамъ, но и ко всѣмъ мѣстнымъ жителямъ покоренныхъ странъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. „Въ шаріатскихъ книгахъ сказано,—говоритъ бар. Торнау („Особенности мусульманскаго права“. Дрезденъ, 1880, стр. 56),—что жители (всякіе—и мусульмане, и не-мусульмане) могутъ отчуждать земли, дарить, закладывать, завѣщать и распоряжаться всѣми тѣми способами, которые и въ западныхъ государствахъ предоставляются только полнымъ собственникамъ земли“.

Если къ этому добавить, что вопросъ о частномъ землевладѣніи на Востокѣ, и особенно въ мусульманскихъ странахъ, при одинаковыхъ условіяхъ рѣшается неодинаково, напр. въ Алжирѣ—французами, въ Индіи—англичанами, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ—русскими, то станетъ ясно, что основаніемъ къ тому

или другому рѣшенію служить вовсе не шаріатъ и не мусульманскіе взгляды, а та или другая политика. Такимъ образомъ, французы вводятъ въ Алжиръ частную поземельную собственность; англичане превращаютъ въ помѣщиковъ феодальнаго типа только своихъ вѣрныхъ слугъ, и наконецъ Россія признаетъ, хотя и съ несущественными оговорками (нужно соблюдать мѣстный обычай), полное право собственности своихъ мусульманскихъ подданныхъ, и все это дѣлается на основаніи, будто бы, мусульманскихъ взглядовъ на земельную собственность ¹⁾.

Чтобы повончить съ вопросомъ о частной земельной собственности въ мусульманскихъ странахъ, мы уважемъ главный аргументъ, заключающійся въ объяснительной запискѣ къ проекту 1881 г. Проектъ, поддерживая старую мысль о принадлежности всей земли хану, говоритъ: „права хана на распоряженіе земельною собственностью страны фактически осуществлялись взиманіемъ установленныхъ налоговъ съ земельныхъ имуществъ и въ надзорѣ за непрерывною и продуктивною обработкою занятой почвы; трехлѣтнее запущеніе хозяйства, по шаріатскимъ постановленіямъ, было равносильно отказу владѣльца отъ дальнѣйшаго пользованія землею“.

Такъ говорить эта официальная записка, но было бы совершенно напрасно искать въ шаріатѣ постановленій, подтверждающихъ это толкованіе. Тамъ можно найти постановленіе о потерѣ права на *заявленную* въ оживленію землю, если оживленіе не произведено въ теченіе трехъ лѣтъ; но земля разъ оживленная и впослѣдствіи сдѣлавшаяся безхозяйною, покинутая (по тѣмъ или другимъ причинамъ), если и обращалась опять въ число мертвыхъ земель, т.-е. дѣлалась ничьею, а государственной, то вовсе не по истеченіи трехъ лѣтъ, а гораздо болѣе продолжительнаго срока, въ шаріатѣ опредѣленно не указаннаго. Шаріатъ при этомъ категорически замѣчаетъ, что одна *заявка* на землю не

¹⁾ По свидѣтельству А. Н. Куропаткина (Турк. Вѣд. 1885 г., № 27, статья 2), поземельная реформа, произведенная въ Алжирѣ ген. Шавзи, заключалась въ томъ, что изъ земель общинныхъ (аршъ) туземцамъ оставлены только тѣ, которыя они могутъ обработать, и, раздѣленные на участки, земли эти переходятъ въ личную собственность туземцевъ. Остающіяся земли (изъ разряда аршъ, т.-е. общинныхъ) поступаютъ въ собственность государства, для раздачи переселенцамъ и частью оставляются въ собственность цѣлымъ общинамъ. Кромѣ земель аршъ, есть земли государственныя (бейликъ) и частныя (меликъ). При этомъ французы организовали дѣлать, что всѣ постановленія по землевладѣнію туземцевъ, основанныя на мусульманскомъ правѣ, считаются недействительными, если они не согласны съ французскимъ сводомъ гражданскихъ законовъ, а потому каждому собственнику выданъ французскій документъ на владѣніе.

составляетъ оживленія, и трехлѣтній срокъ, подавшій поводъ къ неправильнымъ выводамъ, относится только до земель вовсе не оживленныхъ.

Такимъ образомъ, права хана, вопреки мнѣнію записки, вовсе не выражались въ отобраніи запущенныхъ земель въ казну; а что касается мнѣнія записки, что взиманіе налоговъ, будто бы, выражало собою право собственности на землю, то несостоятельность такого мнѣнія слишкомъ очевидна, и въ свое время весьма компетентные люди возразили запискѣ, что взиманіе налоговъ вовсе не служитъ препятствіемъ къ признанію права собственности на землю, какъ взиманіе торговыхъ пошлинъ не лишаетъ торговлю значенія свободной промышленности, взиманіе пошлинъ съ денежныхъ капиталовъ и недвижимостей не разрѣшаетъ ничьихъ правъ собственности на этотъ капиталъ, и даже бывшая подушная подать, существовавшая послѣ освобожденія крестьянъ, не дѣлала личности несвободною...

Путемъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ и разсужденій приходя къ окончательному заключенію, что идея принадлежности всей земли мусульманскимъ государямъ и отрицаніе правъ частной собственности на землю есть или заблужденіе, или принятая на вѣру фикція, или, смотря по обстоятельствамъ, результатъ хорошо обдуманной политики, — мы переходимъ къ вопросу, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ фикція эта вновь появилась и вновь призвана къ жизни послѣ того какъ туркестанское Положеніе 1886 г., казалось бы, поставило надъ ней крестъ, выражаясь языкомъ ташкентскаго корреспондента.

Эпизодъ вторичнаго призванія къ жизни фикціи, такъ долго тормазившей рѣшеніе земельного вопроса въ Туркестанѣ, — эпизодъ, относящійся къ сентябрю прошлаго года, — представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ уже особеннаго вниманія по одной своей неожиданности.

Когда было обнародовано Положеніе 1886 г. ¹⁾, то вопросъ — признается ли отнынѣ, или нѣтъ, частная собственность, считался рѣшеннымъ. Законъ категорически объявлялъ мѣстныхъ обывателей собственниками „состоящихъ“ въ ихъ распоряженіи, пользованіи и владѣніи земель и отказывался отъ своихъ явно фиктивныхъ верховныхъ правъ на всю землю, будто бы преемственно переданныхъ къ русскому государю по завоеваніи страны. Этотъ рѣшительный шагъ — плодъ двадцатилѣтняго обдумыванія — представлялъ совершенно ясный исходъ изъ колебаній и сомнѣній, такъ давно

¹⁾ Введено въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 г.

томившихъ власти,—вся ли земля казенная, или есть и частная собственность въ Туркестанѣ,—еслибы новый законъ не былъ слегка затемненъ двумя пунктами, двумя маленькими оговорками. *Вопервыхъ*, признавалась полная собственность — „но по обычаю“, а *во вторыхъ*, признаваемые за жителями земли названы „амляковыми“.

Первый изъ этихъ пунктовъ былъ хотя болѣе теменъ, чѣмъ послѣдній, но выходъ изъ него оказался проще, чѣмъ изъ второго. Обычай, или какъ принято говорить — „мѣстный“ обычай, въ вопросахъ о землевладѣніи и пользованіи землей, какъ извѣстно, представлялъ нѣчто совершенно неизвѣстное и темное. Никто этихъ обычаевъ не собиралъ, никто ихъ не зналъ и не знаетъ, а потому ограниченіе дарованнаго полного права собственности (владѣніе, пользованіе и распоряженіе) чѣмъ-то неопредѣленнымъ, чѣмъ-то неизвѣстнымъ,—не представляло, въ сущности, никакого ограниченія и на практикѣ не породило никакихъ затрудненій. Сложилось всеобщее убѣжденіе, что за жителями признано полное право собственности, и что выраженіе: „по обычаю“, было употреблено ради болѣе осторожности.

И второй пунктъ также не представлялъ, повидимому, никакихъ затрудненій. Слово: „амлякъ“, „амляковая земля“—было слово давно извѣстное въ Туркестанѣ, и при господствовавшемъ единственномъ толкованіи этого слова—*земли государственныя*—было ясно, что вся государственная, или доселѣ считавшаяся государственною, земля, состоявшая и состоящая въ полномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи жителей, признавалась ихъ собственностью, а остальная затѣмъ земля (не состоящая ни въ чемъ владѣніи) уже поступала въ разрядъ государственной.

Какъ бы то ни было, на первыхъ порахъ, ни недоразумѣній, ни неясностей . оба эти пункта не возбуждали, и въ такомъ направленіи и были поведены поземельныя работы и энергично, и успѣшно. Нужно только добавить, что законъ, такъ долго томившійся надъ вопросомъ — что казенное и что частное—и, наконецъ, рѣшившійся признать частную собственность, былъ такъ милостивъ, что даже не требовалъ отъ жителей никакихъ письменныхъ доказательствъ ихъ правъ на землю, не требовалъ отъ нихъ никакихъ документовъ, а признавая одно лишь ихъ фактическое владѣніе, предоставлялъ самимъ же новымъ собственникамъ указать ихъ владѣнія—и только то, что было за границею этихъ владѣній, казна оставляла въ свою собственность.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи законъ проявилъ, быть можетъ, излишнюю снисходительность и несомнѣнно да-

поблажку къ неправильнымъ указаніямъ границъ, и возбудилъ, такъ сказать, излишніе аппетиты къ захвату земельной собственности; но противъ захватовъ всегда можно было принять мѣры, и онѣ на самомъ дѣлѣ были приняты. Во всякомъ случаѣ, вопросъ, чтѣ мое и чтѣ твое, разрѣшился удивительно ясно и просто. За долгое терпѣніе обыватели, хоть и не очень страдавшіе отъ зловредной фикціи, — отъ которой несравненно болѣе потерпѣла сама казна и русское населеніе, — но все-таки находившіеся подъ давленіемъ мысли, что вотъ-вотъ все объявить казеннымъ и начнутъ собирать оброки, — вознаграждались сугубо: государство оставляло за собою только земли, ни въ чемъ фактическомъ владѣніи не состоявшія, и какъ бы спѣшило размежеваться съ жителями ¹⁾.

Работы, начатыя въ одномъ изъ уѣздовъ, именно ташкентскомъ, уже близились къ концу, и благодаря большому труду, приложенному для выясненія экономическаго положенія уѣзда, открывалась картина тѣхъ богатствъ, которыми обладаетъ край (ташкентскій уѣздъ еще не изъ самыхъ культурныхъ). Жители показывали свои владѣнія, составлялись прекрасные планы хозяйственной съемки, приводился въ извѣстность до мелочей мѣстный сельско-хозяйственный строй и получалась такая картина общаго богатства, что Туркестанскій край, привыкшій къ хроническому дефициту, общалъ въ очень недалекомъ будущемъ, на основаніи самыхъ точныхъ данныхъ, значительное превышеніе мѣстныхъ доходовъ надъ расходами, — когда внезапно, — именно внезапно, единственнымъ почеркомъ пера, — работы, какъ *неправильныя* и *опасныя*, были остановлены, и на смѣну только-что благополучно устраненной фикціи явилось новое недоразумѣніе, и при томъ очень даже родственное только-что преданной забвенію фикціи.

Все дѣло въ томъ, что вдругъ показался ужасный признакъ полного обездоленія казны, „если такія работы будутъ продолжаться“. Усердные охранители казеннаго интереса забили тревогу и объявили, что слово „амляковыя“ вовсе не означаетъ „государственныя“, а означаетъ только „обработанныя *исударственныя* земли“, и если за жителями будутъ размежевывать тѣ земли, которыя состоятъ въ ихъ дѣйствительномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, а слѣдовательно, и земли необработанныя, то казна будетъ совершенно обездолена, и у нея никакихъ земель не останется. При новомъ толкованіи слова „амляковыя“,

¹⁾ Въ запискѣ госуд. совѣта прямо сказано, что если жители укажутъ что-либо неправильно въ числѣ своихъ владѣній, то казна предоставляетъ себѣ право вслѣдствіи изъять такія земли изъ неправильнаго владѣнія, путемъ судебныхъ исковъ.

тотчасъ установилось такое совершенно новое положеніе: за жителями признаются земли, не дѣйствительно состоящія въ ихъ владѣніи, а только однѣ обработанныя, и ни пяди необработанной.

Какъ ни мало-ожиданнымъ представлялось это новое толкованіе, — ибо нельзя даже себѣ рѣшительно представить на свѣтъ такого поземельнаго владѣнія, которое состояло бы сплошь изъ однѣхъ обработанныхъ земель, и нѣтъ имѣнія, гдѣ бы не было пустошей, овраговъ и такъ-называемыхъ неудобныхъ земель, — но новое толкованіе, въ интересахъ будто бы казны, было одобрено и принято, не взирая ни на какіе доводы ¹⁾. Мало того, въ похвальномъ стремленіи охранить казенныя земли отъ неправильнаго размежеванія за жителями, блюстители интересовъ казны пошли еще дальше, и толкованіе слова „амлябовыя“ слѣзили такъ, что оказалось подъ этимъ словомъ нужно разумѣть уже не просто обработанныя земли, а только земли, обработанныя подъ искусственное орошеніе, и когда оказалось, повидимому, для самого начальства довольно неожиданно, что существуетъ масса земель обработанныхъ, но не подъ искусственное орошеніе, а что называется подъ дождь (земли богарныя), то, нисколько этимъ не смутясь, не поколебались и эти, хоть и обработанныя, земли зачислить также въ число государственныхъ, будто бы находящихся не въ собственности, а только *въ безсрочномъ пользованіи осѣдлаго населенія* ²⁾.

Произошло невообразимое смѣшеніе понятій и полнѣйшее недоразумѣніе. Вслѣдствіе новаго неожиданнаго толкованія слова „амлябовыя“, обывательскія владѣнія вдругъ обратились гдѣ на половину, гдѣ на двѣ и одну треть, гдѣ вовсе не оказалось никакихъ владѣній, а оказалось одно *пользованіе* ³⁾. Далѣе оказались казенными всѣ пустоши, выгоны, пастбища, камышевыя заросли, галечныя розсыпи и даже самыя маленькія болота, находящіяся между культурными землями, — однимъ словомъ, всякій клочокъ необработанной земли. Все это попало въ число казенныхъ *государственныхъ* земель, „какъ никому въ особенности не принадлежащихъ“ (ст. 406, т. X, ч. I). Туземные обыватели сначала ничего не поняли, а потомъ сообразили, что не можетъ же быть государственныхъ земель только по одному названію, и что если казна

¹⁾ Въ ст. 12 правилъ поземельнаго устройства указывается, какія свѣденія должны входить въ такъ-называемый податной расчетъ, и пунктъ 5 требуетъ означать принадлежность земли, *дѣйствительно* обработанной подъ всякаго рода произрастаніи.

²⁾ О такомъ видѣ владѣнія не имѣется ни одного слова въ Положеніи 1886 г.

³⁾ Много поселеній существуетъ исключительно на богарныхъ земляхъ, т.-е. имѣющихъ искусственную ирригацію.

да захочетъ, не дай Господи, эксплуатировать всѣ оказавшіяся въ моментъ снятія на планѣ необработанныя земли и начнетъ отдавать ихъ въ аренду или постороннее пользованіе, или для новыхъ поселеній, то мѣстнымъ обывателямъ не станетъ житья, и даже на ихъ обработанныя земли не будетъ ни прохода, ни проѣзда... Въ перспективѣ представлялись нескончаемыя нарушенія то казенныхъ, то частныхъ владѣній и всѣ сопряженныя съ этимъ невзгоды. Но умыслившій совершить реформу чиновникъ обыкновенно не задумывается не только надъ дальнѣйшими, но и надъ ближайшими послѣдствіями своей реформаторской дѣятельности. Ему важенъ эффектъ и соблазнительная слава: *исправить* ошибки предѣстника и „разяснить“ его заблужденія, а потому все живое, практическое, очень успѣшно подвигавшееся впередъ дѣло размежеванія стало, а новорожденное *недоразуміе* поѣхало на рѣшеніе въ Петербургъ...

Когда одному крупному туземному землевладѣльцу объявили, что изъ всей своей земли онъ *отнынѣ* владѣетъ только обработанной частью и болѣе ничѣмъ, а остальная признается землею казенною, государственною, онъ, десятки лѣтъ владѣвшій и пользовавшійся и необработанной землею и заплатившій за нее въ свое время деньги, весьма усомнился въ правильности новаго толкованія, и положивъ, по восточному обычаю, въ ротъ палецъ изумленія, спросилъ:— Почему такъ?— „Потому что ты не обработалъ эту землю“,—отвѣчали ему. — Но я намѣренъ обработать ее въ будущемъ году,—возразилъ землевладѣлецъ.— „Но теперь она не обработана, —отвѣчали ему хранители казеннаго интереса,— и потому она государственная!“

— Понимаю!—наконецъ сообразилъ землевладѣлецъ.— Халаты, который я ношу, принадлежитъ мнѣ, потому что я его ношу; а тѣ халаты, которые у меня лежатъ въ сундукѣ, — мнѣ не принадлежатъ, потому что я ихъ не ношу?!

Все это случилось на четвертый годъ поземельныхъ работъ и, конечно, представляется крайне интереснымъ—какъ окончательно разберутся казна и частныя лица въ своихъ владѣніяхъ, и долго ли продержится этотъ новый взглядъ на государственныя земли, —взглядъ очень-таки сродни съ только-что отжившею фикціей...

На этомъ, впрочемъ, не кончаются туркестанскія поземельныя недоразумѣнія.

II.

БОГАРА.—ЧАСТНЫЕ ВЛАДѢЛЬЦЫ.—ХЛОПОВЪ.

Печальная судьба туркестанскихъ поземельныхъ работъ, завершившаяся полнымъ ихъ неодобреніемъ, съ постановкой „креста“, была, какъ водится, объяснена однимъ лишь *недоразумѣніемъ*, а виновнымъ въ недоразумѣніи оказался, разумѣется, не кто иной, какъ государственный совѣтъ, написавшій, будто бы, неясный законъ! Точно такимъ же недоразумѣніемъ, какъ извѣстно, была въ свое время объяснена приостановка поземельныхъ работъ въ томъ же ташкентскомъ уѣздѣ при генералѣ Черняевѣ въ 1882 году, и, конечно, было всего удобнѣе свалить вину на неясность закона, особенно когда „недоразумѣніе“ обходилось такъ дорого и могъ возникнуть вопросъ о чьей-либо отвѣтственности. Ферганское недоразумѣніе также обошлось казѣ въ 833 тыс. руб. и шесть лѣтъ работъ; недоразумѣніе ташкентское стоило четырехъ лѣтъ работъ и не менѣе полумилліона казенныхъ денегъ (не считая расходовъ населенія).

Объ устраненіи недоразумѣнія было, обычнымъ порядкомъ, возбуждено ходатайство; — представленіе о *разясненіи закона* пошло куда слѣдуетъ, и, какъ казалось, не поздно открылось это недоразумѣніе; можно было только радоваться, что сравнительно оно открылось еще рано, потому что чрезъ десятокъ-другой лѣтъ „недоразумѣніе“ грозило разростись до колоссальныхъ размѣровъ и принести казѣ милліонные убытки. Въ настоящую минуту уже прошло болѣе года, какъ недоразумѣніе находится въ разясненіи; но такъ какъ весь персоналъ поземельныхъ податныхъ учрежденій состоитъ также на-лицо и работы не могутъ быть приостановлены, то въ ожиданіи законодательныхъ разясненій туркестанское начальство дало пока свои мѣстные толкованія неяснымъ законамъ, работы же продолжаются, но „въ новомъ направленіи“, и начальство ожидаетъ, что мѣстные разясненія совпадутъ съ законодательными — и все будетъ хорошо.

По особому стеченію обстоятельствъ въ Туркестанскомъ краѣ такъ привыкли къ „недоразумѣніямъ“, что и это послѣднее не вызвало большого волненія. Начиная съ недоразумѣнія объ отступствіи въ краѣ частной собственности, продолжая затѣмъ ферганскія поземельными работами, закончившимися извѣстнымъ уже недоразумѣніемъ, переходя затѣмъ къ первымъ работамъ въ ташкентскомъ уѣздѣ, начатымъ въ 1879 году, при генералѣ Кауфманѣ, и ост-

новлепнымъ генераломъ Черняевымъ, не вслѣдствіе даже недоразумѣнія, а вслѣдствіе *опасенія* недоразумѣній, и кончая открыто въ сентябрѣ 1890 г. неясностью закона, — все это представляло какъ бы одно непрерывное недоразумѣніе, и потому-то послѣднее изъ нихъ никого особенно не поразило. Ну что-жь, недоразумѣніе, такъ недоразумѣніе, — спокійно свазали туркестанскіе дѣятели. Будемъ разяснять!

Оставляя въ сторонѣ всѣ практическія послѣдствія, вызванныя новымъ взглядомъ на казенныя земли ¹⁾, необходимо остановиться на источникѣ того послѣдняго недоразумѣнія, которое обошлось казнѣ въ полъ-милліона рублей, не считая тѣхъ потерь, которыя произойдутъ отъ пріостановленія работъ ²⁾.

Весь вопросъ заключался въ томъ — нужно ли подѣ „амляковыми“ землями разумѣть только обработанныя подѣ искусственное орошеніе земли, или „амляковыя“ значить просто *государственныя* — и ничего болѣе.

По вопросу о томъ, что такое амляковыя земли, въ мѣстной литературѣ писалось и говорилось не особенно много. Туземное слово это никогда разногласій и сомнѣній не возбуждало, и до самаго сентября 1890 года, когда этому термину было впервые придано значеніе „*казенныхъ земель, обработанныхъ подѣ искусственное орошеніе*“, слово амляковыя означало просто „государственныя“.

Не приводимъ здѣсь ни авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, ни грамматическихъ и логическихъ толкованій этого злополучнаго термина (безъ достаточной необходимости употребленнаго въ ст. 255 Положенія), не будемъ, наконецъ, ссылаться на авторитетъ мусульманскихъ законовѣдовъ и ограничимся немногими доводами.

Достойно прежде всего замѣчанія то, что такое толкованіе явилось впервые послѣ двадцати-пяти лѣтъ владѣнія краемъ. Затѣмъ не менѣе достойно упоминанія, что при поземельномъ устройствѣ Ферганской области, длившемся шесть лѣтъ, таковаго значенія слову „амляковыя“ никогда не придавалось, и равнымъ образомъ ничего

¹⁾ Послѣдствія эти слѣдующія: снятые планы нужно передрать; такъ-называемые податные расчеты, уже объявленные населенію, нужно также передрать (исключить отсюда всѣ вновь объявившіяся казенныя земли) и вновь объявить населенію; и жевые признаки, поставленные по границамъ обывательскихъ владѣній, перенести на новую границу, т.-е. вымежевать богарныя поля, выгоны, болота и всѣ необработанныя земли, которыя сдѣлались теперь казенными, и т. д., и т. д.

²⁾ Новое поземельное обложеніе должно было увеличить государственный доходъ на 40—50% и вниманіе новой поземельной подати предполагалось начать съ 1892 г.

подобнаго этому толкованію нельзя найти ни въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ Положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, ни въ самомъ Положеніи. Наконецъ, не лишнее будетъ замѣтить, что если „амляковыя“ земли суть только обработанныя подъ искусственное орошеніе, то какимъ же терминомъ обозначается вся прочая земля, т.-е. необработанная, когда, кромѣ „амляковыя“, никакого термина неизвѣстно?

Въ частности особенно важнымъ является вопросъ, куда отнести — къ государственнымъ или частнымъ землямъ — такія земли, которыя хоть и обрабатываются, но не при помощи искусственнаго орошенія, а подъ дождевую влагу, какъ въ большей части внутренней Россіи? Земли эти, называемыя здѣсь *богарными*, всегда считались, какъ и земли искусственно орошенныя, принадлежащими жителямъ, но въ сентябрѣ 1890 года, въ виду принятія новой земельной терминологіи, неожиданно попали также въ категорію государственныхъ.

Однако, если было легко создать, въ дополненіе къ только что отжившей фикціи, еще новую и объявить государственною собственностью всякій необработанный и непригодный къ обработкѣ клочокъ земли, лежащій между обывательской культурой, то не такъ-то легко было это сдѣлать съ богарными полями; объявить ихъ государственнымъ достояніемъ не имѣло разумнаго основанія уже потому, что поля эти находятся и всегда находились въ фактическомъ владѣніи и распоряженіи жителей. Но туркестанскіе власти нашли такой изъ этого затрудненія исходъ: онѣ объявили богарныя земли государственнымъ, но находящимися „въ обычномъ пользованіи“ населенія.

Такъ-называемый богарный вопросъ всегда представлялъ нѣкоторыя недоразумѣнія, къ разъясненію которыхъ, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, никакого старанія приложено не было, и только съ 1887 года, при генераль-губернаторѣ Розенбахѣ, были выяснены особенныя свойства богарнаго хозяйства.

Нужно прежде всего замѣтить, что существовавшее прежде и нынѣ существующее представленіе о такъ-называемой богарѣ еще невѣроятно сбивчиво. Для большинства, „богара“ — это посѣвы на горахъ, и притомъ на самыхъ высокихъ и мало доступныхъ. Еще не болѣе года назадъ одинъ мѣстный генералъ, разясняя заѣзжему сановнику, что такое „богара“, указывалъ голвой куда-то очень высоко, въ районъ вѣчныхъ вѣтровъ и снѣговъ, гдѣ не только богарныя посѣвы, но и никакая жизнь невозможна. Богара, по представленію многихъ, это какіе-то клочки (непремѣнно клочки) земли на горахъ (непремѣнно на горахъ,

случайно кѣмъ-то распаханнѣхъ (непремѣнно случайно и непремѣнно кѣмъ-то), въ надеждѣ, что Богъ дастъ дождь и что-нибудь да выростетъ. Большинство представляетъ себѣ богару именно такой землей, которая будто бы ни въ чьемъ владѣніи не состоитъ, никому въ особенности не принадлежитъ, и гдѣ можетъ пахать всякій, кому угодно. Пришелъ охотникъ, увидѣлъ хорошій клочокъ земли, возложилъ надежду на милость Божию и началъ пахать и сѣять—вотъ это и есть богара. Такъ думаютъ многіе, не исключая и многіхъ начальствующихъ лицъ.

Неправильное представленіе о богарѣ ведетъ естественно къ неправильнымъ о ней заключеніямъ. Достаточно взглянуть на снятые уже планы, чтобы убѣдиться, что богара находится вовсе не на горахъ, а большею частью совсѣмъ на плоскости; что богара или вплотную прилегаетъ къ искусственно орошенной культурѣ, или находится среди нея, такъ сказать, вкрапленная въ нее мелкими площадками, или на недалекомъ отъ нея разстояніи; что богара вовсе не случайна, а столь же постоянна, какъ ирригаціонныя посѣвы; что она часто и легко можетъ быть обращена подъ орошеніе, но это не дѣлается просто по недостатку воды, и, наконецъ, что богара вовсе не есть клочки распаханной, гдѣ кому вздумается, земли, а значительныя, иногда огромныя пространства сплошныхъ посѣвовъ, и представляетъ такое же прочное и постоянное владѣніе, какъ искусственно орошенная культура,— а населеніе не только никакіхъ постороннихъ пришельцевъ на свою богару не пускаетъ, но среди самихъ жителей извѣстнаго поселка есть ея постоянные владѣльцы.

Искони, среди свѣдущихъ лицъ, такъ и считалось, что богара принадлежитъ жителямъ и составляетъ ихъ собственность. Уже не говоря про то, что въ мѣстной губернской администраціи никогда другого взгляда на богару не существовало, весь „совѣтъ генералъ-губернатора“ до конца 1890 года единогласно стоялъ за то мнѣніе, что богара точно также утверждена за населеніемъ, какъ и искусственно орошенныя земли. Не болѣе десятка лѣтъ назадъ, при работахъ въ Ферганской области, богара размежевалась за жителями *по желанію* владѣльцевъ и не зачислялась за населеніемъ только тогда, когда оно само отъ нея отказывалось, не желая платить поземельную подать. Одно уже это обстоятельство, кажется, ясно свидѣтельствуетъ, что еще десять лѣтъ назадъ возрѣнія на принадлежность жителямъ богары существенно отличались отъ новыхъ взглядовъ,—и если тогда признава ось возможнымъ зачислять богару за населеніемъ, то это уже уя няетъ, что она считалась собственностью населенія, а не нахо-

дающею только въ „обычномъ пользованіи“, какъ это думаютъ нынѣ.

Мало того. Имѣются документы, удостовѣряющіе, что жители, какъ собственники, отдають богару въ аренду постороннимъ лицамъ; имѣется рядъ свидѣтельствъ самаго официального характера о томъ, что населеніе владѣть и распоряжается богарой, какъ своею собственностью, и до сихъ поръ не было пока представлено ни одного факта, который бы удостовѣрялъ, что богара существуетъ на какомъ-либо иномъ правѣ, а не на правѣ собственности ¹⁾.

Наконецъ, шаткость толкованій слова „амляковья“ подтверждается однимъ чисто практическимъ соображеніемъ. По новымъ воззрѣніямъ выходитъ, что жителямъ принадлежитъ только та земля, которая въ моментъ съемки на планъ окажется обработанною подъ искусственное орошеніе. Но съемка пока производится въ одномъ уѣздѣ, и въ одномъ-то уѣздѣ длится уже 5—6 лѣтъ. Спрашивается: возможно ли допустить, чтобы правительство признавало за жителями большее или меньшее количество земли въ зависимости отъ времени съемки? Въ ташкентскомъ уѣздѣ съемка производится въ 1887—1892 годахъ, и за жителями будетъ признано то, что въ эти годы оказалось подъ культурой; съемка въ Самаркандѣ будетъ производиться позднѣе, при большемъ развитіи культуры, и значить за самаркандцами будетъ отмежевано земли гораздо болѣе, чѣмъ они владѣли въ моментъ изданія закона объ утвержденіи за ними земли, „состоящей“ въ ихъ собственности. Съемка аулізатинскаго и чамбентскаго уѣздовъ будетъ производиться еще позднѣе, можетъ быть чрезъ десять-пятнадцать лѣтъ, и эти уѣзды будутъ имѣть предъ самаркандцами и ташкентцами преимущество, успѣвъ въ теченіе этихъ 10—15 лѣтъ захватить и разработать много свободной земли и получить въ свое владѣніе то, что землемѣръ найдетъ чрезъ 10—15 лѣтъ обработаннымъ подъ искусственное орошеніе. Что такое совершенно безпрепятственное расширеніе своихъ владѣній вполне возможно, объ этомъ было говорено ранѣе, и уже было выше объяснено, что казна, благодушно считая все своимъ государственнымъ достоинствомъ, до сихъ поръ не приступила къ выдѣлу своихъ владѣній ²⁾.

¹⁾ Авторы, писавшіе о землевладѣніи въ Туркестанскомъ краѣ, никогда не устанавливали никакой разницы въ правахъ владѣнія искусственно орошенной и богарой землей, напр., Л. Н. Соболевъ, Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. IV, стр. 153—168.

²⁾ О необходимости такого выдѣла были сдѣланы предположенія, но признаны не были.

Едва ли что-либо подобное имѣлось въ виду,—но такой выводъ составляетъ естественное слѣдствіе того взгляда, что за жителями утверждена только оказавшаяся при съемкѣ искусственная культура. Даже въ самомъ ташкентскомъ уѣздѣ мѣстности, снятыя въ 1890 году, находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ снятыя въ 1887—1889 гг., потому что жители расчищаютъ свои посѣвы систематически, и такимъ образомъ чѣмъ позднѣе будетъ съемка, тѣмъ менѣе останется свободныхъ казенныхъ земель ¹⁾. Кажется, болѣе произвольнаго толкованія обывательскихъ правъ на землю и вмѣстѣ съ тѣмъ наименьшаго соблюденія интересовъ казны нельзя и допустить?!

Чтобы повончить съ богарнымъ и амляковымъ вопросами и еще разъ указать, какой крупный переворотъ вызывается новымъ толкованіемъ слова „амляковыя“, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ. Вопреки существующему, преимущественно среди начальствующихъ лицъ, убѣжденію, что богара — это какіе-то клочки земли, да еще на высокихъ горахъ, — можно, съ документами въ рукахъ, утверждать, что богарныя поля, *во-первыхъ*, громадны, а *во-вторыхъ*, что во многихъ и многихъ мѣстахъ они составляютъ для исконнаго осѣдлаго населенія не только главный, но и единственный источникъ существованія. Благодаря новому толкованію слова „амляковыя“, эти коренные земледѣльцы, не имѣющіе искусственно орошенныхъ полей, выбрасываются нынѣ изъ числа собственниковъ и оказываются сидящими на казенной землѣ. По полученнымъ уже свѣденіямъ, богара составляетъ не менѣе 11% всей обработанной поверхности ташкентскаго уѣзда, и по 15 волостямъ, снятымъ на планы до 1 апрѣля 1890 г., оказалось на 650 тыс. дес. всей обывательской земли — 84 тысячи десятинъ богары ²⁾.

Приведенныя цифры говорятъ сами за себя, и потому понятно все громадное недоразумѣніе, возникшее изъ-за новаго толкованія слова „амляковыя“...

Но толкованія—толкованіями, а самый главный вопросъ заключается въ томъ, какія же ожидаются практическія послѣдствія этого толкованія? Поступятъ ли богарныя и всѣ необработанныя земли въ списокъ казенныхъ владѣній и въ вѣдомство государственныхъ имуществъ? Отберетъ ли казна отъ жителей ихъ бо-

¹⁾ Планы съемки ташкентскаго уѣзда въ 1882 г., по сравненіи съ послѣдними и нами, показываютъ, что многія прежнія болота уже обращены въ пашни. Въ 1892 г. считалось, что во владѣніи жителей ташкентскаго уѣзда находятся до 780 тыс. десятинъ земли; въ 1889 году уже считалось ихъ до 900 тыс. десятинъ.

²⁾ Изъ 217 снятыхъ дачъ—богара оказалась въ 109 дачахъ.

гарныя земли и сама займется ихъ эксплуатаціей, или оставитъ ихъ во владѣніи и собственности жителей,—но назоветь это владѣніе—*„обычнымъ пользованіемъ“*, какъ придумали уже мѣстные чиновники ¹⁾? Пойдутъ ли богарныя земли подъ русскія поселенія (этого туземцы особенно опасаются), или казна начнетъ отдавать въ аренду свои новыя обширныя *владѣнія*, неожиданно у нея оказавшіяся, единственно вслѣдствіе новаго толкованія стараго термина *„амляковья“* ²⁾?

Разумѣется, ничего подобнаго не предполагается. Жители какъ есть, такъ и останутся впредь фактическими владѣльцами богары; они, по прежнему, будутъ ее обрабатывать, отчуждать, арендовать, всячески пользоваться,—и въ результатѣ всей реформы окажется: *во-первыхъ*, еще одна фикція—въ видѣ государственныхъ земель, не состоящихъ во владѣніи и распоряженіи казны ³⁾; *во-вторыхъ*, совершенно напрасное смущеніе населенія, и *въ-третьихъ*, новыя, совсѣмъ лишнія работы по разграниченію будто бы частныхъ и казенныхъ владѣній, а въ сущности однихъ и тѣхъ же частныхъ,—но подъ разными названіями.

И вся эта сложная процедура возникла единственно изъ-за опасенія—какъ бы жители не захватили казенныхъ земель. Въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ казна довольно равнодушно взирала на расширеніе обывательскихъ владѣній и, въ виду царившей фикціи, старалась какъ можно менѣе проявлять признаки своего владѣнія всей землею. Ни разу даже не было предпринято съемоковъ казенныхъ земель. Вопреки ясному требованію закона, не допускающаго *„безмѣрныхъ владѣній“*,—владѣнія повсюду были дѣйствительно безмѣрны (кромѣ городовъ); когда же администраціи показалось, что обывательскія претензіи и захваты грозятъ ей обездоленіемъ, она не придумала ничего лучшаго, какъ дать новое толкованіе слову *„амляковья“*, и успокоилась, назвавъ казенными

¹⁾ Такого термина въ законѣ нѣтъ. Упомянутое въ ст. 270 Пол. *безсрочное общественное пользованіе киргизскими кочевьями* не можетъ относиться до *осидлыхъ владѣній богары*.

²⁾ Въ Ферганской и Самаркандской областяхъ—пространства богарныхъ полей громады. Въ одномъ катти-курганскомъ уѣздѣ (Самарк., об.) ихъ имѣется до 200 тыс. танаповъ (40 т. дес.), давшей доходу въ 1887 г.—22 тыс., 1888 г.—64 тыс., въ 1889 г.—94 тыс. руб. Повемельный налогъ съ богары доходитъ въ этомъ уѣздѣ по 2 руб. съ десятины (вмѣстѣ съ земскимъ сборомъ). Вообще въ Самаркандской обла. повемельный налогъ на богару былъ въ 1887 г.—1 р. 20 к., въ 1888 г.—1 р. въ 1889 г.—1 р. 60 к.—съ десятины.

³⁾ При обсужденіи туркестанскаго Положенія бывшій министръ внутренн. дѣлъ гр. Толстой протестовалъ противъ созданія *„казенныхъ земель, не находящихъ во владѣніи казны“* (См. Зап. Государств. Совѣта).

всѣ, частью уже отмежеванныя, а частью еще не отмежеванныя въ ташкентскомъ уѣздѣ за жителями негодныя земли, болота, галечники, овраги, камыши и проч., а изъ богарныхъ земель создавъ „казенныя земли, не находящіяся въ распоряженіи казны“, и даже объявивъ своими всѣ невоздѣланныя клочки земли между обывательскою культурой. Но такъ сдѣлано только относительно ташкентскаго уѣзда. Во всѣхъ прочихъ уѣздахъ не сдѣлано пока ровно ничего, и, за невымежеваніемъ казенныхъ земель, весьма вѣроятно, что тамъ, т.-е. въ другихъ уѣздахъ, и впослѣдствіи будетъ происходить безпрепятственное расширеніе обывательскихъ владѣній, и только чрезъ 5—10—15 лѣтъ придетъ землемѣръ и, нанеся на планъ всѣ оказавшіяся въ тому времени пашни, объявить ихъ собственностью жителей, а все, что къ тому времени не успѣютъ захватить, или чему не успѣютъ дать видъ обработанной земли (это дѣлается очень легко), будетъ объявлено казеннымъ. Также казенною объявять и богару, но оставлять въ „обычномъ пользованіи“.

Кажется, при такомъ хозяйствѣ количество годныхъ казенныхъ земель (а годныя только и представляютъ интересъ) не увеличится?

Руководятся ли въ такихъ мѣрахъ истинно государственными интересами и соображеніями—спрашивать не надо. Не проще ли было казнѣ отстаивать при межеваніи свои владѣнія тѣмъ же путемъ, какъ отстаиваютъ жители, т.-е. присутствовать, въ лицѣ своихъ агентовъ, при съемкѣ плановъ и признавать за жителями не то, что они указываютъ, а то, что дѣйствительно носить какіе-либо признаки ихъ владѣній? Не размежевались ли бы тогда казна и жители полюбовно, не принимая насильственныхъ мѣръ и не прибѣгая къ натянутымъ толкованіямъ давно извѣстныхъ туземныхъ словъ? Не стала ли бы тогда казна владѣлицей земель годныхъ и удобныхъ, а не болотъ, пустынь, галечниковъ и никому не нужныхъ овраговъ? Но самое, конечно, правильное было бы первоначальное вымежеваніе казенныхъ земель и затѣмъ уже разграниченіе обывательскихъ владѣній между собою ¹⁾.

¹⁾ Въ сентябрѣ 1890 г. сдѣлано въ Туркестанѣ распоряженіе, чтобы земли обрабатываемыя, но искусственно не орошенныя (богара), и земли вовсе не обрабатываемыя не переходили по документамъ, совершаемымъ въ народныхъ судахъ. Для этого приказано слѣдить за актовыми книгами народныхъ судей. Мѣра эта отнюдь не рѣзкая. Такое же воспрещеніе перехода недвижимой собственности уже было сдѣлано еще въ 1871 г., но это не мѣшало нисколько переходу земель. Туземные документы совершаются безъ всякихъ актовыхъ книгъ и слѣдить за этими книгами, не введено и совершенно еще не усвоенными населеніемъ, нѣтъ рѣшительно какой возможности.

Вмѣсто всего этого, вмѣсто принятія дѣйствительныхъ мѣръ, предпочли успокоиться на новой фикціи, и едва-ли нужно пояснить, что новое толкованіе термина „амляковыя“ не сохранить за казной ея земель, но поведетъ только въ большому замедленію съемочныхъ работъ ¹⁾. Вся тяжесть практическихъ послѣдствій этого толкованія отзовется также только на казнѣ и пострадаетъ только она одна: она лишится, по случаю новаго приостановленія поземельныхъ работъ, своихъ законныхъ доходовъ, она будетъ терпѣть привычныя ей дефициты ²⁾, а въ исторіи туркестанскихъ поземельныхъ недоразумѣній запишется еще одно и при томъ очень крупное.

Не пора ли—позволимъ себѣ спросить—покончить съ этими недоразумѣніями? Еще двѣнадцать лѣтъ назадъ, при генералѣ Кауфманѣ, было приступлено къ устройству ташкентскаго уѣзда, но послѣ двухъ лѣтъ работъ, генералъ Черняевъ прекратилъ ихъ, „опасаясь, чтобы онѣ не привели къ такимъ же неудовлетворительнымъ результатамъ, какъ въ Ферганѣ“ ³⁾. Преемникъ генерала Черняева, генералъ Розенбахъ, успѣлъ исходатайствовать въ 1887 г. возобновленіе работъ; но въ 1890 году генералъ Вревскій приостановилъ ихъ опять, —приостановилъ наканунѣ окончанія, — и также „опасаясь“ на этотъ разъ замешиванія казенныхъ земель.

Не пора ли—спросимъ еще разъ—покончить съ этими недоразумѣніями и колебаніями ⁴⁾?

Сама судьба была, повидимому, противъ окончательнаго выясненія туркестанскаго поземельнаго вопроса, такъ давно и такъ напрасно ожидавшаго своего рѣшенія. Едва порѣшили съ „бо-

¹⁾ Уже практически выяснено, что при снятіи на планы однихъ обработанныхъ подъ ирригацію пространствъ съемка сдѣлалась медленнѣе въ два съ половиной раза, вслѣдствіе необыкновенно извилистаго очертанія обработанныхъ полей, — не говоря уже про то, что съемка на планѣ одной культуры не даетъ о мѣстности никакого понятія.

²⁾ За первые 16 лѣтъ управленія Туркестанскимъ краемъ дефицитъ выразился въ 105 милліоновъ руб. Въ 1884 г. дефицитъ былъ наименьшій, но все-таки въ 1.720.000 руб.

³⁾ Приказъ генерала Черняева 20 декабря 1882 г., № 829.

⁴⁾ Во что обходятся государству эти колебанія — можно судить по слѣдующимъ по официальнымъ свѣденіямъ за 1882 г., Ферганская область, имѣвшая 548.265 орошенной земли, платила 1.318.000 руб. податей, а Сирь-Дарьинская область и равшанскій округъ, имѣвшіе до 900.000 дес. орошенной земли, платили то 1.035.000 руб.

гарнымъ вопросомъ* и жителямъ стало извѣстно, что имъ принадлежитъ только земля обработанная подъ искусственное орошеніе, — а все прочее объявляется казеннымъ, — какъ одновременно съ этимъ народилось новое недоразумѣніе. На этотъ разъ оно сосредоточилось на вопросѣ—*что такое частный владѣлецъ* и какимъ поземельнымъ налогомъ его обложить?

Еще при самомъ началѣ поземельныхъ работъ послѣдняго періода, т. е. въ 1887 г., вопросъ этотъ уже былъ возбужденъ и тогда же рѣшенъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, — но это не помѣшало тому же вопросу и почти въ той же формѣ возродиться въ 1890 году и быть перерѣшеннымъ какъ разъ въ смыслѣ противоположномъ рѣшенію 1887 года. Сущность этого вопроса выясняется въ нѣсколькихъ словахъ.

Общій для всего края законъ о поземельной подати требовалъ, чтобы поземельный налогъ исчислялся *на цѣлое сельское или аульное общество*, которое уже распредѣляло подать между своими сочленами *по благосостоянію*. Изъ этого общаго правила уже само собою истекало, что всѣ лица, не входящія въ составъ сельскихъ или аульныхъ обществъ, но владѣющія землею въ предѣлахъ извѣстной сельской или аульной дачи, не подлежали поземельному обложенію въ составѣ цѣлаго общества, а признавались *„частными владѣльцами“* и отвѣчали, въ смыслѣ податной исправности, сами за себя. Такимъ образомъ, на цѣлое сельское или аульное общество составлялся одинъ общій „податной расчетъ“, а на *каждаго* частнаго владѣльца выдавался также отдѣльный расчетъ, по которому онъ и долженъ былъ вѣдаться съ казначействомъ непосредственно.

Правильность такого воззрѣнія на частныхъ владѣльцевъ истекла не только изъ здраваго смысла, но и изъ закона. Извѣстно, что въ сельскихъ общественныхъ дѣлахъ пришельцы, постороннія лица, являются всегда жертвами эксплуатаціи общества: на нихъ взвалить и лишній разъ отбытіе какой-нибудь натуральной повинности, на нихъ накинуть и лишній рубль при разверсткѣ земскихъ и иныхъ повинностей, — и, однимъ словомъ, общество, „громада“, всегда есть сила, предъ которой пасуютъ единицы, — а въ особенности пришельцы, да еще если они бѣдные. Ясны, слѣдовательно, цѣли—почему законъ взялъ частныхъ владѣльцевъ подъ свое покровительство и поставилъ ихъ въ податную независимость отъ общества.

Въ началѣ поземельныхъ работъ послѣдняго періода (1887 г.) много и горячо говорили о томъ, какъ практически осуществить мысль законодателя и наилучшимъ образомъ оградить частныхъ

владѣльцевъ отъ притѣсненій и прижимокъ общества. Вниманіе начальства въ интересамъ частныхъ владѣльцевъ доходило до того, что всѣ ихъ большею частью совершенно микроскопическія владѣнія (десятина, полдесятины, четверть, восьмая доля и т. д.) рѣшено было обставить, на мѣстности, межевыми, очень громоздкими курганами, и на первое время вся съемка сосредоточилась главнымъ образомъ на выдѣлѣ частныхъ владѣльцевъ, — потому что съемка общественныхъ владѣній, т. е. цѣлыхъ дачъ, не представляла большихъ затрудненій.

Но проходить четыре года — и взглядъ на право частныхъ владѣльцевъ на отдѣльное отъ общества обложеніе круто мѣняется. Можно бы, пожалуй, подумать, что эти четыре года убѣдили начальство въ неправильности установившагося взгляда, что выяснилась ошибочность этого воззрѣнія и потребовалось его исправленіе, — но нѣтъ, ничего подобнаго не произошло, а начальство только убѣдилось, что частныхъ владѣльцевъ слишкомъ много, что выдѣлъ ихъ потребуетъ много времени, что число окладныхъ листовъ будетъ слишкомъ велико, что это замедлитъ работы, что казначейства будутъ вынуждены имѣть дѣло съ тысячами плательщиковъ, и т. д. и т. д., — однимъ словомъ, убѣдилось, что такой взглядъ на частныхъ владѣльцевъ *неудобенъ*. Интересы частныхъ владѣльцевъ, такимъ образомъ, совершенно неожиданно были оставлены въ сторонѣ и, вмѣсто выясненія и твердой постановки частнаго владѣнія въ краѣ, явился вопросъ о будущемъ обремененіи казначейства, объ удобствахъ чиновниковъ финансоваго вѣдомства, объ ускореніи работъ и легкости будущаго контроля за податными сборами ¹⁾. Въ видахъ-то достиженія этихъ удобствъ, мѣстныя власти прибѣгли въ весьма несложному средству и просто приказали частными владѣльцами *считать только тѣхъ, кто имѣетъ крѣпостные на земли документы* — и болѣе никого.

Соображенія о чиновничьихъ удобствахъ, легкости контроля, упрощеніи работъ по выдѣлу частныхъ владѣльцевъ, и пр. и пр., ваяли такимъ образомъ рѣшительно верхъ надъ истинными интересами поземельнаго дѣла, и почти одновременно съ тѣмъ, какъ

¹⁾ Какъ ни своеобразна сама по себѣ постановка вопроса о частныхъ владѣніяхъ въ зависимости отъ того — много ли ихъ или мало, — но нужно еще объяснить 1) что частные владѣльцы сгруппированы только около Ташкента, а также въ андижанскомъ и намаганскомъ уѣздахъ (Ферганской области), 2) и что въ ташкентскомъ уѣздѣ ихъ оказалось до 10 тыс., а въ двухъ другихъ названныхъ уѣздахъ до 20 тыс. и затѣмъ на всемъ протяженіи необъятнаго Туркестанскаго края почти нѣтъ частныхъ владѣльцевъ.

количество государственныхъ земель такъ быстро приумножилось посредствомъ объявленія всей неорошенной земли казенною — упразднены были и частные владѣльцы. Результаты этого смѣлаго шага превзошли даже всѣ ожиданія: вмѣсто десяти тысячъ частныхъ владѣльцевъ, ихъ оказалось, въ ташкентскомъ уѣздѣ, можетъ быть, всего одна — двѣ сотни (это еще точно неизвѣстно); вмѣсто длинныхъ списковъ плательщиковъ поземельной подати, получился коротенькій перечень сельскихъ и аульныхъ обществъ (отъ 150 до 200) и только очень немного частныхъ владѣльцевъ, — да и то возникъ еще вопросъ: дѣйствительно ли они частные владѣльцы, и кто будетъ провѣрять ихъ документы на владѣніе землей и окончательно устанавливать, что владѣніе ихъ документально-правильно?

Весь переворотъ во взглядахъ на частныхъ владѣльцевъ произведенъ, какъ видно, при помощи совершенно простаго приѣма. Единнымъ почеркомъ пера и безъ долгихъ разсужденій, всѣхъ частныхъ владѣльцевъ рѣшено было зачислить въ составъ тѣхъ сельскихъ и аульныхъ обществъ, гдѣ находились ихъ земли, и выдать отдѣльные окладные листы только такимъ частнымъ владѣльцамъ, у которыхъ окажутся крѣпостные документы на землю. Есть ли у кого изъ нихъ надлежащіе документы, или нѣтъ — это еще до сихъ поръ не провѣрено, но пока всѣ частные владѣльцы зачислены въ составъ обществъ, и можно сказать, что надъ частнымъ владѣніемъ въ краѣ также „поставленъ крестъ“, — какъ и надъ всѣмъ поземельнымъ вопросомъ.

Не говоримъ про то, что такая мѣра находится въ прямомъ противорѣчьи съ Положеніемъ 1886 года; не говоримъ про то, что насильственное зачисленіе кого-либо въ общество есть противозаконіе, не допускаемое ни ради легкости контроля, ни ради чьихъ-либо удобствъ; не говоримъ, наконецъ, про то, что многіе частные владѣльцы оказались одновременно въ составѣ нѣсколькихъ обществъ, имѣя свои клочки земли въ разныхъ мѣстахъ, — намъ кажется особенно произвольнымъ требованіе документовъ на владѣніе, да еще документовъ крѣпостныхъ, ибо кто же не знаетъ, что тысячи туземцевъ владѣли и владѣютъ землей безъ документовъ, что требовать ихъ совершенно не предполагалось, и что только у немногихъ русскихъ частныхъ владѣльцевъ могутъ казаться такіе документы.

Какъ бы то ни было, число частныхъ владѣльцевъ въ ташкентскомъ уѣздѣ сократилось съ 10 тыс. на сотню — другую, такъ-называемые поземельно-податные комиссары, занимающіеся составленіемъ податныхъ расчетовъ, почувствовали сразу

большое облегченіе въ своихъ трудахъ. Прежде предполагалось, что каждому изъ нихъ придется составить не менѣе двухъ тысячъ податныхъ расчетовъ, а оказалось, что не придется составить и по сотнѣ.

Отдавая должное необыкновенной рѣшительности, проявленной туркестанскимъ начальствомъ въ этомъ дѣлѣ,—нельзя, однако, не замѣтить, что эта рѣшительность, пожалуй, даже болѣе чѣмъ простое недоразумѣніе. Довольно упомянуть, что такое мѣропріятіе измѣняетъ кореннымъ образомъ самыя основы, принятія для рѣшенія поземельнаго вопроса, и, вмѣсто выясненія фактическаго владѣнія, вступаетъ на путь такъ-называемаго юридическаго межеванія, т. е. на путь провѣрки правъ посредствомъ документовъ. Но помимо того, что для такой провѣрки документовъ не только не введено въ краѣ никакихъ учреждений и не только не издано никакого „Положенія“, но въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ туркестанскому Положенію разъяснено категорически, что ни юридическаго межеванія, ни провѣрки документовъ въ Туркестанѣ не предполагается.

Впрочемъ, туркестанское начальство, порѣшивъ такъ энергично съ частными владѣльцами и тотчасъ же принявъ мѣры къ исполненію этого новаго постановленія, обратилось, одновременно съ тѣмъ, въ государственный совѣтъ за разъясненіемъ законовъ о частныхъ владѣльцахъ и не сомнѣвается въ одобреніи принятыхъ мѣръ, — а пока дѣло стоитъ такъ: половина ташкентскаго уѣзда снята съ выдѣломъ частныхъ владѣльцевъ, половина—безъ выдѣла, и въ случаѣ одобренія принятой мѣры придется исключить всѣхъ частныхъ владѣльцевъ и уничтожить составленные на нихъ податные расчеты, а въ случаѣ неодобренія придется произвести досъемку плановъ и написать массу новыхъ податныхъ расчетовъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это будетъ очень большой трудъ и новое замедленіе работъ. Что же касается до практическихъ послѣдствій упраздненія всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, не имѣющихъ документовъ на землю (такихъ владѣльцевъ девять десятыхъ), то объ этомъ пока судить еще нельзя, за неокончаніемъ поземельныхъ работъ и неприведеніемъ этой мѣры въ дѣйствіе. Когда же окончатся работы—это сказать болѣе чѣмъ трудно.

Вопросомъ о казенныхъ и богарныхъ земляхъ и затрудненіямъ куда дѣвать частныхъ владѣльцевъ, — которыхъ оказалось слишкомъ много, по мнѣнію туркестанскаго начальства, — серія туркестански недоразумѣній еще не оканчивается. Проходимъ, впрочемъ, мо

чаніемъ долгій офіціальный споръ о томъ, что такое производится въ краѣ—кадастръ, юридическое межеваніе или просто хозяйственная съемка,—споръ замѣчательный лишь тѣмъ, что большинство спорящихъ не имѣло яснаго представленія о различіи этихъ трехъ видовъ межевой дѣятельности. Проходимъ также молчаніемъ полемику должностныхъ лицъ о томъ, не велико ли сельское и аульное общество, какъ единица для обложенія, и не слѣдуетъ ли вмѣсто „общества“ придумать какую-либо другую единицу. Въ основаніи этой полемики лежало утвержденіе нѣкоторыхъ администраторовъ,—что будто бы сельское общество, т.-е. 150—200 домохозяевъ, не умѣютъ разверстать между собою податные платежи, и что имъ надо помочь въ этомъ. Эта полемика закончилась только тогда, когда было фактически и блистательно подтверждено, что туземцы такъ умѣютъ разверстывать подати, что ихъ учить не приходится, и полезно этому поучиться у нихъ. Были и другіе споры, возникавшіе всегда преимущественно на почвѣ чиновничьихъ препирательствъ,—напримѣръ, какъ отличить осѣдлаго туземца отъ кочевого; какъ собирать „справочныя цѣны“; какъ опредѣлить, какой въ известной мѣстности главный или преобладающій посѣвъ, и пр., и пр., и пр.

Остановимся на послѣднемъ, самомъ современномъ недоразумѣніи, сдѣлавшемся не только „мѣстною злобою дня“, но и достояніемъ общей печати и разрѣшенномъ въ іюнѣ прошлаго года. Мы говоримъ о будущемъ обложеніи хлопка.

Правильное разрѣшеніе хлопкового вопроса имѣетъ значеніе не только мѣстное, но и общегосударственное, уже потому, что тутъ затрогиваются вопросы о нашей хлопковой зависимости отъ Америки и объ отливѣ нашего золота за границу.

Безспорно, что огромная часть Туркестанскаго края, къ югу отъ Ташкента, необыкновенно пригодна для хлопковыхъ плантацій. Стоитъ проѣхать одну такъ-называемую Голодную или Джизакскую степь, чтобы воображеніе ясно нарисовало картину необозримо раскинувшихся хлопковыхъ посѣвовъ. Тутъ легко предвидѣть доходы въ милліоны рублей, обогащеніе страны, занятія и работу для сотенъ тысячъ пришлыхъ рабочихъ рукъ, обширныя фабрики, вытѣсненіе англійскихъ издѣлій на всемъ безмѣрномъ средне-азиатскомъ материкѣ и золотой дождь на цѣлый вѣкъ. Тутъ и земли (и какой земли!) вдоволь, и воды сколько угодно, и ожидаются лишь капиталы и предприниматели, которые, конечно, тогда-нибудь должны найтись.

Пока, однако, до золотого дождя еще очень далеко. Голодная степь остается голодною степью; хлопковые посѣвы хотя годъ

отъ году расширяются (только не въ Голодной степи), но увидѣть даже 1.000 десятинъ засѣяннаго хлопка—еще большая рѣдкость, и изображенныя выше перспективы оживленія этой громадной степи хлопковыми плантаціями принадлежать къ области мечтаній.

Мѣстная печать и мѣстные жители волнуются пока вовсе не вопросомъ о развитіи хлопковыхъ плантацій и конкуренціи съ Америкой и англичанами, толки идутъ вовсе не о канализаціи Голодныхъ степей (степей этихъ нѣсколько),—весь вопросъ стоитъ гораздо уже и все сводится до сихъ поръ къ безпокойству нашихъ маленькихъ хлопководовъ, помышляющихъ только о томъ, нельзя ли поземельный налогъ съ хлопка установить не въ 10⁰/₀ съ валового дохода, какъ это установлено закономъ, а опредѣлить налогъ съ этого продукта—не въ примѣръ всѣмъ прочимъ мѣстнымъ произростаніямъ—какъ можно меньше, и даже нельзя ли вовсе не устанавливать никакого поземельнаго налога съ хлопка? Только изъ за этого-то и была вся тревога!

Въ настоящее время, какъ извѣстно, хлопководы пока еще никакимъ налогомъ не обложены, и когда дѣйствительно наступитъ то время, что обложеніе это будетъ сдѣлано, это еще очень спорный вопросъ. Легко можетъ быть, что пройдетъ еще 5—10 лѣтъ, и вопросъ все еще не выйдетъ изъ области разговоровъ. При мѣняющихся слишкомъ часто взглядахъ на коренные вопросы мѣстнаго земельного устройства, при такихъ неожиданныхъ поворотахъ во взглядахъ, образцы которыхъ уже приведены выше, при перемѣнѣ этихъ взглядовъ въ зависимости отъ одной личности (напр., при назначеніи новаго генералъ-губернатора), можно надѣяться, что дѣло до дѣйствительнаго обложенія хлопководовъ дойдетъ еще не скоро. Пока они не платятъ ровно ничего и кладутъ полностью свои барыши въ карманъ, но уже благовременно принимаютъ мѣры къ продленію возможно дольше этого неубыточнаго для нихъ порядка.

Что же, однако, говорятъ хлопководы въ защиту своихъ претензій? Они говорятъ, что установленный положеніемъ 1886 г. поземельный налогъ въ 10⁰/₀ съ валовой доходности преобладающаго въ каждой мѣстности посѣва *рѣшительно не примѣнимъ къ хлопку*, что этотъ налогъ убьетъ хлопковое дѣло, что правительство не только не должно взимать этихъ 10⁰/₀, но, въ видахъ поощренія, оказать отечественнымъ хлопководамъ самыя большія льготы, начиная съ совершеннаго освобожденія отъ налога *и нѣсколько летъ* и кончая установленіемъ, со временемъ, надолго впередъ какого-нибудь легенькаго налога, меньшаго чѣмъ со всѣхъ прочихъ произростаній. И все это, конечно, единственно въ ин-

тересахъ государства и въ видахъ поощренія этого *новаго дѣла*, которое иначе-моль погибнетъ.

Когда въ сентябрѣ прошлаго года министръ финансовъ былъ въ Ташкентѣ, хлопководы усиленно писали и говорили на эту тему, и какъ оказывается—и говорили и писали не вотще: голосъ ихъ былъ услышанъ, и хотя хлопокъ отъ налога вполне не освободили, но въ июнѣ того года состоялся законъ о чрезвычайно льготномъ обложеніи этого продукта. По силѣ этого закона налогъ на хлопокъ будетъ такой же, какъ на пшеницу и ячмень. Арбузы, дыни, огородные овощи, сады, виноградъ, рисъ, клевецина, люцерна, будутъ платить гораздо больше, чѣмъ хлопокъ, и, можетъ быть, только одно просо будетъ платить менѣе хлопка. Достигнувъ такого результата, хлопководы могутъ считать себя удовлетворенными.

Что хлопководы желали и желаютъ получить какъ можно болѣе и платить государству какъ можно менѣе, это совершенно понятно, но домогательство ихъ о дарованіи имъ разныхъ льготъ, въ виду будто бы особыхъ свойствъ хлопковыхъ посѣвовъ въ Туркестанѣ, конечно, должно было быть принято во вниманіе—поскольку это не нарушаетъ ни интересовъ государства, ни простой справедливости. Если вообще можно замѣтить, что введенный въ Туркестанѣ подходящий поземельный налогъ, устанавлиющій размѣръ податныхъ тягостей въ зависимости отъ размѣровъ доходности земли, самъ по себѣ совершенно рационаленъ, то разъ такой законъ введенъ, уже простая справедливость требуетъ, чтобы онъ не былъ нарушаемъ безъ очень солидныхъ причинъ.

Какія же существуютъ основанія для льготнаго обложенія хлопка—и только хлопка?

Если послушать самихъ хлопководовъ, то можно только сказать, что они, что называется, не поскупились на то, чтобы принять всѣ мѣры къ сокрытію въ этомъ дѣлѣ истины, — и успѣли весь хлопковый вопросъ также свести на почву недоразумѣній... Обо всѣхъ условіяхъ хлопковой культуры вообще и американскаго хлопка въ особенности было извѣстно еще при выработкѣ послѣдняго туркестанскаго Положенія, и ни въ одномъ изъ прежнихъ проектовъ Положенія, ни въ послѣднемъ Положеніи, не сочтено нужнымъ сдѣлать для хлопка какихъ-либо отступленій отъ общаго порядка обложенія туркестанскихъ земельныхъ произростаній. Тѣ же 10% поземельнаго налога съ валового дохода были назначены для хлопка, какъ и для всѣхъ прочихъ произведеній, и при этомъ было вполне точно извѣстно, что изъ всѣхъ произведеній туркестанскаго земледѣлія хлопокъ представляется самымъ

доходнымъ и выгоднымъ, и уступаетъ по выгодности только развѣ одному клеверу (люцерна).

И тѣмъ не менѣе, возникло ходатайство хлопководовъ о льготномъ обложеніи, даже о совершенномъ освобожденіи отъ обложенія „на первое время“ и т. д.; но уже достаточно сказать, что ходатайство это возбудило не начальство, а сами хлопководы, и именно хлопководы ташкентскіе, — чтобы по достоинству оцѣнить правильность этого ходатайства...

Извѣстно, что городъ Ташкентъ считается предѣльнымъ райономъ хлопкаго производства. Къ сѣверу отъ Ташкента хлопокъ почти не вызрѣваетъ, а около Ташкента вызрѣваетъ съ грѣхомъ пополамъ, и только верстъ 50—60 къ югу отъ Ташкента онъ уже не боится никакихъ климатическихъ перемѣнъ и разводится на-вѣрняка...

Но ташкентскіе хлопководы говорятъ, что хлопковое дѣло — невѣрное дѣло, — дѣло рискованное, и говорятъ при томъ не отъ своего имени, а за хлопководовъ вообще... Если бы еще они сказали, что у нихъ, ташкентскихъ, или вѣрнѣе при-ташкентскихъ, хлопководовъ, есть страстное желаніе пожинать обильныя выгоды хлопкаго производства, но нѣтъ охоты терпѣть убытки отъ риска разведенія хлопка въ полосѣ не-хлопковой, если бы они просили льготъ только для себя, то куда еще ни шло, начальство могло снизить на это и, поощряя рискующихъ ташкентскихъ хлопководовъ, освободить ихъ отъ налога на хлопокъ; но ташкентскіе хлопководы говорятъ отъ имени вообще всѣхъ хлопководовъ; они увѣряютъ, что на урожай хлопка можно рассчитывать только разъ въ два-три года, что хлопку вредятъ и поздніе весенніе дожди, и ранніе осенніе заморозки, что вообще хлопководы, что называется, рискуютъ, и въ этомъ-то ихъ увѣреніи именно и кроется большое недоразумѣніе, съ успѣхомъ эксплуатируемое приташкентскими хлопководами.

Многолѣтнимъ опытомъ выяснено, что чистая доходность десятины, засѣянной хлопкомъ, опредѣляется въ 60—80 рублей, и, слѣдовательно, по закону хлопководы должны быть обложены по 6—8 рублей съ десятины; но милостивое къ ходатайствамъ начальство, путемъ допущенія разныхъ вѣроятностей въ пользу неблагоприятныхъ хлопковыхъ урожаевъ, понизило этотъ налогъ до 5, 5 р. 50 коп. Министръ финансовъ, насколько извѣст по личной инициативѣ исходатайствовалъ обложеніе хлопка 1—2 руб. съ десятины (наравнѣ съ ячменемъ и пшеницей) наконецъ, сами хлопководы не хотятъ уже никакого обложенія они требуютъ льготъ и поощреній, а нѣкоторые изъ нихъ да

договариваются до обязанности правительства установить особые субсидии за хлопковую дѣятельность... И все это потому, что хлопководы будто бы рискуютъ, что нужно поддерживать ихъ энергію, дабы отечественное золото не уходило за границу за ввозимый американскій хлопокъ, и чтобы сами американцы пріѣзжали къ намъ за хлопкомъ и платили намъ золотомъ.

Теперь вопросъ объ обложеніи хлопка уже рѣшенъ, и если хлопководы вообще должны быть совершенно довольны этимъ рѣшеніемъ, то хлопководы приташкентскіе должны просто ликовать: отнынѣ они будутъ заниматься хлопкомъ въ не-хлопковой полосѣ безъ всякаго риска; ни поздніе дожди, ни весенніе заморозки не воспрепятствуютъ имъ заплатить небольшой налогъ въ 1—2 руб. съ десятины. Въ такомъ поощреніи собственно ташкентскихъ хлопководовъ не было бы, конечно, ничего дурного, если бы населеніе настоящаго хлопковаго района, обрабатывающее, однако, ячмень, пшеницу, горохъ и платящее также по 1—2 руб. съ десятины, сумѣло понять, почему пшеница и хлопокъ обложены одинаково, когда хлопокъ въ 7—10 разъ доходнѣе пшеницы. Но населеніе врядъ-ли это пойметъ; оно, по чувству справедливости, не сможетъ разобраться въ сложной комбинаціи такого финансоваго мѣропріятія, смыслъ котораго заключается въ поощреніи наиболѣе вѣрнаго и обеспеченнаго производства. Населеніе знаетъ, *какъ и чѣмъ* рискуютъ хлопководы; оно знаетъ, что ташкентскіе хлопководы не имѣютъ ни малѣйшаго основанія говорить за другихъ хлопководовъ,—знаетъ, наконецъ, что ташкентскіе хлопководы, одновременно съ жалобами на рискъ и петиціями по начальству объ освобожденіи отъ налога, все увеличивали да увеличивали свои хлопковые посѣвы, не боясь никакого риска, и обработали подъ хлопокъ многія земли, изстари засѣваемые подъ пшеницу и ячмень. Но въ особенности будетъ непонятно для населенія льготное обложеніе хлопководовъ ферганскихъ и самаркандскихъ, уже ровно ничѣмъ не рискующихъ.

Если, однако, уже было угодно поощрить вообще туркестанскихъ, а не однихъ ташкентскихъ хлопководовъ и поставить хлопковаго плантатора въ такое исключительно льготное положеніе, то да позволено будетъ надѣяться хоть на то, что, въ виду предстоящаго усиленнаго расширенія хлопковыхъ посѣвовъ, будетъ обращено должное вниманіе на безобразное исощеніе гл. хлопководами почвы, на отсутствіе у нихъ всякаго ѣвооборота, на хищническое хозяйство пришлыхъ плантаторовъ, одавливающихъ туземныхъ хлопковыхъ вустарей, на мародерство рендаторовъ земель, засѣваемыхъ подъ хлопокъ, и, въ большин-

ствѣ случаевъ, на совершенно любительскій характеръ дѣятельности мѣстныхъ хлопководовъ. На сотни этихъ охотниковъ до быстрого обогащенія найдется едва-ли одинъ серьезный хозяинъ. У всѣхъ одна мысль: придти, увидѣть и побѣдить! Можетъ быть, 10⁰/о-ный поземельный налогъ былъ бы полезенъ уже въ томъ отношеніи, что *обуздалъ бы любительскій характеръ* этого дѣла.

Перечисливъ нѣкоторые изъ недоразумѣній послѣдняго времени, приостановившихъ успѣшный ходъ работъ по поземельному устройству Туркестанскаго края, намъ остается въ заключеніе поставить вопросъ: можно ли, по крайней мѣрѣ, надѣяться на скорое разрѣшеніе этихъ недоразумѣній, и можетъ ли установиться какая-либо увѣренность, что въ будущемъ не возродятся вновь тѣ же недоразумѣнія, или не возникнутъ другія, третьи и т. д. новыя усложненія въ этомъ капитальномъ для края вопросѣ?

Къ крайнему прискорбію, на этотъ вопросъ можно отвѣчать скорѣе отрицательно, чѣмъ положительно. Прошлогодній сентябрьскій переворотъ во взглядахъ на твердо установившіяся положенія непрерываемо свидѣтельствуетъ, что такъ всесторонне и полно разработанный порядокъ работъ, каковъ былъ порядокъ, подготовляемый двадцать лѣтъ и окончательно установившійся при бывшемъ генераль-губернаторѣ, генераль Розенбахѣ, поколебленъ и распатанъ въ самомъ основаніи. Не говоримъ уже про то, что каждый новый членъ совѣта генераль-губернатора можетъ произвести колебаніе и шаткость и во взглядахъ, и въ практическомъ ходѣ работъ,—въ зависимости только отъ большей или меньшей личной настойчивости,—назначеніе новаго генераль-губернатора въ корнѣ можетъ измѣнить взглядъ не только на какіе-нибудь второстепенные вопросы, но на принципиальныя основы дѣла ¹⁾. Самыя прискорбныя случайности играютъ слишкомъ большую роль въ дѣлѣ, въ которомъ, казалось бы, личнымъ амбиціямъ не должно быть мѣста.

Только этими случайностями и можетъ быть объяснено, что вопросъ, близившійся къ рѣшенію, снова запутался и, повидимому, надолго. Исписаны горы бумаги въ „разъясненіе“ давно разъясненныхъ вопросовъ; ожесточенная чиновничья война, имѣющая въ основѣ личныя самолюбія и страсти, разгорается сильнѣе и сильнѣе, населеніе окончательно сбито съ толку, и конца такому положенію дѣла нельзя, повидимому, и предвидѣть... Н неизмѣримыя богатства края остаются пока въ качествѣ легенды:

¹⁾ Вопреки закону, установилось убѣжденіе, что всякое постановленіе совѣта генераль-губернатора, какъ учрежденія административнаго, можетъ быть перерѣшаемо сколько угодно разъ.

а ежегодный дефицитъ составляетъ несомнѣнный и реальный фактъ. Въ довершеніе зла, населеніе начинаетъ рѣшительно вѣрять въ неустойчивость и шаткость правительственныхъ начинаній, что въ Азіи особенно неудобно.

Въ настоящее время въ краѣ воцарилось полное поземельно-податное затмѣніе, для разъясненія котораго потребно энергическое вмѣшательство центральной власти. Все дѣло грозитъ быть надолго сведеннымъ къ многописанію, къ бесплоднымъ и долговременнымъ спорамъ, пререканіямъ и чернильной войнѣ. Населеніе, разумѣется, нисколько не заинтересовано въ скорѣйшемъ окончаніи дѣла и безконечно довольно всякимъ новымъ замедленіемъ. Къ сожалѣнію, въ краѣ нѣтъ ни одного ближайшаго представителя вѣдомства, наиболѣе заинтересованнаго въ выясненіи истиннаго количества казенныхъ земель, — нѣтъ представителя вѣдомства государственныхъ имуществъ, и хотя представителей финансоваго вѣдомства въ краѣ вполнѣ достаточно, и имъ, въ большинствѣ случаевъ, принадлежитъ безспорная честь обнаруженія *недоразумнѣй и неясностей закона*, — но тѣмъ не менѣе безответная казна обречена терпѣть еще многолѣтніе и бесплодные расходы и, вмѣсто полученія миѳическихъ милліоновъ, покоящихся въ туркестанской почвѣ, ощущать ежегодные дефициты...

Ник. Дингельштедтъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1892 г.

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1888 и 1889 г.—Русскій народъ и русское общество.—„Привилегія“ раскольниковъ.—Штундизмъ и „пашковщина“.—Католицизмъ и лютеранство.—Организація добровольческаго надзора надъ сектантами.—Слухи о предположеніяхъ комиссіи Н. С. Абазы.—Вопросъ о сенаторскихъ ревизіяхъ.—Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1-му мая.

Послѣдній, недавно опубликованный отчетъ оберъ-прокурора св. синода обнимаетъ собою два года, 1888-й и 1889-й. Изложенію новыхъ мѣропріятій по вѣдомству православнаго исповѣданія предпослана, на этотъ разъ, общая картина „религіозно-нравственнаго состоянія православной паствы“. „Наша народная масса, въ особенности земледѣльческая, — читаемъ мы въ этой части отчета (стр. 74—77),—въ земныхъ своихъ заботахъ въ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ, и такимъ образомъ слѣдуетъ первоначальной заповѣди Божіей, а со стороны духовной стремится къ высшимъ идеаламъ жизни, убѣжденная въ томъ, что цѣль ея земнаго существованія находится по ту сторону гроба... Навязываемое русскому народу просвѣщеніе, съ его современными европейскими возрѣніями и задачами, далекими отъ Бога, народъ воспринимаетъ неохотно, ища въ наукѣ или школѣ только одного, чтѣ близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ... Но, являясь великимъ народомъ вообще, и особенно въ важныя и тяжелыя минуты государственной жизни, народъ нашъ, по свойству своего характера, въ обычной своей жизни предается не рѣдко и не мало то лѣнности, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздѣльнымъ съ нимъ буйству, сквернословію и т. п.; увлекается онъ, особенно въ земледѣльческой средѣ, и въ жадной наживой, прибѣгая при этомъ не мало къ обману и воровству. Эта нравственная порча, при распространеніи въ нашемъ отечествѣ отхожихъ промысловъ, легко переносится въ села и деревни изъ

особенно изъ столицъ. Въ сихъ случаяхъ русскій человѣкъ самъ по себѣ, по преданію и привычкѣ, предается слабостямъ и порокамъ, противнымъ христіанской нравственности, будучи способенъ, однакожь, возрождаться нравственно при первомъ сильномъ вліяніи на него божественной благодати. Опаснѣе для него увлеченіе со стороны лжеученій всякаго рода, противныхъ евангельскому ученію вообще и православію въ частности... Не говоря уже о расколѣ, отторгшемъ издавна значительную часть отъ православной церкви, вслѣдствіе невѣжества народнаго, новыя лжеученія въ современномъ безбожномъ духѣ стремятся сбить русскій народъ съ его истиннаго пути. Для сей цѣли усиливается нынѣ распространеніе книжныхъ издѣлій, проповѣдывающихъ невѣріе и социализмъ... Что касается до среднихъ и высшихъ классовъ русскаго общества, западнически образованныхъ, то въ средѣ ихъ не мало замѣчаются отсутствіе высокихъ нравственныхъ идеаловъ, холодность къ вѣрѣ и пренебреженіе къ церковнымъ постановленіямъ. Прискорбно, что примѣръ старшихъ братьевъ русскаго народа, въ холодномъ отношеніи ихъ ко всему церковному, не можетъ не дѣйствовать соблазнительно въ извѣстной степени и на простыхъ вѣрующихъ людей. Но печальнѣе всего то, что изъ этой интеллигентной среды ведется въ народъ положительная пропаганда всякихъ идей, враждебныхъ св. церкви Божіей. Впрочемъ, въ послѣдніе годы совершился и въ этой средѣ поворотъ къ лучшему“...

Двойственная оцѣнка русскаго народа, выразившаяся въ этихъ словахъ, выступаетъ на сцену далеко не впервые. Идеализація народа, какъ цѣлаго, и развѣнчиванье его, какъ суммы отдѣльныхъ единицъ— это есть вмѣстѣ и характеристичная черта вообще славянофильскаго ученія, особенно въ позднѣйшемъ его видѣ. Вопреки основнымъ правиламъ логики, эпигоны славянофильства— а иногда и соприкасавшіеся съ ними, на нѣкоторыхъ пунктахъ, теоретики „властной руки“ и „желѣзной рукавицы“—приписывали одному и тому же субъекту прямо противоположные, взаимно исключаютіе другъ друга атрибуты: трудолюбіе и лѣность, нравственность и развратъ, чистую, высокую вѣру и грубое суевѣріе. Идеальныя качества народа, существующія *in potentia*, или *in statu latente*, служили для обоснованія теорій, построенныхъ на мнимомъ родствѣ съ „народнымъ духомъ“; нѣкоторыя изъ реальныхъ свойствъ народа, преувеличенныя и послѣшно обобщенныя, являлись аргументомъ въ пользу практическихъ мѣръ, направленныхъ къ его ограниченію и обузданію. Превознесеніе не по заслугамъ шло рука въ руку съ чрезмѣрнымъ униженіемъ; народъ могъ бы отвѣтить воимъ цѣнителямъ и судьямъ: *je n'ai pas mérité ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!* До извѣстной степени этотъ отвѣтъ примѣ-

нимъ и къ картинѣ, нарисованной въ разбираемомъ нами отчетѣ. „Приобрѣтеніе хлѣба въ потѣ лица“ столь же несомнѣнно съ лѣнностью, какъ „стремленіе къ высшимъ идеаламъ жизни“—съ погруженіемъ въ пьянство и разгулъ, ведущій къ воровству и обману. На самомъ дѣлѣ русскій средній человѣкъ не слишкомъ бѣлъ и не слишкомъ черенъ. Изъ того, что *многіе* въ Россіи лѣнятся и пьянствуютъ, *иъ-которыя*—обманываютъ и воруютъ, еще не слѣдуетъ, чтобы лѣнился, пьянствовалъ и увлекался легкой наживой, „по свойству своего характера“, *русскій народъ*. Если изъ среды русскаго народа выходили и выходятъ подвижники, самоотверженные искатели правды, то это еще не значитъ, что всему народу—въ ббольшей степени, чѣмъ какому бы то ни было другому—свойственно стремленіе къ „высшимъ идеаламъ жизни“. Одинаково невозможно утверждать, что *преданіе* влечетъ русскій народъ въ способности и порокамъ — и что для падшаго, изъ среды народа, всегда доступно и всегда легко нравственное возрожденіе... Характеристика среднихъ и высшихъ классовъ русскаго „общества“, противопоставляемыхъ „народной массѣ“, страдаетъ другимъ недостаткомъ—явною неполнотою. Неужели единственная ихъ слабая сторона—холодность къ вѣрѣ и пренебреженіе къ церковнымъ постановленіямъ? Неужели „лѣнность, праздность и сонливость“ распространены въ ихъ средѣ меньше, чѣмъ въ „простомъ народѣ“? Неужели имъ чужды „пьянство и разгулъ“, чуждо „увлеченіе легкой наживой“? Развѣ различіе между общественными классами не сводится, съ этой точки зрѣнія, къ различію формъ, въ одномъ случаѣ болѣе простыхъ и рѣзкихъ, въ другомъ—болѣе сложныхъ и утонченныхъ?.. Мы далеки отъ мысли, чтобы все русское общество состояло поголовно изъ людей порочныхъ; мы думаемъ только, что, говоря о порокахъ, нѣтъ основанія отграничивать общество отъ народа, освобождать первое отъ обвиненій, взводимыхъ на послѣдній.

Если нравственное паденіе одинаково возможно на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, а нравственное возрожденіе — вездѣ одинаково трудно, то едва-ли можно считать наибольшей опасностью для народа увлеченіе доктринами, противными православію. Въ Россіи живутъ миллионы не-православныхъ, нравственный уровень которыхъ, въ среднемъ, едва-ли ниже того, на которомъ стоитъ большинство народа. Можно исповѣдывать любое вѣроученіе (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ немногихъ, въ основаніи которыхъ лежатъ человѣконенавистничество или явная безнравственность)—и быть иезымъ, честнымъ гражданиномъ; наоборотъ, можно принадлежать къ господствующей церкви и быть совершенно лишнимъ или вреднымъ членомъ общества. Едва-ли, съ другой стороны, такъ велики

такъ настойчивы, въ настоящее время, усилія, клонящіяся къ потрясенію православной вѣры. Мы затрудняемся понять, что это за „книжныя издѣлія, проповѣдывающія невѣріе и социализмъ“, объ усилившемся распространеніи которыхъ говорится въ отчетѣ? Объ изданіяхъ, официально допущенныхъ къ обращенію, здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи; *проповѣдь* невѣрія и социализма, конечно, не можетъ ускользнуть отъ бдительности цензуры. Для многихъ книгъ, вовсе непричастныхъ къ такой проповѣди, но почему-нибудь не внушающихъ довѣрія, возможность широкаго распространенія устраниена правилами о разносной торговлѣ и о бібліотекахъ для чтенія. Что касается до изданій запрещенныхъ, то кругъ читателей ихъ всегда былъ и продолжаетъ быть весьма ограниченнымъ, далеко, притомъ, не доходя до народной массы. Народъ, по словамъ отчета, ищетъ въ наукѣ только того, что „близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ“; меньше всего, слѣдовательно, можетъ подѣйствовать на него проповѣдь невѣрія. Не совсѣмъ ясно для насъ и то, кѣмъ именно и какимъ образомъ навязывается народу „просвѣщеніе, съ его современными европейскими воззрѣніями и задачами“? Если здѣсь имѣется въ виду земская или вообще свѣтская школа, то вѣдь посѣщеніе ея ни для кого не обязательно; громаднымъ, постоянно растущими массами крестьянскія дѣти устремляются туда по доброй волѣ родителей, успѣвшихъ, въ теченіе четверти вѣка, оцѣнить по достоинству заслуги земской школы. „Задачи“ *просвѣщенія* вездѣ однѣ и тѣ же; различны только средства къ достиженію цѣли, и ни одно изъ нихъ не имѣетъ безусловнаго преимущества передъ другими.

Нѣсколько подробнѣе отчетъ останавливается на одномъ изъ намѣченныхъ имъ народныхъ пороковъ — на пьянствѣ. Значительное усиленіе его объясняется, между прочимъ, „пагубнымъ обычаемъ платить за разныя сельскія работы не деньгами, а виномъ“; угощеніе спиртными напитками „опутываетъ всю жизнь крестьянина и вкореняетъ въ народѣ навыкъ къ поголовному пьянству“. Въ этомъ замѣчаніи много справедливаго; но кто же, между прочимъ, несетъ на себѣ отвѣтственность за развитіе вредной привычки? Кто устраиваетъ такъ-называемыя „помощи“, т.-е. расплачивается виномъ за сѣнокосъ, за жнитво, за возку сельскихъ продуктовъ? Не „старшіе ли братья“ народа, не землевладѣльцы ли, громче всѣхъ обличающіе въ томъ народную распущенность и народное пьянство? Расплата виномъ и незатѣйливымъ деревенскимъ угощеніемъ *выгодна* для сельскихъ хозяевъ—и вотъ почему держится и процвѣтаетъ обычай, развѣщающее вліяніе котораго совершенно правильно подчеркивается въ отчетѣ... Говоря, нѣсколько дальше, о затрудненіяхъ, встрѣчае-

ныхъ духовенствомъ въ борьбѣ противъ пьянства, отчетъ констатируетъ „несостоятельность“ общественныхъ приговоровъ о неупотребленіи спиртныхъ напитковъ, сталкивающихся „съ казенными интересами водочной торговли и съ личными интересами тѣхъ, кто пользуется прибылью отъ этой торговли“. Чтобы убѣдиться въ основательности этихъ словъ, стоитъ только припомнить, что даже въ минувшую голодную зиму рѣшимость нижегородской губернской администраціи закрыть одинъ изъ главныхъ притоновъ пьянства разбилась о противодѣйствіе акцизнаго вѣдомства. Подробности этого дѣла можно прочесть въ журналахъ нижегородской губернской продовольственной комиссіи ¹⁾.

Въ главѣ отчета, посвященной обзору духовной литературы, съ особенною подробностью излагается содержаніе статьи: „Пропагандисты расколовъ и сектъ предъ закономъ гражданскимъ“ (напечатанной въ журналѣ: „Христіанское Чтеніе“). Авторъ этой статьи, „отличающейся жизненнымъ интересомъ“, доказываетъ, „ссылаясь на авторитеты, исторію и факты изъ современной жизни, что снисходительная система дѣйствій правительства въ отношеніи расколовъ и сектъ содѣйствуетъ ихъ распространенію, а отсюда приходитъ къ заключенію о необходимости твердыхъ внѣшнихъ ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ пропагандѣ раскола и сектантства, не заслуживающей снисхожденія и съ государственной точки зрѣнія. Авторъ разъясняетъ также и пути, какими часто обходится гражданскій законъ, карающій преступленія противъ вѣры и церкви, и даетъ практическія указанія, какъ, въ случаѣ надобности, надежнѣе и вѣрнѣе бороться съ расколами и сектами на почвѣ гражданскаго закона“. Кажется бы, что не для такихъ „указаній“ существуетъ духовная журналистика. Ихъ настоящее мѣсто—въ руководствѣ для полицейскихъ чиновниковъ. Кто производитъ дознанія и розыски, тому, быть можетъ, полезно знать „пути обхода“ гражданскаго закона; но вѣдь не къ этой роли призвано духовенство, не ей оно должно обучаться, читая специально предназначенныя для него изданія. Еще важнѣе, конечно, другая, принципиальная ошибка автора. Прошедшее и настоящее, если смотрѣть на нихъ безъ предвзятой мысли, одинаково убѣждаютъ въ томъ, что распространенію сектъ и расколовъ гоненія и стѣснительныя мѣры способствуютъ гораздо больше, чѣмъ „снисходительная система дѣйствій“. Основанія для такого вывода, съ особенною ясностью вытекающаго изъ всей исторіи русскаго раскола можно найти даже въ разсматриваемомъ нами отчетѣ. Не подлеж

¹⁾ Аналогичный характеръ имѣетъ еще одно мѣсто отчета (стр. 147), въ которомъ указывается на деморализирующее вліяніе фабрично-заводской промышленно-

никакому сомнѣнію, что за послѣдніе годы штундизмъ преслѣдуется съ гораздо болѣею строгостью, чѣмъ расколъ; между тѣмъ послѣдній, по словамъ отчета, „слабѣетъ и теряетъ прежнее упорство“, а первый растетъ и экстенсивно, и интенсивно. Въ первые годы послѣ изданія закона 3-го мая 1883 г. мнѣнія духовныхъ властей о его результатахъ были различны. Одни находили ихъ благопріятными для православія, другіе—для раскола; одни подчеркивали сближеніе раскольниковъ съ церковью, другіе—болѣею чѣмъ прежде смѣлость и самоувѣренность раскола. Теперь отзывомъ второго рода не встрѣчается вовсе; на ряду съ „отрадными явленіями, обнаруживающимися въ большинствѣ епархій и свидѣтельствующими объ ослабленіи въ раскольникахъ нетерпимости и фанатизма“, констатируется только значительная, кое-гдѣ, *устойчивость* раскола. Если принять во вниманіе, что расколъ существуетъ болѣе двухъ вѣковъ, а льготы, предоставленныя раскольникамъ закономъ 1883 г., къ концу отчетнаго періода находились въ дѣйствиіи только шесть лѣтъ, то удивляться слѣдуетъ не тому, что расколъ продолжаетъ держаться, а тому, что онъ успѣлъ нѣсколько пошатнуться. Ничто не измѣняется столь медленно и постепенно, какъ вѣрованія, завѣщанныя предками и срощенныя со всѣми сторонами жизни. Торопливость, въ этой сферѣ, ни къ чему привести не можетъ; еще менѣе пользы можно ожидать отъ поворота назадъ, отъ отбѣны или ограниченія только-что данныхъ разрѣшеній. Стремленіе къ такому ограниченію проглядываетъ, однако, въ нѣсколькихъ мѣстахъ отчета. „Не малое значеніе для устойчивости раскола — читаемъ мы, напримѣръ, на стр. 83 — имѣетъ свободная, не стѣсняемая никакими законами религіозно-общественная жизнь раскольниковъ. Выборъ и устраненіе, по своему усмотрѣнію, разнаго рода служителей духовнымъ потребностямъ (лже-епископовъ и поповъ, наставниковъ, уставщиковъ, попечителей), безотчетность въ распоряженіи церковно-общественными суммами, отсутствіе всякаго рода формальностей, въ особенности при заключеніи браковъ, удобо-расторжимость этихъ браковъ — все это составляетъ для раскольниковъ своего рода выгоды и можетъ казаться какъ бы ихъ привилегіей передъ православными. Подобною же привилегіей можетъ считаться и практикуемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раскольниками погребеніе своихъ умершихъ не на приходскихъ кладбищахъ, а при (ихъ селеніяхъ“, такъ какъ благодаря этому раскольники „сбере- 1 ютъ время и подвергаются меньшимъ затратамъ“. Болѣе чѣмъ со- 1 1 тельнымъ кажется намъ, прежде всего, примѣненіе къ этимъ осо- (1 ностямъ раскольниковскаго быта понятія о *привилегіи*. Извѣстно, (1 какими трудностями или даже опасностями сопряжено отправленіе (1 1 занностей раскольниковскаго епископа или священника. До крайности

затруднительно, иногда, даже присканіе лица, могущаго и желающаго принять на себя эти обязанности; „духовныя потребности“ раскольниковъ остаются, сплошь и рядомъ, вовсе безъ удовлетворенія или удовлетворяются цѣною большихъ, не для всякаго доступныхъ усилий и издержекъ. Оффиціальная „безотчетность“ въ распоряженіи церковно-общественными суммами далеко не равносильна фактической безотвѣтственности; корпоративный надзоръ часто бываетъ болѣе реальнымъ и строгимъ, чѣмъ казенный. Бракъ, заключенный раскольниками при „отсутствіи всякаго рода формальностей“, вовсе не признается бракомъ; въ глазахъ закона—это только внѣ-брачное сожительство, и для православныхъ не обставленное никакими формальностями. Для дѣйствительности раскольническаго брака законъ 17-го апрѣля 1874 г. устанавливаетъ условія отнюдь не менѣе формальныя, чѣмъ требуемыя православною церковью. Оффиціально оглашенный и записанный въ надлежащую книгу, бракъ раскольниковъ, какъ и всякій другой, перестаетъ быть „удоборасторжимымъ“. Не думаемъ, наконецъ, чтобы сами раскольники особенно цѣнили „привилегіи“ хоронить своихъ покойниковъ вдали отъ церкви или моленной, въ мѣстѣ неосвященномъ, не имѣющемъ видимыхъ признаковъ *божьей мысли*. Допустимъ, однако, что все это привилегіи, и притомъ привилегіи, способствующія устойчивости раскола; слѣдуетъ ли отсюда, что онѣ должны быть отиѣнены или ограничены? Необходимо ли, возможно ли, на примѣръ, предварительное утвержденіе раскольническихъ поповъ, уставщиковъ, наставниковъ и т. п.? Противъ него возстали бы, прежде всего, наиболѣе ревностные гонители раскола; оно было бы въ ихъ глазахъ, равносильнымъ оффиціальному признанію раскола, уравненію его съ иновѣрными исповѣданіями. Тотъ же самый аргументъ былъ бы выставленъ и противъ правительственнаго контроля надъ хозяйствомъ раскольническихъ моленныхъ, противъ устройства особыхъ раскольническихъ кладбищъ, противъ вѣнчанія раскольниковъ ихъ собственными попами, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, обязательныхъ для православнаго духовенства. Для уничтоженія „привилегій“ оставался бы, затѣмъ, только одинъ путь: систематическое неутвержденіе лицъ, представляемыхъ раскольниками для занятія разныхъ должностей въ ихъ духовной іерархіи, и систематическое требованіе, чтобы раскольники вѣнчались въ православныхъ церквяхъ, хоронили умершихъ на православныхъ кладбищахъ. Другими словами, оставалось бы лишь возвратиться къ порядку вещей, существовавшему до изданія законовъ 1874 и 1883 г., и отказаться, эти самымъ, отъ всѣхъ благотворныхъ плодовъ примирительной системъ

Кромѣ такъ-называемыхъ привилегій, поддержанію раскола слѣдуютъ, по словамъ отчета, еще раскольническіе скиты, сборы

на могилахъ дорогихъ раскольникамъ усопшихъ, пропаганда раскольническихъ лжеархіереевъ, лжесвященниковъ и миссіонеровъ, богатство нѣкоторыхъ раскольниковъ, строящихъ моленные и поддерживающихъ ихъ благолѣпіе, и, наконецъ, вліяніе, заимствуемое раскольниками отъ занимаемыхъ ими общественныхъ должностей. Пропаганда раскола, и по дѣйствующему закону составляющая преступленіе, преслѣдуется, вѣроятно, съ такою же строгостью, какъ и распространеніе всякаго другого не-православнаго ученія; все остальное является естественнымъ выраженіемъ терпимости, дарованной расколу. Разъ что допущено существованіе моленныхъ и скитовъ, они не могутъ не привлекать къ себѣ набожныхъ людей изъ среды раскольниковъ, не могутъ не быть центральными пунктами для сбора пожертвованій. Разъ что раскольники пользуются свободой передвиженія, совершенно неизбѣженъ большой ихъ притокъ къ мѣстамъ особенно ими чтимымъ. Разъ что дозволено избраніе раскольниковъ въ общественныя должности, избранные не могутъ не пользоваться почетомъ и властью, сопряженными съ должностью. Предупредить послѣдствія можно не иначе, какъ удалить причину; чтобы положить конецъ явленіямъ, указаннымъ въ отчетѣ, нужно было бы наложить запретъ на моленные, закрыть скиты, устранить раскольниковъ изъ числа лицъ, могущихъ быть избираемыми на общественныя должности. И здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся опять съ тою же дилеммой: или поворотъ назадъ, или признаніе новаго порядка, со всѣми его неизбѣжными послѣдствіями... „Лжеіерархія австрійскаго священства — читаемъ мы въ отчетѣ — уподобляется православной іерархіи и имѣетъ въ своемъ составѣ лжеархіереевъ, лжепоповъ и лжедіаконовъ, которые при богослуженіи нисколько не отличаются, по внѣшнему виду, отъ православнаго священства; они одѣваются въ такія же ризы, какъ и православные, или даже гораздо лучшія, носятъ длинные волосы, совершаютъ литургіи и другія богослуженія; часовни у нихъ украшены богатыми иконами въ серебряныхъ ризахъ; есть даже моленные, имѣющія видъ православной церкви и украшенныя богатыми иконостасами“. Что же, слѣдуетъ ли приказать представителямъ лжеіерархіи обстричься, снять нарядныя ризы, спрятать богатныя иконы? Все это дѣлалось много разъ, и дѣлалось съ такою „основательностью“, о которой едва-ли можетъ быть рѣчь въ наше время (припомнимъ хотя бы исторію иргизскихъ монастырей)—и расколъ не только держался, но продолжалъ расти, между тѣмъ какъ теперь замѣчается противоположное явленіе. Въ самой роскошной моленной, въ виду ясныхъ блестящихъ иконъ и ризъ, сердца раскольниковъ едва-ли бьются такой горячей любовью къ своему ученію и своей религіозной общинѣ, такою готовностью все для нихъ принести въ жертву,

какою они бились въ бѣдныхъ избахъ, наскоро обращенныхъ въ мѣсто молитвы, при ежеминутномъ ожиданіи полицейскаго погрома.

Если по отношенію къ расколу цѣлесообразность стѣснительныхъ мѣръ вытекаетъ не столько изъ точно сформулированныхъ заключеній отчета, сколько изъ принятаго имъ способа группировки и освѣщенія фактическихъ данныхъ, то по отношенію къ нѣкоторымъ „сектамъ рационалистическаго характера“—въ особенности къ штундизму—она провозглашается положительно и прямо. Уже въ 1884 г. признано было необходимымъ „строжайшее преслѣдованіе виновныхъ какъ въ распространеніи штундизма, такъ и въ привлеченіи къ оному лицъ православнаго исповѣданія, посредствомъ проповѣдыванія или иными способами“. Сообразно съ этимъ сдѣлано было надлежащее распоряженіе со стороны министерства юстиціи. „Мѣропріятія, предпринятія къ ослабленію штундизма и къ противодѣйствию успѣхамъ штундистской пропаганды,—продолжаетъ отчетъ—оказались недостаточными для прекращенія этого зла“. Въ 1889 г. состоялся новый рядъ мѣръ, направленныхъ къ той же цѣли. Приходскому духовенству вмѣнено было въ непремѣнную обязанность „о всякомъ случаѣ появленія въ приходѣ какого-либо лжеученія безотлагательно доносить непосредственно преосвященнымъ, чтобы послѣдніе, по такимъ донесеніямъ, имѣли возможность немедленно дѣлать соотвѣтствующія распоряженія“. Преосвященнымъ внушено было, между прочимъ, „настойчиво требовать отъ духовенства дружнаго, въ духѣ вѣры и кротости, дѣйствованія противъ лжеучителей и лжеученій“. Оберъ-прокуроръ св. синода, въ то же самое время, вошелъ въ сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, прося, „чтобы со стороны гражданской власти было оказываемо духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма“, и министромъ предложено было губернаторамъ, „чтобы всѣми зависящими отъ нихъ способами оказывалось православному духовенству полное содѣйствіе и возможная помощь въ его дѣятельности къ ослабленію и прекращенію вреднаго лжеученія“. Для насъ не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ „дѣйствованіе въ духѣ кротости“ можетъ быть совмѣщено съ обращеніемъ къ гражданской власти, мѣры которой, по самому своему свойству, отличаются качествами прямо противоположными кротости. Наставленіе, *ultima ratio* котораго заключается въ угрозы уголовной карой, можетъ устрашить, но не убѣдить—а устрашеніе бессильно вызвать что-либо иное, кромѣ виѣшняго, формальнаго согласія съ предъявленными требованіями.

Пропагандистами штундизма и близкаго къ нему баптизма являютсѣ преимущественно рабочіе и крестьяне. Въ пропагандѣ „нашеговскаго лжеученія“, судя по словамъ отчета, также участвуютъ рабочіе, и

рядомъ съ ними дѣйствуютъ и „люди изъ интеллигентнаго сословія“. Такъ напримѣръ, „вдова извѣстнаго генерала, пріѣзжая на лѣтнее время въ слободу Лизиновеу, воронежской губерніи, приглашаетъ къ себѣ служащихъ въ ея имѣніи и читаетъ имъ мѣста изъ Новаго Завѣта, съ своимъ толкованіемъ, а также молитвы собственнаго сочиненія. Проживающій въ своей усадьбѣ Освищенской волости, тверской губерніи, кандидатъ университета внушаетъ крестьянамъ, что въ церковь ходить не слѣдуетъ и священника съ иконами принимать къ себѣ въ домъ не нужно. Пропагандою пашковскаго лжеученія заявили себя и другіе землевладѣльцы“. Не этою ли разницею въ общественномъ положеніи пропагандистовъ объясняется и разница въ способѣ ихъ обузданія? Изъ отчета видно, что по отношенію къ двумъ главнымъ „пашковцамъ“ — самому Пашкову и барону (графу?) Модесту Корфу—принята мѣра, вообще неизвѣстная ни нашимъ законамъ (по крайней мѣрѣ для русскихъ подданныхъ), ни нашей административной практикѣ: высылка за границу, безъ сомнѣнія гораздо менѣе чувствительная, чѣмъ ссылка въ каторжную работу или на поселеніе въ Сибирь. Почему бы не установить аналогичное взысканіе и для распространителей штундизма, разъ что они привлекаются къ судебной отвѣтственности? Отчетъ не дѣлаетъ никакого существеннаго различія между штундизмомъ, баптизмомъ и „пашковщиною“, приписывая имъ всѣмъ „ненависть къ православію“; отсюда вытекаетъ само собою уравненіе ихъ и передъ лицомъ уголовного закона—уравненіе, конечно, не въ смыслѣ одинаковой строгости, а въ смыслѣ одинаковаго снисхожденія.

Отдѣлъ отчета, посвященный иновѣрнымъ исповѣданіямъ, проiakнуть недовѣріемъ къ духовенству этихъ исповѣданій и къ ревностнымъ ихъ послѣдователямъ. Въ литовской епархіи—читаемъ мы въ отчетѣ (стр. 140)—„мотивомъ для усиленія латинской пропаганды явилось назначеніе сюда новаго католическаго епископа. Готовясь къ его пріѣзду, ксендзы пожелали показать всю свою служебную ревность и энергію: они чаще стали собираться на фесты для болѣе торжественнаго ихъ отправленія, или скорѣе, подъ предлогомъ фестовъ, на общія совѣщанія о мѣрахъ не только охраны католической паствы отъ переходовъ въ православіе или отъ вступленія въ составъ православныхъ семействъ черезъ браки, но и пропаганды „минства“. Если устранить вопросъ о пропагандѣ, сдерживаемой страхомъ уголовного преслѣдованія и уже по этому одному едва ли мѣстечекъ принять широкіе размѣры ¹⁾, то придется признать, что

¹⁾ Въ то самое время, когда суды остзейскихъ губерній завалены дѣлами о протестантскихъ пасторахъ, судимыхъ за проступки противъ православной вѣры, о подобныхъ процессахъ противъ ксендзовъ западнаго края что-то совсѣмъ не слышно—а если и слышно, то вѣтъ, вѣтъ, значить, и пропаганды, сколько-нибудь серьезной.

католическому духовенству ставится здѣсь въ вину простое исполненіе его обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, желаніе предохранить свою паству отъ перехода въ иную вѣру свойственно каждому духовенству; признавая его законнымъ и обязательнымъ у себя, нельзя не признавать его по меньшей мѣрѣ естественнымъ у другихъ. Столь же естественно стремленіе священниковъ показать себя въ лучшемъ свѣтѣ своему новому начальству. Или, быть можетъ, цѣль отчета заключается въ раскрытіи и предупрежденіи вреда, приносимаго назначеніемъ новаго иновѣрнаго епископа? Едва-ли. Пока католицизмъ принадлежитъ къ числу исповѣданій, терпимыхъ на русской почвѣ— а не принадлежать къ ихъ числу онъ не можетъ, потому что католиковъ между русскими подданными нѣсколько милліоновъ,—до тѣхъ поръ неизбѣжно обновленіе католической іерархіи. Пока существуютъ католическіе епископы, до тѣхъ поръ имъ нельзя отказать въ правѣ объѣзжать ихъ епархіи, хотя бы послѣдствіемъ объѣзда и было усиленіе католической пропаганды (какъ это указывается отчетомъ по отношенію къ поѣздкѣ житомирскаго епископа Козловскаго въ пограничную съ Австрією мѣстность подольской епархіи). „Въ гродненской губерніи,—продолжаетъ отчетъ,—католичество значительно ободрилось, между прочимъ вслѣдствіе того, что отъ мѣстной власти были получаемы ксендзами разрѣшенія на устройство крестныхъ ходовъ во всякое время. Этой легкостью разрѣшенной католичество пользуется для своей пропаганды и крестными ходами не въ урочное время соблазняетъ не утвердившихся еще въ православіи новообращенныхъ и поддерживаетъ упорство совратившихся“. Въ этихъ словахъ призывъ къ запретительнымъ мѣрамъ уже совершенно ясенъ. Почему, однако, степень „соблазнительности“ крестнаго хода зависитъ отъ урочности или неурочности времени, когда онъ совершается? Если столь ничтожное обстоятельство можетъ вліять на новообращенныхъ, то не лучше ли допускать самое обращеніе только послѣ большаго утвержденія въ православіи?.. Говоря о католической пропагандѣ въ холмско-варшавской епархіи, отчетъ приводитъ слѣдующій случай: ученикъ варшавской римско-католической семинаріи, Янъ Цемневскій, явился на поле къ православнымъ рабочимъ, бывшимъ уніатамъ; „чтобы заинтересовать и расположить ихъ въ свою пользу, онъ *принималъ видъ, будто молится Богу*“, а потомъ произнесъ проповѣдь, направленную противъ православія. Сомнѣніе въ *искренности* этого фактика едва-ли основательно; самый рискъ, на встрѣчу которому онъ шелъ, заставляетъ думать, что онъ вѣрилъ въ богоугодность своего дѣла и если приступилъ къ нему съ молитвой, то безъ всякаго цѣлостворства. „Выходка католическаго семинариста—читаемъ мы даль—даетъ поводъ возбудить вопросъ, существуетъ ли какой-либо н

зорь и контроль со стороны правительства въ отношеніи римско-католическихъ семинарій, выпускаются ли въ эти семинаріи начальники мѣстныхъ учебныхъ дирекцій? Сколько извѣстно, римско-католическія семинаріи свободны отъ прикосновенія къ нимъ правительственно-учебнаго надзора. Да и вообще, римско-католицизмъ въ Привислянскомъ краѣ такъ обставленъ внушительно, что способенъ и на дерзкія выходы противъ православія. Четырнадцать епископовъ, съ сотнями прелатовъ и канониковъ, стоятъ крѣпко противъ двухъ православныхъ архипастырей съ двумя-тремя сотнями священниковъ^а. Нисколько не отрицая необходимость правительственнаго контроля надъ всѣми учебными заведеніями, въ томъ числѣ и надъ духовными, мы не думаемъ, чтобы онъ могъ предупредить отдѣльные случаи религіознаго фанатизма. Римско-католическая духовная семинарія не можетъ не стремиться къ тому, чтобы сдѣлать своихъ воспитанниковъ вѣрующими, убѣжденными, ревностными католиками; а отсюда до готовности пострадать за свою вѣру — только одинъ шагъ, обусловливаемый особенностями характера и темперамента. Запрещеніе учить, что католицизмъ—единственная истинная вѣра, запрещеніе объяснять (конечно, въ его пользу) различіе между нимъ и другими исповѣданіями, было бы равносильно закрытію римско-католическихъ духовно-учебныхъ заведеній. Что касается до „внушительной“ обстановки католицизма въ привислянскихъ губерніяхъ, то она зависитъ непосредственно и прямо отъ громаднаго преобладанія католиковъ въ средѣ населенія этихъ губерній и не можетъ быть ни устранена, ни уменьшена безъ существеннаго ограниченія правъ, издавна предоставленныхъ въ Россіи иновѣрнымъ исповѣданіямъ.

Въ селѣ Орловѣ, люблинской губерніи, устроивается, на счетъ вѣщанныхъ графомъ Кицвицъ суммъ, образцовый римско-католическій костель, а также другія учрежденія, направленные, по словамъ отчета, „къ укрѣпленію и развитію латино-польской пропаганды въ этой искони русской мѣстности“. Для противодѣйствія такому стремленію возстановляется въ Орловѣ самостоятельный православный приходъ и ассигнуются средства на содержаніе православнаго причта. Этими вопль цѣлесообразными мѣрами и можно было бы, повидимому, ограничиться; но одному изъ священниковъ поручено, вмѣстѣ съ тѣмъ, „произвести — для розысканія *потомковъ* бывшихъ орловскихъ прихожанъ, незаконно соvrращенныхъ въ латинство—точное и обстоятельное разслѣдованіе въ книгахъ сосѣднихъ съ Орловомъ костеловъ, равно въ архивахъ правительственныхъ учреждений, о всѣхъ лицахъ греко-уніатскаго исповѣданія бывшаго орловскаго прихода, ерешедшихъ въ латинство въ теченіе послѣднихъ *пятидесяти* лѣтъ,

потомки которыхъ должны нынѣ принадлежать къ православію, и списокъ таковыхъ лицъ представить въ консисторію для дальнѣйшаго распоряженія". Итакъ, въ число православныхъ будутъ записаны лица, рожденныя, крещенныя, воспитанныя и можетъ быть состарившіяся въ католицизмъ вмѣстѣ съ рожденными въ той же религіи дѣтьми—будутъ записаны лишь потому, что отцы ихъ или дѣды были когда-то (или, можетъ быть, только значились) униатами! Само собою разумѣется, что самый фактъ записи ничего не можетъ измѣнить въ вѣрованіяхъ записываемаго; многіе изъ именуемыхъ православными останутся, по прежнему, католиками—и будутъ считаться уклонившимися или совратившимися въ католицизмъ. Къ чему приводитъ такое положеніе дѣлъ—это слишкомъ хорошо извѣстно по многочисленнымъ примѣрамъ, представляемымъ, въ послѣднее время, западными и въ особенности остзейскими губерніями.

Въ 1887 г. въ Варшавѣ учреждено Свято-Троицкое православное братство, главную задачу котораго составляетъ „воспитаніе бѣднѣйшихъ православныхъ дѣтей, преимущественно круглыхъ сиротъ, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ и ютящихся при инославныхъ семействахъ, внѣ всякаго общенія съ православною церковью". Изъ собранныхъ путемъ переписки съ подлежащими властями свѣденій оказалось, что „около трехсотъ дѣтей, сиротъ и *полусиротъ*, находятся въ условіяхъ, подходящихъ подъ дѣйствіе устава братства. По немѣнѣю братскаго пріюта для такихъ дѣтей, совѣтъ братства исходатайствовалъ разрѣшеніе помѣщать ихъ стипендіатами братства въ монастырскія училища и дѣтскій пріютъ Краснаго Креста". Желательно было бы знать, считаетъ ли братство необходимымъ заручиться при этомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, свободнымъ, непринужденнымъ согласіемъ оставшагося въ живыхъ родителя или же родственниковъ или опекуновъ, на попеченіи которыхъ находится круглый сирота? Если да, то дѣятельность братства заслуживаетъ полнаго сочувствія; если нѣтъ, то она не можетъ обходиться безъ оскорбленія родственныхъ чувствъ, безъ нарушенія интересовъ самого ребенка. Никакое училище, никакой пріютъ не можетъ замѣнить для ребенка семьи—хотя бы и инославной,—гдѣ онъ „свой“, гдѣ его любятъ и холятъ. Въ видахъ огражденія его религіи совершенно достаточно было бы обязать семью, въ которой онъ воспитывается, посылать его, въ извѣстные дни, въ православную церковь на уроки Закона Божія, организованные хотя бы попеченіями того же братства.

Подробно разсказана въ отчетѣ исторія обращенія въ православіе значительнаго числа чеховъ, поселившихся въ волынской губерніи. Однимъ изъ главныхъ инициаторовъ этого дѣла былъ чешскій свѣ

щенникъ Саско, „въ противовѣсъ другимъ своимъ собратамъ, Грдличкѣ и Кашпару, старавшійся расположить своихъ прихожанъ въ пользу православія“ и самъ принявшій его, въ мартѣ 1888 г. „Къ сожалѣнію,—говорится въ отчетѣ,—Саско, съ присоединеніемъ къ православію, не могъ оставаться священникомъ, такъ какъ онъ своею женою, состоявшеюся уже въ то время, когда онъ былъ чешскимъ священникомъ, поставилъ себя въ положеніе не соотвѣтствовавшее условіямъ, канонами православной церкви установленнымъ для священниковъ“. Вскорѣ присоединились къ православію и Грдличка и Кашпаръ, также безъ оставленія за ними священнаго сана; имъ предложено было въ теченіе года найти для себя мѣсто поселенія и родъ жизни внѣ предѣловъ волынской губерніи. Нѣсколько времени спустя они были опредѣлены учителями въ одной изъ кievскихъ гимназій, а Саско—въ житомирской прогимназіи; послѣдней назначена, сверхъ того, пожизненная пенсія въ 600 рублей. Чешскіе приходы волынской губерніи закрыты (въ апрѣлѣ 1888 г.). Одновременно съ проявленіемъ у чеховъ стремленія къ православію между ними происходила „враждебная православію пропаганда, усиливавшаяся остановить начавшееся движеніе и даже направить его въ пользу католичества и лютеранства“. Успѣшному ходу присоединенія чеховъ къ православію „не мало содѣйствовалъ своимъ сочувствіемъ бывшій кievскій генераль-губернаторъ Дрентельнъ, съ кончиной котораго враждебныя православію вліянія стали вновь обнаруживаться среди чешскаго населенія, еще не вполне утвердившагося въ своихъ воззрѣніяхъ“. Въ виду особенной любви чеховъ къ музыкѣ и „по снисхожденію къ младенческой еще немощи ихъ въ дѣлѣ православія“, имъ разрѣшено „музыкальное исполненіе гимновъ по случаю смерти православныхъ чеховъ, но лишь до или послѣ погребенія“. И здѣсь, слѣдовательно, обращеніе къ православію предшествовало укрѣпленію въ православныхъ вѣрованіяхъ.

О распространеніи православія въ остзейскихъ губерніяхъ отчетъ говоритъ не много. Констатируя старанія нѣмцевъ-лютеранъ „ослабить православіе и отторгнуть отъ него принявшихъ его уже латышей и эстовъ“, отчетъ указываетъ на постройку храмовъ и учрежденіе церковно-приходскихъ школъ, какъ на два главныя средства противодѣйствія враждебнымъ вліяніямъ и утвержденія православной церкви. О третьемъ средствѣ, играющемъ теперь столь важную роль въ остзейскомъ краѣ—о судебномъ и административномъ преслѣдованіи лютеранскихъ пасторовъ—отчетъ не упоминаетъ вовсе, можетъ быть потому, что большинство „пасторскихъ дѣлъ“ возникло уже послѣ 1889 г. Изъ числа мирныхъ орудій борьбы, единственныхъ дѣятельныхъ и полезныхъ, одно—устройство школъ—развивается

крайне медленно и слабо, или, лучше сказать, не развивается вовсе. Въ 1887 г. всѣхъ православныхъ школъ, приходскихъ и вспомогательныхъ, въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ было 470, съ 18.186 учащимися; въ 1888—89 г. школъ было только 465, а учащихся—15.210. О причинахъ, вслѣдствіе которыхъ уменьшилось число школъ и въ особенности число учащихся, мы не находимъ въ отчетѣ никакихъ свѣденій. Обратилось въ православіе въ 1888 г.—1.128, въ 1889 г.—1.127 человекъ (въ 1883 г. число обращенныхъ между одними эстами простиралось до 3.000).

„Нигдѣ въ Европѣ“—сказано въ заключительной главѣ отчета—*инославныя исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа, который, по природѣ своей, крѣпко держась своего, относится мирно ко всякому иному вѣроисповѣданію, лишь бы оно само держалось мирно*“. Съ мыслью, здѣсь выраженною, мы уже встрѣчались ¹⁾; не повторяя сказаннаго нами тогда, остановимся только на аналогичныхъ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ одномъ изъ органовъ нашей печати. „Наша религія—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1891 г. № 349)—учитъ насъ, что человекъ спасается свободнымъ усиліемъ своимъ. Насиліемъ никого спасти нельзя. Но это не значитъ, чтобы мы не должны были стараться сдѣлать истину православія достояніемъ всѣхъ, нынѣ еще ее не сознающихъ. Точно также наша прямая обязанность—охранить своихъ слабыхъ отъ дѣйствія заблужденій. Потребуется ли кто-нибудь отъ отца, чтобы онъ, изъ чувства терпимости, допустилъ дѣйствіе матеріалистической или иновѣрной пропаганды на дѣтей своихъ? Но слабы не одни дѣти. Изъ столкновения мнѣній далеко не всегда истина выходитъ побѣдительницей; напротивъ—легче побѣждаетъ мнѣніе ложное, приспособленное къ умственной ограниченности средняго человека и льстящее страстямъ его. Бросать своихъ на произволъ всякимъ развращающимъ влияніямъ—это значитъ самому ни во что не вѣрить... Существуетъ очень распространенный софизмъ, указывающій на то, что среди подданныхъ Россійской Имперіи найдется около 30% магометанъ, католиковъ, протестантовъ, евреевъ и т. д. Для государства, говорятъ, ихъ религіозныя убѣжденія столь же святы, какъ убѣжденія православнаго большинства. Дѣло, однако, не въ простомъ количественномъ преобладаніи въ Россіи православныхъ христіанъ, а въ томъ, что Россія одними лишь православными христіанами создана и только ими и держится. Отнимите у насъ всѣхъ иновѣрцевъ—Россія останется Россіей и только нравственно усилится отъ этого. Отнимите, наоборотъ, православное населеніе—и нигдѣ и

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1888 г.

Россія не будетъ. Только *православная* Россія объединяетъ всѣ клочки бывшихъ государствъ и національностей и приводитъ ихъ къ единству. Это обстоятельство уже одно само по себѣ дѣлало бы у насъ несправедливостью и ошибкой вѣроисповѣдное безразличіе. Мы принуждены *терпѣть* вѣроисповѣданія неправославныхъ частей имперіи, но поставить на одну линію религію, которою государство живетъ, и религіи только не препятствующія его существованію—было бы величайшимъ затмѣніемъ политическаго смысла. Всѣ соображенія побуждаютъ русское государство стремиться къ качественному и количественному торжеству православія, къ тому, чтобы православное вѣрованіе все сильнѣе и чаще укоренялось въ средѣ основного населенія и охватывало постепенно возможно большіе слои иновѣрныхъ. Насилія и нетерпимости не должно быть, но всякая поддержка православной пропаганды обязательна“. Характеристичнымъ, въ этихъ разсужденіяхъ, представляется, прежде всего, болѣе чѣмъ высокомѣрный взглядъ на инославныя вѣроисповѣданія. Они признаются не только „приспособленными къ умственной ограниченности средняго человѣка“, но и „льстящими страстямъ его“; вліяніе ихъ прямо провозглашается „развращающимъ“. Изъ этой коренной и вопиющей несправедливости естественно вытекаетъ извращеніе понятія о терпимости, сводимой къ воздержанію отъ явнаго, прямого насилія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она предполагаетъ *по меньшей мѣрѣ* полную непринужденность личнаго религіознаго убѣжденія. О терпимости въ истинномъ смыслѣ слова можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда за каждымъ признается не только право *оставаться* въ той вѣрѣ, въ которой онъ родился, но и право *переходить* въ исповѣданіе, которому онъ принадлежитъ душою. Спорною можетъ считаться развѣ свобода *проповѣдывать* свои вѣрованія, но отнюдь не свобода *исповѣдывать* ихъ. Передъ святыней личнаго религіознаго чувства должны отступать всѣ государственныя или, лучше сказать, мнимо-государственныя соображенія. Примѣръ всѣхъ христіанскихъ странъ показываетъ съ полною ясностью, что можно быть безупречнымъ гражданиномъ или вѣрнымъ подданнымъ государства, не исповѣдая господствующей въ немъ религіи. *Количественное* торжество православія ничего не прибавитъ ни къ могуществу, ни къ счастью Россіи. Совершенно невѣроятнo, притомъ, чтобы всѣ тридцать милліоновъ русскихъ иновѣрцевъ—или хотя бы значительное ихъ большинство—обратились въ православіе; между тѣмъ сознательное и вѣренное стремленіе къ ихъ обращенію можетъ только уменьшить и утреннюю связь, соединяющую ихъ съ Россіей. Отсутствіе такого стремленія вовсе не было бы равносильно „вѣроисповѣдному безразличію“; на сторонѣ православной церкви во всякомъ случаѣ остались

бы громадныя преимущества, связанныя съ первенствующимъ ея положеніемъ въ государствѣ и многочисленностью ея членовъ.

Возвратимся теперь къ словамъ отчета: „русскій народъ относится мирно ко всякому другому исповѣданію, лишь бы оно само держалось мирно“. Съ этимъ замѣчаніемъ можно было бы согласиться безусловно, еслибы къ нему была прибавлена еще одна оговорка: „и лишь бы нерасположеніе къ иновѣрцамъ никѣмъ и ничѣмъ искусственно въ народѣ не возбуждалось“. Чрезвычайно опаснымъ и нежелательнымъ кажется намъ, поощреніе или побужденіе крестьянъ къ организаціи своего особаго, добровольческаго контроля надъ сектантами. Мы узнаемъ изъ „Новаго Времени“ (№ 5814), что совѣтъ Свято-Александровскаго братства „рекомендуетъ священникамъ зараженныхъ штундою приходоѡ располагать своихъ прихожанъ къ избранію изъ своей среды благонадежныхъ и ревностныхъ къ православію лицъ для надзора за сектантами, особенно въ глухихъ и отдаленныхъ отъ приходскихъ церквей деревняхъ и поселкахъ“. Въ одной деревнѣ (херсонской губерніи) крестьяне выбрали уже изъ своей среды пять человекъ „для наблюденія, чтобы штундисты не собирались вмѣстѣ“. „Во что обратятся на практикѣ подобныя мѣры? — спрашиваетъ „Новое Время“. — Какъ осуществится наблюденіе, чтобы штундисты *не собирались вмѣстѣ*? Какимъ путемъ ревностные къ православію люди будутъ наблюдать за сектантами въ глухихъ поселкахъ?.. Рядомъ съ миссіонерской и пастырской дѣятельностью духовенства не должно ставить нѣчто діаметрально ей противоположное по внутреннему смыслу... Для злоупотребленій и взаимнаго ожесточенія здѣсь (т.-е. въ новой формѣ надзора) обширное поле, котораго, въ интересахъ православія, совсѣмъ бы не должно допускать“. Всѣ эти соображенія, совершенно правильныя, заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что въ сочувствіи или хотя бы въ снисходительности къ сектантамъ „Новое Время“ заподозрѣно быть не можетъ; еще недавно оно жаловалось на „бездѣйствіе власти“ по отношенію къ штундистамъ ¹⁾. Что касается до вопроса, во что обратится на практикѣ „надзоръ“ крестьянъ за штундистами, то матеріалы для отвѣта можно найти, между прочимъ, въ прежнихъ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора. Въ отчетѣ за 1884 г. говорится о „самоличной расправѣ“ православныхъ съ „смутьянами“ (штундистами) въ городѣ Вознесенскѣ. Въ отчетѣ за 1885 г. мы читаемъ „разнесеніи по бревнамъ, въ бахмутскомъ уѣздѣ, двухъ дворовъ, которыхъ штундисты собирались на вечернія радѣнія“. Въ отчетѣ за 1887 г. упоминается, въ менѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ.

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 12 „В. Европы.“ за 1890 г.

взрывахъ негодованія (со стороны обществъ и отдѣльныхъ лицъ), „приводившихъ къ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ духомъ христіанства, — на примѣръ, къ насилію надъ ненавистными сектантами“...

Два мѣсяца тому назадъ мы посвятили почти все наше обозрѣніе вопросу о заповѣдныхъ имѣніяхъ, обсуждаемому въ особой комиссіи подѣ предсѣдательствомъ Н. С. Абазы. Если вѣрить „Новому Времени“ (№ 5804), комиссія остановилась на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: размѣръ дворянскихъ имѣній, дающій право на установленіе заповѣдности, принять въ 300 десятинъ. Въ имѣніяхъ большаго размѣра заповѣдность можетъ быть установлена или на все имѣніе, или только на усадьбу, съ прилегающими къ ней 300 десятинами. Если владѣлецъ имѣнія, обращаемаго въ заповѣдное, имѣетъ нѣсколькихъ прямыхъ наслѣдниковъ, онъ можетъ передать заповѣдное имѣніе любому изъ нихъ; но въ слѣдующемъ поколѣніи заповѣдное имѣніе уже въ силу закона переходитъ къ старшему сыну владѣльца, какъ маіоратъ. Въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ продолженіе заповѣдности и маіората не обязательно, т.-е. первый маіоратный владѣлецъ можетъ сдѣлаться и послѣднимъ, если не захочетъ продолжить маіоратное владѣніе въ своемъ родѣ. Наши читатели припомнятъ, что нѣчто подобное проектировало пензенское дворянство, по мысли своего губернскаго предводителя, г. Гевлича: разница между пензенскимъ проектомъ и предположеніями комиссіи заключается только въ томъ, что первый, согласно съ другими дворянскими ходатайствами, не устанавливалъ *маіората*, сохраняя за всякимъ владѣльцемъ заповѣднаго имѣнія право свободнаго избранія *одного* наслѣдника. Съ нашей точки зрѣнія, отрицающей пользу заповѣдности, рѣшенію комиссіи слѣдуетъ, конечно, отдать предпочтеніе передъ тѣмъ, за которое стоитъ большинство дворянскихъ собраній; но нельзя не замѣтить, что „краткосрочная заповѣдность“ — до известной степени *contradictio in adjecto*. Если вся агитація нашихъ „заповѣдниковъ“ приведетъ къ *разрѣшенію* объявлять имѣніе заповѣднымъ *на два поколѣнія*, то это будетъ доказательствомъ тому, какъ мало сродства между идеей заповѣдности и современной русской почвой. Невольнымъ признаніемъ въ томъ было уже допущеніе дворянскими ходатайствами *факультативной* заповѣдности (т.-е. избранія въ заповѣдныя только тѣхъ дворянскихъ имѣній, владѣльцы которыхъ сами этого пожелаютъ); новымъ шагомъ по тому же пути являлось бы сдѣлать краткосрочность и удобоотчуждаемость заповѣдности. Непонятно, по всей вѣроятности, будетъ число имѣній, объявленныхъ заповѣдными; еще меньше — число такихъ, которыя надолго сохранять

это свойство. Привести къ другому результату могло бы развѣ значительное уменьшеніе минимальной величины заповѣднаго имѣнія. Триста десятиныхъ, особенно въ черноземныхъ губерніяхъ—это нѣчто гораздо большее, чѣмъ „семейный участокъ“, т.-е. единственный видъ заповѣднаго имѣнія, имѣющій нѣкоторые шансы распространенія у насъ въ Россіи. О максимальной нормѣ для заповѣднаго имѣнія въ сообщеніи „Новаго Времени“ вовсе не упоминается; но отсюда едва-ли можно заключить, что коммиссія Н. С. Абазы считаетъ ее излишней. Въ вопросахъ, намѣченныхъ коммиссіей, необходимость максимальной нормы была выражена довольно ясно; трудно предположить, чтобы она отступила отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Припомнимъ, что пензенское дворянство предлагало ограничить размѣръ заповѣдныхъ имѣній наибольшою нормой въ 750 десятиныхъ.

Въ нашей печати возникъ интересный вопросъ о цѣлесообразности назначенія сенаторскихъ ревизій, для окончательнаго выясненія причинъ народнаго бѣдствія, только-что пережитаго и отчасти еще переживаемаго Россіей, и способовъ предупредить его на будущее время. Одни видятъ въ ревизіяхъ лучшее средство разобратъся въ громадномъ матеріалѣ, накопившемся въ продолженіе истекшаго года, и подвести итоги горькому, но поучительному опыту; другіе полагаютъ, что съ этой задачей гораздо лучше можетъ справиться частное учрежденіе, напримѣръ Вольное Экономическое общество, если ему будетъ оказана поддержка со стороны правительства; третьи утверждаютъ, что путемъ письменной работы ничего важнаго въ этомъ направленіи сдѣлать нельзя, а необходимъ живой, непосредственный обмѣнъ мыслей между свидѣтелями бѣдствія. Совершенно несостоятельно, въ нашихъ глазахъ, второе мнѣніе, въ особенности въ отрицательной его части, т.-е. въ тѣхъ доводахъ, которыми оно доказываетъ бесполезность сенаторской ревизіи. „Результаты сенаторскихъ ревизій“, говорятъ „Новости“, „не всегда оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Въ 1881 г. была произведена сенаторская ревизія съ цѣлью собранія матеріаловъ по вопросу о мѣстной реформѣ, но вопросъ этотъ разрѣшился на основаніи совершенно другихъ данныхъ и соображеній, а многія весьма существенныя стороны этого дѣла остаются въ прежнемъ положеніи“. Замѣтимъ, прежде всего, что сенаторскія ревизіи давнoproшедшаго времени имѣли главной задачей раскрытіе злоупотребленій, собраніе данныхъ для оцѣнки дѣятельности должностныхъ лицъ, и только отчасти и не всегда—изученіе результатовъ, къ которымъ ведетъ примѣненіе тѣхъ или другихъ узаконеній. Эта послѣдняя сторона дѣла выступаетъ на первый планъ только въ ревизіи

сенатора Капгера (1862—1863 г., губерніи калужская и владимірская), тѣсно связанной съ введеніемъ въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 г. Ревизія сенатора Клушина (1870 г., пермская губернія) возвращается къ старому типу. Новое назначеніе—изслѣдовать существующее, чтобы проложить и намѣтить дорогу къ его преобразованію—сенаторскія ревизіи получаютъ только въ 1880 г., въ эпоху „диктатуры сердца“. Программа, данная сенаторамъ Ковалевскому, Половцову, Шамшину и Мордвинову, обнимала собою далеко не одну только мѣстную судебно-административную реформу: она затрогивала и экономическій бытъ крестьянъ, и народное образованіе, и положеніе раскола, и податную систему, касалась, однимъ словомъ, всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ мѣстной народной жизни. Если практическія послѣдствія ревизій 1880—81 г. были, сравнительно, невелики, то это зависѣло отъ непредвидѣнныхъ, случайныхъ обстоятельствъ. Задуманныя при одномъ настроеніи, онѣ были окончены при другомъ, въ свою очередь существенно измѣнившемся, когда настало время разсмотрѣнія ревизіонныхъ отчетовъ. Припомнимъ хотя бы судьбу вопроса о мѣстной реформѣ. Сенаторы-ревизоры возвратились въ Петербургъ въ концѣ лѣта или началѣ осени 1881 г. Вслѣдъ за этимъ была учреждена такъ-называемая Кахановская коммиссія, къ участию въ которой были призваны всѣ ревизовавшіе сенаторы. Работа пошла въ ходъ подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ; многія изъ основныхъ положеній, проектированныхъ коммиссіею (въ первоначальномъ, небольшомъ ея составѣ) заимствованы почти всецѣло изъ ревизіонныхъ отчетовъ или мотивированы собранными здѣсь данными. Не прошло, однако, и года со времени образованія коммиссіи, какъ совершилась еще разъ перемѣна въ личномъ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Свѣдущіе люди“, приглашенные въ коммиссію по указанію новаго министра, пошли въ разрѣзъ съ ея коренными членами; выдающуюся роль стало играть меньшинство, сильное сочувствіемъ гр. Д. А. Толстого; коммиссія вскорѣ была закрыта, и дальнѣйшая подготовка мѣстной реформы перешла въ руки лицъ, систематически враждебныхъ традиціямъ не только 1880 г., но и гораздо болѣе ранняго періода. Понятно, что при такомъ ходѣ дѣла между предположеніями ревизіонныхъ отчетовъ и законами 1889 и 1890 г. не могло оказаться много общаго. Что касается до другихъ сторонъ ревизіи 1880—81 г., то вліяніе ея можно прослѣдить на многихъ преобразованіяхъ позднѣйшаго времени; укажемъ для примѣра а законъ 3-го мая 1883 г., облегчившій положеніе раскольниковъ, а законъ о переселеніяхъ, на всѣ податныя реформы восьмидесятихъ годовъ. Еще меньше можно сомнѣваться въ практическомъ значеніи ревизіи прибалтійскихъ губерній, произведенной, въ 1882—83 г.,

сенаторомъ Манасеинимъ; прямымъ ея результатомъ явились законодательныя мѣры, столь существенно измѣнившія съ тѣхъ поръ положеніе остзейскаго края. Итакъ, изъ указаній опыта никакъ нельзя вывести безцѣльность сенаторскихъ ревизій, разсматриваемыхъ какъ средство привести въ ясность настоящее и подготовить новое будущее. „Пока ревизія достигнетъ мѣста изслѣдованія, — продолжаютъ „Новости“, — многіе слѣды остраго періода бѣдствія уже изгладятся, и тогда легко могутъ возобновиться тѣ же споры и сомнѣнія, которые возникали въ прошломъ году, при принятіи мѣръ противъ наступленія голода“. Но вѣдь сенаторская ревизія, назначенная по окончаніи кризиса, имѣла бы предметомъ не удостовѣреніе въ его существованіи, даже не опредѣленіе степени его интенсивности, а изысканіе его источниковъ, ближайшихъ и отдаленныхъ. Признаки возрождающагося благосостоянія никого, поэтому, не могли бы смутить, никого не могли бы ввести въ заблужденіе. Въ рукахъ ревизора было бы достаточно матеріаловъ, устраивающихъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительности бѣды; онъ остановился бы, конечно, не на повѣркѣ остатковъ, уцѣлѣвшихъ у крестьянина послѣ разгрома, а на вопросѣ о томъ, почему произошелъ разгромъ и какъ избѣжать его повторенія. Что касается до частныхъ обществъ, то пускай они, вмѣстѣ съ частными лицами, трудятся надъ разработкой и освѣщеніемъ данныхъ, относящихся къ неурожаю и всѣмъ его усложненіямъ: это трудъ въ высшей степени важный и тѣмъ болѣе незамѣнимый, чѣмъ самостоятельнѣе онъ ведется. Произведенный по порученію власти, онъ утратилъ бы главное свое достоинство — независимость, и все-таки не имѣлъ бы, въ глазахъ правительства, авторитетности работъ официальныхъ. Его пришлось бы повѣрить, можетъ быть даже отчасти повторить — и въ концѣ концовъ получилась бы только потеря времени, болѣе чѣмъ когда-нибудь драгоценнаго именно теперь, въ виду тяжелаго наслѣдства, оставленнаго Россіи зимою 1891—92 г.

Итакъ, сенаторскія ревизіи въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, были бы далеко не бесполезны. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы ихъ можно было признать достаточными для достиженія намѣченной цѣли. Шансы успѣха сенаторской ревизіи — мы говоримъ, конечно, о ревизіи новаго типа, занимающейся учрежденіями и порядками, а не отдѣльными должностными лицами — зависятъ больше всего отъ момента и обстановки, въ который и при которой она предпринимается. Если отъ сенаторскихъ ревизій 1880—81 г. можно было ожидать весьма многого, то именно потому, что онѣ были составною частью широкаго плана. Необходимость крупныхъ преобразованій была признана въ принципѣ; нужно было только точнѣе установить ихъ содержаніе, раскрывъ всѣ недостатки дѣ

ствующихъ узаконеній — и эта работа была поручена ревизующимъ сенаторамъ. Въ настоящее время приводится къ концу цѣлый рядъ коренныхъ перемѣнъ, отъ которыхъ, въ правительственныхъ сферахъ, ожидалось и до сихъ поръ ожидается очень многое. Трудно предположить, чтобы на ревизующихъ сенаторовъ было возложено собраніе данныхъ для новыхъ реформъ; гораздо вѣроятнѣе, что имъ пришлось бы отмѣчать преимущественно тѣ факты, которые могутъ быть истолкованы въ пользу только-что совершившихся преобразованій. Конечно, неудержимыя требованія жизни могли бы направить ревизію на другой путь, не предусмотрѣнный при ея назначеніи; но для этого понадобилась бы комбинація многихъ условий, нелегко осуществимыхъ даже каждое въ отдѣльности. Помимо этого, результаты сенаторскихъ ревизій выяснились бы не раньше, какъ года черезъ два—а многія мѣры, обусловливаемыя прошлогоднимъ неурожаемъ, едва-ли желательно откладывать въ столь долгій ящикъ. Вотъ почему мы думаемъ, что гораздо больше добра могла бы принести другая мѣра, вполне совмѣстимая съ сенаторскими ревизіями—та мѣра, которую предлагаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ статьѣ, озаглавленной: „Какъ ликвидировать голодъ?“ „Послѣ той колоссальной работы въ борьбѣ съ голодомъ,—говоритъ упомянутая газета,—которую, по совѣсти говоря, побѣдоносно вынесли и центральное управленіе, и мѣстная администрація, и земство, недостаетъ только *заключительнаго слова*. Оно должно явиться результатомъ совмѣстныхъ трудовъ тѣхъ лицъ, усиліями которыхъ велась борьба съ нуждою. Для такой живой и жизненной работы совершенно неумѣстна канцелярская переписка и необходимъ живой, непосредственный обмѣнъ мыслями. Въ виду этого, было бы въ высшей степени полезно созвать въ Петербургѣ съѣздъ изъ представителей администраціи и земства не только губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, но и сосѣднихъ съ ними. Этотъ съѣздъ долженъ дать окончательное заключеніе и относительно причинъ, породившихъ голодъ, и относительно условий для предупрежденія подобнаго бѣдствія въ будущемъ. Это—самая практичная форма разумной ликвидаціи пережитаго несчастія“. При данныхъ условіяхъ съѣздъ, предлагаемый „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, дѣйствительно былъ бы сравнительно-лучшимъ выходомъ изъ положенія, въ которомъ теперь находится Россія.

Въ вѣдомости о положеніи продовольственнаго дѣла на 1-ое мая, какъ и въ предъидущихъ публикаціяхъ этого рода, больше всего рождается въ глаза значительная разниа между среднею мѣсячною отребностью въ продовольствіи и количествомъ дѣйствительнаго

расхода хлѣба. Въ апрѣлѣ израсходовано всего 4,882 тыс. пудовъ, т.-е. меньше половины средней мѣсячной потребности, опредѣленной въ 9,922 тысячи пудовъ. Въ воронежской губерніи первая цифра составляетъ лишь съ небольшимъ $\frac{1}{3}$ послѣдней, въ саратовской — меньше $\frac{1}{2}$, въ оренбургской — меньше $\frac{1}{4}$, въ пензенской — меньше $\frac{1}{6}$. Едва-ли это можетъ оставаться безъ вредныхъ послѣдствій для нуждающагося населенія. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (казанской, вятской, пермской) оставались къ 1-му мая еще довольно крупныя цифры недоставленнаго зерна, между прочимъ — и такого, которое предназначено для посѣва. Страдно будетъ узнать, что яровые посѣвы во всѣхъ пострадавшихъ губерніяхъ произведены удачно и своевременно.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1892.

Особенности политическаго настроенія въ Германіи.—Причины существующаго недовольства.—Личныя дѣйствія Вильгельма II и необходимыя уступки общественному мнѣнію.—Агитація по поводу дѣлъ Кунце и Люка.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Министерскіе кризисы въ Италіи и Греціи.

Нѣмецкіе либералы и прогрессисты также недовольны, какъ и патриоты стараго закала и національные шовинисты;—и тѣ, и другіе критикуютъ правительственную систему и политику Вильгельма II, осуждаютъ его министровъ и совѣтниковъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, вздыхаютъ о прошломъ величіи, объ упадкѣ политическаго авторитета и о неудавшихся проектахъ парламентскаго обновленія и оживленія. Въ чемъ заключаются причины и мотивы этого общественнаго недовольства въ Германіи? Если судить по отзывамъ и жалобамъ нѣмецкой печати, то дѣло сводится въ сущности къ недостаточной удовлетворенности національнаго самолюбія, которое при князѣ Бисмаркѣ постоянно поддерживалось въ состояніи искусственнаго возбужденія. Политическія партіи дѣйствуютъ съ большей свободой и самостоятельностью, чѣмъ когда-либо; оппозиція пользуется вліяніемъ, какое никогда ей не принадлежало при владычествѣ „желѣзнаго канцлера“. Роль нѣмецкаго общественнаго мнѣнія обнаруживается ярко и наглядно даже въ мелкихъ сравнительно вопросахъ, касающихся личныхъ распоряженій императора и окружающихъ его придворныхъ дѣятелей.

Недавно берлинскія и провинціальныя газеты много толковали о приписываемыхъ Вильгельму II планахъ расширенія и украшенія королевскаго дворца въ Берлинѣ. Говорили о сносѣ окрестныхъ зданій, казенныхъ и частныхъ, для образованія болѣе свободной площади вокругъ дворца, съ обширными террасами и прудами; средства для этого предпріятія предполагалось добыть выпускомъ лотерейныхъ билетовъ на сумму 8 милл. марокъ, и уже начаты были предварительные переговоры съ берлинскимъ магистратомъ объ уступкѣ нужныхъ участковъ земли за полтора милліона. Переговоры эти велись крѣпко или „официозно“ нѣкимъ Кунце, членомъ высшаго административнаго суда, имѣвшимъ какія-то полномочія отъ императора. Изалось бы, что подобные проекты имѣютъ только отдаленную связь съ общественными интересами и не должны были бы волновать пуб-

лику. А между тѣмъ нѣмецкая журналистика заволновалась; газеты горячо занялись обсужденіемъ и критическою оцѣнкою предположенныхъ мѣръ, причѣмъ направили свои главные удары противъ неизвѣстнаго дотолѣ Кунце, нисколько не стѣсняясь ни его официальнымъ званіемъ, ни тѣми полномочіями, на которыя онъ ссылался. Дѣло было перенесено въ прусскую палату депутатовъ вождемъ прогрессистовъ, Евгеніемъ Рихтеромъ, и разрѣшилось безусловнымъ отказомъ правительства отъ предположеній, исходившихъ, повидимому, отъ самого Вильгельма II.

Пренія по запросу Рихтера, въ засѣданіи 9-го мая (н. ст.), были чрезвычайно характерны и любопытны. Ораторъ оппозиціи встрѣтилъ на этотъ разъ общее сочувствіе и поддержку среди всѣхъ парламентскихъ группъ, какъ либеральныхъ, такъ и консервативныхъ. Рихтеръ требовалъ разъясненія относительно фантастическихъ плановъ, внушаемыхъ императору льстивыми царедворцами и непризванными совѣтниками. Два года тому назадъ имперскій сеймъ рѣшилъ представить монарху выборъ мѣста для постановки памятника Вильгельму I; съ тѣхъ поръ стали сочиняться проекты общей перестройки дворца и измѣненія дворцовой площади, чтобы приготовить достойное мѣсто для будущаго сооруженія. „Дурная сторона такихъ проектовъ,—говорилъ Рихтеръ,—состоитъ прежде всего въ томъ, что они вызываются исключительно интересами красоты и роскоши, а не практическими потребностями. Придворныя лица и строители съ поэтическими наклонностями выдвигаются впередъ и стараются увѣрить монарха, что интересы короны требуютъ новыхъ роскошныхъ сооруженій. Какъ совмѣстить это съ нашими современными обстоятельствами, не допускающими удовлетворенія дѣйствительныхъ и насущныхъ потребностей, въ родѣ увеличенія жалованья, умноженія судейскихъ мѣстъ и пр.? Какое впечатлѣніе должны произвести на страну эти планы миллионныхъ затратъ на ненужныя постройки? Возможно, что новѣйшія требованія придворнаго комфорта не удовлетворяются уже въ нынѣшнемъ королевскомъ дворцѣ; но въ этомъ дворцѣ воплощается добрая часть прусской исторіи; въ немъ отражается прусская бережливость, которая сдѣлала государство великимъ и могущественнымъ. Хотятъ окружить дворецъ террасами въ видахъ безопасности дѣтей императора и для предупрежденія анархистскихъ посягательствъ. Не такъ думалъ покойный Вильгельмъ I, который не разъ подвергался преступнымъ покушеніямъ и однако не переставалъ показываться ежедневно въ историческомъ угловомъ окнѣ. Его доступность и простота, отвращеніе ко всякой роскоши, болыя приблизили къ нему сердца народа, чѣмъ къ какому-либо другому государю“. По мнѣнію Рихтера, особенно нежелательнымъ и подозрѣ-

тельнымъ является участіе закулисныхъ совѣтниковъ въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣденію министровъ. „Кто такой Кунце? — спрашиваетъ иронически ораторъ:— онъ заранѣе увѣренъ былъ въ министерскомъ разрѣшеніи подготовленной имъ лотерейной операціи, ибо онъ полагалъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ вынужденъ будетъ дать свое согласіе подѣ страхомъ кабинетнаго кризиса и потери своего министерскаго поста. Этотъ самый г. Кунце, выставляющій себя чѣмъ-то въ родѣ скрытаго соправителя Пруссіи, заявилъ недавно одному газетному репортеру, что, въ случаѣ какого-нибудь противодѣйствія со стороны министра финансовъ Микеля, онъ вступитъ въ борьбу съ этимъ министромъ и низвергнетъ его. Оказывается такимъ образомъ, что г. Кунце, будучи официально лишь членомъ высшаго административнаго суда, имѣетъ еще побочную должность разрушителя министерствъ. Онъ подводитъ свои мины подѣ все министерство; очевидно, этотъ господинъ имѣетъ анархистскія поползновенія. Правда, онъ заявилъ въ своемъ письмѣ, что началъ переговоры съ магистратомъ „по порученію императора“; но это не избавляетъ министровъ дать необходимыя разъясненія. Министры отвѣтственны не только за свои дѣйствія, но и за то, что они позволяютъ дѣлать другимъ. Представители короны ничего не могутъ предпринимать и приводить въ исполненіе безъ посредства подлежащихъ вѣдомствъ и отвѣтственныхъ министровъ“.

Остроумная рѣчь Рихтера была выслушана палатою съ напряженнымъ вниманіемъ и интересомъ. Частые сочувственные возгласы, раздававшіеся съ разныхъ сторонъ, доказывали ясно, что ораторъ уловилъ господствующее настроеніе и сумѣлъ формулировать мысли, занимающія очень многихъ въ Германіи. Никто не сомнѣвается въ добросовѣстной дѣловитости и компетентности прусской бюрократіи; но нѣмецкую публику смущаетъ возможность скрытыхъ придворныхъ вліяній, независимыхъ отъ общаго порядка управленія и не поддающихся публичному контролю. Всѣмъ памятна неустанная и безпощадная борьба, которую велъ князь Бисмаркъ противъ попытокъ закулиснаго вмѣшательства придворныхъ сферъ въ дѣла политическія и правительственныя; малѣйшія посягательства въ этомъ родѣ преслѣдовались и устранялись съ непреклонною строгостью, хотя бы они исходили отъ довѣренныхъ лицъ самого императора или императрицы. Процессы графа Арнима и Геффена, удаленіе вліятельныхъ придворныхъ сановниковъ, рѣзкія вылазки официозной печати противъ „женской политики“ и англійскихъ симпатій при Фридрихѣ III, рочно утвердили въ сознаніи нѣмецкаго общества тотъ основной принципъ, что министры суть единственные законные руководители административной дѣятельности, и что помимо ихъ вѣдома и участія

дворъ не можетъ и не долженъ вліять на политику и администрацію. Чтобы поставить на своемъ, князь Бисмаркъ обыкновенно грозилъ выйти въ отставку и поднималъ вопросъ о правительственномъ кризисѣ, опасномъ для интересовъ Германіи; этимъ способомъ онъ всегда достигалъ своей цѣли. Нынѣшніе германскіе министры не настолько сильны, чтобы слѣдовать его примѣру; и то, что дѣлалось прежде самовластнымъ канцлеромъ, не терпѣвшимъ около себя никакихъ противорѣчій и противодѣйствій, перешло теперь само собою къ парламенту и къ общественному мнѣнію. Всегдашній противникъ князя Бисмарка, вождь передовой оппозиціи, Евгений Рихтеръ, исполнилъ такимъ образомъ функцію, которую не могли взять на себя официальные представители власти; онъ косвенно вступился какъ бы за неприкосновенность министерскихъ полномочій, причемъ руководствовался уже не интересами самихъ министровъ, а заботою о правахъ парламента, предъ которымъ отвѣтственны только министры. Парламентъ можетъ всегда привлечь къ отвѣту правительство за тѣ или другія ошибки или упущенія отдѣльныхъ вѣдомствъ; но онъ былъ бы лишенъ возможности обсуждать и контролировать дѣйствія придворныхъ сановниковъ, еслибы послѣднимъ предоставлено было дѣйствовать самостоятельно по непосредственному порученію императора. Такъ какъ послѣднее не можетъ быть пріятно министрамъ, то запросъ Рихтера былъ въ сущности направленъ въ пользу министерства, чѣмъ и объясняется своеобразный общій характеръ преній въ засѣданіи 9-го мая. Министръ фонъ-Беттихеръ разрѣшилъ всѣ недоумѣнія оратора прочтеніемъ кабинетнаго императорскаго приказа, по которому мѣсто для памятника Вильгельму I должно быть ограничено восточнымъ берегомъ канала Шпрее, съ соблюденіемъ условій правильнаго судоходства по каналу и безъ всякаго дальнѣйшаго расширенія дворцовой площади. Министръ Герфуртъ съ своей стороны заявилъ, что никакого предложенія о выпускѣ лотерейныхъ билетовъ до него не доходило, и что онъ не думалъ вовсе разрѣшать подобную лотерею. Консервативные депутаты, графъ Лимбургъ-Штирумъ, Вепеліусъ и д-ръ Либеръ, выразили свое удовольствіе по поводу успокоительнаго отвѣта на запросъ Рихтера, съ которымъ они въ этомъ случаѣ были вполне солидарны; въ томъ же смыслѣ высказался и представитель національно-либеральной партіи, Гобрехтъ. Одинъ только депутатъ Кремеръ, принадлежавшій прежде къ реакціонной группѣ католическаго центра, а теперь не причисляющій себя ни въ одной изъ парламентскихъ фракцій (т.-е. „дивій“, по нѣмецкой парламентской терминологіи), выступилъ съ обычными рѣзкостями противъ либераловъ и пытался пустить въ ходъ какія-то инсинуаціи въ духѣ антисемитизма, но ни въ комъ не нашелъ поддержки въ палатѣ.

Для всякаго было ясно, что антисемитизмъ и еврейство тутъ абсолютно ни при чемъ, ибо упрекъ въ „гешефтмахерствѣ“ могъ бы быть обращенъ только къ составителямъ строительныхъ и лотерейныхъ проектовъ, а никакъ не къ противникамъ ихъ. Замѣчанія Кремера были совершенно оставлены безъ вниманія послѣдующими ораторами, депутатомъ партіи центра, Либеромъ, и національ-либераломъ Гобрехтомъ. Въ заключеніе Рихтеръ, указавъ на единодушіе парламента въ данномъ случаѣ, объявилъ себя вполне удовлетвореннымъ министерскими заявленіями и пожелалъ только узнать, когда именно былъ подписанъ кабинетный приказъ, прочитанный съ трибуны фонъ-Веттихеромъ. Этотъ пунктъ такъ и остался неразъясненнымъ; но оппозиція хорошо понимала, что излишне требовать болѣе точныхъ указаній, такъ какъ, очевидно, приказъ состоялся спеціально вслѣдствіе сдѣланнаго въ парламентѣ запроса, для успокоенія общественнаго мнѣнія. Въ результатѣ оказалось, что придворныя полномочія, которыми облеченъ былъ Кунце, не только не помогли ему сдѣлать что-нибудь помимо министровъ, но были просто уничтожены по первому публичному заявленію оппозиціоннаго парламентскаго дѣятеля.

Трудно было бы представить себѣ болѣе рѣшительное доказательство того значенія, какое придается въ Германіи голосу общества и его представителей въ парламентѣ и въ печати. Что приказъ императора былъ вызванъ именно общественнымъ недовольствомъ, вшедшимъ своего истолкователя въ Рихтеръ,—это прямо обнаружилось въ ближайшемъ засѣданіи берлинскаго городского собранія, 12-го мая, когда заявлено было отъ имени магистрата, что Кунце взялъ назадъ свои недавнія предложенія. По свѣденіямъ газетъ, Кунце мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что данное ему высочайшее порученіе, послужившее основаніемъ для начатыхъ имъ переговоровъ, взято теперь обратно. Государственная власть формально признала, такимъ образомъ, что всякій публичный интересъ, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ, подлежитъ свободному публичному контролю, и что отъ дѣйствія этого общаго правила не изъяты личныя желанія и распоряженія монарха. Отсюда видно также, какъ на практикѣ безсильны и беспочвенны въ Германіи принципы стараго режима, недавно еще выраженные въ изреченіи, надѣлавшемъ столько шуму въ свое время: „suprema lex—regis voluntas“. Эти и подобныя изреченія остаются на дѣлѣ лишь невинными пожеланіями, (иногда или менѣе фантастическими и нисколько не вліяющими на действительный ходъ германской политической жизни. Общество всегда увѣрено, что никакія нежелательныя мѣры не могутъ совершаться безъ предварительнаго публичнаго обсужденія и одобренія, и что льстивые совѣтники короны, которыхъ найдется много въ каж-

дой странѣ, обречены на полное безсиліе, каковы бы ни были симпатіи и стремленія высшихъ придворныхъ сферъ. Съ этой точки зрѣнія, нѣмецкій народъ долженъ чувствовать себя вполне обезпеченнымъ отъ неожиданныхъ перемѣнъ и скачковъ во внутренней политикѣ, отъ тѣхъ обратныхъ реакціонныхъ шаговъ, которыми подвергались бы сомнѣнію достигнутые уже національные успѣхи въ области политической свободы и культуры. При всей своей склонности къ романтическимъ иллюзіямъ, и самъ Вильгельмъ II остается на дѣлѣ строго конституціоннымъ государемъ, и никакой другой роли онъ играть не можетъ, при нынѣшнемъ культурномъ и общественномъ развитіи Германіи.

Нѣкоторый антагонизмъ между личнымъ настроеніемъ Вильгельма II и господствующими понятіями и чувствами нѣмецкаго народа проявляется еще, правда, въ мелочахъ; но этотъ антагонизмъ совпадаетъ большею частью съ старинною противоположностью высшаго военнаго класса и мирной буржуазіи,—противоположностью, которая особенно ярко характеризуется коренными разногласіями при оцѣнкѣ неоднократныхъ случаевъ стрѣльбы караульныхъ солдатъ въ безоружныхъ людей на улицахъ Берлина. Въ силу старыхъ военныхъ инструкцій, караульные солдаты могутъ употреблять въ дѣло огнестрѣльное оружіе противъ лицъ, мѣшающихъ имъ исполнять свои обязанности, и въ послѣднее время подобныя законныя убійства случались довольно часто, вызывая каждый разъ понятное волненіе и раздраженіе среди мирныхъ жителей столицы. При всегласшемъ оживленномъ движеніи на улицахъ Берлина, такая стрѣльба, хотя и вызванная вполне законными причинами, напр. нападеніемъ какого-нибудь пьянаго человѣка на караульный постъ, можетъ привести къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ; выстрѣлы нерѣдко попадаютъ въ людей совершенно постороннихъ и ни въ чемъ повинныхъ. Недавно одинъ караульный солдатъ, по имени Люкъ, застрѣлилъ пристававшего къ нему пьянаго работника и въ то же время тяжело ранилъ другого рабочаго, случайно проходившаго по улицѣ. Газеты подняли вопросъ о настоятельной необходимости измѣненія инструкцій, дѣлающихъ возможными столь прискорбныя происшествія; а военное начальство, не только ближайшее, но и высшее, отнеслось къ Люку какъ къ герою, осыпало его похвалами и наградами. Люкъ произведенъ былъ за свой подвигъ въ ефрейторъ самимъ императоромъ, въ тотъ именно день, когда въ палатѣ депутатовъ происходили пренія по запросу Рихтера. Сдѣлавъ смотроу, въ которомъ числится Люкъ, Вильгельмъ II вызвалъ „герца изъ рядовъ его баталіона, обратился къ нему съ одобрительными рѣчьми и заявилъ о заслуженномъ имъ отличіи, послѣ чего крѣ-

пожалъ ему руку. По однимъ свѣденіямъ, императоръ сказалъ при этомъ слѣдующее: „Даю вамъ руку въ присутствіи цѣлаго полка за вѣрное исполненіе долга. Полкъ долженъ гордиться тѣмъ, что въ его рядахъ находятся столь храбрые солдаты. Пусть всѣ исполняютъ свои обязанности съ такою же рѣшимостью въ серьезныхъ случаяхъ“. По другимъ репортерскимъ отчетамъ, Вильгельмъ II выразился еще сильнѣе и рѣзче. Газеты сообщаютъ также, что двумя днями раньше императоръ вызвалъ Люка въ офицерское казино и вручилъ ему свой портретъ съ собственноручною надписью. Берлинская „National-Zeitung“, отличающаяся своею сдержанностью и умѣренностью, отказывается вѣрить этимъ сообщеніямъ. „Свѣденія объ отличіяхъ, оказанныхъ Люку,—говоритъ газета,—столь поразительны, что нужно еще подождать официальнаго ихъ подтвержденія. Люкъ поступилъ согласно существующимъ инструкціямъ, и нельзя упрекать его за это; но невозможно понять, какая особенная заслуга заключается въ стрѣльбѣ по убѣгающимъ нарушителямъ порядка. Имперскій сеймъ, безъ различія партій, призналъ такую стрѣльбу опасною для мирныхъ гражданъ, и всѣми сознается необходимость измѣненія инструкцій для избѣжанія подобныхъ происшествій въ будущемъ. Отличія, выпавшія на долю Люка, могли бы внушить войскамъ понятія и возрѣнія, которыя подвергали бы серьезнѣйшимъ испытаніямъ безопасность жителей на улицахъ нашихъ городовъ“. Непостижимый на первый взглядъ поступокъ Вильгельма II, имѣющій какъ бы характеръ прямого вызова общественному мнѣнію, объясняется отчасти указаннымъ выше совпаденіемъ этого факта съ серьезною принципиальною уступкою, сдѣланною по необходимости парламенту и печати по вопросу о закулисныхъ совѣтникахъ и дѣйствіяхъ императора. По этому предмету было высказано въ газетахъ не мало горькихъ истинъ; такъ, та же умѣренная и осторожная „National-Zeitung“ полагала, что „прочитанный въ палатѣ кабинетный приказъ имѣетъ нѣчто общее съ отказомъ отъ школьнаго законопроекта графа Зедлица: тутъ въ политической области, а тамъ относительно фантастическихъ проектовъ, въ пользу которыхъ хотѣли склонить монарха, недоставало своевременнаго пониманія дѣйствительности или своевременной рѣшимости прямо сказать правду въ глаза; но хорошо, что вернулись съ ложнаго пути, и еще лучше было бы вовсе не вступать на подобный путь“. Чтѣ удивительнаго въ томъ, что нервный и впечатлительный Вильгельмъ II пожелалъ выразить буржуазіи свое недовольство и раздраженіе въ области своихъ специальныхъ военныхъ функций, въ качествѣ верховнаго полководца имперіи, по поводу случайно подвернувшася дѣла Люка? Нѣмецкая печать, въ свою очередь, свободно высказываетъ свои сужденія и не стѣсняется ука-

зывать на неумѣстность и вредъ манифестацій, направленныхъ противъ безопасности мирнаго городского населенія,—хотя эти манифестаціи исходятъ отъ самого Вильгельма II. Сатирическіе листки, какъ напр. „Кладдерадачъ“, могутъ безнаказанно осмѣивать официальное прославленіе „храбраго ефрейтора“ и изображать роль военныхъ начальствъ въ соответственныхъ карриатурахъ. Въ концѣ концовъ общественное мнѣніе возьметъ свое и добьется официального отказа отъ устарѣлыхъ военныхъ порядковъ, неудобство которыхъ очевидно для каждаго,—подобно тому, какъ правительству пришлось отказаться отъ школьнаго проекта графа Зедлица и отъ придворныхъ полномочій и плановъ Кунце. Общественное мнѣніе и парламентъ имѣютъ законную возможность достигнуть желаемаго результата, вопреки всѣмъ одностороннимъ притязаніямъ и протестамъ военного класса и его вождей; для этого достаточно формулировать надлежащія требованія въ имперскомъ сеймѣ, при обсужденіи военного бюджета. Разсмотрѣніе статей военного бюджета даетъ парламенту вполне дѣйствительное оружіе для того, чтобы побудить правительство отречься отъ военныхъ аномалій, несомвѣстимыхъ съ условіями мирнаго гражданского быта. То, что теперь публично восхваляется и награждается Вильгельмомъ II, можетъ быть официально отмѣнено въ ближайшую сессію имперскаго сейма, по желанію оппозиціи и солидарныхъ съ нею въ этомъ случаѣ парламентскихъ группъ. Тогда нынѣшнее чествованіе караульныхъ героев останется лишь напрасною и безплодною манифестаціею, способною только ускорить окончательный успѣхъ движенія въ пользу необходимой реформы. Временная отместка противникамъ за неудачу придворныхъ проектовъ не представляетъ сама по себѣ серьезнаго общественнаго интереса, такъ какъ затронутые вопросы рѣшаются окончательно совсѣмъ другими факторами и элементами нѣмецкаго общества.

При такихъ условіяхъ нѣмецкій народъ не можетъ имѣть поводовъ къ недовольству своимъ внутреннимъ политическимъ положеніемъ; и въ крупномъ, и въ мелкомъ онъ болѣе или менѣе прочно держитъ свою судьбу въ своихъ же рукахъ и вовсе не служитъ пассивнымъ объектомъ случайныхъ настроеній правителей. Романтическія фантазіи въ родѣ тѣхъ, которымъ отдавался Людвигъ II баварскій, не имѣютъ почвы въ Германіи и не могли бы идти далѣе отвлеченныхъ плановъ, застольныхъ рѣчей и тостовъ; всякая попытка осуществленія встрѣтила бы своевременный энергическій отпоръ и оканчилась бы неминуемымъ формальнымъ отступленіемъ. Если нѣмецкое общество сознательно подчинилось авторитету Бисмарка и Мольтке во имя національной идеи, то оно не можетъ питать тѣ же чувства и обязанности относительно генерала Каприви, фонъ-Веттихера

Кальтенборна фонъ-Штахау; оно чувствуетъ теперь себя свободнѣе и независимѣе, чѣмъ прежде, и находитъ гораздо больше матеріала для критики. Нѣмецкая публика недовольна тѣмъ, что во главѣ правительства стоятъ трудолюбивые и добросовѣстные дѣятели, вмѣсто гениальныхъ и исключительныхъ личностей, способныхъ вести за собою Европу и давать ей тонъ и направленіе. Нѣмецкая печать недовольна отсутствіемъ широкихъ и оригинальныхъ взглядовъ въ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ министровъ; она недовольна также неясностью, безцвѣтностью и непостоянствомъ внѣшней политики, частыми колебаніями, противорѣчіями и ошибками въ дѣлахъ внутреннихъ, нервною подвижностью и переменчивостью въ настроеніяхъ и рѣчахъ самого Вильгельма II. Но эти недостатки политической системы, какъ мы видѣли, скользятъ лишь по поверхности политической жизни и нисколько не отражаются на дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ въ Германіи. Истинные реальные интересы народа могутъ только выиграть отъ того, что министры и дипломаты Берлина стали меньше думать объ Европѣ, а больше о потребностяхъ и нуждахъ самой Германіи; государственные люди занялись скромными и прозаическими задачами, въ родѣ улучшенія условій народнаго труда, преобразованія и усовершенствованія податной системы, упроченія государственныхъ финансовъ, и нѣмецкая оппозиція, конечно, не имѣетъ основанія жаловаться на такой характеръ правительственной дѣятельности. Нѣмецкіе патріоты слишкомъ избалованы долговременными блестящими успѣхами и первенствующею общеевропейскою ролью князя Бисмарка; другія страны были бы, вѣроятно, вполне довольны и такими министрами, какъ Микель, фонъ-Беттихеръ и графъ Эйленбургъ. Недовольство, коренящееся въ бессознательныхъ сопоставленіяхъ и сравненіяхъ, пройдетъ само собою съ теченіемъ времени, при обыкновенномъ мирномъ ходѣ вещей.

Политическая жизнь значительно оживилась въ Англіи въ послѣдніе мѣсяцы: приближается моментъ провѣрки и пересмотра всего того, что сдѣлано нынѣшнимъ парламентскимъ большинствомъ и министерствомъ лорда Солсбери. Въ обществѣ и печати чувствуется приближеніе парламентскихъ выборовъ; правительственные дѣятели, вожди политическихъ партій и группъ, ораторы министерства и оппозиціи чаще прежняго произносятъ публичные рѣчи, излагаютъ свои воззрѣнія и программы, ведутъ между собою горячую полемику и сами подвергаются постоянной критикѣ въ газетахъ и журналахъ. Какой окончательный выводъ сдѣлаютъ изъ всѣхъ этихъ обсужденій и рѣчей англійскіе избиратели? Останется ли власть по прежнему въ рукахъ

консервативно-унионистской партіи, или же перейдетъ къ либераламъ, во главѣ которыхъ стоитъ все тотъ же неутомимый ветеранъ парламентаризма, Гладстонъ? Эти вопросы все ближе и сильнѣе овладѣваютъ общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи. Публицисты обонхъ лагерей давно уже высчитываютъ шансы успѣха той или другой партіи; одни доказываютъ, что выборы доставятъ торжество либераламъ, а другіе съ такою же категоричностью утверждаютъ, что большинство окажется на сторонѣ консерваторовъ и унионистовъ.

Парламентъ еще продолжаетъ свои засѣданія, и срокъ распущенія палаты еще неизвѣстенъ; но избирательное движеніе фактически уже началось. Центръ тяжести политической жизни находится уже не въ палатѣ общинъ, а внѣ ея, въ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ парламентскихъ предводителей, въ народныхъ митингахъ и манифестаціяхъ. Главнымъ предметомъ споровъ остается ирландскій вопросъ, переходящій съ давнихъ временъ отъ одного министерства къ другому, въ видѣ какого-то несчастнаго и роковаго наслѣдства. Сравнительно съ этимъ центральнымъ, традиціоннымъ споромъ считаются еще пока второстепенными остальные, не менѣе важные вопросы, стоящіе на очереди и ожидающіе своего разрѣшенія въ недалекомъ будущемъ, — вопросы о рабочемъ классѣ, о реформѣ землевладѣнія, объ отнѣнѣ политическихъ привилегій лордовъ, о преобразованіи всего общественнаго строя въ болѣе демократическомъ духѣ. Руководители двухъ могущественныхъ и соперничающихъ партій, Гладстонъ и Солсбери, ведутъ между собою борьбу съ обычнымъ мастерствомъ, разоблачая слабыя стороны и ошибки противника и сохраняя возможную сдержанность въ указаніяхъ на свои собственные положительные планы и намѣренія. Въ этомъ отношеніи Гладстонъ дѣйствуетъ несравненно осторожнѣе и цѣлесообразнѣе премьера. Онъ болѣею частью ограничивается рѣзкою критикою политическихъ мѣръ и принциповъ нынѣшняго министерства, не вдаваясь въ разъясненіе своихъ личныхъ взглядовъ и проектовъ по текущимъ вопросамъ. Обществу предоставляется широкое поле догадокъ, и каждый можетъ связывать съ побѣдою Гладстона свои особые ожиданія и надежды. Всѣмъ извѣстно, что онъ стремится побончить съ вѣковымъ ирландскимъ кризисомъ посредствомъ дарованія ирландцамъ парламентскаго самоуправленія; но онъ не говоритъ о томъ, въ какой формѣ будетъ исполнена эта задача и чѣмъ будетъ отличаться новый проектъ отъ стараго, отвергнутаго общественнымъ мнѣніемъ. Противникамъ приходится поэтому опровергать планы, сущность въ которыхъ не установлена еще публично самимъ Гладстономъ, а такъ какъ враждебная оцѣнка чего-то неизвѣстнаго — дѣло неблагодарное и бесплодное, то консерваторы умышленно нападаютъ на либера-

наго вождя за его преднамѣренную скрытность и съ тщетною настойчивостью требуютъ отъ него какихъ-либо опредѣленныхъ сообщений. Гладстонъ подробно объясняетъ въ своихъ рѣчахъ, что ирландская политика торійскаго кабинета не привела ни къ чему, что она только запутала и затемнила вопросъ и что безусловно необходимо наконецъ умиротворить Ирландію, для избавленія Англіи отъ хроническаго ирландскаго недуга. Эта необходимость радикальнаго выхода изъ затрудненій, создаваемыхъ Ирландією, признается всѣми здравомыслящими англичанами, а между тѣмъ министры и ихъ приверженцы вынуждены заявить одно изъ двухъ,—или что ирландскаго кризиса вовсе не существуетъ, или что покончить съ нимъ совершенно не нужно или невозможно. Министръ по дѣламъ Ирландіи, Бальфуръ, стоитъ на первой точкѣ зрѣнія; онъ упорно надѣется убѣдить публику, что въ Ирландіи господствуетъ миръ и спокойствіе, и что ни въ какихъ смѣлыхъ реформахъ она не нуждается. Лордъ Солсбери держится другой системы; онъ находитъ, что нельзя допустить устройства особаго парламента для Ирландіи, въ виду энергическаго противодѣйствія протестантскаго населенія одной изъ ея провинцій, Ольстера. Очевидно, простое отрицаніе, какъ бы хорошо оно ни было мотивировано, не подвигаетъ дѣла ни на шагъ и не можетъ привлечь къ себѣ умы, вслѣдствіе своей явной бесплодности. Въ этомъ заключается слабость министерской программы и важнѣйшей источникъ силы ея противниковъ.

Мысль о неразрѣшимости ирландскаго вопроса была весьма оригинально и неосторожно развита премьеромъ, 6-го мая, въ торжественномъ собраніи лиги, учрежденной въ память Биконсфильда (Primrose league). По словамъ лорда Солсбери, ольстерскіе протестанты не могутъ и не будутъ подчиняться ирландскому парламенту, въ которомъ преобладаніе будетъ неизбѣжно принадлежать католикамъ. „Меня очень забавляли—говорить министръ—разсужденія о пассивномъ подчиненіи, звучавшія столь либерально въ правобѣрныхъ либеральныхъ устахъ. Я—торій; но я не могу вполне принять эту доктрину пассивнаго подчиненія. Я думаю, что право королей и парламентовъ на подчиненность подданныхъ обусловливается соблюденіемъ королями и парламентами основныхъ законовъ и коренныхъ предположеній того молчаливаго договора, въ силу котораго они управляютъ. Парламентъ имѣетъ права управлять населеніемъ Ольстера; но онъ не имѣетъ права продавать это населеніе въ рабство. Не вѣрю въ неограниченную власть парламентовъ, какъ и въ неограниченную власть королей. Парламенты, подобно королямъ, могутъ ринуться на управленіе, хотя и не выходящее формально изъ преѣловъ ихъ законныхъ полномочій, но совершенно несогласное съ

смысломъ тѣхъ учреждений, въ силу которыхъ они правятъ. Яковъ II забылъ это правило и уклонился отъ духа конституціи, и мы знаемъ, какъ отнесся къ этому народъ въ Ольстерѣ. Еслибы подобное же злоупотребленіе власти произошло въ будущемъ со стороны парламента или короля, то я думаю, что народъ въ Ольстерѣ не утратилъ своей упорной любви къ свободѣ и своей ненависти къ произволу". Лордъ Солсбери представляетъ затѣмъ, что случилось бы при введеніи особаго ирландскаго парламента: народъ въ Ольстерѣ окажетъ вооруженное сопротивленіе, и британскимъ войскамъ придется насильственно подчинить туземныхъ протестантовъ господству католическихъ священниковъ и ихъ союзниковъ, такъ что либеральная реформа принесетъ Ирландіи не миръ, а страшную международную войну. Роли тутъ очевидно переиначились: глава правительства грозить оппозиціи народнымъ возстаніемъ по поводу будущихъ государственныхъ мѣръ, и оппозиціонные дѣятели имѣли основаніе обвинить перваго министра въ подстрекательствѣ ольстерскихъ жителей къ бунту противъ законныхъ властей,—обвиненіе, довольно рѣдко выпадающее на долю правительственныхъ лицъ и обыкновенно пускаемое въ ходъ противъ либеральной оппозиціи. Лордъ Солсбери въ этомъ случаѣ увлекся и сдѣлалъ промахъ, которымъ не замедлили воспользоваться противники. Говорить заранѣе о неизбѣжномъ будто бы возстаніи Ольстера противъ предполагаемой ирландской автономіи было вдвойнѣ ошибочно: во-первыхъ, не было вообще повода приписывать жителямъ дѣлой провинціи какіе-то воинственные и противозаконные замыслы, и тѣмъ болѣе—одобрять и оправдывать ихъ, а во-вторыхъ, преждевременно судить о послѣдствіяхъ такихъ преобразованій, которыя еще не выработаны даже въ существенныхъ чертахъ. Проекты Гладстона должны будутъ пройти еще долгій и трудный путь, прежде чѣмъ обратиться въ законъ; они должны выдержать тяжелый искусъ подробнѣйшаго парламентскаго обсужденія, при энергическомъ и настойчивомъ враждебномъ участіи соединенныхъ консерваторовъ и уніонистовъ. Возможно ли допустить, что при такомъ способѣ законодательной работы останутся безъ надежащей охраны законныя права и интересы протестантской части населенія Ирландіи? Каковы бы ни были намѣренія самого Гладстона и его партіи, но подобнаго важнаго пробѣла не можетъ озаботиться въ будущемъ ирландскомъ биллѣ. Отвергать необходимую реформу, въ виду ея частныхъ неудобствъ, устранимыхъ на практикѣ—это приѣмъ мало убѣдительный и безнадежный, могущій произвести впечатлѣніе только на людей, заранѣе расположенныхъ къ отрицательному отвѣту на обсуждаемые практическіе вопросы. На эт

шаткой и ничего не обѣщающей почвѣ министерская партія едва-ли найдетъ серьезные элементы успѣха на выборахъ.

Слабость положительной части консервативно-уніонистской программы побуждаетъ министерскую партію искать точку опоры въ промышленномъ классѣ, которому будто бы угрожаютъ реформаторскіе планы прогрессистовъ; особенно интересна въ этомъ отношеніи попытка лорда Солсбери затронуть протекціонистскія тенденціи, довольно распространенныя въ значительной и вліятельной части англійскаго общества. Премьеръ имѣлъ случай коснуться экономическихъ вопросовъ въ официальной бесѣдѣ съ депутаціею лондонскаго совѣта рабочихъ союзовъ, представлявшеюся ему для ходатайства о легальномъ установленіи восьмичасоваго рабочаго дня. Лордъ Солсбери, выразивъ сочувствіе рабочему классу, заявилъ между прочимъ, что опасно подвергать хозяевъ промышленныхъ предпріятій дальнѣйшимъ законодательнымъ стѣсненіямъ, что англійскіе капиталисты и безъ того терпятъ разныя ограниченія и могутъ даже, пожалуй, совсѣмъ удалиться изъ страны и перенести свои дѣла въ другія государства, напр. въ Америку, какъ это сдѣлано уже нѣкоторыми предпринимателями подъ вліяніемъ билля Макъ-Кинлея. Явно протекціонистскій характеръ имѣла уже рѣчь маркиза Солсбери въ Гастингсѣ, 18-го мая, гдѣ онъ прямо высказался противъ принциповъ свободы торговли, хотя и съ оговоркою объ отсутствіи у него намѣренія дѣйствительно измѣнить традиціонную экономическую политику Великобританіи. Впрочемъ, онъ долженъ былъ признать, что таможенные пошлины не имѣли бы разумаго смысла, еслибы направлены были противъ главнѣйшихъ торговыхъ противниковъ Англии—американцевъ, такъ какъ англичане нуждаются въ сырыхъ продуктахъ, привозимыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, и обложеніе этихъ продуктовъ пошлинами было бы ударомъ, нанесеннымъ англійской же промышленности. Но относительно предметовъ роскоши и потребления зажиточныхъ классовъ премьеръ считалъ бы вполне справедливымъ держаться охранительныхъ таможенныхъ мѣръ, чтобы „защищать промышленныя права англичанъ въ международной торговой борьбѣ и отстаивать право доступа на рынки сосѣднихъ странъ“. Готовность лорда Солсбери примкнуть къ лагерю протекціонистовъ была встрѣчена весьма недружелюбно даже консервативною печатью; серьезный „Times“, стоящій горой за министерство, холодно и какъ-то мимоходомъ высказалъ сожалѣніе о высказанномъ „мечтательномъ“ взглядѣ, ричемъ намекнулъ на некомпетентность министра въ экономическихъ вопросахъ. Замѣчанія премьера задѣли слишкомъ сильныя интересы рѣшительно оттолкнули отъ него англійское либеральное общество, ривыкшее видѣть въ принципѣ свободной торговли непривкосновен-

ный догматъ здоровой экономической политики. Явныхъ протекціонистовъ еще мало въ Англіи, и заявленіе лорда Солсбери могло только повредить его партіи, въ глазахъ громаднаго большинства избирателей. Многія англійскія газеты, въ томъ числѣ и консервативныя, начинаютъ все чаще проявлять увѣренность, что почва уходитъ изъ подъ ногъ консерваторовъ, и что власть перейдетъ въ руки Гладстона.

Въ Италіи не закончился еще періодъ министерскихъ кризисовъ: преобразованный кабинетъ маркиза ди-Рудини былъ низвергнутъ въ засѣданіи палаты депутатовъ, 5-го мая, и новое министерство Джюлитти, состоящее отчасти изъ прежнихъ друзей и союзниковъ Криспи, едва избѣгло формальнаго крушенія нѣсколько дней спустя, 14-го мая. Общественное мнѣніе все настоятельнѣе требуетъ перемѣны всей политической системы, основанной на погонѣ за вѣдшимъ военнымъ могуществомъ и величіемъ, а смѣняющіеся кабинеты не рѣшаются отречься отъ союзовъ, заставляющихъ усиливать вооруженія. Такого рода кризисъ не устраняется и не смягчается простою перемѣною лицъ въ составѣ министерствъ; частныя уступки и обѣщанія, какъ мы упоминали уже въ прошломъ обзорѣ, не способны удовлетворить итальянскую націю, выразителемъ которой является итальянскій парламентъ.

Министерскій и правительственный кризисъ происходилъ и въ Греціи, тянулся довольно продолжительно и принималъ уже отчасти острый характеръ, но разрѣшился вполне благополучно парламентскими выборами 15-го мая, давшими большинство болѣе разумной и популярной партіи Трикуписа. Такъ какъ бывший министр-президентъ Дельянисъ былъ удаленъ по личному почину короля и временно „дѣловое“ министерство Константопуло считалось какъ бы незаконнымъ, то побѣда противниковъ Дельяниса была въ то же время побѣдою и для короля. Такимъ образомъ натянутое и щекотливое положеніе получило мирный и законный исходъ, безъ ущерба для интересовъ династіи и съ несомнѣнною пользою для страны: финансовыя и политическія увлеченія Дельяниса привели къ результатамъ крайне нежелательнымъ, и Трикупису, какъ дѣятелю болѣе осторожному и аккуратному, придется привести въ порядокъ запутанное государственное хозяйство маленькой Греціи. Впрочемъ, еще будемъ имѣть случай говорить болѣе подробно о гречески дѣлахъ въ одномъ изъ ближайшихъ обзорѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1892.

— *Книга о книгахъ.* Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній. Составленъ многими специалистами, подъ редакціей *И. П. Якула*, при ближайшемъ участіи *П. Н. Милокова*, *П. В. Преображенскаго* и *Л. З. Мороховца*. Изданіе на средства *Д. И. Тихомирова*. (Въ пользу голодающихъ). Двѣ части. М. 1892.

Это — новое, и опять весьма любопытное предпріятіе московскаго (почти исключительно) учено-литературнаго круга въ пользу голодающихъ. Въ предисловіи редакціи рассказывается, что мысль объ этомъ изданіи возникла не далѣе какъ въ январѣ настоящаго года: кружокъ московскихъ ученыхъ, преимущественно профессоровъ университета, не ограничиваясь обычными пожертвованіями, хотѣлъ сдѣлать свой общій вкладъ на пользу голодающихъ. „Предстояла трудная задача троякаго рода: съ одной стороны—доставить доступъ къ участію въ добромъ дѣлѣ возможно большому количеству лицъ; во-вторыхъ—найти для достиженія этой цѣли способъ наиболѣе удобный для участниковъ; и въ-третьихъ—чтобы самая форма благотворительнаго предпріятія лучше всего соотвѣтствовала достоинству представителей науки и могла оказаться наиболѣе плодотворной для общихъ интересовъ народнаго образованія“. Для достиженія этихъ трехъ цѣлей принята была мысль объ изданіи библиографическаго указателя для выбора книгъ по возможности по всѣмъ главнымъ отраслямъ знанія. Что потребность въ такомъ изданіи существуетъ, это не подлежитъ сомнѣнію: появляются „систематическіе каталоги“ по разнымъ спеціальностямъ; съ другой стороны, по уставу 1884 года, для преподавателей университетовъ сдѣлано обязательнымъ указаніе главнѣйшихъ сочиненій по каждой спеціальности въ такъ-называемыхъ „Обозрѣніяхъ преподаванія наукъ“, издаваемыхъ ежегодно при университетахъ. Какъ первыя, такъ и вторыя изданія имѣютъ свои недостатки или по краткости, или по односторонней спеціальности доставляе-

ныхъ указаній, и во всякомъ случаѣ желательно было нѣчто цѣльное, что могло бы служить съ одной стороны вообще для людей образованныхъ (не ниже лицъ, получившихъ среднее образование), а съ другой для университетской молодежи, желающей имѣть списокъ учебниковъ и важнѣйшихъ монографій для занятія наукой уже академическаго характера. Такое цѣльное изданіе и предприняли московскіе ученые въ настоящей книгѣ.

На призывъ къ участию въ этомъ дѣлѣ отозвалось немедленно 130 специалистовъ, которые доставили указанія по 112 отдѣльнымъ отраслямъ науки. Наиболѣе подробныя указанія даны были, какъ и естественно, по предметамъ общеобразовательнымъ, съ краткими отзывами объ особенностяхъ и достоинствахъ тѣхъ или другихъ сочиненій; болѣе краткія—по специальнымъ отдѣламъ науки, гдѣ основа свѣденій предполагается въ университетскомъ преподаваніи. Трудъ составленія указателей по предметамъ общеобразовательнымъ, сообразно съ важностью этихъ предметовъ, былъ обыкновенно раздѣленъ между нѣсколькими лицами. „Этимъ объясняется та черта, которая бросается въ глаза въ настоящемъ указателѣ — неравномѣрность въ количествѣ приводимыхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія, хотя, разумѣется, при множествѣ и разнообразіи сотрудниковъ, каждый перечень книгъ для отдѣльной специальности *долженъ* былъ также соотвѣтствовать индивидуальности составителя и его личнымъ, на данный предметъ, взглядамъ и желаніямъ“. Собственно говоря, вовсе не былъ „долженъ“: если при самомъ приступѣ къ дѣлу не могли не сказаться эти личные взгляды и желанія, то именно совмѣстное участіе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ отдѣлѣ и забота редакціи могли устранить или умѣрить эту неравномѣрность личнаго вкуса сотрудниковъ.

„Отъ начала дѣятельности по изданію настоящаго указателя, — читаемъ дальше въ предисловіи (первыя приглашенія сотрудникамъ были разосланы 30-го января), — и до выхода книги въ свѣтъ прошло (если вычесть святую недѣлю) не болѣе трехъ мѣсяцевъ; за это короткое время слѣдовало оформить изданіе, т. е. выработать программу, напечатать ее, пригласить сотрудниковъ и затѣмъ собрать обѣщанные списки, проредактировать ихъ и наконецъ напечатать все полученное до конца сезона и, *будемъ надѣяться, до конца (?)* того народнаго бѣдствія неурожая, которымъ и вызвано въ свѣтъ осуществленіе настоящаго предпріятія. Весьма понятно, что при этой снѣ пости, зависящей не отъ нашей воли, должны происходить мно наличные промахи и недостатки изданія, въ которыхъ редакція охот просить извиненія у читателей; многіе весьма почтенные трудъ особенно въ такихъ специальныхъ наукахъ, какъ филологія, мате

тика и медицина, навѣрное были въ этой книгѣ опущены уже по недостатку мѣста и времени, и остается лишь утѣшаться мыслью, что подобные пропуски могутъ быть исправлены во 2-мъ изданіи „Книги о книгахъ“, если ей только суждено до него дожить“.

Думаемъ, что не было бы вовсе надобности въ этой спѣшкѣ. Или слѣдовало приняться за дѣло раньше, или не гнаться за „сезономъ“: что касается народнаго бѣдствія,—конецъ его, къ сожалѣнію, вовсе не предвидится скоро, а самое предпріятіе такъ серьезно, что ради его важности не слѣдовало съ нимъ торопиться, рискуя впередъ недостатками. Польза книги не будетъ зависѣть именно отъ вызвавшего ее внѣшняго повода.

Эта польза не подлежитъ сомнѣнію. Намъ не однажды случалось говорить о странномъ, ненормальномъ состояніи нашей научной литературы, а слѣдовательно и нашей образованности. Вѣроятно, во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ знанія (по тѣмъ, какія намъ знакомы, заключаемъ и о другихъ), эта литература отличается крайней отрывочностью и неравномѣрностью, которыя объясняются самымъ происхожденіемъ нашей науки. Она была позднимъ и до извѣстной степени случайнымъ прививкомъ: ея корни лежатъ въ литературахъ европейскихъ—тамъ совершены были великіе подвиги научной мысли, собраны богатые матеріалы; изъ нихъ съ прошлаго вѣка доходили къ намъ лишь немногія крохи, а затѣмъ, когда съ развитіемъ университетовъ (и притомъ собственно только со второй или третьей четверти нынѣшняго столѣтія) начинаются и у насъ довольно многочисленныя и до извѣстной степени самостоятельныя научныя работы (нѣмецкихъ академическихъ работъ здѣсь считать нельзя), наши спеціалисты работали по иностранному матеріалу и, если желали „внести въ науку“ что-либо самостоятельное, брали для изслѣдованія тѣ частныя вопросы, которые стояли на очереди въ западной наукѣ и для которыхъ въ русской не было часто никакой основы. Отсюда выходило то странное, много разъ повторявшееся явленіе, что въ нашей литературѣ, особливо въ университетскихъ диссертаціяхъ, получаютъ изслѣдованія по частнымъ вопросамъ извѣстной научной области, по которой не существуетъ, однако, никакого цѣльнаго обзора или руководства, къ которымъ эти частности могли бы примыкать: сплошь и рядомъ, напр. по всеобщей исторіи, филологіи, общественнымъ наукамъ, археологіи, искусству, исторіи европейскихъ или восточныхъ литературъ и т. д., наши ученые диссертаціи являются настоящими зисами въ пустынѣ, причемъ творцамъ этихъ оазисовъ не приходитъ даже въ голову мысль о томъ, какое положеніе займутъ ихъ оуды въ отечественной литературѣ. Еслибы подобная мысль осѣнила ихъ, они прежде всего не писали бы такихъ диссертацій, или, по

крайней мѣрѣ, поставили бы себѣ задачу работать вмѣстѣ и для болѣе нормальнаго установленія своей спеціальности въ русской литературѣ, чтобы она не была только дѣломъ геллертерства для нѣсколькихъ десятковъ (иногда даже — единицъ!) ученаго люда, а по возможности достояніемъ болѣе широкаго круга образованныхъ людей.

Въ большихъ европейскихъ литературахъ, особливо въ нѣмецкой, любознательный человекъ имѣетъ въ распоряженіи цѣлую массу общихъ руководящихъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія и съ различною степенью научной спеціальности или общедоступности. У насъ только въ послѣднее время появляются, въ переводахъ, книги подобнаго рода; но, между прочимъ, и по малому распространенію нашей литературы вообще, нашъ любознательный читатель нерѣдко бываетъ въ затрудненіи, гдѣ ему искать тѣхъ научныхъ свѣденій, которыя могутъ его интересовать, какого характера и достоинства книга, заглавіе которой онъ встрѣтитъ въ книгопродавческихъ каталогахъ, какой вообще запасъ сочиненій по данному предмету имѣется въ нашей литературѣ; въ такомъ положеніи оказывается также и учащееся юношество. По этимъ основаніямъ наши читатели давно нуждались бы въ библиографическомъ руководствѣ, и настоящая книга московскихъ ученыхъ является очень кстати. При тѣхъ оговоркахъ, какія сдѣланы редакціей, а именно при необычайной краткости срока, въ теченіе котораго книга была составлена и напечатана, ея недочеты весьма естественны. Они и дѣйствительно есть, и между прочимъ въ такихъ отдѣлахъ, гдѣ ихъ можно было бы избѣгнуть безъ особеннаго труда. Мы не станемъ перечислять ошибокъ и пробѣловъ и укажемъ, напимѣръ, только на отдѣлъ исторіи русской литературы. Здѣсь относительно XIX-го вѣка идутъ сначала изслѣдованія объ отдѣльныхъ писателяхъ или эпохахъ, а затѣмъ совсѣмъ не къ мѣсту перечисляются изданія сочиненій новѣйшихъ авторовъ: эти послѣднія могутъ, пожалуй, найти мѣсто въ отдѣлѣ исторіи литературы въ томъ случаѣ, когда представляютъ матеріалъ историческій въ видѣ біографій, историко-литературныхъ примѣчаній и т. п., какъ напр. при изданіяхъ Некрасова, Салтыкова, но какимъ образомъ попали въ отдѣлъ исторіи литературы сочиненія Григоровича, Короленка, Гаршина, Златовратскаго, Чехова, Потапенка и т. д.? Къ исторіи литературы они никакого отношенія не имѣютъ. Далѣе можно было бы желать болѣе обстоятельныхъ указаній по русско-и исторіи, и старой и новѣйшей, и по другимъ отраслямъ наукъ общеобразовательныхъ. Недостатки изданія прежде всего объясняются, конечно, его (излишней) спѣшностью; но и при этихъ недосмотрахъ „Книга о книгахъ“ будетъ весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы: масса читателей найдетъ здѣсь множество поле

ныхъ указаній, которыя во многихъ отдѣлахъ сдѣланы въ первый разъ для читателей не-спеціалистовъ. Укажемъ, напр., любопытный отдѣлъ о наукахъ богословскихъ, о политической экономіи, указанія медицинской литературы, естествознанія. Надо надѣяться, что книжка будетъ полезна для голодающихъ въ обоихъ видахъ—и матеріально, и умственно.

— *И. М. Собѣстіанскій*. Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1892.

Книга г. Собѣстіанскаго, университетская диссертация, отличается своеобразной формой и манерой изложенія: по свойству темы, авторъ долженъ былъ пересмотрѣть довольно большой рядъ сочиненій, гдѣ излагались различныя теоріи о національныхъ особенностяхъ древняго славянства, и онъ дѣлаетъ это такъ, что, указавъ въ нѣсколькихъ словахъ положеніе и характеръ писателя (а иногда почти не дѣлая и этого), взгляды этого писателя онъ излагаетъ его собственными словами,—такъ что гораздо бѣльшая часть книги занята выписками, которыя перемежаются краткими объясненіями самого автора. Такъ какъ большинство этихъ цитатъ изъ прежняго времени достаточно забыты, то эта особаго рода хрестоматія не лишена интереса, хотя подъ конецъ становится утомительна: выписки могли бы быть короче. Есть и другой недостатокъ. Ограничиваясь только наиболѣе крупными фактами научной литературы и представляя мнѣнія писателя почти только голыми выписками, авторъ не далъ достаточно вниманія общественнымъ, историко-литературнымъ и личнымъ условіямъ, которыя дѣйствовали на складъ мнѣній писателей; сужденія остаются слишкомъ общими, немного огульными,—между тѣмъ болѣе детальная разработка этого ряда историческихъ системъ представила бы большой интересъ, между прочимъ рельефнѣе и точнѣе изобразила бы и самыя системы.

„Вопросъ о характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ бытѣ, нравахъ и обычаяхъ,—говоритъ авторъ,—принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ въ славянской научной литературѣ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что правильное выясненіе этого важнаго отдѣла славянскихъ древностей является главнымъ условіемъ успѣшной разработки не только исторіи первобытнаго славянскаго права, но и древне-славянской исторіи вообще. Господствующій нынѣ взглядъ на характеръ древнихъ славянъ можно назвать сентиментально-поэтическимъ. Послѣдователи его рисуютъ намъ нашихъ предковъ въ крайне идеализированномъ видѣ, имѣющемъ мало чтò общаго съ дѣйстви-

тельностью. Такой взглядъ выработался въ наукѣ подъ вліяніемъ причинъ главнымъ образомъ политическаго характера. Выяснить эти причины, показать, какъ подъ ихъ вліяніемъ сложилась господствующая въ наукѣ характеристика древняго славянства, насколько, далѣе, эта характеристика соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и почему высказываемые время отъ времени трезвые взгляды на этотъ предметъ не имѣли успѣха—вотъ задача настоящаго труда“.

Вспоминая первыхъ изслѣдователей славянской древности, начиная отъ Мавро Орбини (его книга 1601, русскій переводъ 1722) до конца XVIII-го вѣка, авторъ заключаетъ, что „славистамъ прошлаго вѣка (онъ называетъ Татищева, Ломоносова, д-ра Антона, Болтина) была чужда идея объ особенныхъ національныхъ чертахъ древнеславянскаго характера; представленная ими характеристика древняго славянства была результатомъ объективнаго изученія источниковъ; широкій взглядъ на первобытную славянскую исторію господствовалъ въ славянской наукѣ до конца прошлаго столѣтія; новая эпоха открылась съ появленіемъ въ свѣтъ ученія Гердера о національныхъ особенностяхъ отдѣльныхъ племенъ“. Разсказавъ затѣмъ о томъ, какъ сложились идеалистическія представленія Гердера, авторъ объясняетъ, что замѣчанія о славянскомъ племени, изложенныя въ знаменитыхъ „Идеяхъ къ философіи исторіи человѣчества“ Гердера, послужили тѣмъ источникомъ, изъ котораго потомъ долго почерпались славянскими учеными сентиментальныя изображенія славянской древности.

„Небольшое изслѣдованіе Гердера о славянахъ,—пишетъ авторъ,—положило начало новому направленію сентиментально-поэтическому, которое продолжаетъ господствовать и теперь въ славянской ученой литературѣ. Своей характеристикой древняго славянства, въ особенности же своими, можно сказать, пророческими предсказаніями, знаменитый нѣмецкій философъ-гуманистъ способствовалъ не мало дѣлу славянскаго возрожденія. Но въ то же время подъ вліяніемъ гердеровскаго ученія славянская историческая наука вступила на ложный путь, мѣшавшій и мѣшающій теперь правильной постановкѣ и рѣшенію многихъ вопросовъ славянскихъ древностей. Теорія Гердера, идущая въ разрѣзъ съ дошедшими до насъ свидѣтельствами о древнихъ славянахъ, а также съ универсальными историческими законами, весьма скоро получила право гражданства въ славянской ученой литературѣ“.

Теорія Гердера о мирномъ характерѣ древнихъ славянъ, преданныхъ только земледѣлію и музыкѣ, занимавшихъ только земли, которыя покидались другими народами, жившихъ въ патріархаль демократіи и т. д., эта теорія воспринята была прежде всего чешскими и польскими учеными, которые и обратили ее въ одно и

средствъ славянскаго возрожденія. Добровскій привелъ цѣликомъ разсужденіе Гердера въ одномъ изъ своихъ изданій, хотя оставилъ его безъ всякихъ комментаріевъ; потомъ повторилъ его Копитаръ. Наконецъ, въ полной мѣрѣ развилъ его и пустилъ въ ученое обращеніе польскій ученый Суровецкій, за которымъ послѣдовалъ въ особенности знаменитый Шафарикъ, а потомъ длинный рядъ писателей изъ всѣхъ славянскихъ земель. „Книга Шафарика („Славянскія древности“) сдѣлалась исходной точкой всѣхъ послѣдующихъ трудовъ по изученію древне-славянской исторіи; авторитетъ Шафарика былъ такъ великъ, что приведеніе цитатъ изъ его сочиненія равнялось ссылкѣ на историческіе памятники. Благодаря такому громадному авторитету Шафарика, идеи Гердера въ обработкѣ Суровецкаго (повторенныя Шафарикомъ) получили рѣшительный перевѣсъ во всѣхъ славянскихъ литературахъ, со включеніемъ русской. Славянскіе ученые теперь наперерывъ будутъ защищать національныя особенности древне-славянскаго характера, кротость славянъ, ихъ страстную привязанность къ земледѣлію и т. д., мало заботясь о томъ, насколько все это согласуется съ источниками“ (стр. 59).

Въ русской литературѣ теорія Гердера долго не прививалась. Карамзинъ, безъ сомнѣнія, зналъ этотъ взглядъ, но не повторилъ его и не впалъ въ полную идиллію въ изображеніи древнихъ славянъ; это стоило ему потомъ ожесточенныхъ нападеній Шафарика. „Мы,— писалъ Шафарикъ, — съ презрѣніемъ отвергаемъ тотъ легкомысленный и ложный способъ, которому до сихъ поръ слѣдовали писатели, особенно иностранные, разсуждая о нравахъ нашихъ предковъ. Слѣдуя этому господствующему образу мысленія, или лучше безобразію, которымъ особенно прославился Гебгарди, злобный врагъ славянъ и которымъ, словно моровой язвой, заразились даже такіе писатели, какъ Добровскій и Карамзинъ, славяне до самаго принятія христіанской вѣры и нѣмецкихъ нравовъ ни чѣмъ, кромѣ одного лишь языка, не отличались отъ американскихъ и африканскихъ дикарей, или, лучше, отъ бессмысленныхъ животных“ и т. д.

Дальше авторъ указываетъ повтореніе тѣхъ же теорій въ послѣдующей славянской литературѣ, даже до новѣйшихъ трудовъ польскихъ ученыхъ, какъ Шуйскій и Бобржинскій, и до писателей русскихъ, какъ напримѣръ не только Хомяковъ, К. Аксаковъ, но и Соловьевъ, Кавелинъ, Бестужевъ-Рюминъ и пр. Въ заключеніе этого гдѣла авторъ посвящаетъ особенную главу „свидѣтельствамъ источниковъ“, гдѣ собралъ изъ средневѣковыхъ писателей цѣлую коллекцію отзывовъ, рисующихъ ни мало не идиллическую картину древне-славянскихъ нравовъ, а напротивъ обычную картину первобытной убогости и свирѣпости.

Второй отдѣлъ книги посвященъ обзору національныхъ особенностей въ юридическомъ бытѣ древняго славянства. Для русскихъ читателей будутъ здѣсь особенно любопытны указанія на труды Лелевеля, который первый изъ славянскихъ ученыхъ остановился на подробномъ объясненіи національныхъ основъ древне-славянскаго права (въ примѣненіи къ польской исторіи) и первый выставилъ тѣ положенія объ общинной основѣ славянскаго быта, которыя впоследствии такъ ревностно были развиваемы у насъ славянофилами.

„Древне-славянскій юридическій бытъ,—говоритъ Лелевель,—представляетъ собой явленіе совершенно исключительное въ исторіи. Отличительною чертой его была общинность (gminowładność) въ противоположность индивидуализму запада. Это возвышенное начало выразилось въ цѣломъ рядѣ явленій государственной и общественной жизни древняго славянства. Мы можемъ наблюдать его, во-первыхъ, въ древне-славянскомъ народоправствѣ: у древнихъ славянъ вся власть сосредоточилась въ рукахъ всего народа, а не какого-нибудь отдѣльнаго лица, и была такимъ образомъ общею, общинною. Народъ проявлялъ свою власть въ формѣ вѣча. Въ вѣчевыхъ собраніяхъ участвуютъ всѣ граждане на одинаковыхъ основаніяхъ. Вообще древне-славянскому быту неизвѣстны какія бы то ни было различія, преимущества, и безусловное равенство, братство и свобода, эти три основныхъ демократическихъ принципа, составляютъ неотъемлемую принадлежность древне-славянской жизни“ и т. д. (стр. 107). „Ни одному ученію,—говоритъ дальше авторъ,—такъ не посчастливилось въ славянской историко-юридической литературѣ, какъ теоріи общиннаго быта, впервые формулированной Лелевелемъ. Между тѣмъ теорія эта далеко не основывалась на источникахъ, а была апіорною. Просматривая труды Лелевеля, мы видимъ, что авторъ мало заботится о томъ, чтобы обосновать свое ученіе на источникахъ; онъ говоритъ вездѣ объ общинномъ бытѣ, какъ о фактѣ безспорномъ, не допускающемъ никакихъ сомнѣній, и лишь иногда, мимоходомъ, дѣлаетъ ссылку на памятники“. Главнымъ образомъ это были два памятника: одна глава изъ средневѣкового писателя Прокопія и извѣстный „Судъ Любуши“—какъ теперь доказано, поддѣлка начала нынѣшняго столѣтія. По мнѣнію нашего автора, Лелевель на основаніи этихъ памятниковъ все-таки не могъ построить своей теоріи, потому что ни у византійскаго историка, ни въ фальсификатѣ Ганки не говорится ничего о томъ, что славяне не знали личной земельной собственности и т. п. „По нашему мнѣнію,—говоритъ авторъ,—теорія общиннаго быта сложилась въ умѣ Лелевеля главнымъ образомъ подъ вліяніе идей Ж.-Ж. Руссо. Вопросъ о вліяніи политической доктрины знаменитаго женеваго философа на славянскую историко-юридическую

литературу до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, мало обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей. Между тѣмъ выясненіе этого вопроса представляетъ большой интересъ, такъ какъ нѣкоторые изъ циркулирующихъ нынѣ взглядовъ на древне-славянскую юридическую жизнь сложились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идей Руссо (стр. 110). Авторъ напоминаетъ, что среди польскаго общества конца прошлаго вѣка образовался цѣлый кружокъ, представлявшій историческое прошлое Польши въ свѣтѣ идей „Общественнаго договора“ и видѣвшій спасеніе своего отечества въ возвращеніи его исконнаго государственнаго устройства, т.-е. мечтавшій осуществить на практикѣ политическую доктрину женеваго философа и желавшій подкрѣпить справедливость своихъ мнѣній авторитетомъ исторіи. По просьбѣ одного изъ польскихъ патриотовъ этого кружка, Руссо написалъ „Разсужденія о государственномъ устройствѣ Польши“, примѣненіе которыхъ на практикѣ должно было не только обезпечить политическую самостоятельность Польши, но и способствовать возрожденію польскаго народа. Авторъ приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ этого трактата, дѣйствительно весьма характерныхъ по сравненію съ позднѣйшими разсужденіями Лелевеля о славянской общинности и даже съ разсужденіями о томъ же предметѣ у нашихъ славянофиловъ. Это сочиненіе Руссо вмѣстѣ съ „Общественнымъ договоромъ“ и трактатомъ о „Началѣ неравенства между людьми“, по мнѣнію нашего автора, и были тѣми сочиненіями, которыя породили ученіе объ общинномъ бытѣ древнихъ славянъ. „Лелевель самъ указывалъ, что древне-польское государственное устройство, построенное на общинныхъ началахъ, представляетъ собою воплощеніе демократическихъ принциповъ „защитника польскаго народа“, „генія XVIII вѣка“, т.-е. Ж.-Ж. Руссо... Когда Лелевель утверждалъ, что у славянъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ народа, и была такимъ образомъ общею, общинною; что всѣ граждане пользовались совершенно одинаковыми правами; что дадѣе всѣ должности были выборныя,—передъ нимъ очевидно носился образъ „сувереннаго народа“ Руссо“. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ идей явились извѣстныя лекціи Мицкевича по исторіи славянскихъ литературъ, читанныя въ Collège de France въ началѣ 40-хъ годовъ. Эти лекціи, гдѣ Мицкевичъ популяризовалъ теорію Лелевеля, произвели въ свое время большое впечатлѣніе и, по мнѣнію автора, это движеніе не осталось безъ вліянія и на русскую литературу.

Указавъ далѣе примѣненіе той же точки зрѣнія къ исторіи славянскаго права у Мацѣевскаго, у чешскихъ ученыхъ, авторъ переходитъ къ русской литературѣ. Припоминая, какъ движеніе западно-славянскихъ литературъ отзывалось въ литературѣ русской, авторъ

находить и здѣсь отраженіе тѣхъ же идей о славянской старинѣ въ трудахъ Иванишева и, наконецъ, у московскихъ славянофиловъ. „Одновременно съ Иванишевымъ,—говоритъ авторъ,—выступили защитниками самобытности и оригинальности древне-славянскаго юридическаго быта московскіе ученые, извѣстные въ литературѣ подъ именемъ „славянофиловъ“. Формулированная этими учеными теорія общинно-вѣчевого быта имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ представленнымъ нами ученіемъ Лелевеля. Начало новому ученію въ русской наукѣ было положено въ 1839 году статьею Хомякова „О старомъ и новомъ“, между тѣмъ какъ въ западно-славянской литературѣ теорія общинно-вѣчевого быта высказана была еще въ концѣ 20-хъ годовъ. Спрашивается: можно ли установить какую-нибудь связь между этими двумя аналогичными ученіями? По нашему мнѣнію, это были два параллельныя теченія въ духѣ времени, причемъ западно-славянское ученіе, какъ сложившееся раньше, должно было оказать вліяніе на русское ученіе объ общинномъ бытѣ; съ другой стороны и труды русскихъ славянофиловъ не остались впоследствии безъ вліянія на западно-славянскую литературу“ (стр. 158—159).

Авторъ пересматриваетъ потомъ мнѣнія писателей, говорившихъ о древней русской общинности, начиная съ Гакстгаузена (у котораго видятъ прямое вліяніе Лелевеля и Мицкевича), потомъ у славянофиловъ и новѣйшихъ историковъ. Въ заключеніе слѣдуютъ опять „свидѣтельства источниковъ“, которыя опять не убѣждаютъ автора, что славяне владѣли этими исключительными особенностями юридическаго быта.

Въ своемъ „заключеніи“ авторъ, повторивъ свои выводы объ ошибочности теоріи, приписывавшей древнимъ славянамъ кроткій, идилическій характеръ, замѣчаетъ, что „труды славянскихъ ученыхъ, имѣвшіе главною задачею выдвинуть впередъ самобытную роль славянъ въ исторіи и очистить науку славянскихъ древностей отъ взглядовъ нѣмецкой школы, привели къ противоположнымъ результатамъ: къ отрицанію созидательной способности у славянскаго племени и къ упроченію въ наукѣ нѣмецкихъ теорій объ иноземномъ происхожденіи княжеской власти и государства у славянъ“.

Относительно древняго юридическаго быта, авторъ приходитъ къ подобному заключенію: употребляя терминъ „община“ и „общинность“ для обозначенія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ явленій. „славянскіе ученые внесли страшную путаницу понятій въ славянскую историческую науку“. Авторъ въ своемъ трудѣ имѣлъ цѣлы только содѣйствовать очищенію пути для будущихъ изслѣдователей славянской древности. „Стоитъ только имъ приступить къ изученію памятниковъ безъ предвзятой мысли о противоположности древняго

„славянизма“ „германизму“—и они убѣдятся, что „древняя исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія“ (слова Карамзина), и вернутся къ болѣе трезвымъ взглядамъ славяно-русской школы прошлаго столѣтія. Исторія не знаетъ того золотого вѣка, когда люди жили въ мирѣ и тишинѣ, не признавая никакой власти. Предположить, что жизнь древнихъ славянъ въ началѣ представляла изъ себя „соціальную идиллію“, которую принято называть „общиннымъ бытомъ“, а затѣмъ подверглась огрубѣнію и одичанію, это значило бы думать, что славяне, если такъ позволено будетъ намъ выразиться, начали свою исторію съ конца. Объективное изученіе памятниковъ, напротивъ, показываетъ, что древніе славяне были народъ воинственный, предприимчивый и жестокій, и весь ихъ бытъ долженъ носить отпечатокъ этихъ коренныхъ свойствъ ихъ характера. Смягченіе нравовъ въ славянскомъ мірѣ началось съ принятіемъ христіанства, этой великой культурной силы. Племена, долѣе другихъ упорствовавшія въ язычествѣ, долѣе и удержали свой первобытный бытъ. Этимъ обстоятельствомъ, а не сосѣдствомъ съ другими воинственными народами, мы объясняемъ существованіе въ довольно позднюю эпоху у балтійскихъ славянъ дикой воинственности, рабства, многоженства, умерщвленія дѣтей и стариковъ, а также человѣческихъ жертвоприношеній“.

Таково изслѣдованіе г. Собѣстіанскаго. Мы говорили о той формѣ, которая дѣлаетъ его слишкомъ общимъ и огульнымъ, объ излишествѣ выписокъ, которое съ болѣею пользою могло бы быть замѣнено болѣе детальной исторической разработкой излагаемыхъ научныхъ теорій. Напр., читатель, недостаточно опытный, можетъ подумать, изъ словъ автора, что Шафарикъ, имя котораго съ тридцатыхъ годовъ было такимъ великимъ авторитетомъ, былъ только недовѣрчивымъ компиляторомъ; или подумаетъ, что теоріи объ общинѣ, напр., у нашихъ славянофиловъ, были *только* повтореніемъ или развитіемъ идей Руссо и Лелевеля и т. д. Историческія явленія вообще чрезвычайно сложны; этою сложностью отличается и развитіе научныхъ теорій, въ созданіе которыхъ многообразно вмѣшивается и непосредственная дѣйствительность. Авторъ можетъ сказать, что не думалъ о полной исторіи ученій; но его изложеніе остается одностороннимъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читатель могъ видѣть, что тѣмъ не менѣе книга г. Собѣстіанскаго исполнена большого интереса по многимъ указаніямъ на исторію вопроса и живому изложенію; значеніе ердера для литературы славянскаго возрожденія, какъ и трактатъ Руссо о Польшѣ, были давно извѣстны, но никто до сихъ поръ не

раскрылъ ихъ съ такою полнотою: призывъ къ болѣе трезвому изученію славянской древности и исторіи можетъ быть очень пригоденъ.

— Профессоръ В. В. Докучаевъ. Наши степи прежде и теперь. Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. 1892.

„Наши степи“, т.-е. степи южной Россіи, давно стали предметомъ изученія для натуралистовъ, сельскихъ хозяевъ и историковъ. Послѣдніе заинтересованы были естественно-историческими свойствами степи, которая была ареной историческихъ событій и народныхъ массовыхъ движеній: здѣсь жили нѣкогда скиѣны, здѣсь было готское царство, проходили гунны, потомъ русскіе боролись съ кочевыми ордами, затѣмъ степь обезлюдѣла и стала путемъ для набѣговъ крымскихъ татаръ на Украину и на Москву, здѣсь совершались казацкія дѣянія и, наконецъ, она вошла въ цѣломъ составѣ вмѣстѣ съ Крымомъ въ русскую имперію, и утвердилась здѣсь новая Россія, „Новороссія“. Историки пытались рѣшить вопросъ на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, но послѣднихъ было недостаточно: вопросъ должна была рѣшить прежде всего геологія.

Книжка г. Докучаева, представляющая развитіе его публичной лекціи, читанной въ пользу голодающихъ въ январѣ нынѣшняго года, даетъ именно геологическую исторію южно-русскихъ степей, начиная съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, которыхъ достигаетъ геологическая хронологія, и до настоящаго времени, гдѣ результатомъ долгаго прошедшаго является данное состояніе почвы, орошенія, флоры и т. д. Для тѣхъ, кто знакомъ съ основами геологической науки, книжка г. Докучаева должна быть исполнена большого интереса, какъ выводъ изъ всѣхъ прежнихъ изысканій, дополняемый собственными наблюденіями автора. Она будетъ поучительна и для историковъ, указывая непреложныя данныя геологіи о свойствахъ тѣхъ или другихъ областей степи, напр., гдѣ могли быть предполагаемыя лѣсныя мѣстности или гдѣ ихъ никакъ не могло быть и т. д. Наконецъ, книжка поучительна и для экономистовъ, объясняя измѣненія въ характерѣ почвы, которыя были дѣломъ культуры и которыхъ неблагоприятный характеръ долженъ быть устраненъ раціональною постановкой этой культуры. Что степь мѣняетъ свой складъ, наполняясь населеніемъ, подвергаясь обработкѣ и т. д., это повѣстно; рядомъ съ этимъ мѣняютъ ее идущія рядомъ древнія и новыя естественно-историческія явленія, и изъ этихъ осложненныхъ условій могутъ, наконецъ, происходить „катастрофы“, въ родѣ послѣдняго неурожая,—катастрофы, которыя на первый взглядъ представляются

исключительно несчастной случайностью, а для людей науки составляют только *необходимый результат* данныхъ условий, завися отъ дѣятельности природы, но также и отъ дѣятельности человѣка.

Измѣненія, происшедшія съ теченіемъ вѣковъ въ характерѣ южно-русскихъ степей, громадны и таковы, что для обезпеченія сельскохозяйственной жизни страны необходимы уже теперь самыя настоятельныя заботы. Этому предмету посвящена послѣдняя глава книжки г. Докучаева („Способы упорядоченія воднаго хозяйства въ степяхъ Россіи“).

„Вѣковой опытъ мѣстныхъ жителей, — пишетъ авторъ, — и рядъ научныхъ изслѣдованій, произведенныхъ во многихъ областяхъ южной степной Россіи по различнымъ вопросамъ естествознанія, весьма близко стоящимъ къ гидрологіи края, къ сожалѣнію, вполне согласно свидѣлствуютъ, что наша черноземная полоса несомнѣнно подвергается, хотя и очень медленному, но упорно и неуклонно прогрессирующему *изсушенію*“. Въ этомъ убѣждаетъ рядъ фактовъ, хорошо знакомыхъ большинству жителей южныхъ степей. Во-первыхъ, благодаря непомѣрному, хотя и естественно происходившему расширенію и углубленію рѣчныхъ долинъ, развитію провальевъ и овраговъ, *поверхность* черноземной полосы увеличилась противъ прежняго самое меньшее на 25%, а мѣстами даже на 50%; ея когда-то безконечныя равнины превратились во многихъ мѣстахъ въ холмы, узкія плато и склоны, а площадь неудобныхъ земель, бугровъ, песковъ и т. п. возросла. Далѣе, разнаго рода давнія углубленія почвы, служившія нѣкогда резервуарами для снѣговыхъ и дождевыхъ водъ, теперь большей частью уничтожились, частью отъ умноженія овраговъ, частью отъ распашки. Далѣе, равныя водоупорныя горныя породы, прежде несомнѣнно покрывавшія степь, теперь смыты на громадныхъ площадяхъ, а на поверхность вышли верѣдко сыпучіе пески, рыхлые песчаники и т. п., которые уже не могутъ удерживать атмосферныхъ водъ. Лѣса, способствовавшіе сохраненію почвенной влаги, охранявшіе ключи, озера и рѣки отъ засоренія, мѣстами уменьшились въ 3—5 разъ и болѣе. Огромная часть степи лишилась своей первобытной растительности и дерна, задерживавшихъ массу снѣга и воды и прикрывавшихъ почву отъ морозовъ и вѣтра, а пашни, уничтоживъ зернистую структуру чернозема, сдѣлали его достояніемъ вѣтра и смывающей дѣятельности всевозможныхъ водъ. Послѣдствія были слѣдующія.

„Все это, — говоритъ г. Докучаевъ, — даже при сохраненіи прежняго количества падающихъ на землю атмосферныхъ осадковъ, неизбежно должно было повлечь, и дѣйствительно повлекло за собою слѣдующіе результаты: усиленное испареніе степныхъ водъ, а вѣроятно

и увеличеніе ночного охлажденія степи; уменьшеніе количества почвенной влаги и пониженіе уровня грунтовыхъ водъ; чрезвычайное усиленіе водополей (весеннихъ и дождевыхъ) въ открытой степи и рѣкахъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ ихъ продолжительности и уменьшеніемъ количества лѣтнаго запаса водъ, какъ въ рѣкахъ, такъ и на степныхъ водораздѣлахъ; изсякновение и уничтоженіе однихъ источниковъ и заплываніе другихъ; энергической, все болѣе и болѣе увеличивающійся смывъ плодородныхъ земель со степи и загроможденіе рѣчныхъ руслъ, озеръ и всякаго рода западинъ пескомъ и иными грубыми осадками; наконецъ, усиленіе вреднаго дѣйствія восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ, знойныхъ, иссушающихъ растительность и источники лѣтомъ, и холодныхъ, нерѣдко губящихъ плодовые деревья и посѣвы зимой и ранней весной. Общимъ и неизбежнымъ результатомъ всего этого явились болѣе суровыя зимы и знойныя сухія лѣта на югѣ Россіи“.

Къ этому прибавляется, наконецъ, мало изслѣдованное, но несомнѣнное истощеніе почвы земледѣліемъ; южно-русскій нѣкогда богатый черноземъ теперь, безъ правильнаго ухода, находится въ ненормальномъ состояніи и можетъ сильно пострадать отъ малѣйшей неблагоприятной случайности. „Именно какъ разъ въ такомъ надорванномъ, надломленномъ состояніи находится наше южное степное земледѣліе, уже и теперь, по общему признанію, являющееся биржевою игрою, азартность которой съ каждымъ годомъ должна, конечно, увеличиваться“.

Очевидно, что для устраненія такихъ бѣдственныхъ случайностей, каковая произошла въ настоящее время, нужны рѣшительныя мѣры,—и онѣ будутъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если будутъ направлены именно къ устраненію тѣхъ физическихъ причинъ, которыя подорвали наше земледѣліе,—авторъ оставляетъ въ сторонѣ причины экономическія и другія, которыя имѣютъ также свою долю вліянія въ постановкѣ нашего земледѣлія.

Мѣры, которыя имѣетъ въ виду авторъ, относятся къ устройству воднаго хозяйства, къ урегулированію рѣкъ, овраговъ, балокъ и т. д., для сбереженія рѣчной, атмосферной и почвенной влаги, а затѣмъ къ выработкѣ нормальной площади пашни, луговъ, лѣса и водъ, сообразно съ мѣстными климатическими условіями и характеромъ господствующей сельско-хозяйственной культуры, наконецъ, къ опредѣленію наилучшихъ пріемовъ культуры, благоприятныхъ для позаванія влагой и подходящихъ къ мѣстнымъ природнымъ условіямъ.

Понятно, что переработка поверхности громадной территоріи должна потребовать много труда и времени; многія изъ предлагаемыя авторомъ мѣры еще требуютъ обстоятельнаго изученія, но дру-

по его словамъ, могутъ быть доступны теперь же каждому земледѣльцу. Но во всякомъ случаѣ, говорить авторъ, пренебрегать тѣми мѣрами, которыя однѣ могутъ исправить положеніе южнаго земледѣльческаго хозяйства, — „нельзя и опасно въ интересахъ дѣла, въ интересахъ государства“.

Онъ сообщаетъ далѣе нѣсколько практическихъ указаній о томъ, какъ должны бы были примѣняться предлагаемыя мѣры въ разнаго рода мѣстностяхъ.

Въ главѣ: „вмѣсто заключенія“, авторъ предлагаетъ путь для установленія тѣхъ изученій, которыя необходимы для изслѣдованія предмета во всей его сложности, — такъ какъ самый успѣхъ возможенъ лишь тогда, когда условія нашего сельскаго хозяйства будутъ опредѣлены во всей ихъ полнотѣ. Онъ находитъ необходимымъ устройство тройкаго рода учреждений: во-первыхъ, по крайней мѣрѣ, трехъ чисто научныхъ институтовъ или комитетовъ — почвеннаго, метеорологическаго и біологическаго (изученіе растений и животныхъ); во-вторыхъ, учрежденія опытныхъ станцій, научно-практическихъ и чисто практическихъ — правительственныхъ, земскихъ и частныхъ; наконецъ, для проведенія добытыхъ этимъ путемъ результатовъ въ жизнь, въ сельско-хозяйственную практику необходимы спеціалисты въ лицѣ знающихъ агрономовъ, т.-е. необходимъ еще третій родъ учреждений, которые приготавливали бы агрономовъ-техниковъ. По различію естественныхъ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ условій разныхъ областей Россіи, авторъ считаетъ нужнымъ три такихъ учрежденія — въ подмосковномъ районѣ, въ черноземной области и въ западной полосѣ Россіи. Авторъ настаиваетъ при этомъ, что важнѣйшимъ залогомъ успѣха этихъ учреждений должно быть именно раздѣленіе ихъ функцій, т.-е. ученой, учебной и опытной; смѣшеніе этихъ задачъ и „слишкомъ бюрократическій характеръ“ составляютъ коренной недостатокъ и того проекта „центрального агрономическаго института“, каковой былъ предложенъ недавно г. Ермоловымъ.

Мимоходомъ, авторъ отражаетъ упрекъ, сдѣланный г. Ермоловымъ русской наукѣ, будто бы „слишкомъ далеко стоящей отъ потребностей жизни и игнорировавшей самыя насущныя ея вопросы“. Г. Докучаевъ указываетъ, что, напротивъ, люди науки уже десятки лѣтъ предостерегали о надвигающейся опасности, они — „представили кому слѣдуетъ десятки проектовъ и ходатайствъ объ изслѣдованіи русскихъ окраинъ, объ изученіи отдѣльныхъ физико-географическихъ районовъ Россіи, объ изслѣдованіи овраговъ и рѣчекъ, объ устройствѣ почвеннаго института, объ организаціи борьбы съ вредными животными, объ осушкѣ болотъ, объ орошеніи, объ упоря-

доченіи воднаго хозяйства на югѣ Россіи и пр., и пр.,—проекты, иногда апробованные сѣздами и поддержанные цѣлыми обществами; но если и не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ получали на это приблизительно такіе отвѣты: „нѣтъ средствъ, есть болѣе важныя потребности,—у насъ этотъ вопросъ уже намѣченъ,—Россія велика, всего не изслѣдуешь,—ваша работа протянется десятки лѣтъ, Богъ знаетъ, что изъ нея получится“, и пр., и пр. Все это А. С. Ермоловъ прекрасно самъ знаетъ“. Г. Докучаевъ напоминаетъ еще, что „состояція при университетахъ общества естествоиспытателей, которыя группируютъ вокругъ себя главную массу наличныхъ силъ русскихъ натуралистовъ, общества, посвящающія себя исключительно на изученіе родной природы и ея богатствъ, общества, пользующіяся почетнымъ именемъ за границею и дѣйствительно не мало послужившія Россіи, имѣютъ постоянныхъ средствъ всего на все по 2.500 р. въ годъ, какъ на экскурсіи, такъ и на печатаніе своихъ трудовъ. Что можно сдѣлать на эти средства, особенно при нашихъ разстояніяхъ и путяхъ сообщенія?“

Изъ сочиненій самого г. Ермолова авторъ приводитъ серьезное предостереженіе о гибельныхъ послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь неразумная эксплуатація и расхищеніе природныхъ богатствъ русской земли. „Но само собою разумѣется,—прибавляетъ г. Докучаевъ,—что никакая наука, никакая техника не могутъ пособить больному, если послѣдній *не желаетъ лечиться*, не желаетъ пользоваться указаніями ни той, ни другой, или безпрестанно, нерѣдко по капризу, нарушаетъ данныя ему совѣты“.

Книжка г. Докучаева вообще весьма поучительна.—А. В.

Въ маѣ мѣсяцѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрахамсонъ, А.—Двѣ недѣли въ Средней Азіи. (Изъ путев. воспомин. инженера). Киевъ. 92. Стр. 32.

Ахшарумова, Н. П.—Гнѣздо, рассказъ. Изъ рассказовъ для дѣтей младшаго возраста. Спб. 92. Стр. 32. Ц. 50 к.

Беркевичъ, Л. О.—Коммерческая арифметика. Ученымъ Комит. мин. народн. просв. рекомендована. Спб. 92. Стр. 410 и 75. Ц. 3 р.

Брюкке, Эрн.—Какъ охранять знанъ и здоровье своихъ дѣтей? Соч. прѣдвѣнск. унив. Перев. Е. Д. Ильиной, п. р. женщ.-вр. М. Волковой. Спб. Стр. 250.

Бѣлололовый, д-ръ А. Н.—С. П. Боткинъ, его жизнь и медицинская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Боткина. Спб. 92. Стр. Ц. 25 к.

Бѣлозерскій, Евгений.—Правда и вымыселъ. М. 92. Стр. 170. Ц. 1 р.

Гуардіа, Ж. М.—Исторія медицины отъ Гиппократѣ до Бруссѣ и его послѣдователей. Перев. съ франц. Надежды Петерманъ, п. р. А. Докмана. Каз. 92. Стр. 534. Ц. 3 р. 50 к.

Доливо-Добровольская, В. А.—Руководство къ ручному ткачеству и наставленіе къ производству ковровъ. Спб. 91. Стр. 47, съ рисунками.

Закъ, Н. В.—Физическое развитіе дѣтей въ средне-учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы. Матеріалы для оцѣнки санитарнаго состоянія учащихся. I. Ростъ и окружность груди. М. 92. Стр. 272.

И—въ.—О чахоткѣ (брошюра). Спб. 92. Стр. 36.

Кащенко, Н. Ѳ.—Краткое руководство по зоологіи, преимущественно для студентовъ медицины. Съ 30 табл. Томскъ. 92. Стр. 450. Ц. 3 р. 50 к.

Кентень, горн. инж. А.—О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ: о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ съ рабочими на заводахъ и рудникахъ. Спб. 92. Стр. 43.

Кисель, Петръ.—Сказка про золотого пѣтушка да про голоднаго мужика. Спб. 92. Стр. 42. Ц. 30 к.

Корелингъ, М.—Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе. Вып. 1 и 2. М. 92. Стр. 1087 и 73.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и рассказы. Т. III, изд. 2-ое. Спб. 92. Стр. 312. Ц. 1 р. 75 к.

Лихонинъ, Н. О.—Желѣзноводскъ и его значеніе при леченіи различныхъ болѣзней. Спб. 92. Стр. 146. Ц. 1 р.

Лишинъ, И. А.—Къ вопросу обводненія и облѣсенія степной полосы Самарской губерніи. М. 92. Стр. 38.

Любомудровъ, губерн. ветерин.—Краткія свѣденія по географіи и топографіи Симбирской губерніи, для справокъ по изслѣдованію причинъ эпизоотіи сибирской язвы въ губерніи. Симб. 92. Стр. 22.

Мартенсъ, Ф.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. Т. IX: Трактаты съ Англією (1710—1801). Спб. 92. Стр. 441.

Межовъ, В. И.—Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Спб. 92. Стр. 188. Ц. 1 р. 25 к.

Мелехинскій, А.—Въ защиту нашихъ пернатыхъ друзей. Спб. 92. Стр. 15. Ц. 20 к.

Никольскій, П. А.—Бумажныя деньги въ Россіи. Каз. 92. Стр. 393. Ц. 2 р. 50 к.

Петлинь, Н. С.—Назначеніе, устройство и очеркъ дѣятельности государственнаго банка. Спб. 92. Стр. 139.

Поленовъ, Н. В.—По Альпійскимъ свѣгамъ и тропинкамъ. Спб. 92. Стр. 533. Ц. 3 р. 50 к.

Румъ, Р.—Голодный хлѣбъ. По поводу наслѣдованія хлѣба изъ Скопинскаго уѣзда Рязан. губ. Черниговъ. 92. Стр. 56.

Сервантесъ, М. (авторъ „Донъ-Кихота“). — Ринконетъ и Картадилло. Съ рисунками художн. Аталяя. Спб. 92. Стр. 87. Ц. 1 р.

Соколовъ, проф. В. А.—Елисавета Тюдоръ, королева англійская. М. 92. Стр. 132. Ц. 1 р.

Сулима, К. П.—Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи. исерт. на степ. докт. мед. Спб. 92. Стр. 222.

Тихомировъ, проф. В. А.—Очерки и воспоминанія кругосвѣтнаго плаванія (брошюра). Спб. 92. Стр. 25.

Толвинскій, А. И.—Извлеченіе изъ критики операцій земельныхъ банковъ. Вил. 92. Стр. 16. Ц. 20 к.

Филитовъ, Н. Н.—Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи, препод. старцахъ соловецкыхъ. Спб. 92. Стр. 22. Ц. 3 к.

Хмелева, О. Н.—Каткина дача, или: есть ли на свѣтѣ лишній человѣкъ. Спб. 92. Стр. 114. Ц. 15 к.

Цертелевъ, вн. Д. Н.—Стихотворенія. 1883—1891 г. М. 92. Стр. 170. Ц. 2 р.

Шевелевъ, А.—Церковь и зрѣлища. Взглядъ на отношеніе св. православной церкви къ театральн. зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Изд. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 92. Стр. 76. Ц. 40 к.

Шереметевъ, гр. Сергій.—Графъ М. Н. Муравьевъ и его дочь. Спб. 1892 г. Стр. 35.

— Каталогъ книгъ за 1891 г. Изд. Русскаго Общества книгопродавцевъ и издателей. Спб. 92. Стр. 128.

— Книга о книгахъ. Толковый Указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній. Составл., п. р. И. И. Янжула, при ближайш. участіи П. Н. Милюкова, П. В. Преображенскаго и Л. З. Мороховца. Издано на средства Д. И. Тихомирова, въ пользу голодающихъ. Ч. I и II. М. 92. Стр. 289 и 176. Ц. 3 р.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 43 (Кальдеръ—Каратыгинъ). 5 портр. и 4 рис. въ текстѣ. Изд. б. Товар. А. Гербель и К°. М. 92. Стр. 2013—2060. Ц. 40 к.

— Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ (основ. 1878 г.). Отчетъ за 1890—91 г. Спб. 92. Стр. 60.

— Отчетъ о дѣятельности совѣта одесскаго общества для борьбы съ пьянствомъ за 1891 г. Од. 92. Стр. 31. Ц. 5 к.

— Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1890 г. Изд. Главнаго Тюремн. Управленія, съ прилож. карты о Сахалина. Спб. 92. Стр. 392.

— Первое десятилѣтіе городской барачной больницы въ память С. П. Боткина въ С.-Петербургѣ. Описаніе больницы и Медицинскій отчетъ за 1882—92 гг. Спб. 92. Стр. 216.

— Пермскій край. Т. I. Изд. Перм. губерн. Статист. Комитета. Пермь. 92. Стр. 272.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 82: Дипломатическія сношенія съ Франціей въ эпоху Наполеона I, п. р. проф. А. Трачевскаго, т. III (1805—1806 гг.). Спб. 92. Стр. 499. Ц. 3 р.

— Уральская справочная книжка, съ картою земли уральскаго казачьяго войска. Уральскъ. 92. Стр. 182. Ц. 30 к.

— Энциклопедическій Словарь. Т. VI: Венцова—Винона. Подъ ред. К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. 92. Стр. 488.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

La morale dans l'histoire. Étude sur les principaux systèmes de philosophie de l'histoire depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Par René Lavollée, docteur ès lettres, ancien consul général de France. Paris, 1892. Стр. IV и 412. Ц. 7 фр. 50 с.

Существующая литература по философии истории столь обширна и богата, что уже один критический обзор главных доктринъ въ этой области составляет самъ по себѣ крупную и сложную задачу, требующую громадной начитанности, разностороннихъ знаній и большого трудолюбія, не говоря уже объ искусствѣ литературной обработки и изложенія.

Многія сочиненія по философии истории имѣютъ характеръ вполне субъективный: вмѣсто научнаго объясненія и обобщенія фактовъ, въ нихъ излагаются личные взгляды и идеалы; историческія судьбы народовъ подводятся подъ заранѣ установленныя теории и рубрики, причемъ значительную роль играетъ элементъ художественнаго творчества и фантазіи. Часто писатели, дѣлающіе критическій обзоръ такого рода произведеній, руководствуются въ свою очередь только личными вкусами и симпатіями, присоединяютъ свои собственныя, болѣе или менѣ произвольныя историко-философскія построенія, и въ результатѣ даже чужія системы представлены невѣрно, пройдя черезъ горнило субъективной оцѣнки авторовъ. Такимъ образомъ читатель получаетъ одностороннее и ошибочное представленіе не только о самомъ матеріалѣ и предметѣ философии истории — объ общемъ ходѣ истории и ея „законахъ“, но и о существующихъ по этому предмету ученіяхъ и выводахъ, объ истинномъ состояніи и развитіи научно-философской литературы въ этой области.

Къ такому именно разряду принадлежитъ курьезная книга Лаволлэ о „морали въ истории“ или „о главныхъ системахъ философии истории отъ древности до нашихъ дней“. Авторъ, правда, не имѣетъ своей самостоятельной доктрины и не приводитъ никакихъ собственныхъ оригинальныхъ идей; но онъ твердо усвоилъ старый и общедоступный взглядъ на исторію, какъ на сферу постепеннаго осуществленія неразгаданныхъ провиденціальныхъ плановъ, и съ этой точки зрѣнія онъ разбираетъ или, вѣрнѣе сказать, вкратцѣ характеризуетъ

теоріи разныхъ мыслителей въ послѣдовательномъ порядкѣ, останавливаясь болѣе подробно на симпатичныхъ ему философахъ, довольствуясь лишь нѣсколькими словами о другихъ и почти совершенно замалчивая третьихъ. Методъ изложенія и обработки—чисто литературный: краснорѣчіе замѣняетъ серьезную научную критику и анализъ; легкость и изящество формы стоятъ на первомъ планѣ, а стараніе провести извѣстные хорошіе и благонамѣренные взгляды не оставляетъ мѣста для философской вдумчивости.

Какъ французъ, авторъ съ первыхъ же строкъ предисловія даетъ понять, что новѣйшая исторія Европы, начиная съ торжества Пруссіи надъ Франціей, есть очевидная ненормальность, отступленіе отъ элементарныхъ началъ исторической справедливости и общечеловѣческаго здраваго смысла, и что въ такое время трудно даже говорить о „морали въ исторіи“. То, что видятъ теперь люди,—говоритъ онъ,—не есть ли постоянный и горькій вызовъ нравственному чувству и здравому смыслу? „Цивилизація, приводящая къ всеобщему вооруженію, братство людей, подготовляющее страшныя избиенія, торжествующая грубая сила, утверждающая свое право, преклоненіе предъ безнравственностью или глупостью, и подавленіе правыхъ дѣлъ,—такова картина, которую представляетъ конецъ столѣтія, питавшаго, на зарѣ своей, столь широкіе планы, столь блестящія иллюзіи“. Но „чѣмъ болѣе чувство правды и здраваго смысла оскорбляется даннымъ положеніемъ, тѣмъ важнѣе для насъ подняться и укрѣпиться духомъ, отвращая взоры отъ настоящаго и направляя ихъ въ прошедшее и въ будущее, чтобы найти въ этомъ созерцаніи мотивы надежды“. Та же патріотическая нотка повторяется въ заключительной главѣ книги. „Мы вѣримъ—заявляетъ Лаволлѣ—только въ окончательную побѣду, долженствующую обезпечить торжество права, справедливости и истины; но борьба можетъ продолжаться цѣлыя вѣка, и окончательное рѣшеніе можетъ замедлиться, затормозиться, оставаться скрытымъ для нашихъ взоровъ въ теченіе извѣстнаго періода, который, будучи лишь моментомъ въ ходѣ времени, покажется тѣмъ не менѣе огромнымъ для современниковъ. Въ промежуткѣ могутъ временно торжествовать насиліе, ложь, несправедливость, и эти побѣды сочтутся многими за окончательныя—настолько онѣ полны и подавляющыя. Наученные философією исторіи, мы не станемъ признавать превосходство дурнаго дѣла только потому, что оно торжествуетъ или оправдывать побѣду въ силу того, что она—побѣда. Мы ограничимся признаніемъ превосходства естественнаго права и вѣчно морали противъ грубой силы (авторъ употребляетъ здѣсь нѣмецкое слово *Faustrecht*, кулачное право, чтобы лучше отгѣнить свою мысль

и мы будем ждать, съ спокойной вѣрой въ неизбежное удовлетвореніе, которое выпадетъ на нашу долю въ будущемъ" (стр. 394).

Въ этихъ словахъ выражается все философско-историческое міровоззрѣніе Лаволлѣ. Мы не разъ уже имѣли случай указывать на странную привычку многихъ французскихъ авторовъ, даже ученыхъ и серьезныхъ, жаловаться на „право силы“, какъ на принципъ, введенный будто бы нѣмцами или обязанный имъ своимъ господствомъ въ мірѣ. Смѣшно даже сравнивать дѣйствія нынѣшней Пруссіи или Германіи съ тѣмъ безконтрольнымъ владычествомъ военной силы, которое воплощалось въ Наполеонѣ и которое всей своею тяжестью легло именно на нѣмецкую націю и едва не стерло съ лица земли прусское государство. Для Лаволлѣ начало столѣтія было эпохою великихъ плановъ и блестящихъ надеждъ; но это была эпоха кровопролитныхъ военныхъ предпріятій, угнетавшихъ европейскіе народы и поставившихъ „право силы“ на небывалую еще степень процвѣтанія и развитія. Пока военная сила давала перевѣсъ Франціи, французскіе публицисты и философы превозносили до небесъ эту военную силу и славу; но съ переменною военного счастья они вдругъ стали изображать изъ себя принципиальныхъ противниковъ грубаго военного насилія и что всего страннѣе—признають отвѣтственнымъ за это „право силы“ тотъ самый народъ, который въ началѣ столѣтія былъ побѣжденъ Франціею, а теперь успѣлъ отплатить ей седанскимъ погромомъ за разгромъ Пруссіи при Іенѣ въ 1806 году. Будучи лишь учениками и послѣдователями французовъ въ военномъ дѣлѣ, нѣмцы и особенно пруссаки отчасти подражали имъ и послѣ побѣды, но остановились во-время и воздержались отъ дальнѣйшихъ завоеваній, несмотря на соблазнительные и авторитетные примѣры наполеоновской Франціи. Постоянныя и всеобщія вооруженія, конечно, весьма тягостны; но двадцатилѣтній худой миръ все-таки неизмѣримо лучше цѣлага ряда добрыхъ войнъ. Если общезвѣстные историческіе факты понимаются французскими патріотами навыворотъ, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; ибо узкій и односторонній патріотизмъ всегда сопряженъ съ нѣкоторымъ ослѣпленіемъ и самообманомъ. Но что сказать о „философіи исторіи“, повторяющей тѣ же избитые софизмы и фразы газетныхъ повинистовъ?

Сочиненіе Лаволлѣ состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей: въ первой, значительно меньшей по объему, говорится о системахъ классической древности, среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія (стр. 12—88), а вторая посвящена доктринамъ новыхъ временъ отъ XVII вѣка (стр. 89—357). Обзоръ старыхъ ученій сдѣланъ ужъ слишкомъ бѣгло и поверхностно; Платону и Аристотелю въ совокупности удѣлено не болѣе двадцати страницъ. Изъ новѣйшихъ философовъ выдѣлентъ,

напримѣръ Кузэнъ, которому посвящается особая глава (стр. 326—337), хотя онъ давно утратилъ значеніе и отчасти забытъ въ самой Франціи; а объ Огюстѣ Контѣ ничего не сказано, и только имя его упоминается вскользь въ двухъ-трехъ мѣстахъ, хотя есть небольшая глава о позитивистахъ и трансформистахъ (стр. 337—356), гдѣ говорится главнымъ образомъ о Гербертѣ Спенсерѣ. Вся новѣйшая литература по философіи исторіи, даже французская, совершенно обойдена молчаніемъ; въ числѣ мыслителей, занимавшихся вопросами этого рода до начала нынѣшняго столѣтія, приводятся только французскія и нѣмецкія имена, и ни одного англійскаго! Фридрихъ Шлегель отнесенъ почему-то не къ германской школѣ, разсмотрѣнной особо, а къ католической французской, на ряду съ Жозефомъ де-Мэстромъ и Бональдомъ.

При оцѣнкѣ излагаемыхъ системъ авторъ чрезвычайно легко и быстро разрѣшаетъ самые трудные научные вопросы; такъ, противъ теоріи Спенсера онъ приводитъ слѣдующее разсужденіе: „Лошадь арабская будетъ всегда арабскою лошадью; но французъ абсолютно различается отъ галла, и Галлія не можетъ быть узвана въ современной Франціи. Въ развитіи человѣческаго рода присутствуетъ уже особый, характеристическій элементъ, новый въ цѣпи существъ, свидѣтельствующій о переходѣ въ другую область, чѣмъ та, гдѣ пребываетъ остальной органическій міръ. Этотъ новый элементъ есть духъ, душа; эта новая область есть міръ духовный, отдѣленный цѣлою пропастью отъ міра матеріальнаго. Гербертъ Спенсеръ и его послѣдователи забыли эти старыя, но великія истины“ и пр. (стр. 356). Всякія философскія проблемы находятъ такимъ образомъ вполнѣ благопріятное разрѣшеніе, и безпокойный научный анализъ оставленъ въ сторонѣ, какъ ненужный и напрасный, въ виду несомнѣннаго существованія забытыхъ будто бы старыхъ и великихъ истинъ.

Нечего искать серьезныхъ философскихъ взглядовъ въ книгѣ Лаволлѣ, но многія ученія изложены довольно занимательно и живо, съ необходимыми цитатами, и въ общемъ книга прочтется легко и не безъ пользы.

II.

La femme au point de vue du droit public. Étude d'histoire et de législation comparée, par M. Ostrogorski. Ouvrage couronné par la Faculté de droit de Paris, 1892. Стр. VIII и 198.

Исслѣдованіе о политическихъ и общественныхъ правахъ женщины, удостоенное преміи отъ юридическаго факультета въ Парижѣ, содержитъ въ себѣ весьма обстоятельный существующихъ

законодательствѣ и судебной практики по вопросу о политическихъ правахъ женщины. Авторъ не пускается ни въ какія отвлеченныя разсужденія и не проводитъ никакихъ теорій; онъ ограничиваетъ свою задачу возможно полнымъ и систематическимъ изложеніемъ фактическаго матеріала, съ необходимыми историческими указаніями и комментаріями. Въ небольшомъ предисловіи и въ краткой заключительной главѣ объяснено въ общихъ чертахъ значеніе вопроса въ современной его постановкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчены главнѣйшія стадіи, пройденныя имъ въ западно-европейской и особенно французской исторіи. Въ первой главѣ приведены свѣденія о правахъ женщинъ на верховную власть и управленіе въ монархіяхъ; затѣмъ въ остальныхъ главахъ говорится о политическихъ избирательныхъ правахъ женщинъ въ различныхъ государствахъ, объ участи въ мѣстномъ самоуправленіи, о публичныхъ функціяхъ и обязанностяхъ (права на государственную службу, доступъ къ адвокатурѣ и къ роли присяжнаго засѣдателя), о личныхъ политическихъ правахъ—о пользованіи правомъ петиціи, свободою сходокъ и ассоціацій, свободою печати, преподаванія и всякихъ либеральныхъ профессій. Наибольше мѣста отведено даннымъ, касающимся Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ въ этихъ странахъ политическія права женщинъ имѣютъ серьезнѣйшее реальное значеніе и служатъ предметомъ горячаго спора не только въ литературѣ, но и въ сферахъ законодательной и судебной дѣятельности, въ парламентахъ и народныхъ собраніяхъ.

Разумѣется, одни юридическіе и формальные доводы не рѣшаютъ столь сложнаго и щекотливаго вопроса, затрогивающаго массу интересовъ первостепенной важности. Всякій согласится въ принципѣ, что несправедливо отказывать женщинамъ въ пользованіи правами, предполагающими лишь обладаніе извѣстными умственными способностями и не имѣющими никакой связи съ различіями и особенностями того или другого пола. Не странно ли видѣть, что какая-нибудь выдающаяся писательница лишена права подавать свой голосъ при выборѣ депутатовъ, а послѣдній уличный рабочій свободно пользуется этимъ правомъ? Г-жа Жюльетта Адавъ стоитъ во главѣ большаго журнала и постоянно разсуждаетъ о политикѣ; одно время она вела горячую борьбу съ княземъ Бисмаркомъ, а о французскихъ мичистрахъ и говорить нечего,—съ ними она воюетъ постоянно, чего, быть можетъ, они и не замѣчаютъ; и все-таки она не имѣетъ избирательныхъ правъ и въ этомъ отношеніи поставлена ниже послѣдняго разсылнаго въ ея редакціонной конторѣ. Ссылаясь на безспорныя требованія справедливости, женщины обыкновенно обвиняютъ мужчинъ въ намѣренномъ и корыстномъ сохраненіи привилегій своего

пола. При этомъ упускается изъ виду то общее правило, что политическія и общественныя права должны соответствовать обязанностямъ: кто платитъ налоги и сборы съ имущества или предпріятій, тотъ участвуетъ въ мѣстномъ самоуправленіи; люди, призываемые въ случаѣ надобности къ непосредственной защитѣ отечества, имѣютъ право участія въ ходѣ дѣлъ политическихъ и государственныхъ, черезъ посредство выборныхъ представителей. Съ этой точки зрѣнія замѣчается существенный пробѣлъ въ книгѣ нашего автора, какъ и въ большей части другихъ ученыхъ трактатовъ о правахъ женщинъ: авторъ долженъ былъ бы включить въ свое изслѣдованіе и вопросъ о тѣхъ политическихъ и общественныхъ повинностяхъ, которыя отбываетъ и можетъ отбывать женщина наравнѣ съ мужчинами. Самое заглавіе книги показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду юридическое положеніе женщины въ области публичнаго права вообще, а публичное право обнимаетъ не только политическія права, но и политическія и общественныя повинности.

Если такіе передовые и просвѣщенные дѣятели, какъ Гладстонъ, возражаютъ противъ политической равноправности женщинъ, то это зависитъ, конечно, не отъ какихъ-либо эгоистическихъ мотивовъ и не отъ слѣпотаго предразсудка, а отъ соображеній совсѣмъ другого рода. Не слѣдуетъ забывать, что предоставленіе избирательныхъ правъ женщинамъ могло бы сразу измѣнить не только равновѣсіе политическихъ партій, но и весь ходъ государственной дѣятельности и политики, такъ какъ женское населеніе, по численности, нерѣдко даже превышаетъ мужское. Французскія женщины, напримѣръ, легко подчиняются вліянію католическаго духовенства и склонны вообще къ клерикальнымъ тенденціямъ; и еслибы онѣ участвовали въ парламентскихъ выборахъ, онѣ могли бы, пожалуй, выбрать палату, вполне благоприятную для римской церкви и ея служителей, но едва-ли удобную для интересовъ Франціи. Соображенія цѣлесообразности должны во всякомъ случаѣ играть нѣкоторую роль при обсужденіи вопроса о политическихъ правахъ женщинъ.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1892 г.

Послѣдній фазисъ труднаго періода. — Отчеты уполномоченныхъ Особаго Комитета по губерніямъ тамбовской и казанской. — Разные виды частной помощи голодающимъ. — Продолженіе „дукояновской исторіи“ и вызванная ею полемика съ „Гражданиномъ“. — Авторитетное свидѣтельство о размѣрахъ прошлогоднаго бѣдствія. — По вопросу объ экзаменахъ. — Отставка городского головы въ Петербургѣ. — Н. Е. Петровпавловскій (Коронинъ) †.

Самый острый періодъ бѣды, вызванной прошлогоднимъ неврожаемъ, приближается къ концу; но впереди предстоитъ чрезвычайно трудное дѣло поправленія крестьянскаго хозяйства. О степени его разстройства можно судить, между прочимъ, по официальнымъ даннымъ, сообщаемымъ въ отчетахъ уполномоченныхъ Особаго Комитета. „Внѣшній видъ селеній въ уѣздахъ казанскомъ и царевкокшайскомъ — читаемъ мы, напримѣръ, въ докладѣ г. Нечаева-Мальцева — производитъ тяжелое впечатлѣніе: соломенные крыши избъ пошли, мѣстами, на кормъ скоту, а надворныя постройки — на топливо. Недостатокъ и большая дороговизна корма для скота повлекли за собою значительное его уничтоженіе; въ царевкокшайскомъ уѣздѣ изъ 42.000 лошадей, бывшихъ по послѣдней конской переписи, осталось къ февралю мѣсяцу только 16.000“. Распродажа крестьянами лошадей и скота „по самымъ низкимъ цѣнамъ, очень часто не превышающимъ стоимости шкуръ“, подтверждается и докладомъ гр. Бобринскаго (уполномоченнаго по тамбовской губерніи). Оба доклада констатируютъ крайнюю незначительность крестьянскихъ заработковъ и сокращеніе кустарныхъ промысловъ. „Какъ пособіе для населенія (западныхъ уѣздовъ казанской губерніи), — говоритъ г. Нечаевъ-Мальцевъ, — могли бы служить лѣсныя работы и работы на строящейся казанской желѣзной дорогѣ, но на тѣ и другія крестьяне идутъ неохотно, жалуясь, что непривычность и тяжесть работы не окупается платою; такъ, артели въ 25 человекъ требуется цѣлый рабочій день, чтобы вырыть 3—4 кубика земли и получить по 1 р. 25 коп. за кубикъ, что разумѣется, представляется весьма недостаточнымъ“ (махішп—по 20 коп. въ день на человека!). Въ другомъ мѣстѣ того же отчета подтверждается еще разъ, что „работа на желѣзной дорогѣ, проходящей по цивильскому уѣзду, очень скудно опла-

чивается: крестьяне на ней едва выручаютъ на хлѣбъ“ ¹⁾. Худо питавшіеся въ продолженіе 6—9 мѣсяцевъ, часто болѣвшіе отъ недостатка или дурного качества пищи, потерявшіе послѣдній скотъ, лишившіеся части построекъ, распродавшіе хозяйственную утварь и часть одежды, заложившіе, можетъ быть, свой овимой носѣвъ или закабалившіе себя въ плохо оплачиваемую работу, безъ гроша въ карманѣ, вслѣдствіе отсутствія зимнихъ заработковъ, крестьяне пострадавшихъ губерній очевидно нуждаются и долго еще будутъ нуждаться въ дальнѣйшей поддержкѣ. Надо надѣяться, что они ее найдутъ, хотя едва ли въ той мѣрѣ, въ какой это было бы необходимо. Особымъ Комитетомъ пожертвованія, послѣ 1-го іюня, принимаемы не будутъ; но средства, которыми онъ располагаетъ, позволяютъ ему, вѣроятно, продолжать еще на нѣкоторое время свою благотворительную дѣятельность. Частная помощь кое-гдѣ слабѣетъ, но въ другихъ мѣстахъ существуетъ по прежнему или даже принимаетъ болѣе широкіе размѣры.

Весьма интересна, съ этой точки зрѣнія, исторія той мѣстности моршанскаго уѣзда (тамбовской губерніи), положеніе которой, на рубежѣ прошедшаго и нынѣшняго года, было подробно описано въ февральской книжкѣ нашего журнала. Теперь нѣтъ надобности умалчивать о томъ, что организаторомъ помощи былъ здѣсь В. И. Вернадскій, первоначальнымъ ея центромъ — небольшой хуторъ близъ станціи Вернадовки, сызрано-виземской желѣзной дороги. Въ концѣ декабря были открыты четыре столовныя, на 240 человѣкъ; во второй половинѣ января ихъ было тринадцать, на 625 человѣкъ; затѣмъ дѣло стало развиваться еще гораздо быстрѣе, и вмѣстѣ съ количествомъ средствъ росло число лицъ, работающихъ, на мѣстѣ, надъ правильнымъ ихъ употребленіемъ. Въ концѣ декабря такихъ лицъ было всего два (В. В. Келлеръ и Л. А. Оболяниновъ); въ мартѣ мѣсяцѣ уполномоченный Особаго Комитета засталъ уже *девять* „представителей г. Вернадскаго“ ²⁾, которыми было открыто, къ тому времени, *пятьдесятъ-три* столовныя, на 3.000 человѣкъ. Къ 10-му мая, по нашимъ свѣденіямъ, число столовыхъ возросло до *ста девятнадцати*, число пользующихся ими—до *шести тысячъ*. Мѣстность, въ которой онѣ устроены, протянулась верстъ на шестьдесятъ въ длину и тридцать въ ширину, захвативъ даже небольшую часть сосѣдняго кирсановскаго уѣзда. Благодаря многочисленности и энергіи работни-

¹⁾ Эти указанія чрезвычайно драгоцѣнны, какъ противовѣсь обвиненіямъ въ лѣности и нежеланіи идти на общественныя работы, часто повторявшимся въ печатѣ и даже въ административныхъ сферахъ.

²⁾ Изъ нихъ въ отчетѣ гр. Вобринскаго названы В. В. Келлеръ, кн. С. И. Шаховской, А. А. Корниловъ и г. Алексѣевскій. Намъ извѣстно, что по временамъ число работающихъ въ вернадовскомъ районѣ было значительно больше девяти.

ковъ, помощь—чрезвычайно эластична, суживаясь и расширяясь по мѣрѣ надобности, приспособляясь къ требованіямъ минуты, считается съ каждымъ новымъ условіемъ. Такъ на примѣръ, въ одной изъ деревень района происходитъ пожаръ, уничтожающій около десяти дворовъ, со всѣмъ рогатымъ и мелкимъ скотомъ и только-что полученнымъ земскимъ хлѣбомъ; на другой же день открывается здѣсь новая столовая, въ которой пострадавшимъ отъ пожара даютъ не только обѣдъ, но и ужинъ. Въ виду наступленія „пожарнаго періода“, печи, въ которыхъ готовятся для столовыхъ хлѣбъ и горячая пища, переносятся въ землянки, съ затратой на это, во всемъ районѣ, не болѣе 200 рублей. Закрытіе столовыхъ предполагается не раньше, какъ послѣ окончанія жатвы, т.-е. около половины іюля. Въ этомъ отношеніи описываемый нами районъ отличается отъ многихъ другихъ, гдѣ столовыя закрыты вслѣдъ за началомъ полевыхъ работъ. Преждевременное прекращеніе помощи объясняется, болѣею частью, истощеніемъ имѣвшихся средствъ; но ему способствуютъ и другія причины. Существованіе столовыхъ, уменьшая нужду и позволяя крестьянамъ цѣнить свою работу по масштабу нормальному или близкому къ нормѣ, противодействуетъ паденію рабочей платы, т.-е. идетъ въ разрѣзъ съ интересами помѣщичьихъ экономій. Этимъ вызывается, иногда, закрытіе столовыхъ, содержавшихся вполнѣ или отчасти на средства землевладѣльцевъ или лицъ къ нимъ близкихъ.

„Независимо отъ столовыхъ,—связано въ отчетѣ гр. Бобринскаго,—представители г. Вернадскаго берутъ на себя прокормленіе 1.100 лошадей“. Эта операція—въ значительно болѣшихъ размѣрахъ, чѣмъ здѣсь указано—происходила, какъ мы слышали, слѣдующимъ образомъ. Подворные списки нуждающихся хозяевъ (а въ нѣкоторыхъ деревняхъ—списки всѣхъ домохозяевъ поголовно) были составлены организаторами помощи уже раньше, при открытіи столовыхъ. Въ спискѣ означались: составъ семьи (съ указаніемъ числа малолѣтнихъ), количество скота проданнаго и оставшагося на-лицо, количество топлива и продовольственныхъ запасовъ, состояніе построекъ, размѣръ земской ссуды. Эти списки были вновь повѣрены, путемъ личнаго осмотра и разспроса крестьянъ, и затѣмъ намѣчены были хозяева, для которыхъ поддержка особенно необходима. На каждую лошадь, которую рѣшено было взять на прокормленіе, выдавалось, съ половины марта до начала пахоты (т.-е. до половины апрѣля) по 4—5 фун. овса и по $\frac{1}{2}$ ф. соли въ день, а на время пахоты количество овсяной дачи было увеличено до 10 фунтовъ. О значительности такого пособія можно судить по тому, что ячменю, выданнаго на прокормленіе лошадей отъ земства, приходилось на лошадь только по *одному*

фунту въ день. Овесъ, обыкновенно, выдавался крестьянамъ въ видѣ муки; этой мукой и солью они посыпали смоченную солому. Такой кормъ лошади ѣли очень охотно и поправлялись отъ него очень быстро; черезъ нѣсколько дней заморенное, еле державшееся на ногахъ животное становилось опять годнымъ къ работѣ. Въ половинѣ марта еще стояли морозы; въ разобранныхъ или лишенныхъ крыши дворахъ мокрая солома промерзала и становилась негодной для употребленія. Тогда крестьяне стали кормить лошадей у себя въ избахъ. Картина, по словамъ очевидцевъ, получалась оригинальная и трогательная. Лошадь, въ небольшой, низкой избѣ, казалась громадной; вокругъ нея собиралась вся семья, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за тѣмъ, какъ ихъ кормилецъ жадно уничтожалъ непривычно-вкусную и обильную пищу. За прокормленіе лошадей крестьяне были еще болѣе благодарны, тѣмъ за устройство столовыхъ. Что имъ самимъ не дадутъ умереть съ голоду—на это они никогда не теряли надежду; но поддержка лошадей была для нихъ тѣмъ-то неожиданнымъ и тѣмъ болѣе цѣннымъ. Теперь оставалось только помочь бѣднѣйшимъ изъ безлошадныхъ крестьянъ. На средства, значительная часть которыхъ была дана Л. О. Пантелѣевымъ, куплено было, для занимающаго насъ теперь района, около 360 лошадей. Сначала предполагалось раздать ихъ только тѣмъ, которые лишились послѣдней лошади вслѣдствіе прошлогодняго неурожая; но потомъ рѣшено было не обращать вниманія на время, съ котораго крестьянинъ сталъ безлошаднымъ, и помочь тѣмъ, которые, получивъ лошадь, могутъ выйти изъ крайней бѣдности и опять сдѣлаться исправными хозяевами. Выборъ и здѣсь былъ облегченъ существованіемъ тщательно повѣренныхъ подворныхъ списковъ; но особенно большую службу сослужили указанія самихъ односельцевъ, почти всегда основательныя и безпристрастныя. Раздача лошадей, происходившая на пасхальной недѣлѣ, оставила въ сердцахъ ея участниковъ самыя лучшія воспоминанія. Въ деревню приводилось причитающееся на ея долю число лошадей, и онѣ распределялись между заранѣе намѣченными хозяевами, по жребію, тутъ же вынутаго кѣмъ-нибудь изъ деревенскихъ ребятишекъ. Нетрудно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалась раздача и сколько радостныхъ чувствъ она возбуждала. Въ противоположность всѣмъ остальнымъ видамъ помощи, эта форма ея была не даровая; каждый крестьянинъ, получившій лошадь, обязывался возвратить ея стоимость (отъ 8 до 20 рублей) въ теченіе четырехъ лѣтъ, равными годовыми взносами. Получаемыя деньги будутъ вновь употребляемы на покупку лошадей для безлошадныхъ крестьянъ той же мѣстности; временная форма помощи обратится, такимъ образомъ, въ постоянную,

для чего предполагается учредить общество или комитетъ изъ мѣстныхъ жителей ¹⁾).

Приведенный нами примѣръ — только одинъ изъ многихъ, показывающихъ, что можетъ сдѣлать хорошо устроенная частная помощь. Въ одномъ моршанскомъ уѣздѣ, по свѣденіямъ гр. Бобринскаго, было еще тринадцать лицъ ²⁾, дѣйствовавшихъ, въ организаціи и распределеніи помощи, „вполнѣ самостоятельно“. Нѣкоторыя изъ нихъ оказывали поддержку цѣлымъ селеніямъ; Н. М. Половцова, напримѣръ, снабжала продовольствіемъ 3.000 человекъ и кормила 300 лошадей. Широко развита самостоятельная частная помощь также въ уѣздахъ шацкомъ, козловскомъ, тамбовскомъ, кирсановскомъ, усманскомъ. „Нѣтъ возможности — говорить уполномоченный Особаго Комитета — перечислить всѣхъ лицъ, которыя отырывають въ деревняхъ хлѣбопечкарни и столовыя, принимаютъ мѣры противъ тифа, кори и оспы, одѣвають нуждающихся, раздають муку и зерно по бѣднѣйшимъ избамъ, снабжаютъ населеніе сырымъ матеріаломъ для мѣстныхъ работъ и озабочиваются сбытомъ этихъ кустарныхъ издѣлій, прискивають заработки, занимаются прокормленіемъ лошадей. Такіе частныя благотворители встрѣчаются какъ среди мужчинъ, такъ и въ особенности среди женщинъ. Люди пожилые и совершенно молодыя дѣвицы, съ замѣчательной выносливостью и достойнымъ удивленія самоотверженіемъ, посвящаютъ себя, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, трудной работѣ хожденія по избамъ, ежедневно соприкасаясь какъ съ заразительными болѣзнями, такъ и съ самыми неотрадными сторонами крестьянскаго быта“. Въ казанской губерніи частная благотворительность не достигла такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ въ тамбовской; отчетъ г. Нечаева-Мальцева называетъ, однако, немало лицъ, добровольно потрудившихся на пользу голодающаго населенія. Кромѣ баронессы В. И. Искуль, энергичная дѣятельность которой давно уже получила заслуженную извѣстность, особенно много сдѣлали госпожи Булыгина и Гангардтъ. Нельзя не упомянуть также о тетюшскомъ уѣздномъ врачѣ Лимановѣ, „кормящемъ на собственный счетъ, при ограниченныхъ средствахъ, ежедневно до 240 человекъ“. Чрезвычайно цѣнны, съ нашей точки зрѣнія, слѣдующія слова того же отчета: „въ уѣздахъ казанскомъ, свіяжскомъ, чистопольскомъ и въ особенности спасскомъ, *благодаря воззванію помѣщиковъ къ своимъ*

¹⁾ Сотрудники В. И. Вернадскаго съѣхались въ моршанскій уѣздъ, съ разныхъ концовъ Россіи, только на время борьбы съ голодомъ; никто изъ нихъ не принадлежитъ къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

²⁾ Въ отчетѣ уполномоченнаго Особаго Комитета ихъ показано четырнадцать, но мы не считаемъ того лица, помощь котораго выражалась только въ видѣ раздачи денегъ впередъ подѣ работы.

знакомымъ, получались пожертвованія изъ Москвы и Петербурга^а. Здѣсь чуть ли не въ первый разъ официально признана польза тѣхъ самыхъ „воззваній“, которыя такъ долго составляли предметъ недо-вѣрія административныхъ сферъ и встрѣчали длинный рядъ стѣсненій и даже запрещеній, несомнѣнно задержавшихъ и уменьшившихъ развитіе частной благотворительности. Можно сказать съ увѣренностью, что еслибы за первыми обращеніями къ публикѣ, появившимися въ печати еще въ августѣ мѣсяцѣ, безпрепятственно слѣдовали другія, еслибы ничто не мѣшало ни приливу пожертвованій къ небольшимъ, но многочисленнымъ частнымъ центрамъ, ни организаціи такихъ же центровъ распредѣленія помощи, то напряженіе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ народнымъ бѣдствіемъ достигло бы гораздо бѣльшей интенсивности, да и самое бѣдствіе не обострилось бы такъ сильно и не потрясло бы такъ глубоко основы хозяйственной народной жизни.

Говоря о частной благотворительности, нельзя, конечно, не упомянуть о гр. Левѣ Толстомъ, такъ много сдѣлавшемъ для ея пробужденія и для направленія ея на пути, лучше всего ведущіе къ цѣли. Съ 3-го ноября 1891 по 12-ое апрѣля 1892 г. Л. Н. Толстой, какъ видно изъ напечатаннаго имъ отчета, получилъ, вмѣстѣ съ женою и дочерьми, болѣе 142¹/₂ тысячъ рублей; въ этому нужно еще прибавить немаловажныя суммы, присланныя тремъ сыновьямъ его. Къ 12-му апрѣля изъ 142¹/₂ тысячъ было израсходовано 110¹/₂ тыс. рублей. Столовыхъ было открыто Л. Н. Толстымъ, въ четырехъ уѣздахъ тульской и рязанской губерній, всего 187; кромѣ того онъ и его помощники снабжали нуждающихся топливомъ и яровыми сѣменами, кормили лошадей, раздавали ленъ и лыко для домашнихъ работъ, основывали столовныя-пріюты для маленькихъ дѣтей (отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ), продавали по удешевленной цѣнѣ рожь, муку и печеный хлѣбъ, покупали лошадей для безлошадныхъ крестьянъ. Уже по этому короткому перечню можно судить о томъ, какъ велика была бы потеря для цѣлаго обширнаго края, если бы услышаны были свирѣпыя крики реакціонной прессы и наложенъ запретъ на дѣятельность Л. Н. Толстого. Не меньше, быть можетъ, проиграло бы при этомъ и все русское общество, для котораго Л. Н. Толстой во многомъ послужилъ, прошлой зимой, образцомъ и примѣромъ.

Не вездѣ, въ несчастію, находились частныя лица, готовныя взять на себя организацію помощи; скажемъ болѣе — не вездѣ умѣли вызывать ихъ къ дѣятельности, не вездѣ хотѣли пользоваться ихъ услугами. А между тѣмъ преимущества свободнаго труда предъ работою ех officio, регулируемой предписаніями и руководимой страхомъ или расчетомъ, нигдѣ не обнаруживаются столь ярко, какъ въ сферѣ

благотворительности. Интересныя доказательства этому представляет отчетъ гр. Бобринскаго. „Развитіе благотворительности въ борисоглѣбскомъ уѣздѣ — говоритъ уполномоченный Особаго Комитета — совпадаетъ съ пріѣздомъ княгини Е. Г. Волконской. До этого времени какъ уѣздный благотворительный комитетъ, такъ и участковые комитеты проявляли только самую слабую дѣятельность. Княгиня Е. Г. Волконская объѣхала наиболѣе нуждающіяся мѣстности и сумѣла привлечь къ дѣлу земскихъ начальниковъ, становыхъ приставовъ, помѣщиковъ, священниковъ, желѣзнодорожныхъ дѣятелей, купцовъ, крестьянъ и цѣлый рядъ частныхъ лицъ. Послѣ проѣзда княгини во многихъ мѣстностяхъ стали открываться столовыя и пекарни, *которыя до того времени въ уездѣ вовсе не было*“. Припомнимъ, что точно такое же или даже еще болѣе значеніе имѣла, для лукояновскаго уѣзда, поѣздка В. Г. Короленко. Не характеристично ли, что частному лицу, нигдѣмъ ни на что не уполномоченному, пришлось „привлекать къ дѣлу“ чиновниковъ, обязанныхъ, въ силу своего званія, заботиться о народѣ? Не ясно ли, что благотворительность *par ordre* только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ можетъ возвышаться надъ холоднымъ формализмомъ, а иногда можетъ спускаться и до бездушія, до противодѣйствія всякому доброму начинанію? Въ другихъ уѣздахъ тамбовской губерніи вліаніе частныхъ лицъ проявилось не такъ рѣзко, потому что распредѣлилось между болѣшимъ числомъ лицъ — но первое мѣсто осталось за нимъ рѣшительно вездѣ, кромѣ спасскаго уѣзда, гдѣ „частная благотворительность почти отсутствуетъ и представителями благотворительной помощи являются почти исключительно земскіе начальники“. Зато въ одномъ только спасскомъ уѣздѣ „организация благотворительной помощи не можетъ считаться удовлетворительною“. О дѣятельности земскихъ начальниковъ тамбовской губерніи по выдачѣ продовольственныхъ ссудъ гр. Бобринскій выражается такъ: „конечно, весьма многое зависитъ отъ личностей. Гдѣ земскіе начальники энергичны и дѣятельны, тамъ, благодаря ихъ заботамъ, населеніе всегда знаетъ лицо, къ которому оно должно обратиться, и сознаетъ, что вблизи проживаетъ начальникъ, заботящійся о нуждахъ населенія, который не допуститъ крестьянъ впасть въ крайность“. Какъ великъ, въ тамбовской губерніи, процентъ „энергичныхъ и дѣятельныхъ земскихъ начальниковъ“ — объ этомъ уполномоченный Особаго Комитета не говоритъ. Въ области благотворительности дѣятельность земскихъ начальниковъ обратила на себя его вниманіе только въ козловскомъ уѣздѣ. Что касается до уполномоченнаго Особаго Комитета по казанской губерніи, то, сходясь съ уполномоченнымъ по губерніи самарской (г. Юзефовичемъ) въ признаніи „огромной пользы“, принесенной земскими

начальниками въ борьбѣ съ голодомъ, онъ называетъ только одного земскаго начальника (г. Малова, въ мамадышскомъ уѣздѣ), особенно выдѣлившагося своей заботливостью о голодающихъ.

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable... Можно ли было ожидать, что послѣ всѣхъ раскрытій, сдѣланныхъ въ лукояновскомъ уѣздѣ, послѣ установленія тамъ новыхъ порядковъ, которымъ обязались подчиняться всѣ уцѣлѣвшіе мѣстные дѣятели, опять придуть оттуда вѣсти объ официальныхъ преградахъ, противопоставляемыхъ благотворительности? Между тѣмъ, вотъ что сообщилъ нижегородскій губернаторъ въ засѣданіи губернской продовольственной комиссіи, происходившемъ 10-го мая: „завѣдующему въ селѣ Наруксовѣ, лукояновскаго уѣзда, санитарнымъ отрядомъ врачу Русейкину было поручено на деньги, пожертвованныя англичанами, открыть столовую, гдѣ онъ признаетъ нужнымъ. Врачъ Русейкинъ довель до моего свѣденія о затрудненіяхъ, оказываемыхъ ему въ этомъ дѣлѣ мѣстнымъ земскимъ начальникомъ Желѣзновымъ. Я просилъ предсѣдателя продовольственной комиссіи разобрать это дѣло и получилъ увѣдомленіе, что Русейкинъ никакъ не можетъ добиться отъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія именныхъ списковъ неимущихъ домохозяевъ; въ своемъ отказѣ сельскія власти прямо ссылаются на запрещеніе земскаго начальника Желѣзнова, что г. Обтяжнову подтвердилъ и сельскій староста села Шагаева Абаймовъ, говоря, что г. Желѣзновъ строго запретилъ ему давать г. Русейкину какія бы то ни было свѣденія о бѣдности. Въ виду такого отношенія со стороны Желѣзнова къ дѣлу народнаго продовольствія, я завѣдываніе въ его участіи этимъ дѣломъ поручилъ поступившему временно на службу въ мою канцелярію почетному мировому судѣ г. Москвы, А. И. Гучкову“. Выслушавъ это по истинѣ удивительное сообщеніе, одинъ изъ членовъ комиссіи, А. С. Гацискій, подчеркнул невозможность равнодушнаго отношенія къ органу административной власти, идущему „какъ бы издѣваясь“, въ разрѣзъ съ рѣшеніями „губернскаго центра“. „Губернскія учрежденія — сказалъ г. Гацискій — признаютъ, на примѣръ, необходимымъ, согласно съ указаніями Особаго Комитета, учрежденіе столовыхъ, а мѣстная власть энергично, сознательно и систематически этому противится“. Губернаторъ отвѣтилъ А. С. Гацискому, что „дѣйствія г. Желѣзнова, какъ земскаго начальника, подлежатъ, вѣроятно, предстоящей ревизіи“. „Въ нашей губерніи,—продолжалъ Н. М. Барановъ,— гдѣ земскіе начальники оказались на высотѣ своего призванія (?а лукояновскій уѣздъ?), они, идя въ продовольственномъ дѣлѣ рука объ руку съ земствомъ, ближайшимъ образомъ вѣдаютъ продовольственную и благотворительную части въ уѣздахъ. Но завѣдываніе этими дѣлами не есть обязательное для земскихъ начальниковъ, и дѣла эти могутъ быть возложены и на другихъ лицъ“. Изъ необязательности

благотворительныхъ занятій для земскаго начальника вытекаетъ, какъ намъ кажется, только одно: право его отъ нихъ отказаться. Пока онъ ихъ несетъ на себѣ, онъ не можетъ не вносить и въ нихъ officialнаго характера своей власти. Развѣ частное лицо, завѣдующее, въ данной мѣстности, благотворительной организаціей, могло бы, на примѣръ, запретить сельскому старостѣ сообщать руководителю санитарнаго отряда свѣденія о наиболѣе нуждающихся семействахъ? Не ясно ли, что г. Желѣзновъ дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, именно какъ *начальникъ*, и что отвѣтственность его за противодѣйствіе добродѣлю не можетъ и не должна исчерпываться устраненіемъ его отъ дальнѣйшаго завѣдыванія благотворительною помощію? Можно ли ожидать, притомъ, что земскій начальникъ, удаленный высшею губернской властью отъ участія въ самомъ важномъ, въ данную минуту, дѣлѣ, сохранить нравственный авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія? Можно ли быть увѣреннымъ, что онъ не будетъ мѣшать, за кулисами, своему замѣстителю въ области благотворительности? Больше чѣмъ когда-либо мы продолжаемъ думать, что единственной нормальной развязкой лукояновскаго инцидента можетъ послужить только обновленіе всего уѣзднаго административнаго персонала, замѣшаннаго въ печальной исторіи замалчиванія голода и игнорированія голодныхъ. Въ одномъ изъ поучительныхъ фельетоновъ, помѣщаемыхъ В. Г. Короленко въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, подѣ заглавіемъ: „По нижегородскому краю“, приведенъ любопытный разговоръ о бывшемъ предсѣдателѣ лукояновской уѣздной земской управы, г. Валовѣ. Мѣстный обыватель, признавая „неопытность и нѣкоторую неумѣлость“ г. Валова, выразился о немъ такъ: „была, конечно, маленькая неосторожность: довѣрчивъ. Да вѣдь и то сказать: вѣдь онъ въ рукахъ былъ у тѣхъ людей, которые его послѣ и мерзили. Почему же, спрашивается, если что не такъ, они его не наставили?“ Если таково мнѣніе лукояновцевъ о г. Валовѣ, то что же они должны думать, сравнивая постигнутою его участіемъ съ безмятежнымъ процвѣтаніемъ другихъ „дѣятелей“, въ пассивѣ которыхъ записано, передъ лицомъ всей Россіи, нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ „неопытность“ и „неумѣлость“? Недоумѣніе становится еще сильнѣе, если припомнить, что для удаленія предсѣдателя земской управы не указано въ законѣ нормальныхъ путей, а для удаленія земскихъ начальниковъ они существуютъ. Правда, г. Валовъ — купецъ, а лукояновскіе земскіе начальники и ихъ предводитель — дворяне; но принадлежность къ купеческому сословію никѣмъ еще до сихъ поръ не провозглашалась обстоятельствомъ увеличивающимъ вину или упражняющимъ необходимость предвзительно въ ней убѣдиться.

Воспоминаніе о г. Валовѣ—далеко не единственная причина, мѣшающая намъ присоединиться къ восторгу, съ которымъ значительная часть періодической печати встрѣтила извѣстную филиппику генерала Баранова противъ „Гражданина“. Несомнѣнныя заслуги нижегородскаго губернатора въ продолженіе второго фазиса борьбы съ голодомъ (повторяемъ еще разъ: *только вторю*) не изгладили изъ нашей памяти воспоминанія о многихъ чертахъ прежней его дѣятельности, вполне достойныхъ одобренія кн. Мещерскаго ¹⁾. Мы нисколько не удивились, узнавъ изъ „защитительной рѣчи“ редактора „Гражданина“ (см. № 125 этой газеты), что генераль Барановъ „писалъ ему горячія письма съ изъявленіемъ горячаго сочувствія *Гражданину*, любезно заботился о вербовкѣ для него подписчиковъ, называя его органомъ *порядочныхъ людей*, въ отличіе отъ другихъ органовъ *сволочи*“. Нападенія генерала Баранова на кн. Мещерскаго и нападенія кн. Мещерскаго на генерала Баранова имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, значеніе размолвки между лицами, еще недавно шедшими рука объ руку и принадлежащими—или, по меньшей мѣрѣ, принадлежавшими—къ одной и той же политической группѣ. Это—явленіе однородное съ перестрѣлкой, загорающейся, отъ времени до времени, между „Гражданиномъ“ и „Московскими Вѣдомостями“ и напоминающей извѣстную поговорку: „милые бранятся—только тѣшатся“. Мы понимаемъ, что для постороннихъ зрителей вражда прежнихъ друзей представляетъ нѣкоторый интересъ, и притомъ интересъ скорѣе пріятнаго, чѣмъ непріятнаго свойства (*duobus litigantibus tertius gaudet*); мы понимаемъ, что по тому или другому вопросу можетъ быть совершенно правъ одинъ изъ спорящихъ (какъ, безъ сомнѣнія, совершенно правъ въ лукояновскомъ инцидентѣ генераль Барановъ)—но мы не думаемъ, чтобы самый фактъ спора долженъ былъ измѣнять наше отношеніе къ одному изъ его участниковъ. Нельзя не замѣтить, также, что засѣданіе официальной комиссіи—не совсѣмъ подходящее мѣсто для полемики съ газетой, и что согласіе членовъ комиссіи съ предсѣдателемъ, къ которому они почти всѣ состоятъ въ отношеніяхъ подчиненности или зависимости, ничуть не увеличиваетъ авторитетность мнѣнія, высказаннаго послѣднимъ. Еслибы мы нашли нужнымъ разбирать самое существо обвинительной рѣчи, направленной генераломъ Барановымъ противъ кн. Мещерскаго, то мы могли бы указать въ ней—рядомъ съ удачной, но едва-ли оригинальной и новой характеристикой редактора „Гражданина“,—не мало подробностей, вовсе не заслуживающихъ сочувствія. Сюда относится, напримѣръ, возведеніе кн. Мещерскаго на степень „государственнаго преступника“, или утвержденіе, что „вся неурядица Лукоя-

¹⁾ Припомнимъ, напримѣръ, случаи армарочной расправы, объ одномъ изъ которыхъ мы говорили въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1887 г. (Внутр. Обозрѣніе).

нова—плодъ усерднаго чтенія *Гражданина*“. Нѣтъ, лукояновская неурядица имѣеть гораздо болѣе глубокіе и далеко развѣтвленные корни; нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы старались показать въ майскомъ внутреннемъ обзорѣннѣ, тѣсно связаны съ осенними распоряженіями и рѣчами самого генерала Баранова, въ свою очередь отражавшими въ себѣ другія, широко распространенныя теченія.

Прежде чѣмъ разстаться съ журналами нижегородскихъ губернскихъ учреждений, приведемъ изъ нихъ одинъ фактъ, мало замѣченный нашею печатью, но весьма характеристичный. Въ виду угрожающаго роста эпидемій (въ особенности, конечно, въ злополучномъ лукояновскомъ уѣздѣ), Д. И. Шишмаревъ былъ командированъ изъ Нижняго-Новгорода въ Москву, съ цѣлью привлеченія новыхъ силъ къ борьбѣ съ заразой. Въ засѣданіи губернскаго благотворительнаго комитета 12-го апрѣля онъ доложилъ, что обязанъ успѣхомъ своей командировки содѣйствію доктора Спизарнаго (ассистента профессора Склифасовскаго), который „ѣздилъ самъ и посылалъ другихъ и самого г. Шишмарева къ врачамъ и студентамъ“. „Не доктора Спизарнаго вина, — продолжалъ г. Шишмаревъ, — что студенты не пріѣхали; студентовъ (готовыхъ ѣхать) было больше, чѣмъ нужно, молодежь рвалась на борьбу съ эпидеміей, считая это дѣломъ чести, но они вынуждены были остановиться, встрѣтаясь съ рѣшеніемъ попечителя гр. Капниста, ректора Боголѣпова и инспектора Боброва, заявившихъ, что студентъ, не вернувшійся къ 15-му апрѣля, останется на лишній годъ въ университетѣ. Считаю необходимымъ доложить, что многіе студенты предлагали мнѣ, не обращая вниманія на угрозу, ѣхать, рискуя своею будущностью; такимъ образомъ я имѣлъ полное содѣйствіе медицинскаго факультета“. Комментаріи излишни.

Намъ нѣсколько разъ приходилось касаться вопроса, съ чѣмъ Россія имѣла дѣло минувшей зимой—съ голодомъ или только съ „обостренной нуждой“? Одинъ изъ читателей нашего журнала прислалъ намъ, какъ матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ, печатный экземпляръ письма епископа оренбургскаго и уральскаго, отъ 6-го января 1892 г., на имя епископа туркестанскаго и ташкентскаго, приславшаго тысячу рублей для раздачи „голоднымъ страдальцамъ“ оренбургской епархіи. Приводимъ отрывки изъ этого документа, и до сихъ поръ сохранившаго глубокой интересъ. „Общее количество голодающихъ людей въ моей епархіи, — пишетъ преосвященный Макарій, — которые не имѣютъ дневнаго пропитанія и не могутъ его ни откуда получить, кромѣ какъ отъ христіанской благотворительности, достигаетъ въ настоящее время 60 тысячъ. Многіе сидятъ по нѣскольку дней въ своихъ жилищахъ, не прикасаясь къ пищѣ, такъ что совершенно изнемогаютъ и принуждены бывають слезъ въ по-

стель; нѣкоторые отъ голода доходятъ до полной потери сознанія, такъ что случалось, что они переставали уже понимать свои физическія потребности въ пищѣ и, когда имъ давали что-либо съѣсть, не прикасались къ пищѣ и вообще были совершенно безучастны къ ней; у другихъ слабость отъ голода доходила до того, что они не могли даже жевать пищу; скулы не двигались; нѣкоторые, наконецъ, доходили отъ голода до безумія, отчаянія и крайняго несчастія. Для утоленія голода люди ѣдятъ все, чѣмъ можно хотя на мгновеніе утолить желудокъ: негодныя внутренности животныхъ, траву, корни камыша, даже глину. Еслибы вамъ удалось видѣть тотъ травяной хлѣбъ, который приготовляетъ себѣ народъ въ челябинскомъ и другихъ уѣздахъ епархіи, вы пришли бы въ ужасъ. Помощь крайне слаба, такъ что даже получающіе ее сильно голодаютъ. Малютки до пяти лѣтъ какъ бы вовсе обречены на то, чтобы не жить; да и старшимъ-то при 15 фунтахъ въ мѣсяцъ нельзя прокормиться, такъ какъ у нихъ помимо этихъ 15 фунтовъ совершенно нечего ѣсть". Подобныя свидѣтельства необходимо сохранять въ памяти не только потому, что они бросаютъ яркій ретроспективный свѣтъ на ближайшее прошлое, но и потому, что они должны служить предостереженіемъ въ виду возможнаго будущаго. Даже ближайшій урожай нельзя считать обезпеченнымъ; изъ нѣкоторыхъ губерній—въ томъ числѣ и такихъ, которыя официально считались пострадавшими въ минувшемъ году (тульской, орловской, воронежской)—еще недавно приходили весьма неутѣшительныя вѣсти. Дожди, шедшіе во второй половинѣ мая, нѣсколько улучшили состояніе посѣвовъ, но не вездѣ, повидимому, устранили вредное вліяніе продолжительной засухи. Гдѣ бы ни оказалась нужда, правительство и общество, наученныя печальнымъ опытомъ, должны быть готовы ее встрѣтить и не допустить такихъ ея проявленій, какія описаны въ письмѣ епископа оренбургскаго.

Отъ времени до времени въ нашей печати, общей и спеціально-педагогической, всплываетъ на верхъ старый вопросъ объ экзаменахъ, сохраняющій всю свою жгучесть для родителей и дѣтей, для учащихся и учащихъ. Среди различныхъ мнѣній, высказанныхъ недавно по этому вопросу, особеннаго вниманія заслуживаетъ одно, уже въ виду источника, изъ котораго оно исходитъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ официальнаго изданія, озаглавленнаго: „Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству“ (1892 г., № 10), напечатана, по распоряженію оберъ-прокурора св. синода, „Записка одного изъ педагоговъ объ экзаменахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ“, вполнѣ примѣнимая къ экзаменамъ вообще, гдѣ бы они ни производились. Опровергая обычную аргументацію въ пользу экзаменовъ, авторъ доказы-

ваетъ, что они не выдерживаютъ критики ни какъ средство оцѣнки учениковъ, ни какъ средство контроля надъ учителями, ни какъ способъ наверстать упущенное въ теченіе года или объединить, обобщить пріобрѣтенныя свѣденія. Въ настоящемъ своемъ видѣ экзамены—*лотерея*, гдѣ все зависитъ отъ удачно или неудачно взятаго билета. Авторъ стоитъ не за совершенное уничтоженіе экзаменовъ, а за низведеніе ихъ съ господствующаго мѣста, которое они теперь занимаютъ. Главное зло, по его убѣжденію, заключается въ самомъ устройствѣ и духѣ обученія, „въ равнодушіи тѣхъ, кто учитъ и руководить ученіемъ, въ отсутствіи тѣсной связи учителей съ учениками, въ недостаткѣ единства, энергіи и ревности корпорацій“. Онъ возстаетъ всего сильнѣе противъ *многоченія* и противъ *формализма*, рекомендуетъ упрощеніе курсовъ и живое, сердечное отношеніе учащаго къ учащимся. Въ экзаменахъ онъ желалъ бы видѣть обыкновенную ренетицію, безъ торжественной обстановки, усугубляющей трепетъ въ сердцахъ учениковъ, безъ рѣшающаго вліянія на переводъ изъ класса въ классъ. Все это—мысли весьма здравыя, которыя не мѣшало бы имѣть въ виду и руководителямъ свѣтской школы. Конечно, осуществленіе ихъ на практикѣ сопряжено съ величайшими затрудненіями. Гораздо легче отмѣнить экзамены, чѣмъ измѣнить систему преподаванія и взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; но самое легкое не всегда бываетъ самымъ цѣннымъ. Въ ближайшемъ будущемъ корпораціи учащихся едва-ли проникнутся энергіей и единствомъ, едва-ли сбросятъ съ себя иго равнодушія и рутины. Вѣдь у насъ теперь, собственно говоря, вовсе даже и нѣтъ учащихся *корпорацій*; все направлено къ тому, чтобы отдѣльныя лица шли вразбродъ, соединяясь въ одно цѣлое только волею начальства. Нѣтъ, точно также, надежды освободиться отъ *многоченія*, пока краеугольнымъ камнемъ средняго образованія служатъ древніе языки. Къ идеаламъ, намѣченнымъ авторомъ записки, можно будетъ приблизиться только тогда, когда измѣнится вся атмосфера, въ которой дѣйствуетъ наша школа, духовная и свѣтская; но объ идеалахъ не бесполезно напоминать и тогда, когда они, въ данную минуту, неосуществимы.

Въ концѣ одного изъ засѣданій здѣшней городской Думы за истекшій мѣсяцъ, именно 13-го мая, городской голова, В. И. Лихачевъ, сложилъ съ себя это званіе не болѣе какъ за годъ до окончанія срока, на который онъ былъ избранъ, и послѣ семи лѣтъ отправленія имъ этой высшей выборной должности по городскому общественному управленію. Передъ тѣмъ, двадцать лѣтъ сряду, начиная съ 1865 г., онъ былъ избираемъ въ гласные Думы, и теперь возвращается въ ихъ составъ на послѣдній для всѣхъ гласныхъ годъ дѣя-

тельности ихъ при дѣйствіи Городового Положенія 1870 года. Объявляя о томъ собранію Думы, городской голова самъ разъяснилъ причины, побудившія его на такой шагъ, несмотря на близость срока, на который онъ былъ избранъ, и несмотря на то, что какъ разъ въ это же самое время былъ уже устраненъ и тотъ glaringный мотивъ къ его удаленію, на который онъ ссылался въ своей рѣчи, а именно, — сообщалось въ газетахъ, — правительствующій сенатъ призналъ вполне правильною — сильную поддержку оказанную ему Думою — освобожденіемъ его отъ всякой отвѣтственности по извѣстному продовольственному дѣлу, о которомъ мы имѣли случай говорить. Приступая къ своему заявленію Думѣ, городской голова сказалъ слѣдующее:

„На это заявленіе я рѣшился пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ декабрѣ прошлаго года; но не считалъ себя вправѣ исполнить мое намѣреніе прежде, чѣмъ дѣло о покупкѣ управою либавской муки не будетъ кончено. Теперь дѣло это пришло къ концу.

„Когда возникло это дѣло, я здѣсь, въ Думѣ, публично удостовѣрилъ, что въ операціи покупки муки въ Либавѣ есть ошибка, неудача, но нѣтъ злоупотребленія. Образованная затѣмъ Думою изъ 12 гласныхъ комиссія, которую, конечно, никто не упрекнетъ въ снисходительности или недостаточной строгости, послѣ мѣсячной ревизіонной работы, подтвердила мною сказанное, приди къ заключенію, что въ дѣйствіяхъ членовъ управы не было ни корыстныхъ, ни неблаговидныхъ цѣлей, — стало быть, не было ничего позорящаго городское общественное управленіе.

„Здѣсь же, въ Думѣ, я заранѣе удостовѣрилъ, что городская касса, а съ тѣмъ вмѣстѣ и городское населеніе никакого отъ этой операціи ущерба не понесутъ; тогда же, въ обезпеченіе могущихъ быть убытковъ, управа внесла 100.000 рублей и, подчиняясь постановленію Думы 19-го февраля нынѣшняго года, приняла въ свое распоряженіе весь купленный товаръ съ обязательствомъ возратить въ городскую кассу, въ теченіе шести мѣсяцевъ, т.-е. къ 19-му августа текущаго года, всю сумму, израсходованную по этой операціи. Теперь и это дѣло кончено: вся, принятая управою, либавская мука продана, и такъ какъ, вслѣдствіе паденія, въ послѣднее время, въ Петербургѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, цѣны на хлѣбные товары, внесенныхъ управою 100.000 рублей оказалось недостаточно, то управа дополнила первоначальный свой взносъ суммою, покрывшею разницу между покупною и продажною цѣною. Въ сообщенной мнѣ сегодня въ 1 часъ пополудни справкѣ бухгалтеріи городской управы удостовѣряется: 1) что „на покупку управою, черезъ Пухерта, муки съ ея доставкою, храненіемъ, страхованіемъ и сортировкой израсходовано изъ городской кассы всего 320.150 р. 13 к., и 2) что въ возвратъ означенной суммы по сегодняшній день, 13-го мая, уже поступило въ городскую кассу наличными деньгами 274.998 р. 74 к.“; оставшая же сумма 45.151 р. 39 к. за проданную муку имѣетъ поступить въ теченіе не далѣе двухъ мѣсяцевъ, и по всей вѣроятности, по состоянію рынка, гораздо раньше, отъ покупателейъ муки, обезпечившихъ платежи купленнымъ ими товаромъ и продажными сдѣлками.

Такимъ образомъ, вся сумма, израсходованная изъ городской кассы на покупку хлѣбнаго товара черезъ Пухерта, полностью возвращается въ нее ранѣе срока, назначеннаго городской Думою.

„Наконецъ, сегодня въ правительствующемъ сенатѣ разматривается возбужденное прокурорскимъ надзоромъ дѣло о дѣйствіяхъ личнаго состава городской управы по хлѣбной операціи ¹⁾. Каково бы ни было имѣющее состояться въ сенатѣ рѣшеніе, я считаю себя вправѣ исполнить сегодня то, что, до окончанія дѣла, я откладывалъ съ декабря мѣсяца.

„Работая въ городскомъ общественномъ управленіи съ 1865 года, непрерывно 27 лѣтъ, я на двадцать-шестомъ году своей дѣятельности увидѣлъ здѣсь впервые такое отношеніе къ общественному дѣлу, послѣ котораго служить ему становится невозможнымъ.

„Нужно быть очень близорукимъ, либо же не желать быть зоркимъ, чтобы не видѣть и не понимать того, что во имя общественныхъ интересовъ тѣ, кто ими въ дѣйствительности никогда не дорожилъ и имъ искренно никогда не служилъ и служить не будетъ, воспользовались ошибкою, случившеюся въ городскомъ управленіи, чтобы позорить это управленіе и лицъ, входящихъ въ его составъ. Къ такому отношенію къ общественному дѣлу, выразившемуся не только со стороны нѣкоторыхъ органовъ печати, но и со стороны лицъ, сфера дѣятельности которыхъ должна бы быть чуждою узкихъ партійныхъ и личныхъ цѣлей,—я равнодушнымъ оставаться не могу и не хочу.

„Притомъ, для успѣшнаго веденія такого большого, сложнаго, обставленнаго всякими трудностями и отвѣтственнаго дѣла, какъ городское хозяйство, нужно имѣть опору въ васъ, милостивые государи, а этой опоры и поддержки въ тяжеле для меня дни, начиная съ 18-го декабря прошлаго года, я не нашелъ. Кроме того, нужны еще спокойствіе и силы,—а я усталъ: усталъ не отъ работы, а отъ тѣхъ невозможныхъ условий, при которыхъ въ послѣднее время приходилось работать.

„Поэтому, я слагаю съ себя должность с.-петербургскаго городского головы, о чемъ и имѣю честь заявить городской Думѣ.—Объявляю собраніе закрытымъ“.

Мы приводимъ эту рѣчь городского головы по газетному тексту, а потому не ручаемся за точность всѣхъ ея выраженій, но лица, бывшія въ томъ засѣданіи, подтверждали намъ точность тѣхъ немногихъ, но существенныхъ въ настоящемъ случаѣ словъ, которыя подчеркнуты нами, а именно: ссылку на утомленіе, вслѣдствіе отсутствія поддержки со стороны большинства Думы въ послѣднемъ дѣлѣ по продовольствію города, то-есть, въ теченіе не болѣе какъ только послѣднихъ четырехъ-пяти мѣсяцевъ, начиная съ 18-го декабря; но на недостатокъ поддержки со стороны Думы въ теченіе цѣлыхъ семи

¹⁾ Правительствующій сенатъ отклонилъ предложеніе оберъ-прокурора о возбужденіи уголовного преслѣдованія противъ городской управы—сообщали газеты.

предшествующихъ лѣтъ его дѣятельности, какъ городского головы, на поприщѣ городского хозяйства, онъ не жаловался, да и не могъ жаловаться, такъ какъ всѣ его начинанія на пользу города встрѣчали въ Думѣ постоянную поддержку — или иначе давно бы отразилось это на самомъ хозяйствѣ, и предсѣдатель гораздо прежде почувствовалъ бы себя утомленнымъ. Мы, однако, охотно вѣримъ, что усталость могла явиться только отъ послѣднихъ пяти мѣсяцевъ, а не отъ семи предшествующихъ имъ лѣтъ, но намъ кажется, что причина усталости все-таки заключается не тамъ, гдѣ ее искалъ городской голова въ своемъ послѣднемъ заявленіи. И въ печати, и въ самой Думѣ, не разъ говорилось о невозможномъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, положеніи вообще городского головы, какъ предсѣдателя неотвѣтственнаго собранія, — какимъ является Дума, распоряженія которой находятся всегда подъ узаконеннымъ контролемъ, а потому могутъ быть всегда опротестованы, — и какъ предсѣдателя отвѣтственнаго предъ Думою исполнительнаго органа, городской управы. Съ другой стороны, Дума должна всегда разсматривать дѣла управы, дѣйствующей подъ предсѣдательствомъ городского головы, и имѣть въ то же время своимъ предсѣдателемъ предсѣдателя городской управы — несообразность такого положенія дѣлъ въ городскомъ общественномъ управленіи слишкомъ очевидна, чтобы на ней долго настаивать; все происшедшее въ здѣшней городской Думѣ и повторяющееся также въ другихъ — служить только иллюстраціею къ общему положенію дѣла...

Въ Саратовѣ скончался недавно, 38 лѣтъ отъ роду, Н. Е. Петровпавловскій, заслужившій, подъ псевдонимомъ Коронина, если не громкую, то весьма почетную извѣстность. Его рассказы, сначала изъ народнаго быта, потомъ и изъ другихъ сферъ общественной жизни, помѣщались въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Русской Мысли“ и вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Много претерпѣвъ на своемъ вѣку, онъ оставилъ по себѣ во всѣхъ его знавшихъ самую свѣтлую память. Его симпатичная фигура прекрасно обрисована г. Мачтетомъ (въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“), жившимъ вмѣстѣ съ нимъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ одной изъ глухихъ окраинъ Россіи имѣвшимъ возможность оцѣнить высокій душевный строй покойнаго писателя.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

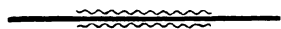
МАЙ — ІЮНЬ, 1892.

Книга пятая. — Май.

	СТР.
ВАСИЛІЙ ТЕРКЕНЬ.—Романъ.—Часть III и послѣдняя.—I-XX.—П. Д. БОБОРЫКИНА	5
Францискъ Ассизскій, апостолъ нищеты.—XIII-й вѣкъ.—В. И. ГЕРЬЕ	86
МАГАЛИ.—Провансальская пѣсня.—БОРИСА БЕРА	112
ВЕРНУЛАСЬ!—Разсказъ.—О. А. ШАПИРЪ	115
На Аонъ.—Изъ путевныхъ замѣтокъ.—X-XI.—Окончаніе.—А. Θ. БРАНДТА	187
Стихотворенія.—I. Не нищеть! II. Закатъ горѣлъ.—С. ФРУГА	215
Религія индусовъ въ эпоху Веда.—VIII-IX.—Окончаніе.—ДМ. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО	217
Стихотворенія.—Изъ Микель-Анджело: I. Флоренція и изгнанники. II. Сопеть. III. Отвѣтъ на письмо. IV. Santare—vivere.—ВАС. ВЕЛИЧКО	243
Письма С. П. Боткина изъ Болгаріи.—21-26.—	246
Виноградникъ Навуога.—Романъ Соммервилля и Россъ.—IX-XV.—А. Э.	268
Творія общеславянскаго языка.—Ант. Будиловича, „Общеславянскій языкъ“.—II.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА	302
Изъ грузинской поэзіи.—Кн. Ав. Церетели: I. Любовь — божественный завѣтъ. II. Переселенцы.—ЯК. ИВАШКЕВИЧА	342
Экономическая программа.—„Неурожай и народное бѣдствіе“.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	345
ХРОНИКА.—По исполненіи государственной росписи на 1891 годъ.—О. Внутреннее Овозрѣніе.—Земскія изслѣдованія о причинахъ, обострившихъ вліяніе неурожая.—Исторія продовольственной организаціи въ лукомовскомъ уѣздѣ.—Общія заключенія, къ которымъ эта исторія приводитъ.—Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1-му апрѣля.—Приостановка переселенческаго движенія.	372
Иностранное Овозрѣніе.—Празднованіе перваго мая въ рабочемъ населеніи западной Европы.—Характеръ и смыслъ этого праздника.—Попытки крайнихъ элементовъ рабочаго движенія.—Анархисты и динамитныя покушенія.—Дѣйствительная роль динамитчиковъ во Франціи и въ другихъ странахъ.—Министерскій кризисъ въ Италіи	395
Литературное Овозрѣніе.—Сочиненія Н. В. Гоголя. Дополн. томъ, вып. 1.—Очерки Гоголевскаго періода, изд. М. Чернышевскаго.—Изъ эпохи великихъ реформъ, Гр. Джаншѣва.—Кіевскій Сборникъ, п. р. И. Лучицкаго.—А. П.—Новыя книги и брошюры	405
Новости иностранной литературы.—I. La démocratie libérale, par E. Vachetot.—II. La Transcaucasie et la péninsule d'Archéon, par C. Gulbenkian.—Л. С.	424
Изъ общественной Хроники.—Новый видъ „откровеннаго направленія“.—Проповѣдники „казенности“ и „подчиненности“.—Борьба противъ „формъ“, ограничивающихъ „усмотрѣніе“.—Вѣсти изъ неурожайныхъ мѣстностей.—Графиня Ел. В. Сальсъ †	428
Биографическій Листокъ.—Стихотворенія А. М. Жемчужникова.—О сношеніяхъ Россіи съ Франціей, П. В. Безобразова.—Этюдъ и очерки по общественнымъ вопросамъ, Э. К. Ватсона.—Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 81.—Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій, т. I, II и III.	

Юнь. — Книга шестая.

	СТР.
Романъ.—Часть третья и послѣдняя.—XXI-XL.—Окончаніе.	
БОБОРЫКИНА	441
Вскій, апостола ѿщети. — XIII-й вѣкъ. — Окончаніе. — В. И.	
РА.—Этюдъ.—I. Завылл. II. Своєю дорогою.—ВЛАД. КА-	519
ИСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ.—А. П. САЛОМОНЪ	546
Лавуея.—Романъ.—Naboth's Vineyard, by Sommerville and M.	
VI-XXI.—А. Э.	571
ИЗМЪ И КНЯЗЬ БИСМАРКЪ.—Критическій этюдъ.—В. Ренненкампфъ,	
ціонныя начала и политическія воззрѣнія кн. Бисмарка. — И.	
ИСКАГО	587
И.—I. Изъ Петѣфи.—II. Изъ Андрея Сабо.—О. МИХАЙЛОВОЙ.	
НАСЛАЖДЕНІЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО.—КН. С. М. ВОЛ-	
ГО	613
ЛЕНКИ РУССКОЙ ВЫЛИНИ.—Всеѣ. Миллеръ, Экскурси въ область	
народнаго эпоса.—А. Н. ПЫПИНА	654
-I. Призракъ счастья.—II. Возрожденіе природы.—III. Весен-	
—В. БУЛГАКОВА	657
Боткина изъ Болгаріи.—27-80	702
ИЗОРАЗУМІЯ ВЪ ТУРЕСТАВЪ.—Н. А. ДИНГЕЛЬШТЕДТА	743
ГРЯНІЕ ОВОЗРВІЯ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1888	
.—Русскій народъ и русское общество.—„Привилегія“ расколь-	
—Штундизмъ и „пашковщина“.—Католицизмъ и лютеранство.—	
ціи добровольческаго надзора надъ сектантами.—Слухи о пред-	
лѣяхъ комиссіи Н. С. Абазы.—Вопросъ о сенаторскихъ реви-	
Положеніе продовольственнаго дѣла къ 1-му мая	747
ВОЗРВІЯ.—Особенности политическаго настроенія въ Германіи,	
ны существующаго недовольства.—Личныя дѣйствія Вильгельма II	
едимыя уступки общественному мнѣнію.—Агитація по поводу	
ице и Люка.—Избирательное движеніе въ Англіи.—Министер-	
зисис въ Италіи и Греціи	768
ВОЗРВІЯ.—Книга о книгахъ, п. р. И. И. Янжула.—Собѣстіан-	
М., Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юри-	
о быта древнихъ славянъ.—Докучаевъ, проф. В. В., Наши стени	
и теперь.—А. В.—Новыя книги и брошюры	806
ЛННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. La morale dans l'histoire, par R. La-	
II. La femme au point de vue du droit public, par M. Ost-	
—Л. С.	829
НОЙ ХРОНИКИ.—Послѣдній фазисъ труднаго періода.—Отчеты	
ченныя Особаго Комитета по губерніямъ тамбовской и казан-	
азныя виды частной помощи голодающимъ.—Продолженіе „ду-	
ой исторіи“ и вызванная ею полемика съ „Гражданиномъ“.—	
етное свидѣтельство о размѣрахъ прошлагоднаго бѣдствія.—По	
объ экзаменахъ.—Отставка городского головы въ Петербургѣ.	
Петропавловскій (Коронинъ) †	843
КІЙ ЛІСТОКЪ.—Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева.—Ранній	
кій гуманизмъ и его исторіографія, М. Корелина.—Собравіе	
въ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными дер-	
т. IX. Составъ Ф. Мартенсъ.—Фортуатовъ, А., и В. В., Итоги	
иссваго изслѣдованія Россіи по давнимъ земской статистикѣ.—	
ическое обозрѣніе Одессы за 1890 годъ.	861

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Стихотворения кн. Д. Н. Цертелеза, 1883—1891 г.
М. 1892. Стр. 170. Ц. 2 р.

Въ поэзии кн. Д. Н. Цертелеза особенно выдаются, какъ известно, тѣ изъ его стихотвореній, источникомъ которыхъ служила ему древнѣйшая литература Индіи, и главную часть, болѣе двухъ третей всего сборника, занимаютъ поэмы, заимствованныя изъ буддѣйскихъ преданій, изъ Дамнада и Шахъ-Намѣ. Многія изъ лирическихъ стихотвореній кн. Д. Н. Цертелеза, числомъ свыше пятидесяти, были знакомы нашимъ читателямъ, но они были помѣщены въ журналы до 1883 г., начиная съ 1877 г., а потому въ настоящій сборникъ изъ нихъ вошло только одно послѣднее стихотвореніе 1888 г.: „Я устаю: тажедо мнѣ дышать, — Словоно прошлое, оставши изъ гроба, — Тихо шепчетъ: — чего еще ждуть? — Впередѣ та же скука и злоба!...“

Равни итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе М. Кореліна. Вып. 1 и 2. М. 92. Стр. 1087. Съ прилож. стр. 73.

Главная задача этого солиднаго во всѣхъ отношеніяхъ и строго-научнаго труда состояла въ томъ, чтобы, опираясь исключительно на документальныя источники, опредѣлить сущность гуманистическаго движенія, указать его результаты, насколько они обнаружены въ эпоху Возрожденія, и причины, сокротившія въ литературѣ того времени, выступившей на сцену средневѣковыхъ идей. Самъ авторъ, формулируя этикетъ на поставленный имъ вопросъ о сущности возрождавшагося въ XV столѣтіи гуманизма, указываетъ два существенныхъ его признака, наблюдаемыхъ въ литературѣ гуманизма: волненіе въ ней индивидуализма и возвращеніе къ классическому отъ схоластики. Индивидуализмъ обратилъ вниманіе человека на собственный его внутренній міръ и вызвалъ интересъ вообще къ человеку и къ окружающей его природѣ. Для дальнѣйшей научной разработки эпохи Возрожденія, трудъ автора имѣетъ весьма важное значеніе, какъ полный сводъ литературы этой эпохи; но и помимо научнаго интереса, читатель найдетъ въ критическомъ изслѣдованіи г. Кореліна много новаго для себя въ тѣхъ его главахъ, которыя посвящены спеціально такимъ двумъ представителямъ гуманизма, какъ Петрарка и Боккаччіо. Исходный авторомъ трудъ есть результатъ многолѣтнихъ работъ, и еще въ 1885 г. въ нашемъ журналѣ былъ помѣщенъ одинъ изъ этюдовъ автора, который относился къ эпохѣ Возрожденія и послужилъ, вѣроятно, одною изъ подготовительныхъ его работъ. Мы постараемся еще возвратиться къ этому труду, чтобы ближе ознакомить читателей съ тою его стороною, которая несомнѣнно представляется и общій интересъ, заключающійся въ самой эпохѣ Возрожденія — этою первоисточникъ новѣйшей цивилизаціи, известной подъ общими именемъ — „европейской“. — Борьба обскурантизма съ возрождавшимся тогда гуманизмомъ не прекратилась собственно и дониндѣ — измѣнились только формы и пріемы, — и по истеченіи четырехъ вѣковъ обскурантизмъ утратилъ только прежнюю интенсивность.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ состав. Ф. Мартенсъ. Т. IX (X): Трактаты съ Англіею, 1710—1801 г. Спб. 92. Стр. 441.

Новый выпускъ починаетъ новую серію собранія и открывается обстоятельнымъ историческимъ очеркомъ отношеній Россіи и Англіи съ 1554 года по начало царствованія Петра Великаго; самое же собраніе документовъ обнимаетъ собою весь XVIII-й вѣкъ, когда въ эпоху вооруженнаго нейтралитета при Екатеринѣ II совершился переходъ въ отношеніяхъ этихъ двухъ странъ, и старая связь прежнихъ „естественныхъ друзей“ была разорвана; временное обляженіе ихъ при имп. Павлѣ I не имѣло значенія, и въ эпоху наполеоновскихъ войнъ послѣдовало, начиная съ 1801 г., полный разрывъ. Для будущаго историка нашихъ отношеній въ западнымъ государствамъ настоящее изданіе представляетъ много весьма цѣнныхъ матеріаловъ.

Фортуатовъ, А., и В. В. — Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи, по даннымъ земской статистики. Т. I. М. 92. Стр. 600. Ц. 3 р. 50 коп.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены два изслѣдованія: А. Фортуатова: „Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства“, и В. В.: „Крестьянская община“. Въ слѣдующихъ выпускахъ предполагается издать подобныя же монографіи, посвященныя видѣльнымъ крестьянскимъ арендамъ, распредѣленію крестьянскаго землевладѣнія, составу крестьянскихъ дворовъ, крестьянскому земледѣлію и скотоводству. Если прежнее изданіе оставило по себѣ значный памятникъ своей дѣятельности, то эти именно въ трудахъ по статистикѣ сельскаго хозяйства; до сихъ поръ они страдали однимъ существеннымъ недостаткомъ — недостаткомъ явленія въ нихъ, а потому и оставались погребенными въ архивахъ земскихъ управъ. Настоящее, частное, а потому и весьма затруднительное предпріятіе имѣетъ цѣлью вывести общіе результаты и группировать по предметамъ даннаго сельскаго хозяйства, разбросанныя въ изданіяхъ отдѣльныхъ земствъ. Предъ нами первый опытъ такого труда, доказавшій всю его пользу, а потому нельзя не пожелать, чтобы такое изданіе нашло себѣ поддержку въ самомъ обществѣ.

Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 г. Изданіе одесскаго городского общественнаго управленія. Од. 92. Стр. 301 и 63.

Изъ настоящаго изданія видно, что въ такомъ городѣ, какъ Одесса, принадлежащемъ къ числу первоклассныхъ городовъ, нельзя имѣть подлинной цифри населенія; о приведенной же цифрѣ 313,687 душъ обоего пола сама издательница говоритъ, что она „забуждаетъ сомніе“. Будемъ надѣяться, что мѣстное городское общественное управленіе при новомъ изданіи постарается положить конецъ подобнаго рода сомнѣніямъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1892 г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— ВЫХОДИТЪ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Съ перваго іюня открыта подписка на вторую половину 1892 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются **ИЗВѢЩЕНІЯ** и **ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожителства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

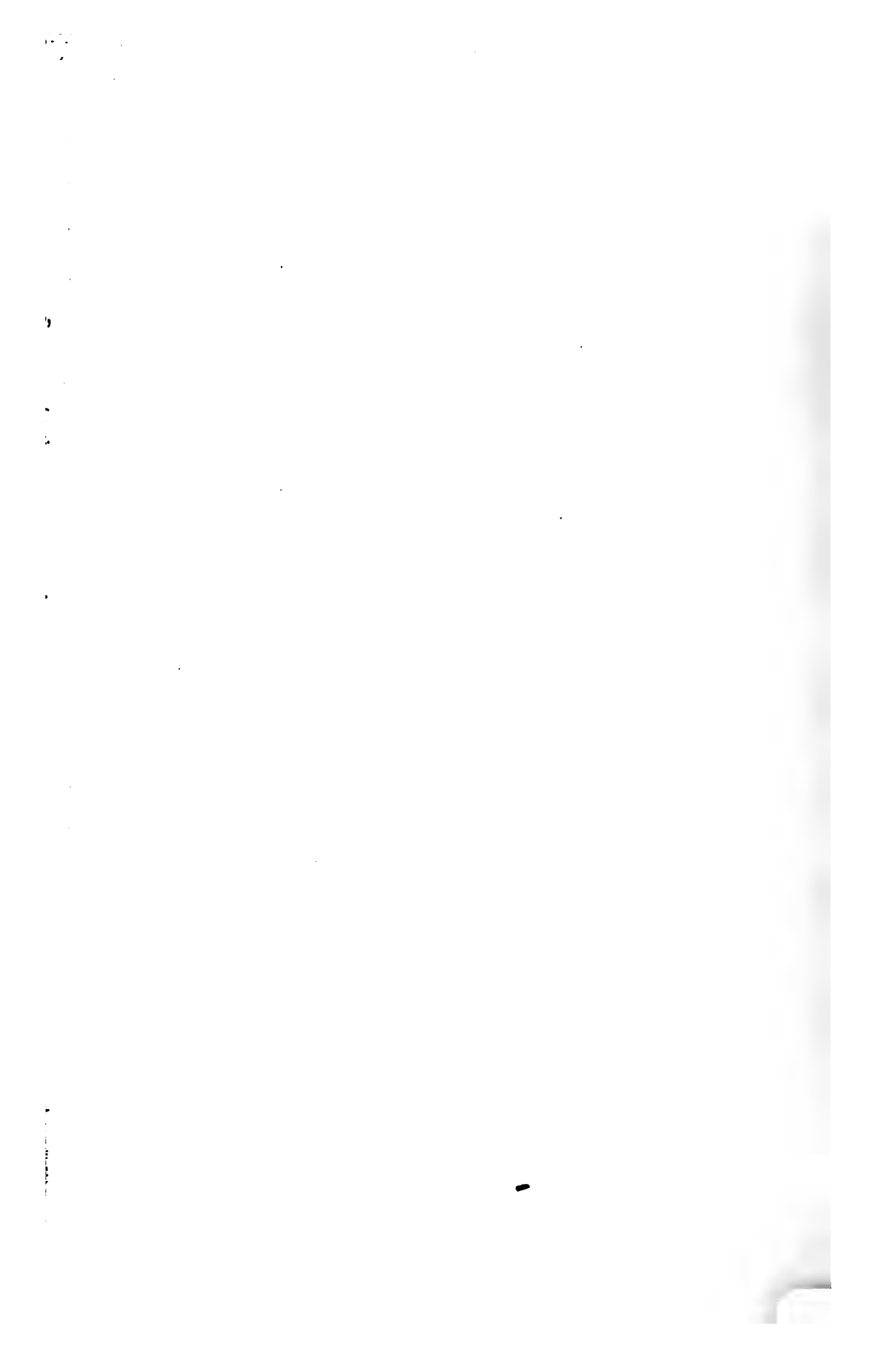
Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

DUE NOV 16 1919

SEP 3 '57 H